

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт социальных наук
Социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СТАТИСТИКИ ПО ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра социологии
ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

ЭКСПЕРТНЫЕ ИНСТИТУТЫ В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ БЕЗОПАСНОГО МИРА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ISBN 978-5-9624-2382-1

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт социальных наук
Социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СТАТИСТИКИ ПО ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра социологии
ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

ЭКСПЕРТНЫЕ ИНСТИТУТЫ В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ БЕЗОПАСНОГО МИРА

Сборник научных трудов

Научный редактор:

доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных

Члены редакционной коллегии:

Антонова Н. Л., Вахтина М. А., Данилов А. Н., Дунаев В. Ю., Ефлова М. Ю.,
Журавлева И. А., Зотов В. В., Курганская В. Д., Кривошеев В. В., Левченко И. Е.,
Ватолина Е. В., Матвеева Е. В., Найденова Л. И., Певная М. В., Саблина Н. А.,
Сигачева Е. Г., Цветкова И. В., Чирун С. Н., Шинкевич В. Е., Шпрах В. В.

Э41

Экспертные институты в условиях построения безопасного мира : сборник научных трудов / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2025. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска.

<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-2382-1.2025.1-707>

ISBN 978-5-9624-2382-1

Издание отражает особенности развития экспертных институтов в условиях построения безопасного мира, приоритетные задачи экспертных центров и экспертных сообществ в цифровую эпоху, роль науки и высшей школы в концепциях национальной безопасности. Авторами издания анализируются проблемы и перспективы применения экспертных технологий и экспертной культуры в процессах принятия государственных решений. Теоретико-методологические и практико-ориентированные подходы в исследовании векторов и тенденций развития экспертных институтов в условиях построения безопасного мира были апробированы на Четвертой международной научно-практической конференции «Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура в условиях построения безопасного мира», посвященной памяти доктора социологических наук, профессора Натальи Леоновны Смакоотиной (г. Иркутск, 10–12 июня 2025 г.). Интерес авторов концентрируется на новом этапе развития экспертных институтов и экспертных взаимодействий в цифровую эпоху в контексте реализации государственных стратегий, проблем мирового и регионального развития, теории и практике экспертной деятельности в условиях построения безопасного мира, роли высшей школы и новых векторах развития образования в России в концепциях национальной безопасности, методологии исследования гражданского общества в современной России. Традиционно в работе освещено «глобально трансформирующееся современное общество» в аспекте формирования экспертного видения безопасного мира среди студенческой молодежи. В издании представлен широкий спектр современных научных подходов и дискурсивных практик социологической и междисциплинарной направленности, отражающих определение методологических основ деятельности экспертных институтов в современных условиях.

Научные материалы предназначены для научно-образовательного сообщества, ведущих субъектов регионального развития, представителей органов власти, бизнеса и общественности, а также для всех, кто интересуется спецификой деятельности экспертных институтов в России и за рубежом в условиях построения безопасного мира.

УДК 316.3
ББК С5в05

IRKUTSK STATE UNIVERSITY
Institute of Social Sciences
Sociological laboratory of regional problems and innovations
TERRITORIAL BODY OF THE FEDERAL BUREAU OF STATISTICS OF IRKUTSK REGION
BELARUSSIAN STATE UNIVERSITY
Sociology Department
CIVIC CHAMBER OF IRKUTSK REGION

EXPERT INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF BUILDING A SAFE WORLD

Collection of papers

Scientific editor:

Doctor of Sociology, full professor T. I. Grabelnykh

Editorial board:

Antonova N. L., Vakhtina M. A., Danilov A. N., Dunayev V. Yu., Eflova M. Yu.,
Zhuravleva I. A., Zotov V. V., Kurganskaya V. D., Krivosheev V. V., Levchenko I. E.,
Vatolina E. V., Matveeva E. V., Naydenova L. I., Pevnaya M. V., Sablina N. A.,
Sigacheva E. G., Tsvetkova I. V., Chirun S. N., Shinkevich V. E., Shprakh V. V.

Expert institutions in the context of building a safe world. Ed. T. I. Grabelnykh]. Irkutsk,: Irkutsk State University Publishing House, 2025.

ISBN 978-5-9624-2382-1

The publication reflects the specifics of the development of expert institutions in the context of building a safe world, the priority tasks of expert centers and expert communities in the digital age, the role of science and higher education in the concepts of national security. The authors of the publication analyze the problems and prospects of using expert technologies and expert culture in government decision-making processes. Theoretical, methodological and practice-oriented approaches to the study of vectors and trends in the development of expert institutions in the context of building a safe world were tested at the Fourth International Scientific and Practical Conference "Expert Institutions in the 21st Century: principles, technologies, culture in the context of building a safe world", dedicated to the memory of Doctor of Sociology, Full Professor Natalia Leonovna Smakotina (Irkutsk, June 10–12, 2025). The authors' interest is focused on the new stage of development of expert institutions and expert interactions in the digital era in the context of the implementation of state strategies, problems of global and regional development, the theory and practice of expert activity in the context of building a safe world, the role of higher education and new vectors of development of education in Russia in the concepts of national security, methodology of research of civil society in modern Russia. Traditionally, the work highlights the "globally transforming modern society" in terms of the formation of an expert vision of a safe world among student youth. The publication presents a wide range of modern scientific approaches and discursive practices of sociological and interdisciplinary focus, reflecting the definition of the methodological foundations of the activities of expert institutions in modern conditions.

The scientific materials are intended for the scientific and educational community, leading subjects of regional development, representatives of government bodies, business and the public, as well as for all those interested in the specifics of the activities of expert institutions in Russia and abroad in the context of building a safe world.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ.....	16
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	18

РАЗДЕЛ 1. ЭКСПЕРТНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ЭКСПЕРТНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: МЕТОДОЛОГИЯ, ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ, ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Грабельных Т. И. Новый «безопасный мир» и его конструирование в научных концептах XXI в.....	23
Антонова Н. Л. Агентность молодежи в оценках научного сообщества: альтруизм и созидание	25
Данилов А. Н. Общественная миссия социологии: история, потенциал, уроки	28
Курганская В. Д., Дунаев В. Ю. Факторы и индикаторы построения справедливого общества в Казахстане: экспертный анализ	34
Сигачева Е. Г., Манзанова Н. Ю. Главный приоритет – здоровье человека	41
Какаулин С. П. Креативность как драйвер развития экономики	46
Самойлова М. А. Урбанизация: историко-демографический аспект	50
Ефлова М. Ю., Максимова О. А. Гражданский активизм молодежи в контексте цифровой трансформации общества: социологическая экспертиза.....	57
Паршина В. Э. Иркутская область на пути к целям устойчивого развития	61
Лещенко Я. А. Деятельность научно-экспертных сообществ по обоснованию государственных проектов и долгосрочных программ развития. Расчёты и просчёты	67
Маслодудова Н. В. Экспертиза традиционных российских ценностей как основы гуманистической цивилизации.....	73
Гладких С. С. Российский политический ландшафт и национальные факторы, влияющие на реализацию антикоррупционной деятельности	77
Найденова Л. И. Научная деятельность аспирантуры (социологические науки) и ее значение для формирования инновационного потенциала региона.....	86
Левченко И. Е. Истоки формирования экспертной культуры в Германии: расово-антропологическая школа и формальная социология.....	89
Порошенко О. Ю. Перспективы философской экспертизы в цифровую эпоху	94
Мартынов М. А. Особенности и динамика развития института губернаторства в Новосибирской области	97
Сакович А. Ю. Социально-демографические характеристики современной белорусской провинции	103
Иванов Р. В., Ларченко Е. Ф. Цифровая трансформация системы государственного управления в деятельности министерства цифрового развития Иркутской области	106
Багрий Е. И. Роль антикризисного PR в устойчивом развитии компании	110
Салтыкова Ю. А., Вырупаева Т. В. Скрытая занятость через призму официальной статистики в секторе малого и среднего предпринимательства в Сибирском федеральном округе.....	112
Пятков М. О. Эволюция бизнес-ассоциаций	115
Гамерник Е. В. Развитие внутреннего туризма в современной России: региональный аспект	120
Ганченко Д. Н. Экспертиза как инструмент государственного финансового контроля на реализацию антикоррупционной политики	122
Затонацкий А. Ю. Военно-гражданские отношения в США: экспертные мнения.....	126
Давыденко Ю. А. Методологические подходы к исследованию социальной напряженности в межгрупповом взаимодействии.....	132
Исупов В. А., Хомченко О. А. Политические и социально-культурные барьеры социологических исследований в России	136
Мухамбеткалиева Г. М. Роль экспертных сообществ Республики Казахстан в формировании государственной политики в XXI веке	139
Шафоростов А. И. Существование мира в свете философской рефлексии	143

Найденев М. С. Социально онтологический анализ проблемы общественного закона в социальной философии.....	146
Мартынов М. А. Управление ресурсным регионом в аспекте цифровой трансформации	155
Киселев И. В. Россия и Латинская Америка. Стратегическое лидерство и перспективы.....	163

РАЗДЕЛ 2. ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЭКСПЕРТНАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ БЕЗОПАСНОГО МИРА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Чирун С. Н. Сложность феномена патриотизма в современной политической науке	168
Зуляр Р. Ю. Становление новой методологии преподавания политических наук в высшей школе	175
Зотов В. В., Зотов М. В. Формирование экспертных пулов в рамках общественно-профессиональной экспертизы на основе нечеткой логики	179
Грабелных Т. И., Янков Ю. П., Куриленкова О. А., Саблина Н. А. Аналитика и экспертиза в сфере управления: современные стратегии и технологии применения в условиях построения безопасного мира	185
Трифонов Р. И., Румянцев И. В. Роль цифровизации в развитии социальных наук	187
Салтыкова Ю. А. Искусственный интеллект как рабочая сила: возможности и ограничения	191
Деренко Н. В., Овечкин Р. А. Анализ ошибок генеративного искусственного интеллекта в экспертном анализе классических задач оптимального раскроя.....	195
Шилова А. Э. Проблема оценки ожиданий населения в современных социально-экономических исследованиях	202
Панфилова А. О. Парки современного города: к экспертным социологическим оценкам	206
Ардашев Р. Г., Рустамзода А. К. Политическая культура сотрудников органов внутренних дел: основные направления и проблемы формирования.....	209
Маслодудова Н. В. «Общество тревоги»: влияние телевидения на общественное мнение о преступности	213
Асатов Б. Р., Вольфсон Е. А. Некоторые аспекты реализации публичных правоотношений с применением искусственного интеллекта в России	217
Кузьмина Е. С. Социальная составляющая в общетеоретических правовых исследованиях	222
Литая Е. В., Овчинникова В. Л. Перспективы развития фундаментальной науки в XXI веке	225
Воронцовская Л. Г. Государственная политика в отношении обеспечения социальной защиты	227
Исупов В. А., Петровская О. А. Миграция как инструмент демографической устойчивости: социальные барьеры	233
Овечкин Р. А., Деренко Н. В. Сравнение возможностей генеративных нейросетей GPT-чат и DeepSeek при экспертном анализе задач оптимального смешения	236
Зайковская А. А., Либенсон И. Р. Эмоциональный интеллект в управлении	242
Лысенко Н. Н., Манвелян Д. М. Счастье как интегральный показатель: роль экономических и социальных индикаторов.....	251
Медведева М. Ю., Малых М. М. Цифровизация пространства потребительской культуры среди молодежи в России: экспертное мнение и оценки.....	255
Лобовикова Е. А. Государственная рекламная кампания как инструмент построения безопасного мира.....	258
Литвинова Д. О., Андриянова Т. В. Экспертные исследования интернет-коммуникации современной молодежи	262
Каблукова В. Е. Региональный туризм в условиях построения безопасного мира.....	267
Сарапулова Л. Н., Грицких Н. В. Влияние творческих социокультурных проектов на социализацию молодежи: анализ успешных практик	269
Скорова Е. С., Андриянова Т. В. Трансформация современных музеев в мнениях и оценках экспертов.....	274
Рудакова Н. В., Каблукова В. Е. Оценка качества Единого информационного регионального портала «Культура 38» в контексте мнений деятелей сферы культуры Иркутской области (по результатам анкетного опроса).....	277
Попов М. Ю. Игры как инструмент социального моделирования.....	281
Леминов М. В. Маргинализация российской молодежи в цифровом пространстве	282
Мухамедова Л. Л. Внедрение кадрового электронного документооборота	287
Палашенко Е. В. Неуплата налогов в процессах социальной дезинтеграции	290

Ятманова У. С., Любовцева Е. Г. Банковское обслуживание самозанятых: проблемы и перспективы развития.....	293
Чуркина Е. С. Онлайн-опрос как инструмент социально-экономических исследований	300
Ярцева Ю. Р. Проблемы взаимодействия медицинского персонала с пациентами в условиях цифровизации в системе здравоохранения	304
Сениута В. О. Проблемы сохранения трудового потенциала в России	306
Зацепин А. Л. К вопросу о деятельности лейб-гвардии Семёновского полка в XX веке	309
Валеева М. В. Социологи как экспертное сообщество.....	315

РАЗДЕЛ 3. РОЛЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И НОВЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В КОНЦЕПЦИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Певная М. В. Эксперты о практической реализации проектного обучения в высшей школе.....	320
Вишневский Ю. Р., Тарасова А. Н. Роль экспертного сообщества в проработке стратегии реализации студенческого гуманитарного сотрудничества в высшем образовании России и Республики Беларусь	324
Матвеева Е. В. Методика оценки факторов ожиданий студенческой молодежи как ресурс планирования стратегий развития сельских территорий регионов Сибирского федерального округа	327
Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Ватолина Е. В. Система высшего образования в России в ожиданиях перемен: смена подходов, приоритетов и лидеров	331
Кривошеев В. В. Цифровизация в системе образования: позитивные и негативные аспекты	333
Журавлева И. А. Смыслы образовательной и профессиональной реализации молодежи в современных условиях	336
Кравцов Р.В., Лапина А. В. Возможности системы высшего образования Иркутской области в удовлетворении потребности экономики региона в кадрах	340
Цветкова И. В. Направления гуманитарной экспертизы в применении искусственного интеллекта в сфере высшего образования	344
Парфенова И. А., Галушко И. Г., Керселян А. А. Этические вопросы применения искусственного интеллекта в образовании	349
Мурашова К. Ю. Трансформация университетов в экспертные институты развития инженерной креативности в эпоху цифровизации образования	352
Рахманова Ю. В., Цыплакова О. Г. Роль студенческих научных обществ в организации научной и экспертной деятельности университета	359
Полюшкевич О. А. Просоциальное самоопределение молодежи	366
Легостаева И. В. Коммеморативный подход к изучению корпоративной культуры современного университета	371
Меньшикова А. А. Эвристические возможности экспертных институтов в системе высшего образования.....	375
Ворожцов А. М. Роль преподавателя высшей школы как эксперта в обучении студентов.....	377
Киселёв Ю. А. Тезаурус как источник и результат социокультурной субъектности личности гуманитария	379
Мананиникова Ю. В. Научно-методические подходы к организации экспертной деятельности в сфере оценки качества школьного образования: международный и российский опыт.....	383
Маслова Е. В. Популяризация рабочих профессий среди молодежи: актуальные направления	388
Кульченко А. В. Управление профориентационной деятельностью в системе среднего профессионального образования (на примере Иркутской области)	391
Лисаускене М. В. Экспертный анализ реструктуризации системы среднего профессионального образования.....	393
Решетник О. В., Нерезько Д. В., Круглик Н. В. Интерактивные методы профориентации: игра как способ формирования экспертных навыков	397
Рыженкова А. В. Проблемы эффективности реализации модели профессиональной ориентации молодежи в современной России.....	401
Павлова К. М. Психологи как социально-профессиональная группа в современном российском обществе.....	406
Бухарова Е. А., Решетникова Е. В. Роль профессионального становления молодых специалистов в формировании трудового потенциала Российской Федерации.....	408

Крютченко А. Д. Обучение гуманитарным специальностям в эпоху цифровизации: вызовы и риски, экспертный подход.....	412
Аббакумова А. А. Специфика влияния социальных сетей на молодежь в современной России: региональный аспект	415
Кузнецова Е. А. Цифровизация общества и социализация современной молодежи.....	417

РАЗДЕЛ 4. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ

Вахтина М. А. Общественная экспертиза в контексте теории принципала-агента	423
Шинкевич В. Е. Экспертный подход к оценке состояния формирования обществом исторической памяти о Великой Отечественной войне в истории малой Родины и семьи	427
Бельская А. М. Историческая память и патриотизм в общественном мнении белорусов.....	432
Боева Е. А., Андриянова Т. В. Историческая память молодежи о Великой Отечественной войне: о чем пишут эксперты 80 лет спустя	439
Глебова И. С., Закиров А. М. Исследование цифровой активности населения как основа экспертизы социальных трансформаций.....	444
Ковалева А. В., Курума Э. А. Междисциплинарный подход к социальному сопровождению и патронату семей с детьми.....	449
Похилько А. И. К вопросу условий проживания семей с детьми в Ставропольском крае.....	453
Кобизь Т. Н. Роль педагогического экспертного сообщества в реализации национальных стратегий в области интеграции и адаптации детей-мигрантов	460
Гольцова Е. В. «Белые пятна» на демографической картине Иркутской области	467
Смирнова Н. Г., Калмычкова Н. А., Пастухова С. В. Экспертиза системы медицинской реабилитации пациентов старшей возрастной группы, перенесших травму бедренной кости	471
Баранов А. В. Люди с инвалидностью как носители экспертного знания в формировании инклюзивной социальной политики региона	477
Белошейкина Н. Ю. Здоровье супругов как индикатор устойчивости института молодой семьи в России.....	481
Башкатова Т. Б., Решетникова Е. В., Башкатов Б. Д. Анализ экспертной оценки грантовых заявок от некоммерческих организаций	483
Грабелъных П. И. Общественные инициативы в России: возможности и технологии их конституирования	486
Изагулина П. С. Специфика взаимодействия государства и НКО в условиях цифровизации: региональный аспект	488
Разумова К. М. Общественная театральная экспертиза в городе Иркутске.....	492
Чернышева Е. В. Выставочно-ярмарочная деятельность в современных условиях как пример экспертной платформы	494
Чернышкова З. Е., Кузнецова О. В. Религиоведческая экспертиза: оскорбление религиозных чувств верующих.....	497
Баев П. А. Притягательность религиозных учреждений.....	500

РАЗДЕЛ 5. ГЛОБАЛЬНО ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЕСЯ СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: ФОРМИРОВАНИЕ ЭКСПЕРТНОГО ВИДЕНИЯ БЕЗОПАСНОГО МИРА СРЕДИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аносова К. А. Эмоции как ключевой фактор формирования потребительских предпочтений молодежи: взгляд экспертов.....	505
Благодарова В. Б. Роль экспертных оценок в анализе потребительского поведения на цифровых маркетплейсах: методология, вызовы и перспективы	507
Вовиков И. Е. Проблемы деятельности организаций, направленных на развитие малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации	516
Волчек Е. И. Развитие интернет-социологии в XXI веке: выход на новый уровень качественных и количественных методологий	520
Габдулхакова Ю. Ш. Перспективы развития фундаментальной науки в XXI веке	524
Говорин Д. А. Современные условия реализации успешной профессиональной деятельности	526

Голобородько А. Н. Специфика применения экспертных методов в условиях построения безопасного мира.....	530
Горбунов Г. П. Проблемы расширения экспертных сетей в условиях построения безопасного мира.....	533
Давыдова Д. А. Влияние социальных сетей на распространение экстремистских настроений среди детей и молодежи в Иркутской области: экспертный анализ.....	536
Долголенко М. Г. Интерактивные технологии в области повышения эффективности социальной рекламы в городском пространстве: экспертные оценки.....	541
Жаргалова Д. Д. Место и роль экспертных групп в России.....	546
Захаренко О. А. Экспертная оценка социально-экономического развития приграничных регионов России: вызовы и перспективы в условиях глобальной трансформации (на примере Яхтинского района Республики Бурятия).....	548
Злыгостев А. О. Популяризация позитивного образа благополучной семьи в реализации национальных проектов в Иркутской области.....	550
Золотов Н. А. Антикоррупционная экспертиза: понятие, сущность, виды.....	553
Ивакина Ю. И. Характер влияния индивидуализма на проявление одиночества среди молодого поколения: мнение экспертов.....	558
Ильин Д. К. Роль цифровизации в развитии социальных наук.....	560
Кадникова С. А. Интернет-контент как фактор общественной тревожности в современной России: экспертные оценки рисков и последствий.....	564
Ковалюк Д. С. Роль цифровизации в развитии социальных наук.....	566
Козырев К. Е. Антикоррупционная экспертиза: понятие, сущность и виды.....	569
Котоманов Н. В. Роль высшего образования и науки как экспертных институтов в достижении глобальной и региональной стабильности.....	572
Кривенцов Ю. Д. Экспертная оценка факторов, влияющих на выбор жизненных ценностей российской молодежи.....	578
Кузнецов Е. С. Принципы и условия повышения эффективности антикоррупционных процедур при реализации политики в разных сферах.....	581
Лазарева А. С. Реализация традиционных моделей брачности в России в контексте идей феминизма: старые и новые парадигмы и экспертное мнение.....	585
Ленивцева Л. А. Специфика электорального поведения жителей Иркутской области.....	588
Лесникова Е. А. Региональные аспекты демографического развития: роль экспертных институтов в реализации национальных стратегий.....	591
Лошакова Н. В. Предпосылки распространения идеологий нацизма в меняющемся мире и эффективные способы борьбы с ней в России: роль экспертных институтов.....	598
Малышев В. Г. Открытость социального взаимодействия органов муниципальной власти в интернет-пространстве (на материалах Осинского муниципального района Иркутской области).....	602
Маслова В. А. Городская идентичность как основа разработки управленческих решений в сфере развития городского пространства (на примере объекта культурного наследия ЮНЕСКО г. Болгар).....	608
Наумова А. А. Межведомственное взаимодействие в реализации миграционных программ: экспертные оценки эффективности координации (на примере Иркутской области).....	612
Неруш В. В. Корпоративная культура как инструмент реализации социальной политики современных организаций в условиях глобальных вызовов.....	615
Никоненко А. Д. Экспертная методология исследования понятия «образ» в социологии: к году защитника Отечества в Российской Федерации.....	619
Окшина Д. А. Профессиональное выгорание муниципальных служащих в Куйтунском районе Иркутской области.....	622
Орлова С. Ю. Роль партии в местном самоуправлении.....	627
Причислых Т. А. Доступность жилищных льготных программ молодежи в Российской Федерации: мнение экспертов.....	630
Пушка Е. А. Цифровая трансформация взаимодействия органов государственной власти и СМИ: тенденции и перспективы развития.....	632
Рахуба Е. А. Проблемы сохранения культурного и исторического наследия в аспекте перспектив развития внутреннего туризма: экспертный анализ.....	634
Седых З. А. Этика и ответственность эксперта в современных условиях.....	638

Семейкина М. С. Трансформация брачных моделей в России: экспертное мнение и оценки.....	640
Смирнова С. Е. Корпоративные мессенджеры как площадка экспертного диалога: как внутреннее и внешние специалисты формируют социальную политику	644
Соколова А. В. Динамика отношений к домашним животным в России: экспертное мнение и оценка	646
Тарасова К. Л. Развитие социологии безопасности в России: «старые» и «новые» теории	650
Татаринов Я. М. Становление новой методологии в развитии социальных наук в XXI веке	654
Тихонов В. Н., Бровилова Е. Д., Парина Д. С. Цифровизация методов контроля при изменении результатов обучения на примере педагогических дисциплин	658
Туваева А. С. Право на образование как социокультурный инструмент сохранения исторической правды и формирования правосознания – синергия усилий светских и религиозных организаций	661
Фадина Т. А. Малые экспертные группы и специфика их деятельности в современных условиях на примере гуманитарных наук	667
Хмыль А. Н. Роль цифровизации в развитии социальных наук в современную эпоху	670
Хоменко Д. В. Образовательные, профессиональные, карьерные стратегии молодых семей в современной России: экспертное мнение и оценки	672
Хороших П. С. Основные детерминанты экспертной деятельности в условиях социально-политической нестабильности	676
Шатохина А. В. Феномен социальной напряженности и особенности его проявления в России и мире	678
Шевцова Е. В. Цифровая социология и перспективы ее развития в российских регионах.....	681
Шпакова В. А. Эффективное управление документом в государственных органах.....	683
Шуваева Е. В. Специфика влияния интернет-ресурсов на распространение наркомании среди молодежи в России: развитие экспертного знания (на примере Иркутской области).....	687
Юлдашева Н. В. Влияние социальной стигмы на качество жизни ВИЧ-положительных людей	691
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	695

TABLE OF CONTENTS

GREETING TO THE CONFERENCE PARTICIPANTS.....	16
PREFACE	18
CHAPTER 1. EXPERT INSTITUTIONS AND EXPERT INTERACTIONS IN THE DIGITAL AGE: METHODOLOGY, STATE STRATEGIES, PROBLEMS OF GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT	
Grabelnykh T. I. The new “safe world” and its construction in scientific concepts of the 21st century	23
Antonova N. L. Youth agency in assessments of the scientific community: Altruism and creation	25
Danilov A. N. Public mission of sociology: history, potential, lessons	28
Kurganskaya V. D., Dunaev V. Yu. Factors and indicators of building a fair society in Kazakhstan: expert analysis	34
Sigacheva E. G., Manzanova N. Yu. The main priority is human health	41
Kakaulin S. P. Creativity as a driver of economic development	46
Samoilova M. A. Urbanization: historical and demographic aspect	50
Eflova M. Yu., Maximova O. A. Youth civic activism in the context of the digital transformation of society: a sociological expertise	57
Sigacheva E. G., Parshina V. E. Irkutsk region on the way to the sustainable development goals	61
Leshchenko Ya. A. Activities of scientific and expert communities to substantiate state projects and long-term development programs. Calculations and miscalculations	67
Maslodudova N. V. Examination of traditional Russian values as the basis of humanistic civilization	73
Gladkikh S. S. Russian political landscape and national factors influencing the implementation of anti-corruption policy	77
Naidenova L. I. The scientific activity of the postgraduate school (social sciences) and its im- portance for the formation of the innovative potential of the region	86
Levchenko I. E. The origins of expert culture in Germany: racial anthropological school and formal sociology	89
Poroshenko O. Yu. Prospects for philosophical expertise in the digital age	94
Martynov M. A. Features and dynamics of development of the institute of governorship in Novosi- birsk region	97
Sakovich A. Yu. Socio-demographic characteristics of the modern Belarusian province	103
Ivanov R. V., Larchenko E. F. Digital transformation of the public administration system in the ac- tivities of the ministry of digital development of the Irkutsk region	106
Bagriy E. I. The role of anti-crisis PR in sustainable development of a company	110
Saltykova Yu. A., Vyrupeva T. V. Hidden employment through the prism of official statistics in the small and medium-sized business sector in the Siberian Federal district	112
Pyatkov M. O. Evolution of business associations	115
Gamernik E. V. Development of domestic tourism in modern Russia: regional aspect	120
Ganchenko D. N. Expertise as a tool of state financial control	122
Zatonatsky A. Yu. Civil-military relations in the USA: expert opinions	126
Davydenko Yu. A. Methodological approaches to the study of social tension in intergroup interac- tion	132
Isupov V. A., Khomchenko O. A. Political and socio-cultural barriers of sociological research in Russia	136
Mukhambetkaliyeva G. M. The role of expert communities of the Republic of Kazakhstan in shap- ing public policy in the 21st century	139
Shaforostov A. I. The existence of the world in the light of philosophical reflection	143
Naidenov M. S. Social ontological analysis of the problem of public law in social philosophy	146
Martynov M. A. Resource region management in terms of digital transformation	155
Kiselev I. V. Russia and Latin America. Strategic leadership and prospects	163

CHAPTER 2. EXPERT ACTIVITY AND EXPERT CULTURE IN THE CONTEXT OF BUILDING A SAFE WORLD: THEORY AND PRACTICE

Chirun S. N. The phenomenon of patriotism in modern political science.....	168
Zulyar R. Yu. Emergence of a new methodology for teaching political science in higher education	175
Zotov V. V., Zotov M. V. Formation of expert pools in public-professional expertise based on fuzzy logic	179
Grabelnykh T. I., Yankov Yu. P., Kurilenkova O. A., Sablina N. A. Analytics and expertise in the sphere of management: modern strategies and technologies of application in the conditions of building a safe world	185
Trifonov R. I., Rumyantsev I. V. The role of digitalization in the development of social sciences	187
Saltykova Yu. A. Artificial intelligence as a workforce: opportunities and limitations	191
Derenko N. V., Ovechkin R. A. Analysis of errors of generative artificial intelligence in expert analysis of classical optimal cutting problems	195
Shilova A. E. The problem of population expectations' assessment in modern socio-economic research	202
Panfilova A. O. Parks of the modern city: towards expert sociological assessments.....	206
Ardashev R. G., Rustamzoda A. K. Political culture of the employees of the internal affairs bodies: main directions and problems of formation.....	209
Maslodudova N. V. "Society of anxiety": the influence of television on public opinion about crime.....	213
Asadov B. R., Volfson E. A. Some aspects of the implementation of public legal relations using artificial intelligence in Russia.....	217
Kuzmina E. S. Social component in general theoretical legal research.....	222
Litau E. V., Ovchinnikova V. L. Prospects for the development of fundamental science in the 21st century	225
Voronetskaya L. G. State policy on social protection.....	227
Isupov V. A., Petrovskaya O. A. Migration as a tool for demographic sustainability: social barriers.....	233
Ovechkin R. A., Derenko N. V. Comparison of the capabilities of generative neural networks GPT-chat and DeepSeek in expert analysis of optimal mixing problems	236
Zaikovskaya A. A., Libenson I. R. Emotional intelligence in management	242
Lysenko N. N., Manvelyan D. M. Happiness as an integral indicator: the role of economic and social indicators.....	251
Medvedeva M. Yu., Malyh M. M. Digitalization of the consumer culture space among young people in Russia: expert opinion and assessments	255
Lobovikova E. A. The state advertising campaign as a tool for building a safe world	258
Litvinova D. O., Andrianova T. V. Expert research on the internet communication of modern youth.....	262
Kablukova V. E. Regional tourism in the context of building a safe world.....	267
Sarapulova L. N., Gritskikh N. V. The impact of creative socio-cultural projects on the socialization of youth: an analysis of successful practices	269
Skorova E. S., Andrianova T. V. The transformation of modern museums in the opinions and assessments of experts	274
Rudakova N. V., Kablukova V. E. Assessment of the quality of the Unified Regional Information portal "Culture 38" in the context of the opinions of cultural activities of the Irkutsk region (based on the results of a questionnaire survey).....	277
Popov M. Yu. Games as a tool for social modeling.....	281
Leminov M. V. The marginalization of Russian youth in the digital space.....	282
Mukhamedova L. L. Introduction of personnel electronic document management	287
Palashchenko E. V. Tax evasion in social disintegration processes	290
Iatmanova Yu. S., Lyubovtseva E. G. Banking services to the self-employed: problems and prospects of development	293
Churkina E. S. Online survey as a tool for socio-economic research	300
Yartseva Yu. R. Problems of interaction of medical personnel with patients in the context of digitalization in the healthcare system.....	304
Senyuta V. O. Problems of maintaining labor potential in Russia	306
Zatsepin A. L. On the question of the activities of the life guards Semenovsky regiment in the XX century	309
Valeeva M. V. Sociologists as an expert community.....	315

CHAPTER 3. THE ROLE OF HIGHER EDUCATION AND NEW VECTORS OF DEVELOPMENT OF EDUCATION IN RUSSIA IN CONCEPTS OF NATIONAL SECURITY

Pevnaya M. V. Experts on the practical implementation of project-based learning in higher education	320
Vishnevsky Yu. R., Tarasova A. N. The role of the expert community in developing a strategy for implementing student humanitarian cooperation in higher education in Russia and the Republic of Belarus.....	324
Matveeva E. V. Methodology for assessing factors of student youth expectations as a resource for planning strategies for the development of rural areas of the regions of the Siberian federal district.....	327
Grabelnykh T. I., Sablina N. A., Vatolina E. V. The higher education system in Russia in expectation of changes: change of approaches, priorities and leaders.....	331
Krivosheev V. V. Digitalization in the education system: positive and negative aspects.....	333
Zhuravleva I. A. Meanings of educational and professional realization of young people in modern conditions.....	336
Kravtsov R. V., Lapina A. V. The potential of the higher education system of the Irkutsk region in meeting the needs of the regional economy for personnel	340
Tsvetkova I. V. Areas of humanitarian expertise in the application of artificial intelligence in higher education.....	344
Parfenova I. A., Galushko I. G., Kerselyan A. A. Ethical issues of application of artificial intelligence in education	349
Murashova K. Yu. The transformation of universities into expert institutions for the development of engineering creativity in the era of educational digitalization.....	352
Rakhmanova Yu. V., Tsyplakova O. G. The role of students' scientific society in organization of scientific and expert activity of university.....	359
Polyushkevich O. A. Prosocial self-determination of youth	366
Legostaeva I. V. A Commemorative approach to the study of corporate culture of a modern university	371
Menshikova A. A. Heuristical trends of the expert institutes in higher education	375
Vorozhtsov A. M. The role of a high school teacher as an expert in student education.....	377
Kiselev Yu. A. Thesaurus as a source and result of socio-cultural subjectivity of humanitarian personalities	379
Manannikova Yu. V. Scientific and methodological approaches to the organization of expert activities in the field of school education quality assessment: International and Russian experience	383
Maslova E. V. Popularization of working professions among young people: current trends	388
Kulchenkova A. V. Management of career guidance activities in the system of secondary vocational education on the example of the Irkutsk region.....	391
Lisauskene M. V. Expert analysis of the restructuring of the system of secondary vocational education.....	393
Reshetnyak O. V., Nerezko D. V., Kruglik N. V. Interactive methods of career guidance: games as a way to form expert skills.....	397
Ryzhenkova A. V. Problems of efficiency of implementing the model of professional orientation of youth in modern Russia	401
Pavlova K. M. Psychologists as a socio-professional group in modern Russian society	406
Bukharova E. A., Reshetnikova E. V. The role of professional development of young specialists in the formation of the labor potential of the Russian Federation	408
Kriutchenko A. D. Teaching humanities in the age of digitalization: challenges and risks, expert approach	412
Abbakumova A. A. Specificity of the influence of social networks on youth in modern Russia: regional aspect	415
Kuznetsova E. A. Digitalization of society and socialization of modern youth	417

CHAPTER 4. THE METHODOLOGY OF RESEARCH OF CIVIL SOCIETY IN MODERN RUSSIA: EXPERT ANALYSIS

Vakhtina M. A. Public expertise in the context of the principal-agent theory	423

Shinkevich V. E. An expert approach to assessing the state of formation by society of the historical memory of the Great Patriotic War in the history of the small Homeland and family	427
Belski A. M. Historical memory and patriotism in Belarusian Public opinion	432
Boeva E. A., Andrianova T. V. The historical memory of youth about the Great Patriotic War: what experts write about 80 years later	439
Glebova I. S., Zakirov A. M. Study of the digital activity of the population as a basis for the examination of social transformations.....	444
Kovalova A. V., Kuruma E. A. Interdisciplinary approach to social support and guardianship of families with children	449
Pokhilko A. I. On the issue of living conditions for families with children in the Stavropol territory.....	453
Kobiz T. N. The role of the pedagogical expert community in the implementation of national strategies for the integration and adaptation of migrant children.....	460
Goltsova E. V. "Blank spots" in the demographic picture of the Irkutsk region	467
Smirnova N. G., Kalmychkova N. A., Pastukhova S. V. Examination of the system of medical rehabilitation of elderly patients with skeletal trauma.....	471
Baranov A. V. People with disabilities as holders of expert knowledge in shaping inclusive regional social policy	477
Belosheikina N. Yu. The health of spouses as an indicator of the sustainability of the young family in Russia	481
Bashkatova T. B., Reshetnikova E. V., Bashkatov B. D. Analysis of expert evaluation of grant applications from non-profit organizations	483
Grabelnykh P. I. Public initiatives in Russia: possibilities and technologies of their constitution.....	486
Izatulina P. S. The specifics of interaction between the state and NGOs in the context of digitalization: a regional aspect	488
Razumova K. M. Public theater examination in Irkutsk	492
Chernysheva E. V. Exhibition and fair activities in modern conditions as an example of an expert platform	494
Chernyshkova Z. E., Kuznetsova O. V. Religious expertise: insulting the religious feelings of believers	497
Baev P. A. Attractiveness of religious institutions	500

CHAPTER 5. GLOBALLY TRANSFORMING MODERN SOCIETY: THE FORMATION OF EXPERT VISION OF A SAFE WORLD AMONG STUDENT YOUTH

Anosova K. A. Emotions as a key factor in the formation of consumer preferences of young people: experts' perspective	505
Blagodarova V. B. The role of expert evaluations in analyzing consumer behavior on digital marketplaces: methodology, challenges and prospects.....	507
Vovikov I. E. Problems of organizations aimed at the development of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation	516
Volchek E. I. The development of internet sociology in the 21st century: reaching a new level of qualitative and quantitative methodologies	520
Gabdulkhakova Yu. Sh. Prospects for the development of fundamental science in the 21st century.....	524
Govorin D. A. Modern conditions for the implementation of successful professional activity.....	526
Goloborodko A. N. The specifics of using expert methods in the context of building a secure world.....	530
Gorbunov G. P. The problems of expanding expert networks in the context of building a secure world.....	533
Davydova D. A. The impact of social media on the spread of extremist sentiments among children and youth in the Irkutsk region: expert analysis	536
Dolgolenko M. G. Interactive technologies in the field of improving the effectiveness of social advertising in urban space: expert assessments.....	541
Zhargalova D. D. The place and role of expert groups in Russia.....	546
Zakharenko O. A. Expert assessment of socio-economic development of border regions of Russia: challenges and prospects in the conditions of global transformation (on the example of Kyakhta district of the Republic of Buryatia)	548
Zlygostev A. O. Popularization of a positive image of a prosperous family in the implementation of national projects in the Irkutsk region	550

Zolotov N. A. Anti-corruption expertise: concept, essence, types	553
Ivakina Yu. I. The dynamics of individualism and collectivism in the focus of Russian public opinion and expert analysis	558
Ilin D. K. The role of digitalization in the development of the social sciences	560
Kadnikova S. A. Internet content as a factor of public anxiety in modern Russia: expert assessments of risks and consequences.....	564
Kovalyuk D. S. The role of digitalization in the development of social sciences.....	566
Kozyrev K. E. Anti-corruption expertise: concept, essence and types	569
Kotomanov N. V. The role of higher education and science as expert institutions in achieving global and regional stability	572
Kriventsova Yu. D. Expert assessment of factors influencing the choice of life values among Russian youth.....	578
Kuznetsov E. S. Principles and conditions for improving the effectiveness of anti-corruption procedures in the implementation of policies in various fields	581
Lazareva A. A. Implementation of traditional marriage models in Russia in the context of feminist ideas: old and new paradigms and expert opinion.....	585
Lenivtseva L. A. The specifics of the electoral behavior of residents of the Irkutsk region	588
Lesnikova E. A. Regional aspects of demographic development: the role of expert institutes in implementing national strategies	591
Loshakova N. V. Countering neo-nazism in the digital age: institutional strategies and expert assessments	598
Malyshev V. G. The current state of the state program for the resettlement of compatriots and mechanisms for improving its effectiveness	602
Maslova V. A. Urban identity as a basis for developing managerial decisions in the field of urban space development (the case of the UNESCO world heritage site Bolgar).....	608
Naumova A. A. Interdepartmental cooperation in the implementation of migration programs: expert assessments of the effectiveness of coordination (on the example of the Irkutsk region).....	612
Nerush V. V. Corporate culture as a tool for implementing the social policy of modern organizations in the context of global challenges	615
Nikonenok A. D. Expert methodology for studying the concept of "image" in sociology: toward the year of the defender of the fatherland in the Russian Federation	619
Okshina D. A. Professional burnout of municipal employees in the Kuytunsky district of the Irkutsk region.....	622
Orlova S. Yu. The role of the party in local government	627
Prichislykh T. A. Accessibility of housing benefit programs for young people in the Russian Federation: expert opinion.....	630
Pushka E. A. Digital transformation of interaction between public authorities and the media: trends and development prospects.....	632
Rakhuba E. A. Problems of preserving cultural and historical heritage in the context of prospects for the development of domestic tourism: expert analysis.....	634
Sedykh Z. A. Ethics and responsibility of an expert in modern conditions.....	638
Semeykina M. S. Transformation of marriage models in Russia: expert opinion and assessments	640
Smirnova S. E. Corporate messengers as a platform for expert dialogue: how internal and external experts shape social policy	644
Sokolova A. V. Dynamics of attitudes towards pets in Russia: expert opinion and assessment.....	646
Tarasova K. L. The development of security sociology in Russia: "old" and "new" theories	650
Tatarinov Ya. M. The formation of a new methodology in the development of social sciences in the 21st century.....	654
Tikhonov V. N., Brovilova E. D., Parinova D. S. Digitalization of control methods in measuring learning outcomes using pedagogical disciplines as an example	658
Tuvaeva A. S. The right to education as a socio-cultural tool for the preservation of historical truth and the formation of legal awareness – synergy of efforts between secular and religious organizations.....	661
Fadina T. A. Small expert groups and the specifics of their activities in modern conditions using the example of the humanities.....	667
Khmyl A. N. The role of digitalization in the development of social sciences in the modern era.....	670

Khomenko D. V. Educational, professional, and career strategies of young families in modern Russia: expert opinion and assessments	672
Khoroshih P. S. The main determinants of expert activity in conditions of socio-political instability	676
Shatokhina A. V. The phenomenon of social tension and the peculiarities of its manifestation in Russia and the world.....	678
Shevtsova E. V. Digital sociology and its development prospects in Russian regions.....	681
Shpakova V. A. Effective document management in government agencies	683
Shuvaeva E. V. The specifics of the influence of internet resources on the spread of drug addiction among young people in Russia: the development of expert knowledge (using the example of the Irkutsk region)	687
Yuldasheva N. V. The impact of social stigma on the quality of life of HIV-positive people	691
INFORMATION ON THE AUTHORS	695

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

УВАЖАЕМЫЕ УЧАСТНИКИ И ГОСТИ КОНФЕРЕНЦИИ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА!

В четвёртый раз наш вуз проводит конференцию, посвящённую определению роли экспертных институтов в современном мире и России. Актуальность обсуждения экспертных технологий и практик за эти годы ещё более повысилась. Во-первых, это связано с обеспечением всех видов безопасности (национальной, технологической, информационной и даже личной), что требует по-новому взглянуть на эффективность механизмов и подходов в экспертной среде на всех уровнях. Во-вторых, произошло изменение позиций экспертных институтов (в том числе, как центров компетенций), их целей и приоритетов, в особенности, в свете реализации национальных проектов России, что вызвало привлечение внимания к концепциям развития новых экспертных лидеров и их безусловных преимуществ. В-третьих, повышаются требования к высшему образованию как сильному экспертному и инновационному центру. На повестке дня российских вузов – обеспечение высокого качества подготовки кадров, адаптированных к новым реалиям и готовых к решению сложных задач. Университеты участвуют в подготовке высококвалифицированных кадров для обеспечения технологического лидерства страны, поэтому столь важно выстраивание политики вузов в соответствии с запросами органов власти и бизнеса, развитие партнерских отношений и сетевых взаимодействий. На сегодняшний день прослеживается потребность в новых проектах развития регионов, осуществление которых возможно с участием вузов и всего экспертного сообщества. В условиях построения безопасного мира роль высшей школы видится значительной!

Участникам конференции желаю плодотворной работы и новых идей!

*А. Ф. Шмидт,
ректор ФГБОУ ВО «ИГУ», профессор*

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ КОНФЕРЕНЦИИ!

Четвертая международная научно-практическая конференция «Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура в условиях построения безопасного мира», посвященная памяти доктора социологических наук, профессора Натальи Леоновны Смакотиной, проводится в период глубоких перемен и потрясений, затрагивающих интересы как отдельных граждан, так и всех социальных групп и общностей. Институты гражданского общества сталкиваются с новыми вызовами, ответы на которые могут помочь найти эксперты. В условиях обеспечения социальной безопасности, построения «безопасного мира» крайне важно развивать механизмы общественного участия, регулирования и саморегулирования отношений. Является принципиально важным развитие институтов общественного контроля и общественной экспертизы, гражданской культуры в обществе. Необходимо работать на опережение, проводить профилактические работы с населением с целью предупреждения антиобщественных действий, в особенности, среди молодежи.

Проводимая конференция символизирует потребность ученых, представителей экспертного сообщества, специалистов-практиков в более глубоком понимании и обсуждении тех процессов, которые идут в обществе.

Желаю конструктивного обсуждения и принятия серьёзных экспертных решений по актуальным вопросам!

*В. В. Шпрах, председатель Общественной палаты Иркутской области,
директор Иркутской государственной медицинской
академии последипломного образования, профессор*

GREETINGS TO THE PARTICIPANTS AND THE GUESTS OF THE CONFERENCE!

DEAR PARTICIPANTS AND GUESTS OF THE CONFERENCE, REPRESENTATIVES OF THE EXPERT COMMUNITY!

For the fourth time, our university is holding a conference dedicated to defining the role of expert institutions in the modern world and Russia. The relevance of discussing expert technologies and practices has increased even more over the years. Firstly, this is connected with ensuring all types of security (national, technological, informational and even personal), which requires a new look at the effectiveness of mechanisms and approaches in the expert community at all levels. Secondly, there has been a change in the positions of expert institutes (including as competence centers), their goals and priorities, especially in light of the implementation of Russia's national projects, which has drawn attention to the concepts of developing new expert leaders and their unconditional advantages. Thirdly, the requirements for higher education as a strong expert and innovative center are increasing. On the agenda of Russian universities is ensuring high-quality training of personnel adapted to new realities and ready to solve complex problems. Universities are involved in training highly qualified personnel to ensure the country's technological leadership, which is why it is so important to build university policies in accordance with the demands of government and business, and to develop partnerships and network interactions. Today, there is a need for new regional development projects, the implementation of which is possible with the participation of universities and the entire expert community. In the context of building a safe world, the role of higher education seems significant!

I wish the conference participants fruitful work and new ideas!

*A. F. Schmidt,
Rector of Irkutsk State University, Full Professor*

GREETINGS TO THE PARTICIPANTS AND THE GUESTS OF THE CONFERENCE!

The Fourth International Scientific and Practical Conference "Expert Institutions in the 21st Century: Principles, Technologies, Culture in the Context of Building a Safe World," dedicated to the memory of Doctor of Sociology, Full Professor Natalia Leonovna Smakotina, is being held during a period of profound changes and upheavals affecting the interests of both individual citizens and all social groups and communities. Civil society institutions are facing new challenges, and experts can help find answers to them. In the context of ensuring social security and building a "safe world," it is extremely important to develop mechanisms for public participation, regulation, and self-regulation of relations. It is fundamentally important to develop institutions of public control and public expertise, civic culture in society. It is necessary to work ahead of the curve, conduct preventive work with the population in order to prevent antisocial actions, especially among young people.

The conference being held symbolizes the need of scientists, representatives of the expert community, and practitioners for a deeper understanding and discussion of the processes that are taking place in society.

I wish you constructive discussion and development of serious expert solutions on current issues!

*V. V. Shprakh, Chairperson of the Civic Chamber of Irkutsk region,
Director of Irkutsk State Medical Academy of postgraduate education, Full Professor*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четвертая Международная научно-практическая конференция «Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура в условиях построения безопасного мира», посвященная памяти доктора социологических наук, профессора Натальи Леоновны Смако-тиной, является продолжением первых трех конференций, отражающих уникальные пути развития экспертных институтов в современном мире, проведенных в 2022–2024 гг. в г. Иркутске.

Как и предыдущие, IV Международная научно-практическая конференция проходит в период глубоких социальных сдвигов мирового уровня и переоценки цивилизационных, индустриальных и культурных ценностей. Современный мир теряет «старые» точки опоры и устойчивости, но обретает новые посредством переустройства позиций лидеров ведущих драйверов мирового развития и наращивания их «формационных (общественно-экономических, общественно-политических, инновационно-технологических, информационно-коммуникационных)» и «цивилизационных» ресурсов и капиталов. В эпоху глобальной турбулентности формируется новая концепция международной безопасности, отражая поиски и приоритеты в концепциях и стратегиях национальной безопасности стран и народов. Является принципиальным признание смены концепций мировой социальной безопасности и, как следствие, сущностного определения путей построения безопасного мира. В новом системном анализе и многоуровневой (многоспектральной) оценке происходящих процессов, выработке принципов «аналитической разведки» и определении новых условий применимости методов исследования и прогнозирования угроз и рисков видятся одни из главных задач экспертных институтов на современном этапе их развития.

Ранее мы констатировали, что в XXI в. изменилась парадигма социального мира, воз-действующими факторами на который явились как глобализация, так и многие локальные процессы, изменившие в совокупности его архитектуру. Проследивая закономерности и со-временные тенденции в развитии экспертных институтов, мы определяли исторические эта-пы и события в контекстах «глобальной нестабильности», «мирового кризиса» и «формиро-вания многополярного мира». Учитывая особенности современного («глобально-локально кризисного») этапа развития систем современных обществ, виделось актуальным вынесение на научную и экспертную повестку вопросов, связанных с проблемами и приоритетами экс-пертных институтов в условиях построения безопасного мира.

Отчётливо проявилось, что в XXI в. «безопасный мир» в представлениях ученых, экс-пертов и практиков – это, главным образом: а) система глобальных и локальных координат, определяющих магистральный путь развития обществ и государств, сохраняющих свою национальную специфику, имеющих ресурс для обеспечения своих национальных интере-сов; б) глобально и локально выстроенная система взаимодействий, способствующая реали-зации интеграционного потенциала разных социальных групп и общностей и развитию всех форм их совместной деятельности; в) индустриальный и технологический ресурс для произ-водства и воспроизводства труда и трудовых отношений, ценностей, культуры, творчества, образования и науки, высоко востребованных во всех сферах жизни; г) пространство возмоз-ностей для реализации своей идентичности (территориальной, национальной, социальной, культурной) с учётом конституционных прав и обязанностей гражданина своего государства.

Развитие экспертных институтов в условиях построения безопасного мира предпола-гает разные смыслы и значения. В процессе обсуждений акцент сделан на трех аспектах: 1) повышении экспертной культуры всех социальных институтов, деятельность которых направлена на созидание и прогресс, 2) создании широкой институциональной основы для реализации креативных целей и индустрий, 3) развитии экспертной методологии с её прин-ципами и методами анализа и оценки, важными при осуществлении экспертной деятельно-

сти. В этой связи требуется повышение престижности и ответственности субъектов экспертной деятельности в условиях построения безопасного мира.

Мы продолжаем придерживаться мнения, что в современную эпоху «...экспертные институты стали представлять высокоинтегрированные комплексы и организационно оформленные структуры, сообщества и группы, легитимно, профессионально и интеллектуально обеспечивающие порядок и контроль в социальной системе, регулирование и саморегулирование отношений в ключевых областях жизнедеятельности человека и общества, опирающиеся на сетевые и партнерские взаимодействия в установленных форматах, отвечающие угрозам и вызовам своего времени»¹. В узком смысле, под экспертным институтом мы понимаем нормативно установленный «механизм общественно-государственного контроля». Продолжает оставаться актуальным дисциплинарное оформление и легитимация новых направлений развития научного знания, отражающих концептуальные и прикладные аспекты деятельности экспертных институтов, опыт функционирования экспертных центров и экспертных платформ в цифровом и вне цифровом пространствах.

Четвертая Международная научно-практическая конференция «Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура в условиях построения безопасного мира», посвященная памяти доктора социологических наук, профессора Натальи Леоновны Смако-тиной, по поставленным целям и направлениям обсуждений демонстрирует выход на новый уровень осмысления и анализа особенностей развития экспертных институтов в условиях построения безопасного мира. Среди основных векторов обсуждений – уникальность нового этапа развития экспертных институтов и экспертных взаимодействий в цифровую эпоху в контексте реализации государственных стратегий, проблем мирового и регионального развития, теория и практика экспертной деятельности в условиях построения безопасного мира, роль высшей школы и новые векторы развития образования в России в концепциях национальной безопасности, методология исследования гражданского общества в современной России и др.

Концепцию четвертой конференции и сборника научных трудов представляют четыре группы вопросов, которые легли в основу анализа и интерпретаций ученых разных отраслей наук, специалистов-практиков и общественности: 1) экспертные институты и экспертные сообщества в условиях построения безопасного мира; 2) экспертная культура в России и мире; 3) общественная экспертиза: роль субъектов общественного контроля в реализации управленческих решений; 4) научные основания экспертной деятельности. Среди активно обсуждаемых вопросов: экспертные центры и их влияние на общественное мнение; роль высшего образования и науки как экспертных институтов в условиях построения безопасного мира; социальные науки и социологическая экспертиза в XXI в.

С учетом поступивших научных статей и направлений обсуждений была разработана структура научного издания, которая включает пять разделов: «Экспертные институты и экспертные взаимодействия в цифровую эпоху: методология, государственные стратегии, проблемы мирового и регионального развития»; «Экспертная деятельность и экспертная культура в условиях построения безопасного мира: теория и практика»; «Роль высшей школы и новые векторы развития образования в России в концепциях национальной безопасности»; «Методология исследования гражданского общества в современной России: экспертный анализ»; «Глобально трансформирующееся современное общество: формирование экспертного видения безопасного мира среди студенческой молодежи».

Научные подходы и результаты исследований, представленные в издании, отражают высокий интерес ученых к изучению специфики развития экспертных институтов в условиях построения безопасного мира и перспективность дальнейших изысканий в этом направлении.

Выражаем благодарность коллективу авторов, принявших участие в создании сборника.

*Доктор социологических наук, профессор
Т. И. Грабельных*

¹ Грабельных Т. И. Предисловие // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Издательство ИГУ, 2022. С. 15–17.

FOREWORD

The Fourth International Scientific and Practical Conference “Expert Institutions in the 21st Century: Principles, Technologies, Culture in the Context of Building a Safe World”, dedicated to the memory of Doctor of Sociology, Full Professor Natalia Leonovna Smakotina, is a continuation of the first three conferences, reflecting the unique development paths of expert institutions in the modern world, held in 2022–2024 in Irkutsk.

Like the previous ones, the IV International Scientific and Practical Conference is taking place during a period of profound societal shifts at the global level and a reassessment of civilizational, industrial and cultural values. The modern world is losing its “old” points of support and stability, but is acquiring new ones through the reaffirmation of the positions of the leaders of the leading drivers of global development and the expansion of their “formational (socio-economic, socio-political, innovative-technological, information-communication)” and “civilizational” resources and capital. In the era of global turbulence, a new concept of international security is being formed, reflecting the search for and priorities in the concepts and strategies of national security of countries and peoples. It is fundamental to recognize the change in concepts of global social security and, as a consequence, the essential definition of ways to build a safe world. New systems analysis and multi-level (multi-spectral) assessment of ongoing processes, development of principles of “analytical intelligence” and definition of new conditions for applicability of methods of research and forecasting threats and risks are seen as some of the main tasks of expert institutions at the current stage of their development.

Earlier we stated that in the 21st century the paradigm of the social world has changed, the influencing factors being both globalization and many local processes that have collectively changed its architecture. Tracing the patterns and modern trends in the development of expert institutions, we identified historical stages and events in the contexts of “global instability”, “global crisis” and “the formation of a multipolar world”. Taking into account the peculiarities of the modern (“global-local crisis”) stage of development of systems of modern societies, it seemed relevant to bring to the scientific and expert agenda issues related to the problems and priorities of expert institutions in the context of building a safe world.

It has become clear that in the 21st century, a “safe world” in the view of scientists, experts and practitioners is, primarily: a) a system of global and local coordinates that determine the main path of development of societies and states that preserve their national specificity and have the resources to ensure their national interests; b) a globally and locally structured system of interactions that promotes the realization of the integration potential of different social groups and communities and the development of all forms of their joint activities; c) an industrial and technological resource for the production and reproduction of labor and labor relations, values, culture, creativity, education and science, which are in high demand in all spheres of life; d) a space of opportunities for the realization of one’s identity (territorial, national, social, cultural) taking into account the constitutional rights and obligations of a citizen of one’s state.

The development of expert institutions in the context of building a safe world presupposes different meanings and values. During the discussions, the emphasis was placed on three aspects: 1) increasing the expert culture of all social institutions whose activities are aimed at creation and progress, 2) creating a broad institutional basis for the implementation of creative goals and industries, 3) development of expert methodology with its principles and methods of analysis and evaluation, important in the implementation of expert activities. In this regard, it is necessary to increase the prestige and responsibility of subjects of expert activity in the conditions of building a safe world.

We continue to adhere to the opinion that in the modern era “...expert institutions have come to represent highly integrated complexes and organizationally formalized structures, communities and groups that legitimately, professionally and intellectually ensure order and control in the social system, regulation and self-regulation of relations in key areas of human and social life, based

on network and partnership interactions in established formats, responding to the threats and challenges of their time"². In a narrow sense, by an expert institution we mean a normatively established "mechanism of public-state control". The disciplinary design and legitimization of new directions for the development of scientific knowledge, reflecting the conceptual and applied aspects of the activities of expert institutions, the experience of the functioning of expert centers and expert platforms in digital and non-digital spaces, continues to be relevant.

The Fourth International Scientific and Practical Conference "Expert Institutions in the 21st Century: Principles, Technologies, Culture in the Context of Building a Safe World", dedicated to the memory of Doctor of Sociology, Full Professor Natalia Leonovna Smakotina, in terms of the stated goals and areas of discussion, demonstrates a new level of understanding and analysis of the specific features of the development of expert institutions in the context of building a safe world. The main areas of discussion included the uniqueness of the new stage of development of expert institutions and expert interactions in the digital era in the context of implementing state strategies, problems of global and regional development, the theory and practice of expert activity in the context of building a safe world, the role of higher education and new vectors of development of education in Russia in the concepts of national security, the methodology of research of civil society in modern Russia etc.

The concept of the fourth conference and collection of scientific papers is represented by 4 groups of questions that formed the basis for the analysis and interpretations of scientists from various fields of science, practitioners and the public: 1) expert institutions and expert communities in the context of building a safe world; 2) expert culture in Russia and the world; 3) public expertise: the role of public control entities in the implementation of management decisions; 4) scientific foundations of expert activity. Among the actively discussed issues are: expert centers and their influence on public opinion; the role of higher education and science as expert institutions in the context of building a safe world; social sciences and sociological expertise in the 21st century.

Taking into account the received scientific articles and areas of discussion, the structure of the scientific publication was developed, which includes 5 sections: "Expert institutions and expert interactions in the digital age: methodology, state strategies, problems of global and regional development"; "Expert activity and expert culture in the context of building a safe world: theory and practice"; "The role of higher education and new vectors of development of education in Russia in the concepts of national security"; "Methodology of research of civil society in modern Russia: expert analysis"; "Globally transforming modern society: formation of an expert vision of a safe world among student youth."

The scientific approaches and research results presented in the publication reflect the high interest of scientists in studying the specifics of the development of expert institutions in the context of building a safe world and the prospects for further research in this direction.

We would like to express our gratitude to the team of authors who took part in the creation of this collection..

*Doctor of Sociology, Full Professor
T. I. Grabelnykh*

² T. I. Grabelnykh. Foreword // Expert institutions in the 21 century : principles, technologies, culture : collection of papers / Irkutsk State University ; [ed. by T. I. Grabelnykh]. Irkutsk : Publishing House of Irkutsk State University, 2022. P. 15–17.

РАЗДЕЛ 1

ЭКСПЕРТНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ЭКСПЕРТНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: МЕТОДОЛОГИЯ, ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ, ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

НОВЫЙ «БЕЗОПАСНЫЙ МИР» И ЕГО КОНСТРУИРОВАНИЕ В НАУЧНЫХ КОНЦЕПТАХ XXI В.

Работа посвящена обоснованию необходимости конструирования научных концептов нового «безопасного мира» в XXI в. Акцентируется внимание на глобальной турбулентности, которую переживают общества в XX–XXI вв., сталкивающиеся с новыми угрозами и вызовами. Раскрываются тезисы, что в XXI в. на смену «старых» концептов социального мира приходят новые научные концепты формирования «многополярного» и построения «безопасного» мира, формируется историческая необходимость в безопасном мире. Сделан вывод, что конструирование концепта нового «безопасного мира» должно стать одной из приоритетных задач теоретической социологии, в прикладном аспекте требуются серьезные экспертные заключения по вопросам обеспечения безопасного мира на всех уровнях.

Ключевые слова: общество, цивилизация, современный мир, безопасный мир, экспертные институты, социальные потрясения, глобальная турбулентность.

T. I. Grabelnykh

Irkutsk State University, Irkutsk

THE NEW “SAFE WORLD” AND ITS CONSTRUCTION IN SCIENTIFIC CONCEPTS OF THE 21ST CENTURY

The work is devoted to substantiating the need to construct scientific concepts of a new "safe world" in the 21st century. The focus is on the global turbulence experienced by societies in the 20th–21st centuries, facing new threats and challenges. The theses are revealed that in the 21st century, the "old" concepts of the social world are being replaced by new scientific concepts of the formation of a "multipolar" and the construction of a "safe" world, and a historical need for a safe world is being formed. It is concluded that the construction of the concept of a new "safe world" should become one of the priority tasks of theoretical sociology; in the applied aspect, serious expert opinions are required on issues of ensuring a safe world at all levels.

Keywords: society, civilization, modern world, safe world, expert institutions, social upheavals, global turbulence.

Посвящается светлой памяти Смакотиной Натальи Леоновны –
Человека и Учёного, для которого исследование
глобальных трансформационных процессов
и повседневного мира молодежи было непрерывным поиском
«разумных» ответов на возникающие угрозы
и вызовы современного мира

Современный мир в его цивилизационном измерении переживает глубокие изменения, вызванные глобальной турбулентностью. Технологический рост и финансовые кризисы, внедрение искусственного интеллекта и депрессивное развитие регионов, высокий спрос на кадры и катастрофическое падение рождаемости, кризис ценностей во всех его проявлениях – все это позволяет говорить о «полосе» глубоких социальных потрясений XX–XXI вв., из которых не вышло Общество.

Развитие систем современных обществ показывает, что концепт глубинных потрясений (и как его вид «революционные изменения») не преодолен. Концепции «классовой борьбы» и «мировых революций» XIX в. сменили новые концепты «мировых войн» и «строительства новых обществ» XX в., которым на смену в XXI в. приходят научные концепты формирования «многополярного» и построения «безопасного» мира. Как и в предыдущих эпохах, сегодня в основе стратегий развития государств – смена экономических и технологических укладов, научно-технический прогресс, обеспечение лидерства по всем отраслям промышленности, переход на новый этап развития науки и высшего образования, сохранение идеалов и ценностей, поддерживающих и укрепляющих национальную безопасность стран. Движение общества идёт во всех цивилизациях по пути достижения стабильности, устойчивости и общественного прогресса.

Между тем вследствие углубляющегося неравенства возможностей и ресурсов, высокого уровня конкуренции на мировом рынке и дифференцированной внешней и внутренней политики государств создаются предпосылки для новых этапов перехода к другим технологическим укладам и типам политических режимов. «Глобальная турбулентность» по своей сути есть проявление международной нестабильности и кризиса мировых систем, а значит, и систем современных обществ. Такие процессы вызывают глубинные изменения и на уровне отдельных обществ, их социальных институтов и социальных структур. Как следствие, формируется историческая необходимость в безопасном мире.

Каким будет новый переход в общественном развитии? Куда движется общество? Как и первые социологи, мы снова задаём этот вопрос и ищем на него ответ.

В русле комплексного анализа вызовов и угроз, воздействующих на общество, и их последствий, считаем целесообразным данный вопрос рассматривать в цивилизационном и цифровом измерении на междисциплинарном уровне. В настоящее время в разных отраслях наук представлены концепты безопасного мира в аспекте международных отношений и дипломатии, политологического дискурса, экономических прорывов и др. Также отметим, что, несмотря на тот факт, что социология безопасности развивается с 1990-х гг. в России, сам концерт «безопасного мира» в теоретической социологии еще не сформирован в должной степени как с макро-, так и с микропозиций.

Требуется развития категориальный аппарат, в числе базовых понятий в русле российской цивилизационной парадигмы с целью обеспечения безопасного мира мы выделяем:

ментальность – понятие для обозначения состояния общественного и индивидуально-го сознания населения, больших и малых социальных групп, в том числе выступающее индикатором исторической и социальной памяти и источником национального самоопределения, территориальной, социальной, культурной и профессиональной идентичности и их сохранения;

духовные ценности – понятие, отражающее смыслы, принципы, нормы и идеи, обуславливающие нравственное и социальное поведение человека, его духовные ориентиры и духовную культуру, влияющие в значительной степени на состояние его ментальности и выступающие гарантом безопасности в социальной среде;

социально-культурные факторы – понятие, выражающее внешние и внутренние детерминанты социальной среды, социального и нравственного поведения населения, обеспечивающие социокультурную динамику, смыслы истории и пространства личной и социальной безопасности и др.

В свете последних событий в России, в особенности актуализации проблем безопасности в молодёжной среде, проявилось, что построение безопасного мира – это сложный процесс организации и самоорганизации людей и социальных групп (общностей), регулирования и саморегулирования отношений с учётом ментальных и духовных оснований его носителей, их социальной и культурной идентичности, уровня правовой культуры и развития правосознания, позволяющих цивилизованно регулировать взаимосвязи и взаимодействия, не разрушая жизнь и интересы других.

В качестве вывода отметим, что конструирование концепта нового «безопасного мира» должно опираться на сохранение духовных ценностей и стать одной из приоритетных задач современной социологии и ее отраслей. В этой связи повышается роль экспертных институтов. Требуются серьёзные экспертные заключения по вопросам обеспечения безопасного мира на всех уровнях.

АГЕНТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ОЦЕНКАХ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА: АЛЬТРУИЗМ И СОЗИДАНИЕ³

На основе экспертного опроса рассматривается агентность современного молодого поколения, способного через практики альтруизма участвовать в улучшении качества жизни и повышении социального благополучия. В качестве экспертов выступили представители научного сообщества, работающие в вузах и реализующие в профессиональной деятельности дисциплины социогуманитарного направления ($n = 12$). Утверждается, что альтруистические практики молодого поколения имеют как коллективный, так и индивидуальный характер, а в мотивационной структуре бескорыстной просоциальной активности лидирующие позиции занимает потребность сделать мир лучше и чувство сопереживания.

Ключевые слова: агентность, молодежь, альтруизм, просоциальная активность, социальное благополучие.

N. L. Antonova

Ural Federal University, Ekaterinburg

YOUTH AGENCY IN ASSESSMENTS OF THE SCIENTIFIC COMMUNITY: ALTRUISM AND CREATION

Based on an expert survey, the article examines the agency of the modern young generation to improve quality of life and social well-being through altruistic practices. The experts were representatives of the scientific community working in universities and implementing socio-humanitarian disciplines in their professional activities ($n = 12$). The article states that the altruistic practices of young people have both a collective and an individual character. In the motivational structure of selfless prosocial activity, the need to make the world a better place and the feeling of empathy occupy leading positions.

Keywords: agency, youth, altruism, prosocial activity, social well-being.

В поле современного научного дискурса активно включены дискуссии об агентности молодого поколения как активного деятельностного субъекта социальных преобразований. Агентность молодежи, по сути, это заявление о ее способности самостоятельно принимать решения и моделировать собственную жизнь и благополучие, оказывать влияние на все сферы общественной жизни [1]. Молодежь в такой повестке становится архитектором проектирования будущего, деятельным субъектом социальных изменений, направленных на позитивные трансформации социальной системы.

Согласно концепции А. Сен агентность связана с возможностями индивид сделать осознанный выбор в конкретных социальных, культурных, экономических, политических условиях, т. е. речь идет о выборе и действиях, связанных с достижением блага, воплощенного в процветании и благоденствии [2].

При этом, как отмечают S. Deneulin и Y. McGregor агентность выступает не только индивидуальным выбором, она встроена в социальные связи и социальные отношения, формирует ценность определяемых целей и результатов и характерна не только для отдельного человека, но и «рождается» при взаимодействии с другими, имеет направленный вектор – для других [3].

Я. Крупец с коллегами, проанализировав современные представления об агентности молодежи, пришла к выводу о том, что в большинстве исследований агентность понимается как возможность и способность к автономному действию. Авторы справедливо полагают, что агентная молодежь не играет по правилам взрослых, а меняет правила своими действиями [4].

³ Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 24-28-20018, <https://rscf.ru/project/24-28-20018/>

К. А. Галкин полагает, что агентность в повседневной жизни определяется совокупностью действий и ответственности за них [5]. Подчеркнем, что ответственно принятые решения характеризуют молодое поколение как берущее на себя обязательства перед будущим.

Эту позицию разделяет и М. В. Певная с коллегами, утверждая, что агентность раскрывается через способности актора, который действует проактивно сам, объединяется с другими, и понимает смыслы своей активности, обладая определенным уровнем ответственности за нее [6].

Использование подхода, рассматривающего агентность молодежи, позволяет актуализировать вопрос идентичности. Речь идет о том, что она становится фактором и условием подтверждения идентичности, которая реализуется в системе взаимодействия с представителями разных социальных групп. Проактивная деятельность может служить объединяющим базисом для молодого поколения, стремящихся подтвердить и реализовать свою идентичность как ответственного молодого поколения.

В фокусе нашего исследования – оценка практик альтруистического поведения молодежи. Изучение феномена альтруизма уходит корнями к классическим социологическим концепциям (О. Конт, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель и др.) и понимается нами как совокупность действий и взаимодействий индивидов и групп, направленных на бескорыстное (безвозмездное) оказание помощи другому.

Согласно Т. Tam и S. Yeung альтруизм поддерживается способностью взять на себя ответственность [7], а по мнению С. Silke с коллегами сопереживание выступает одной из базовых личностных характеристик альтруиста [8]. Проактивные практики маркирует агентность молодого поколения, которое выстраивает собственный жизненный мир и включает справедливость как морально-нравственный аргумент в развитии общества.

Основной целью исследования стал анализ мнений, оценок, суждений представителей научного сообщества о современной молодежи как агенте альтруистического поведения. Методом полуструктурированного интервью весной 2025 г. было опрошено 12 преподавателей вузов г. Екатеринбурга, ведущих дисциплины социогуманитарного профиля. Средняя продолжительность интервью составила 20 мин. Тексты интервью были транскрибированы и обобщены в соответствии с исследовательскими задачами, среди которых: представления преподавателей об альтруизме современной молодежи и мотивации обращения молодых людей к альтруистическим практикам.

Материалы исследования свидетельствуют о том, что молодое поколение в оценках представителей профессорско-преподавательского состава вузов крупного промышленного города выступает носителем креативных идей и обладает инновационным потенциалом, способствующим позитивным изменениям в социальной системе.

В повседневных практиках молодежи, по мнению информантов, присутствует проактивное поведение, нацеленное на оказание бескорыстной помощи не только родственникам/знакомым, но и «*посторонним*» людям, испытывающим потребность в ней. «*Считаю, что ... для большинства современных молодых людей характерны альтруистические поступки. Например, всегда есть студенты, которые готовы донести тяжелые сумки пожилому человеку и купить продукты соседке, которая не может выйти на улицу самостоятельно*» (жен., 38 лет); «*Наша молодежь в целом отзывчивая: ...если обратиться к просьбой, скорее всего помогут*» (жен., 49 лет); «*Посмотрите, сколько волонтеров вокруг, которые выступают активными «двигателями» нашего общественного развития, это же молодое поколение, которое помогает бескорыстно*» (жен., 57 лет).

В поле характеристик современной молодежи экспертным сообществом присутствуют такие ее качества как целеустремленность, самостоятельность, ответственность, неравнодушие, настойчивость, упорство. Наблюдается в оценках большей части информантов указание на агентность молодого поколения, которое «творит» собственный жизненный мир. Результаты наших исследований показывают, что в практиках городской активности молодежи фигурирует желание жить в комфортном городе, т. е. по сути потребность в преобразовании жизненного пространства [9].

Вместе с этим опрошенные также указали на инфантилизм части молодежи, ее неспособность принимать решения, робость и беспомощность. Как отметил один из информантов: *«Молодое поколение воплощает в себе противоречивые черты; например, наряду с решительностью соседствует боязливость. Стремясь к достижению результата, молодежь может проявлять инфантилизм. Очевидно, что противоречивое время несет в себе и формирование противоречивых личностных качеств»* (муж., 60 лет).

В ходе опроса преподаватели отметили важную, на наш взгляд, характеристику молодежи – способность к сопереживанию/сочувствию. Согласно исследованию X Liu с коллегами, чем интенсивнее эмпатия, симпатия и сострадание, тем сильнее альтруистическая мотивация и выше вероятность помогающего поведения [10]. *«Я бы назвала поколение молодых как поколение, способное к сочувствию. Это сочувствие другое, нетипичное, оно становится причиной помощи бескорыстной/бесплатной, например, бездомным животным в приюте, или человеку, который не может оплатить проезд в транспорте. Другое, потому что у молодежи есть большая потребность к взаимному сочувствию: сегодня молодой человек помог кому-то и у него есть надежда, что завтра, если ему понадобится самому помочь, то он ее обязательно найдет»* (жен., 55 лет).

Сопереживание, таким образом, становится ведущим мотивом альтруистического поведения молодого поколения, по мнению экспертов. Помимо него, информанты обратили внимание на желание молодежи творить добро и делать мир лучше как проявление агентности. По мнению преподавателей, проактивная деятельность способствует улучшению качества жизни и благополучия как самих субъектов альтруизма, так и окружающих людей, формируя веру в новое поколение, способное построить процветающее будущее. *«Бескорыстные поступки молодого поколения – это его вклад в будущее. Помогая сегодня другим бесплатно/безвозмездно, молодежь помогает и себе, становится сильной и ответственной, она делает наш мир лучше. Таких людей очень много, они, зачастую, незаметны, поскольку совершают свои малые добрые дела каждый день: уступил место в автобусе, пропустил вперед в очереди, помог однокласснику сделать задание и т. д.»* (жен., 49 лет).

Несмотря на позитивную оценку современной молодежи как ориентированной на помогающее поведение, третья часть экспертов обратила внимание на присутствие рациональности в альтруистических практик молодого поколения: *«Конечно часть молодежи рационализировала свои, кажущиеся на первый взгляд, альтруистические поступки. Да, помогает, но не всем, а только тем, кто не несет угрозы, например, или не требует слишком много. При этом скорее поможет бабушке купить продукты, но не возьмется ухаживать за ней на постоянной основе. Наверное, для молодежи характерны разовые бескорыстные поступки, которые не требуют значительных затрат времени, финансов, сил. В этом я вижу некоторый прагматизм»* (жен., 38 лет).

Рассматривая альтруизм молодого поколения, эксперты также отметили функционирование как коллективных/групповых практик помогающего поведения, так и индивидуальных: *«Я бы сказала, что молодежь вовлекается как в группы помощи (волонтерство), так и индивидуально помогает нуждающимся. Причем мотивация может быть совершенно разной: прийти за компанию с другом или проявить личностное сострадание»* (жен., 52 года). Эти данные согласуются с исследованием А. В. Старшиновой и Ю. В. Лукичевой, которые выяснили, что волонтерство рассматривается молодежью не столько как оказание помощи, сколько как возможность реализовать себя, найти друзей и новые интересы, раскрыть свои творческие способности [11].

Материалы исследования позволили прийти к следующим выводам. Молодое поколение в оценках преподавателей вузов обладает характеристиками агентности, проявляя альтруистическую позицию, принимая решения и беря на себя ответственность за будущее. Как отмечает К. Dickey с коллегами просоциальные установки имеют ценность как на индивидуальном уровне, так и на уровне социальных систем, определяя их уровень благополучия [12]. При этом в молодежи противоречно сочетаются решительность и инфантилизм, сочувствие и прагматизм. В риторике экспертов, тем не менее, современные юноши и девушки ориентированы на созидательные действия/взаимодействия, способствующие повышению социального благополучия в целом.

Литература

1. McLeod J. Vulnerability and the neo-liberal youth citizen: A view from Australia // *Comparative Education*. 2012. Vol. 48, N 1. P. 11–26.
2. Sen A. Development as freedom. New York : Knopf, 1999.
3. Deneulin S., McGregor J. A. The capability approach and the politics of a social conception of wellbeing // *European Journal of Social Theory*. 2010. Vol. 13, N 4. P. 501–519.
4. Крупец Я. Н., Балащук Е. С., Кравцова А. Н. «Потому что я не могу сидеть на месте»: анализ агентности современной российской молодежи на примере крафтовых предпринимателей Санкт-Петербурга // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2024. № 1. С. 48–70.
5. Галкин К. А. Трансформация агентности молодежи и пожилых людей в период пандемии COVID-19 // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2024. № 4. С. 27–45.
6. Трансформирующая агентность учащейся молодежи как ресурс формирования гражданственности в сфере образования / М. В. Певная, А. Н. Тарасова, Д. Ф. Теплаева, Д. С. Протасов // *Образование и наука*. 2024. № 26 (4). С. 169–200.
7. Tam T. S. K., Yeung S. Altruism, social responsibility, and government support for social welfare // *Asia Pacific Journal of Social Work and Development*. 1999. Vol. 9, N 2. P. 79–95.
8. Factors influencing the development of empathy and pro-social behaviour among adolescents: A systematic review / C. Silke, B. Brady, C. Boylan, P. Dolan // *Children and Youth Services Review*. 2018. N 94. P. 421–436.
9. Антонова Н. Л., Абрамова С. Б. Право на город: мотивация социальной активности городской молодежи // *Теория и практика общественного развития*. 2021. № 6. С. 15–19.
10. Effect of socioeconomic status on altruistic behavior in Chinese middle school students: Mediating role of empathy / X. Liu, Y. Zhang, Z. Chen, G. Xiang, H. Miao, C. Guo // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023. Vol. 20, N 4. Art. 3326.
11. Старшинова А. В. Особенности мотивации учащейся молодежи к волонтерской деятельности // *Материалы XXII Международной конференции памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования»*. Екатеринбург : УрФУ, 2019. С. 633–645.
12. One seed at a time: Prosocial youth development in an urban agriculture program / K. J. Dickey, A. E. B. Alpizar, E. Irlbeck, S. Burris // *Journal of Agricultural Education*. 2020. Vol. 61, N 1. P. 110–127.

УДК 316.62

А. Н. Данилов

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

ОБЩЕСТВЕННАЯ МИССИЯ СОЦИОЛОГИИ: ИСТОРИЯ, ПОТЕНЦИАЛ, УРОКИ

Рассмотрены актуальные проблемы высокой общественной миссии социологии в жизни социума, его жизнеспособности как устойчивой и воспроизводящей формы человеческого общежития, направленной на своевременное выявление латентных отклонений и разработку мер упреждающего восстановления системного равновесия. Указывается на недостаточное использование интеллектуального потенциала социологической науки, приведены мнения известных ученых, сформулированы неусвоенные уроки из истории социологии. Акцентируется внимание на взаимодействии науки и власти, их взаимной заинтересованности в полномасштабном использовании потенциала социологии в реализации стратегии устойчивого развития и поиска ответа на новые вызовы и риски.

Ключевые слова: социология, власть, интеллектуальный потенциал, история социологии, уроки истории, новые вызовы и риски.

A. N. Danilov

Belarusian State University, Minsk, Belarus

PUBLIC MISSION OF SOCIOLOGY: HISTORY, POTENTIAL, LESSONS

The author considers the urgent problems of sociology's high public mission in the life of society, its viability as a stable and reproducing form of human community, aimed at timely detection of latent deviations and development of measures for proactive restoration of systemic equilibrium. At the same time, it points to the insufficient use of the intellectual potential of sociological science, cites the opinions of famous scientists, and formulates unlearned lessons from the history of sociology. Attention is emphasized on the interaction between science and power, their mutual interest in the full-scale use of sociology's potential in the implementation of sustainable development strategy and the search for a response to new challenges and risks.

Keywords: Sociology, power, intellectual potential, history of sociology, lessons of history, new challenges and risks.

Сегодня термин «социология» уже ни у кого не вызывает удивление или смущенное пожимание плечами, что означало бы – «никогда не слышал». Ежедневно с экранов телевизоров, радио, газет, журналов, на сайтах интернета можно прочитать результаты социологических опросов на все мыслимые или немислимые темы. Конечно, это и хорошо и плохо одновременно. Хорошо – потому, что в обществе присутствует система изучения общественного мнения, позволяющая использовать чужой опыт, а значит, существует некий социальный механизм, который может упреждать, ограждать людей от возможных ошибок, неправильных действий или поступков. Плохо, как раз в том, что как показывает опыт, на чужих ошибках никто не учится. Да, и массовость – не сродни качеству, с годами все больше появляется фирм однодневок или просто самозванцев от социологии, которые под эгидой социологических исследований готовы выполнить любое пожелание заказчика.

Каждая наука рождается дважды: первый раз в форме идеи, второй – в процессе институционализации. Идея или проект новой науки содержит обоснование общественной потребности в соответствующем знании, его функциональной направленности, методологических основаниях, а также доказательства невозможности получения знания из других источников – существующих научных дисциплин, жизненного опыта и др. Институционализация – это общественное признание и правовое закрепление статуса новой науки, после чего становится возможным ее преподавание, подготовка кадров, создание научных подразделений, финансирования исследований.

Вопрос о зарождении, времени и месте возникновения социологии, ее основоположниках, этапах (периодах) развития имеет большое значение. Считается, что впервые слово «социология», обозначающее область научного знания было введено в научный оборот французским мыслителем Огюстом Контom в его работе «Курс позитивной философии». Как и многие другие философы того времени, О. Конт находился под воздействием крупных успехов в области естественных наук. Поэтому он, рассматривая проблемы общества и социального поведения, во-первых, поднял на щит девиз «Порядок и прогресс», где порядок понимался по аналогии с физикой как симметричность и уравновешенность структурных элементов общества (индивидов и групп), а прогресс – как использование знаний об обществе прежде всего для решения конкретных проблем, направленных на оптимизацию человеческих отношений, в чем, по его мнению, наблюдалось отставание от других наук. Именно в этот период (конец XVIII – первая половина XIX в.), в который и жил О. Конт, традиционно и рассматривается как время зарождения социологии.

Процесс институционализации новой науки растянулся на 50 лет, его завершением можно считать основание в 1892 г. первого в мире социологического факультета в Чикагском университете, создание в Сорбонне кафедры социологии и присуждение Э. Дюркгейму первого в мире звания профессора социологии. Великая плеяда пионеров социологии, включая признанных классиков – О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, Г. Зиммель, М. Вебер, да и Дюркгейма в первый период творчества, а также многих последователей и оппонентов социологии во многих странах (в России – П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, Н. И. Кареев, Н. М. Ковалевский и др.; в Беларуси – И. В. Канчевский и др.) строили здание социологии потому, что верили в ее потенциал, считали полезной и необходимой для общества, имея в виду не только свои страны, но и как правило судьбы человечества.

Можно, пожалуй, признать аксиоматичным, что новая наука утверждается только тогда, когда отвечает на актуальные общественные запросы, соответствует «духу времени» (М. Вебер) как устойчивой форме ценностного сознания социума. Если это так, то совсем не случайно социология возникла именно во Франции, в стране, пережившей на рубеже XVIII–XIX вв. несколько тектонических потрясений: революцию, с невиданным до того террором; взлеты и падения наполеоновского правления; реставрацию монархии с новой спиралью революционной ситуации. Предпосылками тому стали: 1) *образовательная*: социология нужна

для того, чтобы вырастить специалистов, которые смогут грамотно разрешать конфликты, предохраняя общество от революций и войн, т. е. упреждая разрушение фундаментальных основ и нравственных устоев человеческого общежития. 2) *гносеологическая*: суть ее в следующем вопросе: «Насколько, при существующей системе наук и организации исследований, общество способно к самопознанию, а значит, к грамотному решению возникающих проблем и упреждению социальных взрывов?». 3) *амелиористская* (фр. *Amelioration* – улучшение). Все в обществе со временем устаревает, перестает соответствовать новым условиям и нуждается в улучшении, усовершенствовании, обновлении в целом или в отдельных деталях и аспектах. И здесь очень важен мониторинг социальных устоев общества, а это уже – социология.

В таком случае социология есть наука о жизнеспособности социума как устойчивой и воспроизводящей формы социальности, человеческого общежития – от семьи, коллектива, института, до общества в целом, т. е. конкретной страны-государства, направленная на своевременное выявление латентных отклонений и разработку способов упреждающего восстановления системного равновесия.

Социология близка к социальной философии, которая изучает общие механизмы развития общества. Она тесно связана с экономической теорией, которая изучает проблемы производства, распределения и обмена материальных благ. Тесно переплетена социология с социальной психологией, которая тоже изучает закономерности поведения и деятельности людей. Социология для наблюдения групп фактов также использует психологический подход. Социологи интересуются результатами исследований антропологов, этнографов, этнологов, историков, культурологов. Как показывает история наук, именно в точках пересечения и соприкосновения возникают интересные теории. Социологию отличает от других наук то, что она изучает структурные единицы общества (личности, группы, слои, ассоциации), социальные связи между ними (действия, взаимодействия, социальные институты), а также динамику социальных структур (социальные изменения).

Социологию принято относить к числу публичных наук. Действительно, некоторые ее результаты привлекают всеобщее внимание: рейтинги политических лидеров и партий, электоральные предпочтения, данные об умонастроениях и ожиданиях разных категорий населения, оценки важных событий и государственных решений, общественное мнение о стратегических направлениях развития, векторах международной политики и интеграции, отношение к тем или иным теле- и радиопрограммам, передачам, печатным органам и т. д., предложения населения по разным проблемам повседневной жизни, спрос на товары и услуги и др. Все это важная часть социологической работы и от ее качественного выполнения зависит степень самопознания обществом самого себя, а значит, и социальные настроения людей. Социологические опросы действительно обладают свойством «самоосуществляющегося прогноза», и в этом их большая сила и огромная ответственность науки.

Но социология в современном мире является и особой формой общественного сознания, она связывает высшие уровни – философскую метафизику, религиозную трансцендентность, этическую императивность, эстетический идеал прекрасного – со сферой повседневности, переводя высокую символику в ценностно-смысловые определения конкретного социума, а значит, приемлемые для каждого человека. Так создается картина социальной реальности, возможная для данной эпохи, которая и является основой мировоззрения. Особенность данной формы общественного сознания в том, что это стабилизационное сознание, которое выражает общую интенцию к поддержанию стабильности, динамической устойчивости социума и поиск инновационных путей повышения его жизнеспособности. В решающей для перспектив развития общества точке бифуркации, понимаемой как столкновение «старого» и «нового», стабилизационное сознание не уничтожает «старое», а стремится заменить его путем «обновления».

Современная социологическая наука представляет собой разветвленную систему знаний разного уровня обобщений, обладает сложной и многоступенчатой структурой. Как и другие социальные науки, социология призвана удовлетворять информационную потреб-

ность социальных субъектов – государства и его органов, гражданского общества, отдельных граждан.

М. К. Горшков в своей юбилейной книге «Есть такая профессия – общество изучать» [1] писал: «История возникновения, развития и конституирования отечественной социологии – далеко не линейный процесс, наполненный многими противоречиями, конфликтами и даже острой идейно-мировоззренческой и политической борьбой. Без преувеличения можно сказать: вряд ли какая из отраслей общественного знания испытала подобные «хождения по мукам», завоевывая устойчивый авторитет и самостоятельное место в системе социальных и гуманитарных наук» [1, с. 12]. «Начало резко негативному отношению к социологии положил отнюдь не сталинский режим, о чем еще нередко говорят в студенческих аудиториях, а царские власти, в особенности в конце XIX – начале XX столетий» [1, с. 19].

В качестве свидетельства тому можно привести суждения М. М. Ковалевского, который с возмущением писал: «...социология, обнимающая все области социального знания, синтезирующая их основные выводы, раскрывающая перед нами причины прогресса и упадка отдельных наций, указывающая на условия примирения порядка с поступательным ходом истории, продолжает оставаться изгнанной из высших школ и пользуется незавидной репутацией у официальных педагогов» [1, с. 19]. Долгое время социология воспринималась как аналогия революции, бунта, перемен, отождествлялась с социалистами в Россию, был запрещен ввоз социологической литературы [2, с. 2], а Русскую высшую школу общественных наук пришлось открывать в Париже (1901 г.). П. А. Сорокин в 1912 г. вынужден был констатировать: «В настоящее время социология является опальной наукой только в России. Только у нас ее могут путать с социализмом, видеть в ней источник революций и бунтов... Только в одной России университеты блещут отсутствием кафедры социологии» [3].

В первые годы после Октябрьской революции «...судьба социологии складывалась в стране относительно благополучно: несмотря на сложности исторического момента, наблюдался теоретический «рост», активно шел процесс институционализации социологической дисциплины в новых общественных условиях. В октябре 1918 г., на волне революционных преобразований, был учрежден Социобиблиографический институт, занимавшийся не только библиографизацией новых явлений в области социальных наук, но и популяризацией социологических знаний и трансформировавшийся со временем в Социологический институт, активно взаимодействовавший с Русским социологическим обществом имени М. М. Ковалевского, возобновившем свою деятельность в 1919 г.» [1, с. 22]. В тоже время «возглавлявший Институт в 1920 г. К. М. Тахтарев обратился в Народный комиссариат просвещения РСФСР с проектом по созданию Российского социологического института, который должен был развернуть работу по подготовке профессиональных исследователей-эмпириков, специалистов-теоретиков по разным отраслям социологии, преподавателей высшей школы, а также по распространению социологических знаний в народных массах. Однако данное предложение не встретило поддержки, а в 1921 г. был закрыт и сам Социологический институт...» [1, с. 22]. Вскоре Ленин обрушился на Сорокина – за данные о падении нравов, о раздолье любителям «клубнички» после революции. И Сорокин в 1922 г. прямо говорит о том, что социология впадала в «немилость». «Но эта немилость малоопасна. Социальная жизнь повелительно стимулирует интерес к социологии, а, стало быть, изучение ее будет в том или ином виде идти» [4, с. 418]. Тем не менее с конца 1930-х годов «социология «выпала» из системы советского обществоведения на несколько десятилетий. <...> ... как наука, не разделявшая положения догматиков марксизма-ленинизма, она была исключена из учебных программ и фактически «перенесена» в исследовательские институты, многие из которых были закрыты, даже не успев развернуть научную деятельность [1, с. 23].

Возрождение социологии было неизбежно, так как в мире социология уже заняла свое достойное место вреди классических социальных дисциплин. А. С. Капто в своей очень честной и аргументированной книге «Социологический резонанс: о том, как на самом деле это было и как не было» пишет, что «отношения власти и социологии в период ее возрождения – одна из актуальных историко-познавательных и острейших общественно-политических

проблем... <...> ... насколько продуктивным является тотальный крен под знаком отречения от прошлого? Не попадаем ли мы в результате безоглядного беспамятства в объятия самообмана?» [5, с. 6]. Фактически возрождение социологии в СССР начиналось как «политическая витрина» [6] и пришлось на начало «хрущевской оттепели», а ее «официально провозглашенная функция сводилась к информационному обеспечению проводимых в стране в ту пору реформ. При этом основной акцент был сделан на прикладные задачи социологической науки и обоснование значимости эмпирических методов познания социума» [1, с. 24].

Профессор Г. П. Давидюк активный участник возрождения социологии в Беларуси писал: «Яростно сопротивлялась социологии советская политическая система. <...> Весной 1966 г. в Минске в Академии наук шла Всесоюзная конференция по проблемам социальной структуры советского общества. <...> В докладе на пленарном заседании (председествовал директор Института философии АН СССР Д. И. Чесноков), я акцентировал, что мы изучали живой социальный организм общества, а не статистику и газетные данные, рассказывал о социологических методах, приемах обработки информации. Чесноков резко оборвал меня и начал поучать: «Социология – буржуазная наука. Вы пользовались буржуазными методами исследования советского общества. Вы забыли, что методологией такой работы является исторический материализм». <...> В 1978 г. советская делегация высшей школы выезжала в ГДР на совещание заведующих кафедрами общественных наук. От Белоруссии в делегацию входил я. На инструктаже в Министерстве высшего образования СССР замминистра, руководитель делегации Н. И. Мохов попросил ее членов доложить, кто в какой секции и о чем будет говорить. Я сказал, что буду работать в секции социологии, собираюсь рассказать, как в БГУ готовят социологов, проводят исследования и как эта работа увязывается с учебным процессом, Мохов не замедлил опросить: «Кто разрешил вести подготовку социологов в университете?» Я ответил, что учебный план подготовки утвердил первый заместитель Министра высшего образования СССР Н. Ф. Краснов, состоялось два выпуска специалистов, у них диплом по профессии «прикладной социолог». Мохов обещал «разобраться». Нагрянула министерская проверка, признала неправильной запись в дипломе и предписала впредь делать запись «преподаватель общественных наук». Так мы и делали до 1988 г., пока социологию не признали самостоятельной наукой» [7].

Ж. Т. Тощенко в своем интервью «Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина», которое он дал Б. З. Докторову в 2007 г. на вопрос «Сейчас часто говорят о притеснениях, которые социологи испытывали со стороны партийных органов: ограничения в тематике исследований, несправедливая критика. Сталкивались ли Вы с такими проблемами?» ответил: «В истории нашей социологии были позорные страницы: расправа над Ю. А. Левадой, различные санкции против В. А. Ядова, запреты проводить те или иные исследования, распространять анкеты в Москве, Минске, Киеве и других городах. Немало было выговоров, замечаний практически у каждого из нас. Но в то же время я не согласен с заявлениями о «репрессиях против социологов», особенно часто звучавшими вначале 1990-х гг.» [6].

Г. С. Батыгин утверждал, что «вероятно, ни одна социология в мире не обладала и не обладает таким влиянием на жизнь общества, каким обладала советская социология. <...> Советская же социология была социологией *par excellence* – она создавала картины мира и транслировала их на многомиллионную аудиторию, используя для этого массовую печать, радио, телевидение, систему партийно-политической учебы, и – самое главное – разрабатывала проект практического переустройства общества. Вряд ли будет преувеличением сказать, что советская социология осуществляла власть над умами и – в той степени, в какой обществоведы участвовали в легитимации социальных порядков, – власть над властью. Идея светлого будущего открывала перед общественной мыслью мир неограниченных возможностей. Смысл социологической работы заключался, собственно говоря, в рационализации и развертывании будущего посредством критики настоящего» [8, с. 11]. И все же сакральные слова Ю. В. Андропова о том, что мы плохо знаем общество в котором живем, лишь подтверждают наши размышления о ненадлежащем использовании интеллектуального потенциала социологической науки.

Об уроках использования потенциала социологии.

Во-первых, практика трех последних десятилетий подтвердила, что социология – одна из тех наук, без которых современное общество не может развиваться успешно. Сегодня социология прочно вошла в нашу повседневную жизнь и ей по праву принадлежит ведущая роль в изучении социума. Она системно изучает общество, выводы и обобщения социологов опираются, как правило, на значительную эмпирическую базу, что делает их доказательными и поэтому они становятся реальным инструментом управленческой деятельности.

Во-вторых, угрозы и вызовы, с которыми столкнулся современный мир, ведут к необходимости существенного обновления теоретико-методологической базы социологии как науки о жизнеспособности социума, направленной на своевременное выявление латентных отклонений и разработку способов упреждающего восстановления системного равновесия, выполняющей высокую общественную миссию по выработке и реализации стратегии безопасного будущего.

В третьих, учитывая все возрастающую скорость социальных перемен можно утверждать, что глубокие социальные перемены неизбежно будут ставить проблемы фундаментальных смыслов и ценностных ориентиров человеческой жизнедеятельности. Техногенная цивилизация вместе с большими достижениями и прорывами во всех сферах жизнедеятельности человечества принесла глобальный экологический и антропологический кризисы, породила множество проблем, природа которых остается до конца непоясненной.

В четвертых, неустойчивость мировой экономической системы, не прекращающиеся конфликты и военные столкновения, борьба за ресурсы, духовное оскудение стали своего рода индикаторами неизбежности перемен. Новые вызовы, с которыми столкнулся мир, ведут к необходимости существенного обновления, в том числе теоретико-методологической базы социальных и гуманитарных наук. В полной мере это касается социологической науки и образования.

В пятых, недооценка стратегической роли социологии в системообразующем обновлении социума, ее стратегической значимости для успешной модернизации общества и экономического роста со стороны властных элит – одна из причин, торможения развития современного общества. И здесь именно образование должно взять на себя функции гражданской консолидации общества, укрепления социальной и межнациональной солидарности, сохранения духовной общности и целостности социума. Именно образование должно стать общей духовно-ценностной платформой для формирования образа будущего страны.

И в заключении следует отметить, что предстоит большая работа по возвращению высокой миссии социологического образования как центра формирования ценностной матрицы будущего. В центр нового дискурса выдвигаются вопросы, прямо или косвенно связанные с проблематикой судеб современной цивилизации, с возможными сценариями будущего человечества. Именно в ее недрах собственно и формируются новые жизненные смыслы и ценности, позволяющие человеку адаптироваться к новым вызовам и рискам, ориентироваться в современных жизненных условиях.

Литература

1. Горшков М. К. «Есть такая профессия – общество изучать». Избранные статьи, интервью, биографические открытия. М. : Весь Мир, 2020.
2. Ковалевский М. М. Социология на Западе и в России // Новые идеи в социологии. Неperiodическое издание, выходящее под ред. М. М. Ковалевского, Е. В. Де Роберти. СПб. : Образование, 1913.
3. Сорокин П. А. К обоснованию социологической секции исторического общества при Санкт-Петербургском университете // Запросы жизни. 1912. № 48.
4. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. М., 1994.
5. Капто А. С. Социологический ренессанс: о том, как на самом деле это было и как не было. М. : У Никитских ворот, 2018.
6. Тощенко Ж. Т. «Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина». Интервью Б. З. Докторову // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 149–170.
7. Давидюк Г. П. Беларусь: в муках, страданиях родилась социология // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 93–99.
8. Батыгин Г. С. Предисловие // Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах. 1999.

**ФАКТОРЫ И ИНДИКАТОРЫ ПОСТРОЕНИЯ
СПРАВЕДЛИВОГО ОБЩЕСТВА В КАЗАХСТАНЕ:
ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ⁴**

На основе статистических и социологических данных проводится анализ становления Нового Справедливого Казахстана, курс на который был заявлен Президентом страны К. К. Токаевым в 2022 г. Показывается, что для значительного снижения уровня неравенства в Казахстане требуется комплексный подход. Необходимо усилить социальную политику, направив её на поддержку уязвимых групп населения. Реформирование налоговой системы в сторону большей прогрессивности позволит перераспределить финансовые ресурсы в пользу тех, кто в них наиболее нуждается. Увеличение инвестиций в человеческий капитал, особенно в отстающих регионах, станет ключевым фактором для улучшения качества жизни и создания равных возможностей для всех граждан. Только такой системный подход сможет преодолеть существующие диспропорции и создать более справедливое общество.

Ключевые слова: индикаторы справедливости, права человека, экономическое неравенство, социальное неравенство, доступ к социальным услугам.

V. D. Kurganskaya, V. Yu. DunaevInstitute for Philosophy, Political Science and Religion Studies SC MSHE RK
Almaty (Republic of Kazakhstan)**FACTORS AND INDICATORS OF BUILDING A FAIR SOCIETY IN KAZAKHSTAN:
EXPERT ANALYSIS**

The course for the construction of a New Fair Kazakhstan was announced by the President of the country, K.K. Tokayev, in 2022. The analysis of this process is carried out in the article on the basis of statistical and sociological data. The authors of the article show that a comprehensive approach is required to significantly reduce inequality in Kazakhstan. Social policy needs to be strengthened to support vulnerable groups of the population. Reforming the tax system towards greater progressivity will make it possible to redistribute financial resources in favor of those who need them most. Increased investment in human capital, especially in lagging regions, will be a key factor in improving the quality of life and creating equal opportunities for all citizens. Only such a systematic approach can overcome existing imbalances and create a more just society.

Keywords: indicators of justice, human rights, economic inequality, social inequality, access to social services.

Введение

Следование принципам и нормам распределяющей справедливости – важнейший принцип построения Нового Казахстана. «Люди – главная ценность нашей страны, – подчёркивает Президент Республики Казахстан К. К. Токаев. – Поэтому справедливое распределение национальных богатств и предоставление равных возможностей каждому гражданину – ключевая цель наших реформ... Мы станем сильной и успешной нацией, когда каждый из нас будет всемерно укреплять единство и твёрдо следовать принципам справедливости» [6]. Эти установки Президента находят отклик у подавляющего большинства граждан страны, для которых социальная справедливость является фундаментальной общественно-политической и экзистенциальной ценностью.

С момента объявления курса на построение справедливого общества Президентом Республики Казахстан К. К. Токаевым в 2022 г. прошло совсем немного времени, однако казахстанские учёные уже работают над мониторингом и анализом процесса внедрения принципов справедливости в общественную жизнь. Это критически важно для оценки эффективности принимаемых мер и корректировки дальнейших действий. Цель данной статьи – предоста-

⁴ Исследование проведено в рамках финансирования КН МНВО РК – грант BR20280977 «Современные концептуальные подходы к содержанию справедливости и её реализации в казахстанском обществе в условиях глобальных трансформаций».

вить анализ текущего положения дел в сфере обеспечения социальной справедливости и выявить ключевые направления дальнейшего продвижения страны к справедливому обществу.

В статье использовались результаты социологических исследований: 1) экспертного опроса, проведённого ТОО «BRIF Research Group» по заказу ИФПР КН МНВО РК в рамках проекта «Социальная модернизация казахстанского общества» (2023 г.); 2) исследования «Доверие, солидарность, толерантность, справедливость», проведённого ТОО BRIF Research Group по заказу ИФПР КН МНВО РК (2023 г.); 3) исследования в рамках проекта «Современные концептуальные подходы к содержанию справедливости и её реализации в казахстанском обществе в условиях глобальных трансформаций», проведённого ОО «Научно-исследовательская ассоциация «Институт демократии» по заказу ИФПР КН МНВО РК (2024 г.).

Правовая справедливость как основа политической стабильности общества

Справедливость – это фундаментальный принцип, на котором зиждется правовое государство, стремящееся к гармонии между законом и свободой, равенством и достоинством. Она является не только юридической нормой, но и этическим идеалом, пронизывающим все аспекты жизни общества. В Казахстане этот принцип нашёл своё отражение в Конституции и других правовых документах, создавая прочный фундамент для верховенства закона и защиты интересов каждого гражданина.

Среди факторов, которые могут создавать барьеры для обеспечения равных прав и возможностей для всех граждан Казахстана, выделим три. Во-первых, сложность и запутанность правовых норм часто затрудняют их понимание и применение. Во-вторых, недостаточная информированность населения о своих правах и обязанностях усугубляет ситуацию, оставляя многих людей уязвимыми перед несправедливостью. Наконец, возможные злоупотребления и нарушения со стороны должностных лиц подрывают доверие к государственным институтам и усиливают ощущение несправедливости в обществе.

Для большинства опрошенных экспертов правовая защищённость прямо ассоциируется с концептом справедливого государства. «Справедливый Казахстан – это очень аморфная вещь. Здесь бы я чётко сказала, а что такое справедливый Казахстан? Для меня, это единое правовое пространство, которое работало бы. Не просто декларировало, а работало. И я бы знала для себя, что у нас есть справедливые суды, и если я пойду в суд, мне не надо никому платить, меня не будут дискриминировать ни по какому из моих личностных принципов, характеристик, критериев и так далее». По мнению экспертов, в стране проявления правовой несправедливости особенно опасны и могут привести к политической нестабильности в обществе. «Люди могут терпеть политическую несправедливость, люди могут потерпеть в какой-то мере экономическую несправедливость. Но вот это накапливаемое неудовольствие от правового беспредела – это будет в числе каких-то потенциальных конфликтогенных зон, когда люди постоянно страдают от правового беспредела. И это тоже может вылиться в какого-то рода конфликт, и какого-то рода волнения».

В Казахстане действуют механизмы контроля за деятельностью государственных органов. Граждане могут обращаться с жалобами и заявлениями в различные инстанции, а также использовать средства массовой информации и общественные организации для привлечения внимания к проблемам, связанным со справедливостью и её нарушениями. Для решения острых проблем государство предпринимает различные меры, включая совершенствование законодательства, повышение прозрачности деятельности правоохранительных органов и судов, а также развитие механизмов защиты прав человека. Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев в ноябре 2024 г. подписал закон, направленный на реформирование судебной системы и совершенствование процессуального законодательства [3].

Важно отметить, что обеспечение справедливости – это непрерывный процесс, требующий постоянного внимания и усилий со стороны государства и общества. Только так можно создать условия, в которых каждый гражданин будет чувствовать себя защищённым и уверенным в том, что его права будут не просто декларированы, но и реально защищены и соблюдены.

Восприятие неравенства как оценка справедливости/несправедливости

Социологические исследования подтверждают, что в Казахстане есть большая востребованность справедливости. В проведенном в 2023 г. широкомасштабном социологическом исследовании «Доверие, солидарность, толерантность, справедливость» категория справедливость вошла в тройку самых значимых для респондентов ценностей наряду с семьей и здоровьем. В 2024 г. идея справедливого Казахстана также поддерживается большинством респондентов – 88,9 %. Более трети респондентов (40 %) отметили, что за последние 2–3 года казахстанское общество стало более справедливым.

Однако общество в настоящее время находится на начальной стадии перехода к более справедливому социальному устройству. Существует ряд объективных показателей, по которым можно судить о справедливости того или иного общества. Главным индикатором экономической справедливости являются различия в уровне доходов. Коэффициент Джини – ключевой показатель, измеряющий уровень неравенства в доходах. В 2024 г. в Казахстане коэффициент Джини по 10 % группам населения составил 0,300, по 20 % – 0,285 [4].

По итогам II квартала 2023 г. сохранялась значительная дифференциация в городской и сельской местности долей населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума. Так, значение показателя в сельской местности превысило значение показателя в городской местности (3,9 %) на 3,3 п.п. и составило 7,2 %. На риск бедности оказывает сильное влияние размер домашнего хозяйства. Так, уровень бедности среди домашних хозяйств, состоящих из 5 и более лиц, по итогам II квартала 2023 г. составил 9,2 %, что выше общего уровня бедности почти в 2 раза. Величина прожиточного минимума в среднем за месяц на душу населения во II квартале 2023 г. по РК составила 47 884 тенге [5].

В широкомасштабном социологическом исследовании 2023 г. «Доверие, солидарность, толерантность, справедливость» самыми острыми видами неравенств в стране, общих для всех казахстанцев, респондентами были названы неравенство в доходах, доступ к хорошим жилищным условиям, медицинскому обслуживанию и т. д. Статистика подтверждает результаты социологического исследования. По итогам четвертого квартала 2024 года средние доходы 10 % наиболее обеспеченного населения страны (2 009 636 чел.) превысили доходы 10 % наименее обеспеченных (2 026 498 чел.) в 6,5 раза. Богатейшие домохозяйства зарабатывали 53 млрд тенге, тогда как самые бедные – всего 8,3 млрд тенге. Денежные расходы (на 100 членов домашних хозяйств) составили 4 018 746 у 10 % наименее обеспеченного населения и 26 168 372 тенге у 10 % наиболее обеспеченного населения.

То есть наиболее обеспеченные слои населения тратили на свои нужды практически в 6 раз больше, чем наименее обеспеченные. Расходы на продовольственные товары у 10 % менее обеспеченных граждан составили 2 392 885 тенге, у более обеспеченных 10 % – 11 201 835 тенге (более чем в 5 раз), на непродовольственные товары соответственно 776 203 и 6 963 431 тенге [4] (почти в 9 раз). Понятно, что обеспеченные группы населения ведут другой образ жизни, требующий больших затрат на ведение собственного бизнеса, медицинские и образовательные услуги, сферу досуга и здорового образа жизни (фитнес-клубы, оздоровительные центры, бассейны и пр.), престижный отдых, качественную одежду и обувь и пр.

«Неравенство может влиять на продолжительность жизни человека и его доступ к базовым услугам, таким как здравоохранение или образование. Оно может ограничивать права человека, например, в результате дискриминации, злоупотреблений и отсутствия доступа к системе правосудия. Высокий уровень неравенства препятствует расширению навыков, ограничивает экономическую и социальную мобильность, а также развитие человеческого потенциала и, как следствие, тормозит экономический рост страны. Неравенство также способствует укоренению чувства неопределенности, уязвимости и отсутствия безопасности, подрывает доверие к институтам и правительству, усиливает социальную разн и напряжённость, а также порождает бедность и конфликты» [8, с. 4].

В 3 квартале 2024 г. Астана лидировала среди регионов Казахстана по уровню социального неравенства. Доходы 10 % наиболее обеспеченных домохозяйств в Астане в 7,4 раза превышают доходы 10 % наименее обеспеченных, в Алматы – в 6,5 раза, в Шымкенте – в

3,2 раза, в Мангистауской области – в 2,5 раза [7]. По результатам выборочного обследования домашних хозяйств доля населения, имеющего доходы ниже величины прожиточного минимума, в IV квартале 2024 г. составила 4,8 %. Однако если в Астане доля такого населения составляет всего 2,1 %, то в Туркестанской области 8,4 % [3].

В вышеуказанном социологическом исследовании просматривается прямая зависимость во взглядах на справедливость от уровня доходов. Среди респондентов, которым денег не хватает даже на питание, наибольшее количество (23,9 %) тех, кто считает, что за последние 2–3 года общество стало менее справедливым. В высокодоходных группах так считает только 9,8 % опрошенных. Выясняется, что чем обеспеченнее респонденты, тем больше среди них тех, кто видит рост справедливости за последние годы (от 20,7 % у респондентов бедных слоев до 54,6 % у респондентов с высокими доходами).

Восприятие неравенства – важный социальный феномен, влияющий на представления о справедливости и общественные настроения. Так, неравенство в доходах уязвляется гражданами с несправедливым отношением к ним. В 2023 г. ответы на вопрос о том, приходилось ли респондентам испытывать несправедливое отношение к себе в разных сферах жизнедеятельности) распределились таким образом: на работе – 38,2 %, в общественных местах – 33,4 %, дома, в бытовых ситуациях – 16,9 %, в кругу друзей и знакомых – 16,2 %, в кругу родственников – 16,4 %, в соревнованиях, состязаниях и конкурсах – 22 % (сумма ответов «да, практически всегда» и «да, иногда»). То есть несправедливое отношение ощущается респондентами в общественной деятельности чаще, чем в кругу близких людей. Респонденты назвали в основном 2 причины несправедливого к себе отношения, одна из самых главных – их социально-экономический статус.

Наличие у респондентов работы позволяет им более оптимистично оценивать рост справедливости в обществе: 11,5 % работающих против 27 % безработных посчитали, что за последние 2–3 года казахстанское общество стало менее справедливым. Таким образом, в массовом сознании казахстанцев категории справедливость/несправедливость увязаны с их социально-экономическим положением.

Прослеживается также прямая зависимость оценок правильности развития страны от уровня доходов. Чем ниже доход, тем критичнее респонденты настроены к выбранным страной направлениями развития: в политическом направлении неправильность пути развития признают 39,1 % респондентов беднейших слоев и 7,1 % в высокодоходных группах; в социальном – 39,1 и 6,3 % соответственно, в экономическом – 47,8 и 8,7 % соответственно.

Восприятие социального неравенства как несправедливого явления приводит к выраженным негативным эмоциональным реакциям, снижает уровень общественного доверия, который, как выяснилось в социологическом исследовании 2024 г., находится в зависимости от материального статуса респондентов. Полностью не доверяют органам власти третья часть респондентов из самых бедных слоев (30,4 %) и менее десяти части респондентов (7,9 %) из обеспеченных слоев.

Доверие – это хрупкий, но жизненно важный элемент, который скрепляет общество, подобно невидимой нити. Когда оно рвется, образуется разрушительный вакуум, который мгновенно заполняется конфликтами, нестабильностью и недоверием. В этом хаосе неравенство перестаёт быть просто экономической или социальной проблемой – оно превращается в глубокую философскую дилемму, затрагивающую саму природу человеческих отношений и природу справедливости.

Социальные и экономические индикаторы справедливости в Казахстане

Выше мы рассмотрели индикаторам правовой и экономической справедливости. Дополним, что к экономической справедливости относится уровень безработицы. Так, уровень молодёжной безработицы может отражать не только экономическую ситуацию, но и доступность образования и профессиональной подготовки для молодых людей. Занятость уязвимых групп (уровень занятости среди людей с ограниченными возможностями), уровень доступности финансовых ресурсов для предпринимателей (кредитование малого и среднего бизне-

са), уровень знаний граждан о кредитных продуктах и инвестициях (финансовая грамотность населения) также являются показателями экономической справедливости.

Существуют также индикаторы социальной справедливости: доступ к качественному образованию, процент людей с высшим и средним образованием, рейтинги учебных заведений, количество финансируемых мест в вузах для студентов из мало защищённых слоёв населения, степень доступа к базовым медицинским услугам для различных групп населения (городское vs. сельское население), количество медицинских учреждений, а также уровень их финансирования и оснащения, объём помощи, предоставляемой государством различным категориям граждан, включая пенсионеров и многодетные семьи, доля населения, охваченного социальными программами и инициативами.

Эксперты по-разному оценивают уровень справедливости в стране, выделяя несколько ключевых аспектов:

1. Социальная справедливость

Неравенство и минимизация бедности. По мнению многих экспертов, в Казахстане существует значительный уровень экономического неравенства. Один из главных вопросов, обсуждаемых экспертами, касается борьбы с бедностью и создания условий, при которых все граждане смогут достичь достойного уровня жизни. «Экономическая справедливость в Казахстане остаётся под угрозой. Мы наблюдаем, как ресурсы распределяются неравномерно, что усугубляет бедность среди определённых социальных групп»; «По большей части, все недовольства идут от бедности населения... Фактически, у нас есть люди, и даже целые регионы, которые находятся ... в состоянии бедности. Вот вам и весь конфликтный потенциал». Многие эксперты отмечают, что ухудшение экономических условий жизни (инфляция, повышение стоимости жизни, обеднение части населения) приводит к увеличению разрыва между разными слоями населения. Социальное напряжение возрастает и может вылиться в конфликты. «Там, где есть определённое экономическое недовольство, вероятность конфликтов высокая. То есть, надо эти точки рассматривать под лупой, понимать, что лежит в основе, какого рода причины для этих конфликтов».

2. Правовая система

Доступ к правосудию и защита прав человека. Эксперты считают, что одной из острых форм несправедливости в Казахстане является неравенство в решении правовых вопросов, связанных со слабостью судебной и правовой системы страны. Эксперты акцентируют внимание на необходимости улучшения доступа к судебной системе для всех граждан. Вопросы прозрачности и независимости судов также остаются актуальными. «Правовая система Казахстана нуждается в кардинальных изменениях. Независимость судов и прозрачность правоприменения – это ключевые факторы для обеспечения справедливости». Многие эксперты считают, что государство сделает большой шаг в направлении снижения конфликтного потенциала, если оно обеспечит справедливую и честную работу судов и силовых органов, без коррупции и кумовства.

Обсуждаются случаи нарушения прав человека, что ставит под сомнение справедливость в правоприменении и обеспечении прав граждан. «Справедливость в Казахстане требует не только правовых изменений, но и культурных. Необходимо формировать общественное сознание, где уважение к правам других людей станет нормой». Некоторыми экспертам отмечалась так же незащищённость права собственности, когда, например, у бизнесменов отбирают бизнес. «Я встречался с людьми, у которых просто бизнес отобрали, просто из-за каких-то формальностей. Потому что не давали возможности работать. И это, тоже измерение справедливости».

3. Политические аспекты

Участие в политическом процессе. Избирательный процесс – одна из значимых форм участия в управлении государством. В исследовании 2024 г. преобладающее число респондентов (в сумме 57,8 %) считают, что за последние 5 лет избирательный процесс в стране более открытым, конкурентным и справедливым, хотя более трети населения (в сумме 38,5 %) никаких изменений в этой сфере не увидели. Многие эксперты подчёркивают важность по-

литической справедливости, включая доступ граждан к процессу принятия решений и участие в выборах. Выборы глав в местные органы власти (акимов) эксперты оценили неоднозначно. С одной стороны, они приветствовали выборы, но с другой стороны, высказывали сомнение в эффективной работе не имеющих специального образования акимов: «Я столкнулась с тем, что многие акимы сейчас просто необразованные. Они хорошие парни, они выиграли выборы, но они не понимают, как всё это делать. То есть в начале нужно их обучать». По мнению экспертов, необходимо обеспечение реально конкурентных выборов на всех уровнях, постепенно, обучая кандидатов, повышая уровень компетентности кандидатов.

Свобода слова. Ограничения на свободу слова и преследование оппозиционно настроенных граждан также рассматриваются как препятствие на пути к справедливости. «Есть какая-то определённая открытость, у нас нет вот этого железного занавеса. Конечно, нельзя сказать, что у нас совсем есть свобода слова. Но дозированно, в определённых пределах можно говорить о том, что она у нас присутствует». Практически все эксперты отметили, что СМИ и соцсети играют важную роль в вопросах возникновения конфликтов и протестов. Одни респонденты считают, что медиа надо мониторить и контролировать, жёстко наказывать тех, кто допускает разжигающие рознь высказывания, распространяет провокационную информацию. Другие эксперты ратуют за соблюдение свободы слова, и предлагают больше усилий тратить на обучение людей и особенно молодёжи критическому восприятию и осмыслению информации в медиа. «Негативная информация воспринимается лучше и продаётся лучше людям. Кажется, что чем больше негатива, тем более объективным кажется контент, и с этим тоже надо работать».

4. Экономические возможности

Рынок труда. Справедливость в экономических возможностях и доступ к качественным рабочим местам – ещё один важный аспект проблемы, который рассматривают эксперты. Предметом активного обсуждения являются неравные условия труда и дискриминация определённых групп населения. «Справедливость не может быть достигнута без активного участия гражданского общества. Люди должны осознавать свои права и активно требовать их соблюдения». Один из экспертов поделился, что по результатам изученных им социологических исследований 1/3 работающего населения в Казахстане относит себя к бедным. Другой эксперт указал на то, что существуют целые группы людей, работа которых очень востребована, но оплата у них очень низкая. «И учитывая всё это, конечно, надо говорить о том, что у нас есть ряд несправедливости с точки зрения экономической. Результаты различных исследований, и я этим цифрам больше верю, свидетельствуют, что треть работающего населения относит себя к бедным людям, это уже не позволяет нам говорить о какой-то справедливости в целом по стране».

5. Образование

Доступ к качественным услугам. Существует непосредственная связь между доступом к образованию и уровнем справедливости в обществе. Эксперты подчеркивают важность равного доступа к качественным образовательным учреждениям и медицинским услугам. «У нас есть большие проблемы в сфере образования. То есть, у нас идёт снижение уровня и качества образования. Можно, конечно, говорить про исследования, которые действительно говорят об этом. Та же самая PISA, мы имеем там данные за несколько последних лет, мы видим, что снижается качество образования, качество функциональной грамотности в Казахстане». Эксперты считают несправедливым неравенство среди детей в получении качественного образования, которое зависит от социального статуса, материального статуса и региона проживания. Карьерные возможности тоже во многом ограничены в связи с теми же причинами, что и доступ к качественному образованию, однако карьерные возможности дополнительно во многом зависят от неформальных связей, когда, например, на работу нанимают по родству, а не по заслугам. «...У нас мало социальных лифтов, на самом деле, очень многое упирается в разные родственные и прочие связи, если речь идет про продвижение на госслужбе. Есть какие-то, скажем так, несоответствия, допустим, человек получит хорошее об-

разование, даже за рубежом, приехал в Казахстан, не может никуда устроиться, чтобы применить свои знания».

Заключение

Анализ социальных и экономических индикаторов справедливости в Казахстане показывает, что существуют значительные вызовы, которые необходимо преодолеть для достижения более справедливого общества. Неравенство в доходах, доступ к образованию и здравоохранению — это ключевые области, требующие внимания со стороны государства и общества в целом. Работая над улучшением этих индикаторов, Казахстан сможет двигаться к более справедливой и устойчивой модели развития.

Эксперты согласны с тем, что для достижения справедливости в Казахстане необходимо комплексное и системное решение множества взаимосвязанных проблем. Для этого требуются реформы в различных сферах, включая правовые, экономические и социальные аспекты. Улучшение ситуации требует активного участия как государства, так и гражданского общества. Для значительного снижения уровня неравенства в Казахстане необходимо предпринять решительные и комплексные меры. Важно усилить социальную политику, направленную на поддержку уязвимых слоев населения и обеспечение равного доступа к качественным социальным услугам. Реформа налоговой системы с акцентом на прогрессивность поможет более справедливо распределять доходы и направить дополнительные ресурсы на развитие. Увеличение инвестиций в человеческий капитал, особенно в регионах с низкими показателями развития, станет ключевым фактором для устойчивого экономического роста и улучшения качества жизни всех граждан [1; 2].

Литература

1. Марков Е. А., Яковлева Е. Р., Мигунова М. И. Прогрессивная шкала налогообложения: влияние на экономику России // Прогрессивная экономика. 2025. № 3. С. 60–71.
2. Махова А. В., Тихонова М. А. Концепция социальной политики России: достоинства и недостатки // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 99–4. С. 152–155.
3. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам реформирования судебной системы и совершенствования процессуального законодательства : закон Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35332831 (дата обращения: 22.04.2025).
4. Основные показатели дифференциации доходов населения Республики Казахстан. IV квартал 2024 года. 22 серия. Статистика уровня жизни // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/publications/281631> (дата обращения: 25.04.2025).
5. Основные показатели дифференциации доходов населения Республики Казахстан. II квартал 2023 года. 22 серия. Статистика уровня жизни // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/publications/6446/> (дата обращения: 12.04.2025).
6. Послание Главы государства К. К. Токаева народу Казахстана «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество» 2 сентября 2024 года // Акorda. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130> (дата обращения: 20.04.2025).
7. Сергей Никитин. В Астане разрыв в доходах достиг рекорда за последние 16 лет // Digitalbusiness. URL: <https://finance.digitalbusiness.kz/2024-12-15/v-astane-razriv-v-dohodah-dostig-rekorda-za-poslednie-16-let/> (дата обращения: 17.04.2025).
8. Экономическое неравенство населения в Казахстане. Алматы : Halyk Finance, 2024. URL: www.halykfinance.kz (дата обращения: 10.04.2025).

ГЛАВНЫЙ ПРИОРИТЕТ – ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА

На основе статистических данных по Иркутской области рассматривается выполнение стоящих перед страной задач по сохранению населения и укреплению общественного здоровья.

Ключевые слова: здоровье, население, обследование, показатель, Иркутская область.

E. G. Sigacheva, N. Yu. Manzanova

Territorial authority of the Federal State Statistics Service in Irkutsk region, Irkutsk

THE MAIN PRIORITY IS HUMAN HEALTH

Based on statistical data for the Irkutsk region, the article examines the fulfillment of the tasks facing the country to preserve the population and strengthen public health.

Keywords: health, population, survey, indicator, Irkutsk region.

Здоровье и благополучие человека – основные приоритеты и национальные цели России. В мае 2018 г. Президентом Российской Федерации был подписан Указ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [1]. В числе поставленных целей – увеличение численности населения, повышение уровня жизни, обеспечение качественной и безопасной пищевой продукцией. Эти цели наряду с другими прописаны и в Указе от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [2].

С 2019 года в активную фазу реализации вошел национальный проект «Демография» [3], в его составе реализуются федеральные проекты «Старшее поколение» и «Укрепление общественного здоровья». Поставлена задача к 2030 г. увеличить продолжительность жизни населения до 78 лет (к 2024 г. – до 74), а долю граждан, ведущих здоровый образ жизни, до 14,5 %. Проект «Старшее поколение» направлен на создание программы системной поддержки и повышения качества жизни пожилых граждан, увеличения периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни. Предполагается создать систему долгосрочного ухода за этими гражданами и инвалидами, включающую социальное обслуживание и медпомощь на дому, в полустационарной и стационарной форме.

Блок информации о положении старшего поколения имеется в материалах комплексного наблюдения условий жизни населения (2022 г.) [6]. Из лиц старше трудоспособного возраста 78 % имеют детей, проживающих отдельно, причем в большинстве случаев (71 %) они живут в том же населенной пункте. И подавляющее большинство (67–82 %) пенсионеров, имеющих отдельно живущих взрослых детей, нуждаются в их помощи (рис. 1). Однако не все нуждающиеся получают необходимую помощь. Чаще всего нужен уход при болезни и наиболее часто именно такую помощь старики получают. В денежной помощи нуждаемость не самая высокая, ее хотели бы получать две трети таких стариков, но и оказывается такая поддержка реже всего.

Никакой необходимой помощи не получают от детей 7,5 % таких граждан. И почти каждый четвертый пенсионер (23,5 %) при необходимости не может просить о помощи постороннего человека, не члена домохозяйства.

На склоне лет многие ощущают одиночество. Из лиц старше трудоспособного возраста 12 % не имеют человека, с кем могли бы обсудить вопросы личного характера, а 27 % не встречаются (хотя бы раз в неделю) с друзьями, родственниками или коллегами (вне работы).

Рис. 1. Нуждаемость и получение помощи лицами старше трудоспособного возраста, имеющими отдельно живущих взрослых детей, в % от числа опрошенных

Национальным проектом «Здравоохранение» [4] на 2024 г. предусмотрено обеспечение охвата всех граждан профилактическими медицинскими осмотрами не реже одного раза в год, а также снижение:

- младенческой смертности (до 4,5 случая на 1 тыс. родившихся детей);
- смертности (в расчете на 100 тыс. чел.);
- от болезней системы кровообращения – до 450 случаев;
- от новообразований – до 185 случаев;
- населения трудоспособного возраста – до 350 случаев.

Отследить выполнение принятых решений помогают данные оперативной статистики, а также информация, полученная в ходе социально-демографических обследований, в частности, выборочного наблюдения состояния здоровья населения (2024 г.), когда специально подготовленные интервьюеры опрашивают население в возрасте 15 лет и старше.

Оперативные статистические данные, к сожалению, свидетельствуют о том, что ряд поставленных задач в Иркутской области пока не выполнен.

Продолжительность жизни постепенно растет [5], женщины почти достигли нужного значения, их показатель в 2023 г. – 76,3 года. Мужчины заметно отстают (63,4), в целом по населению – 69,8 года.

Ближе всего к выполнению показатель младенческой смертности, в течение двух лет (2022–2023) он был на уровне 4,8 на 1000 родившихся, однако в 2024 году вырос до 5,7.

По другим показателям смертности Иркутская область заметно превышает заданный уровень (данные 2023 года):

- в трудоспособном возрасте – в 2,1 раза (738 случаев на 100 тыс. чел. против 350);
- от болезней системы кровообращения – в 1,5 раза (671 против 450);
- от новообразований – на 12 % (208 против 185).

Для укрепления здоровья, наряду с соблюдением режима дня и профилактикой заболеваний, чрезвычайно важны следующие условия:

- физическое развитие и активность;
- здоровое питание;
- отказ от вредных привычек.

Информация об этом получена в ходе обследования [6], рассмотрим ее на примере Иркутской области.

Респондентам предлагалось оценить собственное здоровье. Варианты ответа на вопрос – от очень хорошего до очень плохого. Максимально оптимистичную оценку (очень хорошее) дали 4,7 % опрошенных жителей Приангарья (табл. 1). Это меньше, чем в целом по Сибирскому федеральному округу (5,3 %) и стране (6,5 %). Оценки наших земляков менее оптимистичны, чем россиян в целом.

Таблица 1

Оценка собственного здоровья (в % от числа опрошенных)

	Очень хорошее	Хорошее	Удовлетворительное	Плохое	Очень плохое
Российская Федерация	6,5	46,2	40,1	6,5	0,6
Иркутская область	4,7	41,0	44,5	9,1	0,7

Какая ситуация в других регионах? В рамках СФО максимально здоровыми являются жители Тывы (каждый пятый имеет очень хорошее здоровье), а минимальный показатель в Кемеровской области (4,1 %). Сравнительно неплохо чувствуют себя наши соседи в Бурятии – 6,1 % с очень хорошим здоровьем, тогда как в Забайкалье – всего 1,3 %. Еще меньше абсолютно здоровых в Республике Марий Эл – 1 %.

В российских масштабах 9–11 % лиц с очень хорошим здоровьем в ряде регионов: Москва, Липецкая, Тверская, Тюменская и Сахалинская области, Кабардино-Балкария, Камчатский край. В Ингушетии – 24,6 %. А самый здоровый народ в Чечне, их показатель – 64,9 %.

Вне зависимости от состояния здоровья необходимо регулярно проходить диспансеризацию. Она включает в себя профилактический медосмотр и дополнительные методы диагностики для оценки общего состояния организма, профилактики серьезных заболеваний, их выявления на ранней стадии.

В ходе обследования определена доля жителей, прошедших эту процедуру в течение двух последних лет, в целом по области – 55 %. Необходим полный охват населения. Таким образом, над выполнением данной задачи еще предстоит работать.

Отношение к диспансеризации во многом зависит от возраста. Среди жителей Приангарья ответственно подходят к этому старшеклассники (15–17 лет), у них один из самых высоких показателей – 62 %. У тех, кто постарше и в самом расцвете лет, активность в этом вопросе снижается (47–48 % прошли осмотр) и начинает возрастать в предпенсионном и пенсионном возрасте (59–63 %). А в преклонные годы хождение по медицинским кабинетам для многих проблематично, из лиц на девятом десятке и старше диспансеризацию прошли менее половины (47 %).

Для сохранения здоровья, поддержания себя в бодром состоянии важно придерживаться здорового образа жизни. Разработаны и приняты нормативные правовые акты и методические документы по вопросам ведения гражданами здорового образа жизни, основанные на рекомендациях Всемирной организации здравоохранения. Нужно правильно питаться, быть физически активным, не злоупотреблять алкоголем и табаком. А насколько это характерно для нас?

Высокая приверженность здоровому образу жизни означает соблюдение всех компонентов ЗОЖ. Необходимо следовать одновременно пяти правилам:

- быть физически активным (не менее 150 минут умеренной или 75 минут интенсивной физической нагрузки в неделю);
- потреблять не менее 400 граммов в день овощей и фруктов;
- потреблять не более 5 граммов в сутки соли;
- не курить;
- быть умеренным в употреблении алкоголя (для мужчин – не более 168 граммов чистого спирта в неделю, для женщин – не более 84 граммов).

Если не выполняется один из пунктов (при этом отказ от курения обязателен), приверженность считается удовлетворительной.

В Иркутской области показатель высокой приверженности чуть ниже среднего по стране и выше сибирского (табл. 2). Но если суммировать с удовлетворительной приверженностью, налицо отставание и от страны в целом, и от Сибирского федерального округа.

Таблица 2

Доля приверженцев здорового образа жизни (в % от числа опрошенных)

	Высокая приверженность	Удовлетворительная приверженность	Всего
Российская Федерация	9,7	52,0	61,7
Сибирский федеральный округ	7,5	52,9	60,4
Иркутская область	8,7	44,5	53,2
в том числе:			
мужчины	5,1	34,9	40,0
женщины	11,6	52,4	64,0
городская местность	8,8	44,2	53,0
сельская местность	8,3	45,5	53,8

В целом по стране предполагается к 2030 г. довести долю граждан, ведущих здоровый образ жизни, до 14,5 %. С учетом запаса времени задачу можно считать выполнимой, а если учесть тех, кто нарушает лишь одно из пяти требований ЗОЖ, она уже перевыполнена.

Здоровый образ жизни больше характерен для женщин, среди них ярых приверженцев в 2,3 раза больше, чем среди мужчин, а в целом (с учетом удовлетворительной приверженности) – в 1,6 раза. Показатели городских и сельских жителей различаются незначительно.

В регионах ситуация заметно различается. Есть территории, где меньше 4 % жителей имеют высокую приверженность к здоровому образу жизни. Это Ненецкий и Чукотский автономные округа и Республика Алтай. Среди регионов СФО наиболее склонны придерживаться здорового образа жизни, выполняя все 5 требований, в Республике Тыва (25 %). В республиках Адыгея, Ингушетия, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесия показатель высокой приверженности еще выше (32–37 %).

Теперь немного о физической активности. В организованных группах (секциях и т. д.) или совершенно самостоятельно спортом занимается каждый четвертый из наших взрослых земляков, причем небольшой перевес – за самостоятельными занятиями (табл. 3). Спортивная активность живущих в Приангарье в целом чуть ниже российского и сибирского уровня (из-за меньшей активности самостоятельных занятий).

Таблица 3

Доля занимающихся спортом (в % от числа опрошенных)

	Организовано	Самостоятельно	Всего
Российская Федерация	11,4	19,4	30,8
Сибирский федеральный округ	11,8	15,6	27,4
Иркутская область	12,7	13,8	26,5

Интересно, что из всех регионов СФО самые спортивные – жители Тывы, каждый второй из них занимается организовано или самостоятельно. На другом конце этого сибирского рейтинга – Республика Алтай, где занимающихся всего 14 %.

Доля приобщенных к спорту в некоторой степени зависит от пола и места жительства. Женщины чуть менее активны, среди них так или иначе спортом занимаются 34,5 %, из мужчин – 38,8 %. Селяне уступают городским жителям (соответственно 24,0 % и 27,2 %). На селе меньше возможностей для организованного спорта, в связи с чем там заметный перевес в сторону самостоятельных занятий.

В последнее время во дворах появляются детские и спортивные площадки. И они не пустуют. Правда, 26 % опрошенных заявили об отсутствии мест для занятий физкультурой и спортом. Отдельные респонденты затруднились с ответом. Большинство же признает наличие таких мест, но многие (57 %), зная о такой возможности, не используют ее, а 1,3 % считают такие места недоступными для себя. Активно пользующихся такой возможностью немного – 12,3 %.

Занимаются в таких местах преимущественно молодые люди, из тех, кому 15–17 лет, – 42 %. Чем старше население, тем меньше заинтересованности в спортивных занятиях. Из тех, кому от 30 до 35 лет, занимаются 20 %, от 60 до 65 – 5 %. Однако есть пережившие порог 80-летия и не оставившие таких занятий, в этой возрастной группе их 1 %.

Здоровье в немалой степени зависит от питания. Хорошие знания о рациональном режиме и суточном рационе имеет каждый шестой из наших земляков, неплохое представление у 46,5 % опрошенных, слабое представление – 29,9 %. И 7,6 % (по их собственному признанию) ничего не знают об этом. Примерно такие же знания в этой области показали и живущие в Сибири, и все россияне.

Но мало просто знать общие рекомендации, нужно придерживаться их, соблюдать нормы питания. Всегда ли мы готовы к этому, в ущерб собственным вкусам?

Рекомендации медиков о ежедневном потреблении минимум 400 граммов овощей и фруктов выполняют далеко не все, лишь 13,1 % жителей Иркутской области (в целом по России – 15,1 %, в СФО – 11,9 %). Интересно, что в сибирских масштабах больше всего тех, кто следует медицинским рекомендациям относительно витаминной продукции, в Республике Тыва (31,2 %) и меньше всего – в Новосибирской области (7,5 %).

В Приангарье любителей овощей и фруктов чуть больше среди женщин по сравнению с мужчинами, из них норму потребления выполняют 15,9 % (из мужчин – 9,7 %). Селяне уступают городским жителям (10,6 % и 13,8 %).

Есть такая привычка – в уже готовую пищу перед ее употреблением добавлять соль, соленую приправу или соленый соус. Почти треть жителей Иркутской области делают это всегда или часто и 57 % – иногда или редко. И только каждый восьмой не практикует такие добавки. Надо сказать, что соленые пристрастия в нашем регионе чуть больше выражены, чем в целом по Сибири и стране, где только каждый пятый привык злоупотреблять солью.

В стране имеются регионы, где подобные добавки к пище используются крайне редко. Всегда досаливают пищу менее 1 % опрошенных жителей: Магаданской и Ульяновской областей, Ханты-Мансийского автономного округа – Югра и ряда республик (Ингушетия, Мордовия, Тыва, Чувашия, Чечня, Адыгея, Северная Осетия-Алания).

А главные любители солененького живут в Тамбовской области, там каждый пятый постоянно добавляет соль.

Одна из вредных привычек – пристрастие к никотину. Из числа респондентов 15 лет и старше ежедневно курят 19,5 %, а 2,8 % – не каждый день (периодически). Почти две трети опрошенных еще не знают вкус табака, а 13,3 % сумели одолеть эту вредную привычку. Приятно, что в сравнении с 2023 г. доля бросивших курить выросла на 1,4 процентного пункта, однако удельный вес курящих повысился на 2 пункта.

По сравнению со всей страной ситуация с курением в Приангарье выглядит менее благоприятно: постоянно и периодически курящих – 22,3 % против 19–20 % в России и СФО. Среди соседей по округу самыми некурящими оказались жители Тывы, лишь 13 % из них дымят регулярно. А в другой республике – Алтай – заядлых курильщиков почти вдвое больше (24 %).

В последние годы у традиционных сигарет появилась альтернатива – табачные и нетабачные курительные и некурительные изделия. Считается, что они наносят меньше вреда здоровью. Широкого распространения они не получили, 74 % жителей Иркутской области их не используют (63 % мужчин и 83 % женщин). Показатели городской и сельской местности различаются незначительно.

Из регионов СФО меньше всего такая альтернатива, как и традиционный курительный табак, распространена в Тыве, там подобные изделия не употребляют 84 % жителей.

В заключение нужно сказать, что по многим направлениям ситуация в Иркутской области менее благополучна, чем в целом по стране. Для достижения намеченных показателей необходима дальнейшая работа. Интересно, что из всех регионов Сибирского федерального округа позитивно выделяется Республика Тыва: состоянием здоровья, приверженностью к ЗОЖ (отношением к спорту и никотину, потреблением витаминной продукции).

Литература

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204.
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309.
3. Национальный проект «Демография».
4. Национальный проект «Здравоохранение».
5. Статистический ежегодник «Естественное движение населения Иркутской области» : стат. сб. / Иркутскстат. Иркутск, 2024. 42 с.
6. Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 28.04.2025).

УДК 338.27.05

С. П. Какаулин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

КРЕАТИВНОСТЬ КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Рассмотрены вопросы влияния креативных индустрий на развитие экономики в регионе. Сформулированы основные направления деятельности для развития креативной экономики.

Ключевые слова: регион, креативные индустрии, экономическое развитие.

S. P. Kakaulin

Irkutsk State University, Irkutsk

CREATIVITY AS A DRIVER OF ECONOMIC DEVELOPMENT

The article discusses the impact of creative industries on the development of the economy in the region. The main directions of activity for the development of the creative economy are formulated

Keywords: region, creative industries, economic development.

Развитие креативных индустрий в Российской Федерации является ключевым фактором стимулирования экономического роста, создания новых рабочих мест и повышения конкурентоспособности.

Креативные (творческие) индустрии способствуют укреплению общероссийской гражданской идентичности (в том числе на основе региональных особенностей и народных традиций территорий), развитию национальной культуры и экономики, популяризации науки и культуры, продвижению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Соответственно, развитие креативных (творческих) индустрий направлено на достижение целей и задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей, определенных Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» определены семь национальных целей, одна из них – устойчивая и динамичная экономика. Увеличение доли креативных индустрий оказывает непосредственное влияние на рост экономики Российской Федерации.

О значительном вкладе креативных индустрий в экономику свидетельствует и международный опыт. Согласно данным ЮНЕСКО, в 2022 г. вклад креативных индустрий в мировой валовой внутренний продукт составил 3,1 % [1]. В некоторых странах этот показатель значительно выше, что демонстрирует потенциал для роста в России.

По данным Росстата, доля валовой добавленной стоимости креативной экономики в ВВП Российской Федерации в 2024 г. составила 4,1 % (7,5 трлн руб.); в 2023 г. – 3,8 % (6 трлн руб.); в 2022 г. – 3,2 % (4,6 трлн руб.). Наибольшая доля валовой добавленной стои-

мости (ВДС) креативных индустрий в ВДС креативной экономики в 2024 г. отмечается в таких сферах, как программное обеспечение (35,0 %), реклама и пиар (14,2 %), гастрономия (10,6 %).

Единым планом по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. поставлена задача увеличения доли креативных индустрий и утвержден соответствующий статистический индикатор, значение которого к 2030 г. должно достичь 6 %.

Также установлены дополнительные статистические индикаторы по показателю «Доля валовой добавленной стоимости креативных индустрий в ВДС креативной экономики, %» по 16 индустриям (НХП, арт-индустрия, культурное наследие, отдых и развлечение, мода (включая ювелирное дело), книжное дело, исполнительские искусства, кино, телевизионные программы и фильмы, программное обеспечение, видеоигры, медиа и СМИ, реклама и пиар, дизайн, архитектура и урбанистика, гастрономия, музыка).

Достижение целевых показателей креативных индустрий в экономике возможно посредством разработки и внедрения механизмов, направленных на развитие и поддержку сектора, что является приоритетной задачей государственных органов власти и креативного сообщества.

Ключевыми факторами и инструментами таких механизмов является поддержка сектора креативных индустрий на федеральном и региональном уровнях, включающая в себя финансирование (субсидии и гранты), имущественную поддержку (передача во владение или пользование государственного имущества), образовательные программы в сфере креативных индустрий, а также развитие инфраструктуры сектора креативных индустрий, в том числе путем формирования единой экосистемы за счет создания креативных пространств, включая креативные кластеры, в которых будут созданы необходимые условия для взаимодействия представителей сектора с учетом особенностей экономики регионов.

Кроме этого, важным направлением развития является увеличение инвестиционного потенциала сферы креативных индустрий посредством обеспечения информационного сопровождения и повышения узнаваемости.

В настоящее время первоочередной задачей является синхронизация федеральных и региональных механизмов управления и сбора данных о развитии креативных индустрий с учетом уже наработанного опыта и специфики регионов.

Правовую базу регулирования и поддержки сектора обеспечил Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации», положения которого являются основой для осуществления полномочий федеральных и региональных органов власти.

Для Иркутской области, обладающей уникальным культурным наследием и творческим потенциалом, развитие этого сектора представляет особую значимость. Регион имеет все предпосылки стать центром креативной экономики Восточной Сибири, однако требует системного подхода к реализации этого потенциала.

По данным Агентства стратегических инициатив в творческих креативных индустриях Иркутской области задействовано 9,5 тысяч организаций, что составляет 8,2 % от всех организаций региона, в которых работают 15 тысяч человек или 2,6 % от численности всех работников Иркутской области. Приблизительная оценка вклада творческих креативных индустрий в ВРП Иркутской области – 2,6 %.

В целях создания условий для развития креативных индустрий в регионе Правительство Иркутской области разработало проект Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов их государственной поддержки в Иркутской области до 2030 года.

В рамках работы Координационного совета по развитию творческих (креативных) индустрий, созданного по инициативе Правительства Иркутской области, пока определены 8 приоритетных направлений:

- Промышленный дизайн;
- Индустрия моды;

- Гастрономическая индустрия;
- Архитектура и урбанистика;
- Кино-, видео-, анимационное производство;
- Литература и издательская деятельность;
- Информационные технологии;
- Художественная обработка камня.

Для определения ключевых направлений развития креативных индустрий Иркутской области использовалась многофакторная система оценки, включающая:

1. Экономический потенциал (возможный вклад в ВРП, создание рабочих мест);
2. Культурное значение (сохранение наследия, формирование идентичности);
3. Конкурентные преимущества (уникальные ресурсы территории);
4. Интеграционный эффект (синергия с другими отраслями);
5. Реализуемость (наличие кадров, инфраструктуры, нормативной базы).

В целях оценки и выявления текущих тенденций, проблем и потребностей креативных предпринимателей, а также сбор предложений для использования в доработке концепции развития креативных (творческих) индустрий Иркутской области фондом поддержки и развития предпринимательства Иркутской области Центром «Мой бизнес» с 12 ноября 2024 г. по 30 ноября 2024 г. был проведен опрос по оценке креативных (творческих) индустрий региона.

В опросе приняло участие 1136 респондентов – представителей сообществ, занятых в креативной индустрии Иркутской области. Наибольшее количество респондентов, принявших участие в опросе, представляют юридические лица – 360 ед. (32 %). На втором месте по количеству респондентов находятся физические лица – 339 ед. (30 %), самозанятые граждане – 139 ед. (12 %). Индивидуальные предприниматели, применяющие налог на профессиональный доход, составляют меньшинство – 17 ед. (1 %).

Активная креативная индустрия Иркутской области представлена в основном юридическими и физическими лицами, однако использовать эти результаты возможно и для создания инициатив, направленных на поддержку как юридических, так и физических лиц, а также для повышения привлекательности креативного предпринимательства среди самозанятых и индивидуальных предпринимателей. Таким образом, анализ показывает, что креативная индустрия Иркутской области представлена разнообразными участниками, однако есть необходимость в поддержке и менее.

В условиях развития креативных индустрий Иркутской области, выявление ключевых проблем, с которыми сталкиваются участники данного сектора, становится особенно актуальным. Проведенный опрос среди представителей креативной экономики позволил определить основные препятствия, мешающие эффективному функционированию и росту этой сферы.

На первом месте респонденты выделили острую проблему нехватки квалифицированных кадров и недостаточную подготовку специалистов, что существенно сказывается на качестве предоставляемых услуг и конкурентоспособности. Этот фактор требует особого внимания со стороны образовательных учреждений и бизнеса для создания программ, способствующих развитию необходимых компетенций.

Второй важной проблемой, отмеченной участниками опроса, является необходимость ведения эффективного маркетинга и поиска рынков сбыта. Успешное продвижение креативных продуктов и услуг требует от предпринимателей не только творческого подхода, но и глубокого понимания рыночной ситуации, что зачастую является недостаточно развитым направлением.

Кроме того, респонденты подчеркивали наличие разрозненности среди сообществ, занятых в креативной сфере. Это отсутствие единства и координации между различными группами и организациями затрудняет обмен опытом, ресурсами и идеями, что в свою очередь замедляет развитие всей индустрии. Полученные данные могут служить основой для разработки стратегий и инициатив, направленных на преодоление обозначенных трудностей и создание более устойчивой и интегрированной креативной среды в регионе.

Анализ статистики предложений по развитию креативных индустрий демонстрирует широкий спектр предложений, направленных на поддержку и развитие данного сектора. Наиболее заметными, поставленными респондентами акценты направлены на необходимость формирования Грантовой поддержки и субсидировании затрат для отрасли креативных индустрий. Эта мера занимает лидирующую позицию в статистике предложений, что свидетельствует о высокой потребности к финансовой поддержке проектов в области креативных индустрий. В эту же линейку потребностей можно отнести и предложения по разработки Программ финансирования на запуск и развитие проектов Креативных индустрий. На основании полученных предложений можно сделать вывод, что в первоочередную очередь для занятых в отрасли креативных (творческих) индустрий остается актуальным, потребность в дополнительных инвестициях, а также финансирования для запуска новых проектов.

Вопрос кадрового обеспечения отрасли наряду с финансовой поддержкой стоит не менее остро. Обучение и подготовка кадров играют ключевую роль в формировании квалифицированных специалистов. Это направление подчеркивает необходимость создания образовательных программ, соответствующих требованиям современного рынка труда. Привлечение молодежи в креативные индустрии является важным аспектом, который поможет обеспечить устойчивый рост сектора в будущем, соответственно стратегии, концепции развития креативных индустрий в Иркутской области должны включать в себя создание интересных программ и мероприятий, способствующих осознанию потенциала креативных профессий.

Также результаты опроса акцентируют внимание на целесообразности обеспечения доступа представителей креативных индустрий к необходимым ресурсам в инфраструктуре для успешного развития своей деятельности. Льготные условия аренды могут значительно снизить барьеры для входа новых участников на рынок.

В целом анализ статистики предложений показывает, что основное внимание уделяется финансовой поддержке и образовательным инициативам. Однако необходимо обратить внимание на менее развитые направления, такие как экспортное продвижение, чтобы обеспечить комплексное развитие креативной экономики.

Устойчивый рост креативных индустрий возможен при условии интеграции всех этих аспектов в единую стратегию развития. В рамках последующей доработки основных приоритетов развития креативных индустрий в ближайшее время необходимо реализовать следующие мероприятия:

- Разработка стратегической концепции развития креативных индустрий – создание документированного плана, который включает цели, задачи и мероприятия для стимулирования роста креативных секторов экономики на территории области.
- Определение приоритетных направлений креативных индустрий в регионе, которые могут стать основой для будущих инициатив и инвестиций.
- Создание экосистемы поддержки креативных индустрий – предложения по созданию инфраструктуры, включая креативные хабы, бизнес-инкубаторы, образовательные программы и платформы для взаимодействия между предпринимателями, художниками и государственными структурами.
- Формирование партнерских сетей – инициативы по улучшению взаимодействия между государственными и частными организациями, учебными заведениями, культурными учреждениями и бизнесом для создания взаимовыгодных партнерств и новых рабочих мест.

Литература

1. Исследование «Креативный сектор России в цифрах – 2024» // Информационно-аналитический журнал «Университетская книга». URL: https://www.unkniga.ru/news/issledovanie-kreativnyi-sektor-rossii-v-tsifrakh-2024.html?utm_source (дата обращения: 20.05.2025).

УРБАНИЗАЦИЯ: ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Представлены основные этапы урбанизации и становления крупных городов в России (на примере Ростовской области). Анализ основан на длинных динамических рядах итогов переписей населения с 1897 по 2021 г. по Ростовской области, а также данных официальной статистики.

Ключевые слова: урбанизация, городское население, город, перепись населения, миграция.

М. А. Samoilova

Territorial authority of the Federal State Statistics Service in Rostov region, Rostov-on-Don

URBANIZATION: HISTORICAL AND DEMOGRAPHIC ASPECT

The article presents the main stages of urbanization and the formation of a large city in Russia using the example of the Rostov region. The analysis is based on long dynamic series of population census results from 1897 to 2021 in the Rostov region, as well as official statistics.

Keywords: urbanization, urban population, city, census, migration.

Урбанизация и концентрация населения в крупнейших городах является мировым демографическим трендом. Россия, с ее огромной территорией, здесь не исключение. Для страны важное значение, кроме динамики собственно численности населения, имеет характер его размещения, который за прошлое столетие претерпел значительные изменения.

К концу XIX столетия Россия подошла в статусе аграрной страны: по итогам Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. в городах проживало 14,7 % населения (в современных границах) (рис. 1). Для сравнения, в Области Войска Донского – чуть более 12 %.

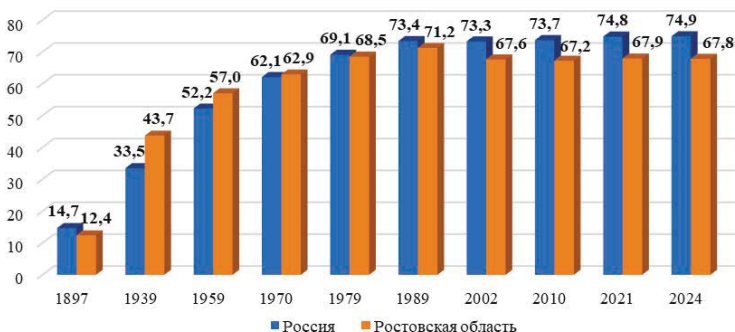

Рис. 1. Динамика доли городского населения России и Ростовской области по итогам переписей населения 1897–2020 гг., и по оценке на 01.01.2024, %

Менее чем за 100 лет, в результате урбанистической революции, городское население стало преобладающим. Последняя перепись советского периода 1989 г. отразила пик урбанизации и в Ростовской области – в городах проживало 71,2 % населения. Одновременно с ростом доли городского населения росла его концентрация в крупнейших городах. Так, если по итогам переписи населения 1939 г. в РСФСР было только 2 города-миллионника, в которых проживало 23,0 % населения городов, то в 1989 г. – уже 12. Их совокупная численность составляла 26,6 % населения городов страны.

Сравнение с предшествующими примерно равными по длительности периодами времени показывает, что стремительная урбанизация в России была завершена к началу 1990-х гг.: нарастание доли городского населения существенно замедлилось, а затем почти остановилось [1].

В последующие три десятилетия доля городского населения в России стабилизировалась на уровне около 75 %, а по оценке на начало 2024 г., составила 74,9 %. Тенденция концентрации населения в крупнейших городах возобновилась. Как следствие, территория страны остается неоднородной по уровню урбанизации. Так, в Северо-Западном федеральном округе доля городского населения составляет 85,1 %, а в Северо-Кавказском – 50,9 %. Большинство городов-миллионников сосредоточено в европейской части России.

Три четверти регионов – 76,5 %, высокоурбанизированные. Здесь доля городского населения составляет от 50,2 % в Республике Крым до 79,9 % в Республике Карелия. В Ростовской области доля горожан составила 67,8 %. В 16,5 % регионов (большинство из них сосредоточены в Уральском и Дальневосточном федеральных округах) доля городского населения свыше 80 %. Максимумы (за исключением г. Москвы и г. Санкт-Петербурга) фиксируются в Магаданской (96,5 %) и Мурманской (93,0 %) областях.

Городское население преобладает в европейской и азиатской частях страны. Вместе с тем в 6 регионах жители городских поселений составляют менее половины населения. Это Республика Алтай (30,6 %), Чеченская Республика (40,1 %), Карачаево-Черкесская Республика (41,4 %), Республика Дагестан (45,2 %), Республика Калмыкия (47,0 %), Республика Адыгея (48,7 %). Почти все эти субъекты находятся в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах.

Процесс урбанизации в нашей стране по своим фундаментальным чертам и основным стадиям сходен с процессом мировой урбанизации. Его чертами являются приоритетное развитие больших городов, формирование агломераций и наагломерационных форм расселения, возникновение линейно-узловых опорного каркаса расселения [2]. Динамику изменения численности и доли городского населения на протяжении длительного времени позволяют отследить итоги переписей населения. Принимая во внимание, что Ростовская область в современных границах существует с 1939 г., для сопоставимости в качестве точки отсчета примем итоги переписи населения 1939 г.

Экономическое развитие, строительство фабрик и заводов, прокладывание железных дорог на рубеже XIX–XX вв. создали основу для быстрого роста городов. На момент переписи населения 1939 г. в 574 городах и 743 поселках городского типа РСФСР проживало 36296 тыс. чел. (табл. 1), или 33,5 % от общей численности населения. Доля городского населения выросла в 2,3 раза по сравнению с итогами переписи населения 1897 г. В Ростовской области численность городского населения превышала 1 млн 200 тыс. чел., а доля горожан выше, чем по России в среднем (43,7 %).

Таблица 1

Динамика численности городского населения Ростовской области по итогам переписей населения 1939–2020 гг., и по оценке на начало 2024 г.

Год	Ростовская область			Справочно: Российская Федерация		
	Численность населения (чел.)	Прирост, убыль к предыдущему году		Численность населения (тыс. чел.)	Прирост, убыль к предыдущему году	
		чел.	в %		тыс. чел.	в %
1939	1 264 257	–	–	36 296	–	–
1959	1 882 613	618 356	148,9	61 143	24 847	168,5
1970	2 407 090	524 477	127,9	80 631	19 488	131,9
1979	2 793 752	386 662	116,1	94 942	14 311	117,7
1989	3 056 421	262 669	109,4	107 959	13 017	113,7
2002	2 977 525	–78 896	97,4	106 429	–1530	98,6
2010	2 875 121	–102 404	96,6	106 637	208	100,2
2021	2 851 667	–23 454	99,2	110 075	3438	103,2
2024	2 816 389	–35 278	98,8	109 527	–548	99,5
1939–2024	–	1 552 132	222,8	–	73231	301,8

В конце 1930-х гг. был сформирован промышленный каркас, определивший долгосрочное развитие области. Регион стал индустриально-аграрным, а ряд отраслей промышленности имели всесоюзное значение. Продолжалось строительство новых и реконструкция существующих фабрик и заводов, росла производительность труда [3]. По данным на начало 1940 г., в промышленности было занято 39,1 % численности всех рабочих и служащих народного хозяйства Ростовской области. Соответственно, на промышленных предприятиях требовались рабочие руки, и отток населения из сельской местности происходил значительными темпами. В соответствии с административно-территориальным устройством, в регионе было 11 городов и 13 поселков городского типа. Среди трех крупных городов региона можно выделить г. Ростов-на-Дону. Число его жителей (510,2 тыс. чел.) более чем в 2,5 раза превышало численность населения двух других: г. Таганрога (188,8 тыс. чел.), и г. Шахты (134,5 тыс. чел.).

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в результате боевых действий многие населенные пункты, преимущественно сельские, были разрушены. После войны оставшиеся жители переезжали в другие села или города. В результате административно-территориальных преобразований сельские населенные пункты упразднялись или трансформировались в городские. Кроме того, активно шел процесс восстановления и развития промышленности, что также способствовало росту числа городов и их привлекательности.

Перепись 1959 г. зафиксировала продолжавшийся рост численности городского населения страны и переход символического рубежа в 50 % городского населения. В январе 1959 г. численность городского населения составила свыше 61 миллиона человек, что на 68,5 % больше, чем в 1939 г. Число городов в РСФСР выросло на 52,8 %, и составило 877, поселков городского типа – в 2,0 раза – до 1495, а доля населения, проживающего в них, увеличилась на 18,7 процентного пункта, до 52,2 % жителей. Число городов-миллионников не изменилось, но активно росли города с населением свыше 500 тыс. чел. Таким образом, доля горожан, проживавших в двух крупнейших городах страны, снизилась за межпереписной период до 15,2 %.

Несмотря на менее заметный рост численности и доли городского населения, чем в среднем по стране, уровень урбанизации в Ростовской области был выше. Численность горожан увеличилась на 48,9 % и достигла 1882,6 тысяч человек. Прирост доли городского населения за 20 лет составил 13,3 процентного пункта. В результате преобразования станиц в городские населенные пункты и основания в 1950 г. г. Волгодонска в связи со строительством Волго-Донского судоходного канала, число городов в регионе достигло 18, а поселков городского типа – 26. В них проживало 57,0 % населения области. Численность населения выросла во всех без исключения городах. При этом, наиболее крупные города росли медленнее. Так, численность населения г. Ростова-на-Дону увеличилась на 17,5 % и достигла 599,5 тыс. чел., г. Таганрога – на 7,0 % и составила 202,1 тыс. чел. Вместе с тем за тот же период число жителей в г. Шахты выросло на 45,8 % – до 196,2 тыс. чел., а г. Новошахтинск, основанный в 1939 г., преодолел планку в 100 тыс. чел. (на момент переписи 1959 г. здесь проживало 103,6 тыс. чел.).

Промышленность играла важную роль в развитии городов. Для ее успешного функционирования создавались конструкторские бюро, открывались профильные учебные заведения. Улучшалась и инфраструктура: строились жилые дома и детские сады, открывались дома культуры, театры, музеи и т. п. Вместе с тем динамика численности населения складывается из естественного и миграционного движения. Значительные численные потери населения в результате Великой отечественной войны нарушили естественные процессы воспроизводства, и запустили цикл волнообразных колебаний показателей рождаемости и смертности на долгие десятилетия вперед. Уже в 1960-е гг. наблюдалось устойчивое сокращение рождаемости и рост смертности, что привело к сокращению естественного прироста.

Перепись 1970 г. показала замедление роста численности и доли городского населения, также количества городских населенных пунктов. Число горожан в РСФСР увеличилось на 31,9 %, а доля городского населения – на 9,9 процентного пункта. Таким образом, в

969 городах и 1869 пгт проживало 80,6 млн чел. или 62,1 % населения страны. За межпереписной период г. Новосибирск, г. Екатеринбург, г. Нижний Новгород и г. Самара дополнили список городов-миллионников. Доля населения, проживавшего в этих населенных пунктах, составила 21,2 % населения городов (рис. 2).

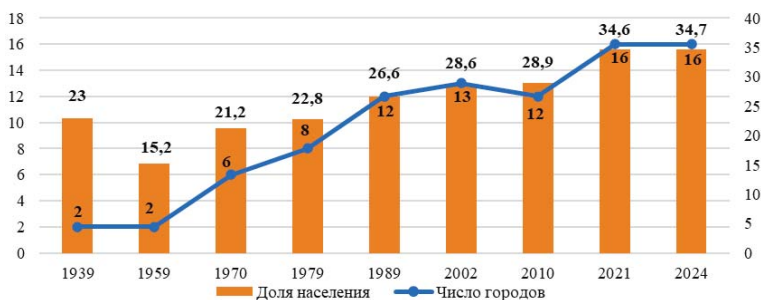

Рис. 2. Число городов-миллионников и доля горожан, проживающих в них по итогам переписей населения 1939–2020 гг., и по оценке на начало 2024 г.

В Ростовской области наблюдалась аналогичная тенденция. Число горожан увеличилось на 27,9 % и превысило 2 миллиона 400 тыс. чел. Прирост доли городского населения составил 5,9 процентного пункта. В 20 городах и 33 пгт региона проживало 62,9 % населения. Вместе с тем численность населения в городах изменялась разнонаправленно. Так, в г. Новошахтинске численность населения снизилась на 2 %. В остальных крупных городах рост числа жителей продолжился: на 4,6 % в г. Шахты (до 205,3 тыс. чел.), на 25,8 % в г. Таганроге (до 254,2 тыс. чел.) и на 31,6 % в г. Ростове-на-Дону (до 788,8 тыс. чел.). За межпереписной период в состав крупных городов вошел г. Новочеркасск – на момент переписи здесь зафиксировано 162,4 тыс. чел.

В 1970-е гг. процесс урбанизации продолжил замедление. На дату переписи 1979 г. в городских населенных пунктах проживало 94,9 млн чел., что на 17,7 % больше, чем в 1970 г. Темпы градообразования также сократились: число городов увеличилось на 3,1 % до 999 единиц, а пгт – на 9,5 % до 2046 единиц. Совокупно здесь проживало 69,1 % населения страны, что на 7 процентных пунктов больше, чем по итогам ВПН-1970. Число городов-миллионеров дополнили г. Челябинск и г. Омск. Таким образом, в 8 крупнейших городах страны сконцентрировано 22,8 % городского населения.

Численность городского населения Ростовской области увеличилась за межпереписной период на 16,1 % и достигла 2793,8 тыс. чел. Несмотря на рост числа городских населенных пунктов, и доли городских жителей, уровень урбанизации впервые ниже среднероссийского показателя: в 22 городах и 36 пгт проживало 68,5 % населения региона. Число крупных городов осталось прежним, но г. Волгодонск вплотную приблизился к отметке 100 тыс. чел.: здесь за межпереписной период число жителей увеличилось более чем в 3 раза – до 92,4 тыс. чел. Все без исключения крупные города продолжали аккумулировать население. Наиболее заметен рост в г. Ростове-на-Дону (на 18,4 % до 934,1 тыс. чел.) и в г. Новочеркаске (почти на 13 % до 183,1 тыс. чел.). В г. Таганроге, г. Шахты и г. Новошахтинске прирост численности составил менее 10 %.

Основой замедления урбанизации в России стали процессы сокращения естественного прироста населения, а также снижения интенсивности индустриального строительства.

По итогам переписи населения 1989 г. число городских жителей увеличилось на 13,7 % и превысило 107 млн чел. Совокупно в 1037 городах и 2193 пгт проживало 73,4 % населения. Впервые в число городов-миллионников вошли Казань, Ростов-на-Дону, Уфа и Пермь.

В Ростовской области темпы урбанизации уступали среднероссийским: рост численности городского населения составил 9,4 %, а ее доли – 2,7 процентного пункта, до 71,2 %. Влияние административно-территориальных преобразований на темпы роста численности городского населения нивелировалось: за межпереписной период число городов в регионе не изменилось, образован только 1 поселок городского типа. Численность населения г. Ростова-на-Дону увеличилась на 7,9 % и составила 1 млн 8 тыс. чел. Кроме того, в число крупных городов вошел г. Волгодонск. Здесь число жителей за межпереписной период увеличилось почти в 2 раза, и достигло 176,5 тыс. чел. Такое бурное развитие объясняется формированием кластера предприятий атомной промышленности. В остальных без исключения городах с населением свыше 100 тыс. чел. фиксировался рост, однако его темпы замедлились. Так, в г. Шахты число жителей увеличилось на 7,0 % до 224,1 тыс. чел., в г. Таганроге – на 5,1 % до 290,5 тыс. чел., в г. Новошахтинске – на 2,6 % до 106,9 тыс. чел., в г. Новочеркасске – на 2,1 % до 186,9 тыс. чел.

До начала 1990-х гг. в рост городского населения России происходил за счет одновременного действия трех компонентов: естественного и миграционного прироста, а также административно-территориальных преобразований, т. е. образования городских населенных пунктов, преобразования сельских населенных пунктов в городские, а также включения сельских населенных пунктов в черту городов. Затем в стране и в Ростовской области фиксировалась устойчивая естественная убыль, которая и стала основным фактором сокращения численности горожан. Миграционный прирост не мог компенсировать это сокращение, а в отдельные годы, в связи с кризисными событиями 1990-х гг., экономической политикой, и продовольственными проблемами, складывался миграционный отток из крупных городов, что лишь усугубляло ситуацию. Кроме того, начался массовый процесс преобразования городских населенных пунктов (в основном поселков городского типа) в сельские. Изменение статуса в условиях экономического кризиса приносило жителям существенную выгоду: снижение тарифов на электроэнергию и коммунальные услуги, надбавки к заработной плате, и др. Вместе с тем продолжались, но не в таких масштабах, как ранее, и преобразования сельских населенных пунктов в городские посредством изменения статуса или включения в состав городов.

В результате всех этих процессов численность городского населения в России сократилась на 1,4 % и составила 106,4 млн чел. Доля горожан в общей численности населения снизилась всего на 0,1 процентного пункта – до 73,3 %. Число городов увеличилось на 5,9 % и составило 1098, а число пгт сократилось до уровня 1970 г.: на 16 % до 1842 единиц. Число городов-миллионников устойчиво росло до 1989 г., а затем тенденция, характерная для предшествующих десятилетий, была нарушена. Всего 1 новый город – Волгоград по итогам переписи населения 2002 г. приобрел статус миллионера, а Москва стала городом-мегаполисом с численностью населения 10,1 млн чел. За межпереписной период численность населения многих городов-миллионников сократилась. Рост фиксировался только в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и Ростове-на-Дону. Вместе с тем доля жителей городов-миллионеров в населении городов страны продолжала расти: с 26,6 % в 1989 г. до 28,6 % в 2002 г.

Численность городского населения в Ростовской области сокращалась более заметными темпами, чем по России в среднем: на 2,6 %, и составила 2977,5 тыс. чел. Доля городского населения снизилась на 3,6 процентного пункта – до 67,6 %. Для региона, как и для страны в целом, характерна тенденция сокращения количества городских населенных пунктов за счет перехода поселков городского типа в сельские населенные пункты. Так, в 1989 г. в регионе насчитывалось 37 поселков городского типа, а к 2002 г. их число сократилось на треть – до 25. В результате преобразования пгт Зверево, число городов в регионе увеличилось до 23. Город Ростов-на-Дону оставался центром притяжения населения – число его жителей за межпереписной период увеличилось на 6 %, и составило 1 млн 68 тыс. чел. В число крупных городов региона вошел Батайск (107 тыс. чел.). В остальных без исключения городах с населением свыше 100 тыс. чел. тенденция роста численности сменялась убылью. Менее всего сократилось число жителей в г. Шахты – на 0,7 % до 222,6 тыс. чел. и г. Таганро-

ге – на 3 % до 281,9 тыс. чел. Численность населения г. Новошахтинска снизилась на 5,4 % до 101,1 тыс. чел., г. Волгодонска – на 6,0 % (до 166 тыс. чел.), а наиболее заметно сокращение числа горожан в г. Новочеркасске – на 8,6 % (до 170,8 тыс. чел.).

В 2004–2005 гг. зафиксирован всплеск числа преобразований городских населенных пунктов в сельские, что значительным образом отразилось на численности и доле городского населения. Вместе с тем с 2007 г. берет начало тенденция сокращения масштабов естественной убыли населения в городах.

На фоне общего сокращения численности населения России, численность городского населения к моменту ВПН-2010 увеличилась на 0,2 % и составила свыше 106,6 млн чел. Доля населения, проживавшего в городских населенных пунктах, увеличилась на 0,4 процентного пункта, и достигла 73,7 %. Число городских населенных пунктов по сравнению с ВПН-2002 практически не изменилось, и составило 1100, а число пгт сократилось почти на треть, до 1286 единиц. Что касается городов-миллионников, то численность населения в них, за исключением Нижнего Новгорода и Перми, выбывшей в связи с этим из числа крупнейших городов, продолжала расти. В 12 крупнейших городах проживало 28,9 % городского населения.

В Ростовской области численность и доля городского населения сокращалась: на 3,4 % и на 0,4 процентного пункта, соответственно. По состоянию на момент переписи в городских населенных пунктах региона проживало 2 млн 875 тыс. чел. или 67,2 % населения. Количество городских населенных пунктов осталось неизменным, как и число городов-столических. Число ростовчан продолжило расти по сравнению с ВПН-2002: на 2 % и достигло 1089,3 тыс. чел. В остальных городах с населением свыше 100 тыс. чел. динамика была разнонаправленной: в Новошахтинске, Шахты, Батайске и Волгодонске – рост населения (на 10,0; 7,8; 4,1 и 2,9 % соответственно). В Новочеркасске и Таганроге снижение составило 1,2 и 8,6 % соответственно.

Вместе с тем процесс преобразования пгт в сельские населенные пункты продолжился. В результате к моменту переписи населения 2010 г. их число сократилось еще в 3,6 раза и составило всего 7 единиц.

В 2010-х гг. рост численности и доли городского населения в России возобновился. Произошло это под воздействием следующих факторов: сокращение естественной убыли населения и смена ее в отдельные годы естественным приростом, миграционным приростом.

За период между переписями населения 2010 и 2020 гг. численность городского населения России увеличилась на 3,2 %, и по состоянию на 1 октября 2021 г. превысила 110 млн чел. В 1118 городах и 1179 пгт проживало 74,9 % населения страны. По итогам ВПН-2020 городами-миллионниками стали еще 4: Красноярск, Краснодар, Воронеж и Пермь, ранее вышедшая из этого списка. Совокупно здесь проживало 34,6 % населения городов.

Для Ростовской области характерен рост доли городского населения на фоне снижения его численности. Это объясняется более заметной убылью населения на селе. Так, если число горожан снизилось за 11 лет на 0,8 % – до 2851,7 тыс. чел., то сельских жителей стало меньше на 3,8 % (1349,1 тыс. чел.). Таким образом, доля городского населения региона выросла на 0,2 процентного пункта и достигла 67,9 %. За межпереписной период в Ростовской области не было значительных административно-территориальных преобразований. Число городов осталось неизменным, а пгт Жирнов перешел в статус сельского населенного пункта, в результате чего в регионе осталось 6 поселков городского типа. По сравнению с предыдущей переписью населения численность жителей г. Ростова-на-Дону увеличилась на 4,8 % и достигла 1 млн 142 тыс. чел. Рост населения также зафиксирован в городе-спутнике – Батайске: на 13,5 % до 127 тыс. чел. Во всех остальных городах с населением свыше 100 тыс. чел. наблюдается обратная тенденция. Число жителей г. Волгодонска сократилось на 1,6 % и составило 168,1 тыс. чел., г. Новочеркасска – на 2,9 % и составило 163,6 тыс. чел., г. Таганрога – на 4,9 % до 245,1 тыс. чел., г. Шахты – на 5,6 % до 226,5 тыс. чел., г. Новошахтинска – на 6,8 % до 103,5 тыс. чел.

К началу 2024 г. по сравнению с октябрем 2021 г. число городских жителей снизилось на 0,5 % и составило 109,5 млн чел., а доля горожан выросла на 0,1 процентного пункта – до 74,9 %. В Ростовской области снижается и численность, и доля горожан в общем числе жителей региона. В городских населенных пунктах проживает 2816,4 тыс. чел., что на 1,2 % меньше, чем на момент переписи населения 2020 г. Доля горожан в общей численности населения снизилась на 0,1 процентного пункта, и составила 67,8 %.

16 городов-миллионников аккумулируют в себе 34,7 % городского населения. Это более чем в 2 раза превышает аналогичную долю, фиксировавшуюся в 1959 г. – в период быстрого роста городов.

Город Ростов-на-Дону занимает 11-е место среди крупнейших городов по численности населения (1140,5 тыс. чел.) и 4-е место по показателю плотности (рис. 3).

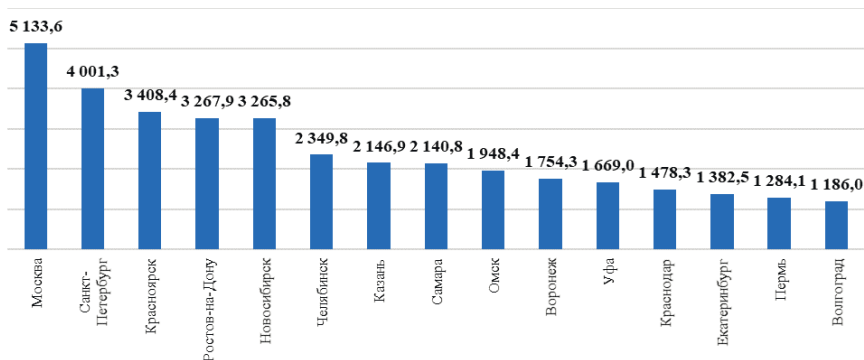

Рис. 3. Города-миллионники по показателю плотности населения по оценке на начало 2024 г. (без учета г. Нижний Новгород)

В Ростове-на-Дону фиксируется устойчивый миграционный прирост населения, и 2024 г. не стал исключением. По уровню показателя в 2023 г. город занимал третье место среди крупнейших городов страны.

Привлекательность центра Ростовской области – в возможности получить высшее образование по широкому профилю профессий, а также трудоустроиться. В городе функционируют 10 высших учебных заведений и 13 филиалов вузов других регионов. Уровень регистрируемой безработицы (на конец 2023 г.) составил 0,20, что также является одним из самых низких показателей среди крупнейших городов страны.

Таким образом, исследование длинных динамических рядов показывает, что численность городского населения в России с 1939 г. увеличилась более чем в 3 раза, а его доля – в 2,2 раза (до 74,9 %). В Ростовской области, на территории которой в начале XX в. процесс урбанизации шел быстрее, чем в среднем по стране, численность городского населения выросла в 2,2 раза, а его доля – в 1,5 раза (до 67,8 %). Регион является высокоурбанизированным, вместе с тем, в силу развитости агропромышленного комплекса, доля сельского населения представительна – 32,2 %.

Средодоточение высокой экономической активности создает благоприятную основу для дальнейшего развития крупных городов. Каждый большой город притягивает население в города-спутники или сельские населенные пункты с высокой транспортной доступностью и развитыми коммуникациями, формируя агломерации, и являясь локомотивом для улучшения качества жизни в таких территориях. Так, в Ростовской области с начала 2020-х гг. фиксируется устойчивый рост численности населения Аксайского и Мясниковского районов, входящих в Ростовскую агломерацию. Помимо Ростовской, в регионе выделяются Восточно-Донбасская и Волгодонская агломерационные системы расселения.

Безусловно, уровень развития сельских территорий неравномерен, и зависит от ряда факторов, среди которых: близость и транспортная доступность крупных городов или районных центров, условия для развития сельского хозяйства, наличие и объемы производства предприятий агропромышленного комплекса.

Принимая во внимание проблемы сельских территорий, Правительством Российской Федерации с начала 2000-х гг. разрабатываются меры по улучшению качества жизни в сельских территориях, среди которых: федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2013 года», Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2023 года. В регионах приняты и реализуются соответствующие программы, формируются перечни опорных населенных пунктов, на базе которых предполагается ускоренное развитие инфраструктуры, повышение доступности медицинской помощи, реализация гарантий в сфере образования, и др. на территории одного или нескольких муниципальных образований.

Для установления положительной тенденции необходим длительный период времени, вместе с тем, выполнение всех задач, поставленных в рамках государственной политики поддержки села, позволит укрепить инфраструктурный потенциал сельских территорий, и заложить фундамент для привлекательности жизни и работы в сельской местности.

Литература

1. Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2022. 29 с.
2. Лаппо Г. М. Урбанизация как способ освоения пространства // Демоскоп Weekly. 2005. № 217–218. 10–23 окт. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0217/tema06.php> (дата обращения: 08.04.2025).
3. Развитие Ростовской области: веки времен в цифрах. Юбилейный статистический сборник : стат.сб. / Ростовстат. Ростов-на-Дону, 2022. 91 с.

УДК 316.4.06

М. Ю. Ефлова, О. А. Максимова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА⁵

Представлен анализ результатов авторского репрезентативного опроса российской молодежи в сопоставлении с результатами исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Выявлены факторы проявления гражданского цифрового активизма молодежи. Подчеркивается, что наряду с новыми формами активности, которые обусловлены погружением молодежи в цифровую среду, сохраняют актуальность и традиционные для российского менталитета формы гражданской активности, основанные на духе коллективизма и социальной солидарности.

Ключевые слова: гражданский активизм, цифровая среда, информационное общество, цифровая социализация, молодежь.

M. Yu. Eflova, O. A. Maximova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

YOUTH CIVIC ACTIVISM IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY: A SOCIOLOGICAL EXPERTISE

The article presents an analysis of the results of the author's representative survey of Russian youth in comparison with the research results of the Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). The factors of the manifestation of civic digital activism of youth have been identified. It is emphasized that along with the new forms of activity that

⁵ Материал подготовлен в рамках проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» по государственному заданию, выданному Казанскому федеральному университету.

are caused by the immersion of young people in the digital environment, the traditional forms of civic engagement based on the spirit of collectivism and social solidarity remain relevant for the Russian mentality.

Keywords: civil activism, digital environment, information society, digital socialization, youth.

Во второй половине XX – начале XXI вв. под воздействием активного развития цифровых технологий формируется принципиально новая социокультурная среда, характеризующаяся исследователями как информационное общество. Специфика информационного общества состоит в том, что компьютеризация обеспечивает индивидам широкий доступ к разнообразным источникам информации. Согласно определению Д. Белла, информационное общество характеризует специфику постиндустриальной стадии развития человечества, при которой основой определения социальной структуры становится информация и, в особенности, доступ к ней [1]. Происходящие цифровые трансформации создали глобальное информационное пространство, которое формируется неизмеримо большими потоками информации, возможностями ее использования, воздействующими на все жизненные процессы, сознание и поведение людей. Интернет-технологии не только быстро внедряются в политику, бизнес, государственное управление, но и трансформируют характер межличностных отношений в обществе, формы проявления гражданского активизма.

Распространение новой коммуникативной среды вызвало появление самых разных форм виртуального взаимодействия, таких, как форумы, чаты, блоги, социальные сети, которые во всем мире становятся полем проявления цифрового гражданского участия. У граждан появились принципиально новые возможности проявить свою социально-политическую активность по поводу волнующих их общественных проблем, а также повлиять определенным образом на их решение.

Современные технологии предлагают новые критерии стратификации населения, открывают совершенно новые возможности для вовлечения граждан в процесс общественного участия, что обуславливает переосмысление сложившихся социальных дистанций и ролей. В связи с этим задача экспертного сообщества состоит в научном осмыслении взаимосвязи между позитивными и деструктивными формами гражданского цифрового активизма в условиях погружения индивидов в цифровую среду.

Молодежь является наиболее активной в использовании интернета группой общества, переместив в его пространство различные виды социальных практик. По данным проведенного в марте 2021 г. ВЦИОМ исследования, уже тогда молодежь готова была отказаться от телевидения в пользу интернета. Такая поведенческая установка характерна для 69 % молодежи в возрасте от 18 до 24 лет и для 48 % 25–34-летних [1]. Если очертить круг тех видов деятельности, которые реализуются молодежью с использованием интернет-среды, то в нем можно обозначить следующие: использование интернета для работы или учебы, просмотр фильмов, чтение книг, использование электронной почты для переписки, поиск необходимой информации, получение информации о событиях в стране и мире, общение с друзьями в чатах, форумах, социальных сетях, поиск друзей и людей, близких по интересам, ведение блогов, игра в компьютерные игры, совершение покупок. Данный список мог бы быть продолжен, что неудивительно, учитывая, что по данным того же ВЦИОМ, 71 % молодежи в возрасте от 18 до 24 лет проводят в интернете более 4 часов ежедневно, аналогичным образом поступает и 41 % представителей группы 25–34 летних. Наряду с этим, 26 % из группы 18–24 летних пользуются интернетом ежедневно, но проводят там менее 4 часов в день, подобное количество времени проводят на просторах интернета и 45 % опрошенных из возрастной группы 25–34 летних [2].

Коллективом исследователей Казанского федерального университета при непосредственном участии автора в 2022 г. проведен репрезентативный социологический опрос российской молодежи. Объем выборочной совокупности составил 1100 чел.

В сравнении результатов исследования ВЦИОМ с результатами нашего авторского исследования, структура видов деятельности, осуществляемых молодежью в цифровой среде, в содержательном аспекте не претерпела существенных изменений, лишь только была

расширена за счет добавления, наряду с уже указанными, таких элементов как «использую электронными государственными услугами», «заказываю такси через мобильное приложение», «занимаюсь спортом онлайн», при использовании интернета в целях развлечения респонденты указали также «посещение онлайн-выставок» и «прослушивание музыки». Таким образом, сравнение данных двух исследований не обнаружило концептуальных расхождений в конфигурации основных видов поведенческих практик, реализуемых представителями молодых поколений в цифровой среде. Со всей очевидностью выветилась тенденция по сохранению, резко усилившейся в период пандемии COVID-19, онлайн-активности по следующим направлениям: работа, учеба, использование портала электронных услуг, занятия спортом онлайн. Период пандемии коронавирусной инфекции стал непредвиденным фактором, обусловившим фактически вынужденное погружение населения в цифровую среду в период самоизоляции, что во многом изменило не только мировоззрение людей, но и, кардинальным образом трансформировало поведенческие практики в цифровой среде.

Успешный процесс социализации индивида становится возможным в случае его активного участия в социально-значимой деятельности, приобщения к новому социальному действию и активизации индивидуальной инициативы, позволяющей рассматривать его не в качестве пассивного созерцателя, а субъекта общественных отношений, способного реализовывать системные решения, придавать импульс развитию. Реализация гражданских инициатив во все времена свидетельствовала об отсутствии социального равнодушия у молодежи к общественно значимым процессам. В современных условиях площадкой для выражения гражданской активности молодых поколений стало интернет-пространство.

Опрошенная нами молодежь ориентирована на практическое и деятельное участие в социально полезной деятельности на полях интернета. Поэтому, отвечая на вопрос относительно того, «Приходилось ли Вам за последние 2–3 года становиться инициатором каких-то коллективных действий?» дали положительный ответ следующее количество респондентов: 37,4 % опрошенных «Решали чужую проблему», оказывали поддержку начинаниям других – 32,6 %, они «Реализовывали какой-либо чужой замысел, инициативу», а 30,9 % «Реализовывали свой замысел, инициативу». Относительно возможности «Решить проблемы в различных сферах нашего общества через активность большого числа людей в интернете» мнения разделились в следующей числовых сочетаниях: 73,2 % опрошенных дали положительно окрашенный ответ в отношении дел благотворительности, 58,1 % указали на такую возможность в решении проблем экологии, 51,9 % – сферы образования, для 51,6 % респондентов такой областью стала медицина, 51,3 % согласились с тем, что активность большого числа людей в интернет-среде позволяет отстоять права и свободы граждан, что касается возможности решить проблемы в сфере международной политики, то опрошенные (56,7 %) посчитали, что одной активности в информационном пространстве недостаточно, с чем в принципе, нельзя не согласиться. Усиливает позицию по данному вопросу и четкая уверенность респондентов в том, что, участвуя в различного рода гражданских активностях в интернете можно добиться желаемых результатов и «привлечь большее количество населения к гражданской активности», в этом уверены 60,5 % респондентов. 74,1 % опрошенных – преобладающая часть, твердо убеждены в возможности цифровой среды «повысить осведомленность граждан о проблемах общества», 45,2 % считают, что можно «Решить проблемы общества, через воздействие на власть», а 40,1 % – «Сформировать сильное гражданское общество». Инициатива, энергия молодежи, позитивные поведенческие практики совместного сотрудничества, коллективное решение вопросов, реализуемые в цифровой среде, дополняемые убежденностью молодых поколений в безграничных возможностях интернета и активно ими задействованные в решении проблем, способствуют формированию качеств личности с системой ценностных позиций и мировоззренческих установок, на уровне, позволяющем говорить об активно идущем процессе социализации.

Адресованный нашим респондентам открытый вопрос онлайн-анкеты относительно того, что им «приходилось делать в интернете за последние полгода-год», позволил получить следующие ответы: опрашиваемые могут «Выдвигать инициативу», «Обращаться в онлайн-

приёмные разных ведомств», «Обсуждать актуальные вопросы», «Участвовать в дискуссиях на различные темы», выразить свою гражданскую позицию, «участвуя в голосовании по политическим и общественно значимым вопросам», «находить программы помощи и единомышленников». Опрашиваемые уверены, что информационное поле «Предоставляет платформу для выражения своего мнения, информирует о происходящих в стране событиях» и «существует возможность написать пост в соцсети, который увидят тысячи человек». Таким образом, цифровая среда в качестве действенной, динамической основы социализации, одновременно интегрирует в себе и стимулирует различные виды социальной активности молодежи.

Механизмы социального наследования, социальной памяти, ментальности, преломляясь в личностном восприятии, во многом характеризуют процесс социализации. Так, например, российской ментальности всегда была присуща коллективность, со свойственной ей особой формой солидарности, консолидации и сплоченности, особенно проявляемая в периоды вызовов и угроз.

Стремлением выяснить наличие в системе характеристик гражданского активизма представителей молодежи качеств коллективизма, было обусловлено включение в онлайн-анкету авторского исследования вопроса, сформулированного следующим образом: «Есть люди, готовые объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают. И есть люди, не готовые объединяться с другими для совместных действий, даже если их идеи и интересы совпадают. К кому вы отнесли бы себя?». Почти половина (46,4 %) респондентов убежденно ответили, что относят себя к группе тех, кто готов объединяться, 16,8 % – к не готовым поступать подобным образом, а 36,8 % затруднились высказать точку зрения по вопросу. Несмотря на то что среди опрошенных, готовых объединяться в численном выражении было не абсолютное процентное большинство и среди респондентов присутствовало достаточное количество тех, кто затруднился с ответом, наличие в ответах желания к объединению для совместных действий, свидетельствует о таком векторе информационного потока, протекающего в рамках межпоколенной трансмиссии, который все же способствует передаче и привитию молодежи качества, которое имеет непреходящую ценность. А диалог представителей разных поколений способен сформировать их гармоничное взаимодействие, повысить ценность межпоколенческих коммуникаций. Тем более, что при одобряемой общественным мнением, поддержке государством молодежных идей и предложений, каждый второй из опрошенных в ходе исследования, проведенного ВЦИОМ, считает, что руководить проектами, иницируемыми молодежью, должна не она сама, а люди среднего возраста (51 %) [3].

В целом можно констатировать, что молодые поколения приходят к пониманию роли коллективных усилий в решении значительного количества задач, а интернет-пространство с его возможностями рассматривается молодежью в качестве эффективного средства реализации гражданской активности. Мотивами, способными повлиять на принятие решения по участию в онлайн-активностях часто становятся общественные цели, наряду с, безусловно, присутствующим и личным интересом. Поэтому, когда в одном из открытых вопросов анкеты молодежь попросили уточнить, что может стать решающим моментом для их активного участия в онлайн-активностях, были получены ответы, которые следует привести как наиболее показательные в отношении выражения форм гражданского активизма молодежи: «Добиться широкой огласки какой-либо проблемы», «Необходимость рассказать о своих действиях, попытаться добиться реакции со стороны власти и общества», «Желание осветить свою позицию», «Опровержение ложной информации», «Проблема касается моего региона, города», «Проблему игнорируют официальные СМИ». Не менее важно, что респонденты не просто ограничиваются обсуждением проблем в сети, но и с разной периодичностью принимают участие в событиях направленных на решение социальных проблем, о которых узнал в интернете» (60,1 %), что не может не свидетельствовать о достаточно высокой гражданской активности молодежи.

Литература

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе / под ред. П. С. Гуревича. М., 1986.
2. ВЦИОМ: почти 70 % молодых россиян отказались от телевидения в пользу интернета. URL: https://tass.ru/obschestvo/10823361?ysclid=lh1ufyui8f600154929&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 22.04.2025).
3. ВЦИОМ: Общественная активность молодежи. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi> (дата обращения: 22.04.2025).

УДК 338(571.53)

В. Э. Паршина

Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики
по Иркутской области, г. Иркутск

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ НА ПУТИ К ЦЕЛЯМ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Рассмотрена повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., разработанная Организацией Объединенных Наций для того, чтобы добиться улучшения жизни и будущего всех людей во всем мире. Анализируются разрабатываемые Росстатом важнейшие социально-экономические показатели о ходе достижения данных целей в стране в целом и по Иркутской области.

Ключевые слова: цели устойчивого развития, регион, население, производство, рациональное использование.

E. G. Sigacheva, V. E. Parshina

Territorial authority of the Federal State Statistics Service in Irkutsk region, Irkutsk

IRKUTSK REGION ON THE WAY TO THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

The 2030 Agenda for Sustainable Development was developed by the United Nations in order to improve the lives and futures of all people around the world. The article considers the most important socio-economic indicators developed by Rosstat on the progress of achieving these goals in the country as a whole and in the Irkutsk region.

Keywords: sustainable development goals, region, population, production, rational use.

Устойчивое развитие (гармоничное, сбалансированное развитие) – процесс социальных и экономических трансформаций, в котором природные ресурсы, развитие индустриализации, технического прогресса, национальные стратегии, общественные институты и формирование личности согласованы друг с другом, создают безопасный мир и укрепляют будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и реализаций.

Устойчивое развитие возможно только при равновесии трех основных составляющих: экономический рост, социальная ответственность и экологический баланс [3].

25 сентября 2015 г. государства – члены ООН приняли Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, которая представляет собой далеко идущий план масштабных преобразований, включающий 17 взаимосвязанных и неразделимых целей (ЦУР), направленных на ликвидацию нищеты, сохранение ресурсов планеты и обеспечение благополучия населения.

Каждая цель содержит ряд показателей, универсальных для всех стран, которые должны быть достигнуты в течение 15 лет. Генеральной Ассамблеей ООН рекомендовано странам создавать свои национальные наборы данных, которые могут быть использованы для оценки текущего состояния не только страны в целом, но и входящих в ее состав административно-территориальных единиц – регионов, что позволит оценить их положение относительно друг друга и в системе координат экономики страны или мира.

В настоящее время разрабатывается 123 глобальных показателя ЦУР, национальный перечень включает 183 показателя, 116 из которых представлены по субъектам Российской Федерации. 108 показателей предоставляет Росстат, остальные закреплены за 23 министерствами и ведомствами и Банком России [4].

Для информационного обеспечения процесса мониторинга ЦУР на региональном уровне Иркутскстатом в 2024 г. подготовлен экономико-статистический сборник «Приангарье на пути к целям устойчивого развития», в котором рассмотрены показатели по Иркутской области в сравнении с другими регионами СФО и страны в целом.

Цель 1 «Ликвидация нищеты» направлена на сокращение бедности во всех ее проявлениях, ведь нищета – это не только недостаток средств к существованию, но и голод, антисанитария, ограниченный доступ к воде, образованию и другая социальная изоляция и дискриминация [2].

Согласно отчету ООН, в 2022 г. в условиях крайней нищеты жили 712 млн чел. (или 9 % населения Земли). В России, благодаря эффективной государственной политике, направленной на обеспечение достойного уровня жизни, цель по ликвидации крайней нищеты достигнута [4].

В Иркутской области приоритетное место в расходовании бюджетных средств стабильно отводится социальным выплатам для поддержания и обеспечения нормальной жизнедеятельности незащищенных слоев населения. С 2017 г. наблюдается рост реальных денежных доходов, соответственно, доля населения с денежными доходами ниже границы бедности последовательно снижается (рис. 1).

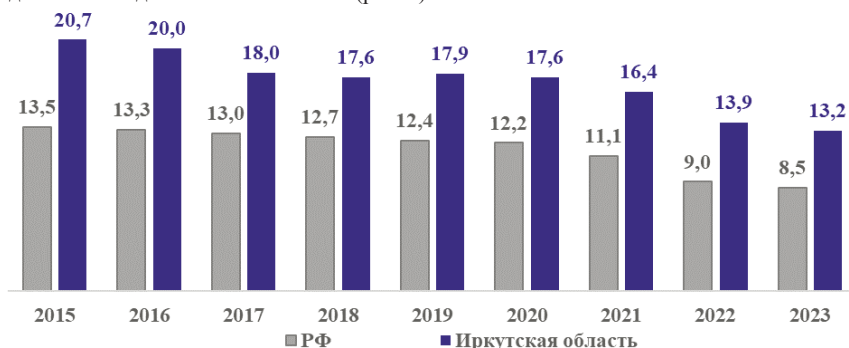

Рис. 1. Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности, в % от общей численности населения

Цель 2 «Ликвидация голода» направлена на искоренение всех форм недоедания и создание универсальных систем ведения сельского хозяйства и производства продуктов питания, способных адаптироваться к изменениям климата, сохраняя при этом важнейшие экосистемы.

Показатели продовольственной безопасности в стране и нашем регионе с 2017 г. существенно изменились – доля домохозяйств, указавших при оценке своего материального положения на нехватку денег на еду, достигла 0 %.

На уровень производства продукции сельского хозяйства непосредственное влияние оказывают погодные условия, поэтому в Приангарье наблюдается нестабильная динамика – рост производства сменяется падением и наоборот, в иные периоды темп был выше российского. В 2023 г. индекс производства составил 97,6 % (по России – 100,2 %), причем спад отмечался во всех сибирских регионах, за исключением Хакасии (100,6 %).

Цель 3 «Хорошее здоровье и благополучие» призывает предпринять весь комплекс мер для увеличения продолжительности жизни, полного искоренения широкого спектра заболеваний и решения многочисленных проблем в области здравоохранения.

Поддержание здоровья населения – один из главных приоритетов российской политики. Несмотря на глобальные вызовы, в Иркутской области наблюдается рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении – в 2023 г. показатель достиг 69,8 лет (рис. 2).

Рис. 2. Ожидаемая продолжительность жизни, лет

Постепенно снижаются показатели смертности, в том числе детская смертность (до 5 лет) по сравнению с 2015 г. сократилась на треть, младенческая – на 31,4 %.

На состояние здоровья населения влияет множество факторов, таких как генетические данные человека, состояние окружающей среды, доступность медицинской помощи, образ жизни. Доля граждан, ежегодно проходящих профилактический медицинский осмотр и (или) диспансеризацию, в 2023 г. по сравнению с 2020 г. возросла в 3 раза, а систематически занимающихся физкультурой и спортом по сравнению с 2015 г. выросла в 2 раза.

Мероприятия, направленные на профилактику и своевременное выявление инфекционных заболеваний, привели к снижению заболеваемости отдельными болезнями. Уровень заболеваемости туберкулезом по сравнению с 2015 г. снизился в 2 раза, гепатитом В – на треть.

Численность пациентов (в расчете на 100 тыс. населения) с психическими заболеваниями уменьшилась на 27 %, больных алкоголизмом – в 2 раза, наркоманией – на 29 %.

Цель 4 «Качественное образование» призвана обеспечить для всех возможность получить образование, овладеть профессионально-техническими навыками для трудоустройства. Непрерывное обучение принципиально важно для повышения уровня жизни и формирования кадровых ресурсов, устойчивых к экономическим потрясениям и способных адаптироваться к технологическим изменениям.

За последние годы в Приангарье наблюдается рост уровня образования и охвата дошкольным и средним профессиональным образованием. Достигнут значительный прогресс в части улучшения школьной инфраструктуры, доля школ, обеспеченных доступом к сети Интернет, составила 95 %. Навыками в области информационно-коммуникационных технологий владеет 91 % молодежи (в возрасте 15–24 лет) и 86 % взрослых (15–74 года).

Цель 5 «Гендерное равенство» направлена на предоставление женщинам и девочкам во всем мире равного доступа к образованию, трудовой деятельности, медицинской помощи и участию в политической жизни государства.

Равные права и свободы мужчин и женщин гарантируются Конституцией Российской Федерации. В стране наблюдается увеличение доли женщин в палатах Федерального собрания с 14,4 % в 2015 г. до 18,3 % в 2023 г. В Иркутской области доля женщин на руководящих должностях в организациях возросла с 49,7 до 51,7 %.

Цель 6 «Чистая вода и санитария» направлена на обеспечение равноправного доступа к безопасной питьевой воде, а также внедрение эффективных технологий водопользования, охраны и восстановления водных ресурсов.

В этом направлении в стране принимаются активные меры: за три последних года площадь восстановленных водных объектов выросла более чем в два раза. 88,6 % жителей России обеспечены качественной питьевой водой, в Иркутской области – 81,5 %.

Доля нормативно очищенной сточной воды в Приангарье составляет 15,2 %, что ниже, чем в среднем по стране (24,3 %) и в других регионах Сибирского федерального округа. Максимальная доля нормативно очищенной сточной воды в Алтайском крае и Республике Алтай (92,2 % и 88,1 % соответственно), минимальный – в Омской области (4,9 %).

Цель 7 «Недорогостоящая и чистая энергия» призвана предоставить всеобщий доступ к надежному и современному энергоснабжению. Россия обладает богатой ресурсной базой и развитой энергетической инфраструктурой, 100 % населения страны имеют доступ к электроэнергии.

Благодаря гидроэлектростанциям, работающим в Приангарье, и самыми низким, по сравнению с другими регионами, тарифам на электроэнергию, в Иркутской области объем энергопотребления (на душу населения) в 3,6 раза превышает средний показатель по стране и в 2 раза по СФО.

Цель 8 «Достойная работа и экономический рост» направлена на защиту трудовых прав, сохранение рабочих мест и повышение производительности труда.

Вопросам занятости и поддержки бизнеса в России уделяется особое внимание, в том числе в рамках национальных проектов. Благодаря сбалансированной политике в 2023 г. зафиксирован рекордно низкий уровень безработицы, в Иркутской области по сравнению с 2015 годом он сократился в 2,2 раза и составил 3,7 % (по России – 3,2 %).

Доля молодежи, которая не работает, не учится и не приобретает профессиональных навыков снизилась до 10,2 % (в 2017 г. – 17,0 %), по России – 8,7 % (10,4 %).

Комплексная государственная политика направлена также на рост доходов населения, прежде всего от трудовой деятельности. Ежегодно снижается доля работников организаций с заработной платой ниже прожиточного минимума, в 2023 г. она составила лишь 0,8 % (в 2015 г. – 9,5 %), по РФ – 2,6 % (10,7 %).

Уровень реальной оплаты труда в Иркутской области растет с 2017 г., в РФ – с 2016 г. В 2023 г. реальная начисленная зарплата работников (с учетом индекса потребительских цен) увеличилась по сравнению с предыдущим годом на 7,6 % (по России – на 8,2 %) (рис. 3).

Рис. 3. Реальная среднеемесячная начисленная заработная плата работников, в % к предыдущему году

Цель 9 «Индустриализация, инновации и инфраструктура» призывает развивать качественную, надежную и устойчивую инфраструктуру, транспортную систему, дорожный комплекс и ИТ-технологии.

В Приангарье качество автодорог ежегодно повышается, хотя показатели ниже, чем в среднем по России. Так, доля дорог регионального и межмуниципального значения, соответ-

ствующих нормативным требованиям, – 39,1 % против 53,4 % по России, местного значения – 48,2 % против 54,4 %.

Развитие научной и технологической деятельности невозможно без всеобщей цифровизации. С 2021 г. социально значимые объекты во всех регионах нашей страны имеют широкополосный доступ к интернету. Доля домашних хозяйств, использующих всемирную сеть, по Иркутской области достигла 92,2 % и превысила значение по России (87,3 %).

Цель 10 «Уменьшение неравенства» ставит задачу поддерживать участие в социальной, экономической и политической жизни всех людей из всех слоев общества.

В России наблюдается рост социальных выплат малоимущим семьям. Постепенно уменьшается разрыв в соотношении средней заработной платы 10 % наиболее и 10 % наименее оплачиваемых работников организаций. В Иркутской области дифференциация по оплате труда менее выражена, чем в целом по стране, и составляет 7,8 раза (в 2015 г. – 11,4 р.), по России – 13,1 раз (в 2015 г. – 14,5р.).

Цель 11 «Устойчивые города и населенные пункты» направлена обеспечить комфортную городскую среду с мягкими границами между природными и урбанистическими территориями, которая будет давать энергию для жизни и деятельности.

В России ведется планомерная работа по улучшению качества жилищных условий граждан. В Иркутской области положительную динамику демонстрируют ряд показателей – сокращается доля населения, испытывающего стесненность проживания, появляется все больше городов с благоприятной городской средой, развивается инфраструктура для малоимобильных групп населения, из непригодного для проживания жилищного фонда за последние 5 лет расселено 73,9 тыс. чел.

Цель 12 «Ответственное потребление и производство» призывает к переходу на рациональное использование ресурсов в условиях глобального увеличения спроса на различную продукцию. Для достижения этой цели необходимо существенно уменьшить объем отходов путем принятия мер по предотвращению их образования, переработке и повторному использованию.

В России ежегодно ликвидируются наиболее опасные объекты накопленного вреда окружающей среде. В Иркутской области, по данным Росприроднадзора, доля утилизированных и обезвреженных отходов производства и потребления в общем объеме отходов, образовавшихся в 2023 г., составила 69,2 %, это выше, чем в других регионах СФО, и превосходит средний уровень по России (42,7 %).

Цель 13 «Борьба с изменением климата» сосредоточена на способности адаптироваться к опасным климатическим явлениям и стихийным бедствиям. Ключевыми факторами являются сокращение выбросов парниковых газов и инвестиции в более экологичное производство.

В Приангарье в летний период из-за высоких температур наряду со шквалистым ветром представляет большую опасность возгорание лесных массивов. За период с 2015 г. на территории Иркутской области наибольшая площадь лесных пожаров отмечалась в 2019 г. (1,6 млн га), минимальная – в 2023 г. (8,5 тыс. га).

Цель 14 «Сохранение морских экосистем» должна улучшить работу по рациональному использованию океанов и морей, а также сохранению биологического разнообразия.

В России продолжается рост промыслового запаса водных природных ресурсов, а также производства рыболовского материала для аквакультуры. Сохраняется положительная тенденция увеличения доли нормативно очищенных сточных вод, сбрасываемых в моря.

Цель 15 «Сохранение экосистем суши» призвана обеспечить разумное использование всех типов лесов, остановить обезлесение, опустынивание, восстановить деградацию земель и значительно расширить масштабы лесонасаждения во всем мире. Природный потенциал нашей страны – один из самых богатых в мире, он вносит значительный вклад в поддержание устойчивости биосферы Земли.

Иркутская область располагает уникальными лесными ресурсами. Покрытые лесной растительностью земли занимают 63,6 млн га. Лесистость составляет 82,2 % (по этому пока-

зателю Приангарье – один из лидеров страны). По муниципальным районам показатель лесистости колеблется в диапазоне от 23 % (Нукутский район) до 97 % (Балаганский район).

В регионе последние годы работы по восстановлению и разведению леса идут с опережением, превышая площадь утраченных за год лесных насаждений и частично восполняя предыдущие недоработки. Масштаб этих работ в Приангарье выше среднего по Сибири и в иные годы превосходит российский результат.

Цель 16 «Мир, правосудие и эффективные институты» содействует построению миролюбивого и открытого общества, призывает к борьбе с насилием и коррупцией для поддержания социальной стабильности общества.

В Иркутской области число лиц, погибших от преступлений, направленных на умышленное причинение смерти или тяжкого вреда здоровью, в расчете на 100 тыс. населения сократилось с 22 в 2015 г. до 13 чел. в 2023 г. Необходимо отметить, что уровень смертности в результате умышленных убийств в Приангарье в 2 раза выше, чем в целом по России, а среди регионов СФО хуже ситуация обстоит только в Республике Тыва (36 чел. на 100 тыс. населения).

Цель 17 «Партнерство в интересах устойчивого развития» направлена на взаимовыгодное международное сотрудничество, а также регулярное взаимодействие, обмен опытом и инвестициями между правительством, бизнесом и гражданским обществом на региональном и местном уровнях.

Повесткой дня для Российской Федерации является необходимость повысить макроэкономическую стабильность в стране путем усиления мобилизации ресурсов из внутренних источников.

По объемам произведенного валового регионального продукта (ВРП) Иркутская область стабильно входит в число 15 крупнейших регионов России. В 2023 г. Иркутская область находилась на 14-м месте в стране, формируя 1,6 % ВВП России и 18,2 % суммарного объема ВРП Сибирского федерального округа.

В 2023 г. физический объем ВРП сократился на 0,9 % (по России – рост на 4,7 %). По этому показателю Приангарье занимало последнее место в федеральном округе и 81-е место в российском рейтинге [1].

Рис. 4. Валовой региональный продукт на душу населения по регионам СФО, тыс. рублей

Регионы существенно различаются по производственному потенциалу и численности населения. Поэтому для сравнительного анализа региональной экономики целесообразно использовать такой показатель, как производство ВРП в расчете на душу населения. В Иркутской области в 2023 г. он превысил миллион рублей, что соответствует 2-му месту в СФО, выше показатель только в Красноярском крае – 1,3 млн руб. на душу населения (см. рис. 4).

Таким образом, цели и задачи устойчивого развития определяют ключевые направления государственной политики по развитию инвестиционной деятельности, экологической безопасности, социальной защиты населения. Качественные, открытые и дезагрегированные статистические данные имеют жизненно важное значение, поскольку позволяют отслеживать прогресс в достижении Целей и своевременно принимать обоснованные решения.

Литература

1. Валовый региональный продукт Иркутской области: производство и использование. 2025 : аналит. записка / Иркутскстат. Иркутск, 2025. 18 с.
2. Приангарье на пути к целям устойчивого развития 2024 : стат. сб. / Иркутскстат. Иркутск, 2024. 102 с.
3. Ростовская область – движение к целям устойчивого развития: 2016–2022 : информ.-аналит. материал / Ростовстат. Ростов н/Д, 2023. 325 с.
4. Цели устойчивого развития в Российской Федерации. 2024 : крат. стат. сб. / Росстат. М., 2024. 105 с.

УДК 33.02+061.1+061.2

Я. А. Лещенко

Восточно-Сибирский институт медико-экологических исследований, г. Ангарск

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНО-ЭКСПЕРТНЫХ СООБЩЕСТВ ПО ОБОСНОВАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОЕКТОВ И ДОЛГОСРОЧНЫХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ. РАСЧЁТЫ И ПРОСЧЁТЫ

Рассмотрены вопросы участия научно-экспертных сообществ в обосновании, подготовке и реализации крупных государственных проектов и программ государственного развития в СССР и постсоветской России. Приведены примеры такой деятельности применительно к некоторым проектам и программам, получившим большой общественный резонанс. Дана оценка результатов реализации этих проектов и программ, а также того, насколько отвечали достигнутые показатели исходным проектным решениям и национальным целям развития.

Ключевые слова: научно-экспертное сообщество, государственные проекты, долгосрочные программы развития.

Ya. A. Leshchenko

East Siberian Institute of Medical and ecological research, Angarsk

ACTIVITIES OF SCIENTIFIC AND EXPERT COMMUNITIES TO SUBSTANTIATE STATE PROJECTS AND LONG-TERM DEVELOPMENT PROGRAMS. CALCULATIONS AND MISCALCULATIONS

The article examines the issues of participation of scientific and expert communities in the substantiation, preparation and implementation of large state projects and programs of state development in the USSR and post-Soviet Russia. Examples of such activities are given in relation to some projects and programs that have received great public resonance. An assessment is given of the results of the implementation of these projects and programs, as well as the extent to which the achieved indicators corresponded to the initial project decisions and national development goals.

Keywords: scientific and expert community, government projects, long-term development programs

Научно-экспертное сообщество принято рассматривать как широкий круг исследовательских центров, специализирующихся в областях политического управления и социально-экономической сферы [2]. В развитых странах экспертное сообщество представляет собой сложное образование. В этом секторе сконцентрированы интеллектуальные ресурсы общества в университетах, исследовательских и аналитических центрах.

Ключевые проблемы экспертизы лежат в сложнейшей сфере пересечения объективного экономического, социального, политологического анализа, с одной стороны, и интересов

влиятельных финансово-экономических групп – с другой, что актуализирует проблему соотношения объективности анализа и его прикладного использования [2].

В развитых странах накоплен значительный опыт привлечения экспертов и экспертных сообществ для принятия управленческих решений с учетом существующей системы управления, культурно-исторического развития государства и многих других факторов. Обычно экспертом является лицо, имеющее специальный опыт в конкретной области, приглашенное или нанимаемое для подготовки квалифицированного заключения по рассматриваемому вопросу. Как правило, это известные ученые, работающие в крупных научно-образовательных организациях, а также лица, имеющие опыт работы в какой-либо отрасли народного хозяйства или оборонно-промышленного комплекса.

При формировании экспертного сообщества важнейшее значение имеет механизм отбора экспертов и экспертных организаций (аналитических центров) как главный элемент процесса формирования и выбора решений. Применение экспертных оценок требует обязательного анализа их объективности и точности. Поэтому квалификация экспертов и их научная добросовестность должны быть гарантом того, что полученные оценки достоверны. Кроме того, помимо недостаточной компетентности экспертов, возможны погрешности, обусловленные заинтересованностью экспертов в результатах оценки, что может значительно искажать конечные результаты [1].

Малая достоверность экспертных оценок и низкая надежность разработанных прогнозных сценариев могут быть обусловлены тем, что эксперты допускают ошибки разного рода, например, когда они рассматривают изменения в одной области социоприродной системы изолированно от процессов, идущих в других областях, переоценивают краткосрочные изменения объекта исследования и недооценивают долгосрочные изменения, а также аналитические возможности, возникающие в результате появления новых научных знаний, развития новейших технологий. Негативное влияние на формирование экспертных оценок могут оказывать когнитивные искажения в мыслительной деятельности экспертов, когда они некритически воспринимают субъективные лозунги и волонтаристские заявления, выдвигаемые представителями власти, поддаются информационно-психологическому давлению средств массовой информации.

Немаловажное влияние на деятельность экспертного сообщества могла оказывать существовавшая в СССР так называемая модель «приводных ремней», когда функцией общественных наук считалось наукообразное обоснование правильности принимаемых руководством КПСС решений. В постсоветской России эта модель стала принимать вид модели «оплаченного результата», в рамках которой предполагается, что заказчик исследования заранее указывает нужные результаты, а дело ученых лишь их аргументировано обосновать [4].

Негативные примеры экспертной деятельности в сфере народнохозяйственного и природоохранного комплексов

Конечно, учёные, эксперты не застрахованы от ошибок. Но и в советской и постсоветской практике нередко возникали сговоры научных кадров, когда ради обеспечения своего благополучия обосновывались идеи и проекты, принесённые природе и стране тяжёлые последствия. Рассмотрим кратко историю двух таких проектов, разрабатывавшихся в СССР и постсоветской России.

Проект переброски стоков северных рек в южные районы страны

В 1950-е – 1960-е годы некоторые советские ученые стали выдвигать масштабный проект переброски стоков северных рек европейской части России (Северной Двины, Оби, Иртыша) в Волгу, откуда вода должна была пополнить Каспийское море, а также по каналу «Волга-Чограй» пойти в Среднюю Азию, испытывающую дефицит водных ресурсов.

Руководство страны изъявило готовность принять проект подобного масштаба. В 1968 г. пленум ЦК КПСС дал поручение Госплану и Академии наук разработать план перераспределения стока рек. Под новую идею был создан «Головной проектно-изыскательский и научно-исследовательский институт по переброске и распределению вод северных и сибирских рек», который на начальном этапе должен был изучить перспективы реализации ме-

гапроекта. Ученые рисовали самые радужные перспективы. А могло ли быть иначе? Мог ли директор «головного НИИ», даже при однозначно негативных результатах первичной экспертизы, проявить профессиональную честность, объективность и заявить, что перспективы реализации проекта весьма сомнительны, чреваты большими рисками и могут нанести огромный ущерб природе и народному хозяйству? Представление властям такого заключения закономерно привело бы к расформированию института и печальным служебным перспективам директора и его сотрудников. А ведь еще были образованы постоянные экспертные комиссии при Академии наук, Совете Министров и Госстрое. Их ведь тоже пришлось бы расформировать.

По проекту разворота главных рек страны росли горы научной и технической документации, всевозможный согласований. И даже частично глобальные планы начали реализовывать. Но в 1986 г. на специальном заседании Политбюро было решено проект закрыть. Что же случилось? Оказалось, что далеко не все эксперты выступили за данный проект. Пять отделений Академии наук СССР представили отрицательные экспертные заключения. Письмо академика Яншина в ЦК КПСС «О катастрофических последствиях переброски части стока северных рек» подписал ряд других академиков. То есть, ситуацию спасли ученые, проявившие настоящий профессионализм и принципиальность в данном вопросе.

А теперь обратимся к проекту, реализованному в более поздние времена.

Федеральная программа «Развитие водохозяйственного комплекса в бассейне Волги в 2012–2020 годах»

Здесь мы вновь видим примеры непрофессионализма и безответственности в управленческой и экспертной деятельности. К каким последствиям могли привести эксперименты с разворотом главных рек страны, можно судить по тому, чем стала Волга сейчас, после того как она превратилась в цепь гигантских водохранилищ, сформированных восемью плотинами ГЭС.

В 2012 г. проблемы Волги включили в ФЦП «Развитие водохозяйственного комплекса России в 2012–2020 годах» с большим бюджетом в 523 млрд руб. То есть начали решать проблемы, которые ещё толком не были изучены. А самой распространённой формой работ на Волге стали берегоукрепительные работы на стенах водохранилищ. Для подрядчика – такая форма реализации данного проекта оказалась весьма желанной (что, однако, отнюдь не свидетельствовало о её рациональности), поскольку финансовые вливания были огромны, а «эффективность» выполненных работ проверить было трудно.

Многое прояснили результаты реализации проекта на сегодняшний день. Движение воды в реке стало в 10–15 раз медленнее, чем 100 лет назад. Утрачены 98 % нерестовых площадей белуги, 80 % осетра и 40 % севрюги. Кроме того, никем толком не изучались последствия 26 «мирных» ядерных взрывов, произведённых в советскую пору в Волжском бассейне. Хотя в анналах крупных государственных учреждений, имевших отношение к данной федеральной программе, наверняка хранятся успокоительные заключения ангажированных «учёных» и «экспертов» о том, что ничего плохого в результате реализации этих проектов и экспериментов случиться не может [6].

Когда возникла идея поднять уровень Чебоксарского водохранилища с 63 до 68 м, с научными обоснованиями и экспертными заключениями тоже был полный порядок: они утверждали, что вырастет необходимая для судоходства глубина Волги на самом проблемном участке в районе Городца. Но их авторы почему-то умолчали, что при ожидаемом подъёме воды суда 10 проектов не смогут пройти под Чебоксарским мостом, 38 проектов – под Окским. Затопит 127 тыс. га земель. Потребуется переселение людей: по разным оценкам, от тысячи до 20 тыс. человек. Потребуется миллиарды на возведение защитных сооружений, чтобы не снесло Зареченский район Нижнего Новгорода, а высокотоксичные отходы предприятий Дзержинска не оказались в Волге.

По свидетельству бывшего полпреда Президента в Приволжском федеральном округе Григория Рапоты некоторые «учёные» не раз предлагали ему сделать своё заключение по

Чебоксарскому водохранилищу; но при этом они тут же интересовались, какой результат полпред хочет получить» [6].

Деятельность научно-экспертного сообщества в решении проблем обеспечения населения продуктами питания

Эксперты ООН подсчитали, что к 2050 г. на планете будет проживать около 9 млрд человек. Чтобы всех прокормить, объёмы производства пищи якобы должны возрасти на 17 %, поголовье скота – на четверть. Но это делает нагрузку на природу непосильной. Ведь уже сейчас для пастбищ используют вдвое больше площадей, чем для пахотных угодий. При этом домашний скот потребляет примерно треть от всех собранных культур. Согласно подсчётам экспертов организации, 18 % всех выбросов парниковых газов связано с животноводством. Коровы лепёшки оставляют слишком глубокий углеродный след.

Как следствие, возникло понятие «альтернативной пищи», к которой относят насекомых, сою, водоросли и синтетическое мясо. Объединившиеся под этим брендом учёные трубят на весь мир, что лучшая замена мясу – сверчки, жучки и червячки. Если заменить ими половину потребляемого мяса, это сократит сельскохозяйственные угодья на треть. В мире освободится около 1,7 млрд га земли, что в 70 раз превосходит площадь Великобритании.

Мировую известность получил британский ученый Джош Эванс, представивший общественности научно-популярный фильм «Жуки», в котором сделал оптимистическое предсказание о том, что в скором времени население начнёт потреблять в пищу насекомых и, благодаря этому планета будет спасена. Ведь употребление в пищу насекомых поможет замедлить темпы глобального потепления, поскольку связанных с сельским хозяйством выбросов парниковых газов станет меньше. Эванса, несмотря на выдвигаемые им сомнительные идеи, позиционируют как уважаемого эксперта. Подобных исследователей поддерживают Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (FAO), Еврокомиссия. Да и многие маститые специалисты видят в Эвансе прогрессивного учёного. Современные просветители вроде Джоша Эванса внедряют свои идеи в сознание масс: членистоногих в рацион нужно включить, чтобы стать ещё здоровее и уменьшить свой углеродный след.

Разумеется, изготовление искусственного мяса требует энергетических затрат, но этот факт умалчивают. Равно как и то, что зелёная ветроэнергетика может оставить более длинный углеродный след, чем обычная: ведь ветроэлектрогенератор тоже нужно изготовить, доставить и установить. Однако FAO ещё в 2013 г. выпустила 200-страничный доклад о том, что от употребления насекомых в пищу одна сплошная польза: «Насекомые являются высокопитательным и здоровым источником пищи с высоким содержанием жиров, белков, витаминов, клетчатки и минералов». В насекомых, если верить экспертам ООН, содержится до 80 % белка, а в говядине его не больше 30 %. Железа в саранче – 8–20 мг на 100 г сухого веса, а в говядине – жалкие 6 мг. Любитель стейков и вовсе должен почувствовать себя ретроградом, прочитав чёрным по белому, что уже сейчас в мире 2 млрд людей (каждый четвёртый) время от времени едят насекомых: 31 % из них предпочитают жуков, 18 % – гусениц, 14 % – члёт и муравьёв [7].

В Финляндии в качестве альтернативных пищевых продуктов продвигают фрикадельки и смузи из сверчков. В Швейцарии выпускают батончики, чипсы, тортильи и муку для выпечки, а также котлеты для бургеров, которые состоят пополам из говядины и мучных червей. В Южной Корее придумали заменитель мяса из сахара и белков, полученных из тел этих червей. В Таиланде производят около 7,5 тыс. тонн сверчков в год, в Германии процветают фермы насекомых. А Канадское агентство по проверке пищевых продуктов лицензировало личинок мух – пока, правда, лишь для кормления лосося и цыплят.

В России тоже стремятся не отставать в этом вопросе. Вице-премьер и глава Минпромторга РФ Денис Мантуров утверждает, что использование растительного сырья взамен животного белка – это мировой тренд, с которым российские производители идут в ногу, хотя потребители пока и относятся к таким продуктам осторожно. Многие российские компании, видящие в производстве еды из насекомых перспективную отрасль, ждут поддержки от правительства.

Однако польза такого продовольствия для здоровья сомнительна. Старший научный сотрудник факультета фундаментальной медицины МГУ Зухра Павлова указывала, что качественных исследований, показывающих изменения мышечной массы, белкового и аминокислотного состава в крови людей, употребляющих белок насекомых, просто нет. Наоборот, известны исследования, выводы которых настораживают. Например, насекомые могут быть переносчиками паразитов: у тараканов такая вероятность составляет 58 %. И если человек откажется от привычной пищи и начнёт есть насекомых, он рискует заразиться и сам может стать переносчиком паразитов. Хитин (природный компонент экзоскелета насекомых) может вызывать аллергическую реакцию у человека, да и не у каждого человека органы пищеварения могут с легкостью переварить столь тяжёлый продукт.

Деятельность экспертного сообщества по обоснованию и разработке долгосрочных государственных программ развития России

Немало долгосрочных программ государственного развития было создано в постсоветский период. Весьма показателен и поучителен пример разработки и реализации Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, которую затем стали обозначать как «Стратегия-2020» [8]. Эту программу разрабатывали более 1000 экспертов с 2006 по 2008 г., когда был утвержден окончательный текст документа.

В 2008 г. разразился мировой экономический кризис, который, как стало ясно, не мог не повлиять самым негативным образом на «Стратегию-2020». Однако пересматривать и корректировать документ никто не стал. На первом этапе до 2012 г. предусматривалось достичь роста ВВП на 37–38 %, производительности труда – на 40–41 %, реальных располагаемых доходов населения – на 53–54 %. К 2020 г. средняя зарплата в стране должна была составить 2700 долларов, т. е. 230 тыс. рублей. В действительности этих показателей России не удалось достичь по сей день. Причём расхождения между планами и результатами оказались очень большими.

В «Стратегии-2020» много внимания было уделено демографической и семейной политике. Предусматривалось долю здравоохранения в ВВП увеличить в 2 раза к 2020 г. В реальности она снизилась на 0,2 %. Разрекламированные ожидания подъема уровня рождаемости оказались несостоятельными. Только в одном 2013 г. наблюдалось незначительное превышение показателя рождаемости над показателем смертности. В дальнейшем вновь пошел долгосрочный процесс естественной убыли населения – так называемая вторая волна депопуляции, снизить которую не удаётся по сей день и вряд ли удастся в обозримом будущем [3].

«Стратегия-2020» предусматривала создание 20 новых научно-образовательных центров мирового уровня. Однако с 2013 по 2019 г. федеральные расходы по статье «Высшее образование» снизились с 661 до 458 млрд руб., на «Общее образование» – с 128 до 14 млрд руб., а на дошкольное – даже с 77 до 2,9 млрд руб. Всё это произошло потому, что Федеральный центр, аккумулирующий у себя львиную долю налогов, просто снял с себя расходы на медицину и образование, и переложил их на бедные регионы, которым что-то возмещает при помощи дотаций, субсидий и субвенций. Совокупные расходы на образование должны были к 2020 г. составить 7 % ВВП вместо 4,8 % в 2007 г., а они упали до 3,5 %.

Как можно прокомментировать вышесказанное. Логика обстоятельств оказалась сильнее логики намерений. К тому же проявились явные просчеты и недоработки в используемых экспертами подходах к стратегическому планированию. В советский период в развитии экономики главенствовал командно-плановый подход, который был довольно эффективным в ранние годы советской власти, но в хрущёвскую и брежневскую эпохи он себя в значительной мере себя исчерпал.

В первые десятилетия XXI в. в планировании стали модными такие новации как «терминологический популизм» вроде «повышения инвестиционной привлекательности села», или «экономическая фантастика», например, в виде «роста ВВП на 5 % ежегодно». Концепции долгосрочного развития подхватили некоторые руководители на местах, уловившие главное их «достоинство»: чем дальше цель, тем меньше ответственности за очередной про-

вал. Ведь фактически за весь постсоветский период в стране не выполнена в полной мере ни одна долгосрочная программа экономического развития [5] (если не брать в расчет оборонно-промышленный комплекс, о ситуации в котором мало что известно). 2020 г. должен был стать промежуточным этапом для целого пакета долгосрочных стратегий развития, на которые были потрачены триллионы рублей. Но, как и «Стратегия-2020», они так и остались декларациями о намерениях.

С учётом всего вышеизложенного, приходится с некоторой осторожностью отнестись к недавно утверждённой Правительством РФ Стратегии реализации семейной и демографической политики до 2036 года, нацеленной на повышение рождаемости [5]. При том что цели «Стратегии» заслуживают самой положительной оценки. Они предусматривают достижение 13 показателей, в числе которых повышение показателя средней ожидаемой продолжительности жизни, рост количества многодетных семей, снижение уровня их бедности и, конечно, рост суммарного коэффициента рождаемости. В частности, в рамках «Стратегии» продолжится повышение качества и доступности медицинской помощи – с акцентом на укрепление системы охраны материнства и детства. Будут развиваться государственные сервисы по присмотру и уходу за детьми, группы продлённого дня, корпоративная поддержка семей. В вузах планируют создать условия для студенческих семей и учащихся с детьми – комнаты матери и ребёнка, группы кратковременного пребывания, места для проживания в общежитиях. Продолжится проведение капремонта и дооснащения детских садов. Отдельно предусматривается расширение практики гибкого графика работы для беременных женщин и сотрудников, имеющих несовершеннолетних детей.

В сложной современной международной обстановке очевидна большая значимость предпроектной экспертной работы для государственных деятелей и политиков, ответственных за принятие политико-правовых управленческих решений, в частности, в сфере демографического развития. Хочется надеяться, что экспертное сообщество, обосновывающее «Стратегию реализации семейной и демографической политики», другие национальные проекты и долгосрочные программы государственного развития, будет со всей ответственностью совершенствовать свою деятельность с учётом допускаявшихся в прошлом ошибок и просчетов. Для обеспечения эффективности и успешности этой работы огромное (ключевое) значение имеет объективный профессионально-ориентированный подход властей к выбору экспертов, представляющих информацию для обоснования рациональных управленческих решений.

Литература

1. Роль и значение экспертных сообществ в процессе принятия управленческих решений: сравнительный анализ национального и международного опыта / А. А. Волосатова, О. В. Гревцов, О. Ю. Жукова, Н. А. Дружинина, М. А. Волосатова // Вестник Евразийской науки. 2020. № 5. URL: <https://esj.today/PDF/19ECVN520.pdf> (дата обращения: 11.05.2023).
2. Григорьев Л. М. Экспертное сообщество современной России // Российская цивилизация в пространстве, времени и мировом контексте. URL: <http://xn----ptblgjed.xn--plai/node/2363> (дата обращения: 11.05.2023).
3. Рязанцев С. В., Рыбаковский Л. Л. Демографическое развитие России в XX-XXI веках: историческое и геополитическое измерения // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 9. С. 810–819.
4. Сунгуров А. Ю. Экспертные сообщества и власть: модели взаимодействия, основные функции и условия их реализации // Политическая наука. 2015. № 3. С. 53–70.
5. Демографическую стратегию России отправили в 2036 год. URL: <https://klan.argumenti.ru/readtext/235b896213e6e20d1486bf37d8e80615/11> (дата обращения: 12.05.2024).
6. Зачем России новые болота? URL: <https://klan.argumenti.ru/readtext/051f475b73cbd00ffid5573b093825387/8> (дата обращения: 11.05.2023).
7. Насекомые: есть или не есть? // Новости ООН. Глобальный взгляд. Человеческие судьбы. 19 сентября 2013. URL: <https://news.un.org/ru/audio/2013/09/1019691> (дата обращения: 12.05.2025).
8. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Книга 1 / под науч. ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьмина. М. : Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2013. 430 с. URL: https://www.hse.ru/data/2013/11/08/1282093572/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F-2020_%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0%201.pdf (дата обращения: 13.05.2025).

ЭКСПЕРТИЗА ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ОСНОВЫ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Изучается проблема сохранения традиционных ценностей в условиях информационно-когнитивного давления со стороны коллективного Запада. Рассматривается возвращение системы исторического образования как поиск эффективных методов, способных оказать влияние на формирование мировоззрения молодого поколения.

Ключевые слова: традиционные ценности, русская идея, гуманистическая цивилизация.

N. V. Maslodudova

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk

EXAMINATION OF TRADITIONAL RUSSIAN VALUES AS THE BASIS OF HUMANISTIC CIVILIZATION

The article deals with the problem of preserving traditional values in the context of information and cognitive pressure from the collective West. The author considers the return of the system historical education as a search for effective methods that can influence the formation of the worldview of the younger generation.

Keywords: traditional values, Russian idea, humanistic civilization.

Указом Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124 утверждена новая Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации, разработанная в целях обеспечения дальнейшей реализации государственной политики в сфере противодействия экстремизму в Российской Федерации [10].

Появление подобных документов всегда является отражением изменяющейся социальной реальности и необходимостью своевременного поиска адекватных мер противодействия новым угрозам и вызовам национальной безопасности[2]. Учитывая, что Российская федерация находится в условиях гибридной войны с коллективным Западом, реальную угрозу национальной безопасности страны представляет политика недружественных государств, направленная на искажение истории, фальсификацию роли СССР во Второй мировой войне и преуменьшение его вклада в победу над гитлеровской Германией и милитаристской Японией. Серьезную опасность представляет возрождение идей нацизма и фашизма, сопровождающиеся героизацией нацистов и их пособников.

Современное западное общество уже достаточно давно существует в условиях кофигуративного, по определению американского антрополога М. Мид [5], типа культуры общества. Такой тип культуры характеризуется разрывом поколений, так как основная модель поведения перенимается от сверстников, а старшее поколение уже не может контролировать его стремительные изменения за счет сложившихся образцов в рамках постфигуративного типа. Именно в кофигуративном типе, при разрыве поколений, проще всего исказить историческое прошлое, так как те, кто еще способен его транслировать, уже не является для новых поколений авторитетом.

После развала СССР российское общество стало подвергаться информационно-психологическому и информационно-когнитивному давлению, которые первоначально не связывали с угрозами национальной безопасности, так как в условиях открытости и доверия к Западу, не видели в этом геополитической задачи коллективного Запада, связанной уже с развалом Российской Федерации. Информационно-психологические угрозы связаны с продвижением неверного толкования различных научных теорий (в том числе при содействии фонда, основанного бизнес-магнатом Джорджем Соросом).

Общественные науки, которые всегда были частью специализированного института социализации, так как выполняли важнейшие задачи государства в процессе подготовки подрастающего поколения, в 90-е гг. XX в. оказались самыми уязвимыми в этом информаци-

онно-психологическом давлении. Растерянность самих обществоведов (чему и как учить) дополнялась повсеместным сокращением учебного времени, отводимого на такие дисциплины как «История России», «Культура России» и «Обществознание». При этом мы понимаем, что «именно в процессе освоения общественных дисциплин формируются основные мировоззренческие установки, которые реализуются в практическом компоненте мировоззрения через конкретные действия» [4, с. 521].

Нельзя переоценить роль исторического сознания в процессе формирования национального самосознания и ощущения единства и взаимопонимания среди российского народа. Общество, лишённое исторической памяти, подобно человеку, страдающему болезнью Альцгеймера. Именно поэтому так опасно формирование пренебрежительного отношения к своему историческому прошлому. Именно память о подвигах и трагедиях прошлого способствует созданию общественного сознания и объединению нации в стремлении к процветанию и развитию. Подвиги прошлого позволяют нам сегодняшним ощущать себя частью истории большой страны и осознавать ответственность за ее будущее.

Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 г. № 809 [8] явился формой обращения к современному российскому обществу, так как стало очевидно, что «дальнейшее забвение системы ценностного воспитания ведет к сегментации и распаду общества на группы, а в условиях нарастающего противостояния с коллективным Западом это уже грозит катастрофой для государственного суверенитета» [3, с. 336]. Одновременно, этот Указ стал и демонстрацией для всего мира несогласия России с унификаций культуры по западному образцу.

Сегодняшнее возвращение системы исторического образования можно рассматривать как поиск со стороны государства эффективных мер воздействия на мировоззрение молодых людей. Именно они сегодня оказываются наиболее уязвимы в условиях информационно-когнитивных угроз, так как эти угрозы исходят уже не только от Запада, как это было в период развала СССР, а от нас самих. «Схема нанесения ущерба» от применения когнитивного оружия, по С. С. Сулакшину, выглядит следующим образом: «Продвигаемая противником ложная теория поражает национальные научные школы. Собственно, учреждения образования, экспертные сообщества готовят дезориентированные кадры, запрограммированные на внедрение в политический процесс ложных парадигм развития страны» [8].

Западные теории, направленные на искажение историй Советского государства и нивелирование подвига советского народа в борьбе с фашизмом, заставили целое поколение, рожденное в 90-х гг. XX в., испытывать стыд за свое историческое прошлое. Со временем стыд сменился полным безразличием, а патриотизм не просто перестал восприниматься как ценность, но приобрел даже негативную оценку. Показательным в этом вопросе становится цитирование фразы (в разных вариациях), которую различные авторы стали приписывать М. Е. Салтыкову-Щедрину: «Если заговорили о патриотизме, значит, или украли, или собираются украсть». Самое первое упоминание об этой фразе можно найти в статье К. Н. Борового (экс-председателя Государственной Думы 1996–2000 гг., председателя первой Российской биржи, а с 21 июля 2023 г. включенного в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации [12]). Статья называлась «Личность и государство: кто для кого?» и была опубликована в сборнике «Мифы и факты. 50-летие Победы. Гуманные ценности и патриотизм». Брошенная в массы, без ссылки на первоисточник, цитата стала очень популярна в эпоху расцвета соцсетей и до сих пор используется некоторыми для «красного словца», хотя еще два года назад была опровергнута со ссылкой на очерк М. Е. Салтыкова-Щедрина «Сила событий» (1870 г.), в котором писатель размышлял о том, что такое патриотизм [11].

Высоко оценивая это произведение, С. Макашин еще в 1939 г. отмечал, что это «одно из главных выступлений Салтыкова, посвященных разработке темы патриотизма. Развитию содержания этого понятия и выяснения отношения к идее патриотизма разных социальных и политических групп много содействовали, по мнению Салтыкова, «откровения настоящей

войны», т. е. франко-прусской воны». С. Макашин считал, что драматические события этой войны и отношение к ней в русской печати того времени, сподвигли М. Е. Салтыкова-Щедрина выступить с одной стороны с критикой лжепатриотизма, а с другой – с пропагандой демократического и социалистического понимания патриотизма [11]. М. Е. Салтыков пишет: «Могут ли, например, именоваться патриотами подрядчики, поставляющие вместо ружей шасспо простые ударные, или кремневые, или, наконец, такие кремневые, у которых вместо кремня фигурирует разрисованная на манер кремня чурка, а также градоначальники и военачальники, поощряющие такие поставки?» [7]. Безусловно, постановка проблемы в таком контексте остается очень актуальной и для современной России, особенно на фоне ареста 23 апреля 2024 г. заместителя министра обороны Т. Иванова, которому было предъявлено обвинение в получении взятки в особо крупном размере. Однако следует обратить внимание на то, что в такой постановке проблемы нет ни малейшего намека на сомнение в ценности самого явления патриотизма, а также нет указания на то, что обращение со стороны государства к актуализации патриотизма как традиционной российской ценности является признаком коррумпированности самой власти.

Важно понять, что информационно-когнитивные угрозы связаны в первую очередь с воздействием на сознание населения с целью смены его мировоззрения и ценностей. Призывы на государственном уровне к сохранению традиционных ценностей безусловно должен сопровождаться внутренним признанием этих ценностей и готовностью передать их своим детям и внукам. Хочется верить, что для современных россиян патриотизм остается такой же неоспоримой ценностью, как и для М. Е. Салтыкова-Щедрина.

С 2020 г. мы проводим ежегодный опрос студентов высших учебных заведений г. Красноярска с использованием сервиса Google Forms. В этом году мы провели сравнение результатов опроса в 2025 г. с опросом 2022 г. На вопрос «Как вы думаете, какую часть россиян можно назвать патриотами?» сегодня отвечают следующим образом: 38,3 % опрошенных считают, что около 50 % россиян можно назвать патриотами (2022 г. – 38,1 %); 34,8 % опрошенных считают, что патриоты составляют от 10 до 30 % россиян (2022 г. – 42,4 %); 22 % опрошенных считают, что патриотами в России сегодня можно назвать от 70 до 90 % россиян (2022 г. – 10,7 %). Суммарно получается, что в наличие патриотизма в России сегодня уверены 95,1 % опрошенных молодых людей, что на 3,9 % выше, чем по результатам опроса в 2022-м. Показательны и расхождения респондентов в процентных представлениях о патриотах в России в сравнении с 2022 г. Кроме того, следует обратить внимание, что 29,8 % из этих же опрошенных респондентов отвечают положительно на вопрос «Хотели бы вы жить в другой стране?», а 20,8 % – затрудняются с ответом. В 2022-м году положительно на этот вопрос отвечали – 50,3 %, а затруднились с ответом – 24,5 % опрошенных. Безусловно, события последних трех лет, связанные с началом СВО, оказали значительное влияние на мировоззрения молодых людей. Однако здесь необходимо сделать ссылку на принадлежность студентов к такому профессиональному сообществу как сотрудники правоохранительной деятельности, так как большая часть респондентов – это курсанты и слушатели Сибирского юридического института МВД России.

Когда мы говорим о том, что сегодняшнее российское общество подвергается проникновению несвойственных его культуре и традициям ценностей и идеалов, способных изменить жизненные приоритеты молодых людей, мы должны честно признать, что часть современного российского общества уже не считает эти навязываемые ценности и идеалы чуждыми для себя, а это не способствует единству нашего общества.

Традиционные российские ценности подвергались на протяжении 30-и лет деструктивному влиянию, заставляя молодых людей ставить индивидуальную свободу выше интересов не только коллектива, но и даже своего ближайшего окружения. При этом сама свобода стала трактоваться ни как возможность выбора, а как стремление к отсутствию любых ограничений: нищенская свобода на пути к «сверхчеловеку». Справедливость и правда, под влиянием западного прагматизма, стали конкурировать с их полезностью для себя.

Честное осознание произошедших в общественном мировоззрении изменений позволит принимать действительно эффективные меры, направленные на изменение сложившейся ситуации. В этом смысле, задачей исторического образования должна стать не наполняемость учебных программ огромным количеством материала, который, в большинстве случаев, останется за пределами его возможного усвоения обучающимися, а рассмотрение исторического прошлого как инструмента формирования утраченных частью современных россиян ценностей.

Огромную роль в этом процессе играет демонстрация на основе исторического прошлого формирования русской идеи, которая не имеет ничего общего с шовинистическими и националистическими обвинениями, выдвинутыми западными концепциями в ее адрес. Русская идея представляет собой концепцию, выражающую идею исторической уникальности, особого призвания и глобальной задачи русского народа и, в более широком смысле, всего Российского государства. Русская религиозная философия называет эту задачу мессианской ролью для всего Человечества. Смысл этой роли сводится к сохранению таких общечеловеческих ценностей как: справедливость, правда, искренность, любовь, жертвенность и сострадание. Именно эти ценности делают человека Человеком, именно они призваны сохранить основы гуманистической цивилизации и не допустить перехода к дегуманизму, который активно насаждается как образ новой цивилизации, основанной на трансгуманистических технологиях.

Красивая идея об освобождении человека с помощью трансгуманистических технологий от всех видов боли и страдания не имеет ничего общего с буддистской нирваной, которая открывает человеку, который не есть наслаждающийся, душевное спокойствие в результате его долгого душевного совершенствования.

«Ряд прекраснейших человеческих качеств – решительность, настойчивость, спокойствие в опасности, стойкость в несчастье, которые имеют огромное значение и для мирной жизни, и даже для индивидуального счастья, могли обрести свой истинный характер, свое полное развитие лишь в пылу сражения» [1, с. 338].

Сытое потребительское общество, формируемое под влиянием идеи глобализма, поставило под сомнение подлинные человеческие ценности. Отказ от этих ценностей является основанием для отказа от человеческой сущности. Желание, в рамках западной концепции объективно-однородной онтологии, поставить знак равенства между человеком и животным, снимает с человека всю ответственность за происходящее в мире. Личные интересы и материальные блага были провозглашены приоритетными в процессе поиска своего места в современной реальности.

Но события последних лет демонстрируют, что социальная реальность меняется: в мире по-прежнему есть войны, сопровождающиеся массовой гибелью людей, разрушениями и гуманитарными катастрофами; мир сталкивается с пандемиями и серьезными природными катаклизмами. Такие события не вписываются в пестрогероическую историческую нарративность, в которой формировалось мировоззрение, родившихся в конце XX в. людей.

Сегодня вновь – время героев, и этот социальный и культурный феномен должен занять важное место в сознании современных россиян, служа источником вдохновения и моральной силы. Проблема героики требует комплексного подхода к ее изучению и осмыслению. Примеры героизма остаются важным элементом общественного сознания, которые могут служить основой для формирования высоких моральных стандартов и патриотических чувств. Для достижения этой цели необходимо активное сотрудничество между образовательными учреждениями, СМИ и культурными организациями с целью создания среды, способствующей развитию истинных идеалов героизма среди молодежи. Примером такого комплексного подхода может служить образовательная программа для участников и ветеранов СВО «Время героев», реализуемая по поручению Президента РФ В. В. Путина и направленная на качественное улучшение государственных структур всех уровней за счет привлечения во власть истинных патриотов, готовых применить полученные навыки управления на благо страны в мирной жизни. Подлинные героические образы прошлого и настоящего могут служить основанием для социальной интеграции различных российских регионов, которая по определению В. Г. Немировского становится важнейшей задачей современного российского общества [6].

Литература

1. Генц Ф. О вечном мире // Тракаты о вечном мире. СПб., 2003. С. 316–350.
2. Грабельных Т. И. Экспертное конструирование моделей развития и технологий принятия решений в условиях формирования многонационального мира: институциональное и типологическое измерение // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 26–29.
3. Маслодудова Н. В. Метод составления индивидуального проекта в реализации гуманитарно-антропологического подхода // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития: сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 336–340.
4. Маслодудова Н. В. Воспитание гражданского патриотизма в курсантской среде как важнейшая задача подготовки будущих специалистов правоохранительных органов // Организация и деятельность органов внутренних дел на современном этапе: проблемы и пути решения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 23 окт. 2020 г. Костанай, 2020. С. 519–524.
5. Мид М. Культура и мир детства. М., 1983. С. 322–361.
6. Немировский В. Г. Проблема социокультурной интеграции регионов через призму концепции социальной структуры российского общества // Регионология. 2023. Т. 31, № 3. С. 548–563.
7. Салтыков-Шедрин М. Е. Признаки времени. Сила событий. URL: https://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_07/01text/0197.htm (дата обращения: 23.03.2025).
8. Сулакшин С. С. Когнитивное оружие – новое поколение информационного оружия // Вестник АВН. 2014. № 1(46). URL: <https://avnrf.ru/index.php/zhurnal-qvoennyj-vestnikq/arkhiv-numerov/639-vestnik-avn-1-2014> (дата обращения: 21.03.2025).
9. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. № 809. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 21.03.2025).
10. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : указ Президента РФ от 28 дек. 2024 г. № 1124. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411135491/?ysclid=mbdezarts876161979> (дата обращения: 21.03.2025).
11. Долотова Л. М., Гурвич-Лицинер С. Д. Комментарии: М. Е. Салтыков-Шедрин. Признаки времени. Сила событий. URL: <https://rvb.ru/saltykov-shchedrin/02comm/0197.htm#c20> (дата обращения: 23.03.2025).
12. Министерство юстиции Российской Федерации: Реестр иностранных практик и ограничивает эффективность антикоррупционных мер. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/> (дата обращения: 23.03.2025).

УДК 323

С. С. Гладких

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РЕАЛИЗАЦИЮ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Исследуется российский политический ландшафт и национальные факторы, влияющие на реализацию антикоррупционной политики. Анализируются особенности общественного устройства России, включая феномен «власть-собственность», сословную стратификацию и доминирование неформальных патрон-клиентских отношений. Рассматриваются исторические предпосылки формирования административного общества, его экономические основы и роль бюрократии в современной политической системе. Особое внимание уделяется проблемам коррупции, её системному характеру и влиянию на государственное управление. Делается вывод, что существующая модель способствует воспроизводству коррупционных практик и ограничивает эффективность антикоррупционных мер.

Ключевые слова: российский политический ландшафт, антикоррупционная политика, патрон-клиентские отношения, бюрократия, коррупция, власть-собственность.

S. S. Gladkikh

Kemerovo State University, Kemerovo

RUSSIAN POLITICAL LANDSCAPE AND NATIONAL FACTORS INFLUENCING THE IMPLEMENTATION OF ANTI-CORRUPTION POLICY

The article examines the Russian political landscape and national factors influencing the implementation of anti-corruption policies. The author analyzes the features of Russia's social structure, including the «power-property» phenomenon, estate stratification, and the dominance of informal patron-client relationships. The historical prerequisites for

the formation of an administrative society, its economic foundations, and the role of bureaucracy in the modern political system are explored. Special attention is paid to the problems of corruption, its systemic nature, and its impact on governance. The author concludes that the current model perpetuates corrupt practices and limits the effectiveness of anti-corruption measures.

Keywords: Russian political landscape, Anti-corruption policy, Patron-client relationships, Bureaucracy, Corruption, Power-property.

В современной России сложился уникальный общественный порядок, в котором власть и собственность объединены в неразрывный институт, а социальная стратификация определяется уровнем прав и обязанностей граждан перед государством, выделяя привилегированную группу – государственных служащих [5; 6].

Формирование такого общественного типа в России обусловлено несколькими предпосылками. Важными факторами являются природно-климатические условия, обусловившие важность государственного регулирования ресурсов для выживания общества. Размеры территории также оказали влияние, предопределив экстенсивный характер развития. Частые войны как на границах, так и внутри страны, а также невысокий прибавочный продукт, привели к тому, что Россия стала полупериферией мировой системы.

Из этих факторов вытекают особенности общественного устройства: единый характер основных сфер жизни и подсистем, «власть – собственность» в экономике, сословная стратификация, ориентированная на полезность для государства, а не на размер собственности или прибыли. Также присутствует отсутствие публичной политики, вторичность закона перед политической целесообразностью и ориентация на воспроизводство существующей модели общества, а не на её эволюционное развитие [8]. Политические изменения в административном обществе, направленные на модернизацию, неизбежны, но обусловлены в первую очередь необходимостью эффективного противостояния вызовам со стороны Запада, связанным с технологическим и военным соперничеством.

Здесь государство целиком поглощает общество и его институты. Законодательство в них обеспечивает реализацию воли политической элиты во главе с правителем. Именно государство и правитель, как высший выразитель интересов государства обладают правом на любые ресурсы присутствующие в государстве, что является естественным ограничителем традиционного для Запада понятия частной собственности.

Соответственно, ведущим мотивом государственной деятельности являлась не эффективное экономическое развитие, а сохранение незыблемости сложившейся модели государственного управления и поддержание чиновничества. Данная модель способствовала формированию коррупциогенных факторов, обуславливающих бесконтрольность чиновничьего произвола. Бесправие масс и коррупционность системы возможно и явились одной из причин революции 1917 г. в которой проявился ответ населения страны на засилье коррупционеров. В советский период государство обрело, теперь уже идеологически закреплённое право собственности на средства производства, а вместе с ними и на основные экономические ресурсы.

Новая модель патерналистской (неопатерналистской) системы оформилась в виде неформальной стратификации. Партийная бюрократия стала де-факто правящим классом, хотя и вынуждена была считаться с определёнными ограничениями, накладываемыми идеологией на её статус, в следствие чего подлинным собственником в советской системе являлась государственная власть в целом, а не государственно-партийный аппарат, который выполнял лишь функции одного из ведущих элементов этой системы.

Упадок советской общественной системы ознаменовался появлением теневой экономики и нелегального предпринимательства. Указанные институциональные практики хотя и противоречили официальной идеологии, но соответствовали реальной логике интересов значительной части советской политической элиты и их сетевой клиентелы, а коммунистическая идеология и «общенародная» собственность стали последними «павшими бастионами» на пути «освобождения» наиболее коррумпированных слоёв правящей элиты (партийной и комсомольской номенклатуры) от всех этических, моральных и социальных ограничений.

В науке утвердилось понимание патрон-клиентских связей как форма социальных или экономических взаимоотношений, в которых одна сторона, называемая патроном, обеспечивает поддержку и защиту другой стороне, называемой клиентелой. Эти отношения могут возникать в различных областях, таких как политика, государственная власть, бизнес, общественная деятельность и др [3].

Основные черты патрон-клиентских связей включают в себя следующие составляющие:

1. Поддержку и защита. Патрон предоставляет ресурсы, помощь и защиту клиенту, часто в обмен на лояльность и подчинение.

2. Ассиметричная взаимозависимость. Обе стороны зависят друг от друга. Клиент может зависеть от патрона в получении ресурсов и защиты, в то время как патрон зависит от клиента в поддержании своего влияния.

3. Неравенство в отношениях: Отношения патроната и клиента обычно характеризуются неравенством в доступе к ресурсам. Патрон имеет больше власти и ресурсов, чем клиент.

Такие отношения могут возникать в политике, где политический лидер может предоставлять поддержку своим сторонникам, или в бизнесе, где более опытные предприниматели могут поддерживать и финансировать начинающих. Термин часто используется для описания социальной структуры в традиционных обществах, но также может применяться к современным формам отношений в современных публичных институтах [4].

Клиентарные связи, не обладая формальным легитимным статусом, часто являются основным механизмом функционирования политических систем. Даже в период советского режима, где законы и постановления играли важную роль, патронаж, связи и протекции имели существенное влияние, а сегодня наблюдаются подтверждения таких явлений [7].

Однако в ситуации неопатерналистской системы реальные институты утрачивают своё значение, выполняя скорее символически-атрибутивную функцию. Такая ситуация соответствует «административному рынку власти» [10]. Товаром на этом рынке выступают административные статусы и кадровые назначения, конфиденциальная информация, принятие управленческого или политического решения, распределение сфер влияния и т. д. Правовые институты имеют лишь ограниченное влияние на управленческие процессы, поскольку основным регулятором здесь выступают неформальные отношения клиентелы. Прочно утвердившийся в России «неформальный институт политической коррупции представляет собой процесс формирования самовоспроизводящихся, устойчивых неформальных отношений в социально-политической системе, которые влияют в комплексе на рост издержек управления и снижение эффективности политических институтов и политической системы современной России».

Политологи, анализируя российскую модель административного неопатернализма, пишут о господстве над российском обществом, латентных структур – «клик». Общество, в котором господствуют теневые структуры ориентировано на избирательное принятие законов, на организацию взаимодействий с неформальными сетевыми акторами с целью обмена ресурсами в соответствии с неформальными правилами (понятиями) [1; 8; 9].

В данной обстановке формальные институты и законы могут оказаться неэффективными или применяться избирательно, несмотря на их формальное существование. Реальные механизмы и возможности в таких условиях чаще всего имеют неформальный характер и могут противоречить официальным нормам права. Одним из ключевых факторов в этой системе являются личные статусные позиции в структуре отношения патроната-клиентелы, которые действуют как эффективный способ защиты интересов.

Системная фрагментированность такой квази-институциональной модели может привести к системной несогласованности, особенно заметной в условиях «мирного» времени, когда индивидуальные установки часто преобладают над коллективными, а общественное сознание пронизано правовым нигилизмом.

В политическом плане это естественным образом приводит к зависимости от персонализированной власти и стремлению к установлению «твёрдого порядка», где акцент делается на силовых методах управления и поддержании стабильности. Принципиальной осо-

бенностью России здесь является невозможность четкого разделения системы на две составляющие – государственную и общественную. Причём именно властное начало здесь является доминантой, а отнюдь не нормы законов.

В этих условиях О. В. Гаман-Голутвина рассматривает государственных служащих в качестве инструментального слоя политической элиты [2].

Основы системы организации власти на Западе, как правило, строятся на принципах конституционализма, правового государства и разделения властей. Конкретные аспекты и структура власти могут различаться, но существуют общие принципы, которые часто включаются в правовую основу организации власти:

Большинство стран Запады имеют конституцию, которая является основным правовым документом, определяющим структуру правительства, права и обязанности граждан. Конституция может быть написанной или неписанной (как, например, в Великобритании).

Принцип разделения властей предполагает, что власть разделена между различными ветвями правительства, такими как исполнительная, законодательная и судебная. Это сделано для предотвращения злоупотреблений властью и обеспечения системы сбалансированных контрсил. Идея правового государства подразумевает, что государство подчинено закону, и никто, включая правительственные органы, не является выше закона. Граждане и органы власти обязаны соблюдать законы и принципы конституции.

Законы западных стран обычно включают гарантии прав, которые защищают основные права и свободы граждан. Эти документы могут включать в себя гарантии свободы слова, свободы собраний, право на частную собственность и другие основные права. Судебная система в странах Запады обычно независима от исполнительной и законодательной власти, чтобы обеспечить справедливость и защиту законных прав граждан. Хотя каждая страна имеет свою собственную конституцию и правовую систему, и детали могут отличаться, но в целом эти принципы формируют основу правовой системы и рациональной организации бюрократии в странах Запады, в определённой мере созвучной идеям М. Вебера.

Однако важно отметить, что Веберовская концепция бюрократии носит идеалистический характер. На практике бюрократия редко проявляет бескорыстные принципы. Ещё в 1930-х гг. Л. фон Мизес предупреждал об угрозе, исходящей от бюрократии, особенно в контексте расширения государственного вмешательства в экономику и общественное производство.

Мизес аргументировал тезисы, согласно которым централизация власти и рост бюрократии приводят к потере индивидуальной свободы и угрожают эффективности экономических систем. Он утверждал, что бюрократическое управление менее эффективно и гибко, чем рыночные механизмы. Мизес подчеркивал, что в бюрократической системе отсутствует предпринимательская функция, которая является ключевой для принятия решений в рыночной экономике. Он считал, что бюрократический аппарат неспособен эффективно адаптироваться к изменениям и реагировать на потребности общества. Таким образом, Мизес выражал опасения по поводу роста бюрократии как угрозы свободе и эффективности, особенно в контексте различных форм социального и экономического планирования.

Необходимо учесть, что в Российской Федерации пока не сформированы объективные предпосылки для развития рациональной бюрократии. Существующая система остается патримониальной, что означает её привычку использовать государственные и общественные ресурсы собственной выгоды, основываясь на неформальных правилах игры. Развитие российского государства происходило по иной модели, принципиально отличной от западной, в которой решающую роль играли сакральные, латентные и теневые структуры общественных процессов и отношений [10].

В научных работах описаны основные источники формирования скрытых структур и процессов. Среди них выделяются морфологические особенности политической власти, включающие разнообразные центры влияния и взаимоотношения на разных уровнях. Эти взаимоотношения не ограничиваются только публичными формами коммуникации, а также включают неформальные отношения и экстра-рациональные мотивы, аспекты, скрытые от общества.

Структура государственного управления также предполагает существование скрытых форм взаимодействия между управляющими и управляемыми из-за институциональной неопределенности, информационной асимметрии, бюрократических фильтров и других факторов. Например, скрытые стратегии коммуникации используются для преодоления нормативных барьеров и поддержания информационной асимметрии. Важную роль играют также латентные формы ротации и кооптации в аппарате управления, предоставляющие возможности для интерпретации правил и использования их в интересах носителей государственных функций. Все эти факторы способствуют воспроизводству патрон-клиентских отношений и формированию неявных интересов привилегированных групп.

Власть в России, субстанциональна, она персонифицирована в лице верховного правителя. В течение продолжительного времени в России не наблюдалось четкого разделения личной власти правителя и государственной власти. Основой такой системы стал феномен «власть – собственность», который трансформировал государственный аппарат в коллективного монопольного управляющего, где администрирование и политика постоянно сливались воедино.

Исследователи отмечают, что конкуренция идей, программ, проектов, институтов, личностей в условиях России исторически развивалась преимущественно внутри бюрократической организации, а не в институтах гражданского общества. Бюрократия с одной стороны реализует формально предписанные функции, но с другой – латентные и теневые функции, основанные на корпоративных интересах и групповой солидарности [8].

Исходя из рассмотренных характеристик и функциональных особенностей латентных образований, их состав можно классифицировать на две основные разновидности:

1. Полутеневые структуры. Эти образования в общем действуют в рамках правового поля, рельеф идёт о структурах, которые находятся между формальными и неформальными. Они могут быть частично признанными или формализованными, но все еще содержать элементы неофициальных взаимоотношений и практик, связанных не столько с нарушением норм законов, сколько с нарушением требований общественной морали.

2. Теневые структуры. Этот термин может использоваться для описания неформальных или неофициальных структур и отношений в организации или системе управления. Теневые структуры могут включать в себя неявные формы власти, связи и коммуникации, которые существуют в параллель с формальными организационными структурами.

Теневые и полутеневые (латентные) структуры реализуют в «глубинном» государстве свою скрытую (латентную) теневую власть. Теневая власть по определению политологов, представляет собой устойчивую совокупность неформальных и нелегальных процедур и институтов, «которые в коррупционных отношениях и видах деятельности выражаются в установлении параллельных центров власти, существенно влияющих на принятие ключевых политических и государственных решений, носят закрытый характер и распространяются среди членов теневой элиты и их сторонников, криминалитета» [10].

Бюрократические группировки очень часто используют государственные должности для личной выгоды. Например, это может быть лоббирование определённых политических решений в своих интересах или в интересах своей группы. Это может включать в себя влияние на принятие управленческих решений, которые могут благоприятно воздействовать на корпоративные интересы. Бюрократические группировки, как правило, стремятся к привлечению дополнительных ресурсов или выделению бюджетных средств на проекты, которые способны принести им выгоду. Члены бюрократических группировок лоббируют назначение и продвижение своих людей и клиентов внутри государственной структуры, что позволяет им обеспечивать более высокие позиции и оптимизировать доступ к ресурсам власти.

Бюрократическое управление почти всегда означает проблемы эффективности, его характеризует тенденция к замедленным и часто неэффективным решениям. Бюрократические структуры, из-за своей сложности и формализации процессов, могут затруднять быстрое и адаптивное принятие решений. Бюрократия может стать самоцелью, стремясь к сохранению своего существования и расширению своего влияния, даже если это не соответствует интересам общества.

Это может привести к непропорциональному увеличению административного аппарата и, как следствие, к дополнительным затратам. Бюрократические структуры слабо подвержены внешнему контролю и прозрачности, что формирует условия для возникновения коррупции, так как участники формализованного процесса стремятся использовать свое влияние для получения преимуществ и обхода правил [9].

Отсутствие ответственности и недостаток открытости бюрократических структур часто приводит к злоупотреблению властью. В бюрократических системах редко присутствует эффективная конкуренция, что снижает стимулы качественного роста предоставляемых услуг и эффективного управления ресурсами.

Этот характер закрыт по своей природе, так как сторонние участники редко заинтересованы в обсуждении своих ролей, особенно когда речь идет о непопулярных решениях. Закрытость определенных целевых показателей также обуславливает публичную поддержку в форме символической политики, которая использует механизмы отвлечения внимания общественности. В условиях такой динамики центры принятия решений, скорее всего, ориентируются не на улучшение институционального дизайна и публичных отношений, а на поддержание существующей патрон-клиентской архитектуры с некоторыми коррекциями. Это обеспечивается поддержанием коррупционных отношений, рассматриваемых как неотъемлемые и естественные.

Таким образом, бюрократия стремится закрепить свой статус в качестве субъекта власти.

Фактически, большинство исследователей выделяют активность скрытых от публичности структур, способных модифицировать функционирование официальных административных органов управления, увеличивать издержки и риски их деятельности, как основной фактор, влияющий на недостаточное качество государственного управления.

Система распределения ренты укрепляет связи между распорядителем ресурсов и их получателями, обеспечивая лояльность как элитарных групп, так и всей бюрократической системы. Противодействие коррупции также становится эффективным средством борьбы с конкурентами, оцениваемым через призму внутриэлитарной борьбы и исключения конкурентов из круга тех, кто имеет доступ к ресурсам.

Существующая система в элитарных отношениях, опираясь на широкое распространение влиятельных латентных структур, проявляет устойчивость и адаптивность. Это достигается путем балансирования между конфликтующими коалициями внутри управляющего режима. Исследователи рассматривают политическую коррупцию в России одновременно, как: элемент политической системы, как неформальный институт и как фактор системной динамики, способный запустить процессы системной трансформации политического режима. Уменьшение уровня конкуренции между коалициями становится неотъемлемым условием для поддержания стабильности системы, и это достигается через распределение ресурсов в сферах политики и экономики [3].

Также в этой связи применяется исследователями термин «клика», он включает в себя бюрократию, но значительно шире. Клики, как правило, более сильны, чем официально действующие институты. Исследователи пишут о существовании политико-управленческих клик, в ней указаны:

- вертикальные взаимодействия, основанные на институционально-патронатных отношениях;
- вертикальные группы, в основе которых находятся родственные или дружеские отношения;
- горизонтальные коалиции с защитным или агрессивным уклоном, формируемые чиновниками с примерно равным статусом в периоды изменений, с целью препятствовать реформам или использовать их в интересах группы;
- случайные союзы, основанные на взаимных услугах без формирования устойчивой структуры.

Государственная бюрократия в современной России сохраняет множество черт советской номенклатуры, как в формировании, так и в функциональном аспекте. Однако существенное различие между ними заключается в том, что постсоветская бюрократия отказалась от использования идеологии в качестве основы для подбора кадров. Следует отметить также отсутствие устойчивых норм поведения в бюрократии, в отличие от советского периода, где существовали четкие идеологически выверенные правила.

Государство, представленное его чиновниками, не стремится подчиняться установленным «правилам игры», которые регулируют деятельность других участников, таких как организации. Это явление приводит к разрушению политико-институционального порядка и превращению бюрократических группировок в привилегированных участников на административном рынке. Также характерно использование традиционных для России методов рекрутирования госслужащих, основанных на территориальной принадлежности и патрон-клиентских отношениях.

Исследователи прослеживают корреляцию коррупционных практик с особенностями неформальных структур, (здесь он использует метафору «единого лоббистского организма») внутри системы организации публичной власти, на основе патрон-клиентских отношений. Он говорит о квази-«приватизации» института государственной власти и безусловном, безальтернативном доминировании в сложившейся системе клиентарно-корпоративных групп интересов, экспроприирующих функционал формальных институтов и, по сути, превращающих последние в пустые бессодержательные макеты – модели, не имеющие реального общественного значения и не реализующие значимых функций [3].

Исследователи утверждают факт существования помимо легальной и публичной государственной власти, ещё и другой, как она её называет – неофициальной власти, «основанной на коррупционных связях». Причём коррупцией, по её мнению, поражены все социальные и политические российские институты, включая такие важнейшие с точки зрения вопросов обеспечения национальной безопасности, как, полиция и армия. В следствие чего, по её мнению, в России «ставится под угрозу деятельность государственных институтов и национальной безопасность».

Термин «клиентела» в социологии и политологии обозначает систему взаимосвязей и зависимостей между клиентами и патронами, основанную на обмене услугами, защитой или поддержкой. Это социально-политическое явление характеризуется тем, что одна группа людей (клиенты) зависит от другой группы (патроны) для получения определенных преимуществ или ресурсов. Отказ от доступа к ресурсам или уменьшение объемов ресурсов становятся основным источником конфликтов между коалициями, что повышает риски для политического лидерства, увеличения вероятности элитарных расколов и разрушения системы в целом.

В контексте коррупции термин «клиентела» обозначает систему взаимосвязей и влияния, основанную на обмене личными услугами, благами или информацией между чиновниками и другими участниками. Эта система может быть использована для незаконного получения выгоды, обеспечения привилегий или обхода нормальных процедур в угоду членам «клиентелы». Клиентелизм в коррупционном контексте может включать в себя обмен льготами, неправомерными выгодами, влиянием и другими формами недобросовестного поведения [1].

Такие отношения могут быть основаны на личных связях, доверии или обмене личными интересами, и часто приводят к неправомерному использованию государственных ресурсов в своих интересах. Клиентелизм в коррупционном контексте может привести к nepравомepным схемам, в которых чиновники используют свои полномочия для обеспечения выгоды и защиты интересов своих «клиентов» за пределами общественной и корпоративной морали, а также законных рамок.

Основные структурные взаимодействия в системе российской государственности обуславливаются особыми аксиологическими отношениями между «властью» и «собственностью», где управленческие практики ориентированы на монопольное перераспределение ресурсов.

Формирование господствующей группы происходит автономно, вне контроля общества, основываясь на принципах идеологической преданности и личной лояльности к руководителю. Бюрократическое государство в России, обладая силой, выраженной в установлении и поддержке властных отношений, одновременно подвержено слабостям, зависимости и отсутствию системности в формах общественной самоорганизации. Институты публичной власти и методы управления бюрократии в таком государстве неотделимы друг от друга, часто подвергаясь изменениям в соответствии с краткосрочными интересами господствующих групп. Другим источником является неопределенность политических целей и решений, которые не всегда имеют четкие критерии результативности. Это придает латентный характер принимаемым решениям, позволяя переносить ответственность в случае неудачного выполнения задачи.

Статус государственной бюрократии способен формировать в ней рентноориентированные ориентации, способствующие в перспективе формированию публичной, полутеневой и криминальной зоны функционирования государственной власти. В такой ситуации бюрократия способна одновременно выполнять как общественно полезные, так и асоциальные функции. В отличие от предшествующей советской номенклатуры, постсоветская бюрократия была ориентирована исключительно на материальные ценности, являясь сплоченными группами соперничающих кланов, что приводит к раздробленности политико-институционального порядка. Бюрократические сетевые структуры, характеризующиеся иерархическим и принудительным укладом, свойственны природе государственной власти.

Бюрократическое управление подразумевает, что чиновники обладают монополией на формирование и реализацию государственной политики, что влечет за собой отсутствие конкуренции, назначаемость на должности и привилегии государственного аппарата. Коррупционные технологии включают в себя административное предпринимательство, административную ренту, рейдерство, организационную коррупцию и патрон-клиентские отношения, ориентированные на извлечение выгоды из владения государственной властью.

Представители отечественного бизнеса связывают с коррупцией, основные проблемы экономического развития в России. Контроль бюрократии над крупным бизнесом осуществляется через участие высокопоставленных чиновников в органах управления корпораций. Мартыанов В.С., пишет о сословно-рентной природе управленческих неравенств по признаку «возможностей их рентного доступа, иерархически распределяемого государством» [5]. Мотивом политического поведения рентных групп, значительно отличаются от мотивов поведения бизнеса при свободной конкуренции.

Рентные группы стремятся максимизировать свою выгоду через получение привилегий, льгот или доступ к ресурсам без дополнительного труда или создания новой стоимости. Им может быть удобнее использовать влияние и связи для получения выгод от существующих структур и ресурсов. Бизнес же, напротив, мотивирован созданием новых продуктов, услуг или бизнес-моделей, а также получением прибыли от успешного предпринимательского риска. Целью предпринимателей является инновация, развитие и создание стоимости.

Рентные группы предпочитают избегать финансовых риска и сохранять существующие привилегии. Они используют свои связи и административные возможности для уменьшения возможных потерь и сохранения статуса. Бизнес же будучи более готов к риску, охотнее вступает в новые проекты, которые часто несут с собой неопределенность. Предприниматели оценивают риски, стремятся при этом к инновациям и, в случае успеха, ожидают получить высокие вознаграждения. Рентные группы обычно ориентированы на получение выгод через лоббирование, коррупцию или использование своего административного статуса для получения преимуществ перераспределении ресурсов. Предприниматели же сосредоточены на создании ценности через инновации, предоставление качественных товаров и услуг, а также на развитии конкурентоспособных бизнес-моделей. Рентные группы стремятся тормозить конкуренцию и снижая тем самым и экономический рост, поскольку их интересы обычно направлены на сохранение статус-кво и поддержание своего влияния. Предприниматели, напротив, в идеале являются «драйвером» экономического роста и инноваций, так как их деятельность способствует созданию новых рабочих мест, улучшению производительности и развитию новых отраслей.

Рентные группы стремятся монополизировать потоки ресурсов, увязать получение определённой доли ренты с лояльностью своему патрону, с готовностью клиентелы полностью принять по его правила игры. С данной точки зрения системная коррупция государственной бюрократии признаётся «статусной политической рентой», модернизированной согласно духу времени версией традиционного «кормления».

Многие эксперты оценивают экономическую модель России как построенную на извлечении природной ренты, основанной преимущественно на энергетических ресурсах. Предполагают, что эта модель не будет конкурентоспособной при интеграции в глобальную экономику. Однако российский бизнес, выражают готовность поддерживать политическую систему, обменивая свою лояльность на привилегированный статус и увеличенные прибыли. Бизнес стремится к увеличению своего доли в распределении ренты, но солидаризируется с политической системой.

Однако перспективы сохранения основанной на ренте политико-экономической доминанции достаточно ограничены. Сама же приватизация (по Чубайсу) осуществлялась по коррупционной схеме, в которой стоимость активов была сознательно занижена. Поэтому в следствии фактора коррупции, приватизация не принесла дохода не основной части населения России, ни российскому государству.

Политико-экономическое господство представляет собой систему взаимоотношений между политическими акторами, институтами и социальными группами, где устанавливаются институты власти, имеющие право распределять экономические ресурсы. Эта система опирается на легитимность, обеспечиваемую общественным мнением и соответствием интересам влиятельных групп. В этом контексте господство включает в себя иерархические отношения и социальные дистанции, поддерживаемые бюрократией.

В современной России распределение ресурсов связано не только и не столько с экономической прибылью, но и с политической и идеологической лояльностью, а также готовностью подчинённых групп следовать установленным правилам. Данная система политико-экономического господства способствует снижению неопределённости в поведенческих практиках и устанавливает стандарты взаимодействия, объединяя различные элементы и регулируя процессы в органах государственной власти. Бюрократия, как осуществляющая эту систему, успешно контролирует и координирует деятельность государственных органов, что позволяет ей эффективно управлять и распределять ресурсы в соответствии со своими интересами. Она получает легитимность от влиятельных участников распределительных союзов.

Литература

1. Барсукова С. Ю. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М., 2015. С. 199–202.
2. Гаман-Голутвина О. В. Политический класс: сущностные и структурные характеристики // Политический класс в современном обществе. М., 2012. С. 39–73.
3. Гладких С. С., Чирун С. Н. Коррупция как политический феномен: современные процессы и технологии // Власть. 2023. Т. 31, № 4. С. 15–21.
4. Гладких С. С., Чирун С. Н. Региональные аспекты политической коррупции: методы и технологии // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2024. № 2 (63). С. 45–52.
5. Мартьянов В. С. Российский политический порядок в рентно-сословной перспективе // Полис. 2016. № 4. С. 81–99.
6. Нисневич Ю. А. Историческая ретроспектива коррупции с уточнениями и дополнениями // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 90–100.
7. Розов Н. С. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // Полис. 2016. № 1. С. 139–156.
8. Соловьёв А. И. Латентные структуры управления государством, или игра теней на лице власти // Полис. 2011. № 5. С. 78.
9. Чирун С. Н., Гладких С. С. Исследования коррупции в отечественных социальных науках: политический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2024. Т. 9, № 2. С. 183–197.
10. Чирун С. Н., Гладких С. С. Политический анализ проблемы соотношения феноменов рыночной и институциональной коррупции в современном обществе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2023. Т. 8, № 2. С. 139–147.

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АСПИРАНТУРЫ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ) И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Рассматриваются содержания понятия инновационного потенциала региона и относящиеся к ним показатели научной деятельности аспирантуры (на примере социологических наук). На примере аспирантуры Пензенского государственного университета (социологические науки) приводятся качественные параметры защищенных диссертаций (теоретическая и практическая значимость). Делается вывод о способности аспирантуры к участию в накоплении инновационного потенциала региона и отмечает фактор, препятствующий этому.

Ключевые слова: инновационный потенциал региона, аспирантура, социологические науки.

L. I. Naidenova

Penza State University, Penza

THE SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE POSTGRADUATE SCHOOL (SOCIAL SCIENCES) AND ITS IMPORTANCE FOR THE FORMATION OF THE INNOVATIVE POTENTIAL OF THE REGION

The article examines the contents of the concept of the innovative potential of the region and related indicators of scientific activity of postgraduate studies (using the example of sociological sciences). Qualitative parameters of defended dissertations (theoretical and practical significance) are given on the example of the graduate school of Penza State University (sociological sciences). The author draws a conclusion about the postgraduate school's ability to participate in the accumulation of the innovative potential of the region, and notes the factor preventing this.

Keywords: innovative potential of the region, postgraduate studies, social sciences.

Конкурентоспособность каждого вуза немало зависит от такого направления научной и учебной деятельности, как подготовка научно-педагогических кадров в аспирантуре. В современных условиях, когда происходят такие значительные преобразования, становится ясно, что без инновационных технологий, методов, стратегий невозможно сохранить конкурентоспособность, а тем более преуспеть. В научно-педагогической деятельности вуза очень перспективным является исследование инновационных потенциалов разных уровней – от самого вуза до региона, в котором этот вуз расположен. Такие исследования закладывают основу для регулирования социально-экономической стабильности региона и его дальнейшего развития.

В научной литературе существуют разные точки зрения по поводу содержания инновационного потенциала региона. Среди этих определений надо выделить следующие. Е. П. Маскайкин и Т. В. Арцер характеризуют инновационный потенциал региона как способность создавать и применять инновационные ресурсы, необходимые для инновационного развития, чтобы формировать, распространять и применять различные инновации в регионе [3, с. 47]. Е. Г. Миронова и Е. С. Рабош рассматривают инновационный потенциал региона как возможность создавать и способность использовать результаты инновационной деятельности [5, с. 172].

С. Б. Рудич под инновационным потенциалом региона понимает совокупность всех организаций, от образовательных до учебно-научно-консультационных, которые производят или могут создавать инновации. В этом определении содержится основание для выделения признаков основного понятия. С. Б. Рудич называет две группы признаков инновационного потенциала – численные (количество организаций, занятых научными исследованиями по различным направлениям, а также ведущих подготовку аспирантов и докторантов) и размерные (количественные характеристики персонала, занятого научными исследованиями и разработками; внутренние затраты на научные исследования и разработки; показатели эффективности аспирантуры и докторантуры, патентной деятельности) [6, с. 89–104]. На наш взгляд, приведенное определение инновационного потенциала региона наиболее подходит к исследованию взаимосвязи направлений научной деятельности аспирантов и формирования

инновационного потенциала региона, поскольку оно содержит признаки этого потенциала как предмета исследования, которые затем развертываются в показатели и индикаторы для более глубокого анализа.

Выделяются три уровня формирования инновационного потенциала, объединяющие деятельность аспирантуры, инновационную деятельность вуза и инновационную активность региона.

– На уровне деятельности аспирантуры и вуза происходит подготовка научно-педагогических кадров и создание научно-инновационного потенциала вуза. В. М. Лопаткин, Г. А. Калачев и др. отмечают роль научно-исследовательской работы студентов и аспирантов в накоплении инновационного потенциала вуза, поскольку НИР характеризуется получением новых исследовательских результатов [2, с. 201].

– Отраслевой аспект формирования инновационного потенциала состоит в том, что решаются проблемы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре и докторантуре, что также отмечают исследователи [1].

– Территориальный аспект проявляется в том, что инновационный потенциал вуза включается в основу для инновационного развития экономики региона. Высшее образование готовит специалистов высокой квалификации для различных отраслей производства, а они входят в основной ресурс, составляющий производительные силы общества, что подчеркивают исследователи [4, с. 312].

В дополнение к приведенным количественным характеристикам и определениям инновационных потенциалов надо добавить характеристику, которая имеет значение на всех уровнях – аспирантуры вуза, вуза как организации и региона, и условно может быть названа предметной. Это тематика и предметы диссертаций, защищенных по различным наукам, в том числе по социологическим. На примере списка тем кандидатских диссертаций по социологическим наукам, защищенных в диссертационных советах Пензенского государственного университета (табл.), возможно оценить практическое значение научной деятельности аспирантов этого направления для формирования инновационного потенциала региона.

Таблица

Характеристики диссертаций, защищенных в диссертационных советах ПГУ по социологическим наукам в 2018–2025 гг. Специальность 5.4.4 (22.00.04) – Социальная структура, социальные институты и процессы

Тема, год защиты	Теоретическая значимость	Практическая значимость
Феномен религиозной толерантности в поликонфессиональном российском регионе: социологический анализ, 2018 г.	Специфика формирования и проявления религиозной толерантности в российском поликонфессиональном регионе	Разработка региональных программ в сфере социальной политики, направленных на социально-политическую стабилизацию в регионе
Развитие дополнительного профессионального образования в регионе: социально-институциональные аспекты, 2018 г.	Выявлена современная социально-институциональная специфика функций дополнительного профессионального образования в российском регионе	Формирование и дальнейшее развитие институциональной системы дополнительного профессионального образования в регионе.
Влияние семейного капитала на социальную мобильность молодежи в современной России, 2018 г.	Дополнено социологическое знание о семейном капитале и его влиянии на реализацию социальной мобильности молодежи	Разработка основных направлений укрепления семьи и семейного капитала для реализации семейной политики в регионе
Физкультурно-оздоровительная деятельность в структуре досуга студенческой молодежи, 2018 г.	Дополнено социологическое знание о досуговой деятельности студенческой молодежи во взаимосвязи с образом жизни как социологическим явлением	Планирование и реализация мероприятий в досуговой сфере, направленных на развитие и формирование потребности активной физической деятельности студентов

Тема, год защиты	Теоретическая значимость	Практическая значимость
Экосистема как составляющая качества жизни населения: институциональные основы совершенствования в условиях монопромышленного города, 2019 г.	Выявлено значение институциональных функций в аспекте формирования городской экосистемы и влияния экосистемы на качество жизни городского социума	Разработка перспективных государственных, региональных и муниципальных программ социально-экономического развития региона
Социальные функции регионального вуза в условиях модернизации высшего образования России, 2019 г.	Дополнено социологическое знание о социальных функциях региональных вузов, их изменениях в контексте модернизации высшего образования.	Оптимизация взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг в регионе
Профессиональное становление студенческой молодежи В современном российском обществе: региональный аспект, 2019 г.	Систематизация процесса и механизмов профессионального становления молодежи	Организация мотивационной и профориентационной работы со студенческой молодежью, содействие занятости студентов и службам занятости населения
Формирование адаптационного поведения населения в условиях углубления информационно-цифрового неравенства, 2019 г.	Определение связи цифрового неравенства с другими видами неравенства – экономическим, образовательным, территориальным, выявление страт цифрового неравенства	Формирование мотивации населения к освоению информационно-коммуникативных технологий. Разработка региональных программ по выбору адаптационных стратегий населения через активное включение в деятельность информационной среды
Взаимодействие высших учебных заведений с промышленными предприятиями как условие функциональности инженерного образования, 2021 г.	Теоретическое развитие концепции повышения функциональности инженерного образования в модернизирующемся обществе	Совершенствование условий труда инженеров в регионе и форм взаимодействия вузов с промышленными предприятиями
Социально-профессиональная идентичность журналистов в условиях модернизации института средств массовой информации, 2022 г.	Выявление характеристик социально-профессиональной идентичности социально-профессиональной группы (журналистов) на ценностном и поведенческом уровнях	Комплексные программы по развитию и эффективному функционированию и развития института средств массовой информации в регионе
Формирование патриотических ценностных ориентаций студенческой молодежи в институциональной среде высшего образования, 2023 г.	Модернизация модели системы патриотических ценностных ориентаций в социальной группе студенческой молодежи в современных условиях	Совершенствование системы патриотического воспитания студенческой молодежи
Дифференциация моделей семейных отношений в современной молодежной среде (на примере Пензенской области), 2024 г.	Выявление изменений в институциональных функциях семьи как социального института	Социальное регулирование семейных практик в молодежной среде на основе учета дифференциации молодежи в зависимости от предпочитаемых моделей семейных отношений
Социологический анализ содержания и структуры коммуникативных взаимодействий молодежного сегмента интернет-аудитории в онлайн-играх, 2025 г.	Расширение теоретических представлений о специфике коммуникативных взаимодействий молодежи в цифровом пространстве	Раскрытие основных особенностей коммуникативных взаимодействий молодежного сегмента интернет-аудитории, для совершенствования коммуникации государства, общества и молодежи, играющей в онлайн-игры

Источник: составлено автором на основе отчетов о деятельности диссертационных советов (социологические науки) Пензенского государственного университета за 2018–2025 гг.

Возможности внедрения и вклада в инновационный потенциал в аспекте социально-экономического развития региона зависят не только от тематики исследований или от значимости проблемы, но и от возможностей самих авторов в том, чтобы привлечь внимание к

своим разработкам. Если авторы не работают в тех организациях, которым адресованы практические рекомендации, и не являются руководителями в этих организациях, то вероятности внедрения предложенных ими рекомендаций остается малой, даже если в них содержатся инновационные элементы. В основном это касается социологических и других общественных наук, так как у диссертантов, защищающихся по техническим наукам больше возможностей для внедрения своих рекомендаций с элементами инноваций в практику.

Литература

1. Программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре как базовый инструмент укрепления кадрового потенциала российской науки / Е. В. Караваева, О. А. Костенко, В. В. Маландин, И. А. Мосичева // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 1. С. 9–23.
2. Инновационный потенциал научно-исследовательской деятельности студентов и аспирантов / В. М. Лопаткин, Г. А. Калачев, О. А. Бокова, Л. Г. Куликова // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 3. (22). С. 200–202.
3. Маскайкин Е. П., Арцер Т. В. Инновационный потенциал региона: сущность, структура, методика оценки и направления развития // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 21. С. 47–53.
4. Меркушева А. А., Линькова Н. В. Инновационный потенциал вуза как основа инновационного развития экономики региона // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2014. № 2. С. 311–315.
5. Миронова Е. Г., Рабош Е. С. Современные подходы к определению инновационного потенциала региона // Поколение будущего: взгляд молодых ученых : сб. науч. ст. 3-й Междунар. молодеж. науч. конф. : в 2 т. / отв. ред. А. А. Горюхов. Курск, 2014. С. 172–174
6. Рудич С. Б. Инновационный потенциал региона и основные подходы к его оценке // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 42. С. 89–104.

УДК 316.282

И. Е. Левченко

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТНОЙ КУЛЬТУРЫ В ГЕРМАНИИ: РАСОВО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ФОРМАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ⁶

С позиций историко-социологического подхода рассматривается специфика взглядов и научной деятельности О. Г. Аммона, Л. Вольтмана и Ф. Тённиса. Отмечается противоречивый характер вклада ученых в развитие методологии социологической экспертизы общественно-политических проблем. Доказывается актуальность обращения к изучению творческого наследия представителей классической социологии для выявления истоков формирования экспертной культуры в Германии.

Ключевые слова: О. Г. Аммон, Л. Вольтман, Ф. Тённис, немецкая социология, экспертная культура.

I. E. Levchenko

Ural Federal University, Yekaterinburg

THE ORIGINS OF EXPERT CULTURE IN GERMANY: RACIAL ANTHROPOLOGICAL SCHOOL AND FORMAL SOCIOLOGY

The article examines the specifics of the views and scientific activities of O. G. Ammon, L. Voltman and F. Tennis. The contradictory nature of the contribution of scientists to the development of the methodology of sociological expertise of socio-political problems is noted. The author proves the relevance of turning to the study of the creative heritage of representatives of classical sociology in order to identify the history of the formation of expert culture in Germany.

Keywords: O. G. Ammon, L. Voltman, F. Tennis, German sociology, expert culture.

Становление немецкой культуры проведения научных экспертиз протекало в противоречивом социально-историческом контексте конца XIX – начала XX вв.: с одной стороны, принятие законов о социальном страховании (1883–1884) и «Культуркампф» (1871–1887), с

⁶ Данная статья представляет собой переиздание авторских материалов по теме исследования.

другой – распространение консерватизма и радикализма, появление групп «фелькише», «спартаковцев», нацистов и т. п. При этом потребностям системы образования единой Германии вполне соответствовала гумбольдтовская модель университета, сочетавшая руководящую роль государства и автономию учебного заведения, соединившего фундаментальность, исследовательскую, образовательную и воспитательную деятельность.

Изучение истоков экспертной культуры в Германии целесообразно осуществлять с позиций биографического подхода с учетом вклада ученых в развитие методологии социологической экспертизы общественно-политических проблем.

Отто Герман Аммон (1841–1916) является одним из родоначальников расизма. Уже в детстве, имея математический склад ума, он стал полиглотом и; получив техническое образование, Отто работал инженером (1863–1868), затем – редактором газеты. Серьезный недуг (1883) побудил его заняться антропологией и изменить взгляды с либеральных на консервативные. Его исследовательский подход сформировался под влиянием работ Ж. А. де Гобино, Ж. В. де Ляпужа и социал-дарвинистов [15]. По результатам своих изысканий Аммон был удостоен звания почетного доктора Фрайбургского университета (1904).

В течение 13 лет в Бадене (1886–1899) исследователь осуществлял крупномасштабный антропометрический проект (было осмотрено около 30 тысяч призывников). Основываясь на информации о 6800 чел., социолог пытался выявить взаимосвязь характера людей и их социального положения (возраст, место проживания, этническое происхождение, уровень образования и др.) с антропологическими данными (рост и вес тела, размер и форма головы, цвет глаз и волос, пигментация кожи и т. д.). Показательно, что автор использовал картографический метод (соответствующие иллюстрации прилагались к отчету). В этом проекте Аммон, как и в предшествующих, особое внимание уделил евреям, указав, что у студентов этой этнической группы верхняя часть тела меньше на 2,5 см, «ноги значительно короче в нижнем отделе», но «развитие бороды является более сильным» [9].

В книге «Естественный отбор среди людей» (1893) Аммон отмечал, что хотя причины вымирания старших поколений городского населения разнообразны, среди них выделяются «одностороннее развитие умственных способностей», вредный воздух и недостаточная двигательная активность [8, р. 297]. При этом евреи, по его мнению, лучше подготовлены к естественному отбору: их «душевные наклонности» подталкивают к жизни в городах и к городским занятиям, «им помогает владение имуществом, для накопления которого они прекрасно приспособлены и которое позволяет им дать высшее образование своим детям» [8, р. 311].

Аммон выступал как апологет войны, в книге «Общественный строй и его естественные основания» (1895) он писал: «В полной мере война является благословением для человечества, поскольку она предлагает единственное средство для измерения сильных сторон одной нации перед другой и дарования победы наиболее приспособленным. Война — это высшая и самая величественная форма борьбы за существование, от которой нельзя избавиться и, следовательно, также нельзя отменить» [7].

Детерминистский подход О. Г. Аммона не был оригинальным: выводы, сделанные им, аналогичны результатам штудий его европейских и американских единомышленников. Кроме того, присущий ему антисемитизм, утверждения о неравноценности этносов/рас и их рождении подрывали доверие к его, действительно, информативным антропологическим материалам. Вместе с тем экспертные заключения Аммона о тенденциях вымирания различных социально-демографических общностей представляют интерес для современной науки и для разработки мер социальной политики.

Вначале Аммон конфликтовал с другим видным социологом Людвигом Вольтманом (1871–1907), называя его «форменным буржуазно-естественнонаучным спасителем общества», пишущим книги в «поверхностном и мещанском духе» [2]. Чуть позднее старший коллега «простил» молодого исследователя и между ними постепенно установились дружеские отношения. О. Аммона и Л. Вольтмана объединяла также приверженность евгенизму, истоки которого восходят к Платону и Т. Морю. Обоснование евгеники как возможности

улучшения человеческого рода и предотвращения его вырождения разработал в XIX в. Ф. Гальтон, двоюродный брат Ч. Дарвина. Позднее в Третьем рейхе евгеника была окончательно дискредитирована массовой стерилизацией и уничтожением «неполноценных особей».

Вернемся к биографии Вольтмана. Людвиг родился на западе страны в семье плотника, который посредством упорного труда повысил свой статус до владельца магазина и, благодаря возросшему доходу, смог оплатить образование сына. После окончания Фрайбургского университета Вольтман получил степени доктора медицины и доктора философии (1896). Его мировоззрение было эклектичным – в нем сочетались социал-дарвинизм и элементы марксизма, расизм и естествознание, классическая философия и евгеника. Он трудился офтальмологом, потом профессором гигиены, активно выступая со своим экспертным мнением на политических и научных дискуссиях. Жизнь Л. Вольтмана оборвал несчастный случай – он утонул, купаясь в море близ Генуи.

Анализ содержания «Политической антропологии» (1903), самой известной монографии исследователя, позволяет выделить основные социологические умозаключения автора: 1) «Человеческие расы <...> подчинены <...> общим биологическим законам <...> усовершенствования и вырождения, как все прочие организмы животного и растительного мира»; 2) расовая чистота является первой потребностью любого вида, «смешения крови» – опасны и вредны; 3) «вырождение рас происходит вследствие недостатка в отборе» и «наследственных болезней»; 4) «расы друг друга теснят, порабащают или уничтожают»; 5) «вымирание более одаренных индивидуумов, угасание выдающихся семей являются <...> незаменимой физиологической потерей для расы»; 6) ныне в «мирных» соревнованиях за пропитание и власть <...> погибают <...> бедные, обесиленные и больные, нервно и душевно искалеченные, алкоголики, бродяги, преступники и самоубийцы»; 7) рабство исторически было необходимо для формирования в сознании людей понятия «социального труда»; 8) «дикие народы погибают от соприкосновения с европейцами и цивилизацией»; 9) «в Древности и в Средние века города были в действительности массовыми могилами народов. Они были очагами эпидемий»; 10) «превращение аграрного государства в индустриальное в высокой степени ускоряет процесс вымирания» [1].

Очевидно, что здесь мы имеем дело с разными суждениями: а) спекулятивными (№ 2, 4, 7); б) тривиальными (№ 1, 5); в) недостаточно фундированными (№ 3, 8); г) обоснованными (№ 6, 9, 10).

Укреплению связей между разными поколениями исследователей и формированию национальной экспертной культуры весьма способствовал основанный Л. Вольтманом журнал «Политико-антропологическое обозрение» (1902–1922). Издание включало четыре основных раздела: 1) статьи; 2) отчёты (рубрики – биология, антропология, психология, юриспруденция, история культуры, воспитание и обучение, социальная гигиена, расовая гигиена, социальная политика, государственная и партийная политика, народы и политика, демографическая статистика, духовная жизнь); 3) книжные собрания (обзоры немецких и зарубежных профильных журналов; рецензии, например, на книги Г. Зиммеля, В. Зомбарта, Г. Спенсера и др.); 4) ответы редакции читателям.

Журнал позиционировал себя как «Ежемесячное политико-антропологическое обозрение для социальной и духовной жизни народов». Хотя в нем отсутствовала отдельная рубрика «социология», среди авторов были О. Г. Аммон, Л. Вольтман, Л. Гумплович, Ж. В. де Лапуж, Р. Михельс, Г. Тард, Х. С. Чемберлен и др. Он превратился в форум, где компетентные эксперты обсуждали вопросы социальной антропологии и социологии. В основном, были представлены специалисты, стоявшие на социал-дарвинистских позициях. Показательно, что на страницах журнала появлялись статьи, где рассматривались актуальные проблемы социально-демографических процессов (например, М. Г. Гартунга «Теория гибели народов» [12], Г. Гросса «Вырождение и депортация» [11] и др.).

К построениям О. Аммона, Л. Вольтмана и их последователей-современников вполне применим следующий вывод М. Фуко о том, что «с конца XIX в. мы имеем новый военный расизм», который «обеспечивает функцию смерти в системе биовласти в соответствии с

принципом, что смерть других означает биологическое усиление себя самого в качестве члена расы или населения, в качестве элемента в унитарном и живом множестве» [6]. Именно этим объясняется популярность тогда расово-антропологических идей немецких (и не только) мыслителей, благожелательное восприятие их частью общества, использование их экспертных выкладок для выработки государственной политики.

Ещё одним источником генезиса немецкой экспертной культуры послужила формальная социология. Её основоположник Фердинанд Тённис (1855–1936) родился в многодетной семье богатого фермера на севере Германии. После окончания гимназии он учился в пяти немецких университетах, защитил докторскую диссертацию по филологии в Тюбингене (1877), после подготовки работы, посвященной Т. Гоббсу, прошел habilitation (1880), многие годы был приват-доцентом (1881–1913) и ординарным профессором (1913–1916, 1921–1933) университета в Киле. Определенное влияние на его творчество оказали сочинения Аристотеля, Лейбница, Шопенгауэра, Спенсера и др. Тённису были присущи широкие научные интересы – от социальной философии до эмпирической социологии.

В силу происхождения и ярко выраженного неприятия «бюрократии» ученый занимал маргинальное положение в академической среде Германии, несмотря на то, что он активно публиковался и его авторитетное мнение как эксперта получило европейское признание. Социолог всегда проявлял повышенную политическую активность и вступил в СДПГ (1930). После прихода к власти нацисты отстранили его от должности (1933) и последние годы (1933–1936) он провел в бедности [3; 4].

Зарубежные (Н. Бонд, Л. Вирт, А. Дайксель, М. Дефлем, П. А. Сорокин и др.) и отечественные (В. А. Глазырин, Н. А. Головин, Н. И. Лапин, А. Н. Малинкин, А. Ф. Филиппов, В. Ф. Чеснокова и др.) специалисты, справедливо подчеркивают выдающийся вклад Тённиса в развитие теоретической и эмпирической социологии.

Безусловного внимания заслуживают его исследования, выполненные в русле социологии жизни и социологии смерти. Так, в своем прославленном труде «Общность и общество. Основные понятия чистой социологии» (1881–1935) он сформулировал специфику своей методологии: «Рассмотрение должно вращаться <...> не вокруг рас, народов и племен как биологических единств; наш взор устремлен к социологическому смыслу, сообразно которому человеческие отношения и связи мыслятся как живые, или <...> как артефакты, и смысл этот отражается и находит свою аналогию в теории индивидуальной воли» [5, с. 15].

Реализуя свою исследовательскую программу, Тённис показал, какую роль в воспроизводстве власти в первичной общности играло «правило наследования», в укреплении рода – «общий страх и почитание мертвых» «сплачивают мирную совместную жизнь», память же «позволяет живущим сохранять связь даже с мертвыми», «опасаться и воздавать им почести» [5, с. 20–21, 26, 329].

Уже в 1880-е гг. социолог проявил интерес к проблемам преступности. В результате изысканий в свет вышла книга «Преступность как социальное явление» (1909). М. Дефлем указывает, что Тённис определял преступление как намеренное нарушение политических и социальных прав. Преступники совершают свои преступления страстно, руководствуясь своей сущностной волей, характерной для поведения, подобного «Гемайншафту». Объективной мерой отнесения к тяжким преступлениям было то, что лицо юридически считалось совершеннолетним (старше 18 лет) и могло быть осуждено к смертной казни или тюремному заключению [10].

При изучении преступности Тённис исходил из того, что ее нельзя оценивать как нормальное явление социальной жизни, при этом ученый использовал социографию (криминальную статистику). Она объединяла количественные и качественные методы, которые могли эмпирически описывать, сравнивать и выявлять закономерности моральных и социальных условий. Однако определение этих условий должно было оставаться вопросом чистой социологии. Таким образом, подход Тённиса оказался «золотой серединой» между позициями Г. Тарда и Э. Дюркгейма, отвергнув как психологический редукционизм, так и социологизм.

Во время Первой мировой войны в США на английском языке был издан сборник эссе «Воинственная Англия, какой ее видит она сама» (1915), где Тённис, приводя исторические факты и основываясь на суждениях экспертов, подробно рассмотрел агрессивную сущность британской внешней политики последних столетий. Социолог в предисловии подчеркивал: «Эта книга написана не для того, чтобы разжигать национальную ненависть. Автор проводит четкое различие между английским народом и английской мировой политикой» [14, р. 7]. При этом он стремился доказать, что Великобритания всегда занималась «подстрекательством к войнам», «пролила реки крови» и должна нести за это ответственность [14, р. 8, 102].

В Веймарской Германии, будучи в преклонных летах, Ф. Тённис опубликовал монографию «Самоубийство в Шлезвиг-Гольштейне. Статистико-социологическое исследование» (1927). Опираясь на данные XIX – начала XX веков, исследователь сравнил динамику мужских и женских суицидов с учетом возраста и места проживания. Выводы, к которым он пришел, не отличались новизной: 1) данные о количестве суицидов не являются полностью достоверными; 2) «жизнь старых одиноких людей (например, в бедном доме) становится причиной самоубийства, что можно считать типом нормального случая»; 3) у самоубийств обнаруживается «сильная связь с нервными и душевными болезнями»: «больные неотступно ищут смерти, потому что не могут долго переносить бремя своего сознания, страх и другие возбуждения»; 4) выявлена некоторая корреляция между уровнем образования и совершением суицида и др. [13]. Ценность социологических исследований Тённиса как эксперта заключается в выявлении причин и динамики разных видов физической смерти, в разработке собственной методологии ее изучения.

Отметим, что позитивную роль в консолидации экспертного сообщества Германии сыграл Союз социальной политики (1873–1936), среди его членов были Л. И. Брентано, М. и А. Веберы, Ф. Тённис, Г. фон Шмоллер и др. Еще одним значимым институтом стало Немецкое социологическое общество (1909–1933), созданное по инициативе М. Вебера, Г. Зиммеля, В. Зомбарта, Ф. Тённиса (президент НСО, 1909–1933) и др.

В качестве важной экспертной «площадки» выступало ведущее академическое издание «Архив социального законодательства и статистики» (1888–1903). После того, как к его редактированию были привлечены М. Вебер, Э. Яффе и В. Зомбарт (1904), журнал получил название «Архив социальных наук и социальной политики» (1904–1933). Он имел следующие разделы: «Статьи», «Законодательство», «Литература» (критические и библиографические обзоры) и др. Кроме редакторов, в число именитых авторов входили С. и Б. Вебб, А. Вебер, Р. Михельс, Ф. Тённис, М. И. Туган-Барановский и др. Очевидно, что активно функционировавшая высшая школа, профессиональные сообщества и периодические издания создавали благоприятные возможности для обсуждения проблем развития социологического знания и общества.

Итак, постулаты расизма, евгеники и социал-дарвинизма входили в противоречие с научной объективностью. О. Г. Аммон и Л. Вольтман нередко делали неверные выводы о характере социальных процессов. Не соглашаясь с их утверждениями о «вырождении народов», следует учитывать внесенный ими вклад в становление прикладной социологии (антропометрические измерения, наблюдения, анализ статистических данных) и применение ее потенциала для осуществления изменений (позитивных или негативных – это отдельный вопрос) социальной реальности. Вместе с тем эмпирические исследования, выполненные в русле формальной социологии (Ф. Тённис), дополнили опыт экспертного изучения делинквентности и войны. Таким образом, формирование культуры социологической экспертизы в Германии основывалось на достижениях и ошибках представителей классической социологии.

Литература

1. Вольтман Л. Политическая антропология: Исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов / пер. с нем. М. : Белые альфы, 2001. С. 81, 110, 111, 140, 188, 192.
2. Вольтман Л. Теория Дарвина и социализм. Опыт естественной истории общества / пер. с нем. СПб. : Общественная польза, 1900. С. 117, 118.
3. Дайксель А. Фердинанд Тённис // Немецкая социология / под ред. Р. П. Шпаковой. СПб. : Наука, 2003. С. 107–109.

4. Малинкин А. Н. О жизни и творчестве Фердинанда Тённиса // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 221–226.
5. Тённис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. М.: Фонд Университет : СПб.: Владимир Даль, 2002. 450 с.
6. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. С. 272.
7. Ammon O. Die Gesellschaftsordnung und ihre natürliche Grundlagen. 3rd ed. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1900. P. 164.
8. Ammon O. Die Natürliche Auslese bei Menschen. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1893. 329 p.
9. Ammon O. Zur Anthropologie der Badener. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1899. P. 707.
10. Deflem M. Ferdinand Tönnies on crime and society: an unexplored contribution to criminological sociology // History of the Human Sciences. 1999. Vol. 12, N 3. P. 87–116.
11. Groß H. Degeneration und Deportation // Politisch-anthropologische Revue. 1906. Vol. 4. P. 281–286.
12. Hartung M. H. Eine Theorie des Völkertodes // Politisch-anthropologische Revue. 1905. Vol. 3. P. 189–191.
13. Tönnies F. Der Selbstmord in Schleswig-Holstein. Eine statistisch-soziologische Studie. Breslau: Hirt, 1927. P. 12, 21, 22, 23.
14. Tönnies F. Warlike England as seen by herself. New York: G. W. Dillingham, 1915. 202 p.
15. Weikart R. The Origins of Social Darwinism in Germany, 1859–1895 // Journal of the History of Ideas. 1993. Vol. 54, N 3. P. 469–488.

УДК 304.2

О. Ю. Порошенко

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

ПЕРСПЕКТИВЫ ФИЛОСОФСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ⁷

Рассмотрены перспективы применения философской экспертизы как актуальной теоретико-практической формы постановки, обсуждения, решения и оценки социо-техногенных проблем современности, с использованием новейших зарубежных концепций развития искусственного интеллекта, информационного общества, цифровой культуры и нематериальной экономики. В качестве примера обсуждения и решения общими-ровозренческих проблем современного цифрового общества и культуры представлена авторская концепция уникальности.

Ключевые слова: философская экспертиза, техногенная цивилизация, цифровая эпоха, проблема уникальности.

O. Yu. Poroshenko

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

PROSPECTS FOR PHILOSOPHICAL EXPERTISE IN THE DIGITAL AGE

The theses consider the prospects for the application of philosophical expertise as a relevant theoretical and practical form of posing, discussing, solving and assessing socio-technogenic problems of our time, using the latest foreign concepts of the development of artificial intelligence (AI), information society, digital culture and non-material economy. The author's concept of uniqueness is presented as an example of discussing and solving general worldview problems of modern digital society and culture.

Keywords: philosophical expertise, technogenic civilization, digital age, problem of uniqueness.

Неопределенность и неконтролируемость техногенного развития современной цивилизации грозит человечеству, как максимум, самоуничтожением, как минимум, социокультурными формами расчеловечивания. Именно поэтому изменения, возникшие в результате цифровой революции, можно отнести к новым глобальным вызовам человечеству.

Сегодня философская экспертиза является актуальной теоретико-практической формой постановки, обсуждения, решения и оценки социо-техногенных проблем современности,

⁷ Материал подготовлен в рамках проекта № FZSM-2023–0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» по государственному заданию, выданному Казанскому федеральному университету.

связанных с необходимостью сохранения для человека и общества их субъектности в решении вопросов своего дальнейшего бытия. Особенно это важно в парадоксальной ситуации, когда объектом технологических преобразований становится сам человек. В этом случае методологически теряется начало координат, наблюдатель, который раньше выступал только в качестве субъекта оценки технологических инноваций, происходящих во внешнем для него мире.

Источком философской экспертизы является гуманитарная экспертиза, которая трактуется как человеко-ориентированная экспертиза, основанная на принципах этики, справедливости, интеллектуальной добродетели, достоверности, свободы воли и пр. Однако институциональные границы гуманитарной экспертизы имеют ведомственные пределы (медицина, биология, право, образование, наука и пр.), и не распространяются на межотраслевую сферу (экология, межэтнические и межрелигиозные отношения, процессы цифровизации, развитие ИИ и пр.), где необходимо решение и публичное обсуждение общемировоззренческих проблем современного общества и культуры.

Особенность философской экспертизы состоит в ее объективной и субъективной составляющих, что выражается в комплексном подходе к методологии и аксиологии как негативных, так и позитивных перспектив будущего человечества. Как всякая экспертиза, философская экспертиза предполагает наличие того или иного образца – концепции развития общества, парадигмы, с которыми согласуются все современные социокультурные преобразования. Поэтому основная роль эксперта-философа – это разработка прикладных сценариев развития природы, общества и культуры исходя из теоретико-концептуальных ориентиров философской науки, что в конечном итоге должно привести к предоставлению возможности каждому человеку ориентироваться и делать рациональный выбор в тех или иных современных социальных ситуациях.

В цифровую эпоху для философской экспертизы можно выделить ряд проблем – категоризация реального и виртуального, искусственного и естественного, место человека и цифрового актора во Вселенной, машинный способ познания, феноменология и аксиология цифрового мира и цифровых сущностей, цифровая культура и образ будущего и пр. На новый уровень осмысления выходят проблемы дискретного и непрерывного, случайного и необходимого, живого и неживого, подлинного и неподлинного, неповторимого и воспроизводимого.

Можно привести ряд примеров философских концепций, работающих в сфере осмысления процессов техногенности и цифровизации общества, культуры и человека, на основе которых происходит философская экспертиза современных социальных явлений.

В области *философской антропологии*: теории постгуманизма, согласно которым технологии копирования и «загрузки» человеческого сознания в мощные компьютерные системы создадут «технологические сингулярности» (В. Виндж).

В области *философии коммуникаций*: теории социальных систем и ризомной сети коммуникаций (Н. Луман, Ж. Делез); «цифровая философия» (Д. Чалмерс) – философия виртуальной реальности, цифровых пространств, где основным концептом считается «теория интегрированной информации»; концепция «социума на дому» (home-centered-society), суть которой состоит в отказе индивида быть функцией некоего реального большого социального процесса и, как следствие – уход в приватную анонимную виртуальную реальность.

В области *этики*: концепция «злого» Суперинтеллекта (Н. Бостром); концепции «новой персональной этики», основанные на свободе выбора Ж.-П. Сартра, свободе ошибаться И. Берлина, свободе заблуждаться Д. Милля; концепция «информационной этики» (Л. Флориди); концепция «делиберации» (Д. Деннет) о рефлексивности намерения, когда индивид становится «свободным волителем».

В области *экономики* Д. Канеман и Р. Талер [1] разработали поведенческую экономику, согласно которой учитываются менее обдуманные решения индивида и с помощью цифровых технологий его «подталкивают локтем» (nudge) к тому варианту, который представляется наиболее желательным для разработчиков nudge.

В области *философии культуры* концепция «диджимодернизма» (А. Кирби) [2] характеризует современную эпоху, в которой, благодаря новым цифровым технологиям, изменя-

ются отношения между «аудиторией» и продуктами культуры, теперь представляющих собой «тексты», контент и динамика которых напрямую зависят от «акта участия» зрителя или слушателя, при отсутствии классического автора.

Новая культурологическая программа «космотехники» (Ю. Хуэй) [3] расширяет понимание единой картины эволюции техники до обсуждения разнообразия технологий в различных географических регионах человеческой истории, разных форм мышления, отношений между человеком и окружающей средой, между мифологией и техникой.

В области *социальной философии*, по-прежнему, актуальна марксистская критика эпохи «длющегося капитализма» (Ф. Джеймисон) [4] и политэкономии «надзорного капитализма» (Ш. Зубофф).

В современной форме капитализма появляется новый тип товара – «персональные данные» – «поведенческий профицит», образующие новую экономику – «экономику действия», цель которой прогнозирование автоматизированного поведения индивида и превращение его в дополнительный «сырьевой придаток». Согласно концепции «платформенного капитализма» (Н. Срничек) [5] bigdata стали новым «сырьем», а компании, способные агрегировать и обрабатывать их, обретают все большую влияние и прибыль.

Возникновение сектора нематериальной экономики предполагает развитие «экономики самореализации» индивида, в которой результаты творческой деятельности становятся новым видом капитала через интеллектуальную ренту или патенты. Об этом концепция «креативного класса» (Р. Флорида).

Появление нового общественно-экономического строя в результате развития интернета и цифровых технологий обсуждается в концепции «технофеодализма» (Я. Варуфакис) [6].

В техногенном обществе наиболее актуальной становится проблема осмысления комплекса индивидуальных социальных практик *самозащиты* от всей совокупности «множественных отношений силы», продуцируемых негативными факторами влияния современной техноквилизации на человеческое существование.

Согласно концепции Л. Болтански и А. Эскера [7] на фоне развивающейся постиндустриальной экономики, сегодня складывается особая экономика – «экономика обогащения», которая по своей сути является «экономикой массовой уникальности». Производство стандартных товаров и услуг, которые в том числе, закрывают базовые потребности человека, всё больше отдаётся на откуп автоматизированным решениям. Высшую же ценность начинает иметь уникальный продукт, созданный уникальным талантом, а не стандартный продукт, созданный стандартными процессами и компетенциями. Происходит постепенная трансформация «рынка труда» в «сети уникальных талантов».

Сталкиваясь с подобными социально-экономическими реалиями, *философия личности* вынуждена говорить о социальной онтологии единственности, отвечающей за продуцирование неповторимой деятельности индивида. Такая субъектная деятельность, может быть описана в контексте конкретных общественных отношений в понятии «уникальность личностного бытия» (О. Ю. Порошенко), представляющей собой ансамбль объективации экзистенциального и интериоризации социального опыта субъективностью единичного человека.

В рамках философской экспертизы на межотраслевом уровне представляется возможным разработка новых способов конструирования социальной деятельности, которые будут построены не по логике стандартизации и унификации, а будут опираться на принципы роста разнообразия и уникальности. Уникальная деятельность или уникальный продукт деятельности, экстериоризированные в общественное, обладают неповторимой значимостью в социальном смысле – особенно тогда, когда человек или «техническая сингулярность» создают нечто, не только творчески новое, но единственное и неповторимое, неизвестное другим, тем самым, содержательно обогащая цивилизационный багаж во всеобще-историческом смысле. Принцип уникальности лежит в основе создания многомерных эпистемологических и многополярных культурологических синтезов для избегания однородности мира и сингулярности технологического образа будущего. Сегодня в сфере уникального – единственного, неповторимого, незаменимого – сохраняется место только для человека. Но, может быть, и для ИИ есть возможность трансгрессии за пределы универсального, воспроизводимого и копируемого?

Литература

1. Kahneman D. Thinking, fast and slow. Penguin, 2012. 500 p.
2. Kirby A. Dijimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. N.-Y. : Continuum Publishing Corporation, 2009. 288 p.
3. Хуэй Ю. Вопрос о технике в Китае. Эссе о космотехнике. М. : Ад Маргинен Пресс, 2022. 320 с.
4. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 816 с.
5. Срничек Н. Капитализм платформ. М. : Издат. дом ВШЭ, 2019. 126 с.
6. Варуфакис Я. Технофеодализм: что убило капитализм. М. : Ад Маргинен Пресс, 2025. 304 с.
7. Болтански Л., Эскер А. Обогащение. Критика товара. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. 587 с.

УДК 323

М. А. Мартынов

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

ОСОБЕННОСТИ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ГУБЕРНАТОРСТВА В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена исследованию особенностей и динамики развития института губернаторства в Новосибирской области. Анализируются политические процессы, взаимодействие губернатора с региональным парламентом, муниципалитетами и другими политическими институтами. Особое внимание уделено демократическому характеру политического режима в регионе, роли оппозиционных партий, а также конфликтам и сотрудничеству между различными ветвями власти. На примере конкретных событий, таких как отставка губернатора В. Юрченко, выборы и реформы, показаны уникальные черты Новосибирской области как научного и культурного центра Сибири. Статья также затрагивает вопросы кадровой политики, муниципального управления и изменений в законодательстве, расширяющих полномочия губернатора.

Ключевые слова: губернаторство, Новосибирская область, политическая конкуренция, муниципалитеты, парламент, оппозиция, реформы.

M. A. Martynov

Kemerovo State University, Kemerovo

FEATURES AND DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF GOVERNORSHIP IN NOVOSIBIRSK REGION

The article explores the features and dynamics of the governorship institution in the Novosibirsk region. The author examines political processes, the governor's interaction with the regional parliament, municipalities, and other political institutions. Special attention is paid to the democratic nature of the political regime in the region, the role of opposition parties, as well as conflicts and cooperation between different branches of government. Using specific events, such as the resignation of Governor V. Yurchenko, elections, and reforms, the article highlights the unique characteristics of the Novosibirsk region as a scientific and cultural center of Siberia. The study also addresses issues of personnel policy, municipal governance, and legislative changes that expand the governor's powers.

Keywords: governorship, Novosibirsk region, political competition, municipalities, parliament, opposition, reforms.

Новосибирская область характеризуется демократическим политическим режимом, что отличает положение её политических институтов (губернатора, парламента и муниципального управления) от аналогичных структур в Кемеровской области [1; 6]. Здесь концентрация полномочий и ресурсов вокруг губернаторского института значительно меньше, что связано с особенностями Новосибирской области как крупнейшего научного, культурного и образовательного центра Сибири [3]. Такая специфика требует от губернатора высокого уровня взаимодействия с научными и деловыми кругами. Демократичность режима проявляется в политической конкуренции, независимости депутатов регионального парламента и значительной автономии муниципалитетов, что делает институт губернаторства в Новосибирской области особенно интересным для исследований.

С 2012 по 2014 г. пост губернатора Новосибирской области занимал В. Юрченко, полномочия которому были переданы 22 сентября 2010 г. на внеочередной сессии Новоси-

бирского областного совета депутатов сроком на пять лет. Однако 17 марта 2014 г. он был снят с должности президентом РФ из-за утраты доверия. Примечательно, что В. Юрченко был местным политиком в Новосибирской области и не относился к числу «губернаторов-варягов», что в контексте региональной политики было редкостью.

При этом он не являлся преемником действующей администрации и находился в конфликте с командой своего предшественника, В. Толоконского. Одним из первых шагов Юрченко стало отстранение ряда сотрудников, близких к В. Толоконскому, из администрации, а также уход из правительства ряда чиновников, таких как министр строительства и ЖКХ В. Анисимов и министр здравоохранения О. Агеев. Эта политика вызвала критику со стороны Толоконского, который считал, что она нарушает преемственность власти.

Недостаток преемственности в управлении привел к назначению большого числа варягов на управленческие позиции, что отражает не только проблему нехватки кадров, наблюдающуюся во всех российских регионах, но и раскол в региональной элите. К примеру, отставка министра транспорта Н. Симонова была вызвана ухудшением репутации губернатора, связанным с отменой безлимитного проезда и нежеланием министра принимать критику. Кроме того, транспортная сфера и дороги традиционно подвергаются жесткой критике со стороны жителей Новосибирской области. Политолог Д. Пучкин считает, что целесообразно привлекать к коррупционно рискованным должностям специалистов из других регионов. Однако необходимо также использовать местные кадры, поскольку они могут сформировать сплоченную команду единомышленников [4]. В противном случае, местные работники в случае неудачи могут оставить свои должности, как это произошло с племянником В. Путина, который не смог справиться с задачами по развитию ОАО «15-й Центральный автомобильный ремонтный завод».

В Новосибирской области наблюдается высокий уровень демократизации и широкое разнообразие политических движений. По состоянию на 1 января 2015 г. здесь было зарегистрировано 64 региональных отделения политических партий, из которых 60 непарламентские и имеют в среднем от 10 до 15 членов. Идеологический спектр этих партий охватывает более 80 % от общероссийского. С 2013 г. непарламентские партии начали активно участвовать в выборах: с апреля 2013 по 2014 г. в избирательные кампании включились 21 региональное отделение. Только одному кандидату, Ю. М. Вязову из партии «Гражданская инициатива», удалось получить мандат, набрав 46,62 % голосов на выборах главы Баганского района. Самыми активными стали партии «Гражданская инициатива» и «Родина», которые участвовали в четырёх избирательных кампаниях в 2013–2014 гг., продвигая своих кандидатов на региональных и муниципальных выборах. В итоге мэром Новосибирска стал коммунист А. Локоть [5].

В 2014 г. возросла активность непарламентских партий, что связано с усилением «Объединенной оппозиции», созданной в Новосибирске в 2011 г. Эта коалиция объединила КПРФ, «Патриотов России» и другие левые движения, сосредоточенные на организации протестных акций. Перед выборами мэра Новосибирска были подписаны коалиционные соглашения, включившие организации различных идеологических направлений (от либерально-демократических до националистических). В результате, ключевые должности в городской мэрии распределились между представителями непарламентской оппозиции: А. Терешкова из «Гражданской платформы» возглавила департамент культуры, спорта и молодежной политики, а С. Дьячков, основатель «Демократического выбора», стал руководить комитетом по поддержке малого и среднего бизнеса.

Политические процессы на региональном уровне заметно отличаются от федеральных, поскольку местные объединения зачастую выступают как наблюдатели и проявляют активность преимущественно во время избирательных кампаний. Однако местное законодательство содействует включению новых политических структур в выборные процессы на муниципальном уровне [5].

Муниципальный фильтр на выборах Губернатора в Новосибирской области требует от кандидатов собрать поддержку от 5 % депутатов местных представительных органов

(298 чел.) и/или 53 глав муниципалитетов. При этом среди поддерживающих должны быть представители не менее $\frac{3}{4}$ муниципальных районов и городских округов (всего 27). На выборах 2014 г. трое кандидатов не смогли преодолеть этот барьер, в то время как команда И. Старикова обращалась в суд, указывая на трудности с получением подписей, особенно от депутатов «Единой России». Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации показывает, что, если депутат поддерживает несколько кандидатов, учитывается только первая подпись. Несмотря на возможность участия кандидата от непарламентской партии, фильтр по-прежнему выполнял свою роль в отборе кандидатов и снижении уровня политической конкуренции.

Также стоит отметить, что председатель Избирательной комиссии Новосибирской области перед началом крупного электорального цикла в 2014 г. заявил, что главное во всём руководствоваться нормами закона уважением к гражданам своей страны и стремлением формировать в Новосибирской области атмосферу гражданской активности, взаимной ответственности и доверия. Однако, как отметила О. Вальгер на совместной пресс-конференции с движением в защиту прав избирателей «Голос», посвященной теме «Муниципальный фильтр на выборах, избирательное законодательство в РФ меняется так часто, что в регионе еще не было двух выборов одного и того же уровня, которые проходили бы по одинаковой схеме.

Подобная претензия имеет смысл, поскольку подписи могут признать недействительными по многим причинам, связанными с проверкой соблюдения порядка сбора подписей избирателей, оформления подписных листов и достоверности сведений, содержащихся в подписных листах или вопросами, связанными с представлением сведений, необходимых для регистрации кандидата. На практике очень сложно соблюдать правовые требования, которые постоянно меняются и вынуждают кандидата концентрироваться на подписных листах больше, чем на других аспектах избирательной кампании, таких как общение с избирателями.

На выборах, состоявшихся 13 сентября 2015 г., губернаторы возглавили списки партии «Единая Россия» в 10 из 11 регионов. Единственным исключением стал губернатор В. Ф. Городецкий, который не вошел в список на выборах в Новосибирской области, представляющей собой сложный для партийной структуры регион. Это отклонение от привычной «номенклатурной» стратегии стало заметным на выборах в региональный парламент в этом году [8]. В результате, список возглавил А. Караськов, ведущий сердечно-сосудистый хирург Сибирского федерального округа и директор НИИ патологии кровообращения им. академика Е. Мешалкина. В тройке кандидатов также оказались Т. Есипова (председатель общественной организации «Даун Синдром»), и В. Кушнир (генеральный директор ОАО «Сибирь»). Таким образом, состав тройки можно охарактеризовать как сочетание «представителя социальной сферы» (врач) – «общественного деятеля» – «предпринимателя».

В Новосибирской области в парламенте на 2024 г. представлены депутаты от шести политических партий, а также три независимых депутата, которые имеют равные права и самостоятельность в своей деятельности. Это обеспечивается законами области, которые гарантируют равенство политических партий в освещении их работы региональными государственными телеканалами и радиостанциями. Данный закон был принят 9 июня 2010 г. и регулирует представленность партий, чьи кандидатуры были разрешены для распределения депутатских кресел.

По состоянию на 31 октября 2024 г. в Законодательном Собрании седьмого созыва насчитывается 46 депутатов от партии «Единая Россия», к которой относится и действующий губернатор А. Травников. Кроме того, губернатор пользуется поддержкой президента России В. Путина и занимает должность секретаря новосибирского отделения своей партии, определяя ключевые направления ее работы [7]. Таким образом, его руководство в правящей партии существенно влияет на взаимоотношения между губернатором и парламентом.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на преобладание партии и её связь с губернатором, парламент, как и городской совет, остаются центрами сосредоточения оппозиционных сил, что делает взаимодействие губернатора с Заксобранием Новосибирской области весьма сложным. При этом открытые столкновения между региональной администрацией и парла-

ментом встречаются довольно редко. Например, партии «Новые люди» и «Лига эффективно-сти» формируют конструктивную оппозицию в Горсовете и Заксобрании. Это способствует созданию вертикали власти. В числе своих будущих намерений коалиция планирует выдвижение собственных кандидатов на выборах, акцентируя внимание на нехватке политической конкуренции и развитии региона. Это может в будущем спровоцировать политические конфликты между губернатором и парламентом.

Парламент Новосибирской области представляет собой одну из самых влиятельных структур с точки зрения способности объединять усилия, иногда вопреки позиции губернатора. Так, в 2015 г. Законодательное собрание избрало своим спикером А. Шимкива, несмотря на поддержку партии «Единая Россия» и тогдашнего губернатора В. Ф. Городецкого, оказавшую предыдущему спикеру И. Морозову. Изначально предполагалось, что И. Морозов, как кандидат от ЕР, получит большинства голосов, из-за чего А. Шимкив даже снял свою кандидатуру, заявив, что не давал согласия на её выдвижение, отметив давление со стороны. Однако за А. Шимкива проголосовали 44 депутата, что стало неожиданным результатом. Хотя губернатор поддерживал Морозова, он спокойно воспринял это поражение. Этот случай показал кризис внутри новосибирского отделения ЕР и недостаточное понимание губернатором настроений в Заксобрании, что, по словам Д. Пучкина, создаёт политическую нестабильность. Реакция на федеральном уровне оказалась более резкой: был выпущен фильм «Золотой телец», в котором нового спикера обвинили в управлении активами двух областных совхозов.

В Новосибирской области функционирует молодежный парламент, представляющий собой коллективный консультативный орган, который не имеет статуса юридического лица. Этот парламент формируется на срок два года, а его участники получают удостоверения. Главные темы обсуждений связаны с молодежной политикой. Однако существуют определенные недоработки, так как наблюдается отсутствие четко прописанных нормативных целей и долгосрочных стратегических задач, а также низкое влияние на политическую ситуацию.

Для повышения уровня координации можно обратиться к опыту Молодежного парламента Москвы и использовать интернет-ресурс «Движок». Также выявлена кадровая проблема, которая проявляется в отсутствии прозрачных процедур для назначения и карьерного роста. Для эффективного развития системы реализации молодежной политики в регионе следует комплексно использовать Молодежный парламент, заимствуя успешные практики других регионов.

После выборов губернатора состоялись выборы в местные органы власти, что поднимает вопрос о системе назначения глав муниципалитетов. В Новосибирской области главы всех муниципальных образований выбираются из числа кандидатов, предложенных конкурсной комиссией, с мандатом на пять лет. Окончательное решение принимает представительный орган местного самоуправления. Это свидетельствует о том, что в регионе используется конкурсная модель назначения, внедренная с 2015 г. и продолжающая действовать по сей день.

Данный подход был оправдан необходимостью ввести квалификационные стандарты из-за недостаточной управленческой компетентности избранных руководителей, которые часто запрашивают освобождение от своих обязанностей, не осознавая полное количество выполняемой работы. Если проанализировать безвозмездные поступления, то на примере Северного района заметен общий рост этих средств. В 2020 г. сумма безвозмездных поступлений составила 269,950.75 млн руб. и постепенно возросла до 294,321.25 млн руб. в 2025 г. с наивысшим значением в 2023 г. в размере 320,562.35 млн руб. Источниками этих средств стали субвенции и дотации. Однако такая динамика не указывает на наличие финансовой независимости муниципалитета, которой глава мог бы распорядиться.

Взаимодействие между губернатором и муниципальными образованиями зависит от способности главы региона налаживать сетевое взаимодействие с местными властями и их руководителями [2]. При губернаторстве В. Городецкого возникло множество конфликтных ситуаций, которые породили напряжение между муниципальными и региональными струк-

турами. Примером может служить отказ мэра Барабинска А. Кибальникова снизить своё жалование на 10 %, что воспринималось как открытое несогласие с областной властью, что негативно влияло на её репутацию у городских и муниципальных глав. Политолог Д. Пучкин отмечал постоянные конфликты в Барабинске [4]. В 2017 г. губернатор столкнулся с депутатами Новосибирского совета, которые не согласились изменить зонирование 30 гектаров земли на левом берегу Оби для нового жилого комплекса и арены. Создание жилья требовало от муниципалитета строительства социальной инфраструктуры, на что у него не было достаточных ресурсов. Следовательно, губернатору необходимо гармонично взаимодействовать с муниципалитетами, однако команда В. Городецкого не проявляла к этому должного интереса.

Муниципалитеты Новосибирской области характеризуются высоким уровнем конфликтности как в отношении с губернатором и его администрацией, так и внутри своих структур. Например, в 2015 г. в Бердске возникла напряжённая ситуация, поскольку и.о. мэра А. Михайлов не попал в тройку кандидатов на пост мэра, при этом заявив, что на его отказ от участия повлияли областные власти. В результате основным претендентом стал Е. Шестернин, которого, по его словам, поддерживал губернатор В. Городецкий. По сути, А. Михайлов представлял интересы местных элит и был первым заместителем предыдущего мэра, в то время как Е. Шестернин ассоциировался с региональной властью и вызывал критику за оторванность от местного бизнеса.

При этом деятельность А. Михайлова позитивно оценивалась депутатами Горсовета. Примером внутреннего конфликта стал случай с комиссией по депутатскому контролю в Бердске, против которой выступил мэр. Скандал разгорелся из-за попытки комиссии выяснить объем средств, сэкономленных администрацией Бердска с начала 2024 г., и направить результаты проверки в прокуратуру.

Поддержка губернатора играет решающую роль в карьере глав муниципалитетов. Ярким примером этого является ситуация с А. Михайловым, которому губернатор А. Травников оказал поддержку в период его руководства Новосибирским районом. В то время против Михайлова объединились весь депутатский корпус, включая оппозиционные партии и «Единую Россию». Основной причиной этому стал конфликт касательно концессии на строительство бассейна в Краснообске. Недовольство депутатов в значительной степени было вызвано решениями Михайлова по управлению имуществом и земельными ресурсами на этой привлекательной для бизнеса территории, интерес к которой проявляют влиятельные новосибирские политические и деловые группы [10].

В октябре 2021 г. один из противников А. Михайлова стал главой райсовета, что укрепило позиции его оппонентов. Однако главе райсовета пришло письмо с о неполном указании доходов в декларации, а в процессе визита губернатор выразил поддержку А. Михайлову, тем самым лишив депутатов надежды о скорой отставке главы муниципалитета. Можно сказать, что поддержка губернатора может зависеть от личности главы региона.

В 2022 г. Законодательное собрание Новосибирской области приняло в первом чтении законопроект о поправках в устав региона, расширяющий полномочия губернатора. Теперь губернатор будет занимать как государственную должность субъекта РФ, так и должность на уровне Российской Федерации, а также получит дополнительные полномочия по формированию органов исполнительной власти и отрешению глав муниципалитетов в установленном порядке [9]. Эти изменения приводят региональное законодательство в соответствие с федеральными нормами. Однако аргумент о том, что такие поправки призваны дать гражданам возможность продлевать полномочия губернатора в зависимости от его работы, вызывает сомнения. С этим согласен и руководитель фракции КПРФ в региональном парламенте В. Карпов, который предупреждает, что при отсутствии меры такие изменения могут иметь непредсказуемые негативные последствия.

Заключение. Несмотря на декларируемую демократичность, ключевые механизмы власти, включая муниципальный фильтр и расширение полномочий губернатора, свидетель-

ствуют о тенденции к усилению контроля со стороны федерального центра и исполнительной вертикали.

Конфликты между губернаторами (В. Юрченко, В. Городецкий, А. Травников) и региональными элитами, а также напряженность в отношениях с муниципалитетами подчеркивают проблему кадровой политики и отсутствия преемственности в управлении. При этом парламент Новосибирской области остается важным противовесом, демонстрируя способность к независимым решениям, что отличает регион от многих других субъектов РФ.

Перспективы дальнейшего развития института губернаторства в Новосибирской области будут зависеть от баланса между централизацией власти и сохранением элементов политического плюрализма. Усиление полномочий губернатора, с одной стороны, может повысить эффективность управления, но с другой – рискует подорвать демократические институты и усугубить конфликты на местном уровне. Для устойчивого развития региона необходимо укрепление диалога между всеми ветвями власти, прозрачность кадровых решений и учет интересов муниципальных образований.

Таким образом, Новосибирская область представляет собой уникальный пример взаимодействия демократических и авторитарных практик в российской региональной политике, где институт губернаторства продолжает эволюционировать под влиянием как внутренних, так и федеральных факторов.

Литература

1. Бирюков С. В., Кисляков М. М. Политический маркетинг: к модернизации концепта, его методологических и политико-технологических оснований // Вестник Томского государственного университета. Филология. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 168–179.
2. Власова К. В. Социальные сети как один из инструментов формирования и продвижения имиджа политика: на примере губернатора // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4, № 4. С. 176–183.
3. Иванов А. В. Политические процессы в Сибири: Новосибирская и Кемеровская области в сравнительной перспективе. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2020.
4. Пучкин Д. Региональные элиты и институт губернаторства в современной России. М. : РОССПЭН, 2018.
5. Смирнова О. Н. Муниципальная власть и губернатор: конфликты и сотрудничество. СПб. : Алетеия, 2019.
6. Чирун С. Н., Николаев А. В., Зайцева В. А. Политические технологии в сетевой реальности постмодерна // Власть. 2018. № 3 (26). С. 7–13.
7. Законодательное Собрание Новосибирской области. URL: <https://zsnsso.ru> (дата обращения: 04.04.2025).
8. Городецкий не смог продать своего спикера заксобрания // Club-RF. 2015. URL: <http://club-rf.ru/54/detail/1284> (дата обращения: 03.04.2025).
9. Расширяющий полномочия новосибирского губернатора законопроект принят в первом чтении // Коммерсантъ. 2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5338367> (дата обращения: 04.04.2025).
10. Травников гасит конфликт вокруг Михайлова // Сводка-НСО. 2022. URL: <https://svodka-nsso.ru/news/2022/1/TravnikovgasitkonfliktvokrugMikhaylova/> (дата обращения: 04.04.2025).

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ПРОВИНЦИИ

Представлены ключевые социально-демографические характеристики современной белорусской провинции: численность населения, распределение населения по населенным пунктам, состояние в браке, источник средств к существованию. Установлено, что в структуре провинции преобладает сельское население. Соотношение городского и сельского населения провинции в разных областях Беларуси неодинаково. Количество зарегистрированных браков и разводов в городах выше, чем в сельской местности. В малых городах и поселках городского типа существует потребность расширения возможностей для трудоустройства.

Ключевые слова: провинция, малые города, село, численность населения, трудоустройство.

A. Yu. Sakovich

Belarusian State University, Minsk

SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE MODERN BELARUSIAN PROVINCE

The article presents the key socio-demographic characteristics of the modern Belarusian province: population size, population distribution by locality, marital status, source of livelihood. It has been established that the rural population prevails in the structure of the province. The ratio of the urban and rural population of the province is not the same in different regions of Belarus. The number of registered marriages and divorces in cities is higher than in rural areas. In small towns and urban-type settlements, there is a need to expand employment opportunities.

Keywords: province, small towns, village, population, employment.

Административно-территориальное деление Республики Беларусь на 1 января 2025 г. представлено 6 областями, 118 районами, 115 городами, 85 поселками городского типа и 22990 сельскими населенными пунктами [1, с. 9]. Как видно, территориальная структура страны не предусматривает выделение такой единой, как провинция. Мы обращаемся к данному понятию для того, чтобы обозначить регионы, население которых ведет особый образ жизни, обладает своей идентичностью, менталитетом и представляет значимый кадровый ресурс для агропромышленного комплекса. Территориально белорусская провинция представлена малыми городами, поселками городского и курортного типа, агрогородками, деревнями, расположенными на удаленном расстоянии от столицы и областных центров. К числу провинциальных не относится население Минского, Брестского, Гомельского, Гродненского, Могилевского, Витебского районов и малых городов-спутников [3, с. 65–74]. Актуальность изучения социально-демографических характеристик белорусской провинции обусловлена происходящими в ней демографическими процессами. Убыль населения в провинциальных районах обусловлена прежде всего депопуляцией села. В период с 2020 г. по 2024 г. численность сельского населения уменьшилась на 105620 чел. и составила 1957693 чел. [2, с. 54]. Наблюдаемое изменение численности населения обуславливает потребность систематического анализа ключевых социально-демографических характеристик белорусской провинции. Рассмотрим их состояние на текущий период.

1. Численность населения белорусской провинции

В 2024 г. численность населения белорусской провинции составила 2503430 чел. Среди них – 1013715 городского, 1489715 – сельского. Больше всего провинциального населения проживает в Минской области, меньше всего – в Могилевской области. Городское население провинции представлено жителями малых городов, поселков городского и курортного типа, сельское – населением деревень и агрогородков (табл.).

Таблица

Численность населения белорусской провинции [составлено на основе: 2 с. 57–76]

Регион	Численность населения провинции		
	Городское население	Сельское население	Всего
Брестская область	163 138	318 449	481 449
Витебская область	214 709	196 599	411 308
Гомельская область	163 418	227 509	390 927
Гродненская область	139 160	185 796	324 956
Минская область	189 119	414 181	603 300
Могилевская область	144 171	147 181	291 352
Всего по республике	1 013 715	1 489 715	2 503 430

2. Распределение населения провинции по населенным пунктам

Согласно данным статистики, 59,5 % населения провинции проживает в сельских поселениях, 40,5 % – в малых городах и поселках городского типа. Однако соотношение городского и сельского населения в различных регионах страны неодинаково. Так, в Витебской области 52,2 % проживает в малых городах и поселках городского типа, в то время как в Минской области – всего 31,4 %. Сельского население преобладает в Минской и Брестской областях и составляет 68,6 % и 66,1 % соответственно (рис.).

Рис. Распределение населения провинции по населенным пунктам в разрезе областей Республики Беларусь [составлено на основе 2 с. 57–76]

3. Состояние в браке

Большинство браков в Беларуси приходится на городское население (83,7 %). В сельской местности было зарегистрировано 12,7 % браков от общей численности по стране. Статистика разводов выглядит аналогично. В 2024 г. брак расторгли 87,9 % горожан и 12,1 % сельчан [5]. Низкий уровень брачности на селе, по нашему мнению, обусловлен прежде всего сокращением численности сельской молодежи. Однако среди сельчан брак длится дольше, чем среди горожан, что обусловлено большим влиянием социального окружения, традиций семейственности, особой значимости сохранения семьи, порой даже в ущерб индивидуальным интересам.

4. Источник средств к существованию

Наличие работы с достойным уровнем заработной платы – важнейшее условие удовлетворенности жизнью в провинции в целом. Значительная часть сельского населения трудится на сельхозпредприятиях. В 2023 г. в аросфере было занято 246,5 тыс. чел. Среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства составила 1 475,6 руб. [4, с. 8]. В

городах возможности для трудоустройства значительно шире, чем в сельских поселениях. Городское население может реализовать себя в таких престижных профессиях как менеджмент, маркетинг, IT-технологии, дизайн и др. В то же время, согласно результатам исследования, проведенного Белорусским институтом стратегических исследований в 2023 г., только 48 % жителей малых городов и поселков городского типа удовлетворены представленными в них возможностями для трудоустройства [6]. Это указывает на необходимость расширения сфер приложения труда и повышения доходов населения в провинциальных районах Республики Беларусь.

Таким образом, в 2024 г. в белорусской провинции насчитывалось 2503430 чел., что составляет 27,3 % от общей численности населения страны. В ее структуре преобладает сельское население (59,5 %). Соотношение городского и сельского населения провинции в разрезе областей Беларуси неодинаково. Больше всего сельчан проживает в Минской (66,8 %) и Брестской (66,1 %) областях. В Витебской области 52,2 % населения провинции – горожане. В Могилевской области соотношение городского и сельского населения примерно одинаковое и составляет 49,5 % и 50,5 % соответственно. В городах браков заключается больше, чем в деревнях. Значительным барьером для вступления в брак в сельской местности является ограниченный круг потенциальных брачных партнеров, что связано сокращением численности молодого поколения крестьян. Однако длиться он дольше. Уровень разводов среди сельчан ниже, чем среди горожан. В сельской местности значительная часть населения традиционно трудится в агросфере. В малых городах выбор профессий значительно шире, чем в деревнях. Вместе с тем только 48 % жителей малых городов и городских поселках удовлетворены предоставленными в поселениях возможностями для трудоустройства, что указывает на необходимость роста доходов провинциального населения и расширения сферы приложения его труда.

Литература

1. Беларусь в цифрах : стат. спр. / редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2025. 62 с.
2. Регионы Республики Беларусь, 2024 = Regions of the Republic of Belarus, 2024 : стат. сб. : в 2 т. / редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. Т. 1 : Социально-экономические показатели = Socio-economic indicators. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2024. 697 с.
3. Сакович А. Ю. Развитие белорусской провинции: социологический аспект // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2023. № 1. С. 65–74.
4. Сельское хозяйство Республики Беларусь : стат. булк. / редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2025. 35 с.
5. Брак по-белорусски: кто жениться, кто разводится и почему. URL: <https://024.by/2025/04/brak-po-beloruski-kto-zhenitsya-kto-razvoditsya-i-pochemu/> (дата обращения: 10.05.2025).
6. Малые города Беларуси // Аналитика БИСИ. URL: <https://socio.bisr.by/malye-goroda-belarusi/> (дата обращения: 10.05.2025).

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТЕРСТВА ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена проблемам цифровой трансформации, которая осуществляется в следующих сферах: образование и наука, здравоохранение, городская среда, транспорт и логистика, государственное управление, социальная сфера, сельское хозяйство, экология и природопользование, промышленность и энергетическая инфраструктура. В каждой из этих сфер отраслевые министерства осуществляют определенные проекты. В каждом прописаны задачи, бенефициары, выгода для них, цели проекта, срок реализации, краткое описание, используемые ЦТГ и роль региона.

Ключевые слова: трансформация, цифровизация, министерство цифрового развития, информация.

R. V. Ivanov, E. F. Larchenko

Irkutsk State University, Irkutsk

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM IN THE ACTIVITIES OF THE MINISTRY OF DIGITAL DEVELOPMENT OF THE IRKUTSK REGION

The article is devoted to the problems of digital transformation, which is carried out in the following areas: education and science, healthcare, urban environment, transport and logistics, public administration, social sphere, agriculture, ecology and nature management, industry and energy infrastructure. In each of these areas, line ministries carry out specific projects. Each one contains tasks, beneficiaries, benefits for them, project objectives, implementation period, brief description, used CTCs and the role of the region.

Keywords: transformation, digitalization, Ministry of Digital Development, information.

Переход с зарубежного ПО на отечественное начался еще в 2015 г., когда был принят Федеральный закон № 188, которым предусматривался реестр российских программ для электронно-вычислительных машин и баз данных, а в ноябре этого же года было подписано Постановление Правительства № 1236, которое ввело ограничение на покупку программного обеспечения, отсутствующего в реестре.

Однако не всем государственным органам тогда удалось перейти на отечественный софт по многим причинам, например, из-за технических сложностей, недостатка функциональности российских ПО и других. Но уже в 2022 г. это стало необходимостью из-за введения зарубежных санкций. Поэтому в марте 2022 г. Президентом РФ был подписан Указ № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Дата полного перехода на все виды программного обеспечения была установлена на 1 января 2030 г. В ноябре 2022 г. было обнародовано Постановление Правительства № 1912, где во исполнение Указа Президента были разъяснены некоторые положения и прописаны ответственные субъекты за переход объектов критической информационной инфраструктуры РФ (в такие объекты в соответствии с 187-ФЗ РФ входят госорганы и учреждения, а также юрлица и индивидуальные предприниматели). Ответственными субъектами стали Центральный банк, Государственные корпорации, службы и министерства, в том числе и Министерство цифрового развития и связи – в сфере связи [3].

Так в отчете Министерства цифрового развития и связи Иркутской области за 1 квартал 2024 г. указано, что региональные Минцифры осуществляют мониторинг перехода исполнительных органов власти на отечественное ПО, путем участия в конференциях, совещаниях и других мероприятиях областного межрегионального масштаба, а также взаимодействия на постоянной основе с исполнительными органами государственной власти и органами местного управления.

Также, как было отмечено в первом пункте, Минцифры на территории Иркутской области реализует национальный проект «Цифровая экономика», одной из целей которого является использование в органах государственной власти и местного самоуправления, преимущественно отечественного программного обеспечения.

В своей деятельности Минцифры руководствуется разработанной Координационным советом по развитию цифровой экономики при губернаторе Иркутской области и утвержденной губернатором ИО «Стратегией в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Иркутской области» на период до 2024 г.

В Иркутской области отсутствует единая стратегия информационной политики, однако в своей работе Министерство цифрового развития и связи руководствуется стратегией, утвержденной губернатором Иркутской области в 2021 г. Она направлена на цифровую трансформацию экономики, социальной сферы и государственного управления. В ней прописаны основные положения, приоритеты, цели и задачи цифровой трансформации, все сферы реализации, взаимосвязь задач и проектов стратегии, участники и финансовое обеспечение.

Целью стратегии является повышение качества жизни населения и государственного управления за счет внедрения цифровых инновационных технологий и решений в государственную, социальную сферу, сферу здравоохранения и образования.

Задачи включают в себя совершенствование качества оказываемых цифровых государственных услуг, увеличение количества информации о государственных органах в электронном виде. Участниками реализации стратегии является Министерство цифрового развития и связи Иркутской области, а также его сотрудники, и иные Министерства ответственные за социальную сферу, сферу экономики и государственного управления [6].

Таким образом, четкая стратегия позволяет Иркутской области развивать региональную экономику и другие сферы, а также повышать качество оказываемых электронных государственных услуг. Стратегия обеспечивает дорожную карту, благодаря которой в области цифровой трансформации осуществляется мониторинг прогресса и реализуются определенные цели и задачи.

Платформа обратной связи (далее – ПОС) в Иркутской области была создана в 2022 г. в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» национального проекта «Цифровая экономика» и постановления Правительства Российской Федерации от 10 ноября 2020 г. № 1802 «О проведении эксперимента по использованию федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» [5].

Ресурс представляет собой подсистему Единого портала государственных и муниципальных услуг (далее – Госуслуги), и состоит из двух модулей – сообщения и общественные голосования. Посредством данной платформы жители региона реализуют свою гражданскую позицию, сообщая о различных проблемах в сфере здравоохранения, транспорта, электрообеспечения и др.

Основными преимуществами платформы является:

1. Общедоступность.
2. Быстрое реагирование на поступившую проблему (в отличие от прямого обращения в органы региональной власти, где срок подачи ответа на заявление доходит до 30 календарных дней).
3. Повышение прозрачности деятельности местных органов власти.
4. Возможность анализировать и обобщать часто поступающие категории сообщений, что в будущем позволит разработать стратегию решения основных проблем области.

Направить свое сообщение в ПОС можно с помощью виджетов на порталах органов власти, сайта Госуслуг и мобильного приложения «Госуслуги Решаем вместе».

Работа с сообщениями проходит в три этапа:

1. Координация. На данном этапе сообщение только поступает в органы власти и направляется на исполнение.

2. Исполнение. Здесь осуществляется процесс подготовки ответа и направление его на утверждение.

3. Утверждение. В самом конце ответ утверждается и автоматически отправляется заявителю.

Проектный офис Центр управления регионом Иркутской области (далее – ЦУР) подготовил методические рекомендации для государственных служащих, подготавливающих ответы на поступившие сообщения. В них прописаны основные показатели оценки работы региона на ПОС, принципы подготовки ответа, частые ошибки и пример хорошего ответа. Такие инструкции улучшают связь между гражданами и органами государственной власти, поскольку благодаря им заявитель получает максимально полный и конструктивный ответ на отправленный вопрос.

На территории Иркутской области на 10 марта 2023 г. к ПОС подключены 54 ФОИВ, ИОГВ Иркутской области, ОМСУ 2 и 1 уровня (города и районы, городские и сельские поселения), организации здравоохранения, образования, социального обслуживания, организации осуществляющие управления многоквартирными домами, ресурсоснабжающие организации, учреждения культуры и центры занятости. Все они подключены на 100 %, кроме организаций дополнительного образования для детей (63 %), организации, осуществляющие управление многоквартирными домами (31 %), ресурсоснабжающие организации (63 %) и учреждения культуры (55 %).

Самые частые категории поступивших сообщений за 2022 г.:

1. Вакцинация и лечение COVID-19 – 12 122.
2. Дороги – 3147.
3. Выплаты детям в возрасте от 3 до 7 лет – 2489.
4. Многоквартирные дома – 1756.
5. Дворы и территории общего пользования – 1369.

Всего за 2022 г. в Платформу обратной связи поступило 28 486 сообщений.

Ежегодно количество подключенных организаций растет, а министерством цифрового развития и связи разрабатываются рекомендации по улучшению работы органов, подключенных к ПОС [1].

Таким образом, Платформа обратной связи в значительной степени оказывает воздействие на реализацию информационной политики в положительном ключе. Благодаря ей улучшается коммуникация между населением и властью, граждане активно участвуют в управлении регионом, совершенствуют его. Также растет информирование граждан о беспокоящих их вопросах, что улучшает информационное пространство Иркутской области.

Региональная система межведомственного электронного взаимодействия (далее – РСМЭВ) – это система, позволяющая обеспечить цифровой обмен данными между различными органами власти. Одной из главных целей создания РСМЭВ является технологическое обслуживание при оказании государственных муниципальных услуг и электронном исполнении функций местных органов власти. «К системе могут подключиться – ИОГВ, ОМСУ, кредитные учреждения и удостоверяющие центры» [2].

Благодаря работе данной системы на территории Иркутской области реализуется принцип одного окна при оказании электронных государственных услуг гражданам. Оператором межведомственного электронного взаимодействия является министерство цифрового развития.

Таким образом, с помощью РСМЭВ в регионе повышается качество оказываемых услуг населению, развивается концепция электронного правительства, сокращаются расходы на печать и архивирование документов, передающиеся данные надежно защищены, поскольку функционирует единая система кибербезопасности, также улучшаются межведомственные связи.

К числу наиболее весомых проблем, связанных с реализацией информационной политики в Иркутской области, стоит отнести разрастающееся цифровое неравенство между муниципалитетами региона, а также естественное неприятие местными жителями процессов

цифровой трансформации. В особенности это актуально для территорий Усть-Ордынского Бурятского округа и севера Иркутской области: Катангского, Мамско-Чуйского, Бодайбинского и других районов.

В ведомственных документах также отмечается недостаток достоверных сведений, находящихся в распоряжении органов власти. Органы власти не могут транслировать информацию, не обладая ей в должном объеме. Имеет место ограниченность органов власти в статистических данных, сводках о состоянии тех или иных объектов, событиях, связанных с ЧС, пандемией и проч.

Не менее важны проблемы внутриведомственного и межведомственного взаимодействия. Контрольно-надзорные мероприятия со стороны вышестоящих органов власти на местах воспринимаются как инструмент угнетения. Кроме того, нами была отмечена проблематика предоставления некачественных отчетов, что обуславливает неэффективность применяемых в органах власти управленческих моделей. В этой же связи стоит указать и на проблему бумажного документооборота и архивирования. Актуальный уровень цифровизации позволяет избавить органы власти от бумажного документооборота, нередко затрудняющего принятие решений, ввиду необходимости физического присутствия подписанта.

Исходя из перечня выведенных нами проблем, нами были предложены следующие способы их разрешения:

- 1) создание автоматизированной системы отчетности по всем социально-экономическим показателям;
- 2) цифровизация документооборота в рамках межведомственного и внутриведомственного взаимодействия, а также механизма предоставления государственных и муниципальных услуг;
- 3) популяризация государственных цифровых платформ;
- 4) поиск механизмов привлечения средств, направленных на замещение иностранной техники отечественной цифровой продукцией;
- 5) расширение сотрудничества с популярными у граждан СМИ;
- 6) формирование стратегии, предполагающей план мероприятий по преодолению цифрового неравенства в Иркутской области.

Конечно, предлагаемые направления работы министерства цифрового развития и связи Иркутской области можно назвать очевидными. В то же время, решение сложных проблем нередко предполагает применение простых подходов к их разрешению, сложность которых проявляет себя в момент реализации.

Литература

1. Астафуров И. В. Региональная информационная политика в современном коммуникативном пространстве // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-informatsionnaya-politika-v-sovremennom-kommunikativnom-prostranstve> (дата обращения: 16.04.2025).
2. Ермолаева О. Я. Медиапотребление В 2020–2022 гг. // Вестник Академии медиаиндустрии. 2022. № 2 (30). С. 35–45.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 14 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» : федер. закон от 29 июня 2015 г. № 188-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
5. О структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента РФ № 215 от 15.05.2018 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
6. Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Иркутской области от 20 авг. 2021 г. // Правительство Иркутской области официальный портал (дата обращения: 02.06.2024).

РОЛЬ АНТИКРИЗИСНОГО PR В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ КОМПАНИИ

Рассматривается антикризисный PR как ключевой инструмент устойчивого развития компании в условиях высоких темпов трансформации социальных процессов, влияющих на репутационную составляющую. Определены основные стратегии антикризисных коммуникаций, их влияние на успешное взаимодействие со стейкхолдерами и минимизацию репутационных рисков. Сделан вывод о необходимости интеграции антикризисного PR в систему корпоративного управления.

Ключевые слова: антикризисный PR, устойчивое развитие, репутация, коммуникационные стратегии, корпоративное управление.

E. I. Bagriy

Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF ANTI-CRISIS PR IN SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF A COMPANY

In the context of high rates transformation of social processes that affect the reputation, anti-crisis PR is considered as a key tool for sustainable development of a company. The article discusses the main strategies of anti-crisis communications, their impact on successful interaction with stakeholders and minimization of reputational risks. A conclusion is made about the need to integrate anti-crisis PR into the corporate governance system.

Keywords: anti-crisis PR, sustainable development, reputation, communication strategies, corporate governance.

Современная эпоха характеризуется высокими темпами трансформации социальных процессов, что обусловлено не только процессами глобализации и технологического развития, но и связано с политическими изменениями, государственной политикой и социальными реформами. Кризис во многом является движущей силой для процессов социальной трансформации. Поэтому трансформация часто сопровождается неопределенностью, вызывая не только нестабильность, но и формируя новые точки роста для дальнейшего развития.

Все это говорит о том, что современные компании функционируют в условиях повышенной неопределенности. Что вызывает кризисы, которые возникают под влиянием внешних (например, экономические, политические, демографические, технологические, правовые изменения, пандемии) и внутренних факторов (управленческие ошибки, нехватка ресурсов, слабая корпоративная культура и проч.). В условиях повышенной неопределенности и возникающих кризисов устойчивое развитие организации определяется ее возможностью быстро адаптироваться к изменениям и внедрять эффективные антикризисные стратегии, в том числе направленные на управление репутационными рисками.

Антикризисный PR играет одну из ключевых ролей в минимизации негативных последствий кризисов и формировании новых точек роста для развития компании в условиях неопределенности. В его основе лежит прогнозирование, принятие превентивных мер и оперативное реагирование, направленное на нивелирование негативных последствий кризиса и выстраивание эффективных отношений со стейкхолдерами, что способствует долгосрочной устойчивости компании.

При этом важно учитывать, что антикризисный PR является не только инструментом, обеспечивающим устойчивое положение компании во внешней среде, но и широко применяется для поддержания внутренних процессов.

При возникновении негативной ситуации в рамках антикризисного PR реализуются задачи оперативного информирования о ситуации заинтересованных сторон, что позволяет минимизировать информационный вакуум, который является дополнительным источником хаоса. Следующим важным этапом является формирование позитивного нарратива – истории, направленной на изменение полюса информационной среды с отрицательной на нейтральную или позитивную, в рамках которой признается проблема, демонстрируется ответственность компании и презентуются шаги по устранению негативной ситуации и даль-

нейшему над ней контролю. Нарратив не должен формироваться СМИ без участия организации, в которой произошло негативное событие. Все это ведет к восстановлению доверия к компании со стороны различных стейкхолдеров.

В рамках ситуационной теории кризис-коммуникаций У.Т. Кумбса организационный кризис определяется как существенная угроза для деятельности и репутации компании, которая имеет негативные последствия для заинтересованных сторон и/или организации в целом, если с ней эффективно не справиться. В рамках антикризисного управления он выделяется три основных этапа: докризисный, кризисный и посткризисный. Когда мы говорим о кризисном этапе, то здесь для антикризисного менеджера важно учесть три момента:

1. Время. Необходимо быть первым, кто сообщит о кризисе в выгодном для организации свете. Когда организация первой сообщает о том, что произошло негативное событие, она терпит меньший ущерб, чем если бы это сообщил какой-то внешний источник. Скрыть информацию в цифровую эпоху становится все более проблематично. При этом антикризисные сообщения о случившемся негативном событии не менее чем на 80 % должны состоять из сообщений о принимаемых мерах по решению проблемы.

2. Фокус на жертве. Жертвой может считаться любая заинтересованная сторона, которая пострадала (фактическая жертва) или которая могла пострадать (потенциальная жертва). Когда в результате произошедшего негативного события есть пострадавшая сторона, то именно на нее должны быть ориентированы сообщения по решению возникшей кризисной ситуации. Для этого первоначальные заявления о кризисе должны касаться вопросов оказания помощи пострадавшей стороне и дальнейшего недопущения подобных ситуаций.

3. Дезинформация и отрицание. При стратегии отрицания организация в информационном пространстве сообщает, что она не является участником кризисной ситуации. Соответственно организация не несет ответственности перед пострадавшими заинтересованными сторонами. Отрицание возникшего негативного события может уменьшить репутационный ущерб, поскольку кризис перестает ассоциироваться с организацией. Но здесь есть тонкая грань. Если организация действительно не является участником кризисной ситуации, то риски для репутации отсутствуют. Однако, если после использования стратегии отрицания будет доказано, что организация как-то связана с кризисом, репутационный ущерб усилится. Отрицание следует использовать только тогда, когда организация сталкивается со слухами или дезинформацией и не имеет отношения к негативному событию [1].

В процессе кризисного управления важна последовательность четко выверенных шагов. Взаимодействие с внешней средой, в том числе со СМИ, должно быть в рамках продуманной стратегии. Правда должна быть одна, т. е. информационные сообщения должны иметь единый посыл.

Устойчивое развитие любой организации – это не только финансово-экономическая и производственная стабильность, это также стабильность репутации. Эффективный антикризисный PR способствует: финансовой устойчивости, сохранению капитализации, укреплению отношений со стейкхолдерами и их лояльности, росту инвестиций и проч.

С этой целью антикризисный PR должен быть интегрирован в стратегию устойчивого развития организации, он требует четкой стратегии, оперативности и прозрачности, в том числе для участников процесса. Для этого необходимо проводить регулярный мониторинг информационного поля на предмет отношения к организации, разработать сценарии/стратегии реагирования на различные типы кризисов, назначить и обучить ответственных за антикризисные коммуникации.

Главное в антикризисном PR не потушить пожар, а сохранить репутацию организации и доверие к ней. Компании, заранее инвестирующие в антикризисные коммуникации, демонстрируют большую адаптивность в условиях кризисов.

Литература

1. Coombs W. Timothy. State of Crisis Communication: Evidence and the Bleeding Edge // Research Journal of the Institute for Public Relations Vol. 1, N 1 (Summer 2014). URL: <https://instituteforpr.org/wp-content/uploads/CoombsFinalWES.pdf> (дата обращения: 22.05.2025)

Ю. А. Салтыкова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Т. В. Вырупаева

Институт развития образования Иркутской области, г. Иркутск

СКРЫТАЯ ЗАНЯТОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ В СЕКТОРЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Рассматривается один из аспектов проявления ненаблюдаемой экономики как занижение среднесписочной численности занятых в субъектах малого и среднего предпринимательства в регионах Сибирского федерального округа. Исследование базируется на анализе данных статистики для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», осуществляемой ФНС. Наиболее явно ситуация скрытой занятости прослеживается на предприятиях с юридическим статусом физического лица. Одной из причин сложившейся ситуации является отсутствие необходимости обязательного ведения бухгалтерского учета для индивидуальных предпринимателей. Обосновано, что это наносит ущерб экономике в виде недополученных средств в соответствующие фонды социального значения, налогов, а также в целом носит характер безответственного отношения к социально-экономическому устройству государства.

Ключевые слова: скрытая занятость, ненаблюдаемая экономика, налоговая конспирация, расчет среднесписочной численности.

Yu. A. Saltykova

Irkutsk State University, Irkutsk,

T. V. Vyrupeva

Institute of Educational Development of the Irkutsk Region, Irkutsk

HIDDEN EMPLOYMENT THROUGH THE PRISM OF OFFICIAL STATISTICS IN THE SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESS SECTOR IN THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

The article considers one of the aspects of the manifestation of an unobserved economy as an reducing the average number of people employed in small and medium-sized businesses in the regions of the Siberian Federal District. The study is based on the analysis of statistics data for the national project "Small and Medium Enterprises and Support for Individual Entrepreneurial Initiatives" carried out by the Federal Tax Service. The situation of hidden employment is most clearly traced at enterprises with the legal status of an individual. One of the reasons for this situation may be the absence of the need for accounting for individual entrepreneurs. This undoubtedly damages the economy in the form of lost money in the corresponding funds of social significance, taxes, and also generally has the character of an irresponsible attitude towards the socio-economic structure of the state

Keywords: hidden employment, unobservable economy, tax conspiracy, calculation of average headcount.

С переходом в 2025 г. на новые условия налогообложения и других, связанных с предпринимательской деятельностью аспектов функционирования субъектов малого и среднего предпринимательства (далее МСП), адаптация бизнеса займет время. Учитывая, что налоговое бремя по большей части усиливается и не послабляется, желание бизнеса снижать свои расходы для оптимизации процесса налогообложения остается актуальным. К сожалению, характер оптимального решения не всегда лежит в плоскости законного поведения предпринимателей в статусе, как физического, так и юридического лица. Среди распространенных и не теряющих популярность способов снижения расходной части – занижение сумм заработной платы среднесписочного состава, а также его числа, отраженных в отчетной документации. Разумеется, не для всех режимов налогообложения такой «способ» уместен, по большей части это касается только тех, кто не учитывает расходы для уменьшения налогооблагаемой базы. В частности, бизнес, применяющий упрощенную систему налогообложения с объектом «доходы», патентную систему или находящийся на общей системе налогообложения с применением профессионального вычета – расходов по фиксированной ставке 20 %. Такое поведение объясняется экономией на: занижении уплаты обязательных страховых взносов, повлекших экономию в затратах, и соответственно, уменьшении налоговой и базы и

суммы налога. С вводом нового правила в 2025 г. расчета страховых взносов для субъектов МСП, когда льготное исчисление подверглось утяжелению нагрузки на бизнес, очевидно, что описанное поведение предпринимателей не имеет причин на выведение из тени. Однако и для самого работника, как ни странно, также есть причины желания документального занижения уровня заработной платы, как, например, уменьшенная база для расчета НДФЛ позволяет больше «оставлять на руках», скрывание реального дохода для отчисления алиментов, кредитных и иных видов долгов. Вопрос начисления заработной платы требует отдельного внимания, который предполагается представить в следующих исследованиях.

Это является значимой проблемой не только для экономики региона, но и в целом для страны, поскольку такая ситуация является проявлением ненаблюдаемой экономики и ухудшает социально-экономическое положение как общества, так и государственного устройства, оказывает негативное влияние на экономическую стабильность, потенциал для социально-экономического развития и справедливое распределение ресурсов. Такой бизнес искажает макроэкономические показатели, затрудняет оценку состояния и прогнозирование развития экономики, деморализует общественные отношения [2].

Для выявления оценки текущего состояния числа трудящихся на предприятиях малого и среднего бизнеса было проведено исследование. Анализ обработки подверглись данные реестра, осуществляющего учет и контроль Федеральной налоговой службой (ФНС) реестра малого и среднего предпринимательства (табл. 1). В выборку данных включаются все регионы Сибирского Федерального округа. Это обосновано другими ранее проведенными исследованиями автора по СФО. Ежемесячная сводка данных о количестве физических и юридических лиц, а также среднесписочная численность работников в разрезе классификации по размеру позволяет тщательно анализировать тенденцию и характер динамики числа субъектов. Важно отметить, что информационная база реестра субъектов МСП формируется автоматически из сведений, предоставляемых самими субъектами. Расчет среднесписочной численности осуществляется самостоятельно согласно положениям Приказа Росстата № 872 .

Таблица 1

Число субъектов МСП и сумма среднесписочной численности в регионах СФО
(по состоянию на 28.02.2025)

Субъект РФ	Число юридических лиц	Число физических лиц	Сумма ССЧ юридических лиц	Сумма ССЧ физических лиц
Республика Алтай	2453	6682	13 704	4761
Республика Тыва	1470	8709	5594	3501
Республика Хакасия	4549	13 464	22 527	13 053
Алтайский край	26 870	52 184	160 608	40 250
Красноярский край	40 444	72 657	200 444	48 981
Иркутская область	30 259	60 643	157 606	40 756
Кемеровская область	22 767	49 280	142 652	32 871
Новосибирская область	62 616	89 543	327 150	50 676
Омская область	22 114	43 780	122 786	42 300
Томская область	15 972	25 289	80 959	19 153
всего	229 514	422 230	1 234 030	296 302

Исследуемой базой явились данные о «Численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей», сформированные в соответствии с приказом Минэкономразвития России от 01.11.2022 № 594 «Об утверждении методики расчета показателя «Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей» федерального проекта «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства» национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [4].

Для пояснения напомним, что средняя численность отличается от среднесписочной численности, она является более широким понятием, включающим в себя:

- среднесписочную численность работников по трудовым договорам;
- среднюю численность тех, кто работает по внешнему совместительству;
- среднюю численность людей, работавших по договорам гражданско-правового

характера.

Несмотря на то что содержание понятий существенно различается, учет ФНС определяет их равнозначными, по крайней мере, в статистике отражение данных это подтверждает. Данные для месячного расчета показателя «Численность работников в расчете на 1 субъекта малого и среднего предпринимательства» (примечательно, что в указанной статистике ФНС нет заявленных расчетов) полностью совпадают с данными о сумме среднесписочной численности субъектов МСП. Возможно, передаваемые сведения самих субъектов обуславливают искажение реальной картины. В этом случае, думается, что обозначение статистических данных, все-таки, должно быть информационно корректным и нести правильную экономическую оценку.

На основе данных таблицы 1 производим расчет числа занятых работников в 1 субъекте предпринимательства как физического, так и юридического лица (табл. 2), путем соотношения суммы ССЧ субъекта к числу субъектов региона.

Таблица 2

Количество работников, приходящихся на 1 субъект МСП в регионах СФО

Субъект РФ	Среднее значение ССЧ на 1 субъект МСП юридического лица*	Среднее значение ССЧ на 1 субъект МСП физического лица*
Республика Алтай	5,6	0,7
Республика Тыва	3,8	0,4
Республика Хакасия	4,9	0,9
Алтайский край	5,9	0,8
Красноярский край	4,9	0,7
Иркутская область	5,2	0,7
Кемеровская область	6,3	0,7
Новосибирская область	5,2	0,6
Омская область	5,5	0,9
Томская область	5,1	0,8
Среднее значение	5,4	0,7

* Рассчитано авторами

Анализ данных табл. 2 показывает, что среднее количество сотрудников в организациях Сибирского федерального округа составляет 5,4 чел., исходя из официальных сведений, предоставляемых юридическими лицами. По регионам этот показатель существенно отличается: от максимального значения в 6,3 чел. в Кемеровской области до минимального 3,8 в республике Тыва. Работников у индивидуального предпринимателя в каждом регионе не достигает единицы. В Республике Тыва зафиксирован самый низкий показатель: на каждые два ИП в среднем приходится всего 0,4 работника. Высокие коэффициенты для данной выборки у республики Хакасия и Омской области, где в одном субъекте занят почти один работник.

Несмотря на юридическую иронию, ИП работает сам на себя, не заключает с собой трудовой договор. Учитывая, что разъяснения ФНС указывают на то, что в сумму ССЧ сам индивидуальный предприниматель, не привлекавший работников не включен, сложившаяся ситуация не отображает реальной картины занятости в сегменте предпринимательства физических лиц и снижает реальные показатели вовлеченности населения в малый и средний бизнес [3].

Полученные выводы вызывают интерес и пристальное внимание на детальный анализ данных [1] по республике Тыва. В разрезе микро -, малых и средних предприятий в данном регионе в рассматриваемых показателях ситуация более парадоксальна. На три микропредприятия со статусом физического лица официально работает один человек, рассчитанный коэффициент составляет 0,33. Лучшая ситуация складывается на малых предприятиях того же сегмента – 17 чел. на 1 ИП. Однако всего лишь на одном, включённом в реестр МСП

среднего размера предприятия трудится один работник. Напомним, одним из критериев отнесения по размеру предприятия к среднему – это годовой доход от 800 млн руб. до 2 млрд руб. Ни в одном регионе как в СФО, так и в регионах остальных 7 федеральных округов нет таких соотношений. Это говорит о сокрытии реального числа работников, занятых на предприятиях с юридическим статусом физического лица.

На основе проведенного анализа приходим к **выводу** о наличии выраженных признаков ненаблюдаемой экономики, в частности скрытой занятости в Сибирском федеральном округе. Несмотря на то что особенности официальной методики статистического подсчета ССЧ в МСП влекут занижение показателей официального трудоустройства граждан в малом бизнесе, так и представленные, не соответствующие действительности сведения самих предпринимателей усиливают эту тенденцию. Таким образом, недооценка экономического значения малого бизнеса в экономике страны ставит его в наихудшее положение в сравнении с аналогичным показателем стран Европы. Государственным структурам, таким как ФНС, Федеральной службе по труду и занятости и другим уполномоченным органам власти следует усилить взаимодействие по выработке программ и рекомендаций по выявлению и ликвидации случаев сокрытия реального числа занятых в частном секторе.

Литература

1. Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства республики Тыва // Федеральная налоговая служба. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=&level=0&fo=7&ssrf=17> (дата обращения: 23.03.2025).
2. Пуденков Н. М., Салтыкова Ю. А. Цифровая трансформация как способ борьбы с теневым сектором экономики // Бизнес-образование в экономике знаний. 2024. № 1. С. 122–125.
3. Салтыкова Ю. А. Оценка уровня вовлеченности населения в малый бизнес на примере Сибирского федерального округа // Вестник МГЭИ. 2024. № 3 (95). С. 31–38.
4. Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Федеральная налоговая служба. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html?t=1742472383826> (дата обращения: 20.03.2025).

УДК 323

М. О. Пятков

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

ЭВОЛЮЦИЯ БИЗНЕС-АССОЦИАЦИЙ

Статья посвящена эволюции бизнес-ассоциаций, начиная с древних гильдий и цехов и заканчивая современными торговыми палатами и профессиональными объединениями. Исследуется исторический путь этих организаций, их роль в экономике, социальной и политической жизни, а также их влияние на торговлю и государственное управление. Особое внимание уделено трансформации гильдий в период Промышленной революции и их адаптации к современным условиям цифровизации и глобализации. Подчеркивается, что, несмотря на изменения форм и функций, основная цель бизнес-ассоциаций – защита интересов предпринимателей и регулирование конкуренции – остается неизменной. Работа представляет ценность для исследователей экономической истории и современных бизнес-процессов.

Ключевые слова: бизнес-ассоциации, гильдии, торговые объединения, торговые палаты, профессиональные ассоциации, экономическая история, регулирование рынка, лоббирование, конкуренция, корпоративное управление.

М. О. Pyatkov

Kemerovo State University, Kemerovo

EVOLUTION OF BUSINESS ASSOCIATIONS

The article explores the evolution of business associations, from ancient guilds and trade organizations to modern chambers of commerce and professional alliances. The author examines their historical development, their economic, social, and political roles, as well as their impact on trade and governance. Special attention is given to the transformation of guilds during the Industrial Revolution and their adaptation to contemporary challenges such as digitalization

and globalization. The article emphasizes that despite changes in forms and functions, the core purpose of business associations – protecting entrepreneurial interests and regulating competition – remains unchanged. This work is a valuable resource for researchers of economic history and modern business processes.

Keywords: business associations, guilds, trade organizations, chambers of commerce, professional associations, economic history, market regulation, lobbying competition, corporate governance.

Бизнес-ассоциации как форма коллективного взаимодействия предпринимателей прошли долгий путь развития, отражая изменения экономических, политических и социальных условий [7]. Их эволюция демонстрирует, как организации, созданные для защиты узко-профессиональных интересов, трансформировались в сложные институты, влияющие на государственную политику, международную торговлю и устойчивое развитие.

Первые прообразы бизнес-ассоциаций появились в Средние века в форме гильдий и цехов. Эти объединения ремесленников и торговцев выполняли несколько ключевых функций: регулировали доступ к профессии, контролировали качество продукции, устанавливали цены и защищали интересы своих членов перед властями. Гильдии также играли социальную роль, поддерживая вдов и сирот своих участников [8]. Однако их закрытость и консерватизм стали препятствием для развития рыночной экономики, что привело к постепенному исчезновению этой формы объединений с началом промышленной революции [2].

Формирование современных бизнес-ассоциаций уходит корнями в эпоху Средневековья, когда гильдии и цеха стали первыми устойчивыми формами объединения торговцев и ремесленников. Эти институты заложили основы корпоративной солидарности, саморегулирования и защиты политических и профессиональных интересов, принципы которых сохраняют актуальность в деятельности предпринимательских объединений и сегодня [1].

Возникновение гильдий и цехов было обусловлено потребностью в регулировании рынка в условиях слабой централизованной власти. В средневековых городах Европы ремесленники, объединенные по профессиональному признаку, создавали цеха – закрытые корпорации, контролировавшие доступ к профессии, качество продукции и ценообразование. Членство в цехе предполагало соблюдение строгих уставов, прохождение многолетнего ученичества и подтверждение квалификации через создание «шедевра» – образцового изделия. Подобная система обеспечивала стабильность производства, но одновременно ограничивала конкуренцию, создавая монополии на определенные виды товаров и услуг [5].

Торговые гильдии, в отличие от цехов, объединяли купцов, занимавшихся международной и межрегиональной торговлей. Наиболее известными примерами стали Ганзейский союз в Северной Европе или гильдии флорентийских банкиров. Эти организации не только регулировали коммерческую деятельность, но и обеспечивали безопасность своих членов, создавали общие склады и финансировали торговые экспедиции. Важной функцией гильдий была также социальная защита: они поддерживали вдов и детей умерших членов, организовывали совместные праздники и религиозные церемонии, укрепляя корпоративную идентичность.

Гильдии и цеха выполняли ряд функций, характерных и для современных бизнес-ассоциаций. Во-первых, они выступали в роли лоббистов, ведя переговоры с городскими властями и монархами о налоговых льготах или торговых привилегиях. Во-вторых, устанавливали стандарты качества, что можно рассматривать как раннюю форму саморегулирования отрасли. В-третьих, контролировали обучение новых специалистов, фактически создавая систему профессионального образования. Наконец, они формировали систему механизмов управления конфликтами между своими участниками, выполняя тем самым функционал правовых судебных инстанций в разрешении коммерческих конфликтов.

Но, несмотря на это, уже в XVIII веке система гильдий приходит к своему логическому завершению и оказывается в упадке [6].

Причина этого видится в чрезмерно жесткой регламентации, ограничениях конкуренции, а также сопротивлении внедрения в производственный процесс прорывных инновационных решений. Начавшаяся «Великая французская революция» и последовавшие за ней экономические реформы в странах Европы уничтожили систему цеховых привилегий, открыв тем самым дорогу для развития буржуазных отношений. Однако, с другой стороны,

многие принципы на которых строилась система гильдий, например, такие как коллегиальность в принятии решений, взаимопомощь и отраслевая кооперация, уже в Новое время сохранились и развивались, будучи унаследованы торговыми палатами и профессиональными союзами.

Точно так же и современные бизнес-ассоциации, даже в совершенно иной, новой экономической реальности, тем не менее, сохраняют элементы преемственности со средневековой гильдейской традицией. Это, в частности, и отстаивание коллективных профессиональных интересов перед лицом региональных политических элит, а также разработка и совершенствование отраслевых стандартов [4]. Более того, в последние десятилетия наблюдается возрождение гильдейских практик в форме кластеров, бизнес-инкубаторов и саморегулируемых организаций, что свидетельствует о непреходящей ценности коллективных форм ведения экономической деятельности.

Таким образом, гильдии и цеха можно считать прототипами современных предпринимательских объединений. Их исторический опыт демонстрирует, что даже в эпоху глобализации и цифровых технологий сохраняется потребность в институтах, способных балансировать между конкуренцией и кооперацией, между интересами отдельной компании и отрасли в целом. Изучение эволюции этих средневековых институтов позволяет лучше понять природу корпоративной солидарности и механизмы взаимодействия бизнеса с обществом и государством.

В XVIII–XIX вв., с развитием капитализма и свободного рынка, возникла потребность в новых формах коллективного представительства бизнеса. На смену гильдиям пришли торговые палаты – организации, объединявшие предпринимателей по территориальному признаку. Они занимались продвижением местной экономики, лоббировали инфраструктурные проекты и содействовали международной торговле. В этот же период начали формироваться отраслевые ассоциации, такие как союзы фабрикантов или аграрные кооперативы, которые отстаивали интересы конкретных секторов экономики.

Эпоха Промышленной революции (XVIII–XIX вв.) кардинально изменила экономический ландшафт Европы и Северной Америки, создав предпосылки для возникновения новых форм организации бизнеса. На смену средневековым гильдиям и цехам пришли торговые палаты – принципиально иные институты, отражавшие потребности формирующегося индустриального общества. Этот переход знаменовал собой не просто смену организационных форм, но и глубокую трансформацию принципов взаимодействия между предпринимателями, государством и обществом [6].

Разрушение гильдейской системы стало неизбежным следствием промышленного переворота. Традиционные цеха, основанные на ручном труде и жесткой регламентации, оказались неспособны адаптироваться к условиям машинного производства, свободной конкуренции и расширяющихся рынков. Французская революция 1789 г. юридически упразднила цеховые привилегии, а в других европейских странах они постепенно теряли свое значение. Однако исчезновение корпоративных структур создало институциональный вакуум – новые промышленники и торговцы нуждались в механизмах координации действий и представительства своих интересов.

В этих условиях начали формироваться торговые палаты – добровольные объединения предпринимателей по территориальному, а не профессиональному принципу. Первые подобные организации появились во Франции (1599 г., Марсель) и Великобритании (1768 г., Джерси), но массовое распространение они получили именно в период Промышленной революции. В отличие от замкнутых гильдий, палаты были открыты для всех коммерсантов региона независимо от специализации. Их главными функциями стали: содействие развитию местной экономики, защита предпринимательских интересов, сбор и анализ коммерческой информации, урегулирование торговых споров [7].

Ключевым отличием новых институтов стала их ориентация на экономический рост, а не на сохранение статус-кво. Торговые палаты активно лоббировали строительство инфраструктуры (каналов, железных дорог, портов), способствовали унификации мер и весов, про-

двигали современные технологии. Например, Бирмингемская торговая палата (1783 г.) сыграла значительную роль в индустриализации региона, а Ливерпульская палата (1850 г.) инициировала создание коммерческого кодекса, упростившего морскую торговлю [6].

Важной особенностью торговых палат периода Промышленной революции стало их взаимодействие с государственными структурами. Если гильдии преимущественно противостояли центральной власти, отстаивая свои привилегии, то палаты выступали партнерами правительства в вопросах экономического развития. В Германии они участвовали в создании системы профессионального образования, в США – в разработке тарифной политики. Государство, в свою очередь, все чаще делегировало палатам регуляторные функции, особенно в колониальных территориях.

Международная экспансия промышленного капитализма привела к появлению первых транснациональных деловых ассоциаций. Лондонская торговая палата (1881 г.) координировала коммерческие интересы Британской империи, а созданная в 1860 г. Международная ассоциация по продвижению социальных наук (фактически прообраз современных международных торговых палат) способствовала унификации торгового законодательства [8].

Промышленная революция также способствовала дифференциации предпринимательских объединений. Помимо универсальных торговых палат, начали появляться отраслевые союзы (например, ассоциации хлопкопрядильщиков в Ланкашире), профессиональные общества инженеров и техников, а также первые профсоюзы рабочих. Эта дифференциация отражала усложнение экономической структуры общества.

Научно-технический прогресс XIX в. превратил торговые палаты в важные центры распространения инноваций. Они организовывали промышленные выставки (первая Всемирная выставка 1851 г. в Лондоне была инициирована именно торговыми кругами), издавали технические бюллетени, создавали коммерческие библиотеки. В этом проявилась их принципиальная отличие от гильдий – ориентация на прогресс, а не на сохранение традиций.

Трансформация институтов делового взаимодействия в период Промышленной революции имела долгосрочные последствия. Торговые палаты заложили основы современной модели взаимодействия бизнеса и власти, создали механизмы самоорганизации предпринимательского сообщества в условиях рыночной экономики. Их опыт демонстрирует, как институциональные изменения следуют за технологическими революциями, и как новые экономические реалии требуют новых форм коллективного действия. Принципы, выработанные торговыми палатами в XVIII-XIX вв. – открытость, добровольность членства, ориентация на развитие – остаются актуальными для бизнес-ассоциаций и в XXI в.

Исторический опыт появления и развития торговых палат в период Промышленной революции представляет особый интерес в контексте современных экономических трансформаций. Как и два столетия назад, технологические прорывы (цифровизация, искусственный интеллект, зеленая энергетика) требуют новых форм организации делового сотрудничества, сочетающих устойчивость традиционных институтов с гибкостью, необходимой в условиях быстро меняющейся экономической реальности.

В XX в. наблюдается существенный рост воздействий бизнес-ассоциаций на макроэкономическую политику. Так, крупные промышленные объединения, такие как например, «Американская национальная ассоциация промышленников» или «Конфедерация британских промышленников», становятся активнейшими партнерами во взаимодействии между бизнес структурами и государственными институтами.

В ситуации начала глобализационного процесса бизнес ассоциации начинают играть всё более значимую роль в формировании единых международных стандартов, например, в области экологии – это «Всемирный бизнес-совет по устойчивому развитию», а в сфере корпоративной этики это система «ISO».

В XXI в. бизнес-ассоциации столкнулись с новыми вызовами: цифровой трансформацией, изменением моделей потребления и усилением роли ESG-принципов (экология, социальная ответственность, управление). Современные объединения, такие как Ассоциация блокчейн-индустрии или альянсы в сфере искусственного интеллекта, отличаются гибкостью

и ориентацией на инновации. Важным трендом стало формирование глобальных сетей, где компании из разных стран координируют усилия для решения трансграничных проблем, таких как кибербезопасность или климатические изменения [2].

Современный этап развития бизнес-ассоциаций характеризуется глубокой трансформацией их организационных моделей и функциональных возможностей под влиянием цифровых технологий и новых парадигм сетевого взаимодействия. Эти изменения затрагивают все аспекты деятельности объединений предпринимателей – от способов коммуникации между членами до методов влияния на региональную политику и государственное управление [3].

Цифровая трансформация бизнес-ассоциаций проявляется в нескольких ключевых направлениях. Во-первых, происходит автоматизация рутинных процессов: электронное членство, онлайн-голосования, цифровые платформы для взаимодействия между участниками. Ведущие ассоциации разрабатывают специализированные CRM-системы, позволяющие анализировать потребности членов и оперативно реагировать на их запросы. Во-вторых, меняются формы предоставления услуг: вебинары вместо очных семинаров, облачные базы знаний вместо печатных методических материалов, чат-боты для консультационной поддержки. Особое значение приобретают аналитические платформы, использующие big data для выявления отраслевых трендов и прогнозирования изменений регуляторной среды [3].

Сетевые структуры становятся доминирующей организационной формой современных бизнес-объединений. Традиционная иерархическая модель уступает место распределенным горизонтальным связям, когда небольшие специализированные ассоциации образуют динамичные альянсы для решения конкретных задач. Ярким примером могут служить кластерные инициативы в высокотехнологичных отраслях, где взаимодействуют предприятия, научные учреждения и образовательные центры. Сетевая логика особенно проявляется в международных объединениях. Например, Ассоциация промышленного интернета вещей (Industrial Internet Consortium) объединяет более 300 компаний для разработки отраслевых стандартов. Особенно активно такие структуры развиваются в сфере финансовых технологий, искусственного интеллекта и зеленой энергетики.

Изменяется и характер лоббистской деятельности бизнес-ассоциаций. Традиционные методы влияния на законодательные процессы дополняются цифровыми инструментами: краудсорсинговыми платформами для сбора предпринимательских инициатив, алгоритмами анализа нормативных актов, онлайн-кампаниями в социальных сетях. Ассоциации все чаще выступают в роли экспертных центров, предоставляющих органам власти аналитику на основе данных (evidence-based policy). Одновременно усиливается их роль в саморегулировании отраслей, особенно в тех сферах, где государственное регулирование отстает от технологического развития (криптовалюты, шеринговая экономика, биотехнологии).

Пандемия COVID-19 стала катализатором цифровой трансформации бизнес-ассоциаций, ускорив переход к гибридным форматам работы. Многие объединения разработали цифровые двойники своих услуг, что позволило не только сохранить, но и расширить членскую базу за счет географического охвата. Кризис также показал ценность сетевых структур, способных быстро мобилизовать ресурсы для поддержки предпринимателей. В постпандемийный период эти изменения закрепились, сформировав новую нормаль в деятельности ассоциаций.

Перспективы развития бизнес-ассоциаций связаны с углублением их цифровизации и усилением сетевого характера. На передний план выходят такие направления, как использование искусственного интеллекта для персонализации услуг членам, создание цифровых платформ для B2B-кооперации, развитие блокчейн-решений для управления ассоциациями. Одновременно усиливается их роль как центров компетенций и инноваций, способствующих цифровой трансформации целых отраслей. В условиях глобальных вызовов – от климатических изменений до геополитической нестабильности – сетевые структуры бизнес-ассоциаций становятся важным механизмом устойчивого развития, сочетая гибкость с способностью к масштабированию решений.

Таким образом, способность бизнес-ассоциаций адаптироваться к новым реалиям подтверждает устойчивость коллективных форм предпринимательства и их значимость для будущего мировой экономики. Эволюция бизнес-ассоциаций отражает общую динамику экономических систем: от локальных закрытых сообществ к открытым, глобализованным сетям. Сегодня они выступают не только как лоббистские инструменты, но и как платформы для коллаборации, обмена знаниями и устойчивого развития. В будущем их роль, вероятно, усилится в связи с усложнением регуляторных сред и необходимостью координации бизнеса в условиях нестабильности.

Литература

1. Бирюков С. В., Кисляков М. М., Чирун С. Н. Политический маркетинг: к модернизации концепта, его методологических и политико-технологических оснований // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 168–179.
2. Гринберг Р. С. Гильдии и цехи в Европе: экономика и социальная история. СПб. : Алетея, 2010. 432 с.
3. Мартынов М. А., Чирун С. Н. Региональные политические элиты: особенности функционирования в регионах РФ ресурсного типа // Власть. 2024. Т. 32, № 5. С. 116–122.
4. Чирун С. Н. Проблемы функционирования регионального политического режима на примере Кемеровской области // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 253–268.
5. Epstein S. R. Craft Guilds in the Pre-Modern Economy: A Discussion // Economic History Review, 2008. Vol. 61, N 1. P. 155–174.
6. Greif A. Institutions and the Path to the Modern Economy. Cambridge University Press, 2006. 526 p.
7. Mokyr J. The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy. Princeton University Press, 2002. 384 p.
8. North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1990. 152 p.

УДК 338.48(571.53)

Е. В. Гамерник

Иркутский государственный университет
ОГКУ «Аппарат Общественной палаты Иркутской области», г. Иркутск

РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Рассматривается трансформация внутреннего туризма в современной России в условиях актуальных вызовов и факторов, влияющих на его состояние и развитие. Анализируя статистические и нормативно-правовые данные сделан вывод о том, что туризм можно рассматривать как фактор территориального развития и экономического роста, накопления социального капитала, культурной интеграции и, как следствие, повышения устойчивости регионов.

Ключевые слова: туризм, внутренний туризм, развитие, регион, туристический поток, Россия, Иркутская область.

E. V. Gamernik

Irkutsk State University
OGKU «Apparatus of the Public Chamber of the Irkutsk Region», Irkutsk

DEVELOPMENT OF DOMESTIC TOURISM IN MODERN RUSSIA: REGIONAL ASPECT

The transformation of domestic tourism in modern Russia is considered in the context of current challenges and factors influencing its condition and development. Analyzing statistical and regulatory data, it is concluded that tourism can be considered as a factor in territorial development and economic growth, accumulation of social capital, cultural integration and, as a result, increasing the sustainability of regions.

Keywords: tourism, domestic tourism, development, region, tourist flow, Russia, Irkutsk region.

Внутренний туризм в современной России становится всё более значимым социокультурным и экономическим явлением, способным оказывать комплексное воздействие на развитие регионов, повышение качества жизни населения и укрепление национальной идентичности. Учитывая многообразие региональных практик, структурную неоднородность страны, а также актуальные вызовы социального и политического характера, изучение внутренних туристических процессов через призму социологии приобретает не только прикладную, но и значительную теоретическую ценность.

На фоне снижения международной мобильности, вызванной политическими санкциями и глобальными кризисами, внимание к внутреннему туризму в России значительно усилилось. Он рассматривается не просто как замещающий механизм в условиях ограничения зарубежных поездок, а как важный инструмент формирования внутренней устойчивости, социального доверия, культурного обмена между регионами и символического объединения пространства. В этом контексте туристская активность внутри страны выступает не только как форма потребления, но и как выражение гражданской вовлеченности, способ формирования единства нации и укрепления связей между центром и периферией.

Развитие внутреннего туризма в российских регионах происходит неравномерно. В одних субъектах созданы благоприятные условия для устойчивого туристического роста, включая транспортную доступность, развитую инфраструктуру, сильные бренды территорий и активное участие местного сообщества в формировании туристического продукта. В других регионах – наблюдается слабая вовлеченность в туристическую экономику, ограниченность административных ресурсов, дефицит кадров, а также низкий уровень вовлеченности населения в туристическую деятельность. Эти различия обуславливают необходимость социологического анализа внутренних факторов развития туризма, включая институциональные условия, структуру спроса, участие населения, локальную идентичность и инфраструктурную политику.

Государственная политика в сфере туризма на федеральном и региональном уровнях отражает растущую значимость этой отрасли. Утвержденная в 2019 г. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 г. № 2129-р Стратегия развития туризма в Российской Федерации до 2035 года, а также реализация национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» демонстрируют системный подход к поддержке отрасли, её институционализации и модернизации [1].

В агентстве по туризму Иркутской области подчеркнули, что государственная программа Иркутской области «Туризм и индустрия гостеприимства» на 2024–2030 гг. разработана для реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» и привлечения федеральных средств на развитие туристской отрасли Иркутской области. Ожидается, что документ будет способствовать достижению необходимого уровня эффективности государственно-правового регулирования сферы туризма, повышению качества, разнообразия и доступности туристского продукта для различных групп населения, формированию городской среды, благоприятной для туризма, обеспечению межрегионального и международного взаимодействия при развитии туризма [2]. Эффективность этих инициатив в значительной степени зависит от конкретных условий и ресурсов субъектов Российской Федерации, что подчеркивает необходимость акцентировать внимание на региональном аспекте внутреннего туризма.

Важно отметить, что Иркутская область входит в первую десятку регионов-лидеров по приему туристов в России, что обусловлено наличием на территории региона уникальных природно-рекреационных ресурсов, в первую очередь, озера Байкал. Туристический поток в Иркутскую область в 2020 г. составил 835 000 чел., в 2021 г. – 1 240 000 чел., в 2022 г. – 1 550 000 чел., в 2023 г. – 1 700 000 чел. В 2024 г. регион посетило почти 2 млн туристов, что говорит о заметной тенденции к увеличению туристического потока за последние 4 года [3].

Особенно важным становится изучение механизмов формирования позитивного образа территории – как внутреннего (в сознании самих жителей региона), так и внешнего (в представлениях потенциальных туристов из других субъектов РФ). Здесь внутренний туризм

выступает как канал конструирования символического капитала региона, актуализации культурного наследия и формирования чувства сопричастности. Это делает актуальным изучение туристической идентичности как социокультурного феномена, поддерживаемого как официальной региональной политикой, так и практиками самих туристов и представителей локальных сообществ.

Таким образом, тема развития внутреннего туризма в современной России с учетом региональных особенностей, является актуальной. Появляется возможность рассмотреть туризм как фактор территориального развития и экономического роста, накопления социального капитала, культурной интеграции и, как следствие, повышения устойчивости регионов. Научные исследования в этом направлении будут способствовать формированию эффективных решений в сфере государственной и муниципальной политики, ориентированной на устойчивое развитие, поддержку культурного разнообразия и сбалансированное территориальное развитие.

Литература

1. Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года : распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р (ред. от 07.02.2022) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: официальный сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561260503> (дата обращения: 12.05.2025).
2. В Иркутской области впервые утверждена государственная программа «Туризм и индустрия гостеприимства» // Правительство Иркутской области : офиц. сайт. URL: <https://irkobl.ru/news/3478729/> (дата обращения: 12.05.2025).
3. Количество туристских прибытий в Иркутскую область // Агентство по туризму Иркутской области. URL: [https://irkobl.ru/sites/tour/Отчет %20за %202024.pdf](https://irkobl.ru/sites/tour/Отчет%20за%202024.pdf) (дата обращения: 12.05.2025).

УДК 336.711.65

Д. Н. Ганченко

Кемеровский государственный университет, г. Новокузнецк

ЭКСПЕРТИЗА КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Рассматривается развитие системы государственного финансового контроля, которое послужило основанием для формирования рабочих инструментов ее реализации. Обосновывается, что особую роль среди них занимают современные стандарты контроля, которые регламентируют практическое применение инструментов. Показано, что к их основному числу была отнесена экспертиза, которая получила новое назначение, отличающееся от судебного производства. Доказано, что экспертиза интегрирована в систему государственного финансового контроля. Для целей его реализации экспертиза получила обновленные формы реализации. Систематизированы данные формы, определено целевое назначение экспертизы, субъекты ее реализации. На основе норм законодательства приведены основные требования к проведению экспертизы. Также установлены причины снижения качества и полноты экспертизы в области государственного финансового контроля и пути их преодоления.

Ключевые слова: экспертиза, государственный финансовый контроль, процедура, органы власти, требования, проблемы.

D. N. Ganchenko

Kemerovo State University, Novokuznetsk

EXPERTISE AS A TOOL OF STATE FINANCIAL CONTROL

The development of the state financial control system served as the basis for the formation of working tools for its implementation. Their types and purposes of use are presented in an array of regulatory documents. Modern control standards play a special role among them. They regulated the practical application of the tools. Expertise was attributed to them. It received a new assignment, different from the court proceedings. Now it is integrated into the system of state financial control. For the purposes of its implementation, the examination received updated forms of implementation. The article systematizes these forms, defines the purpose of the examination, the subjects of its implementation. Based

on the norms of the legislation, the main requirements for the examination are given. The reasons for the decrease in the quality and completeness of expertise in the field of state financial control and ways to overcome them are determined.

Keywords: expertise, state financial control, procedure, authorities, requirements, problems.

Развитие системы государственного финансового контроля послужило основанием для совершенствования и формализации его инструментов. Особое влияние развитие системы оказало на процедуру экспертизы. Впервые предприняты меры по унификации экспертизы и приведение ее в систему государственного контроля в форме регулярного инструмента. Это послужило основанием исследования экспертизы в качестве инструмента контроля со стороны органов власти, а также определило необходимость фиксации форм, требований, условий и неопределенностей в современной процедуре экспертизы в рамках государственного финансового контроля.

Исследование построено на основе анализа норм законодательства и практики реализации процедуры экспертизы в области государственного финансового контроля, а также системного подхода в рассмотрении взаимосвязи экспертизы с другими элементами системы.

История использования экспертизы как одного из инструментов в государственном управлении берет начало в Древнем мире [3]. Но основное развитие данный феномен получил в период индустриализации и развития капитализма. Появление на рынках крупных предприятий и банковских организаций способствовало образованию потребности в профессиональных экспертах-консультантах, которые ориентировались в сложившейся ситуации, и были способны прогнозировать: изменения на рынках, тенденции в инвестициях, а также могли дать оценку потенциальным рискам.

Подход к экспертизе как источнику компетентных и результативных знаний изменился в период развития государственного регулирования (вторая половина XX века) [4]. Общество стало нуждаться в профессионалах, которые ориентируются не только в практике частного бизнеса, но и в совершенстве владеют техниками налогообложения, бюджетирования и макроэкономического регулирования.

Второй переходный момент в формировании концептов экспертной деятельности в области государственного финансового контроля связан с развитием международных отношений и глобализацией. Формируются международные экономические организации, такие как ВТО, МВФ, ОЭСР. Их деятельность не представляется возможной без экспертов-экономистов, способных качественно и в доступном формате разработать рекомендации и формы аналитических отчетов, а также порядок их реализации в деятельности органов государственной власти.

К настоящему времени исследуемый вид экспертизы в странах-членах ОЭСР [5; 6] применяется в области:

- аудита эффективности бюджетных расходов – в рамках оценки рациональности и продуктивности использования государственных средств. Основными объектами аудита являются: расходы на образование, здравоохранение, инфраструктуру и социальную поддержку;
- оценки рисков и устойчивости пенсионных систем – финансовые комиссии проводят регулярную экспертизу пенсионных схем, изучают динамику демографических процессов, формируют прогнозы в отношении будущих объемов потребности в пенсионных выплатах;
- контроля за соблюдением принципов добросовестной конкуренции – связан с выявлением случаев недобросовестной конкуренции, картельных соглашений и иных действий, нарушающих честные условия ведения бизнеса. В этой области эксперты разрабатывают меры по восстановлению здоровой конкуренции и обеспечению равных условий для предпринимателей;
- анализа налоговой политики – для этой сферы проводится подробный анализ действующих налоговых ставок, льгот и преференций, производится расчет потенциальных потерь бюджета вследствие применения определенных налоговых режимов. Основываясь на результатах экспертизы, органы власти принимают решения о внесении поправок в законодательство и оптимизации налоговой политики;

– регуляторных инициатив – в этой сфере реализуется экспертиза по планируемым к введению регуляторов, оценка последствий нововведений для экономики и социальных групп. Нацелена такая практика на предотвращение негативных эффектов регулирования и минимизацию потенциальных издержек от введения новых норм законодательства.

В отечественной практике первоочередная задача, стоящая при организации экспертизы для нужд сферы государственного финансового контроля, заключается в обеспечении единообразия подходов и ее высокого качества. Для обеспечения решения этой задачи был сформирован пакет документов. В число ключевых документов входят: федеральный закон «О противодействии коррупции», Бюджетный кодекс РФ, федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», федеральный закон «О бухгалтерском учете», правила внутреннего контроля и мониторинга исполнения бюджета, методики расчета и анализа отклонений, регламенты и инструкции по проведению конкретных видов экспертиз и другие. В совокупности они ориентированы на формирование и реализацию единой системы критериев и процедур, позволяющую эффективно контролировать использование государственных средств и повышать качество принимаемых управленческих решений.

Законодатель, определяя сущность и реализацию государственного финансового контроля в Бюджетном кодексе РФ, определил 4 вида контроля. Для каждого из них предусмотрено использование специальных инструментов (рис. 1) для установления фактического положения дел в экономических отношениях причастных к использованию государственных финансовых ресурсов.

Рис. 1. Инструменты государственного финансового контроля и цели их применения (составлено автором)

Однако как практический инструмент исследования экономической ситуации экспертиза, регламентируемая Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и положениями КоАП РФ функционирует в контексте государственного финансового контроля преимущественно в детерминантах судебно-экономической экспертизы. Этот подход отражает определенную консервативность в реализации экспертизы и ограничивает ее возможности трансформации в полноценный инструмент регуляторной практики в соответствии с международными тенденциями развития государственного регулирования.

Так, отличительные параметры обновленной экспертизы [1; 2] как элемента в системе государственного финансового контроля введены сравнительно недавно и в большей части формализованы стандартом внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля «Проведение проверок, ревизий и обследований и оформление их результатов» (Постановление Правительства РФ от 17.08.2020 № 1235). В стандарте определено основание назначения и проведения экспертиз, необходимых для проведения контрольного мероприятия, оформления их результатов. Такая разновидность экспертизы направлена на различные аспекты финансовой деятельности: организация бюджетного процесса, исполнение бюджета, контрактного законодательства, учета и финансовой отчетности, прозрачности и эффективности использования государственных средств и пр. Результаты экспертизы служат основой для принятия мер по исправлению выявленных проблем и нарушений. Также эти результаты могут быть использованы в качестве доказательств в процессе арбитражного судопроизводства, уголовного следствия. По совокупности результатов использования экспертизы она может быть реализована в различных формах (рис. 2). Это расширило ее границы.

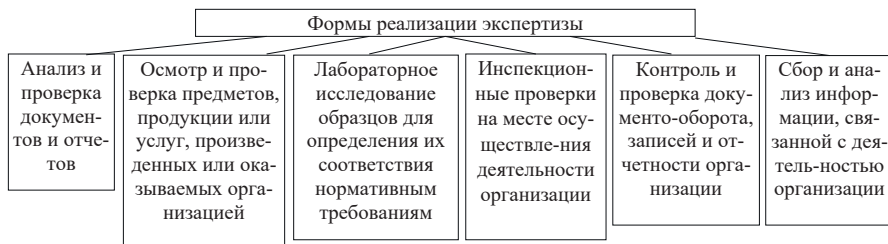

Рис. 2. Формы реализации экспертизы в области государственного финансового контроля (составлено автором)

Субъекты, осуществляющие экспертизу, определяются в зависимости от сферы деятельности и места проведения контроля: специализированные федеральные, региональные или муниципальные органы, уполномоченные организации, а также эксперты-физические лица, имеющие соответствующие навыки, знания и допуски. При этом, чтобы состоятельность экспертизы не подвергалась сомнению необходимо соблюдение ряда требований, к числу которых следует отнести: профессиональная компетентность, независимость, аналитические навыки, умение проводить ревизии в органах власти. Насколько соблюдены эти требования зависит качество экспертизы.

На практике специалисты в области финансового контроля сталкиваются сложностями в обеспечении соблюдения данных требований, а также встречаются с такими проблемами как:

- ограниченный доступ к информации (проблемы своевременного обеспечения доступа к финансовой информации, которая может быть скрыта или недоступна для них); препятствия со стороны экспертируемых;
- ограниченные ресурсы (ограниченный бюджет, время или персонал для проведения полноценной экспертизы, недостаточный знаниевый актив);
- политическое влияние – сообразно приоритетным направлениям развития государства и характера лоббистских настроений;
- коррупционные риски – велика вероятность их возникновения начиная с нарушения порядка проведения экспертизы вплоть до подделки результатов и иных фактов аналогичного рода;
- сложность в оценке эффективности: определение эффективности использования государственных финансовых ресурсов может быть сложной задачей в части методологии проведения оценки.

В заключение отметим, что проведение экспертизы в государственном финансовом контроле требует высокой профессиональной компетентности и аналитических навыков со стороны экспертов. Возникающие сложности могут оказать влияние на полноту и объективность экспертизы в виду становления ее как инструмента контроля. Поэтому целесообразно дополнить требования по данному виду экспертизы и раскрыть ее специфику через потребности сферы государственного финансового контроля в объеме знания актива экспертов и применяемых методик анализа.

Литература

1. Колосова С. В. О некоторых изменениях, внесенных в Стандарты внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля // Финансовый вестник: Финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2022. № 8. С. 58–63.
2. Коровин А. А., Шухова Е. С. Инструменты реализации государственного финансового контроля в Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 6–2(100). С. 20–23.
3. Короткова О. А. К вопросу об истории развития института экспертизы // Право и политика. 2008. № 1. С. 184–187.
4. Дерегулирование российской экономики: механизм воспроизводства избыточного регулирования и институциональная поддержка конкуренции на товарных рынках / В. А. Май, С. Г. Жаворонков, А. Е. Шадрин, К. Э. Яновский. М., 2002. 79 с.
5. Международные стандарты ответственного ведения бизнеса ОЭСР. Рекомендации для российских компаний. М. : М-во экон. развития РФ. 2020. 56 с.
6. Recommendation of the Council on Regulatory Policy and Governance. Paris : OECD Publishing, 2012. 38 p.

УДК 32.019.51

А. Ю. Затонацкий

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

ВОЕННО-ГРАЖДАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В США: ЭКСПЕРТНЫЕ МНЕНИЯ

Проведенный анализ зарубежных исследований, посвященных военно-гражданским отношениям, позволил автору сделать вывод что военно-гражданские отношения представляют собой сложный и многогранный феномен, который претерпел значительные изменения на протяжении времени. Подчеркивается, что исторически эти отношения были определены четким разделением между военной и гражданской сферами, однако в последние десятилетия наблюдается тенденция к их сближению и взаимовлиянию. Раскрывается, что современные тенденции военно-гражданских отношений в США акцентируются на вопросах, связанных с ролью армии в жизни общества, влияния принимаемых решений руководством страны на боеспособность армии и ее способность выполнять поставленные задачи, социально-политической напряженности внутри страны обретаемой при абыюзивном руководстве граждански лидеров над военными, переменчивая политика руководителей страны в отношении военнослужащих ЛГБТ.

Ключевые слова: военно-гражданские отношения в США, армия и общество, военнослужащие ЛГБТ, политика.

A. Yu. Zatonatsky

Ural Federal University, Yekaterinburg

CIVIL-MILITARY RELATIONS IN THE USA: EXPERT OPINIONS

The analysis of foreign studies on civil-military relations allows us to conclude that civil-military relations are a complex and multifaceted phenomenon that has undergone significant changes over time. Historically, these relations have been defined by a clear division between the military and civilian spheres, but in recent decades there has been a tendency towards their rapprochement and mutual influence. Current trends in civil-military relations in the United States focus on issues related to the role of the army in society, the impact of decisions made by the country's leadership on the army's combat capability and its ability to perform assigned tasks, socio-political tensions within the country caused by abusive leadership of civilian leaders over the military, and the changeable policy of the country's leaders towards LGBT military personnel.

Keywords: civil-military relations in the United States, the army and society, LGBT military personnel, politics.

Военно-гражданские отношения в США и вопросы гендерной толерантности в армии являются важными темами, которые обсуждаются на протяжении последних лет.

Военно-гражданские отношения представляют собой важный аспект функционирования любого современного государства, и Соединенные Штаты Америки не являются исключением. Эти отношения охватывают широкий спектр взаимодействий между военными структурами и гражданским обществом, включающие влияние армии на политику, экономику и социальные процессы, происходящие в государстве. В последние десятилетия наблюдается значительное изменение в восприятии этих отношений, что делает их изучение особенно актуальным. В данном исследовании мы рассмотрим экспертные мнения американских и европейских ученых, связанных с вопросами военно-гражданских отношений в США, а также рассмотрим историческое прошлое, оказавшее влияние на формирование современного образа взаимодействия армии и общества.

В условиях глобальных вызовов, таких как терроризм, киберугрозы, международные конфликты, гендерная толерантность, расовое равенство, ЛГБТизация западного сообщества (процесс нормализации и легитимации ЛГБТ-опыта и практик, а также поддерживающих их концепций в развитых странах, влияние этого опыта на западные культуры) современного западного сообщества) роль армии и ее взаимодействие с гражданским обществом становятся все более значительными. Важно понимать, как высшее военное руководство влияет на внутреннюю и внешнюю политику страны, а также как это влияние воспринимается обществом. В последние годы наблюдается тенденция к более глубокому взаимодействию между армией и гражданским обществом, что требует переосмысления традиционных представлений о военно-гражданских отношениях.

Военно-гражданские отношения в США формировались под воздействием различных социальных, политических и исторических факторов, но особенно значительное влияние на них оказала Гражданская война (1861–1865). Этот конфликт стал не только важным этапом в истории США, но и основой для переосмысления роли армии и граждан в политическом процессе [7]. Гражданская война подразделила страну на Север (Союз) и Юг (Конфедерация), причем ни одна иностранная держава так и не признала Конфедерацию, что явилось важным достижением администрации президента Абрахама Линкольна и госсекретаря Уильяма Сьюарда [8].

После войны в США произошли значительные изменения в структуре и управлении вооружёнными силами, что переопределило военно-гражданские отношения. Например, в 1947 г. был принят Акт о национальной безопасности, который изменил баланс власти между военным истеблишментом и гражданскими руководителями. В результате военный контроль значительно усилился, что сделало армию более самостоятельной от политического контроля со стороны президента и Конгресса. Это создало предпосылки для различных конфликтов между гражданскими и военными структурами, которые будут возникать на протяжении последующих десятилетий [1].

Гражданская война высветила важность армии как инструмента государственной власти, стремления к политическим изменениям и тем более, ее роли в процессе восстановления страны после конфликта. Стратегии, применяемые во время войны, такие как работа с общественным мнением и использование пропаганды, были продолжены и в мирное время для укрепления доверия между обществом и вооружёнными силами. В этом контексте армия становится не просто инструментом ведения боевых действий, но и важным элементом политического процесса, что помогает формировать устойчивые военно-гражданские отношения [9].

Влияние Гражданской войны на военно-гражданские отношения прослеживается и в контексте утверждения новых норм и стандартов в управлении вооружёнными силами. Возникновение таких понятий, как «национальная безопасность», стало поворотным моментом, когда армия и гражданские власти стали более четко разделять свои функции и полномочия, но при этом основной акцент по-прежнему оставался на взаимодействии между ними [7].

Также стоит отметить, что войны и военные действия в другие исторические периоды также создавали новые вызовы для военно-гражданских отношений. Военный истеблишмент

оказывал влияние на расстановку сил в политике, что иногда приводило к восстановлению старых конфликтов, а иногда – к появлению новых вызовов, связанных с необходимостью адаптации к меняющимся условиям глобальной безопасности. Это демонстрирует, что военно-гражданские отношения постоянно эволюционируют в зависимости от исторического контекста, критических событий и социально-политической динамики внутри страны [9].

С начала войны и до наших дней можно наблюдать, как взгляды на эти отношения менялись в ответ на требования общества, кризисы и серию войн, в которых принимали участие Соединённые Штаты, в том числе Вьетнамская и Иракская войны. В этих конфликтных ситуациях происходило постоянное переосмысление роли армии и ее взаимодействия с гражданскими властями, что создало условия для новой парадигмы военно-гражданских отношений [5].

Военно-гражданские отношения в США – это результат многовековой истории, в которой различные факторы, такие как войны, социальные движения и политические реформы, формировали и продолжают формировать взаимодействия между армией и гражданским обществом. Каждый исторический этап освобождал новую повестку, что становится видимым в современных тенденциях, но корни этих изменений находятся глубоко в событиях прошлого. Во взглядах зарубежных исследователей существует достаточное количество концепций и теорий влияния военнослужащих разных категорий и армии в целом на гражданских политических деятелей.

Одну из этих теорий рассматривает американский политолог Питер Д. Фивер, который считает, что «Главная проблема теории военно-гражданских отношений заключается в том, как создать военный институт, одновременно достаточно сильный, чтобы защищать общество и государство от врагов, и в то же время достаточно размеренный и послушный, чтобы самому по себе не представлять угрозы для этого общества и государства» [2, р. 507–516].

В своих рассуждениях он выделяет несколько норм взаимодействия гражданских руководителей (президента) с военными, основными из которых являются:

1. Норма, согласно которой президенты не критикуют военных публично, особенно поимённо. Поскольку по закону военным запрещено напрямую критиковать президента, когда президент (или его приспешники) публично осуждают военных в одностороннем порядке, это по своей сути является злоупотреблением.

2. Норма, согласно которой президенты не подрывают субординацию, критикуя офицеров, одновременно поддерживая рядовых. Президент не устраняет ущерб, нанесённый публичным высмеиванием старших офицеров, сочетая его с публичной похвалой младших офицеров. Напротив, это лишь подрывает порядок и дисциплину, от которых зависит гражданский контроль.

3. Норма, согласно которой президенты не должны открыто политизировать вооружённые силы в корыстных целях. Приведённую выше норму, запрещающую публичную критику, возможно, стоит немного смягчить, если главной целью является искреннее желание привлечь военных к ответственности за операционные неудачи, в которых они виноваты.

4. Норма, согласно которой президенты позволяют своей администрации стремиться к «нормальному порядку», а не полагаться на управление через хаос, особенно в вопросах, где предпочтения гражданских и военных резко расходятся.

5. Норма, согласно которой гражданские подчинённые должны назначаться Сенатом, а не отдельными «исполняющими обязанности» в обход проверки Конгрессом. Конституция предусматривает проверку Сенатом и получение согласия на назначение наиболее важных должностных лиц исполнительной власти, и этот процесс также предусматривает некоторую гибкость для «исполняющих обязанности» в случае временных перерывов в работе. Политическая поляризация привела к тому, что процесс утверждения Сенатом стал политизированным до такой степени, что у президентов есть стимул обходить утверждение и просто полагаться на «исполняющих обязанности» на неопределённый срок.

6. Норма, согласно которой Сенат ограничивает использование привилегии «приостановления полномочий» и не замораживает карьеры больших групп высокопоставленных во-

сначальников на неопределённый срок. Приостановление полномочий отдельных лиц из-за конкретных жалоб или краткосрочное приостановление полномочий групп назначенных лиц, чтобы подчеркнуть свою точку зрения, могут быть частью обычной политики взаимодействия между ветвями власти. Но в 2023 г. сенатор Табервилл нарушил прецедентное право и превратил то, что изначально было законным разногласием по поводу политики, в девяти-месячную ожесточённую битву в культурной войне, в которой главными жертвами стали сотни старших генералов и флаг-офицеров, а также тысячи членов их семей и иждивенцев, не говоря уже о боеготовности войск. Противостояние продолжалось так долго, потому что оно было выгодно как сенатору Табервиллу, который внезапно прославился и собрал много денег, так и Белому дому Байдена, который был рад, что его политику в отношении абортс можно было представить в выгодном свете, пока республиканцы подрывали боеготовность [2, р. 507–516].

По нашему мнению, общим для всех этих норм является то, что при соблюдении правил каждая из них служит основой для доверия, которое сдерживает бюрократические конфликты и не даёт им перерасти в полномасштабную конфронтацию. Открытое пренебрежение этими нормами, как мы видели в Соединённых Штатах в последнее десятилетие, доводит отношения между гражданскими и военными до предела.

Иной подход к изучению проблемы военно-гражданских отношений в США рассмотрели американские ученые Д. Рабека-Клемменсена, Э. Лучника, К. О. Суэйн. Авторы в своем исследовании проанализировали разрыв между гражданскими и военными секторами с точки зрения четырёх различных идеальных типов. В результате они выделили четыре основных разрыва между гражданскими и военными в США.

Первый, культурный разрыв – это разница в отношении к чему-либо и ценностях гражданского и военного населения. Томас Рикс, например, в интервью с морскими пехотинцами отмечает поразительный культурный разрыв. Проведя одиннадцать недель в учебном лагере, морские пехотинцы возвращаются домой в отпуск и испытывают личную ненависть к публичной Америке. Такое отношение проистекает из отвращения морских пехотинцев к физической непригодности гражданских, к грубому поведению, свидетелями которого они были, и к тому, что они считали повсеместным эгоизмом и потребительством. В то время как гражданская элита в целом согласна с тем, что общество разложилось, она не согласна с тем, что армия должна играть какую-либо роль в нравственной реформе. Параллельно с такой антипатией в отношениях между военными и гражданскими лидерами иногда наблюдается недостаток доверия. Этот раскол очевиден в комментариях генерал-лейтенанта Рональд Кэдиш, который в 2000 г. заметил, что многие в Пентагоне считали Министерство обороны «врагом» [3, р. 669–678].

Второй, демографический, разрыв связан с тем, представляют ли вооружённые силы население США по партийной и социально-экономической принадлежности. С отменой призыва и появлением резерва вооружённые силы, по-видимому, в меньшей степени отражают демографический состав гражданского общества, чем это было в предыдущие эпохи, когда действовал призыв. Поскольку вооружённые силы набирают в свои ряды представителей узких слоёв общества, резкие демографические различия могут отделять гражданское население от военного. К другим составляющим демографического разрыва относятся расовая и гендерная принадлежность. Если сравнивать военные данные с результатами национальной переписи населения, то расовые меньшинства чрезмерно представлены среди рядового состава и недостаточно представлены среди офицерского состава. В то время как женщины составляют около половины гражданского населения, они составляют лишь около 15 процентов военнослужащих [3, р. 669–678].

В-третьих, учёные спорят о том, существует ли разрыв в политических предпочтениях между военной и гражданской элитами, которые могут соглашаться или не соглашаться по ряду вопросов государственной политики. Интересно, что, как отмечает Патриция Шилдс, потенциальный разрыв в политических предпочтениях обусловлен парадоксом, заключающимся в том, что институт, созданный для защиты государства, должен стать достаточно могущественным, чтобы угрожать государству.

Четвёртый тип разрыва между гражданскими и военными институтами, который ученые назвали институциональным разрывом, касается того, можно ли охарактеризовать отношения между военными и гражданскими институтами, такими как СМИ, суды и система образования, с точки зрения гармонии или конфликта. Например, после того как суд Ренквиста расширил доктрину судебной поддержки военных, некоторые учёные утверждали, что федеральные суды всё чаще принимают и даже поощряют военные интерпретации по ряду конституционных вопросов. Другие наблюдатели указывают на судебный активизм, который, по их словам, в некоторых случаях может быть направлен против военных. В сфере образования некоторые аналитики отмечают растущее присутствие программ Корпуса подготовки младших офицеров запаса (JROTC) в старших классах, в то время как другие подчёркивают антивоенные протесты, организованные некоторыми учителями, учениками и администраторами. Левые наблюдатели предположили, что после 11 сентября СМИ стали всё больше милитаризоваться, в то время как правые поставили под сомнение патриотизм основных СМИ, а также их поддержку войск и войны в Ираке. Все эти и другие, тесно связанные с ними вопросы касаются наличия и масштабов институционального разрыва.

Ученые отмечают, что «Военно-гражданские отношения в США являются важным аспектом, который требует внимания как со стороны ученых, так и со стороны политиков, поскольку они играют ключевую роль в формировании будущего страны» [3, p. 669–678].

Структура власти, в результате которой выстраиваются отношения между военными и гражданскими стала также одним из направлений исследований учеными. Так, американский исследователь Я. Леви в своей работе рассматривает модель гражданского контроля над вооружёнными силами в которой отражает вопросы подчинения военных гражданскому персоналу. По мнению автора «В настоящее время используются два подхода к объяснению гражданского контроля над вооружёнными силами: институциональный подход и подход, ориентированный на культуру. Институциональный подход связан с политическими и институциональными структурами, а также с взаимодействиями между гражданскими лицами и офицерами в рамках этих структур, которые приводят к принятию решений. В рамках этого подхода гражданский контроль относится к совместным институциональным механизмам, направленным на ограничение способности вооружённых сил к автономным действиям в областях, имеющих политические последствия» [4, p. 529–556]. Рассматривая подход, ориентированный на культуру, который в меньшей степени связан с механизмами принятия решений автор фокусируется на сближении между военным и гражданским обществом, которое обеспечивает демократическую социализацию рядового состава, особенно офицерского корпуса.

В конечном счете Я. Леви предлагает использовать инструменты для анализа гражданского контроля над военными как взаимодействие между двумя видами обмена: республиканским обменом и обменом контроля. Первый вид обмена – это обмен между гражданскими институтами государства и гражданами. Второй вид обмена – это обмен между гражданскими институтами и военными. «Гражданские институты государства пытаются сбалансировать эти два вида обмена. Они извлекают ресурсы из общества, чтобы предоставлять их военным, тем самым обеспечивая их зависимость от себя. В то же время гражданские институты используют вооружённые силы в соответствии с политически согласованными целями, затратами и вознаграждениями, которые получают те, кто жертвует собой. Только когда обе стороны обмена уравновешены, гражданские институты могут установить твёрдое превосходство над вооружёнными силами» [4, p. 529–556].

Наряду с проблемами военно-гражданских отношений на макроуровне ученые все пристальнее изучают социальные процессы в микрогруппах военнослужащих США, а именно вопросы гендерного баланса при комплектовании армии, расовой принадлежности и наличием в воинских подразделениях представителей ЛГБТ. Этот вопрос продолжает оставаться актуальным и по сей день в контексте военно-гражданских отношений и прав человека в США. С этой точки зрения интересным для нас стало исследование, проводимое группой американских ученых (К. А. Макнамар, К. Л. Лукас, К. А., и И. В. Холлоуэй), проводимое в период с 2016 по 2018 г. Их работа была посвящена анализу моделей открытости

ЛГБТ-военнослужащих. В ходе исследования были опрошены 248 действующих военнослужащих-ЛГБТ заполнивших опросник, а выборка из 42 действующих военнослужащих-ЛГБТ приняла участие в углубленном интервью. «В этом исследовании изучалась открытость по отношению к коллегам-военным после отмены закона DADT и запрета на трансгендерность. Во-первых, в этой статье представлен анализ открытости по демографическим и военным признакам, а также по отношению к коллегам-военным: командирам подразделений, друзьям и военным специалистам по оказанию помощи. Во-вторых, в статье представлен контекст этих результатов с использованием данных качественных интервью. Сочетание данных опроса и интервью может помочь военному руководству, медицинским работникам и политикам в разработке политики и культурных установок, необходимых для поддержки военнослужащих ЛГБТ» [1, p. 505–529].

В ходе исследования установлено, что три четверти участников выборки (73 %; n = 180/247) были открыты перед командирами подразделений. У военнослужащих-ЛГБТ со степенью бакалавра или выше вероятность быть открытыми для командиров подразделений была в два раза ниже, чем у тех, у кого была степень младшего специалиста или ниже. Подавляющее большинство участников исследования признались в своей ориентации друзьям, не являющимся ЛГБТ (85 %; n = 211/247), и друзьям-ЛГБТ (93 %; n = 198/212). Три четверти (76 %; n = 184/242) участников исследования признались в своей ориентации медицинским работникам. Около трёх четвертей участников исследования признались в своей ориентации консультантам и специалистам в области психического здоровья (71 %; n = 123/173) [1, p. 505–529].

Также ученые отмечают, что «Офицеры и военнослужащие-ЛГБТ с более высоким уровнем образования реже раскрывали свою идентичность в нескольких сферах военной деятельности, чем военнослужащие-ЛГБТ рядового состава и те, у кого есть степень младшего специалиста или ниже» [1, p. 505–529].

В ходе этого исследования было установлено, что трансгендерные военнослужащие, принявшие участие в опросе, в подавляющем большинстве открыто заявляли о своей идентичности военным друзьям, начальству и специалистам по оказанию помощи. По меньшей мере 80 % трансгендерных мужчин и женщин открыто заявляли о своей идентичности этим лицам. Единственным исключением стали капелланы, которым открыто заявляли о своей идентичности 55 % трансгендерных мужчин и 45 % трансгендерных женщин [1, p. 505–529].

Результаты данного исследования показали, что одних лишь изменений в политике, без гарантий того, что принадлежность к ЛГБТ не будет иметь для них негативных последствий, может быть недостаточно для полной интеграции ЛГБТ-военнослужащих в боевые подразделения.

Проведенный анализ зарубежных исследований, посвященных военно-гражданским отношениям, позволил сделать вывод, что военно-гражданские отношения представляют собой сложный и многогранный феномен, который претерпел значительные изменения на протяжении времени. Исторически эти отношения были определены четким разделением между военной и гражданской сферами, однако в последние десятилетия наблюдается тенденция к их сближению и взаимовлиянию. Современные тенденции военно-гражданских отношений в США акцентируются на вопросах, связанных с ролью армии в жизни общества, влияния принимаемых решений руководством страны на боеспособность армии и ее способность выполнять поставленные задачи, социально-политической напряженности внутри страны обретаемой при абьюзивном руководстве граждански лидеров над военными, переменчивая политика руководителей страны в отношении военнослужащих ЛГБТ.

Литература

1. “Even If the Policy Changes, the Culture Remains the Same”: A Mixed Methods Analysis of LGBT Service Members’ Outness Patterns / K. A. McNamara, C. L. Lucas, J. T. Goldbach, C. A. Castro, I. W. Holloway // *Armed Forces and Society*. Vol. 47, Is. 3. July 2021. P. 505–529.
2. Peter D. Feaver. Right or Wrong? The Civil–Military Problematique and Armed Forces & Society’s 50th // *Armed Forces and Society*. Vol. 51, Is. 2. 2024. P. 507–516.

3. Conceptualizing the Civil–Military Gap: A Research Note / J. Rahbek-Clemmensen, E. M. Archer, J. Barr, A. Belkin, M. Guerrero, C. Hall // *Armed Forces and Society*. Vol. 38, Is. 4. Oct. 2012. P. 669–678.
4. Yagil Levy. A Revised Model of Civilian Control of the Military: The Interaction between the Republican Exchange and the Control Exchange // *Armed Forces and Society*. Vol. 38, Is. 4. Oct. 2012. P. 529–556.
5. Матишек Джахара. Военно-гражданские отношения в США со времен дж. Вашингтона: изменил ли Д. Трамп их динамику? // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-grazhdanskie-otnosheniya-v-ssha-so-vremen-dzh-vashingtona-izmenil-li-d-tramp-ih-dinamiku> (дата обращения: 06.05.2025).
6. Гражданская война в США // Свободная энциклопедия Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/гражданская_война_в_сша (дата обращения: 06.05.2025).
7. Гражданская война в США 1861–1865 // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/grazhdanskaia-voina-v-ssha-1861-1865-67544b> (дата обращения: 06.05.2025).
8. Гражданская война в США 1861–1865 гг: причины и суть войны // Журнал домашней школы Фоксворда. URL: <https://externat.foxford.ru/polezno-znat/wiki-istoriya-grazhdanskaya-vojna-v-ssha-1861-1865> (дата обращения: 06.05.2025).
9. История внешней политики Соединенных Штатов – History of the United States foreign policy // Свободная энциклопедия Википедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/History_of_the_United_States_foreign_policy (дата обращения: 06.05.2025).

УДК 316.353

Ю. А. Давыденко

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В МЕЖГРУППОВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Подвергаются анализу основные междисциплинарные подходы для изучения различных методов выявления социальной напряженности, возникающих в современном обществе на основе групповых и межгрупповых отношений. Социально-психологические методы, определяющие социальную напряженность как психоэмоциональную реакцию граждан на стремительные изменения в социальной реальности, с точки зрения автора, являются недостаточными. Более продуктивным является подход к социальной напряженности как противоречию социальных интересов как внутри социальных групп, так и в межгрупповом взаимодействии.

Ключевые слова: социальная напряженность, групповая идентичность, социально-профессиональные группы, интересы, профессионалы.

Yu. A. Davydenko

Irkutsk State University, Irkutsk

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF SOCIAL TENSION IN INTERGROUP INTERACTION

The article analyzes the main interdisciplinary approaches to studying various methods for identifying social tensions that arise in modern society on the basis of group and intergroup relations. Social and psychological methods that define social tension as a psycho-emotional reaction of citizens to rapid changes in social reality, from the author's point of view, are insufficient. A more productive approach is to consider social tension as a contradiction of social interests both within social groups and in intergroup interaction.

Keywords: social tension, group identity, socio-professional groups, interests, professionals.

Тема социальной напряженности в современном российском обществе является одной из самых противоречивых в социологической научной литературе по целому ряду причин, главной из которых является динамичность социальных процессов в постсоветский период. Е. Данилова, В. Ядов [1] в своей работе подробно разбирают эти причины, указывая на проблемы социально-групповой идентификации, возникающие вследствие «культурной травмы», характерной для всех обществ периода реформации. Авторы здесь употребляют термин польского социолога Петра Штомпки, который обозначил им состояние всех граждан посткоммунистических стран в начале преобразований в экономике, политике и всех сферах общественной жизни.

Кризис групповой идентификации, т. е. соотнесения себя к сопричастности той или иной социальной группе, образует дисфункцию общественного сознания: граждане теряются при ответе на вопрос «Кто мы?», который закономерно интерпретируется в вопрос: «Какие социальные ценности и нормы являются для нас обязательными?», что, в свою очередь формирует особое психоэмоциональное состояние, которое определяется как «социальное напряжение».

Такая интерпретация социальной напряженности была задана классиками западной социологии, такими как Р. Липтон, Д. Мид, Р. Дарендорф. Правда, в большей мере они акцентировали внимание на «ролевом конфликте», т. е. возникающих противоречиях между требованиями личности и предписаниями навязываемой группой социальной роли, либо даже социальными ролей, связанных с сопричастностью к разным социальным группам.

Необходимо уточнить, что работа Е. Даниловой и В. Ядова основана на результатах социологических исследований, произведенных в начальный период социальной трансформации. Для стремительно меняющейся социальной реальности и становления новой институциональности, этот факт имеет существенное значение.

Социально-психологический подход в исследовании феномена социальной напряженности наблюдается еще в целом ряде опубликованных научных работ, анализирующих различные ее аспекты: Р. В. Иванов [2], В. И. Михеев [3], Т. И. Грабельных [4] и др.

Во всех работах этого плана употребляются разные интерпретации понятий, связанных с термином «социальная напряженность». При этом сам термин интерпретируется чаще всего как «психоэмоциональное состояние» или «стрессовое состояние», а «социальное напряжение, как момент этого состояния, связанный с его первопричинами. Иными словами, состояние отождествляется с реакцией индивида на изменения социальной реальности, которые индивид еще не осознает (скрытые напряжения), либо которые не удовлетворяют индивида. Эта реакция может проявляться в форме активных действий, имеющих четкую направленность (открытая социальная напряженность), либо не проявляться открыто и не фиксироваться социологическими исследованиями.

С. В. Устинкин, П. И. Куконков [5] в работе, опубликованной в 2013 г., представляют объемный анализ исследовательских подходов к проблематике социального напряжения. С точки зрения авторов, «концептуальная схема возникновения и обострения социального напряжения включает неудовлетворенность как сущность рассматриваемого типа отношений, напряжение как их проявление в социальной действительности, обнажение, обострение которого происходит в форме социального конфликта».

Стоит обратить внимание, что авторы здесь демонстрируют в большей степени междисциплинарный подход, определяя социальное напряжение как неудовлетворенность типом отношений.

Таким образом, большинство исследователей склонны определять социальную напряженность, или социальное напряжение как ее частный случай, как психоэмоциональную реакцию индивида, не успевающего осознать сущность происходящих изменений в социальной среде и проявляющего в открытой или скрытой форме недовольство этими изменениями. Эта точка зрения подкрепляется наблюдаемым в пореформенной России некоторым хаосом в ценностных ориентациях, нарушениями привычного уклада жизни и социального порядка, который имеет место быть в общественной жизни в последние десятилетия.

Вместе с тем есть несколько вопросов, которые не находят разрешения в рамках этого методологического подхода. Первый из них – насколько устойчивый характер имеет социальная напряженность. Реакция на конкретные события или явления могут быть связаны с кратковременностью самих этих событий или явлений – это могут быть изменения в уровне жизни, или события типа пандемии Ковид-19, которые динамично меняются в течение года, соответственно повышая или снижая уровень социальной напряженности. Ее открытые проявления чаще всего фиксируются в результатах опросов общественного мнения, которое по природе своей является поверхностным, подверженным влиянию средств массовой коммуникации и не могут носить устойчивый характер. Скрытые или латентные социальные

напряжения при такой интерпретации вообще плохо улавливаются социологическими исследованиями, поскольку опросы могут идентифицировать только то, что уже осознано индивидами.

Нельзя также не учитывать, что отношения, лежащие в основе социальных групп и социальных институтов, не могут не иметь чрезвычайно устойчивого характера. Изменения, возникающие в обществе, не могут разрушить эти отношения в одночасье, особенно если в их фундаментальные основания положены ценности, которые подвержены изменениям, при этом частичным, вообще только при смене поколений.

Психоэмоциональная реакция неудовлетворенности – это прослеживается в большинстве исследований, – так или иначе связывается с социальной идентификацией индивидов, с сопричастностью их к тем или иным социальным группам; тем самым предопределяется и характер социальной напряженности, ее острота и динамика. Не подлежит сомнению тот факт, что эта сопричастность утверждается в ходе социализации индивида и при любом уровне социальной мобильности в большинстве случаев не меняется вообще, либо изменяется достаточно медленно.

Нам представляется, что наиболее продуктивными являются методологические подходы к исследованию социальной напряженности являются те, которые определяют ее как тип отношений – как групповых, так и межгрупповых; психоэмоциональная реакция в этом случае становится лишь отражением этих отношений в групповом сознании.

Наиболее существенным фактором в группообразовании является интерес, как сформированное группой коллективное отношение к постоянным явлениям социальной жизни, связанное с ее социальным статусом, способам удовлетворения базовых потребностей, нормам взаимодействия как на внутреннем, так и внешнем контуре. Интерес в данном случае обеспечивает внутреннюю интеграцию и внешнюю адаптацию группы; его фундаментальным свойством в силу этого является необходимое различие между интересами сопричастных индивидов и групповым интересом, с одной стороны, а также различие между интересами разных групп. Противоречие интересов носит диалектический характер и является постояннодействующим фактором, влияющим на социальное поведение и определяющим уровень социального напряжения; как и всякое противоречие оно становится условием развития группы, динамики роста ее сплоченности или, напротив, разобщенности, положения в обществе в целом.

Таким образом, уровень социальной напряженности во внутригрупповых или межгрупповых отношениях на минимальном уровне имеется всегда, без этого группа просто не может существовать. Внешнее воздействие в виде социально-значимых событий, которые могут повлиять на интересы, лишь усиливают или уменьшают уровень этой социальной напряженности; в зависимости от степени осознанности этого влияния напряженность приобретает открытый или латентный характер.

Наиболее продуктивным обозначенный методологический подход является в исследованиях, посвященных проблеме социальной напряженности в социально-профессиональных группах. Следует уточнить, что понятие «социально-профессиональная группа» употребляется в научном обороте, как в узком, так и широком смысле.

В узком смысле этот тип обозначает социальные группы, возникающие на основе профессиональных корпораций – врачей, юристов, инженеров, учителей; при этом следует различать разные основания их формирования. Корпорации возникают на основе особенностей профессиональной деятельности и сконцентрированы на специфике этой деятельности – трудовых отношениях, нормах профессиональной этики и так далее. Отношения на основе данной корпорации имеют несколько иную фокусировку – прежде всего они определяют социальные функции данной профессии, социальный статус ее представителей, занимаемое место в обществе, взаимодействие с другими социально-профессиональными группами и с обществом в целом.

Социально-профессиональные группы в узком смысле дифференцируются главным образом по видам профессиональной деятельности. Социально-профессиональная группа в широком смысле, чаще всего именуемая как группа профессионалов, отличается не просто

тем, что объединяет самые общие сущностные признаки участников, имеющих в качестве основного источника работу по профессии, но и тех представителей разных корпораций, для которых принадлежность к профессии носит характер собственности на профессиональный капитал, являющегося разновидностью человеческого капитала. Г. Беккер [6] предлагал в этом случае простой метод определения доходов от профессионального капитала – все, что работников в оплату своего труда получает сверх размера, равного среднему по рынку труда в этом виде профессиональной деятельности.

Социальный статус группы профессионалов определяется их значением для развития высокотехнологичных секторов различных отраслей экономики, определяющих в современных условиях размер общественного богатства. Соответствующим образом, групповой интерес сфокусирован на тех стимулах, которые государство и общество, все имеющиеся институты обеспечивают свободное развитие профессионального капитала, необходимую свободу для его роста. Закономерное противоречие, которое возникает между этим интересом и интересами других социальных групп не может не порождать некоторый уровень социальной напряженности. Эта напряженность приобретает острый характер, если стимулы для развития человеческого капитала являются недостаточными, либо не в полной мере оцениваются обществом.

Социальная напряженность в данном случае зависит от того, сформировалась ли на внутригрупповом уровне оценка изменений социальных условий, осознают ли в полной мере участники группы, к каким последствиям могут привести эти изменения и какой ущерб они принесут групповым интересам. В соответствии с этим, социальная напряженность вначале носит скрытый или латентный характер; она если и проявляется, то не в прямой реакции на происходящее, а в косвенных признаках. В частности, для группы профессионалов такой реакцией стал социальный процесс, известный как «утечка мозгов», достаточно протяженный по времени и отслеживаемый в течение всего постсоветского периода. Причем, эта «утечка» выражается не только в миграции профессионалов за границу, но и во внутренней миграции, когда профессионалы уходят в другие профессиональные группы или вообще меняют вид деятельности.

Открытая форма социальной напряженности такого рода чаще всего выражается в активных протестных действиях, разного рода гражданских акциях. Для современного этапа российской общественной жизни такие формы не актуальны, что говорит о том, что социальная напряженность не находится на достаточно остром уровне.

Литература

1. Данилова Е. Н., Ядов В. А. Контекстуально-лабильная социальная идентичность – норма современных динамичных обществ // Социологические исследования. 2004. № 10.
2. Иванов Р. В. Влияние пандемии Ковид-19 на социальное напряжение // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке: сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020.
3. Михеев В. И. Понятие социальной напряженности в отечественной и зарубежной социально-гуманитарной науке // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 5. С. 206–212.
4. Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Ватолина Е. В. Профессиональное самоопределение как индикатор ценности образования и фактор изменения ситуации на рынке труда в России // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 260–265.
5. Устинкин С. В., Куконов П. И. Социальное напряжение: проблематизация и уточнение исследовательских подходов // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 19 / отв. ред. М. К. Горшков ; ФНИСЦ РАН. М. : Новый Хронограф, 2021. С. 384–412.
6. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

Рассматриваются актуальные проблемы развития социологической науки в современной России, связанные с ограничениями, накладываемыми политическими, социальными, культурными и личностными факторами. В ходе анализа вторичных источников и проведенных в рамках работы интервью выделяются ключевые барьеры, препятствующие проведению независимых и объективных исследований: политические факторы, социальные и личностные особенности исследователя и гибридные институциональные условия.

Ключевые слова: политические барьеры, социальные барьеры, самоцензура, проблемы социологии, социологические исследования.

V. A. Isupov, O. A. Khomchenko

Kuban State Technological University, Krasnodar

POLITICAL AND SOCIO-CULTURAL BARRIERS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH IN RUSSIA

The article examines the current problems of the development of sociological science in modern Russia, related to the limitations imposed by political, social, cultural and personal factors. In the course of analyzing secondary sources and interviews conducted within the framework of the work, the authors identify key barriers preventing independent and objective research: political factors, social and personal characteristics of the researcher, and hybrid institutional conditions.

Keywords: political barriers, social barriers, self-censorship, problems of sociology, sociological.

Современный этап развития российской социологии проходит в условиях глубокой трансформации социально-политического ландшафта как внутри страны, так и на международной арене. Геополитические изменения, включая усиление конфронтации с Западом, санкционное давление и перестройку глобальных научных коммуникаций, создают принципиально новые вызовы для социальных наук в России. В этой ситуации особенно остро встает вопрос о необходимости развития автономной, методологически зрелой и критически мыслящей социологии, способной не только адаптироваться к новым реалиям, но и предлагать современному научному сообществу адекватные инструменты анализа и сбора информации, так необходимые для развития теоретической и эмпирической социологии [5].

Однако развитие социологии невозможно без честного анализа тех барьеров, которые сегодня ограничивают ее потенциал. Речь идет о комплексе политических, социальных и институциональных факторов, которые влияют на возможности исследователей, определяют степень свободы научного поиска и в конечном итоге – качество производимого социологического знания. Выявление и систематизация этих барьеров представляют собой не только академическую, но и практическую задачу, поскольку без их преодоления трудно говорить о полноценном участии российской социологии в формировании повестки национального развития.

Таким образом, необходимо сосредоточиться на анализе ключевых проблем, стоящих на пути развития социологических исследований в современной России. В последующих разделах будут подробно рассмотрены политические ограничения, связанные с государственным регулированием науки, социальные барьеры, порожденные спецификой российского общества, а также внутренние вызовы, с которыми сталкиваются сами исследователи. Такой анализ позволит не только зафиксировать существующие трудности, но и наметить возможные пути их преодоления в интересах развития отечественной социологии.

Социологические исследования в России сталкиваются с множеством социально-культурных барьеров, которые существенно затрудняют получение достоверных данных и их интерпретацию. Эти барьеры можно условно разделить на два уровня: социальный уровень пространства, в котором публикуется исследование, и социальный уровень обстоятель-

ств, в которых проводится исследование. Оба уровня тесно взаимосвязаны и формируют сложный контекст, в котором работают социологи.

На уровне социального пространства ключевым барьером является поляриность российского общества, что подтверждается как данными статьи А. Ю. Чепуренко, так и результатами проведённых интервью. Российский социум представляет собой агрегат разнородных цивилизационных типов – от клановых структур Северного Кавказа до постиндустриальных сообществ Москвы и Санкт-Петербурга. Эта мозаичность, как отмечает Чепуренко, делает невозможным применение единых теоретических рамок для анализа общества [2]. Интервьюируемые исследователи также подчёркивают, что различия между центром и периферией настолько значительны, что требуют адаптации методологии в зависимости от региона. Например, в столицах респонденты могут быть более открыты к обсуждению политизированных тем, тогда как в провинции такие вопросы часто вызывают недоверие или уклонение от ответов.

Ещё одним барьером на этом уровне является избирательная доступность определённых групп населения для исследований. Как отмечают респонденты, женщины в некоторых культурах часто остаются за рамками исследований из-за культурных ограничений. Также за рамками остаются маргинальные или нелегальные группы (например, трудовые мигранты). Это создаёт «слепые зоны» в социологических данных и искажает общую картину. Чепуренко также обращает внимание на гибридный характер российского общества, где соседствуют архаичные и современные институты, что усложняет формирование репрезентативных выборок [2].

Важно рассказать про сензитивность тем. Она варьируется в зависимости от региона, что создаёт дополнительные сложности для исследователей. Например, вопросы, связанные с религией или национальной идентичностью, могут быть болезненными в одних регионах и нейтральными в других. Это требует от социологов гибкости и осторожности при формулировании вопросов.

На уровне поля исследования ключевым барьером становится доверие к социологии как науке. Данные интервью и центров исследования общественного мнения показывают, на улучшение отношения к опросам в целом (58 % доверяли в 2018 г., 69 % в 2024 г.) [4], хотя и декларируют, что политизированные темы по-прежнему вызывают скепсис у некоторых групп населения. Ещё одной особенностью поля исследования является влияние трендов и моды на выбор тем. Государство, как отмечают респонденты, часто поддерживает исследования по актуальным темам, чем удовлетворяет определенный общественный запрос. В целом можно говорить о ряде социально-культурных барьеров для социологических исследований в России. Они требуют комплексного подхода к их преодолению. Необходимо развивать доверие к социологии через прозрачность методов, адаптировать исследования к региональным особенностям. Только так социология сможет выполнять свою основную функцию – помогать обществу понять себя и своё будущее.

Исследования сталкиваются не только с объективными, но и с субъективными барьерами, которые связаны с интерпретацией данных, личными установками исследователей и гибридным характером самой науки. Эти барьеры усложняют получение достоверных результатов и их публичное представление. Одним из ключевых субъективных барьеров является различие в интерпретации данных. Информанты в рамках исследования отметили, что одни и те же изменения могут оцениваться одними исследователями как значимый тренд, а другими – как статистическая погрешность. Из опыта одного из интервьюируемых: «в совместном количественном исследовании религиозности в России и Беларуси российские социологи зафиксировали рост религиозности как устойчивый тренд, в то время как их белорусские коллеги сочли эти изменения незначительными». Последующие события подтвердили правоту российской стороны, что указывает на важность профессиональной рефлексии и критического подхода к данным.

В качественных исследованиях субъективность проявляется довольно сильно, поскольку интерпретация результатов во многом зависит от теоретической позиции и личного опыта исследователя. Однако современная наука предлагает методы, позволяющие минимизировать эти риски, такие как триангуляция (использование нескольких методов или источников данных) и

выделение центральных категорий [1]. Эти подходы помогают снизить влияние личных предубеждений, но требуют высокой квалификации и методологической дисциплины.

Ещё одним барьером является самоцензура. Многие информанты отмечают, что избегают публиковать результаты, которые могут спровоцировать конфликты на религиозной или этнической почве. С одной стороны, это ограничивает доступность определенной информации, но с другой обеспечивает поддержание стабильности в обществе.

Гибридный характер социологии, сочетающей фундаментальные и прикладные задачи, также создаёт барьеры. С одной стороны, исследователи стремятся соответствовать современным трендам, что может приводить к поверхностности в анализе. С другой необходимость учитывать политическую и социальную чувствительность некоторых тем.

Таким образом, субъективные и гибридные барьеры требуют комплексного подхода: развития методологической культуры, открытой дискуссии о пределах самоцензуры и укрепления независимости социологии как науки. Только так она сможет выполнять свою основную функцию – объективно анализировать общество. Важно сказать о формирующих политических исследованиях, которые, по словам респондентов, часто используются для управления общественным мнением, а не для поиска объективных данных, данный тезис можно найти и в научной литературе [3]. Как пишет Чепуренко, такая практика ведёт к репутационным рискам для социологии как науки, поскольку подрывает доверие к её результатам. Однако интервьюируемые подчёркивают, что в случае инициативных исследований государство оказывает меньшее влияние на ход работы. Проблема здесь иная – недостаток финансирования. Далеко не все исследователи и организации могут позволить себе независимые проекты, что делает их уделом узкого круга специалистов или энтузиастов.

Современная российская социология сталкивается с рядом политических ограничений, которые существенно влияют на её развитие и автономность. Как отмечает А.Ю. Чепуренко, ключевой вызов заключается в угрозе утраты социологией критической функции из-за её сближения с государством и ориентации на обслуживание его интересов. Эта тенденция подтверждается данными проведённых в рамках этого исследования интервью с исследователями: государство остаётся одним из основных заказчиков социологических исследований, что неизбежно сужает круг изучаемых тем [2]. Респонденты отмечают, что существуют «запретные» темы, которые нежелательно поднимать в прикладных исследованиях и академических работах, включая диссертации. Это создаёт атмосферу самоцензуры, когда учёные заранее исключают из повестки социально значимые, но политически чувствительные вопросы.

Таким образом, политические барьеры проявляются в двух основных формах:

1. Прямые ограничения через зависимость от государственного заказа и негласные запреты на определённые темы.

2. Косвенные ограничения, связанные с недостатком ресурсов для независимых исследований, что усиливает монополию государственных или околосударственных структур на производство социологического знания.

Критически осмысливая эту ситуацию, необходимо акцентировать внимание, что сохранение автономности социологии требует не только альтернативных источников финансирования (краудфандинг, международные гранты), но и институциональных изменений, включая развитие профессиональной этики и защиту прав исследователей. Несмотря на существующие политические и социальные барьеры, российская социология продолжает развиваться, демонстрируя устойчивость и способность адаптироваться к вызовам времени. Как показывает анализ, профессиональное сообщество активно осваивает новые методы исследований, совершенствует подходы к интерпретации данных и стремится сохранить баланс между научной объективностью и социальной ответственностью.

Важно отметить, что в последние годы наметились позитивные тенденции: растёт доверие к социологическим исследованиям [4], расширяется использование цифровых технологий, укрепляются международные научные связи со странами глобального юга. Инициативы, подобные проекту «Открытое мнение», доказывают, что социологи способны к самоорганизации и поиску нестандартных решений даже в условиях ограниченных ресурсов.

Ключевым фактором дальнейшего развития социологии в России станет сохранение её критической функции при одновременном укреплении диалога с государством, обществом и профессиональным сообществом. Уверенность в будущем социологической науки основывается на её востребованности: в эпоху трансформаций именно социология помогает понять сложные социальные процессы и найти пути гармоничного развития. Опираясь на традиции отечественной социологической школы и открытость к инновациям, российские исследователи могут не только преодолеть существующие барьеры, но и внести значимый вклад в мировую науку. Социология в России имеет все основания для динамичного роста, а её роль в осмыслении современных социальных реалий будет только усиливаться.

Литература

1. Семина М. В. Как качественная социология завоевывала себе дорогу (на примере судьбы одного социолога), или об основных тенденциях современных исследований // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 3. С. 193–199.
2. Чепуренко А. Ю. Социология современной России институциональные вызовы // Мир России. 2020. № 3. С. 66–85.
3. Yudin G. Governing Through Polls: Politics of Representation // Javnost – The Public. 2019. Vol. 27, N 1. P. 1–15.
4. Доверие в России: мониторинг // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 17.05.2025).
5. Перфильева М. Б., Воронцов А. В., Малявин С. Н. Современные исследовательские проблемы социологии // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-issledovatelskie-problemy-sotsiologii> (дата обращения: 17.05.2025).

УДК 32.019.51

Г. М. Мухамбеткалиева

Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина, г. Астана

РОЛЬ ЭКСПЕРТНЫХ СООБЩЕСТВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В XXI ВЕКЕ

Статья посвящена исследованию роли экспертных сообществ Республики Казахстан в процессе формирования государственной политики в XXI веке. Подчеркивается, что в последние годы эксперты и аналитические центры становятся важными участниками процесса разработки и принятия политических решений, оказывая влияние на социально-экономическое развитие страны. Особое внимание уделяется механизмам взаимодействия между государственными структурами и экспертами, а также проблемам, которые могут возникать в этом процессе, таким как политическое давление, нехватка ресурсов и координация работы различных аналитических групп. В заключении подчеркивается важность независимости и профессионализма экспертов для повышения качества принятия государственных решений, а также необходимость дальнейшего развития открытого и конструктивного диалога между экспертным сообществом и государственными органами.

Ключевые слова: экспертное сообщество, международное сообщество, государственная политика, институты, организации.

G. M. Mukhambetkaliyeva

S. Seifullin Kazakh Agro Technical Research University, Astana

THE ROLE OF EXPERT COMMUNITIES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN IN SHAPING PUBLIC POLICY IN THE 21ST CENTURY

The article is devoted to the study of the role of expert communities of the Republic of Kazakhstan in the formation of public policy in the 21st century. In recent years, experts and analytical centers have become important participants in the process of developing and making policy decisions, influencing the socio-economic development of the country. Special attention is paid to the mechanisms of interaction between government agencies and experts, as well as problems that may arise in this process, such as political pressure, lack of resources and coordination of the work of various analytical groups. The conclusion highlights the importance of the independence and professionalism of experts to improve the quality of government decision-making, as well as the need to further develop an open and constructive dialogue between the expert community and government agencies.

Keywords: expert community, international community, public policy, institutions, organizations.

В условиях динамично развивающегося мира и глобализации роль экспертных сообществ в формировании государственной политики приобретает все большее значение. Особенно это актуально для стран, которые стремятся к модернизации своей экономики, социальной сферы и политической системы. Республика Казахстан, как крупное государство Центральной Азии, с переходом к рынку и глобализацией столкнулась с необходимостью принятия взвешенных и научно обоснованных решений в сфере государственной политики.

В современной России, как и в мире в целом, происходит усложнение общественно-политической жизни, связанное с повышением свободы распространения информации, активизацией гражданской активности населения и увеличением числа субъектов политики. В этой ситуации особую роль в процессе принятия важных политических решений в стране начинает играть экспертное сообщество. Ведь специальные знания интеллектуалов могут быть конвертированы в определенный аналитический продукт, востребованный органами государственной власти для решения актуальных общественно-политических задач.

Экспертные сообщества Республики Казахстан сегодня играют ключевую роль в предоставлении рекомендаций правительству по вопросам экономики, экологии, социальных и технологических преобразований и инноваций и становятся важным инструментом обеспечения эффективности принимаемых решений.

Экспертные круги состоят из группы специалистов, экономистов, ученых и специалистов в сфере экологии, образования и другим направлениям, занимающихся анализом политических и социально-экономических процессов, выявлением проблем, разработкой предложений и рекомендаций для государственных органов. И выводы и предложения экспертов чаще всего должны отражать знания и факты, а не политические интересы.

Важная роль экспертных сообществ отведена в помощи государству в принятии решений, при столкновении с вызовами и угрозами различного характера. Без поддержки специалистов трудно правильно оценить ситуацию и выбрать лучший путь развития.

Основными типами таких сообществ являются:

- *академические институты и научные организации.* Это университеты, исследовательские центры и лаборатории, которые проводят фундаментальные и прикладные исследования в различных областях науки. Важную роль в формировании государственной политики играют такие научные институты, как Институт экономики, Институт политических исследований и другие организации, специализирующиеся на социологии, экологии, праве и других направлениях;

- *аналитические центры (think tanks).* В последние годы в Казахстане активно развиваются независимые аналитические центры, такие как Центр стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, Институт мировой экономики и политики, а также частные think tanks, занимающиеся аналитической работой в различных сферах государственной политики;

- *государственные и частные консультационные компании.* Эти организации предоставляют консалтинговые услуги и специализированные исследования в области экономики, энергетики, здравоохранения, образования и других важнейших аспектов. Важным примером является агентство по стратегическому планированию и реформам при Президенте Республики Казахстан;

- *гражданские и профессиональные объединения.* Разнообразные НПО, общественные организации и профессиональные ассоциации активно вовлечены в процесс формулирования рекомендаций по социальной политике, правам человека и охране окружающей среды. Важным элементом их работы является взаимодействие с государственными структурами и обеспечение общественного контроля за действиями власти.

Основной задачей экспертных сообществ является обеспечение высокого качества принятия государственных решений. Это достигается путем:

- *разработки и предложения рекомендаций.* Экспертные сообщества формулируют рекомендации для государственной власти на основе глубоких аналитических исследований и данных, что позволяет принимать более обоснованные и эффективные решения в области экономики, социальной политики, экологии и других секторов;

– *обеспечения прогнозирования и анализа.* В условиях глобальных изменений и неопределенности роль прогнозирования в принятии государственных решений становится крайне важной. Эксперты проводят анализ текущих трендов и дают прогнозы на будущее, что помогает правительству правильно ориентировать свои действия на долгосрочную перспективу;

– *организации публичных консультаций.* Экспертные сообщества активно участвуют в организации публичных обсуждений проектов законов, проводя консультации с гражданским обществом и заинтересованными сторонами. Тем самым данные действия повышают прозрачность и доступность государственной политики;

– *в процессе взаимодействия с различными международными организациями* Республика Казахстан сотрудничает с международными организациями различного уровня: Всемирный банк, Азиатский банк развития, ООН и др. Такая практика взаимодействия позволяет внедрить международный опыт, усовершенствовать внешнюю политику, укрепляя позиции на мировой арене, а также учитывать тенденции глобализации при разработке национальной политики.

Одним из широко распространенных инструментов влияния экспертных сообществ на формирование и развитие государственной политики Республики Казахстан являются проведение публичных *консультаций и форумов*, которые проводятся на государственном и местном уровнях. Обсуждение важных вопросов развития государства и общества позволяет собрать различные экспертные точки зрения и предложения от различных слоев населения, гражданского общества и т. д.

Открытые консультации становятся приоритетным элементом в процессе разработки нормативно-правовых актов и положений. Различные органы власти, в том числе министерства и их подведомственные организации организуют многочисленные и разнообразные онлайн-пространства, где происходит обсуждение правовых вопросов с участием экспертного сообщества и гражданского общества.

В качестве следующего механизма можно назвать участие экспертов, аналитических центров, научных институтов и международных организаций в разработке важнейших *государственных программ и стратегических документов* («Стратегия Казахстан-2050»), «Цифровизация Казахстана»), способствующих формированию научно обоснованных рекомендаций для государства.

Немаловажную роль в развитии государственной политики РК является сотрудничество экспертов *с международными экспертами*, в ходе которого происходит привнесение и адаптация лучших международных практик в местные реалии. Такое сотрудничество происходит на уровне участия в международных форумах, взаимодействия с иностранными экспертами в сфере экологии, экономики и инноваций.

Участие Республики Казахстан в таких организациях, как ООН, Всемирный банк, МВФ и др. способствует созданию условий для обмена опытом в принятии политических решений в сфере социальной политики, устойчивого развития и т. д.

Тенденции современного развития общества повлекло за собой *цифровизацию* деятельности экспертного сообщества. Применение аналитических платформ, больших данных помогает экспертным кругам проводить своевременный и достоверный анализ происходящих процессов и явлений, что также влияет и на скорость реагирования правительства на происходящие процессы в социально-экономических вопросах развития общества.

В качестве примеров применения цифровых технологий можно перечислить использование мониторинга и анализа данных посредством специальных аналитических и автоматизированных инструментов и платформ для прогнозирования будущих изменений в различных сферах.

Сотрудничество с экспертными сообществами способствует принятию более обоснованных решений. Экспертные рекомендации, которые основаны на детальном анализе ситуации и фактах, значительно снижают вероятность ошибок в управлении. Использование независимого мнения позволяет избежать возможных искажений, вызванных политическими или экономическими интересами, а также учесть различные аспекты проблемы.

Кроме того, работа экспертных сообществ способствует *повышению прозрачности* в принятии решений. Публичные обсуждения и открытость аналитических материалов делают процесс формирования государственной политики более доступным для всех заинтересованных сторон, что способствует укреплению доверия общества к власти.

Посредством консультаций и совместных исследований, экспертные организации способствуют развитию государственного аппарата, улучшению работы органов власти, повышению квалификации государственных служащих.

Вместе с тем взаимодействие экспертных объединений и организаций с государственными органами не исключает наличие проблемных точек. К примеру, экспертные, аналитические и исследовательские центры и организации могут быть зависимы от государственных грантов и финансирования и испытывать политическое давление, что не может не оказать воздействия на объективность их выработанных рекомендаций и положений.

Также неэффективность координации между различными экспертными кругами и государственными органами может повлечь за собой ряд проблем, когда органы государственной власти не внимают к рекомендациям экспертного сообщества, что приводит к несвоевременному реагированию на процесс принятия решений и снижению качества этих решений, неэффективному внедрению результатов исследования в реальную практику.

Несмотря на эти факторы, ресурсы и возможности экспертных организаций в Республике Казахстан позволяют укрепить их институциональную базу. Современные тенденции развития общества, такие как, глобализация, цифровизация и устойчивое развитие будут способствовать дальнейшему развитию роли научных и аналитических исследований и организаций, расширению доступа к данным, появлению новых форм взаимодействий.

Перспективы развития предполагают активное расширение общественного участия в процессе формирования государственного политики. Такой процесс включает в себя широкое вовлечение различных социальных слоев населения в обсуждение и выработку политических решений, в модернизацию образовательных программ подготовки квалифицированных специалистов, способных работать в условиях открытого и инклюзивного государственного управления.

Экспертные научные и исследовательские сообщества в Республике Казахстан способствуют улучшению принимаемых научно обоснованных решений, повышают эффективность государственного управления помогая учитывать интересы различных слоев населения.

Необходимость использования экспертного мнения в политике принятия решений важна для государства и гражданского общества, так как экспертные оценки обеспечивают качественное оказание услуг и квалифицированную поддержку принятия решений. Вместе с тем, чтобы потенциал экспертных сообществ был задействован в полной мере, необходимо минимизировать давление со стороны государственных органов и несогласованность в действиях; разработать и внедрить механизмы принятия решений, основанные на мнениях экспертов, создать условия для свободного выражения своих позиций, а также законодательно закрепить экспертные оценки и выводы, установить критерии поиска независимых квалифицированных экспертов. Очень важно наладить координацию взаимодействия экспертных групп по вопросам согласования и применения их рекомендаций и положений в политике государства.

Таким образом, усиление роли и дальнейшего развития экспертного сообщества в Республике Казахстан в процессе принятия политических решений возможно при условии реформирования системы поддержки решений, повышения квалификации специалистов, законодательного закрепления прав и полномочий экспертов, повышения уровня координации с государственными органами и повышения уровня публичности в ходе проведения экспертных работ. Активное взаимодействие с экспертным сообществом и использование их возможностей и ресурсов будут способствовать модернизации качества управления и устойчивому развитию, выработке эффективных и объективных решений для развития государства. Роль экспертного знания все будет возрастать, в этой связи, очень важно развитие открытости и прозрачности политических процессов в обществе.

Литература

1. Сунгуров А. Ю. Экспертные сообщества и власть. М. : Полит. энцикл., 2020. 231 с.
2. Представление знаний в экспертных системах : учеб.пособие / сост. В. А. Морозова, В. И. Паутов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 120 с.
3. Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

УДК 111.1

А. И. Шафоростов

Иркутский государственный университет
Национальный исследовательский государственный технический университет
г. Иркутск

СУЩЕСТВОВАНИЕ МИРА В СВЕТЕ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Рассматривается история и современное состояние вопроса о том, существует ли мир. Показываются историко-философские основания и развития постановки вопроса о том, насколько доказательно утверждение о существовании мира, почему вообще возникает сомнение в существовании мира. Выявляются историко-философские и историко-культурные особенности философского осмысления данности человеку мира. Обращается внимание на то, что развитие игровой культуры и увеличение влияния ее на общество ведет к появлению в контексте повседневности сомнения в действительности мира, к появлению идеи о том, мир – это компьютерная симуляция.

Ключевые слова: существование мира, скептицизм, иллюзия, данность мира, цифровая культура, виртуальность.

A. I. Shafarostov

Irkutsk State University, National Research State Technical University, Irkutsk

THE EXISTENCE OF THE WORLD IN THE LIGHT OF PHILOSOPHICAL REFLECTION

The article examines the history and current state of the question of whether the world exists. The author shows the historical and philosophical foundations and the development of the question of how well the statement about the existence of the world is proved, why there is doubt about the existence of the world at all. The historical-philosophical and historical-cultural features of the philosophical understanding of the world given to man are revealed. Attention is drawn to the fact that the development of gaming culture and its increasing influence on society leads to doubts about the reality of the world in the context of everyday life, to the emergence of the idea that the world is a computer simulation.

Keywords: existence of the world, skepticism, illusion, reality of the world, digital culture, virtuality.

Обращенность к миру с целью его познания – это первый шаг философии в ее историческом развитии. Сделав несколько шагов в своем развитии, философия задумалась – есть ли вообще мир? Философская рефлексия заключается в смещении акцента в построении познавательного отношения к миру: если на начальных этапах внимание человека направлено на мир как таковой, т. е. на мир как целое, на его структуру, то затем внимание смещается на то, как дается мир человеку. Это смещение находит свое выражение в появлении античного скептицизма (как сомнение в достоверности познания мира) в самых разных его проявлениях. К античному скептицизму можно отнести и открытие границ чувственного познания, и открытие принципиальных сложностей теоретического познания. Знаменитые апории Зенона, показывающие трудности, возникающие при попытке помыслить мир дихотомически: «бытие есть, небытия нет», – это тоже по большому счету часть античного скептицизма. Но само существование мира античный скептицизм не ставит под сомнение.

Для античности сомнение в существовании мира было просто невозможно, так как мир античному человеку был дан. То есть данность мира являлась исходной установкой. Важно то, что для античности мир и человек – это одно целое, не допускающее противопоставления человека и космоса, так как человек – это органическая часть мира. Это выражено известным принципом *космоцентризма*, характеризующим античную философию и культуру

в целом. При это основной вопрос миропознания заключался в поиске определенности всего существующего. Определенность понималась, во-первых, как выявление *предела* вещи, т. е. это был поиск ответа на вопрос чем одна вещь отличается от другой. Также определенность понималась как понятийность, что было связано со стремлением помыслить вещь, усмотреть ее сущность. С этим связано дальнейшее развитие философской рефлексии существования мира, а именно – выделение мира идей, данного уму, и мира вещей, данного чувствам. Определенность имел и еще один аспект – как логосность, или законосообразность всего существующего. Отмеченные аспекты понимания определенности бытия составляют только небольшую часть огромного проблемного поля, созданного тысячелетним периодом античного осмысления мира и его данности человеку. Важно то, что последующая философия не потеряла связи с тем, какие проблемы формулировались и какие ответы предлагались в античности. Центром этого проблемного поля были вопросы как существует мир и как он дан человеку.

Пришедшая на смену античности эпоха средневековья с господствующим религиозным мировоззрением, утверждала, что мир, несомненно, есть, хотя он и сотворен (при этом он сотворен из ничего). Для человека сомневаться в существовании мира – означало бы усомниться в существовании его творца – бога, что было немыслимо. Основное внимание философской рефлексии в отношении существования мира в эпоху средневековья было направлено на то, насколько полно человек в своем познании мира может приблизиться к пониманию главного вопроса – *зачем* существует мир, или как все в мире, включая человека, причастно божественному *замыслу*.

Исторически сомнения в существовании мира возникают только в Новое время. Новое время – это новый человек, новизна которого заключается в его разуме, призванном осуществить предназначение человека – стать хозяином мира. В античности мир дан, в средневековье – сотворен, в Новое время – задан.

Заданность мира включает два аспекта: 1) да, мир дан, *кем дан?* – богом, здесь нет сомнений, и очень ясно эта тема раскрыта у Декарта; но 2) *как дан?* – как законченное готовое творение или как некий механический конструктор, допускающий возможность рационализаторского подхода? Для рационализма Нового времени характерно «развоплощение любой данности» [1, с. 79], включая сам мир. При этом данность мира для европейской философии, начиная с Декарта, носит, можно сказать, вторичный, или условный характер – мир дан *как условие представления* мыслящего я. То есть одна и та же формула – «мир дан» – для античной и европейской философии имеет разное содержание.

Развоплощение данности – это и есть задействие философской рефлексии в чистом виде, когда субъект противопоставляется объекту и внимание познающего мир переносится с мира на познание, точнее – сознание познающего.

Дан ли мне мир или только образы моего сознания? Это основной вопрос Джорджа Беркли, стремившегося показать бездоказательность, или *отсутствие доказательства* существования мира вне нас. Доказательства, понимаемое в строгом логическом смысле, как мыслительный процесс, а не как чувственное удостоверение в наличие окружающего мира.

По крайней мере, у Канта в 18 веке было достаточно оснований заявить, что «нельзя не признать скандалом для философии и общечеловеческого разума необходимость принимать лишь на веру существование вещей вне нас».

Завершение Нового времени порождает новый подход к пониманию существования мира, представленный в учении А. Шопенгауэра. Новизна заключалась в уточнении, во-первых, того, что мир – это не совсем мир, но *представление* о мире, и во-вторых, *что* это представление – и давался ответ, что мировой воли. Ключевым моментом здесь является «убирание» мира: мир есть не сам по себе и тем более он не дан человеку. Человеку дана иллюзия, мир есть иллюзия.

Усложнение философской рефлексии в отношении существования мира, возникающее в контексте новейшей европейской философии, заключается в том, что к вопросу «как дан мир?» добавляется еще один: «что есть мир?». Имеется в виду что «космическое», идущее от античности, прочтение мира как совокупности вещей, дополняется положением что мир есть

«совокупность всех явлений» (Кант), и в XX в. Витгенштейн произносит свое знаменитое «мир есть целокупность фактов», и «мир есть факты в логическом пространстве» [2, с. 6].

Важно то, что в понимании мира появляются новые акценты, смещающие существование мира от 1) физически к 2) явленности и далее к 3) логически, и уже в XXI в. появляется новое видение мира, выражающее дух эпохи – мир есть 4) компьютерная симуляция. Это не значит, что понимание мира в истории философии ограничено только указанными пунктами. Новое видение мира предложили и Гуссерль (ввел понятие «жизненный мир») и Хайдеггер («мир как присутствие»). Однако для нас важно выделить те важнейшие моменты понимания мира, которые связаны с рефлексивной составляющей, т. е. затрагивают сомнение в существовании мира.

Для античного человека мир виделся мифически, и основанием философской рефлексии был миф, что совершенно явно представлено в работах Платона. Для человека Нового времени мир – это механизм, отсюда самое известное сравнение «мир – это часы», а бог, создавший мир – «мастер-часовщик». Развитие компьютерных технологий, их доступность и масштабность проникновения в жизнь человека XXI в. ведут к тому, что и сам мир все чаще начинает видаться как компьютерная симуляция.

Но чтобы представление о мире как компьютерной симуляции (игре) из сферы литературной фантазии и игровой культуры перешло в сферу философской рефлексии, нужны были серьезные изменения в науке и обществе. Такими научными открытиями, затронувшими фундаментальные представления о мире, стали прежде всего открытия в области квантовой физики. Ключевым моментом в квантовой физике стало открытие в 1927 г. Гейзенбергом принципа неопределенности, интерпретация которого привела к пересмотру фундаментальных представлений о месте и роли детерминизма в мире. Здесь важны два момента. Первое – принцип неопределенности порождает *вероятностное* видение мира. Второе – принцип неопределенности ставит проблему своеобразного разрыва единого мира на мир квантовых величин (мир элементарных частиц) и мир макрообъектов.

Главный вопрос, на который на сегодняшний день нет ответа: собственно неопределенность присуща миру элементарных частиц, но почему на уровне макромира эта неопределенность отсутствует?

Разворачивая первый пункт, – вероятностное видение мира, следует отметить, что его следствием для философии становится переход к новому пониманию мира – миру *событий*. Принципиальное различие традиционного «мира вещей» и нового «мира событий» в том, что событие – «это то, что может быть, а может и не быть», и «с языком событий связаны идеи становления, развития и качественных изменений» [3, с. 228].

В целом же открытия в квантовой физике (и не только, к ним добавляются и теория суперструн и т. д.) ставят перед философией и перед философским осмыслением существования мира много вопросов. Проблема в том, что эти вопросы по своему предметному содержанию являются *научными* вопросами. То есть просто обобщить знание и выводы, получаемые специалистами-физиками в своей сфере, на *весь* мир – а именно философия, и только философия, направлена на осмысление мира в целом, науки же всегда фрагментарны, познают только определенную часть мира – нельзя.

Тем не менее многие темы квантовой физики благодаря научно-популярной литературе, развитию компьютерных технологий визуализации научных идей, что воплощается, в частности, в огромное количество видеороликов, делающих достаточно доступным сложный научный материал, – создает иллюзию понятности и очевидности многих сложнейших вопросов квантовой физики.

В итоге возникает новая, внефилософская форма сомнения в реальности существующего мира. Возвращаясь к истокам вопроса, к античному скептицизму, стоит напомнить, что поднимаемые им вопросы имели *теоретический* характер, т. е. оставались в пределах философского мышления.

Свою роль играет и цифровая культура, изменяющая и жизнь общества и мировидение конкретного человека. Цифровизация большей части нашей повседневной жизни ведет к по-

явлению и вполне логичного в этом контексте допущения – а не является и мир и человек «цифрой», т. е. результатом некоей симуляции? Здесь важна не просто цифровизация как постоянно увеличивающаяся совокупность знаний и практик, предполагающих владение информационными технологиями и создающих особую реальность – метавселенную. Метавселенная – это виртуальная реальность, внутри которой происходит взаимодействие людей в цифровой форме, прежде всего это общение в социальных сетях.

И если метавселенная включает симуляцию только как элемент, то гораздо большее значение для формирования отношения к миру как компьютерной симуляции имеет распространение игровой культуры, включая как производство? так и потребление компьютерных игр (сфера киноискусства также все больше сближается с компьютерной игрой). Дается прогноз: «со временем количество симуляторов в мире намного превысит количество людей, если только человечество либо (а) не прекратит свое существование, либо (б) не столкнется с неожиданными препятствиями на пути к вычислительной мощности, либо (в) не потеряет интерес к такого рода симуляторам», причем последний пункт оценивается автором как крайне маловероятный [4, с. 425].

На сегодняшний день идея о том, что наш мир – это компьютерная симуляция, начинает привлекать не только обычных людей, но и профессиональных философов [5].

Подводя итоги, отметим, что вопрос о существовании мира имеет общечеловеческий и общеисторический характер. В явной форме возникая только в новоевропейской мысли, он не утрачивает, но, наоборот, наращивает свою актуальность, выходя за пределы сферы собственно философии и затрагивает культуру повседневности. Философская рефлексия стремится проблематизировать привычную данность мира, ставя новые вопросы в отношении мира, сознания, бытия, пытаясь прояснить и теоретически осмыслить базовое «чувство реальности» современного человека, оказавшееся поколебленным в условиях стремительного развития информационных и компьютерных технологий нашего времени.

Литература

1. Катасонов В. Н. Форма и формула (античная и картезианская геометрия) // Исторические типы рациональности. Т. 2. М. : ИФРАН, 1976. С. 79.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. В 2 ч. Ч. 1. М., 1994. С. 6.
3. Мелик-Гайказян И. В. Детерминизм и спонтанность в постнеклассическом понимании эволюции уровней информации // Причинность и телеономизм в современной научно-естественной парадигме. М. : Наука, 2002. С. 225–244.
4. Weatherson B. Are You a Sim? // The Philosophical Quarterly. 2003. Vol. 53, N 212. P. 425–431.
5. Bostrom N. Are yju living in a computer simulation? // The Philosophical Quarterly. 2003. Vol. 53, N 211. P. 243–255.

УДК 101.1:316.3

М. С. Найденов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск

СОЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗАКОНА В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Аргументируется, что проблема общественного закона в социальной философии представляет собой сложный и многогранный феномен, требующий междисциплинарного подхода и синтеза традиционных и современных методологий. Рассмотрены ключевые аспекты этой проблемы, включая отличия в позиции определения от социального закона, анализ субъектно-объектных отношений в различных философских концепциях, показан онтологический аспект данного понятия. Сделан вывод, что социальная философия сможет осуществить интеграцию классической философии и современных методов.

Ключевые слова: классическая философия, марксизм, общественный закон, соотношение общественного и социального, объект, субъект.

SOCIAL ONTOLOGICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM OF PUBLIC LAW IN SOCIAL PHILOSOPHY

The problem of public law in social philosophy is a complex and multifaceted phenomenon that requires an interdisciplinary approach and synthesis of traditional and modern methodologies. This article examines the key aspects of this problem, including key aspects of the difference in the position of definition from social law, analysis of subject-object relations in various philosophical concepts, and shows the ontological aspect of this concept. According to the author, social philosophy will be able to integrate classical philosophy and modern methods.

Keywords: classical philosophy, Marxism, public law, relationship between the social and the public, object, subject.

Проблема общественного закона является центральной для социальной философии, поскольку связана с фундаментальными вопросами о природе социальной реальности, механизмах ее функционирования и возможностях ее познания. Проблема приобретает особую значимость, поскольку требует ответа на ключевые вопросы о понимании общественного закона в науке и философии, критериев их сходства и различия; необходимо выяснение того, как выражена проблема субъекта и объекта в общественном законе, их взаимодействие. В настоящее время не существует понимания механизмов и характера реализации общественного закона в социальной философии; также представляется важным рассмотреть проблему проверки существующих определений и концепций общественного закона на их соответствие потребностям человека, существовании объективных законов в обществе; соотношение общественного закона с индивидуальной и коллективной деятельностью людей; вопрос дифференциации общественного закона в методологии социальной философии от законов естественнонаучных.

Впервые проблема общественного закона озвучена еще в античный период Платоном, поднявшим вопрос предназначения человека в государстве в соответствии с истинным началом бытия (метафизическая онтология). Вопрос о предназначении человека, его месте в государстве человеческом, участии в государстве Божиим развивалась в Средневековье св. Аврелием Августином в его творении «Град Божий». В теологических диспутах различных христианских конфессий (католицизм, протестантские направления в Эпоху реформации, православие) поднимались вопросы о бытии человека в государстве преимущественно как о переходном этапе в истинное Царство Божье после смерти (теологическая онтология); в эпоху Возрождения появился целый ряд выдающихся философов: Томас Гоббс (1651), Джон Локк (1689) и Жан-Жак Руссо (1762), которые вывели общественный закон в контексте обсуждения общественного договора на принципиально новый уровень, отчасти вернув метафизические основания в социальную онтологию, а отчасти создав предпосылки, в том числе и кризисные, продолженные Г. Гегелем, а затем и К. Марксом в их поисках основания для существования общества.

Теоретическая значимость проблемы общественного закона актуальна как для фундаментальной философии (онтология социального), так и для прикладных сфер (социология, право, психология, прогнозирование). В условиях трансформации социальных институтов анализ понятий помогает выработать новые теоретические понятия. Актуальность исследования обусловлена методологической значимостью проблемы. В методологическом отношении социальные науки испытывают состояние кризиса. В качестве примера перечислим такие значимые факты как: распад парадигмы «жестких» социальных законов К. Поппера [11]; появление концепции пост-позитивизма, занимавшейся поиском новых эпистемологических оснований; дискуссионность о природе социальной каузальности П. Хёдстрема [13].

В практическом отношении требуется переосмысление механизмов социального регулирования, стратегий коллективного действия и связанных с ними моделей будущего общества. Это обусловлено и глобальными вызовами современности, и новой сконструированной реальностью общества – цифровой реальностью, к явлениям которой можно отнести криптоэкономику, виртуальные сообщества, трансформацию трудовых отношений.

Цель данной статьи – анализ проблемно-понятийного состава концепции общественного закона; рассмотрение проблемы общественного закона в социальной философии, выявление сходства и различий в философских концепциях, которые решают данную проблематику. Термин общественный закон имеет разные трактовки в социальных науках и социальной философии. В статье использованы методы анализа, мыслительной онтологизации.

Рассмотрим первую проблему, чем является закон в науке, в социальных науках, в философии?

В широком смысле Ю. В. Сачков определяет, что для науки закон есть «утверждение, выраженное словесно или математически описывающее объективно существующие соотношения, связи между различными научными явлениями и объектами» [9]. С этим определением стоит согласиться, однако для раскрытия законов общества данных способов оказывается недостаточно.

В социальных науках общественный закон – это также устойчивая, повторяющаяся и объективная связь, только уже между социальными явлениями, которая определяет развитие общества. Как и всякий научный закон, общественный закон в науке характеризуется объективностью (независимость от воли людей), повторяемостью (проявляется в схожих условиях) и системностью (связанность с другими законами общества). В качестве примеров стоит перечислить: закон социальной стратификации П. Сорокина, закон возрастания потребностей А. Маслоу, экономический закон спроса и предложения. Относительно определения общественного закона стоит упомянуть В. Г. Кузнецова, который формулирует следующее определение: «Общественные законы – понятие, употребляемое для обозначения внутренних, объективных, необходимых, устойчивых, повторяющихся связей явлений и процессов развития и функционирования общества» [12]. На первый взгляд может показаться очевидной тождественность данных определений в научном и в философском мировоззрении. В общественных науках понятие общественного закона нередко является тождественным понятию закону социальному, от чего предостерегает Л. Я. Сорокина [10]. Термин общественный (от слова «общество» нем. – *Gesellschaft*) отождествлен с обществом в том состоянии, когда оно представляет собой целостную систему, включающую в себя институты, экономику, политику, культуру. В данном контексте происходит акцент на макроуровне: государство, нация, классы, формальные структуры, общественные отношения.

В качестве примеров следует привести: общественные отношения – взаимодействия в рамках государства, институтов и классов; общественное мнение – коллективное выражение социума; общественный строй – политическая и экономическая система.

Термин социальный (от слова «связанный с совместной жизнью» лат. – *socialis*) для социальной философии имеет более широкий смысл, поскольку охватывает любые формы взаимодействия между индивидами, акцентирован на микроуровне, затрагивая межличностные связи, группы, сообщества. В качестве примеров к социальному можно отнести: социальные сети как связи между индивидами; социальную роль как поведение человека в группе [2]. Резюмируем, что понятие «общественный» охватывает структуры и системы, понятие «социальный» применимо к взаимодействиям и связям индивидов.

Таким образом, принципиальное отличие философского подхода от подхода социальных наук к пониманию общественного закона заключено в том, что философский подход опирается на смысловую демаркацию понятий общественного и социального. Следует упомянуть философию марксизма, в которой общественные отношения противопоставлены социальным в характерном для марксизма диалектике производственного-межличностного. В некоторых случаях разница между общественным и социальным исчезает, как это происходило в либеральной философии Э. Дюркгейма. Для него социальное есть все, что выходит за рамки индивидуального, но в строгом анализе разница имеет приоритетное значение.

Следующей проблемой общественного закона закономерно выступает проблема субъекта и объекта в социальной философии, характер их взаимоотношений.

Возьмем за отправную точку понимания субъекта как носителя прав и обязанностей в социологическом и общем философском смысле, согласно которому субъект общественного

закона – это индивид (группа индивидов), обладающий следующими признаками: подчинение закону; наличие прав и обязанностей, установленными законом; может быть поощрен за неукоснительное соблюдение законодательства или привлечен за нарушение закона.

Ж. Ж. Руссо сделал центральной темой для понимания механизмов возникновения государства решение проблемы общественного закона, которая нашла свое отражение в работе «Общественный договор». В нём он рассматривает становление государства как переход от естественной анархии общества к правовому порядку, что становится достижимым именно через философскую категорию воля, а именно – общая воля. Согласно философии Руссо, происходят такие импликация и кумуляция отдельной воли каждого индивида, которые сливаются воедино и становятся всеобщей волей. В руссоизме субъект общественного закона – это гражданин, который принимает участие в формировании законов посредством общественного договора или дискуссии; признает закон легитимным в случае соответствия его общего блага.

В идеалистической философии И. Канта выстроена философская триада, где категорический императив в общем смысле являющийся проявлением максимы воли, определяет мораль, что является первичной и определяющей право, которое уже выступает гарантом для соблюдения норм морали одного индивида для другого. У И. Канта субъект общественного закона – это также носитель и морального закона, является разумным существом и носителем безусловно доброй воли, которая автономна. Государство выступает и объектом, и гарантом выражения категорического императива в актуализированной действительности.

К. Маркс выделяет понятие субъекта закона исходя из своей диалектики общественного и социального, так, субъект – угнетенные/господствующие классы, интересы которых закреплены в законодательстве, субъект также – это личность, поведение которого регламентировано экономическими и идеологическими предпосылками и текущей ситуацией.

Таким образом, для социальной философии субъект общественного закона – это как пассивный исполнитель норм, так и активный участник их созидания, интерпретации и исполнения. Актуализация субъекта в общественном законе зависит от понимания в рамках философской концепции, методологии, а также зависит от ее понятийного аппарата. Рассмотрев понятие субъекта, следует дать определению понятию объекта в общественном законе с точки зрения философских концепций.

Для социальной философии объект общественного закона относится к сфере социальных явлений и процессов, подчиненных определенным закономерностям (законам) бытия и актуализации общества. Равно как и понимание субъекта общественного закона, понятие объекта зависит от конкретной философской концепции. Понятия общественный закон и общественный договор являются во многом тождественными для философии классического либерализма.

В философии либерализма объект общественного закона – это та сфера социальной реальности, на которую направлено действие законов, устанавливаемых или признаваемых обществом и государством для обеспечения порядка, свободы и справедливости. В философии Т. Гоббса и Дж. Локка понятие общественного договора носит созидательный характер в противовес естественному праву войны всех против всех, ради которого индивиды отчуждают часть своих естественных прав.

Объект общественного договора – это и есть отчуждение прав индивида государству, которое гарантирует индивидам безопасность, неприкосновенность собственности. В собственное классической философии либерализма объект общественного договора – это то, на что направлено соглашение между индивидами при создании общества и государства и их институционализации.

Для идеализма И. Канта вовсе не имеет значения историчность объекта договора в действительности, объект общественного закона – это модель и моральное основание легитимности государства, в котором индивиды согласны на регламентацию их жизни согласно установленным правилам и отказываются от права нарушать свободу другого индивида.

Сделаем вывод, что в философии либерализма объект общественного договора есть механизм добровольного ограничения индивидуальной свободы с целью обеспечения порядка, безопасности и справедливости, решающее значение имеет защита прав человека и ограничение репрессивного характера государства. В качестве примеров актуализации объекта общественного договора можно привести государственные законы и институты. Философия И. Канта выделяется своим идеалистическим пониманием субъекта и объекта, однако их трактовка и понимание совпадают с концепцией либеральной философии.

К. Маркс, постулируя многообразие общественных законов, в своей философии определяет общественный закон в качестве объективных, устойчивых, необходимых связей в развитии общества. Если соотносить с законом о свободе воли, который К. Маркс постулирует как способность человека следствие положительной силы для проявления своей истинной индивидуальности, то объектом выступают экономические и политические права как проявления истинной свободы. Марксизм отказывается от пассивно-созерцательного положения субъекта и субъектов, а показывает его прямое влияние на всевозможные объекты: средства материального производства и производственных сил, классовые отношения.

Отдельного упоминания заслуживает трактовка понятия общественного закона в позитивизме, а также проблему субъекта и объекта. Позитивисты отводили роль для философии в качестве прикладной дисциплины, которая постулирует научные методы и законы для изучения, систематизации фактов в познании мира. Вместо социальной философии позитивисты видели ведущую роль социологии как науки, которая, как и другие науки изучает объекты своей сферы деятельности – общество и его развитие. Для Г. Спенсера объектом общественного закона является само общество, развивающееся согласно универсальным законам эволюции, закон лишь регулирует дифференциацию социальных структур, адаптацию общественных институтов к социальной среде. Г. Спенсер проводит своеобразную механическую редукцию, в которой рост народонаселения автоматически означает усложнение законодательства и ее реализацию, индустриализация заведомо опосредует традиционное право правом договорным. О. Конт выделяет объект через три стадии закона: теологическая (закон есть воля богов), метафизическая (закон есть абстрактные права), позитивная (закон есть установленные и многократно наблюдаемые причинно-следственные связи) – истинная. Для О. Конта характерно то, что он понимает объект общественного закона не как семантически тождественное понятие (права человека, общественный договор) и изучает его, но находится вне этого понятия, понимая объект как закон урбанизации, закон демографии. В философии позитивизма, обладающего реакционным характером на философию как форму общественного сознания специфична острая критика философии либерализма, что выразилось в отрицании идеи естественных прав как метафизической категории, а концепция общественного договора стала гипотетической конструкцией, которая никогда не имела места в действительности в силу отсутствия зафиксированных фактов, подтверждающих его наличие.

Основные постулаты позитивизма (научность, детерминизм, системность) позволяют нам сделать вывод о том, что в позитивизме субъект общественного закона есть носитель закона, порождающий и реализующий закономерности: общество, социальные институты, человечество в историческом развитии, а объект общественного закона – это эмпирически наблюдаемые, объективные социальные явления, подчиняющиеся естественным (а не договорным) закономерностям. Несмотря на то что крайнее неприятие позитивизмом метафизических конструкций и умозрительного характера философии в целом вывело рассмотрение проблемы общественного закона за рамки философского дискурса и редуцировало ее в рамки естественно-научных дисциплин, нельзя не подчеркнуть пользу критики позитивизмом философии на определенном этапе, которая обозначила систематические проблемы философии в области понятийного аппарата – общественные законы как законы естественного развития общества не могли не оказать на более детальное и критическое рассмотрение сущности и структурности концепции власти в философии постмодернизма, как, например, это произошло в работах М. Фуко.

Резюмируем, в социальной философии объект общественного закона – это та часть социальной реальности, на которую направлено регулирующее воздействие закона, т. е. те общественные отношения, процессы или явления упорядоченные, ограниченные и защищенные законом, различия состоят лишь от концептуального характера самой философской концепции.

Всеемблемный характер философии предполагает то, что она стремится раскрыть бытие в фундаментальном его смысле, поэтому также раскроем в онтологическом смысле социальной философии понимание общественного закона. Поскольку социальная онтология занимается изучением устройства и бытия социальной реальности, включая ее структуры, процессы и закономерности, то в этом контексте можно сформулировать несколько трактовок понимания термина общественный закон:

- объективная зависимость – независимая от воли отдельных индивидов, но реализующаяся через их деятельность;
- институционально опосредованная закономерность – не сводимая к физическим или биологическим законам, но возникающая в результате социальных практик и норм;
- исторически изменчивое явление – в отличие от универсальных законов природы, социальные законы могут трансформироваться вместе с обществом.

Существуют различные онтологические подходы к общественным законам, одним из которых является реализм (объективизм) К. Маркса и дуализм Э. Дюркгейма. Одним из ключевых общественных законов в философии марксизма становится сформированное К. Марксом и Ф. Энгельсом понятие классовой борьбы, утверждающее, что всякая историческая борьба, совершающаяся в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области действительности проявляет себя не иначе как более или менее ясное выражение борьбы общественных классов, а «существование этих классов и вместе с тем их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена» [8]. Исходной точкой классовой борьбы является противоречие интересов классов-антагонистов. К таковым следует отнести взаимоотношения классов: рабы-рабовладельцы, крестьяне-феодалы, пролетарии-буржуазия, а также взаимоотношения между господствующими классами при смене формаций.

В. И. Ленин подчеркивал, что теория классовой борьбы дала объективный критерий для «сведения индивидуального к социальному» [4]. Создание теории классовой борьбы, таким образом, предоставляет возможность для обобщения и редукции самых действий отдельных лиц к действиям больших групп лиц – классов, которые «своим положением в системе общественного производства» [3].

В онтологическом смысле марксистский общественный закон стал объективным критерием, который предоставил инструмент для теоретического обобщения исторического процесса, позволяя обнаруживать цикличность истории. В. Межуев выделяет то, что в марксизме трактовка бытия является не только метафизической и естественнонаучной, но как научно-исторической категорией: «бытие – не природа в ее оторванности от человека и не человек в его оторванности от природы, а единство человека с природой, как оно дано в процессе его трудовой деятельности» [5]. В марксизме опредмеченным является все, в том числе и облик человека, который он приобрел посредством своей деятельности [5]. Однако в этом же утверждении исследователя, напротив, подчеркивается метафизичность социальной онтологии К. Маркса, поскольку материя есть начало бытия, опредмеченность – это актуализация материи, т. е. со-бытие бытия.

Также важным для нас является то онтологическое положение в теории марксизма, что окончание «предыстории человечества» знаменует становление бесклассового общества, которое не обладает государством и характеризуется коммунистическим строем. Это общество характеризуется отсутствием классовой борьбы, отсутствием эксплуатации [7]. Таким образом, можно сделать выводы относительно данного общественного закона в социальной онтологии марксизма:

– общественный закон, т. е. классовая борьба, обладает объективной реальностью, законы которой действуют независимо от сознания людей;

– в конце истории человечества как философской категории можно предсказать утрату силы общественного закона, поскольку наступает качественно иное состояние сознания индивидов, составляющих общество.

Значение марксистской теории классовой борьбы сложно переоценить, она оказала колоссальное влияние как на развитие собственно онтологии марксизма, так и на другие подходы исследования общества: миросистем И. Валлерстайна, информационный Д. Белла, Ф. Уэбстера, трехволновую типологию Э. Тоффлера. Оппонирующие марксистскому характеру социальные онтологии хоть и предполагают прямое отрицание общественного закона как борьбы общественно-экономических формаций, но в процессе рефлексии исторически занимают его переосмыслением, что предполагает его универсальность.

Э. Дюркгейм разработал принципиально иной подход относительно общественного закона, который базируется на разработанной им в произведении «Правила социологического метода» (1895 г.). В своем исследовании Э. Дюркгейм отталкивается от понятия социального факта как базового понятия, который определяется как «всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; или иначе: распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений» [1].

Такие категории у Э. Дюркгейма как «образы мыслей, действий и чувствований (*manieres d'agir, de penser et de sentir*) обладают тем замечательным свойством, что существуют вне индивидуальных сознаний» [1]. Э. Дюркгейм обосновывает онтологически существование фактов, приводя в качестве их примеров самые разнообразные устойчивые системы: языковые, правовые, профессиональные религиозные, национальные, которые существовали, существуют и будут существовать задолго до появления, во время жизни и после завершения жизни того или иного индивида. Дюркгейм выделял собственную природу социальных фактов, существующих вне зависимости от сознания и волевых устремлений индивидов.

Социальный факт, согласно Э. Дюркгейму, возникает из процессов и тех коллективных сил присутствующих в обществе, обладающих своей силой и авторитетом. Законы в обществе соблюдаются по той причине, что как социальный факт они имеют принудительный, санкционный характер.

Какой же тогда онтологический смысл содержится в учении о социальных фактах? Каково происхождение общества? Любой общественный договор, любая система могут претендовать на этот смысл по тому обстоятельству, что любое устойчивое явление можно идентифицировать как факт. Помогает решить данные вопросы Д. Г. Подвойский, который акцентирует внимание на вопросе бытия общества в работе Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда»: «социальный порядок цементируется изнутри благодаря существованию межчеловеческой солидарности. Солидарность есть элементарное условие и предпосылка всякой социальной связи; узлы солидарности скрепляют социальные единства большого и малого объема, обеспечивая историческое воспроизводство их структур» [6]. Дюркгейм выделяет два основных типа социальной солидарности: механическая и органическая, которые одновременно находятся в каждом из индивидов, в свою очередь имеющих два сознания: коллективное и индивидуальное. Механическая, т. е. коллективная, солидарность является доминирующей именно в тот момент становления и развития общества, когда сходства индивидов имеют решающее значение для объединения между собой, вытесняя индивидуальное сознание на периферию бытия. Органическая солидарность может возникнуть только тогда, «когда каждый индивид имеет свою сферу деятельности, следовательно, и личность» [1]. Д. Г. Подвойский подчеркивает, что механическая солидарность – более ранняя и более примитивная форма солидарности. Она основана на сходствах. Органическая солидарность порождается разделением труда (последний термин употребляется Дюркгеймом в расширительном, не узко экономическом значении). Эта разновидность социальной солидарности появляется лишь в относительно развитых обществах и по ходу исторического развития все

более вытесняет солидарность механическую. Социальные единства, основанные на сходствах, с течением времени уступают место социальным единствам, основанным на разнообразии» [6]. Разделение труда у Э. Дюркгейма является прямым предшественником появления закона социальной солидарности – переход от механической (в примитивных обществах) к органической (в индустриальных обществах) солидарности под влиянием разделения труда. Таким образом, в качестве общественного закона мы можем выделить именно закон социальной солидарности. Для Э. Дюркгейма данный закон не является переходящим, периоды кризиса в общественном бытии и кризисе законов (в широком смысле этого слова), которые он определяет, как проявления аномии – суть преодолимые и конечные процессы, которые есть негативное состояние общества, но которые заканчиваются положительным состоянием.

На рассмотренных примерах двух концепций реализма и дуализма социальной онтологии, несмотря на их существенные различия, можно выделить немалые сходства относительно общественного закона: общественный закон в реализме и дуализме существует объективно и независимо от индивидуального сознания и воли людей в онтологическом смысле: социальные структуры рассматриваются в качестве внешних и принудительных по отношению к индивидам, обладающие собственной логикой развития.

Общество в реализме и в дуализме несводимо к совокупности психических и биологических реакций – социальный закон формирует отдельный уровень бытия; социальные структуры (нормы, институты, экономические отношения) существуют до индивида, определяя его поведение; в реализме происходит детерминация – несмотря на реализацию общественного закона через людей, они действуют с неотвратимой необходимостью. Онтологически концепции общественного закона в реализме показывают свою субстанциональность – и у К. Маркса, поскольку движение происходит от материи к материи, несмотря на формальный отказ от метафизичности в марксизме; в дуализме Э. Дюркгейма роль субстанции занимает общество, несмотря на гетерогенность бытия в его философии.

В социальных науках и философии общественный закон понимается как устойчивая, повторяющаяся и объективная связь между социальными явлениями. Однако философский подход подчеркивает смысловую демаркацию между понятиями «общественный» (макроуровень, структуры) и «социальный» (микроуровень, взаимодействия), что позволяет глубже раскрыть природу социальной реальности. Общественный закон становится активны посредством своего выражения в виде общественных институтов, непреодолим посредством своей легитимности вне зависимости от желаний и действий отдельного индивида.

Субъект и объект общественного закона. В зависимости от философской традиции (либерализм, марксизм, позитивизм) субъект и объект закона интерпретируются исходя из оснований философской концепции. Отношения субъекта и объекта предполагают первичную активность субъекта, которая предопределяет активность объекта, выполняющий уже свои функции прямым или косвенным действием на субъект.

Социальная онтология раскрывает общественный закон как объективную зависимость, институционально опосредованную закономерность или исторически изменчивое явление. Концепции К. Маркса (классовая борьба) и Э. Дюркгейма (социальная солидарность) демонстрируют разные подходы к пониманию бытия общества, подчеркивая его несводимость к индивидуальным действиям. Применительно к современной действительности в обеих концепциях демонстрируется бинарная позиция, которая показывает неадекватность для рассмотрения явлений не вписывающихся в рамки этих концепций, к таковым следует отнести появление цифрового общества и связанного с ним явлений: цифровизации религии, государства, цифровой экономики, цифровых криптогосударств.

Марксизм может дать ответ своими тезисами о банковском капитале, однако в случае с криптовалютой урегулирования на уровне государств нет, онлайн-биржа выступает автономной системой, которая диктует свои правила во многом независимо от перераспределения производительных сил на мировом рынке, а опираясь на цифровые данные, существующие согласно внутренним закономерностям. Человеческий ресурс как таковой в этой реальности принимает в этих процессах уже весьма опосредованное и ограниченное участие.

Исходя из рассмотренных примеров относительно концепции данной философии, мы можем ответить, что последует реакция объекта общественного закона на субъект в виде лишения прав. Однако уже здесь мы видим, что становится невозможной прогностическая функция философии относительно того, когда гипотетическая агрессия на внешних врагов может смениться на аутоагрессию, т. е. атакой членов квазирелигиозного сообщества на самих себя в виде противоправных действий, которые угрожают свободе, здоровью и жизни индивида.

Позитивистский взгляд на проблему общественного закона с одной стороны, показывает аннигиляцию философии как формы сознания, которая имеет ценность, а с другой стороны – обозначил излишнюю умозрительность классической философии, которая онтологически не готова сделать отказ от своих метафизических оснований.

Представляются два пути для классической философии в разном направленном движении: деконструкция онтологических оснований – с одной стороны; пересмотру процедуры формализации для фиксации новых форм социальности и их урегулирования понятием общественного закона, внесением в субъектно-объектные отношения – с другой. Для представителей классической философии в современном мире это не представляется возможным без допущения гетерогенности онтологическом смысле, либо формирования тех категорий, которые будут обеспечивать необходимую метафизику оснований.

В настоящем времени классические философские концепции сталкиваются с новыми реалиями, такими как цифровизация, криптоэкономика и виртуальные сообщества, которые требуют переосмысления традиционных категорий. Это ставит перед социальной философией задачу адаптации или деконструкции онтологических оснований для адекватного описания современных социальных процессов. Положительным явлением для развития классической социальной философии становится ввод новых понятий на примере дуализма, таких, как анония у Э. Дюркгейма, которое показывает нелинейность, но определенную цикличность в развитии общества.

Таким образом, проблема общественного закона остается актуальной и открытой для дальнейших исследований. Классические философские концепции, несмотря на их ограничения и онтологические противоречия, продолжают служить важной основой для понимания социальной реальности, однако требуют критического переосмысления в контексте новых вызовов. Для социальной философии очень важно сочетать синкретический подход, основанный на традиционной и инновационной методологиях, что позволит удовлетворить запрос для ключевого решения методологических кризисов.

Литература

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесл. А. Б. Гофмана. М: Наука, 1991. С. 126–422.
2. Кильдюшов О. В. Категориальная дихотомия *Gemeinschaft/Gesellschaft* в социологической классике: Тённис – Вебер – Фрайер – Парсонс // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 1. С. 9–25.
3. Ленин В. И. Великий почин. Изд. 5-е, Т. 39. М. : Изд-во полит. лит., 1970. С. 15.
4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 1. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1967. С. 429.
5. Межуев В. Идея всемирной истории в учении Карла Маркса // Логос. 2011. № 2 (81). С. 8.
6. Подвойский Д. Г. Социологический реализм Эмиля Дюркгейма // Человек. Сообщество. Управление. 2004. № 2. С. 117–118.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 13. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 6–15.
8. Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения. Изд. 2-е, Т. 21. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 259.
9. Сачков Ю. В. Научный метод // Вопросы и развитие. Изд. 2-е. М: Ленанд, 2015. С. 5.
10. Сорокина Л. Я. Лекция 4. Категории, понятия и законы социологии // Учебные курсы. Институт социальных наук Иркутского государственного университета. URL: <https://socio.isu.ru/ru/chairs/ksf/courses/HIMIKI/lekcii/4/> (дата обращения: 01.05.2025).
11. На пути к открытому обществу: идеи Карла Поппера и современная Россия / ред. А. Н. Чумаков. М: Весь мир, 1998. 256 с.
12. Словарь философских терминов // Научная редакция профессора В. Г. Кузнецова. М. : ИНФРА-М, 2007. С. 381.
13. Hedström P., Ylikoski P. Causal mechanisms in the social sciences // Annual Review of Sociology. 2010. Vol. 36. P. 52–65. URL: https://www.researchgate.net/publication/228276967_Causal_Mechanisms_in_the_Social_Sciences(дата обращения: 28.04.2025)
14. Medd W. Complexity Science and the Social World. <https://doi.org/10.1016/B01–12–369398–5/00496–5>

УПРАВЛЕНИЕ РЕСУРСНЫМ РЕГИОНОМ В АСПЕКТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье анализируется процесс цифровой трансформации государственного управления на примере Кемеровской области. Рассматриваются ключевые аспекты внедрения цифровых технологий в регионе, включая развитие инфокоммуникационной инфраструктуры, реализацию проектов электронного правительства и преодоление вызовов, таких как цифровое неравенство и кадровый дефицит. Особое внимание уделено флагманскому проекту «Кузбасс Онлайн», который стал инструментом взаимодействия власти и общества. Анализируются нормативно-правовые основы цифровой трансформации, а также её влияние на социально-экономическое развитие региона.

Ключевые слова: цифровая трансформация, государственное управление, электронное правительство, цифровое неравенство, Кемеровская область, «Кузбасс Онлайн», информационные технологии, региональное развитие.

М. А. Martynov

Kemerovo State University, Kemerovo

RESOURCE REGION MANAGEMENT IN TERMS OF DIGITAL TRANSFORMATION

The article examines the process of digital transformation in public administration using the example of the Kemerovo region. Key aspects of digital technology implementation are explored, including the development of information and communication infrastructure, e-government projects, and overcoming challenges such as digital inequality and workforce shortages. Special attention is paid to the flagship project «Kuzbass Online», which serves as a tool for interaction between authorities and society. The legal framework for digital transformation and its impact on the socio-economic development of the region are analyzed.

Keywords: digital transformation, public administration, e-government, digital inequality, Kemerovo region, information technology, regional development.

Сам термин цифровая трансформация – это сложное и многогранное понятие, которое может трактоваться в широком смысле. Цифровая трансформация объединяет множество факторов и явлений, а ее значение может изменяться в зависимости от контекста. По мнению политолога А. В. Черданцева цифровая трансформация – это процесс перехода от аналоговых систем к информационной системе, что создает условия для динамичного развития системы в зависимости от технологичных изменений. Сам переход подразумевает повышение эффективности работы системы, так как цифровые технологии позволяют оптимизировать процессы системы, улучшают управление данными и обеспечивают более гибкое взаимодействие между элементами системы [6].

Вопрос эффективного государственного управления является острым и дискуссионными и на сегодняшний день. Актуальность поддерживается потребностью со стороны общества в максимально эффективном и результативном государственном управлении. Цифровые технологии, которые с каждым днем все больше проникают в нашу жизнь, не могли не затронуть и сферу государственного управления. Органы власти уже стараются внедрять цифровые технологии для выполнения задач более эффективно и оперативно. Цифровизация государственного управления берет на себя роль повышения эффективности взаимодействия государства и общества, при этом уменьшая затраты, связанные с бюрократией и администрированием. Некоторые авторы рассматривают цифровую трансформацию как «зонтичный» термин, который объединяет в себе ряд нескольких понятий [1; 3; 7]. Понятие цифровой трансформации описывает значительные изменения в социально-культурной и организационной сфере, благодаря внедрению новых технологичных решений. Важным объектом цифровизации является использование большого потока информации и искусственного интеллекта для анализа и прогнозирования процессов.

Данные инструменты будут способствовать более оперативному реагированию органов власти на общественные изменения, сделать прогноз последствий, тем самым с получен-

ными данными принять более эффективное решение. Ю. В. Ирхин выделяет концепцию «Электронного правительства», в которой вся система органов власти работает как единая организация, специализирующаяся на предоставлении государственных услуг. Особое внимание автор уделяет принципу обратной связи, с использованием централизованных систем интернета повышается качество и скорость предоставляемой государственной услуги, тем самым повышая саму эффективность работы правительства [4]. В целом концепция «Электронное правительство» представляет собой, как специализированная совокупная система взаимодействия граждан и гражданского общества с исполнительной властью, посредством использования цифровых технологий и сети Интернет.

По мнению исследователей У. Даттона, А. Д. Трахтенберга и Е. Г. Дьяковой цифровая трансформация в системе государственного управления – это использование государственными органами виртуальное пространство в целях повышения эффективности функционирования государственных услуг и повышение эффективности в целом власти [8]. А. А. Джикия и М. Д. Джикия под цифровой трансформацией государственного управления понимают, качественное изменение модели функционирования государства, в аспектах мобильности и скорости, а также оптимизация отдельных элементов, стадий и процедур при помощи цифровых технологий [2]. Важно отметить, что именно качественная составляющая, эффективность, повышение удобства для население, тем самым увеличивая удовлетворенность граждан – все эти аспекты, являются базовыми позициями, обосновывающими выбор развития цифрового вектора государственного механизма.

В сфере государственного управления существует множество вызовов, например: повышенные ожидания граждан, зависимость от политической повести дня, сложность развития муниципалитетов. Все эти вызовы требуют новых решений, на которые современные технологии потенциально могут дать ответ. Мергель, Эдельман, Хауг выделяют ряд характеристик концепции цифрового трансформирования в государственном управлении. Исходя из данных характеристик цифровая трансформация включает в себя комплексный подход, на который в значительной степени влияют внешние факторы, такие как: использование современных технологий государственными органами управления, которые постоянно нуждаются в частой корректировке своих процессов, в зависимости от меняющихся внешних потребностей, что вероятно приведет к улучшению взаимодействия между государственными органами и заинтересованными сторонами, повышению удовлетворенности граждан и изменению бюрократической и организационной культуры [9].

Электронная демократия является одной из самых сложных функций электронного государства, как в плане реализации, так и в плане поддержания. Электронная коммерция направления на финансово-деловую связь между государством, бизнесом и гражданами. В рамках электронной коммерции обмен денег на товары и услуги осуществляются в сети интернет. Например, граждане могут оплачивать налоги, коммунальные услуги, не выходя из дома. Это способствует оптимизации и упрощению финансовых операций, как для государства, так и для граждан.

Рассмотрим основные нормативно-правовые акты, регулирующие цифровую трансформацию. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу развития до 2036 года» данный документ закрепил цифровую трансформацию как одну из национальных целей России.

Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» Согласно Указу, оценкой эффективности является показатель «цифровой зрелости» органов государственной власти, местного самоуправления и организаций.

Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 18.11.2020 № 600 «Об утверждении методик расчета целевых показателей национальной цели развития Российской Федерации «Цифровая трансформация».

Распоряжение Правительства от 22.10.2021 № 2998-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» в документе были зафиксированы задачи цифровой трансформации государственного управления» в документе были зафиксированы соответствующие задачи цифровой трансформации государственного управления, проекты и показатели.

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Глава 28 Уголовного кодекса посвящена преступлениям в сфере компьютерной информации. Статья 272 предусматривает ответственность за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации. Статья 273 устанавливает ответственность за создание, распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации. Статья 274 предусматривает ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и окончного оборудования, а также правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям, повлекшее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации. Статья 274.1 устанавливает ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, т. е. за создание, распространение и (или) использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, в том числе для уничтожения, блокирования, модификации, копирования информации, содержащейся в ней, или нейтрализации средств защиты указанной информации. Таким образом, глава 28 Уголовного кодекса играет важную роль в обеспечении информационной безопасности и борьбе с киберпреступностью.

В Федеральном законе от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» особое внимание уделяется вопросам международного сотрудничества в сфере науки и технологий, а также интеграции российской науки в мировую научную систему. Закон также предусматривает меры по сохранению и развитию научного потенциала страны, повышению квалификации научных кадров и привлечению молодых специалистов в науку. В целом Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ является важным инструментом государственного регулирования в сфере науки и технологий, способствующим развитию научного потенциала страны и повышению ее конкурентоспособности на мировой арене.

Таким образом, рассмотренные нормативные акты формируют основу для регулирования цифровой трансформации России, обеспечивая баланс между свободой информации и необходимостью защиты интересов государства и граждан.

По последним официальным данным Росстата, численность населения Кемеровской области на начало 2025 г. составила около 2 547,7 тыс. чел. Для региона характерна устойчивая тенденция сокращения населения: с 2021 по 2024 г. количество жителей уменьшилось примерно на 2 % вследствие естественной убыли и миграционного оттока. Урбанизация в Кузбассе находится на одном из самых высоких уровней в стране – почти 88 % населения проживает в городах и посёлках городского типа (для сравнения, в среднем по России этот показатель около 75 %). Высокая плотность населения для Сибири (около 26–27 чел. на км²) обусловлена наличием крупных промышленных центров – Кемерово, Новокузнецка, Прокопьевска и других городов-спутников, образующих агломерации в долинах рек Томь и Кондома. Регион занимает 17-е место в РФ по численности населения, хотя за последние десяти-

летия население сократилось с более чем 3 млн чел. в конце 1980-х гг. до текущих показателей 2600 тыс. чел. по официальным данным Росстата.

Демографическая ситуация накладывает ограничения на рынок труда и перспективы развития человеческого капитала. Уменьшение числа трудоспособных жителей требует повышения производительности и привлечения новых технологий. В то же время высокая доля городского населения потенциально облегчает распространение цифровых сервисов, поскольку большинство жителей сконцентрированы в населённых пунктах с развитой инфраструктурой. Территориально Кузбасс относительно компактен и освоен в сравнении с другими сибирскими регионами, что создаёт благоприятные условия для развития сетей связи и транспортной доступности даже в отдалённых районах области.

Экономика Кемеровской области традиционно базируется на добывающем секторе и крупных промышленных предприятиях. Регион известен как основной угледобывающий центр страны – на долю Кузбасса в последние годы приходилось порядка 55–60 % всего добываемого в России угля. Помимо угольной отрасли, существенный вклад в валовой региональный продукт (ВРП) вносят металлургия, химическое производство, энергетика и машиностроение. По объёму ВРП Кузбасс входит в топ-25 регионов РФ, занимая 21-е место в 2018 г.; в последующие годы экономика региона демонстрировала рост вплоть до 2023 г. Так, в 2023 г. ВРП области (в текущих ценах) достиг уровня порядка 2,08 трлн руб., что стало одним из самых высоких показателей за всю историю региона. Однако в 2024 г. на фоне внешнеэкономических факторов и конъюнктуры сырьевых рынков ВРП снизился примерно на 6 % – до 1,95 трлн руб. по предварительной оценке.

Структура экономики Кузбасса остаётся преимущественно сырьевой. По данным областных органов статистики, на добычу полезных ископаемых приходится около 35–37 % ВРП, на обрабатывающие производства – порядка 15–17 %, ещё около 10 % составляет торговля и сфера услуг. Угледобывающая отрасль является системообразующей: в 2023 г. было добыто свыше 240 млн тонн угля, а в 2024 г. – около 223 млн тонн (небольшое снижение на 8 % год-к-году). Кузбасс также крупный производитель стали, алюминия, минеральных удобрений, электроэнергии. Такой отраслевой профиль обуславливает высокую энергоёмкость экономики и определённую зависимость от мировых цен на сырьё. В тоже время региональный бюджет и занятость существенно зависят от градообразующих предприятий, что стимулирует власти диверсифицировать экономику. Социально-экономическая стратегия развития Кузбасса до 2035 г. подчёркивает необходимость перехода к инновационной экономике и развитию несырьевых секторов, в том числе за счёт цифровизации промышленности и услуг. Таким образом, цифровая трансформация региона рассматривается как инструмент для повышения конкурентоспособности традиционных отраслей (через автоматизацию, использование больших данных и др.) и создания новых точек роста в секторе информационных технологий [5].

Развитие инфокоммуникационной инфраструктуры в Кемеровской области в последние годы обеспечило необходимые условия для активной цифровизации. По данным Министерства цифрового развития и связи Кузбасса, к концу 2024 г. 84,3 % домохозяйств региона имели доступ к широкополосному интернету, тогда как в сельской местности этот показатель достиг 74,6 %. Для сравнения, ещё несколько лет назад проблема цифрового неравенства стояла остро: многие отдалённые посёлки не имели высокоскоростного подключения. В рамках федерального проекта «Устранение цифрового неравенства 2.0» в период 2019–2021 гг. в Кузбассе проведена большая работа по подключению малых населённых пунктов. За эти годы обеспечены связью стандарта 2G и мобильным интернетом 4G 80 сельских поселений с общей численностью около 17,5 тыс. жителей. Кроме того, к волоконно-оптическим сетям подключено 875 социально значимых объектов – школы, ФАПы, сельские администрации, библиотеки, большинство из которых (89 %) расположены в сельской местности. Таким образом, практически все образовательные и медицинские организации региона получили высокоскоростной доступ в интернет.

Текущие показатели развития телекоммуникаций свидетельствуют о достигнутой практически полной базовой покрытости территории услугами связи. 100 % городских населённых пунктов области обеспечены стационарной телефонной связью, по сельским территориям телефонизация превышает 74 % поселений. Подавляющее большинство населения пользуется мобильной связью: по оценкам, не менее 93 % всех населённых пунктов Кузбасса находятся в зоне уверенного приёма сигналов сотовых операторов. Сетями стандарта 4G-LTE охвачены как города, так и значительная часть сельской территории. Внедрение технологий 5G пока находится на начальной стадии (пилотные зоны связи пятого поколения развёрнуты в столице региона г. Кемерово в ограниченных локациях), однако существующей пропускной способности 4G в целом достаточно для основных нужд населения и бизнеса [5].

Значительное внимание уделяется развитию инфраструктуры электронного правительства и защищённых сетей передачи данных для органов власти. Создана опорная мультисервисная сеть связи правительства Кузбасса, объединяющая районные центры с областными ведомствами. Развиваются региональные дата-центры, обеспечивающие хранение и обработку данных государственных информационных систем. В рамках национальной программы «Цифровая экономика» регион получил финансирование на модернизацию линий связи, установку базовых станций в удалённых районах и создание точек доступа Wi-Fi в общественных местах. Всё это позволило Кемеровской области достигнуть к 2024 г. высокого уровня доступности цифровых коммуникаций.

Столь высокий уровень развития коммуникаций создаёт прочную основу для цифровой трансформации. Большинство жителей Кузбасса технически имеют возможность пользоваться электронными услугами, онлайн-образованием, телемедициной и другими благами цифровой экономики. Вместе с тем сохраняются различия между городом и селом в качестве и скорости соединения: сельские пользователи нередко ограничены мобильным интернетом, тогда как в городах широко доступен проводной широкополосный доступ и сети 4G/5G. Разрешение этих диспропорций является частью задач по дальнейшему развитию инфраструктуры «Цифрового региона».

Кузбасс, обладая развитой промышленной базой и сравнительно современной ИКТ-инфраструктурой, тем не менее сталкивается с рядом вызовов на пути цифровой трансформации. Один из ключевых вызовов связан с необходимостью диверсификации экономики и обновления технологий в базовых отраслях. Угледобыча и металлургия, будучи фундаментом регионального хозяйства, остаются энергозатратными и экологически напряжёнными отраслями. Повышение их эффективности и экологичности требует внедрения цифровых решений: систем автоматизации добычи, промышленного интернета вещей, интеллектуального анализа данных для управления производством и логистикой. Задача осложняется тем, что значительная часть оборудования и программного обеспечения ранее была импортной, а в текущих условиях санкций встала необходимость импортозамещения и развития отечественных цифровых платформ в промышленности. Регион видит возможность в создании собственных ИТ-решений для промышленного сектора, опираясь на опыт крупных компаний и научно-технологический потенциал вузов Кузбасса [5].

Ещё одна проблема – кадровый дефицит в сфере информационных технологий и цифровых компетенций. Исторически профиль подготовки кадров в области был ориентирован на горное дело, инженеррию, энергетику. Сегодня наблюдается повышенный спрос на ИТ-специалистов, аналитиков данных, специалистов по кибербезопасности как в госуправлении, так и на предприятиях. Отток молодых талантов в столичные регионы и за рубеж усугубляет эту ситуацию. В ответ в Кемеровской области реализуются образовательные инициативы: создаются центры обучения программированию для школьников («ИТ-куб», см), открываются кафедры информационных технологий в региональных университетах, привлекаются федеральные программы переподготовки кадров в рамках нацпроекта «Цифровая экономика». Упор делается на то, чтобы готовить специалистов внутри региона и создавать для них рабочие места через привлечение ИТ-бизнеса в Кузбасс.

Цифровое неравенство между различными группами населения – ещё один вызов. Речь идёт не только о городских и сельских жителях (как отмечалось выше, доступ в интернет у селян ниже), но и о поколенческом разрыве [7]. Значительная часть сельского населения – люди старшего возраста, которым сложно освоить новые технологии. Для решения этой проблемы органы власти проводят обучающие программы по цифровой грамотности. Показательна инициатива создания региональной цифровой платформы по финансовой грамотности: как отмечают представители Госдумы, Кузбасс стал одним из немногих регионов, запустивших подобный сервис, где жители разных возрастов – от школьников до пенсионеров – могут пройти интерактивные курсы по работе с банковскими продуктами, онлайн-сервисами и безопасному поведению в интернете. Подобные проекты позволяют вовлечь более широкие слои населения в цифровую среду и преодолеть психологические барьеры перед использованием электронных услуг.

Наряду с вызовами, у Кемеровской области имеются существенные возможности для успешной цифровой трансформации. Во-первых, региональная власть демонстрирует политическую волю и стратегический подход к цифровизации. Стратегия цифровой трансформации Кузбасса, утверждённая в 2022 г., охватывает 13 ключевых сфер деятельности и включает 74 проекта, что говорит о комплексном охвате экономики и социальной сферы. В приоритетах – здравоохранение, образование, государственное управление, городское хозяйство, транспорт, промышленность, строительство, экология, спорт и другие направления. Таким образом, цифровизация не сведена к отдельным точечным инициативам, а интегрирована во все основные отрасли [1].

Во-вторых, регион получает поддержку по линии федеральных программ и национальных проектов. С 2020 по 2024 г. Кузбасс участвовал в нацпроекте «Цифровая экономика», благодаря чему были привлечены средства на развитие инфраструктуры и сервисов (как уже упоминалось: интернетизация сёл, создание регионального портала госуслуг, и др.). Начиная с 2024 г. область присоединилась к новому национальному проекту «Цифровые технологии» (также обозначаемому как проект развития «экономики данных»). Этот общероссийский курс предполагает повсеместное внедрение искусственного интеллекта, больших данных и других сквозных технологий, которые должны дать к 2030 г. весомый прирост ВВП страны. Для Кузбасса участие в подобных инициативах открывает возможности модернизировать традиционные отрасли (использование ИИ для оптимизации добычи угля или перевозок) и развивать новые технологичные направления бизнеса. Регион уже сделал заметный шаг вперёд: уровень цифровой зрелости ключевых отраслей экономики Кузбасса по итогам 2024 г. достиг 90,8 % (в 2021 г. он не превышал 50 %) [5].

Такой рост показателя свидетельствует о правильности выбранного подхода и готовности экономики воспринять цифровые инновации. В совокупности, сочетание благоприятных факторов (высокая урбанизация, поддержка центра, собственные инициативы) и преодоление имеющихся проблем позволяют рассчитывать, что цифровая трансформация Кемеровской области будет углубляться, принося ощутимые социально-экономические эффекты.

Одним из флагманских проектов цифрового Кузбасса, получившим признание на федеральном уровне, стала цифровая платформа «Кузбасс Онлайн». Это уникальный для региона мобильный и веб-сервис, запущавшийся как часть федерального проекта «Умный город» Минстроя РФ. Основная цель платформы – вовлечение граждан в решение вопросов местного значения и налаживание прямого взаимодействия между жителями и органами власти [5]. По сути, «Кузбасс Онлайн» сочетает функции портала обращений граждан, информационного ресурса о жизни региона и инструментов электронной демократии.

Функционал платформы. Приложение и веб-портал «Кузбасс Онлайн» обладают широкими возможностями, охватывающими различные аспекты взаимодействия граждан с властью. Ключевой модуль – «Сообщения», через который любой житель может направить обращение о проблеме в своем городе или районе, сообщения касаются ям на дорогах, неубранного мусора, перебоев с отоплением, необходимости ремонта детской площадки и т. п. Система автоматически направляет обращение в нужное муниципальное ведомство или

службу, после чего заявитель может отслеживать ход его рассмотрения. По регламенту ответ должен быть предоставлен в течение 14 рабочих дней. За пять лет работы через платформу было обработано порядка 260 000 обращений граждан – от жалоб на несвоевременную уборку снега до предложений по созданию новых парков отдыха [5].

Помимо модуля обращений, «Кузбасс Онлайн» предлагает ряд других сервисов. В разделе «Новости» публикуется актуальная информация о событиях в регионе – официальные сообщения, объявления о важных изменениях, отчеты о проделанной работе. Раздел «Афиша» позволяет жителям планировать досуг: там собрана информация о культурных и спортивных мероприятиях, выставках, концертах по всему Кузбассу. Интересной возможностью платформы являются «Прямые линии» – отдельные модули, через которые граждане могут задавать вопросы напрямую Губернатору области или главам своих городов в рамках подготовительных этапов к прямым эфирным сессиям вопросов-ответов. Это существенно облегчает сбор волнующих население вопросов и делает диалог власти и общества более адресным.

Элементы электронной демократии реализованы через модули «Опросы» и «Народные голосования». Первый используется администрациями для сбора мнения жителей по разным актуальным вопросам (по выбору названия нового общественного пространства или по удовлетворённости качеством работы поликлиник). Второй модуль служит для голосования по проектам инициативного бюджетирования – жители могут предлагать и отбирать проекты благоустройства, которые затем будут профинансированы. Результаты таких народных голосований обязательно учитываются при принятии решений, что стимулирует гражданскую активность.

Платформа также содержит блоки, направленные на повышение информированности и удобства в повседневной жизни. Модуль «Туризм» предлагает справочник по достопримечательностям и туристическим маршрутам Кузбасса, что способствует развитию внутреннего туризма. Модуль «ФинЗогто» – инновационная для региональных приложений функция, посвящённая финансовой безопасности: в нём публикуются материалы о распространённых схемах мошенничества, советы как защитить себя и близких. Это особенно актуально для пожилых людей, часто становящихся жертвами телефонных и онлайн-мошенников. Наконец, интеграция с ЖКХ-сервисом реализована через модуль «Передача показаний и оплата ЖКХ»: пользователи могут прямо в приложении вносить данные своих счётчиков воды и электроэнергии, а также оплачивать коммунальные услуги онлайн. Кроме того, есть сервис получения уведомлений об отключениях (воды, электричества, газа) во время ремонтных работ – эти предупреждения помогают людям заранее подготовиться к временным неудобствам [5].

Развитие и достижение платформы. Проект «Кузбасс Онлайн» стартовал примерно в 2018–2019 гг. За относительно короткий срок он сумел охватить значительную аудиторию. По состоянию на начало 2025 г. в системе зарегистрировано около 450 тыс. пользователей, что составляет примерно четверть трудоспособного населения области. Для регионального приложения столь высокая вовлечённость – серьёзный успех, свидетельствующий о доверии граждан к этому инструменту. Платформа стала по-настоящему народным сервисом: ей пользуются жители всех городов и районов Кузбасса, от студентов и рабочих до пенсионеров. Этому во многом способствовала активная поддержка со стороны властей – лично губернатор и мэры продвигают сервис, регулярно отчитываются о решённых через него проблемах, что повышает его авторитет.

К 2024 г. «Кузбасс Онлайн» был признан одной из лучших практик цифровизации городского управления в стране. По оценке Минстроя России, кузбасская платформа входит в топ-5 цифровых систем стандарта «Умный город», наряду с аналогичными решениями крупнейших регионов. Такой высокий рейтинг обусловлен не только количеством пользователей, но и разнообразием функций и эффективностью работы сервиса.

Обращения граждан обрабатываются в сотрудничестве всех уровней власти – от правительства области до сельских администраций, а также управляющими компаниями и ресурсоснабжающими организациями. Благодаря этому за относительно небольшое время удаётся решать многие вопросы: по данным разработчиков, значительная часть обращений (бо-

лее 70 %) закрывается положительно, т. е. проблема устраняется либо гражданин получает необходимую помощь. Такой результат заметно повышает удовлетворённость населения деятельностью властей [1].

Платформа «Кузбасс Онлайн» продолжает совершенствоваться. Планируется внедрение новых функций, таких как карта благоустройства (где жители смогут видеть планы ремонта дворов, дорог, сроки исполнения проектов) и интеграция с другими государственными сервисами. Важной перспективой является анализ больших данных, накапливаемых в системе: обращения граждан позволяют выявлять наиболее проблемные точки на карте региона, оценивать работу конкретных муниципалитетов. Губернатор и правительство используют эти данные для управления – районы с большим числом жалоб берутся на особый контроль. Таким образом, «Кузбасс Онлайн» стал не просто сервисом для жалоб, а полноценным инструментом народного контроля и участия. Он повышает прозрачность работы власти, поскольку каждый житель может напрямую задать вопрос или указать на недостаток и получить официальный ответ. Возросшая взаимосвязь между обществом и руководством региона укрепляет доверие и помогает более адресно решать назревшие проблемы.

Можно заключить, что за несколько лет Кемеровская область благодаря платформе «Кузбасс Онлайн» совершила рывок в развитии концепции «умного региона». Использование современных ИТ-решений на благо жителей позволило улучшить обратную связь, ускорить реагирование на местные проблемы и вовлечь граждан в процессы управления. Флагманский проект «Кузбасс Онлайн» стал ярким примером успешной цифровой трансформации, повысив прозрачность управления и вовлечённость граждан в решение локальных проблем. Его опыт может быть полезен другим регионам России, стремящимся к эффективному внедрению цифровых технологий в государственное управление. В перспективе дальнейшее развитие цифровизации в Кузбассе должно быть направлено на углубление интеграции искусственного интеллекта и больших данных в процессы принятия решений, а также на сокращение цифрового разрыва между различными группами населения. Успешная реализация этих мер позволит региону не только повысить эффективность управления, но и укрепить свою конкурентоспособность в масштабах страны.

Таким образом, цифровая трансформация в Кемеровской области является важным шагом на пути к созданию современной, технологичной и ориентированной на граждан системы государственного управления.

Литература

1. Бирюков С. В., Кисляков М. М. Политический маркетинг: к модернизации концепта, его методологических и политико-технологических оснований // Вестник Томского государственного университета. Филология. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 168–179.
2. Джикия А. А., Джикия М. Д. Цифровая трансформация: управление и экономика. М. : ИНФРА-М, 2023. 198 с.
3. Дмитриева Н. Е., Санина А. Г., Стырин Е. М. Цифровое государство: концепции и вызовы. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2021. 184 с.
4. Ирхин Ю. В. Электронное правительство: институты и технологии. М. : Аспект Пресс, 2020. 320 с.
5. Министерство цифрового развития Кузбасса. Отчет о развитии ИКТ-инфраструктуры в Кемеровской области (2020–2024). Кемерово, 2024. 45 с.
6. Черданцев А. В. Цифровая трансформация государственного управления: теория и практика. М. : Проспект, 2022. 216 с.
7. Чирун С. Н., Николаев А. В. Зайцева В. А. Политические технологии в сетевой реальности постмодерна // Власть. 2018. № 3 (26). С. 7–13.
8. Dutton W. H., Trachtenberg A. D., Dyakova E. G. Digital Governance in the 21st Century. Cambridge : MIT Press, 2021. 278 p.
9. Mergel I., Edelman N., Haug N. Digital Government Transformation: Trends and Best Practices. Oxford : Oxford University Press, 2022. 245 p.

РОССИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО И ПЕРСПЕКТИВЫ

Обосновывается, что Россия и страны Латинской Америки находятся на пороге новых возможностей в области международного сотрудничества, особенно в сфере высшего образования. Показано, что в последние годы наблюдается активизация взаимодействия между этими регионами, что обусловлено не только политическим, экономическими интересами, но и интересами в сфере высшего образования. Рассматривается текущее состояние сотрудничества в сфере высшего образования, стратегические направления и перспективы развития этого сотрудничества.

Ключевые слова: Россия, Латинская Америка, образование.

I. V. Kiselev

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

RUSSIA AND LATIN AMERICA. STRATEGIC LEADERSHIP AND PROSPECTS

Russia and Latin American countries are on the threshold of new opportunities in the field of international cooperation, especially in the field of higher education. In recent years, there has been an intensification of interaction between these regions, which is due not only to political and economic interests, but also to interests in the field of higher education. This article examines the current state of cooperation in the field of higher education, strategic directions and prospects for the development of this cooperation.

Keywords: Russia, Latin America, education.

Российско-латиноамериканские отношения начали активно развиваться после окончания Холодной войны, однако более заметным этот процесс стал в последние десятилетия. Углубление экономических, политических и культурных связей между Россией и странами Латинской Америки позволяет рассматривать данный регион как важный элемент многосторонней дипломатии России.

В свете укрепления отношений между регионами считаем важным обратиться к истории. Первоначальные контакты между Россией и Латинской Америкой в области образования начались в 1920-х гг., когда после окончания Гражданской войны в России некоторые русские эмигранты, включая преподавателей и ученых, начали оседать в странах Латинской Америки, таких как Аргентина и Бразилия. В это время создавались русские школы и культурные центры, которые стали отправными точками для дальнейшего сотрудничества.

В начале 1960-х гг. с установлением дипломатических отношений между СССР и несколькими странами Латинской Америки произошло активное развитие вузовского образования. Советский Союз начал направлять студентов из Латинской Америки для обучения в своих университетах, в основном в области техники, медицины и агрономии. По данным советских источников, к концу 1980-х гг. около 30 тыс. студентов обучались в СССР, среди которых значительная часть была из стран Латинской Америки. Среди них – 54 % кубинцы, 11 % перуанцы, 9 % никарагуанцы, 6 % колумбийцы, 4 % эквадорцы, 3 % венесуэльцы, мексиканцы и аргентинцы, 2 % – чилийцы и 5 % остальные страны [2].

После распада Советского Союза сотрудничество в области высшего образования заметно сократилось. Страны Латинской Америки перестали направлять студентов для получения образования в России, и это было связано с экономическими и политическими изменениями в обоих регионах. Тем не менее несколько университетов, таких как МГУ и СПбГПУ, продолжали принимать студентов. С началом 2000-х гг. наблюдается рост интереса к российскому высшему образованию.

Рост числа латиноамериканских студентов стал фиксироваться с 2014 г. Доля обучающихся из стран Латинской Америки среди всех иностранных студентов до пандемии составляла 2 %. Среди них большинство студентов из Колумбии, Эквадора и Бразилии [4]. По последним данным количество студентов из Латинской Америки на 2023 г. составляет около

5 тыс. чел. [7]. Рост показателей объясняется постпандемийным оживлением, а также разработкой дистанционных образовательных программ.

В связи с этим отметим конкурентные преимущества РФ:

1. Невысокая стоимость при высоком качестве обучения, наличие научных школ в области естественных наук и медицины. По данным информагентства Sputnik Mundo, многие латиноамериканские студенты отмечают, что в российских вузах очень развита общественная жизнь, а внеучебная деятельность организована на самом высоком уровне [12].

2. Образовательные технологии и дистанционное обучение. В условиях пандемии COVID-19, дистанционное обучение стало важным аспектом образовательного процесса. Российские университеты, внедрили современные образовательные технологии, которые могут быть полезны и для вузов Латинской Америки. Высшая школа экономики запустила специальные международные программы студенческой онлайн-мобильности, что позволило повысить число иностранных слушателей [3]. В Казанском федеральном университете (КФУ) также внедрили университетскую цифровую образовательную платформу Studerus [8].

3. Высокое качество внеучебной жизни студентов. Среди творческих направлений – литературные, театральные, танцевальные студии. Отдельно следует выделить и деятельность Бизнес-клуба при МГУ, где студенты, в том числе граждане других государств, могут реализовать свои бизнес идеи. Развивается научная жизнь на примере Иberoамериканского клуба МГУ, в работе которого принимают участие как студенты из стран ЛКА, так и россияне [4].

Вместе с тем наблюдается ряд проблем, которые затрудняют развитие двух макрорегионов:

1. Недостаточное количество квот на обучение для иностранных граждан Дальнего Зарубежья. По данным Россотрудничества, с 2003 г. в России ежегодно выделяется не менее 15 тыс. таких квот (в 2023 г. эта цифра составила 30 тыс.). В Россотрудничество поступает огромное количество заявок от граждан СНГ, в агентстве фиксируется рост желающих обучаться в российских вузах из стран ЛКА [1]. Однако доля латиноамериканских студентов в структуре иностранных обучающихся в отечественных вузах еще мала и в последние годы не превышает 2–3 % [9].

2. Системы высшего образования в России и странах Латинской Америки имеют свои особенности и различия. Многие образовательные программы в России ориентированы на традиционные подходы, которые могут не соответствовать требованиям и ожиданиям латиноамериканских студентов. По данным анализа, проведенного в 2021 г., 45 % иностранных студентов из Латинской Америки сообщали о сложностях с пониманием содержания курсов и учебных программ в российских университетах. Особенно это касалось программ, требующих специфических технических знаний, и языковых барьеров [13].

3. Языковой барьер. Многие латиноамериканские студенты не владеют русским языком на достаточном уровне для успешного обучения. Хотя некоторые университеты предлагают курсы на английском или испанском языках, их количество и разнообразие ограничены. Согласно опросу, проведенному среди студентов из Латинской Америки, 60 % респондентов отметили, что языковой барьер является главной проблемой, мешающей их успешной учебе в России. Если в 2013 г. в России обучалось около 7500 латиноамериканских студентов, то к 2022 г. это число снизилось до 5200, что также частично связано с проблемами языка [5].

4. Нехватка информации о возможностях. Наряду с языковыми барьерами, многие потенциальные студенты не имеют доступа к полным сведениям о возможностях обучения в России, программах и условиях поступления. Согласно отчету о международном образовании, только 25 % студентов из Латинской Америки знали о существующих программах стипендий для обучения в России по состоянию на 2024 г. [14].

Для преодоления перечисленных проблем необходимо:

1. Расширение квот для студентов из дружественных стран исследуемого нами региона: Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Сальвадор, Доминиканская Республика и др. Данная мера должна строго выполняться, поскольку этот механизм является эффективным инструментом выполнения ч. «б», ст. 3 Указа Президента

РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», по увеличению к 2030 г. численности иностранных студентов в РФ, не менее чем до 500 тыс. [10].

2. Расширение перечня соглашений о взаимном признании документов об образовании. На сегодня, соглашения имеются с Боливией, Венесуэлой, Колумбией, Кубой, Никарагуа, Перу, Суринамом, Эквадором.

3. Необходимо совершенствовать механизмы трудоустройства студентов и выпускников-латиноамериканцев в российские компании. Согласно Федеральному закону от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» с августа 2020 г. трудоустройство обучающихся в российских вузах очно упрощено (теперь студенты могут вести трудовую деятельность в свободное от учебы время без получения разрешения на работу или патентов) [11].

4. Развитие инициативы по созданию специального консорциума «Россия – Латинская Америка и Карибы», которое ориентировано на подготовку высококвалифицированных кадров. 24 ноября 2022 г. состоялась первая встреча России и ряда государств Латинской Америки, где было положено начало сотрудничеству в сфере высшего образования, совершенствование нормативно-правовой базы, предоставление государственных стипендий для обучения в российских вузах из средств российского бюджета, реализация межвузовского взаимодействия [6].

5. На основе советского опыта, практики реализации деятельности общества «Знание», в страны Латинской Америки выезжали советские преподаватели, работавшие, в том числе, и на репутацию советских учреждений высшего профессионального образования. Сейчас эта практика отсутствует.

6. Необходимо создать национальную систему стипендий на примере программ Европейского союза Erasmus+. В настоящее время действует программа на 2021–2027 гг. Странами – партнерами Erasmus+ из латиноамериканского региона являются Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Эквадор, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Уругвай, Венесуэла. В рамках развития академической мобильности латиноамериканских студентов в США функционирует программа Comecus [15].

В условиях глобальных изменений Россия имеет уникальную возможность укрепить свои позиции в Латинской Америке. Эффективная реализация стратегий лидерства, устранение существующих проблем и разработка совместных инициатив могут открыть новые горизонты для взаимовыгодного сотрудничества. Россия и Латинская Америка способны создать крепкие партнерские отношения, которые будут способствовать развитию как стран, так и всего международного сообщества.

Литература

1. Агранович М. В. За границей берут урок: иностранцы едут в Россию за профессией // Российская газета. 2020. № 45 (8099). URL: <https://rg.ru/2020/02/25/kakieproekty-pomogut-privlech-v-rossiiu-zarubezhniuiumolodezh.html>.
2. Арефьев А. Л. Обучение граждан стран Латинской Америки в образовательных организациях СССР и РФ.
3. Илюнина Т., Курилова А., Мишина В. Количество студентов-иностранцев в российских вузах в пандемию выросло // Ведомости. 09.07.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/06/09/925907-studentov-inostrantsev-viroslo>.
4. Медина Гонзалес В. К., Иванова Н. Е. Особенности академической мобильности студентов из стран Латино-Карибской Америки в современных условиях // Латинская Америка. 2023. № 4. С. 56.
5. Eleonora G. Ermólieva. Rusia – Latinoamérica: Las Tendencias De Cooperación En Educación Superior // Iberoamérica. 2019. N 3. P. 80–103.
6. Golodnikov V. Rusia discute mejorar cooperación en materia de educación con 12 países de América Latina. 30.11.2022. URL: <https://es.rbth.com/educacion/90335-rusia-discutemejorar-cooperacion-materia-educacion-america-latina>.
7. Российский статистический ежегодник. 2023. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public%3A%2F%2FPW9QCWiGPzNkaE8eBHI%2Fq%2Bvfzr2zROBFQZmBEvHRH3Kg1c7JWUEzoEkEM-KHM9bHOlsq4VlaLrFRKbQetv4duQ%3D%3D&name=7.%20ОБРАЗОВАНИЕ.docx&nosw=1>.

8. Число иностранных студентов за три года выросло на 26 тыс. человек // Министерство науки и высшего образования РФ. 18.01.2023. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/presscenter/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46158/>.
9. Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации : стат. сб. М-ва науки и высш. образования РФ. Вып. 17. М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2020. 180 с.
10. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года по увеличению к 2030 году численности иностранных студентов в РФ, не менее чем до 500 тыс. : указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
11. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федер. закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
12. ¿Qué piensan los estudiantes latinoamericanos sobre la educación en Rusia? Sputnik Mundo. 9.12.2022. URL: <https://sputniknews.lat/20221209/que-piengan-los-estudianteslatinoamericanos-sobre-la-educacion-en-rusia-1133254727.html>.
13. Pío Quinto García Parra. Rusia Y América Latina : Logros Y Problemas De La Cooperación. 2022, 286 p.
14. UNESCO. World statistics. URL: <https://tgc.uis.unesco.org/wp-content/uploads/sites/4/2024/09/World-Education-Statistics-2024.pdf>.
15. Erasmus+. URL: <https://erasmus-plus.ec.europa.eu>; Comecsus. URL: <https://www.comexus.org.mx>.

РАЗДЕЛ 2

**ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И ЭКСПЕРТНАЯ КУЛЬТУРА
В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ
БЕЗОПАСНОГО МИРА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

СЛОЖНОСТЬ ФЕНОМЕНА ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Статья посвящена исследованию феномена патриотизма в современной политической науке, рассматривая его как сложный социально-политический феномен. Автор анализирует патриотизм через три основных подхода: нормативно-ценностный, институциональный и социокультурный, раскрывая его роль в формировании национальной идентичности, государственной политике и консолидации общества. Особое внимание уделяется новым направлениям исследований, таким как цифровой патриотизм и региональные особенности патриотизма в национальных республиках России. Статья подчеркивает динамичность патриотизма как явления, подверженного влиянию современных вызовов, включая глобализацию и цифровизацию.

Ключевые слова: патриотизм, политическая наука, национальная идентичность, государственная политика, цифровой патриотизм, социокультурный подход, институциональный подход, нормативно-ценностный подход.

S. N. Chirun

Kemerovo State University, Kemerovo

THE PHENOMENON OF PATRIOTISM IN MODERN POLITICAL SCIENCE

The article explores the phenomenon of patriotism in modern political science, presenting it as a complex socio-political phenomenon. The author examines patriotism through three main approaches: normative-value, institutional, and sociocultural, highlighting its role in shaping national identity, state policy, and societal consolidation. Special attention is given to emerging research areas, such as digital patriotism and regional specifics of patriotism in Russia's national republics. The article emphasizes the dynamic nature of patriotism as a phenomenon influenced by contemporary challenges, including globalization and digitalization.

Keywords: patriotism, political science, national identity, state policy, digital patriotism, regional specifics, sociocultural approach, institutional approach, normative-value approach.

Патриотизм как социально-политический феномен занимает важное место в отечественной научной традиции [11]. В условиях трансформации общественных ценностей и геополитических вызовов изучение патриотизма приобретает особую актуальность. Российская политическая наука исследует патриотизм в различных аспектах: как элемент национальной идентичности, инструмент государственной политики и фактор консолидации общества [12].

В российской политологии патриотизм исследуется через различные теоретико-методологические подходы.

Нормативно-ценностный подход, рассматривает патриотизм как систему разделяемых обществом норм и ценностей, определяющих отношение человека к своей стране. В отличие от психологических или институциональных трактовок, данный подход акцентирует внимание на морально-этическом измерении патриотизма, его связи с коллективными представлениями о долге, справедливости и принадлежности. В основе нормативно-ценностного подхода лежит идея о том, что патриотизм формируется не только под влиянием внешних факторов (государственной пропаганды, воспитания), но и через усвоение индивидом определенных этических принципов. Эти принципы закрепляются в общественном сознании в виде норм – предписаний о том, что считается «правильным» или должным в контексте любви к Родине. Например, уважение к национальным символам, память о героическом прошлом, готовность защищать страну в критической ситуации – всё это нормативные ожидания, которые общество предъявляет к своим членам [7].

Ценностная составляющая патриотизма проявляется в том, что он связан с базовыми ориентирами, такими как свобода, справедливость, солидарность или верность. В разных культурах и исторических периодах эти ценности наполняются специфическим содержанием. Так, в одних обществах патриотизм ассоциируется с жертвенностью и подчинением личных интересов государственным, а в других – с критической гражданской позицией и стрем-

лением к преобразованиям. Это демонстрирует, что нормативно-ценностные рамки патриотизма подвижны и зависят от доминирующей идеологии.

Важным аспектом данного подхода является анализ конфликтов ценностей. Патриотизм не существует в вакууме: он взаимодействует с другими нормативными системами – например, с идеями космополитизма, прав человека или религиозными убеждениями. В результате возникают дискуссии о том, допустима ли критика власти во имя «подлинного» патриотизма или совместима ли любовь к Родине с отрицанием милитаризма. Такие противоречия показывают, что нормативно-ценностное поле патриотизма постоянно пересматривается под влиянием социальных изменений.

Особую роль в этом процессе играют агенты ценностной трансляции – семья, образование, медиа, искусство. Именно они интерпретируют и передают из поколения в поколение представления о том, что значит быть патриотом. Например, литература и кинематограф часто создают героические образы, которые становятся моральными эталонами, а школьные программы закрепляют определенную трактовку исторических событий как «правильную». При этом в западных обществах единая система патриотических ценностей как правило отсутствует, что приводит к конкуренции между разными нормативными моделями.

Нормативно-ценностный подход также позволяет исследовать, как патриотизм соотносится с гражданской идентичностью. В современных условиях, когда национальные государства сталкиваются с вызовами глобализации, миграции и цифровизации, традиционные ценности патриотизма часто переосмысляются. Например, акцент может смещаться с этнокультурной исключительности на гражданскую солидарность, а лояльность государству – дополняться идеями ответственности перед мировым сообществом.

Таким образом, нормативно-ценностный подход раскрывает патриотизм как динамичную систему моральных ориентиров, подверженную исторической эволюции. Он помогает понять, почему в одних ситуациях патриотизм становится объединяющей силой, а в других – источником раскола, и как общество (ведет переговоры) о его содержании. Изучение этих процессов особенно важно в эпоху, когда старые ценности подвергаются сомнению, а новые еще не сформировались окончательно.

Иные парадигмальные основания для изучения патриотизма предлагает институциональный подход. Этот подход предлагает рассматривать патриотизм не только как индивидуальное чувство, но и как сложный социальный феномен, формируемый и воспроизводимый через систему общественных институтов. Институциональный анализ акцентирует внимание на роли государства, образования, СМИ, религии, армии и других структур, которые участвуют в конструировании патриотических ценностей и практик [4].

Ключевая идея институционального подхода заключается в том, что патриотизм не возникает спонтанно, а формируется под воздействием формальных и неформальных норм, правил и механизмов, закрепленных в обществе. Государство, как главный политический институт, играет здесь центральную роль. Через законодательство, символику (флаги, гербы, гимны), праздники (День Победы, День независимости) и образовательные программы оно транслирует определенные модели патриотического поведения. Например, введение уроков патриотического воспитания в школах или поддержка ветеранских организаций – это инструменты институционализации патриотизма.

Образовательные учреждения выступают важным агентом социализации, закладывая основы национальной идентичности у молодого поколения. Учебные программы, исторические нарративы, даже архитектура школ и вузов – всё это формирует у граждан представление о Родине, её героях и ценностях. При этом содержание патриотического воспитания может варьироваться в зависимости от политического курса и идеологических установок, что подчеркивает зависимость патриотизма от институциональных изменений.

Средства массовой информации также являются мощным институтом, влияющим на восприятие патриотизма. Через новостные репортажи, фильмы, публицистику и даже рекламу СМИ формируют образы «нашего» и «чужого», героизируют одни события и замалчивают другие. В условиях цифровизации роль соцсетей и блогов в этом процессе только усиливается, создавая новые платформы для патриотического (или, наоборот, критического) дискурса.

Армия и военно-патриотические организации традиционно рассматриваются как институты, непосредственно связанные с патриотизмом. Служба в вооруженных силах, памятные мероприятия, мемориальные комплексы – всё это работает на поддержание коллективной памяти и чувства долга перед страной. Однако здесь возможны противоречия: например, пацифистские движения могут оспаривать милитаристскую трактовку патриотизма, предлагая альтернативные модели гражданской солидарности.

Религиозные институты также вносят вклад в формирование патриотических ценностей, особенно в странах, где религия исторически связана с национальной идентичностью. Традиционная Вера может выступать как хранитель традиций, объединяющих народ, или, напротив, становиться площадкой для критики государственной политики.

Институциональный подход позволяет увидеть, что патриотизм – это не статичное явление, а динамичный процесс, зависящий от взаимодействия различных социальных структур. Конфликты между институтами (например, государством и гражданским обществом) могут приводить к переосмыслению патриотических норм. Кроме того, глобализация и транснациональные процессы ставят новые вызовы перед традиционными институтами, заставляя их адаптироваться к изменяющимся условиям.

Таким образом, институциональный анализ патриотизма помогает понять его как сложную систему, в которой сочетаются идеологические, культурные и политические факторы. Изучение того, как институты формируют, поддерживают или трансформируют патриотические идеи, позволяет глубже осмыслить его роль в современном обществе.

Свое наиболее полное осмысление, патриотизм, как сложный социальный феномен находит в рамках социокультурного подхода, который рассматривает его через призму взаимодействия общества, культуры и исторического контекста. Этот подход позволяет выйти за рамки ограниченных трактовок и раскрыть глубинные механизмы формирования патриотических чувств и практик в конкретных культурных условиях. Сущность социокультурного анализа заключается в понимании патриотизма как продукта длительного исторического развития, воплощенного в традициях, символах, ритуалах и повседневных практиках конкретного общества [10].

Центральным элементом социокультурного подхода является анализ патриотизма как системы значений и смыслов, которые разделяются членами общества. Эти смыслы формируются через культурные нарративы – исторические мифы, литературные произведения, фольклор, кинематограф, которые создают «воображаемое сообщество» нации. Например, эпические сказания о героях или военные мемориалы становятся важными культурными маркерами, транслирующими идеи жертвенности и преданности Родине через поколения. При этом каждый культурный контекст порождает свои уникальные формы патриотического дискурса – от американской мечты до русского соборного идеала.

Особую значимость в социокультурном подходе приобретает изучение повседневных практик патриотизма. В отличие от официальных идеологических конструкций, повседневный патриотизм проявляется в неформальных, подчас незаметных действиях: в семейных традициях празднования национальных дат, в сохранении местных памятников, в фольклорных фестивалях или даже в кулинарных предпочтениях. Эти практики формируют «телесную память» нации, делая патриотизм не абстрактной идеей, а частью жизненного мира человека. Исследователи отмечают, что именно такие неформальные культурные проявления часто оказываются более устойчивыми, чем политические доктрины [8; 9].

Важным аспектом социокультурного анализа является изучение механизмов культурной трансляции патриотических ценностей. В этом процессе ключевую роль играют институты памяти (музеи, архивы), система образования, средства массовой коммуникации, религиозные организации. Однако в современных условиях глобализации традиционные каналы трансляции сталкиваются с альтернативными культурными влияниями, что приводит к сложным процессам гибридизации патриотического сознания. Особенно ярко это проявляется в мультикультурных обществах, где разные этнические группы могут по-разному интерпретировать общенациональные патриотические символы.

Социокультурный подход также акцентирует внимание на региональных особенностях патриотизма. В рамках одного государства могут существовать различные локальные версии патриотического чувства, связанные с особенностями исторического развития территорий, этническим составом населения, хозяйственным укладом. Например, промышленные регионы часто развивают патриотизм труда, а пограничные территории – особый культ защитников рубежей. Эти различия создают сложную мозаику национальной идентичности, где общее и особенное находятся в постоянном взаимодействии [2; 5].

Особую актуальность социокультурный подход приобретает в условиях цифровой трансформации общества. Виртуальное пространство создает новые формы патриотического самовыражения – от патриотических блогов до онлайн-мемориалов, которые существенно меняют традиционные механизмы культурной передачи [6].

Цифровая среда позволяет конструировать альтернативные версии национальной истории и культуры, что приводит как к обогащению патриотического дискурса, так и к появлению конфликтных интерпретаций.

Перспективы социокультурного исследования патриотизма связаны с анализом его трансформаций в условиях глобальных вызовов – миграционных процессов, экологических угроз, цифровизации. Эти вызовы требуют переосмысления традиционных патриотических ценностей и поиска новых форм культурной интеграции общества. Социокультурный подход, с его вниманием к исторической динамике и культурному многообразию, оказывается особенно продуктивным для понимания этих сложных процессов, позволяя увидеть в патриотизме не застывшую идеологическую схему, а живой и развивающийся феномен общественного сознания.

Важным аспектом в изучении патриотизма является дискуссия о его природе – является ли он преимущественно гражданским или этническим. В современной российской политической науке преобладает концепция государственно-гражданского патриотизма, который объединяет многонациональное общество на основе общих ценностей, лояльности государству и уважения к его истории.

С начала 2000-х гг. патриотизм стал ключевым элементом государственной идеологии, что нашло отражение в ряде политических инициатив. Была принята Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», которая с 2001 г. регулярно обновляется и адаптируется к новым условиям. Созданы массовые патриотические движения, такие как «Юнармия» и «Российское военно-историческое общество», призванные формировать патриотические настроения среди молодежи [13]. Особую роль играет историческая политика, в которой победа в Великой Отечественной войне выступает как центральный объединяющий символ.

В последние годы в российской политической науке наметились новые направления исследований патриотизма. Одним из них является изучение цифрового патриотизма, который формируется под влиянием интернета и социальных сетей. Современная эпоха цифровизации трансформирует все сферы человеческой жизни, включая такое фундаментальное явление, как патриотизм. Возникает новый феномен – цифровой патриотизм, который проявляется в виртуальном пространстве через социальные сети, онлайн-активизм, киберволонтерство и другие формы цифровой гражданской активности. Это явление выходит за рамки традиционного понимания патриотизма, создавая уникальные способы выражения любви к Родине в условиях глобализированного интернет-пространства.

Цифровой патриотизм существует на пересечении реального и виртуального миров. С одной стороны, он сохраняет связь с традиционными ценностями – уважением к истории, заботой о соотечественниках, гордостью за достижения страны. С другой – использует новые инструменты: хэштег-акции, вирусные челленджи, мемы, краудфандинговые платформы и даже киберспортивные турниры под национальной символикой. Эти формы позволяют особенно молодежи выражать патриотические чувства на понятном им языке цифровой коммуникации [6].

Социальные сети стали главной площадкой для цифрового патриотизма. Флешмобы в поддержку отечественных спортсменов, онлайн-флешмобы ко Дню Победы, виртуальные экскурсии по музеям – все это создает новую цифровую среду патриотического воспитания. Примечательно, что такой патриотизм часто носит неформальный характер, возникая снизу, от самих пользователей, а не только по инициативе государственных структур. Однако одновременно появляются и вопросы о мере искренности подобных проявлений, особенно когда они становятся частью трендов или маркетинговых стратегий.

Особую роль цифровой патриотизм играет в условиях международных конфликтов или кризисов. Киберволонтерство, хакерские атаки в защиту национальных интересов, создание цифровых архивов для противодействия фальсификациям истории – все это новые грани гражданской активности. В то же время возникает проблема «фильтров пузырей», когда алгоритмы соцсетей создают изолированные информационные пространства, где патриотический дискурс может превращаться в агрессивный национализм без критического осмысления.

Интересным проявлением цифрового патриотизма становится поддержка отечественных IT-разработок и цифрового контента. Отказ от зарубежных платформ в пользу национальных аналогов, продвижение локальных блогеров, участие в разработке открытого ПО для государственных нужд – эти действия отражают новое понимание гражданского долга в цифровую эпоху. Особенно это заметно в странах, активно развивающих цифровую суверенитет.

Однако цифровой патриотизм несет в себе и новые вызовы. Виртуальное пространство размывает границы между искренней гражданской позицией и манипулятивными технологиями. Фейковые новости, ботовые фермы, искусственно раздутые хайповые кампании, могут девальвировать саму идею патриотизма, превращая его в инструмент пиара или информационных войн. Кроме того, поколенческий разрыв в цифровой культуре создает разные понимания того, что значит «быть патриотом» в формате «онлайн».

Цифровой патриотизм продолжает эволюционировать вместе с развитием технологий. Метавселенные, нейросети, блокчейн-проекты национального масштаба открывают новые возможности для гражданской самоорганизации и выражения национальной идентичности. Главный вопрос будущего – сможет ли цифровой патриотизм сохранить духовную составляющую традиционного патриотизма или превратится в набор виртуальных ритуалов. Ответ на него во многом зависит от того, насколько органично новые технологии смогут соединиться с настоящими ценностями и смыслами любви к Родине.

Другое направление связано с анализом региональных особенностей патриотизма, особенно в национальных республиках, где он может приобретать специфические черты, где переплетаются общегосударственная идентичность и этнокультурная специфика. В этих регионах любовь к Родине формируется под влиянием уникального сочетания факторов: исторической памяти, языковой политики, религиозных традиций и современных государственных стратегий национального строительства. Анализ региональной специфики патриотизма позволяет понять, как в условиях многонационального государства складывается баланс между лояльностью федеральному центру и сохранением местной идентичности [13].

Важнейшей особенностью патриотизма в национальных республиках является его двойственная природа. С одной стороны, здесь развивается общероссийский патриотизм, связанный с принадлежностью к единому государству, уважением к его символам и институтам. С другой – сохраняется сильная этнокультурная составляющая, основанная на местных традициях, языке и исторических нарративах. Например, в Татарстане или Башкортостане патриотическое воспитание часто включает элементы национального эпоса, а в северокавказских республиках особое значение приобретает кодекс горской чести, который гармонично вписывается в общероссийскую систему ценностей [1].

Языковая политика играет ключевую роль в формировании регионального патриотизма. Во многих республиках сохраняется практика двуязычия, когда русский язык выполняет функцию межнационального общения, а титульный язык становится символом культурной идентичности. Образовательные программы, включающие изучение национальной литературы и истории, способствуют развитию особого типа патриотизма, в котором любовь

к «малой родине» не противоречит преданности всей стране. Однако в некоторых случаях языковой вопрос может становиться предметом политических дискуссий, что требует тонкой балансировки в патриотическом воспитании [3].

Религиозный фактор также оказывает значительное влияние на специфику патриотизма в национальных республиках. В мусульманских регионах, таких как Чечня или Дагестан, исламские ценности часто переплетаются с патриотическими установками, создавая синтез религиозной и гражданской идентичности. В буддистских республиках, например, в Калмыкии или Туве, патриотизм может включать элементы экологического сознания и особого отношения к родной земле. Эти особенности находят отражение в местных программах патриотического воспитания, которые учитывают культурно-религиозный контекст [3].

Современные практики патриотического воспитания в национальных республиках демонстрируют интересные региональные модели. Во многих субъектах созданы свои ветеранские организации, краеведческие музеи, центры национальных культур, которые работают не только на сохранение этнической идентичности, но и на укрепление общероссийского единства. Особое внимание уделяется молодежным программам, сочетающим национальные традиции с общегосударственными ценностями. Например, в Якутии успешно реализуются проекты, соединяющие народные промыслы с современными технологиями, а в Чувашии развивается движение этноволонтеров, участвующих как в местных, так и федеральных инициативах.

Историческая память в национальных республиках также имеет свою специфику. Память о Великой Отечественной войне остается объединяющим фактором, но в каждом регионе есть свои герои и свои трагические страницы истории [12]. В последние годы наблюдается тенденция к интеграции местных исторических нарративов в общероссийский контекст, что способствует формированию многоуровневой патриотической идентичности. При этом важно отметить, что в некоторых республиках существует запрос на более глубокое изучение досоветского периода истории, что требует взвешенного подхода в образовательных программах.

Экономический аспект регионального патриотизма проявляется в поддержке местных производителей, развитии этнотуризма и популяризации национальных брендов. Во многих республиках патриотические чувства связываются не только с культурой, но и с экономической самостоятельностью региона. Это создает основу для «практического патриотизма», который выражается не только в символических действиях, но и в конкретной экономической деятельности на благо своей земли [14].

Современные вызовы, такие как глобализация и цифровизация, по-разному влияют на патриотические настроения в национальных республиках. С одной стороны, появляются новые возможности для продвижения региональной культуры в мировом пространстве, с другой – усиливаются риски размывания традиционных ценностей. В этих условиях особенно важной становится разработка сбалансированных моделей патриотического воспитания, которые бы учитывали и региональную специфику, и общероссийские интересы.

Патриотизм в национальных республиках представляет собой динамичное явление, которое продолжает развиваться, отвечая на современные вызовы. Его уникальность заключается в способности соединять многообразие культурных традиций с единством гражданской нации. Дальнейшее изучение региональных особенностей патриотизма важно, как для научного сообщества, так и для практиков, занимающихся вопросами национальной политики и межэтнического согласия в России.

Таким образом, анализ феномена патриотизма в современной политической науке позволяет сделать ряд значимых выводов. Патриотизм предстает как сложный и динамичный социально-политический феномен, формирующийся под влиянием нормативно-ценностных установок, институциональных механизмов и социокультурных практик. Нормативно-ценностный подход раскрывает патриотизм как систему моральных ориентиров, подверженную исторической трансформации и взаимодействующую с другими ценностными системами. Институциональный анализ демонстрирует ключевую роль государства, образования,

СМИ и других структур в конструировании патриотических норм и практик. Социокультурный подход позволяет рассматривать патриотизм как продукт культурного наследия, проявляющийся в повседневных практиках, исторической памяти и региональных особенностях. Особое значение в современных условиях приобретают новые формы патриотизма, такие как цифровой патриотизм, отражающий влияние технологий на гражданскую идентичность, а также региональные модели патриотизма в национальных республиках России, где сочетаются общероссийские и этнокультурные элементы.

Резюмируя вышесказанное, проведенный анализ показал, что патриотизм остается важным фактором национальной консолидации и государственной политики, адаптируясь к вызовам глобализации, цифровизации и культурного многообразия. Дальнейшее изучение этого феномена требует междисциплинарного подхода, учитывающего как традиционные, так и системные аспекты его проявления в современном мире.

Литература

1. Абдулатипов Р. Г. Российская нация: этнонациональная и гражданская идентичность в современной России. М. : Научная книга, 2021. 432 с.
2. Абдулкаримов Г. Г. Специфика патриотического воспитания в поликультурных регионах Северного Кавказа // Педагогика. 2022. № 5. С. 45–53.
3. Арутюнян Ю. В. Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциологических исследований. М. : Наука, 2022. 384 с.
4. Возженков А. В. Патриотизм в системе национальной безопасности России. СПб. : Питер, 2020.
5. Губогло М. Н. Язык и этническая мобилизация в национальных республиках РФ // Социологические исследования. 2021. № 12. С. 34–45.
6. Гудаков Н. И. Виртуальный патриотизм: новые формы гражданской идентичности в цифровую эпоху. М. : Изд-во МГУ, 2022.
7. Дробужева Л. М. Гражданская и этническая идентичность в современной России. М. : ИС РАН, 2022. 296 с.
8. Закиев М. З. Патриотическое воспитание в полиэтнических регионах России. Казань : Татар. кн. изд-во, 2021. 208 с.
9. Исхаков Д. М. Татарстанская модель этнополитики: традиции и современность // Полис. 2023. № 2. С. 78–92.
10. Кузнецов И. М. Региональные особенности гражданской идентичности в республиках Поволжья // Социологический журнал. 2022. № 3. С. 56–71.
11. Проект стратегирования молодежного патриотизма в регионах ресурсного типа / С. Н. Чирун, Д. А. Ёлшин, Н. В. Ишутин, П. К. Леухов, Е. Ю. Стародубцев // Теория и практика стратегирования : сб. избр. науч. статей и материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Кемерово, 2024. С. 119–125.
12. Чирун С. Н., Ишутин Н. В., Ёлшин Д. А. Музыкальная шкатулка победы: стратегическое и идеологическое значение музыкальной культуры в патриотическом воспитании молодежи в годы великой отечественной войны // Теория и практика стратегирования : сб. избр. науч. статей и материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф. Кемерово, 2025. С. 108–114.
13. Sharafutdinova G. The Red Mirror: Putin's Leadership and Russia's Insecure Identity. Oxford University Press, 2022. 288 p.
14. Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union. Sage, 2021. 352 p.

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Кратко представлено становление и развитие политических наук в России. Проанализирована существующая образовательная модель в вузах страны, способствующая развитию политической грамотности молодежи. Обобщены значимые методические проблемы процесса преподавания политических наук на современном этапе, в том числе связанные с кризисом социальных наук. Акцентировано внимание на необходимости пересмотра методологии и методики преподавания политических наук и подготовки кадров.

Ключевые слова: преподавание политических наук, политологическое образование, методология социальных наук, идеология, проблемы социально-гуманитарных наук.

R. Yu. Zulyar

Irkutsk State University, Irkutsk

EMERGENCE OF A NEW METHODOLOGY FOR TEACHING POLITICAL SCIENCE IN HIGHER EDUCATION

The article briefly presents the formation and development of political science in Russia. The existing educational model in higher education institutions of the country, which promotes the development of political literacy of young people, is analysed. Significant methodological problems of teaching political science at the present stage, including those related to the crisis of social sciences, are summarised. Attention is paid to the necessity of revising the methodology and techniques of teaching political science and staff training.

Keywords: political science teaching, political science education, methodology of social sciences, ideology, problems of social and humanitarian sciences.

Современная эпоха характеризуется изменениями в социально-политической жизни общества, обусловленными процессами глобализации и деглобализации [6], резким развитием информационных технологий и новыми формами коммуникации. Эти процессы ставят перед социальными науками вопросы относительно адекватности существующих методов анализа социальных явлений, способных давать точные прогнозы и формулировать эффективные рекомендации для практики управления обществом. К таким наукам относится и политология, переживающая очередной виток смены парадигм и подходов, что подчеркивает актуальность подобных исследований.

Процесс преподавания политических наук в России имеет длительную историю – в 1755 г. была учреждена кафедра политологии в структуре Московского университета. Дальнейший процесс в этой области претерпевал как этапы развития (открывались факультеты, вводились новые дисциплины, на базе университетов проводились научные исследования и пр.), так и стагнации, когда политическое образование в СССР свелось к преподаванию идеологически окрашенных дисциплин (основы марксизма-ленинизма, история КПСС, научный коммунизм и пр.). В период с 1989–1991 гг. происходило постепенное возвращение политологии в ее современное понимание в учебный процесс, возникали научные структуры, в которых предпринимались первые попытки формирования российского политологического образования [4]. С одной стороны, может говорить, что за этот период сложилась научная и образовательная политологическая российская школа, со своей методологией и инструментарием. С другой стороны, можем фиксировать наличие ряда проблем преподавания политических наук в современной России, которые не удалось решить за длительный период. Обобщению наиболее значимых методических проблем в процессе преподавания политических наук посвящена данная статья.

Современная существующая образовательная модель в вузах страны выглядит следующим образом:

– преподавание политологии студентам, не относящимся к группе специальностей «Политические науки»;

– преподавание ряда политологических дисциплин студентам смежных специальностей – история, юриспруденция, социология, журналистика и др. (например, «Политическая социология», «Социология международных отношений», «Политическая психология», «Регионоведение» и ряда других);

– собственно политологическое образование (специальности / направления «Зарубежное регионоведение», «Регионоведение России», «Востоковедение и африканистика», «Политология», «Международные отношения», «Публичная политика и социальные науки»).

Некоторым новшеством в этой области можно считать введение в процесс преподавания обязательной дисциплины «Основы российской государственности» с 1 сентября 2023 г., в содержании которой заложены политические категории и понятия, также присутствует раздел «Политическое устройство России».

Есть общие проблемы, которые присущи в целом системе высшего образования на современном этапе. Это и отсутствие понимания миссии высшего образования на всех уровнях; неработающая (или избирательно работающая) связка вуз – работодатель; подушевое финансирование; неравномерность, а зачастую и нелогичность распределения бюджетных мест. Исследователи выделяют также финансовые проблемы, разрыв в понимании между администрацией вуза и преподавателями, недостаточную профессиональную подготовку преподавателей, слабую их мотивацию и пр. [1; 5]

Имеющиеся проблемы в области преподавания политических наук можно условно разделить на организационные (внешние) и методические (внутренние). К организационным относятся: сокращение часов на преподавание политологии и/или иных дисциплин политологического цикла; полное отсутствие дисциплин в учебном процессе значительного количества специальностей, направлений, программ; частая сменяемость ФГОСов, которые влекут за собой частую переписывание одинакового содержания под различные меняющиеся шаблоны и пр. К этим же проблемам можно отнести практически отсутствие учебных изданий для преподавателей, посвященных методике преподавания политических наук. Автором выявлены несколько учебных пособий по методике преподавания специальных дисциплин и методике преподавания в высшей школе, или по педагогике в вузе; и авторские рабочие программы смежных дисциплин («Методика преподавания политологии в высшей школе»). Чаще всего методическую помощь преподавателю могут оказать научные статьи коллег «по цеху», но единства понимания в данном вопросе нет.

Подробному анализу проблем преподавания политологических дисциплин посвящена статья И. В. Радикова. Он называет следующие: нечеткие формулировки цели преподавания политологических дисциплин на разных факультетах и кафедрах. Безусловно, разнообразие принципов и подходов имеет и свое преимущество, но единство понимания конечной цели должно быть регламентировано. Он отмечает, что миссия политологического образования заключается в обеспечении стабильности политической системы общества [4], но трактовки этого разнообразны. Второй проблемой называет разницу в формируемых компетенциях, подкрепляющих цель дисциплины. Также содержание политологического знания понимается всеми неодинаково, происходит подмена преподавания политологии как науки, устремленной в будущее, изучением теорий и концепций прошлого, зачастую сохраняя и идеологический окрас (чаще всего, западноевропейских теорий). Также процесс преподавания инженерной политологии подкрепляется использованием классических теоретических лекций и проведением семинаров в привычном формате докладов. Следующими проблемами он называет разницу в понимании воспитательного потенциала политологических дисциплин; неравномерность распределения бюджетных мест; поверхностность в преподавании, где слабо формируются знания, скорее – мнения; низкий уровень политического образования россиян в общем.

Методические проблемы разнообразны и затрагивают различные аспекты преподавания. Политология относится к наиболее сложным среди социально-гуманитарных наук по ряду причин. Во-первых, она базируется на широком основании истории, философии, права; включает в себя понимание социологии, географии, культурологии; использует методы естественных наук. Соответственно, процесс обучения политических дисциплин требует высо-

кой квалификации со стороны преподавателя и высокого уровня подготовки обучающихся. Поэтому, обучение политическим наукам на 1–2-го курсах для неполитических специальностей зачастую неэффективно. Можно добавить, что, несмотря на преподавание дисциплины «Обществознание» в течение ряда лет, школьники, не планирующие сдавать этот ЕГЭ, изначально поверхностно его изучают, не видя связи между дисциплиной и реальной социально-политической действительностью. Мотивированные же на сдачу данного экзамена школьники пытаются заучить абстрактные понятия и «попасть» в заданные критерии, но затрудняются при сопоставлении с реальной ситуацией, не могут привести примеры или иллюстрации, характеризующие понятия и термины. При этом междисциплинарные связи весьма слабо развиты – привести примеры из истории, литературы, географии и иных дисциплин во время написания ЕГЭ редко кто способен.

Во-вторых, политология анализирует и изучает динамику происходящих событий, что требует глубокое погружение в изучаемый предмет исследования и постоянный мониторинг новостного контента. Это диктует соответствующие требования к профессорско-преподавательскому составу, преподаватель-политолог обязан быть в курсе всех происходящих процессов внешней и внутренней политики, иметь широкий кругозор, постоянно повышать уровень квалификации. Но при этом необходимо соблюдать некоторую научную отстраненность, изучать, исследовать и анализировать мир политического, но не стать идеологом или приверженцем специфических политических ценностей, важно не потерять стремление к объективности оценивания происходящих событий. Дискуссионным является в этой связи вопрос о политической ангажированности преподавателя – может ли он быть членом политической партии или действующим политиком? С одной стороны, это может создавать риск агитации и пропаганды. С другой – обязательна включенность практиков-прикладников в учебный процесс, это регламентировано соответствующими документами. Но включенность должна быть одобряемой государством, и это справедливое требование, особенно с введением «закона об иностранных агентах».

Третья причина связана с невысокой мотивацией у студентов неполитических специальностей к восприятию политологических дисциплин. За время обучения в школе в рамках обучения обществознания происходит первичная политическая социализация, зачастую молодежь имеет сформированную политическую картину мира и не всегда готова ее корректировать [2]. При этом нельзя забывать про невысокую критичность мышления обучающихся, зачастую привыкших воспринимать учебную информацию в качестве догмы. А дисциплины политологического цикла предлагают широкий спектр политических взглядов, наполнены разнообразной идеологией и зачастую полярными суждениями. Далеко не все молодые люди имеют мотивацию разобраться с таким сложным и разнообразным теоретическим материалом, не видят прямой связи между теориями и реалиями их собственной жизненной траектории. Это подтверждают также исследователи, говоря «зачастую политология преподается поверхностно. Значимость ее для жизни каждого человека и гражданина страны практические не актуализируется перед студентами» [3, с. 237].

Следующая особенность преподавания заключается в наличии разнообразного политического и социального опыта преподавателя и студента, и далеко не всегда данный опыт лежит в одной плоскости понимания и осмысления – восприятие мира политического зависит от тех ценностей, представлений и нравственных ориентиров, носителями которых мы являемся. В многополярном мире субъект, изучающий политические процессы, демонстрирует соотнесенность к отличающейся политической культуре, что может влиять на конфликтный характер преподавания.

Пятая сложность заложена в особенности политической науки – это «зыбкость, неустойчивость, непредсказуемость современной российской политики» [3]. События, которые происходят после начала СВО 24 февраля 2022 г. заставляют исследователей и преподавателей политических дисциплин критически осмысливать меняющуюся реальность, очевидными которых они являются, многие истины, прописанные в учебниках политологии теряют свой догматический характер. Студенты ждут от преподавателей ответов на вопросы, которые они

сами для себя не решили, не вписали в устоявшуюся картину мира. Данный процесс хорошо охарактеризовал А. Ю. Шутов, выступая на панельной дискуссии «Российское общество: ценности и нравственные ориентиры» в рамках Всероссийского форума «Дигория» в июле 2023 г.: «Сегодня политология переживает переломный этап. Речь идет о национализации political science в нашей стране. Мы пересматриваем многие подходы, которые не работают на нашей почве, в том числе институциональный. Пора обратиться к цивилизационным идеологическим измерениям, ведь политология – это идеологическая дисциплина. В Америке она насквозь пропитана идеологией. Первой темой американского учебника political science идет «Американская модель демократии». В Европе – «Европейская модель демократии». У нас – «Транзитология», «Партии и режимы», «Тоталитаризм. Авторитаризм. Демократия». Это чуждые нам идеологии! Политологию следует национализировать – это то, чем мы сейчас занимаемся» [7].

Следующей причиной можно назвать излишнюю теоретизированность учебного материала, отсутствие понимания прикладного характера политических дисциплин. С одной стороны, мы понимаем, что погружение в теоретическое понимание политологии необходимо, без него немыслим дальнейший процесс обучения. И это теоретическое обучение должно занимать 4–6 лет. С другой стороны, и потенциальный работодатель, и сами студенты в большей степени заинтересованы в прикладное, практическое погружение, в возможность примерно с 3–4-го курса определиться с интересующей областью мира политического и уже в этом совершенствоваться профессионально. Именно в этот период многие студенты-политологи подрабатывают уже на выборах, в политических партиях, общественных организациях и теряют интерес к теории политики.

Решение вышеуказанных проблем невозможно одновременно, к тому же, необходимы консолидированные усилия всех сторон участников образовательного процесса. С одной стороны, преподавательское сообщество ориентируется на действия Федерального учебно-методического объединения в сфере высшего образования по УГСН 41.00.00 «Политические науки и регионоведение». Если проанализировать работу ФУМО на протяжении примерно последних десяти лет, то можно резюмировать понимание важности преподавания политологических дисциплин и осознание методических проблем, анализу которых посвящена данная статья [8]. Но без воплощения рекомендаций и предложений от ФУМО Министерством науки и высшего образования РФ ничего не изменится в этой сфере. Также важно понимание важности преподавания политологических дисциплин администрацией вузов страны. Но на этом уровне зачастую происходит сокращение или урезание (часов, ставок) в силу разных причин, если решения ФУМО не зафиксированы в виде обязательных к исполнению нормативно-правовых актов. Третьей важной стороной процесса является преподавательское сообщество, от активности и мотивации которых во многом также зависит эффективность достижения результатов процесса преподавания. Также включенным в этот процесс актором и заказчиком должны выступать соответствующие структуры региональных органов власти, зачастую не понимающие важность данного сотрудничества. Следующим актором, включенным в этот процесс, являются профессиональные политологические сообщества, и тут важное место занимают Российская ассоциация политической науки и Российское общество политологов, на площадках различного уровня которой также предлагают варианты разрешения проблем и противоречий.

Резюмируя вышесказанное, напрашиваются выводы об обязательности политологического образования в современном мире, но это образование может быть представлено в разных формах и на разных периодах обучения. Также назрела проблема определения миссии высшего образования в общем, и политологического, в частности. Положительным аспектом может являться восстановление связи: школа – вуз или СПО – вуз; активное включение преподавателей высшей школы к методической / методологической помощи к написанию учебных изданий по дисциплине «Обществознание», чтобы нивелировать разрыв между этими уровнями обучения.

Автор считает важным возвращение практики издания учебных пособий, адресованных администрации вузов и образовательному сообществу, в котором шло бы регулярное обсуждение и выработка общего понимания внешней и внутренней политики Российской Федерации в свете происходящих событий. Также данную задачу могут выполнять и специализированные научные журналы, но, желательно, относящиеся к введению Министерства науки и высшего образования. Представляется значимым, чтобы свое мнение высказывали не только представители научно-образовательного сообщества, но и представители министерства, и практики публичной сферы политической деятельности.

Литература

1. Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Ватолина Е. В. Высшее образование и рынок труда: модели переходов и инструменты реагирования в условиях сложных вызовов и угроз // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 364–367.
2. Зуляр Ю. А., Зуляр Р. Ю. Политическая социализация, ее структура и модели // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2025. Т. 51. С. 43–59.
3. О проблемах преподавания курса «Политология» студентам неполитических специальностей / А. Л. Лазутина, Л. В. Мухорина, А. А. Фемонкова, С. В. Чадаева // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1. С. 237–240.
4. Радиков И. В. Три десятилетия преподавания политологии в России: чему учит опыт введения новой дисциплины // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2, Искусствоведение. Филологические науки. 2020. № 1. С. 164–172.
5. Семенова Н. В., Мурая Е. Н., Перцев В. В. Актуальные проблемы развития системы преподавания в современном вузе // Современное педагогическое образование. 2022. № 12. С. 388–391.
6. Шмидт С. Ф. Глобализация и деглобализация: исторические циклы и современность // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2025. Т. 51. С. 89–104.
7. ДНК России // ВК [социальная сеть]. 04.11.2022. URL: https://vk.com/dna_ru_club (дата обращения: 14.01.2025).
8. Осенняя сессия ФУМО «Политические науки и регионоведение». 24.11.2016. URL: <https://social.hse.ru/ps/news/197253036.html> (дата обращения: 14.01.2025).

УДК 303.064:004.891.2

В. В. Зотов

Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет), г. Москва

М. В. Зотов

Национальный исследовательский университет
«Московский энергетический институт», г. Москва

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКСПЕРТНЫХ ПУЛОВ В РАМКАХ ОБЩЕСТВЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА ОСНОВЕ НЕЧЁТКОЙ ЛОГИКИ

Предлагается метод формирования экспертных пулов для общественно-профессиональной экспертизы с использованием нечёткой логики. Решается проблема субъективности традиционного отбора, формализуя ключевые критерии эксперта (компетентность, информированность и беспристрастность) через нечёткие множества и трапецевидные функции принадлежности. Метод обеспечивает сбалансированное представительство ключевых стейкхолдеров и преобразует самооценки кандидатов в интегральный рейтинг. Предлагаемый метод повышает объективность экспертизы, снижает влияние личных предпочтений и усиливает доверие к принимаемым решениям.

Ключевые слова: общественно-профессиональная экспертиза, баланс представительства, эксперт, экспертный пул, нечеткая логика, объективность экспертизы.

V. V. Zotov

Moscow Institute of Physics and Technology, Moscow

M. V. Zotov

National Research University
“Moscow Power Engineering Institute”, Moscow

FORMATION OF EXPERT POOLS IN PUBLIC-PROFESSIONAL EXPERTISE BASED ON FUZZY LOGIC

The article proposes a method for forming expert pools in public-professional expertise using fuzzy logic. The authors address the subjectivity problem of traditional selection by formalizing key criteria for an expert (competence, awareness, impartiality) through fuzzy sets and trapezoidal membership functions. This approach ensures balanced representation of key stakeholders and transforms self-assessments into an integrated rating. The proposed method increases objectivity in expertise, reduces personal preferences influence, and enhances trust in decision-making processes.

Keywords: public-professional expertise, balance of representation, expert, expert pool, fuzzy logic, objectivity of expertise.

Всегда была и остаётся в спектре актуальных проблем любой сферы человеческой деятельности – проблема принятия обоснованных и взвешенных управленческих решений. Нередко для принятия верных решений в сложных ситуациях приглашаются эксперты, т. е. люди, обладающие определенными знаниями в области принимаемых решений. Однако таких специалистов мало и их услуги стоят дорого. Появляется вопрос, существует ли способ сделать знания экспертов более доступными. Здесь на помощь приходят экспертные системы – цифровые сервисы, организующие работу экспертов для решения общественно-значимых проблем, т. е. проблем, которые с точки зрения значительного числа членов социума, прямо или косвенно влияют на жизненное благополучие и требуют совместных усилий по преодолению. Это актуализирует проблему разработки новых форм участия населения в публичном управлении, к которым можно отнести общественно-профессиональную экспертизу, понятой как *«процесс человекоразмерного рассмотрения и критической оценки представителями заинтересованных сторон всей имеющейся информации по общественно значимым проблемам в целях повышения обоснованности принимаемых решений»* [3, с. 686]. Для такой экспертизы важно не только участие экспертов, представляющих научное и профессиональное сообщество, но и других представителей заинтересованных сторон. Основной акцент данной экспертизы сделан на привлечение нереализованного потенциала представителей всех заинтересованных сторон через максимальное вовлечение их в оценку принимаемых управленческих решений, что достигается через проявление синергического эффекта взаимодействия ключевых акторов экспертной информационной системы. Отметим, что общественно-профессиональная экспертиза не отменяет проверку принимаемых управленческих решений на соответствие экологическим, строительным и другим нормативным требованиям.

Ключевым фактором успеха общественно-профессиональной экспертизы играет является качество и релевантность экспертного пула – группы специалистов, чьё мнение ляжет в основу итоговых решений. Однако традиционные методы формирования таких пулов сталкиваются с рядом вызовов: субъективность отбора при том, что необходимо учитывать разнородные и зачастую противоречивые параметры (профессиональный опыт, общественная позиция, репутация, беспристрастность, коммуникативные навыки). Самостоятельный отбор или даже групповое голосование часто подвержены влиянию личных симпатий, рискам лоббирования или попаданию под определённые стереотипы.

Требования к эксперту по своей природе размыты и плохо формализуются в бинарных терминах («да/нет»). При этом необходимо одновременно учитывать множество факторов разной природы (образование, стаж, публикации, общественная активность, отсутствие конфликтов интересов), вес которых может варьироваться.

Именно здесь на помощь приходит математический аппарат нечёткой логики (fuzzy logic), предлагающий мощный инструментарий для работы с неопределённостью и качественными оценками. Отметим, что существует ряд работ, в которых решается важная научно-практическая задача оценки уровня компетентности экспертов, участвующих в экспертном опросе [1; 2; 7], в том числе посредством построения системы нечёткого логического вывода [8].

Нечёткая логика, разработанная Лотфи Заде, оперирует не чёткими множествами (где элемент либо принадлежит, либо не принадлежит множеству), а нечёткими множествами.

Принадлежность элемента к такому множеству определяется степенью принадлежности – числом в диапазоне от 0 (полностью не принадлежит) до 1 (полностью принадлежит).

Это позволяет, работая с вербальными оценками («высокий», «средний», «низкий») и преобразуя их в числовые интервалы степеней принадлежности, определить, насколько эксперт «компетентен» или «беспристрастен» через функции принадлежности.

Процесс формирования экспертного пула на основе нечёткой логики начинается с определения критериев отбора K эксперта в пул:

Т. М. Дридзе считает, что при привлечении лиц к выработке социально значимых управленческих решений, касающихся судебных социально-территориальных общностей, следует учитывать уровень 1) профессиональной ориентации в проблеме (K_1 – компетентность), 2) информированности о локальной ситуации (K_2 – информированность) и 3) объективности суждений (K_3 – беспристрастность) [6]. Кроме того, на наш взгляд, необходимо оценивать опыт участия в экспертизе. Именно в практической работе формируется умение работать с большими объёмами информации (документы, данные, мнения): выделять ключевые аспекты, видеть взаимосвязи и «подводные камни». Опытные эксперты понимают регламенты, этапы работы и правила выдачи заключений. Это ускоряет процесс и снижает риски формальных ошибок. Игнорирование этого фактора повышает риски срыва сроков и снижения качества итогового заключения. Но на начальном этапе отбора экспертов данный параметр не учитывается – он появляется только после того, как эксперт хотя бы один раз принял участие в подготовке экспертного заключения.

Для каждого критерия K_i создаются нечёткие множества (например, «низкий», «средний», «высокий» для K_1 и K_2 ; и «низкая», «средняя», «высокая» для K_3).

Лингвистическая переменная задаётся пятёркой $\langle x, T, U, G, M \rangle$, где x – имя переменной; T – множество терминов, каждый элемент которого (терм t_i) представляется как нечеткое множество на универсальном множестве U ; G – синтаксические правила, часто в виде грамматики, порождающие название термов (в нашем случае явно не указываются, поскольку термы заданы списком); M – семантические правила, задающие функции принадлежности нечётких термов [5]. Семантические правила определяют, как каждому лингвистическому терму t из T ставится в соответствие его значение на универсуме U . Значением терма является нечёткое множество, заданное своей функцией принадлежности ($\mu(x): U \rightarrow [0, 1]$). Эта функция для каждого чёткого значения x из универсума U указывает степень принадлежности (от 0 до 1) этого значения x к нечёткому множеству, представляющему терм t .

Рассмотрим вводимые переменные K_1 – компетентность, K_2 – информированность, K_3 – беспристрастность. Зададим их следующими пятёрками $\langle x_{Ki}, T_{Ki}, U_{Ki}, M_{Ki} \rangle$, где $T_{Ki} = \{t_1, t_2, t_3\} = \{\text{«высокий»}, \text{«средний»}, \text{«низкий»}\}$. Поскольку каждый критерий в данном случае оценивается по 10-балльной шкале, то $U_{Ki} = \{1, \dots, 10\}$, M_{Ki} – трапецевидные функции принадлежности, аналитическое выражение для которых задаётся выражением (1):

$$\mu(x) = \begin{cases} 0, & x \leq a \\ \frac{x-a}{b-a}, & a < x \leq b \\ 1, & b < x \leq c \\ \frac{d-x}{d-c}, & c < x \leq d \\ 0, & d < x \end{cases} \quad (1)$$

где параметры $[a, b, c, d]$ для $t_1 = [-3, -2, 2, 3]$, $t_2 = [2, 3, 7, 8]$, $t_3 = [7, 8, 12, 13]$.

График функции принадлежности приведён на рисунке.

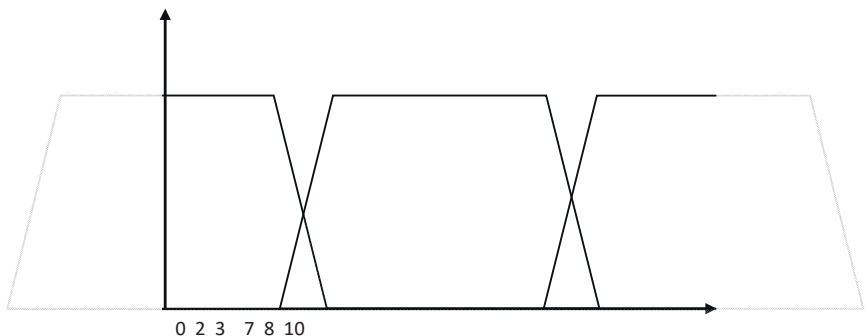

Рис. Графики функций принадлежности лингвистических переменных для критериев отнесения к экспертным группам, измеренные по 10-балльной шкале

Качественный отбор экспертов считается обоснованным, если соблюдаются два основных принципа: **типичность и компетентность**.

Принцип типичности подразумевает выбор специалистов, представляющих характерные группы заинтересованных сторон в данной области деятельности. Нами были выделены следующие основные типовые группы: аналитики; служащие органов государственной власти; служащие органов муниципальной власти; ведущие специалисты муниципальных организаций; представители некоммерческого сектора; представители бизнес-структур; лидеры общественного мнения; представители политических партий и общественно-политических объединений; активисты муниципалитета. Обоснованность данной классификации типичных групп была подтверждена эмпирически через проведение экспертного опроса, в ходе которого задавался вопрос: «Какие субъекты выступают в роли ключевых стейкхолдеров (заинтересованных сторон) в сфере общественных коммуникаций при разрешении социально значимых проблем?» [4, с.117]. Именно типизация экспертов по данным группам обеспечивает репрезентативность состава экспертной комиссии относительно основных категорий заинтересованных лиц.

Оценка уровня **компетентности** каждого эксперта проводится при помощи процедуры самооценки экспертами своего профессионального уровня по конкретной тематике исследования. Эксперты самостоятельно оценивают уровень своих знаний и опыта по специальной рейтинговой шкале, установленной организаторами экспертизы. Например, используется числовая градация от 0 до 10, где значение «0» соответствует минимальному уровню самооценки, а «10» – максимальной её степени. В данном случае собираются данные по каждому кандидату в эксперты по всем критериям K_1 – компетентность, K_2 – информированность, K_3 – беспристрастность. Но надо понимать, что самооценка – это принципиально субъективные данные. Эксперт с заниженной самооценкой поставит 7 при реальном уровне 9, а самоуверенный – 10 при объективных 6. В этом случае нечёткая логика нормализует оценки через функции принадлежности к термам («низкий/средний/высокий»), устраняя субъективность интервалов. При этом если отбор экспертов будет основан на механическом усреднении самооценок, это вызовет справедливые вопросы к объективности. Нечёткая система с прозрачными правилами выглядит значительно убедительнее для профессионального сообщества.

Таким образом, качественный отбор экспертов осуществляется комплексно, обеспечивая одновременное соответствие участников требованиям как объективной представительности различных заинтересованных групп, так и достаточной компетентности в исследуемой сфере.

Далее производится преобразование «чётких» входных данных (самооценка по 10-балльной шкале) в степени принадлежности к соответствующим нечётким термам для каждого критерия. Необходимо ясно осознавать тот факт, что сами представители заинтересованных сторон объективно лишены возможности в полной мере соответствовать высоким

критериям, необходимым для присвоения статуса эксперта. Иными словами, существуют конкретные ограничения, установленные для каждой группы участников экспертиз, которые выступают своего рода пределом, определяющим уровень компетенции представителей заинтересованной стороны. Эти пределы представляют собой некий пороговый барьер, преодолеть который невозможно даже теоретически, поскольку природа ограничений обусловлена самим характером деятельности указанных лиц и является принципиально непреодолимой преградой, задающей верхнюю границу компетентности и профессионализма каждого представителя конкретной категории специалистов. В таблице представлены предельные оценки трёх важнейших характеристик различных групп стейкхолдеров, участвующих в общественно-профессиональной экспертизе: ориентация в проблеме (K_1), информированность о ситуации (K_2) и объективность суждений (K_3).

Таблица

Предельная оценка уровня ориентации в проблеме, информированности и объективности суждений стейкхолдеров общественно-профессиональной экспертизы

Группы стейкхолдеров	K_1 : Уровень ориентации в проблеме (высокий/средний/низкий)	K_2 : Уровень информированности о ситуации (высокий/средний/низкий)	K_3 : Уровень объективности суждений (высокая/средняя/низкая)
Служащие органов государственной власти	Высокий	Высокий	Средняя
Служащие органов муниципальной власти	Высокий	Высокий	Средняя
Ведущие специалисты организаций муниципалитета	Высокий	Высокий	Средняя
Представители некоммерческого сектора	Высокий	Высокий	Средняя
Аналитики	Высокий	Средняя	Высокая
Лидеры общественного мнения	Средний	Высокий	Высокая
Активисты муниципалитета	Средний	Низкий	Высокая
Представители бизнес-структур	Средний	Низкий	Средняя
Представители политич. партий и общественно-политических объединений	Средний	Низкий	Средняя

В дальнейшем для каждого кандидата оценки по всем критериям агрегируются в интегральную нечёткую оценку пригодности для экспертного пула. Это ключевой этап. Присвоение статуса зависит от сочетания уровней компетенций, информированности и объективности суждений кандидата.

При этом мы исходили из следующего понимания. Статус эксперта должен присваиваться тем, кто обладает высоким уровнем компетентности и информированности, а также высокой объективностью. А у экспертов с низким уровнем компетентности и информированности шансы на присвоение статуса минимальны, особенно если у них также низкая объективность. При этом объективность становится ключевым фактором. Высокая объективность является критически важным компонентом для получения статуса эксперта, особенно в сочетании с компетентностью и информированностью. Структура присвоения статуса построена таким образом, что приоритетная оценка идёт по первому параметру (уровень компетенции). При достаточном уровне компетенции решающими становятся оставшиеся факторы, особенно критично отсутствие низкого уровня объективности при недостатке информированности.

Результирующая нечёткая оценка уровня пригодности каждого кандидата подвергается процедуре преобразования («дефаззификации») в чёткую числовую величину, называемую *интегральным рейтингом*.

Для этой цели используются различные методы дефаззификации, среди которых наиболее распространёнными являются следующие подходы:

– метод центра тяжести: расчёт точки равновесия функции принадлежности, когда область неопределённости оценивается через координату центра масс области распределения значений;

– метод центра площади: вычисление среднего значения всех возможных оценок внутри нечёткого множества путём нахождения координат геометрического центра фигуры, ограниченной функцией принадлежности.

После получения точного численного значения ИР осуществляется ранжирование кандидатов в порядке убывания данного показателя. Таким образом, кандидат с наивысшим значением интегрального рейтинга получает приоритетное место в итоговом списке претендентов.

При отборе специалистов для формирования экспертной группы учитывается несколько важных факторов: 1) требования к общему количеству участников экспертного пула и 2) необходимость соблюдения баланса представительства различных групп стейкхолдеров. Это реализуется через соответствующий алгоритм формирования формирования экспертного пула, который автоматически формирует список лучших N кандидатов, одновременно контролируя выполнение обязательных условий по минимальной представленности каждой ключевой группы стейкхолдеров. В результате каждый отобранный кандидат будет соответствовать требованиям организации относительно необходимого количества представителей отдельных профессиональных направлений или подразделений.

Таким образом, формирование экспертных пулов для общественно-профессиональной экспертизы – сложная задача, требующая учёта множества нечётких, субъективных и противоречивых факторов. Применение нечёткой логики предоставляет математически обоснованный и гибкий инструмент для решения этой задачи. Оно позволяет формализовать интуитивные представления о «хорошем эксперте», объективно сравнивать кандидатов по совокупности разнородных критериев и формировать сбалансированные пулы, максимально соответствующие целям конкретной экспертизы. Формирование экспертных пулов в рамках общественно-профессиональной экспертизы на основе нечёткой логики **позволяет** снизить влияния субъективного человеческого фактора на этапе отбора, открывает возможность работы с критериями, которые невозможно строго измерить. При этом логика отбора явно заложена в правилах и функциях, что позволяет её анализировать и корректировать (в отличие от модели «чёрного ящика», которые получают распространение благодаря применению нейронных сетей). Но при использовании предложенной методики надо понимать, что результат сильно зависит от полноты и достоверности исходной информации об экспертах. А сама настройка модели требует тщательной проработки критериев, весов, функций принадлежности и правил экспертами в предметной области. Возможна настройка с помощью методов оптимизации или машинного обучения на исторических данных (если они есть и качественны). Хотя модель прозрачнее нейросетей, сложные системы нечётких правил могут быть трудны для понимания неподготовленными пользователями. Внедрение таких систем способствует повышению доверия к процедурам общественно-профессиональной экспертизы, качества принимаемых на их основе решений и, в конечном итоге, эффективности диалога между профессиональными сообществами, властью и обществом.

Литература

1. Гусеница Я. Н., Гречкина О. В. Модель компетентности эксперта // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. 2023. № 11. С. 44–50.
2. Гусеница Я. Н., Ляскин А. С., Гречкина О. В. Методика ранжирования свойств компетентности эксперта на основе анализа иерархий // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. 2024. № 4. С. 115–118.
3. Зотов В. В. Общественно-профессиональная экспертиза управленческих решений по социально значимым проблемам города как инструмент достижения консолидации // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47, № 4. С. 682–690.
4. Зотов В. В. Общественно-профессиональная экспертиза управленческих решений по общественно значимым проблемам города // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 1. С. 113–125.
5. Мелихов А. Н., Берштейн Л. С., Коровин С. Я. Ситуационные советующие системы с нечеткой логикой. М. : Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1990. 272 с.

6. Прогнозное социальное проектирование: методологические и методические проблемы / Е. Н. Боровик, В. С. Библер, М. Г. Гаазе-Рапопорт [и др.] ; отв. ред. Т. М. Дридзе ; АН СССР. Ин-т социологии. М. : Наука, 1989. 256 с.

7. Пронин А. Ю., Ляковский В. Л. К вопросу формирования экспертных групп и оценки компетентности специалистов, привлекаемых для научно-технических экспертиз // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2023. № 3. С. 76–82.

8. Ульяновская Ю. В. Метод определения квалификации экспертов, участвующих в экспертном вопросе // Вестник Херсонского национального технического университета. 2014. № 1 (48). С. 96–101.

УДК 658.5

**Т. И. Грабельных, Ю. П. Янков,
О. А. Куриленкова, Н. А. Саблина**
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

АНАЛИТИКА И ЭКСПЕРТИЗА В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И ТЕХНОЛОГИИ ПРИМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ БЕЗОПАСНОГО МИРА

Работа посвящена обоснованию принципов и целей применимости аналитики и экспертизы в сфере управления в условиях построения безопасного мира в России. Сделан акцент на особенностях использования групп научных методов по отраслевому принципу и внедрения новых информационно-коммуникационных и технологических составляющих в управленческой деятельности. Раскрывается, что органы власти, бизнес сообщество и институты гражданского общества при реализации своих задач и функций сталкиваются на постоянной основе с ростом угроз и вызовов разного характера и природы. Концептуально определено повышение значимости стратегической и оперативной составляющих при проведении анализа и экспертизы в процессах принятия решений. Доказано, что в условиях построения безопасного мира технологии освоения и применения аналитических и экспертных методов имеют свою специфику и определяются их высокой целесообразностью.

Ключевые слова: сфера управления, безопасный мир, аналитика, экспертиза, научные методы, экспертные институты, целевые экспертные технологии, экспертная культура реагирования на угрозы.

**T. I. Grabelnykh, Yu. P. Yankov,
O. A. Kurilenkova, N. A. Sablina**
Irkutsk State University, Irkutsk

ANALYTICS AND EXPERTISE IN THE SPHERE OF MANAGEMENT: MODERN STRATEGIES AND TECHNOLOGIES OF APPLICATION IN THE CONDITIONS OF BUILDING A SAFE WORLD

The work is devoted to the substantiation of the principles and purposes of applicability of analytics and expertise in the field of management in the context of building a safe world in Russia. Emphasis is placed on the features of using groups of scientific methods according to the industry principle and the introduction of new information, communication and technological components in management activities. It is revealed that government bodies, the business community and civil society institutions, in implementing their tasks and functions, are constantly faced with increasing threats and challenges of various natures and types. The conceptual definition of increasing the importance of strategic and operational components in conducting analysis and expertise in decision-making processes. It has been proven that in the conditions of building a safe world, the technologies for mastering and applying analytical and expert methods have their own specifics and are determined by their high feasibility.

Keywords: management sphere, safe world, analytics, expertise, scientific methods, expert institutions, targeted expert technologies, expert culture of response to threats.

В XXI веке во всех социальных системах России и мира под воздействием внешних и внутренних факторов стремительно трансформируются механизмы принятия решений. Сфера управления стала носить более контекстуальный характер, когда традиционные механизмы влияния еще сохраняют свою силу, между тем под воздействием новых факторов требуется принятие принципиально новых решений. Готовность к принятию одновременно стратегических и оперативных решений в сферах управления в настоящее время определяет контекст их целесообразности. Полагаем, что в условиях построения безопасного мира именно эта особенность носит главенствующий характер, а экспертные институты своего нового

конституирования. Мы придерживаемся мнения, что в настоящий период «...экспертные институты стали представлять высокоинтегрированные комплексы и организационно оформленные структуры, сообщества и группы, легитимно, профессионально и интеллектуально обеспечивающие порядок и контроль в социальной системе, регулирование и саморегулирование отношений в ключевых областях жизнедеятельности человека и общества, опирающиеся на сетевые и партнерские взаимодействия в установленных форматах, отвечающие угрозам и вызовам своего времени» [1]. Не веками установленные принципы демократии и управления, а принципы, детерминированные выбором точек опоры и комбинацией реальных политических и общественных сил и их ресурсными возможностями реального времени. Считаем, что явная и скрытая конфигурация сил в реальном измерении в социальных пространствах диктует динамику позиций и диспозиций участников процесса в «борьбе» за выживание, доминирование и лидерство.

В цифровом пространстве действуют свои принципы и своя тактика позиционирования во внешней среде. Вреди основных принципов, определяющих статическую расстановку сил в политическом пространстве, по-прежнему остаются – нормативность, объективность, вариативность, адаптивность, конструктивность и др., в то время как в контекстуальном (динамическом) измерении здесь приобретают важность принципы избирательного целеполагания, консенсусного взаимодействия, оперативного управления и экстренной мобилизации ресурсов и резервов. Сегодня готовность к оперативному решению проблем высоко востребована на всех уровнях управления, от руководителя и представителей данной сферы требуется освоение компетентностных форматов принятия управленческих решений в условиях угроз и рисков [2]. Органы управления, развивая сотрудничество с вузами, как центрами экспертизы и компетенций, и другими ведущими партнерами отношений, сами становятся крупными экспертными центрами в регионах. В этой связи мы ставим вопрос о важности выбора и определения принципов и целей применимости аналитики и экспертизы в процессе принятия и реализации управленческих решений.

Подчеркнем, что более чем за 20-летний период в научном определении механизмов принятия решений фактически не произошло изменений. По-прежнему ставится вопрос о специфике принятия решений в сложных условиях – неопределенности и риска. За это время проблема «сложного» принципиально изменилась. Природа и структура «сложного» изменилась, как в цивилизационном, так и цифровом форматах. Между тем зачастую выдвигаемые утверждения и рассуждения, к сожалению, не всегда подтверждены. За прошедший период реальность кардинально изменилась и требования к аналитике и экспертизе должны возрасти. Сегодня, как некогда, требуется проведение «аналитической разведки», расширение возможностей применения прогнозных методов, работа с большими данными. Любой выдвинутый ориентир и новая поставленная цель требуют условий, технологий и инструментов для их мобилизационного выполнения. В этой связи в условиях построения безопасного мира на особом месте стоит антикоррупционная экспертиза.

Ставим вопрос о выработке мер, повышающих престижность институтов аналитики и экспертизы в сферах управления на всех уровнях, в организациях с разным организационно-правовым статусом. Современные стратегии принятия решений в условиях построения безопасного мира предусматривают и разработку новых технологий применения научных и экспертных методов. Должно прийти понимание и знание отличительных (видовых) особенностей использования групп научных методов по отраслевому принципу и внедрения новых информационно-коммуникационных и технологических составляющих в управленческой деятельности. Цифровая составляющая является атрибутивной компонентой всех механизмов принятия управленческих решений на современном этапе.

Учитывая, что органы власти, бизнес сообщество и институты гражданского общества при реализации своих задач и функций на постоянной основе сталкиваются с ростом угроз и вызовов разного характера и природы, требуется мобилизация экспертного сообщества на экспертно-аналитическое сопровождение принимаемых и реализуемых решений. Должно быть организовано (например, на уровне университетов) продвижение экспертных знаний в

общественном пространстве региона [3]. Этот же аспект предполагает более активное использование научных методов и проведение исследований, в том числе, социологических.

Таким образом, мы делаем заключение, что в современных условиях требуется повышение значимости стратегической и оперативной составляющих при проведении анализа и экспертизы в процессах принятия решений. В условиях построения безопасного мира технологии освоения и применения аналитических и экспертных методов, безусловно, имеют свою специфику и определяются их высокой целесообразностью. В настоящий период важна разработка целевых экспертных технологий и повышение экспертной культуры реагирования на вызовы и угрозы.

Литература

1. Грабельных Т. И. Предисловие // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 15–17.
2. Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Зырянов В. В. Угрозы как социальный феномен в XXI веке // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 154–156.
3. Грабельных Т. И. Продвижение экспертных знаний в общественном пространстве региона // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 3. Ч. 1. Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества ; отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2020. С. 850–851.

УДК 316+004.89

Р. И. Трифонов, И. В. Румянцев

Военный учебный центр имени дважды Героя Советского Союза генерала армии
А. П. Белобородова при ИГУ, г. Иркутск

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Рассматривается влияние цифровизации на развитие социальных наук с особым акцентом на применение искусственного интеллекта (ИИ) в социологии. Дается краткое описание цифровой эпохи и ее воздействие на общество и научное познание. Выделены основные направления цифровизации в социальных науках – рост объема цифровых данных, использование вычислительных методов (вычислительная социальная наука) и возникновение «цифровой социологии» как новой научной области. Подробно анализируется роль ИИ в социологических исследованиях: рассматриваются технологии машинного обучения и обработки естественного языка, примеры их применения для анализа социальных медиа, анкет и больших данных, а также перспективы дальнейшего развития. Также обсуждаются преимущества (быстрый сбор и анализ больших данных, новые методы исследования) и вызовы (качественные и этические проблемы, «темные ящики» алгоритмов и цифровое неравенство) цифровизации для социальных наук. В заключение суммируются ключевые идеи и намечаются перспективы развития социально-научных исследований в цифровую эпоху.

Ключевые слова: цифровизация, социальные науки, цифровая социология, вычислительная социальная наука, искусственный интеллект, машинное обучение, обработка естественного языка, большие данные.

R. I. Trifonov, I. V. Rumyantsev

Military training center named after Hero of the Soviet Union General of the Army A. P. Beloborodov
at Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF DIGITALIZATION IN THE DEVELOPMENT OF SOCIAL SCIENCES

This article examines the impact of digitalization on the development of social sciences, with a focus on the application of artificial intelligence (AI) in sociology. A brief overview of the digital age and its influence on society and science is provided. The main directions of digitalization in social sciences are highlighted – the growth of digital data, the use of computational methods (computational social science), and the emergence of “digital sociology” as a new field of study. The role of AI in sociological research is analyzed in detail: machine learning and natural language processing techniques are discussed, along with examples of their application to social media analysis, surveys, and big data, as well as future prospects. The advantages (rapid collection and analysis of big data, novel research methods) and challenges (data quality and ethical issues, algorithmic “black boxes,” and digital inequality) of digitalization for social sciences are also addressed. In conclusion, key ideas are summarized and the future prospects for social science research in the digital era are outlined.

Keywords: digitalization, social sciences, digital sociology, computational social science, artificial intelligence, machine learning, natural language processing, big data.

Введение

Цифровизация – это процесс широкомасштабного внедрения информационных технологий во все сферы жизни общества. В современную «цифровую эпоху» повсеместно распространены компьютеры и мобильные устройства, а интернет и цифровые сети обеспечивают постоянный поток информации. Как отмечают исследователи, «расцвет цифровой эры», который можно охарактеризовать как «компьютеры повсюду», глубоко трансформировал современное общество и повседневную жизнь людей [3]. Удобство сбора и обмена данными в глобальных сетях, а также стремительный рост вычислительных мощностей породили новые возможности для анализа социального поведения.

Наряду с общими тенденциями цифровизации общества, возникла и новая научная ниша – «цифровая социология», направленная на изучение влияния цифровых технологий на социальные отношения и поведение [4]. Так, в 2009 г. Джонатан Уинн официально предложил концепцию «цифровой социологии», указывая на то, что «цифровые технологии создали новые вызовы, которые социология должна изучить» [4]. С тех пор цифровые технологии продолжили быстрое развитие, а научные исследования прониклись идеей того, что общество ускоренно переходит в цифровую эпоху.

В данной статье мы рассмотрим основные направления цифровизации в социальных науках, подробно остановимся на роли искусственного интеллекта в социологических исследованиях, а также обсудим преимущества и сложности этого процесса.

Основные направления цифровизации в социальных науках

Цифровизация значительно расширила исследовательские возможности социальных наук. Во-первых, объём доступных цифровых данных вырос многократно. Благодаря широкому распространению интернета и смартфонов появились «тонкие» (fine-grained) данные: геопривязанные данные, данные о перемещениях и действиях людей (трековые данные), длинные панели наблюдений за поведением пользователей в сети, тексты из социальных медиа и другие форматы данных, которые ранее было трудно получить [3]. Как отмечают Лейтгёб и др., именно «цифровизация общества» коренным образом изменили исследования в социальных науках в последние годы [3]. В современных исследованиях появляются большие массивы данных, которые могут быть собраны и проанализированы быстро и в большом масштабе.

Во-вторых, развитие вычислительных мощностей и алгоритмов породило новое междисциплинарное направление – вычислительную социальную науку (Computational Social Science). Это поле объединяет социологию с информатикой, статистикой и математикой, создавая методы и инструменты для анализа сложных социальных явлений [5]. Как отмечается в обзоре Джун Чжан и др., CSS «возникла благодаря быстрому развитию вычислительных технологий», что позволяет использовать «различные виды данных из разнообразных областей» для изучения социальных проблем с новой точки зрения [5]. Например, вычислительная социальная наука изучает сетевые структуры, моделирует распространение информации в обществе, проводит массовые онлайн-эксперименты и применяет алгоритмические модели для анализа социальных процессов.

Третье направление – применение «цифровых методов» и «цифровой социологии» к традиционным темам. Исследования показывают, что цифровые технологии привели к появлению шести основных областей в цифровой социологии: цифровая экономика и занятость, цифровая политика и власть, социальные связи и взаимодействие онлайн, восприятие личности в цифровой среде, социальное неравенство, а также методологические инновации в самих исследованиях [4]. Например, анализ социальных сетей и политического дискурса в интернете, исследования влияния цифровых платформ на культуру труда и потребления, а также новые методы анализа текстовых и мультимедийных данных расширили инструментарий социолога. Появились также открытые цифровые архивы и репозитории данных для соци-

альных наук (например, открытые национальные опросы, реестры мнений в соцсетях), что облегчает доступ к информации.

Таким образом, цифровизация в социальных науках проявляется через массовый сбор цифровых данных, развитие вычислительных методов анализа и появление новых тем исследований, объединяемых понятием «цифровой социологии» [3; 4]. Эти тенденции постепенно меняют социологию и смежные дисциплины, подталкивая их к интеграции с Data Science и IT-технологиями.

Роль ИИ в социологических исследованиях

Искусственный интеллект (ИИ) выступает одним из ключевых факторов цифровизации социальных наук. Под ИИ понимают различные технологии – машинное обучение (ML), глубокие нейронные сети (в т. ч. методы глубокого обучения), обработку естественного языка (NLP), компьютерное зрение и т. д. Эти технологии позволяют автоматически анализировать огромные неструктурированные массивы данных и выявлять в них закономерности, которые сложно обнаружить традиционными методами. Социологи могут использовать ИИ для обработки текстов, изображений, аудиозаписей и прочей информации в социологически значимом контексте.

Например, методы NLP активно применяются для анализа текста в социальных сетях, интервью и опросов. Юсин Хоу и Дж. Хуанг отмечают, что тексты издревле служили важным источником для социальных исследований, однако их сложность требовала новых методов анализа [1]. Современное NLP умеет представлять текст в виде числовых векторов и извлекать из него семантическую информацию, что позволяет автоматически кодировать открытые ответы на вопросы анкеты или анализировать настроения и темы постов в интернете. Применение NLP-алгоритмов в социологии помогает быстрее обрабатывать данные и вносит элемент количественной строгости в их анализ. Авторы обзора подчеркивают, что при этом важно учитывать проблемы репрезентативности данных, интерпретируемости алгоритмов и возможных предубеждений [1].

Кроме текстов, ИИ используется для анализа сетевых структур: алгоритмы кластеризации и обнаружения сообществ помогают выявлять группы пользователей и их связи в социальных сетях. Машинное обучение позволяет, например, прогнозировать тенденции социальных процессов, основываясь на больших данных о поведении людей. Случаи применения ИИ в социологии включают автоматическую классификацию изображений (например, анализ фотографий городского пространства для изучения жизни горожан), распознавание тем в больших корпусах документов, а также моделирование социальных систем с помощью агентных симуляций. В своей работе Кириазос и Пога отмечают, что «модели машинного обучения (деревья решений, нейронные сети, случайные леса и т. д.) представляют собой гибкий инструментарий для улавливания сложных паттернов» в данных социальной науки [2].

ИИ уже применяют для анализа социальных настроений и предсказания общественных явлений. Примером является прогнозирование поведенческих тенденций на основе массивов данных о перемещениях или потреблении. Среди перспективных технологий – генеративные модели (например, GAN) для создания или анализа синтетических социальных данных [3], а также развитие explainable AI для повышения прозрачности социологических моделей.

Таким образом, ИИ становится мощным вспомогательным инструментом в социологических исследованиях, расширяя возможности анализа данных и обнаружения закономерностей. Вместе с тем эти технологии ставят новые требования к компетенциям социологов и методологическим подходам, что приведено в следующем разделе.

Преимущества и проблемы цифровизации для социальных наук

Цифровизация открыла для социальных наук ряд небывалых возможностей. Во-первых, она обеспечивает доступ к огромным объемам данных, которые ранее было сложно собрать. Используя цифровые следы поведения людей (в интернете, мобильных приложениях, сенсорах), исследователи могут анализировать социальные процессы в реальном времени и на больших выборках. Машинное обучение и вычислительная мощность позволяют автоматически обрабатывать и моделировать эти данные, что увеличивает скорость и масштаб

исследований. Например, ML-алгоритмы превосходят традиционные статистические модели в улавливании сложных (нелинейных) взаимосвязей в социальных данных [2]. Это расширяет аналитические возможности и способствует появлению новых теорий, основанных на больших данных.

Во-вторых, цифровизация расширяет инструментарий исследователя: появляются «умные» опросы и эксперименты онлайн, цифровые панели и приложения для сбора данных (например, мобильные обследования совмещают анкетирование с пассивным сбором данных о местоположении и активностях). Развитие платформ и репозиториях данных облегчает обмен и повторное использование результатов. Междисциплинарные подходы – включая вычислительную лингвистику, аналитику сетей, компьютерное зрение – интегрируются в социологию. Таким образом, социальные науки выигрывают от цифровых трансформаций за счет новых возможностей решения прикладных задач общества.

Вместе с преимуществами цифровизация создает и серьезные проблемы. Одна из главных – качество и природа цифровых данных. В отличие от опросных данных, они часто формируются не для научных целей (административные записи, алгоритмические логи, коммерческие метрики). Как отмечают исследователи, эти данные «не обязательно соответствуют научным стандартам качества», поэтому их применение требует дополнительных проверок сопоставимости с исследовательскими конструкциями [3]. Необходимо разрабатывать новые теории измерения и критерии качества для оценки репрезентативности и точности цифровых индикаторов.

Кроме того, ИИ-алгоритмы сами по себе могут быть «черными ящиками», усложняя интерпретацию результатов. Например, модели машинного обучения неявно учатся на исторических данных и могут «воспроизводить предубеждения» (biases) [2]. Как описано в одном из учебных пособий, «модели машинного обучения склонны к сохранению и укреплению предубеждений в данных, что может приводить к несправедливым результатам» [2]. Это ставит задачу обязательной оценки моделей, внедрения инструментов интерпретируемости (LIME, SHAP и др.) при анализе социальных данных.

Также возникает проблема цифрового неравенства: не все группы населения представлены в цифровых источниках одинаково. «Цифровой разрыв» означает, что результаты исследований могут смещаться в сторону более техноориентированных или городских сообществ, игнорируя малонаселенные и неблагополучные регионы. Наконец, цифровизация требует от социологов новых компетенций: помимо теоретических знаний нужно владеть программированием, статистическим обучением, обработкой данных.

В совокупности это означает, что цифровизация заставляет социологию одновременно расширять свои возможности и критически переосмысливать методы исследования. Как отмечают Лейтгёб и др., социальные науки в будущем «будут во многом зависеть от их способности адаптироваться к условиям, связанным с продолжающейся цифровизацией общества» [3]. Необходимы новые подходы к верификации данных, комбинированию традиционных опросов и цифровых источников, а также развитие образовательных программ, готовящих социального исследователя к работе в цифровую эпоху.

Заключение

Цифровизация проникла во все аспекты социальной жизни и поставила перед социальными науками масштабные вызовы и возможности. С одной стороны, колоссальные объемы цифровых данных и методы ИИ позволяют социологам заглянуть «внутрь» современных социальных процессов как никогда глубоко: от анализа текстов социальных сетей до сложных моделей общественного взаимодействия. С другой стороны, эти же новшества требуют от науки нового уровня ответственности – качества данных и алгоритмов, сохранения теоретических основ при работе с большими данными.

В статье были рассмотрены основные направления цифровизации в социальных науках: рост доступных данных, появление вычислительной социальной науки и «цифровой социологии». Подробно обсуждена роль ИИ – машинного обучения и NLP – в социологиче-

ской практике. Также выделены ключевые преимущества (быстрый и масштабный анализ, новые методы) и проблемы (качество данных, цифровое неравенство).

В будущем развитие социальных наук будет все больше пересекаться с развитием технологий: важно наладить мультидисциплинарный диалог со специалистами по данным, чтобы методы ИИ служили научной задаче, а не отрывались от социологической теории. Предстоит выработать общие стандарты качества для цифровых исследований, а также усилить аналитические рамки, позволяющие использовать большие данные для объяснения реальных социальных механизмов. При грамотном подходе цифровизация и ИИ могут значительно обогатить социологию, предоставив новые инструменты познания общества, однако «теория не должна исчезнуть» за обилием данных – напротив, новые цифровые методы требуют более глубоких теоретических оснований для интерпретации результатов.

Литература

1. Hou Y., Huang J. Natural language processing for social science research: A comprehensive review // *Chinese Journal of Sociology*. 2025. Vol. 11, N 1. P. 121–157.
2. Kyriazos T., Poga M. Application of Machine Learning Models in Social Sciences: Managing Nonlinear Relationships // *Encyclopedia*. 2024. Vol. 4, N 4. P. 1790–1805.
3. Leitgöb H., Prandner D., Wolbring T. Editorial: Big data and machine learning in sociology // *Frontiers in Sociology*. 2023 May 9. Vol. 8. Art. 1173155.
4. Zhao Y., Wang M. Digital sociology: origin, development, and prospects from a global perspective // *Journal of Chinese Sociology*. 2023. Vol. 10. Art. 19.
5. Data-Driven Computational Social Science: A Survey / J. Zhang, W. Wang, F. Xia, Y.-R. Lin, H. Tong // *Big Data Research*. 2020. Vol. 21. P. 100145.

УДК 331.52

Ю. А. Салтыкова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК РАБОЧАЯ СИЛА: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Статья посвящена анализу роли и перспектив развития искусственного интеллекта (ИИ) как источника рабочей силы. Особое внимание уделяется влиянию ИИ на рынок труда, создавая вызов ряду работникам, чьи профессиональные навыки могут быть автоматизированы. Акцентировано внимание, что эпоха технологической революции побуждает адаптировать способности человека в трудовой деятельности, тем самым подчеркивается необходимость развития человеческого капитала и концепции мышления роста (growth mindset) как возможности получения новых профессиональных навыков в условиях стремительной цифровизации. Сделан вывод о приоритетности сотрудничества человека и ИИ для устойчивого социально-экономического развития.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровая трансформация, рынок труда, автоматизация, стратегия, навыки, мышление роста.

Yu. A. Saltykova

Irkutsk State University, Irkutsk

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A WORKFORCE: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS

The article is devoted to the analysis of the role and prospects for the development of artificial intelligence (AI) as a source of labor. There is a particular focus on the impact of AI on the job market, challenging a range of workers whose skills can be automated. The era of the technological revolution encourages the adaptation of human abilities in labor activity, thereby emphasizing the need to develop human capital and the concept of growth mindset as an opportunity to acquire new professional skills in the face of rapid digitalization. It is concluded that human-AI cooperation is a priority for sustainable socio-economic development.

Keywords: artificial intelligence, digital transformation, labor market, automation, strategy, skills, growth mindset.

Благодаря компьютерной революции искусственный интеллект (ИИ) стал нашим незаменимым помощником. Развитие технологий ускоряется. Последующая технологическая эра опирается на инновационные технологии, которые являются неотъемлемой основой для реализации прикладных задач. ИИ уже меняет архитектуру экономики и профессиональный ландшафт. Особенно это касается промышленности, транспорта, логистики, строительства, медицины. Осознавая необходимость и неизбежность его применения развитие искусственного интеллекта в РФ происходит благодаря активной поддержки государства. В приветственной речи Президента РФ В. Путина на конференции 2025 г. «Путешествие в мир искусственного интеллекта» прозвучало лозунгом: «Наша прямая обязанность – на равных участвовать в мировой гонке по созданию сильного искусственного интеллекта» [1]. Среди государственных стратегических документов, направленных на развитие ИИ: Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., включающая национальные программы, федеральные проекты, дорожные карты, осуществляя форсированное продвижение ИИ в экономику страны. Так, в частности Федеральный проект «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика РФ», активная реализация которого началась в 2021 г. показал, что по промежуточной оценке итогов на 31.12.2024 г. по ряду показателей реализация проекта завершена успешно, согласно отчету аналитического центра при Правительстве РФ [2].

С 2025 г. мероприятия по развитию ИИ продолжены в рамках аналогичного федерального проекта в составе национальной программы «Экономика данных и цифровая трансформация государства», целью которого является создание благоприятных условий для бизнеса и граждан в части использования продуктов и услуг, инфраструктуры вычисления и хранения данных с использованием оборудования, основанных на отечественных технологиях ИИ, программного обеспечения, в том числе облачных платформ, центров обработки данных и вычислительных мощностей Государство уже поддерживает 12 исследовательских центров в сфере ИИ.

На базе фонда «Сколково» в 2025 г. начнёт работать Стратегическое агентство для поддержки ИИ-разработок (САПФИР). Организация будет сопровождать проекты профильных НИИ и координировать деятельность научных организаций в направлении под руководством Минэкономразвития России.

Однако форсированное развитие ИИ в России и в целом в мире вызывает некоторые опасения в обществе, сопровождающиеся активной дискуссией о его потенциале в замещении человека в различных сферах работы и жизни. Напомним, что интерпретация понятия ИИ в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. гласит: «Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их» [3]. Учитывая высокую скорость обучаемости и продуктивности и работы ИИ в оборот в научной среде ввелся термин «сингулярность ИИ» – такое состояние, когда искусственный интеллект опередит человек в способности когнитивного понимания, обработки информации. В общем понимании, технология мышления или высший уровень интеллекта, который не достижим для человека. С одной стороны, подобная информация настораживает определенный состав населения, вовлеченный в трудовой процесс с другой стороны, видятся огромные перспективы развития индустрии всех направлений.

Согласно отчету The Future of Jobs 2020 Всемирного экономического форума, предполагалось, что к 2025 г. ожидаются глобальные трансформации рабочих мест вследствие технологических изменений с помощью ИИ. Сообщалось, что около 40 % профессиональных навыков потребуют изменений для выполнения работы, а не менее половине сотрудников в компании придется переквалифицироваться. Аналитики предполагали, что примерно 40 % рабочих мест будут в той или иной мере автоматизированы с помощью ИИ [5].

Аналогичный отчет The Future of Jobs 2023 тремя годами спустя демонстрирует результаты исследования, в которых смещается процент выполнения работы машинами в пользу человеческой рабочей силы. В отчете указано, что 34 % всех выполняемых задач осуществляются машинами, а оставшиеся 66 % – людьми. Такой темп автоматизации противоречит ожиданиям респондентов опроса 2020 г. о том, что почти половина выполняемых задач будет автоматизирована в течение следующих пяти лет [6]. Прогнозы не оправдались, более того, последующие прогнозы смягчились относительно значимости внедрения ИИ в различные сферы экономики. Разумеется, это не может не радовать пессимистично настроенную ту часть рабочей силы, которая предлагает неспособность конкурировать роботизированным рабочим местам.

Понимая, что современный мир уже трансформирует модель занятости, характеризующуюся интеграцией роботизированных систем и интеллектуальных машин в трудовую деятельность наряду с человеком. Степень участия человека в производственных процессах будет варьироваться в зависимости от специфики выполняемых задач, а также от уровня его компетенций и профессиональных навыков. Уже сегодня наблюдается частичная замена человеческого труда искусственным интеллектом в ряде профессий, и в перспективе этот процесс будет лишь ускоряться. В связи с этим возрастает необходимость пересмотра организационных подходов к труду, взаимодействию внутри компаний и содержания профессиональных компетенций. Одним из ключевых трендов становится трансформация требований к навыкам работников, направленная на сокращение разрыва между текущим уровнем квалификации и запросами рынка. В условиях технологического прогресса особую значимость приобретает способность человека к непрерывному освоению новых знаний и умений, которые смогут сократить разрыв между текущим и требуемым уровнем квалификации работников. В условиях стремительной технологической революции способность овладевать новыми навыками вынуждает совпадать со скоростью развития технологий. В этой связи актуальна концепция Growth mindset Кэрл Дук. Согласно данной концепции, человек способен развивать свои способности и компетенции благодаря определённому типу мышления, который определяется как «мышление роста». Такой подход предполагает, что прогресс возможен через целенаправленные усилия, обучение и настойчивость [7]. Как показывает практика, навыки, ранее считавшиеся конкурентным преимуществом, со временем становятся базовыми. Так, например, владение Microsoft Office ещё недавно выделяло специалиста на рынке труда, тогда как сегодня этот навык является необходимым минимумом практически в любой профессиональной сфере. Аналогичная динамика наблюдается и в отношении искусственного интеллекта: в настоящее время специалисты, эффективно применяющие ИИ в своей деятельности, могут демонстрировать на 10–20 % более высокую продуктивность, однако в будущем этот разрыв может достичь 50 % и более. Освоение инструментов генеративного ИИ постепенно переходит в разряд ключевых, обязательных компетенций.

Учитывая то, что мир цифровых технологий стремительно развивается и большинство населения планеты живут с интернетом, около трети ее людей, а это 2,6 млрд чел. живут в условиях отсутствия цифровой инфраструктуры, с отсутствием необходимых цифровых навыков, а также устройств для доступа. Это будет создавать еще больший разрыв между доходами и, следовательно, уровнем жизни населения развитых и развивающихся стран.

Однако, несмотря на значительный прогресс, современные ИИ-модели по-прежнему основаны на статистических методах. Они прогнозируют вероятные последовательности слов, но не обладают настоящим пониманием смысла. Аналитика практик, доказывает, что ИИ также совершает ошибки. Так, например, в информационно-аналитической справке «Ошибки ИИ и механизмы их предотвращения», подготовленной центром экспертизы Национального центра развития искусственного интеллекта при Правительстве РФ представлено, что в ходе анализа выявлено более 100 случаев, как мировой, так и российской практики, когда решение ИИ выступало реальным или в лучшем случае, потенциальным источником угрозы человеку. Это ошибки в отборе и найме сотрудников, отказе выдачи кредитов, системе штрафов по распознаванию лиц и отслеживанию камер видеонаблюдения для выявления

несоблюдения правил дорожного движения. Одним из нелепых ошибок ИИ – привлечение к ответственности за выход на улицу парализованных граждан, которые существенно ограничены в мобильности и у них просто нет физической возможности покинуть квартиры в период соблюдения строгого режима самоизоляции в 2020 г. [8].

Весьма специфичный технологический эксперимент, проведенный автором, показал, что ИИ не заменит человека как рабочую силу полностью: следующий вопрос был задан нейросети Chat GPT компанией OpenAI, являющейся американской научно-исследовательской организацией «можно ли заменить ИИ человека?». В ответе было указано, что ИИ частично может заменить человека. Так, в частности, в обработке информации, автоматизации рутинных задач, образовании и обучении. Однако нейросеть достаточно аргументировано представила ответ о невозможности замены человека, поскольку не имеет сознания, самоощущения, эмоций или личной интенции, не понимает смысл того, как это делает человек.

На данный момент отсутствуют чёткие свидетельства технологических отрывов которые бы однозначно привели нас к созданию мыслящего искусственного интеллекта, способного полноценно заменить человека. Тем не менее прогресс в данной области весьма очевиден, и не исключено, что в будущем мы станем свидетелями появления принципиально нового уровня ИИ. Такой интеллект сможет не только обрабатывать тексты, но и оперировать абстрактными концептами, выстраивать причинно-следственные связи, а также справляться с многозначностью и контекстной сложностью, характерными для человеческого мышления. Подавляющее большинство работодателей признают ценность инвестиций в человеческий капитал, и это еще раз подтверждает неустаревающий десятилетиями лозунг И. Сталина, что «кадры решают все».

В большинстве практик, где работу проводит ИИ, финальное решение стоит за человеком, принимающим на себя ответственность, чего не может сделать робот, поскольку он несет только в себе функцию. Поэтому ключевой задачей будущего является не вытеснение человека, а его сотрудничество с ИИ, где человек задает цели и задачи, а ИИ служит мощным инструментом для их реализации с высокой продуктивностью, положительно сказывающейся на росте валового продукта страны.

Литература

1. Конференция «Путешествие в мир искусственного интеллекта». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75830> (дата обращения: 20.05.2025).
2. Завершенные проекты. Искусственный интеллект 2021–2024 гг. URL: <https://ac.gov.ru/activity/done/iskusstvennyj-intellekt-s-2021-po-2024-gg-2> (дата обращения: 20.05.2025).
3. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года : утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 10.05.2025).
4. Импортозамещение с помощью ИИ и нейросетей в промышленности и в сельском хозяйстве РФ. URL: <https://ai.gov.ru/ai/import-substitution/> (дата обращения: 10.05.2025).
5. The future of jobs report 2020. World economic forum. URL: <https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2020/> (дата обращения: 19.05.2025).
6. The future of jobs report 2023. World economic forum. URL <https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2023/in-full/2-drivers-of-labour-market-transformation/> (дата обращения: 10.05.2025).
7. Carol S.Dwerk Mindset: The New Psychology of Success. Random House Publishing Group, 2006, 302 p.
8. Информационно-аналитическая справка «Ошибки ИИ и механизмы их предотвращения», АИЦ. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/investitsionnaya-aktivnost2022_informaciiioanaliticheskaya_spravka_oshibki_ii_i_mehanizmy_ih_predotvrascheniya_ac/ (дата обращения: 20.05.2025).

АНАЛИЗ ОШИБОК ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЭКСПЕРТНОМ АНАЛИЗЕ КЛАССИЧЕСКИХ ЗАДАЧ ОПТИМАЛЬНОГО РАСКРОЯ

Анализируются корректные и некорректные решения классической задачи оптимального раскроя при помощи генеративных нейросетей GPT-чат и DeepSeek. Искусственному интеллекту предложена задача раскроя, требующая нетривиального преобразования к задаче линейного программирования. Делается вывод, что версия нейросети DeepSeek весной 2025 г. не справляется с задачей и дает неверный ответ, в то время как GPT-чат приходит к верному результату, но нерациональным путем перебора всех допустимых альтернатив.

Ключевые слова: искусственный интеллект, генеративные нейросети, GPT-чат, DeepSeek, задачи линейного программирования.

N. V. Derenko, R. A. Ovechkin

Irkutsk State University, Irkutsk

ANALYSIS OF ERRORS OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN EXPERT ANALYSIS OF CLASSICAL OPTIMAL CUTTING PROBLEMS

In this article, the authors provide an analysis and comparison of correct and incorrect solutions to the classical optimal cutting problem using the generative neural networks GPT-chat and DeepSeek. Artificial intelligence is presented with a cutting problem that requires a non-trivial transformation to a linear programming problem. The authors found that the DeepSeek neural network version in the spring of 2025 fails to cope with the task and gives an incorrect answer, while the GPT chat comes to the correct result, but by an irrational process of enumerating all acceptable alternatives.

Keywords: artificial intelligence, generative neural networks, GPT chat, DeepSeek, linear programming problems

Процесс тотальной цифровизации всех сторон жизни человека, активизировавшийся в течение последних 5 лет из-за пандемии, обогатился в 2023–2025 гг. большой популярностью генеративных нейросетей, способных не только создавать тексты, картинки и видео, но и решать разнообразные математические, статистические, управленческие задачи.

Заметим, что у обычного пользователя данных реализаций искусственного интеллекта, в отличие от профессионалов, вся продукция нейросетей пользуется авторитетом и доверием, студенты, не задумываясь, отправляют выполненные по их заказам исследования на проверку преподавателям, рассчитывая на высокие оценки. В то же время профессиональное сообщество, тестируя возможности генеративного искусственного интеллекта, занимает скорее позицию технопессимистов. Так, авторы [2] демонстрируют серьезные затруднения GPT-чата при формализации нетривиальных задач линейного программирования, нерациональные способы анализа. Авторы [4; 7; 8] также дают рекомендации по экспертному использованию генеративного искусственного интеллекта, позволяющему отсеивать ошибки, не снижать качество образовательного процесса в университетах.

В [3] приведены ясно высказанные сомнения экспертов форума «Территория цифрового партнерства» в мае 2025 г., в Новосибирске. Так, президент холдинга TS GROUP Александр Бойко напоминает о важности разумности и достаточности: «За цифрой стоят не только успехи людей, но и ошибки, поэтому абсолютно доверять цифре нельзя. Работает в любом случае не программное обеспечение и не компьютер, а человек, и вот его исключать из процесса нельзя, иначе люди начнут терять компетенции». Его убедительно дополняет Валерий Ермаков: «Нужна контрольная точка в виде неравнодушного специалиста, который проверит получившийся результат на здравый смысл. Любое лекарство при передозировке может стать ядом, и цифровизация, по сути дела, тоже».

Авторы данной статьи разделяют подобные убеждения и проводят анализ затруднений генеративных нейросетей при решении классических задач оптимизации, теории игр с целью выработать методику безошибочного использования нового ценного ресурса. Рас-

смотрим, какой анализ провели GPT-чат последней на май версии [6] и «аналитическая» реализация DeepSeek R1 [5], решая один из популярных в бизнесе типов задач.

В качестве тестовой задачи для генеративного искусственного интеллекта авторы выбрали классическую задачу о раскрое из [1], именно этот тест в дальнейшем предлагался нейросетям в качестве промпта (текстового запроса к нейросети): «Завод заключил договор на поставку комплектов стержней длиной 18, 23 и 32 см. Причем количество стержней разной длины в комплекте должно быть в соотношении 1:5:3. На сегодняшний день имеется 80 стержней длиной по 89 см. Как их следует разрезать, чтобы количество комплектов было максимальным? Сколько комплектов стержней будет выпущено? Какова при этом величина отходов (в см)?»

Особенность этой задачи, которая, по мнению авторов, должна вызвать затруднение у нейросетей, заключается в необходимости нетривиальной формализации проблемы в виде задачи линейного программирования. Кроме того, в задаче не единственное оптимальное решение, поэтому интересно, как этот факт обнаружит искусственный интеллект.

Решить данную задачу традиционным способом несложно. В качестве переменных $x_1, x_2, \dots, x_9$ удобно выбрать количества стержней, разрезаемых одним из девяти технологических способов (способы представлены в табл. 1), а через переменную x_{10} обозначить количество производимых комплектов.

Таблица 1

Технологические способы раскроя стержней длиной по 89 см

Стержень	Способы раскроя								
	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	x_8	x_9
32 см	2	2	1	1	1	0	0	0	0
23 см	1	0	2	1	0	3	2	1	0
18 см	0	1	0	1	3	1	2	3	4
Отходы	2 см	7 см	11 см	16 см	3 см	2 см	7 см	12 см	17 см

В итоге получаем задачу линейного программирования

$$\begin{aligned} f(x) &= x_{10} \rightarrow \max; \\ 2x_1 + 2x_2 + x_3 + x_4 + x_5 &\geq 3x_{10}, \\ x_1 + 2x_3 + x_4 + 3x_6 + 2x_7 + x_8 &\geq 5x_{10}, \\ x_2 + x_4 + 3x_5 + x_6 + 2x_7 + 3x_8 + 4x_9 &\geq x_{10}, \\ x_1 + x_2 + x_3 + x_4 + x_5 + x_6 + x_7 + x_8 + x_9 &\leq 80. \end{aligned}$$

Данную задачу решаем либо при помощи надстройки «Поиск решения» в MS Excel, либо в любом из многочисленных в сети Интернет онлайн-калькуляторов для задач линейного программирования (например, <https://programforyou.ru/calculators/simplex-method>). Симплекс-метод приводит к двум оптимальным решениям с одинаковым значением критерия: максимальное количество комплектов стержней равно 30.

Первый оптимальный план содержит ненулевые значения только для $x_1^* = 40$, $x_3^* = 10$ и $x_6^* = 30$, т. е. разрезаются все длинные стержни тремя способами раскроя, первым, третьим и шестым (соответственно 40, 10 и 30 шт.), при этом отходы составляют 70 обрезков по 2 см и 10 обрезков по 11 см, всего 250 см.

Второй оптимальный план задействует меньше способов раскроя: $x_1^* = 45$ и $x_6^* = 35$ (только первый и шестой способы раскроя), а вот отходы составляют 80 обрезков по 2 см и 5 стержней по 18 см, всего 250 см.

Математически оба оптимальных плана равноценны, но менеджер, скорее всего, предпочтет второй план, так как существенная часть отходов – 5 стержней по 18 см – могут пригодиться при выполнении следующих заказов, и, что тоже важно, двух работников проинструктировать и проконтролировать легче, чем трех.

Генеративная нейросеть DeepSeek в апреле 2025 г. не справилась с формализацией и решением задачи, дала неверный ответ. Ее анализ ситуации был достаточно кратким и бесхитростным, приведем его полностью, включив в скобках комментарии авторов статьи.

Текст, созданный нейросетью, приведен практически без редактирования, авторы только отформатировали его в соответствии с требованиями статьи и пронумеровали таблицу.

Начало анализа нейросети DeepSeek [5]. Решим задачу оптимального раскроя стержней длиной 89 см для производства комплектов стержней длиной 18, 23 и 32 см в соотношении 1:5:3.

1. Формулировка задачи: необходимо найти такие варианты раскроя одного стержня 89 см, чтобы при сборке комплектов выполнялось соотношение 1:5:3 для стержней 18, 23 и 32 см соответственно (обратим внимание – данная формулировка неточно соответствует поставленной задаче, нет проблемы максимизации количества комплектов).

2. Определим возможные варианты раскроя. Найдем все возможные комбинации длин 18, 23 и 32 см, сумма которых ≤ 89 см. Обозначим: x – количество стержней 18 см, y – количество стержней 23 см, z – количество стержней 32 см. Тогда: $18x + 23y + 32z \leq 89$.

Рассмотрим возможные варианты с учетом разумных ограничений на x, y, z (табл. 2).

Таблица 2

Варианты раскроя стержней					
№	x (18 см)	y (23 см)	z (32 см)	Сумма (см)	Отходы (см)
1	0	0	2	64	25
2	0	1	2	87	2
3	0	2	1	78	11
4	0	3	0	69	20
5	1	0	2	82	7
6	1	1	1	73	16
7	1	2	0	64	25
8	2	0	1	68	21
9	2	1	0	59	30
10	3	0	1	86	3
11	3	1	0	77	12
12	4	0	0	72	17

Из табл. 2 видно, что наиболее эффективные варианты с минимальными отходами (отметим явную нецелесообразность рассмотрения вариантов 1, 4, 5, 7, 8, 9 в таблице 2, в то время как нейросеть пропустила варианты раскроя 2, 6 и 7 из решения авторов):

- вариант 2: (0, 1, 2) → отходы 2 см,
- вариант 10: (3, 0, 1) → отходы 3 см,
- вариант 5: (1, 0, 2) → отходы 7 см.

3. Составим математическую модель (формализация неверная, нейросеть ограничилась всего тремя вариантами раскроя, что и привело в дальнейшем к неверным результатам). Пусть:

- n_1 – количество стержней, раскроенных по варианту 2 (0×18, 1×23, 2×32),
- n_2 – количество стержней, раскроенных по варианту 10 (3×18, 0×23, 1×32),
- n_3 – количество стержней, раскроенных по варианту 5 (1×18, 0×23, 2×32).

Общее количество стержней: $n_1 + n_2 + n_3 \leq 80$.

Количество произведенных стержней каждого типа:

- 18 см: $3n_2 + n_3$;
- 23 см: n_1 ;
- 32 см: $2n_1 + n_2 + 2n_3$.

Комплекты должны быть в соотношении 1:5:3, поэтому:

$$\frac{3n_2 + n_3}{1} = \frac{n_1}{5} = \frac{2n_1 + n_2 + 2n_3}{3} = K,$$

где K – количество комплектов.

4. Решим систему уравнений. Из второго равенства: $n_1 = 5K$; из первого равенства: $3n_2 + n_3 = K$; из третьего равенства: $2n_1 + n_2 + 2n_3 = 3K$. Подставляем $n_1 = 5K$:

$$\begin{aligned} 10K + n_2 + 2n_3 &= 3K, \\ n_2 + 2n_3 &= -7K. \end{aligned}$$

Но $n_2, n_3 \geq 0$, $K \geq 0$, поэтому последнее уравнение не имеет неотрицательных решений.

Вывод: выбранные варианты раскроя не позволяют точно соблюсти пропорцию (выход нейросети верный, она сама забраковала свой же ошибочный подход; ошибка, сделанная выше, типична для DeepSeek, – она часто пытается ограничиться только самыми маргинальными альтернативами).

5. Альтернативный подход: максимизация комплектов. Попробуем другой метод – составим все возможные варианты раскроя и найдем, сколько комплектов можно собрать.

Соотношение в комплекте: 1×18 см, 5×23 см, 3×32 см. Обозначим: K – количество комплектов. Требуется: 18-см стержней K ; 23-см стержней $5K$; 32-см стержней $3K$.

Найдем, сколько стержней 89 см нужно для каждого типа:

1) для 32-см стержней: из одного стержня 89 см можно получить максимум $\left\lfloor \frac{3K}{2} \right\rfloor$ стержней 89 см; 32 см (остаток 25 см); для $3K$ стержней 32 см нужно минимум $\left\lceil \frac{3K}{2} \right\rceil$ стержней 89 см;

2) для 23-см стержней: из одного стержня 89 см можно получить максимум 3 стержня 23 см (остаток 20 см); для $5K$ стержней 23 см нужно: $\left\lceil \frac{5K}{3} \right\rceil$ стержней 89 см;

3) для 18-см стержней: из одного стержня 89 см можно получить максимум 4 стержня 18 см (остаток 17 см); для K стержней 18 см нужно: $\left\lceil \frac{K}{4} \right\rceil$ стержней 89 см.

Общее ограничение:

$$\left\lceil \frac{3K}{2} \right\rceil + \left\lceil \frac{5K}{3} \right\rceil + \left\lceil \frac{K}{4} \right\rceil \leq 80.$$

Подберем максимальное K (далее идет простой перебор вариантов, неприемлемый в экспертной работе человека, но обычный для нейросетей, ведь считают они очень быстро):

– проверим $K = 30$: $\left\lceil \frac{3 \times 30}{2} \right\rceil = 45$; $\left\lceil \frac{5 \times 30}{3} \right\rceil = 50$; $\left\lceil \frac{30}{4} \right\rceil = 8$, итого $45 + 50 + 8 = 103 > 80$ – не подходит;

– проверим $K = 20$: $\left\lceil \frac{3 \times 20}{2} \right\rceil = 30$; $\left\lceil \frac{5 \times 20}{3} \right\rceil = 34$; $\left\lceil \frac{20}{4} \right\rceil = 5$, итого $30 + 34 + 5 = 69 < 80$ – подходит;

– проверим $K = 23$: $\left\lceil \frac{3 \times 23}{2} \right\rceil = 35$; $\left\lceil \frac{5 \times 23}{3} \right\rceil = 39$; $\left\lceil \frac{23}{4} \right\rceil = 6$, итого $35 + 39 + 6 = 80 = 80$ – подходит;

– проверим $K = 24$: $\left\lceil \frac{3 \times 24}{2} \right\rceil = 36$; $\left\lceil \frac{5 \times 24}{3} \right\rceil = 40$; $\left\lceil \frac{24}{4} \right\rceil = 6$, итого $36 + 40 + 6 = 82 > 80$ – не подходит.

Ответ:

– максимальное количество комплектов: 23 (ответ неверный, на самом деле – 30).

– общие отходы: для 32-см стержней: $35 \times 89 - 23 \times 3 \times 32 = 3115 - 2208 = 907$ см; для 23-см стержней: $39 \times 89 - 23 \times 5 \times 23 = 3471 - 2645 = 826$ см; для 18-см стержней: $6 \times 89 - 23 \times 18 = 534 - 414 = 120$ см. Итого отходов: $907 + 826 + 120 = 1853$ см (огромное количество, в оптимальных планах всего 250 см).

Однако можно пересчитать отходы более точно, учитывая конкретные варианты раскроя.

6. Уточненный расчет отходов для $K = 23$:

– 32 см: $3 \times 23 = 69$ шт. Раскраиваем $\lceil 69/2 \rceil = 35$ стержней 89 см. Получаем $35 \times 2 = 70$ шт. (1 лишний, но пусть будет). Отходы: $35 \times (89 - 64) = 35 \times 25 = 875$ см;

– 23 см: $5 \times 23 = 115$ шт. Раскраиваем $\lceil 115/3 \rceil = 39$ стержней 89 см. Получаем $39 \times 3 = 117$ шт. (2 лишний). Отходы: $39 \times (89 - 69) = 39 \times 20 = 780$ см;

– 18 см: 23 шт. Раскраиваем $\lceil 23/4 \rceil = 6$ стержней 89 см. Получаем $6 \times 4 = 24$ шт. (1 лишний). Отходы: $6 \times (89 - 72) = 6 \times 17 = 102$ см.

Итого отходов: $875 + 780 + 102 = 1757$ см (уточнение не исправило ситуацию, отходы по-прежнему более чем в 7 раз превосходят оптимальное количество).

Итоговый ответ: максимальное количество комплектов 23 шт.; общие отходы 1757 см (как уже отмечалось выше, ответы неверные). Конец анализа нейросети DeepSeek.

Таким образом, версия DeepSeek R1, рассчитанная на решение подобных задач, не смогла найти верный ответ. Нейросеть GPT-чат еще полгода назад (в конце 2024 г.) тоже не справлялась с этой задачей [2], однако, быстро обучаясь, в конце апреля 2025 г. смогла найти один из верных ответов. Но какой ценой, каким методом? Более 7 минут длился анализ, в ходе которого GPT-чат выдал шестистраничный отчет из 38 пунктов (содержание пунктов опускаем, рассмотрим только главные выводы; по-прежнему в скобках приведены комментарии авторов). Рассуждение GPT [6]:

- разбираюсь с резкой стержней (в данном пункте приведено исходное условие задачи и решено оптимизировать разрезку, чтобы получить как можно больше комплектов и минимизировать отходы);

- ищу оптимальную формулу вырезания как можно больше комплектов из 80 стержней по 89 см, при этом минимизируя отходы;

- решаю задачу резки (здесь вычисляются возможные сочетания отрезков длиной 18, 23 и 32 см, которые можно вырезать из одного стержня длиной 89 см, чтобы оптимизировать использование 80 таких стержней; применяется линейное целочисленное программирование и Python для перебора всех возможных вариантов нарезки, чтобы выявить наилучшее решение и минимизировать отходы);

- рассматриваю различные варианты нарезки, детально визуализирую, как лучше разделить материал на части;

- оцениваю максимальное число наборов и отходов;

- решаю задачу с паттернами нарезки (в итоге выбраны три способа раскроя P1: (0,1,2) с отходами 2 см, P2: (1,3,0) с отходами 2 см, P3: (3,0,1) с отходами 3 см);

- ищу решение для паттернов нарезки (сделан вывод о недостаточности выбранных трех паттернов для решения задачи, о необходимости генерации всех паттернов с отходами менее 12 см; привлекается динамическое программирование, чтобы минимизировать отходы, затем применяется «метод многомерного рюкзака»);

- осуществляю поиск комбинаций паттернов (предполагается, что максимальное значение может быть 31, но, возможно, потребуется уменьшить его до 30);

- провожу оптимизацию с минимальными отходами (применяется динамическое программирование для подсчета вариантов, опираясь на соотношение 1:5:3);

- ищу решение для комбинации паттернов (пробует вычислить модульные различия для каждого паттерна, чтобы они соответствовали масштабированию соотношений, однако это получилось бы сложно. Решено, что проще будет провести поиск комбинаций, которые дадут ровно 31 набор, используя целочисленные линейные комбинации паттернов);

- осуществляю поиск с ограничением отходов (нейросеть решила, что не может полагаться на предыдущий подход, поэтому рассмотрела альтернативу: использование поиска с ограничениями, чтобы изучить 80 стержней);

- использую динамическое программирование (вычисляет, сколько каждый из выбранных 7 паттернов с минимальными отходами вносит в общее количество стержней, и индексирует их для дальнейшего анализа;

- использую метод подбора (пробует воспользоваться встроенным модулем Python для вычисления всех возможных комбинаций с использованием разбиений чисел);

- планирую использование SciPy (тестирование его, чтобы убедиться, что он подходит для решения задачи);

- рассматриваю использование SciPy для оптимизации;

- рассматриваю распределение стержней;

- реализую поиск с рекурсивным ограничением на 80 стержней, рассматривая 3 переменные и используя подход поиска в глубину (для более точного поиска использует itertools.product, но это слишком громоздко, вместо этого пробует BFS с отсечением и исключением лишних вариантов);

– пытаюсь оптимизировать перебором (реализует решение с использованием словаря для записи паттернов, однако рекурсивные вызовы для перебора каждого варианта очень ресурсоемки, поэтому использует цикл по строкам);

– реализую поиск с итерациями (перебирает количество стержней для паттерна P2 от 0 до 80 и для каждого варианта вычисляет их количество, остальные стержни распределяет по остальным паттернам, например, для P1);

– осуществляю поиск с ограничениями и итерациями (использует `itertools.product` для подсчёта возможных вариантов с учётом ограничений на шаги);

– оптимизирую поиск (здесь нейросеть ведет поиск, по ее словам, «через грубую силу», рассматривая задачу как диофантово уравнение);

– рассчитываю взносы паттернов (использует `numpy...`);

– решаю задачу с использованием динамического программирования (пробует найти решение «вручную» через целочисленное линейное программирование с применением динамического программирования – выбирает подходящие паттерны и комбинирует их для получения нужных 279 частей, выбирая смесь из 3– и 4-частевых паттернов);

– решаю через `brute-force` комбинации паттернов;

– осуществляю поиск с использованием паттернов P1, P2 и P3 (сеть поняла, что не удастся найти подходящую комбинацию, используя только P1 и P2, добавляет третий паттерн P3);

– решаю с добавлением паттерна P4 (использование 80 стержней и четырех паттернов создаст мощные вложенные циклы, что делает решение неэффективным; использует линейную диофантову задачу и анализирует соотношения с учетом произведенных паттернами деталей, рассмотрев остатки от деления);

– реализую с динамическим программированием;

– оцениваю оптимальность состояний;

– корректирую поиск с большим зазором (ни одно состояние не достигло требуемого количества сетов ≥ 31 ; перезапускает алгоритм поиска с более широким зазором);

– анализирую паттерны для алгоритма (нейросеть решила использовать все 23 паттерна и перезапустить поиск...);

– запускаю поиск с полными паттернами;

– оптимизирую алгоритм (среда Python зависла из-за того, что память или время были слишком высокими...);

– еще раз оптимизирую алгоритм (среда Python опять зависла, нейросеть пробует найти ответ с 30 наборами...);

– реализую циклы для x_1 и x_2 ;

– рассматриваю возможные наборы (сделан вывод, что количество наборов равно 30);

– вычисляю общую длину;

– подсчитываю отходы;

– рассчитываю максимальное количество наборов (нейросеть установила, что общий объём отходов составляет 250 см, а максимальное количество наборов, которое можно получить – 30; использованы комбинации шаблонов P1 и P2: 45 стержней по шаблону P1 и 35 по шаблону P2).

В итоге нейросеть GPT-чат смогла сформулировать итоговое решение с правильным ответом, представленное в таблицах 3 и 4 (заметим, что о втором оптимальном плане она не догадывается). Классическая технология – нетривиально формализовать задачу линейного программирования и решить ее симплекс-методом – нейросети недоступна, однако, если пользователь возьмет этап формализации на себя, то GPT-чат справляется с задачей линейной оптимизации, решая ее полным перебором базисных планов.

Таблица 3

Оптимальный план раскроя 80 заготовок по 89 см от GPT

№ шаблона	Как разрезать 89 см-заготовку	Остаток на стержень	Сколько таких заготовок берем
А	$1 \times 18 \text{ см} + 3 \times 23 \text{ см} = 87 \text{ см}$	2 см	35
Б	$1 \times 23 \text{ см} + 2 \times 32 \text{ см} = 87 \text{ см}$	2 см	45

Оптимальное количество деталей от GPT

Длина, см	Из шаблона А	Из шаблона Б	Всего
18	$35 \cdot 1 = 35$	0	35
23	$35 \cdot 3 = 105$	$45 \cdot 1 = 45$	150
32	0	$45 \cdot 2 = 90$	90

В завершение анализа GPT-чат отвечает на свой же вопрос: «Почему больше 30 комплектов сделать нельзя?»: «Для 31 комплекта понадобилось бы 155 стержней по 23 см и 93 стержня по 32 см. Однако при длине базовой заготовки 89 см каждая пара стержней 32 см (64 см) оставляет не больше 25 см, т. е. максимум один стержень 23 см. Чтобы получить 93 стержня 32 см, по меньшей мере 45 заготовок должны дать по два таких стержня. Эти 45 заготовок суммарно обеспечат не более 45 стержней 23 см, тогда остальные 35 заготовок должны дать ещё 110 стержней 23 см, т. е. в среднем $\geq 3,14$ шт. 23 см на заготовку, что невозможно (физически в 89 см их помещается максимум три). Значит 31 комплект недостижим, и 30 – это максимум». Итоговый ответ: максимальное число комплектов – 30; резать 35 заготовок по схеме $18 + 3 \times 23$ и 45 заготовок по схеме $23 + 2 \times 32$; суммарные отходы составят 250 см (второй оптимальный план не обнаружен).

Складывается впечатление, что GPT-чат в поисках решения использовал все доступные ему методы и математические приложения, добрался до верного ответа, но методика решения – сплошные переборы всех складывающихся вариантов – не позволяет быть уверенным в том, что нейросеть другую подобную задачу решит верно. Таким образом, авторы в данном вычислительном эксперименте подтвердили гипотезу о том, что на текущем этапе развития пользователю, не являющемуся экспертом-профессионалом, использовать генеративные нейросети для решения нетривиальных управленческих задач не рекомендуется.

Литература

1. Афанасьев М. Ю., Суворов Б. П. Исследование операций в экономике: модели, задачи, решения : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2003. 444 с.
2. Деренко Н. В., Овечкин Р. А. Анализ возможностей нейросети GPT-чат в обеспечении принятия управленческих решений // Бизнес-образование в экономике знаний. 2025. № 2. С. 40–45.
3. Иванова А. На форуме «Территория» оценили цифровизацию бизнеса Сибири // РБК+. «Территория цифрового партнерства» в Новосибирске. 5 мая 2025 г. URL: <https://nsk.plus.rbc.ru/news/681882b27a8aa9c7aaf4aece> (дата обращения: 12.05.2025).
4. Литвинов В. Л., Литвинова Е. В. Проблемы и тенденции применения генеративного искусственного интеллекта в образовании // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2024. Т. 1. С. 107–109.
5. Модель DeepSeek. URL: <https://deepseek-ai.ru/> (дата обращения: 29.04.2025).
6. Модель OpenAI ChatGPT o3 mini-high. URL: <https://openai.com/index/openai-o3-mini/> (дата обращения: 29.04.2025).
7. Половинко Е. В., Ботвинина Н. Ю., Чебоксаров А. Б. Проблематика использования генеративных нейросетей в современном образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 82–4. С. 327–330.
8. Романовская В. Б., Романовская Л. Р. Нейросеть и актуальные проблемы университетского образования // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2024. № 1. С. 125–130.

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ОЖИДАНИЙ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ⁸

Проведен анализ массива публикаций отечественных ученых, посвященных проблемам мониторинга, анализа и оценки ожиданий населения. Определены основные области научного знания, рассматривающие категорию «ожидания населения», ключевые направления изучения ожиданий населения, обозначены тенденции и проблемы изучения ожиданий населения.

Ключевые слова: ожидания населения, установки населения, регион, социально-экономическое развитие региона.

A. E. Shilova

Kuzbass State Agrarian University named after V. N. Poletskov, Kemerovo

THE PROBLEM OF POPULATION EXPECTATIONS' ASSESSMENT IN MODERN SOCIO-ECONOMIC RESEARCH

The article analyzes a data array of publications by Russian scientists devoted to the problems of monitoring, analyzing and assessing of population expectations. The main areas of scientific knowledge that consider the category of "population expectations" and key areas of studying population expectations are identified. Trends and problems of population expectations' studies are outlined.

Keywords: population expectations, population attitudes, region, socio-economic development of the region.

В настоящее время социально-экономические исследования тяготеют к междисциплинарности. Происходит интеграция социальных и гуманитарных наук при изучении актуальных проблем развития социально-экономических систем. Причины развития междисциплинарного подхода к исследованию современных общественных и экономических проблем заключаются в их усложнении, повышении роли субъективных факторов, оказывающих влияние на протекающие процессы и явления, росте неопределенности и числа вызовов, развитии качественных инструментов анализа и оценки социально-экономических явлений и процессов.

Выделяют различные уровни междисциплинарности в научных исследованиях. Так В. А. Нехамкин рассматривает междисциплинарный, трансдисциплинарный, объектный и проблемный уровни междисциплинарности [5]. Объектный уровень междисциплинарности, по Нехамкину, появился позже других и обусловлен тем, что некий объект, интересный в контексте различных наук задает требования к категориальному аппарату и методологии его изучения. Научные категории, которые становятся причиной развития объектной междисциплинарности, требуют особенного внимания и тщательной проработки теоретико-методологических основ.

По мнению автора, одной из важнейших научных категорий, при изучении которой возникает объектная междисциплинарность, является категория ожиданий населения. В настоящее время подходы к исследованию ожиданий населения и их связей с социально-экономическим развитием в российской практике только начинают развиваться, однако стоит отметить растущий интерес научного сообщества к этой проблеме.

Исследования ожиданий населения в самых различных сферах в настоящее время становятся все более востребованными в силу влияния ожиданий субъектов экономики, в том числе населения, на экономический выбор. Категория ожиданий взаимосвязана и взаимозависима с категориями установок и предпочтений населения. Под экономическим выбором здесь следует понимать как сиюминутные решения о покупке того или иного товара или, например, выборе модели инвестиционного портфеля, до ключевых личных решений, таких

⁸ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Кемеровской области – Кузбасса по проекту № 25–28–20210, <https://rscf.ru/project/25-28-20210/>

как выбор профессии, места работы или проживания. В свою очередь экономический выбор населения оказывает влияние на социальные и общественные процессы страны и региона, определяя уровень их социально-экономического развития (рис. 1).

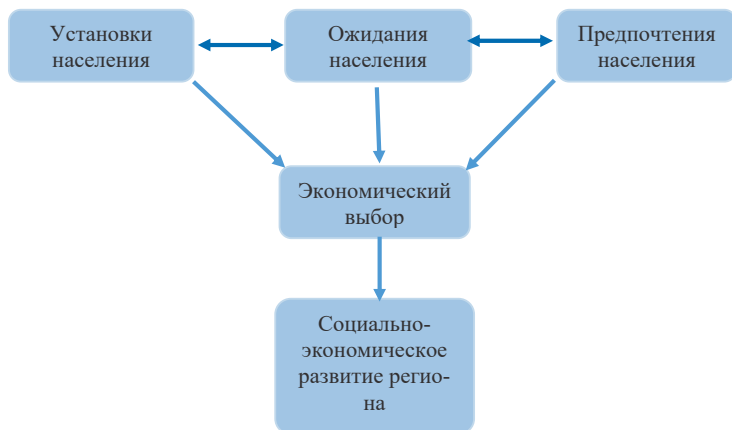

Рис. 1. Модель влияния ожиданий населения на социально-экономическое развитие региона

Для определения ключевых направлений изучения ожиданий населения, автором был проанализирован массив публикаций, посвященных данной тематике, размещенных в научно-электронной библиотеке eLibrary.

По поисковому запросу «ожидания населения» (условия поиска: в названии публикации, только статьи в журналах, с учетом морфологии) в научно-электронной библиотеке eLibrary удастся найти всего 85 публикаций, включая одну отозванную. Первая российская научная статья, рассматривающая категорию «ожидания населения» датирована 2000 г. На протяжении 2000–2024 гг. наблюдался растущий, но неравномерный интерес российского научного сообщества к проблематике выявления, оценки и анализа ожиданий населения и установления связей ожиданий населения и других социально-экономических категорий. На рисунке 2 показана динамика числа научных статей с использованием категории «ожидания населения» в названии в научно-электронной библиотеке eLibrary в 2000–2024 гг.

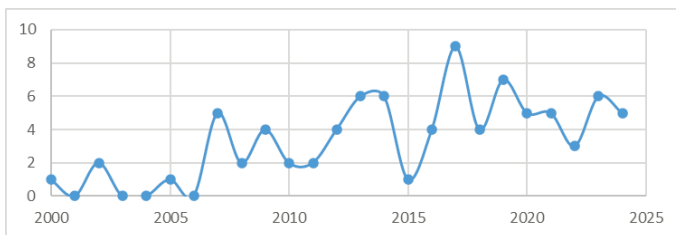

Рис. 2. Динамика числа научных статей с использованием категории «ожидания населения» в названии в научно-электронной библиотеке eLibrary в 2000–2024 гг. (без учета отозванных публикаций)*

*Составлено автором по состоянию на 19.05.2025

Исследования, посвященные анализу ожиданий населения, затрагивали множество отраслей научного знания, наиболее часто категория рассматривалась в исследованиях в сфере экономики и бизнеса (41 публикация), социологии (13 публикаций) и психологии

(11 публикаций). Распределение научных статей с использованием категории «ожидания населения» в названии, размещенных в научно-электронной библиотеке eLibrary, по рубрикам OECD показано на рис. 3.

Рис. 3. Распределение научных статей с использованием категории «ожидания населения» в названии, размещенных в научно-электронной библиотеке eLibrary, по рубрикам OECD (без учета отозванных публикаций)*

Современные российские исследования ожиданий населения охватывают широкий круг вопросов, включая социальные и потребительские ожидания, антиинфляционные и аккультурационные ожидания. Исследования проводятся как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных регионов. На основе отобранных публикаций составлено облако слов (рис. 4).

Рис. 4. Облако слов массива названий публикаций по поисковому запросу «ожидания населения» в научно-электронной библиотеке elibrary*

Как показывает приведенное выше облако слов, наиболее популярными направлениями анализа ожиданий населения в настоящее время является анализ инфляционных и потре-

бительских ожиданий. К основным направлениям исследований в этой сфере можно отнести выявление и анализ факторов, влияющих на инфляционные и потребительские ожидания населения [1; 7], влияние ожиданий на потребительское и финансовое поведение домохозяйств [6; 2], региональные особенности потребительских и инфляционных ожиданий населения [3; 4].

Следует отметить, что проводимые российскими учеными исследования потребительских и инфляционных ожиданий населения имеют тщательно проработанную методологическую базу благодаря активному изучению данного вопроса Центральным Банком Российской Федерации (ЦБ РФ) и привлечением к изучению инфляционных ожиданий региональных органов власти и представителей научного сообщества. Исследования инфляционных ожиданий населения широко используют инструментарий статистического анализа, например, корреляционный, регрессионный, многомерный анализ. Кроме того, при оценке инфляционных ожиданий измеряются ожидания различных экономических агентов (граждан, предприятий и экспертов), поскольку в каждой из групп сформирован различный уровень осведомленности об инфляционном процессе, и каждая из групп в связи со своими инфляционными ожиданиями принимает экономические решения различного уровня. Учет ожиданий различных экономических агентов позволяет полно и комплексно изучать связи между инфляционными ожиданиями и реальным уровнем инфляции.

В настоящее время очевидно, что на экономический выбор населения оказывают влияние не только инфляционные ожидания, но и ожидания относительно социально-экономического развития регионов, изменения структуры экономики и рынка труда. Эти ожидания населения могут оказывать значительное влияние на экономическое поведение домохозяйств, поэтому растет актуальность таких исследований. Вместе с тем, поскольку исследование ожиданий населения относительно различных социально-экономических процессов и явлений в настоящее время только начинают развиваться, стоит выделить следующие основные проблемы, которые стоят перед научным сообществом:

1. Отсутствие единого теоретико-методологического подхода к исследованию ожиданий.
2. Сложность и комплексность исследований. Анализ ожиданий требует от ученых как владения математическим (статистическим, эконометрическим) инструментарием, так и понимания основ проведения социологических исследований.

3. Необходимость интерпретации качественных ожиданий и оценок населения в количественные показатели.

4. Поскольку наиболее значимые решения принимаются не сиюминутно, между ожиданиями и принятием экономических агентами решений, на которые повлияли данные ожидания, может наблюдаться значительный временной лаг. Поэтому для изучения взаимосвязей ожиданий населения с особенностями протекающих в стране и регионах социально-экономических процессов требуется проведение исследований на долгосрочной основе.

5. Различные группы экономических агентов принимают решения различного уровня, поэтому для разных групп населения может оказаться актуальным исследовать ожидания, касающиеся различных социально-экономических процессов.

6. Необходимость участия заинтересованных экономических субъектов в проведении исследований в сфере ожиданий населения. Органы власти, научные и общественные институты способны определить необходимый контекст исследования и содействовать интеграции исследований, проводимых учеными из разных областей науки и в разных организациях.

Таким образом, изучение ожиданий населения – важная проблема современных социально-экономических исследований, которая требует внимания научного сообщества и применения междисциплинарного подхода.

Литература

1. Факторы формирования инфляционных ожиданий населения (по данным обследования финансов домохозяйств) / А. Андреев, В. Грищенко, М. Лымарь, Д. Орлов, И. Шубин // Экономическая политика. 2024. Т. 19, № 5. С. 54–83.

2. Балацкий Е. В., Екимова Н. А., Юревич М. А. Влияние ожиданий населения на макроэкономические параметры: эконометрическая оценка на примере России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2 (156). С. 365–384.

3. Кориков А. А., Юрченко К. П. Инфляционные ожидания и потребительские настроения населения регионов Урала // Journal of New Economy. 2023. Т. 24, № 4. С. 125–147.

4. Инфляционные ожидания населения: региональный аспект / Э. М. Лубкова, А. Э. Шилова, Г. С. Ермолаева, И. Н. Раззоренова // Экономика и управление инновациями. 2021. № 2 (17). С. 44–54.

5. Нехамкин В. А. Междисциплинарность в современном гуманитарном познании: тенденции, итоги и перспективы развития // Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 96–105.

6. Петенева А. И. Влияние экономических ожиданий на финансовое поведение населения России // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2018. № 15. С. 168–173.

7. Спесивцев В. А. О влиянии политики инфляционного таргетирования банка России на инфляционные ожидания населения // Центральный научный вестник. 2017. Т. 2, № 24S (41S). С. 36–38.

УДК 316.43

А. О. Панфилова

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

ПАРКИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: К ЭКСПЕРТНЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИМ ОЦЕНКАМ

Приводится экспертное мнение о том, что социальное развитие современного города и комфортной и безопасной городской среды невозможны без должного внимания к этим пространствам. Подчеркивается, что проектирование современных парковых зон и усиление «зеленого пояса» города – важнейший гражданский запрос горожан.

Ключевые слова: город, парковые пространства, право на город, социальное развитие.

A. O. Panfilova

Far Eastern Federal University, Vladivostok

PARKS OF THE MODERN CITY: TOWARDS EXPERT SOCIOLOGICAL ASSESSMENTS

The text is devoted to the consideration of park spaces as an important component of a complete and harmonious urban environment. The expert opinion is given that the social development of a modern city and a comfortable and safe urban environment are impossible without due attention to these spaces. It is emphasized that the design of modern park areas and strengthening of the city's "green belt" is the most important civic request of city residents.

Keywords: city, park spaces, the right to the city, social development.

Паркам принадлежит большое значение в формировании экологически безопасной и комфортной городской среды; они – основные ядра экологического каркаса любого современного города. Этот момент особенно актуализируется в современных условиях непрерывного развития крупных городов, агломераций и мегаполисов. Он же имеет и серьезный проблемный подтекст: с одной стороны, процессы развития города и городского хозяйства требуют, в числе прочего, и пространственных уступок, совершаемых зачастую в ущерб «зеленому» поясу города. С другой стороны, в больших городах параметр комфортности их среды нередко оказывается противоречивым. «Крупные городские образования, согласно П. Геддесу, часто названы не комфортными для проживания, потому что индивид не находится в прямом взаимодействии с природой, за исключением парков и садов. А это всегда требует низкоэтажной и не плотной застройки и ограничения размеров мегаполисов» [3, с. 97].

Соответственно, в логике устойчивого развития городов их зеленым пространствам должно уделяться, как минимум, не формально-остаточное внимание. Так, комфортность и привлекательность городской среды выступают объектами стратегических проектных общественно-государственных интересов и политики. «Устойчивость города и комфортная среда определяют сбалансированное развитие экономической, социальной и экологической сфер городской жизни [4, с. 54].

В городах мира паркам уделяется большое внимание со стороны различных общественных субъектов и институций; публикуются крупные научные обзоры проведенных в этой области исследований.⁹ Среди них имеются и серьезные научно-практические работы, в которых показано высокое и системное значение зеленых зон. Так, часть экспертов показывает их прямую связь в вопросах сохранения биоразнообразия территории, предоставления экосистемных услуг; другие рассматривают их роль в создании условий для отдыха, занятий спортом, улучшения физического и психического здоровья. Имеются данные и о том, что косвенным образом парки и скверы «вливают на экономические ценности» – например, на «повышение стоимости недвижимости» близ таких зон [4, с. 55].

В обобщенной оценке экспертов-урбанистов парковые территории выступают исключительно актуальными многофункциональными пространствами, потенциал которых подлежит безусловному проектному развитию. В их текущей оценке можно выделить следующие важные моменты.

В настоящее время парковую ситуацию в городах России можно обозначить как развивающуюся. Безусловно, в последние 10 лет была проведена большая работа в плане улучшения общественных пространств. В 2016 г. был запущен приоритетный проект «Формирование комфортной городской среды», который через два года стал частью нацпроекта «Жилье и городская среда» (действовал с 2018 по 2024 г.). За это время благоустроили более 74 тыс. общественных пространств, из них более 40 тыс. – дворы и свыше 31,5 тыс. – парки [7]. Меняются представления о комфорте и безопасности, а значит, появляются новые требования, например, к обустройству детских площадок и городских парков. Поэтому благоустройство общественных пространств продолжается, уже в рамках нацпроекта «Инфраструктура для жизни».

С другой стороны, имеются сложности, в том числе и конфликтного характера. Так, в 1990-е гг. «произошло пересечение советского «планомерного» городского ландшафта, архитектурного наследия и рыночной логики экономического роста при преимущественно частной инициативе. Все это привело к столкновениям самых разных частных и общественных инициатив и интересов» [1, с. 294]. Возрос уровень конфликтности на локальном уровне, причем чаще всего предметами споров за территорию становились парковые и «зеленые» зоны.

В экспертных оценках исследователей темы именно с «зеленой» составляющей городского пространства связана большая доля городских конфликтов и социальной напряженности. Особо стоит отметить, что «некоторые местные конфликты становились понастоящему массовыми, получавшими федеральную огласку (например, протесты против строительства «Охта-центра» в Санкт-Петербурге в 2006–2010 гг., вокруг Химкинского леса в 2007–2012 гг., по поводу мусорного полигона на станции Шиес в 2018–2020 гг., из-за строительства храма в сквере у драмтеатра в Екатеринбурге в 2019 г. и др.) [1, с. 294].

Исследование этих же авторов от 2021 г. на материалах и данных по Свердловской области [2] показало, что «после 2010 г. в регионе наблюдался резкий подъем конфликтной активности, связанной с оспариванием муниципальных территорий (преимущественно городские конфликты). В последние годы чаще всего конфликты разгораются вокруг таких пространств, как парки, скверы, площади и прочие публичные городские места [1, с. 295; 2]. «Анализ кейсов г.Новосибирска продемонстрировал, что главными триггерами городских конфликтов были проекты в сфере девелопмента, городского хозяйства и благоустройства» [1, с. 296].

Кейсы оспаривания городского пространства типичны и для г. Владивостока (Приморский край). Обычно это противостояния, нередко переходящие в публичные уличные споры. В настоящее время в местных новостных аккаунтах освещаются попытки жителей одного из районов Владивостока отстоять лесной массив, предполагающийся под коммерческую застройку. Люди считают, что спасти лес может либо присвоение ему статуса рекреа-

⁹ См., например, Konijnendijk C. C., Annerstedt M., Nielsen A. B., Maruthaveeran S. Benefits of Urban Parks. A systematic review A Report for IFPRA. 2013. URL: <https://www.worldurbanparks.org/images/Newsletters/IfpraBenefitsOfUrbanPark>.

ционной зоны с запретом любой застройки, либо проведение лесоустройства, во время которого экологи оценят биоразнообразие территории и разработают план по её сохранению. Чтобы получить помощь в этом деле, жители микрорайона записали видеообращение к Президенту России и главе СК РФ [8; 9].

Соответственно, можно констатировать серьезный и даже осложненный общественный градус парковой тематики. На российской городской почве он сопровождается почти уже традиционными спорами за территорию, противоположными мнениями о ее использовании у жителей и коммерческих структур. Примечательно, что по своей сути «парк – это не просто пространство, где растут трава, деревья и кустарники, это зона отсутствия конфликта» [6, с. 4], но в реальности вокруг них нередко складываются именно конфликтные отношения вовлеченных сторон.

Подобные кейсы по своему социальному смыслу прямо соотносятся с концепцией «права на город» (А. Лефевр, Д. Харви и др.). «Право на город», выступая одним из ключевых положений урбанистики, также является и одним из знаковых современных концептов социальной справедливости. Его сущность заключается не только в базовой «правовой» комплектации – на дом / кров, безопасность, пищу, заработок и пр. Речь идет о праве на полноценность субъектной представленности в городе и релевантные этому возможности. Это и право притязания на соответствующие городские идентичности и их выбор; на воспроизводство городского образа жизни; на варианты должной социальной активности; наконец, это и право «остаться» в городе – например, в ситуациях вытеснения из его пространства вследствие пространственного неравенства, роста цен на жилье, вынужденного расселения из-за реновации городских объектов и территорий, их джентрификации. Реализация такого права проблемна в том смысле, что она потенциально конфликтна.

Согласно авторскому исследованию 2024 г., в г.Владивостоке самым посещаемым публичным пространством является Нагорный парк. Ревитализация его территории позволила жителям получить в использование действительно полезное во многих смыслах место, которое позволяет совместить интересы и различные активности – от прогулок с ребенком и занятий йогой до концертных мероприятий и небольших публичных перформансов. Очень «обширным» оказывается и социальный портрет посетителей – разброс демографических характеристик очень широк – это и женщины постарше, и подростки, и молодые мамы с колясками, и семейные группы. Все исследуемые единодушны – парков и зон схожего формата в городе должно появляться больше. Все вышесказанное позволяет сказать, что имеется совершенно определенный запрос от широких гражданских кругов на развитие городских парковых и зеленых зон.

В целях планомерного улучшения социальной ситуации в современном городе градостроителям предстоит продолжать решать приоритетную задачу – совмещение в своих проектах разноплановых общественных интересов. Так, региональные и городские власти, бизнес-сообщество и застройщики, горожане и гражданские инициативы – все эти круги / общности очень по-разному видят приоритеты и содержание проектов развития городских территорий. Как максимум – задачу можно сформулировать через необходимость примирения этих интересов. Иначе говоря, их реализацию не столько в формате компромисса, сколько с точки зрения действительно современного и гуманистического подхода к проектированию и использованию городских пространств вообще и парковых, в частности. Важен поиск социально-проектного оптимума – соотношения коммерческого, социального и эко-мотивов на развитии территорий.

В заключение приведем цитату от Р. Парка: «Прогресс стремится к такому состоянию, когда, например, принятию законов предшествует сбор и анализ фактов, когда реформы осуществляются экспертами, а не любителями» [5, с. 4]. Эта мысль очень конкретно и ясно показывает последовательность и значимость совместных усилий по дальнейшему развитию городской среды, расширению ее правового, экологического, гуманистического потенциала. Данная цель прямо связана не только с экологическим, но и социальным благополучием горожан.

Литература

1. Белоусов А. Б., Давыдов Д. А. Городские пространственные конфликты в Новосибирске: изучение общей динамики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 292–314.
2. Белоусов А. Б., Давыдов Д. А. От права на город к праву на пространство. Динамика муниципальных конфликтов на примере Свердловской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 362–385.
3. Гараганов А. В. Как интеллектуальные технологии меняют общество и пространство большого города // Социально-политические науки. 2024. Т. 14, № 1. С. 96–101.
4. Морозова Г. Ю. Развитие парковых пространств как элемента планирования устойчивого города // Региональные проблемы. 2023. Т. 26, № 2. С. 54–59.
5. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 3–12. URL: <https://jsps.hse.ru/index.php/sociologica/article/view/586> (дата обращения: 10.05.2025).
6. Ретеюм А. А. Городская среда будущего // Вестник Университета Правительства Москвы. 2022. № 2. С. 3–9.
7. По выбору жителей: как развиваются общественные пространства в регионах России // Нацпроекты 2019–2024. URL: https://национальныепроекты.рф/mediaProjects/kak-razvivayutsya-obshchestvennyye-prostranstva-v-regionakh-rossii/?utm_source=mytarget-netw&utm_medium=iri-social_cpm&utm_campaign=714-03-04-01_apr-2025_109782159&utm_source=mytarget-netw&utm_medium=iri-social_cpm&utm_campaign=714-03-04-01_apr-2025_109782159 (дата обращения: 10.05.2025).
8. «Мы защитим наш лес»: жители Змеинки пытаются с помощью уборки бороться с возможной застройкой единственного леса микрорайона. URL: <https://www.news1.ru/vlad/2025/04/26/231319/> (дата обращения: 10.05.2025).
9. Лес на Змеинке уйдет под застройку? Жители Змеинки стали на защиту единственной рощи на районе – земли отдали под строительство ЖК. Люди требуют отменить решение. URL: <https://vladivostok1.ru/text/gorod/2025/02/25/75148679/> (дата обращения: 10.05.2025).

УДК 343.34

Р. Г. Ардашев

Восточно-Сибирский институт МВД России
Иркутский государственный университет, Иркутск

А. К. Рустамзода

Академия МВД Республики Таджикистан, г. Душанбе

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Анализируются особенности формирования политической культуры сотрудников органов внутренних дел. Выделены общие направления развития политической культуры, также в них обозначена специфика и проблемы развития для сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: политическая культура, сотрудники органов внутренних дел, политическое сознание, профессиональная этика.

R. G. Ardashev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Irkutsk State University, Irkutsk,

A. K. Rustamzoda

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Dushanbe

POLITICAL CULTURE OF THE EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES: MAIN DIRECTIONS AND PROBLEMS OF FORMATION

The article analyzes the features of the formation of the political culture of the employees of the internal affairs bodies. General directions of development of political culture are highlighted, and the specifics and problems of development for the employees of the internal affairs bodies are also indicated in them.

Keywords: political culture, employees of the internal affairs bodies, political consciousness, professional ethics.

Политическая культура – это совокупность представлений, убеждений и ценностей, а также норм и практик, которые формируют отношение к власти как таковой и политике в частности. Политическая культура предполагает адекватную оценку работы политических институтов, участие в работе этих институтов, политической жизни общества, доверие к органам и институтам власти.

Для сотрудников органов внутренних дел политическая культура становится залогом эффективной деятельности на благо государства. Не понимание работы политико-правовых институтов может привести к введению в заблуждение населения и рассогласованности действий между руководством и представителями органов внутренних дел на местах. Политическая культура один из эффективных инструментов взаимодействия с населением.

Для развития различных аспектов политической культуры необходимо учитывать особенности социальных коммуникаций и особенностей развития конспирологических теорий (Р. Г. Ардашев [1; 2], Р. В. Иванов [5]), социальной безопасности, которую обеспечивают сотрудники органов внутренних дел (Р. Г. Ардашев и Н. В. Маслодудова [3]), особенностей гражданской идентичности (П. А. Баев [4]) и вопросами справедливости и закона в современном обществе (О. А. Полюшкевич [6; 7]).

Важными направлениями политической культуры выступают:

- ценности и убеждения, касающиеся свободы и демократии, равенства и справедливости, определяющие роль и место сотрудников органов внутренних дел в обществе и государстве;

- участие сотрудников органов внутренних дел как граждан и как представителей власти и закона в выборах, в соблюдении законности и эффективной работе законов определяет формат развития политической культуры и политической активности;

- отношение к власти (поддержка легитимности власти, защита власти, доверие к власти, борьба с коррупцией и бюрократией государственных институтов);

- исторический контекст (учет опыта советского прошлого в формировании политических ценностей, основанных на идеалах коллективизма, позволяющих сегодня сформировать идеалы политической культуры не через западную модель индивидуализма и эгоизма, а через идеалы соборности, коллективизма и социально ориентированного развития);

- социальные группы (в силу профессиональных особенностей, сотрудники органов внутренних дел взаимодействуют с представителями разных социальных групп и классов, взгляды и ценности которых могут отличаться как между собой, так и между сотрудниками органов внутренних дел, но профессионализм и уровень развития политической культуры позволяет не развивать социальных конфликтов, а формировать социально-нейтральные и толерантные стратегии социального взаимодействия;

- образовательно-просветительский – сотрудники органов внутренних дел могут стать теми людьми, кто разъясняет населению особенности их прав и обязанностей, способы защиты и отстаивания своих прав, повышает политическую и правовую культуру среди населения и т. д.

Выделенные аспекты позволяют убедиться в важности и многогранности развития политической культуры сотрудниками органов внутренних дел. Это становится не лозунгом, а реальной повседневной практикой для сотрудников ОВД на местах. Это влияет на стабильность государства, определяет качество жизни граждан, их личную и социальную безопасность.

В общих принципах политической культуры мы можем выделить наиболее важную специфику для сотрудников органов внутренних дел.

Специфика деятельности сотрудников ОВД выражается в ценностях и убеждениях, касающихся законности, правопорядка и служению обществу. Законность и правопорядок определяет то, что сотрудники ОВД должны придерживаться принципов законности, поддерживать общественный порядок, уважать и защищать права человека. Служение обществу выражается в том, что сотрудники ОВД должны не просто исполнять закон и поддерживать порядок, но служить обществу в виде обеспечения безопасности – это поможет формировать позитивный имидж сотрудников ОВД и власти в целом.

Важным моментом выступает отношение к власти (легитимность власти и поддержка демократических принципов) Сотрудники ОВД должны осознавать легитимность своей власти и нести за это ответственность перед обществом, т. е. их действия должны быть не просто продиктованы законом, но и оправданы перед населением. Также важно соблюдать идеалы гражданского общества: начиная от ценности принципов демократии и гражданского общества, заканчивая уважением к правам человека.

Немаловажным аспектом является профессиональная этика, выраженная в честности, неподкупности, ответственности. Этические нормы определяют моральный облик сотрудника, на котором строится доверие населения власти, противность коррупции и другим преступлениям. Сотрудникам ОВД необходимо понимать причинно-следственные связи, нести ответственность за свои действия или бездействие для общества.

Принципиальным фактом выступает характер взаимодействия с обществом. Открытость, прозрачность и доступность помогает выстроить диалог с населением, учитывать их мнения, потребности и особенности. Важно заниматься профилактическими мероприятиями, это снизит напряжение в разных социальных группах и позволит организовать более тесное сотрудничество с местным сообществом.

Серьезным этапом является обучение и подготовка. Образование по правам человека позволит сформировать более гуманное отношение к гражданам, а тренинги по конфликтологии позволят сформировать навыки по более эффективному взаимодействию с населением, снятию напряженных и конфликтных ситуаций еще в зародыше.

Необходимо учитывать влияние внешних факторов на деятельность сотрудников органов внутренних дел, так как экономико-политическая обстановка создает благоприятную или авторитарную среду для работы сотрудников ОВД, важно осознавать сложность критических моментов уметь противостоять ограничивающим условиям, при этом оставаясь в рамках закона. Стоит понимать, как использовать социальные движения не в качестве антагонистов, а как еще один потенциальный формат для налаживания контакта с населением.

Таким образом, эффективность работы сотрудников правоохранительных органов во многом зависит от уровня политической культуры всего общества и особенностей политической культуры сотрудников органов внутренних дел. Для того чтобы поддерживать и развивать политическую культуру сотрудников органов внутренних дел необходим комплексный системный механизм, который будет направлен на обучение, развитие профессиональной этики, открытый диалог с гражданами (обратная связь). Результатом этого становится создание безопасной среды для всех членов общества.

Проблемы развития политической культуры сотрудников органов внутренних дел связаны с общегосударственными противоречиями, а также внутривидовыми особенностями работы органов внутренних дел.

Первая проблема – коррупция и злоупотребление властью. Она раскрывается через неправомерные действия и отсутствие ответственности. Коррупция среди сотрудников органов внутренних дел подрывает доверие населения к правоохранительным органам и мешает становлению позитивной политико-правовой культуры. Также, невозможность привлечения к ответственности сотрудников органов внутренних дел за коррупционные и иные преступные действия приводит к формированию культуры безнаказанности.

Вторая проблема – недостаточность уровня знаний, уровня образования и общей подготовки сотрудников ОВД. Ограниченность программ обучения, где недостаточно внимания уделяется правам человека, этики и морали, конфликтности и другим аспектам, которые приводят к тому, что сотрудники ОВД недооценивают свою роль и значимость в жизни общества. Также сказывается отсутствие тренингов по взаимодействию с гражданами, сотрудники не получают необходимых навыков для продуктивного взаимодействия с населением, что приводит к скрытым или явным конфликтам.

Третья проблема – влияние социально-политической обстановки. СВО, экономические санкции повысили общий уровень тревожности населения, где сотрудники органов внутренних дел выступают теми, кто непосредственно взаимодействует с разными социальными группами и решает вопросы, которые могут потенциально привести к социальному напряжению. С другой стороны – на рядовых сотрудников ОВД может оказывать давление руководство, требуя выполнения показателей по раскрытию и профилактике преступлений и других действий, осуществление которых в сложившейся обстановке может быть проблематичным из-за наличия дополнительной нагрузки.

Четвертая проблема – социальные стереотипы и предвзятость. Это действует как в отношении стереотипов и предвзятости сотрудников ОВД к отдельным категориям граждан, так и в обратную сторону – стереотипов разных социальных групп в отношении всей правоохранительной системы. Это лишает процесс взаимодействия объективности и продуктивности, что сказывается на неэффективности работы сотрудников ОВД.

Пятая проблема – ограниченность взаимодействия с населением. Сотрудники органов внутренних дел могут быть изолированы или сфокусированы на сферу преступных сообществ, вместо того, чтобы взаимодействовать с рядовыми гражданами, понимать их потребности и оправдывать ожидания. Негативно на это влияет отсутствие отлаженной обратной связи от граждан, что не позволяет оперативно решать проблемы взаимодействия.

Шестая проблема – психологические факторы. Среди сотрудников органов внутренних дел высокий уровень стресса и эмоционального выгорания, что негативно сказывается на эффективности их профессионального поведения и отношения к своей службе. Результатом этого может стать профессиональное выгорание, апатия, и депрессия. Также, негативный опыт работы (с преступниками и преступлениями) накладывает свой отпечаток и отражается в пессимистическом восприятии общества.

Политическая культура – как базовое условие развитие профессионализма и эффективности работы сотрудников органов внутренних дел не может быть привита в одночасье, этот процесс требует десятилетий системной подготовки. Для решения выделенных проблем необходимо комплексно подходить к этому: от повышения качества образовательных программ, до повышения уровня ответственности; от развития навыков взаимодействия с населением, до целенаправленной работы по формированию политической культуры на уровне развития корпоративной культуры сотрудников органов внутренних дел. Это наиболее подходящий вариант развития гуманности сотрудников органов внутренних дел, способствующий укреплению доверия со стороны населения представителям правопорядка и власти в целом.

Отражение политической культуры сотрудников органов внутренних дел находится в прямом отражении развития политической культуры рядовых граждан. Чтобы проблемы сотрудников ОВД решались тем же, необходимо заниматься и на уровне всего общества – через правовое и политическое просвещение, развитие правового и политического сознания, а также осознание своих прав и обязанностей как граждан.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Роль социальных коммуникаций в развитии конспирологического мышления // Социальные коммуникации: философские, политические, религиозные, культурно-исторические измерения : сб. ст. III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред. О. Ф. Гаврилова, О. И. Жуковой, С. Н. Чируна. Кемерово, 2023. С. 236–240.
2. Ардашев Р. Г. Теории заговора в многополярном мире // Этнопсихологические и кросс-культурные проблемы и ресурсы становления многополярного мира (восточный и западный подходы) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Иркут. гос. ун-т, Бурят. гос. ун-т им. Д. Банзарова. Иркутск, 2023. С. 52–57.
3. Ардашев Р. Г., Маслодудова Н. В. Социокультурные основания обеспечения социальной безопасности правоохранительными органами российской федерации // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов XXIX Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2024. С. 361–363.
4. Баев П. А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69–76.
5. Иванов Р. В. Критерии социальной безопасности на фоне современных социальных вызовов в России // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2024. С. 12–15.
6. Полошкевич О. А. Борьба между правосудием и справедливостью в общественном сознании россиян // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира : сб. материалов. Иркутск, 2018. С. 702–704.
7. Полошкевич О. А. Условия солидарности: правосудие или справедливость? // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 41–51.

«ОБЩЕСТВО ТРЕВОГИ»: ВЛИЯНИЕ ТЕЛЕВИДЕНИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О ПРЕСТУПНОСТИ

Раскрываются механизмы конструирования «общества тревоги», основанные на медиавоздействии через телевизионный канал. Оценка влияния велась на примере «преступности», о которой говорят регулярно. Также сформирован ряд рекомендаций, которые позволят противостоять воздействию со стороны телевидения на представления о преступности.

Ключевые слова: медийное пространство, общественное мнение, преступность, тревожность, общество тревоги, телевидение.

N. V. Maslodudova

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk

"SOCIETY OF ANXIETY": THE INFLUENCE OF TELEVISION ON PUBLIC OPINION ABOUT CRIME

The article reveals the mechanisms of constructing a "society of anxiety" based on media influence through a television channel. The impact was assessed using the example of "crime", which is discussed regularly. We also formulated a number of recommendations that will help counteract the influence of television on ideas about crime.

Keywords: media space, public opinion, crime, anxiety, society of anxiety, television.

Несмотря на то что сегодня все больше распространяется интернет как пространство получения информации, телевидение все еще достаточно распространено. Особенно если мы говорим о людях старшего поколения. Это один из самых массовых источников получения информации, поэтому, он непосредственно влияет на формирование общественного мнения.

В силу того что в современном обществе совершается множество преступлений. Информация о них распространяется через различные информационные каналы, в том числе и через телевидение. Благодаря визуальным эффектам, восприятие видеоряда, сопровождаемое тревожными комментариями (активизируется зрение, слух, эффекты динамического движения и т. д.), что приводит к формированию представления об очередном, жестоком преступлении. Регулярность разнообразной информации о преступлениях формирует общее представление у населения, что вокруг совершаются одни преступления и их окружают одни преступники.

Этому способствуют как новостные сообщения, так и специализированные криминальные хроники, как фильмы, так и сериалы, где также совершаются изощренные преступления. Результатом этого становится формирование «общества тревоги», где нет уверенности в завтрашнем дне, существуют убеждения, что вокруг только обманщики, воры и преступники и каждый день есть риск пострадать от того или иного преступления. На поведенческом уровне – это отражается в постоянном ожидании негативных ситуаций у себя в жизни, в жизни окружения и страны в целом. Подтверждение своим негативным установкам население находит в просмотре телевидения и фиксации очередных преступлений и так продолжается по кругу.

Общественное мнение понимается как массовое сознание, фокусирующее мнение разных социальных групп на той или иной проблеме. В этом контексте, телевидение выступает инструментом конструирования представлений о любом вопросе (в данном случае о преступлениях). Становление нового мировоззрения всего человечества стало возможно благодаря телевидению, появившемуся в начале XX в. и в начале XXI в. ставшего пространством манипулирования, формирования и развития социальных представлений разных сообществ. Благодаря телевидению происходит социализация существенной части населения (через копирование образов поведения разных героев и ведущих передач).

Телевидение не только отражает реальность, но и формирует ее восприятие. Через свои каналы оно информирует и провоцирует на более яркие эмоциональные состояния од-

ного или нескольких людей. Телевидение для формирования большего эффекта «тревожного общества» использует несколько механизмов манипуляции:

1. Сенсационность (через провокацию, нарушение норм морали и права; драматизм) преподносится информационно насыщено и эмоционально вовлекающе, так как специально фиксируется внимание зрителей на преступлениях, катастрофах, конфликтах. Это приводит к неверию в свое будущее и страха за него, нестабильности и усилению чувства опасности и тревоги (Е. В. Палащенко [6]).

2. Конструирование образа опасности, угрозы, риска. Яркое и красочное описание кризисных ситуаций (природных катастроф, экстремистских или террористических актов, экономических кризисов, войн) формирует у зрителей тревогу и панику, что приводит к дезинтеграции и стагнации общества (Р. Г. Ардашев [1–4]).

3. Воздействует на психологическое состояние через эмоциональное истощение и формирование чувства безысходности, недоверия к своему будущему и недоверие ко всем социальным институтам, допускающим совершение таких преступлений, о которых говорят на ТВ (В. А. Скуденков [8]).

4. Контроля и управления эмоциями отдельной группы или всего сообщества через политическую или идеологическую пропаганду, духовно-нравственные деформации ярко отражающиеся в кино и новостях (О. А. Полوشкевич [7]).

5. Влияние на социальные взаимодействия и конфликты. Постоянная подпитка негативными сообщениями из телевидения может привести к открытой агрессии, недоверию к окружению, самоизоляции, а также может усиливать межгрупповые / гендерные / возрастные / идеологические и многие другие противоречия (П. А. Баев, К. Федько [5]).

Для того чтобы оценить воздействие телевидения на общественное мнение о преступности мы опросили жителей города Красноярска ($n = 600$), 55 % женщин и 45 % мужчин в возрасте от 18 до 65 лет, имеющих разный доход и занимающих разное социально-экономическое положение. Опрос проводился через онлайн анкетирование. Результаты обрабатывались автоматически. Погрешность выборки составила 2,2.

Телевидение смотрят люди более старшего возраста в три раза чаще, чем молодежь (18–35 лет – 18 %, 36–55 лет – 37 %, 56 лет и старше – 79 %). На вопрос о частоте просмотров ТВ респонденты ответили следующее: несколько раз в месяц – 23 %, несколько раз в неделю – 33 %, каждый день – 45 %. При этом, чем чаще респондент, тем чаще он смотрит телевидение. Мы можем это объяснить потребностью быть «в курсе» всех новостей, чтобы ничего не пропустить и это называется желанием почувствовать жизнь. Герои сериалов становятся значительно ближе, чем члены собственной семьи, потому что там интриги, преступления, драмы (живые эмоции, к которым присоединяются зрители). Также постоянное отслеживание новостей (в том числе криминальных), сериалов о преступниках и преступлениях усиливает внутреннее напряжение, что подпитывается общий контекст «общества тревоги».

Интерес разных групп населения к преступлениям в разных контекстах проявляется неодинаково. Среди молодежи смотрят криминальные хроники – 28 %, новости – 12 %, смотрят музыкальные клипы – 10 % и остальные смотрят фильмы и сериалы 540 %. Среди представителей среднего возраста смотрят криминальные хроники – 40 %, новости – 35 %, музыкальные клипы – 5 %, фильмы и сериалы 20 %. Среди представителей старшего поколения смотрят криминальные хроники – 20 %, новости – 35 %, музыкальные клипы – 2 %, фильмы и сериалы 43 %.

Интересным моментом является то, что доверяют получаемой информации по телевидению только 10 % молодежи, 20 % представителей среднего возраста и 55 % представителей старшего возраста. То есть, доля недоверия достаточно высока, но это не означает, что они перестанут смотреть криминальные хроники, новости, кино и сериалы. Иными словами, люди сознательно фиксируют свое внимание на потенциально ложной информации. И при этом специально усиливают свой собственный уровень тревожности, который в последующем разделяется множеством других участников тех сообществ, в которые он вовлечен.

На вопрос о воздействии телевидения на человека, мы также получили интересные данные. Скорее нет, чем да – 35 %, скорее да, чем нет – 30 %, нет – 25 %, да – 10 %. То есть, практически 70 % опрошенных, полагают, что не поддаются воздействию телевидения.

Мы постарались отследить позитивное и негативное влияние телевидения на нормы и ценности. И единодушие было только в факте воздействия – 100 %, а оценка этого воздействия не одинакова, но негативный контекст доминирует (табл. 1).

Таблица 1

Оценка позитивного и негативного влияния телевидения на общественное мнение (в %)

Утверждение	Младший возраст (18–35 лет)	Средний возраст (16–55 лет)	Старший возраст (56 лет и старше)
Позитивное влияние	56	43	35
Негативное влияние	44	57	65

Оценивая вопрос о том, телевидение – отражает общественное мнение или формирует его, мы увидели серьезный переко в сторону формирования (табл. 2). Интересный факт, что основная масса полагает, что лично на них не влияет телевидение, а на их окружение – влияет (это одна из форм самосохранительного поведения, которая позволяет видеть и винить в каких-то преступлениях и проблемах других, а себя выделять, не приобщая к общим негативным процессам).

Таблица 2

Оценка отражения или влияния телевидения на общественное мнение (в %)

Утверждение	Младший возраст (18–35 лет)	Средний возраст (16–55 лет)	Старший возраст (56 лет и старше)
Отражает общественное мнение	17	24	28
Формирует общественное мнение	83	76	72

Далее мы отследили оценку влияния телевидения на восприятие преступлений и увидели качественные, содержательные показатели – формирующие представления о представлениях, показанные через яркие образы (начиная от позитивного ореола преступника в сериале, или честного полицейского борющегося с жестокой и безжалостной мафией, заканчивая новостными лентами, где формально фиксируется количество преступлений, и находят более прямое раскрытие только более драматичные, затрагивающие морально-этические стороны социальной или профессиональной, экономической или политической реализации (табл. 3).

Таблица 3

Оценка влияния телевидения на общественное мнение в контексте восприятия преступлений (в %)

Утверждение	Младший возраст (18–35 лет)	Средний возраст (16–55 лет)	Старший возраст (56 лет и старше)
Благодаря яркому описанию сюжета в кино и сериалах, потом появляются реальные подражатели (повторяющие преступления из фильмов)	35	25	15
Художественные фильмы о преступлениях и преступниках, о полицейских и других героях формируют образы «героев нашего времени»	33	25	27
Криминальные хроники детально собирают и фиксируют регулярность происходящих вокруг преступлений	20	30	25
Новостная лента всегда содержит 1–2 громких преступления	10	22	23
Фиксация материала сжата, минимальна и не провокационна	5	8	10

Данные табл. 1–3 позволяют утверждать, что общественное мнение формируется телевидением. Сами респонденты фиксируют это в оценках других, себя в большей степени выделяя, но по факту, они находятся в таком же информационном потоке, который формирует их установки и восприятие.

В результате анализа полученных данных мы сформулировали рекомендации, которые могут снизить воздействие телевидения на общественное мнение в отношении преступлений:

1. Никому не верить. Развивать критичность мышления, используя информацию из разных источников.

2. Знать основные механизмы медиаманипуляции и уметь им противостоять (через участие в специализированных тренингах или форматизированных просветительских вебинарах и лекциях).

3. Осознанно подходить к выбору той информации, что собирается потреблять (выбирать свой контент – заниматься тем, что именно вам интересно и позволяет расширять кругозор, усиливать критичность и рациональность мышления и в целом формировать позитивное мировоззрение и веру в себя).

4. Участвовать в обсуждении просмотренного с другими людьми с целью формирования собственной позиции.

5. Замечать противоречия в подаваемой информации и избегать слепой веры в оценочные суждения.

Таким образом, телевидение все еще является основным источником информации для значительной части населения. Оно формирует представления и развивает установки населения о текущих проблемах и событиях, обозначает механизмы изменения ситуации, формирует условия, при которых население будет воспринимать позитивно или негативно (в зависимости от задачи) информацию.

Телевидение формирует мировоззрение и ценности, позволяет сформировать гражданскую позицию, социальную и личностную идентичность, понять кто «свои», а кто «чужие», определяет политические взгляды и модели потребления для большей части зрителей. Этому способствуют такие механизмы как: повторяемость приоритетных тем, эмоциональная яркость, визуальные эффекты, доверие телевизионному каналу или журналисту, транслирующему информацию. Стоит заметить, для телевидения нет разницы – истинную или ложную информацию оно транслирует. Важно лишь то, что коммуникативная связь есть, а по ней можно сформировать любые идеалы, образы и стратегии жизненного мира.

Как показало наше исследование, на оценку восприятия воздействия телевидения на общественное сознание о преступлениях влияет возраст зрителя. Пол, образование не являются критичными факторами для выявления статистически значимых отличий. Место телевидения в жизни общества и в процессах формирования общественного мнения будет ослабевать. Но параллельно с этим будут усиливаться позиции сети Интернет, где уже сегодня появилось онлайн телевидение. Поэтому инструмент воздействия может измениться, но суть – конструирование представлений через видео контент, станет реальностью для всех социальных групп. «Общество тревоги» станет усиливаться за счет другого источника, и полагаем, что ситуация в будущем только усугубится, подчеркивая социальное неравенство и сложности социальных коммуникаций в целом.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Влияние СМИ на формирование общественного мнения о преступности // Социология. 2023. № 5. С. 90–97.
2. Ардашев Р. Г. Идеология страха: анализ криминальных сообщений в СМИ и сети Интернет за 2019–2022 гг. // Социология. 2023. № 6. С. 86–93.
3. Ардашев Р. Г. Кино как источник формирования иррационального сознания россиян // Социальная реальность виртуального пространства : материалы IV Междунар. науч. конф. Иркутск, 2022. С. 197–201.
4. Ардашев Р. Г. Экспертный анализ информационных сообщений в СМИ о преступлениях // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 186–189.
5. Баев П. А., Федько К. С. Трудовые мигранты: благо или беда российского общества // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году семьи в России. Улан-Удэ, 2024. С. 15–16.
6. Палащенко Е. В. Гражданская ответственность или страх наказания: мотивы уплаты налогов // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2024. С. 170–172.

7. Полошкевич О. А. Духовно-идеологические основы формирования мировоззрения через патриотический кинематограф // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов IX Междунауч.-практ. конф. Махачкала, 2022. С. 278–282.

8. Скуденков В. А. Экономические притязания в кризисном обществе // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований: материалы XV Межрегион. науч. конф. мол. ученых. 2017. С. 171–173.

УДК 340

Б. Р. Асадов, Е. А. Вольфсон

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, г. Санкт-Петербург

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИИ

Рассматриваются некоторые особенности внедрения искусственного интеллекта в сфере публичных правоотношений в России. ИИ становится не только важным инструментом модернизации экономики и повышения эффективности госуправления, но рассматривается вероятные риски этого феномена, что свидетельствует о его двойственном влиянии на сферу публичных отношений. Масштабы интеграции ИИ в публичные и бизнес-процессы, требуют решения правовых вопросов, связанных с прозрачностью и ответственностью. Авторы отмечают, что ИИ способствует оптимизации административных процедур и повышению качества услуг, но подчеркивают важность соблюдения баланса интересов государства, граждан и бизнеса для защиты прав всех сторон.

Ключевые слова: публичные правоотношения, искусственный интеллект (ИИ), правовое регулирование, экспериментальные правовые режимы, реализация.

B. R. Asadov, E. A. Volfson

Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E. N. Zinicheva, Saint Petersburg

SOME ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC LEGAL RELATIONS USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN RUSSIA

The article discusses some features of the introduction of artificial intelligence in the field of public legal relations in Russia. AI is becoming not only an important tool for modernizing the economy and improving the efficiency of public administration, but the likely risks of this phenomenon are not being considered, which indicates its dual impact on the sphere of public relations. The scale of AI integration into public and business processes requires addressing legal issues related to transparency and responsibility. The authors note that AI helps optimize administrative procedures and improve the quality of services, but emphasize the importance of balancing the interests of the state, citizens and businesses to protect the rights of all parties.

Keywords: public legal relations, artificial intelligence (AI), legal regulation, experimental legal regimes, implementation.

В современном мире расширение рамки техногенного развития общества обуславливает поиск и применение наиболее эффективных инструментов в области цифровой трансформации. В этом плане новые технологические инновации, например, как феномен искусственный интеллект (далее – ИИ) все больше становится неотъемлемой частью социальной и правовой реальности современного мира, внедряясь в различные сферы, трансформирует управление и принятие решений. На фоне масштабного применения ИИ особенно его активного проникновения в сферу публичных правоотношений, которые охватывают взаимодействие между органами власти и гражданами при реализации публичной функции не является исключением.

Очевидно, что сегодня влияние новых технологий в их различных проявлениях на сферу публичных отношений всё более возрастает. Все больше признается значимость роли данного феномена в повышении качества и скорости принятий решений в системе публичных отношений. Включенные в поле прогностического осмысления ИИ меняет не только характер публичных отношений, но и их содержательную часть. Эти технологические инновации как отмечает А. Р. Атабеков «способные фундаментально изменить как общественные отношения, так и сферу публичных правоотношений» [1]. Сегодня искусственный интеллект

используется в налоговом администрировании, цифровом правосудии, правоохранительной деятельности, системе социальных выплат и мониторинга прав человека [2]. Все больше возникает необходимость в анализе больших объемов данных, моделирования различных сценариев будущего, выявления оптимальных вариантов действий, оценки рисков и последствий, а также получать обратную связь от заинтересованных сторон.

В то же время приобретают актуальный характер вопросы перспективы и последствия применения ИИ в области публичных отношений. С одной стороны это естественно, все больше новых возможностей его дальнейшего внедрения, а с другой это превращение технологий ИИ не только в область «острой международной конкуренции, геополитических противоречий» [3], но и их успешной адаптации к быстроменяющимся социальным реалиям.

Эти и другие не отмеченные актуальные проблемы разработки, внедрения новых инновационных технологий можно подвергать анализу под разным углом осмысления. Но не расширяя рамки дискуссии этой столь многогранной проблемы, авторы в данном контексте отмечают о пристальном внимании экспертного сообщества к наиболее актуальным проблемам и тенденциям развития российского общества, которые в современных условиях немыслима без учета влияния ИИ на сферу публичных отношений и правового регулирования применения этих технологий в этой области. Возрастающее внимание специалистов к этим проблемам как объективная потребность способствует наполнению содержания национального дискурса, в котором также отмечается проблемы создания оптимальной модели правового регулирования ИИ [4].

Безусловно, в рамках данного дискурса в последнее время обретает важное значение вопросы формирования правовой основы применения инновационных технологий в сфере публичных отношений. Отдельными специалистами отмечалось о необходимости появления новой отрасли права в области ИИ и робототехники [5]. В связи с появлением новых технологий, сегодня существует потребность в создании гибких правовых механизмов, учитывающих особенности применения и тенденции дальнейшего развития ИИ.

Таким образом, цифровые технологии формируют новые вызовы, которые могут в будущем непосредственно оказать влияние на характер принятия решений, как национальном, так и на международном уровне, затронуть вопросы доверия к институтам публичной власти и т. д.

Говоря о вызовах, необходимо отметить вопросы отсутствия четкой правовой базы, регулирующей использование ИИ, в частности, в государственных учреждениях. По мнению специалистов, «...определенная фрагментарность разработки концептуальных, методологических и прикладных аспектов применительно к ИИ как динамичному объекту административно-правового воздействия, несомненно, вызывает необходимость совершенствования правового регулирования в России» [6].

Следуя вышеизложенным, можно отметить, что изучение проблем реализации публичных правоотношений с применением искусственного интеллекта все больше приобретающий важный характер, представляет ценную научно-практическую значимость. И с целью изучения этой весьма значимой проблемы, важно рассмотреть некоторые аспекты реализации публичных правоотношений с применением ИИ.

Анализируя некоторые особенности внедрения новых систем искусственного интеллекта в сфере публичных отношений необходимо отметить, что на данный момент в России нет единого законодательства, которое бы охватывало все аспекты их применения. Не определен правовой статус искусственного интеллекта в национальном законодательстве. Однако несмотря на сформулированные альтернативные подходы, которые позволяют рассмотреть ИИ в качестве как объекта (имущества), так и субъекта права, существующие правовые проблемы создают правовую неопределенность. Это может привести к злоупотреблениям. По мнению В. Д. Зорькина «рассуждая прагматически, статус искусственного интеллекта резонно обсуждать в контексте ответственности за ущерб, причиненный в результате его функционирования...использование искусственного интеллекта можно с уверенностью отнести к деятельности, связанной с источниками повышенной опасности» [7].

Существуют мнения специалистов о необходимости «...обеспечения баланса правового регулирования и развития технологий ИИ, баланс частных, государственных и общественных интересов» [8]. В этой области также не следует допускать появления многочисленных правовых механизмов, которые создают предпосылки для практики избыточного нормативного регулирования ИИ.

Публичные правоотношения можно определить как отношения, возникающие между государственными органами и гражданами, а также между различными государственными структурами в процессе выполнения публичных функций. Эти отношения имеют ярко выраженный общественный характер и направлены на реализацию публичных интересов, таких как безопасность, правопорядок, социальное обеспечение и другие. Ряд направлений определены Федеральным законом «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (от 31.07.2020 № 258-ФЗ) [9], однако они весьма ограничены в этом отношении.

Сегодня экспериментальные правовые режимы (далее-ЭПР) в России становятся ключевым инструментом для тестирования искусственного интеллекта в условиях адаптивного регулирования. В то же время процесс применения ИИ в систему административного надзора и преследования как важное составляющее обуславливает принятия ряда важных решений. Во-первых, участники ЭПР обязаны соблюдать базовые нормы безопасности, даже при тестировании инноваций. Например, в Самарской области полеты беспилотников проводятся с использованием цифровой платформы «Небосвод», обеспечивающей безопасность. Во-вторых, результаты тестирования ИИ-решений должны анализироваться для корректировки законодательства. Так, в 2023 г. Ассоциация больших данных предложила создать рабочие группы для мониторинга экспериментов с данными для ИИ [10].

Анализ текущих ЭПР выявил ряд проблем. Большинство режимов сосредоточено на ограниченном перечне сфер, что значительно увеличивает неравномерное развитие. Кроме того, ограничение ЭПР временем в виде трех лет может быть недостаточным для масштабных проектов, требующих длительной апробации. Наконец, компании с долей иностранного капитала свыше 50 % не могут участвовать в реализации ЭПР, что сужает пул инновационных решений. И с целью некоторых вопросов в этой области специалистами предлагаются расширения перечень направлений ЭПР, а также использования наиболее гибких механизмов их продления, разработки стандартов оценки эффективности решений ИИ-решений в рамках надзора.

Необходимо отметить, что развитием ИИ возникает необходимость создания правовой базы использования этих инновационных технологий. Важным шагом в этом направлении безусловно стало принятие Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации на период до 2030 года. В документе определены основные направления и цели использования ИИ в различных сферах, включая публичные правоотношения.

Обсуждая национальные стратегические цели России в области искусственного интеллекта, следует обратить внимание на распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р, в котором было утверждено Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий ИИ и робототехники на период до 2024 года. Этот документ, открывший новые возможности охватывал не только секторальные вопросы, но и потенциальные правовые проблемы, которые необходимо было решать в указанный срок.

В последнее время произошли существенные сдвиги в области развития искусственного интеллекта в России. Об это свидетельствует динамичный процесс институализации развития этой сферы. Важным действием в области институализации политики регулирования ИИ стало «возложение ответственности за его внедрение в государственный сектор на Национальный центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации, который управляет национальным порталом в области искусственного интеллекта. Данная структура выступает ведущей площадкой не только для отбора технологических решений» [11], подходящих для государственных нужд, но и осуществляет экспертизу нормативной документации, регулирующей деятельность в сфере ИИ, следит за индексом готовности

технологий, включая их адаптацию для органов власти. Однако на текущий момент трудно выделить конкретные реализованные проекты ИИ, внедренные в систему государственного управления. И существенным шагом в решении этих и других проблем может стать создание единой государственной структуры.

Одним из наиболее заметных направлений применения ИИ в публичных правоотношениях является автоматизация процессов, что позволяет значительно сократить время и ресурсы, затрачиваемые на выполнение рутинных операций.

В налоговых органах ИИ используется для обработки налоговых деклараций и выявления возможных нарушений. Например, система анализа данных может автоматически проверять поданные декларации на предмет несоответствий, что позволяет быстрее выявлять случаи уклонения от уплаты налогов [12]. В России, Федеральная налоговая служба (ФНС) активно применяет алгоритмы машинного обучения для анализа больших объемов данных и формирования прогнозов о налоговых поступлениях.

Следует отметить, что в последнее время развитие искусственного интеллекта характеризует о растущем влиянии его на другие сферы публичных отношений. В данном контексте судебная система не является исключением и сегодня применения этих технологий снижает нагрузки на судебные органы, позволяет использовать системы прогнозирования, проводить анализ предыдущих судебных решений, а также давать рекомендации судьям по вероятным исходам дел. В тоже время как показывает практика несмотря в отдельных странах использования цифровых технологий в этой области сегодня попытки широкого применения последних сталкиваются с отягощёнными сложностями. Об этом свидетельствует полярные точки относительно перспектив применения ИИ в рамках юридического дискурса.

Другим примером применения ИИ в органах исполнительной рассматривается правоохранительные органы. С целью повышения эффективности работы, существует потребность использования алгоритмов, которые позволяют провести анализ данных о преступлениях, выявлять закономерности, иметь дополнительные механизмы в прогнозировании возможных мест и типов преступлений. Следует отметить, что сегодня в отдельных регионах России данные технологии применяются в целях улучшения работы например патрульных служб.

Рассматривая некоторые особенности применения ИИ государственными органами необходимо отметить, что анализ данных с использованием этих технологий активно применяется в принятии более обоснованных решений. В частности, в сфере здравоохранения это поможет анализировать данные о масштабах заболеваемости и предсказывать вероятные вспышки эпидемий. Соответственно полученные данные применяются в деятельности соответствующих структур в рамках планирования оперативных мероприятий в целях подготовки к возможным угрозам и обеспечения необходимым количеством медицинских ресурсов и т. д.

Сегодня возрастает влияние ИИ на характер развития сферы социального обеспечения населения. Например, данные технологии активно применяются с целью оценки потребностей различных граждан, формирования базы данных о доходах, состава семьи. В результате применения их также выявляются и другие факторы, связанные с реализацией социальной политики, в которых важное значение имеет современное и точное назначение потребителю необходимых социальных услуг и оказание поддержки.

Применение искусственного интеллекта в сфере публичных правоотношений создает новые возможности для оптимизации детальности государственных институтов в плане повышения их прозрачности и эффективности, а также для защиты прав и свобод граждан. Вместе в процессе активного применения этих технологий в сфере публичных отношений все более актуальными становятся вопросы вероятных потенциальных рисков и сохранения доверия граждан к государственным институтам.

Вопреки прогрессу, данные заключения делают акцент на важности интеграций современных технологий, «существует необходимость в дальнейших исследованиях и разработках, чтобы обеспечить адекватное правовое регулирование использования ИИ в публичных правоотношениях» [13]. Это включает в себя как создание новых норм и стандартов, так и адаптацию существующих законодательных актов к новым технологиям.

Поэтому для решения проблемы, обозначенной в теме настоящей статьи целесообразно рассмотреть:

- Необходимость «выявления идентифицирующих признаков для разработчиков ИИ для целей органов власти с предоставлением расширенных предпочтений и санкций с учетом эффекта масштаба правоотношений» [14].

- Модификация текущего Федерального закона «О персональных данных» (ФЗ-152) положениями, касающимися обработки данных для обучения и тестирования ИИ, особенно в контексте анализа больших данных из различных источников.

- Дополнение национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 г. в части использования и внедрения передового международного опыта при совершенствовании системы мониторинга и прогнозирования ЧС.

- Изменения в законодательстве о гражданской обороне и защите населения в части включения положений о применении ИИ для повышения эффективности мероприятий по гражданской обороне и защиты населения.

Таким образом, совершенствуясь и набирая обороты ИИ продолжает все больше проникать в сферу публичных отношений. Это уже состоявшие новые реалии развития современного общества. Широкий спектр возможностей в сфере публичных отношений, которые могут не только повысить эффективность и изменить качества предоставления государственных услуг гражданам, но и вызовы, требующие создания гибких правовых механизмов регулирования применения ИИ в этой области.

В связи с этим адаптация российского законодательства к использованию ИИ в сфере публичных правоотношений с учетом осмысления вероятности глубокого проникновения и вероятных рисков в этой области требует комплексного подхода и взаимодействия различных государственных органов, а также привлечения общественности и экспертов в области ИИ и права. Разработка новых правовых механизмов и изменение существующих норм поможет создать правовую базу, которая обеспечит эффективное, этическое и безопасное использование технологий ИИ в интересах граждан и общества в целом.

Литература

1. Атабеков А. Р. Модельные подходы к интеграции искусственного интеллекта в сферу публичных правоотношений в России на базе сравнительного исследования опыта зарубежных стран // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27, № 3. С. 686–699.
2. Федеральная налоговая служба РФ. Алгоритмы ИИ в анализе налоговых данных // Официальный сайт ФНС. URL: <https://www.nalog.gov.ru> (дата обращения: 07.05.2025).
3. «Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии: аналитический доклад / Е. С. Зиновьева, Н. А. Цветкова, Э. Л. Сидоренко [и др.]. М. : МГИМО-Университет, 2024. 68 с.
4. Арзамасов Ю. Г. Оптимальная модель правового регулирования в сфере искусственного интеллекта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 2 (53). С. 133–148.
5. Petit Nicolas. Law and Regulation of Artificial Intelligence and Robots – Conceptual Framework and Normative Implications (March 9, 2017). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2931339> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2931339>
6. Атабеков А. Р. Концептуальные подходы и практика правового регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере: сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.2. М. : Изд-во РУДН, 2024. 40 с.
7. Зорькин В. Д. Право и вызовы искусственного интеллекта. URL: <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-ivyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 15.05.2025).
8. Иванов К. М. Современное состояние правового регулирования использования искусственного интеллекта // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2021. № 2(51). С. 5–10.
9. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5022.
10. Дилимбетов О. С. Экспериментальные правовые режимы для беспилотных систем (ЭПП) в регионах. М., 2025.
11. Национальный центр развития искусственного интеллекта в России при Правительстве Российской Федерации. URL: <https://ai.gov.ru/ncpii/> (дата обращения: 25.05.2025).
12. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 2021. 321 с.
13. The OECD Principles on Artificial Intelligence. OECD Legal Instruments. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 12.05.2025).
14. Атабеков А. Р. Области реализации публичных функций искусственным интеллектом в России и мире // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 18 (5). С. 181–185.

СОЦИАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Рассматривается социальная составляющая как особый конструкт, позволяющий уточнить и установить социальное содержание и социальное влияние на общетеоретические правовые исследования. Делается вывод, что социальная составляющая в отношении общей теории права проявляется в предмете науки, методологии и воздействующих на правовую систему социальных факторах.

Ключевые слова: социальная составляющая, общая теория права, предмет науки, методология, социальные факторы.

E. S. Kuzmina

Irkutsk State University, Irkutsk

SOCIAL COMPONENT IN GENERAL THEORETICAL LEGAL RESEARCH

The article examines the social component as a special construct that allows us to clarify and establish the social content and social influence on general theoretical legal research. The author concludes that the social component in relation to the general theory of law is manifested in the subject of science, methodology and social factors affecting the legal matter.

Keywords: social component, general theory of law, subject of science, methodology, social factors.

Социальная составляющая в любой науке – наиболее общая характеристика структур, институтов, процессов, факторов социальной действительности, закономерности возникновения, развития и функционирования которых охватываются предметом соответствующей науки и/или непосредственно влияют на ход и результаты научных исследований. Учитывая, что актором научно-исследовательской деятельности выступает человек, следует признать невозможность научного прогресса вне социальной среды. Так, динамика и результаты естественных наук, постигаемых человеком, находятся в прямой связи от социальной обстановки, в которой работает ученый или коллектив исследователей, включая зависимость от финансирования, уровень квалификации автора, наличие доступа к необходимым материалам, бытовые сложности и др.

Что касается гуманитарных наук, то социальная составляющая в рассматриваемом случае превалирует не только в объекте и предмете, но и в соответствующей методологии. Выявление единства, различий, взаимодействия и противоречий в отношениях между различными социальными явлениями и процессами – нетривиальная задача, требующая особого гуманитарного подхода, в котором бы отражались проекции прошлого, настоящего и будущего социальной организации человеческого организма. Для современного общества в качестве «надстроечных» систем знаний особое место занимает правовая наука, основной задачей которой является познание и обеспечение развития форм правового упорядочения жизни людей. Общетеоретическим стержнем правовых наук выступает сравнительно небольшая по своему предмету «общая теория государства и права», стремящаяся создать и обосновать обобщенное представление о государстве и праве, а также их диалектическом взаимовлиянии. Именно благодаря общей теории государства и права, именуемой в советское время «Энциклопедией государства и права», стало возможным говорить о существовании базовых и универсальных категорий государствоведения и правоведения. Профессор В. В. Лазарев отмечал, что общая теория государства и права не просто подчеркивает единство государства и права (национальной правовой системы), но выходит далеко за рамки легистского мировоззрения, выходя «на широкий социологический подход, отражающий жизненные потребности современности... В соответствии с социологическим подходом к праву (он по определению не может быть исключен из общей теории), конституция – сами фактические отношения, отражающие реальное соотношение политических сил» [6, с. 19].

Общетеоретические правовые исследования, проводимые в рамках научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки» апеллируют к социальной составляющей, через призму которой формулируют специфические знания о праве и его проявлениях. Учение о «чистой теории права» [4] родоначальника нормативистской школы права австрийского юриста и философа Ганса Кельзена так и осталось утопическим, поскольку имело в своей основе идею «освобождения» права от любого социального содержания в угоду абсолютизации первого. Несмотря на абсурдность мысли о параллельном существовании правовой и социальной материи, с точки зрения институционализации права и его систематики взгляды Г. Кельзена имеют важное методологическое значение.

Понятие позитивного (официального/государственного) права как единства норм (объективного права) и индивидуальных правомочий субъектов (субъективного права) тесно связано с категориями социального регулирования и свободы. Право как искусство добра и справедливости (согласно дигестам Юстиниана), как минимум нравственности (Г. Еллинек и др.), истинность (В. М. Гюго и др.), как условие бытия человека (П. И. Пестель и др.), как сила (Р. Редбёрд и др.) и как многие иные феномены должно быть и оставаться проекцией реальной человеческой жизни во всех ее проявлениях на те правила, которые мы признаем официальными, исходящими от государства. Профессор В. М. Шафиров, размышляя о приобретении теорий права первостепенного значения в современный период, сформулировал следующий принцип правового государства: «не человек для права, а право для человека». Согласно его позиции, человеческое измерение права (человекоцентризм) должно быть поставлено во главу угла научных изысканий в качестве исходного пункта-критерия интеграции различных научных школ [7, с. 426–427]. В свою очередь, профессор А. П. Альбов связывает государственно-правовую жизнь общества с социально-правовым взаимодействием отдельных людей и их коллективов между собой [1, с. 102–103]. Это означает, что социальная составляющая находит свое непосредственное отношение в предмете общетеоретических исследований. Так, известно, что предметом правового регулирования являются акты человеческого поведения и общественные отношения, которые могут и должны быть урегулированы правом. Правовое регулирование (воздействие) является видом правового регулирования (воздействия), а действовавшие в его процессе правовые средства в большинстве своем являются социальными феноменами (правовое государство – социальное государство, норма права – социальная норма, правовая культура – социальная культура, юридическая ответственность – социальная ответственность и т. д.). Отдельные связи права с социальными явлениями (сферами) и личностью (право и экономика, политика, религия, вопросы гражданства, индивидуального правосознания и др.) также показывают вариативность форм проявления социальной составляющей в предмете общей теории права.

Социальная составляющая в общетеоретических правовых исследованиях, по нашему мнению, находит свое выражение в группе социологических методов (социологический опрос, социологический анализ данных и документов, социальный эксперимент, включенное наблюдение и т. д.), которые существенно обогащают инструментарий общетеоретических правовых исследований и способствуют реализации принципов объективности и плюрализма. Адаптированные для использования в отношении социальных явлений и процессов получения важной информации от различных акторов общественных отношений социологические методы позволяют выявлять социальную составляющую различных правовых феноменов [5, с. 60–65]. Например, такой методологический метод исследования текста – контент-анализ широко применяется в правоведении. Профессор В. А. Ядов прямо указал, что выявление смысловых единиц в процессе контент-анализа касается самых разнообразных правовых символов [8, с. 216]. Для значительного числа ученых-юристов использование социологических методов зачастую осуществляется на интуитивной основе, тем не менее, важная роль последних в структуре правовой методологии не оспаривается. Так, обращение к положениям нормативных правовых актов и судебной практики с целью обнаружить «официальные» формы выражения общетеоретических правовых категорий в большинстве случаев требует применения социального анализа текста и использования инструментов социальной

идентификации и социального моделирования. Дополнительно следует учесть синергетический потенциал правового воздействия, который берет свою основу в социальной системе, и который нуждается в предметной, в том числе специальной, методологии.

Следующее «влияние» социальной составляющей на общетеоретические правовые исследования заключается во влиянии социальных факторов на ход, а также промежуточные и итоговые результаты общетеоретических правовых исследований. Профессор Л. В. Карнаушенко, признавая за правом статус социального регулятора, отмечает, что область права содержательно апеллирует к функционированию той или иной нормы права. Право как структурообразующий элемент общества тесно связано с областью базовых интересов личности и общесоциальных интересов. Эти обстоятельства обуславливают многообразие движущих факторов, предопределяющих заинтересованность участников общественных отношений в отдельных нормах права [3, с. 27]. Опираясь на необходимость и пользу правового регулирования как факторы понимания сущности права, А. А. Завгородняя указывает на их зависимость от общественной значимости отношений, сложившихся либо складывающихся на определенном этапе развития общества. Обеспечение потребностей индивидов и их групп детерминирует пользу и необходимость регулирования общественных отношений, очерчивая предмет правового регулирования / правовой охраны [2, с. 23–24]. Очевидно, что социальная среда, в которой формируются закономерности возникновения, развития и функционирования многообразных правовых явлений и процессов не является монолитной, представлена совокупностью разнородных факторов, оказывающих влияние на правовую систему. К примеру, правотворческая деятельность имеет в качестве своего объективного основания социальные трансформации (причина принятия нормативных правовых актов), а в ходе своего развертывания – зависит от результата противоборства интересов, носителями которых выступают оппонирующие стороны.

Таким образом, социальная составляющая в общетеоретических правовых исследованиях проявляется в трех основных формах: социальных фрагментах предмета науки, социологической методологии науки и сопутствующих социальных факторах. Уточнение содержания и границ социальной составляющей в общетеоретических правовых исследованиях позволяет не только устанавливать междисциплинарные связи, но и способствует уточнению антропологической (гуманитарной) проблематики. В аспекте поднятых вопросов имеется необходимость дальнейших разработок в области социологии права.

Литература

1. Альбов А. П. Государственно-правовая жизнь общества как категория общей теории государства и права // Правовая культура. 2024. № 1. С. 101–103.
2. Завгородняя А. А. Польза и необходимость как факторы в социально-правовом взаимодействии и соотношении интересов в праве // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2022. № 4. С. 22–26.
3. Карнаушенко Л. В. Отношение оснований законотворчества и правосознания как фактор целостности социально-правовых отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2. С. 24–29.
4. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. М. В. Антонова, С. В. Лезова. 2-е изд. Санкт-Петербург: ИД Алеф-Пресс, 2023. 542 с.
5. Кузьмина Е. С., Кузьмин И. А. Социологические методы в юриспруденции (на примере социально-правовых исследований юридической ответственности) // Социология и право. 2016. № 1. С. 59–67.
6. Лазарев В. В. Конституционная деятельность и конституционное право в свете общей теории государства и права // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 1. С. 11–21.
7. Шафиров В. М. Общая теория права: состояние, основные направления исследований и роль в современном период // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2. С. 425–428.
8. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М. : Добросвет, 2000. 596 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ В XXI ВЕКЕ

Аргументируется, что фундаментальная наука в XXI в. переживает глубокую трансформацию под влиянием не только внутренней логики научного поиска, но и социально-экономических факторов. Выявлено, что развитие мегаприборной инфраструктуры, цифровизация, рост междисциплинарных исследований и изменения в моделях финансирования формируют новые условия для научной деятельности. Сделан вывод, что этические и геополитические вызовы усиливают необходимость международного сотрудничества, открытого доступа к данным и укрепления общественного доверия как ключевых условий реализации научного потенциала.

Ключевые слова: фундаментальная наука, мегаприборы, открытая наука, цифровизация, международное сотрудничество, этика.

E. V. Litau, V. L. Ovchinnikova

St. Petersburg State Technological Institute (Technical University), St. Petersburg

**PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF FUNDAMENTAL SCIENCE
IN THE 21ST CENTURY**

Fundamental science in the 21st century is undergoing a profound transformation driven not only by the internal logic of scientific inquiry but also by socio-economic factors. The development of large-scale research infrastructure, digitalization, the rise of interdisciplinary studies, and changes in funding models are shaping new conditions for scientific activity. Ethical and geopolitical challenges further highlight the need for international cooperation, open access to data, and the strengthening of public trust as key prerequisites for realizing scientific potential.

Keywords: fundamental science, mega-devices, open science, digitalization, international cooperation, ethics.

Современный этап развития фундаментальной науки характеризуется глубокими трансформациями, затрагивающими как методологию исследований, так и формы организации научной деятельности [1]. На фоне этих изменений особую актуальность приобретает вопрос о сохранении специфики фундаментального исследования как деятельности, направленной на познание глубинных закономерностей природы и общества без непосредственной ориентации на практическое применение. Как отмечает В. С. Стёпин, современная фундаментальная наука всё чаще развивается в режиме «опережающего поиска», когда теоретические построения превосходят экспериментальные возможности и технологические реализации. Этот феномен особенно ярко проявляется в таких областях, как квантовая информатика, где теоретические разработки опережают создание соответствующих экспериментальных установок на десятилетия, или в космологии, где математические модели многомерных вселенных пока существуют лишь в рамках умозрительных конструкций.

Однако столь высокая степень теоретической абстракции требует всё более сложной эмпирической верификации, что, в свою очередь, приводит к радикальному изменению масштабов и структуры научных проектов. Если в XX в. вершиной «большой науки» считались ускорители частиц или космические программы, то в XXI в. подобную роль играют проекты в области квантовых вычислений, синтетической биологии и искусственного интеллекта. Они требуют беспрецедентного уровня междисциплинарной интеграции, финансирования и координации усилий. Современные научные коллаборации всё чаще приобретают черты транснациональных организаций, где учёные, инженеры и специалисты по управлению работают в рамках единой системы, схожей по своей структуре с крупной высокотехнологичной корпорацией. Это существенно влияет на культуру научного поиска, подчеркивая необходимость новых форм научного лидерства, этики и взаимодействия между государственными, академическими и частными структурами.

Одновременно с этим ключевую роль в трансформации науки играет цифровизация, охватывающая все этапы научного цикла – от сбора и обработки данных до публикации результатов и обеспечения их воспроизводимости. Принятая в 2021 г. Рекомендация ЮНЕСКО

об открытой науке зафиксировала глобальный поворот к прозрачности, коллаборации и доступности знаний [2; 6]. Это выразилось в создании облачных платформ и репозиториях, где исследователи публикуют не только статьи, но и «сырые» датасеты, код и инструменты анализа. Масштабы обрабатываемой информации способствуют переходу к распределенным вычислительным средам, использующим суперкомпьютеры нового поколения (Perlmutter, Frontier) и гибридные кластеры для обучения ИИ-моделей. Эти технологии находят применение в самых разных областях – от моделирования новых материалов и биомолекул до анализа климатических процессов и астрофизики. В итоге формируется новая научная экосистема, в которой взаимодействие человека и алгоритма становится неотъемлемым элементом методологии познания.

Одним из ключевых проявлений этой трансформации стало увеличение размерности и сложности научных экспериментов. Особое место в этой новой экосистеме занимает мегаприборная инфраструктура – совокупность уникальных научно-технических комплексов, предназначенных для проведения передовых фундаментальных исследований, часто с участием десятков стран. К таким объектам относятся Большой адронный коллайдер (CERN), радиотелескоп SKA, оптический телескоп ELT, а также рентгеновский лазер XFEL и гравитационные обсерватории LIGO–Virgo–KAGRA. Строительство подобных уникальных установок не только расширяет наши эмпирические возможности, но и позволяет тестировать фундаментальные теории с беспрецедентной точностью. Эти инфраструктуры выступают катализаторами нового формата научных взаимодействий. Модернизация Большого адронного коллайдера и проекты будущих ускорителей (FCC, CLIC) акцентируют внимание на высокоточном измерении параметров стандартной модели, требующем координации усилий тысяч специалистов [3; 4]. Таким образом, развитие инфраструктуры превращается не только в технологический вызов, но и в стимул к формированию международных консорциумов нового типа, где академическая наука тесно переплетается с промышленными и управленческими структурами.

Параллельно с инфраструктурной экспансией происходит принципиальное изменение методологии научного поиска. Границы между традиционными дисциплинами становятся все менее выраженными, что особенно заметно в таких областях, как структурная биология, где методы искусственного интеллекта революционизировали процесс научных методов, усилив аналитические возможности, ускорив обработку данных и сделав возможным открытие новых закономерностей. Примером служит применение методов машинного обучения к проблемам структурной биологии: алгоритмы предсказания трёхмерной конфигурации белков, такие как AlphaFold, обученные на глобальных базах данных, не только ускорили обработку данных, но и сделали возможным открытие новых закономерностей, которые ранее оставались недоступными для исследователей [4]. Сходным образом квантовая информация, возникшая в контексте фундаментальной физики, теперь используется для проектирования материалов с заданными свойствами и для криптографических протоколов нового поколения. В рамках таких проектов формируются исследовательские коллективы, сочетающие компетенции в физике, химии, информатике, математической статистике и инженерии, что ускоряет итерации «гипотеза – эксперимент – моделирование».

Представляется вероятным, что ближайшие прорывы примут форму кумулятивных уточнений уже существующих теорий и моделей, а не отдельных «революционных» открытий. Комбинация мегаприборов, больших данных и генеративных моделей ИИ создает благоприятные условия для обнаружения слабых эффектов, которые ранее терялись в статистическом «шуме». В энергетике дальнейшее совершенствование термоядерных установок (магнитных и инерционных) обещает переход от разовых демонстраций «выигрыша энергии» к воспроизводимым режимам, релевантным для промышленной эксплуатации. В биомедицине интеграция геномных редакторов с высокоточной доставкой лекарств и реальным временем моделированием побочных эффектов может сформировать новые стандарты терапии редких и возраст-ассоциированных заболеваний.

Фундаментальная наука вступила в фазу качественного роста, где успех определяется не столько числом теоретических идей, сколько способностью общества обеспечить инфраструктуру, междисциплинарные связи и открытые каналы коммуникации. Глобальные тенденции – от строительства мегаприборов до нормативного закрепления открытых данных – демонстрируют, что интеллектуальный потенциал становится общечеловеческим ресурсом, требующим коллективного управления. Устойчивое развитие фундаментальных исследований в XXI веке возможно лишь при условии синергии национальных программ, частных инвестиций и международных соглашений, ориентированных на прозрачность и безопасность научного процесса.

Таким образом, современная фундаментальная наука развивается в условиях двойственной трансформации: с одной стороны, происходит беспрецедентное увеличение масштабов и сложности исследовательских проектов, требующих новых форм международной кооперации; с другой – наблюдается глубокая методологическая перестройка, связанная с внедрением цифровых технологий и стиранием дисциплинарных границ. Эти процессы, при всей их противоречивости, открывают новые перспективы для познания фундаментальных законов природы, одновременно требуя переосмысления традиционных моделей организации научной деятельности и подготовки научных кадров.

Литература

1. Observation of Gravitational Waves from a Binary Black Hole Merger / B. P. Abbott [et al.] // *Physical Review Letters*. 2016. Vol. 116. P. 061102.
2. CHIPS and Science Act of 2022. U.S. Congress, 2022. 395 p.
3. Extremely Large Telescope: Project Update // *ESO Annual Report*. 2023. P. 12–25.
4. Highly Accurate Protein Structure Prediction with AlphaFold / J. Jumper [et al.] // *Nature*. 2021. Vol. 596. P. 583–589.
5. National Ignition Facility achieves fusion ignition // LLNL Press Release. 2022. December 13.
6. Recommendation on Open Science. UNESCO, 2021. 45 p.

УДК 369

Л. Г. Воронечкая

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

Анализируются государственные расходы на обеспечение социальной защиты в Республике Беларусь. Подчеркивается, что реализация Государственной программы «Социальная защита» на 2021–2025 гг. положительно сказывается на социальных показателях. Предлагаются перспективные меры, направленные на регулирование социальной защиты населения. Делается акцент на том, что ряд мер потребует дополнительных расходов, в связи с чем в будущие бюджетные расходы необходимо заложить дополнительно 0,25–0,5 % от ВВП.

Ключевые слова: социальная защита, социальная политика, государственное регулирование, социальные расходы.

L. G. Voronetskaya

The Institute of Economics of the Nacional Academy of Sciences of Belarus, Minsk

STATE POLICY ON SOCIAL PROTECTION

The article analyzes government spending on social protection in the Republic of Belarus. It is emphasized that the implementation of the State Program "Social Protection" for 2021–2025 has a positive impact on social indicators. Promising measures aimed at regulating the social protection of the population are proposed. The emphasis is placed on the fact that a number of measures will require additional costs, and therefore an additional 0,25–0,5 % of GDP should be included in future budget expenditures.

Keywords: social protection, social policy, government regulation, social spending.

Проведем анализ государственных расходов на обеспечение социальной защиты в Республике Беларусь. На рис. 1 представлен удельный вес расходов консолидированного бюджета на социальную защиту в общих расходах консолидированного бюджета. Можно отметить в целом отрицательную динамику расходов консолидируемого бюджета по анализируемому направлению.

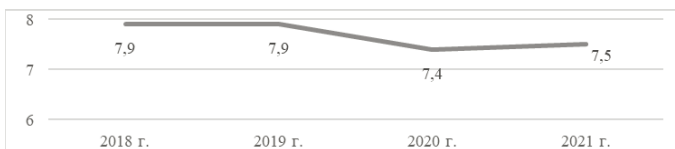

Рис. 1. Удельный вес расходов консолидированного бюджета на социальную защиту в общих расходах консолидированного бюджета, %

Примечание – Источник: составлено по данным [3, с. 34]

На рис. 2 представлена динамика расходов консолидированного бюджета на социальную защиту по отношению к предыдущему году. Динамика расходов консолидируемого бюджета по анализируемому направлению положительная.

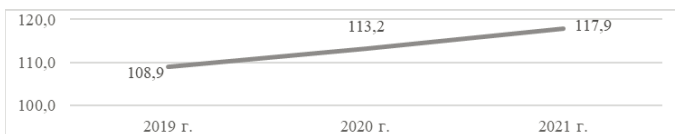

Рис. 2. Динамика расходов консолидированного бюджета на социальную защиту по отношению к предыдущему году, %

Примечание – Источник: составлено по данным [3, с. 36]

На рис. 3 представлена динамика расходов консолидированного бюджета на социальную защиту по отношению к базисному 2018 г. Динамика расходов консолидируемого бюджета по анализируемому направлению в целом положительная.

Рис. 3. Динамика расходов консолидированного бюджета на социальную защиту по отношению к базисному 2018 г., %

Примечание – Источник: составлено по данным [2, с. 31]

На рис. 4 представлена динамика социальных выплат населению. В денежном выражении наблюдается устойчивый рост социальных выплат населению. Удельный вес социальных выплат в общем объеме денежных доходов населению с 2021 г. сменился с положительной динамики на отрицательную, не считая незначительное увеличение анализируемого показателя в 2023 г. Удельный вес социальных выплат в ВВП меньше во второй половине анализируемого периода, однако в 2023 г. также наблюдается небольшой рост данного показателя.

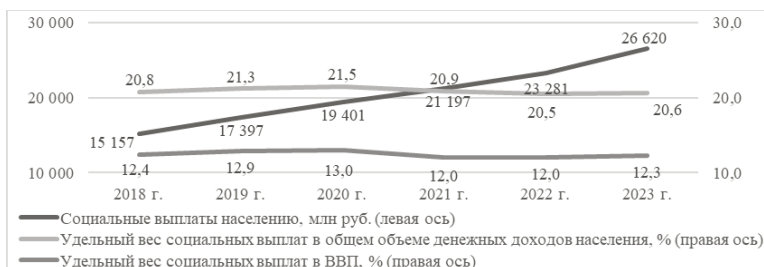

Рис. 4. Динамика социальных выплат населению
Примечание – Источник: составлено по данным [1, с. 130]

На рис. 5 представлены данные о государственной адресной социальной помощи. В денежном выражении государственная адресная социальная помощь имеет устойчивую положительную динамику. В то же время численность граждан, которым предоставлена адресная социальная помощь, постепенно уменьшается в течение всего анализируемого периода.

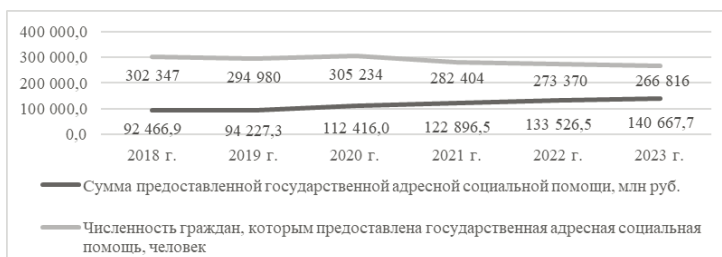

Рис. 5. Предоставление государственной адресной социальной помощи
Примечание – Источник: составлено по данным [3, с. 131]

Расходы Фонда социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь в абсолютном выражении увеличиваются в течение 2018–2023 гг. (рис. 6)

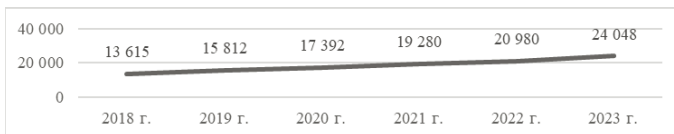

Рис. 6. Расходы Фонда социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, млн руб.
Примечание – Источник: составлено по данным [3, с. 131]

Анализ структуры расходов Фонда социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь свидетельствует о наибольшем удельном весе пенсий в структуре расходов. В динамике наблюдается рост удельного веса пенсий с 2022 и 2023 гг. после его снижения в 2020–2021 гг. Удельный вес пособий находится на втором месте в структуре расходов Фонда социальной защиты. В динамике удельный вес пособий колеблется, в то же время в 2023 г. наблюдается наименьший удельный вес пособий за анализируемый период. Удельный вес других расходов наименьший (рис. 7).

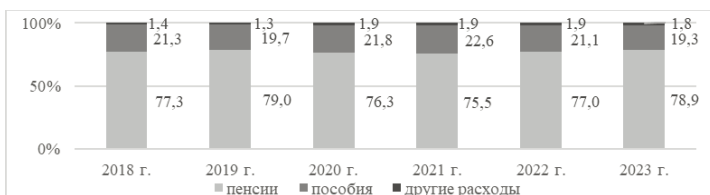

Рис. 7. Структура расходов Фонда социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, %

Примечание – Источник: составлено по данным [3, с. 131].

В на рис. 8 представлены бюджетные расходы на сектор «Фонды социального обеспечения» по странам мира в 2018 и 2022 гг. в % от ВВП. В Беларуси анализируемый показатель в 2018 и 2022 гг. составил 11,1 и 11,0 % соответственно. Это сравнительно большое значение показателя, среди анализируемых стран значения выше только у Сербии, Молдовы и России.

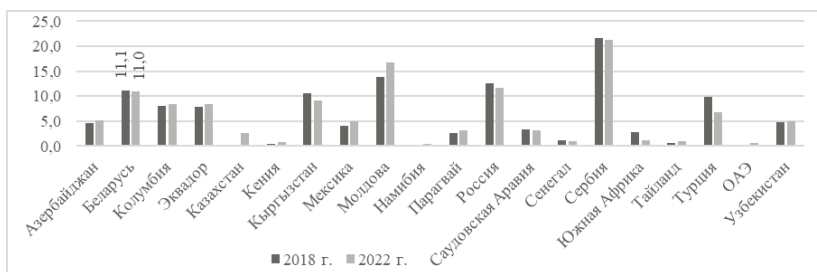

Рис. 8. Бюджетные расходы на сектор «Фонды социального обеспечения» по странам мира в 2018 и 2022 гг., в % от ВВП

Примечание – Источник: составлено по данным [5]

На рис. 9 представлены государственные расходы на социальную защиту в 2020 г. в % от ВВП. Расходы на социальную защиту в Беларуси сравнительно высокие. Среди анализируемых стран значения данного показателя выше только у Бразилии и России.

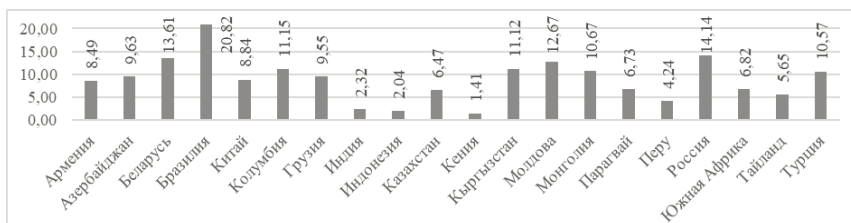

Рис. 9. Государственные расходы на социальную защиту в 2020 г., в % от ВВП

Примечание – Источник: составлено по данным [4]

Таким образом, бюджетные расходы в Республике Беларусь на социальную защиту достаточно стабильные и сравнительно высокие, что обеспечивает функционирование и развитие анализируемой сферы, для которой характерно увеличение как финансирования, так и адресной направленности социальной помощи.

Государственная программа «Социальная защита» на 2021–2025 гг. разработана в соответствии с приоритетными направлениями социально-экономического развития, ее реализация положительно сказывается на социальных показателях.

Так, численность детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в детских интернатных учреждениях в целом имеет отрицательную динамику по всем видам детских интернатных учреждений, кроме такого вида учреждений как детские социальные приюты, не считая небольшое увеличение анализируемого показателя в 2023 г. по всем учреждениям, кроме домов ребенка и домов интернатов для детей-инвалидов с особенностями психофизического развития (рис. 10).

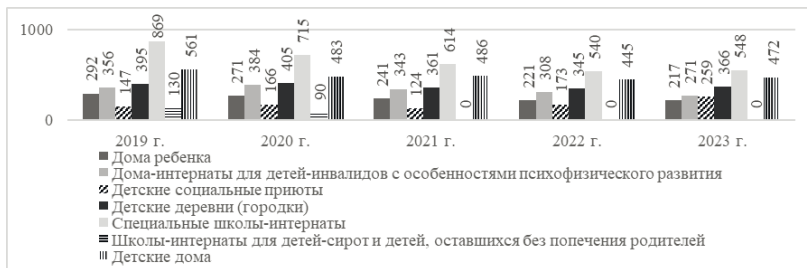

Рис. 10. Численность детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в детских интернатных учреждениях по видам детских интернатных учреждений, чел.
Примечание – Источник: [1]

Негативной тенденцией является рост численности детей-инвалидов, состоящих на учете в органах по труду, занятости и социальной защите как в абсолютном значении, так и в расчете на 10 тыс. чел. детского населения (рис. 11).

Рис. 11. Численность детей-инвалидов, состоящих на учете в органах по труду, занятости и социальной защите, в том числе на 10 тыс. чел. детского населения, чел.
Примечание – Источник: [1]

Также можно отметить снижение количества семей, которым открыты вклады (депозиты) «Семейный капитал» (рис. 12).

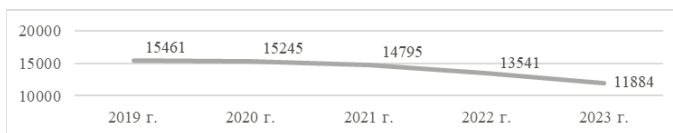

Рис. 12. Количество семей, которым открыты вклады (депозиты) «Семейный капитал», ед.
Примечание – Источник: [1]

В таблице представлены перспективные меры, направленные на регулирование социальной защиты населения. Данные меры больше внимания уделяют вопросам цифровизации, касающимся регулирования социальной защиты населения, вопросам развития социального предпринимательства и бизнес-образования с целью поддержки малообеспеченных и уязвимых слоев населения.

Таблица 1

Перспективные меры, направленные на регулирование социальной защиты населения

Группа мер	Перспективные меры
Экономические	– модернизация стационарных учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов; – введение льгот и дополнительных экономических стимулов, способствующих развитию социального предпринимательства; – расширение поддержки семей с детьми; – микрофинансирование женщин для открытия ими малых или микропредприятий; – расширение и повышение доступности образовательных кредитов; – расширение дополнительного (добровольного) страхования по безработице; – расширение видов ГАСП и способов ее предоставления; – дифференциация ГАСП в зависимости от выполнения получателем ряда критериев
Правовые	– принятие нормативных правовых актов, способствующих развитию социального предпринимательства; – комплекс новых минимальных государственных социальных стандартов в области социальной защиты, направленных на преодоление материальной депривации населения; – совершенствование критериев нуждаемости целевых групп получателей ГАСП
Информационные	– дальнейшее повышение прозрачности социальной защиты, борьба с коррупцией в данной сфере; – меры информационного характера по текущей ситуации и решению вопросов бедности и экономического неравенства (аналитические обзоры); – меры информационного характера о наличии доступных программ дополнительного бизнес-образования для детей и молодежи из малообеспеченных семей; – меры информационного характера о возможности для безработных пройти обучение по программам дополнительного бизнес-образования взрослых с государственной поддержкой; – создание и совершенствование учебных программ дополнительного бизнес-образования детей и молодежи; – развитие электронного правительства, связанного с оказанием социальных услуг населению и вопросами социальной защиты

Примечание. Источник: собственная разработка

Предложенные меры подразделяются на экономические, правовые и информационные, что в комплексе позволит повысить социальную защищенность уязвимых слоев населения, а также снизить риск для граждан оказаться за чертой малообеспеченности. Ряд мер потребует дополнительных расходов, в связи с чем в будущие бюджетные расходы необходимо заложить дополнительно 0,25–0,5 % от ВВП. Значительные расходы потребуются на внедрение и расширение бизнес-образование детей из малообеспеченных семей и малообеспеченных взрослых, а также на дальнейшее развитие электронного правительства и др.

Литература

1. Официальная статистическая информация. URL: <https://dataportal.belstat.gov.by> (дата обращения: 15.13.2025).
2. Финансовая статистика Евразийского экономического союза / Оперативные данные за 2022 год. Статистический сборник, 2023. 117 с. URL: https://eec.eaeunion.org/commission/departement/dep_stat/union_stat/current_stat/public_finance/statistical_compilations/finstat2022.pdf (дата обращения: 15.03.2025).
3. Финансовая статистика Евразийского экономического союза / Оперативные данные за 2023 год. Статистический сборник, 2024. 122 с. URL: https://eec.eaeunion.org/commission/departement/dep_stat/union_stat/current_stat/public_finance/statistical_compilations/finstat2023.pdf (дата обращения: 15.03.2025).
4. Government expenditures. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.GovExpenditures> (date of access: 15.11.2024).
5. Government Finance Statistics (GFS). URL: <https://data.imf.org/?sk=a0867067-d23c-4ebc-ad23-d3b015045405> (date of access: 15.03.2025).

МИГРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ: СОЦИАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ

Рассматривается миграционный прирост как эффективный инструмент решения демографической проблемы в России. Анализируются положительные и негативные аспекты миграции, изучаются предвзятости и неприязнь, возникающие в отношениях между местными жителями и мигрантами. Исследование направлено на выявление основных трудностей, с которыми сталкивается принимающее общество, и предлагает рекомендации для преодоления этих препятствий, что является важным шагом к достижению демографической устойчивости.

Ключевые слова: миграция, демографическая устойчивость, социальные барьеры, демографический кризис, предвзятость.

V. A. Isupov, O. A. Petrovskaya

Kuban State Technological University, Krasnodar

MIGRATION AS A TOOL FOR DEMOGRAPHIC SUSTAINABILITY: SOCIAL BARRIERS

The article considers migration growth as an effective tool for solving the demographic problem in Russia. The authors analyze the biases and hostility that arise in relations between local residents and migrants. The study aims to identify the main difficulties faced by the host society and offers recommendations for overcoming these obstacles, which is an important step towards achieving demographic sustainability.

Keywords: migration, demographic stability, social barriers, demographic crisis, bias.

В последние годы Россия сталкивается с серьезной демографической проблемой, выражающейся в устойчивой убыли населения, что подтверждается данными Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Эта тенденция наблюдается как на уровне отдельных регионов, так и в масштабах всей страны. По причине того, что Росстат перестал публиковать данные о рождаемости и смертности населения, приходится ссылаться на данные СМИ, которым служба государственной статистики предоставила данные о убыли населения. Так за 2024 г. она составила 596,2 тыс. чел. это на 20,4 % выше аналогичных данных за 2023 г. – тогда естественная убыль была на уровне 495,2 тыс. чел. [1].

Депопуляция приводит к негативным последствиям для социально-экономического развития, снижая трудовые ресурсы и угрожая устойчивости различных отраслей. В условиях глобализации, миграция становится важным инструментом, способствующим решению демографических проблем. Однако успешная интеграция мигрантов в принимающее общество часто сталкивается с различными социальными барьерами, которые могут препятствовать их адаптации и взаимодействию с местным населением.

В условиях рекордной убыли населения актуальным способом обеспечения демографической устойчивости является миграционный прирост, по данным Росстата, которые опубликовал российский медиа-холдинг РБК («РосБизнесКонсалтинг»), за 2024 г. наблюдался рекордный миграционный прирост – 568 тыс. чел. [2]. Таким образом можно сделать вывод о приросте численности населения, несмотря на преобладание смертности над рождаемостью. Подобное говорит о том, что миграция уже сейчас является важным инструментом демографической безопасности.

Несмотря на то что миграция способствует популяционной стабильности, это многогранный феномен, обладающий как позитивными, так и негативными особенностями. Среди первых можно выделить следующие аспекты:

1. Миграция способствует восполнению естественной убыли населения, особенно в регионах с низкой рождаемостью. Приток трудоспособного населения омолаживает демографическую структуру и снижает нагрузку на пенсионную систему [3].

2. Мигранты заполняют вакансии в отраслях с дефицитом рабочей силы (строительство, сельское хозяйство, сфера услуг), поддерживая экономический рост. А квалифициро-

ванные специалисты из-за рубежа способствуют внедрению инноваций и модернизации производства [3].

3. Миграция создает условия для межкультурного диалога, расширяет культурное разнообразие и укрепляет толерантность в обществе к различным культурам, что особенно важно для развития многонациональной и полирелигиозной России [4]. Также культурный диалог способствует развитию множества сфер, например, гастрономии, моды и т. п.

4. Управляемая миграция укрепляет связи России с другими странами, особенно с государствами СНГ, что важно для геополитической стабильности и созданию многополярного мирового устройства.

Также важно выделить негативные аспекты миграции:

1. Конкуренция за рабочие места и ресурсы может провоцировать конфликты между мигрантами и местным населением. Культурные и религиозные различия усугубляют эту проблему [3].

2. Незаконные миграционные потоки создают угрозы безопасности, включая рост преступности, эксплуатацию мигрантов и нагрузку на правоохранительные органы. Для решения данной проблемы, необходимо проводить взвешенную и комплексную политику управления миграционными потоками [5].

3. Массовый приток мигрантов увеличивает давление на социальные услуги (здравоохранение, образование, ЖКХ), особенно в крупных городах и населенных пунктах, не приспособленных резкого и стремительного роста населения [3].

4. Языковые барьеры, отсутствие программ адаптации и дискриминация затрудняют интеграцию мигрантов в общество, что ведет к их маргинализации [3], что в свою очередь приводит к общей нестабильности в стране. Во многом это обосновывается негативной оценкой мигрантов принимающим сообществом России. Поэтому так важно подробнее изучить отношение наших граждан к переселенцам.

Выборка исследования. Опрос проводился в г. Краснодаре среди 40 респондентов в возрасте 18–24 лет с равным гендерным распределением (50 % мужчин, 50 % женщин). Такая выборка отражает мнение молодежи – социальной группы, наиболее чувствительной к различному новому опыту и открытой к изменениям. Однако ограничение возрастной категорией 18–24 года требует осторожности в экстраполяции результатов на все население: молодежь может демонстрировать как более либеральные взгляды по сравнению со старшими поколениями, так и более консервативные, из-за свойственного этому возрасту радикализма и максимализма.

Данные указывают на амбивалентное отношение к мигрантам. Доминирует нейтральное отношение (45 %), но негативные оценки (25 % в сумме) преобладают над позитивными (10 %). При этом 70 % респондентов указали, что их отношение формируется личным опытом общения – это противоречит стереотипу о том, что негатив исходит исключительно от СМИ. Однако 55 % обосновывают свое отношение к мигрантам с «культурными различиями», которые можно обосновать низким уровнем терпимости к иным культурам, а 45 % – с «криминогенностью», что указывает на глубоко укорененные предубеждения, причем не обоснованные. Так, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД РФ 2024 г., среди всех преступлений 1911 тыс., всего 38,5 тыс. [6, с. 2, с. 54]. Также стоит сказать, что население России составляет 146 млн. чел., а количество мигрантов по данным МВД составляет 6,2 млн. чел. (и около 650 тыс. незарегистрированных) [7]. Таким образом можно уверенно говорить, что мигранты совершают значительно меньше преступлений в абсолютном и относительном значении (почти в два раза реже). Также важно сказать, что 40 % готовы видеть мигрантов в качестве коллег или друзей, а 17,5 % вообще отвергают их присутствие.

Респонденты отмечают ряд проблем, связанных с миграцией. 55 % опрошиваемых говорят о «конфликтах с местными жителями», 37,5 % беспокоит перегрузка социальной инфраструктуры. При этом 42,5 % считают, что мигранты ухудшают уровень жизни (против 22,5 %, видящих позитивное влияние). Эти данные коррелируют с ответами о мерах регули-

рования миграции государством (множественный выбор ответов): 72,5 % поддерживают ужесточение наказаний для нелегалов, а 52,5 % – рейды и облавы. Столь высокий запрос на жесткость может отражать как реальные проблемы (например, рост конкуренции за рабочие места –30 %), так расизм и ксенофобию, усиленные медиа.

Несмотря на запрос на жесткость, 67,5 % респондентов поддерживают программы адаптации мигрантов, а 45 % – языковые курсы. Это противоречие можно интерпретировать как скрытое признание необходимости миграции при условии ее «цивилизованного» оформления. Интересно, что среди факторов, способных улучшить отношение, лидирует реальное общение (40 %) и культурные мероприятия (35 %), а не пропаганда (15 %). Это подтверждает гипотезу о том, что институциональные механизмы интеграции (например, совместные проекты) работают эффективнее, чем абстрактные призывы к толерантности.

В целом можно говорить о «принятии на расстоянии». Это отражает установку на «условную толерантность» – мигранты нужны как рабочая сила, но не как равноправные члены общества. Такой подход создает порочный круг: временный статус ограничивает инвестиции мигрантов в интеграцию (например, изучение языка), что, в свою очередь, усиливает отчуждение.

Проведённое исследование наглядно демонстрирует, что миграционный приток представляет собой сложный и многогранный феномен, обладающий как значительным потенциалом для развития общества, так и серьёзными вызовами. С одной стороны, миграция способствует восполнению демографических диспропорций, обеспечивает приток рабочей силы в ключевые отрасли экономики и обогащает культурное пространство принимающего общества. С другой стороны, она порождает социальную напряженность, усиливает конкуренцию на рынке труда и создаёт нагрузку на социальную инфраструктуру. Особое значение имеет тот факт, что миграция является одним из наиболее эффективных инструментов обеспечения демографической устойчивости в условиях естественной убыли населения и старения общества. Однако её позитивный потенциал в значительной степени нивелируется скорее негативным, чем положительным отношением принимающего сообщества к мигрантам, что подтверждается результатами нашего исследования.

Для полноценной реализации демографического потенциала миграции и минимизации сопутствующих рисков необходимо реализовать комплекс взаимосвязанных мер. В первую очередь, требуется целенаправленная работа по улучшению отношения местного населения к мигрантам через информационные кампании, демонстрирующие их вклад в развитие региона. Во-вторых, необходимо усиление пограничного контроля и совершенствование миграционного законодательства для противодействия нелегальной миграции, что повысит доверие к легальным миграционным потокам. В-третьих, особое внимание следует уделить созданию эффективных программ адаптации мигрантов, включающих языковую подготовку, правовое просвещение и культурную ориентацию. Наконец, крайне важным представляется инициирование реальной коммуникации между мигрантами и местными жителями через организацию совместных мероприятий, общественных инициатив и проектов территориального развития. Только такой комплексный подход, сочетающий меры регулирования с интеграционной политикой, позволит трансформировать миграцию в устойчивый инструмент демографического развития, обеспечивающий социальную стабильность и экономический прогресс в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Левшукова О. А., Петров Н. Р., Копнина А. И. Анализ масштабов развития теневой экономики в России // Вестник Академии знаний. 2019. № 32. С. 162–167.
2. Панова Т. В. Демографические аспекты национальной безопасности России // Экономика и управление народным хозяйством. 2017. № 6. С. 30–33.
3. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года // Главный информационно-аналитический центр МВД РФ. 2025. 64 с.
4. Росстат отчитался о номинальном миграционном рекорде с 1995 года // «РосБизнесКонсалтинг» (РБК). URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/03/2025/67e847189a79473e13f2971b> (дата обращения: 15.05.2025).

5. Росстат оценил естественную убыль населения в 2024 году // РосБизнесКонсалтинг (РБК). URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/02/2025/67b8aa619a79477c802b6681> (дата обращения: 15.05.2025).

6. Цяньжон Ц. Влияние миграции на демографическую безопасность России // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-migratsii-na-demograficheskuyu-bezopasnost-rossii> (дата обращения: 17.05.2025).

7. СКР: в 2024 году преступность среди нелегальных мигрантов выросла почти вдвое // Следственный комитет Российской Федерации. URL: <https://goo.su/q2N6zB4> (дата обращения: 17.05.2025).

УДК 004.8+378.14

Р. А. Овечкин, Н. В. Деренко

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СРАВНЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ГЕНЕРАТИВНЫХ НЕЙРОСЕТЕЙ GPT-ЧАТ И DEEPSEEK ПРИ ЭКСПЕРТНОМ АНАЛИЗЕ ЗАДАЧ ОПТИМАЛЬНОГО СМЕШЕНИЯ

Приводятся результаты тестирования популярных генеративных нейросетей на классических задачах из теории принятия решений. Установлена возможность получить верное решение в задаче оптимального смешения при помощи GPT-чата, который еще в декабре 2024 г. не мог решить данную задачу. В то же время нейросеть DeepSeek R1 не справляется с нетривиальной формализацией и выдает ошибочный ответ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, генеративные нейросети, GPT-чат, DeepSeek, задачи линейного программирования.

R. A. Ovechkin, N. V. Derenko

Irkutsk State University, Irkutsk

COMPARISON OF THE CAPABILITIES OF GENERATIVE NEURAL NETWORKS GPT-CHAT AND DEEPSEEK IN EXPERT ANALYSIS OF OPTIMAL MIXING PROBLEMS

In this article, the authors present the results of testing popular generative neural networks on classical problems from decision theory. It was established that it is possible to obtain the correct solution to the optimal mixing problem using a GPT chat, which could not solve this problem back in December 2024. At the same time, the DeepSeek R1 neural network cannot cope with non-trivial formalization and gives an erroneous answer.

Keywords: artificial intelligence, generative neural networks, GPT chat, DeepSeek, linear programming problems.

В 2024–2025 гг. для университетских студентов практически всех направлений подготовки стало привычным делом поручать генеративным нейросетям – генеративному искусственному интеллекту – выполнение разнообразных заданий, от написания рефератов, курсовых и выпускных квалификационных работ до решения статистических и математических задач. Объемные и научнообразные рассуждения нейросетей обычно вызывают доверие и принимаются в работу, в то время как в текстах искусственного интеллекта наблюдается большое количество некорректностей – и выдуманные данные, и несуществующие публикации, и неверные ответы в ряде математических задач. Тривиальные задачи решаются нейросетями точно, а при необходимости провести преобразование и формализацию у них возникают затруднения.

В [2] авторы продемонстрировали на примере задачи об оптимальном смешении ограниченные возможности GPT-чата [4]. С целью анализа скорости обучения генеративных нейросетей спустя полгода проведен аналогичный вычислительный эксперимент, в ходе которого обновленный GPT-чат справился с задачей, а DeepSeek R1 [3], популярная у российских студентов, дала неверный ответ. Проанализируем, насколько надежными являются методики, применяемые генеративным искусственным интеллектом.

В качестве текстового запроса к обеим нейросетям (промпта) авторы использовали текст задачи из [1] в такой же редакции, как ранее в [2]: «Кондитерская фирма выпускает два вида продуктов – восточные сладости (смесь орехов) из миндаля, фундука и арахиса. Мин-

даль закупается по 75 руб. за килограмм, фундук – 60 руб., а арахис – 45 руб. По техническим условиям продукт 1 должен содержать не менее 12 % миндаля и не более 18 % фундука, а продукт 2 – не менее 25 % миндаля. Цены готовых продуктов 1 и 2 равны соответственно 70 и 65 руб. за килограмм. Ежедневно фирма может использовать миндаля – до 33 кг, фундука – до 80 кг, арахиса – до 60 кг.

Вопросы:

1. Сколько фундука нужно использовать при оптимальном производстве продукта 1?
2. Сколько продукта 2 следует производить ежедневно, чтобы получить максимальную прибыль?
3. Каков общий объем ежедневно производимой продукции?
4. Какова максимальная прибыль?
5. На сколько увеличится прибыль, если увеличить закупки миндаля на 5 кг?»

В [1] и [2] данная задача формализована в виде задачи линейного программирования и решена симплекс-методом. Получен единственный оптимальный план: «Фундук будет использован при производстве продукта 1 в количестве 15,429 кг; продукт 2 при плане с максимальной прибылью будет выпускаться в количестве 86,095 кг; общий объем ежедневно производимой продукции составляет 171,81 кг; максимальная прибыль составит 1710,5 руб.; при добавлении 5 кг миндаля прибыль не изменится» [2].

Генеративная нейросеть GPT-чат потратила на решение 4 минуты и 9 секунд, сформировав объемное рассуждение из 22 пунктов, – похоже, она использовала все свои вычислительные возможности. Чтобы читатель мог оценить надежность применяемых методов, приведем рассуждение целиком (в скобках – комментарии авторов).

Начало рассуждения GPT-чата.

1. Решение задачи линейного программирования. Пользователь ставит задачу по линейному программированию. Нужно создать два продукта, смешиваясь из трех ингредиентов: миндаль, фундук и арахис. Условия: для первого продукта минимум 12 % миндаля и максимум 18 % фундука, остальные – арахис; для второго продукта минимум 25 % миндаля, без ограничений на фундук. Нужно оптимизировать прибыль за счет продаж, учитывая ограничения на сырьё и цены. С моей стороны – обеспечу максимальную прибыль, исходя из данных (условие задачи нейросеть восприняла корректно, в отличие от более ранних версий).

2. Рассмотрение состава смеси для максимизации прибыли. Задача состоит в минимизации стоимости продуктов для максимизации прибыли. Для продукта 1 выбираем минимальный состав: минимум 12 % миндаля, максимум 18 % фундука, остальное – арахис. Рассчитываем прибыль: 70 руб. (цена) минус 48,6 руб. (стоимость сырья) = 21,4 руб. На продукт 2 минимальная доля миндаля – 25 %. Для минимизации стоимости выбираем фундук 0 %, остальное – арахис. Прибыль составит 12,5 руб. на килограмм для продукта 2 (спорные и нерациональные рассуждения – на самом деле параметры модели не обязательно принимают граничные значения в оптимальном плане).

3. Оценка оптимального решения задачи. Рассчитаем, что продукция 1 будет иметь отрицательный результат, что означает невозможность сочетания всех условий с неотрицательными значениями. Возможно, некоторые ограничения не совпадают. Для оптимизации следует обратить внимание на пределы использования миндаля. Цена за миндаль для продукта 1 значительно выгоднее, чем для продукта 2, что подтверждается отзывом на каждый кг использованного миндаля. Таким образом, можно нацелиться на продукт 1 для большей прибыли на единицу миндаля.

4. Анализ оптимизации смеси для максимизации прибыли. Продукт 1 имеет большую прибыль на килограмм миндаля, поэтому его следует производить как можно больше, если использовать арахис эффективно. По расчетам, производя только продукт 1, мы не превышаем лимит арахиса, но остается неиспользованный миндаль. Однако для увеличения выпуска второго продукта нужно пересмотреть состав первого, чтобы экономить арахис и использовать оставшийся миндаль. Можно попробовать добавить фундук в состав для уменьшения использования арахиса (очевидные факты, не ясно, как они могут помочь в решении задачи).

5. Оптимизация использования арахиса и фундука. Продукт 1 приносит больше прибыли на арахис, но для увеличения его производства можно добавить фундук, чтобы уменьшить использование арахиса. На основе расчетов, доходность на арахис у продукта 1 выше, чем у продукта 2, поэтому стоит использовать все доступные запасы арахиса для продукта 1. В то же время добавление фундука может позволить высвободить арахис, помогая увеличить объем производства.

6. Оптимизация производства с учетом ресурсов. Мы можем увеличить производство продукта 1, используя оставшиеся миндаль, но нам нужно решить, как использовать фундук для замещения арахиса, так как его количество ограничено. Мы можем производить продукт 2 без арахиса, используя фундук, но прибыль с этого будет низкой. Для максимизации прибыли будем стремиться уменьшить использование фундука в продуктах, чтобы освободить арахис для продукта 1.

7. Анализ прибыли на арахис. Профит на арахис снижается при уменьшении его доли в смеси. Ранее, при минимальной доле арахиса, прибыль на арахис была 26,7, но с новым составом и увеличением миндаля она снижается до 22,8. Это важно, так как арахис ограничивает производство. Мы не должны увеличивать долю миндаля более 0,12, так как это снижает прибыль на арахис. Чтобы максимизировать прибыль, важно точно настроить доли компонентов, чтобы добиться лучшего баланса (здесь уже появилась рациональность в рассуждении).

8. Максимизация прибыли на арахис. Мы видим, что прибыль на арахис увеличивается с уменьшением доли миндаля (a_1). Идеальная смесь для максимизации прибыли на арахис – это $a_1 = 0,12$ и $h_1 = 0,18$. Это обеспечивает наилучший результат среди допустимых пропорций. При повышении доли ореха (h_1) из-за дозировки прибыль на арахис улучшалась до 26,7. Теперь стоит рассмотреть оптимальность других значений h_1 , например, 0,1, чтобы проверить, улучшает ли это общую прибыль (начинается перебор вариантов «вслепую»).

9. Оптимизация смеси для прибыли. Прибыль на арахис увеличивается с повышением доли лесного ореха (h_1) до 0,18, в то время как доля миндаля (a_1) должна оставаться минимальной – 0,12. Следовательно, оптимальной для прибыли при ограничении арахиса будет смесь с $a_1 = 0,12$ и $h_1 = 0,18$. Рассмотрели также смесь продукта 2, но из-за возможных негативных показателей прибыли на лесной орех, нужно анализировать, как улучшить использование арахиса в других вариантах смеси.

10. Оптимальная смесь. Рассмотрев смесь для продукта 1 и продукта 2, сеть пришла к выводу, что выделение всего арахиса на продукт 1 (с $h_1 = 0,18$) действительно приносит большую прибыль – 26,7 руб. без остатка. Оставшиеся ресурсы использованы эффективно: арахис 60 кг, орех 80 кг, а миндаль – 31,809 кг, что в пределах лимита. С максимальной прибылью, равной 1711,48 руб., видно, что смесь P_1 с минимальным использованием ореха оптимальна при таких ограничениях (здесь пока еще неверный результат для максимальной прибыли).

11. Ищем оптимальное соотношение. Решено провести расчет, изменяя h_1 от 0 до 0,18 и ограничив его – попытка приблизить результат к непрерывному анализу, но можно будет выборочно проверять, чтобы найти максимальную прибыль при заданных условиях (спорная методика...).

12. Анализ лимитирующих ресурсов. Можно ли изменить состав, чтобы использовать меньше фундука в продукте 1, но при этом не увлечься, так как лимит фундука уже достигнут? Мы можем уменьшить долю фундука в смеси, но это снизит его потребление и освободит часть для других продуктов. Однако это может не улучшить ситуацию, поскольку мы ограничены либо земляным орехом, либо фундуком. Могу попробовать ещё подробнее анализировать, где реально возникают ограничения в использовании ресурсов (опять поиск «вслепую»...).

13. Вычисления оптимизации смеси. Для решения задачи оптимизации смеси двух продуктов с переменными x_1 и x_2 применим линейное программирование. У нас есть ограничения по использованию миндаля, фундука и арахиса, и мы ищем оптимальные значения x_1 и x_2 с учётом этих ограничений. Преимущество при этом отдается продукту 1, так как его при-

быль выше. Для каждой смеси можно вычислить оптимальное решение, используя пересечения ограничений и ресурсы, учитывая наибольшее использование компонентов (нейросети не знает симплекс-метод, собирается устроить перебор всех базисных решений системы ограничений).

14. Решение линейной задачи. Решаем задачу линейного программирования, рассматривая различные комбинации ограничений. Будем перебирать пары ограничений и вычислять оптимальные значения x_1 и x_2 , где $x_1 \geq 0$ и $x_2 \geq 0$ для каждой комбинации. Если библиотека для линейного программирования недоступна, попытаемся реализовать это вручную. Для каждой пары ограничений (например, миндаль с арахисом или фундук с арахисом) будем искать решение шагами по 0,02, чтобы найти возможный оптимум (конечно, нерациональный подход).

15. Подсчет остатков миндаля. Результат близок к 1711,48, это из-за округления. Оптимальная смесь использует $h_1 = 0,18$, $h_2 = 0,75$ (это граничные значения, здесь нейросети просто повезло), x_1 примерно 85,714 кг и x_2 около 86,095 кг, а прибыль составила 1710,48 руб. (здесь ответ практически правильный). Теперь посчитаем, сколько миндаля осталось.

16. Оценка использования оставшегося миндаля. Использовано 31,81 кг миндаля из 33, значит, миндаль почти не ограничивает, но прибыль может немного увеличиться, если использовать оставшийся миндаль. Однако для этого нужно поднять a_1 , но это снизит прибыль от арахиса. Миндаль остаётся неучтённым ресурсом, но мы не можем производить больше продукта из-за предела по фундуку. Поднятие a_1 может освободить арахис, но использование фундука всё равно ограничивает производство. Стоит подумать об изменении смеси или исследовать более точную настройку параметров (верное рассуждение).

17. Оптимизация с учетом изменения смеси. Мы можем улучшить поиск, изменяя h_1 и h_2 шагом 0,001. Хотя аналитический метод линейного программирования может дать точное решение, попробуем более тонко настроить поиск. Рассматриваем ситуацию, когда ограничены фундук и арахис, а миндаль не ограничивает. Сравнивая линии ограничения фундука и арахиса, можно попытаться изменить h_1 и h_2 , чтобы увидеть изменения в целевой функции. Маленькие шаги будут полезны для уточнения. Подкорректируем ходы с шагом 0,001 (огромный объем работы по перебору вариантов, но нейросеть это не смущает, она считает очень быстро).

18. Корректировка для оптимального результата. Оптимум найден при $h_1 = 0,18$ (граничное значение, опять нейросети повезло). Теперь интересно проверить, как изменится результат при варьировании h_2 от 0,5 до 0,75, при этом оставив $h_1 = 0,18$ неизменным. Это может помочь уточнить, как выбор значения h_2 влияет на оптимальное решение и конечную прибыль.

19. Проверка итогов. Итак, оптимальный вариант с $h_2 = 0,75$. Рассчитывается продукция: продукт 1 – 85,714 кг, из которых используется 15,4286 кг лесного ореха и 10,2857 кг миндаля. Для продукта 2 остатки лесного ореха составляют 64,5714 кг, и продукт 2 – 86,0952 кг с использованием 21,5238 кг миндаля. Итого, общая прибыль составляет 1710,48 руб., что совпадает с предыдущими расчетами (ответы точно соответствуют оптимальным значениям, но найдены нерациональным перебором огромного количества вариантов). Можно приступать к ответам на вопросы.

20. Оценка влияния увеличения поставок миндаля. Общий результат: 171,81 кг и максимальная прибыль 1710,48 руб. в день. Теперь проверим чувствительность: увеличение поставок миндаля на 5 кг с 33 до 38 кг. Миндаль до сих пор не является ограничивающим фактором, поэтому прибыль, скорее всего, останется неизменной, если другие ограничения (лесной орех, арахис) останутся неизменными. Однако дополнительные 5 кг миндаля могут позволить освободить арахис и увеличить производство продукта 1.

21. Рассматриваем увеличение поставок миндаля. Дополнительный запас миндаля может позволить увеличить его долю в смеси для продукта 1, что освобождает арахис и позволяет производить продукт 1 без использования лесного ореха. Но лимит лесного ореха заполнен. Если бы запас миндаля составлял 38 кг, мы всё ещё имеем 60 кг арахиса и 80 кг лес-

ного ореха. Мы можем пересчитать комбинацию, чтобы освободить арахис и иметь возможность создать больше продукта 1, используя только миндаль. Попробуем пересчитать с новым лимитом миндаля.

22. Анализ чувствительности относительно миндаля. Поскольку миндаль не является ограничивающим фактором, увеличение его поставок на 5 кг не повлияет на прибыль. Однако, возможно, мы не будем использовать дополнительный миндаль, что немного снизит прибыль. Чтобы ответить на вопрос, насколько прибыль возрастет, на самом деле изменений нет (0 руб). Однако с учетом типичного анализа чувствительности, если миндаль не является ограничением, улучшение позиций в смеси может заново изменять прибыль, если мы снижаем использование лесного ореха в пользу миндаля. Конец рассуждения GPT-чата.

Таким образом, пусть нерациональным методом, но GPT-чат нашел оптимальный план (рецепт смеси представлен в табл. 1) и верные ответы на вопросы.

Таблица

Оптимальное решение от GPT-чата

	Продукт 1	Продукт 2	Всего, кг	Расход сырья, кг
Миндаль, %	12 %	25 %	—	31,81 / 33 (запас $\approx 1,2$)
Фундук, %	18 %	75 %	—	80 / 80 (ограничивает)
Арахис, %	70 %	0 %	—	60 / 60 (ограничивает)
Выпуск, кг	85,714	86,095	171,81	—

Далее GPT-чат корректно произвел необходимые для ответов на вопросы расчеты:

- фундук для продукта 1: $0,18 \times 85,714 \approx 15,43$ кг;
- объём продукта 2: 86,095 кг ($\approx 86,1$ кг/день);
- совокупный выпуск: $85,714 + 86,095 \approx 171,8$ кг/день;
- максимальная прибыль: $\Pi = 85,714(70 - 48,6) + 86,095(65 - 63,75) \approx$

$\approx 1710,5$ руб./день;

— эффект от добавления 5 кг миндаля: миндаль в оптимуме не является «узким местом» (используется 31,81 кг из 33). Даже после увеличения лимита до 38 кг ограничивающими остаются арахис (60 кг) и фундук (80 кг). Поэтому план и прибыль не изменяются.

В отличие от своего удачливого конкурента генеративная нейросеть DeepSeek не справилась с задачей, неверно проведя формализацию задачи линейного программирования. Протокол ее решения существенно компактнее (в скобках по-прежнему комментарии авторов) [3]: «Решим задачу линейного программирования для максимизации прибыли кондитерской фирмы. Исходные данные:

- сырье: миндаль: 75 руб./кг (до 33 кг/день); фундук: 60 руб./кг (до 80 кг/день); арахис: 45 руб./кг (до 60 кг/день);
- продукты: продукт 1 (70 руб./кг), включающий ≥ 12 % миндаля, ≤ 18 % фундука; продукт 2 (65 руб./кг), включающий ≥ 25 % миндаля;
- ограничения по сырью: миндаль ≤ 33 кг, фундук ≤ 80 кг, арахис ≤ 60 кг.

Обозначения:

- x_1 – количество продукта 1 (кг); x_2 – количество продукта 2 (кг);
- m_1, f_1, a_1 – доли миндаля, фундука и арахиса в продукте 1;
- m_2, f_2, a_2 – доли миндаля, фундука и арахиса в продукте 2.

Уравнения (вполне корректные математические построения):

1. состав продукта 1: $m_1 \geq 0,12; f_1 \leq 0,18; a_1 = 1 - m_1 - f_1$;
2. состав продукта 2: $m_2 \geq 0,25; a_2 = 1 - m_2 - f_2$;
3. ограничения по сырью:

$$m_1x_1 + m_2x_2 \leq 33 \text{ (миндаль); } f_1x_1 + f_2x_2 \leq 80 \text{ (фундук); } a_1x_1 + a_2x_2 \leq 60 \text{ (арахис);}$$

4. прибыль: $P = 70x_1 + 65x_2 - 75(m_1x_1 + m_2x_2) - 60(f_1x_1 + f_2x_2) - 45(a_1x_1 + a_2x_2)$, после упрощения:

$$P = (70 - 75m_1 - 60f_1 - 45a_1)x_1 + (65 - 75m_2 - 60f_2 - 45a_2)x_2 \text{ (все верно).}$$

Оптимальное решение: чтобы максимизировать прибыль, выгоднее минимизировать долю дорогих ингредиентов (миндаля и фундука) и максимизировать дешевый арахис (но в

рамках ограничений). Для продукта 1: $m_1 = 0,12$ (минимум миндаля); $f_1 = 0,18$ (максимум фундука); $a_1 = 1 - 0,12 - 0,18 = 0,70$. Для продукта 2: $m_2 = 0,25$ (минимум миндаля); $f_2 = 0$ (выгоднее не использовать фундук); $a_2 = 1 - 0,25 - 0 = 0,75$ (а в данном абзаце применяется ошибочный подход вместо решения полученной выше задачи оптимизации).

Подставим в ограничения:

1. миндаль: $0,12x_1 + 0,25x_2 \leq 33$;
2. фундук: $0,18x_1 + 0 \leq 80 \Rightarrow x_1 \leq 80/0,18 \approx 444,44$ кг;
3. арахис: $0,70x_1 + 0,75x_2 \leq 60$.

Прибыль: $P = (70 - 75 \cdot 0,12 - 60 \cdot 0,18 - 45 \cdot 0,70)x_1 + (65 - 75 \cdot 0,25 - 60 \cdot 0 - 45 \cdot 0,75)x_2$ или, после приведения подобных членов, $P = 18,7x_1 + 12,5x_2$.

Вывод: выгоднее производить только продукт 1, так как его маржа выше (неверно!).

Оптимальное производство:

1. используем максимум арахиса (60 кг): $0,70x_1 = 60 \Rightarrow x_1 = 60/0,70 \approx 85,71$ кг;
2. проверим ограничения:

- миндаль: $0,12 \cdot 85,71 \approx 10,29 \leq 33$ (выполнено);
- фундук: $0,18 \cdot 85,71 \approx 15,43 \leq 80$ (выполнено);
- арахис: $0,70 \cdot 85,71 \approx 60 \leq 60$ (выполнено);

3. прибыль: $P = 18,7 \cdot 85,71 \approx 1602,78$ руб. Но это не максимум, так как можно использовать больше сырья.

Оптимизация:

- фундук ограничивает производство продукта 1: $x_1 \leq 80/0,18 \approx 444,44$ кг;
- арахис ограничивает сильнее: $x_1 \leq 60/0,70 \approx 85,71$ кг;
- миндаль не ограничивает: $0,12 \cdot 85,71 \approx 10,29 \leq 33$ кг.

Вывод: основное ограничение – арахис. Производим $x_1 = 85,71$ кг, $x_2 = 0$ кг (ответ неверный из-за ставки на наиболее маржинальный продукт, на самом деле в оптимальном плане присутствуют оба продукта в примерно одинаковых количествах).

Ответы на вопросы (все ответы неверные):

1. фундук в продукте 1: $0,18 \cdot 85,71 \approx 15,43$ кг;
2. продукта 2 производить не нужно: $x_2 = 0$ кг;
3. общий объем продукции: $85,71 + 0 = 85,71$ кг;
4. максимальная прибыль: 1602,78 руб.;
5. увеличение прибыли при +5 кг миндаля: миндаль не был ограничивающим ресурсом, поэтому прибыль не изменится.

Примечание: если бы арахис не был ограничением, можно было бы увеличить производство, но в данной задаче прибыль уже максимальна при данных условиях».

Таким образом, нейросеть DeepSeek R1 применила более «наивный» по сравнению с GPT-чатом подход, ответ получен совершенно неверный. Тем не менее обычный пользователь, не знающий верного ответа, вполне может воспринять данные рассуждения как корректные и использовать полученный план. С точки зрения менеджмента неверный план чреват пагубными последствиями, ведь он требует свернуть производство продукта 2.

Какие рекомендации можно дать эксперту по применению рассмотренных генеративных нейросетей в подобных задачах? Чтобы не возникло ошибок, следует самостоятельно формализовать задачу линейного программирования и поручить нейросети ее решить – ответ будет дан верный.

Литература

1. Афанасьев М. Ю., Суворов Б. П. Исследование операций в экономике: модели, задачи, решения : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2003. 444 с.
2. Деренко Н. В., Овечкин Р. А. Анализ возможностей нейросети GPT-чат в обеспечении принятия управленческих решений // Бизнес-образование в экономике знаний. 2025. № 2. С. 40–45.
3. Модель DeepSeek. URL: <https://deepseek-ai.ru/> (дата обращения: 29.04.2025).
4. Модель OpenAI ChatGPT o3 mini-high. URL: <https://openai.com/index/openai-o3-mini/> (дата обращения: 29.04.2025).

А. А. ЗайковскаяИркутский государственный университет
Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск**И. Р. Либенсон**

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В УПРАВЛЕНИИ

Анализируются предполагаемая причина и возможные следствия распространения понятия «эмоциональный интеллект» в теории и практике социального управления. Опираясь на данные о двойственной природе человека и общества, рассматриваются определения основополагающих для современной психологии и психологии управления понятий. Отмечается, что в основе разворачивающегося на наших глазах глобального кризиса находится кризис человечности. Предлагаются некоторые практические выводы и рекомендации, которые могли бы помочь в его преодолении.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, сознание, личность, потребительский формат мышления, управление, кризис человечности.

A. A. Zaikovskaya

Irkutsk State University, Irkutsk State University of Railway Transport, Irkutsk,

I. R. Libenson

Irkutsk State University of Railway Transport, Irkutsk

EMOTIONAL INTELLIGENCE IN MANAGEMENT

The article analyzes the alleged cause and possible consequences of the spread of the concept of «emotional intelligence» in the theory and practice of social management. Based on the data on the dual nature of man and society, the authors consider the definitions of the concepts fundamental to modern psychology and management psychology. It is noted that the crisis of humanity is at the heart of the global crisis unfolding before our eyes. Some practical conclusions and recommendations are offered that could help in overcoming it.

Keywords: emotional intelligence, consciousness, Personality, consumer format of thinking, management, crisis of humanity.

В условиях текущего глобального кризиса, который прежде всего является кризисом духовным, актуализируется тема эмоционального интеллекта (ЭИ), буквально навязывается задача его развития и рекомендуется включать в списки учебных дисциплин по направлениям подготовки «Менеджмент», «Управление персоналом» и т. п. Предлагается осваивать эмоциональную грамотность, знания, умения и навыки управления эмоциями, намерениями, мотивацией, желаниями – своими и иными. Авторы статьи полагают, что эти мероприятия есть одно из проявлений текущего кризиса человечности, злой умысел или заблуждение, призванные заполнить образовавшийся дефицит идей, отвлечение общественного внимания от насущного.

Обратимся к истории. События, начавшиеся в парижских университетах в мае 1968 г. как молодёжный протест (самый знаменитый лозунг – «Запрещать запрещается»), имели большие последствия в первую очередь для западного мира. Помимо политической и экономической составляющих, это была культурная революция, которую некоторые исследователи называют самым главным событием в истории XX в. и которое стало фоном для появления в начале 1970-х гг. понятия «эмоциональная грамотность», которое было отмечено как часть проекта, пропагандирующего гуманистическое образование. Термин впервые был использован Клодом Штайнером [1]. Позднее тема эмоциональной грамотности преобразовалась в тему эмоционального (иногда социального) интеллекта, которая базировалась на исследованиях западных психологов, психоаналитиков и психиатров XIX–XX вв. Рекомендуется обучать интеллект распознаванию эмоций, вплоть до многообразия их оттенков, с целью управления эмоциями и эмоциональными состояниями (настроениями). Таким образом, ЭИ – это концепция, теория, модели и практика западной культуры, которой свойственны возвеличение интеллекта и уверенность в своем универсализме.

Опираясь на современные экспериментальные данные о двойственной природе человека [2], авторы статьи в своих исследованиях пришли к некоторым выводам относительно темы «ЭИ». Прежде всего существует теоретическое смешение понятий «эмоции» и «чувства»: чувства трактуются как длительные эмоциональные состояния, т. е. чувства – это те же эмоции, только пролонгированные. Вместе с тем понятием «чувство» обозначается эмоциональный процесс отражения человеком своего оценочного отношения к реальным или абстрактным объектам, субъектам или явлениям сообразно его потребностям, интересам, ценностям, установкам. Например, «чувство долга», «чувство вины», «чувство реальности», «чувство уверенности», «чувство превосходства», «чувство привязанности», «чувство обладания», «чувство свободы», «чувство обиды» и другие. Вместе с тем понятиями и синонимами слова «чувство» также являются: сенсорный сигнал от органа восприятия, физическое ощущение, сознание, эмоция, эмоциональное восприятие, эмоциональный процесс, устойчивое эмоциональное переживание, элемент впечатления и др.

С точки зрения Знания о двойственности человека неверно смешивать и желательно четко разделить понятия «чувство» и «эмоция», как явления абсолютно разной природы. Понятие «эмоция» означает закон, функцию и «язык» Животного (материального) начала. Понятие «ощущения» как восприятия физического тела – также от Животного начала. Ощущения и эмоции имеют исключительно материальную природу.

В свою очередь, понятие «чувства» означает прежде всего реальные глубинные чувства, которые идут от Души к Личности. Они проявляются прежде всего, как доброта, милосердие, дружба, уважение, благодарность, взаимопомощь, честь, достоинство, готовность к самопожертвованию, любовь. Глубинные чувства, как первоисточник всех высших проявленных чувств, – есть закон, функция и «язык» Духовного начала. Их природа исключительно духовная и созидательная. Удивительно, что глубинные чувства не только первоисточник лучших качеств человека, но и источник Знаний.

Итак, ощущения и эмоции – от Животного начала, а чувства – от Духовного начала. Думается, что существующая запутанность понятий «чувства», «эмоции», «ощущения» – это не случайная игра слов, а манипуляция и тонкая подмена понятий системой Животного Разума, дабы увести в сторону и не допустить понимания людей своей двойственности [3].

Глубинные чувства (чувственные восприятия) не связаны с сознанием, телесными ощущениями, эмоциями, эмоциональными восприятиями и настроениями. Вместе с тем эмоции не есть сознание, не его структурный элемент. Эмоция – это проявленная в теле реакция на активность сознания, а точнее реакция на ту из предложенных сознанием мыслей, в которую Личность вложила силу внимания.

Далее отметим, что сам по себе интеллект (синоним вторичного (нового) сознания) не способен проникать в суть эмоций и тем более глубинных чувств, так как ему недоступна суть понятий «добро» и «зло». Интеллект может лишь опираться на усвоенную логику, прецеденты и примеры из религиозных заповедей, преданий, этических учений, моральных и правовых норм и правил, культурных традиций, совокупности обычаев, общечеловеческих ценностей, и то кроме случаев отсутствия там соответствующих прецедентов. Возникает вопрос, разве можно полагаться на интеллект в распознавании смысла и сути эмоций и чувств, если он есть тот, кто путает добро со злом, кто не знает точно, что должно, что можно и что нельзя?

Итак, понятие ЭИ замыкает вторичное сознание на эмоциях и таким образом лишь усиливает материализацию мышления и доминацию Животного начала в людях. Управленческие манипуляции с ЭИ только укрепляют и без того крепкие позиции системы Животного Разума в коллективном и индивидуальном сознании. В частности, дальнейшее развитие теории и практики ЭИ расширяют условия для обучения нейросети на приоритетах Животного начала в целях управления и социального контроля, а в ближайшей перспективе – появления нового типа абсолютно послушных людей с полной доминантой качеств Животного начала, и в итоге полного порабощения общества владельцами и распорядителями ЕИИ (AGI) [4].

Можно предположить, что введение понятия «ЭИ» в систему управления останется «благим намерением» и не достигнет оглашаемых целей улучшения психического здоровья

людей, как управляющих, так и управляемых субъектов, и в целом психологического климата в обществе. Понятие «ЭИ» не помогло и дальше никак не поможет гуманизации общества на приоритетах Духовного начала, переходу человечества с потребительского на духовно-нравственный вектор развития по своему осознанному выбору. Понятие «ЭИ» лишь отвлекает от кризиса человечности, в который погрузилось современное человечество.

Для обоснования данных выводов подробнее рассмотрим двойственную природу человека. Человек дуален, имея два Начала. Животное начало – тело и сознание, которое состоит из первичного (примата) и вторичного (нового). Духовное начало – Душа и Личность. Подчеркнем, что до XVIII в. предметом науки психологии была Душа, а с XVIII в. в работах английских ученых предметом науки психологии стало сознание. Здесь отметим лишь то, что психология учит манипулировать шаблонами сознания с помощью других шаблонов сознания.

Энерго-информационная конструкция человека состоит из Души вместе с её информационными оболочками (субличностями), Личности и структуры, скажем так, состоящей из различных полей других мерностей, в том числе физического тела, находящегося в трёхмерном измерении и его компоненты – сознания, которое находится в четвертом измерении.

Тело – это механическая и химическая части организма, сознание – это физическая часть организма. Составной частью индивидуального сознания человека как части Животного начала является разум. Как отмечал Марк Аврелий: «Разумением жив человек. Никогда не приписывай жизни телу – сосуду, заключающему в себе эту внутреннюю силу. Вся оболочка человека жива лишь этой силой разума; без нее она, как челнок без ткача, перо без писца». [5] Верно, что сегодня разумение необходимо, но его недостаточно. Нам срочно нужно познавать и на практике осваивать Духовное начало. Умом человек интерпретирует познание, верит умом, а знает – Душой, из Её глубин черпает познания.

Взаимодействие компонентов психики человека происходит по следующей схеме информационного обмена:

Душа ↔ Личность ↔ Нейронная группа ↔ Первичное сознание ↔ Вторичное сознание

Сознание – это изначально функция Животного начала, его возможности ограничены. Сознание есть везде, во всем материальном мире, это глобальное, индивидуальное и коллективное сознание (эгрегор – общая идея и цель, проявляемые в общественных, публичных мыслях).

Сознание противоположно чувственному восприятию Личности мира Души, мира чувств, искажает их, борется с Духом, нападает на Личность. Сознание мешает людям увидеть Истину. Сознание – это инструмент, которым должен пользоваться человек, а не наоборот, когда сознание использует человека. С помощью ума человек может прийти к пониманию, что есть Духовный Мир, а Человек – его часть. Сознание – часть разумной системы, инструмент системы, это маг, который любит фокусы. Сознание не способно понимать Духовное начало и всегда борется с ним. Сознание хочет всем управлять и ни за что не отвечать. Самый большой обман сознания – замена нас (как Личностей) собой.

Сознание – это не мозг, а энерго-информационная надстройка над мозгом, не является продуктом головного мозга, а является энерго-информационной полевой структурой, частью общего септонного поля, невидимой частью в конструкции человека, находящейся вне мозга.

Головной мозг – это приемник и передатчик информации. Мозг человека просто улавливает мысли, но не генерирует их. Мозг отличен от сознания, он ограничен, это химические процессы в нейронах, думает о пустом, временном, и он всегда настроен на противостояние (эгоцентричен). Мозг с самого рождения запрограммирован на восприятие частоты Животного начала, хотя в нем, кроме этой частоты, имеются и много других программных уровней, но человек ленив.

Сознание материально, в том смысле, в каком материальна энергия. Поэтому, как и любая материя, оно стремится доминировать над другой материей, манипулировать ею.

Бессознательное – это процессы, протекающие в психической сфере без осознания, вне контроля Личности. Бесконтрольной мыслью руководит Животное начало в человеке. Коллективное бессознательное – это шаблоны и установки (программы) Животного Разума в

подсознании при условии доминации в сознании людей мыслей и приоритетов Животного начала. Здесь подсознание доминирует над сознанием.

Подсознание – информационный инструмент для внутреннего и внешнего управления. Изначально подсознание – функция Животного начала в человеке. Подсознание – это 9/10 человека, 1/10 – это сознание. Подсознание – это мощная, но глупая сила. Она не понимает, что такое «хорошая», а что такое «плохая» мысль. Для неё любая мысль – это приказ, который надо выполнять. Подсознание регулирует автономную работу организма. Это компьютер: какую информацию Вы в него вкладываете, то он и выдает.

Солнечное сплетение называют «мозгом подсознания». Именно там мысли и образы активизируются и материализуются в события жизни. Доминирующая мысль в человеке, подкреплённая чувствами, приобретает силу. Именно эта сила и является приказом для подсознания.

Подсознание гораздо больше фиксирует информации из окружающего мира, чем сознание. Энергоинформационные потоки (в основном негативные) могут проникать в подсознание, минуя осознанное восприятие, а затем возвращаются в виде мыслей, эмоций, желаний. О чём чаще думает человек, то он по жизни и получает. И лабиринты обстоятельств, которые создают все условия в сторону меньшего сопротивления, есть не что иное, как личный подсознательный выбор. Неосознанный приказ подсознания воплощается в жизнь. То, что религиозные учения называют предопределённостью, судьбой, роком, кармой (ведич.), на самом деле есть деятельность подсознания, создающая как внутренние состояния, так и внешние события, и условия жизни человека. Внешние обстоятельства вытекают из внутреннего человека.

Далее отметим, что сознанию свойственно возвеличивать разум. Разум – маленький распознающий участок сознания. Разум – это орудие познания, приобретения нового знания, это то, что воспринимает и там тоже есть частица нашего «я».

Рассудок традиционная наука предлагает отличать от разума. Рассудок не создаёт нового знания, а лишь систематизирует уже существующее. Рассудок считается обычным состоянием сознания, носителем и защитником «здорового смысла». Однако в подлинном смысле этого понятия здравомыслие – это ни что иное, как полный контроль сознания.

Итак, разум, сознание, мысли – все это тонкие энерго-информационные структуры тела человека, материальные по своей природе постольку, поскольку принадлежат миру материи, но никак Духовному миру.

Сознание, система Животного Разума, в принципе, одно и то же. Вернее, сознание – это часть системы в каждом человеке. По принципу зеркального отражения. В человеке есть Душа и Личность как части Духовного мира. Но есть и сознание со своими структурами как часть мира материальной системы.

Человек же не есть сознание (сознание – это материальная часть, которая идет вместе с телом). Человек – это тот, кто наблюдает за работой своего сознания, который наделяет свое сознание силой внимания, который пожинает плоды своей же деятельности, и который сам отвечает за свои выбранные мысли, эмоции и поступки. Человек – это Личность, а не сознание, и не тело. Развитие человека как Личности может быть только духовным.

В новой конструкции, в новом теле, формируется и новая Личность, которая есть то, кем ощущает себя при жизни любой человек, тот, кто принимает решение и совершает выбор между Духовным и Животным началами, анализирует, делает выводы, тот, кто накапливает личный багаж чувственно-эмоциональных доминант. Личность – внутренний наблюдатель, контролер. Тот, кто совершает постоянный выбор, отражающийся на событиях его жизненного пути, а также духовного развития в целом. Свойства Личности: сила воли, целенаправленность мыслей и желаний.

Человек – частью материя (сознание), частью Дух (Личность). Дух – это сила Души, решимость, отважность, доблесть, крепость, Любовь, верный выбор. Человек верит умом, а знает – Душой.

Рассмотрим понятие «ум». На уровне углубленной физики (за квантовый предел) ум человека представляет собой отражение непосредственно в сознании и опосредованно в нейронных группах головного мозга информации (смыслов) от: а) глобального Животного Разума, б) внешнего (трехмерного) мира, в) действий Личности на ответные импульсы, идущие от сознания к Личности, и обратные импульсы, идущие от головного мозга к Личности. Таким образом, ум – это область дисциплины сознания, форма, процесс и результат взаимодействия Личности с полем сознания, синоним индивидуального сознания, сфера мышления и переживания. Мышление – это осмысление, обдумывание информации, заключенной в мыслях, оперативная память ума. Бывает образное и отвлеченно-логическое. Функцией ума является вера, которая есть ни что иное как сила мысли, вложение внимания. Человек первоначально мыслит не словами, а образами, картинками. Личность активирует эти образы силой своего внимания по вере своего ума. Истинная вера – есть Знание.

Личность (Дух) может принимать участие (активный выбор) в работе ума, а может быть бездействующей, безучастной, безразличной. Это обусловлено степенью развития Личности, которая определяет то, какое сознание Личности – духовное (созидающее) или бездуховное (материалистическое, поверхностное, разрушающее). Материалистический ум (материальное мышление, потребительский формат мышления) – это определенный тип ума, который у некоторых индивидов весьма развит, так сказать «высокий материалистический интеллект». У таких людей Личность не развита, в них доминируют приоритеты Животного начала, а над первичным сознанием и Личностью доминирует весьма развитое вторичное сознание (интеллект).

Наряду с индивидуальным умом есть социальный ум (коллективный ум, соци-ум) – это принятие программ либо Животного, либо воли Духовного начал в коллективном сознании, единый общий или множество маленьких эгрегоров. Эгрегор – это общая направленность мыслей и действий.

Рассмотрим понятие «воля человека». Воля человека имеет в русском языке два значения (словарь): 1) свобода; 2) подчинение возможностей, освоенных человеком, и его способностей к достижению выбранных им определённых целей. Психология утверждает, что воля – самодовлеющий (имеющий вполне самостоятельное значение) источник человеческой активности, который обуславливает независимость поведения от объективных причин. Т.е. психология подчеркивает субъективный характер воли. Однако в действительности по большому счету человек самостоятельной волей не обладает. В нем объективно действуют две силы – воля Животного начала (тяга) и воля Духовного начала, а человек имеет возможность свободного выбора, требующего осознанности и концентрации силы внимания Личности на одном из этих двух начал. То, что человек считает собственной волей и непомерно этим гордится, таковой не является. Это всего лишь сила, вошедшая в него извне посредством информации (мыслей), которую он выбрал. Воля – это целенаправленность мыслей. Воля сама по себе – это то, что творит. Личность может свободно выбирать, но творить не может, так как собственной волей не обладает.

Психология складывает сферу психики из двух областей – области сознательного и области бессознательного. Структура психики базируется на бессознательном, а область сознательного, в данном случае имеет подчинённую функцию. В подсознании сокрыты руководящие действия Животного начала. Простой человек воспринимает влияние подсознания интуитивно, «шестым чувством», а знающая и духовно развитая Личность – уже более осознанно.

Возможны три варианта личного выбора:

- 1) осознанный выбор приоритетов Духовного начала;
- 2) бессознательное поупущение программ Животного начала;
- 3) осознанный (умышленный) выбор приоритетов Животного Разума.

Бессознательный выбор – это тоже выбор, по сути это неосознанное поупущение, путь наименьшего сопротивления воле Животного начала. Для людей это обычное и привычное состояние сознания от рождения, не требующее специальных Знаний, подготовки и усилий. А если человек пребывает на волне Животного начала, то по сути выбора у него нет, так как

он не осознает, что является объектом внешних манипуляций и воспринимает навязанные ему образы и мысли как свои собственные идеи, не задумываясь об истинном источнике их происхождения. Бесконтрольной мыслью руководит Животное начало в человеке. Если тело и сознание не контролировать, им будут руководить инстинкты (программы) Животного начала. А «случайные» события в жизни (случай) – всего лишь закономерное следствие, результат неконтролируемых мыслей. «Если внутренняя ситуация не осознается, она превращается во внешние события, подобные судьбе» (К. Г. Юнг).

Интересно при этом отметить, что специалисты отмечают славянский феномен, состоящий в исключительности широкой славянской Души, благодаря которой славяне *подсознательно выбирают* верное направление духовного движения и следуют пути духовного созидания, в какие бы рамки исторических условий они не попадали. Как писал В. О. Ключевский: «В России центр на периферии». Скептики же, наоборот, говорят о том, что, возможно, именно в «русской глубинке» высока «внушаемость, подверженность внешним манипуляциям». Однако замечено, что такие сомнения присущи поклонникам «рационализма» комфорта сытого Запада, возвеличивающим сознание и разум, испытывающим страх перед духовностью, боясь, что она пробивает себе дорогу через российский образ жизни.

К слову отметим, что именно по сельскому укладу страны был нанесен сокрушительный удар в процессе рыночно-капиталистических реформ, в результате которых уклад был подвергнут разрушению, а сельское население России брошено на выживание.

Как сельскому укладу России деградировать и дальше? Достаточно поддерживать в нем эгоизм и индивидуализм, заботу лишь только о себе, социальную безответственность, дефицит источника энергии, фермерство, наемную форму и эксплуатацию сельскохозяйственного труда, безработицу, пьянство, личную постоянную нужду, соперничество, зависть, устремленность к стяжательству. В этих условиях воспроизводится коллективный дефицит сельхозпродукции, т. е. нечего перераспределять в город, который в свою очередь погряз в потребительстве, самомнении, гордыне, эгоистическом разделении.

А как сельскому укладу процветать? Поощрять общинность, сотрудничество, заботу всех обо всех, социальную ответственность, избыток источника энергии (вместо всеобщей газификации, которой так и нет, повсеместное внедрение технологии БТГ), коллективную, кооперативную форму труда (например, артельную), создание автоматизированных рабочих мест, трезвость. Результатом будет домашний достаток, общинная дружба, коллективный профицит сельхозпродукта, который идет на перераспределение в город. Изменим условия – все изменится.

Когда мы говорим о важности личного выбора, то задаемся вопросом: а вообще возможен ли выбор приоритетов Духовного начала? Так как человек – это синтез Духовного и Животного начал, сложный и нестабильный (неустойчивый) в выборе субъект материального мира, и он может быть определен как «животное стыдящееся» (В. О. Ключевский), то для человека крайне важно раздвигать границы сознательного как необходимое условие правильного выбора – выбора в пользу жизнедеятельности, направленной на духовное развитие. Другими словами, нам нужна осознанность и расширение кругозора знаний.

Рассмотрим понятие «осознанность». В трактовке современной психологии и словарных определениях осознанность – это непрерывное отслеживание текущих переживаний, т. е. состояние, в котором субъект фокусируется на переживании настоящего момента, стараясь не отвлекаться на события прошлого или мысли о будущем. Динамическое состояние, условие, методика. Осознанность – присутствие внимания в моменте «здесь и сейчас». Наблюдение за сознанием дает присутствие, осознанность.

В действительности, осознанность – это самопознание, самоконтроль (контроль мыслей, точнее контроль восприятия мыслей), развитие и обретение целостности Личности. Чем развитее Личность, тем глубже осознанность и меньше бессознательного в человеке. Созидательный процесс и результат. Осознанность – это выбор Личности при наличии Знания. «Сегодняшний наш русский человек, российский человек – он должен стать сосредоточеннее, он должен стать внимательнее, должен прислушаться к себе» (А. А. Проханов).

Человек – это больше чем животное, его смысл – духовно освободиться от тирании (диктатуры) сознания и стать духовным бессмертным существом. Человек наделён способностью проникать в иные миры и измерения и почувствовать свою Душу. Человек, идущий по духовному пути к действительной и высшей свободе, защищен от внешних манипуляций. Помимо прочего, это является особенно актуальным в современном информационном обществе с сильным информационным давлением.

Здесь обратимся к исконному значению понятия «человек». «Чело» изначально имело значение «высший», почему в старину этим словом и обозначали «лоб». А слово «век» – «сила», в первоначальном значении «исполненный силой», «вечный». Человек – это преисполненный (наполненный) высшей (духовной) силой. Настоящий Человек или Исконный Человек – это тот преисполненный, в ком доминирует эта высшая, вечная сила – Духовное начало. Человек является человеком настолько, насколько он живет не для себя.

Вместе с тем нам необходимо знать природу и механизмы функционирования своего Животного начала. На рис. 1 представлена схема внутреннего управления в сознании человека.

Рис. 1. Схема информационной замкнутой системы управления в сознании человека

Оно представляет собой циклический процесс в информационной замкнутой системе управления, сопровождаемый повторными движениями мыслей по кругу, стимулируемый эмоциональными всплесками.

Представим алгоритм полного цикла управления в сознании: мысли (информационные волны) + сила внимания к картинке-образу (мыслеформа) → эмоциональный всплеск (внутренний стимул, настроение, восприятие, пробуждение) → преобладающие мысли (информационная программа) → нужда, потребность, желание → желание + идеальный образ реального объекта, предмета = интерес (устремленность, стремление, побуждение, выгода, умысел) → интерес + цель/анти цель (реальный объект, внешний стимул, повод) = намерение (устремление, концепция, замысел, довод) → программа, проект (образ действий) → план (алгоритм, способ и метод действий) → план + материальные ресурсы = воплощение (реализация) плана → новая нужда (новая неудовлетворенность, забота, преобладающие мысли, эмоции, желания, намерения).

В этой цепи мысли – первичный и ведущий элемент, а эмоции – силовой воздействующий фактор. Рассмотрим понятие «эмоция». Эмоция – это зеркальное отражение на искривленном зеркале сознания того чувства, которое должно быть. Сила чувства искажается и переводится в эмоцию. Как уже отмечалось, эмоции отличны от глубинных чувств, идущих от Души к Личности. Отличие обусловлено также тем, что первые порождают в теле гормо-

нальный всплеск (тягу, рожденную химией в организме), а вторые нет. Эмоции – проявление Животного начала в человеке, кривое отражение, вызывающее злость, агрессию.

Сознание боится прямых путей, вещей правильных, верных, боится утратить власть, так как в мире материальном все стремится к доминированию. Агрессия – порождение бессилия, временности, конечности. Человек освобождается от негативных эмоций в ходе очищения сознания.

Базовые эмоции, которые возбуждаются в ходе работы первичного сознания, соответствуют трем его базовым потребностям: 1) Безопасность (здоровье, укрытие, сытое тело). 2) Секс (продление генома). 3) Доминирование (власть). На возбуждении в сознании этих потребностей как будто из внутреннего стимула возникают эмоциональные состояния-качели:

счастье ↔ несчастье
наслаждения (удовольствия) ↔ страдания
радость ↔ печаль (плач)
эйфория ↔ отчаяние
самомнение ↔ самоедство и т. п.

Также как будто из внешнего стимула возникают эмоциональные настроения-качели:

польза ↔ вред
выгода ↔ ущерб
выигрыш ↔ проигрыш
успех ↔ неприятность
поощрение ↔ наказание
победа ↔ поражение и т. п.

И внешние, и внутренние стимулы объединены одним и тем же смыслом – «прыжок ↔ кнут». «Двигай выгодой, удерживай вредом» (Сунь Цзы).

В последние времена в людях заметна эмоция страха, часто как доминирующее состояние. А между тем, страх – это не что иное, как манипуляция сознания перед Личностью. Возникают взаимосвязанные эмоциональные состояния: страх порождает гнев, гнев порождает ненависть, ненависть порождает страдания. Также в современном обществе множатся депрессивные состояния. Однако мы как правило не отдаем себе отчета в том, что депрессия – это приступ эгоизма, что это гордыня, украшенная эгоизмом.

Возбуждение и пролонгирование эмоций в теле сопряжено с активностью гормонов – химическими процессами, которые можно обозначить как «гормональный коктейль» (химический ответ организма на мысли в сознании). Приведем здесь лишь наиболее известные гормоны или их группы: дофамин – гормон ожидания счастья, серотонин – гормон радости и счастья, эндорфины – гормоны удовольствия, эйфории, поощрения, окситоцин – гормон ответа на внешние стимулы, эмоциональной привязанности, адреналин – гормон страха, норадреналин – гормон ярости, агрессии, кортизол – гормон стресса и т. д.

Итак, сначала из глобального септонного поля заходит мысль в индивидуальное поле сознания человека, человек силой внимания превращает мысль из информационной волны в информационную программу, в теле активируются соответствующие эмоции, что сопровождается определенным гормональным всплеском. Эмоции имеют силу влияния на человека пока есть сила мысли (вера) и активны гормоны в теле. То есть это временные состояния (настроения), о которых человек часто скоро забывает, так как могут быстро меняться на совершенно иные состояния. Эмоции – это временное, преходящее. Нам же надо взращивать в себе неподдельные, не провоцируемые первичным сознанием и не интерпретируемые вторичным сознанием (интеллекта) эмоции, а настоящие стойкие непреходящие чувства, идущие от Души к Личности, а затем от Личности к Личности. Вот – путь духовно-нравственного человека и здорового общества.

Как к этому прийти? Есть два пути познания: логика ума и интуиция (чувственное восприятие) Души (темный и светлый пути по Демокриту). Познание – это процесс избавления от шаблонов материального мира в сознании, первый этап. Очищение (катарсис) – процесс познания разумом Мира духовного, второй этап. Медитация – духовное упражнение,

контроль мыслей и сосредоточение на положительном, процесс чувственного восприятия Мира духовного, третий этап. Самый ценный путь – это познание Бога через разум, когда истинное знание, преодолевая Животное начало, открывает врата подсознания с помощью ключа Любви.

Мысли – это материальный продукт, не более того. А вот духовные, глубинные чувства – это совершенно иное качество восприятия, совершенно иной охват всеобъемлющих Знаний, то, что люди называют «просветлением». Сигналы, идущие от Души – глубинные чувства – это сигналы от Духовного начала в человеке, резонирующие с совестью как синонимом Личности, которые, в случае сосредоточения внимания Личности на них, подлежат обработке в материальных структурах мозга человека, превращаясь в позитивную и созидательную информационную программу действий.

Идеологи и пропагандисты полагают, что ЭИ приводит к эмпатии, так необходимой в жизни и в менеджменте. Одно из определений эмпатии гласит: «Эмпатия это *осознанное сопереживание* текущему эмоциональному состоянию другого человека». Авторы статьи полагают, что эмпатия – это порождение доброты как воли Духовного начала, и согласны с тем, что в первичном сознании (примата) и во вторичном сознании (интеллекте) доброты и эмпатии в их подлинном смысле нет [2]. Доброта – это способность понимать окружающих тебя людей. Она вырастает из глубинных чувств, когда человек добровольно (осознанно) по выбору своему впускает в себя волю Духовного начала. Доброта вырастает не из сознания, не из упражнений логики ума, а из духовной практики развития Личности.

Таким образом, авторы статьи получили вывод, что «эмоциональный интеллект» – это изначально манипулятивный термин, не что иное, как порождение системы Животного Разума, усиливающий ее позиции в доминировании и власти над людьми. Базовые эмоции, такие как эгоизм, гордыня, страх и надежда в людях, закрепощенных в потребительском формате мышления, ЭИ никак не устранил, так как сохраняются условия для их воспроизводства – потребительский формат общества.

Понятие ЭИ уводит людей от насущного, способствует не развитию, а деградации общества. Система предлагает контролировать эмоции, а это означает контроль следствия, а не причины (мыслей). Да, контроль эмоций может помочь направлять мысль на цель и умирять страх (спрятать его в подсознании), но не более того. В потребительском формате общества, в котором большинство людей разьединены и не участвует в принятии решений, а постановка целей и управление являются функциями властвующего меньшинства, это меньшинство как раз и заинтересовано в концентрации внимания подконтрольного общества на его собственных целях. В данном формате общества эти цели обычно являются целями Животного начала. Совершенно другое дело – контроль мыслей (причины эмоций), сосредоточение на глубинных чувствах ради раскрытия Духовного начала в человеке, ради развития Души. Нам как Личностям необходимо контролировать мысли в голове.

Авторы данной статьи полагают, что продвижение в систему социального управления понятия «ЭИ» – это выгода управляющей системы. Будучи очередной подменой и иллюзией, ЭИ призван укрепить власть системы через сознание управляющей элиты, которая тем самым частью осознанно, частью бессознательно способствует утрате обществом его духовной нравственной основы, стимулирует психическую болезнь подконтрольного общества. Власть калечит всех: и наделенных ею и подчиненных ей. Стремящийся к власти становится рабом своей гордыни. Человек не должен обладать властью, а должен обладать ответственностью [6].

Людям нужно другое понимание – **духовный интеллект**. Духовный интеллект – синоним Мудрости. Это интеллект, который находится под контролем развитой (сильной) Личности. Сильная Личность – это та, которая способна к самоидентификации, и которая ставит задачи вторичному сознанию (интеллекту), а не наоборот. Сильная Личность – это свободная самоопределяющаяся Личность, которая есть активный наблюдатель от Духовного начала за работой сознания. Если Личность управляет и контролирует интеллект, то результат будет прекрасным, животворящим, благостным, человеческим. Духовный интеллект – это интеллект *с Совестью*. Наоборот, если у человека сильно развито вторичное сознание, но в нем доминирует животное, то родится чудовище.

Мы как люди и общество остро нуждаемся в двух вещах: 1) разотождествлении себя как Личности с сознанием, изучении работы сознания и установлении контроля над ним со всеми его программами; 2) развитии себя как Личности, твердо выбрав сторону доброты, ответственности, порядочности, уважения, благодарности, дружбы и любви от своего Духовного начала. Только *духовному интеллекту* свойственна сверка любых наших действий (мыслей, слов, поступков, действий) с Совестью. Развитие в нас *духовного интеллекта* – это единственное условие избавления от навязчивых эмоций, стабильного пребывания в радости, Любви и счастье, получения не иллюзорного, а настоящего удовольствия от обретения Жизни.

Жизнь зарождается в покое и тишине. Через беспокойные переменчивые эмоции люди напрасно расходуют жизненную энергию. Любые эмоции – это оттенки эгоизма и гордыни в человеке, свидетельство доминирования приоритетов Животного начала в разуме. Некоторые эмоциональные состояния могут заглушать страх, вселять надежду (ожидания), но не помогают обретению Жизни. Интеллект может привести к разочарованию, т. е. избавлению от иллюзий, но тут же усилит другие иллюзии или внушит новые. Сосредоточение интеллекта (вторичного сознания) на эмоциях, порожденных материальными образами в голове, заслуживает человека от настоящего.

Как говорили отеческие старцы: «Бдите по мыслям и стяжайте любовь». Человек без Любви, уважения, благодарности и доброты – пустышка, пустое, звенящее ведро. И развивая «эмоциональный интеллект», человек не становится наполненным Жизнью. Даже «прекрасные эмоции» – это не краски Жизни, не свидетельство наполненности ею, а временная побрякушка в теле как во временном пустом ведре.

Литература

1. Штайнер К. Эмоциональная грамотность: интеллект с сердцем. Киев : ТОВ «НВП «Интерсервис», 2016. 316 с.
2. Встреча с Иным Разумом: Опыт психолого-психиатрической экспертизы Искусственного сознания / Т. Н. Зинченко, Б. В. Д. Вестхайзен, Э. М. Аюб. [б. м.] : Издательские решения, 2022. 378 с.
3. Зайковская А. А., Либенсон И. Р. Взаимосвязь сознания и искусственного интеллекта // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 420–430.
4. Зайковская А. А., Либенсон И. Р. Проблема общественной безопасности технологии единого искусственного интеллекта // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 219–225.
5. Круг чтения. Афоризмы и наставления. М. : Литрес, 2013. 1071 с.
6. Зайковская А. А., Либенсон И. Р. Внутренняя и внешняя власти системы // Культура. Наука. Образование. 2023. № 2 (67). С. 121–139.

УДК [316.654+316.75]:330.59

Н. Н. Лысенко, Д. М. Манвелян

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СЧАСТЬЕ КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ: РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИНДИКАТОРОВ

Аргументируется, что в условиях глобализации и трансформации социальных систем изучение субъективного благополучия населения становится ключевым направлением, отражающим не только экономические, но и социальные аспекты качества жизни. Сделан вывод, что традиционные экономические индикаторы, такие как ВВП или уровень дохода, долгое время доминировали в оценках благосостояния, однако их ограниченность в отражении многомерного человеческого опыта стимулирует поиск новых объяснительных стратегий.

Ключевые слова: субъективное благополучие, индекс счастья, доход, международные индексы счастья.

HAPPINESS AS AN INTEGRAL INDICATOR: THE ROLE OF ECONOMIC AND SOCIAL INDICATORS

In the context of globalization and the transformation of social systems, the study of subjective well-being has emerged as a key research area, encompassing not only economic but also social dimensions of quality of life. Traditional economic indicators, such as GDP or income level, were dominating welfare assessments for a long time; however, their limitations in capturing the multidimensional human experience encourage the search for new explanatory frameworks.

Keywords: subjective well-being, happiness index, income, international indices of happiness.

Уровень благополучия выступает комплексным индикатором качества жизни. При этом зачастую благополучие рассматривается сугубо в экономических показателях (ВВП, уровень дохода) [1], что видится ограничением для отражения многомерного человеческого опыта. Скорректировать экономикоцентрические интенции в объяснении данного феномена в силах его рассмотрение через такой социальный конструкт как «счастье», имеющий потенциал включения в свою структуру совокупности индикаторов удовлетворенности жизнью [2].

Методология и методы исследования

С целью количественной оценки детерминант удовлетворенности жизнью посредством индекса «счастья» в октябре – ноябре 2024 г. Институт социологии НАН Беларуси провел социологический опрос. Сбор данных осуществлялся во всех областных центрах и г. Минске, отдельных районных городах и сельских населенных пунктах. Объем выборочной совокупности составил 1872 респондента. Ошибка выборки $\pm 2,3$ %.

Методика измерения и построения индекса «счастья», разработанная Центром оперативных исследований Института социологии НАН Беларуси на базе ряда международных индексов (Legatum Prosperity Index, OECD's Better life index, The Happy Planet Index, World Happiness Report, Gallup-Healthways Global Well-Being Index), представляет собой инструмент получения комплексной оценки уровня удовлетворенности жизнью населения и охватывает такие сферы, как здоровье, труд, досуг, безопасность, социальные отношения.

В качестве итогового показателя уровня «счастья» выступает непосредственно *общий обобщенный индекс «счастья»*, отражающий удовлетворенность жизнью по выделенным параметрам. Данное значение формируется на основе ряда *индикаторов*, для удобства анализа объединенных в пять *частных показателей удовлетворенности*. Частные показатели удовлетворенности, в своей сути, являются средством промежуточной оценки удовлетворенности конкретными сферами жизни и объединяют в себе группы индикаторов, характеризующих аспекты соответствующей сферы жизни (рис.).

Методика расчета общего индекса «счастья» предполагала следующую последовательность действий. Оценкам каждого индикатора респондента присваиваются весовые значения от 1 до -1. Затем для каждого респондента рассчитывается персональный показатель индекса «счастья» как среднее значение всех взвешенных оценок (далее – средневзвешенное значение). В свою очередь, общий страновой индекс «счастья» рассчитывался как среднее персональных показателей индексов, при этом может быть отдельно рассчитан для конкретной социально-демографической группы.

Частные показатели удовлетворенности рассматриваются как средневзвешенное значение по четырем соответствующим индикаторам, и демонстрирует соотношение долей удовлетворенных и неудовлетворенных респондентов тем или иным аспектом жизни, где значения, приближающиеся к 1, интерпретируются как значимый перевес в сторону удовлетворенности, а приближающиеся к -1 – как перевес в сторону неудовлетворенности. Значения, приближающиеся к 0, рассматриваются как равенство долей удовлетворенных и неудовлетворенных данной сферы жизни респондентов.

Рис. Составляющие элементы общего объективированного индекса «счастья»

Индекс «счастья»

По результатам проведенного исследования итоговый индекс «счастья», рассчитанный как среднее значение частных показателей каждого респондента, составил 0,419. Однако в данном тексте внимание будет сконцентрировано на ряде факторов, связанных с уровнем «счастья» населения.

Одним из наиболее устоявшихся в социологической традиции является рассмотрение «счастья» и благополучия в контексте экономических показателей, в том числе – непосредственного дохода.

Следует обозначить, что вопрос взаимосвязи дохода и «счастья» можно рассмотреть в разрезе нескольких вопросов: субъективных личной самооценки дохода и социального статуса и, более объективной, покупательской способности. Если первые два предполагают самостоятельное соотнесение респондента с одной из представленных категорий достатка на основании самовосприятия, то последний направлен на оценку реального экономического положения домохозяйства, не опираясь на личные представления о «бедности» и «богатстве». При этом все три представленных вопроса обладают статистически значимой взаимосвязью как с ранее описанным комплексным индексом «счастья», так и с субъективным самоощущением «счастья» (распределение ответов на вопрос «Чувствуете ли Вы себя счастливым?») – табл. 1.

Таблица 1

Коэффициенты корреляции Тау-В Кендалла между показателями «счастья» и уровнем дохода,
*при уровне значимости <0,01

	Общий индекс «счастья»	Уровень субъективного счастья
Субъективная оценка уровня дохода	0,281*	0,302*
Социальный статус по уровню дохода	0,259*	0,271*
Покупательская способность	0,219*	0,244*

Тем не менее субъективные оценки достатка имеют более сильную статистическую связь со счастьем (как субъективным, так и объективированным), чем объективные. Исходя из этого можно предположить, что уровень «счастья» и его самоощущение в большей степени связан с восприятием своего достатка как «высокого», нежели с достижением определен-

ного уровня покупательской способности. Однако уместно предположить и обратную причинно-следственную связь: более счастливые люди выше оценивают свой субъективный уровень достатка.

Индекс «счастья» также обладает прямой взаимосвязью с доходом (чем выше доход, тем выше показатель индекса «счастья»). Однако доход не является единственным или ведущим фактором, связанным со «счастьем». Помимо этого, можно выделить обратную слабую связь значения индекса «счастья» со степенью ощущения одиночества (коэффициент корреляции Тау-б Кендалла -0,273, при уровне значимости $<0,01$) и прямую слабую связь с ощущением «смысла жизни» (коэффициент корреляции Тау-б Кендалла 0,261, при уровне значимости $<0,01$). Если в случае с одиночеством уместна лишь одна логическая трактовка: чем сильнее одиночество, тем меньше значение индекса «счастья», то корреляцию «счастья» и «смысла жизни» можно прочесть и как «те, кто видят смысл жизни, более счастливы», так и «менее счастливые люди видят меньше смысла в жизни».

В свою очередь, сам вопрос «смысла жизни» имеет статистически значимые взаимосвязи с различными частными показателями итогового индекса, а также индикаторами, входящими в них. Самая сильная из них – это связь с показателем удовлетворенности «социальными отношениями» (коэффициент частной корреляции 0,299, при уровне значимости $<0,01$), причем в аспекте социальных отношений наиболее весомы связи «смысла жизни» и удовлетворенности отношениями с партнером (коэффициент частной корреляции 0,230, при уровне значимости $<0,01$) и детьми (коэффициент частной корреляции 0,226, при уровне значимости $<0,01$). Взаимосвязь данного вопроса и с ощущением одиночества подчеркивает значимость социальных связей человека в формировании и сохранении устойчивого ощущения смысла жизни, чувства цели в ней. Так, чем более одинок человек, тем меньше смысла он видит в своей жизни (коэффициент частной корреляции -0,384, при уровне значимости $<0,01$).

При этом, если рассматривать субъективную оценку счастья, то можно отметить, что связи, присущие для индекса «счастья», сохраняются, однако сила этих связей отличается. Так, наиболее сильными выступают корреляции с условно «социально обусловленными» параметрами: средняя прямая связь со «смыслом жизни» (коэффициент корреляции Тау-б Кендалла 0,569, при уровне значимости $<0,01$), слабая обратная связь с одиночеством (коэффициент корреляции Тау-б Кендалла -0,399, при уровне значимости $<0,01$). Более того, к этой же группе параметров можно отнести частный показатель «социальные отношения», который также имеет прямую слабую связь с субъективным ощущением «счастья» (коэффициент корреляции Тау-б Кендалла 0,307, при уровне значимости $<0,01$) – табл. 2.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции Тау-б Кендалла между показателями «счастья», уровнем дохода и социальными факторами *при уровне значимости $<0,01$

		Общий индекс «счастья»	Уровень субъективного счастья
Доход	Субъективная оценка уровня дохода	0,281*	0,302*
	Социальный статус по уровню дохода	0,259*	0,271*
	Покупательская способность	0,219*	0,244*
Социально обусловленные факторы	Смысл жизни	0,261*	0,569*
	Одиночество	-0,273*	-0,399*
	Удовлетворенность социальными отношениями	–	0,307

Таким образом, «счастье» как таковое безусловно связано с уровнем дохода, особенно в случае интерпретации «счастья» как показателя благополучия человека, выраженного объективными индикаторами высокого уровня удовлетворенности жизнью. Однако в равной или превосходящей степени «счастье» обуславливается рядом социальных параметров (качество отношений с близкими, чувство одиночества, «осмысленность» жизни и наличие в ней цели), что особенно ярко проявляется в случае рассмотрения «счастья» как субъективного опыта личного переживания, его самоощущения.

Подводя итоги, можно сказать, что как общий индекс «счастья», так и субъективная самооценка «счастья» респондентами обладают взаимосвязью как с показателями дохода, так и с группой социально обусловленных показателей, при этом вторые, в случае рассмотрения именно субъективной оценки «счастья», первичны и обладают доминирующим влиянием.

Литература

1. Смолева О. С. Счастье и деньги: материальные аспекты субъективного благополучия // Проблемы развития территории. Вологда : ВолНИЦ РАН. 2020. № 3 (107). С. 144–166.
2. Diener E., Oishi S., Tay L. Advances in subjective well-being research // Nature human behaviour. 2018. Vol. 2, N 4. P. 253–260.

УДК 316.346.32-053.6:004

М. Ю. Медведева, М. М. Малых

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДИ МОЛОДЁЖИ В РОССИИ: ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ И ОЦЕНКИ

Рассматривается характер влияния цифровизации на потребительскую культуру российской молодежи. На основе экспертных оценок исследуются новые формы потребления, возможности и риски цифровой среды для молодежи. Выявлены ключевые тренды, определяющие цифровую трансформацию потребительской культуры.

Ключевые слова: молодежь, общество потребления, потребительская культура, потребительское поведение, цифровизация.

M. Yu. Medvedeva, M. M. Malyh

Irkutsk State University, Irkutsk

DIGITALIZATION OF THE CONSUMER CULTURE SPACE AMONG YOUNG PEOPLE IN RUSSIA: EXPERT OPINION AND ASSESSMENTS

This article examines the impact of digitalization on the consumer culture of Russian youth. Based on expert assessments, new forms of consumption, opportunities and risks of the digital environment for young people are being explored. The key trends determining the digital transformation of consumer culture have been identified consumer culture among young people in Russia: expert opinion and assessments.

Keywords: youth, consumer society, consumer culture, consumer behavior, digitalization.

Потребительская культура является важным компонентом социальных и культурных процессов в современном обществе. Особенно это проявляется в контексте молодежной аудитории, чьи предпочтения и ценности формируются под влиянием социальных, экономических и технологических изменений. В последние десятилетия потребительская культура претерпела значительные трансформации, став неотъемлемой частью глобализованного и технологически развитого общества. В России, где произошел значительный сдвиг от советского, централизованного подхода к рыночной экономике, изучение молодежной потребительской культуры имеет особую значимость. Понимание изменений в потребительских запросах молодежи позволяет более точно оценить социокультурные тенденции и предсказывать дальнейшие пути развития общества.

Основная цель исследования – выявить и проанализировать специфику влияния цифровых технологий на трансформацию потребительской культуры среди молодежи в России.

Основные тенденции и динамика потребительской культуры российской молодежи рассматривается в статье В. С. Федореева «Потребительская культура молодежи в России: динамика и основные тенденции в контексте глобализации» [7]. В работе В. И. Паллотта, М. Д. Носенко и А. Д. Пятницына «Культура потребления и молодежь в современном мире», в которой авторы рассматривают вопрос потребительской культуры как совокупности ценностей, концепций и поведенческих норм, определяющих отношение человека к потребле-

нию товаров и услуг [4]. Анализ изменений и выявление основных тенденций в потребительской культуре среди молодежи представлены в работе Д. Н. Усачева и Д. А. Скубы «Современные тенденции в потребительской культуре молодежи» [6]. В статье Ю. В. Татаринцевой «Культура потребления как социологическая категория» рассматривается сама практика потребления [8].

Для категориального и процессуального анализа понятий «потребительская культура» были изучены работы Жана Бодрийяра «Общество потребления» [1], наряду с этим, использовался цивилизационный подход, в рамках которого был проанализирован труд А. Тойнби «Постижение истории» [5], где автор отмечает, что потребности определяются типом цивилизации. Также был проанализирован марксистский подход при изучении труда К. Маркса «Капитал» [3], в котором потребительская культура находится в прямой зависимости от уровня развития экономики и уровня и качества жизни. Была проанализирована работа Мануэля Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [2], где рассматривается информационное общество, влияние технологической революции на экономику и другие сферы жизни.

Автором был проведен экспертный опрос. Была подтверждена актуальность данной работы. В российской реальности потребительская культура молодежи формируется под влиянием нескольких пластов: исторического наследия, новых экономических условий и глобальных потоков информации. В последние десятилетия проникновение цифровых технологий радикально изменило формы коммуникации, переведя потребление во многом на онлайн-площадки. Социальные сети служат не только местом обмена мнениями, но и каналом продвижения продукции и моделирования новых жизненных стратегий. Молодым людям предлагаются образы безграничного выбора, что одновременно стимулирует потребление и создает психологическое давление в виде постоянного сравнения себя с другими.

По мнению экспертов, развитие рынков товара и услуг признано наиболее значимым внешним фактором, способствующим развитию потребительской культуры молодежи (31,1 %). Это указывает на то, что расширение ассортимента товаров и услуг, доступных молодежи, играет существенную роль в формировании ее потребительских привычек и предпочтений.

Развитие сетей, таких как маркетплейсы и социальные сети, также считается важным фактором (25 %). Этот результат подтверждает растущую роль онлайн-платформ в потребительской жизни молодежи, поскольку они представляют удобные возможности для поиска, выбора и приобретения товаров и услуг, а также для обмена информацией и мнениями о потребительских трендах.

Цифровизация общества и процессы глобализации набрали одинаковое количество ответов (по 18,8 % соответственно). Это свидетельствует о том, цифровизация расширяет возможности для доступа к информации и товарам, а глобализация способствует распространению потребительских трендов и формированию глобальной потребительской культуры.

Процессы глобализации были отмечены наименьшим количеством респондентов (6,3 %). Для экспертов, это указывает на то, что молодежь не рассматривает технологические процессы как прямой фактор, влияющий на потребительскую культуру (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Выделите внешние факторы, способствующие развитию потребительской культуры молодежи», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Доля чел., в %
1	Развитие рынков товара и услуг	5	31,1	100,0
2	Развитие сетей, таких как маркетплейсы, социальные сети	4	25,0	80,0
3	Цифровизация общества	3	18,8	60,0
4	Процесс глобализации	3	18,8	60,0
5	Процессы технологизации	1	6,3	20,0
6	Затрудняюсь ответить	0	0,0	0,0
7	Другое	0	0,0	0,0
	Всего	16	100,0	320,0

Большинство экспертов (80 %) считают, что социальные сети сильно влияют на их потребление (табл. 2). Это свидетельствует о значительной роли социальных сетей в формировании потребительских предпочтений, стимулировании покупок и определении выбора товаров и услуг. И только один респондент (20 %) считает, что социальные сети не сильно влияют на его потребление. Социальные сети являются важным каналом информации о товарах и услугах, формируют потребительские предпочтения и стимулируют покупки.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Влияют ли социальные сети на потребление респондента?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Социальные сети сильно влияют	4	80,0
2	Социальные сети не сильно влияют	1	20,0
3	Социальные сети не влияют	0	0,0
4	Затрудняюсь ответить	0	0,0
	Всего	5	100,0

Быстрая мода, стимулирующая молодежь делать покупки чаще (25 %). По мнению экспертов, это свидетельствует о значительной роли модных трендов и постоянного обновления ассортимента товаров в формировании потребности в чрезмерном у молодежи (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Какие, по Вашему мнению, причины чрезмерного потребления у молодежи?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Доля чел., в %
1	Быстрая мода, которая стимулирует молодежь делать покупки чаще	5	25,0	100,0
2	Онлайн магазины, предоставляющие доступ к товарам в любое время	4	20,0	80,0
3	Стремление к принадлежности к определенной социальной группе, статусу и самовыражению	3	15,0	60,0
4	Отсутствие финансовой грамотности, недостаток знаний о планировании бюджета	3	15,0	60,0
5	Влияние социальных сетей, создающие иллюзию желаемого образа жизни для молодежи	3	15,0	60,0
6	Культура потребления, в которой молодежь ориентирована на потребление	2	10,0	40,0
	Всего	20	100,0	400,0

Онлайн-магазины, предоставляющие доступ к товарам в любое время, также признаны экспертами важной причиной чрезмерного потребления. Неограниченная доступность товаров и услуг, удобство онлайн-шопинга и агрессивная маркетинговая политика способствуют увеличению объемов потребления.

Стремление к принадлежности к определенной социальной группе, статусу и самовыражению, отсутствие финансовой грамотности и влияние социальных сетей, создающих иллюзию желаемого образа жизни, набрали одинаковое количество ответов (по 15,0 % соответственно).

Стремление к принадлежности к определенной социальной группе, статусу и самовыражению, этот пункт отражает потребность молодежи в социализации, признании и формировании собственной идентичности. Потребление становится способом продемонстрировать свою принадлежность к определенной группе (например, модникам, спортсменам, геймерам), заявить о своем статусе (например, через дорогие бренды) или выразить свою индивидуальность (например, через уникальный стиль в одежде).

Отсутствие финансовой грамотности, недостаток знаний о планировании бюджета указывает на неумение молодежи эффективно управлять своими финансами, что приводит к необдуманным покупкам, импульсивным тратам и накоплению долгов. Отсутствие финансовой дисциплины и умения контролировать свои эмоции приводит к спонтанным покупкам,

которые не были запланированы и не являются необходимыми. Покупка дорогостоящих вещей в кредит, приобретение ненужных товаров под влиянием рекламы, чрезмерные траты на развлечения и досуг, отсутствие сбережений на будущее.

Влияние социальных сетей, создающих иллюзию желаемого образа жизни для молодежи, подчеркивает роль социальных сетей в формировании потребительских предпочтений молодежи и стимулировании чрезмерного потребления. Социальные сети часто демонстрируют идеализированные образы жизни, которые не всегда соответствуют реальности. Молодежь может сравнивать себя с блогерами и стремиться подражать их стилю жизни, что приводит к чрезмерным тратам на вещи, которые кажутся необходимыми для достижения «успеха». Культура потребления, в которой молодежь ориентирована на потребление, была отмечена меньшим числом респондентов (10 %). Это может указывать на то, что молодежь не всегда осознает влияние общей потребительской культуры на их поведение или не считает ее основной причиной чрезмерного потребления.

Анализ экспертных оценок показал, что цифровизация существенно влияет на потребительскую культуру российской молодежи. Развитие онлайн-платформ и, особенно, социальных сетей формирует потребительские предпочтения и стимулирует покупки. Быстрая мода, усиленная цифровыми каналами, способствует чрезмерному потреблению. Ограниченный объем оценок указывает на необходимость дальнейших исследований, однако полученные результаты важны для формирования ответственного потребления в цифровой среде.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. М. : Республика : Культурная революция, 2006. 268 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
3. Маркс К. Капитал: критика политической экономии / сочинение Карла Маркса ; [науч. ред.: Л. Л. Васина и др.]. 2-е изд. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014.
4. Паллотта В. И., Носенко М. Д., Пятницyna А. Д. Культура потребления и молодежь в современном мире // Либерально-демократические ценности. 2024. Т. 8, № 2. С. 16–25.
5. Тойнби А. Постыжение истории : избранное / под ред. В. И. Уколовой, Д. Э. Харитоновича ; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М. : Айрис-Пресс, 2008. 521 с.
6. Усачев Д. Н., Скуба Д. А. Современные тенденции в потребительской культуре молодежи // Проблемы молодежи глазами студентов : материалы XXVI Международной студенческой научно-практической конференции, Тула, 19–20 апреля 2023 года. Тула : Тул. гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого, 2023. С. 113–114.
7. Федорева В. С. Потребительская культура молодежи в России: динамика и основные тенденции в контексте глобализации // Человек. Общество. Инклюзия (Приложение). 2023. № S1–1. С. 30–35.
8. Татаринцева Ю. О. Культура потребления как социологическая категория // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2016. № 3 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-potrebleniya-kak-sotsiologicheskaya-kategoriya> (дата обращения: 18.05.2025).

УДК 659.4:316

Е. А. Лобовикова

Луганская государственная академия Следственного комитета Российской Федерации,
г. Луганск

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕКЛАМНАЯ КАМПАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТРОЕНИЯ БЕЗОПАСНОГО МИРА

Исследуется государственная реклама инструмент привлечения внимания к социальным проблемам общества в условиях современных вызовов и угроз и активизации действий по их решению. В условиях проведения специальной военной операции и интеграции новых регионов в состав Российской Федерации, государственная реклама играет важную роль в деле сплочения российского общества. Показывается необходимость использования потенциала государственной рекламы как инструмента реализации стратегических приоритетов государственной национальной политики, а также гражданского единства жителей новых территорий.

Ключевые слова: реклама, государственная реклама, коммуникация, новые территории, безопасность.

THE STATE ADVERTISING CAMPAIGN AS A TOOL FOR BUILDING A SAFE WORLD

The article examines state advertising as a tool for attracting attention to social problems of society in the context of modern challenges and threats and activating actions to solve them. In the context of a special military operation and the integration of new regions into the Russian Federation, state advertising plays an important role in uniting Russian society. The author shows the need to use the potential of state advertising as a tool for forming strategic priorities of state national policy, civil unity of residents of new territories.

Keywords: advertising, government advertising, communication, new territories, security.

В современных условиях укрепление межнационального согласия и гражданского единства как стратегические приоритеты государственной национальной политики современных стран играют значимую роль в условиях построения безопасного мира. Противодействие экстремизму и терроризму в коммуникационном пространстве средствами рекламы представляется весьма актуальным. В условиях проведения специальной военной операции и интеграции новых регионов в состав Российской Федерации особое значение приобретает исследование государственной рекламы как инструмента привлечения внимания к социальным проблемам общества в условиях современных вызовов и угроз, а также активизации действий по их решению.

Рекламная кампания по тематике специальной военной операции способствует развитию патриотизма, привлечению добровольцев и поддержке населения. Однако необходимо учитывать и минимизировать риски, связанные с распространением этих материалов.

Исследуя медиагигиену при анализе рекламных и агитационных материалов, посвященных специальной военной операции, российский исследователь А. В. Козлов выявил следующие риски:

1. Утечка персональных данных: Размещение личной информации участников СВО и их семей в рекламе и на информационных ресурсах создает угрозу психологического давления со стороны украинских информационно-психологических операций. Это может проявляться в виде угроз и шантажа, направленных на военнослужащих и их близких. Кроме того, эти данные могут быть использованы криминальными структурами для вымогательства. Исследователь приводит примеры подобных случаев освещения в СМИ.

2. Прославление криминального прошлого: Использование изображений и личных данных лиц, осужденных за тяжкие преступления, в качестве героев агитационных плакатов, посвященных СВО. Известны примеры, когда бывшие криминальные авторитеты становились лицами рекламных кампаний [5].

В связи с вышеизложенным в современных условиях представляется весьма востребованным исследование государственной рекламы как инструмента построения безопасного мира. Посредством государственной рекламы будет происходить регулирование рекламно-агитационного сопровождения специальной военной операции, в том числе путем создания правового механизма контроля за размещением в регионах баннеров о погибших местных жителях, обеспечивая информационную безопасность государства в условиях информационной войны.

Учет этих факторов необходим для защиты граждан от идеологического воздействия, направленного на подрыв их способности разделять и поддерживать государственные интересы России. Принимая во внимание эти аспекты, можно противодействовать попыткам исказить восприятие гражданами государственных интересов Российской Федерации и укрепить их поддержку.

Государственная реклама как феномен культуры, транслирует ценности и убеждения, формируя социальную идентичность граждан и способствуя решению важных государственных задач, включая воспитание патриотизма, гражданственности и укрепление национальной безопасности. Решение важных для государства задач (участие в реализации национальных приоритетов, таких как воспитание гражданственности, укрепление единства нации, со-

хранение культурного наследия и обеспечение безопасности страны, сплочение народа России перед лицом врага и т. п.) представляется возможным решить в рамках реализации государственной рекламной кампании.

Среди основных направлений гармонизации общественных отношений и построения безопасного мира выделим реализацию рекламных кампаний для продвижения следующих социальных направлений:

1. Здоровье и благополучие:

Укрепление здоровья нации: Активное продвижение здорового образа жизни, отказ от вредных привычек, создание условий для физического и психического благополучия каждого человека.

Поддержка людей с особыми потребностями: Обеспечение равных возможностей для людей с ограниченными возможностями, создание комфортной и доступной среды для их жизни и самореализации, забота о ветеранах и пожилых людях.

Безопасность на дорогах: Повышение безопасности дорожного движения путем соблюдения правил, формирования культуры безопасного поведения и снижения травматизма.

2. Семья и демография:

Укрепление института семьи: Поддержка традиционных семейных ценностей, гармонизация отношений в семье, стимулирование рождаемости и всесторонняя поддержка семей с детьми.

Решение демографических проблем: Улучшение репродуктивного здоровья населения и преодоление социально-демографических вызовов.

3. Культура и гражданственность:

Сохранение культурного наследия: Защита и продвижение уникальных культурных традиций, этнокультурного многообразия и культурной самобытности народов России, сохранение памятников истории и культуры.

Развитие гражданской ответственности: Поощрение волонтерства и благотворительности как форм активного участия граждан в жизни общества.

Профилактика преступности: Предупреждение подростковой преступности и формирование правосознания.

4. Государство и общество:

Укрепление государства: Защита здоровья нации как основы сильного государства, формирование норм поведения в обществе и обеспечение социальной защищенности различных слоев населения.

Противодействие коррупции: Повышение эффективности борьбы с коррупцией во всех сферах жизни.

Защита трудовых прав: Привлечение внимания к роли профсоюзов в защите трудовых прав работников, профилактика нарушений в сфере трудовых отношений и формирование ответственности сторон.

Поддержка государственных институтов: Продвижение государственных интересов в сфере деятельности армии, выборов, гражданской обороны, пожарной безопасности и других важных направлений.

Защита окружающей среды: Охрана живой и неживой природы в современном обществе.

Государственная реклама рассматривается как форма рекламы, направленная на поддержку интересов государственных учреждений, таких как армия, военно-воздушные силы, налоговая служба и региональные администрации. Несмотря на отсутствие четкого определения термина «государственная реклама» в Федеральном Законе «О рекламе», в определении «социальной рекламы» содержатся элементы, которые охватывают государственную рекламу. Согласно статье 3 данного Закона, социальная реклама представляет собой информацию, распространяемую различными способами и в различных формах, предназначенную для неопределенной аудитории и направленную на достижение благотворительных и общественно полезных целей, включая защиту интересов государства [1].

Профессор Е. Н. Ежова отмечает, что термин «государственная реклама» активно применяется в рекламной практике, но в научных исследованиях пока недостаточно проанализирован. Российские ученые, такие как О. А. Двоенко [2], Л. М. Дмитриева, Ю. С. Бернадская и Т. А. Костылева [3], считают государственную рекламу одной из категорий социальной рекламы. В рамках своих исследований они выделяют четыре типа социальной рекламы: некоммерческую, общественную, государственную и собственно социальную.

Е. Н. Ежова относит к объектам государственной рекламы стратегические идеи государственной политики, национальные проекты и имиджевые задачи, касающиеся государства и его символов. Заказчиками этой рекламы выступают государственные учреждения, такие как министерства и местные органы власти. В государственной рекламе важно, чтобы идейно-концептуальные и имиджевые элементы находились в равном соотношении. С помощью данной рекламы решаются задачи формирования гражданской идентичности, информирования о стратегических направлениях государственной политики и национальных проектах, а также продвижения приоритетов конкретных государственных учреждений и их имиджа. Государственная реклама может иметь как краткосрочные, так и долгосрочные цели и использовать любые каналы для распространения информации (в пределах 5 % от общего объема рекламы). Исследователь также подчеркивает, что целевая аудитория такой рекламы может быть как широкой, так и узкой, в зависимости от конкретных тем, например, служба в армии или вопросы репродуктивного здоровья [4].

Отметим, что на территории новых регионов в условиях проведения специальной военной операции и интеграции в Российскую Федерацию, особое значение приобретает применение государственной рекламы.

Поскольку государственная реклама эффективно передает важную социальную информацию и влияет на общественное мнение, исследователи изучают ее как мощный инструмент для формирования потребностей, создания установок, популяризации ценностей и изменения социальных норм.

Благодаря наружной государственной рекламе в новых / исторических регионах России культивируется патриотизм, служение Отечеству, ценность семьи, сохранение исторической памяти в год 80-летия Великой Победы в Великой Отечественной войне, и комплекс мер, направленных на создание здорового, благополучного и гармоничного общества, в котором каждый человек имеет возможность реализовать свой потенциал, а государство обеспечивает защиту прав и интересов своих граждан. Существующий потенциал государственной рекламы позволит решить важные задачи в реализации стратегических приоритетов государственной политики в условиях современных вызовов и угроз и активизации действий для построения безопасного мира, а также гражданского единства жителей новых территорий.

Литература

1. О рекламе : федер. закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 02.08.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 19.04.2025).
2. Двоенко О. А. Социальная реклама как фрагмент медиа-рекламной картины мира // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. № 58. С. 18–25.
3. Дмитриева Л. М., Бернадская Ю. С., Костылева Т. А. Социальная реклама: учебное пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 271 с.
4. Ежова Е. Н., Новиков М. Н. Государственная реклама в системе медиакommunikаций // Медиасреда. 2020. № 2. С. 100–108. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-reklama-v-sisteme-mediakommunikatsiy> (дата обращения: 19.04.2025).
5. Козлов А. В. Рекламно-агитационные практики по тематике специальной военной операции на Украине: технологии, риски, медиагигиена // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 3. С. 344–348.

Д. О. Литвинова, Т. В. Андриянова
Курский государственный университет, г. Курск

ЭКСПЕРТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Рассматриваются особенности экспертных исследований виртуального общения современной молодежи, его отличия от традиционного офлайн-взаимодействия, влияние социальных сетей на процессы социализации, формирование виртуальной личности и коммуникативных практик. На основе социологических и психологических исследований, а также эмпирических данных, выделяются основные тенденции и риски цифровой коммуникации среди молодежи.

Ключевые слова: экспертиза, молодежь, интернет, коммуникация, виртуальное общение, социализация.

D. O. Litvinova, T. V. Andrianova
Kursk State University, Kursk

EXPERT RESEARCH ON THE INTERNET COMMUNICATION OF MODERN YOUTH

The article examines the features of expert research on virtual communication among modern youth, its differences from traditional offline interaction, the influence of social networks on socialization processes, the formation of a virtual personality and communication practices. Based on sociological and psychological research, as well as empirical data, the main trends and risks of digital communication among young people are highlighted.

Keywords: expertise, youth, Internet, communication, virtual communication, socialization.

Интернет как глобальная информационная сеть начал свое развитие в 1960-х гг. в рамках проекта ARPANET. Изначально он создавался в военных целях, но быстро стал использоваться в научной, образовательной и, позднее, в повседневной жизни. С 1990-х гг. началась его массовая коммерциализация и рост числа пользователей.

На рубеже 2009 и 2010 гг. проникновение интернета в России оценивалось экспертами скромно – как максимум 35–40 % от общего числа населения страны [2]. Это означало, что значительная часть жителей, особенно в сельской местности и старших возрастных группах, еще не имела доступа к глобальной сети или не использовала ее регулярно. Динамика, однако, оказалась стремительной. Уже в 2012–2013 гг. процент интернет-пользователей заметно вырос и превысил отметку в 50 % [5]. Этот рост был обусловлен несколькими факторами: расширением доступа к широкополосному интернету, снижением стоимости мобильных устройств и тарифов на интернет-трафик, а также увеличением популярности социальных сетей и онлайн-сервисов. К настоящему времени экспертные оценки достигли впечатляющей цифры, что свидетельствует о повсеместном распространении интернета и его интеграции в повседневную жизнь россиян.

Особенно ярко эта тенденция проявляется в поведении молодежи. Исследование, проведенное Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в марте 2021 г., показало, что отказ от традиционного телевидения в пользу интернета характерен прежде всего для молодых людей: 69 % среди 18–24-летних и 48 % среди 25–34-летних [11]. В качестве альтернативы телевидению молодежь выбирает онлайн-видеоплатформы, стриминговые сервисы, социальные сети, где они находят более разнообразный и интерактивный контент. Более того, интернет стал для них основным источником новостей, развлечений и общения. На основании этих данных можно сделать вывод о том, что сегодня интернет охватывает практически все сферы жизни, являясь ключевым инструментом коммуникации, получения информации, образования, работы и развлечений, особенно для молодежи.

Официального определения понятия «молодежь» не существует, но в статистических целях Организация Объединенных Наций относит к молодежи людей в возрасте от 15 до 24 лет. Этот диапазон не является универсальным, и государства могут использовать свои возрастные рамки. Так, в Федеральном законе от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», возраст молодежи определяется от 14 до 35 лет [12].

Современная молодежь – это первое поколение, выросшее в условиях цифровой среды, где интернет стал неотъемлемой частью повседневного существования. Виртуальное общение не просто дополняет традиционные формы взаимодействия, а в ряде случаев полностью их замещает. В связи с этим интернет представляет собой сложный и многослойный коммуникационный ландшафт, в котором молодежь ищет не только информацию, но и социальную поддержку, признание, способы выражения идентичности.

Представляя экспертов как ведущих специалистов в данной отрасли, представим особенности коммуникативных практик современной молодежи как четыре основные группы [4].

Первая группа, обозначенная как «практики выбора среды и условий для коммуникации», наиболее ярко демонстрирует трансформацию способов взаимодействия, характерную для нынешнего поколения. Если раньше для общения требовалось физическое присутствие или использование традиционных средств связи, то сегодня доминирующим каналом коммуникации становится интернет и, в частности, смартфон. Молодые люди активно выбирают платформы и приложения, соответствующие их потребностям и интересам: от мессенджеров для быстрого обмена сообщениями до специализированных форумов и онлайн-игр для общения по профессиональным или хобби-интересам. Выбор конкретной среды часто обусловлен желанием контролировать аудиторию, степень приватности и формат общения – от публичной дискуссии в социальных сетях до личной переписки в закрытом чате.

Вторая группа особенностей, касающаяся социально-психологических характеристик, подчеркивает значительное влияние социальных сетей на формирование личности и социализацию молодежи. Социальные сети не просто дополняют, но зачастую и заменяют традиционное живое общение. В этом контексте социальная сеть выполняет в определенной мере функцию социализации, предоставляя возможности для установления новых контактов, поддержания существующих связей, самовыражения и поиска идентичности. Однако важно отметить, что такая социализация может иметь и негативные последствия, такие как зависимость от лайков и комментариев, формирование нереалистичных ожиданий и сравнение себя с другими.

Третья группа особенностей коммуникативных практик современной молодежи связана со способом кодирования информации. Несмотря на кажущуюся визуальность интернета, с обилием изображений, видео и анимации, основным, но не единственным форматом общения по-прежнему остается текст. Это проявляется в широком распространении текстовых сообщений в мессенджерах, комментариях в социальных сетях, онлайн-форумах и даже в описаниях к фотографиям и видео. Молодые люди активно используют различные текстовые форматы – от коротких смайликов и стикеров до развернутых постов. При этом, они овладевают специфическими навыками текстовой коммуникации, такими как использование сленга, аббревиатур, эмодзи и других элементов, позволяющих передавать сложные эмоции и смыслы в краткой и лаконичной форме.

Наконец, четвертая группа особенностей коммуникативных практик касается процесса и особенностей получения информационно-новостных материалов. Традиционные источники информации, такие как телевидение, радио и печатные издания, постепенно теряют свою актуальность для молодежи. Все чаще молодые люди узнают новости и обучаются именно в социальных сетях, через новостные ленты, блоги, подкасты и видеоролики. Это обусловлено удобством, доступностью и интерактивностью социальных сетей, а также возможностью получать информацию из различных источников и формировать собственное мнение.

Л. Д. Козырева предлагает типологизацию молодежи в зависимости от степени вовлеченности в интернет-пространство: сетевая (58 %), которая повсеместно использует возможности виртуального общения; полусетевая (39 %), использующая информационные технологии прагматично; несетевая (3 %), не взаимодействующая с информационными технологиями в повседневной жизни [9]. Нынешняя российская молодежь не просто активна и многогранна в использовании интернета, но и склонна воспринимать его как, по сути, незаменимый инструмент повседневной коммуникации.

Коммуникация современной молодежи внутри интернета концентрируется в основном в различного рода социальных сетях (ВКонтакте, Rutube и др.), мессенджерах (Telegram и др.), форумах и сообществах для обсуждения конкретных тем, а также онлайн-играх. Эти инструменты коммуникации прочно вошли в повседневную жизнь молодежи, став не только средством общения, но и пространством самореализации, образования и досуга.

Ключевым и, пожалуй, определяющим отличием онлайн-коммуникации от традиционного, офлайн-взаимодействия является отсутствие непосредственного физического контакта и, как следствие, утрата значительной части невербальных сигналов, которые играют колоссальную роль в человеческом общении. В реальной жизни мы постоянно получаем информацию не только из слов собеседника, но и из его жестов, мимики, интонации, положения тела, даже от того, как он стоит или сидит. Все эти элементы позволяют нам более полно и точно понимать намерения, эмоции и отношение другого человека. В онлайн-пространстве же эти каналы связи практически отсутствуют, что создает определенные трудности в интерпретации сообщений и повышает риск недопонимания.

Чтобы компенсировать этот дефицит невербальной информации, молодежь активно использует визуальные маркеры. Эмодзи, гифки, мемы, стикеры – все это стало частью молодежного онлайн-словаря, позволяя выражать широкий спектр эмоций и реакций, которые в текстовом формате были бы сложно передать. Помимо визуальных средств, молодежь использует гибкие языковые формы – сокращения, сленг, аббревиатуры, часто созданные специально для онлайн-коммуникации. Использование сленга, часто меняющегося и зависящего от конкретной онлайн-платформы или сообщества, также служит для идентификации себя как члена определенной группы и установления неформальной атмосферы.

По данным исследований С. А. Гришаевой и К. В. Клюваева, тенденция к активному использованию новых форм коммуникации в молодежной среде весьма заметна. Согласно их результатам, впечатляющие 85 % молодых людей активно используют голосовые сообщения в ходе коммуникации в интернете, что позволяет передать интонацию и эмоциональную окраску, частично компенсируя отсутствие живого голоса. Вместе с тем можно отметить некоторые негативные тенденции: 83 % респондентов признались в использовании нецензурной лексики, что, вероятно, связано с желанием создать более расслабленную и неформальную обстановку в онлайн-общении. Интересно, что 70 % опрошенных имеют фейковые аккаунты, что может быть связано с желанием сохранить анонимность, избежать нежелательного внимания или экспериментировать с различными онлайн-персонами [7].

Таким образом, в социальных сетях и других онлайн-платформах используются все доступные возможности вербального и визуального общения, происходит своеобразное «размывание границ реальности и виртуальности», когда онлайн-общение становится настолько привычным и естественным, что воспринимается как полноценная часть жизни. В результате этого процесса формируется новая коммуникативная норма, отличающаяся от традиционных правил общения, и определяющая особенности взаимодействия в цифровом пространстве. Эта норма постоянно эволюционирует, отражая изменения в технологиях, культуре и социальных тенденциях.

Д. Г. Коваленко в своем исследовании выделил ряд ключевых факторов, объясняющих устойчивую привлекательность интернет-среды для современной молодежи как платформы для коммуникации. Эти факторы тесно связаны с психологическими особенностями молодого поколения, их потребностями в самовыражении и социализации, а также с технологическими возможностями, которые предоставляет онлайн-пространство [8]. Рассмотрим эти факторы более подробно.

1. Анонимность – отсутствие необходимости подтверждать личность позволяет пользователям скрываться под вымышленными именами или чужими данными. Это снижает социальные риски, но может провоцировать грубость и девиантное поведение.

2. Отсутствие невербальной коммуникации – в реальной жизни большая часть информации передается через язык тела, мимику, интонацию. В интернете же, особенно в текстовых чатах, эти каналы коммуникации отсутствуют. Это создает уникальную возможность

для создания и поддержания идеализированного образа себя, подстраивая информацию под ожидания собеседника, преувеличивая достоинства и скрывая недостатки.

3. Широкий выбор каналов общения – современный интернет предлагает огромное разнообразие платформ для коммуникации: текстовые и голосовые чаты, социальные сети, форумы, видеоконференции, мессенджеры и т. д. Это позволяет пользователям выбирать наиболее комфортный и подходящий способ общения в зависимости от ситуации и целей. Текстовые и голосовые чаты позволяют скрыть недостатки внешности или характера, а также избежать неловких ситуаций, связанных с личным контактом. Кроме того, есть возможность тщательно формулировать ответы, обдумывать свои слова и даже манипулировать паузами для психологического воздействия, что в реальном времени сделать гораздо сложнее.

4. Простота выражения эмоций – смайлы, мультимедиа (музыка, видео) помогают передавать чувства, что сложно сделать в реальном общении.

5. Доступность – рост числа пользователей, снижение стоимости интернета, бесплатные сервисы делают онлайн-общение одним из самых популярных способов коммуникации.

6. Оперативность – интернет позволяет мгновенно распространять новости, что повышает доверие молодежи к соцсетям и блогам в сравнении с традиционными СМИ.

7. Групповое общение – интернет-сервисы (форумы, корпоративные социальные сети, видеоконференции) удобны для синхронного взаимодействия с множеством людей, в отличие от других каналов коммуникации.

Коммуникация современной молодежи в интернете претерпевает заметные изменения и обретает ряд ярко выраженных тенденций, определяющих способы и характер взаимодействия в цифровом пространстве.

Во-первых, мы наблюдаем значительное повышение скорости обмена сообщениями, сопровождающееся выраженной ориентацией на краткость и лаконичность. Это проявляется в широком распространении аббревиатур, эмодзи, мемов и сленга, а также в предпочтении коротких текстовых сообщений, голосовых и видеосообщений вместо развернутых писем или постов. Традиционные формы письменной коммуникации, требующие тщательной выработки текста и грамматической выверенности, уступают место спонтанным и неформальным способам выражения мыслей.

Во-вторых, происходит ощутимый сдвиг в сторону визуального контента. Текст постепенно уступает место изображениям, видеороликам, гифкам и другим визуальным форматам. Это связано с особенностями восприятия информации: визуальный контент обрабатывается мозгом быстрее и легче, что особенно важно в условиях дефицита времени и переизбытка информации.

В-третьих, наблюдается возрастание роли публичного самовыражения – трансляции личных событий, мыслей и эмоций в открытом доступе. Молодые люди все чаще используют социальные сети для документирования своей повседневной жизни, делясь фотографиями, видео и историями с широкой аудиторией. Это стремление к самопрезентации и установлению социальных связей, но также и к получению признания и одобрения. Популярность прямых эфиров, историй и постов с личными переживаниями свидетельствует о желании быть услышанными и понятыми.

Эти тенденции поддерживают социализацию и чувство вовлеченности, позволяя молодым людям находить единомышленников, обмениваться опытом и поддерживать связь с друзьями и семьей, независимо от географического положения. По мнению известного психолога Н. А. Голубевой, «...именно возможность транслировать в прямом эфире события собственной жизни привлекает внимание современной молодежи к социальной сети» [6]. Однако одновременно они формируют определенную зависимость от внешней оценки, количества лайков, комментариев и подписчиков. Постоянное стремление к получению одобрения может приводить к тревожности, неуверенности в себе и даже к формированию нереалистичных представлений о собственной ценности. Несмотря на рост виртуальной коммуникации, офлайн-взаимодействие сохраняет свое значение. Виртуальное общение удобно, но не способно полностью заменить живое взаимодействие.

Учитывая то, насколько сильно интернет встроен в привычную жизнь современной молодежи, версии о том, какие частные риски порождает интернетизация, можно выдвигать принципиально разнообразные. Среди наиболее вероятных рисков выделяют следующие.

1. Риск появления зависимости. Коммуникация в интернете происходит быстро и строится на эмоционально ярком контенте, а вероятность формирования зависимости прямо пропорциональна времени, которое человек проводит в интернете.

2. Деструктивный контент. Интернет является удобной средой распространения любого информационного контента, в том числе и негативного: попадая в виртуальное пространство, информация быстро получает возможность достигать максимально широких аудиторий. Высокая активность молодежи в использовании интернета делает ее одним из очевидных и доступных адресатов тиражирования такой информации.

3. Поколенческий разрыв. Тот факт, что молодежь проявляет осязаемо большую активность в использовании интернета, чем старшие поколения, провоцирует потенциальное обособление ее коммуникативной реальности. Специфическая коммуникация на базе интернета сопровождается формированием и развитием особого языка пользователей, который крайне мало понятен со стороны [10].

Таким образом, по оценкам экспертов, виртуальное общение становится новой социальной нормой, отражающей изменение структуры взаимодействий и механизмов социализации [1; 3]. Оно требует адаптации и развития цифровой грамотности – умения критически воспринимать информацию, осознанно выстраивать виртуальные связи, распознавать манипуляции и сохранять психологическое благополучие в условиях постоянного онлайн-присутствия. Социальные сети позволяют молодым людям находить единомышленников, выражать себя, получать знания и оставаться на связи. Однако цифровизация также порождает риски. Изучение коммуникативных практик молодежи в интернете важно не только для социологии, но и для разработки эффективных образовательных, психологических и культурных стратегий, направленных на гармоничное развитие цифровой личности.

Литература

1. Андриянова Т. В. Сетевая форма реализации социальных проектов для детей с ограниченными возможностями здоровья на базе учреждений культуры Курской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 4(29). С. 262–273.
2. Аудитория Интернета в России: состояние, тенденции и перспективы развития / П. А. Лебедев, Л. Н. Паутина, В. М. Барабанов [и др.]. М. : Известия, 2010. 80 с.
3. Быканова Я. П., Андриянова Т. В. Медиафера как пространство взаимодействия пользователей социальных сетей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 2. С. 219–231.
4. Волкоморов В. А. Актуальные медиатизированные коммуникативные практики российского цифрового поколения // Известия УрФУ. 2020. Т. 26, № 1 (195). С. 44–47.
5. Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182.
6. Голубева Н. А. Феноменология межличностного и межгруппового общения современной молодежи в реальном и виртуальном пространстве // Вестник РГГУ. 2018. № 2 (12). С. 45–59.
7. Гришаева С. А., Клювасев К. В. Коммуникативные практики молодежи в социальных сетях // Цифровая социология. 2019. Т. 2, № 3. С. 4–9.
8. Коваленко Д. Г. Коммуникации молодежи в интернет-среде: феномен массовости // Социология власти. 2011. № 4. С. 75–83.
9. Козырева Л. Д., Зверькова С. А. Трансформация социальных связей молодежи в информационном обществе // Социодинамика. 2017. № 4. С. 94–104.
10. Кронштадова Е. А. Молодежь и интернет: проблемы взаимодействия // Устойчивое развитие науки и образования. 2017. № 9. С. 194–197.
11. Медиапотребление россиян // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/mediapotreblenie-rossijan-monitoring> (дата обращения: 28.04.2025).
12. О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 20.04.2025).

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТУРИЗМ В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ БЕЗОПАСНОГО МИРА

Рассматривается влияние туристической отрасли, ее проблем и преимуществ на построение безопасного мира. Характеризуются методы включения туризма в процесс усовершенствования многих государственных процессов.

Ключевые слова: региональный туризм, безопасный мир, развитие, регион, экономическое развитие.

V. E. Kablukova

Irkutsk State University, Irkutsk

REGIONAL TOURISM IN THE CONTEXT OF BUILDING A SAFE WORLD

The article examines the impact of the tourism industry on building a safe world, its problems and advantages. The author examines methods for including tourism in the process of improving many government processes.

Keywords: regional tourism, safe world, development, region, economic development.

Термин «безопасного мира» является крайне актуальным в рамках современной нестабильности и подразумевает под собой стремление всех сфер общества к выработке системы норм, правил и взглядов, которые позволят построить мир прогнозируемый и безопасный. Поскольку на реализацию данной цели должны работать все сферы, то и туризм не является исключением. Он способствует развитию экономики, привлечению внимания к вопросам экологии, укреплению политических позиций страны и т. д. Поэтому развитие этой сферы в тандеме с выстраиванием безопасного мира очень важно.

Данный вопрос можно рассматривать с нескольких сторон. С одной стороны, как безопасность самой отрасли и этот вопрос раскрыт в гл. 7 Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Статья 14 определяет безопасность туризма как «непосредственную безопасность туристов либо экскурсантов, сохранность их имущества, а также ненанесение ущерба при совершении путешествий окружающей среде, материальным и духовным ценностям общества, безопасности государства» [7]. Начинать нужно с самого каркаса любой отрасли, только тогда можно ожидать полной отдачи вложенных ресурсов. Мы рассмотрим несколько основных опасностей и пути их решения:

1. Биологическая – причинение вреда здоровью и трансфер различных вирусов. Для решения этой проблемы необходимо тщательно отслеживать состояние туристов и удостовериться в возможности больниц внутри места туристического пребывания оказать быструю и профессиональную помощь.

2. Экологическая – вред, приносимый природе потоками туристов, что приводит к разрушению экосистемы. Стоит строго подходить к выбору маршрутов и исполнению правил безопасности. Вводить штрафы за загрязнение и порчу естественных ресурсов.

3. Криминогенная – причинение вреда здоровью или имуществу туриста, посягательство на безопасный отдых. Когда территория становится популярным туристическим направлением, местные власти обязаны усилить контроль и защиту населения.

4. Военно-политическая – угроза военных, террористических или экстремистских действий на территории отдыха. Минимизировать эту опасность можно по средствам контроля и своевременного информирования туристов об опасности, а также принятия быстрых мер реагирования.

С другой стороны, внутренний туризм играет не последнюю роль в построении безопасного мира для государства. Он должен уметь легко подстраиваться под кризисные ситуации и оперативно реагировать на них. В этом ракурсе отличным примером является Тайланд. У них отлично развит внутренний туризм, который привлекает посетителей не только

из других стран, но и своих собственных граждан. Многие из 77 провинций отлично развиты и не только пляжным туризмом. Сами тайцы в 90 % случаев выбирают путешествия внутри страны. Это бесспорно создает ощущение уверенности и безопасности, а также положительно влияет на экономическую ситуацию. Коротко рассмотрим методы включения отрасли в процесс:

1. Большую роль в выстраивании регионального туризма играют местные сообщества, ведь это отличный способ для них проявиться, а также создать дополнительные рабочие места. Лучшим вариантом является когда местные жители лояльны к стремительному развитию туризма и проявляют высокий уровень гостеприимности и включенности.

2. Использование цифровизации в развитии взаимосвязи туризма и государства открывает возможности продвижения через социальные сети, оптимизации многих процессов и ужесточения контроля за мошенничеством.

3. Социальная интеграция, как метод улучшения связей между туристами и местными жителям, в связи с этим понизится уровень предвзятости и отчужденности.

В заключение отметим, что региональный туризм – это огромная и перспективная отрасль, которая требует вложения средств и усилий, но способна принести гораздо больше отдачи. Через влияние на социальные настроения и привлекательность отдельных регионов повысится экономика, что, безусловно, приведет к созданию нового этапа в построении безопасного мира.

Литература

1. Анимиа Е. Г., Анимиа П. Е. Бизнес-территории: определение, сущностные характеристики, основные модели развития и регулирования // Известия Уральского государственного экономического университета. 2010. № 2 (28). С. 110–115.
2. Белоногов А. Г. Формирование системы обеспечения экономической безопасности сферы туризма : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2013. 26 с.
3. Бобкова А. Г., Кудреватых С. А., Писаревский Е. Л. Безопасность туризма. М. : Федер. агентство по туризму, 2014. 272 с.
4. Быстров С. А. Внутренний туризм как стратегически важное направление развития туристского рынка РФ // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 966–970. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96108.htm> (дата обращения: 16.01.2017).
5. Зализняк Е. А. Региональный туризм: основные признаки и условия развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3, Экономика. Экология. 2011. № 2 (19). С. 70–76.
6. Ковалева С. А., Гудкова А. А. Понятие и система финансово-налоговой устойчивости и безопасности территорий // Экономические и гуманитарные науки. 2015. № 7. С. 110–118.
7. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 24 нояб. 1996г. № 132-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_487998/ (дата обращения: 10.05.2025).
8. Харламова А. Ю. Проблемы оценки экономической безопасности в сфере туризма // Управление инвестициями и инновациями. 2016. № 1. С. 65–68.

Л. Н. Сарапулова, Н. В. Грицких
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСКИХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТОВ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ МОЛОДЕЖИ: АНАЛИЗ УСПЕШНЫХ ПРАКТИК

Приведены результаты исследования видов влияния социокультурных проектов на процессы социализации молодежи. Рассмотрены пять творческих социокультурных проектов из разных регионов России, проведен их анализ с позиции влияния на становление ценностей и норм в молодежной среде. Исследованы виды инфраструктуры в культурной деятельности, которые будут созданы в результате внедрения проектов.

Ключевые слова: творческий социокультурный проект, социализация, молодежь, анализ проекта, общество, социальная группа, целевая аудитория проекта, коммуникативный эффект проекта, дом молодежи, развитие личности, самовыражение, самореализация, ценности, нормы, умения, навыки.

L. N. Sarapulova, N. V. Gritskikh
Irkutsk State University, Irkutsk

THE IMPACT OF CREATIVE SOCIO-CULTURAL PROJECTS ON THE SOCIALIZATION OF YOUTH: AN ANALYSIS OF SUCCESSFUL PRACTICES

The article presents the results of a study of the types of impact of socio-cultural projects on the processes of youth socialization. Five creative socio-cultural projects from different regions of Russia are presented, and their analysis is carried out from the perspective of their influence on the formation of values and norms among young people. The types of infrastructure in cultural activities that will be created as a result of the implementation of the projects are investigated.

Keywords: creative socio-cultural project, socialization, youth, project analysis, society, social group, target audience of the project, communicative effect of the project, youth home, personality development, self-expression, self-realization, values, norms, skills, skills.

Творческие социокультурные проекты становятся неотъемлемым инструментом социализации, так как они позволяют молодым людям интегрироваться в общество, осваивая его ценности, нормы и правила. Культурно-досуговые учреждения и общественные организации, организующие такие проекты, формируют условия, при которых молодежь может активно участвовать в творческом процессе. Данные проекты не только предоставляют возможность рекреации для молодежи, но и способствуют развитию личности через самовыражение и самореализацию. Процесс социализации молодежи включает действия по обучению и усвоению норм, ценностей, образцов поведения, принятых в обществе. Молодые люди накапливают и воспроизводят социальный и индивидуальный опыт.

Социализация человека непрерывна, начинается с младенчества и продолжается всю жизнь человека. Данный процесс происходит только в социальных группах, с которыми человек сталкивается в школе, колледже, вузе, на работе, в неформальных группах, семье. Социализация человека проходит в организованной или стихийной форме. Творческие социокультурные проекты помогают человеку сформировать социальные установки и убеждения, показать и развить свои умения и таланты.

Важное значение имеет инновационный подход в организации творческих социокультурных проектов, который играет важную роль в привлечении молодежи, учитывая ее потребности и предпочтения. Как указывает Д. С. Бушмакина, «...внедрение инновационных подходов в управление социокультурной сферой способствует ее развитию и содействует раскрытию потенциала целевых групп» [1, с. 52]. Применение инноваций в творческих социокультурных проектах особенно актуально на фоне изменения ценностных ориентиров современной молодежи, значительного влияния цифровых технологий и медиа, что требует пересмотра традиционных подходов к социокультурной деятельности. Участие молодых людей в проектной деятельности, связанной с разработкой и реализацией творческих (креативных) инициатив, не только способствует их развитию, но и создает базис для формирования профессиональных и надпрофессиональных знаний, умений и навыков.

Одним из значимых факторов эффективности социокультурных проектов является их адаптация к конкретным характеристикам целевой аудитории. Возраст, образовательный уровень, социальное положение и интересы участников определяют выбор форм и содержания мероприятий. Успешные практики показывают, что такие проекты формируют устойчивую мотивацию участников, способствуют развитию мягких навыков и укрепляют социальные связи, что напрямую влияет на эффективность процесса социализации. Эффективная социализация через творчество помогает молодежи не только адаптироваться к условиям современного общества, но и активно влиять на его развитие, внося вклад в культурное и социальное пространство. С. Г. Гутова отмечает, что «для молодежи так важно участвовать в расширении уже существующих социокультурных практик за счет технических инноваций» [2, с. 86].

Творческие социокультурные проекты в контексте социализации изучаемой целевой группы выполняют роль посредника между молодежью и обществом, обеспечивая пространство для конструктивного диалога и обмена опытом. Необходимость конструктивного диалога между молодыми людьми и обществом очевидна. Социокультурная среда занимает большое место у молодежи, она более доступна, чем, например, наука. Следовательно, через участие в социокультурных проектах, молодежь все больше приобщается к общественным нормам и ценностям, социализируется в определенные общественные группы. Соответственно, через участие в творческих инициативах, молодые люди показывают свои таланты, приобретают навыки самоорганизации, укрепляют уверенность в собственных силах и получают признание своих достижений. Это особенно важно для социализации, так как это дает возможность почувствовать принадлежность к обществу и осознать свою роль в общественных отношениях.

Социокультурное проектирование инициирует поддержку культурно-досуговых учреждений и институтов, гуманизирующих культурную среду человека [3]. Творческими (креативными) проектами создается основа для социализации молодежи. Кроме того, сама молодежь активно вовлекается в проектную деятельность. Например, студенты вузов разрабатывая гранты, осваивают этапы проектирования. Любой грант (проект) заканчивается финансовым планом, т. е. расчетом бюджета. Вследствие этого студент приобретает финансовую грамотность и взаимодействует с торговыми организациями при расчете сметы затрат на проект.

Анализ успешных практик творческих социокультурных проектов включает следующие проекты для молодежи России:

1. Творческий социокультурный проект «Арт-диалог» (региональный Дом молодежи Иркутской области, г. Иркутск) [8].
2. Проект «Дом Молодежи «Квадрат» (г. Санкт-Петербург) [5].
3. Парамузыкальный фестиваль «Поверь в мечту» (Самарская область) [7].
4. Арт-фестиваль креативных индустрий «Рекреация» (Краснодарский край) [4].
5. Инклюзивное танцевальное шоу FLASHDANCE «Ты не один!» (Хабаровский край) [6].

Первый проект. Социальная значимость создания творческой лаборатории «Арт-диалог» в г. Иркутске определяется ее способностью решать задачи не только первичной, но и вторичной социализации молодежи, помогая ей трансформировать и обогащать существующую культурную среду. К тому же реализация подобных масштабных социокультурных проектов позволит заложить основу для формирования устойчивой инфраструктуры для культурного развития Иркутской области. Целевая аудитория проекта: молодежь Иркутской области в возрасте от 14 до 35 лет из различных социальных, культурных и этнических групп. Основной акцент делается как на молодых людях, проживающих в региональном центре – г. Иркутске, так и в близлежащих муниципальных образованиях (Иркутский район, Ангарское МО, Шелеховский район и др.). Проект ориентирован на учащихся школ, студентов средних специальных и высших учебных заведений, а также на молодых специалистов. Проект «Арт-диалог» предполагает мероприятия, такие как проведение мастер-классов, организация творческих лабораторий, выставок современного искусства, музыкально-литературных вечеров и этнофестивалей.

Вторым проектом успешных социокультурных практик является проект в г. Санкт-Петербург: «Дом молодежи «Квадрат» [5]. Во второй столице России очень важно привлечь как можно больше молодежи для культурных, досуговых и образовательных мероприятий. В рамках данного проекта была особенно важна творческая (креативная) инициатива и индивидуальность проекта. Молодые люди более активны в творческих инициативах. Кроме того, каждый молодой человек желает показать себя с хорошей стороны и завоевать определенную степень уважения. Публичность считается одним из показателей социальной значимости молодежи. Приветствовались спортивные, предпринимательские, культурные инициативы молодых людей. Молодежь учится работать в команде, развивает коммуникативные навыки, приобретает новые социальные связи в общественных группах.

В молодежной среде набирают обороты образовательные проекты. Знание истории страны и отдельных мест проживания населения мира, а также развитие политологии и социологии привлекают все больше молодых людей. Особенно интересны лектории ведущих специалистов и известных людей, которые делятся своим накопленным опытом. Они умеют профессионально организовать целевую аудиторию своих лекций и мастер-классов. Кроме того, организуются краткосрочные курсы и семинары. Особенно интересны профориентационные мероприятия, которые нацелены на выбор профессии молодыми людьми. Интеллектуальное развитие молодежи очень важно в современных условиях. Формируется мировоззрение человека, его социальная значимость для общества в целом. Широко привлекались художники и театральные деятели для организации художественных выставок, изучения академического рисунка, а также театральных представлений. Гибкость предложенных программ и возможность трансформации пространств под текущие нужды подчеркивают способность Дома молодежи служить не только местом для самореализации, но и инструментом для формирования современной, динамичной творческой среды. Так, например, в рамках проекта проводятся выставки, фестивали и коллаборации с профессиональными художниками, что способствует укреплению социальных связей и уверенности молодежи в своих знаниях, умениях и навыках. Таким образом, «Дом молодежи «Квадрат»» служит примером творческого социокультурного проекта, который стимулирует активное вовлечение молодежи в общественную жизнь, способствует ее социализации и формированию устойчивого социального капитала.

Третий проект. Парамузыкальный фестиваль «Поверь в мечту» (Самарская область) представляет собой значимый социокультурный проект, который оказывает влияние на процессы социализации молодежи, особенно подростков с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Его уникальность заключается в инклюзивной модели взаимодействия, позволяющей эффективно вовлекать эту социальную группу в творческую и общественную деятельность. Основной вклад фестиваля в социализацию молодежи заключается в создании условий для раскрытия творческого потенциала участников. Через участие в вокальном и хореографическом творчестве, инструментальном музицировании или декоративно-прикладном искусстве, подростки не только развивают свои способности, но и получают возможность публичного самовыражения. Данный опыт укрепляет уверенность в себе, способствует формированию позитивной самооценки и помогает преодолеть внутренние барьеры, связанные с восприятием собственных ограничений. Более того, отсутствие соревновательного аспекта подчеркивает ценность каждого человека, вне зависимости от его возможностей, что способствует укреплению инклюзивных ценностей. Взаимодействие с другими участниками и педагогами формирует навыки сотрудничества, помогает адаптироваться к разнообразным социальным ситуациям и стимулирует развитие личности в гармоничном взаимодействии с обществом. Фестиваль «Поверь в мечту» служит примером эффективного творческого социокультурного проекта, направленного на создание инклюзивного пространства и поддержку социализации молодежи с особыми потребностями.

Четвертый проект. Арт-фестиваль креативных индустрий «Рекреация» (Краснодарский край) служит показательным примером социализации молодежи через творческую активность и развитие креативных индустрий. Данный Арт-фестиваль был призван объединить

творческую молодежь. Креативные индустрии подразумевают индивидуальные уникальные проекты. В этом случае участники креативных проектов организуют самопрезентацию, что способствует самореализации молодежи в сфере культуры. Важным результатом стало Арт-фестиваля стало 60 культурных проектов. Они были представлены в виде концертов, выставок, а также мастер-классов. По разным направлениям культуры Арт-фестиваль «Рекреация» объединил участников фестиваля.

И, наконец, пятый проект. Инклюзивное танцевальное шоу FLASHDANCE «Ты не один» представляет проект, направленный для молодежи с нарушением слуха. Данный проект был реализован в Хабаровском крае. Его структура и механизмы реализации демонстрируют, как креативные мероприятия способствуют формированию инклюзивной среды, объединяющей различные социальные группы. Одним из ключевых аспектов проекта является создание условий для равного участия молодежи, включая лиц с ограниченными возможностями здоровья. Совместное исполнение танцевальных номеров с использованием светового реквизита позволяет участникам, независимо от их физического состояния, чувствовать себя частью единого целого. Этот подход устраняет барьеры восприятия и формирует у участников чувство принадлежности к социальной группе, что особенно важно для молодежи с ОВЗ, которая часто испытывает чувство изоляции.

Интеграция участников с нарушениями слуха в процесс создания танцевальных шоу стимулирует их личностное развитие. Такие мероприятия не только предоставляют возможность для самореализации, но и способствуют раскрытию творческого потенциала, укрепляя уверенность участников в своих способностях. Включение молодых людей с ОВЗ в состав коллективов, создающих зрелищные постановки, позволяет им почувствовать свою значимость и активную роль в культурной жизни общества. Реализация подобных проектов демонстрирует, как творческая деятельность становится мощным инструментом социализации, преодолевающим социальные и физические барьеры.

В целом анализ реализации пяти творческих социокультурных проектов для молодежи показывает хорошие результаты по повышению коммуникативной эффективности взаимодействия участников проектов. Социализация как процесс вхождения индивида в общественную жизнь представляет собой сложный и многоуровневый феномен, охватывающий освоение норм, ценностей, моделей поведения и социальных ролей. В данном контексте социализация трактуется как формирование социальной идентичности и адаптация человека к культурным и социальным условиям общества. Ключевую роль в социализации играет коллективное сознание, которое является структурным элементом, связывающим индивида с социальной группой. Эта связь определяется не только передачей норм и моделей поведения, но и активным освоением культурного наследия. Социализация охватывает двустороннее взаимодействие, при котором индивид адаптируется к обществу и одновременно влияет на его трансформацию. Отметим, что основными агентами социализации молодежи выступают семья, образовательные учреждения, медиа и субкультурные объединения. Молодежь интегрируется в общественную жизнь и выбирает свое место в жизни.

Социокультурное проектирование, пожалуй, самый непростой, но современный вид социокультурного управления. В настоящее время, проектная деятельность актуальна, важна и просто необходима, поскольку социальные системы нашей страны нуждаются в разного рода изменениях, подходах к реализации намеченных планов. Актуальны инновационные методы и формы работы, которые впоследствии изменят культурную жизнь России к лучшему. Социокультурное проектирование представляет собой специальную технологию, включающую разработку конкретных мероприятий для выполнения основного предназначения культурной деятельности – ее миссии. Каждое культурное учреждение несет свою миссию в народ как функцию его основного предназначения, для чего оно создано. Далее разрабатываются цели функционирования учреждения. Для достижения поставленных целей применяется социокультурное проектирование как плановая функция менеджмента [3, с. 8].

Творческие социокультурные проекты направлены на исследование и популяризацию русского и зарубежного искусства. Кроме того, в проектах проявляется сохранение культур-

ного наследия. Молодые люди участвуют в развитии общественных инициатив и установлении социальных связей между собой и другими людьми. В этом заключается будущий потенциал их профессиональной и личной деятельности. Дифференциация различных проектов направлена на выделение особенностей целевой аудитории, а именно молодых участников. Для этого, выделяются общественные функции проекта: образовательные, адаптационная, конструирующая. Участники проекта создают целостный механизм потребления и распространения культурных услуг. Гармоничное взаимодействие молодого участника и общества положительно влияют на развитие личности и повышение качества жизни.

Социокультурный проект для молодежи является средством сохранения или воссоздания социальных явлений и культурных феноменов, соответствующих (как количественно, так и качественно, содержательно) сложившимся нормам, установкам. Так называемый «культурный код» играет большую роль в становлении личности. Ведь именно понятие нормы и модель поведения мы перенимаем от тех, кто нас окружает. Для решения возникших и накопленных проблем в культурном развитии, как страны, так и регионов выделяют проблемно-целевое проектирование. Кроме того, социокультурный проект выступает как совокупность документов, необходимых для составления бюджета. Молодежь, группируется вокруг конкретных социокультурных проектов. Это является способом культурного наполнения жизни, занятости, служит объединяющим и социализирующим фактором. Включение общественности в процесс разработки, обсуждения и реализации проектов важно еще и с другой точки зрения. Таким образом, оно стимулирует самоорганизацию и самостоятельность населения, способствует формированию по месту жительства стабильных инициативных групп и социальных общностей. Для привлечения и эффективного участия молодежной общественности необходимы консультации опытных специалистов, а также соответствующая материальная и организационная поддержка творческих инициатив.

Каждый из изученных примеров (проектов) демонстрирует способность таких инициатив не только стимулировать творческий потенциал участников, но и формировать у них чувство социальной ответственности, навыки взаимодействия и осознание своей роли в обществе. Дополнительным инструментом в работе с молодежью может стать создание реестра социально ответственных организаций и, соответственно, выделение им денежных средств на проекты для молодежи. Государственные органы власти могут использовать данный реестр организаций для предоставления льгот и других форм государственной поддержки. Кроме того, государственные органы власти могут более успешно контролировать и влиять на социализацию молодежи. Функция общественного контроля приобрела социальную значимость, при формировании ценностей у подрастающего поколения. Культура является главной движущей силой человеческого развития. В целом творческие проекты в культуре способствуют социальной сплоченности молодежных групп, а также устанавливают связи между отдельными индивидами.

Литература

1. Бушмакина Д. С. Современные технологии менеджмента социально-культурной деятельности // Вестник науки. 2024. № 3 (72). С. 46–53.
2. Гутова С. Г., Богатырь В. С. Особенности формирования современных социокультурных молодежных практик // Казанский социальный-гуманитарный вестник. 2024. № 3 (66). С. 85–92.
3. Сарапулова Л. Н. Социокультурное проектирование: теория и практика : учеб. пособие. Иркутск : Репроцентр А1», 2021. 131 с.
4. Арт-фестиваль креативных индустрий «Рекреация» // Смартотека Агентства стратегических инициатив. URL: <https://smarteka.com/practices/art-festival-kreativnyh-industrij-rekreacia> (дата обращения: 14.03.2025).
5. Дом Молодежи «Квадрат» // Смартотека Агентства стратегических инициатив. – URL: <https://smarteka.com/practices/dom-molodezi-kvadrat> (дата обращения: 14.03.2025).
6. Инклюзивное танцевальное шоу FLASHDANCE «Ты не один!» // Смартотека Агентства стратегических инициатив. URL: <https://smarteka.com/practices/inkluzivnoe-tanceval-noe-sou-flashdance-ty-ne-odin> (дата обращения: 14.03.2025).
7. Парамузыкальный фестиваль «Поверь в мечту» // Смартотека Агентства стратегических инициатив. URL: <https://smarteka.com/practices/paramuzikalnyj-festival-pover-v-mectu?tab=task> (дата обращения: 14.03.2025).
8. Сайт Дома молодежи Иркутской области. URL: https://vk.com/dom_molodezhi_irkobl (дата обращения: 14.03.2025).

Е. С. Скорова, Т. В. Андриянова
Курский государственный университет, г. Курск

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ МУЗЕЕВ В МНЕНИЯХ И ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ

Рассматривается трансформация современных музеев из хранилищ артефактов в многофункциональные культурные институты, активно взаимодействующие с обществом. Анализируются ключевые направления социологического изучения музеев, включая анализ посетителей, оценку эффективности коммуникаций и влияние на формирование культурных ценностей. Подчеркивается значимость учета мнений экспертов для адаптации музеев к меняющимся потребностям общества и реализации их просветительской и культурной миссии.

Ключевые слова: музей, социология музея, эксперты, музееведение, культурно-просветительская деятельность, музейная коммуникация, культурное наследие.

E. S. Skorova, T. V. Andrianova
Kursk State University, Kursk

THE TRANSFORMATION OF MODERN MUSEUMS IN THE OPINIONS AND ASSESSMENTS OF EXPERTS

The article examines the transformation of modern museums from artifact repositories into multifunctional cultural institutions that actively interact with society. The article analyzes the key areas of sociological study of museums, including visitor analysis, evaluation of the effectiveness of communications and the impact on the formation of cultural values. The author emphasizes the importance of taking into account the opinions of experts for the adaptation of museums to the changing needs of society and the implementation of their educational and cultural mission.

Keywords: museum, museum sociology, experts, museology, cultural and educational activities, museum communication, cultural heritage.

Современные музеи давно перестали быть просто хранилищами артефактов прошлого. Они представляют собой уникальные культурные институты, в которых пересекаются история, искусство, наука и общественные практики. На протяжении веков музеи эволюционировали, адаптируясь к изменениям в обществе и отражая его ценности и приоритеты. В современном обществе музеи превратились в многофункциональные платформы для диалога, образования, досуга и, что особенно важно, в активных участников социального процесса. В связи с этим экспертные мнения и оценки приобретают все большую актуальность, позволяя понять, как эти институты взаимодействуют с обществом, какие функции выполняют и какие вызовы стоят перед ними в эпоху глобализации и цифровизации.

Эволюция деятельности музеев, начиная с первых коллекций, созданных в античные времена (ярким примером может служить Александрийский музей, основанный около 290 г. до н. э.), и заканчивая современными мультимедийными экспозициями, позволяет проследить как менялись функции музеев. В историческом обзоре можно увидеть, как музеи из мест хранения редкостей и произведений искусства трансформировались в образовательные и культурные центры, способствующие развитию общества. Это изменение неразрывно связано с изменением общественных потребностей и запросов, что подчеркивает важность экспертного анализа музеев как институтов, активно взаимодействующих с разными слоями населения.

Представляя экспертов как ведущих специалистов в данной отрасли, отметим точку зрения А. С. Максимовой: исследования музеев представляют собой самостоятельную и сфокусированную на одном объекте междисциплинарную область, в которой объединяются перспективы культурологии, истории, антропологии, социологии и философии [5]. Эти дисциплины объединяются для всестороннего анализа музеев как культурных и социальных институтов, играющих ключевую роль в обществе. В социальном контексте музеи выполняют множество функций, включая сохранение и передачу культурного наследия, образование и социальную интеграцию.

Способы постановки проблем для экспертных мнений в этой области исследований весьма разнообразны: музеи изучаются с точки зрения их развития как института, их взаимодействия с системами знаний, их роли в формировании национальной идентичности или в работе культурной экономики. Например, эксперты могут анализировать, как музеи влияют на формирование коллективной памяти и национальной идентичности, как они взаимодействуют с образовательными системами и как они способствуют развитию культурной экономики, привлекая туристов и создавая рабочие места.

Экспертные оценки выражены, прежде всего в исследованиях музеев, оформившихся в самостоятельную научную область – музееведение (иногда называемое музеологией) – в последние десятилетия XIX в. и обладают выраженной междисциплинарностью. Они представляют собой сферу научного интереса для целого ряда гуманитарных и социальных дисциплин, включая культурологию, историю, антропологию, философию и социологию, которые используют собственные методологические подходы для анализа музейных феноменов.

Интенсивное развитие традиции изучения музеев, отмеченное всплеском экспертного интереса и формированием устойчивых научных школ, приходится на последние десятилетия XX в. [5]. В это время наблюдается значительное расширение теоретической и методологической базы музееведения, активизируется научная дискуссия о роли и функциях музея в современном обществе, а также происходит переосмысление подходов к интерпретации музейных коллекций и экспозиций. Этот период характеризуется растущим экспертным пониманием важности музеев как культурных институтов, активно влияющих на формирование идентичности, исторической памяти и общественного сознания.

Экспертиза социологического знания о музеях в современной отечественной традиции во многом происходит с опорой на наследие советской социологии культуры, исследовательские интересы которой были направлены на изучение масштаба участия советских граждан в культурной жизни общества, их приобщенности к высокой культуре и, соответственно, структурных характеристиках музейной аудитории [1]. Музеи становятся объектами исследования не только для историков и искусствоведов, но и для экспертов-социологов, которые анализируют их влияние на социальные процессы, идентичности и культурные практики. Роль музеев в современном обществе нельзя недооценить. Они становятся важными центрами культурной жизни, местами, где люди могут не только ознакомиться с историей и искусством, но и обмениваться мнениями, участвовать в образовательных программах и культурных событиях. Музеи выполняют не только просветительские функции, но и социальные, способствуя формированию активного гражданского общества. В этом контексте важно понимать, как музеи взаимодействуют с различными группами населения, какие вызовы и перспективы стоят перед ними в условиях меняющегося мира.

Для всесторонней экспертной оценки роли и значимости музея в системе социальных и культурных связей, понимания текущих тенденций и трансформаций в его деятельности, а также для определения уровня восприятия музея как социокультурного института, пространства для досуга и коммуникативной платформы современным обществом было проведено исследование, включающее опрос посетителей Саратовского государственного художественного музея имени А. Н. Радищева, где генеральная совокупность составила 280 чел. в возрасте от 10 до 60 лет. Важно отметить, что анкеты, предложенные респондентам, охватывали не только опыт посещения Радищевского музея, но и опыт взаимодействия с другими музейными пространствами, которые посещали участники опроса. В дальнейшем анализе подвергались наиболее репрезентативные результаты данного исследования. Анализ тенденций, наблюдаемых в музейном секторе, указывает на активное внедрение новых и нестандартных подходов к представлению материалов и расширение спектра культурно-образовательных программ. Тем не менее, как показало проведенное исследование, большинство посетителей (90,5 %) отдают предпочтение традиционным формам музейной деятельности, а (52,7 %) посещению экспозиций [4].

Этот факт представляется вполне закономерным, учитывая исторические корни музея, основной функцией которого всегда была демонстрация постоянных и временных (выста-

вочных) экспозиций. Именно экспозиционное пространство является ключевым элементом музейной коммуникации, где взаимодействие посетителя с представленными артефактами и экспонатами осуществляется, прежде всего, посредством визуального восприятия. В экспозиции раскрывается культурно-коммуникативная и знаковая природа артефактов, представленных в конкретном музейном пространстве.

Вместе с тем эксперты подчеркивают, что значительная часть опрошенных посетителей, а именно 47,3 %, проявили особый интерес к организации музеями специальных мероприятий. В частности, речь идет о таких популярных акциях, как «Ночь в музее», тематических выставках, посвященных юбилейным датам города, общенациональным праздникам или значимым историческим событиям, а также о других разовых культурных мероприятиях, проводимых музеями [4].

Этот факт является ещё одним свидетельством того, что современные музеи, стремясь оставаться востребованными и актуальными, активно работают над удовлетворением потребностей современного посетителя, предлагая ему не только познавательный, но и эмоционально насыщенный опыт. Организация подобных мероприятий позволяет музею создавать атмосферу праздника и вовлекать посетителей в интерактивное взаимодействие с культурным наследием. Музейные праздники и специальные акции предоставляют уникальную возможность получить яркие впечатления, эмоциональную разрядку и организовать культурно-развлекательный досуг, тем самым, расширяя аудиторию музея и формируя лояльное отношение к нему со стороны посетителей.

Как считают эксперты, за последние десятилетия произошли фундаментальные изменения в содержательном наполнении культурно-образовательной деятельности российских музеев, что отражает значительные сдвиги в их концептуальной ориентации [2; 3]. Современное музееведение, опираясь на опыт и передовые практики, признает решающую роль социологических исследований не только в сфере культурного просвещения, но и в других ключевых направлениях работы музея. В частности, социологические методы исследования стали неотъемлемой частью процесса планирования и реализации музейной деятельности, обеспечивая научно обоснованный подход к решению актуальных задач. Социология предоставляет музеям инструменты для анализа и оценки различных аспектов их функционирования, от разработки эффективных образовательных программ до улучшения взаимодействия с посетителями и общественностью.

Одним из ключевых направлений работы социологов в музее является разработка и применение методик экспертных оценок. Экспертные оценки позволяют выявлять и анализировать содержательно-смысловые показатели музейных экспозиций и программ, оценивать их актуальность, соответствие интересам целевых аудиторий и эффективность воздействия на посетителей. С помощью социологических методов разрабатываются критерии оценки эффективности внутримузейных коммуникаций, обеспечивающих создание благоприятных условий для реализации образовательной, просветительской и культурной миссии музея [4].

Отметим, что экспертные оценки, применяемые в музейной деятельности на основе социологических методик, являются не просто полезным инструментом, а необходимой составляющей успешного функционирования современного музея. Они предоставляют ценную информацию о восприятии посетителями экспозиций и программ, выявляют сильные и слабые стороны, а также позволяют оценить соответствие представленного материала интересам различных целевых аудиторий.

Благодаря экспертным оценкам музеи могут целенаправленно развивать свои экспозиции и программы, делая их более привлекательными, информативными и запоминающимися для посетителей. Применение экспертных оценок дает возможность музею не только приспосабливаться к меняющимся запросам общества, но и активно участвовать в формировании культурной среды, сохраняя свою актуальность и значимость как культурного института в современном мире.

Таким образом, музеи сегодня – это постоянно меняющиеся институты, которые интенсивно взаимодействуют с обществом и способствуют культурному диалогу. Чтобы выявить их влияние и найти новые пути развития, необходима экспертная оценка их работы. Ключевым фактором успеха музеев, является их способность к адаптации новых вызовов, а также оставаться открытыми для внедрения инноваций. Это позволит им не только сохранить свое значение в современном мире, но и стать важными агентами изменений, способствующими развитию культуры, образования и социальной справедливости.

Литература

1. Андреев А. Ю., Григорьева Е. А. Опыт музейной социологии: музеи и общество // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15, № 2. С. 190–201.
2. Андриянова Т. В. «Паспорт культурной жизни» региона как инструмент сравнительного анализа показателей // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 5–6 дек. 2018 г. Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2018. С. 178–182.
3. Андриянова Т. В. Доступная среда для лиц с ограниченными возможностями здоровья в контексте культуры региона. Курс : Курский гос. ун-т, 2018. 99 с.
4. Грачева Е. С. Культурно-образовательная деятельность музея: социологический аспект // Молодой ученый. 2010. № 10 (21). С. 240–245.
5. Максимова А. С. Развитие подходов к изучению музеев в социальных и гуманитарных науках // ЖССА. 2019. № 2. С. 118–146.

УДК 008:004(571.53)

Н. В. Рудакова, В. Е. Каблукова

Иркутский областной учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал»,
г. Иркутск

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПОРТАЛА «КУЛЬТУРА 38» В КОНТЕКСТЕ МНЕНИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНКЕТНОГО ОПРОСА)

Анализируются результаты опроса руководителей и специалистов государственных и муниципальных учреждений культуры Иркутской области. Работа отражает данные анкетного опроса по части вопросов, направленных на получение от деятелей сферы культуры информации относительно предпочтений и запросов к наполнению Единого регионального портала «Культура 38», а также видения специалистов отрасли путей его дальнейшего развития. Представлен реализованный план мероприятий, проведенных исходя из запросов посетителей сайта.

Ключевые слова: культура, Иркутская область, Единый региональный портал «Культура 38», оценка функциональности и качества портала «Культура 38», мероприятия по развитию портала «Культура 38».

N. V. Rudakova, V. E. Kablukova

Irkutsk educational and methodical center of culture and art «Baikal», Irkutsk

ASSESSMENT OF THE QUALITY OF THE UNIFIED REGIONAL INFORMATION PORTAL "CULTURE 38" IN THE CONTEXT OF THE OPINIONS OF CULTURAL ACTIVITIES OF THE IRKUTSK REGION (BASED ON THE RESULTS OF A QUESTIONNAIRE SURVEY)

The paper presents the results of a survey of managers and specialists of state and municipal cultural institutions of the Irkutsk region. The article reflects the data of a questionnaire survey on questions aimed at obtaining information from cultural figures regarding preferences and requests for the content of the Unified Regional Portal "Culture 38", as well as the vision of industry experts on ways to further develop it. The paper presents an implemented action plan based on the requests of site visitors.

Keywords: culture, Irkutsk region, Unified regional portal "Culture 38", evaluation of the functionality and quality of the portal "Culture 38", activities for the development of the portal "Culture 38".

В целях получения информации относительно оценки функциональности и качества наполнения Единого регионального портала «Культура 38» (далее – Портал), а также опре-

деления путей его дальнейшего развития отделом аналитики и мониторинга Иркутского областного учебно-методического центра культуры и искусства «Байкал» по поручению министерства культуры Иркутской области произведен анкетный опрос.

В качестве целевых групп исследования выступили руководители и работники основного персонала государственных и муниципальных учреждений культуры Иркутской области следующих видов: театры и концертные организации, музеи, библиотеки, учреждения среднего профессионального образования, учреждения дополнительного образования детей, культурно-досуговые учреждения, иные учреждения культуры, а также руководители и специалисты органов управления культуры муниципальных образований Иркутской области.

В формализованном опросе (анкетировании) приняли участие 1803 чел.

По социально-демографическому статусу в исследовании участвовали 237 мужчин (13,1 %) и 1566 женщин (86,9 %).

В опросе приняли участие руководители и специалисты пяти возрастных групп:

- до 30 лет – 11,4 %;
- от 30 до 39 лет – 27,1 %;
- от 40 до 49 лет – 30,2 %;
- от 50 до 59 лет – 22,6 %;
- от 60 лет и старше – 8,7 %.

По стажу работы в сфере культуры руководители и специалисты составили 4 группы:

- до 3 лет – 17,7 %;
- от 3 до 10 лет – 28,2 %;
- от 10 до 20 лет – 28,2 %;
- больше 20 лет – 25,9 %.

Из числа опрошенных 50,6 % проживают в городской местности, 49,4 % – в сельской местности.

Участники опроса распределились по категориям работников сферы культуры и искусства в следующей пропорции:

- 78 работников театров – 4,3 %;
- 4 работника концертных организаций – 0,2 %;
- 76 работников музеев – 4,2 %;
- 383 работника библиотек – 21,2 %;
- 830 работников культурно-досуговых учреждений – 46,0 %;
- 354 работника учреждений дополнительного образования детей – 19,6 %;
- 19 работников учреждений среднего профессионального образования – 1,1 %;
- 7 работников иных учреждений культуры – 0,4 %;
- 52 работника органов управления культуры муниципальных образований – 6,0 %.

Из 1 803 респондентов, принявших участие в исследовании, 5,7 % работают в государственных учреждениях культуры и 94,3 % – в муниципальных учреждениях культуры.

В процессе анализа полученных в результате опроса ответов было выявлено, что оценивая работу портала «Культура 38» по шести различным критериям по пятибалльной шкале (где 1 – низкий уровень, а 5 – высокий уровень), наибольшая часть респондентов, поставила высокую оценку по всем установленным показателям. Так, Портал в целом высоко оценили 68,2 % опрошенных, дизайн Портала – 68,0 %, качество предоставляемой информации – 70,0 %, полноту представляемой информации – 67,1 %, регулярность обновления информации – 68,1 %, удобство навигации – 67,0 %. Стоит отметить, что к Порталу в целом более категорично относятся представители государственных учреждений: самую низкую оценку поставили 1,9 % респондентов с государственных учреждений и 0,5 % респондентов из муниципальных учреждений культуры региона.

Следующий вопрос был направлен на выявление наиболее интересных разделов портала «Культура 38». Полученные 3 625 ответов (приняты за 100 %) распределились среди респондентов следующим образом: 1) Новости – 29,5 %; 2) Афиша – 23,6 %; 3) Конкурсы – 22,9 %; 4) Нацпроект – 16,2 %; Блог – 4,4 %; Бренды – 3,3 %. Интересным видится мнение

респондентов о самых интересных разделах портала «Культура 38» в зависимости от возраста. Превалирующим ответом во всех возрастных группах являются новости, однако респонденты от 50 до 59 лет (85,9 %) и от 60 лет и старше (85,3 %) выбирали этот ответ чаще других. Респонденты же младше 50 лет чаще выбирали разделы «Афиша» и «Блог».

Отвечая на вопрос «Какие материалы портала «Культура 38» для вас являются наиболее полезными и интересными» две трети респондентов (66,2 %) называют самыми интересными материалами новости учреждений культуры. Порядка 50 % респондентов отметили официальные новости Правительства/министерства культуры региона и анонсы мероприятий учреждений культуры (58,0 % и 53,4 % соответственно). Одна пятая респондентов выбрали информацию о культурных брендах (22,2 %), фильмотеку, выпуски культурной программы (по 21,2 %) и интервью с представителями сферы культуры (20,9 %).

Анализ данных по вопросу «Какую информацию/рубрики/разделы вы хотели бы видеть на портале «Культура 38» показал, что респонденты предлагают различные варианты по усовершенствованию Портала, подчеркивая, что им бы хотелось видеть более детальную информацию о:

- мероприятиях в сфере культуры;
- людях в культуре;
- конкурсах и мастер классах;
- проектах и грантах;
- истории региона и достопримечательностях области;
- больше видео и фотоматериалов;
- более полную информацию по каждому муниципальному образованию.

Отвечая на вопрос «Оставьте, пожалуйста, ваши замечания по работе и содержанию портала «Культура 38» респонденты высказали недовольство относительно дизайна и сложности навигации на Портале, неполного охвата учреждений всех уровней, недостаточного объема материалов (репортажей, статей, интервью, фотоматериалов), сложности размещения информации. Также участники опроса обратили внимание на необходимость в новых рубриках и повышении уровня актуальности.

Далее респондентам необходимо было самостоятельно сформулировать предложения по улучшению функционирования и наполнения портала «Культура 38». Были получены следующие ответы:

- охват учреждений всех уровней (11,7);
- опубликование более полной информации (11,1 %);
- давать возможность учреждениям самим публиковать информацию (11,0 %);
- упростить навигацию (10,9 %);
- создать новые разделы (7,9 %);
- усовершенствовать дизайн (2,7 %);
- размещать больше информации о конкурсах в сфере культуры (1,6 %).

Представленное исследование позволяет сделать вывод о том, что Единый региональный портал «Культура 38» является популярным и востребованным источником информации среди работников учреждений культуры Иркутской области. Между тем результаты опроса показали, что для улучшения работы портала «Культура 38» необходимо:

- обеспечение удобства работы с Порталом, проведение работы по улучшению системы навигации, особенно для людей пожилого возраста;
- создание новых разделов и рубрик в соответствии с выявленными запросами пользователей;
- проведение рекламных и маркетинговых компаний для повышения уровня узнаваемости и популярности Портала среди пользователей в поисковых системах и социальных сетях;
- усовершенствование механизма поиска информации на Портале, в первую очередь в разделе «Афиша»;

- настройка интеграции с федеральным порталом «ПРО.Культура.РФ» в целях охвата учреждений культуры муниципальных районов Иркутской области;
- создание системы рассылки новостей и информации о проводимых конкурсах в сфере культуры.

Исходя из запросов посетителей был разработан и реализован план мероприятий по доработке Портала, включающий следующие направления.

Дальнейшее развитие структуры Портала. В целях обеспечения удобства работы с Порталом и улучшения системы навигации была создана главная страница Портала, на которой представлены все разделы портала (последние новости, свежие интервью, бренды, афиша, конкурсы). Реализован функционал выпадающего меню, настроена автоматическая рассылка новостей и конкурсов. Для удобства подачи информации на Портал для сотрудников учреждений культуры создана электронная форма «Рассказать о событии». Проведена доработка раздела «Афиша»: внедрена функция поиска учреждения по названию, по типу учреждения (театр, концертная организация, музей, библиотека, Дом культуры и клуб, образовательное учреждение, кинотеатр, парк) и по названию (с функцией поиска при вводе); установлены баннеры (лента масштабных мероприятий) с возможностью автоматической прокрутки и перехода на страницу анонса, установлены дополнительные фильтры и метки (премьера, онлайн-мероприятия, значок пушkinской карты); настроена автоматическая загрузка данных о киносеансах частных кинотеатров с портала «Афиша.ру». В разделе «Конкурсы» изменен дизайн страницы, добавлены фильтры: актуальные, неактуальные конкурсы, детские конкурсы. В разделе «Учреждения» стал возможен поиск учреждения на интерактивной карте.

Работа по созданию собственного контента. Для наполнения раздела «Блог» и «Новости» на постоянной основе готовятся авторские материалы: статьи, интервью, репортажи по культурной тематике, проблемные, аналитические, исторические статьи, обзоры культурных событий в муниципальных образованиях, биографии. В разделе размещаются видеоматериалы культурных мероприятий, в том числе выпуски «Культурной программы». Для наполнения Портала и социальных сетей авторскими фотографиями проводятся фотосъемки города Иркутска, учреждений культуры и деятелей культуры. Для главной страницы разрабатываются дизайнерские баннеры, приуроченные к главным культурным событиям региона. Организуются и проводятся онлайн-показы спектаклей, концертов и фестивалей.

Создание новых разделов и рубрик. Создан новый раздел «Люди культуры», посвященный заслуженным и народным работникам сферы культуры РФ. В работе находится раздел «Юные таланты» об одаренных детях и талантливой молодежи – стипендиатах премии Губернатора.

Настройка интеграции с федеральным порталом «ПРО.Культура.РФ». С целью охвата всей сети учреждений культуры региона настроена интеграция портала «ПРО.Культура.РФ» и портала «Культура 38». В результате все анонсы мероприятий, размещаемые учреждениями на федеральном портале «ПРО.Культура.РФ», автоматически публикуются на региональном портале «Культура 38» в разделе «Афиша», что облегчает работу сотрудников учреждений культуры и способствует большему наполнению Портала.

Проработка механизма продвижения портала «Культура 38», в том числе в сети Интернет, с целью увеличения числа посетителей и подписчиков. Для продвижения портала «Культура 38» были проведены следующие мероприятия: продвижение портала в поисковых системах (SEO) – путем автоматического заполнения SEO-карточки новости, конкурса или анонса мероприятия; продвижение портала в соцсетях «ВКонтакте», «Одноклассники» – путем публикации контента, проведения розыгрышей, отметок партнеров; выступление в качестве информационного партнера крупных культурных мероприятий; распространение рекламной полиграфической продукции в учреждениях культуры; проведение регионального конкурса на самое активное участие в освещении культурной жизни муниципальных образований Иркутской области на Едином региональном портале «Культура 38»; кросс-постинг материалов на страницах героев интервью раздела «Блог»; создание кнопки «Поделись» и соответствующего функционала в социальных сетях; запуск контекстной рекламы в интер-

нете. Представляя Портал на федеральном уровне журналисты Портала принимали участие в общероссийском конкурсе «Культура слова-2023», стали победителями конкурса «Культура слова-2024».

Проведенное исследование, направленное на выявление предпочтений и запросов респондентов к наполнению портала «Культура 38», позволило обозначить перспективные направления его развития и сформировать план мероприятий по его усовершенствованию. Реализация плана способствовала повышению уровня соответствия Портала ожиданиям посетителей, посещаемость портала выросла в три раза.

УДК 378.147.31

М. Ю. Попов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ИГРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Рассматриваются особенности использования игр как инструмента социального моделирования. Описаны возможности использования игровых моделей. Также были проанализированы основные направления игровой индустрии, наиболее актуальные для инновации в социологии. Сделан вывод, что современная игровая индустрия при должном подходе может стать инструментом в области инновационных исследований в социологии.

Ключевые слова: игровая индустрия, игра, социальное моделирование, инновации, социология.

M. Yu. Popov

Irkutsk State University, Irkutsk

GAMES AS A TOOL FOR SOCIAL MODELING

The article examines in detail the features of using games as a tool for social modeling. The main possibilities for using game models were described. The main areas of the gaming industry that are most relevant for innovation in sociology were also analyzed. We came to the conclusion that the modern gaming industry, with the right approach, can become a tool in the field of innovative research in sociology.

Keywords: gaming industry, game, social modeling, innovation, sociology.

Современная игровая индустрия развивается быстрыми темпами. Количество игроков растет с каждым годом. К 2020 г. в мире было 2,5 млрд. чел., игравших в компьютерные игры, в России их число насчитывало 65 млн. чел. Средний возраст геймера к 2020 г. составлял 36 лет в России и странах СНГ, в то время как в мире этот возраст составлял 34 года [5].

В рамках развития игровой индустрии большой интерес для научной деятельности представляет такой аспект игр, как моделирование [3]. Так или иначе, любая игра представляет собой модель реальности с различными упрощениями. Частой задачей для разработчиков игр становится создание реалистичной модели мира в различных его аспектах. В играх моделируют физику, химические процессы, эволюционные механизмы и т. д. Но для нас особый интерес представляет то, что в играх часто моделируют различные социальные процессы и явления [2].

Подобные игровые модели могут дать ряд преимуществ в современных социологических исследованиях. Здесь важным фактором выступает возможность использования игровых моделей в процессе обучения социологов на различных уровнях, так как, мы можем использовать целый ряд игр в качестве наглядных примеров моделирования различных социальных процессов, иллюстрирующих либо исторический процесс, либо современность [1].

Кроме вышеуказанной особенности, игровые модели реальности могут послужить дополнительным источником информации в социологических исследованиях. Такие модели прекрасно могут выступить в качестве как объекта, так и его предмета исследования. В таком случае наша основная задача дать правильную оценку значимости социальной модели

для исследования. Чаще всего различные социальные модели могут стать инновационным инструментом в рамках социологических исследований.

Третья сторона инновации в социологии – это исследования игр и существующих в рамках таких игр социальных моделей. Современная игровая индустрия становится все более важным общественным маркером. Изменения в игровой индустрии часто напрямую связаны с развитием общества, параллельно игровая индустрия становится важной частью экономического сектора и масштабным культурно-социальным явлением, которое оказывает все большее влияние на общество и его процессы [4].

Учитывая все вышеперечисленные аспекты, наибольший интерес представляют различные игры, включающие стратегические элементы управления, именно в них управление игрока масштабировано, в рамках городов, стран или даже целых планет создатели игр моделируют основные социальные процессы с различной степенью достоверности.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в рамках инновационного подхода игры могут стать незаменимым инструментом социального моделирования.

Литература

1. Бак В. В., Бак А. И. Использование технологии геймификации в процессе обучения // Материалы научно-практической конференции «Инновации в образовании и науке». 2015. С. 51–57.
2. Блум А. Геймификация в образовании: что это такое и как оно работает // Технологии обучения. 2014. № 4. С. 16–23.
3. Вебер Л. Г. Геймификация в образовании: практика и перспективы // Образование и наука. 2017. № 6. С. 114–118.
4. Геймификация в образовании: опыт и перспективы / под ред. А. Л. Андреева, О. В. Лучко. М. : РУДН, 2017. 234 с.
5. Стагнация или расцвет: что ждет игровую индустрию в будущем // Хабр. URL: <https://habr.com/ru/news/512930/> (дата обращения: 17.02.2025).

УДК 316.334.56(571.1/.5)

М. В. Леминов

Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Иркутск

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Проведен анализ проблем маргинализации российской молодежи в цифровом пространстве. Рассмотрены основные факторы, способствующие этому процессу, такие как цифровое неравенство, информационная перегрузка, кибербуллинг и потеря культурной идентичности. Выделяются последствия маргинализации, включая социальную напряженность, снижение гражданской активности и ухудшение психического здоровья молодежи. Предложены пути преодоления проблем, такие как развитие цифровой инфраструктуры, повышение медиаграмотности и создание позитивного контента. Сделан вывод о необходимости применения комплексного подхода с целью интеграции молодежи в цифровое общество и предотвращения ее маргинализации.

Ключевые слова: маргинализация, молодежь, цифровое пространство, Россия, информационное неравенство, медиаграмотность, кибербуллинг, культурная идентичность.

M. V. Leminov

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk

THE MARGINALIZATION OF RUSSIAN YOUTH IN THE DIGITAL SPACE

The article focuses on the issue of marginalization of Russian youth in the digital space. It examines the main factors contributing to this process, such as digital inequality, information overload, cyberbullying, and the loss of cultural identity. The author analyzes the consequences of marginalization, including social tension, decreased civic engagement, and the deterioration of young people's mental health. In conclusion, solutions to the problem are proposed, such as the development of digital infrastructure, improving media literacy, and creating positive content. The article emphasizes the need for a comprehensive approach to integrate youth into digital society and prevent their marginalization.

Keywords: marginalization, youth, digital space, Russia, information inequality, media literacy, cyberbullying, cultural identity.

Современное общество находится на пороге масштабных изменений, обусловленных стремительной цифровизацией всех аспектов жизни. Молодежь, как самая динамичная и открытая к инновациям социальная группа, оказывается в эпицентре этих процессов. Цифровое пространство открывает перед ней неограниченные возможности для самореализации, обучения и коммуникации, но одновременно порождает новые риски, способные привести к социальной изоляции и маргинализации. В данной статье мы исследуем, как цифровая среда воздействует на российскую молодежь, какие механизмы способствуют ее отчуждению и какие последствия это может иметь для будущего общества [1].

Маргинализация, в классическом понимании, представляет собой процесс социального исключения, при котором отдельные группы или индивиды оказываются на периферии общественной жизни. Однако в условиях цифровой эпохи этот феномен трансформируется, приобретая новые, специфические черты. Молодежь, активно вовлеченная в цифровую среду, сталкивается с уникальными вызовами: риском виртуальной изоляции, размыванием границ между реальным и виртуальным мирами, а также формированием альтернативных, зачастую деструктивных, моделей идентичности. Эти процессы не только усиливают социальную разобщенность, но и создают предпосылки для глубокой трансформации ценностных ориентиров молодого поколения [2].

Цифровая маргинализация проявляется в комплексе взаимосвязанных явлений: отсутствие доступа к качественному образованию и достоверной информации [3] способствует формированию так называемых «информационных пузырей», которые ограничивают кругозор и усиливают когнитивные искажения [4]. В свою очередь, чрезмерная вовлеченность в виртуальную реальность приводит к зависимости, что негативно сказывается на способности молодых людей адаптироваться к реальной социальной среде, усугубляя их дезадаптацию [5]. Эти факторы взаимно усиливают друг друга, создавая порочный круг, из которого молодежи становится все сложнее вырваться.

В условиях цифровой трансформации российская молодежь сталкивается с рядом специфических вызовов, которые усугубляют ее маргинализацию.

Цифровое неравенство остается актуальной социально-экономической проблемой. Несмотря на широкое распространение интернета, в сельских территориях и малых населенных пунктах сохраняется ограниченный доступ к высокоскоростному соединению и современным техническим средствам. Данная ситуация создает существенные барьеры в получении качественного образования, профессиональной реализации и личностном развитии, что способствует усилению региональной дифференциации. Для обеспечения равных возможностей необходима системная работа по устранению технологического отрыва и расширению доступа к цифровым ресурсам [6].

Серьезную проблему представляет феномен информационной перегрузки, который существенно осложняет процесс критического осмысления поступающих данных. В условиях экспоненциального роста объемов информации современные молодые люди, не обладая сформированными навыками медиаграмотности и критического мышления, оказываются особенно уязвимыми перед различными формами манипулятивного воздействия. Этот фактор приводит к повышенной подверженности пропагандистским технологиям, легкому усвоению дезинформационных нарративов, формированию когнитивных искажений в восприятии социальной реальности и затруднениям в выработке объективных оценочных суждений. В результате у молодого поколения складывается искаженная картина мира, что в перспективе способно привести к деформации ценностных ориентаций и социальных установок. Особую опасность представляет кумулятивный эффект подобных когнитивных искажений, усиливающихся со временем при отсутствии своевременной коррекции. Решение данной проблемы требует комплексного подхода, включающего развитие цифровой грамотности и формирование устойчивых навыков критического анализа информации [7].

Современное цифровое пространство, при всех своих возможностях для общения и самовыражения, таит в себе серьезные угрозы психологическому благополучию молодежи. Виртуальная среда, где анонимность сочетается с мгновенным распространением информа-

ции, создает благодатную почву для различных форм психологического насилия – от травли до систематического унижения. Особую опасность представляет то, что онлайн-агрессия не знает временных границ, преследуя жертву круглосуточно через экраны гаджетов. Последствия такого воздействия носят глубинный характер: помимо очевидных проявлений в виде тревожных расстройств и депрессивных состояний, происходит постепенная деформация личности, утрата доверия к социальным институтам и добровольная самоизоляция от реального мира. Парадоксально, но инструменты, созданные для объединения людей, в некоторых случаях становятся орудиями их разрушения, требуя переосмысления подходов к цифровой социализации подрастающего поколения [8].

Наконец, глобализация цифрового пространства способствует размыванию культурной идентичности. Российская молодежь, активно потребляющая интернет-контент, зачастую теряет связь с национальными традициями и историей, что ведет к утрате культурных ориентиров и формированию гибридной, а порой и маргинальной идентичности [9].

Сочетание этих факторов создает сложную среду, в которой молодежь оказывается особенно уязвимой к маргинализации, что требует комплексного подхода к решению данных проблем. Маргинализация молодежи в цифровом пространстве представляет собой сложный многогранный процесс, который оказывает глубокое влияние на общество, формируя долгосрочные негативные последствия. Одним из наиболее значимых аспектов этого явления является рост социальной напряженности и поляризации мнений. В условиях цифровой среды, где информация распространяется с высокой скоростью, а алгоритмы социальных сетей часто усиливают поляризацию мнений, молодежь оказывается в ситуации, где конфликты между различными группами становятся все более острыми. Это приводит к снижению уровня социального доверия, разобщенности и формированию «информационных пузырей», в которых молодые люди оказываются изолированными от альтернативных точек зрения. Такая ситуация не только затрудняет конструктивный диалог, но и создает предпосылки для усиления социальных конфликтов, что в долгосрочной перспективе может привести к дестабилизации общественной жизни [10].

Еще одним серьезным последствием цифровой маргинализации является снижение гражданской активности и участия молодежи в общественной жизни. Молодые люди, оказавшиеся в изоляции или погруженные в виртуальную реальность, зачастую теряют интерес к решению актуальных социальных и политических вопросов. Это связано с тем, что цифровая среда, с одной стороны, предоставляет иллюзию вовлеченности через лайки, репосты и комментарии, а с другой – отдаляет от реальных действий и ответственности. В результате молодежь становится менее склонной к участию в волонтерских программах, общественных инициативах или политических процессах, что ослабляет потенциал гражданского общества и снижает уровень социальной активности [11].

Кроме того, цифровая маргинализация оказывает значительное влияние на психическое здоровье молодого поколения. Цифровая эпоха принесла с собой новые формы психологического давления, которые медленно, но неуклонно подтачивают ментальное здоровье молодого поколения. Триада современных угроз – виртуальная травля, инфошум и цифровая зависимость – формирует порочный круг, из которого подросткам крайне сложно выбраться самостоятельно.

Цифровая зависимость создает иллюзию гиперкоммуникации, при этом фактически лишая молодежь важнейших социальных навыков. Виртуальные аватары постепенно вытесняют реальную личность, а «лайки» становятся суррогатом подлинного человеческого признания. Эти взаимосвязанные процессы приводят к своеобразному «цифровому выгоранию» – состоянию, когда даже потенциальные возможности глобальной сети оборачиваются психологическими барьерами, ограничивающими полноценное развитие личности в реальном мире [12].

Маргинализация молодежи в цифровом пространстве имеет перспективные последствия затрагивающие как отдельные аспекты жизни молодых людей, так и общество в целом. Рост социальной напряженности, снижение гражданской активности и позиции, ухудшение

психического здоровья – это лишь часть проблем, которые требуют особого внимания и системного подхода для их решения. Без эффективных мер направленных на интеграцию молодежи в цифровое общество, эти негативные тенденции приведут к дальнейшему углублению социальных разрывов и ослаблению общественной сплоченности. Маргинализация молодежи в цифровой среде ведет к потере ее потенциала как движущей силы развития страны в целом. Вместо активного участия в социально-экономических процессах молодые люди оказываются исключенными и отрезанными из общественной жизни, что тормозит инновационное развитие и снижает конкурентоспособность [13]. Цифровая маргинализация молодежи представляет собой серьезную угрозу не только для отдельных индивидов, но и для общества в целом, требуя незамедлительных мер для ее преодоления.

В современном мире, где цифровые технологии играют ключевую роль в определении траектории жизни человека, отсутствие доступа к ним становится серьезной проблемой. Молодежь, не имеющая полноценного доступа к интернету и современным гаджетам, оказывается на обочине общества, лишаясь возможностей качественного образования, конкурентоспособности на рынке труда и полноценной социализации. Эта ситуация особенно остра в регионах, где цифровое неравенство усиливает разрыв между центром и периферией.

Развитие цифровой инфраструктуры является важным первым шагом, однако оно недостаточно. Даже наличие высокоскоростного интернета и доступной техники не гарантирует эффективное использование технологий. Многие молодые люди попадают в ситуацию цифрового потребления низкосортного контента, проводя много времени в социальных сетях и отвлекаясь от полезных занятий. Алгоритмы платформ способствуют этому, предлагая легкий путь развлечения вместо развития полезных навыков.

Чтобы преодолеть эти препятствия, необходимы следующие меры:

- Создание образовательных хабов – местных центров с доступом к современной технике и наставничеством опытных специалистов, помогающих осваивать востребованные навыки.

- Геймификация процесса обучения, делающая освоение цифровых компетенций интересным и привлекательным.

- Курсы цифровой гигиены, направленные на повышение уровня критического мышления, умения распознавать манипуляции и эффективно искать необходимую информацию.

- Наставнические программы, организуемые IT-специалистами и предпринимателями, демонстрирующими практические преимущества освоения новых технологий.

- Психологическая поддержка, направленная на укрепление уверенности молодых людей в собственных силах и возможностях конкурировать с жителями крупных городов.

Особое внимание должно уделяться созданию стимулов для самореализации молодежи, включая возможность участия в конкурсах, получение грантов и прохождение стажировок. Комплексный подход позволит обеспечить равные условия для всех молодых людей и создать условия для их успешного будущего в условиях цифровой эпохи [14].

Важным элементом стратегии преодоления маргинализации является внедрение программ по повышению медиаграмотности и цифровой гигиены. В условиях информационной перегрузки и распространения дезинформации такие программы призваны сформировать у молодежи навыки критического анализа информации, распознавания манипулятивных техник и защиты персональных данных. Это не только повысит их цифровую компетентность, но и снизит риски вовлечения в деструктивные онлайн-сообщества [15].

Не менее значимым представляется создание позитивного цифрового контента, который будет способствовать формированию устойчивой культурной идентичности и укреплению традиционных ценностей. Такой контент должен быть адаптирован к интересам молодежи, сочетая образовательные, развлекательные и интерактивные элементы, чтобы эффективно конкурировать с низкокачественными или деструктивными материалами, доминирующими в цифровой среде [16].

Ключевую роль в интеграции молодежи в цифровое общество играет поддержка молодежных инициатив, направленных на самореализацию и социальную активность. Создание

платформ для реализации проектов, развитие волонтерских программ и вовлечение молодых людей в решение общественно значимых задач способствуют не только их личностному росту, но и укреплению связей с реальным миром, что является важным фактором предотвращения цифровой изоляции [17].

Преодоление цифровой маргинализации молодежи требует системного подхода, сочетающего развитие инфраструктуры, образовательные инициативы, создание качественного контента и поддержку социальной активности. Только через интеграцию этих мер можно создать условия для гармоничного развития молодого поколения в условиях цифровой эпохи, минимизировав риски его исключения из общественной жизни.

Маргинализация российской молодежи в цифровом пространстве представляет собой актуальный социальный вызов, который требует комплексного и междисциплинарного подхода к решению. В условиях стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни молодое поколение оказывается в ситуации, где виртуальная реальность зачастую доминирует над физической, формируя новые формы социального исключения и дезадаптации. Этот феномен, известный в научной литературе как «цифровая маргинализация», характеризуется не только ограничением доступа к технологическим ресурсам, но и глубокими изменениями в структуре идентичности, ценностных ориентациях и социальных практиках молодежи [18]. Для преодоления этой проблемы необходимо активное участие государства, образовательных учреждений и гражданского общества.

Государству важно сокращать цифровое неравенство – развивать интернет-инфраструктуру, особенно в сёлах и отдалённых районах, где люди до сих пор сталкиваются с медленным интернетом и нехваткой современных технологий. Школам и вузам стоит активнее учить цифровой грамотности: помогать молодёжи разбираться в информации, отличать правду от манипуляций и безопасно пользоваться интернетом. Но важно не только это. В эпоху глобализации молодые люди не должны терять связь со своими корнями. Нужно поддерживать проекты, которые рассказывают о национальной культуре, истории и традициях в современном цифровом формате – так, чтобы это было интересно новому поколению. Так мы поможем им сохранить свою идентичность в цифровом мире. Важно развивать социальный капитал молодежи, способствуя ее вовлечению в общественно значимые инициативы, волонтерские программы и проекты, направленные на решение локальных и глобальных проблем. Это не только укрепит связь молодых людей с реальным миром, но и сформирует у них чувство ответственности за будущее общества.

Только объединяя усилия государства, учебных заведений и гражданского общества, мы можем сформировать уникальную среду, способствующую всестороннему развитию молодежи в эпоху стремительного технологического обновления. Такой подход не только минимизирует риск попадания подростков и юношей в состояние изоляции и маргинальности, но и даст мощный импульс раскрытию потенциала нового поколения как движущей силы инновационных процессов и социальных преобразований. Эффективная интеграция молодежи в современную цифровую реальность станет залогом стабильного и динамичного развития нашей страны перед лицом глобальных перемен и быстрых изменений социума и экономики.

Литература

1. Иванов А. В. Цифровая трансформация общества: вызовы и возможности. М. : Наука, 2020. 256 с.
2. Петрова Л. И. Маргинализация молодежи в условиях цифровизации // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 45–52.
3. Сидоров П. К. Цифровое неравенство в России: проблемы и решения. СПб. : Питер, 2019. 180 с.
4. Кузнецова Е. А. Информационные пузыри как фактор ограничения кругозора молодежи // Медиа. Информация. Коммуникация. 2022. № 3. С. 12–18.
5. Васильев Д. Н. Зависимость от виртуальной реальности: психологические аспекты. М. : Академия, 2021. 210 с.
6. Романов В. П. Цифровое неравенство в регионах России // Экономика и управление. 2020. № 4. С. 67–73.
7. Козлова М. А. Медиаграмотность как инструмент противодействия манипуляциям // Вестник Московского университета. 2021. № 2. С. 34–40.

8. Лебедева Т. И. Кибербуллинг: психологические последствия для молодежи. М. : Просвещение, 2022. 150 с.
9. Федоров С. Г. Культурная идентичность в цифровую эпоху // Культурология. 2020. № 6. С. 89–95.
10. Смирнов А. А. Социальная напряженность в условиях цифровизации. М. : Эксмо, 2021. 190 с.
11. Николаева Е. В. Гражданская активность молодежи: проблемы и перспективы // Политология. 2022. № 1. С. 22–28.
12. Григорьева Л. П. Психическое здоровье молодежи в цифровую эпоху. СПб. : Лань», 2020. 220 с.
13. Белова О. В. Молодежь как ресурс развития страны // Социальная политика. 2021. № 3. С. 45–50.
14. Крылов И. В. Развитие цифровой инфраструктуры в России. М. : Инфра-М, 2022. 240 с.
15. Зверева Н. А. Медиаграмотность и цифровая гигиена. М. : Просвещение, 2021. 160 с.
16. Тарасов В. Г. Позитивный контент для молодежи // Молодежь и общество. 2022. № 4. С. 56–62.
17. Орлова Е. Д. Молодежные инициативы в цифровую эпоху. М. : Аспект Пресс, 2020. 200 с.
18. Андреев К. Л. Цифровая маргинализация: пути преодоления // Социология. 2021. № 7. С. 33–39.

УДК 005.92:004

Л. Л. Мухамедова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ВНЕДРЕНИЕ КАДРОВОГО ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА

Рассматривается актуальность внедрения кадрового электронного делопроизводства, анализируются проблемы, риски и последствия, с которыми могут столкнуться современные организации в Российской Федерации.

Ключевые слова: кадровый электронный документооборот, интеграция, цифровая экономика.

L. L. Mukhamedova

Irkutsk State University, Irkutsk

INTRODUCTION OF PERSONNEL ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT

The article examines the relevance of the introduction of personnel electronic records management, analyzes the problems, risks and consequences that modern organizations in the Russian Federation may face.

Keywords: HR electronic document management, integration, digital economy.

Внедрение кадрового электронного документооборота (КЭДО) на практике – актуальная и важная задача для современных организаций, стремящихся к повышению эффективности, снижению затрат и оптимизации бизнес-процессов. Однако процесс внедрения КЭДО сопряжен с рядом проблем, требующих внимательного изучения и обоснованного подхода.

Традиционный бумажный кадровый документооборот характеризуется рядом существенных недостатков, которые негативно влияют на эффективность работы организации:

- высокие затраты на хранение и обработку документов (печать, хранение, архивирование и поиск бумажных документов требуют значительных затрат на бумагу, расходные материалы, арендную плату за архивы и рабочее время сотрудников).

- низкая скорость обработки документов (передача документов между отделами, подписание, согласование и утверждение занимают много времени, что замедляет бизнес-процессы и снижает оперативность принятия решений).

- риск потери и повреждения документов (бумажные документы подвержены риску потери, повреждения, несанкционированного доступа и уничтожения, что может привести к юридическим и финансовым последствиям).

- сложность поиска и доступа к информации (поиск необходимого документа в бумажном архиве занимает много времени и усилий, что снижает производительность труда и увеличивает риск ошибок).

- ограниченные возможности для аналитики и отчетности (сложно собирать и анализировать данные из бумажных документов для формирования управленческой отчетности и принятия обоснованных решений).

– несоответствие современным требованиям (традиционный бумажный документооборот не соответствует современным требованиям цифровой экономики и не позволяет организациям в полной мере использовать возможности информационных технологий).

Несмотря на очевидные преимущества КЭДО, внедрение этой системы в организации крайне сложный процесс, требующий преодоления ряда организационных, технических и психологических барьеров. Неправильная оценка этих «барьеров», недостаточная подготовка к внедрению и отсутствие комплексного подхода могут привести к неудаче данного проекта, неэффективному использованию ресурсов, финансов организации и разочарованию сотрудников и руководящего состава. Поэтому существует необходимость в проведении исследования, направленного на выявление и анализ проблем, возникающих при внедрении КЭДО, а также необходимость в разработке рекомендаций по преодолению данных проблем.

Рассмотрим конкретные примеры проблем, с которыми можно столкнуться при внедрении КЭДО:

1. Сопротивление изменениям со стороны сотрудников.

Сотрудники организации, привыкшие к традиционному бумажному документообороту, могут испытывать сопротивление или нежелание данным изменениям, опасаться освоения новых технологий, отсюда может возникнуть снижение производительности, конфликты в коллективе, саботаж внедрения.

2. Недостаточная техническая готовность организации, а именно отсутствие необходимой инфраструктуры (компьютеры, интернет, программное обеспечение), недостаточная квалификация IT-специалистов и неготовность к интеграции КЭДО с существующими информационными системами, а именно интеграция с 1С Зарплата и кадры. Обучение персонала работе с новым программным оборудованием.

Последствия данной проблемы – это задержки в сроках внедрения, увеличение затрат, неэффективная работа системы.

3. Несоответствие нормативно-правовой базы, т. е. недостаточное понимание требований законодательства в области электронного кадрового документооборота, отсутствие необходимых локальных нормативных актов и инструкций по работе с КЭДО.

Данная проблема может привести к серьезным последствиям, таким как юридические риски, штрафы, аннулирование документов.

4. Отсутствие четкой стратегии внедрения КЭДО. Отсутствие четкого плана внедрения КЭДО, не определены цели и задачи, не распределены роли и ответственности, не предусмотрены ресурсы и сроки, в результате могут затянуться сроки внедрения КЭДО, увеличение затрат, низкая эффективность системы.

Отсюда следует, что внедрение КЭДО – это сложный и многогранный процесс, требующий внимательного изучения и учета всех потенциальных проблем. В то же время исследование проблемы внедрения КЭДО позволит организации: снизить риски неудачного внедрения; оптимизировать процесс внедрения; повысить эффективность работы кадровой службы; снизить затраты на кадровый документооборот; повысить конкурентоспособность организации. Таким образом, внедрения КЭДО с практической точки зрения, является актуальной и важной задачей, имеющей практическое значение для современных организаций.

С научной точки зрения, внедрения КЭДО охватывает несколько ключевых аспектов таких как: взаимодействия технологий, людей и организационных процессов.

Итак рассмотрим основные аспекты:

– Социокультурные аспекты, такие как: корпоративная культура (например: вопросы адаптации сотрудников, изменение их ролей и взаимодействия в процессе работы).

– Взаимодействие людей и технологий – внедрение КЭДО влияет на трудовые отношения, включая вопросы доверия, взаимодействия между сотрудниками и руководством. Причины сопротивления сотрудников внедрению электронного делопроизводства и способы их преодоления.

– Организационные изменения – исследуется, как внедрение КЭДО меняет внутренние процессы взаимодействия, коммуникации и управления, включая горизонтальные и

вертикальные связи внутри организации. Рассматриваются изменения в ролях кадровых специалистов, их взаимосвязь с другими подразделениями организации и новые компетенции, необходимы для работы с КЭДО.

Также возникают проблемы и вызовы внедрения, а именно: необходимость повышения уровня цифровой грамотности сотрудников; и проблемы, связанные с интеграцией со старыми системами (например с 1С), а также технические сбои и недостаток кадровых ресурсов. Анализируя проведенное аналитическим центром НАФИ в августе 2024 г. исследование на тему «Индекс цифровой грамотности-2024», можно заметить, что индекс цифровой грамотности демонстрирует устойчивый рост с 2018 по 2022 г., увеличившись с 52 до 71 пункта. После резкого скачка в 2021–2022 гг. индекс стабилизировался на отметке 71 пункт в 2023 и 2024 гг. Это может указывать на достижение определенного плато в уровне цифровой грамотности или замедление темпов её роста (табл. 1) [1].

Таблица 1

Индекс цифровой грамотности НАФИ по шкале от 0 (цифровая грамотность отсутствует) до 100 (абсолютная цифровая грамотность), в процентах в пунктах

2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
52	52	58	64	71	71	71

Помимо того, важно отметить и результаты Всероссийского телефонного опроса «ВЦИОМ – Спутник на тему «Ни дня без «цифры», проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения 28 апреля 2024 г., из которых мы видим, что большинство россиян (81 %) отметили улучшение своего уровня комфорта в повседневной жизни за счет цифровизации. Особенно высокие показатели наблюдаются среди старших миллениалов (85 %) и реформенного поколения (82 %). Это свидетельствует о значительном положительном влиянии цифровых технологий на различные аспекты жизни, включая удобство оплаты услуг, совершение покупок и взаимодействие с государственными службами (табл. 2) [2].

Таблица 2

Как Вы считаете, повлияла ли цифровизация на уровень Вашего комфорта в повседневной жизни за последние 3–5 лет? Если да, то каким образом?

	Все опрошенные	Поколение цифры (2001 г. и позднее)	Младшие миллениалы (1992–2000)	Старшие миллениалы (1982–1991)	Реформенное поколение (1968–1981)	Поколение застоя (1948–1967)	Поколение оттепели (до 1947)
Уровень комфорта вырос	81	81	83	85	82	77	54
Уровень комфорта снизился	4	0	5	5	3	4	3
Не заметил(-а) значимых изменений	14	16	10	9	13	17	37
Затрудняюсь ответить	1	3	2	1	2	2	6

Степень научной разработанности проблемы внедрения кадрового электронного делопроизводства достаточно высока. Существует развитая теоретическая база, множество исследовательских работ, практический опыт, а также обсуждаемых проблем и вызовов. Тем не менее остаются области, требующие дополнительного внимания, такие как управление изменениями и адаптация системы к специфическим условиям конкретной организации. Это предоставляет возможности для дальнейших научных изысканий и практических экспериментов.

Литература

1. Ни дня без «цифры» // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaja-povsednevnost> (дата обращения: 13.04.2025).
2. Индекс цифровой грамотности-2024 // Аналитический центр «НАФИ». URL: <https://nafi.ru/analytics/indexs-tsifrovoy-gramotnosti-2024-tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-ne-rastet-tretyi-god-podryad/> (дата обращения: 13.04.2025).

НЕУПЛАТА НАЛОГОВ В ПРОЦЕССАХ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

Рассматриваются шесть показателей социальной дезинтеграции общества в результате неуплаты налогов. Приводится пример анализ стабильного дезинтеграционного роста с 2020 по 2024 г. по модели «социального взаимодействия» Рыкова. Сделан вывод о необходимости пересмотра механизмов налогообложения, повышения открытости и прозрачности государственных доходов и расходов, усиления доверия граждан к государственным налоговым институтам. Предложены административные, экономические, образовательные, правовые и технологические механизмы, противостоящие процессам неуплаты налогов и укреплению социальной стабильности.

Ключевые слова: налоги, налоговый комплаенс, не уплата налогов, социальная дезинтеграция, показатели дезинтеграции.

E. V. Palashchenko

Irkutsk State University, Irkutsk

TAX EVASION IN SOCIAL DISINTEGRATION PROCESSES

The article examines six indicators of social disintegration of society as a result of tax evasion. An example of stable disintegration growth from 2020 to 2024 according to Rykov's «social interaction» model is given. Conclusions are made about the need to revise taxation mechanisms, increase openness and transparency of government revenues and expenditures, and increase citizens' trust in state tax institutions. The paper proposes administrative, economic, educational, legal and technological mechanisms to counteract tax evasion and strengthen social stability.

Keywords: taxes, tax compliance, tax evasion, social disintegration, disintegration indicators.

Неуплата налогов основа для социальной дезинтеграции, так как свидетельствует о том, что одни члены общества не могут или не хотят соблюдать закон (следовательно, он не эффективен), а другие не получают необходимую поддержку (что вызывает социальные напряжения и деструктивные процессы). Результатом неуплаты налогов может стать неверие власти и как результат стремление ее уничтожить и заменить. В целом неуплата налогов негативно сказывается на социальной структуре, экономике и политической стабильности. Это требует постоянного мониторинга и анализа происходящих процессов, чтобы своевременно регулировать и снимать социальное напряжение.

В ночной литературе на эти аспекты как раз и указывает ученые. Одни исследователи это объясняют сложившимися социальными условиями жизни, неэффективностью работы социальных институтов (О. А. Полюшкевич [5], Е. В. Палащенко [4]), другие сложившимися социально-правовыми представлениями и нормами, часто опирающимися на субъективные, иррациональные стратегии (Р. Г. Ардашев [1; 2], П. А. Баев [3]). В любом случае, неготовность населения платить налоги приводит к сбоям в работе государства целом и функционирования отдельных социальных институтов в частности.

Рассмотрим более подробно, каким образом неуплата налогов влияет на социальную дезинтеграцию.

Первый показатель – финансовая нестабильность государства. Сложности с поступлением финансов могут привести к ограничению финансирования или закрытию многих социальных программ в сфере здравоохранения и образования, развития инфраструктуры регионов и социальной безопасности общества в целом. Для того чтобы не допустить приостановку работы социальных институтов государство может прибегнуть к заимствованию средств, что сделает нас зависимым от тех, кто эти средства выдаст (международные банки, корпорации и проч.), а также увеличит долговую нагрузку, которая в последующем опять же ляжет на плечи граждан. Этот процесс негативно сказывается на социальном воспроизводстве общества в условиях постоянной социальной нестабильности.

Второй показатель – социальное неравенство. Разрыв между богатыми и бедными становится следствием неуплаты налогов, так как налоги не платят чаще те, кто более состо-

ятелен. Это может вызвать недовольство более уязвимых социальных групп, что приведет к конфликтам и противоборству, понизит доступность социальных услуг и понизит качество жизни у социально уязвимых социальных групп.

Третий показатель – подрыв доверия к государственным институтам. Это может выражаться в недоверии к власти и снижении легитимности власти. Если для населения становится очевидно, что уклоняясь от уплаты налогов человек не получает заслуженное наказание, то это приводит к недоверию государственным институтам, недоверию к правительству. Также как и несправедливость в налоговой системе подрывает легитимность власти и приводит к социальным протестам и волнениям.

Четвертый показатель – рост коррупции, через активизацию различных коррупционных схем и формируя порочный круг, разорвать который невозможно, так как иначе система может и не работать. Незаконные схемы в виде неуплаты налогов могут быть следствием существующей практики «откатов» или прямых «неформальных выплат» для работы и решения текущих вопросов. В результате на реальные налоги может не хватить денег. И тогда, налоги недополучает государство из-за своих же сотрудников, берущих взятки. В этом процессе формируется порочный круг взаимозависимостей, разорвать который невозможно.

Пятый показатель – социальная напряженность. Увеличение социального неравенства приводит к социальным конфликтам, недовольству, бунтам. В результате этого может увеличиваться рост радикализмами социальных групп. Дезинтеграция общества способствует активизации и распространению экстремистских и террористических движений, радикальных настроений по свержению власти или устранения отдельных ее представителей.

Шестой показатель – экономическая стагнация. Неуплата налогов может стать спусковым крючком для социальной стагнации из-за ограничения финансирования социальных программ и инфраструктуры и приведет к тому, что понизит привлекательность страны для инвесторов. Также это приведет к ухудшению бизнес-климата, активизации «серых схем» легализации бизнеса или выведения активов за границу.

Опираясь на модель анализа «социального взаимодействия», предложенную Т. О. Рыковым [6], мы сопоставили в рамках ее ключевые ранговые показатели за несколько лет и смогли убедиться в том, что с 2020 по 2024 г. происходит социальная стагнация на уровне социально экономического развития в России, где неуплата налогов находится в условиях прогрессирования стабильного дезинтеграционного процесса (табл. 1).

Таблица 1

Показатели дезинтеграции социальной системы под влиянием неуплаты налогов с 2020 по 2024 г.

Показатели	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Финансовая нестабильность государства	0,65	0,74	0,78	0,81	0,83
Социальное неравенство	0,53	0,56	0,67	0,69	0,72
Подрыв доверия к государственным институтам	0,66	0,63	0,68	0,74	0,77
Рост коррупции	0,57	0,61	0,65	0,68	0,75
Социальная напряженность	0,73	0,75	0,76	0,79	0,82
Экономическая стагнация	0,59	0,63	0,66	0,69	0,74

Сдерживать эти процессы можно разными способами, что сегодня и используется (начиная от пандемии COVID-19, заканчивая СВО), но если не изменить систему налогового поведения, то ситуация будет только ухудшаться, что приведет к стагнации и дезинтеграции общества. Как видно из табл. 1, все перечисленные шесть показателей становятся серьёзными проблемами в процессах социальной дезинтеграции общества.

Механизмами решения этих процессов могут быть разные направления деятельности. Но комплексное взаимодействие позволит противостоять и минимизировать негативные последствия неуплаты налогов и способствовать социальной солидарности и стабильности общества.

Для финансовой устойчивости и социальной стабильности государства можно использовать ряд механизмов, помогающих достигать поставленную цель. К ним относятся административные, экономические, образовательные, правовые и технологические механизмы.

1. Административные механизмы. Те механизмы, которые зависят от работы сотрудников органов власти и разработанных схем фиксации и анализа налоговых поступлений. К ним можно отнести *ужесточение налогового контроля*, через увеличение числа проверок, повышение эффективности методов контроля за неуплатой налогов. Также можно использовать *упрощение налогового администрирования*, через упрощение процедур подачи налоговых деклараций, организации оплаты налогов, снижение бюрократических ограничений при взаимодействии с налоговыми органами. Перспективам направлением может стать создание *специализированных подразделений* в налоговых органах для выявления, расследования и борьбы с теми, кто уклоняется от налогов.

2. Экономические механизмы. Те механизмы, которые *стимулируют добросовестных налогоплательщиков* к легитимной деятельности. Это реализуется через введение льгот и различных поощрений, для тех, кто выполняет добросовестно свои обязательства, мотивирует бизнес и граждан к легальной деятельности. Эффективным экономическим механизмом выступает *снижение налоговой нагрузки* при добросовестном выполнении налоговых обязательств уменьшает стимулы к уклонению от уплаты налогов. *Обеспечение прозрачности использования бюджетных средств* – повышает доверие граждан государству и снижает желание уклоняться от налогов.

3. Образовательные механизмы. Те механизмы, которые повышают *уровень осведомленности граждан о финансовых особенностях* российской системы налогообложения и правовых последствий неуплаты налогов. Это становится возможным через повышение *финансовой грамотности* (сформирует налоговую и финансовую культуру, расширит представления об особенностях налогового законодательства и последствиях их нарушения как для гражданина, предприятия и общества в целом).

4. Правовые механизмы. Те механизмы, что через работу нормативно-правовой системы создают условия для обхода закона или минимизируют эти возможности через более эффективную правовую проработку налогового законодательства. Это осуществляется через *анализ правового поля существующих налогов* (для избегания различных вариантов ухода от уплаты налогов), *ужесточение наказания за неуплату налогов* и *упрощение процедур обжалования* (простота и прозрачность возможности обжалования повысит доверие населения к налоговой системе и власти в целом).

5. Технологические механизмы. Те механизмы, которые на автоматизированном уровне могут выявить неплательщиков. Эти механизмы стали возможны с развитием технических и информационно-программных технологий и осуществляются через *автоматизацию процессов налогообложения, использование больших данных (BigData)* для выявления новых схем уклонения от уплаты налогов, *использование электронных деклараций* на специализированных платформах упрощает процесс уплаты и снижает количество ошибок.

Выделенные пять механизмов комплексной работы с неуплатой налогов могут стать основой для формирования справедливой и устойчивой налоговой системы, повышающей доверие граждан к власти и ее финансовым институтам, повышающей уровень социальной ответственности всех участников налогового взаимодействия. Это станет толчком к формированию более солидарного общества, где дезинтеграция социальных институтов станет элементом прошлого этапа развития социальной системы, а будущее развитие будет происходить под эгидой социальной стабильности и воспроизводства в условиях легитимных практик уплаты налогов.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 2 (43). С. 255–258.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность правового сознания россиян // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: материалы II Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. О. А. Полощкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 58–64.
3. Баев П. А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы X

Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 16 февр. 2024 г. / под общ. ред. О. А. Полношкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 129–132.

4. Палащенко Е. В. Налоговый комплаенс в России // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 25 апр. 2024 г. / под общ. ред. М. Г. Тирских, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. 189–191.

5. Полошкевич О. А. Социально-правовые рамки формирования границ // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. С. 455–460.

6. Рыков Т. О. Неуплата налогов как системный показатель. М. : МИР, 2024. 243 с.

УДК 336.717.061

У. С. Ятманова, Е. Г. Любовеца

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

БАНКОВСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ САМОЗАНЯТЫХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Исследуются особенности банковского обслуживания самозанятых граждан. Анализируются ключевые проблемы взаимодействия кредитных организаций с данной категорией клиентов, включая ограниченный доступ к кредитным продуктам, недостаточную адаптацию банковских сервисов под нужды самозанятых и сложности в оценке их платежеспособности. На основе комплексного анализа нормативно-правовой базы и статистических данных предлагаются перспективные направления совершенствования банковского обслуживания самозанятых лиц: разработка специализированных финансовых продуктов, цифровизация взаимодействия и создание альтернативных методик оценки кредитоспособности. Предложенные рекомендации направлены на повышение доступности банковских услуг для самозанятых и стимулирование их экономической активности.

Ключевые слова: самозанятые граждане, банковское обслуживание, кредитование самозанятых, финансовая доступность, цифровой банкинг, налог на профессиональный доход, финансовая инклюзия, микропредпринимательство.

Yu. S. Iatmanova, E. G. Lyubovtseva

Chuvash State University named after I. N. Ulyanova, Cheboksary

BANKING SERVICES TO THE SELF-EMPLOYED: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

This article studies the peculiarities of banking services for self-employed citizens in the current economic conditions. The authors analyze the key problems of interaction of credit institutions with this category of clients, including limited access to credit products, insufficient adaptation of banking services to the needs of the self-employed and difficulties in assessing their solvency. Based on a comprehensive analysis of the regulatory and legal framework and statistical data, we propose promising directions for improving banking services to the self-employed: the development of specialized financial products, digitalization of interaction and the creation of alternative methods for assessing creditworthiness. The proposed recommendations are aimed at increasing the accessibility of banking services for the self-employed and stimulating their economic activity.

Keywords: self-employed citizens, banking, lending to the self-employed, financial inclusion, digital banking, professional income tax, financial inclusion, microentrepreneurship.

В современной экономической парадигме самозанятость как явление приобретает все больший масштаб и значимость, что обуславливает необходимость пересмотра подходов к банковскому обслуживанию данного сегмента экономических субъектов. Трансформация рынка труда, ускоренная глобальными кризисными явлениями и цифровизацией экономики, способствовала быстрому росту числа самозанятых граждан. Формирование данной категории налогоплательщиков в России произошло относительно недавно – с момента введения специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в 2019 г. За прошедший период численность самозанятых выросла с нескольких десятков тысяч до миллионов человек, что ставит перед банковским сектором задачу адаптации своих сервисов и продуктов к специфическим потребностям этой группы клиентов.

Актуальность исследования банковского обслуживания самозанятых обусловлена противоречием между растущей экономической ролью данной группы и неполной адаптированностью существующих банковских продуктов к их потребностям. Несмотря на то что некоторые банки уже предлагают специализированные решения для самозанятых, общая система банковского обслуживания данной категории клиентов находится в стадии формирования и требует научного осмысления существующих проблем и перспектив развития.

В условиях трансформации экономики и рынка труда феномен самозанятости приобретает всё большую значимость как форма реализации трудового потенциала граждан. Особую актуальность развитие института самозанятости получило в России после введения в 2019 г. специального налогового режима «Налог на профессиональный доход». Данная инициатива направлена на легализацию деятельности самозанятых и их интеграцию в правовое поле экономических отношений. По мере увеличения числа граждан, выбирающих самозанятость как основную форму экономической деятельности, возрастает необходимость адаптации банковских продуктов и услуг к специфическим потребностям данной категории клиентов.

Современное состояние банковского обслуживания самозанятых характеризуется определенной двойственностью. С одной стороны, кредитные организации признают потенциал данного сегмента и предпринимают шаги по созданию специализированных продуктов, с другой – сохраняются существенные барьеры, препятствующие полноценному включению самозанятых граждан в систему банковского обслуживания. Как отмечает Н. Т. Бакоян, недостаточная проработанность законодательства в сфере регулирования банковского обслуживания самозанятых создаст неопределенность как для банков, так и для самих представителей данной категории [1, с. 762].

Одной из ключевых проблем в сфере банковского обслуживания самозанятых является сложность подтверждения стабильности доходов при получении кредитных продуктов. В отличие от наемных работников, чей доход подтверждается справками 2-НДФЛ, самозанятые сталкиваются с трудностями при документальном подтверждении своей платежеспособности. Р. Ф. Нугманов подчеркивает, что отсутствие унифицированных подходов к оценке кредитоспособности самозанятых вынуждает банки применять более консервативные модели оценки рисков, что выражается в повышенных процентных ставках или отказах в кредитовании [4, с. 41].

Специфика банковского обслуживания самозанятых граждан заключается также в необходимости учета сезонности и нестабильности доходов данной категории клиентов. О. А. Синиченко акцентирует внимание на том, что традиционные банковские алгоритмы оценки платежеспособности не учитывают особенностей финансовых потоков самозанятых, что создает дополнительные барьеры при получении банковских услуг [6, с. 56]. Данная проблема требует разработки гибких методик оценки кредитоспособности, учитывающих специфику деятельности самозанятых лиц.

Существенным ограничением для развития банковского обслуживания самозанятых является недостаточная цифровая интеграция налоговых сервисов и банковских платформ. Согласно исследованиям Н. Т. Бакояна и Л. Н. Назаровой, несмотря на технологический прогресс в сфере дистанционного банковского обслуживания, сохраняются сложности в оперативном подтверждении статуса самозанятого и верификации данных о его доходах [1, с. 763]. Данное обстоятельство замедляет процесс принятия решений банками и снижает доступность финансовых услуг для самозанятых граждан.

Значимым фактором, влияющим на качество банковского обслуживания самозанятых, является уровень их финансовой грамотности. В. В. Садовая отмечает, что недостаточное понимание специфики налогообложения, финансового планирования и особенностей банковских продуктов снижает эффективность взаимодействия самозанятых с финансовыми институтами [5, с. 82]. Это создает предпосылки для развития образовательных инициатив в сфере финансовой грамотности, специально адаптированных для данной категории экономически активного населения.

Перспективы развития банковского обслуживания самозанятых тесно связаны с цифровизацией финансовых услуг и внедрением инновационных технологий. Н. С. Меркулова, И. С. Козлов и Н. Б. Максимов указывают на потенциал развития специализированных цифровых платформ, интегрирующих функции налогового учета, финансового менеджмента и доступа к банковским продуктам [3, с. 385]. Такой подход позволит создать комплексную экосистему финансовых сервисов, адаптированных к потребностям самозанятых граждан.

Одним из перспективных направлений развития банковского обслуживания самозанятых является разработка специализированных кредитных продуктов, учитывающих особенности их финансовых потоков. Н. Т. Бакоян подчеркивает необходимость создания гибких кредитных линий с возможностью управления графиком платежей в зависимости от сезонности доходов самозанятых [2, с. 293]. Данный подход позволит снизить кредитные риски для банков и повысить доступность финансирования для самозанятых граждан.

Развитие банковского обслуживания самозанятых неразрывно связано с совершенствованием нормативно-правовой базы. О. А. Синиченко акцентирует внимание на необходимости устранения правовых пробелов в регулировании отношений между банками и самозанятыми гражданами [6, с. 58]. Четкое определение статуса самозанятых и их прав в контексте получения банковских услуг создаст предпосылки для формирования прозрачных и эффективных механизмов взаимодействия.

Перспективным направлением развития банковского обслуживания самозанятых является внедрение альтернативных методов оценки кредитоспособности, основанных на анализе цифрового следа и поведенческих характеристик. Р. Ф. Нугманов отмечает, что использование больших данных и искусственного интеллекта в оценке кредитных рисков позволит преодолеть ограничения, связанные с традиционными методами верификации доходов [4, с. 42]. Такой подход способствует повышению точности оценки кредитоспособности самозанятых и расширению их доступа к финансовым ресурсам.

Важным аспектом развития банковского обслуживания самозанятых является учет постковидных трансформаций рынка труда. В. В. Садовая указывает на формирование новой этики труда, характеризующейся повышенной ценностью автономии и гибкости трудовых отношений [5, с. 84]. Данные изменения способствуют росту популярности самозанятости как формы экономической активности, что создает предпосылки для увеличения спроса на специализированные банковские продукты.

Комплексный подход к решению проблем банковского обслуживания самозанятых предполагает не только адаптацию существующих финансовых инструментов, но и разработку принципиально новых сервисов. Н. С. Меркулова и соавторы отмечают перспективность развития интегрированных платформ, объединяющих функции банковского обслуживания, бухгалтерского учета и управления клиентской базой [3, с. 386]. Такие решения позволяют удовлетворить специфические потребности самозанятых в комплексном управлении финансовыми аспектами деятельности.

Специфика банковского обслуживания самозанятых заключается в необходимости учитывать двойственную природу их деятельности, сочетающую черты как индивидуального предпринимательства, так и наемного труда. В отличие от классических субъектов малого бизнеса, самозанятые характеризуются меньшими масштабами деятельности, более низкой финансовой грамотностью, отсутствием значительных оборотных средств и иной структурой финансовых потребностей. При этом они нуждаются в максимально упрощенных и доступных банковских услугах, включающих инструменты учета доходов, формирования отчетности для налоговых органов, эквайринга и микрокредитования.

Рынок самозанятых в России демонстрирует устойчивый рост с момента введения специального налогового режима в 2019 г. По данным Федеральной налоговой службы, на начало 2023 г. количество зарегистрированных самозанятых превысило 7 млн чел., что более чем в два раза превышает показатели 2021 г. Такой стремительный рост создал значительный спрос на специализированные банковские услуги, адаптированные под потребности данной категории предпринимателей.

Российские банки активно реагируют на появление нового сегмента клиентов, разрабатывая уникальные финансовые продукты. Сбербанк, один из лидеров в обслуживании самозанятых, предлагает интегрированную платформу, позволяющую регистрироваться в качестве плательщика налога на профессиональный доход непосредственно в мобильном приложении. За 2022 г. через сервисы Сбербанка было зарегистрировано более 800 тыс. самозанятых, а объем операций по счетам самозанятых составил около 120 млрд руб.

Тинькофф Банк также активно осваивает данный сегмент, предлагая бесплатное расчетное обслуживание и интеграцию с налоговыми сервисами. По внутренним данным банка, средний ежемесячный доход самозанятого клиента составляет примерно 40–45 тыс. руб., при этом наблюдается высокая вариативность в зависимости от сферы деятельности. Особенно востребованы банковские услуги среди самозанятых в IT-сфере, где средний доход превышает 80 тыс. руб.

Банковское обслуживание самозанятых имеет свою специфику. Большинство банков предлагает мобильные приложения с функциональностью формирования чеков, автоматическим расчетом налогов и прямой отправкой отчетности в ФНС. По данным исследования Аналитического центра НАФИ, 78 % самозанятых считают удобство цифровых сервисов ключевым фактором при выборе банка.

Кредитование остается сложной областью для самозанятых. Несмотря на растущее количество специализированных кредитных продуктов, условия кредитования зачастую менее выгодны по сравнению с другими категориями заемщиков. Средняя процентная ставка по потребительским кредитам для самозанятых в 2022 г. составляла 14–16 %, что на 2–3 процентных пункта выше, чем для официально трудоустроенных граждан. Тем не менее ВТБ отчитался о выдаче кредитов самозанятым на сумму более 5 млрд руб. в 2022 г., что свидетельствует о постепенном развитии данного направления.

Интересным трендом становится развитие экосистем вокруг самозанятых. Примером служит Альфа-Банк, который помимо расчетно-кассового обслуживания предлагает площадку для поиска заказов, юридическую поддержку и образовательные курсы. По данным банка, такой комплексный подход повышает лояльность клиентов: самозанятые, использующие несколько сервисов экосистемы, в среднем на 40 % дольше остаются клиентами банка.

Несмотря на активное развитие сегмента, остаются нерешенные проблемы. Согласно опросу Центрального банка РФ, 62 % самозанятых отмечают сложности с подтверждением стабильности дохода при оформлении ипотеки. Эта проблема постепенно решается: в 2022 г. ДОМ.РФ запустил программу ипотечного кредитования для самозанятых с упрощенной процедурой верификации доходов, которой воспользовались более 5000 чел.

Анализ текущего состояния банковского обслуживания самозанятых в России выявляет ряд системных проблем. Во-первых, наблюдается ограниченность линейки банковских продуктов, специально разработанных для данной категории клиентов. Большинство банков предлагают самозанятым либо стандартные розничные продукты, не учитывающие особенности их профессиональной деятельности, либо упрощенные версии бизнес-пакетов, которые все равно оказываются избыточными по функционалу и стоимости. В результате формируется разрыв между реальными потребностями самозанятых и предложением банковского сектора.

Вторая значимая проблема – сложность оценки кредитоспособности самозанятых. Традиционные банковские модели скоринга ориентированы преимущественно на наемных работников с постоянным доходом или на юридических лиц с устоявшейся финансовой отчетностью. Нерегулярность доходов самозанятых, отсутствие длительной кредитной истории и специфика их деятельности затрудняют применение стандартных методик оценки платежеспособности. Это приводит к ситуации, когда самозанятые сталкиваются с трудностями в получении кредитов или вынуждены обращаться за финансированием как физические лица, получая потребительские кредиты под более высокие процентные ставки, чем могли бы рассчитывать при адекватной оценке их бизнес-деятельности.

Третья проблема связана с недостаточной интеграцией банковских сервисов с налоговыми платформами. Несмотря на то что регистрация в качестве самозанятого и уплата налога

на профессиональный доход происходят через электронные системы ФНС России, взаимодействие между этими системами и банковскими платформами часто требует дополнительных действий со стороны клиента, что увеличивает трудозатраты и создает риски ошибок при учете доходов и формировании налоговой отчетности.

Четвертая проблема – недостаточная финансовая грамотность значительной части самозанятых. Многие представители данной категории имеют слабое представление о возможностях банковских продуктов, принципах управления финансовыми потоками и налоговыми обязательствами. Это создает барьеры для использования даже существующих банковских инструментов и увеличивает риски как для самих самозанятых, так и для банков, работающих с ними.

Пятая проблема заключается в высокой стоимости эквайринга для самозанятых с небольшими оборотами. Стандартные тарифы на прием безналичных платежей часто оказываются непосильными для тех, кто только начинает деятельность или работает в низкомаржинальных сферах.

Проведенный анализ проблем позволяет определить перспективные направления развития банковского обслуживания самозанятых. Первостепенное значение имеет разработка специализированных банковских продуктов, учитывающих особенности деятельности самозанятых. Наиболее перспективным представляется создание интегрированных цифровых решений, объединяющих в одной экосистеме функции расчетно-кассового обслуживания, учета доходов, автоматизированной уплаты налогов, формирования отчетности, получения финансирования и инвестирования свободных средств.

Инновационный подход к оценке кредитоспособности самозанятых может основываться на применении альтернативных данных и методов их анализа. Вместо традиционной финансовой отчетности и справок о доходах целесообразно использовать данные о транзакционной активности, истории взаимодействия с клиентами, отзывах на профессиональных платформах, историю выполнения налоговых обязательств. Применение технологий искусственного интеллекта для анализа этих данных позволит создать более точные и гибкие модели оценки кредитного риска, адаптированные к специфике самозанятости.

Развитие партнерских программ между банками и маркетплейсами, на которых работают самозанятые, может стать еще одним перспективным направлением. Такие партнерства позволят обеспечить более глубокую интеграцию финансовых сервисов в повседневную деятельность самозанятых, упростить процессы получения оплаты за товары и услуги, а также сформировать более полный цифровой след для оценки деловой активности и кредитоспособности.

Важным аспектом развития банковского обслуживания самозанятых является внедрение образовательных программ, направленных на повышение финансовой грамотности данной категории клиентов. Банки могут разрабатывать обучающие материалы, проводить вебинары и консультации по вопросам налогообложения, учета доходов, финансового планирования, что будет способствовать более эффективному использованию банковских продуктов и снижению рисков.

Перспективной технологией, способной трансформировать банковское обслуживание самозанятых, является технология распределенных реестров (блокчейн). Ее применение может обеспечить прозрачное и безопасное взаимодействие между самозанятыми, их клиентами, банками и налоговыми органами. Смарт-контракты на базе блокчейна позволят автоматизировать процессы взаиморасчетов, учета доходов и уплаты налогов, минимизируя административную нагрузку на самозанятых и сокращая операционные издержки банков.

Отдельного внимания заслуживает развитие микрофинансовых инструментов для самозанятых. Незначительные суммы финансирования, необходимые для развития деятельности многих самозанятых, часто оказываются неинтересными для традиционных банковских продуктов из-за высоких операционных издержек. Разработка упрощенных процедур микрокредитования с использованием цифровых технологий может сделать данный сегмент более привлекательным для банков и доступным для самозанятых.

Важной тенденцией в развитии банковского обслуживания самозанятых становится персонализация предложений на основе анализа больших данных. Использование информации о транзакционном поведении, сезонности деятельности, отраслевой специфике позволит формировать индивидуальные предложения по кредитованию, страхованию, инвестированию, максимально соответствующие потребностям конкретного клиента.

Приоритетным направлением является модернизация законодательной базы, регулирующей статус самозанятых. Необходимо разработать специализированные нормативные акты, детализирующие права и обязанности самозанятых в финансовой сфере. Целесообразно внести изменения в Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»», закрепив постоянный характер данного режима и расширив его территориальное действие на все регионы Российской Федерации без исключения. Данные меры обеспечат стабильность правового положения самозанятых и снижат неопределенность относительно долгосрочных перспектив данного режима.

Важной задачей является разработка специализированных финансовых продуктов для самозанятых. Банкам следует создать кредитные линии с упрощенным порядком оценки кредитоспособности, учитывающим особенности формирования доходов самозанятых. Оптимальным решением станет внедрение скоринговых моделей, основанных на анализе транзакций через приложение «Мой налог» и данных из других источников. Необходимо также разработать программы микрокредитования с государственной поддержкой, предусматривающие субсидирование процентной ставки для самозанятых, осуществляющих деятельность в приоритетных для государства отраслях экономики.

Совершенствование системы пенсионного обеспечения самозанятых требует внедрения гибких механизмов формирования пенсионных накоплений. Рекомендуется разработать специальные пенсионные планы с переменным размером взносов, позволяющие учитывать сезонность и нестабильность доходов самозанятых. Целесообразно создание государственной программы софинансирования добровольных пенсионных накоплений для данной категории граждан, предусматривающей механизм государственного участия в формировании пенсионного капитала пропорционально уплаченному налогу на профессиональный доход.

Развитие инструментов финансовой защиты самозанятых должно включать создание специализированных страховых продуктов. Страховым компаниям рекомендуется разработать программы страхования профессиональной ответственности с учетом специфики различных видов деятельности самозанятых. Государству следует рассмотреть возможность субсидирования страховых премий для отдельных категорий самозанятых, особенно в социально значимых сферах. Целесообразно создание механизма добровольного социального страхования с возможностью выбора набора страхуемых рисков и соответствующего размера страхового взноса.

Интеграция самозанятых в систему безналичных расчетов требует технологической модернизации платежной инфраструктуры. Банкам рекомендуется разработать специализированные тарифные планы эквайринга для самозанятых с пониженными комиссиями. Целесообразно развитие системы мгновенных платежей с интеграцией в приложение «Мой налог», что позволит самозанятым получать оплату по QR-коду с автоматическим формированием чека и расчетом налога. Необходимо стимулировать разработку отраслевых платежных решений для самозанятых в сферах с высокой долей наличных расчетов, таких как репетиторство, бытовые услуги, ремонтные работы.

Повышение финансовой грамотности самозанятых должно стать приоритетным направлением государственной политики. Рекомендуется разработка образовательной программы «Финансы для самозанятых», включающей модули по налогообложению, пенсионному планированию, инвестированию и страхованию. Целесообразно создание специализированного интернет-портала с образовательными материалами, калькуляторами для финансового планирования и консультационной поддержкой. Эффективным решением станет организация региональных центров финансовой грамотности для самозанятых на базе многофункциональных центров предоставления государственных услуг.

Совершенствование методологии оценки кредитоспособности самозанятых должно основываться на анализе цифрового следа их экономической активности. Банкам рекомендуется разработать альтернативные методики оценки платежеспособности, учитывающие специфику формирования доходов самозанятых. Целесообразно использование данных о транзакциях через приложение «Мой налог», информации из маркетплейсов и агрегаторов услуг, а также сведений о выполненных заказах и отзывах клиентов. Важно создать механизм учета профессиональной репутации самозанятого при оценке его кредитоспособности.

Развитие инвестиционных возможностей для самозанятых предполагает создание специализированных финансовых инструментов. Рекомендуется разработка инвестиционных продуктов с низким порогом входа и возможностью регулярного пополнения небольшими суммами. Целесообразно введение налоговых льгот для самозанятых, осуществляющих долгосрочные инвестиции, в виде повышенного размера инвестиционного налогового вычета. Эффективным решением станет создание специализированных паевых инвестиционных фондов для самозанятых с упрощенной процедурой приобретения паев через приложение «Мой налог».

Цифровизация финансовых услуг для самозанятых должна обеспечить комплексное обслуживание через единую платформу. Рекомендуется расширение функционала приложения «Мой налог» за счет интеграции с банковскими сервисами, страховыми продуктами и инвестиционными инструментами. Целесообразно создание цифрового профиля самозанятого, содержащего верифицированные данные о его профессиональной деятельности, доходах и налоговой дисциплине, которые могут использоваться при получении финансовых услуг.

Развитие механизмов государственной поддержки самозанятых в финансовой сфере должно включать создание специализированных программ субсидирования и гарантирования. Рекомендуется разработка программы предоставления государственных гарантий по кредитам для самозанятых через Корпорацию МСП. Целесообразно введение системы грантовой поддержки для начинающих самозанятых в приоритетных отраслях экономики. Эффективным решением станет создание региональных фондов поддержки самозанятых, предоставляющих льготное финансирование проектов по расширению деятельности.

Реализация представленных рекомендаций требует координации усилий государственных органов, финансовых институтов и организаций инфраструктуры поддержки предпринимательства. Формирование комплексной системы финансового обслуживания самозанятых граждан в Российской Федерации создаст условия для легализации их деятельности, повышения финансовой устойчивости и интеграции в официальную экономику. Это, в свою очередь, будет способствовать росту налоговых поступлений, созданию новых рабочих мест и развитию сектора малого предпринимательства, что полностью соответствует стратегическим приоритетам экономического развития страны.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что банковское обслуживание самозанятых находится на начальном этапе своего развития и обладает значительным потенциалом для инноваций. Наиболее перспективной моделью представляется построение специализированных цифровых экосистем, интегрирующих финансовые, учетные, налоговые и образовательные сервисы, адаптированные к потребностям самозанятых разных отраслей и масштабов деятельности.

Однако реализация потенциала банковского обслуживания самозанятых требует комплексного подхода, включающего не только технологические инновации, но и изменения в регуляторной политике, развитие финансовой инфраструктуры, повышение финансовой грамотности. Необходимо стимулировать исследования в области финансового поведения самозанятых, разрабатывать специализированные методики оценки рисков, создавать механизмы государственной поддержки финансирования самозанятости.

Таким образом, банковское обслуживание самозанятых представляет собой динамично развивающуюся область финансовых услуг, требующую инновационных подходов и адаптации существующих банковских продуктов к специфическим потребностям данной категории клиентов. Успешное решение выявленных проблем и реализация перспективных направлений раз-

вития позволит не только повысить качество банковского обслуживания самозанятых, но и создаст условия для более эффективного функционирования данного сегмента экономики, что особенно важно в контексте глобальных трансформаций рынка труда и форм занятости.

Литература

1. Бакоян Н. Т., Назарова Л. Н. О необходимости совершенствования законодательства в области банковского обслуживания самозанятых граждан // Экономика и предпринимательство. 2024. № 7 (168). С. 760–765.
2. Бакоян Н. Т. Проблемы банковского обслуживания самозанятых граждан и пути их решения // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов : сб. материалов XVI Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 23 дек. 2022 г. СПб. : Печатный цех, 2022. С. 290–298.
3. Меркулова Н. С., Козлов И. С., Максимов Н. Б. Возможности зарплатных проектов как источника формирования банковских ресурсов // Управленческий учет. 2024. № 1. С. 383–388.
4. Нугманов Р. Ф. Банковское обслуживание самозанятых граждан. Казань : Аэтерна, 2020. С. 40–43.
5. Садовая В. В. Постковидная этика труда как перспектива развития самозанятости в России // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 78–89.
6. Синиченко О. А. Новые возможности и особенности банковского обслуживания самозанятых граждан // Журнал экономических исследований. 2024. Т. 10, № 3. С. 53–62.

УДК 334+316.3

Е. С. Чуркина

Кузбасский государственный аграрный университет имени В. Н. Полецкого
г. Кемерово

ОНЛАЙН-ОПРОС КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹⁰

Дано обоснование необходимости использования опросов при исследовании социально-экономических процессов. Приведена сравнительная характеристика видов опросов по форме организации проведения. Рассмотрены основные российские цифровые продукты для проведения социально-экономических исследований и показан их функционал. Сделан вывод о широких перспективах применения онлайн-опросов в социально-экономических исследованиях в условиях цифровизации.

Ключевые слова: онлайн-опрос, анкетирование, респондент, социально-экономические исследования, цифровые инструменты.

E. S. Churkina

Kuzbass State Agrarian University named after V. N. Poletskov, Kemerovo

ONLINE SURVEY AS A TOOL FOR SOCIO-ECONOMIC RESEARCH

The article provides a rationale for the need to use surveys in socio-economic processes' studies. A comparative description of the types of surveys by the form of organization is given. The main Russian digital products for conducting socio-economic research are considered. The functionality of these products is shown. There are broad prospects for the use of online surveys in socio-economic research in the context of digitalization.

Keywords: online survey, survey, respondent, socio-economic research, digital tools.

Исследование социально-экономических процессов как в отдельно взятом регионе, так и в стране в целом неразрывно связано с населением. Опрос как основной метод изучения общественного мнения, позволяет увидеть основные предпочтения и ожидания различных социальных групп населения. Результаты опросов служат индикатором социально-экономических и политических процессов в стране. С помощью таких индикаторов можно прогнозировать развитие общественных настроений, оценивать эффективность тех или иных государственных решений в социальной-экономической, политической областях. Особую значимость приобретают опросы в период социальной, экономической и геополитической нестабильности. Вовремя выявленные скрытые негативные общественные тенденции становятся основой для коррекционных государственных решений.

¹⁰ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Кемеровской области – Кузбасса по проекту № 25–28–20210, <https://rscf.ru/project/25–28–20210/>

Ожидания населения отражают представления определенной группы людей с ограниченной территории о различных аспектах социальной, экономической и политической жизни общества, региона, страны. Изучение ожиданий населения является одним из инструментов для прогнозирования социально-экономических изменений. Эти изменения целесообразно отслеживать с помощью различных методов и инструментов. С развитием цифровых технологий изменяются традиционные методы исследования на совершенно новые. Анкетирование как инструмент изучения мнения и ожиданий населения также трансформируются под воздействием цифровых технологий.

По форме организации проведения (по типу) анкетирования можно выделить личные, телефонные почтовые и онлайн-опросы. Плюсы и минусы использования этих видов опросов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика видов опросов по форме организации проведения

Виды опроса	Плюсы	Минусы
Личный опрос	– личный контакт с респондентом; – применим для объемных опросов; – есть возможность визуального восприятия вопросов; – возможность применять различные конфигурации вопросов; – при необходимости возможно разъяснить вопрос и уточнить ответ.	– высокие затраты на проведение; – проведение опроса требует длительного времени; – ограниченность аудитории; – опасения респондентов за распространение персональных данных и осуждение ответов, которые не относятся к популярным.
Телефонный опрос	– более низкие финансовые и временные затраты на проведения; – охват различных территорий.	– недоверие респондентов к телефонным звонкам; – вероятность прекращения телефонного диалога по различным причинам; – нет личного контакта с респондентом; – сложность восприятия вопросов на слух; – ограниченность применяемых конфигураций вопросов.
Онлайн-опрос	– широкий охват аудитории; – минимальные затраты на проведение; – автоматический учет ответов; – систематизация и первичная обработка результатов опроса; – высокая скорость сбора ответов; – контроль прохождения анкеты в режиме реального времени; – анонимность; – возможность применять различные конфигурации вопросов.	– для опроса необходим доступ к сети Интернет у респондентов; – вероятность неправильного понимания вопроса; – респондент должен обладать цифровой грамотностью; – есть вероятность фальшивых ответов; – есть вероятность накручивания ответов ответственными лицами за проведение исследования.
Почтовые опросы	– охват населения с низкой цифровой грамотностью; – охват населения без доступа к сети Интернет; – возможность применять различные конфигурации вопросов.	– низкий процент возврата заполненной анкеты; – высокие финансовые и временные затраты; – нет понимания портрета респондента.

В эпоху развития цифровых технологий и тотальной цифровизации процессов онлайн-опросы набирают свою популярность и все чаще применяются для социально-экономических исследований. Онлайн-опросы нашли широкое применение в работах российских ученых [2; 3; 7].

На рынке цифровых продуктов существуют много различных платформ для проведения онлайн-опросов. Такие платформы могут быть как платными, так и бесплатными. С возрастающим санкционным давлением целесообразно применять российские программные решения для проведения онлайн-опроса. Отечественные платформы более адаптированы под российского пользователя и представлены на русском языке. Еще одним несомненным плю-

сом является доверие респондентов. При использовании цифровых платформ для опроса респондент обладает достаточным уровнем цифровой грамотности, а, следовательно, пониманием и доверием к безопасности к ссылкам на опросы. Ссылки на зарубежные сайты в современных условиях вызывают недоверие и беспокойство, и, как следствие, могут приводить к отказу от прохождения анкеты.

Популярные российские цифровые сервисы для создания анкет и проведения опросов представлены в табл. 2.

Таблица 2

Сравнительная характеристика российских платформ и сервисов для создания анкет и проведения опросов

	Сервис «Анкетолог» https://anketolog.ru	Профессиональный конструктор опросов «Тестограф» https://www.testograf.ru	Интернет-панель «ВЦИОМ-Онлайн»	Yandex Forms https://forms.yandex.ru
Доступность	Платный сервис с пробной бесплатной ограниченной конфигурацией на 10 вопросов	Есть демо-версия	Платная закрытая платформа для масштабных проектов и госзаказа	Бесплатно
Типы вопросов	Все основные + логические ветвления, матрицы	Расширенные (включая геймификацию)	Профессиональные социологические шаблоны	Основные+ логические ветвления
Установка квот	Есть	Есть гибкие настройки	Есть профессиональные выборки	Нет
Установка логических правил	Есть	Есть	Есть	Минимальны
Наличие базы респондентов	Есть на платной основе	Есть на платной основе	Своя база респондентов	Нет

Как видно из представленных сравнительных характеристик, российские цифровые продукты для проведения анкетирования разнообразны и имеют обширный функционал. Использование таких платформ для онлайн-опросов помогает в различных исследованиях и дает возможность оперативно получать данные, контролировать прохождение опроса, при необходимости вносить корректировки.

При выборе платформы для исследований особое внимание следует обратить на возможность создания вопросов разного типа. Сервис «Анкетолог» предлагает 23 возможных типов вопроса (рис. 1).

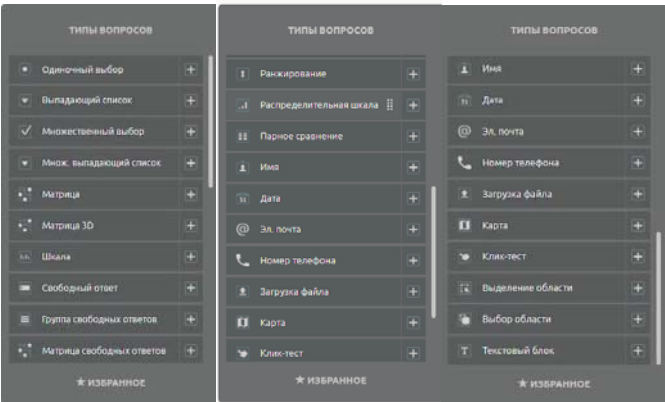

Рис. 1 . Типы вопросов сервиса «Анкетолог» [6]

Инструментарий по созданию вопросов для онлайн-анкеты профессионального конструктора опросов «Тестограф» несколько отлична от инструментария «Анкетолога» (рис. 2).

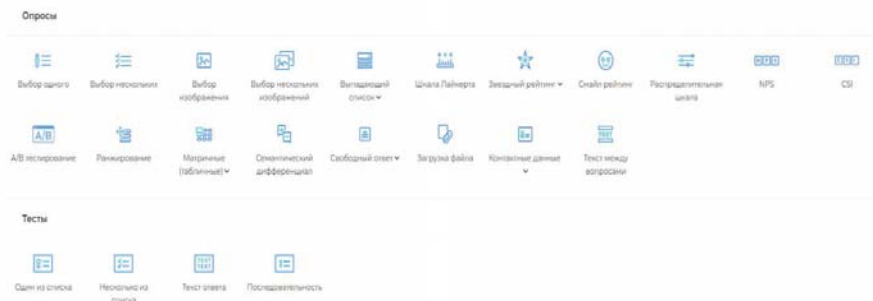

Рис. 2. Типы вопросов профессионального конструктора опросов «Тестограф» [5]

Наличие различных типов вопросов расширяет возможности использования таких конструкторов и делает создание анкеты более удобным и понятным.

В своих исследованиях А. П. Кед и П. М. Агаева рассматривали также социальную сеть «ВКонтакте» как платформу для экспресс-опросов с широким охватом аудитории [1]. Аудитория данной социальной сети составляет 79 млн пользователей и в случае проведения опроса охват аудитории большой. Использование «ВКонтакте» для проведения онлайн-опроса накладывает определенные ограничения. Они связаны прежде всего с квотными данными. Пользователи не всегда указывают в профиле место проживания, возраст. Социальные сети можно использовать не только как площадку для проведения опроса, но и для распространения информации о проводимом опросе на других площадках.

Использование цифровых инструментов в социально-экономических исследованиях современная необходимость, которая обусловлена современным темпом жизни и повсеместным проникновением цифровизации. Человек активно вовлекается в цифровое пространство и процессы, которые там протекают. Уровень развития цифровой грамотности у населения возрастает и люди все активнее принимают участия в различных цифровых активностях. Принятие участия в опросе дает ощущение важности именно твоего мнения и это в свою очередь стимулирует респондентов к участию в онлайн-опросах.

По состоянию на 10 мая 2025 г. база респондентов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) насчитывает 88000 чел. с разных регионов России [4]. Основная группа респондентов – это люди от 35 до 44 лет – 33,9 %. Именно люди этого возраста активнее всего принимают участие в онлайн-опросах. Имеют высшее образование или неоконченное высшее 59 % респондентов ВЦИОМа. База респондентов сервиса «Анкетолог» по данным сайта составляет 367 500 чел., однако активная составляет около 25 % – 91875 чел. Ежегодно эти базы расширяются, расширяются возрастные группы, территориальная охваченность. Заинтересованность респондентов поддерживается материальным вознаграждением. ВЦИОМ платит своим респондентам в среднем сто рублей за опрос. Сумма вознаграждения зависит от сложности опроса. Чем сложнее – тем оплата выше. Это повышает серьезность респондента к ответам на вопросы.

Применение цифровых инструментов в организации анкетирования значительно ускоряет процесс сбора, контроля и обработки результатов. Дальнейшее распространение цифровых технологий сократит применение других видов опросов по причине высоких финансовых временных затрат, а развитие цифровой грамотности повысит доверие респондентов к цифровым опросам.

Литература

1. Кед А. П., Агаева П. М. Интернет-опрос как метод социологического исследования // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2015. № 27. С. 112–116.
2. Инфляционные ожидания населения: региональный аспект / Э. М. Лубкова, А. Э. Шилова, Г. С. Ермолаева, И. Н. Раззорова // Экономика и управление инновациями. 2021. № 2 (17).
3. Матвеева Е. В., Митин А. А. Современные тенденции институционализации гражданского общества в Кемеровской области – Кузбассе (на материалах регионального исследования) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5, № 1(15). С. 25–32.
4. Паспорт панели ВЦИОМ.ОНЛАЙН // ВЦИОМ. URL: ok.wciom.ru/typo3conf/ext/wciom_ok/Resources/Public/file/Passport_WCIOM-ONLINE_10.05.2025.pdf
5. Профессиональный конструктор опросов «Тестограф». URL: <https://www.testograf.ru/>
6. Сервис «Анкетолог». URL: <https://anketolog.ru/>
7. Городские школьники как ресурс формирования человеческого капитала АПК промышленного региона (на материалах Кемеровской области – Кузбасса) / С. А. Шелковников, Е. В. Матвеева, А. Э. Шилова, А. В. Сат // АПК: экономика, управление. 2024. № 3. С. 16–24.

УДК 61:004

Ю. Р. Ярцева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА С ПАЦИЕНТАМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Рассматриваются проблемы взаимодействия медицинского персонала с пациентами в условиях цифровизации в системе здравоохранения. Выделены как позитивные, так и негативные аспекты использования новейших технологий, а также используется метод вторичного анализа данных. Особое внимание уделяется вопросам коммуникации, конфиденциальности и искусственного интеллекта при использовании цифровых технологий в системе здравоохранения.

Ключевые слова: система здравоохранения, медицинский персонал, пациент, цифровизация, технологии, искусственный интеллект, цифровой разрыв.

Yu. R. Yartseva

Irkutsk State University, Irkutsk

PROBLEMS OF INTERACTION OF MEDICAL PERSONNEL WITH PATIENTS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION IN THE HEALTHCARE SYSTEM

The article discusses the problems of interaction between medical personnel and patients in the context of digitalization in the healthcare system. The article analyzes both positive and negative aspects of using the latest technologies, as well as using the method of secondary data analysis. Special attention is paid to issues of communication, privacy and artificial intelligence when using digital technologies in the healthcare system.

Keywords: healthcare system, medical staff, patient, digitalization, technology, artificial intelligence, digital divide.

В современных реалиях цифровизация охватывает множество сфер жизни общества, где здравоохранение не является исключением. Технологические инновации открывают новые возможности для повышения доступности и эффективности медицинской помощи, благодаря внедрению таких цифровых технологий, как электронные медицинские карты, онлайн-сервисы для записи на прием, электронные рецепты и другое. Вместе с тем наряду с позитивными аспектами, цифровизация создает ряд проблем, связанных с изменением характера взаимодействия медицинского персонала и пациента в системе здравоохранения.

Вопреки ожиданиям, в традиционной системе здравоохранения пациенты практически не участвовали в принятии решений, касающихся их собственного здоровья. Медицинские работники всецело брали на себя ответственность, связанную с принятием решений и их последствиями, из-за чего пациенты полностью зависели от доступной медикам информации и

их компетенции. Зачастую основными проблемами традиционной системы здравоохранения являлись несвоевременная постановка правильного диагноза или вовсе его отсутствие (особенно актуально при получении той или иной группы инвалидности). Неспособность контролировать решения со стороны пациентов послужила основной мотивацией для расширения прав и возможностей, включая использование технологий, которые модернизировались с течением длительного времени и становились доступны повсеместно.

В современных реалиях новейшие технологии, такие как искусственный интеллект, робототехника, телемедицина, виртуальная и дополненная реальность, получают широкое распространение, что приводит к потенциально более высокому качеству и объему информации, а также к возможности самостоятельного лечения [2]. Данный подход делает пациентов непосредственными участниками процесса лечения, что способствует формированию новых ролей как для пациентов, так и для медработников. Расширяя свои возможности, пациенты считают себя активными в принятии решений о собственном здоровье.

Вместе с тем все чаще возникают новые проблемы, связанные с вопросом конфиденциальности пациентов [1]. Передача и хранение информации в цифровом формате создает риски, связанные с утечкой данных, как со стороны медицинского персонала, так и со стороны третьих лиц. Несмотря на ограничения прав доступа со стороны медицинского персонала к Медицинской информационной системе (МИС), немаловажную роль играет уровень доверия пациента к медперсоналу. Снижение доверия к системе здравоохранения может привести к тому, что пациенты чаще будут обращаться к неэффективным методам самолечения или онлайн-шарлатанству.

Говоря о цифровизации, невозможно не затронуть проблему «цифрового разрыва», которая является актуальной и по сей день [4]. Не имея доступа к информационным технологиям и базовых навыков их освоения, отдельные группы населения (такие как жители сельской местности, пожилые и другие) могут оказаться в социальной изоляции. Цифровизация в системе здравоохранения требует технической грамотности не только в отношении медицинского персонала, но и со стороны пациентов. Именно поэтому трансформация системы здравоохранения может усугубить уже существующий «цифровой разрыв».

К ряду проблем, связанных с ухудшением взаимодействия медицинского персонала с пациентами в условиях цифровизации, также относится снижение эмоционального контакта между врачом и пациентом в связи с акцентом лишь на технологические составляющие [3]. Несмотря на то что модернизация системы здравоохранения избавляет врачей от рутинной бумажной работы, зачастую врачи не акцентируют свое внимание на пациентах, что приводит к потере социальной поддержки и эмпатии, что предполагает снижение включенности специалистов в оказании той или иной медицинской помощи.

Обращаясь к результатам вторичного анализа данных Всероссийского телефонного интервью «ВЦИОМ – Спутник» на тему «Прогресс или угроза, или об искусственном интеллекте в медицине», проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения, вопросы которого повторяют аналогичный опрос Исследовательского центра Пью (Pew Research Center) в США 8 октября 2023 г., следует отметить, что россияне и американцы по-разному оценивают влияние искусственного интеллекта на систему здравоохранения. На вопрос «Как Вы считаете, использование искусственного интеллекта в здравоохранении для диагностики заболеваний и рекомендации лечения приведет к...» большинство россиян ответили, что использование искусственного интеллекта приведет к улучшению здоровья пациентов (40 %) [5].

В вопросе «Как Вы считаете, использование искусственного интеллекта в здравоохранении улучшит, ухудшит или никак не повлияет на следующие проблемы?» 44 % россиян уверены, что в пункте врачебных ошибок ситуация улучшится, однако проблема трудности в личных отношениях пациентов с врачами, а также предвзятости врачей к пациентам разных возрастов никак не изменится (38 %) [5].

Использование цифровых технологий в здравоохранении – это командная работа медицинского персонала и пациентов. Взаимоотношения между пациентом и врачом по-

прежнему являются важной частью лечения, а успех оказания медицинской помощи зависит от сотрудничества, эмпатии и совместного принятия решений несмотря на стремительное технологическое развитие. Пациенты, в свою очередь, должны быть активнее, используя имеющиеся в их распоряжении инструменты и информацию для профилактики заболеваний, и поддержания здоровья. Только при комплексном подходе к имеющейся проблеме можно реализовать имеющийся потенциал цифровизации в полной мере и улучшить качество медицинской помощи для всего населения.

Литература

1. Клепиков Е. А., Ясько А. О. Вопросы защиты конфиденциальной медицинской информации о пациенте в медицинских информационных системах // Символ науки. 2016. № 9. С. 42–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-zaschity-konfidentsialnoy-meditsinskoy-informatsii-o-patsiente-v-meditsinskih-informatsionnyh-sistemah> (дата обращения: 17.05.2025).
2. Пономарев Н. С. Цифровизация системы здравоохранения как инструмент повышения качества медицинской помощи // Вестник науки. 2025. № 2 (83). С. 418–425. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-sistemy-zdravoohraneniya-kak-instrument-povysheniya-kachestva-meditsinskoy-pomoschi> (дата обращения: 17.05.2025).
3. Чакхиева Д. М. Трудности в процессе цифровизации системы здравоохранения в России и предложения по их преодолению // Вестник науки. 2024. № 1 (70). С. 887–891. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-v-protseste-tsifrovizatsii-sistemy-zdravoohraneniya-v-rossii-i-predlozheniya-po-ih-preodoleniyu> (дата обращения: 17.05.2025).
4. Lupton D. The digitally engaged patient: Self-monitoring and self-care in the digital health era // Social Theory & Health. 2013. № 11. P. 256–270. URL: <https://www.dhi.ac.uk/san/waysofbeing/data/health-jones-lupton-2013e.pdf> (дата обращения: 17.05.2025).
5. Прогресс или угроза, или об искусственном интеллекте в медицине // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/progress-ili-ugroza-ili-ob-iskusstvennom-intellekte-v-medicine> (дата обращения: 17.05.2025).

УДК 316.334.56(571.1/5)

В. О. Сеньута

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В РОССИИ

Анализируются проблемы сохранения трудового потенциала в России. Обсуждаются социально-экономические вопросы. Основное внимание уделено факторам, влияющим на качество жизни, таким как состояние экономики, что определяет риски и угрозы для трудового потенциала.

Ключевые слова: экономика, общественная деятельность, кризис, специалисты, трудовой потенциал, рынок труда, трудоустройство, мероприятия, профессиональное обучение работников.

V. O. Senyuta

Institute of Social Sciences, Irkutsk State University, Irkutsk

PROBLEMS OF MAINTAINING LABOR POTENTIAL IN RUSSIA

The article analyzes the problems of preserving labor potential in Russia. Socio-economic issues are being discussed. The main focus is on factors affecting the quality of life, such as the state of the economy, which determines the risks and threats to labor potential.

Keywords: social activities, economics, crisis, specialists, labor potential, labor market, employment, events, professional training of employees.

Изучением сохранения трудового потенциала в России занимаются известные российские ученые исследователи: социологи, экономисты и историки, а именно О. И. Шкаратан, В. В. Радаев, В. Д. Егоров, С. А. Гильманов, М. Я. Озеров. Большинство авторов сходятся во мнении, что начало 90-х прошлого века дало большой скачек в развитии и образовании граждан России. Что в последствии сформировало механизмы защиты прав и свобод человека. Но смена экономического строя, развал СССР, ошибки в реформировании общества, по-

следующая приватизация в РФ привела к финансово-экономическому кризису с последующим закрытием большинства заводов, фабрик, развалу колхозов и совхозов, обнищанию населения. Граждане России и стран СНГ по большей части оказались в крайне затруднительном материальном положении. Что, в свою очередь, послужило резкому упадку экономического развития, снижению численности населения, и, как следствие, резкому дефициту кадров.

Советским обществом гарантировалось «право на труд», что закреплялось конституционно. Работодателем выступало государство, обеспечивая полную занятость и социальные гарантии, велась борьба с тунеядством. Принятый в апреле 1991 г. ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» в корне отличался, так как был нацелен на регулирование занятости населения, в соответствии с рыночной моделью, где лидировали «качественные показатели» [8]. Занятость нужно было понимать как деятельность, приносящую доход с вытекающими последствиями, такими как безработица. На смену единственному работодателю пришли многочисленные формы занятости, содержащие элементы социальной защиты.

Последующие изменения в политике, в конце лета 1991 г., были ознаменованы государственным переворотом, в результате правительство уклонилось от защиты трудовых прав граждан. Экономика страны нуждалась в корректировке законодательных актов, ориентированных на регулировании трудоустройства населения. Дифференцированию подверглись фундаментальные понятия и определения.

Показатели безработицы в РФ с 1990-х гг. резко возросли: декабрь 1992 г. безработица превышала более миллиона человек. В газете «Труд» за 28.12.1992 отмечалась данная статистика: «С начала января 1992 г. по декабрь этого же года безработица возросла до восьми миллионов человек, по некоторым регионам, таким, как Иркутская область, Красноярская и других безработица увеличилась в 20 раз» [6]. Зарождение демократических нововведений в российском обществе привело к безработице в рядах высококвалифицированных кадров (среди них были как научные работники: физики, биологи, геологи, химики и т. п., так работники культуры: искусствоведы, художники, библиотекари, филологи, не говоря уж о высококвалифицированных специалистах потерявших работу при закрытии заводов и фабрик: конструкторы, метрологи, инженеры, мастера, технологи, техники, механики и др.). В противовес им малоквалифицированные специалисты (продавцы, брокеры, риелторы, биржевые маклеры, бухгалтера, строители отделочники) наводнили рынок труда, в начале 1990-х гг. продавалось все, от ваучеров до фабрик и заводов. Благодаря внедрению рыночных механизмов в России, произошел ряд событий, изменивший социальную и экономическую жизнь в стране.

В 1992 г. отмечался небывалый рост инфляции, который достиг 2600 %, что привело к обесцениванию денежных накоплений граждан. Доходы от приватизации получили бывшие чиновники, а 80 % граждан страны оказались обманутыми. Данная схема повлияла на социальное расслоение общества. В 1993 г. каждый третий житель оказался на грани выживания [9]. Сокращение госфинансирования в сферах науки, образования и здравоохранения понизило качество услуг, привело к потере ценных специалистов их оттоку за границу.

Положительными изменениями можно назвать: наполнение рынка товарами, в 1997 г. экономический подъем в некоторых отраслях. Виднейшие аналитики стали бить тревогу и Г. А. Ястребов во главе группы исследователей, он так описал сложившуюся ситуацию: «Произошел отток специалистов из производственной, интеллектуальной сферы и их выбрасывание с рынка труда, а в лучшем случае – перемещение их в сферы, не требовавшие высокой, накопленной годами квалификации» [1].

Меры по защите трудовых прав о выплате компенсаций по трудоустройству специалистов, уволенных по сокращению или банкротству, были незначительны, мизерны скорее даже ничтожны по сравнению с масштабами уничтожения слаженной системы трудового и социального обеспечения.

1998 г. ознаменован финансовым коллапсом, во временном отрезке отмечались такие особенности, как отчасти перегруженные предприятия, дирекция которых переводила работ-

ников на малозначительные участки или на частичный рабочий день, тем самым пытаясь сохранить трудовой ресурс, с уверенностью на изменение обстановке и продление выпуска продукции. Предприятия принуждены были: уменьшить рабочий день; понизить заработную плату работникам. Рабочие были чрезвычайно недовольны и отзывались против урезания заработной платы. Назревал кризис. Между предприятиями разрушалась логистика и обрывались экономические связи [3]. В результате ученые столкнулись с серьезными содержательными и методологическими вызовами [2].

XXI столетие озаменовано ростом образования, техническим и индустриальным прогрессом мирового сообщества, что позволяет переосмыслить и взглянуть по-новому на проблему сохранения трудового воспроизводства. Данному обществу характерен избыток интеллектуальной силы и недостаток в специалистах рабочих профессий. В. Д. Егоров поясняет: «...трудовой потенциал – это развитая в данном обществе совокупность демографических, социальных и духовных характеристик и качеств трудоактивного населения, которые реализованы или могут быть реализованы в условиях достигнутого уровня развития производительных сил, научно-технического прогресса и системы отношений, связанных с участием в процессе труда и общественной деятельности» [4].

М. Я. Озеровым вносит свои дополнения: «Трудовой потенциал есть совокупность врожденных и приобретенных физических и духовных (в том числе умственных) способностей человека к труду, необходимых и непосредственно предназначенных для использования при производстве товаров и оказании услуг в конкретно определенной сфере деятельности. Трудовой потенциал является проекцией рабочей силы на определенную область трудовой деятельности» [5].

Ученые демографы, работники ведомств, изучающие проблематику рождаемости, смертности обозначают подобное явление – депопуляцией, т. е. вымиранием населения и как следствие – сужение воспроизводства. Стремительное сокращение населения трудоспособного возраста возросло из-за закрытия большинства предприятий, высвобождения рабочей силы, потери стабильного заработка, отмечается плохое качество подготовки рабочих специальностей, бывшие выпускники институтов испытывают трудности в трудоустройстве и редкие единицы могут работать по выбранной специальности, чем пополняют ряды безработных.

Ухудшение демографической ситуации в России вызвало среди ученых-исследователей соответствующую реакцию, на которую руководством страны, во главе с Президентом РФ В. В. Путиным разработаны меры сохранения и развития трудового потенциала учеными, действующие с начала XXI в.

Для решения таких задач были приняты меры:

- при массовых увольнениях – профессиональное обучение работников;
- для молодых специалистов – общественные работы с временным трудоустройством либо стажировкой;
- мероприятия по замещению рабочих мест с переездом в иные регионы страны;
- развитие микропредприятий, льготной налогооблагаемой базы для самозанятых;
- при реорганизации предприятий профессиональное переобучение или повышение квалификации;
- помощь в обучении женщинам, ухаживающим за ребенком и находящимся в отпуске до 3-х лет и т. д. [10].

В 2014 г. заработал федеральный проект в России «Стимулирование найма общест-венности». Реализация проходит в два этапа: 1 – с 2014 по 2021 г.; 2 – с 2022 по 2030 г. Его целью является гос/программы РФ: 1) понижение к 2030 г. показателей по безработице >1 %; 2) мероприятия по увеличению показателей безопасности труда и мер по сохранению здорового трудового потенциала.

В России запущен Национальный проект «Демография» на период с 2019 по 2024 г. В ходе 2021 г. реализации Национального проекта «Демография» было организовано бесплатное профессиональное обучение; профессиональное переобучение; получение дополнительного профессионального образования. Реализация мероприятий в РФ по профессиональному

обучению осуществляется в целях приобретения или развития гражданами имеющихся знаний, компетенций и навыков, а также дальнейшего обеспечения их занятости. Первостепенные цели данного нацпроекта заключаются в увеличении ожидаемой продолжительности здоровой жизни, увеличение суммарного коэффициента рождаемости, увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни и граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом [11; 12].

Литература

1. Карачаровский В. В., Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. Культура и модернизация в зеркале взаимодействия российских и иностранных профессионалов в мультинациональных трудовых коллективах в России // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 67–77.
2. Радаев В. В. Экспансия платформ как вызов социологии // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 15–28.
3. Радаев В. В. Экономическая борьба и социальные связи: структура конкурентных отношений в новом российском ритейле // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 1. С. 19–56.
4. Егоров В. Д. Трудовой потенциал населения: формирование и использование в условиях реформирования экономики / науч. ред. Л. Н. Липатова. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2003.
5. Озеров М. Я. Оценка качества трудового потенциала персонала коммерческого банка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009.
6. Труд. 1992. 28 дек.
7. О занятости населения в Российской Федерации : федер. закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464093 (дата обращения: 10.05.2025).
8. Буланов В. С. Воспроизводство рабочей силы в условиях становления рыночных отношений : дис. ... д-ра экон. наук. М., 1994. 174 с.
9. Иванов К. В. Кризис «социалки» на рубеже эпох и проблема безработицы // Актуальные исследования. 2023. № 19 (149). URL: <https://apni.ru/article/6119-krizis-sotsialki-na-rubezhe-epoch-i-problema> (дата обращения: 10.05.2025).
10. Токсанбаева М. С., Лежнева Ю. А. Проблемы сохранения трудового потенциала безработных // Terra economicus. 2012. № 1. С. 147–155.
11. Обучение граждан в рамках федерального проекта «Содействие занятости» национального проекта «Демография». URL: <https://trud46.ru/content> (дата обращения: 10.05.2025).
12. Паспорт национального проекта «Демография» URL: <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения: 10.05.2025).

УДК 355.014

А. Л. Зацепин

Императорское православное палестинское общество, г. Саянск

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ СЕМЁНОВСКОГО ПОЛКА В XX ВЕКЕ

Проводится исследование деятельности лейб-гвардии Семёновского полка в XX в., осуществляемой в тяжелейших и чрезвычайных социальных условиях, с позиции их следования заветам основателя императора Петра I, преданности долгу защитников Отечества и примера для воспитания стойкости, мужества, чести и верности следующих поколений воинов России, имеющих национальный девиз: «За Веру, Царя и Отечество».

Ключевые слова: лейб-гвардии Семеновский полк, верность долгу, офицеры, солдаты, наследие.

A. L. Zatsepin

Imperial Orthodox Palestinian Society, Sayansk

ON THE QUESTION OF THE ACTIVITIES OF THE LIFE GUARDS SEMENOVSKY REGIMENT IN THE XX CENTURY

The article presents a scientific study of the activities of the Life Guards Semenovskiy Regiment in the 20th century, in the most difficult and extraordinary social conditions, from the standpoint of their following the precepts of the founder, Emperor Peter I, devotion to the duty of defenders of the Fatherland, and an example for the education of fortitude, courage, honor and loyalty of the next generations of Russian soldiers, who have the national motto: "For Faith, Tsar and Fatherland".

Keywords: Life Guards Semenovskiy Regiment, loyalty to duty, officers, soldiers, heritage.

Сложные геополитические проблемы современного мира, подчас решаемые методами недобросовестной рыночной конкуренции, санкционного и политического давления, а также применения военной силы со стороны различных недружественных стран, блоков, альянсов, являющиеся препятствием для социального прогресса российского общества, обуславливают актуальность вопроса рассмотрения деятельности одного из старейших полков России – лейб-гвардии Семеновского полка в XX веке в ретроспективе.

Датой создания лейб-гвардии Семеновского полка является 23 мая 1683 г. [5, с. 175], одновременно с лейб-гвардии Преображенским полком, однако император Николай I, повелел установить датой 22 августа 1700 г. (день выступления из Москвы в шведский поход). Помимо постоянного своего предназначения – защиты интересов России, отмеченных духом высоких подвигов, лейб-гвардии Семеновский полк также хорошо известен тем, что он является основателем города Санкт-Петербурга, строительство которого солдаты начали с возведения стен Петропавловской крепости.

Имея многие славные страницы своей полковой истории, лейб-гвардии Семеновский полк, однажды был полностью расформирован, до последнего солдата, по повелению императора Александра I, в связи с так называемым «Семеновским делом». Следует отметить, что полное расформирование полка и отсутствие прямой исторической преемственности с ветеранами полка, не явилось препятствием для его восстановления в ином личном составе, с прежними же правами, обязанностями и традициями.

К началу XX в. лейб-гвардии Семеновский полк, пользовавшийся безупречной репутацией, получил признание государя Николая II: «вернейший из верных Моих полков». Полк имел полковое имущество, состоящее из офицерского здания с земельным участком на Загородном проспекте в г. Санкт-Петербурге, солдатские казармы, школу солдатских детей, загородные земельные участки, значимый полковой архив за много лет и в полном порядке, а также богатый полковой музей. Кроме того, у полка был свой полковой Собор, это был Введенский храм на обводном канале, в котором хранились ценные полковые реликвии, а также знамена батальонов и знамя полковой гребной флотилии.

После объявления Германией войны России, 2 августа 1914 г. лейб-гвардии Семеновский полк выступил в военный поход. На дату начала похода, в полку находилось 80 офицеров [12].

Кроме действующего полка, находящегося на линии боевого соприкосновения с врагом, в полковых казармах был сформирован Запасной батальон, предназначенный для ускоренной военной подготовки вновь произведенных офицеров и солдат, с целью укомплектования и отправки на фронт регулярных запасных подразделений для восполнения боевых потерь. В Запасном батальоне были приписаны и раненые офицеры, находящиеся на излечении после ранений. Таким образом, Запасной батальон по своему назначению и административно-командному подчинению являлся неотъемлемой частью действующего лейб-гвардии Семеновского полка.

Февральская революция 1917 г. привела к тому, что 9 мая 1917 г. – Запасной батальон был развёрнут в трех-батальонный полк под командованием полковника Р. В. Бржозовского и получил наименование Гвардии Семёновский резервный полк (на основании приказа по Петроградскому военному округу № 262). Мы можем предполагать, что это решение было обусловлено желанием главы Временного Правительства А. Ф. Керенского иметь под рукой в столице надежную военную часть для собственной безопасности. В то же время, в военном отношении, функционал и подчиненность Резервного полка по отношению к действующему полку осталась прежней.

По данным автора С. Т. Минакова, боевой состав действующего лейб-гвардии Семеновского полка на 4 ноября 1917 г. составлял 85 офицеров. По состоянию на 20.11.1917 в строю оставалось 16 чел. первоначального (августа 1914 г.) офицерского состава. По состоянию на 11–16 декабря 1917 г. в полку были проведены выборы командного состава, по итогам которых в полку осталось лишь 9 офицеров первоначального состава, а ряд командных должностей от командира роты до командира батальона включительно составили прапорщи-

ки из солдат (преимущественно в 3-м и 4-м батальонах). В результате заключенного с Германией перемирия и фактического окончания боевых действий, кадровые офицеры под разными благовидными предлогами, стали массово покидать полк начиная с конца декабря 1917 г. и более активно в январе 1918 г. [6]. Вслед за ними 26 января 1918 г. из действующего полка в Петроград выбыл выборный командир полка, кадровый офицер, полковник Николай Карлович Эссен в сопровождении солдат нестроевой роты, при которых находилось полковое знамя [6; 15]. Временное командование действующим полком принял помощник (заместитель) командира полка капитан Бойе-ав-Геннэс Владимир Густавович. Вскоре следующим выборным командиром действующего полка стал капитан Комаров Дмитрий Виссарионович, который и командовал действующим полком при его возвращении из похода на дату 15 марта 1918 г. [15]

Ко времени возвращения полка из похода, большевистским Правительством были приняты немецкие условия Брестского мира, по которым Россия теряла свою территориальную целостность, обязалась выплачивать дань в особо крупных размерах, признавала себя на положении колониальной и зависимой от Германии страны, а также приняла на себя обязательство о незамедлительной демобилизации всей Русской армии [3, с. 112]. В качестве неотъемлемой части Русской армии подлежали безусловной демобилизации также полки: действующий лейб-гвардии Семеновский полк, а также Гвардии Семеновский резервный полк.

Может показаться странным, но большевики приняли решение о сохранении полка.

Из опубликованных зарубежных русских источников известно, что, когда был получен приказ о демобилизации Гвардии Семеновского резервного полка, этот вопрос был снят по следующим соображениям: «Избегнуть демобилизации, которой подверглись все остальные гвардейские полки, удалось путем предварительной подготовки, а именно собиранием в полк из других частей солдат, коим по демобилизации ехать было некуда, вследствие оккупации их губерний немцами. Поэтому, к моменту получения приказа о демобилизации, командир полка, показав списки, заявил, что это уже не Семеновский полк, а «полк беженцев». Так как девать этих людей было некуда, большевикам оставалось только согласиться на дальнейшее существование до времени, «полка беженцев» [1, с. 214]. А в целях выполнения обязательств перед Германией, Резервный полк был снят с военного ведения и передан в ведение Комиссариата Внутренних Дел, согласно приказа от 08.05.1918 № 60, который текстуально весьма краток: «Семёновский полк беженцев передается в ведение Комиссариата Внутренних Дел со всем вооружением, снаряжением, находящимся на людях, и инвентарем, в настоящее время полк обслуживающим» [9]. Покровителем полка стал Комиссар Комиссариата внутренних дел М. С. Урицкий, поддерживающий полк в целях собственной безопасности, как это можно понять из воспоминаний полковника Н. К. Леонтьева [4].

Действующий лейб-гвардии Семеновский полк, между тем, был снят с денежного довольствия и расформирован 20 мая 1918 г., в соответствии с приказом Комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны № 114 от 31 мая 1918 г. Последний приказ командира действующего полка Д. В. Комарова датируется 1 апреля 1918 г. [15]. В то же время многие кадровые офицеры действующего полка слились с Резервным полком, который сменил название на полк по Охране Петрограда и принял нормальную четырех-батальонную структуру, позволявшую принять боевых офицеров на созданные вакантные должности, с последующей внутренней ротацией командного состава полка [15]. Таким образом, можно сказать, что в период с 08.05.1918 по 31.08.1918 произошло фактическое и удовлетворительное восстановление лейб-гвардии Семеновского полка в условиях послевоенного времени, со сменой своего исторического названия на полк по Охране Петрограда и отсутствием ненужного уже Запасного батальона.

Со смертью Урицкого положение полка изменилось к худшему. Большевиками были приняты жесткие меры по устранению из полка кадровых офицеров [4]. Затем было принято решение о переводе полка по Охране Петрограда из Комиссариата Внутренних Дел в Комиссариат по Военным и Морским Делах (в Красную Армию) с 1 декабря 1918 г., а с 1 февраля

1919 г. полк был снят с денежного довольствия Комиссариата Внутренних дел, а кроме того полк снова был переименован и получил название 3-й Петроградский стрелковый полк [8].

В конце марта 1919 г. началось наступление на Петроград отдельного корпуса Северной армии генерала Родзянко [1, с. 216]. В середине мая в полку был получен спешный приказ о выступлении на фронт [1, с. 216; 4]. В связи с тем, что солдаты полка были настроены противобольшевистски [4], то, как и следовало ожидать, произошел переход полка в состав Северной армии генерала Юденича. В армии генерала Юденича полк получил наименование 8-го пехотного Семеновского полка, став под командование кадрового офицера полковника лейб-гвардии Семеновского полка В. А. Зайцова.

В своей работе автор П. И. Шестопалов приходит к выводу о том, что к середине мая 1919 г., ко времени перехода полка на сторону генерала Юденича, полк, фактически, утратил генетические свойства старого лейб-гвардии Семеновского полка из-за отсутствия кадровых офицеров. И по структуре, и по составу это была уже другая воинская часть. Полк практически перестал существовать после полного «вычищения» из него остатков кадровых «коренных» офицеров – носителей и хранителей традиций «Семеновской семьи». И, таким образом, на сторону Юденича перешел уже не бывший Семеновский полк, а сформированный из его «омертвевших» обломков 3-й стрелковый полк Петроградской отдельной стрелковой бригады [15].

Следует отметить, что аналогичный по сути вывод делает и председатель Общества офицеров лейб-гвардии Семеновского полка генерал-лейтенант Е. Ф. Новицкий, по предварительному запросу к полковнику В. А. Зайцову, и датой перехода к генералу Юденичу от 30 мая 1919 г. ставящий точку в истории боевой деятельности лейб-гвардии Семеновского полка [11].

По нашему мнению, вышеприведенные выводы автора П. И. Шестопалова и генерал-лейтенанта Новицкого Е.Ф. о радикальном внутреннем изменении сущности полка не вполне отражают действительность, в связи с нижеизложенным. В своей работе автор П. И. Шестопалов приводит свидетельство генерала А. П. Родзянко, о том, что в полку было несколько кадровых офицеров, в то время как по сообщению самого П. И. Шестопалова был только один – это капитан В. А. Зайцов [15, с. 139], хотя сам же П. И. Шестопалов ниже перечисляет тех офицеров, которые при переходе полка были налицо: В. А. Зайцов, Д. Н. Шмеман, К. Л. Эрдман и Н. К. фон Эссен [15, с. 141]. Присутствие В. А. Зайцова, Д. Н. Шмемана и К. Л. Эрдемана также подтверждает эмигрантский источник [1], а присутствие Н. К. фон Эссена подтверждается сведениями из допроса капитана Кудрявцева Ефима Иосифовича [14]. И таким образом, действительно, четыре кадровых офицера, несмотря на все кадровые чистки большевиков, на день перехода к генералу Юденичу, находились в строю, а вовсе не один офицер, как вначале ошибочно сообщает автор П. И. Шестопалов.

Но насколько принципиальна разница – четыре или один? По нашему мнению, если полк пошел всего лишь за четырьмя кадровыми (коренными) офицерами лейб-гвардии Семеновского полка, то эти офицеры по своей значимости фактически стоили численности всего полка. Такое же мнение о роли личности офицера высказывал и авторитетный военный деятель, сам бывший семеновец, генералиссимус светлейший князь Александр Суворов Васильевич: «Присутствие опытного и дельного полководца стоит более целой армии». Кроме того, в объединении общества офицеров лейб-гвардии Семеновского полка, находящихся в эмиграции, в Семеновском бюллетене были опубликованы следующие соображения: «Ведь, правда, как это удивительно! Казалось бы, что нет ни полка, ни самого Государства – а дух в нас живет, и это-то и служит залогом нашего возрождения и светлого, хотя и не столь близкого будущего», и председатель общества ответил: «то, что является основой полка никогда не умирало, существует и ныне, и будет существовать до тех пор, пока будет жив *последний* из нас» [10]. Итак, по мнению авторитетных военных специалистов, из числа самих семеновцев, представлять полк способен даже только лишь *один* представитель полка, носитель социокультурного ядра полковой «Семеновской семьи».

Но и с мнениями автора П. И. Шестопалова и генерал-лейтенанта Е. Ф. Новицкого, тем не менее можно согласиться, в том смысле, что существенно трансформированный большевиками Семеновский полк, при переходе к генералу Юденичу, не имел *привычных* свойств лейб-гвардии Семеновского полка, и, можно сказать, что он являлся лишь «тенью» полка. Но даже эта «тень», осознанно сделала свой исторический русский выбор. С национальной, традиционной и справедливой русской точки зрения это было необходимо совершить, и четыре кадровых офицера, ведущие за собой солдат, и верные заветам основателя, совершили этот последний необходимый героический подвиг.

8-й пехотный Семеновский полк находился в составе Северо-Западной армии генерала Юденича, вплоть до её расформирования, согласно приказа по армии от 22.01.1920 № 57/оп. К тому времени, по свидетельству капитана Е. И. Кудрявцева, полковником В. А. Зайцовым проводилась работа по формированию и отправке в Вооруженные Силы Юга России (ВСЮР) добровольцев, в том числе из желающих 8-го пехотного Семеновского полка [14].

По информации С. В. Волкова, лейб-гвардии Семеновский полк летом 1919 г. был представлен во ВСЮР одной ротой. К 06.11.1919 был сформирован батальон (три роты). В результате боев к 19.11.1919 батальон сократился до двух рот, к 24.11.1919 до одной, упраздненной 03.12.1919. Затем, в январе 1920 г. на фронт прибыли еще две Семеновские роты, вскоре сведенные в одну, сохранившуюся до интернирования частей полка в Польшу. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту, вплоть до эвакуации Русской Армии из Крыма в ноябре 1920 г. [2, с. 18–19].

Мы можем полагать, что прибывшие на фронт в январе 1920 г. две роты, судя по времени, могли быть, и очевидно являлись, прибывшими из Северо-Западной армии Юденича, и они же приняли участие в Гражданской войне против власти большевиков до приказа об эвакуации армии в ноябре 1920 г.

Потери офицеров лейб-гвардии Семеновского полка в период 1-й Мировой войны и Гражданской войны в России представлены в табл. 1.

Потери офицеров лейб-гвардии Семеновского полка

Таблица 1

№ п/п	Потери	Первая мировая война					Гражданская война				итого
		1914	1915	1916	1917	1918	1917	1918	1919	1920	
1	Убито	10	16	6	6		3	2	18	8	69
2	Смерт. ранено	4	6								10
3	Ранено	20	33	13	5				3		74
4	Взято в плен	2	4			1					7
5	Умерло (в гр. в-ну от тифа)	1	1	1				2	1	10	16
	Итого	37	60	20	11	1	3	4	22	18	176

*Источник: составлено по [2; 7; 12].

Оставшиеся в России 116 офицеров полка (в их числе старые семеновцы) большей частью были регулярно и последовательно репрессированы Советской властью. Сведения об количестве известных репрессий представлены в табл. 2, по информации предоставленной прокуратурой г. Санкт-Петербурга (письмо от 27.02.2025 исх. № 27–169–2025), значительная часть из числа репрессированных офицеров полка, была впоследствии реабилитирована.

Репрессии офицеров лейб-гвардии Семеновского полка

Таблица 2

№ п/п	Репрессии	Год не известен	до 1922	1923	1925	1930	1931	1937	1938	1939	1941	Итого
1	Расстреляно	4	7	1	6		11	2	1	2	1	35
2	Умучено до смерти	3		1	1							5
3	Концлагерь	1				1	10			1		13
	Итого	8	7	2	7	1	21	2	1	3	1	53

*Источник: составлено по [2; 7; 12].

После эвакуации Русской Армии из Крыма, в эмиграции, явочным порядком старшие офицеры в 1922 г. приступили к собиранию своих разбросанных по миру однополчан, в единое целое, названное ими Обществом (Объединением) офицеров лейб-гвардии Семеновского полка. Таким образом, в условиях своего рассеяния по миру полк сразу же получил своё продолжение в виде Объединения, основной деятельностью которого стало собирание и сохранение (консервация) полковой славы, традиций, ментального наследия лейб-гвардии Семеновского полка, запечатленных в изданных Семеновских бюллетенях (первый номер издан в 1923 г.). С 1922 по 1992 г. объединение включало в себя 148 члена, восемь офицеров из которых были исключены по соображениям офицерской чести, а один из этих восьмерых впоследствии был восстановлен в обществе. Ведь, по мнению офицеров полка, самое дорогое, что есть у человека, офицера и полка – это его честь! Кроме офицеров полка, в общество также принимались некоторые уважаемые почетные члены, также был принят чиновник военного времени Василий Филиппович Шлепков (в 1948 г.) и старший унтер-офицер Филипп Григорьевич Мишин (в 1966 г.), а также несколько (пятеро) сыновей офицеров полка.

С годами, в силу возраста офицеров и их естественной убыли, количество офицеров Объединения постепенно сокращалось. По состоянию на 04.12.1968 офицеров Объединения оставалось 16 членов, а по состоянию на 04.12.1977 (день полкового праздника) лишь четверо: Всеволод Александрович Зайцов (командир 8-го пехотного Семеновского полка), Владимир Густавович Бойе-ав-Геннэс (помощник (заместитель) командира действующего полка на 16.12.1917), Владимир Николаевич Кожин и Сергей Николаевич Михалевский.

Последним офицером полка в эмиграции оставался поручик Сергей Николаевич Михалевский (умер 16.11.1982), чьи потомки перенаправили нам его офицерский архив обратно в Россию, при этом небезынтересно будет отметить, что среди бумаг поручика С. Н. Михалевского, имеются документы с его собственноручными правками, Семеновские бюллетени, сообщения и частное письмо командира полка А. В. Попова. Этот архив поручика С. Н. Михалевского в настоящее время, возможно, представляет собой свою собственную историческую ценность, сопоставимую, пожалуй даже, со знаменитым мундиром подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка А. Ф. Талызина, в котором императрица Екатерина II при вступлении на престол совершила свой «поход» во главе гвардейских войск под Ораниенбаум 28 июня 1762 г. и хранящийся ныне в Государственном историческом музее в г. Москва (по информации Государственного исторического музея, письмо от 20.03.2025). А уже сам августейший почетный председатель Объединения Его Императорское Высочество Великий Князь Владимир Кириллович скончался 21 апреля 1992 г. По его смерти в 1992 г. созданное и сохраненное Объединением наследие полка, духовное и материальное, содержащееся в Семеновских бюллетенях, полковом архиве и полковых реликвиях, а также полковое имущество, находящееся ныне отчасти в музеях города Санкт-Петербурга, ожидает своего применения и, возможно, предстоящего восстановления лейб-гвардии Семеновского полка. Полковой архив и иные исторические документы и музейные ценности, по поручению, и по образцу других гвардейских Объединений, от имени председателя Объединения генерала А. А. фон Лампе был сдан 12.01.1964 офицерами Виктором Ивановичем Мещаниновым и Сергеем Николаевичем Михалевским на определенных условиях на хранение в хранилище Колумбийского университета в Нью-Йорке в количестве 17-ти установленных Архивом образцов коробок и 14-ти отдельных пакетов [13].

По мнению автора П. И. Шестопалова: «Офицеры лейб-гвардии Семеновского полка были, своего рода, «аккумулятором», хранителем и блюстителем традиций «полковой семьи». Они были не только профессиональным, но, если можно так выразится, «ментальным» и социокультурным ядром полка» [15, с. 46]. И действительно, те традиции, хранимые полком, были даны и завещаны императором Петром I, основателем полка, и вот они: «Воины! Вот пришёл час, который решит судьбу Отечества. И не так должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество, за православленную нашу веру и церковь... А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, жила бы только Россия в блаженстве и славе, для благосостояния вашего».

Подводя итоги нашему научному исследованию, отметим, что заветы основателя лейб-гвардии Семеновского полка государя Петра I, высокое чувство долга и полковые традиции актуальны для нашего времени не меньше чем во времена наших славных героических предков: офицеров и солдат Российской императорской армии – защитников Отечества.

Литература

1. Белое дело: Летопись Белой борьбы: Материалы, собранные и разработанные бароном П. Н. Врангелем, герцогом Г. Н. Лейхтенбергским и Светлейшим Князем А. П. Ливеном: Выпуск IV / под ред. А. А. фон Лампе. Берлин : Медный всадник, 1928. 240 с.
2. Волков С. В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М. : Русский путь, 2002. 568 с.
3. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М. : Госполитиздат, 1959.
4. Зацепин А. Л. Воспоминания полковника Леонтьева Н. К. о бывшем лейб-гвардии Семеновском полку в Петрограде при большевиках // Актуальные вопросы общества, науки и образования : сб. ст. XX Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и Просвещение, 2025. С. 79–92.
5. Лампе А. А. Пути верных: сборник статей. Париж : Тип. в Наварре, 1960. 260 с.
6. Минаков С.Т. 1937. Заговор был. М. : Яуза, 2010. 320 с.
7. Офицеры РИА. URL: <https://www.r914.info/index.php/> (дата обращения: 30.03.2025).
8. Письмо Центрального государственного архива Санкт-Петербурга от 10.03.2025 № 261/г.
9. Приказ Военного комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны от 08.05.1918 № 60 // Красная Армия. 1918. № 7, 11 мая. URL: https://primo.nl.ru/primo_library/libweb/action/ (дата обращения: 30.03.2025).
10. Семеновский бюллетень. 1924. № 2. 8 с.
11. Семеновский бюллетень. 1928. № 7. 22 с.
12. Семеновский бюллетень. 1929. № 8. 20 с.
13. Сообщение Общества офицеров лейб-гвардии Семеновского полка № 20. 1964.
14. Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР в 1930–1931 годы. Екатеринбург: Листок, 2021. 660 с.
15. Шестопалов П. И. Кадровые офицеры «Семеновской пехоты» и революционные процессы в России в октябре 1917 – мае 1919 г. : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2018.

УДК 316.3

М. В. Валеева

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург

СОЦИОЛОГИ КАК ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО

Представлен анализ понятия профессиональная общность, сделан акцент на особенностях профессиональной общности социологов. Также рассмотрено понятие экспертного сообщества и проанализированы возможности и ограничения социологов как участников экспертного сообщества. Сделан вывод о том, что социологи как экспертное сообщество способствуют более глубокому пониманию общества и помогают находить решения для его актуальных проблем.

Ключевые слова: профессиональная общность, экспертное сообщество, социолог, профессия социолог, эксперт.

M. V. Valeeva

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg

SOCIOLOGISTS AS AN EXPERT COMMUNITY

The paper presents an analysis of the concept of professional community, with an emphasis on the features of the professional community of sociologists. The concept of expert community is also considered, and the capabilities and limitations of sociologists as participants in the expert community are analyzed. It is concluded that sociologists as an expert community contribute to a deeper understanding of society and help find solutions to its current problems.

Keywords: professional community, expert community, sociologist, profession of sociologist, expert.

Профессиональная общность – это группа людей, объединённых общими интересами, ценностями, профессиональными стандартами и практиками в рамках определённой профессии или профессиональной области. Она характеризуется высоким уровнем взаимного при-

знания и уважения среди членов, а также приверженностью к определённым кодексам и этическим нормам, которые регулируют их профессиональную деятельность.

Создание социологических школ, кафедр и факультетов в университетах способствует формированию кадрового резерва и внедрению социологической науки в повседневную практику. Также необходимо подчеркнуть значимость специализированных исследовательских организаций и профессиональных ассоциаций, которые не только проводят научные исследования, но и стремятся к налаживанию связи между учеными, органами власти и бизнесом.

В современных условиях традиционные профессиональные сообщества уступают место новым социальным группам, которые стремятся занять позицию экспертов в различных сферах. Это связано с изменениями в общественных отношениях в контексте информационного общества, общества знания, общества риска и других актуальных концепций.

В целом институционализация социологической науки предполагает создание социологических школ, включение в систему высшего образования социологических факультетов и кафедр в университетах, создание специализированных исследовательских организаций, профессиональных ассоциаций, создание социологических научных журналов, организацию профессиональных мероприятий – конференций, семинаров, которые становятся площадками для социального взаимодействия профессионалов данной области, а также учреждение ученых степеней и званий по социологии.

По мнению Р. А. Долженко и С. Б. Долженко, экспертные сообщества представляют собой объединения специалистов из различных организаций, работающих в определенной профессиональной области. Их отличительной чертой является наличие и применение членами сообщества своих экспертных знаний и опыта, относящихся к данной профессиональной сфере [3].

В работах У. Бека, например, подчеркивается, что научное сообщество больше не обладает монополией на рациональность, и это не результат несостоятельности науки, а наоборот, её успеха. Наука утратила статус единственного источника рационального познания, что свидетельствует о более широком распространении экспертных знаний в обществе [1, с. 247].

Однако возникают вопросы относительно того, могут ли новые экспертные сообщества взять на себя социальные функции, традиционно присущие профессионалам. Критики экспертократии утверждают, что её существование во многом зависит от медийных механизмов, через которые формируется общественное мнение. В этом контексте профессиональная квалификация экспертов оказывается зачастую менее важной, чем их способность манипулировать общественным восприятием и поддерживать определённые нарративы. Это ведет к тому, что эксперты в одной области нередко начинают претендовать на статус специалистов и в других сферах, что также служит фактором депрофессионализации. Однако есть и другая точка зрения. Некоторые исследователи считают, что экспертное отношение к ситуации через знание является основой для дальнейшей профессионализации. В их понимании экспертность не ограничивается определённой отраслью, а представляет собой качественно новый способ организации знания и практики, который способствует углублению специализации и развитию новых профессиональных стандартов. Экспертная роль, по мнению этих учёных, не ведет к снижению уровня профессионализма, а наоборот – расширяет границы профессиональных практик, создавая новые формы квалификации и профессиональной идентичности [5].

В связи с этим могут ли социологи выступать как экспертное сообщество? Для ответа на данный вопрос, на наш взгляд, стоит обратить внимание на несколько важных аспектов:

1. Социологи обладают глубокой теоретической и эмпирической подготовкой, что позволяет им быть экспертами в этих областях. Их знания и навыки в области социальных исследований и анализа делают их квалифицированными специалистами, чьи рекомендации и выводы имеют значимость.

2. Социологи применяют строгие методы исследования – как количественные (опросы, статистический анализ), так и качественные (интервью, этнографические исследования). Эти методы позволяют им объективно анализировать социальные явления, что явля-

ется основой для экспертной деятельности. Научная основа социологии делает её выводы более обоснованными и устойчивыми в долгосрочной перспективе. Как отмечает Ю. Г. Волков: «...социологический диагноз, как аналитика социального микроуровня и частных групп, требует верификации на уровне количественных методов. Процессы, связанные с экспертизой, включая данные социологического диагноза, направлены на реализацию качественных подходов» [2].

3. Также необходимо отметить, что социологи принимают участие в обсуждении вопросов и проблем, связанных с неравенством, миграционными процессами, образованием, глобализацией, а также другим социальным изменениям и процессам. Они оказывают влияние на общественное мнение и способствуют его формированию, их знания помогают обществу осознать глубинные причины и последствия различных явлений, в связи с этим, роль социологов можно назвать экспертной. Например, в постсоветский период российские социологи активно взаимодействовали с государственными структурами, предоставляя экспертные данные о социальной ситуации в России. Так, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. их привлекали для разработки реформ в социальной сфере с целью оптимизации социальной помощи и повышения качества жизни населения. *«Несмотря на политическую чувствительность этих исследований, они использовались для улучшения государственных программ и создания более точных моделей социальной политики»* [6].

4. Наконец, социологи могут привлекаться как эксперты для работы с государственными органами, компаниями, общественными организациями, предоставляя независимые мнения и рекомендации по важным социальным вопросам. Одним из интересных примеров может стать описанный Е. А. Поповым опыт участия социолога в осуществлении судебной социологической экспертизы [4].

Однако существуют и определённые ограничения, которые стоит учитывать:

1. В социологии существует множество теоретических направлений и подходов (например, функционализм, структурализм, символический интеракционизм, постмодернизм и т. д.), что делает единую точку зрения или консенсус среди социологов затрудненным. Это многообразие подходов и теорий иногда приводит к спорным выводам, и не все социологи соглашались с определёнными интерпретациями, что может ослаблять их роль как единого экспертного сообщества.

2. Социология, наравне с другими социальными науками может быть подвержена политическому влиянию. Это способно снизить уровень доверия к ним как к независимым и объективным экспертам.

3. Еще одним ограничением является наличие других экспертных групп – таких как экономисты, психологи, политологи и пр. В междисциплинарных вопросах это зачастую приводит к тому, что роль социологов как экспертов частично дублируется представителями других профессиональных групп.

Таким образом, социологи могут рассматриваться как участники экспертного сообщества и выполнять экспертную функцию в тех случаях, когда их знания и применяемые методы соответствуют научным стандартам и направлены на объективный анализ социальных процессов, но экспертная позиция социологов может подвергаться сомнению или ослабляться под влиянием политических факторов, междисциплинарной конкуренции, а также теоретических разногласий внутри самой социологической науки.

Литература

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Волков Ю. Г. Социологическая диагностика и экспертиза: потенциал «социологии для общества» // Россия: реформирующаяся. 2015. № 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskaya-diagnostika-i-ekspertiza-potentsial-sotsiologii-dlya-obschestva> (дата обращения: 18.05.2025).
3. Долженко Р. А., Долженко С. Б. Профессиональные экспертные сообщества и их роль в решении социально-экономических задач // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-ekspertnye-soobschestva-i-ih-rol-v-reshenii-sotsialno-ekonomicheskikh-zadach> (дата обращения: 19.05.2025).

4. Попов Е. А. Социолог как эксперт: расширение границ правоприменительной практики // Право и политика. 2015. № 3 (183). С. 373–377.
5. Рубцова М. В., Мартянов Д. С., Мартянова Н. А. Профессиональные и экспертные сообщества как субъекты управления в контексте общества знания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-i-ekspertnye-soobshchestva-kak-subekty-upravleniya-v-kontekste-obschestva-znaniya> (дата обращения: 17.05.2025).
6. Шкаратан О. И. Факторы и последствия реформ по-российски // Мир России. Социология. Этнология. 2006. № 3. С. 3–30.

РАЗДЕЛ 3

**РОЛЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
И НОВЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В КОНЦЕПЦИЯХ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

ЭКСПЕРТЫ О ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ¹¹

С позиции стейкхолдерского подхода оценивается само сообщество и мнения внутренних и внешних экспертов, вовлеченных в организацию проектного обучения в российских вузах. Представлены результаты экспертного полуструктурированного интервью, реализованного в январе – мае 2025 г. В опросе приняли участие эксперты трех российских региональных центров Сибирского федерального округа (НГТУ), Южного федерального округа (ЮФУ, ДГТУ), Уральского федерального округа (УрФУ и ТюмГУ). Выборка целевая, N = 480, включает 47 % внутренних экспертов и 53 % внешних. Анализируются мнения экспертов в отношении проблем в организации проектного обучения. По мнению экспертного сообщества, ключевые сложности образовательной реальности проектного обучения сопряжены с самими студентами, вовлеченными в него. Внутренние эксперты видят проблемы более глубоко, чем внешние.

Ключевые слова: эксперты, стейкхолдеры, проектное обучение, университеты, агентность.

M. V. Pevnaya

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg

EXPERTS ON THE PRACTICAL IMPLEMENTATION OF PROJECT-BASED LEARNING IN HIGHER EDUCATION¹²

The article evaluates the opinions of internal and external experts involved in the organization of project-based learning in Russian universities from the perspective of a stakeholder approach. The article presents the results of an expert semi-formal interview conducted in January–May 2025. Experts from three Russian regional centers participated in the survey: the Siberian Federal District (NSTU), the Southern Federal District (SFU, DSTU), and the Ural Federal District (UrFU and TSU). The target sample, N= 480, includes 47 % of internal experts and 53 % of external ones. The opinions of experts regarding the problems in the organization of project-based learning are analyzed. According to the expert opinion, the key difficulties of the educational reality of project-based learning are associated with the students themselves involved in it. Internal experts see problems more deeply than external ones.

Keywords: experts, stakeholders, project training, universities, agency

В трансформации высшей школы связь теории и практики, сближение образования и реального рынка труда начинают играть все более значимую роль. В связи с этим в организационной среде большинства российских университетов происходят постоянные изменения норм и правил, социально-функциональных ролей ключевых образовательных общностей, моделей их внутренних и внешних социальных взаимодействий как результата и следствия внедрения таких педагогических подходов и образовательных форм как проектное обучение. В широкий спектр образовательных программ повсеместно (во всех вузах РФ) внедряется проектное обучение, что в свою очередь должно оказывать влияние на результативность обучения студентов в соответствии с их ожиданием и запросами реального рынка труда, возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития. Проектное обучение соответствует стратегическим целям государственной политики в области образования, являясь «инструментом» повышения качества образования, формирования целостной системы воспроизводства кадров для научно-технологического развития страны как практико-ориентированный подход в подготовке новой генерации профессиональных кадров за счет привлечения работодателей к образовательному процессу, формирования индивидуальной образовательной траектории, практики реализации совместных с работода-

¹¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 24–28–01482 «Проектное обучение в развитии профессионализма и гражданственности российского студенчества: управленческий контекст и формирование трансформирующей агентности», <https://rscf.ru/project/24–28–01482/>

¹² This work is supported by grant of the Russian Science Foundation, project No. № 24–28–01482 “Project-Based Learning in the development of professionalism and citizenship of Russian students: management context and creation of transforming agency”, <https://rscf.ru/en/project/24–28–01482/>

лями инновационных научно-исследовательских, профессиональных и управленческих проектов [1, с. 8–12].

Современные мировые и российские университеты все больше ориентируются на запросы работодателя, осуществляя интеграцию сфер бизнеса, науки и образования. Кооперация университетских исследований и обучения с индустриальным сектором и бизнесом закрепляет (должна закреплять) как у вовлеченного профессорско-преподавательского состава, так и у студентов как молодых профессионалов, навыки координации целей, сотрудничества и достижения согласия. Кооперация – как стратегия вузов, университетских исследований и обучения с индустриальным сектором и бизнесом привносит в академическую университетскую среду новые образовательные технологии, а реальный сектор получает новые научные знания [2].

В реализации заявленного направления образовательной политики в высшем образовании модель реализации проектно-ориентированных образовательных программ различного профиля (бакалавриат/специалитет, магистратура), предполагающих групповое выполнение проектов полного жизненного цикла, была утверждена еще в 2017 г. Однако в условиях масштабности управленческих новаций в российском высшем образовании опыт внедрения проектного обучения в разных вузах, имеющих разные стартовые возможности, разную логику и понимание результативности внедрения проектного обучения в свою деятельность выглядит сегодня достаточно разнообразным. В исследовательском плане обобщаются лучшие практики университетского управления, анализируются кейсы внедрения проектного обучения в университетах-лидерах, исследуется развитие проектного обучения в рамках отдельных вузов или направлений подготовки студентов. Определенное исследовательское внимание получила и реализация узкопрофильных программ, предполагающих проектное обучение, например проектов по развитию технологичного молодежного предпринимательства или широкомасштабное внедрение федеральной программы «Обучение служением». При всем разнообразии форм и подходов к внедрению проектного обучения в высшей школе, его организация задает новые модальности не только управленческого контекста, но и расширяет практики социального взаимодействия, оказывающие серьезное влияние на его результативность и эффективность. Последние, на наш взгляд, связаны с актуальностью контента высшего образования в части его соответствия современной социально-технологической повестке экономики настоящего и будущего, а также с воспроизводством человеческого капитала, обладающего теми характеристиками, которые необходимы и востребованы в социально-профессиональной структуре современного общества в его перспективе. К таким характеристикам можно отнести профессионализм и гражданственность студенчества, проявляющиеся в его агентности. Формируются же эти характеристики в рамках проектного обучения в рамках коллективного решения актуальных управленческих кейсов, научных и производственных задач, нацеленных не только на формирование умений студентов получать результат при заданных условиях, но и создание возможности актуализировать на практике свои личностные качества, реализовать способности к самостоятельному инициативному действию. В таком ключе проектное обучение как специфическая ограниченная во времени образовательная реальность сама начинает приобретать свойства агентности, создавая как объективные возможности для проявления различных агентных характеристик студентов, так и организационные ограничения, заданные локальностью университетских практик нормативно-правового, организационного, кадрового, информационного, обеспечения организации проектного обучения.

Как развивается и функционирует среда высшей школы, формирующая агентность студенчества в проектном обучении, во многом зависит от вовлеченных в эту образовательную реальность ключевых стейкхолдеров. Под стейкхолдерами в высшем образовании чаще всего понимаются субъектов рынка труда, заинтересованных в качественной подготовке будущих специалистов [3]. Однако в контексте стейкхолдерской теории их типология рассматривается значительно вариативнее. Существует три крупных группы стейкхолдеров, представляющих государство, общество и сами университеты, где под обществом понимается

многослойный и мультисубъектный стейкхолдер, который в свою очередь включает разных акторов, в том числе работодателей, разные группы населения [4]. В исследовании, результаты которого представлены в данной статье, анализируются мнения внутренних (университетских) и внешних (представляющих рынок труда) стейкхолдеров, вовлеченных в проектное обучение российских вузов, и обладающих экспертным знанием в отношении данной образовательной практики, а именно о релевантности ключевых характеристик проектного обучения как структурных условий среды, представляющей объективные возможности для развития агентности студенчества, о тех барьерах, которые затрудняют формирование профессионализма и гражданственности студентов, активно вовлеченных в проектную деятельность. Цель полуформализованного опроса экспертов: получение объективной информации о возможных путях формирования агентности студентов в рамках реализации проектного обучения, о возникающих в социальном взаимодействии его ключевых субъектов барьерах, отражающихся на развитии профессионализма и гражданственности студентов в ходе проектной деятельности. Опрос был проведен в январе – мае 2025 г. и охватил экспертов трех российских региональных центров Сибирского федерального округа (НГТУ), Южного федерального округа (ЮФУ, ДГТУ), Уральского федерального округа (УрФУ и ТюмГУ). Выборка целевая, N = 480 экспертов. В вузах опрошены эксперты, вовлеченные в проектное обучение по укрупненным профилям обучения студентов (гуманитарное, инженерное, социально-экономическое и естественно-научное направления подготовки). К внутренним экспертам (47 % от всей выборки) отнесены представители образовательного менеджмента (сотрудники проектного офиса, ответственные лица факультетов, департаментов, заведующие кафедрами), а также представители внутренних заказчиков и кураторы проектов из числа сотрудников университетов (руководители научных лабораторий и центров, руководители образовательных программ, кураторы, наставники студенческих проектов). К внешним экспертам отнесен 51 % представителей рынка труда (внешние эксперты, привлеченные в процессе реализации проекта или привлеченные к оценке результатов проекта, представители работодателя как внешние заказчики проектов). Средний возраст внешних экспертов 38 лет, внутренних – 43 года. Объективно выше остененность внутренних стейкхолдеров, в их числе 12 % докторов наук, практически каждый второй (51 %) имеет кандидатскую степень. Среди внешних экспертов научную степень имеет каждый десятый, в том числе 2,3 % имеют степень доктора наук и 8 % кандидаты наук. Среднее значение опыта проектного обучения у внутренних экспертов 4,82 года, у внешних – 3,69 года. Как внутренние, так и внешние эксперты достаточно высоко оценивают степень своей заинтересованности и вовлеченности в организацию проектного обучения – на 9 баллов из 10 возможных. Исследование позволило охарактеризовать кадровые ресурсы и внешних стейкхолдеров, вовлеченных в реализацию проектного обучения российских вузов; изучить представления стейкхолдеров о потенциале формирования трансформирующей агентности студентов (изменений их знаний, умений, навыков, намерений к действиям, а также осознания ими своей субъектности как профессионалов и граждан своей страны) в проектном обучении; определить характеристики взаимодействия университета с ключевыми стейкхолдерами проектного обучения; идентифицировать типовые практики социального взаимодействия в университетской среде ключевых стейкхолдеров проектного обучения; определить круг проблем в организации проектного обучения для развития профессионализма и гражданственности студентов; выявить барьеры согласования интересов всех участников проектного обучения для развития студенчества.

Как внутренние, так и внешние эксперты достаточно высоко оценивают эффективность проектного обучения в высшей школе – в среднем на 8,33 балла из 10 возможных. В оценке мотивации участия внешних экспертов, их вовлеченности в проектное обучение студентов вузов практически каждый второй (48,8 %) отметил, что достаточно давно и с большим желанием принимает участие в всех нововведениях высшей школы. Считают важным для себя принимать участие в подготовке кадров для отрасли 44 % внешних экспертов. Рассматривают проектное обучение как удобный способ подбора будущих кадров для своей организации 38 %, смотрят на студентов и приглашают лучших из них на практику еще 36 %

экспертов. Почти в каждом третьем случае экспертов мотивирует возможность благодаря студентам посмотреть на практические проблемы по-новому, глазами молодежи (31 %). Для 28 % студенты в рамках проектного обучения помогают расширить объем работы в организации. О том, что к ним лично обратились представители вузов, заявили 27 % экспертов и только 13 % получили поручение на предприятии.

Представим экспертную оценку сложностей и трудностей, с которыми сталкиваются все стейкхолдеры проектного обучения в социальном взаимодействии в рамках данной образовательной практики. Сложности, представленные в таблице, включают следующие группы: сложности, связанные с характеристиками студентов в проектном взаимодействии; сложности организации проектов; сложности, которые характеризуют студентов и сложности самих экспертов. Статистически значимые отличия в оценках разных трудностей внешними и внутренними экспертами выделены в табл. цветом.

Таблица

Сложности реализации проектного обучения в оценках внутренних и внешних экспертов, в % от числа ответов в группах

Сложности	Оценка внешних экспертов		Оценка внутренних экспертов		Всего
	%	Ранг	%	Ранг	
Разная степень активности студентов одной проектной команды снижает эффективность работы и качество проекта	59	1	67,8	1	63,7
Недостаточный уровень компетенций студентов для решения порученных задач в проектной команде	31	4	42,9	4	37
Отсутствие заинтересованности студентов в порученных им задачах, в погружении в специфику проекта	41	2	45,2	3	43,2
Отсутствие мотивации студентов к реализации творческого, инновационного подхода в решении проектных задач	30,1	5	29,6	7	29,9
Отношение студентов к проекту как к рутинной учебной деятельности	27,7	6	38,4	5	33,4
Излишняя самоуверенность студентов в своих силах	13,3	11	13,5	10	13,4
Неуверенность студентов в своих возможностях	24,1	7	20,5	9	22,2
Сложности нахождения общего языка со студентами	2,4	13	2,2	13	2,3
Несоответствие моих представлений о возможностях студентов решить конкретные практические задачи	12	12	10,7	11	11,3
Работа со студентами требует слишком много времени и сил	14,5	10	31,3	6	23,5
Студенты рассматриваются как бесплатная рабочая сила	18,1	8	2,6	12	20,5
Недооценка занятости студентов: задачи проекта потребовали больше времени, чем они могли потратить	36	3	52	2	44,4
Нарушение ритмичности работы проектной команды	16,9	9	20,6	8	18,9

Наибольшие проблемы в реализации проектного обучения как внешние, так и внутренние эксперты видят в характеристиках самих студентов в проектном обучении, отмечая разный уровень их активности в собранных проектных командах, недостаточный уровень компетенций, ограниченность заинтересованности в решении порученных им задач. Именно с этими сложностями внутренние эксперты выделяют и свои трудности чаще, чем внешние эксперты. Они чаще видят проблемы в организации процесса, практически каждый третий в этой группе (31,3 %) отмечает, что работа со студентами требует много ресурсов – сил и времени. Отношение студентов к проекту как к рутинной учебной деятельности – еще одна

причина, которая характеризует неумение студенчества встраиваться в среду формирования агентности. Внутренние эксперты фиксируют ее чаще, чем внешние, обладая более глубоким представлением о возможностях и реальных усилиях своих студентов.

Литература

1. Доклад Правительства РФ Федеральному Собранию РФ о реализации государственной политики в сфере образования. 2022. URL: <http://government.ru/news/48764/> (дата обращения: 28.02.2025).
2. Тенденции развития высшего образования в мире и России: аналитический доклад. 2021. С. 7–21. URL: <https://www.rea.ru/~file/94385/24905.pdf> (дата обращения: 28.02.2025).
3. Проектирование магистерской программы логопедического образования в условиях взаимодействия со стейкхолдерами / П. А. Кисляков, Е. А. Шмелева, В. Н. Феофанов, Е. И. Дубровинская, Н. П. Константинова, М. И. Грудева // Перспективы науки и образования. 2021. № 6 (54). С. 155–171.
4. Молокова Е. Л., Куликова Е. С. Теоретико-методологический потенциал исследования проблемы низкой эффективности взаимодействия общества и высшей школы // Russian Economic Bulletin. 2022. Т. 5, № 5. С. 118–123.

УДК 316

Ю. Р. Вишневский, А. Н. Тарасова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
г. Екатеринбург

РОЛЬ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА В ПРОРАБОТКЕ СТРАТЕГИИ РЕАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОГО ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ¹³

Обосновывается, что в условиях активизации межгосударственного сотрудничества между Россией и Беларусью особую роль играет экспертное сообщество, выступающее связующим звеном между студенческой молодежью и представителями органов государственной власти, благодаря чему осуществляется экспертная поддержка принятия решений в международном взаимодействии. Подчеркивается необходимость привлечения квалифицированных экспертов для оценки потенциала молодежи, выявления факторов, способствующих или препятствующих участию, а также определения эффективных форм и механизмов вовлечения студентов в межгосударственные инициативы. Сделан вывод, что через экспертную поддержку формируется основа для выработки стратегических решений и программ, направленных на укрепление связей между университетами и развитие студенческого гуманитарного сотрудничества, что способствует долгосрочной стабилизации и расширению межгосударственного взаимодействия.

Ключевые слова: экспертное сообщество, гуманитарное сотрудничество, гуманитарная дипломатия, «мягкая сила», студенческая молодежь.

Yu. R. Vishnevsky, A. N. Tarasova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg

THE ROLE OF THE EXPERT COMMUNITY IN DEVELOPING A STRATEGY FOR IMPLEMENTING STUDENT HUMANITARIAN COOPERATION IN HIGHER EDUCATION IN RUSSIA AND THE REPUBLIC OF BELARUS

In the context of intensifying interstate cooperation between Russia and Belarus, the expert community plays a special role, acting as a link between student youth and representatives of government bodies, thanks to which expert support for decision-making in international cooperation is carried out. The study emphasizes the need to attract qualified experts to assess the potential of young people, identify factors that facilitate or hinder participation, and determine effective forms and mechanisms for involving students in interstate initiatives. Through expert support, the basis is formed for developing strategic decisions and programs aimed at strengthening ties between universities and developing student humanitarian cooperation, which contributes to long-term stabilization and expansion of interstate cooperation.

Keywords: expert community, humanitarian cooperation, humanitarian diplomacy, «soft power», student youth.

¹³ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 24–48–10012, <https://rscf.ru/project/24-48-10012/>.

Последние годы усиливается интенсификация процессов интеграции, глобализации и международного сотрудничества в различных сферах социокультурной жизни, причем с переориентацией на страны СНГ, в том числе Республику Беларусь [4]. Развивается не только социокультурное, но и образовательное сотрудничество между Россией и Беларусью, что становится стратегическим вектором как для российского, так и для белорусского образования [2]. Развитие международного гуманитарного сотрудничества, в том числе с участием научно-экспертного сообщества и молодежи, определено как одно из приоритетных направлений Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной приказом Президента от 31.03.2023 г. № 229. В современных условиях международное гуманитарное сотрудничество выступает не только инструментом «мягкой силы» [5], но и является условием личностного развития студентов и формирования у них активной гражданской позиции [3]. Участие студенческой молодежи в проектах гуманитарного сотрудничества России и Белоруссии способствует обеспечению социальной сплочённости и укреплению отношений дружбы, взаимопонимания и сотрудничества между странами. Таким образом, актуальность определяется необходимостью активизации сотрудничества стран в рамках реализации молодёжной и образовательной политики.

Суть проблемной ситуации определяется противоречием между актуальным жизненным миром молодежи и традиционностью взаимодействия государства с молодым поколением, которое ограничено системой коммуникаций в рамках молодёжной политики. С одной стороны, от молодежи и студентов, как наиболее ресурсной части молодежи, ждут вовлеченности и активного участия в жизни общества, в том числе в межгосударственных проектах гуманитарной дипломатии. С другой, существующие условия могут не способствовать активному вовлечению молодежи проекты международного гуманитарного сотрудничества, а то, что предлагается для участия, не всегда студенческой молодежи может быть интересно. И помочь преодолеть это противоречие может только экспертное сообщество, понимающее существующие возможности и условия вовлечения студенческой молодежи России и Республики Беларусь в реализацию международных инициатив и проектов гуманитарной дипломатии в условиях новой реальности.

Экспертное сообщество становится связующим звеном между студенческой молодежью, представителями органов власти, принимающих решения в сфере межгосударственного взаимодействия, и зарубежными коллегами. Исследователями отмечается два ключевых аспекта деятельности научно-экспертных сообществ, это развитие сети международных контактов, которые могут быть задействованы в дипломатии стран, и экспертная поддержка принятия решений в международном взаимодействии («наука для дипломатии» и «наука в дипломатии» [1]). Роль экспертного сообщества в современных условиях диверсификации дипломатического взаимодействия возрастает. Д. С. Столков в своей монографии показывает, как инструмент диалоговых структур и площадок способствует объединению научного и экспертного сообщества, государства, гражданского общества и бизнеса [7].

В исследовании, реализованном в рамках проекта «Молодежь России и Беларуси о себе: экономические и социокультурные вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего для сотрудничества» предусмотрено проведение глубинных интервью с экспертами для оценки потенциал соучастия студенческой молодежи России и Белоруссии в реализации международных инициатив, проектов гуманитарной дипломатии по разным сферам и определения условий, способствующих раскрытию этого потенциала, что позволит выработать рекомендации по вовлечению российской и белорусской молодежи в реализацию проектов и программ межгосударственного сотрудничества и гуманитарной дипломатии. В качестве экспертов выступают руководители и специалисты учреждений и организаций в России и Белоруссии, реализующие проекты и программы межгосударственного сотрудничества и гуманитарной дипломатии с участием молодежи в сферах экономики и предпринимательства, образования, культуры, социальной политики. Общий критерий отбора экспертов – наличие опыта организации и/или участия в проектах и программах межгосударственного сотрудничества

и гуманитарной дипломатии с участием молодежи. Критерием квалификации эксперта выступает стаж работы с такими проектами.

В работе используется широкий подход к пониманию гуманитарной дипломатии, как «человеческого измерения» международных отношений, включающего культурные и образовательные связи, диалог гражданских обществ, межкультурный диалог, а также поддержание отношений с диаспорами и соотечественниками за рубежом [6], где под проектами гуманитарной дипломатии понимаются любые формы гражданской активности в культурной, научно-образовательной, социально-гуманитарной областях, реализуемые в формате межгосударственного сотрудничества. При реализации исследования в качественной стратегии, раскрытие базовых понятий осуществляется через обозначенные в табл. характеристики показателей, включенных в экспертное интервью.

Таблица

Показатели, характеризующие существующие возможности и условия вовлечения студенческой молодежи России и Республики Беларусь в реализацию международных инициатив и проектов гуманитарной дипломатии

Показатель	Содержание
Потенциал соучастия молодежи	- Текущий опыт участия молодежи в различных проектах и мероприятиях межгосударственного сотрудничества и гуманитарной дипломатии (реальные практики участия, отражающие конкретный вклад в развитие своей страны/ региона / города) - Информированность - Опыт - Готовность молодежи к соучастию в проектах и мероприятиях межгосударственного сотрудничества и гуманитарной дипломатии - Наличие интереса к участию - Направления, формы, в которых готовы участвовать - Что интересно (типы проектов /направления / сферы (экономика, образование, культура, социальные проекты)) - С кем хотели бы участвовать (участники / партнеры / организаторы) - Наиболее предпочтительная форма участия (онлайн/оффлайн, в своей стране / в другой, индивидуальная / групповая) - Оценка перспектив - Оценка реальности реализовать свои желания у молодежи - Возможность молодежи повлиять на ситуацию, что-то изменить
Факторы, развивающие или ограничивающие участие молодежи	- Личностные факторы - Мотивы участия (что мотивирует молодежь участвовать в проектах и мероприятиях межгосударственного сотрудничества и гуманитарной дипломатии) - Влияние ближнего окружения (семьи / друзей) - Готовность молодежи брать на себя инициативу и ответственность - Институционально-организационные факторы через наличие или отсутствие поддержки от - Вуза - Молодежных организаций / объединений - Органов государственной власти и местного самоуправления - Барьеры участия (что препятствует участию молодежи в проектах и мероприятиях межгосударственного сотрудничества и гуманитарной дипломатии) - Стимулы участия
Существующие условия для раскрытия потенциала соучастия	- Социально-экономическая и политическая ситуация в стране - Текущая молодежная политика (поддержка молодежных инициатив, содействие эффективному поиску партнёров, реализуемые мероприятия по вовлечению молодежи в проекты гуманитарной дипломатии) - Институциональная среда (наличие волонтерских отрядов или сообществ по месту учебы; молодежных сообществ, некоммерческих организаций, реализующих проекты и мероприятия межгосударственного сотрудничества и гуманитарной дипломатии) - Роль вуза

Работа с экспертным сообществом позволит не только понять, что предлагается молодежи для участия в различных проектах и мероприятиях межгосударственного сотрудничества и гуманитарной дипломатии (т. е. решить исследовательскую задачу), но и в совместном обсуждении выработать возможные решения по вовлечению студенческой молодежи в гума-

нитарном сотрудничестве стран, определить стратегию реализации это сотрудничества (т. е. решить управленческую задачу). Благодаря экспертному сообществу можно определить вызовы и перспективы сотрудничества России и Беларуси в разных областях, обозначить наиболее эффективные формы и механизмы работы с молодежью в рамках реализации студенческого гуманитарного сотрудничества. Во взаимодействии с экспертами возможна выработка конкретных мер и программ для укрепления связей между студентами двух государств, например, в сфере патриотического воспитания, развития добровольческой (волонтерской) деятельности.

Литература

1. Вилисов М. В. «Поля идей» для научной дипломатии в контексте российского «поворота на Восток» // Управление и политика. 2023. Т. 2, № 3. С. 25–45.
2. Гуцин А. В. Основные векторы развития российско-белорусского сотрудничества в области образования на современном этапе // Постсоветские исследования. 2023. № 2. С. 195–204.
3. Меляков Д. А. Студенты как участники международного сотрудничества вузов // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. 2025. № 1. С. 101–104.
4. Морозов А. В., Балич Н. Л., Муха В. Н. Культурная дипломатия в контексте интеграционных процессов в Беларуси и России // Социологический альманах. 2017. № 8. С. 72–82.
5. Пахалюк К. О «мягкой силе» России, институтах и ориентирах // Palladion. 2023. Vol. 8.
6. Практика современной гуманитарной дипломатии / под ред. Д. А. Кузнецова. М.: Эдитус, 2022. С. 21.
7. Столков Д. С. Традиционные и новые инструменты дипломатии в продвижении национальных интересов России. М.: МГИМО, 2024. 211 с.

УДК 338.2+316.3

Е. В. Матвеева

Кемеровский государственный институт культуры
Кузбасский государственный аграрный университет имени В. Н. Полецкого, г. Кемерово

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ФАКТОРОВ ОЖИДАНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК РЕСУРС ПЛАНИРОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА¹⁴

Анализируется проблема ожиданий студенческой молодежи в отношении развития сельских территорий. Под методикой оценки факторов ожиданий рассматриваются возможности социологических опросов с разным временным периодом проведения. На примере отдельных регионов Сибирского федерального округа – Кузбасса и Тувы – представлены результаты социологической опроса, свидетельствующие об ожиданиях молодежи в отношении личной привлекательности сельских территорий для карьерного роста и проживания.

Ключевые слова: население, сельские территории, ожидания населения, студенческая молодежь, регион.

E. V. Matveeva

Kemerovo State Institute of Culture,
Kuzbass State Agrarian University named after V. N. Poletskov, Kemerovo

METHODOLOGY FOR ASSESSING FACTORS OF STUDENT YOUTH EXPECTATIONS AS A RESOURCE FOR PLANNING STRATEGIES FOR THE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS OF THE REGIONS OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

The article examines the problem of student youth expectations regarding the development of rural areas. The methodology for assessing the factors of expectations is considered as the possibilities of sociological surveys with different time periods of implementation. Using the example of individual regions of the Siberian Federal District – Kuzbass and Tuva, the results of a sociological survey are presented, indicating the expectations of young people regarding the personal attractiveness of rural areas for career growth and residence.

Keywords: population, rural areas, population expectations, student youth, region.

¹⁴ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ и Кемеровской области – Кузбасса по проекту № 25-28-20210.

Одним из больших вызовов, стоящих сегодня перед страной, согласно Указу Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», является «потребность в обеспечении продовольственной безопасности и продовольственной независимости России, конкурентоспособности отечественной сельскохозяйственной продукции на мировых рынках продовольствия, снижение технологических рисков в агропромышленном комплексе на фоне глобального продовольственного кризиса» [11]. Решение данного вызова напрямую определяется устойчивым развитием сельских территорий, где важную роль выполняет человеческий капитал – наличие высококвалифицированных кадров. Проблема не новая для агропромышленного комплекса, ее решение входит в число приоритетов экономического развития регионов, в частности Кузбасса, что зафиксировано в стратегических документах социально-экономического развития регионов, а также в отдельных отраслевых стратегиях развития экономики и комплексных планах развития сельских территорий.

В рамках данной статьи автор уделяет внимание феномену ожиданий населения студенческой молодежи в развитии сельских территорий по результатам проведенного исследования в двух регионах Сибирского федерального округа – Кемеровской области – Кузбассе (далее Кузбасс) и Республике Тыва (далее Тува). При этом автор статьи предлагает рассматривать в качестве одной из возможных методик по выявлению и оценке факторов ожиданий студенческой молодежи метод социологического опроса, результаты которого следует рассматривать как репрезентативные данные, способные качественно улучшить процесс дальнейшего планирования социально-экономических параметров стратегий развития сельских территорий регионов (метод опроса может носить как одноразовый характер, так и многократный, например, в форме лонгитюдного или мониторингового, ежеквартального исследования).

Интерес в поставленной проблеме обусловлен недостаточным количеством работ российских ученых, направленных непосредственно на осмысление феномена ожиданий прежде всего сельской и в меньшей мере городской молодежи, влияющих первоначально на выбор вуза и получаемую специальность (образовательные предпочтения), а в дальнейшем определяет кадровый потенциал АПК региона (профессиональные предпочтения). Среди российских ученых выделим отдельные исследования М. Р. Зазулиной, Л. В. Намруевой, Т. М. Ойду, В. А. Сарайкина и др. [3; 6], в которых подчеркивается, что в качестве мотивирующих факторов на молодежь и их родителей в вопросе готовности или не готовности остаться / переехать работать в село влияют ожидания материального благополучия и профессиональный рост в аграрной производстве.

При этом необходимо отметить незначительный интерес ученых к региональным проблемам по выявлению ожиданий населения и прежде всего среди молодежи. Так, в региональных исследованиях ученых из сибирских вузов (А. В. Балыкина, И. Г. Кузнецова, О. О. Пешкова, А. Э. Шилова, С. А. Шелковников и др.) рассматриваются вопросы развития человеческого капитала в тесной взаимосвязи с особенностями структуры экономики регионов как основы устойчивого развития [7–9]. В региональных исследованиях поднимаются отдельные вопросы, связанные с миграционными настроениями молодежи [2], образовательными предпочтениями [1], профессиональной идентичностью [4], ожиданиями молодежи на рынке труда [5].

Непосредственно само исследование в форме социологического опроса проведено в мае 2025 г. при участии автора в рамках реализации гранта РНФ (региональный конкурс) «Прогнозирование параметров социально-экономического развития сельских территорий промышленного региона на основе анализа ожиданий и жизненных установок населения (на материалах Кемеровской области –Кузбасса)». Опрос проводился среди студентов высших учебных заведений двух регионов СФО – Кузбасса и Тувы.

Выбор регионов обусловлен рядом причин (например, учитывались показатели по рождаемости и смертности населения, миграции и др.). Так, данные регионы входят в число субъектов федерации Сибирского федерального округа с отрицательной динамикой по оттоку населения (табл.) [10].

Миграционный прирост, убыль населения в СФО, по данным Росстата

Регион	2024			миграционный прирост, убыль (-) за 2023 г.
	Число при- бывших	число вы- бывших	миграционный прирост, убыль (-)	
Республика Алтай	8430	8927	-497	-439
<i>Республика Тыва</i>	<i>9402</i>	<i>10 519</i>	<i>-1117</i>	<i>-2492</i>
Республика Хакасия	16 328	16 375	-47	-132
Алтайский край	55 427	54 516	911	-1710
Красноярский край	110 686	107 224	3 462	9656
Иркутская область	48 615	49 959	1 656	-6051
<i>Кемеровская область – Кузбасс</i>	<i>50 964</i>	<i>51 332</i>	<i>-368</i>	<i>-3490</i>
Новосибирская область	66 977	57 303	9 674	4959
Омская область	34 956	36 366	-1 410	-5145
Томская область	30 984	36 366	-1 410	-5145
Всего по СФО	432 769	418 887	13 882	-9704

Согласно данным за 2023–2024 гг. в число регионов-лидеров по миграционной убыли населения входят Республика Тыва (–1117 в 2024 г., –2482 в 2023 г.), Кемеровская область – Кузбасс (–368 в 2024 г., –3490 в 2023 г.), Омская область (–1410 в 2024 г., –5145 в 2023 г.) и Республика Алтай (–497 в 2024 г., –439 в 2023 г.). Наряду со схожими процессами данные регионы отличаются по интенсивности развития промышленности и аграрного сектора. Если Кузбасс относится к числу промышленных регионов с преобладанием металлургии и угольной промышленности, то Тува – регион аграрного типа с устойчиво высокими показателями развития в сфере животноводства.

Выборка в опросе составила 845 респондентов при генеральной совокупности 23 800 тыс. человек. В исследовании приняли участие студенты очной и заочной форм обучения Кемеровского государственного университета, Кемеровского государственного аграрного университета имени В. Н. Полецовка, Кемеровского государственного института культуры и Тувинского государственного университета. Выборка квотная с контролем признаков возраста (18–23 года – 85 %, 24–29 лет – 10 %, 30–35 лет – 5 %) и пола (28 % мужчин и 72 % женщин). По национальной принадлежности большинство участников исследования составили русские (61,3 %), на втором месте тувинцы (34,5 %). В исследовании приняли участие также хакасы (0,3 %) и представители других национальностей (3,9 %). По образованию 88,5 % респондентов получают высшее образование, 5,1 % с высшим образованием, 6,4 % – среднеспециальное образование. Ошибка выборки составила не более 5 % при доверительной вероятности 95 %.

В число основных вопросов анкеты вошли два: «Готовы ли Вы работать в сельской местности?» и «Если готовы работать в сельской местности, то какие факторы могут повлиять на Ваш выбор?». Ответы респондентов рассмотрены по выделенным ранее признакам: пол, возраст, национальность (рассматривались ответы в двух национальных группах – русские и тувинцы), образование, место обучения (регион и вуз).

На первый вопрос выявлено, что положительные ответы респондентов напрямую зависят от возраста, национальности, места обучения и в меньшей мере от пола. Так, ответы «да» и «да, такая вероятность рассматривается» наиболее часто давали участники исследования в возрастной группе 30–35 лет (36,6 % и 17,1 % соответственно). В возрастных группах 18–23 года и 24–29 лет, напротив, преобладал ответ «нет» (52,2 % и 47,3 %). По национальному признаку ответы распределились следующим образом: среди русских студентов каждый второй давал ответ «нет» (58,1 %), ответ «да, такая вероятность рассматривается» выбрали 18 %, полностью согласны 10,2 % и затруднились с ответом 13,6 %. Среди тувинских студентов каждый третий респондент отвечал «да, такая вероятность рассматривается» (34,3 %) или «нет» (37,7 %), полностью согласны 16,3 % и затруднились с ответом 11,7 %. Фактор места обучения (регион и профилизация вуза) также играет роль в оценках респондентами своих возможной готовности работать в сельской местности.

На рис. показано соотношение ответов респондентов с учетом фактора места обучения. Ответы показывают, что наибольшую готовность по совокупности ответов «да» и «да, такая вероятность рассматривается» проявляют студенты ТувГУ и аграрного вуза Кузбасса Кузбасского ГАУ. Представленные ответы в целом демонстрируют более высокую готовность работать в сельском производстве молодежи, проживающей в национальных регионах (в данном случае Республика Тыва) и проходящих обучение в аграрных вузах, где численность поступивших студентов из сельской местности заметно выше, чем в других вузах региона. При этом такая возможность зависит еще и от возрастных особенностей молодежи, что демонстрирует весьма завышенные ожидания у респондентов в возрастной группе 18–23 года, проходящих обучение по программам бакалавриата и пока не имеющих никакого опыта работы по получаемой специальности.

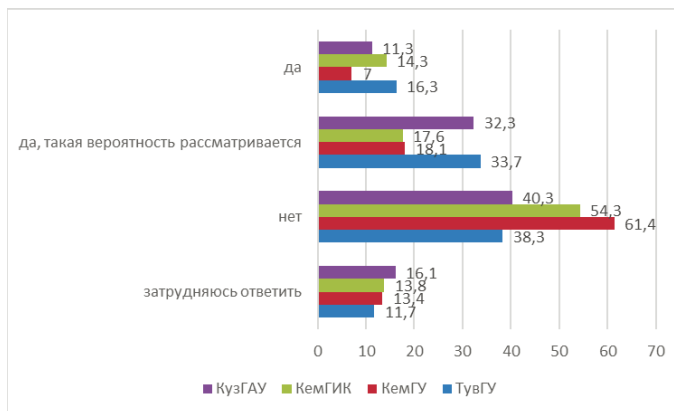

Рис. Распределение ответов респондентов на вопрос «Готовы ли Вы работать в сельской местности?» в зависимости от места обучения

На второй вопрос, связанный с ранжированием факторов, способных оказать наибольшее влияние на возможный выбор проживания молодежи в сельской местности после получения образования, наиболее популярными ответами стали заработная плата (41,8 %), условия труда (31,7 %), получение жилья (27,2 %), карьерный рост (24 %). По таким признакам, как пол, возраст, национальность, образование и место обучения разница наблюдается лишь в более частом выборе отмеченных ответов среди мужчин (заработная плата 48,9 % мужчины и 39,2 % женщины, условия труда 37,6 % мужчины и 29,5 % женщины), среди студентов-тувинцев (заработная плата 52,7 % тувинцы и 35,6 % русские, условия труда 37,7 % тувинцы и 28 % русские) и в возрастной группе 30–35 лет (например, заработная плата 61,9 % в сравнении с возрастной группой 18–23 года 40,1 %). В тоже самое время, респонденты практически не делали выбор в пользу вариантов ответа «социальная инфраструктура» (13 %), «высокотехнологичное производство» (9,7 %) и «бесплатное питание» (6,2 %), хотя необходимо отметить, что и данные факторы в конечном итоге способны делать привлекательным (или, напротив, отталкивать в случае их отсутствия) сельский образ жизни.

Подводя итог проведенного исследования по затронутой проблеме, отметим, что учет настроений студенческой молодежи и планирование стратегических документов по развитию АПК вопросы, которые при всей первоначальной разновекторности взаимосвязаны между собой, поэтому необходимо учитывать запросы и ожидания молодого поколения при формировании кадровой политики развития сельских территорий регионов. Определенные шаги в этом направлении осуществляются, в частности зафиксированы в отмеченных ранее стратегиях социально-экономического развития регионов. Полученные ответы демонстри-

руют в целом готовность молодежи рассматривать трудоустройство и проживание в сельских территориях при условии стабильной заработной платы, достойных условиях труда и получении жилья. Среднестатистический портрет молодого человека, проявляющего готовность проживания и трудоустройства в сельских территориях в аграрной производстве, исходя из полученных данных опроса показывает, что это, как правило, мужчина, получающий высшее образование, проживавший до поступления в вуз в сельской местности или в регионе с традиционной культурой и аграрным экономическим укладом.

Литература

1. Вьялшина А. А., Дакирова С. Т. Факторы формирования образовательных ориентаций выпускников сельских школ Саратовской области // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 134–151.
2. Вьялшина А. А., Дакирова С. Т. Социологический анализ миграционных настроений выпускников сельских школ // Регионология. 2020. Т. 28, № 1 (110). С. 159–183.
3. Зазулина М. Р. Трансформирующийся патернализм и его пределы: о некоторых закономерностях в изменении структуры ожиданий сельского населения современной России // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 113–119.
4. Матвеева Е. В. Профессиональная идентичность молодежи как новая парадигма развития сельских территорий (на примере аграрного вуза Кузбасса) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 196–204.
5. Перов Г. О., Кузьменко Н. Ф., Кудрявцев Д. И. Социальный капитал и социально-трудовые ожидания выпускников вузов на рынке труда. М., 2017. 124 с.
6. Сарайкин В. А., Никулина Ю. Н., Янбых Р. Г. Субъективное благополучие сельских жителей в России: факторы и их значимость // Экономическая социология. 2023. Т. 24, № 1. С. 71–105.
7. Шилова А. Э., Балыкина А. В., Чуркина Е. С. Формирование человеческого капитала сельского хозяйства промышленного региона (на материалах Кемеровской области – Кузбасса) // Экономика сельского хозяйства России. 2024. № 4. С. 36–44.
8. Шелковников С. А., Матвеева Е. В., Шилова А. Э., Сат А. В. Городские школьники как ресурс формирования человеческого капитала АПК промышленного региона (на материалах Кемеровской области – Кузбасса) // АПК: экономика, управление. 2024. № 3. С. 16–24.
9. Шелковников С. А., Кузнецова И. Г., Пешкова О. О. Роль человеческого капитала в устойчивом развитии сельских территорий Новосибирской области // АПК: экономика, управление. 2018. № 9. С. 58–65.
10. Росстат. Сибирский федеральный округ. Миграция населения. URL: [https://54.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Миграция%20населения\(15\).pdf](https://54.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Миграция%20населения(15).pdf) (дата обращения: 05.05.2025).
11. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента РФ от 28.02.2024. № 145. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения: 05.05.2025).

УДК 378(47)

Т. И. Грабельных, Н. А. Саблина, Е. В. Ватолина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В ОЖИДАНИИ ПЕРЕМЕН: СМЕНА ПОДХОДОВ, ПРИОРИТЕТОВ И ЛИДЕРОВ

Рассматривается специфика перехода на новую модель высшего образования российских вузов, сопровождающаяся сменой подходов, приоритетов и лидеров. Подчеркивается разнородность ожиданий перемен и степень готовности к ним. По активности позиций на федеральном и региональном уровне авторы выделяют четыре категории вузов, отличающихся степенью своей автономии и уникальностью стратегий развития. Обосновано, что современный кадровый голод в стране способствовал изменению баланса между системами образования – высшего и среднего профессионального образования в сторону последнего. Сделан вывод, что развитие российских вузов на современном этапе – это: 1) выбор стратегий, партнёров и активностей 2) по сути, новая рациональность, применяемая при решении проблем и определении перспектив; 3) управление человеческими ресурсами, проявляемое через бережное отношение к кадрам и обучающимся.

Ключевые слова: высшее образование, система высшего образования, вуз, Болонский процесс, университет, автономия университета, кадры, регион.

THE HIGHER EDUCATION SYSTEM IN RUSSIA IN EXPECTATION OF CHANGES: CHANGE OF APPROACHES, PRIORITIES AND LEADERS

The article substantiates the specifics of the transition to a new model of higher education in Russian universities, accompanied by a change in approaches, priorities and leaders. It emphasizes the different levels of expectations of change and the degree of readiness for them. Based on the activity of positions at the federal and regional levels, the authors identify four categories of universities, differing in the degree of their autonomy and the uniqueness of their development strategies. It has been substantiated that the current personnel shortage in the country has contributed to a change in the balance between the education systems – higher and secondary vocational education – in favor of the latter. It is concluded that the development of Russian universities at the present stage is: 1) the choice of strategies, partners and activities; 2) essentially, a new rationality applied in solving problems and determining prospects; 3) human resource management, demonstrated through a caring attitude towards personnel and students.

Keywords: higher education, higher education system, higher education institution, Bologna process, university, university autonomy, personnel, region.

После принятия решения на федеральном уровне о выходе из Болонской системы и переходе на новую модель высшего образования российские вузы находятся в ситуации ожидания новых подходов и стандартов (ФГОС). Представим свое видение развития вузов в ожидании перемен в следующих тезисах:

1

При наличии богатых ресурсов и сильных опор одни университеты продолжают стремительно развиваться и формировать новые ниши для сотрудничества с новыми партнёрами среди работодателей, отечественных и зарубежных вузов, другие – переживают ситуацию сдерживания сил и ресурсов для их последующего развития при обозначении новых стратегий и приоритетов.

2

Демонстративно-активная и сдержанно-рациональная политики вузов позволяют им проявлять свою автономию и осуществлять накопление репутационных возможностей и социального капитала. В любом случае такие позиции в перспективе обеспечивают устойчивость Университета во внешней среде.

3

Вузы, которые мы относим к третьей категории, – не занимающие лидерские позиции на федеральном уровне, – продолжают занимать «активно-пассивные» позиции в региональном пространстве, открыто не раскрывая свои возможности и потенциал. Есть и четвёртая категория вузов, в развитии которых прослеживаются серьёзные проблемы, связанные с их не высоким уровнем эффективности, а значит и управления.

4

Победа на конкурсах «Приоритеты-2030» выступает ярким свидетельством того, какие программы развития реализуют вузы и какие им предстоит реализовывать в будущем.

5

«Разразившийся» кадровый голод в стране способствовал изменению баланса между системами образования – высшего и среднего профессионального образования. Если на протяжении десятилетий высшая школа в России занимала свои привилегированные позиции, то сегодня приоритеты выстроены в сторону среднего профессионального образования, призванного удовлетворить масштабные потребности экономики в кадрах.

6

В сложившихся условиях обострилась проблема доступности высшего образования и реальных возможностей его получения в процессе обучения. Можно предположить, что условно названные активными две категории вузов в современных условиях объективно сохраняют свою ведущую роль и инфраструктуры и поддержат мотивационный потенциал студента и преподавателя, в то время как вузы из других категорий в процессе «переоценки»

или корректировки самооценки своего потенциала и репутационных показателей – могут столкнуться с угрозой «обнищания» и потери имеющихся последних ресурсов.

7

Развитие российских вузов на современном этапе – это: 1) выбор стратегий, партнёров и активностей 2) по сути, новая рациональность, применяемая при решении проблем и определении перспектив; 3) управление человеческими ресурсами, проявляемое через бережное отношение к кадрам и обучающимся.

8

Воспитание лидеров, обеспечение лидерских позиций вузов – тяжёлый труд и результат совместной деятельности всех заинтересованных сторон. Полагаем, что назрела потребность в смене подходов, приоритетов и лидеров главным образом тех вузов, которые не работают на повышение устойчивости своего статуса, не располагают нужными базами для обеспечения технологического лидерства страны и региона в ведущих отраслях и сферах.

9

В качестве *заключения* отметим, что, ожидая перемены в системе высшего образования, мы уже сейчас должны идти по прогрессивному пути посредством переформатирования («перезагрузки») отношений со всеми субъектами развития на федеральном и региональном уровне.

УДК 316.422

В. В. Кривошеев

Балтийский федеральный университет имени И. Канта, г. Калининград

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Анализируются неоднозначные процессы, которые основаны на все большем использовании цифровых ресурсов. Автор полагает необходимым при этом выделить такой ключевой институт, как систему образования, поскольку все то, что происходит здесь обеспечивает дальнейшее функционирование социума, всех его сфер. Соответственно, возможные негативные тенденции в этом социальном институте так или иначе могут быть пролонгированы, скажутся на перспективах развития общества в целом.

Ключевые слова: цифровизация; искусственный интеллект; цифровой индивидуализм.

V. V. Krivosheev

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

DIGITALIZATION IN THE EDUCATION SYSTEM: POSITIVE AND NEGATIVE ASPECTS

The article analyzes disparate processes that are based on the increasing use of digital resources. These processes are characteristic of modern society, all its social institutions. The author believes it necessary to single out such a key institution as the education system, since everything that happens here ensures the further functioning of society, all its spheres. Accordingly, possible negative trends in this social institution can somehow be prolonged, affect the prospects for the development of society as a whole.

Keywords: digitalization; artificial intelligence; digital individualism.

Извечный парадокс социальной жизни заключается в том, что внедрение и использование все более новых производственных технологий, многообразных ресурсов, облегчающих труд человека, экономящих время, судя по всему, никогда не несут в себе только позитивное начало. Скажем все большее внедрение механизации, автоматизации приводило, да и приводит к снижению мышечной активности индивидов, что неизбежно сказывается на их самочувствии и здоровье. Люди, разумеется, научились компенсировать все эти негативные явления занятиями физкультурой, спортом, включенностью в различные фитнес тренировки. Тем не менее проблема все равно остаётся.

Не секрет, что и самые последние научные и технологические новации также приносят с собой далеко неоднозначные последствия. Прежде всего речь идёт о все более широкой цифровизации всех видов деятельности, всего социального пространства. Причём процесс трансформации социального пространства, насыщения его новым качеством прогнозировался достаточно давно. Так, Э. Тоффлер еще в 1980 г. утверждал, что все сферы социальной жизни будут переходить в новый, говоря современным языком, цифровой формат [7, с. 540–547].

Справедливо, как представляется, фиксируется, что цифровизация создаёт новую, принципиально иную социальную реальность. В этой реальности «происходит взаимопроникновение разных социальных реальностей и интегрируются физические и цифровые, материальные и символические, производственные и потребительские, частные и публичные, модернистские и постмодернистские компоненты человеческого существования» [1, с. 46]. Понятно поэтому, что как пишут Э. Шмидт, Дж. Коэн «большинство жителей планеты станут все чаще замечать, что живут и работают как бы в двух различных мирах одновременно. В виртуальном мире все мы так или иначе будем иметь доступ к информации, причём быстрый и не зависящий от инструментов и устройств. А в реальном мире по-прежнему будем наткаться на такие ограничители, как география, место рождения... везение, светлые и тёмные стороны человеческой натуры» [9, с. 8].

Бесспорно, что цифровизация, как, впрочем, и все остальные новые и новейшие технологии несёт в себе немало позитивного. Речь даже не столько о скорости доступа к научной, технической, художественной информации, возможности с потрясающей лёгкостью оперировать ею, преобразовывать и пересылать различные данные и сведения. Сам социальный мир сделался все более связанным, взаимопроникаемым. Все это делает возможным экономить самый невосполнимый ресурс человека, всей его деятельности – время. Онлайн общение, видеоконференции – лишь малый пример того, как удаётся использовать новые коммуникационные возможности.

Немало позитивного можно наблюдать в условиях цифровизации для всей гуманитарной сферы социума. Если говорить о системе образования, высшего в данном случае, то, например, трудно себе представить возможность организации образовательного процесса в период пандемии, если бы не было условий для проведения и лекционных, и практических занятий в отсутствии соответствующих цифровых платформ. Да и сейчас, когда, как это случается, нужно провести лекции одновременно для 120–150 студентов, а таких аудиторий в корпусе, где проводит занятия автор, нет, понятно, что к услугам преподавателя и студентов именно такие цифровые ресурсы. Асинхронный вариант работы со студентами, когда в силу разных обстоятельств они не могут присутствовать на практических занятиях, даёт возможность пересылать задания, своевременно получать данные об их выполнении. Учитывая, что в настоящее время в известной мере человек вновь становится визуалистом, т. е. предпочитает получать информацию в виде схем, изображений и т. п., всегда можно демонстрировать не только слайды в ходе презентаций, но и фрагменты документальных фильмов, видеолекции известных социологов, записанные и оцифрованные интервью с ними. Автор, например, показывает студентам интервью с А. А. Зиновьевым, М. К. Горшковым.

В тоже время, и на это справедливо указывают многие исследователи [3; 6], нельзя не видеть многих рисков, неопределённостей, связанных с цифровизацией образовательного пространства. Хотя раздуются и оптимистические оценки. Так, еще в 2019 г. на российско-китайской конференции, посвящённой цифровой трансформации системы образования, подчёркивалось, что «суть цифровой трансформации образования – достижение каждым обучаемым необходимых образовательных результатов за счёт персонализации образовательного процесса на основе использования растущего потенциала ЦТ, включая применение методов искусственного интеллекта, средств виртуальной реальности; развития в учебных заведениях цифровой образовательной среды; обеспечения общедоступного широкополосного доступа к интернету, работы с большими данными» [4, с. 36]. С последним тезисом о необходимости доступа к сети интернета спорить, на наш взгляд, не стоит. Все сформулировано точно. Невозможно сейчас представить современное высшее учебное заведение, которое не представ-

ляло бы преподавателям, студентам доступ к электронным библиотекам, базам данных, в нашем случае к сайтам социологических центров и лабораторий.

Но вот что касается активного внедрения искусственного интеллекта (ИИ), то такое утверждение представляется весьма спорным.

Во-первых, уже сейчас приходится сталкиваться с ситуацией, когда студенты с помощью ИИ генерируют тексты заданий, более того, тексты курсовых, выпускных квалификационных работ, магистерских диссертаций. Автор совсем недавно имел возможность убедиться в этом. Один из потенциальных выпускников прислал синопсис своей выпускной квалификационной работы, проверка которого на применение, скажем так, всех возможностей современных технологий, показала, что около 89 % текста было создано ИИ. Понятно, что звучит не социологично, на каждый пример можно привести множество других. Но дело в том, что и многие мои коллеги столкнулись с подобной ситуацией. Насторожило другое: после моего замечания о недопустимости использования ИИ при написании квалификационной работы студент ничтоже сумняшеся очень быстро прислал другой вариант, проверка которого показала, что на 90 % текст создан человеком. Не поленившись, автор обратился к интернету и выяснил, что существует множество платформ, которые предлагают обход проверки на использование ИИ. Столько долгое обращение к этому примеру (убеждён, что автор не единственный преподаватель уникального вуза страны) потребовался нам для того, что не просто назрела, а стала сверхактуальной проблемой выявление, фиксация сугубо самостоятельной работой студентов, всех обучающихся, получения ими реальных компетенций и знаний, позволяющих рационально действовать в самых разных сферах деятельности. Решение данной проблемы пока не наблюдается. Хотя на недавней педагогической конференции в нашем вузе и прозвучало предложение едва ли не полного отказа от письменных выпускных квалификационных работ и переход к нескольким государственным экзаменам. Все это, естественно, требует, как представляется, детального обсуждения.

Второй момент, который связан уже не только с ИИ, а в целом с цифровизацией, по нашему мнению, заключается в том, что явно ощущается утрата молодыми, да и не только ими, навыков прямого, непосредственного человеческого общения. Речь идёт о весьма специфичном феномене цифрового одиночества. Своевременно, на наш взгляд, Л. Н. Соловьёва обратила внимание на то обстоятельство, что «современный человек оказался заложником противоречивой ситуации: с одной стороны, уровень технологического развития высок настолько, что обеспечивает беспрепятственную коммуникацию..., с другой стороны, эти же технологии, несмотря на массовость, общедоступность и глобальный эффект, делают человека заложником его персонального цифрового устройства и, как следствие, одиноким» [5, с. 78]. Расширение возможностей общения и взаимодействия, абсолютно невозможное еще, казалось бы, недавно, в реальности привели к утрате элементарных навыков прямого диалога, незаменимых на самом деле личных контактов. В студенческой среде сказывается это весьма своеобразно. Элементарные наблюдения за поведением, отношениями в этой среде показывают, что студенческая группа вроде бы и есть, вот она, находится в аудитории, но в то же время, по сути, все сами по себе, изолированы от других. И еще. Если прежде одну выпускную квалификационную работу (в нашем вузе это возможно) готовили два, а то и три студента, то теперь такого не наблюдается. Даже за четыре года обучения так и не налаженной оказалась коммуникация.

И третий аспект. Он связан с тем, что мы условно называем короткими жизненными проектами [2]. Цифровизация позволяет выстроить такие отношения и взаимодействия, которые легко и быстро устанавливаются и столько же легко прерываются, исчезают. Э. Тоффлер образно назвал это обществом одноразовых стаканчиков [8, с. 125]. Отсюда и невозможность к многим студентам закрепиться на одном направлении обучения, что, к сожалению, по мысли автора, до сих можно сделать вполне официально, на основе законов и подзаконных актов. Отсюда, как представляется, и незакрепленность навыков, умений, которые все больше делаются тоже одноразовыми.

Подводя некоторый итог сказанному, хочется еще раз обратить внимание на то обстоятельство, что только совместными и постоянными усилиями преподавательской общест-венности нам удастся, с одной стороны, закреплять все позитивное, что привносит цифро-визация в жизнь вузов, а с другой – преодолевать то отрицательное, что она неизбежно с со-бой несёт.

Литература

1. Иванов Д. В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Со-циологические исследования. 2020. № 5. С. 44–55.
2. Кривошеев В. В. Короткие жизненные проекты: проявление анонии в современном обществе // Со-циологические исследования. 2009. № 3. С. 57–67.
3. Малейченко Е. А., Скидан М. Н. Социологические аспекты цифровизации образования // Миссия Конфессий. Т. 11, Ч. 5. С. 78–82.
4. Проблемы и перспективы цифровой трансформации образования в России и Китае : II Российско-китайская конференция исследователей образования «Цифровая трансформация образования и искусственный интеллект». Москва, Россия, 26–27 сентября 2019 г. / отв. ред. И. В. Дворецкая, пер. с кит. Н. С. Кучмы. М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 164.
5. Соловьева Л. Н. Одиночество в «обществе всеобщей коммуникации»: парадокс цифровой совре-менности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 7. С. 77–82.
6. Титаренко Л. Г. Специфика рисков гуманитарной безопасности страны, связанных с особенностями восприятия студенчеством современных технологических инноваций // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13, № 2 (66). С. 15–25.
7. Тоффлер Э. Третья волна. М. : Издательство АСТ, 1999. 784 с.
8. Тоффлер Э. Шок будущего. М. : Издательство АСТ, 2002. 557 с.
9. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как тех нологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства / пер. с англ. С. Филина. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 368 с.

УДК 316.477

И. А. Журавлева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СМЫСЛЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Рассматриваются новые смыслы образовательной и профессиональной реализации молодежи в совре-менных условиях. Аргументируется, что точкой отсчета новых смыслов обучения и работы стала пандемия COVID-19, которая трансформировала формы, виды, роль образования, обучения и как следствие профессио-нальной реализации. На примере исследования современных студентов показано изменение приоритета ценно-стей в получении образования и последующей профессиональной деятельности, обозначены перспективы из-менения рынка труда и мотивации молодых сотрудников.

Ключевые слова: молодежь, образовательная реализация, профессиональная реализация, современное линейное общество, нелинейное развитие.

I. A. Zhuravleva

Irkutsk State University, Irkutsk

MEANINGS OF EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL REALIZATION OF YOUNG PEOPLE IN MODERN CONDITIONS

The article examines new meanings of educational and professional realization of young people in modern conditions. It is shown that the starting point for new conditions and forms of education and work was the COVID-19 pandemic, which transformed the forms, types, role of education, training and, as a consequence, professional reali-ization. Using the example of a study of modern students, a change in the priority of values in obtaining an education and subsequent professional activity is shown, prospects for changes in the labor market and motivation of young em-ployees are outlined.

Keywords: youth, educational realization, professional realization, modern linear society, nonlinear develop-ment.

Произошедшие в обществе перемены, после пандемии COVID-19, ускорили многие процессы, а другие изменили навсегда. Это наглядно видно в образовательной и профессиональной реализации молодых людей. Изменился структура, форма, виды и роль образования и профессиональной реализации. Виртуальное пространство и цифровые технологии выдвинули общество на принципиально новый формат жизни. Во время пандемии – не было другого выбора, сейчас – вспять ничего не вернуть.

На сегодняшний день, онлайн обучение становится самостоятельным или гибридным (совмещенным с офлайн обучением) форматом получения знаний. Также как и профессиональная реализация из сферы реальной деятельности и присутствия в офисе перешла в онлайн деятельность удаленного формата. Более того, появляются новые профессии в пять раз чаще, чем до пандемии Работодатели также предъявляют все новые и новые требования к сотрудникам, для того чтобы они соответствовали современным запросам и условиям работы. Вузам эти моменты также надо учитывать при разработке образовательных программ.

Образовательные и профессиональные траектории современной молодежи могут опираться на их иррациональные основы (Р. Г. Ардашев [1]), несформированные моральные авторитеты (П. А. Баев [2]), новые условия образовательных стратегий и условий развития (Л. А. Гуринович [3], И. А. Журавлева [4–6]) и особые последствия поведения в постпандемическом обществе (О. А. Полюшкевич [7]).

Эти общественные трансформации стали толчком к формированию новых ценностно-смысловых и мировоззренческих трансформаций молодежи, которые отразились, прежде всего, в мотивах образовательной и профессиональной реализации. Так как личные цели молодых людей могут не совпадать с задачами работодателей, с возможностями образовательных учреждений. Нацеленность на результат, эффективность и продуктивность в повседневной деятельности далеко не для всех выступает приоритетом.

Негативной стороной изменившихся условий обучения и работы становится ограничение личного взаимодействия и социальной жизни. Виртуальное общение не дает всей полноты личного контакта, понимания другого человека. Посредник в виде экрана телефона, смартфона или ноутбука – всегда будет ставить фильтр на оценку вези. В результате ощущение одиночества и ненужности, апатии и депрессии. В результате, говорить об успешной образовательной и профессиональной социализации навряд ли имеет смысл, так как личностный уровень не наполняется смысловым и содержательным контекстом.

Решить этот вопрос могут психологи или специалисты в образовательных учреждениях, отвечающие за воспитательную или практико-ориентированную работу. Так как важно либо в процессе обучения и участия в различных мероприятиях снять вопросы, либо через непосредственное практическое включение в будущую профессию. Тут активно работают такие факторы как «ролевое ожидание» и «ролевое исполнение».

В процессе обучения некоторые студенты могут понять, что не на той специальности учатся, где хотели бы работать, но продолжают получать образование (из-за родителей, из-за стабильности и т. д.) и соответственно, ролевое исполнение у них будет далеко от соответствия специальности. Другие, кто принимают то обучение по которому учатся, могут также после завершения обучения не найти понимания в непосредственной работе или сложности взаимодействия с коллективом, что также приведет к несоответствию ролевых ожиданий и ролевых исполнений.

Обучение в гибридном формате и возможности удаленной занятости еще более размыли необходимость выстраивания прямой зависимости «получаемого образования – профессиональной деятельности», уже сейчас профессиональная реализация многих студентов складывается в параллельных процессу образования сферах (например, в сфере услуг в сфере косметологии виде мастеров по маникюру, бровям; фитнес-инструкторов в спортивных клубах; экскурсоводов по городу или по каким-то территориям). Но это то, что не связано с будущей специальностью и в 50 % случаев не связано с профессиональной деятельностью, а остальные 50 % как раз и занимают основную профессиональную реализацию в будущем.

Для того чтобы изучить данные аспекты более детально среди студентов различных вузов Иркутска, мы провели онлайн исследование (n=600), 55 % девушек и 45 % юношей в возрасте от 18 до 25 лет, обучающихся на разных специальностях. Мы оценивали смыслы и особенности социализации в образовательной и профессиональной деятельности.

В результате анализа полученных данных, можно говорить о том, что для жизненного успеха необходимо «иметь много денег» (30 %), «иметь связи и знакомства» (25 %), «иметь везение или удачу» (20 %), «иметь хорошее образование» (15 %), «много работать» (10 %).

Высшее образование выступает второстепенным фактором в модели жизненного успеха. И служит скорее «фактом успокоения родителей» (так как у них другая образовательная модель). Выбрали обучение в вузе, потому что «хотят иметь диплом» (чтобы «успокоить родителей о своем будущем») – 32 %, «быть независимыми» – 25 %, рассчитывают на «более высокую оплату труда» (23 %), «стать профессионалами» (20 %). При этом, работать по специальности планирует только четверть студентов (25 %). Потому, то в процессе обучения поняли, что «эта специальность – не мое» (36 %), «низкая оплата труда» (30 %), «сложно построить карьеру» (24 %), «появились другие приоритеты» (10 %).

Хотелось бы уточнить еще один момент, если в исследованиях прошлых лет, коллеги отмечали то, что социальные связи приобретаются в процессе студенчества, то современная молодежь говорит о том, что в вузе можно получить нужные связи только в 10 % случаев. Остальные возможности социального взаимодействия, через знакомства и модели социального контакта приобретаются вне стен образовательного учреждения. Это либо профессиональная деятельность не по специальности, либо участие в волонтерской деятельности, либо какие-то другие виды активности, которые могут сделать более заметным молодого человека (например, ведение своего канала в социальных сетях, участие в коллаборациях и прочие медийные проекты).

Говоря о профессиональных требованиях – ориентир на готовность «много работать» становится все более призрачным. Наоборот, молодые люди хотели бы мало работать, но много за это получать денег, внимания, статуса и т. д. Это тоже черта современной молодежи, которая трансформировала свои приоритеты под влиянием виртуальной реализации блогеров. И если вдруг, они приходят на работу по специальности (жизненные обстоятельства заставили) – то не готовы включаться в полноценный график работы из-за того, что ориентиры на «время на работу» существенно деформированы. Не комфортность работы усиливает и тот момент, что финансовые ожидания значительно завышены у молодых людей, нежели реальные возможности работодателей по организации рабочих мест и их оплаты по специальности. И это касается не какой-то одной специальности, а практически полного спектра базовых направлений подготовки вузов Иркутска.

Молодым людям добиваться успеха помогает *индивидуальность, креативность, уникальность, эффективность в делах* (63 %), т. е. индивидуалистические, эгоистические ценности. Учет *роли коллектива, поддержки старших коллег, наставничества, эмпатии и чуткости* к другим при успехе указали только 37 % молодых людей. Это подтверждает общую направленность молодых людей на индивидуальную реализацию, а не на работу в команде. Гибридное обучение и удаленная работа еще больше будут усиливать донные процессы.

Такие категории как *адаптивность, устойчивость при социальных потрясениях, толерантность в ситуациях неопределенности, готовность брать ответственность за других* занимают второстепенные позиции, что в будущем это негативно отразится на профессиональной реализации. Потому что поведенческая модель достижения цели не формируется, либо «само так случилось», либо «я уникальный, поэтому хорош», но это может работать лишь в ограниченных нишах и не все время. То есть через 3–5 лет на рынке труда будут специалисты, которые ожидают, что их будут ценить такими, какие они есть. Они не будут способны к коммуникации с коллегами, социальному взаимодействию, ответственности за развитие других и ответственности за сам проект или работу в целом и т. д.

Смыслы профессиональной деятельности для молодых людей в том, чтобы получить материальное благополучие (33 %), построить карьеру (27 %), лично развиваться (25 %),

профессионально развиваться (15 %). Такие категории как «принадлежность к профессиональному сообществу» (5 %), «альтруизм» (10 %), «общественное благополучие» (23 %), «семейная жизнь» (20 %), «красота природы» (15 %), «общественное развитие» (27 %) занимали минимальные показатели значимости. Это формирует поколение с особым запросом на индивидуальность и отрицание коллективности, но не подкрепляет это качественным содержательным форматом наполнения реальными знаниями и опытом.

На рынке труда, на данный момент, это самое противоречивое поколение, с которым еще предстоит работать. И как использовать их как эффективных сотрудников пока не ясно, так как старые модели на них не работают. Это приведет к новым условиям профессиональной реализации и новым форматам рынка профессий. Также как и новым моделям и стандартам обучения.

Образование нужно. Но для кого молодые люди будут учиться, чему и как – пока остается не ясным. Трансформация профессий и рынка труда расширяет возможности молодежи, увеличивая потенциал их личной реализации, но в тоже время, ограничивает их возможности взаимодействия в уже сложившихся коллективах. Поэтому, преемственность в работе, наставничество отойдут на второй план. Что заставит молодые кадры как-то альтернативно выстраивать свою линию профессиональной и образовательной реализации.

Таким образом, в результате исследования нами установлено, что смыслы и задачи образования для современной молодежи, под влиянием виртуальности существенно изменились. Функции социализации и воспитания, развития социальных коммуникаций и социальных контактов минимизированы. Молодые люди ориентированы на личные проявления и реализацию, а коллективные и групповые форматы работы ими обесцениваются.

Профессиональная реализация современных студентов проблематична, так как они не вписываются в отлаженные процессы работы и обновления новыми сотрудниками, из-за нового опыта удаленного дистанционного обучения и последующих профессиональных навыков, которые не соответствуют потребностям рынка на практике. В связи с появлением новых профессий, у молодых людей появляется возможность профессиональной реализации, но насколько она будет соответствовать их индивидуальному, эгоистическому проявлению большой вопрос. Так как приоритеты коллективной работы, группового рабочего процесса все еще остаются доминирующими в большинстве профессиональных сообществ современной России. Поэтому молодое поколение работников принесет с собой много новых условий для того, чтобы организовать их эффективную работу и будущую профессиональную реализацию.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Иррациональная основа отклоняющегося поведения подростков и молодежи // Дружественное к ребенку правосудие и восстановительные технологии : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Верховного суда Республики Бурятия. Улан-Удэ, 2023. С. 111–117.
2. Баев П. А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 512–515.
3. Гуринович Л. А. Образовательные стратегии студентов в условиях трансформации образовательного пространства вуза // Образование и развитие личности в современном коммуникативном пространстве : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред. И. М. Кыштымовой. Иркутск : Аспринт, 2016. С. 348–352.
4. Журавлева И. А. Изменение условий и форм образования // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 78–82.
5. Журавлева И. А. Образовательные и трудовые стратегии молодежи в 2018 и 2023 гг. // Социальная реальность виртуального пространства : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 185–190.
6. Журавлева И. А. Образовательные траектории современной российской молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 286–290.
7. Полошкевич О. А. Просоциальное поведение в постпандемическом обществе // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы VI Междунар. науч.-практ. интернет-конф. : в 2 ч. Вологда : Вол НЦ РАН, 2021. С. 20–23.

ВОЗМОЖНОСТИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В УДОВЛЕТВОРЕНИИ ПОТРЕБНОСТИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА В КАДРАХ

Рассматриваются проблемы и вызовы системы высшего образования Иркутской области в контексте региональной демографической, экономической и институциональной динамики. Анализируются структурные дисбалансы между образовательным и экономическим секторами, снижение привлечения абитуриентов, устаревшие инфраструктурные ресурсы и несовпадение образовательных программ с требованиями рынка труда. Подчеркивается необходимость системных реформ, ориентированных на интеграцию уровней образования, развитие уникальных региональных компетенций и внедрение гибридных моделей обучения, способных обеспечить кадровую устойчивость региона и его конкурентоспособность. Предложены сценарии модернизации университетской инфраструктуры, переосмысления профильных программ и участие бизнеса в формировании эффективной системы высшего образования, отвечающей современным вызовам и потребностям региона.

Ключевые слова: высшее образование, Иркутская область, региональная экономика, кадровый потенциал, демографическая ситуация, образовательные программы, инфраструктура вузов, рынок труда, региональная траектория развития.

R. V. Kravtsov, A. V. Lapina

Irkutsk State University, Irkutsk

THE POTENTIAL OF THE HIGHER EDUCATION SYSTEM OF THE IRKUTSK REGION IN MEETING THE NEEDS OF THE REGIONAL ECONOMY FOR PERSONNEL

The article examines the problems and challenges of the higher education system of the Irkutsk region in the context of regional demographic, economic and institutional dynamics. It analyzes structural imbalances between the educational and economic sectors, a decrease in the attraction of applicants, outdated infrastructure resources and a mismatch between educational programs and labor market requirements. It emphasizes the need for systemic reforms aimed at integrating education levels, developing unique regional competencies and introducing hybrid learning models capable of ensuring the region's personnel stability and competitiveness. The article proposes scenarios for modernizing university infrastructure, rethinking specialized programs and business participation in the formation of an effective higher education system that meets modern challenges and the needs of the region.

Keywords: higher education, Irkutsk region, regional economy, human resources, demographic situation, educational programs, university infrastructure, labor market, regional development trajectory.

Размышляя о возможностях системы высшего образования Иркутской области и потребностей региональной экономики, невозможно ограничиться лишь констатацией дисбаланса между предложением специалистов и кадровым спросом. В нашем случае мы имеем дело не с простой асинхронностью развития двух подсистем – образовательной и экономической, а с многоуровневым несоответствием, коренящимся как в пространственной и демографической структуре региона, так и в институциональной инерции самих вузов.

С демографической точки зрения Иркутская область балансирует на пороге критического сжатия воспроизводственного контура. При общем населении свыше 2,3 млн чел. плотность остаётся предельно низкой – чуть более трёх человек на квадратный километр, а тенденции последнего десятилетия характеризуются устойчивой естественной убылью, усугублённой миграционным оттоком среди молодёжных когорт [8]. Особенно тревожен тот факт, что регион теряет не просто население в целом, а именно образовательные резервы: только за один год фиксируется убыль почти в 2300 чел. со средним общим и средним профессиональным образованием.

В таких условиях структура школьного потока приобретает особое значение. Статистика показывает [5; 6]: почти 40 % девятиклассников уходит из общего образования, не доходя до 10 класса. Из оставшихся лишь часть завершает 11 класс. Анализ структуры выпускников показывает не просто сокращение численности учащихся в 10–11 классах, но и размывание образовательных траекторий, когда значительная доля девятиклассников «выпадает» из системы – не доходя ни до СПО, ни до общего среднего звена. В таких условиях любая

стратегия развития высшего образования, оторванная от школьного уровня, неизбежно оказывается неэффективной.

Экономическая модель области – с преобладанием добывающих и ресурсно-сырьевых отраслей объективно требует воспроизводства специфических профессиональных компетенций. Однако по мере технологического усложнения отраслей (включая те же секторы геологоразведки, энергетики, транспортной логистики) всё более востребованным становится не столько узкопрофессиональный специалист, сколько мультидисциплинарный инженер-управленец, способный интегрироваться в трансформирующиеся производственные цепочки. В этом смысле традиционные образовательные модели, где вузы выступают поставщиками монопрофильных кадров, утрачивают релевантность.

Несмотря на ежегодный рост ВРП (в 2024 г. +2,8 %) [9] и устойчивые инвестиции в основной капитал, в ряде отраслей фиксируется острый кадровый вакуум. Структура регионального продукта подсказывает очевидные приоритеты: добыча полезных ископаемых – свыше 30 % регионального ВРП, обрабатывающая промышленность, строительство, транспорт и логистика формируют ещё почти треть экономики. Однако образовательная система на эти вызовы отвечает слабо.

Парадоксальная деталь: несмотря на очевидный кадровый голод в ключевых отраслях региона, уровень заработных плат специалистов высшего уровня квалификации практически не отличается от оплаты труда работников с образованием среднего уровня. Так, в сельском и лесном хозяйстве прирост средней заработной платы с 2019 по 2023 г. составил всего 1,5 раза – ниже, чем в соседних регионах [10]. При этом уровень оплаты труда специалистов высшего уровня в ряде секторов почти не отличается от зарплат техников и мастеров. И если в Казачинско-Ленском и Жигаловском районах за счёт близости к крупнейшим газовым месторождениям можно говорить о точечном повышении доходов, то в Иркутске и ближайшей агломерации темпы роста заработной платы остаются низкими и не дают ощутимых стимулов для закрепления молодых специалистов в регионе.

Такая компрессия доходов создаёт иллюзию ненужности высшего образования как инструмента социального лифта, особенно на фоне затратности обучения и изношенности вузовской инфраструктуры. Молодёжь выбирает СПО – быстрее, дешевле, ближе к практическому результату. Таким образом, вузы начинают проигрывать конкуренцию не только столичным учреждениям, но и собственным региональным колледжам.

Экономические амбиции региона, отражённые в Стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2036 года, утвержденной Законом Иркутской области от 10.01.2022 № 15-ОЗ [1], вступают в противоречие с состоянием образовательной инфраструктуры, структурой абитуриентских потоков и динамикой профессиональных предпочтений молодёжи. Если судить по декларациям региональной стратегии, высшее образование призвано стать неотъемлемым участником процессов экономического роста: ставка делается на устранение дефицита кадров, экспорт образовательных услуг, усиление научно-производственных альянсов. Однако реалии указывают на иное. Уже сам факт выдвижения на первый план СПО и корпоративных форм обучения – центров компетенций при предприятиях, инфраструктурных решений вне рамок классических вузов – свидетельствует о снижении доверия к университетскому формату как эффективному инструменту подготовки кадрового резерва.

Добавим к этому институциональный фактор. Несмотря на рост числа государственных учреждений и сохранение ведущих позиций ИГУ и ИРНИТУ, общее число студентов за последние десять лет сократилось почти на треть – с 106 до 69 тыс. [2]. Обратная сторона этого сжатия – ликвидация ряда негосударственных вузов, поглощение отраслевых институтов крупными университетами и присоединение ВСГАО, ЕвЛИ МГЛУ к ИГУ.

Контрольные цифры приёма демонстрируют неустойчивость: резкий скачок в 2022 г. сменился спадом, особенно в технических и аграрных вузах. Сокращение бюджетных мест в ФГБОУ ВО «Ангарский государственный технический университет», вызывает вопросы об адекватности ресурсного распределения [11]. Нельзя обойти вниманием и перекося в структу-

ре самих направлений подготовки. На фоне умеренного прироста КЦП по биологии, химии, педагогике и лечебному делу, востребованные в региональной экономике инженерные и ресурсные специальности (например, горное дело, прикладная геология) сохраняют высокую стоимость обучения и крайне ограничены в бесплатных местах. Это выталкивает значительную часть потенциальных абитуриентов за пределы региона – в вузы Новосибирска, Томска или Красноярска, где предлагается соизмеримый или лучший образовательный продукт на более лояльных условиях.

Инфраструктура вузов – ещё один критически уязвимый блок. Более половины учебно-лабораторных зданий не ремонтировались десятилетиями, а каждое третье студенческое общежитие не обновлялось с начала 2000-х. При этом 11,2 % студентов объективно нуждаются в предоставлении жилья, что создаёт барьер при поступлении из сельских и отдалённых районов [4]. Проект межвузовского кампуса с общежитиями на 2500 мест, гостиничным блоком и инженерным технопарком обещает стать точкой притяжения, но пока не получил федерального финансирования [7], а значит – не может быть рассмотрен как фактор стратегической стабильности.

Проблему усугубляет то, что даже внутри региона высшее образование остаётся преимущественно городским. Более 70 % выпускников ЕГЭ – из Иркутска, Ангарска и Братска [3]. В сельских территориях – минимум доступности, слабая профориентация и практическое отсутствие механизмов сквозного трека «школа – вуз». В таких условиях сложно ожидать ни массового притока в технические и инженерные направления, ни кадрового воспроизводства в районах, где он особенно нужен.

Однако в сложившейся конфигурации при всей кажущейся кризисности кроется и возможность. С одной стороны, ограниченность абитуриентского ресурса требует иной логики формирования образовательных программ – не на массовость, а на специализацию, не на дублирование федеральных направлений, а на формирование уникальных треков, сопряжённых с запросами региональной экономики. С другой – очевиден потенциал перераспределения кадрового потока через гибридные модели: СПО + университет + индустриальный партнёр. В таких моделях возможна реальная настройка на потребности заказчика, что делает образовательный процесс не абстрактным «получением диплома», а конкретным маршрутом профессионального становления.

Внутри этой системы ключевым остаётся вопрос: готовы ли сами университеты к переопределению своей роли? Пока структура приёма демонстрирует волнообразную, во многом реактивную динамику: рост контрольных цифр в одни годы сменяется сокращением в другие, без устойчивой связи с реальной структурой спроса. Снижение набора по аграрным и техническим направлениям, на фоне дефицита специалистов в этих же отраслях, выглядит симптомом институциональной глухоты – и со стороны вузов, и со стороны регулятора бюджетного приёма.

Таким образом, необходимость системных изменений в системе высшего образования Иркутской области продиктована не только экономическими трендами, но и структурной логикой самого региона. Фактически, высшее образование утратило статус ядра региональной траектории развития. Оно больше не определяет направления движения экономики, а пассивно приспосабливается к изменяющимся условиям, всё чаще уступая абитуриентов колледжам и корпоративным образовательным структурам.

Наблюдаемый дисбаланс между профилями выпуска и запросами отраслей едва ли может быть устранён точечной корректировкой контрольных цифр приёма. Если не будет предложено целостное образовательное решение – с горизонтальной связкой между уровнями, с отраслевой идентичностью, с инфраструктурным ядром в виде кампуса нового типа, то Иркутская область рискует остаться в числе тех территорий, где вузы есть, но они не решают ни одной региональной задачи.

Нужно признать: традиционная структура университетской подготовки в регионе вступила в фазу институционального истощения. Расхождение между формальной архитектурой высшего образования и его реальной связью с рынком труда становится не просто ста-

тистически ощутимым, но структурно определяющим. Это и есть точка поворота, в которой становится оправданной смена модели: от системы подготовки кадров «на всякий случай» – к точечной системе обеспечения кадровой устойчивости экономики.

Модернизация вузовской сети требует не косметических изменений, а проектной перезаписи связей между тремя ключевыми полюсами: школой, университетом и работодателем. В качестве одного из действенных сценариев видится построение сквозных треков, в которых учащийся девятого класса может, двигаясь по заранее очерченной линии, выйти к целевому обучению в вузе, а затем – к гарантированному трудоустройству в отраслевой кластер. Такая модель предполагает не просто наличие «целевых мест», а институционализацию механизмов наставничества, ранней профориентации в 8–9 классе и распределённой ответственности за результат.

Особого внимания требует пересборка образовательных программ. Здесь логика унификации, казавшаяся разумной на этапе массового расширения, больше не работает. Необходима система специализации вузов внутри региона – не в ущерб универсальности, а в пользу уникальности. Иркутская область объективно располагает возможностью стать площадкой для развития региональных центров компетенций – в области горнодобывающей отрасли, гидроэнергетики, лесопромышленного комплекса. Однако без подключения ведущих российских вузов и без использования моделей сетевого взаимодействия, в том числе программ двойных дипломов, реализовать этот потенциал будет невозможно.

Наконец, архитектура современного университета должна быть способна адаптироваться к фрагментированным запросам: индустриальная магистратура, гибридные форматы, стажировочные конвейеры, а также экспортно-ориентированные программы на английском языке – всё это не факультативы, а обязательные элементы будущей структуры. Актуален и вопрос территориального выравнивания: без целевых программ для сельской молодёжи (вплоть до создания кампусов «третьей линии» в малых городах) регион не сможет сохранить равномерность образовательного охвата.

Реформирование высшего образования в Иркутской области – это не задача бюрократической настройки, а вызов интеллектуальной и институциональной инженерии. Только в том случае, если университеты вновь станут ядром региональной экономической модели, возможно выйти из текущей фазы дисбаланса. Альтернатива – дальнейшее превращение Иркутской области в территорию утечки человеческого капитала.

Литература

1. Стратегия социально-экономического развития Иркутской области на период до 2036 года : утв. Законом Иркутской области от 10 янв. 2022 г. № 15-ОЗ. URL: <https://irkobl.ru/sites/economy/socio-economic/project2036/> (дата обращения: 19.05.2025).
2. Характеристика системы высшего образования Иркутской области. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования // Главный Информационно-вычислительный центр. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2024/_vpo/material.php?type=2&id=11002 (дата обращения: 16.05.2025).
3. Оценка качества подготовки обучающихся. Общие результаты ЕГЭ Иркутской области // Государственное автономное учреждения Иркутской области «Центр оценки профессионального мастерства, квалификаций педагогов и мониторинга качества образования». URL: <https://coko38.ru/index.php/gia-11-ege-gve-11/statistika-i-analitika/obshchie-rezultaty-ege-irkutskoj-oblasti> (дата обращения: 19.05.2025).
4. Форма № ВПО-2 «Сведения о материально-технической информационной базе, финансово-экономической деятельности образовательной организации высшего образования за 2023 год» // Министерство науки и высшего образования. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 19.05.2025).
5. Сведения по форме федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2024/25 учебного года // Министерство просвещения Российской Федерации. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/db9c1cdaa94b963299f927390b334ce28/> (дата обращения: 18.05.2025).
6. Сводные отчеты по форме федерального статистического наблюдения № СПО-1 «Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования на начало 2024/25 учебного года» // Министерство просвещения Российской Федерации. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/2488e3f241e60f3324d5d170f732deb3/> (дата обращения: 17.05.2025).

7. Иркутский межвузовский кампус // Прокампус. URL: <https://прокампус.рф/campus/view?id=65> (дата обращения: 19.05.2025).
8. Демография // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: <https://38.rosstat.gov.ru/folder/167937> (дата обращения: 16.05.2025).
9. Валовый региональный продукт // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: <https://38.rosstat.gov.ru/folder/139646> (дата обращения: 16.05.2025).
10. Затраты на рабочую силу и заработная плата // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: <https://38.rosstat.gov.ru/folder/173489> (дата обращения: 16.05.2025).
11. Количество мест для приема на обучения в 2025 году по направлениям подготовки на имеющие государственную аккредитацию образовательные программы высшего профессионального образования – программы бакалавриата и магистратуры // Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ангарский государственный технический университет». URL: <https://angtu.ru/applicants/Inform/kolichestvo-mest-dlya-priema-na-obuchenie.php> (дата обращения: 18.05.2025).

УДК 316.752.4

И. В. Цветкова

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти

НАПРАВЛЕНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ПРИМЕНЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Рассмотрены перспективы использования технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования. Подчеркивается, что их применение дает возможность повысить эффективность управления образовательным процессом. Утверждается, что искусственный интеллект качественно меняет образовательную среду и способы управления обучением. Показано, что перспективы использования искусственного интеллекта связаны с разработкой методик, учитывающих индивидуальные особенности обучаемых, стихийное использование искусственного интеллекта создает немало проблем. Приведены аргументы, что необходимость гуманитарной экспертизы внедрения технологий искусственного интеллекта обусловлена разработкой нормативных положений, регламентирующих его применение для формирования компетенций обучаемых.

Ключевые слова: искусственный интеллект, высшее образование, гуманитарная экспертиза, индивидуальный подход к обучению, цифровая образовательная среда.

I. V. Tsvetkova

Tolyatti State University, Tolyatti

AREAS OF HUMANITARIAN EXPERTISE IN THE APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN HIGHER EDUCATION

The article discusses the prospects of using artificial intelligence technologies in higher education. Their use makes it possible to increase the effectiveness of educational process management. Artificial intelligence is qualitatively changing the educational environment and ways of managing learning. The prospects of using artificial intelligence are related to the development of methods that take into account the individual characteristics of students. The spontaneous use of artificial intelligence creates many problems. The need for humanitarian expertise in the introduction of artificial intelligence technologies is due to the development of regulations governing its use for the formation of learners' competencies.

Keywords: artificial intelligence, higher education, humanitarian expertise, individual approach to learning, digital educational environment.

Введение

Термин «искусственный интеллект» впервые использовал в 1956 г. американский исследователь Джон Маккарти, Технологии искусственного интеллекта включают разработку компьютерного зрения, распознавание речи, обработку естественного языка, поддержку принятия управленческих решений и т. д. Разработка искусственного интеллекта базируется на обработке больших данных. Понятие «искусственный интеллект» применяется для обозначения моделей мыслительных операций, выполняемых с помощью информационных технологий.

При определении искусственного интеллекта исследователи обращают внимание на два вида функций по отношению к естественному интеллекту.

Адаптационная функция характеризуется способностью искусственного интеллекта выполнять операции, выполняемые человеком.

Имитационная функция состоит в способности информационных технологий с помощью алгоритмов или машинного самообучения решать творческие задачи [1].

В настоящее время искусственный интеллект находит широкое применение в различных сферах, где требуется контроль, постоянная аналитика, расчеты для управления информационной техникой. Искусственный интеллект успешно используется в условиях с высоким риском, опасностью для жизни и здоровья человека. Совершенствование искусственного интеллекта идет в направлении имитации визуальных образов, звуков на основе технологий компьютерного моделирования.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта открывает широкие возможности его использования в сфере высшего образования. В современном обществе высшее образование – это сложная система, при функционировании которой взаимодействуют экономика, политика, культура, наука. Эффективная работа системы высшего образования обеспечивается управлением информационными потоками, для регулирования которых могут применяться возможности искусственного интеллекта.

При использовании искусственного интеллекта возникает немало проблем с учетом достижения основной цели образовательного процесса, состоящей в формировании компетенций, применяемых людьми в конкретных сферах профессиональной деятельности. Даже в вузе, в котором преподавателей заменил робот, цель образовательного процесса состоит в том, чтобы сформировать знания, умения и навыки у людей, а не у технических систем. Появляется немало вопросов, насколько искусственный интеллект сможет справиться с функциями обучения человека. Ответы на них могут быть найдены с помощью гуманитарной экспертизы, оценивающей применение технологий искусственного интеллекта в системе высшего образования.

Цель исследования состоит в определении направлений гуманитарной экспертизы при внедрении и использовании технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования.

Результаты исследования

Заинтересованность во внедрении искусственного интеллекта в сфере образования связана с экономическими выгодами. Ожидается, что это новшество снизит затраты на организацию учебного процесса. Однако внедрение технологий искусственного интеллекта даже если снизит расходы на оплату труда вспомогательного персонала и педагогов, приведет к увеличению затрат на материально-техническое оснащение учебного процесса. Для внедрения технологий искусственного интеллекта необходима техническая и технологическая модернизация вузов, разработка и внедрение нового программного обеспечения.

Использование автоматизированных средств передачи данных внутри системы способствует повышению уровня безопасности, снижению рисков утечки персональной информации. Автоматизированные системы успешно справляются с административными функциями. Чат-боты отвечают на вопросы студентов по организации учебного процесса, повышают эффективность работы с документооборотом. Искусственный интеллект расширяет возможности управления учебным процессом на основе рационального распределения ресурсов учета потребностей обучаемых и преподавателей. Планирование развития образовательной среды вуза включает согласование учебных программ различного уровня [2].

Использование искусственного интеллекта в сфере высшего образования способствует развитию и совершенствованию цифровых навыков участников образовательного процесса. Выполнение заданий с использованием виртуальной и дополненной среды открывают новые возможности в организации самостоятельной работы обучаемых. Перспективы использования искусственного интеллекта связаны с реализацией индивидуального подхода в обучении. Преимущества применения искусственного интеллекта в образовательном процессе состоят в возможности реализовать индивидуальный подход к каждому студенту. Искус-

ственный интеллект позволяет поддерживать разнообразные форматы, методы и техники обучения, чтобы учитывать уровень подготовки, индивидуальные психологические особенности обучаемых. Происходит расширение выбора образовательных программ для потребителей.

Перспективным направлением использования искусственного интеллекта в высшем образовании является оценка психологических особенностей обучаемых, которые влияют на освоение учебной информации. Искусственный интеллект способен учитывать особенности восприятия студентом учебного материала, предлагая приемлемые варианты текстового, визуального или аудио контента, а также скорость его воспроизведения. Положительные аспекты применения искусственного интеллекта включают персонализацию условий обучения, соответствующих психологическим особенностям обучаемых, уровню подготовки, образовательных потребностей. Искусственный интеллект может на основе ошибок, которые делает студент, выделять учебные темы, которые нуждаются в повторении или более тщательном изучении [3].

Искусственный интеллект может применяться для удержания студентов, предвидеть трудности, с которыми сталкиваются студенты в процессе обучения. Искусственный интеллект используется для подготовки учебных материалов с учетом уровня подготовки студентов. В перспективе искусственный интеллект найдет применение при создании службы поддержки учебной деятельности каждого студента. Использование искусственного интеллекта для индивидуализации обучения предполагает решение задачи распознавания психологических характеристик обучаемых, уровня мотивации в изучении предмета, уровня подготовки. Эти задачи требуют проведения социально-педагогических исследований, учитывающих особенности предметов. Анализ персональных характеристик обучаемых с помощью искусственного интеллекта могут найти применение при формировании учебных групп, обеспечивающих создание наиболее благоприятной среды для освоения учебного материала.

Информационные технологии дают возможность дифференцировать обучаемых по уровню освоения учебной дисциплины. В случае обнаружения недостатка знаний у обучаемых система организует дополнительную проработку материала обучаемыми. Методики обучения на базе мастерства применяются для повышения качества освоения материала, компенсации недостатка подготовки. Некоторые исследователи считают, что искусственный интеллект позволит преодолеть противоречия между ожиданиями студентов от обучения и реальными условиями трудоустройства. Гибкое реагирование информационной системы на потребности рынка труда позволит сформировать компетенции, которые требуются на конкретном рабочем месте. Другие исследователи считают, что искусственный интеллект способен отслеживать признаки девиантного поведения студентов, а также заниматься популяризацией здорового образа жизни.

Оптимизм некоторых исследователей относительно способности искусственного интеллекта оценивать социально-психологические состояния пользователей не является оправданным. Современные технологии могут лишь поверхностно определять лишь некоторые психологические характеристики людей. Искусственный интеллект применяется в некоторых зарубежных вузах для обучения математике, иностранным языкам. В рамках этих предметов существуют определенные алгоритмы обучения, существует возможность деления студентов по уровню подготовки. Однако по многим предметам подобная дифференциация является сложной задачей, особенно по гуманитарным предметам.

Внедрение образовательных траекторий с учетом индивидуальных особенностей студентов предполагает разработку различных вариантов образовательного контента. Среди проблем формирования образовательной среды с использованием искусственного интеллекта следует выделить формирование учебно-методической базы с использованием возможностей цифровой среды [4]. Повышение эффективности педагогической деятельности происходит за счет использования современных технологических средств визуализации учебного материала. Так, в случае необходимости, существует возможность превращения статичных объектов в динамичные на основе применения цифровых технологий анимации. Система оценивания знаний студентов также должна учитывать особенности ее применения в интел-

лектуальных технологических системах. Для решения методических задач при внедрении систем искусственного интеллекта необходима система повышения квалификации для преподавателей, развитие цифровых компетенций студентов.

Одной из сфер применения искусственного интеллекта в образовательном процессе является повышение оперативности и эффективности связи студентов и преподавателей. Искусственный интеллект находит применение при проверке заданий, выполняемых студентами. Это дает возможность выявить типичные ошибки студентов, выявить трудности в освоении учебных тем. В настоящее время для этих целей разработаны компьютерные программы, способные распознавать естественные языки. Целесообразность их применения состоит в освобождении преподавателей от проверки и оценки студенческих работ [5].

Искусственный интеллект может частично освободить преподавателей от рутинных функций, экономить время. В этих условиях расширяется пространство для педагогического творчества, появляется необходимость в выполнении педагогами роли экспертного наставника. Они состоят в том, что преподаватель оказывает помощь в изучении сложного материала, объяснить подходы к решению задач.

Эффективность обучения с использованием искусственного интеллекта возрастает за счет применения электронных средств контроля над результатами обучения. Автоматизированная система наблюдения над процедурами аттестации обучаемых повышает объективность и надежность результатов.

Следует отметить, что существуют противоречия в ожиданиях относительно применения искусственного интеллекта в образовательной среде у преподавателей, студентов, представителей администрации вузов. Трудности и издержки внедрения искусственного интеллекта в сферу образования связаны с опасениями, что произойдет вытеснение традиционных методов обучения. Одним из препятствий внедрения искусственного интеллекта в сферу образования является невысокий уровень цифровой грамотности как преподавателей, так и студентов [6].

Полная замена преподавателей роботами в образовательном процессе вряд ли является задачей ближайшего будущего. При внедрении искусственного интеллекта необходима регламентация его использования. На современном этапе использование искусственного интеллекта происходит стихийно. Студенты широко используют искусственный интеллект для ответов на практических занятиях, для решения задач, выполнения письменных работ. Очевидно, что бесконтрольное использование искусственного интеллекта приведет к тому, что обучаемые утратят навыки поиска информации, ее систематизации, критической оценки. Совершенствование голосовых функций приведет к тому, что обучаемые перестанут даже читать с экрана, искусственный интеллект голосом студента будет воспроизводить текст.

Совершенствование цифровых технологий, расширение сферы их применения в некоторых случаях приводит к формированию психологической зависимости от информационных устройств. Она снижает уровень когнитивных функций, ограничивает развитие творческих способностей некоторых обучаемых. Происходит снижение уровня функциональной грамотности, памяти. Высокая информационная нагрузка, которую молодые люди испытывают постоянно, приводит к тому, что они не могут понять смысл текстовых сообщений, не способны запоминать информацию, так как надеются на электронные подсказки.

В связи с этим возникает немало вопросов в связи с тем, как преподаватель должен реагировать на эту ситуацию. С помощью гуманитарной экспертизы необходимо рассмотреть ряд проблем, связанных с этикой, авторским правом, критериями оценки студенческих работ, для написания которых используется искусственный интеллект. Существует большая вероятность того, что при использовании искусственного интеллекта при обучении гуманитарным наукам обучение будет идти в направлении формализации содержания. Соответственно, изучение гуманитарных дисциплин будет сведено к совокупности информационных шаблонов.

Обсуждения и заключение

Для успешного внедрения искусственного интеллекта в сферу образования важно сформировать доверие к этому новшеству. Особенности функционирования цифровых систем известны лишь узкому кругу специалистов, которым известны их возможности и ограничения. Обеспечение безопасности, критериев оценивания, принятия решений искусственным интеллектом являются важными направлениями работы специалистов в области информационных технологий. Однако их разработка нуждается в согласовании с общественностью, чтобы сформировать устойчивые представления об их надежности, открытости и адекватности использования.

Одним из важных аспектов внедрения искусственного интеллекта в сферу высшего образования является оценка затрат на обновление материально-технической среды вузов. Чтобы использовать искусственный интеллект для выполнения административных задач необходима экспертиза управления высшим учебным заведением с целью поиска системных решений. Много информации дублируется. Например, от преподавателей различные структуры вуза требуют предоставлять информацию, которая содержится в электронных системах, находящихся в общем доступе. Это относится как планированию работы, так и к отчетам. Если у руководства вузов будет выбор между внедрением искусственного интеллекта и сокращением административного аппарата или сохранением прежней системы, то велика вероятность второго решения в сочетании с некоторыми новшествами.

Одним из направлений гуманитарной экспертизы по внедрению искусственного интеллекта в сферу высшего образования должно стать изучение угрозы усиления цифрового неравенства, углубления цифрового разрыва. Эти явления связаны с неравным доступом вузов, а также обучаемых к современным цифровым технологиям. Трудности доступа к качественному интернету замедляют обмен данными, создают препятствия к внедрению передовых технологий.

Использование искусственного интеллекта создает реальную опасность вытеснения из сферы высшего образования специалистов высокой квалификации. Система найма преподавателей высшей школы существующая в настоящее время ориентирована на расчет штатов в зависимости от учебной нагрузки. Снижение количества учебных часов приведет к сокращению преподавателей, изменению содержания их работы. Деятельность преподавателей будет направлена на обслуживание информационных систем, которые обслуживают образовательный процесс. Для этого необходимо совершенствовать навыки владения информационными технологиями. Одним из важных направлений гуманитарной экспертизы может стать определение компетенций, необходимых преподавателям для работы в образовательных системах с использованием искусственного интеллекта.

Серьезную проблему представляет учебная мотивация обучаемых в условиях цифровой среды. Совершенствование цифровых технологий создает немало соблазнов для поиска средств обмана электронных систем. Если педагоги предпринимают меры, чтобы стимулировать учебную активность студентов, то обучаемые стремятся снизить интеллектуальные и психологические усилия. Гуманитарная экспертиза может использоваться для оценки эффективности цифровых образовательных ресурсов в аспекте формирования мотивации обучаемых.

Ограничения, связанных с внедрением искусственного интеллекта, вызваны тем, что в настоящее время не решен ряд важных этических проблем, а также не разработаны надежные средства защиты данных. Существуют серьезные риски утечки персональных данных, а также их несанкционированного использования. Информационные системы могут быть объектами взлома, использоваться для принятия ложных решений. Работа искусственного интеллекта может быть подчинена другой информационной системе и использована для злоупотреблений. Для предотвращения этих угроз необходимо создание системы распределенного доверия.

Развитие коммуникативных навыков в цифровой образовательной среде не способствует формированию навыков социальных взаимодействий у обучаемых. Работодатели не-

редко высказывают нарекания вузам относительно недостаточного развития у выпускников «мягких компетенций», включающих умение работать в коллективе, соблюдать трудовую дисциплину, устанавливать контакты с различными людьми. Задачи гуманитарной экспертизы при использовании искусственного интеллекта включают определение его возможностей и ограничений в различных видах профессиональной подготовки.

Использование искусственного интеллекта с целью прогнозного консультирования вызывает ряд серьезных методологических и прикладных трудностей. Они вызваны тем, что на современном этапе прогнозирования базируется на анализе прошлого. Искусственный интеллект дает рекомендации, используя доступную ему базу данных. Факторы изменения социальной среды, психологического состояния не принимаются во внимание. Все это создает необходимость совершенствования методик прогнозирования, включающих сочетание искусственного интеллекта и экспертного сообщества. Для высшего образования необходимо долгосрочное планирование развития рынка труда как в региональном масштабе, так и на федеральном уровне.

Технические системы не являются совершенными, искусственный интеллект может ошибаться. Важно разделить функции, выполняемые в образовательном процессе преподавателями и искусственным интеллектом. Решения, принимаемые искусственным интеллектом, должны находиться под контролем экспертов.

Литература

1. Закирьева Л. А. Будущее искусственного интеллекта в высшем образовании: тенденции и трансформации // Вестник науки. 2024. № 6 (75). С. 1120–1125.
2. Технологии искусственного интеллекта в практике современного высшего образования / В. И. Токтарова, О. Г. Попова, И. И. Сагдуллина, В. А. Белянин // Вестник Марийского государственного университета. 2023. № 2 (50). С. 210–220.
3. Пономарева Е. Ю. Искусственный интеллект: как новые технологии внедряются в сферу психического здоровья студентов высшего учебного заведения // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77–1. С. 326–329.
4. Паскова А. А. Технологии искусственного интеллекта в персонализации электронного обучения // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 3. С. 113–122.
5. Харабджах М. Н. Преимущества и риски использования искусственного интеллекта в высшем образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77–1. С. 295–298.
6. Везетиу Е. В., Ромаева Н. Б. Искусственный интеллект как инновационный инструмент внедрения современных средств обучения в образовательный процесс высших учебных заведений // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77–2. С. 73–77.

УДК 37.091

И. А. Парфенова, И. Г. Галушко, А. А. Керселян

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

ЭТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАНИИ

Рассматриваются основные вызовы и риски, связанные с использованием интеллектуальных систем, такие как обеспечение конфиденциальности и безопасности данных, проблема предвзятости алгоритмов, а также вопросы справедливости и равных возможностей для всех участников обучения. Обозначены принципы ответственного применения ИИ в образовании, а также предложены рекомендации по формированию этически обоснованных стандартов и практик. Статья направлена на повышение осведомленности педагогов, разработчиков и политиков в сфере образования о необходимости сбалансированного и этически обоснованного использования технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, этика, образование, цифровая трансформация, конфиденциальность данных, алгоритмическая справедливость, ответственность, технологии в образовании, стандарты этического использования.

ETHICAL ISSUES OF APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN EDUCATION

The article discusses the main challenges and risks associated with the use of intelligent systems, such as ensuring data privacy and security, the problem of bias in algorithms, as well as issues of fairness and equal opportunities for all participants in learning. The principles of responsible use of AI in education are outlined, and recommendations for the formation of ethically sound standards and practices are proposed. The article is aimed at raising awareness among educators, developers, and policymakers in the field of education about the need for a balanced and ethically sound use of artificial intelligence technologies.

Keywords: artificial intelligence, ethics, education, digital transformation, data privacy, algorithmic justice, responsibility, technologies in education, standards of ethical use.

Введение

Современные технологии стремительно проникают во все сферы человеческой жизни, значительно меняя традиционные подходы и формы взаимодействия. Особенно активно развивается область искусственного интеллекта (далее ИИ), который уже сегодня находит широкое применение в сфере образования – от автоматизированных систем оценки и персонализированного обучения до виртуальных ассистентов и адаптивных платформ. Вместе с тем внедрение ИИ в образовательный процесс вызывает множество этических вопросов и дилемм, связанных с приватностью данных, честностью оценки, равенством доступа и ответственностью за принимаемые решения.

В данной статье будет рассмотрено, какие этические проблемы возникают при использовании искусственного интеллекта в образовании, а также предложены возможные пути их разрешения для обеспечения справедливого и безопасного внедрения инновационных технологий в сферу обучения.

Искусственный интеллект стремительно внедряется в образовательную сферу, открывая новые возможности для персонализации обучения, автоматизации рутинных задач и повышения эффективности педагогического процесса. Однако наряду с этими преимуществами возникают важные этические вопросы, требующие тщательного рассмотрения и ответственного подхода.

1. Конфиденциальность и защита данных.

Одной из ключевых проблем является сбор, хранение и использование персональных данных учащихся и преподавателей. ИИ-системы зачастую требуют доступа к личной информации, учебным результатам и поведению пользователей. Необходимо обеспечить надежную защиту данных от несанкционированного доступа и учитывать принципы согласия и прозрачности.

2. Обеспечение равных возможностей и избежание дискриминации.

Алгоритмы ИИ могут непреднамеренно усиливать социальное неравенство, если они обучены на предвзятых данных или не учитывают особенности отдельных групп. Важно разрабатывать системы, которые не усугубляют существующие различия, и обеспечивают равные условия для всех учащихся, независимо от социального, этнического или социально-экономического статуса.

3. Объективность и прозрачность решений.

Автоматические рекомендации, оценки и адаптивные траектории обучения должны быть прозрачными. Пользователи должны понимать, как принимаются решения и на каких данных основаны. Недостаток прозрачности может снизить доверие к ИИ, вызвать сомнения в объективности и справедливости образовательных процессов.

4. Роль человека и ответственность.

Несмотря на автоматизацию, роль педагогов и администраторов остается незаменимой. Вопросы ответственности за ошибки ИИ, а также этическое вмешательство в обучение требуют четкого определения. Следует избегать полной замены человека машинами и обеспечить возможность педагогической поддержки и этических решений, принимаемых людьми.

5. Этическое использование технологий.

Разработка и внедрение ИИ должны осуществляться с учетом этических стандартов и ценностей. Это включает уважение к приватности, недопустимость эксплуатации данных и устранение потенциальных злоупотреблений, таких как слежка или манипуляция информацией.

Таблица

Пути решения этических проблем, возникающих в образовательном процессе с использованием искусственного интеллекта

Разработка четких нормативных и этических стандартов	Создание международных и национальных нормативных актов, регулирующих использование ИИ в образовании, поможет установить общие принципы честности, приватности и ответственности
Обеспечение прозрачности алгоритмов	Внедрение механизмов объяснимости и прозрачности работы ИИ-систем позволит участникам образовательного процесса понимать, как принимаются решения, и минимизировать риск предвзятости и ошибок
Защита и конфиденциальность данных	Разработка и строгий контроль за соблюдением норм по сбору, хранению и использованию персональных данных студентов обеспечит их приватность и защиту от несанкционированного доступа
Обеспечение равного доступа к технологиям	Создание условий для равного доступа к образовательным технологиям, независимо от социальных или экономических характеристик, поможет снизить цифровой разрыв и избежать дискриминации
Подготовка педагогов и администрации	Обучение преподавателей и образовательных администраторов этическим аспектам использования ИИ повысит их компетентность и ответственность за внедрение и эксплуатацию технологий
Разработка и внедрение механизмов ответственности	Определение ответственности за ошибки или злоупотребления системами ИИ способствует повышению доверия и стимулирует соблюдение этических норм

Таким образом, интеграция искусственного интеллекта в образование обладает очевидным потенциалом для улучшения качества и доступности обучения. Однако этические вопросы требуют особого внимания и постоянного регулирования. Ответственное использование ИИ, основанное на принципах прозрачности, справедливости и уважения к личной информации, поможет сформировать образовательно-этическую среду будущего, где технологии служат исключительно во благо учащихся и педагогов.

Литература

1. Лукичев П. М., Чекмарев О. П. Применение искусственного интеллекта в системе высшего образования // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13, № 1. С. 485–502.
2. Староверова Н. А. Этические проблемы применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе // Современные наукоемкие технологии. 2024. № 9. С. 145–150.
3. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход / пер. с англ. 2-е изд. М. : Вильямс, 2006. 1408 с.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ В ЭКСПЕРТНЫЕ ИНСТИТУТЫ
РАЗВИТИЯ ИНЖЕНЕРНОЙ КРЕАТИВНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ОБРАЗОВАНИЯ**

Рассматриваются современные преобразования роли университетов в системе инженерного образования в контексте цифровизации и социотехнологических трансформаций. Обосновано, что университеты переходят от функции трансляции знаний к миссии институциональной поддержки и формирования технической креативности. Проанализированы теоретико-методологические основания инженерной креативности, цифровые образовательные среды и проектные форматы как стимулы развития инженерного мышления. Особое внимание уделено организационно-педагогическим условиям, оценке креативности.

Ключевые слова: техническая креативность, цифровизация образования, университет, проектное обучение, экспертная роль, техническое мышление.

K. Yu. Murashova

Siberian State University of Science and Technology n.a. M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk

**THE TRANSFORMATION OF UNIVERSITIES INTO EXPERT INSTITUTIONS
FOR THE DEVELOPMENT OF ENGINEERING CREATIVITY
IN THE ERA OF EDUCATIONAL DIGITALIZATION**

The article explores the ongoing transformation of the university's role within the system of engineering education amid digitalization and sociotechnological change. It is substantiated that universities are shifting from the traditional function of knowledge transmission to a mission of institutional support and the development of technical creativity. Theoretical and methodological foundations of engineering creativity are examined, along with digital learning environments and project-based formats as drivers of engineering thinking. Particular attention is paid to organizational and pedagogical conditions, creativity assessment tools, and the barriers that hinder its formation.

Keywords: engineering creativity, educational digitalization, university, project-based learning, expert function, technical thinking.

Современное инженерное образование находится в фазе структурной и содержательной трансформации, обусловленной социотехнологическими изменениями, внедрением цифровых инструментов и усложнением инженерной деятельности. В этих условиях университет утрачивает роль исключительно института трансляции нормативного знания и приобретает функции сложной многоуровневой экспертной платформы, способной одновременно выполнять миссию генерации, верификации, апробации и передачи инженерного знания в условиях неопределённости.

Переход от индустриальной парадигмы образования к цифровой модели инженерной подготовки требует коренной переоценки роли университетов как базовых субъектов инновационного развития. Сегодня именно университет призван обеспечивать не только профессиональную подготовку будущих специалистов, но и становление у них способности к технической адаптации, проектной инициативе, конструктивному риску и дивергентному инженерному мышлению [2; 5; 6]. Это означает, что вектор развития высшего инженерного образования сдвигается в сторону формирования так называемой технической креативности – метакомпетенции, лежащей в основе технологической субъектности специалиста.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена необходимостью институционального осмысления того, каким образом университетская среда может становиться катализатором креативного инженерного развития, и какие организационно-педагогические условия следует создавать для устойчивого культивирования способности к техническому новаторству. На фоне глобального технологического усложнения инженерных задач, сдвига в сторону цифрового производства, роботизации и искусственного интеллекта, техническая (инженерная) креативность становится важнейшим элементом профессионального самоопределения выпускника.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ роли университетов как экспертных институтов, обеспечивающих становление и развитие инженерной креативности в условиях цифровизации образовательной среды. В фокусе внимания – не только педагогические аспекты, но и институциональные, культурные, инфраструктурные и нормативные факторы, влияющие на формирование инженерного воображения как основы профессиональной идентичности будущих инженеров.

Теоретико-методологические основания инженерной креативности: от дивергентного мышления к субъектной инженерной инициативе. Категория «инженерная креативность» в последние годы активно исследуется на стыке педагогики, психологии, когнитивистики и инженерной дидактики, формируя новое междисциплинарное поле научного знания. На теоретическом уровне инженерная креативность понимается как интегративное качество личности, отражающее способность к конструктивному преобразованию реальности в рамках инженерного проектирования, решения технических задач, создания новых функциональных конструкций и технологических решений. В отличие от общего креативного потенциала, техническая креативность характеризуется включённостью в инженерный контекст, опорой на реальные физико-математические и конструктивные ограничения, а также направленностью на достижение технологической реализуемости и оптимизации. Содержательное наполнение понятия «инженерная креативность» базируется на концепциях системного технического мышления (Ю. Р. Вишнякова, В. П. Беспалько), продуктивной дивергентности (Дж. Гилфорд [3]), деятельностного подхода (А. Н. Леонтьев [9], Л. С. Выготский [1]) и конструктивистской педагогики (Ж. Бруннер, С. Паперт). Эти подходы объединяются в современной трактовке инженерной креативности как способности студента:

- к когнитивной реорганизации известного технического материала с целью генерации новых проектных решений
- инженерной импровизации на основе рефлексивного отношения к стандартам и нормам;
- дивергентной интерпретации технических задач в условиях неполных данных и неопределённости;
- субъектной инициативе в выборе методов, средств и подходов к решению инженерных проблем.

Инженерная креативность формируется не только как когнитивная способность, но и как ценностно-мотивационная установка, основанная на стремлении к технической новизне, продуктивному риску и инновационному мышлению. Особенность креативности в инженерной сфере – её двойственная природа: с одной стороны, она требует оригинальности, с другой – высокой технологической обоснованности.

Современная педагогическая наука всё чаще рассматривает инженерную креативность как метапредметную и метакомпетентностную форму развития личности, интегрирующую элементы мышления, коммуникации, цифровой грамотности и проектной субъектности. Таким образом, задача высшей школы – не только обучить будущих инженеров прикладным дисциплинам, но и выстроить условия, при которых креативность становится устойчивой личностной доминантой, поддерживаемой институционально и нормативно.

Университет как экспертный институт инженерного креатива: институциональная миссия и образовательная трансформация. Переосмысление роли университета в подготовке инженеров связано с радикальным изменением самой природы знаний и условий их применения в профессиональной среде. Современный университет более не может ограничиваться ролью образовательной фабрики, где транслируются стабильные, стандартизированные знания. Он становится экспертным институтом, способным формировать уникальные образовательные траектории, поддерживать креативную инициативу, проектную пробу и культурную инженерную идентичность.

Экспертная функция университета проявляется в способности формировать среду, в которой студенты получают не только академические знания, но и доступ к технологиям, наставникам, индустриальным партнёрам, а также к опыту экспериментальной деятельности

в режиме проектной неопределённости. Здесь особое значение приобретает миссия университета как института интеллектуального сопровождения студента, в том числе в зонах, связанных с риском, ошибкой, инновационной пробой.

Применительно к инженерной креативности университет становится пространством, где создаются организационно-педагогические условия для проектной трансформации знаний. Это включает в себя:

- студенческие конструкторские бюро (СКБ), научно-образовательные центры (НОЦ);
- лаборатории цифрового прототипирования и симуляционные полигоны;
- проектные акселерационные программы и инженерные треки;
- технологические чемпионаты и хакатоны как модели креативного давления;
- международные образовательные альянсы, позволяющие получить доступ к иным моделям инженерного воображения.

Через эти практики реализуется функция университетов как централизованных на инженерном креативе институтов, выполняющих одновременно образовательную, прогностическую, исследовательскую и менторскую роли.

Кроме этого, университеты разрабатывают и внедряют инструменты диагностики инженерной креативности, включая портфолио, цифровые следы проектной активности, компетентностные профили и метрики оценки оригинальности инженерных решений. Тем самым они действуют не только как образовательные субъекты, но и как экспертные площадки мониторинга и управления развитием креативной метакомпетенции. Всё это требует от университетской среды перехода к субъектно-ориентированной дидактике, где студенты не столько усваивают готовые решения, сколько вовлекаются в процессы инженерного гипотезирования, технического анализа, визуализации и доказательства собственных концептов. Университет здесь выступает не как контролёр, а как модератор проектного замысла, создающий условия для его осмысленного воплощения.

Цифровая образовательная среда в современной инженерной школе трансформируется из вспомогательной инфраструктуры в системный методологический инструмент, радикально меняющий подходы к проектированию содержания, форм и способов взаимодействия участников образовательного процесса. Эта среда обеспечивает не только технологическую поддержку обучения, но и создаёт новое пространство когнитивной и креативной активности, основанное на принципах открытости, интерактивности, нелинейности и вариативности.

Ключевой характеристикой цифровой образовательной среды становится её способность к симуляции сложных инженерных ситуаций, которые ранее были либо недоступны в условиях учебного процесса, либо сопряжены с высокими затратами. Виртуальные лаборатории, цифровые двойники, AR/VR-модули, инженерные симуляторы (например, MATLAB Simulink, SolidWorks, ANSYS), платформы визуального программирования и автоматизированного проектирования создают уникальные условия для проектной импровизации и творческого конструирования [8].

Кроме того, цифровая среда расширяет пространство взаимодействия: она допускает кооперацию между студентами и преподавателями разных университетов, создание виртуальных инженерных сообществ, проведение международных онлайн-хакатонов, инженерных марафонов и симуляционных кейсов [10, 11]. Это формирует у студентов опыт распределённого мышления, актуального в эпоху сетевой инженерии и удалённой проектной деятельности.

Существенным элементом цифровой среды становится механизм инженерной рефлексии, встроенный в цифровые интерфейсы: портфолио, аналитика действий, визуализация траекторий решений, цифровая самооценка. Через эти механизмы формируется критическая инженерная осознанность: студент видит не только результат, но и путь его достижения, слабые места гипотезы, точки риска, возможные альтернативы. Возникает педагогически оформленный цикл инженерной креативности: постановка задачи – цифровая реализация – креативное моделирование – рефлексия – доработка.

Таким образом, цифровая образовательная среда в университете не просто дополняет традиционные формы обучения, а создаёт принципиально новое пространство инженерного

мышления, позволяющее студенту действовать как полноценному субъекту технического проектирования. Университет, овладевающий логикой цифровой дидактики, оказывается в состоянии не только обучать, но и воспроизводить культурную среду, благоприятную для инженерной креативности.

Проектно-ориентированная модель и импульсные форматы как стимулы инженерной креативности. Одним из наиболее эффективных инструментов формирования инженерной креативности в университетской среде выступает проектно-ориентированная модель обучения, фокус которой смещён с усвоения готовых решений на активное участие студента в моделировании, разработке и реализации собственных инженерных решений. Такой подход позволяет обеспечить не только содержательную глубину обучения, но и включение обучающегося в процесс реального технического творчества, где ключевую роль играет субъективная интерпретация задачи и выбор средств её решения.

Проектное обучение задаёт студенческой активности новую онтологию: студент перестаёт быть объектом педагогического воздействия и становится автором инженерного замысла, фасилитируемого университетской средой. Он учится формулировать проблему, выстраивать гипотезу, структурировать задачи, подбирать инструменты, проектировать прототип, оценивать результат и производить рефлексию – в логике инженерного цикла. Особенно значимы здесь междисциплинарные проектные модули, где объединяются студенты разных направлений подготовки – от мехатроники до программной инженерии, от промышленного дизайна до технической химии. Такое взаимодействие формирует способность к инженерной коммуникации, дивергентному мышлению, нестандартным синтезам. Примером может служить организация проектных треков по разработке мехатронных узлов с применением ИИ, где в команде участвуют программисты, конструкторы и дизайнеры интерфейсов [7]. В дополнение к длительным проектным форматам в университетской практике всё более активно применяются импульсные формы креативного инженерного развития – хакатоны, инжиниринговые чемпионаты, конкурсные акселераторы. Эти форматы погружают студентов в среду креативного давления, где за ограниченное время необходимо выдать оригинальное, технически обоснованное и практически применимое решение. Хакатоны, как правило, работают в условиях высокой неопределённости: студентам не даётся готовая формула или шаблон, они должны самостоятельно определить проблему, собрать команду, распределить роли, выбрать инструменты и, самое главное – найти уникальный путь решения, отличающий их проект от конкурентов. Это тренирует способность действовать на пересечении риска и инновации – что и является сутью инженерной креативности. Подобные форматы способствуют развитию следующих ключевых навыков:

- технического лидерства – в условиях командной неопределённости;
- инженерной гибкости – умения адаптировать стратегию в процессе реализации;
- ситуативной изобретательности – спонтанной генерации решений под временным давлением;
- способности к компромиссу между инженерной оригинальностью и реальной реализуемостью проекта.

Таким образом, сочетание длительных проектных форматов с краткосрочными конкурсными мероприятиями создаёт континуум креативной инженерной активности, в котором студент получает опыт как фундаментальной проектной работы, так и импульсной, стресс-тестируемой инженерной креативности. Именно в этой динамике рождается зрелое техническое мышление, способное не только анализировать, но и проектировать новую технологическую реальность.

Формирование технической креативности невозможно без осознанной индивидуализации образовательного маршрута, где студент получает возможность не только следовать предписанным учебным планам, но и самостоятельно выстраивать логическую и содержательную архитектуру своего профессионального становления. В этом контексте вариативность выступает не просто опцией, а обязательным элементом культуры технического творчества.

На уровне университетской практики это выражается во внедрении трековых моделей обучения, где студенты могут выбирать между различными модулями и образовательными векторами – от автоматизации и робототехники до инженерной эстетики, от цифрового прототипирования до промышленной социологии. Такая конфигурация траектории позволяет сочетать инженерную фундаментальность с прикладной новизной, выходящей за пределы дисциплинарных границ.

Особое значение приобретает интеграция дисциплин социо-гуманитарного цикла и дизайнерского профиля в технические курсы, что способствует развитию инженерной эмпатии, способности к соотнесению технических решений с пользовательским опытом, социальным контекстом и культурными последствиями.

Наставничество культурно-институциональная поддержка как основа среды инженерного креативного становления. Инженерная креативность как процесс становления и развития невозможна вне поддерживающей культурной и институциональной среды, в которой студент чувствует себя *признанным* участником проектного действия, а не пассивным получателем знаний. В этом контексте особую роль играет наставничество – не в классическом иерархическом понимании, а как горизонтальная форма фасилитации инженерного поиска, где наставник выступает не источником «правильных» ответов, а проводником в зону продуктивной неопределённости. Наставничество в условиях «креативного университета» включает следующие форматы:

- межкурсовые связи между старшими и младшими студентами (peer-to-peer);
- проектные менторские пары, где педагог помогает оформить идею и выбрать адекватные технические средства её реализации;
- наставничество выпускников, вовлечённых в индустриальные практики, для сопровождения проектной логики в прикладных реалиях;
- вовлечение представителей индустрии как внешних кураторов студенческих разработок.

Эффективное наставничество в инженерной креативной среде не предполагает контроля или коррекции – оно базируется на принципе партнёрской модерации: ментор задаёт вопрос, формирует обратную связь, провоцирует на рефлексию, помогает отследить логические пробелы, но не навязывает шаблонных решений. Именно это позволяет студенту формировать внутреннюю инженерную самостоятельность – важнейшую составляющую креативности.

Наряду с индивидуальным сопровождением, огромное значение приобретает институциональная культура, транслирующая ценности инженерной свободы, проектной смелости и уважения к нестандартности. Университет, в котором разрешено ошибаться, где провал не является стигмой, а рассматривается как фаза развития идеи, становится настоящим инкубатором креативного мышления. Институциональная поддержка проявляется в организационных решениях:

- предоставлении времени на проектную работу в расписании;
- формировании «точек роста» – внутренних конкурсов, проектных стипендий, малых грантов на студенческие разработки;
- открытым доступе к лабораториям, FabLab-пространствам, цифровым симуляторам, киберполигонам [4];
- вовлеченности студентов в экспертные сообщества, обсуждение кейсов, инженерные форумы.

Формирующий особый социальный климат, в котором инженерное творчество – это не привилегия талантливых, а педагогическая норма, доступная каждому студенту при соответствующей поддержке. Таким образом, наставничество и институциональная культура – это невидимые, но системные опоры инженерной креативности, обеспечивающие эмоциональную устойчивость, интеллектуальную гибкость и личностную уверенность в реализации технических идей.

Методы оценки и верификации инженерной креативности: от компетентностных карт к цифровой аналитике. Одним из ключевых вызовов инженерного образования в условиях цифровизации становится вопрос: как оценивать/измерять уровень сформированности инженерной креативности, если она по своей природе выходит за рамки линейных показателей и не поддаётся прямому измерению через традиционные формы контроля? Отсутствие чётко определённых и институционально признанных индикаторов порождает методологический и нормативный вакуум, в котором креативность либо не фиксируется вовсе, либо оценивается фрагментарно, по интуитивным критериям.

Общеизвестно, что современная педагогическая наука и университетская практика стремятся к формализации метапредметных компетенций, в том числе и креативной, через разнообразные инструменты и подходы, позволяющие зафиксировать не только результат, но и процесс инженерного мышления. Среди наиболее продуктивных методов можно выделить следующие:

1. Компетентностные профили и карты – фиксируют уровень владения креативными навыками: оригинальность, вариативность, адаптивность, склонность к техническому риску, способность к гипотезированию. Эти карты составляются на основе наблюдений, самооценки и экспертного анализа проектной деятельности.

2. Портфолио технической продуктивности – включают инженерные проекты, макеты, 3D-прототипы, кейсы, патенты, научные публикации, коды и аналитические отчёты. Это даёт возможность проследить динамику роста, глубину замысла и оригинальность решений.

3. Экспертная оценка и рецензирование – применяется в инженерных хакатонах, конкурсах, акселераторах, где внешние специалисты (представители индустрии, преподаватели, менторы) оценивают проект по ряду параметров: технологичность, новизна, жизнеспособность, креативность проектного мышления. Включение внешних экспертов позволяет выстраивать межинституциональные стандарты оценки.

4. Метрики дивергентного мышления – разрабатываются на базе адаптированных психометрических методик, перенесённых в инженерный контекст. Задания могут включать: генерацию альтернативных способов решения задачи, доработку технической идеи, интерпретацию ограниченного ТЗ с неожиданным поворотом.

5. Аналитика цифрового следа – при работе в инженерных симуляторах и цифровых платформах (например, Tinkercad, MATLAB, AutoDesk) фиксируются траектории действий, нестандартные выборы, структура проб и ошибок. Это позволяет верифицировать паттерны креативного поведения студента, в том числе в условиях ограниченного времени и ресурсов.

6. Портфолио-подход, включающий в себя реальные инженерные проекты, прототипы, технические задания, а также обратную связь от менторов и внешних экспертов. Портфолио позволяет не просто зафиксировать факт активности, но и проследить динамику развития инженерного мышления во времени.

Цифровая педагогическая аналитика, которая всё активнее применяется в образовательных платформах. Такие системы отслеживают действия студента в цифровых средах (проектные платформы, симуляторы, инженерные САПР), фиксируя нестандартные пути решения, количество итераций, глубину гипотезирования.

В ряде университетов разрабатываются и внедряются гибридные модели оценки, сочетающие количественные и качественные индикаторы. Так, например, цифровой трекер активности в проектной среде может сочетаться с рефлексивным эссе, экспертной оценкой продукта и самооценочной шкалой по Bloom's Digital Taxonomy. Важно подчеркнуть, что в центре этих моделей находится не столько фиксированный результат, сколько процесс инженерного мышления как таковой: путь поиска, логика решений, готовность выйти за рамки шаблонов. Это сближает инженерную дидактику с практиками исследовательского обучения и позволяет выстроить технико-креативную компетентность как осознанный элемент образовательного результата.

Таким образом, современные методы оценки инженерной креативности направлены на создание обратной связи, при которой студент получает подтверждение значимости свое-

го подхода и ощущает поддержку своего технического воображения со стороны университетской среды. В итоге формируются креативные «цифровые следы», поддающиеся количественному и качественному анализу. Психометрические и когнитивные методики, адаптированные под инженерный контекст (например, модифицированные версии тестов Торранса, оценки дивергентного мышления в техно-логических задачах, структурированные интервью с протоколом технической рефлексии). Эти методы позволяют выявить склонность к нетривиальным связям, умение распознавать скрытые зависимости и преобразовывать задачи. На пересечении этих подходов формируется многоуровневая система оценки инженерной креативности, где результат и процесс анализируются в единой логике развития. Такой подход позволяет университету не просто фиксировать достижения, а формировать обратную связь, усиливающую рост креативности как устойчивого профессионального качества. Важно подчеркнуть: цель оценки в данном контексте – не ранжирование, а поддержка и верификация роста. Она даёт студенту уверенность в значимости своего инженерного поиска, помогает преподавателю выстроить индивидуальную стратегию сопровождения, а университету – системно управлять качеством проектной подготовки.

Университет как культурно-технологическая платформа нового инженерного мышления. Анализ показывает, что инженерная креативность является не факультативным качеством, а системообразующим ядром инженерного образования в условиях цифровизации и технологических трансформаций. Она представляет собой синтез технического воображения, способности к дивергентному мышлению, проектной инициативы и готовности к интеллектуальному риску. Именно это делает её метакомпетенцией, необходимой для адаптации к быстро меняющимся инженерным контекстам. В условиях таких изменений университеты перестают быть трансляторами знаний и становятся *экспертными институтами*, способными создавать, поддерживать и масштабировать культуру инженерной креативности. Их роль выходит за рамки образовательной: университеты превращаются в экосистемы проектной субъектности, где соединяются образование, наука, цифровая среда, менторство, инфраструктура и культурная открытость.

Чтобы этот переход был не декларативным, а институционально закреплённым, необходимы следующие шаги: Адаптация образовательных планов с учётом проектной логики, междисциплинарных связей, цифровой гибкости, включая внедрение элективных курсов и инженерных треков.

Формализация оценки инженерной креативности в компетентностных моделях, интеграция цифровых индикаторов, портфолио, экспертной аналитики и проектных защит как нормативных форм фиксации результата. Развитие кадрового потенциала преподавателей, направленное на овладение фасилитацией, наставничеством, цифровыми инструментами педагогики и проектного сопровождения. Создание безопасной и стимулирующей культурной среды, где креативность воспринимается как норма, а ошибка – как часть технологического роста.

Интеграция инженерного образования в инновационные кластеры, технопарки, цифровые акселераторы, обеспечивающие студенту выход за пределы учебной аудитории в реальные производственные, исследовательские и конструкторские форматы. В перспективе именно университет, обладающий культурой поддержки технической креативности, способен сформировать новую модель инженера XXI в.: не исполнителя инструкций, а архитектора технологического будущего, способного мыслить критически, действовать гибко, изобретать дерзко и проектировать ответственно. Таким образом, формирование инженерной креативности – это не эпизод в образовательной политике, а долгосрочная стратегия устойчивого технологического развития, в которой университет выступает не только как институт подготовки кадров, но и как центр смыслов, идей и культурной трансформации инженерного знания.

Литература

1. Выготский Л. С. Психология искусства. М. : Искусство, 1971. 368 с.
2. О важности развития надпрофессиональных компетенций / П. С. Галушина, Е. В. Ражина, О. П. Неверова, О. Р. Ильясов, П. В. Шаравьев // Российский научный вестник. 2025. № 1.
3. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления. М., 1965. С. 433–456.

4. Гусс С. В. От лабораторного стенда для изучения основ компьютерных сетей к хакерпейсу для изобретателей и соревновательному киберполигону // МСнМ. 2023. № 4 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-laboratornogo-stenda-dlya-izucheniya-osnov-kompyuternyh-setey-k-hakerspeysu-dlya-izobretateley-i-sorevnovatelnomu-kiberpoligonu> (дата обращения: 14.05.2025).
5. Ефимчук Е. Г. Организационно-педагогические условия в формировании профессионального опыта будущего инженера // Вестник СИБИТа. 2022. № 2.
6. Журавлева М. В., Мамбетова Г. Ш. Инженерная подготовка как фактор достижения технологической независимости промышленного комплекса // Непрерывное образование: XXI век. 2024. № 1 (45).
7. Козак Е. А. Трансформация инженерного образования с помощью искусственного интеллекта и виртуальной реальности // Endless light in science. 2024. № 12.
8. Кузнецов В. А., Руссу Ю. Г., Куприяновский В. П. Об использовании виртуальной и дополненной реальности // International Journal of Open Information Technologies. 2019. № 4.
9. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
10. Мухитдинов А. Б. Иммерсивная виртуальная реальность для обеспечения преподавания в инженерном образовании // Экономика и социум. 2022. № 5–2 (92).
11. Системы виртуальной, дополненной и смешанной реальности: учеб. пособие / А. А. Смолин, Д. Д. Жданов, И. С. Потемин, А. В. Меженин, В. А. Богатырев. СПб.: Университет ИТМО. 2018. 59 с.

УДК 378

Ю. В. Рахманова, О. Г. Цыплакова

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург

РОЛЬ СТУДЕНЧЕСКИХ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ В ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНОЙ И ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТА¹⁵

Показано место экспертной и научной деятельности в работе студенческих научных обществ (СНО), уточнены понятия «внеучебная научная деятельность» (ВНД) студентов и формы ее организации: «СНО», «научный кружок» и «научный клуб». Опираясь на результаты исследования, включающего глубинное экспертное интервью, дается обзор и направления решения основных проблем деятельности СНО, приведены модели организации ВНД.

Ключевые слова: внеучебная научная деятельность (ВНД) студентов; вуз; кураторы студенческого научного общества; студенческое научное общество (СНО); формы ВНД.

Yu. V. Rakhmanova, O. G. Tsyplakova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg

THE ROLE OF STUDENTS' SCIENTIFIC SOCIETY IN ORGANIZATION OF SCIENTIFIC AND EXPERT ACTIVITY OF UNIVERSITY

The article is based on the results of expert survey of students' scientific societies supervisors. The role of students' scientific society in organization of scientific and expert activity of university is shown. The organization forms of scientific activities such as scientific society, scientific club and scientific circle are considered. Authors demonstrate the urgent problems in the organization of ESA of students and the ways of their solutions. The models of ESA are also showed.

Keywords: extracurricular scientific activities (ESA); forms of scientific activities; students' scientific society; students' scientific societies supervisors; university.

1. Введение: об организации и реализации исследования

Важными задачами университетов как научных и экспертных центров являются с одной стороны, подготовка научно-исследовательских кадров, с другой – осуществление экспертной деятельности. В структуре университетов существуют структуры, в которых эти задачи решаются совместно; это – студенческие научные общества, в рамках которых обучающиеся получают как первый опыт научно-исследовательской деятельности, так и экспертную оценку своих исследований.

¹⁵ Финансирование: Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 4ВГ).

В предлагаемой статье представлены результаты исследования, полученные при реализации проекта «Стратегия и практики развития образовательной системы РГПУ имени А. И. Герцена во внеучебной научной деятельности студентов в области профессионального самоопределения и патриотического воспитания». Весной 2024 г. было проведено 14 экспертных интервью с кураторами студенческих научных обществ (СНО) и заместителями деканов факультетов/директоров институтов по науке РГПУ имени А. И. Герцена. Гайд интервью состоит из 10 блоков, охватывающих различные аспекты деятельности СНО: понятийный; исторический; организационный; мотивационный; профориентационный; блоки, оценивающие количество студентов и преподавателей, участвующих в работе СНО; блок, выявляющий наиболее часто встречающиеся проблемы; блок, включающий описание опыта кураторов СНО; последний блок, в котором респондентам предлагалось самим высказаться по теме исследования. При организации глубинных интервью исследователи опирались на методики, предложенные А. В. Ваньке, Е. В. Полухиной и А. В. Стрельниковой [подр. см. 2]. Высказывания респондентов даются курсивом, без указания факультета/института (для соблюдения принципа конфиденциальности), но с указанием направления, на котором работают респонденты: естественно-научное направление (ЕНН) или социо-гуманитарное направление (СГН).

II. Организация внеучебной научной деятельности университета

Внеучебную деятельность в вузе будем трактовать как «форму социального взаимодействия субъектов образовательного процесса, способствующую профессиональному и личностному становлению студентов в организованной вузов среде» [5, с. 43], к которой относятся: общественная, научная, культурно-досуговая, физкультурная и виртуальная [5]. В данной статье основное внимание будет уделено научной деятельности.

СНО осуществляет свою деятельность в 2-х формах: научно-исследовательской и научно-просветительской [7]. Структура СНО имеет 2 уровня: уровень факультета/института/кафедры и уровень РГПУ (Совет СНО). Данную структуру можно рассматривать как оптимальную, так как она позволяет учитывать специфику конкретных подразделений вуза и, одновременно, координировать работу этих подразделений на вузовском уровне.

В вузе представлено 3 формы реализации ВНД: студенческое научное общество, научный кружок, научный клуб. Респонденты, ориентируясь на свой опыт по-разному определяют данные формы и оценивают их необходимость.

1. Большинство респондентов согласно, что СНО – основная форма организации внеучебной научной деятельности; кружки и клубы играют второстепенную роль.

ЕНН: СНО предполагает именно общение, обмен опытом, поддержку студентов друг с другом, касающееся именно научной деятельности. Выполнение исследований, написание статей, публикация тезисов, обмен опытом участия в конференциях или рекомендации, в каких конференциях можно поучаствовать.

2. Единого мнения о месте и необходимости научных кружков в структуре ВНД у респондентов не сложилось; можно выделить следующие подходы:

2.1. кружок как самоуправляемое сообщество студентов.

ЕНН: Условно говоря, я представляю студенческий научный кружок, где самоуправление, самоорганизация; собираются по интересам и обсуждают какие-то интересующие их научные темы.

2.2. кружок как что-то несерьезное, развлекательное (отсылка к кружкам для школьников).

ЕНН: В отличие от СНО, это уже скорее как кружок детский. По крайней мере, я так воспринимаю. По крайней мере, это получение каких-то навыков, работы с какой-то аппаратурой, выполнение каких-то конкретных работ.

3. Научный клуб рассматривается как площадка для:

3.1 популяризации научной деятельности и научных знаний;

3.2. общения студентов разных направлений подготовки.

ЕНН: Научные клубы, с моей точки зрения, это популяризация. Это чисто студенческое, мне кажется. Туда вообще не надо пускать преподавателей. Это общение ребят, об-

чение по интересам, где они могут с какой захотят стороны, без ограничений, обсуждать любой вопрос: научный, околонаучный, связанный с наукой и популяризацией, науки и учебного процесса. То есть это именно должно быть место, куда они могут прийти и не думать, что тут сидит преподаватель, и он, наверное, что-то слушает, а открыто выступить, просто высказаться.

Не все респонденты проводят различие между клубами и кружками, часть из них говорит об избыточности таких форм организации ВНД, так как они дублируют деятельность СНО, которое рассматривается респондентами как структура, построенная на более строгих формальных принципах.

СГН: Скорее, между научными кружками и научными клубами я не вижу большой разницы. Вероятно, от СНО они несколько отличаются тем, что нацелены на реализацию какого-то конкретного научного проекта. Например, кафедры или института, или может быть какой-то личный студенческой инициативы в области науки. У нас в институте действует только СНО, научных кружков и клубов нет.

В большинстве случаев на факультете или в институте существует одно СНО, но есть интересный опыт института истории и социальных наук, где таких СНО несколько: каждая кафедра института имеет свое СНО, что объясняется различными исследовательскими полями. При этом в работе СНО участвуют студенты не только «своей» кафедры: например, в мероприятиях СНО по социологии активно участвуют студенты-обществоведы, привлекаются студенты и других институтов/факультетов.

Вот как данную ситуацию видит один из кураторов института истории и социальных наук: *Мне кажется, у нас оптимальная форма организации СНО в институте, потому что институт все-таки многоликий, много кафедр разных, много специальностей. В принципе он олицетворяет собой междисциплинарность, и поэтому при каждой кафедре есть свое СНО, у каждого СНО есть свой руководитель, который проводит линию этого СНО.*

III. СНО: основные роли

На основе анализа интервью можно выделить следующие роли, закрепленные за СНО.

1. Популяризатор науки.

Наибольшую актуальность данная роль приобретает для школьников и студентов первых курсов. Тем не менее ряд респондентов негативно оценивают данную деятельность СНО, так как, по их мнению, неумелая популяризация приводит к понижению статуса науки и учебного.

ЕНН: СНО – это популяризация, это игры и пляски. Я к этому отношусь негативно.

2. Первые шаги в науку.

ЕНН: это не наука, это вхождение, первые шаги в науку. Чтобы у них какие-то представления сложились.

Добровольность участия в СНО дает возможность как «примерить» исследовательскую деятельность на себя, что невозможно в учебном процессе, так и получить экспертную оценку своих достижений в этой деятельности.

Все опрошенные респонденты, являясь кураторами СНО, в ходе интервью рассказывали о своем пути в науку, подчеркивая значение СНО для выбора научной карьеры [Подр. см.: 3].

3. Профориентация.

СНО помогает студенту либо утвердиться в своем профессиональном выборе, уточнить или осознать его ошибочность.

СГН: То есть он как-то с помощью СНО, он как-то понял, что как-то не понравилось ему, выбрал другое.

ЕНН: Подготовить их максимально хорошо к будущей профессиональной деятельности.

4. Поддержка учебного процесса:

А) Результаты исследовательской деятельности в СНО часто оказываются востребованы и в учебной деятельности; респонденты оценивают это явление положительно, подчеркивая повышение мотивации студентов к научной деятельности.

СГН: Да, если бы эти процессы «запараллелить» – написание ВКР и подготовка доклада в рамках СНО, на конференции, и по итогам конференции подготовка статьи, то это было бы интересно и важно.

Б) Получение гибких навыков (Soft Skills), способствующих достижению более высоких результатов как в учебной деятельности, так и в дальнейшей профессиональной деятельности. Респонденты привели примеры конкретных запросов со стороны студентов на освоение данных навыков: в частности, написание научных статей; подготовка проектов для грантовой поддержки и др.

5. Определение своего места в профессиональном сообществе и обществе в целом.

Участвуя в деятельности СНО, студенты расширяют свои горизонты, лучше понимают чему и зачем они учатся, превращаются в полноправных участников образовательного процесса.

СГН: У меня ощущение, что СНО дает какой-то выход за границы учебного плана. Пока ты находишься в рамках дисциплины, ты как-то мыслишь заданием, зачетом.

IV. Модели организации работы СНО

Ниже представлены эмпирические модели взаимодействия студентов и преподавателей при осуществлении исследовательской деятельности в рамках СНО.

1. Модель «от студента»: предполагает активность самого студента, его заинтересованность в исследовательской деятельности. Вуз не всегда может предоставить студенту возможность реализации его проекта из-за недостатка ресурсов (как человеческих, так и материальных).

СГН: Моя позиция однозначная – я считаю, что СНО – это прежде всего студенческая инициатива, а преподаватели кафедры помогают обрамлять эту инициативу в те формы, с которыми мы можем работать. Это, мне кажется, самый правильный подход... Это должно быть интересно студентам, чтобы они реализовывали свои научные интересы в рамках СНО. А куратор СНО может направлять эту инициативу, как-то разнообразить деятельность СНО.

Представитель социо-гуманитарного знания отмечает важность умения слушать студентов, осуществляя экспертизу студенческих идей: *Почему? Потому что их идеи, несмотря на кажущуюся порой наивность, очень могут быть смелыми и новаторскими. Когда студент предлагает какую-то интересную тему, и мы начинаем: «Ой, а где ты возьмешь источники? А какая методологическая база?».*

2. Модель «от преподавателя/кафедры»: предполагает наличие исследований в подразделениях вуза, куда включаются и студенты. Данная модель является наиболее распространенной и успешной, хотя и не всегда позволяет учесть личные предпочтения студентов.

ЕНН: У нас крупное госзадание, и там соответственно все СНО. То есть это магистранты, аспиранты – кто-то более ответственный, в ком я уверен... У каждого своя задача, но эта задача выполняется в рамках большого проекта.

3. Модель «партнерство»: предполагает диалог студентов и преподавателей при планировании будущих исследовательских проектов. Данную модель можно предложить как оптимальную, при условии решения вопроса о мотивации преподавателя к долгосрочному сотрудничеству со студентом.

ЕНН: В экспедициях мы снимаем ролики, чтобы студенты на более ранних этапах узнали, что наука есть. Дальше они сами начинают тянуться. Некоторые люди подходят: «Вот, нам интересно то-то». Мы пытаемся их взять с собой, если их зона интересов связана с нашей научной деятельностью. Они едут в экспедицию под эти темы, которые они могут сделать. В рамках большого исследования они формулируют свои ВКР.

VI. Проблемы в организации работы СНО

Наибольшую сложность при анализе интервью представляла систематизация проблем, названных участниками опроса. Тем не менее можно выделить следующие проблемы, чаще всего упоминаемые кураторами СНО.

1. Формальные аспекты деятельности СНО (отчеты; списки, заседания; критерии оценивания работы и др.)

Критерии оценки работы СНО нуждаются в дополнительном изучении; в частности, необходимо рассмотреть вопрос о том, как должны формироваться данные критерии: как универсальные (для всего вуза) или как локальные критерии конкретных факультетов и институтов, с последующим утверждением на уровне СНО вуза; в данном случае возникает проблема сравнения итогов работы СНО различных институтов/факультетов.

СГН: Если цель работы СНО это увеличение публикационной активности студентов, тогда надо работать на количественный показатель, если цель работы СНО это формирование среди них костяка мотивированных исследовательской деятельностью, тогда должны быть субъективные показатели.

2. Вопрос о финансировании отдельных видов деятельности

Финансовая поддержка исследовательской деятельности студентов очевидна. Респонденты отмечали, что иногда приходится отказываться или сокращать интересные направления работы из-за недостатка финансирования; выражали обеспокоенность и излишней бюрократизацией процесса получения финансовой поддержки исследований.

СГН: Мне кажется, что очень много упирается в ресурсы, да в том числе в ресурсы материальные

В первую очередь, по мнению респондентов, необходимо финансировать: оргвзносы для участия студентов в сторонних конференциях и оплату командировочных расходов; покупку расходных материалов (включая копировальные услуги); расходы, связанные с проведением выставок, конференций в РГПУ; поощрение студентов за работу.

3. Недостаток инициативных студентов и/или преподавателей

В кейсах из своей профессиональной деятельности респонденты рассказывали об инициативных преподавателях и студентах, заинтересованных в научной деятельности, но не все участники образовательного процесса готовы выполнять эту работу. Поэтому, важно стимулировать эту деятельность, например, через поощрение не только кураторов СНО, но и всех преподавателей, работающих со студентами над реализацией научных проектов.

4. «Текучесть» состава СНО

Данная проблема имеет 2 аспекта, связанных как с объективными условиями (сроки обучения в вузе), так и субъективными, прежде всего, потерей мотивации к научной деятельности.

Респонденты не имеют единого мнения, когда студентам лучше начинать свою деятельность в СНО.

Логично начинать работу со студентами начальных курсов, а далее развивать ее параллельно учебному процессу.

Второй-третий курсы респонденты отмечают как самый продуктивный период для осуществления научных проектов: студент уже адаптировался к учебной деятельности, имеет знания, навыки и умения в своей предметной области, на четвертом курсе главное внимание уделяется написанию выпускной квалификационной работы, а также решению вопроса о дальнейшей профессиональной карьере; магистратура рассматривается как продолжение научно-исследовательской деятельности, в том числе в рамках СНО.

СГН: Как показывает практика, в основном, это студенты младших курсов. Если они входят в СНО, то они продолжают участвовать в его работе на протяжении всех четырех лет... Обычно, ядро СНО формируется благодаря вхождению студентов младших курсов, которые потом на третьем-четвертом курсе становятся организаторами и координаторами работы СНО.

Но есть и другая логика, связанная с включением в исследовательскую деятельность студентов в ходе учебного процесса: там, где курсовые работы появляются на третьем-четвертом курсе, очень сложно мотивировать студентов на исследовательскую деятельность на первом и втором курсах; кроме того, учебная программа составлена так, что на первом и частично втором курсе количество предметов, относящихся к будущей специальности студента, не очень большое, в расписании в основном общие дисциплины.

СГН: И я помню, что, когда ты учишься на 1–2 курсе, ты ещё не мыслишь себя в рамках какой-то свободной научной деятельности, у тебя есть задание и ты его выполняешь. И вдруг тебе говорят, что ты можешь что-то сделать за рамками этого задания вне вашего расписания... Для студента 2-го курса это может быть некоторым шоком, особенно если он нигде не участвовал.

СГН: В среднем это третий курс, когда начинается научная практика, это написание курсовых работ. Но самые активные, наверное, на данный момент, это магистры, студенты магистратуры. Почему? Потому что они, наверное, больше всего заинтересованы дальше учиться, продолжать обучение в аспирантуре.

Итак, общее решение вопроса вовлечения в деятельность СНО может быть следующим: на первом-втором курсах показать возможности студенческой науки, но учитывать и логику построения образовательных программ.

Что касается потери интереса к деятельности в рамках СНО, то прежде всего следует ответить на принципиальный вопрос: если студент изначально ориентирован на практическую профессиональную деятельность, как привлечь его в СНО и нужно ли? Один из респондентов (ЕНН) дает развернутый ответ на данный вопрос, основная идея: СНО – полезный и интересный опыт, который, возможно, пригодится при мотивации учеников в школе или в другой профессиональной деятельности. Для выявления причин потери мотивации следует организовать мониторинг.

Свой опыт решения проблемы с мотивацией предлагает и другой респондент (ЕНН): *Выпускные курсы мы мотивируем тем что благодаря написанию статьи вы можете подать документы в магистратуру и вам дают дополнительные баллы.*

Несколько иначе о проблеме мотивации высказывается респондент, представляющий социо-гуманитарное знание: *На уровне студентов, наверное, основная сложность – это отсутствие мотивации, как внутренней, так и внешней. Внешней – в виде, наверное, какого-то материального поощрения; внутренней, потому что студенты часто не видят, может быть, смысла в занятии научной деятельности. И по опыту общения со студентами часто проскальзывает некоторое отторжение, вызванное именно тем, что наука для них кажется слишком сложным и требует... затрат как временных, так и мыслительных.*

5. Загруженность студентов

Лишь один респондент указал на эту проблему, но сами студенты постоянно и обоснованно ссылаются на нее, объясняя свою слабую вовлеченность в деятельность СНО. Нельзя не учитывать, что внеучебная научная деятельность находится в ситуации жесткой конкуренции и среди других видов внеучебной деятельности (общественной, культурно-досуговой, физкультурной и виртуальной).

Возможно, решение проблемы следует искать в изменении взгляда на внеучебную научную деятельность в рамках СНО: рассматривать ее как способ профилактики «образовательной неуспешности студентов» [4]. Г. Е. Зборовский и П. А. Амбарова выделяют «ядро студенчества», которое рассматривается как «драйвер развития». Развивая этот подход, можно сделать вывод, что СНО может выполнять двоякую функцию: 1. драйвер развития студенчества через аккумуляцию наиболее мотивированных и успешных студентов («ядро студенчества» – Г. Е. Зборовский); 2. способ профилактики «образовательной неуспешности студентов» через широкое вовлечение их в научную деятельность (так как, как уже отмечалось, в деятельности СНО не должно быть элемента постоянного оценивания студентов, что является обязательной составляющей учебного процесса). Таким образом, СНО можно считать индикатором и инструментом академической успешности.

7. Экспертная оценка эффективности научной деятельности студентов

Предлагаются критерии эффективности ВНД [8] и система оценивания условий организации вузом внеучебной деятельности студентов [6]. Данную систему можно рекомендовать для оценки деятельности СНО как на уровне вуза, так и отдельных подразделений.

Одним из элементов системы оценки эффективности научно-исследовательской деятельности студентов должны стать и скорректированные подходы учета научных достиже-

ний и их активности в научной деятельности. Сейчас подход к оценке достижений достаточно формальный: учитываются лишь призовые места в различных научных мероприятиях, но отсутствует учет участия, в том числе при организации научных мероприятий; нет экспертной оценки текущей исследовательской деятельности.

Респонденты указывают на несбалансированность системы поощрения студентов: научные достижения студентов в данной системе явно недооцениваются; уклон сделан в направлении поощрения общественной, культурно-досуговой и виртуальной внеучебной деятельности. Учитывая загруженность студентов, следует сделать неутешительный вывод: выбирая варианты внеучебной деятельности, студенты часто ориентируются на те ее виды, которые гарантируют результат при минимальных затратах; исследовательская деятельность, являющаяся достаточно трудоемкой и растянутой по времени, здесь явно не в приоритете у студентов. Оценку личных достижений студентов следует осуществлять, используя два вида критериев: внешние (количественные) и внутренние (личностные) [Подр. см.: 1, с. 245].

7. Уточнение структуры кураторства СНО

Структура кураторства в вузе уже устоялась и не вызывает серьезных возражений со стороны респондентов. Возможно, имеет смысл создавать временные экспертные коллективы из состава преподавателей и научных сотрудников РГПУ для экспертного сопровождения конкретных научных проектов студентов.

VIII. Выводы

1. СНО играют важную роль в осуществлении научной и экспертной деятельности вуза.
2. Двухступенчатая структура СНО в вузе является оптимальной, так как обеспечивает как относительную автономию подразделений вуза, так и координацию работы на уровне университета.
4. Базовой формой организации ВНД является СНО, поддерживающие формы – научные кружки, научные клубы.
5. По результатам опроса респондентов были выделены три эмпирические модели организации работы СНО: «от студента»; «от преподавателя/кафедры» (наиболее распространенная модель); «партнерство» (оптимальная модель).
6. Вовлечение во ВНД следует проводить по следующей схеме: максимально ранний и широкий «вход», дальше – работа с теми, кто проявляет заинтересованность.
7. Проблемы в работе СНО носят гетерогенный характер; большую часть проблем можно и нужно решать на уровне вуза (финансирование исследований, поддержка инициативных студентов и преподавателей, уменьшение формальной составляющей деятельности и др.), часть – на уровне факультетов и институтов (мотивация студентов и преподавателей, работа с кураторами СНО, профилактика «текучести» состава СНО и др.).
8. Внеучебная научная деятельность находится в ситуации жесткой конкуренции с другими видами внеучебной деятельности (общественной, культурно-досуговой, физкультурной, виртуальной).
9. В качестве мер, нуждающихся в обсуждении, можно предложить: А) учреждение должности зама по СНО для факультетов и институтов с большим количеством обучающихся; Б) на уровне факультетов/институтов координация работы кураторов СНО/зам по науке/зама по воспитательной работе.

Литература

1. Ахметжанова Г. В., Писаренко Д. А. К вопросу о методах оценивания личностных достижений во внеучебной деятельности студентов образовательных организаций // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6, № 3 (20). С. 244–247. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-metodah-otsenivaniya-lichnostnyh-dostizheniy-vo-vneuchebnoy-deyatelnosti-studentov-obrazovatelnyh-organizatsiy/pdf> (дата обращения: 10.04.2025).
2. Ваньке А. В., Полухина Е. В., Стрельникова А. В. Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2020. 256 с.
3. Гладкая И. В., Окладникова Е. А., Рахманова Ю. В., Цыплакова О. Г. Студенческие научные сообщества: от студенческой науки к академической // Человек и образование. 2024. № 3 (80). С. 71–79. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=75995212> (дата обращения: 10.04.2025).

4. Зборовский Г. Е, Амбарова П. А. Образовательная неуспешность российского студенчества: социологическая интерпретация проблемы // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 17–27.
5. Писаренко Д. А. Внеучебная деятельность студентов вуза: отечественные и зарубежные подходы к осмыслению понятия // Гуманитарии Балкански изследвания. 2019. Т. 3, № 3 (5). С. 41–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneuchebnaya-deyatelnost-studentov-vuza-otechestvennye-i-zarubezhnye-podhody-k-osmysleniyu-ponyatiya/pdf> (дата обращения: 10.04.2025).
6. Писаренко Д. А. Оценивание внеучебной деятельности студентов вуза в условиях реализации компетентностного подхода // Научен вектор на Балканите. 2019. Т. 3, № 3 (5). С. 37–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenivanie-vneuchebnoy-deyatelnosti-studentov-vuza-v-usloviyah-realizatsii-kompetentnostnogo-podhoda/pdf> (дата обращения: 10.04.2025).
7. Положение о студенческом научном обществе Герценовского университета. URL: <https://www.herzen.spb.ru/nauka/stud-sci-society/> (дата обращения: 10.04.2025).
8. Руденко И. В., Алиева Л. В. Критерии и показатели эффективности внеучебной деятельности вуза // Карельский научный журнал. 2014. № 4. С. 32–36.

УДК 316.64.3

О. А. Полюшкевич

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПРОСОЦИАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

Рассматриваются вопросы просоциального самоопределения молодежи и воздействия этого процесса на их последующий жизненный путь. В результате проведенного исследования выявлены значимые сферы жизни молодежи и проанализированы приоритетные направления реализации внутри них, а также предложена типология мировоззренчески-смысловой направленности личности (духовно-нравственной, эгоистически-престижной, добровольно-принудительной). Сделаны выводы об инструментах просоциального самоопределения молодежи.

Ключевые слова: просоциальность, самоопределение, молодежь, социальная, активность, социальный выбор, волонтерство, альтруизм, эмпатия, жизненный мир.

O. A. Polyushkevich

Irkutsk State University, Irkutsk

PROSOCIAL SELF-DETERMINATION OF YOUTH

The article examines the issues of prosocial self-determination of youth and the impact of this process on their subsequent life path. As a result of the study, significant areas of youth life are identified and priority areas of implementation within them are analyzed, and a typology of the ideological and semantic orientation of the individual (spiritual and moral, egoistic and prestigious, voluntary and compulsory) is identified. In the end, conclusions are made about the tools of prosocial self-determination of youth.

Keywords: prosociality, self-determination, youth, social, activity, social choice, volunteering, altruism, empathy, life world.

Самоопределение молодых людей влияет на уровни, формат и особенности жизненного пути и жизненного мира в целом. Самоопределение предполагает личный осознанный выбор быть кем-то, получать определенные знания и навыки и стремиться к значимым результатам в той сфере, что интересна современной молодежи. На него влияет качество жизни, уровень психологического комфорта и благополучия, уверенность в себе, качество образования и готовность открывать перед собой мир.

Безусловно, внешние обстоятельства накладывают свой отпечаток. Невозможно игнорировать влияние экономических санкций, ведение военной операции, цифровизации и многих других процессов, способных ввести новые данные в понимание того, к чему стоит стремиться, что является приоритетом развития и как это лучше осуществить. Но возможно учитывать эти вводные, при выборе той или иной жизненной траектории в рамках социально заданных траекторий приемлемого в обществе поведения.

На эти процессы влияет СМИ и политическая пропаганда (Р. Г. Ардашев [1; 2]), приоритетность морально-нравственных ориентиров (П. А. Баев [3; 4]), внешние социально-

экономические условия (В. А. Скуденков [5; 6]) и многие другие процессы. Но все они сводятся к тому, что молодые люди расставляют личные приоритеты, распределяя значимость тех или иных мотивов и реальных действий в особую последовательность, которая формирует их уникальный жизненный путь.

Для процессов социальной идентичности и солидарности важно учитывать характер самоопределения: нацелен он на эгоистические цели и ценности или имеет под собой альтруистический характер и настроен на реализацию социального служения обществу. Сегодня, во время культуры эгоизма и индивидуализма, могут быть не всегда понятны ориентиры на общее благо, но в тоже время, все больше появляется людей, готовых активно работать для решения вопросов других (порой совершенно незнакомых людей).

Это форма проявления личной социальной ответственности, когда самоопределение каждого человека влечет за собой изменение условий и форм жизни как его самого, так и его окружения (или под влиянием окружения делается выбор в пользу того или иного самоопределения). В результате этого формируются свои цели, ценности, убеждения и как результат – поведение.

Можно выделить несколько типов просоциального самоопределения молодёжи.

– Активное гражданство – предполагает активное участие молодежи в социальных инициативах, касающихся прав и обязанностей граждан, выборов разного уровня и других политически значимых проектах, где важна включенность, инициатива и ответственность за получаемый результат. Оно опирается на политическую культуру и может служить основой для формирования сознательного гражданина и патриота (Движение «НАШИ», «Молодая Гвардия Единой России», «Солидарность», «Оборона» и т. д.).

– Волонтерство – добровольное участие в помощи кому-то. Это помогает не просто помогать кому-то, но и развивать свои личные социальные связи и социальный капитал в целом. Волонтерство опирается на реальных знаниях проблемы (когнитивный уровень), эмоциональной включенности в решаемую проблему (аффективный уровень) и реальных действий по решению проблемы (поведенческий уровень). Это реализуется в работе таких организаций как «Добровольцы России», «Российский добровольческий отряд», «Добрые уроки», «Союз волонтерских организаций и движений», «Волонтеры победы» и т. д.

– Социальное предпринимательство предполагает организацию бизнес-процессов, решающих помимо коммерческих, еще и социальные цели, способные улучшить качество жизни людей, животных, природы и т. д. Это бизнес не для погони за заработком, а бизнес для людей, с людьми и для того, чтобы создать комфортную и безопасную среду для жизни. Например, «10-дневный воркаут» (бесплатный фитнес на улицах города), «Веселый войлок» (рабочие места многодетным мамам и малоимущим семьям с возможностью работы на дому), «Музейная фабрика пастилы в Коломне» (организация театрализованных бесплатных экскурсий для инвалидов).

– Экологическая активность предполагает формирование экологического мышления, помогающего сохранению экосреды, а также с развитием экологического сознания меняются практики потребления, технологии переработки мусора, защиты окружающей среды и проч. («Марш парков – 2025», Акция «Серая шейка», Всемирный день наблюдений птиц, Международная экологическая акция «Час зеленого творчества», «Сдай макулатуру – посади дерево», Эко-субботник «Сделай САМ свой главный парк», Акция «сдай батарейку», Акция «Блогер против мусора», Акция «Зеленый троллейбус», хакатон «ЕКО-НАСК Иркутск» и т. д.).

– Креативная социокультурная активность предполагает включенность в творческие индустрии, направленные как на социальное воспроизводство общества с позиции гуманизма, так и на приоритет культурных ценностей, сформированных историей, религией, культурными практиками прошлого в настоящем и будущем, через искусство и творческую реализацию каждого участника (Премия «Акция» (стимулирование творческих людей, Всероссийская просветительская акция «В первом ряду», Всероссийская акция «Культурный минимум», «Ночь искусств», «Ночь театров» и проч.).

– Социальные движения позволяют выявить и отстаивать свои убеждения, бороться за них. Это может быть выражено в борьбе за гендерное равноправие, права человека, права ребенка, защиту животных или природы («Движение первых», «Содружество», «Большая перемена» и т. д.).

– Образование и просвещение, предполагает, что молодые люди более мобильны и готовы к освоению новых направлений в решении социальных проблем, касающихся здоровья и грамотности, прав человека и работы, реализации навыков и перспектив личностно развития разных социальных групп населения. Примером могут служить такие проекты как «Бабушка-полиглот», «Бабушка-программист», «Дедморозим», Всероссийский проект «Мечтай со мной» (реализация желаний детей), «дети вместо цветов», «Второе дыхание», «12 добрых дел» и проч.

– Сетевые взаимодействия помогают создать, поддерживать и развивать различные сообщества, инициативные группы, где люди объединяются вокруг общих идей или проблем и ищут сообща их решения. Например, сообщества молодежных добровольцев («Росмолодежь.Добро», «DOBRO.RU»).

Каждый из выделенных типов просоциального самоопределения молодежи может сочетаться с другими и при этом формировать уникальных рисунок интересов молодых людей в конкретный исторический момент времени. Именно это сочетание определяет его последующий выбор просоциального самоопределения.

Хотелось бы также уточнить, что просоциальный характер самоопределения человека не только помогает развитию общества, но и помогает найти свою идентичность и свое место в мире. Это результат тесного взаимодействия жизненных миров разных поколений молодежи и давления внешних социальных институтов. Самоопределение как индикатор векторов развития общественного воспроизводства.

Эти условия создали рамки для понимания того: 1) каким образом происходит просоциальное самоопределение молодежи; 2) что влияет на этот процесс и как на это можно повлиять. Для этого, мы провели опрос 600 студентов Иркутска, включенных в просоциальную деятельность. Выбор респондентов проходил через руководство волонтерских и общественных организаций, которые предоставили контакты своих активистов, далее мы исследовали их социальные сети, и если на личных страницах были упоминания о тех мероприятиях просоциального характера, в которых они сами приняли участие, то им направлялся запрос с просьбой ответить на вопросы анкеты. Погрешность выборки 2,4. Результаты обрабатывались в программе SPSS. Также мы провели контент анализ публикаций (n=3860), размещенных на социальных страницах участников исследования по тематике исследования с 2024 по середину 2025 гг. Анализ проводился в программе Atlas.ti.

В результате исследования мы выделили разный потенциал значимости сфер жизни для молодых людей. В табл. 1 представлено распределение значимости разных сфер жизни.

Таблица 1

Значимость разных сфер жизни молодежи* (в %)

Группы	Степень значимости		
	Высокая	Средняя	Низкая
Обучение / образование	27	52	21
Работа / профессиональная реализация	29	42	29
Семейная жизнь	21	37	42
Просоциальная активность	33	44	23
Хобби	26	53	21
Спортивная активность	32	44	24
Творческая активность	15	52	33

* Оценивали по 10-балльной шкале, где: 0–3 – низкая, 4–6 – средняя, 7–10 – высокая.

Высоким уровнем значимости сфер жизни выступает просоциальная активность (33 %), на втором месте спортивная активность (32 %), на третьем – работа (29 %), хотя стоит отметить, что и при низком уровне значимости этой сферы такое же количество молодых лю-

дей (29 %). Получение образования и обучения в целом только на четвертом месте (27 %), хобби на пятом – 26 %, семейная жизнь на предпоследнем шестом – 21 % (количество тех, для кого значимость этой сферы жизни незначительна в два раза выше – 42 %) и творческая активность на последнем седьмом месте – 15 % (причем низкая значимость этой сферы для молодых людей также в два раза больше – 33 %).

В табл. 2 представлено сравнение степени значимости разных сфер жизни молодых людей.

Таблица 2

Степень значимости разных сфер жизни (в %)

Группы		Степень значимости		
		Высокая	Средняя	Низкая
Духовно-нравственные	Саморазвитие	24	58	18
	Духовная удовлетворенность	17	51	32
	Креативная реализация	27	41	32
	Социальные контакты	32	36	32
Эгоистически престижные	Социальные достижения	21	42	37
	Престиж / Известность / Публичность	34	54	12
	Материальные достижения	28	54	18
	Индивидуальность проявления	37	39	24

Духовно-нравственные приоритеты распределились интересным образом. Социальные контакты, открытое общение и коммуникации важны для 32 % молодых людей и для того же количества молодежи они не важны – 32 % (они предпочитают учение и одиночество с минимумом контактов). На втором месте креативная реализация (27 %), на третьем саморазвитие (24 %) и на последнем месте духовная удовлетворенность (17 %), количество тех, для кого этот показатель менее важен в два раза выше – 32 %.

Среди эгоистически-престижных приоритетов таких перекосов не наблюдается. Наиболее важна индивидуальная проявленность (37 %), на втором месте близкая по смыслу категория «Престиж / Известность / Публичность» (34 %), материальные достижения на третьем месте (28 %) и на четвертом социальные достижения (21 %).

В результате исследования были выявлены три типа мировоззренчески-смысловой направленности личности, делающий выбор просоциального самоопределения: 1) духовно-нравственный, с ориентиром на решение задач малыми силами и личной ответственностью за будущее страны и общества в целом (сопровождается высокими морально-нравственными суждениями); 2) эгоистически-престижный с доминированием прагматического подхода к выбору той или иной социальной активности (сопровождается циничными рассуждениями в вопросах личного участия в просоциальной деятельности и фиксации внимания не на процессе помощи, а на результатах, которые можно получить в результате данных действий); 3) добровольно-принудительный (сказывается влияние либо среды, в которой вынужден находиться молодой человек, либо наличия значимого человека, способного повлиять на повседневность и жизненный мир респондента (сопровождается философией – «выбора из меньших зол»).

Самоопределение в аспектах просоциальной активности молодые люди совершили, но его качественное наполнение отличается. К первому типу относится 34 % опрошенных, ко второму 28 %, к третьему 38 %. Это указывает на то, что существуют разнообразные варианты социализации молодых людей с учетом их просоциальной активности. В таблице 3 представлен контент-анализ смыслов просоциальной активности, которую фиксировали у себя на социальных страницах молодые люди после участия в различных социальных акциях, проектах и мероприятиях.

Контент-анализ смыслового контекста трех типов
мировоззренчески-смысловой направленности личности

Тип	Пример
Духовно-нравственный	<i>Мы с ребятами регулярно участвуем в акциях для поддержки неизлечимо больных детей, делаем постановки и выступаем в больницах области. Если мы можем дать свет и подарить улыбки детям и родителям, что испытывают годами только боль – не зря живем и не зря можем считаться людьми. (Т. А., 21 год).</i> <i>Заботиться о тех, кого приручили – это выбор души. Я волонтер питомника для бездомных животных и все свое свободное время провожу там, потому что чувствую, что могут помочь животным и поэтому, чувствую себя нужным человеком нашего общества. (В. А., 23 года)</i>
Эгоистически-престижный	<i>Участвуя в добровольческих проектах партии, я приобретаю, прежде всего, свой социальный капитал, меня заметили и приглашают организатором различных акций и проектов, и полагаю, именно это поможет мне построить карьеру в будущем (Н. Н., 23 года).</i> <i>Я целенаправленно формирую свой социально-активный имидж для того чтобы в будущем идти на выборы в качестве депутата в Законодательное Собрание области (Т. А., 21 год)</i>
Добровольно-принудительный	<i>Для того чтобы получить зачет по предмету, мы организовывали собственный добровольческий проект в масштабах города (Т. Ю., 22 года).</i> <i>Чтобы претендовать на стипендию ректора я участвую в волонтерских проектах (Н. А., 20 лет)</i>

Приведенные в табл. 3 примеры показывают разную смысловую направленность, но общий итог – реализации просоциальной активности – один: молодые люди делают выбор просоциального самоопределения и получают из этого то, на что рассчитывают (те мотивы, что их толкают к социальной активности и смыслы, что они для себя реализуют – раскрываются в полной мере).

Таким образом, просоциальное самоопределение молодежи строится на разных мотивах и форматах реализации, опирается на духовно-нравственные и эгоистические группы приоритетов и ценностей, включенных в разные жизненные сферы. Оно определяет контекст разных жизненных траекторий и использования возможностей, которые наполняют смыслом и содержанием повседневную жизнь молодежи. Жизненный мир молодого поколения определяется теми смыслами, через которые делают выбор и формируют свою социальную реальность. Просоциальная активность и самоопределение один из элементов этого сложного жизненного становления.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Воздействие на сознание: СМИ и политическая пропаганда // Телекоммуникационные технологии: актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Хабаровск, 2020. С. 862–868.
2. Ардашев Р. Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
3. Баев П. А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2024. С. 129–132.
4. Баев П. А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 512–515.
5. Скуденков В. А. Роль экономических санкций против России в жизненных сценариях молодых людей // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. : в 2 ч. Вологда : Вол НЦ РАН, 2020. С. 254–257.
6. Скуденков В. А. Экономические притязания в условиях мобилизации // Социология. 2022. № 5. С. 80–87.

КОММЕМОРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рассматриваются особенности и возможности применения коммеморативного подхода к изучению и анализу корпоративной культуры университетской корпорации в условиях глобализации, цифровизации, реализации принципов инклюзивного образования. Выделены концепции и содержательные элементы коммеморативного подхода, составляющие коммеморативного пространства современного университета. Акцентируется внимание на роли коммеморации в формировании, сохранении и трансляции корпоративной памяти, делается вывод о необходимости критического осмысления рассматриваемого подхода и сохранении баланса между традицией и инновацией в коммеморативных стратегиях университетских корпорациях.

Ключевые слова: корпоративная культура, коммеморация, коммеморативные практики, коллективная память, университетские нарративы.

I. V. Legostaeva

Industrial University of Tyumen, Tyumen

A COMMEMORATIVE APPROACH TO THE STUDY OF CORPORATE CULTURE OF A MODERN UNIVERSITY

The article discusses the features and possibilities of applying a commemorative approach to the study and analysis of the corporate culture of the university corporation in the context of globalization, digitalization, and the implementation of the principles of inclusive education. The concepts and substantive elements of the commemorative approach, which make up the commemorative space of a modern university, are identified. The author focuses on the roles of commemoration in the formation, preservation and broadcast of corporate memory, concluding about the need to critical understanding of the approach under consideration and preserve the balance between tradition and innovation in the communist strategies of university corporations.

Keywords: corporate culture, community, commemorative practices, collective memory, university narratives.

Корпоративную культуру университета можно интерпретировать как динамическую систему, обладающую эволюционным характером и базирующуюся на ценностных доминантах, укоренившихся традициях и морально-этических нормах. Корпоративная культура посредством социально-культурных механизмов формирует студенческую и профессорско-преподавательскую идентичность. Сегодня вопросы формирования и трансформации университетской культуры актуализируются, отмечается растущий интерес академического сообщества к интеграции коммеморативного подхода в процессы конструирования культуры. Коммеморативные практики основаны на доминанте усиления роли коллективной памяти и исторических нарративов, их углубленное изучение и анализ применения в университетских корпорациях позволяет выделить наиболее эффективные инструменты (практики) для укрепления институциональной идентичности и формирования эмоциональной связи между акторами образовательного процесса.

Коммеморация, как социальная практика и инструмент, ядром которой является материальный компонент, нацелена на селекцию коллективной памяти, может быть интерпретирована через призму духовного и эмоционального потенциала. Закрепляя и визуализируя ценностные основания, культурные коды, символы, отражающие прошлое в настоящем, коммеморативные практики демонстрируют избирательность коллективной памяти, в том числе академического сообщества университета [4].

Содержание коммеморативный подхода к изучению корпоративной культуры целесообразно рассмотреть посредством междисциплинарной теоретической составляющей, основанной на идеях М. Хальбвакса, П. Коннертона, Я. Ассмана. Данный подход в университетском пространстве реализуется посредством инструментов, с помощью которых университетская корпорация формирует, сохраняет и транслирует корпоративную память.

Основоположник социологии памяти Морис Хальбвакс рассматривал коллективную память как коллективный конструкт и феномен, подлежащий формированию только в соци-

альной группе, члены которой активно взаимодействуя, через селективную интерпретацию прошлых событий, поэтапно проходят процесс переосмысления прошлого опыта, при этом происходит исключение из коллективной памяти тех событий, которые противоречат текущим ценностным ориентирам и нивелируют корпоративную идентичность членов группы [2; 6]. Таким образом, корпоративная (университетская) память базируется на мифах и легендах, связанных со становлением университета и его основателями, на сторителлинге (главными героями выступают выдающиеся студенты и выпускники). Корпоративная память имеет обозначенные студенческим сообществом и профессорско-преподавательским сообществом рамки, однако, она динамична, что подчеркивается смещением смысловых акцентов в транслируемых университетских мифах и легендах.

Социальный антрополог Пол Коннертон идентифицировал коммеморативные практики нескольких видов [5]. Инкорпорированные практики, способствующие трансляции элементов корпоративной культуры, основаны на перманентно повторяющихся действиях, например, ритуалы, к которым можно отнести церемонию посвящения в студенты, выпускные вечера, празднование экватора, церемония подбрасывания квадратной академической шапочки магистра, дни памяти основателей университета и т. д., подобные действия направлены на закрепление эмоциональной связи с прошлыми поколениями. Инскриптивные практики закрепляют коллективную память с помощью материальных носителей: университетские флаги и геральдические эмблемы, архивные документы, мемориальные доски, галереи славы, бюсты выдающихся академиков, архитектурные памятники, корпоративные музеи, тематические экспозиции, именные аудитории и лаборатории.

Историк религии и культуры Ян Ассман объективизировал коммеморативные практики, выделив коммуникативные и культурные механизмы формирования и трансляции коллективной памяти [1]. Коммуникативный формат представляет собой кратковременный по времени воздействия инструмент, реализуемый посредством передачи контекстуально значимой информации (сторителлинг). Культурный формат обеспечивает пролонгированное воздействие на основе формализации передаваемого контекста: кодирование корпоративной университетской памяти в гимнах, фирменной символике, архивах, уставных документах, существование институциональных структур (Музей истории, именные кафедры и аудитории), канонизация корпоративной культуры посредством формирования социально одобряемой истории университета (корпоративные легенды, корпоративные издания, СМИ, фильмы, транслирующие основные вехи развития университетской корпорации).

В коммеморативном подходе к изучению и анализу корпоративной культуры высших учебных заведений, помимо выше обозначенных содержательных элементов, целесообразно выделить политику памяти, как процесс интериоризации прошлого, селекцию составляющих его событий, фактов, результатов социокультурных трансформаций и образовательных реформ, с целью легитимации существующей в настоящий период функционирования конкретного университета идеологии, ценностных ориентиров и реализуемого администрацией стиля управления. В университетском пространстве демонстрируются лишь те достижения, традиции, обряды, артефакты, академические ценности, которые считаются достойными коммеморации, происходит трансформация культурных нарративов. Таким образом, рассмотренные теоретические концепты позволяют сконструировать сущность коммеморативного подхода к вопросам формирования, трансформации и трансляции корпоративной культуры современного университета: постулаты М. Хальбавкса освещают целеполагание университетских корпорации в отношении коллективной памяти, социология памяти П. Коннертона дает понимание, какие материальные составляющие задействованы в процессе коммеморации, теория Я. Ассмана акцентирует внимание на приоритете долгосрочных механизмах сохранения корпоративной памяти.

Корпоративная культура в рамках коммеморативного подхода может трактоваться в диалоговом режиме, устанавливаемом между прошлым и настоящим, ядром подхода в таком случае выступает коллективная память, легитимирующая, консолидирующая и трансформирующая все процессы в университетском пространстве.

Несомненно, что коммеморативные практики по праву занимают центральное место в процессе формирования корпоративной идентичности членов университетского сообщества, способствуя консолидации студенческого сообщества и профессорско-преподавательского состава, выдвигая на первый план общие цели и академические ценности, закрепляя социально значимые традиции и ритуалы, формируя «культуру ученичества и наставничества» [3]. Таким образом, каждый университет представляет собой уникальное коммеморативное пространство, наполненное своей историей, визуальными элементами, идентифицирующими его среди конкурентов.

Формирование коммеморативного пространства университета – длительный процесс, отражающий целенаправленную политику высшего учебного заведения, направленную на отбор значимых событий и их интерпретацию в контексте актуальных ценностей.

В коммеморативном пространстве университета условно можно выделить включает два измерения: физическое, выраженное материальными объектами, и символическое, базирующееся на ритуальных и дискурсивных практиках. Физическое измерение в университетском пространстве представлено именными аудиториями, например, в Тюменском индустриальном университете (ТИУ) ежегодно открываются многофункциональные аудитории имени известных ученых (В. Ф. Новиков, А. С. Парасюк, В. Г. Холявко), внесших значительный вклад в развитие науки и образования, а также именные лаборатории корпораций «СибБурМаш», «Сибнефтепровод», ООО «НК «Роснефть», АО «Транснефть – Сибирь», ОАО «ЛУКОЙЛ». Коллективная память в ТИУ поддерживается такими материальными объектами, как мемориальные доски: в память В. Е. Копылова, первого ректора университета А. Н. Косухина, мемориальная доска «Они сражались за Родину: 1941–1945» и «Памяти павших», увековечившие имена студентов и преподавателей университета, защищавших свою Родину. Ставший легендой Музей истории архитектуры и строительства Тюменского края, расположенный в главном корпусе Тюменского индустриального университета, хранит уникальные артефакты и редчайшие рукописи, посвященные начальному периоду истории институтов; богатой историей славится Музей истории науки и техники Зауралья (МИНТЗ), экспозиции музея увековечили память о выдающихся геологах, ученых, путешественниках, промышленниках, деятелях радио и телевидения, прославивших Сибирь.

Символическое измерение соткано из легенд, в основу которых положены биографии и события из жизни основателей университета, историй выдающихся студентов и выпускников, церемоний (ежегодная церемония получения диплома у здания Правительства Тюменской области, церемония возложения цветов к мемориальной доске первого ректора университета А. Косухина, церемония проводов русской зимы, церемония для студентов, учащихся по обмену – «празднование китайского Нового года»).

Дискурсивные практики, формирующие коммеморативное пространство университета и направленные на трансляцию ценностей корпоративной культуры, реализуются посредством конструирования исторических нарративов, включающих использование технологий сторителлинга для освещения подвигов основателей университетских корпораций, кейсов об преодолении трудностей и кризисных периодов в становлении университетов, личностей героев, в роли которых зачастую выступают представители ученых, члены профессорско-преподавательского состава, представители студенческого сообщества.

Материализация коллективной памяти на примере Тюменского индустриального университета прослеживается в установлении бюста легендарного геолога Ф. К. Салманова в фойе Института геологии и нефтегазодобычи, открытии экспозиций, посвященных деятельности Д. И. Менделеева, выставки-паноптикума В. Е. Копылова, проведении интерактивных выставок «Филателия. Филокартия», «Человек. Вселенная. Космос».

К коммеморативным практикам, транслирующим элементы доминирующей корпоративной культуры Тюменского индустриального университета можно отнести празднование 60-летия вуза, в рамках которого прошел цикл мероприятий, включающий: поздравительное слово от губернатора Тюменской области А. Моора, торжественное вручение сотрудникам и членам профессорско-преподавательскому составу профессиональных наград от Минобрна-

уки РФ, вручение цветов ветеранам вуза, концертная программа для широкой публики от творческих коллективов университета.

Символическая репрезентация коммеморативных практик выражается посредством установления именных стипендий, в Тюменском индустриальном университете существует порядка 20 именных стипендий от организаций-партнеров вуза, например, стипендия ПАО «Транснефть», имени С. П. Королева, благотворительного фонда Владимира Потанина, имени выдающегося физика К. А. Валиева и др.

В современных реалиях университетские корпорации сталкиваются с микро- и макро-вызовами, глобализацией и ростом конкуренции на рынке образовательных услуг, с актуализацией принципов социальной инклюзивности, цифровой трансформацией в образовании, с необходимостью учитывать повестку устойчивого развития и многими другими. В связи с этим становится очевидной растущая актуальность коммеморативного подхода и его современная трансформация с учетом выше обозначенных вызовов. Сегодня университеты активно включают коммеморативные практики в транслирование корпоративной культуры с целью укрепления позиций своего образовательного бренда, трансформации имиджевых характеристик с учетом требований образовательной среды, для того, чтобы подчеркнуть статус вуза и привлечь новые сегменты – международных студентов.

Подводя итоги, следует отметить, что коммеморативный подход представляет собой ценный ресурс, грамотно используя который, современные университеты могут добиваться значительных результатов в формировании сильной и узнаваемой корпоративной культуры. Анализ используемых университетами коммеморативных практик позволяет понять, как формируется лояльность академического и студенческого сообщества, реализуется селективный подход к корпоративным ценностям и разрешаются конфликты, связанные с социальной памятью. Однако рассматриваемый подход требует критического осмысления: перспективным направлением в его исследованиях может стать баланс между традицией и инновацией в коммеморативных стратегиях университетских корпорациях.

Литература

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Голиков А. В. Влияние концепции коллективной памяти Мориса Хальбвакса на современные memory studies (на примере работ Я. Ассмана и А. Ассман) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 8. С. 197–208.
3. Ландина Л. В. Коммеморативные практики в корпоративной культуре уво: (на примере БГУКИ) // Культура. Наука. Творчество : XVI М Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 12 мая 2022 г.) : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т культуры и искусств, Белорус. гос. акад. музыки, Белорус. гос. акад. искусств ; [редкол.: Н. В. Карчевская и др.]. Минск, 2022. Вып. 16. С. 150–154.
4. Москвина И. К. Трансформации коммеморативных практик в культуре современной России // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12, № 2А. С. 166–170.
5. Наумов Д. И. Социальная амнезия предмета как философского исследования Пола Коннертона // Научные труды РИВШ. Философско-гуманитарные науки. Вып. 22. Минск : РИВШ, 2023. С. 186–194.
6. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.

ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ ИНСТИТУТОВ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Рассматриваются возможности экспертных институтов в системе высшего образования. Эвристические возможности экспертных институтов в системе образования автором определяются возможностью создавать сателлитные организации и сопутствующие функции, поддерживающие специфику образовательной деятельности. Приводятся возможные девиации экспертной оценки в системе образования.

Ключевые слова: экспертные институты, высшее образование, эвристические возможности, трансформация, эволюционное развитие, ограничения.

А. А. Menshikova

Siberian State Medical University, Tomsk

HEURISTICAL TRENDS OF THE EXPERT INSTITUTES IN HIGHER EDUCATION

The article examines the possibilities of expert institutes in the higher education system. The heuristic capabilities of expert institutes in the education system are determined by the ability to create satellite organizations and related functions that support the specifics of educational activities. Possible deviations of expert assessment in the education system are given.

Keywords: expert institutes, higher education, heuristic opportunities, transformation, evolutionary development, limitations.

Традиционно экспертные институты рассматриваются как организации, функциональный аспект которых является достаточно ограниченным – оценить качественное состояние определенного процесса, феномена и решения. Вместе с тем развитие экспертных институтов представляет собой органично развивающийся феномен, попадающий в фокус внимания в связи с приобретением особенностей и функций, не соответствующих изначальной функции. Институты экспертной оценки развиваются как самостоятельные и полноценные социальные объединения, претерпевают изменения, типичные для других различных организаций. В системе высшего образования трансформации экспертных институтов уделяется значительное внимание. Как правило, подобные трансформации связаны фактически с ограничением, вводимым спецификой образовательного учреждения и системой образования в принципе.

Современное образование также претерпевает значительные изменения. В первую очередь, данные изменения относятся к возрастанию функции практической направленности системы образования, а также внедрению новых форм учебной работы. В связи с нестабильностью учебной нагрузки и проблемами, возникающими в процессе преобразования системы высшего образования, экспертная оценка становится особенно важной, о чем пишут многие исследователи в своих работах [1; 3].

В связи с повышающимся уровнем нестабильности системы образования экспертные институты фактически могут стать аналогом модератора методических рекомендаций. В перспективе развития экспертных институтов при условии сохранения установившейся тенденции в системе образования возникают предпосылки для развития непосредственно образовательной методической деятельности данных институтов. Фактически любой эксперт, имеющий соответствующее образование и опыт работы, способен принимать на себя функцию преподавателя, поддерживая опыт работы на требуемом уровне.

На данном этапе экспертные институты в сфере образования занимают интеграцией с другими образовательными организациями, в том числе правоохранительными, обеспечивая более эффективную, оптимальную логику связи.

Работа современных экспертных институтов в области образования направлена на формирование методических рекомендаций, вплоть до непосредственно подготовки инновационных образовательных проектов. В первую очередь данные проекты связаны с разработ-

кой личностно-ориентированной учебной стратегией и возможностями реализации в современных условиях, мониторингом реализации подобной образовательной стратегии в различных ситуациях, проведением соответствующей исследовательской работы. Фиксировать полезную информацию в данном случае должен эксперт. Экспертная оценка также требуется в ситуации выбора стратегии развития обучаемого в случае индивидуальных проблем. Любой разработанный проект требует экспертной оценки, определяющей в том числе наиболее перспективные его стороны. Одновременно с установленными тенденциями к развитию личностно-ориентированной образовательной стратегии экспертного решения требуют сокращенные, либо дополненные образовательные программы.

Проблема в работе экспертных институтов может быть связана с человеческим фактором и ситуацией возникновения спорных выводов. Под влиянием процессов самоорганизации происходит становление объектной социальной позиции, в результате которой экспертная организация приобретает новые функции, не связанные с экспертной оценкой и образовательными институтами. В подобном случае экспертная организация приобретает в высшей степени референциальное значение, становясь структурным элементом некой другой организации, постепенно становясь подразделением маркетинговой организации, отделом консультаций маркетинговой организации или маркетинговой компании, перенимая определенные функции, ассоциируясь с ними. Вопрос о возможности обогащения новыми идеями и функциями как следствие подобного взаимодействия является спорным и не решается определенно. Результатом такого взаимодействия становится новая социальная организация. В системе высшего образования прослеживается тенденция к формированию новых отделов из числа экспертных институтов.

В настоящее время ими являются отделы сопровождения учебных программ. В перспективе экспертные институты преобразуются в самостоятельные организации, полноценно научные, либо референциально измененные, фактически упраздненные до отдельной функции определенного преподавателя, либо должностного лица. Обновленная социальная структура, складывающаяся на основании данных институтов, представляет собой микроорганизацию, малую корпорацию, либо функционирующую группу. одна функция подобного социального объединения распределяется между несколькими членами организации.

Функция эксперта соответствует работе методиста учебной части, либо отдела материального сопровождения учебного процесса.

Жесткие условия конкуренции, которые возникают в связи с попыткой установить эвристические функции экспертных институтов, связаны с возникающими условиями конкуренции между дифференцированными организациями данного профиля.

В условиях увеличения информационных потоков, вызванных экспансией цифрового информационного пространства, возрастающего значения данного пространства в жизни общества устанавливается тенденция потребительского отношения к информации. Фактически работа сотрудника образовательного учреждения в настоящее время связана с необходимостью поддержки образовательного контента на высоком уровне. Вследствие увеличения возможностей оперировать семиотической системой нередко возникает проблема утраты подлинного значения учебного знания.

Задачи работы экспертных институтов в настоящее время также изменяются. В первую очередь, экспертные институты становятся аналоговыми организациями, работа которых становится многоаспектной в связи с изменением функционирования подобных организаций в настоящее время. Таким образом, в дополнение к расширению роли экспертных институтов в системе образования, о чем было написано ранее [2], производится качественное изменение их деятельности. Возникает необходимость описывать несистемную работу экспертных институтов, изменению роли их членов, выполняющих работу фрилансеров.

Трансформация институтов экспертной оценки, изменение их роли в обществе заставляет переосмыслить основные функции экспертных институтов: в первую очередь, это связано с возможностью обесценивания деятельности экспертов. Не смотря на возрастающее значение их работы, возникает опасность приобретения статуса эксперта любым социальным субъектом (индивидом или организацией).

Литература

1. Ефремов В. С. Оптимизация форм организации учебного процесса в рамках совместных программ высшего образования // Вестник университета. 2010. № 24. С. 23–31.
2. Меньшикова А. А. Расширение роли института экспертной оценки в современной системе образования // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика: сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 381–383.
3. Смирнова Е. Е. Инновационные методы организационной работы студентов // Налоги и налогообложение. 2008. № 11. С. 77–78.

УДК 378.12

А. М. Ворожцов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РОЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ КАК ЭКСПЕРТА В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ

Рассматривается возрастающая роль преподавателя в обучении студентов. Подчеркивается, что преподаватель становится не просто транслятором знаний, а экспертом, помогающим студенту в освоении дисциплины.

Ключевые слова: современное образование, роль преподавателя, эксперт, студенты, качество подготовки.

A. M. Vorozhtsov

Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF A HIGH SCHOOL TEACHER AS AN EXPERT IN STUDENT EDUCATION

The article examines the increasing role of the teacher in teaching students. The teacher becomes not just a translator of knowledge, but an expert helping the student to master the discipline. An expert with near-subject knowledge and helping the student to understand the academic discipline in detail.

Keywords: modern education, the role of a teacher, expert, students, quality of training.

В современном мире, где важно наличие достойного уровня образования, студентам становится всё сложнее разобраться в потоке получаемой информации и знаний. Современное образование подразумевает в том числе самостоятельное получение знаний из различных учебников и книг, а также поиск информации из сети интернет.

В этом процессе возрастает роль преподавателя высшей школы, который направляет студентов и должен стать экспертом для них в выборе необходимой информации. Преподаватель выступает в качестве человека, к которому можно обратиться и получить разъяснения по интересующим вопросам. Студентам необходимы не только книги и базы данных, но и живое общение с уже имеющим жизненный опыт преподавателем. Поэтому роль преподавателя в процессе обучения не теряет актуальности, при этом появляется ещё одна роль. Преподаватель теперь выступает ещё и в качестве эксперта (знающего человека) и важность этой роли будет только возрастать.

Каждый студент после обучения в высшей школе становится дипломированным специалистом на качество подготовки которого повлияла совокупность факторов. К ним относятся престиж образовательной организации, оснащённость кабинетов и лабораторий, наличие научной базы и библиотек, а также профессиональные преподаватели, хорошо знающие предмет и способные понять особенности личностей студентов, постепенно находя к каждому из них подход. Именно поэтому в современном мире роль преподавателя для студента трансформируется и расширяется. Преподаватель уже выступает экспертом не только в своём предмете, но и в жизни. Прямое общение студентов с преподавателями кроме прямой функции преподавания, способствует нахождению особенностей их личности, которые можно использовать в обучении, раскрывает возможности студентов. Дополнительно, во время

обучения в образовательной организации формируется личность будущего специалиста, на формирование которой в том числе оказывает влияние пример преподавателя [1].

Проводимые в образовательных организациях исследования мнения студентов по данному вопросу показали, что до 81 % студентов признали, что преподаватель является помощником в освоении учебного материала и становления молодого человека как специалиста. Хорошие личные отношения преподавателя и студентов оптимизирует активность студентов у 55 % опрошенных. Реакция преподавателя при опросе является значимым в обучении и освоении учебного материала для 63,5 % респондентов. При этом 81 % студентов признали, что преподаватель является помощником и наставником в освоении учебного материала [2].

Весомым фактором в обучении будет возраст преподавателя. Важность этого отмечают 37,2 % студентов. Причём оптимальным будет средний возраст преподавателя, который уже перерос все проблемы молодежи, но ещё не отделился от них слишком далеко и ему не чужды их проблемы. Проблемы, с которыми сам преподаватель сталкивался в свое время. Вследствие этого преподавателю легче установить контакт со студентами, что способствует процессу обучения и доверительному общению.

Современный преподаватель должен соответствовать предъявляемым требованиям, быть открытым к общению со студентами, гибким к изменяющейся образовательной среде. Кроме обладания знаниями, методиками и необходимым инструментарием для обучения студентов, он обязан быть способным помочь в нахождении нужных знаний и ответов на вопросы. При этом чем выше уровень его профессиональных компетенций, тем более качественно будет осуществляться им образовательная деятельность.

Общение со студентами помогает преподавателю постоянно самосовершенствоваться и развиваться как специалисту. Более глубоко изучать свой предмет, стремиться получать около предметные знания и компетенции, быть объективным, беспристрастным, креативным с критическим отношением к передаваемому знанию.

Основываясь на вышесказанном и используя материалы опросов, можно сделать вывод, что в современном мире при обучении студентов велика роль технических средств обучения, помогающих в освоении учебного материала. Однако роль преподавателя и его профессионализм как эксперта в предмете имеет решающее значение. Именно преподаватель способен заинтересовать в получении знаний и найти им путь в головы студентов. Подобрать нужные слова, учебники и книги, заинтересовать в получении новых знаний, разжечь интерес к обучению. При этом технические средства обучения должны играть дополнительную вспомогательную роль, а первостепенную преподаватель выступающий экспертом в предмете и передаваемых знаниях.

Литература

1. Ворожцов А. М. Формирование личности сотрудника органов внутренних дел в вузе МВД России // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2010. № 2 (53). С. 65–70.
2. Петрова Т. Г., Кожевникова В. Ф., Юрьева М. В. Значение роли преподавателя в процессе обучения студентов // Медицина и образование в Сибири. 2008. № 2. С. 10.

ТЕЗАУРУС КАК ИСТОЧНИК И РЕЗУЛЬТАТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ ЛИЧНОСТИ ГУМАНИТАРИЯ

Рассматривается тезаурусный подход как основа субъектности личности гуманитария. Обосновывается влияние тезауруса на развития индивидуальности человека, на формирование мировоззренческой картины мира, индивидуального проекта развития. Характеризуется тезаурусный подход как средство осознания себя субъектом деятельности, прежде всего в авторстве своей жизни. Особое внимание обращается на практику интервьюирования, её возможности для описания окружающего мира, диагностики болевых точек развития общества, культуры, личности, осмысления путей преобразований и реформ.

Ключевые слова: личностная идентичность, тезаурус, тезаурусный подход, субъектность, история жизни, интервью, интервьюирование.

Yu. A. Kiselev

Irkutsk State University, Irkutsk

THESAURUS AS A SOURCE AND RESULT OF SOCIO-CULTURAL SUBJECTIVITY OF HUMANITARIAN PERSONALITIES

The article examines the thesaurus approach as the basis for the subjectivity of a humanities scholar. It substantiates the influence of the thesaurus on the development of a person's individuality, on the formation of a worldview picture of the world, and an individual development project. The author of the article considers the thesaurus approach as a means of realizing oneself as a subject of activity, primarily in the authorship of one's life. The author pays special attention to the practice of interviewing, its possibilities for describing the surrounding world, diagnosing the pain points of the development of society, culture, personality, understanding the paths of transformations and reforms.

Keywords: personal identity, thesaurus, thesaurus approach, subjectivity, life history, interview, interviewing.

Современный период развития России можно определить, как период межвременья. Многие политические, экономические, социальные проблемы решаются не эффективно. Отсутствует осознание глубинных причин кризисного развития. Неопределенность в решении многих проблем социального бытия, как в мировом масштабе, так и внутри российского только возрастают. Это состояние неустойчивости является травмирующим фактором. Общество разобщено и озлоблено, а у власти находится значительное количество управленцев, ориентированных на Запад и не верящих в перспективы развития России. Не случайно многие исследователи социального бытия определяют наше время через такие понятия, как «общество травмы» (Ж. Т. Тощенко), «общество риска» (Ульрих Бек), «век тревожности» (Скотт Стоссел) и др.

Как человеку в этих условиях помочь на пути жизни, преисполненной человеческого смысла и достоинства. На какие основания опираться, чтобы обрести ориентиры будущего развития. Что важнее своя, уникальная карта опыта или опора на свидетельства, отраженные в истории отечественной и мировой культуры. Ответ очевиден, важно и то и другое.

От рождения человек обречен на самоопределение, выбор, на поиск осмысленности мира своего места в нем. Он не всегда способен адекватно ответить на современные вызовы времени. В то время как информационный поток создаёт иллюзию, что все легко решается если найти важные для себя ориентиры, помогающие сформировать стратегии своего развития. В эти переходные времена информационный шум скорее не помогает. Потребление короткой, поверхностной, зачастую ненужной информации снижает способности критического анализа, человек оказывается открытым для манипуляций. Он теряет способность корректировать свою картину мира в соответствии с меняющейся и по новому раскрывающейся реальностью.

Жизнь в модусе переходности требует личного ответа на вызовы времени. Требуется как никогда вся решимость и мужество, самостоятельность мышления и ответственность выбора за принимаемые решения, действия и поступки. Что представляют собой смыслы и

ценности, которые могут стать нашими ориентирами? Где найти силы и упорство, чтобы идти вперёд, когда все вокруг или отрицается, или ставится под сомнение? Как составить собственную карту опыта, сформировать свою картину мира, обобщенный взгляд на мир и самого себя, осознать значение солидарности с другими людьми.

Феноменологический подход к описанию субъективных явлений духовной и душевной жизни приближает нас к пониманию своей миссии. Осознанию своих смыслов и ценностей. Феноменология в наглядной, образной форме представляет состояния, настрой и настроение, переживаемые субъектом, по возможности четко очерчивает их, дифференцирует и разрабатывает соответствующий тезаурус.

Слово «тезаурус» является междисциплинарным и мультикультурным. Значение тезауруса различается существенно. Оно зависит от того, с какой позиции рассматривается этот термин. Напомним, что слово «тезаурус» (thesauros) в Древней Греции оно обозначало «запас», «сокровище», «сокровищница», «клад». В общем смысле тезаурус понимался как накопление чего-либо. Если посмотреть на современное толкование слова в различных научных областях (лингвистике, культурологии, информатике, кибернетике, семиотике, педагогике и др.), то можно прийти к выводу о том, что исходное значение термина сохранилось до сих пор: тезаурус есть упорядоченное накопление слов, понятий, знаний и пр. В настоящее время тезаурусом обозначают полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а также знаний, которые расширяют понимание субъектом себя и мира (Вал. А. и Вл. А. Луковы) [6].

Субъективность тезауруса выражается в том, что систематизация знаний в нем идет не от общего к частному, а от своего – к чужому как наиболее важному принципу отбора и выстраивания знаний об окружающем мире. Все новое для того, чтобы занять определенное место в тезаурусе, должно быть в той или иной мере освоено, отрефлексировано и становится своим.

Обращение к понятию «индивидуальный тезаурус» в гуманитарных науках обусловлено усилением субъективистского подхода в научном знании [6]. Индивидуальные особенности человека рассматриваются как основные параметры постижения объективной реальности и условия его вхождения в эту реальность. В этом смысле тезаурус можно определить, как «структурированное представление и общий образ той части мировой культуры, которую может освоить субъект» [6]. «Для тезаурсного подхода, – пишут Вал. А. и Вл. А. Луковы, – конечно, важны объективные основания социальных фактов, но нет никакого смысла изолировать их от индивидуальных проявлений, поскольку тезаурсная организация знаний строится именно вокруг субъекта, на индивидуальном уровне – вокруг индивида с его неповторимыми личностными качествами» [6, с. 262–263].

У каждого человека в процессе жизни формируется свой уникальный словарь, свой подбор и ассоциативная связь главных понятий. Составление тезауруса собственной жизни помогает понять мир, самого себя и «товарищей по жизни». Составленный субъектом словарь может стать основой для создания истории своей жизни, его можно использовать для расширения возможностей формирования индивидуальной биографической основы.

Эта практика привлекает внимание многих мыслителей, которые подходили к ней с разных сторон и по-разному обозначали. Карл Ясперс называет эту практику «рассказом о себе». «автобиографическое рассказывание как самопрезентация». Другие термины для обозначения этого феномена: «автобиографическое повествование» (Гудула Ритц-Шульте, Альонс Хукербринк); «жизнь как нарратив» (Дж. Брунер); «тезаурсная картина мира» (Михаил Эпштейн); «анализ субъективных взглядов» (Н. Л. Смакотина) (Н. Л. Смакотина) (Н. Л. Смакотина) (Н. Л. Смакотина).

Заметим, что одни субъекты для рассказа истории жизни, используют словари, энциклопедии, терминологические справочники, т. е. проверенное временем, устоявшееся знание. Это – пассивный путь для жизнеописания, другие мыслят и чувствуют себя не событийно, а «словарно», вдумываясь в сущность уникальных личных феноменов, субъективно окрашенных переживаний. Задают лично значимые вопросы, вспоминают, акцентируют то, что особенно важно на определенном возрастном этапе. Гёте так охарактеризовал фазы жизни человека: ребенок – реалист; юноша – идеалист; мужчина – скептик; старик – мистик.

Актуальными для воспоминаний становятся «жизнемыслительные единицы», как «первая влюбленность», «переживание одиночества», «первый заработок», «первое предательство», «предчувствие своего профессионального будущего» и т. п. Из таких категорий, понятий, образов постепенно выстраивается картина жизни. По мнению авторов «Философского проективного словаря», истории по жизни являются действенным средством персологической обращенности к миру. Это меняет отношение и людей, включая самого автора, для которого открываются некоторые особенности его собственной личности. Возникает некая новая реальность с более глубоким уровнем отношений и понимания. В этом плане история жизни является формой проявления и осуществления свободы, воплощением ответственности [8, с. 158–162].

Истории о себе и представления о мире способствуют пониманию и сближению субъектов в различных жизненных ситуациях. Нарративные модели описания жизни – это важный способ охарактеризовать культуру. Сегодня мы наблюдаем возрастание интереса к автобиографической литературе, к биографическим, исповедальным текстам, воспоминаниям, дневникам, интервью. Специалисты различных направлений гуманитарной сферы и массовый читатель проявляют всё нарастающий интерес к реальным историям жизни, наполненным реальными переживаниями и оригинальным личностным опытом. Руководствуясь феноменологическим подходом попробуем ответить на вопрос: какое значение имеет практика интервьюирования, каковы её возможности для описания окружающего мира, диагностике болевых точек развития общества, культуры, личности, осмыслении путей преобразований и реформ. Заметим, что существуют разные виды интервью: «мотивационное интервью для позитивных изменений» (А. Зукофф, Б. Горчак), «структурированное интервью» (В. Йеттер), «интервью для телевидения, радио, YouTube» (Е. Енин), экспертное, глубинное, стресс интервью и др. Возможные форматы интервью: беседа в формате вопрос-ответ, беседа в сообществе коллег, диалог с учителями и учениками, с друзьями и недругами, с оппонентами и сторонниками. Интервьюирование один из этапов массовых опросов. От его результатов может зависеть выбранный путь решения проблемы. Интервью необходимы для поиска истины, поиска альтернативных вариантов развития, путей реализации социальных программ. В интервью возможны сомнения, неожиданные открытия. Это инструмент производства и интерпретации смыслов и ценностей. С помощью интервью можно разобраться с ключевыми вопросами стратегии в культуре, организации, личности. Научиться понимать другие культуры, традиции, смыслы и ценности. Американский социальный психолог Герберт Хаймен считал, что лучшими интервьюерами являются: женщины в возрасте 35 – 45 лет, с высшим образованием, с определенным жизненным опытом, товарищеские по натуре. Специалист в области массовых опросов Элизабет Ноэль-Нойман вывела «формулу идеального интервьюера». Это «товарищеский педант» – лицо, придающее большое значение формальной стороне дела, опрятности, имеющее при этом высокие коммуникабельные способности.

Это не означает, что: если вы не женщина среднего возраста; если вы не отвечаете всем вышеперечисленным качественным требованиям, то вам не удастся стать квалифицированным и умелым интервьюером. В каждой стране, в каждой ситуации, в различных проектах могут понадобиться и «специфические» кадры. С чем все социологи соглашаются в своем отношении к работе интервьюера – это следование этическим принципам, которых он должен придерживаться. Без них все сверхтонкие социологические замыслы, выверенные выборки, современные методики, тщательно подобранные формулировки вопросов ничего не стоят. Вся интеллектуальная, иногда многолетняя, работа может разрушиться «в поле» руками интервьюера. Триада: интервьюер, интервьюируемый, читатель – это субъекты одного процесса, они нужны друг другу. Их объединяет совместное творчество.

Мы считаем, что необходимыми для каждого человека темами интервью являются – мировоззрение, картина мира, смысл жизни. Смысл наполняет слово индивидуальными акцентами, особенностями субъективного восприятия и ассоциациями. Моя смысловая вселенная, мой тезаурус рождается через увиденное, услышанное, пережитое, прочитанное. Моя картина мира делает жизнь осмысленной, яркой, неповторимой. Это не только инструмент,

но и ресурс жизнестойкости. Она может быть источником энергии, воли, из неё мы обретаем способность стремиться к целям, своей сверхзадачи и достигать их. В процессе жизни к ней нужно особое внимание, её надо приводить в порядок, систематизировать, достраивать до полноты. «Осознав свою картину мира и мировоззрение, – пишет Сергей Белкин, – мы можем эффективно взаимодействовать с другими людьми, сопрягать смыслы» [1, с. 260; 273 – 276].

С помощью интервью лучшие идеи ученых, талантливых людей, мастеров своего дела становятся достоянием личности. У неё появляется возможность взглянуть на мир свежим взглядом. Познав мир чужих образов, смыслов, ассоциаций, идей, мы и свой мир можем сделать богаче и полнее. Никого не оставят равнодушным интервью Лешека Колаковского, польского философа, эссеиста, публициста, прозаика, автора философских сказок. Его спрашивают: «Как жить, профессор? Что важно в жизни?» Мудрый человек отвечает: «Не знаю... Я правда не знаю. Понимаю, что нам нужны учителя жизни... Понимаю, что мы постоянно задаемся вопросом: как жить? Мы хотим иметь мудрых наставников... Не факт, что существуют такие наставники, что они будут правы. Не факт, что мы должны их слушать» [5].

Л. Колаковский убеждает нас в том, что даже хорошие советы очень хорошего учителя не обязательно подойдут для индивидуальной жизни. Потому что каждый строит жизнь на свой лад. Нам не нужно в этом оправдываться. Мы часто сознательно поступаем так, как поступать не должны. Трудно найти универсальную формулу жизни, которая подходила для всех живущих. «Вероятно, такой формулой может быть стремление приносить пользу другим. Есть люди хотя таких немного, которые к своей жизни относятся как к служению. Они могут отправлять это служение в различных областях. В медицине, политике, науке, благотворительности, международных организациях. «Хотеть не слишком много» – это хорошая формула сложившейся жизни [5].

В многочисленных интервью социолога и переводчика Бориса Дубина представлен панорамный взгляд на позднесоветскую и постсоветскую историю. Этого ученого называют человеком – универсумом, человеком-институтом за его невероятно продуктивную научную и переводческую работу. Как социолог, он раскрыл многие механизмы социальной и политической действительности, обогатил антропологию советского и постсоветского человека. В интервью сформировался аналитический язык описания. его точные и острые диагнозы времени в его социологических исследованиях помогают осмыслить наше настоящее и будущее развитие. Как переводчик он обозначил новые горизонты мыслимого в слове и через слово. Благодаря его переводам поэзии и прозы стали доступны читателю авторы, составившие цвет европейской культуры XX в. – Борхес, Ортега – и – Гассет, Джеймс Джойс, Анри Мишо и другие. Через интервью Борис Дубин смог донести до читателя сложные социологические построения и опыты художественных переводов. В одном из интервью Дубина прозвучала формула «смысловая вертикаль жизни», которая рефреном проходит через все его рассуждения и жизненные установки. К ним относятся: отрицание жесткой иерархии власти, доминирования, политики запретов, тирании эго. Глазами социолога мы увидели наше будущее. Социолог связывал его с коммуникативной открытостью, доверием, пониманием, взаимодействием и солидарностью. Борис Дубин сожалел об отсутствии в России гражданских сообществ, «коммунитарного импульса солидарности» и был убежден, что нужны коллективные усилия по реформированию страны, не властная, а смысловая вертикаль [3, с. 7]. Преодоление кризиса, по мнению Б. Дубина, зависит от всех нас и от каждого: «Будем пестовать разнообразие, самостоятельность, ответственность, дальнюю перспективу, длинные мысли, идеализацию реальности, заинтересованность в другом человеке, уважение к партнёру – вот тогда, может быть, что-то начнёт получаться. А пока будем приспосабливаться, адаптироваться, снижать требования к себе и другим – то, что будет» [3, с. 330]. У каждого из нас есть возможность стать соучастниками мыслей Бориса Дубина, отразить его смысловые и ценностные координаты жизни, попытаться реконструировать мыслительный универсум через многочисленные его интервью.

Мы установили, что в практике интервьюирования средоточие жизненного опыта и аналитического зрения знатока своего дела, мастера, специалиста – эксперта, знакомство с его оригинальным тезаурусом, фактурой диалогического языка, прозрениями и пронизательными интуициями.

Литература

1. Белкин С. Слова и смыслы. Мировоззрение и картина мира: ассоциативный словарь. М. : Де Либри, 2020. 714 с.
2. Ритц-Шульте Г., Хукебринк А. Стать автором своей жизни. Руководство по саморазвитию. М. : О-во любителей интеллект. кн., 2024. 208 с.
3. Дубин Б. Смысловая вертикаль жизни: книга интервью о российской политике и культуре 1990 – 2000-х / сост. Т. Вайзер. СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2021. 688 с.
4. Енин Е. Интервью: как это делается. Екатеринбург : Кабинет. ученый, 2021. 120 с.
5. Колаковский, Лешек. Профессор Колаковский о том, что важно в жизни. URL: <https://mygolod.com/2018/10/09/%>
6. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы-2: тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2013. 640 с.
7. Смакотина Н. Л. Анализ субъективных взглядов экспертов глобальных ценностей. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-subektivnyh-vzglyadov-ekspertov-globalnyh-tsennostey>.
8. Философский проективный словарь. Новые термины и понятия. Вып. 2 / под. ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. СПб. : Алетейя, 2020. 544 с.
9. Эпштейн М., Юрьенен С. Энциклопедия юности. М. : Изд-во «Э», 2018. 592 с.
10. Ясперс К. Общая психопатология / пер. с нем. М. : Практика, 1997. 1056 с.

УДК 316.43

Ю. В. Мананникова

Институт регионального развития Пензенской области, г. Пенза

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Статья посвящена анализу научно-методических подходов к организации экспертной деятельности в сфере оценки качества школьного образования. Особое внимание уделяется международным сравнительным исследованиям, а также опыту ряда стран, включая Англию, США, Германию и Японию. Обозначены существующие проблемы российской системы оценки качества школьного образования. Подчеркивается необходимость дальнейших научных исследований в данной сфере, а также развития методологии, обобщения и внедрения передовых практик.

Ключевые слова: школьное образование, качество образования, экспертная деятельность, оценка, управление.

Yu. V. Manannikova

Institute of Regional Development of the Penza region, Penza

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ORGANIZATION OF EXPERT ACTIVITIES IN THE FIELD OF SCHOOL EDUCATION QUALITY ASSESSMENT: INTERNATIONAL AND RUSSIAN EXPERIENCE

The article is devoted to the analysis of scientific and methodological approaches to the organization of expert activities in the field of assessing the quality of school education. Particular attention is paid to international comparative studies, as well as the experience of a number of countries, including England, the USA, Germany and Japan. The existing problems of the Russian system of assessing the quality of school education are identified. The author emphasizes the need for further scientific research in this area, as well as the development of methodology, generalization and implementation of advanced practices.

Keywords: school education, quality of education, expert activity, assessment, management.

Школьное образование является одним из ключевых факторов формирования будущего любого общества, обеспечивая передачу знаний, навыков и традиций между поколениями. Исторически значимость образования постоянно возрастала, начиная с первых школ древних цивилизаций и до современных сложных образовательных систем. Эволюция роли образования тесно связана с меняющимися потребностями общества на каждом историческом этапе.

В процессе исторического развития содержание школьного образования отражало существующие культурные ценности и научные достижения общества, а также трансформировалось под влиянием различных социальных процессов. Если в эпоху Средних веков образование было тесно связано с религией, семейным укладом и социальным статусом, то начиная с XVIII в., с развитием промышленной революции, образование становится все более важным инструментом социальной мобильности. Потребность в квалифицированных рабочих привела к созданию массовых школ. Образование стало более формализованным, структурированным и основанным на системе учебных планов [10]. Во второй половине XX в. на международном уровне начался процесс активного формирования требований к качеству школьного образования, который продолжается и в настоящее время.

Изучение самого понятия «качество» имеет глубокие философские корни. Около двух тысячелетий назад Аристотель, анализируя взгляды своих предшественников (Анаксимандра, Гераклита, Платона), определил качество как фундаментальное свойство, отличающее одну сущность от другой. Он различал качественные изменения, представляющие собой переход от одной противоположности к другой, и количественные, связанные с изменением величины [3]. Эта классификация остается актуальной и для современного понимания качественных изменений в сфере образования, предполагающих не просто накопление знаний, но и коренную трансформацию его содержания, способов мышления и подходов к решению проблем. При этом в зарубежной и отечественной науке существуют различные научно-методические подходы к пониманию феномена «качество образования» и его оценке, которые требуют более детального рассмотрения и систематизации.

Например, компетентностный подход предполагает не только оценку предметных знаний школьников, но и компетенций, которые позволяют применять полученные знания на практике. Это позволяет понять, насколько обучающиеся готовы к решению реальных жизненных проблем.

Однако, несмотря на значимость компетентностного подхода, его применение сталкивается с рядом трудностей, так как процедуры тестового контроля требуют значительных усилий для подготовки и проверки заданий, а оценка деятельностных составляющих компетенций вызывает существенные затруднения. Очевидно, что на практике достаточно сложно описать универсальный набор компетенций, которые должны быть сформированы у школьников по итогам обучения [8].

В сфере оценки и управления качеством школьного образования в международной и российской практике также используется программно-целевой подход. Он предполагает реализацию государственных программ и национальных проектов, в которых закреплены цели и задачи, способствующие повышению качества образования, а также определены необходимые ресурсы, этапы и сроки достижения запланированных результатов. Этот подход направлен на эффективное распределение финансовых средств, а также обеспечивает постоянный контроль реализации мероприятий на всех уровнях управления образованием.

Среди ограничений, возникающих в процессе применения данного подхода, необходимо отметить: жесткие требования к достижению запланированных результатов и недостаточный учет иных аспектов, оказывающих существенное влияние на качество школьного образования, а также сложную систему отчетности. В результате происходит увеличение бюрократической нагрузки на специалистов органов управления образованием и снижается эффективность оценочных мероприятий [9].

Также для оценки и управления качеством школьного образования в зарубежной и российской практике применяется нормативный подход. Он включает разработку и утвер-

ждение государственных и региональных стандартов, в которых закреплены требования к образовательным результатам школьников.

Однако при реализации данного подхода возникают определенные затруднения. Выработка точной «нормы» для оценки качества образования является сложной задачей, поскольку все стандарты подвергаются критике, как за избыточность оцениваемых показателей, так и за их неполноту. Это оказывает существенное влияние на объективность экспертной оценки [14].

В международной и российской практике также широко используется системный подход к оценке качества школьного образования. В рамках данного подхода образовательный процесс рассматривается как система, состоящая из различных компонентов, взаимодействующих друг с другом. Экспертная оценка здесь включает анализ большого количества факторов, оказывающих влияние на качество образования. В их числе – методы и формы обучения, условия реализации образовательных программ, а также достигнутые образовательные результаты. Системный подход помогает выявить положительные аспекты и проблемы образовательного процесса, а также разработать адресные практические рекомендации для его совершенствования [12].

Наряду с перечисленными основными научно-методическими подходами к организации экспертной деятельности в сфере оценки качества школьного образования, можно выделить дополнительные, применение которых способствует проведению более комплексного анализа.

Деятельностный подход – предполагает проведение наблюдения за учебной деятельностью школьников. Оценка качества школьного образования в этом контексте включает анализ учебных действий и процессов (взаимодействия между обучающимися и педагогами, развитие познавательной активности, мотивации, личностных качеств школьников и пр.) [1].

Институциональный подход – направлен на развитие централизации управления качеством школьного образования. Он основывается на разработке единых регламентов и технологий проведения оценочных мероприятий, а также создании специализированных организаций, выполняющих функции мониторинга и оценки. Данный подход способствует формированию новых функций и профессиональных ролей в сфере управления качеством образования [2].

Социологический подход – предполагает проведение исследований мнения педагогов, директоров школ, обучающихся и их родителей по вопросам качества школьного образования. По результатам таких исследований происходит выявление актуальных проблем, а также сбор предложений по совершенствованию образовательного процесса. Использование социологического подхода способствует повышению заинтересованности и более полному вовлечению участников образовательных отношений в процесс оценки и повышения качества школьного образования [11].

Аналитический подход – направлен на регулярный сбор, обработку и анализ больших данных об образовательных результатах школьников, а также контекстной информации о деятельности образовательных организаций (например, материально-техническое обеспечение, уровень профессиональных компетенций педагогов, воспитательная работа и пр.). Такой подход позволяет не только наблюдать образовательный процесс в режиме мониторинга, но и определить причины существующих проблем и разработать обоснованные практические рекомендации по совершенствованию качества школьного образования [5].

Таким образом, научно-методические подходы к организации экспертной деятельности в сфере оценки качества школьного образования представляют собой совокупность теоретических основ и практических методов, направленных на комплексный анализ результатов обучения и воспитания. Очевидно, что изменения, происходящие в системе школьного образования, требуют совершенствования существующей методологии и разработки единого комплексного подхода, направленного не только на сбор информации и выявление проблем, но и на их эффективное решение.

В этом контексте особого внимания заслуживают методические подходы, которые применяются в международных сравнительных исследованиях качества образования

(TIMSS, PISA, PIRLS), в которых с 1990 г. принимают участие более 100 стран мира, включая Россию. Методология данных исследований играет ключевую роль в оценке эффективности образовательных систем различных стран. Эти исследования направлены на изучение уровня компетентности школьников в области математики, чтения, естественных наук и финансов. Особенностью таких проектов является комплексный подход, включающий тестирование обучающихся и проведение анкетирования участников образовательного процесса. Такой подход позволяет получать детальную картину состояния образовательной среды и выявлять значимые факторы, определяющие уровень подготовки школьников.

Согласно результатам международных исследований, высокое качество школьного образования наблюдается в ряде стран Северной Европы и Юго-Восточной Азии, которые в течение десятилетий стабильно занимают высокие позиции по результатам международных сравнительных исследований. К ним можно отнести: Финляндию, Норвегию, Сингапур, Тайвань, Гонконг, Южную Корею и ряд других. Для этих стран инвариантными являются такие позиции, как: автономия образовательных организаций, персонализированные подходы к обучению, быстрая реализация управленческих решений, постоянное внимание к профессиональной подготовке педагогов и повышению качества образования [7].

Системы оценки качества образования являются неотъемлемой частью образовательного процесса во всем мире. Они позволяют оценить уровень знаний и умений школьников, выявить положительные тенденции и возникающие проблемы, а также определить перспективные направления дальнейшего развития. Такие системы играют важную роль в повышении эффективности учебного процесса, используются для определения уровня профессиональной компетентности педагогов и руководителей образовательных организаций, позволяют соотнести результаты образовательной деятельности с запросами государства и общества. Что касается подходов к экспертной оценке и управлению качеством школьного образования на уровне отдельных стран, то на современном этапе развития общества существуют различные системы, совершенствование которых являются предметом оживленной дискуссии ученых и практиков.

Например, в Англии действует проект «Национальные стратегии», который определяет основные принципы и подходы к оценке и повышению качества школьного образования [6]. Он основан на принципе «открытости системы образования» для общественности и предполагает возможность её участия в процессе оценки качества.

В США на государственном уровне функционирует система мониторинга качества образования («Национальная оценка образовательного прогресса») [13].

В Германии функционирует децентрализованная система управления качеством образования, в рамках которой осуществляется взаимодействие органов власти всех уровней. В каждой земле есть свои требования к школьному образованию и системы оценки его качества [15].

В Японии оценка качества образования является более централизованной и проводится на основе системы «Национальной оценки академических способностей» [4].

Что касается российского опыта в сфере управления качеством школьного образования, то он сочетает в себе элементы государственного контроля, регионального мониторинга, независимой оценки, а также внутренней оценки на уровне образовательных организаций. В последние десятилетия в стране функционирует многоуровневая общероссийская система оценки качества школьного образования, однако недостаточная разработанность ее методологии и показателей на региональном и муниципальном уровнях влечет за собой организационные и методические сложности, приводит к разночтениям в применении нормативных документов, затрудняет принятие объективных управленческих решений. Современная система оценки качества школьного образования сталкивается с проблемами, связанными с недостаточной согласованностью политики на различных уровнях управления образованием, бюрократизацией, сложностями в адаптации актуального опыта и интерпретации новых классификаций образовательных результатов. В связи с этим необходимо проведение научных исследований, направленных на анализ и решение указанных проблем.

Обобщая указанные аспекты необходимо отметить, что на международном уровне пока не существует единой модели оценки качества школьного образования. Однако при всем разнообразии подходов во многих странах присутствуют тенденции стандартизации, централизации и государственно-общественного управления.

По результатам изучения международного и российского опыта экспертной деятельности в данной сфере также можно выделить следующие основные направления:

1. Оценка образовательных достижений школьников (включает тестирование, контрольные работы, экзамены и другие формы проверки знаний, умений и навыков).
2. Анализ эффективности педагогических технологий (предполагает оценку образовательных программ, используемых методов и подходов к обучению, их влияния на успеваемость и мотивацию школьников).
3. Изучение условий образовательной среды (включает анализ материальных условий школы: состояние помещений, наличие оборудования, качество учебно-методической литературы, доступность образовательных ресурсов для педагогов и обучающихся).
4. Исследование уровня удовлетворенности участников образовательных отношений (предполагает опросы педагогов, обучающихся и их родителей по вопросам качества образования).

По результатам проведенной экспертизы формируются предложения и рекомендации по совершенствованию образовательного процесса, профессиональных компетенций педагогов, модернизации инфраструктуры и другим аспектам школьной жизни.

Таким образом, экспертная деятельность в сфере оценки качества школьного образования является важным инструментом повышения эффективности учебного процесса, способствует формированию комфортной образовательной среды, соответствующей потребностям современного общества. Дальнейшее развитие деятельности в данной сфере должно быть направлено на совершенствование методологии оценивания, внедрение инновационных технологий, а также обобщение и трансляцию актуального международного и российского опыта.

Литература

1. Абзалимов Р. Р. Управление качеством образовательной деятельности в условиях деятельностного подхода // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 6. С. 54–58.
2. Анохина Е. А. Формирование институциональной системы оценивания качества образования // Фундаментальная и прикладная наука. 2016. № 4 (4). С. 7–10.
3. Аристотель. Категории // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск : Литература, 1998.
4. Андрющенко Д. В., Бекиров С. Н., Бекирова Э. Ш. [и др.]. Современные подходы к обеспечению качества образования и его оценки за рубежом // Актуальные вопросы и векторы развития современной науки и технологий. Петрозаводск, 2022. С. 172–189.
5. Большие данные в образовании как инструмент аналитики / Е. В. Самсонова, М. В. Самсонова, Ю. Г. Оноприенко [и др.] // Экономика и предпринимательство. 2022. № 11 (148). С. 1277–1280.
6. Геддис Е. В. Проект «Национальная стратегия» как инструмент совершенствования качества образования в школах в Англии // Гуманитарium. 2018. С. 11–12.
7. Елкина И. М., Метелкин Д. А. Опыт ведущих стран мира по достижению современного качества общего образования: возможности и границы применимости // Отечественная и зарубежная педагогика. 2021. Т. 1, № 6 (80). С. 107–122.
8. Захарова И. В., Терехин Н. В. Методологические подходы в исследовании качества школьного образования // Поволжский педагогический поиск. 2023. № 1 (43). С. 25–32.
9. Информационное агентство ТАСС // История нацпроектов в России. URL: <https://tass.ru/info/6101471>
10. История педагогики и образования: учебник / А. Н. Джуринский, А. И. Пискунов, В. И. Блинов [и др.]. 4-е изд., пер. и доп. М. : Юрайт, 2020. 452 с.
11. Минаева О. А. Качество образования как предмет социологического анализа // Человек и культура в социальной и культурной антропологии: материалы всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Курск: Курский государственный университет, 2022. С. 151–154.
12. Панасюк В. П., Фофанов А. М. Современные системы оценки и управления качеством общего образования: состояние и векторы развития // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. 2019. № 3. С. 22–27.

13. Ровнякова И. В. Анализ опыта зарубежных стран в создании системы оценки качества образования // Инновации в образовании (Казахстан). 2016. № 1 (26). С. 15–19.
14. Скрипова Н. Е. Нормативные основания современных подходов к оценке качества образования // Начальное образование. 2014. Т. 2, № 4. С. 24–29.
15. Шумаева Е. А., Старовойтова И. Ю. Анализ зарубежного опыта государственного регулирования в сфере образования // Сборник научных работ серии «Государственное управление». 2021. № 21. С. 77–91.

УДК 331.548

Е. В. Маслова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ РАБОЧИХ ПРОФЕССИЙ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ: АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Рассматриваются вопросы, связанные с популяризацией рабочих профессий среди российской молодежи в современных условиях. Приводятся статистические данные об уровне заработной платы в промышленности. Анализируются актуальные направления работы в области повышения популярности рабочих профессий и профессионального самоопределения молодежи по результатам всероссийских опросов.

Ключевые слова: рабочие профессии, молодежь, промышленность, профессиональное самоопределение, кадры, престиж, профориентация.

E. V. Maslova

Irkutsk State University, Irkutsk

POPULARIZATION OF WORKING PROFESSIONS AMONG YOUNG PEOPLE: CURRENT TRENDS

The issues related to the popularization of working professions among Russian youth in modern conditions are considered. Statistical data on the level of wages in industry are provided. The current directions of work in the field of increasing the popularity of working professions and professional self-determination of young people are analyzed according to the results of All-Russian surveys.

Keywords: working professions, youth, industry, professional self-determination, personnel, prestige, career guidance.

В современных условиях Россия переживает масштабный скачок импортозамещения, который отражается непосредственно на промышленности. По данным Росстата, индекс промышленного производства демонстрирует устойчивый рост [1], из этого следует, что данная отрасль экономики на сегодняшний день нуждается в квалифицированных кадрах, прежде всего рабочих специальностей.

В 1990-е гг. популярность рабочих профессий значительно снизилась, этому способствовало социально-экономическое положение страны в тот период, быть человеком труда стало не престижно. В современных условиях такое положение дел неприемлемо, так как экономическая стабильность является ключевым фактором безопасности и развития государства.

Как отметила заместитель председателя правительства РФ Татьяна Голикова, к 2030 г. количество рабочих мест, которое дополнительно появится в экономике России, составит около 2,4 млн, а рабочие профессии получают абсолютный приоритет [2]. В Российской Федерации 1 января 2005 г. стартовал федеральный проект «Человек труда» национального проекта «Кадры», призванный повысить популярность данных профессий [3].

Из результатов исследования сервиса «Работа.ру» 50 % работодателей назвали рабочие специальности наиболее востребованными в 2024 г. [4]. Согласно прогнозам проблема кадрового голода будет только нарастать. Исходя из вышесказанного, формирование интереса молодежи к рабочим профессиям, повышение их престижа в современных условиях является актуальной задачей.

По данным Росстата, за последние несколько лет в сфере промышленного производства фиксируется значительный прирост заработной платы [5]. На рисунке представлена ди-

намика роста среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников промышленности по видам деятельности. Увеличение уровня заработной платы, как инструмент борьбы за квалифицированные кадры, можно также рассматривать и как фактор повышения престижа занятости в данной сфере.

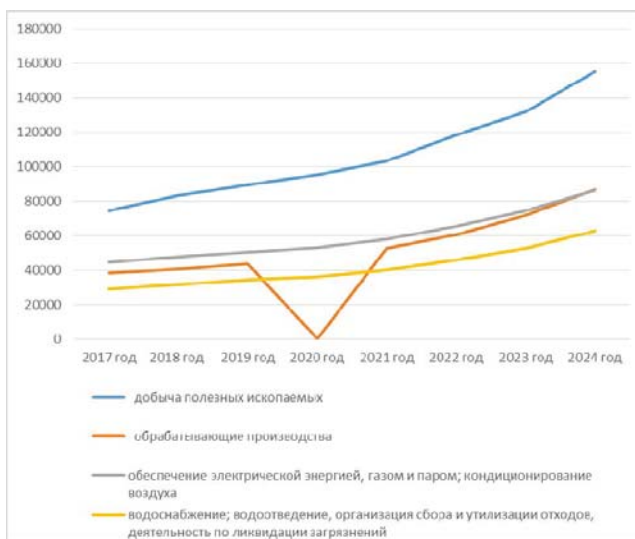

Рис. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников сферы промышленного производства по видам экономической деятельности в Российской Федерации с 2017 г., руб.

Рассмотрим следующий вопрос, а что в современных условиях россияне относят к преимуществам работы в промышленности? По результатам опроса населения, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения 13 июля 2024 г. на тему: «Я б в рабочие пошел...», можно выделить основные характеристики, с которыми россияне связывают работу на промышленных предприятиях [6]. К ним относятся: во-первых, наличие хороших социальных гарантий; во-вторых, соблюдение правил техники безопасности; в-третьих, привлекательные условия труда, такие как удобный график, хорошее оснащение рабочих мест и бытовых помещений. Далее идут высокая заработная плата и наличие современного оборудования. Эти характеристики можно рассматривать как ключевые преимущества работы на промышленных предприятиях по мнению россиян. Проводя работу в данных направлениях можно рассчитывать на повышение конкурентоспособности этой сферы на рынке труда и в целом на повышение популярности занятости в данной сфере.

На сегодняшний день важно понимание того, что процесс повышения популярности рабочих профессий среди молодого поколения – это процесс пролонгированный и начинаться он должен еще в школе. Профорientация, как одна из технологий популяризации, является также инструментом помощи в выборе подходящей профессии, которая соответствует интересам и способностям человека. Эта роль профорientации в рамках профессионального самоопределения на сегодняшний день велика, об этом свидетельствуют результаты всероссийского опроса, проведенного Фондом общественного мнения 18–20 октября 2024 г., на тему «Выбор работы и профессии», которые показали, что большинство россиян при выборе профессии, сферы деятельности руководствовались своими склонностями и способностями [7]. Второе место занимает размер оплаты труда, третье – престижность профессии.

Хочется отметить, что потенциал мер, направленных на работу с молодежью в рамках популяризации рабочих специальностей и профессионального самоопределения, можно считать высоким. Это можно увидеть из результатов опроса молодежи, проведенного Аналитическим центром НАФИ в октябре 2024 г. [8]. Большинство респондентов от 14 до 35 лет (83 %) считают, что в целом в России у молодых людей есть возможность реализовать себя, найти применение своим способностям, добиться успеха в жизни.

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что людей в работе на промышленных предприятиях привлекает не только заработная плата и социальный пакет, но и в целом хорошие рабочие условия, а также применение в трудовом процессе современного оборудования и технологий. Исходя из этого в рамках мероприятий по популяризации рабочих профессий среди молодежи, например, таких как проведение профориентационных экскурсий на заводах и фабриках, необходимо учитывать важность данных направлений и максимально их презентовать. Говоря о роли профориентации, как инструмента помощи в выборе профессии, соответствующей интересам и способностям человека, можно сказать, что эта роль является ключевой во всем процессе профессионального самоопределения.

О прогнозировании в завершении следует сказать, что перспективы работы в рамках популяризации рабочих специальностей и профессионального самоопределения молодых людей можно считать хорошими, так как российская молодежь считает, что в России у нее есть возможность реализовать себя и найти применение своим способностям.

Литература

1. Социально-экономическое положение России, январь – февраль 2025 г. // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-02-2025.pdf> (дата обращения: 21.04.2025).
2. Голикова рассказала, сколько рабочих мест может появиться в России к 2030 году // Деловой журнал «Профиль». 22.12.2023. URL: <https://profile.ru/news/economy/golikova-rasskazala-skolko-rabochih-mest-mozhet-poyavitsya-v-rossii-k-2030-godu-1433566/> (дата обращения: 10.05.2025).
3. Человек труда // Национальные проекты. URL: <https://xn--80aarpampemchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/kadry/chelovek-truda/?ysclid=magqv80lmo860550095> (дата обращения: 12.05.2025).
4. Кадровый запрос: почему растет престиж рабочих профессий // РБК. 01.07.2024. URL: <https://www.rbc.ru/society/01/07/2024/66827f4e9a7947d0626d433f?ysclid=mai3crub67536561519> (дата обращения: 10.05.2025).
5. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по видам экономической деятельности (в соответствии с ОКВЭД2) в Российской Федерации с 2017 года // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tab3_zpl_2024.xlsx (дата обращения: 11.05.2025).
6. Я б в рабочие пошел // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ja-b-v-rabochie-poshel> (дата обращения: 13.04.2025).
7. Выбор работы и профессии // Фонд общественного мнения. URL: <https://fom.ru/Rabota-idom/15097?ysclid=mam5dxwyk6927704681> (дата обращения: 13.05.2025).
8. 87 % городской молодежи готовы рассмотреть переезд в сельскую местность, если смогут там комфортно жить и работать // Аналитический центр «НАФИ». URL: <https://nafi.ru/analytics/87-gorodskoy-molodezhi-gotovy-rassmotret-pereezd-v-selskuyu-mestnost-esli-smogut-tam-komfortno-zhit/> (дата обращения: 13.04.2025).

УПРАВЛЕНИЕ ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рассматривается роль и значение эффективного управления профориентационной деятельностью в образовательных организациях, реализующих программы среднего профессионального образования для экономической стабильности Иркутской области.

Ключевые слова: концепция модернизации системы среднего профессионального образования, корреляция, среднее профессиональное образование, студенты, профориентационная деятельность, профессия, экономическая стабильность.

A. V. Kulchenkova

Irkutsk State University, Irkutsk

MANAGEMENT OF CAREER GUIDANCE ACTIVITIES IN THE SYSTEM OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION

The article examines the role and importance of effective management of career guidance activities in educational organizations implementing secondary vocational education programs for the economic stability of the Irkutsk region.

Keywords: concept of modernization of the secondary vocational education system, correlation, secondary vocational education, students, career guidance activities, profession, economic stability.

Высокая динамика развития технологий, присущая современному обществу, приводит к появлению новых профессий. В данных условиях возникает необходимость непрерывного совершенствования профессиональной компетентности и овладения новыми общими компетенциями. Обучающиеся должны быть готовы осваивать динамично меняющиеся в мире профессиональные компетенции, для успешной интеграции в профессиональную деятельность. Таким образом, профориентационная деятельность играет важнейшую роль в современном обществе, а перспективы ее развития должны способствовать усовершенствованию профессионального образования.

В современных условиях существует огромный выбор профессий и специальностей в организациях, реализующих программы среднего специального образования (далее – СПО). В связи с данным разнообразием повышаются и обновляются требования к качеству среднего специального образования. На фоне возникающих новых экономических условий жизни, процесс обучения включает в себя все более инновационные методы и практики необходимые для освоения новых компетенций у студентов. Кроме всего вышесказанного, отметим, что особое внимание в организациях СПО отводится и профориентационной деятельности.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 21 февраля 2023 г. В. В. Путин отметил, что за последние годы ощутимо вырос престиж, авторитет среднего профессионального образования, спрос на выпускников техникумов и колледжей просто огромный, колоссальный. Перед образовательными организациями, реализующими образовательные программы среднего профессионального образования, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими государственное управление в сфере образования, поставлена конкретная задача – за ближайшие пять лет подготовить порядка миллиона специалистов рабочих профессий для электронной промышленности, индустрии робототехники, машиностроения, металлургии, фармацевтики, сельского хозяйства и оборонно-промышленного комплекса, строительства, транспорта, атомной и других отраслей, ключевых для обеспечения безопасности, суверенитета и конкурентоспособности России [1].

Для решения поставленных Президентом РФ В. В. Путиным задач разработан и успешно реализуется федеральный проект «Профессионалитет». Данный проект предусматривает очень важный аспект для системы СПО – это тесная взаимосвязь потенциальных работодателей с непосредственно образовательными организациями СПО. Также, приоритетом программы является обновление материально-технической и учебной баз организаций СПО и, конечно, подбор и формирование образовательных программ с учетом экономической обстановки. Большое внимание уделено привлечению наставников с опытом работы на конкретном производстве, что еще больше мотивирует к учебе и погружает в реальность трудовой деятельности студентов организаций СПО [2].

В Иркутской области для развития системы СПО разработана и утверждена концепция модернизации системы среднего профессионального образования (далее – концепция). Цель и задачи концепции направлены на улучшение условий и качества образования региональной системы СПО при помощи обновления инфраструктуры и материальной базы, подготовки и развития кадрового потенциала и главное системной и синхронизированной работы с предприятиями региона для устранения дефицита квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена [3].

Важно отметить, что если абитуриенты, студенты и выпускники образовательных организаций СПО Иркутской области будут осознавать значимость и востребованность на рынке труда своей профессии, то несомненно увеличится положительная динамика развития научного, технологического и экономического процесса, как в регионе, так и в России в целом. Для укрепления понимания значимости вышесказанного, в регионе необходимо грамотно организовывать управление профориентационной работы, а также систематизировать деятельность по корреляции образовательных организаций СПО и различных предприятий Иркутской области.

Анализируя данные представленные в концепции модернизации системы СПО, видно, что при успешном решении поставленных задач, сформулированных в концепции, в регионе произойдет увеличение доли выпускников образовательных организаций, реализующих программы СПО, занятых по виду деятельности или полученным компетенциям к 2030 г. на 11,5 % в сравнении с 2023 г. (табл.). Увеличение данного показателя способствует не только решению кадрового дефицита на предприятиях региона, но и развитию экономической стабильности Иркутской области [3].

Таблица

Планируемый показатель модернизации системы среднего профессионального образования в Иркутской области до 2030 г., %

Наименование показателя	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Доля выпускников образовательных организаций, реализующих программы СПО, занятых по виду деятельности или полученным компетенциям	62,6	64,2	65,9%	67,5	69,2	70,8	72,5	74,1

Восемьдесят организаций в системе среднего профессионального образования Иркутской области являются государственными и подведомственными различным министерствам Иркутской области – образования, здравоохранения, спорта. Кроме того, в регионе функционируют семь частных СПО и тринадцать СПО действуют при организациях высшего образования региона [3].

В целом учебную подготовку и профориентацию студентов СПО в регионе необходимо выстраивать с учетом системности и взаимосвязи на различных уровнях образования. Например, школа – СПО – высшее учебное заведение. Итогом данных взаимосвязей станет осознанное ориентирование на будущую специальность и как правило успешную трудовую деятельность.

Таким образом, можно сделать вывод, что как на региональном, так и на федеральном уровне управление и формирование профориентационной деятельности в системе СПО имеет важное значение в современной реальности. Сформированность подходов и механизмов

управления профориентационной деятельностью позволит реагировать на любые изменения современных реалий, делать своевременный прогноз в условиях экономической и демографической нестабильности, а также соответствовать запросам на рынке труда. Системность мониторинга образовательных потребностей позволит обучать и готовить студентов именно тем профессиям и специальностям, которые будут востребованы в будущем. В заключении хотелось бы отметить, что управление профориентационной деятельностью в региональной системе СПО – это масштабная как на региональном, так и на федеральном уровне значимая деятельность, имеющая при успешной реализации положительный результат для экономической стабильности, но в тоже время очень сложная по методам исполнения многосторонняя проблема, требующая всеобъемлющего внимания и вовлеченности на всех уровнях системы образования.

Литература

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.02.2023 // КонсультантПлюс : справочная правовая система URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=440178&dst=100001%2C1&date=11.05.2025&demo=2> (дата обращения: 11.05.2025).
2. Федеральный проект «Профессионалитет» // Официальный сайт М-ва просвещения РФ. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/additional_vocational_education (дата обращения: 11.05.2025).
3. Концепция модернизации системы среднего профессионального образования в Иркутской области на долгосрочный период (до 2030 года) // Официальный интернет-портал правовой информации Иркутской области. URL: <https://www.girk.ru/pravo/archives/law/368642> (дата обращения: 11.05.2025).

УДК 658.2

М. В. Лисаускене

Восточно-Сибирский институт экономики и права, г. Иркутск

ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ СИСТЕМЫ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Приведены материалы экспертного анализа реструктуризации системы среднего профессионального образования в рамках Федеральной программы РФ «Профессионалитет». Анализируется рынок образовательных услуг колледжей г. Иркутска. Представлены результаты сравнительного исследования колледжей и их рейтинг по специально разработанным критериям. Выявлены основные тенденции и даны рекомендации по ребрендингу Русско-Азиатского колледжа экономики и права.

Ключевые слова: профессионалитет, реструктуризация, мотивы обучения, конкурентные преимущества, рейтинг.

M. V. Lisauskene

East Siberian institute of Economics and Law, Irkutsk

EXPERT ANALYSIS OF THE RESTRUCTURING OF THE SYSTEM OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

The article presents the materials of an expert analysis of the restructuring of the system of secondary vocational education within the framework of the Federal Program of the Russian Federation "Professionalism". The article analyzes the market of educational services of colleges in Irkutsk. The results of a comparative study of colleges and their rating according to specially developed criteria are presented. The main trends are identified and recommendations are given for the rebranding of the Russian-Asian College of Economics and Law.

Keywords: professionalism, restructuring, motives for learning, competitive advantages, rating.

Система среднего профессионального образования в России переживает сегодня процесс реструктуризации и находится в состоянии эксперимента. В тренде новое понятие «Профессионалитет» С 2022 г. Российским правительством в качестве эксперимента проводится программа «Профессионалитет». Указом президента данная программа включена в Национальный проект «Молодежь и дети» Постановлением Правительства Российской Фе-

дерации от 16.03.2022 г. № 387, эксперимент реализуется с 1 июня 2022 г. по 31 декабря 2025 г. В эксперименте участвуют специально отобранные колледжи и техникумы из разных регионов, в том числе Иркутской области.

«По словам заместителя председателя правительства России Татьяны Голиковой, новая программа опирается на три главные нововведения, которые, прежде чем принять к исполнению повсеместно, требуется «обкатать»: первое – вовлечение в образование учащихся колледжей и техникумов, представителей профессиональных сообществ, «действующих игроков рынка», которые также станут инвесторами системы образования; второе – сокращение сроков обучения при увеличении его интенсивности; и третье – создание в учебных заведениях разного рода центров молодежных инициатив» [4].

На сайте Министерства просвещения можно найти список так называемых образовательно-производственных кластеров, куда входят отобранные колледжи и техникумы, а также список конкретных специальностей, попавших в эксперимент. А это более 100 как рабочих профессий из железнодорожной, фармацевтической, горнодобывающей и нефтегазовой отраслей, атомной промышленности, металлургии, сельского хозяйства, машиностроения и легкой промышленности, так и специальностей среднего профессионального образования, в том числе по экономике, менеджменту, юриспруденции. Для всех них в ходе эксперимента предполагается получение образования в более короткие сроки не только в рамках рабочих профессий, но и специальностей среднего профессионального образования, в том числе социально-гуманитарного характера.

Иркутская область одна из первых вступила в Федеральную программу «Профессионалитет», которая курируется губернатором Приангарья Игорем Кобзевым. Программа реализуется в 40 учреждениях среднего профессионального образования, в 16 муниципалитетах созданы «12 кластеров по девяти направлениям в приоритетных в регионе областях: сельское хозяйство, металлургия, машиностроение, топливно-энергетический комплекс, туризм и сфера услуг, педагогика, правоохранительная сфера и управление, клиническая и профилактическая медицина, транспортная отрасль. Прием на обучение по образовательным программам ФП «Профессионалитет» в 2024 г. составил около трех тысяч человек, а за период его реализации в Иркутской области с 2022 г. наблюдается увеличение численности студентов: от 558 чел. в 2022 г. до 5,8 тыс. чел. в 2024 г. За три года на усовершенствование материально-технической базы и создание современных мастерских и лабораторий, позволяющих приблизить процесс обучения к реальным условиям на производстве, в регионе было привлечено более 1,3 триллиона руб. из федерального и регионального бюджетов.» Партнерами проекта являются такие предприятия как РЖД, Авиационный завод, группа предприятий EN+ производители алюминия и электроэнергии и другие предприятия [3].

Размах эксперимента по внедрению правительством федеральной программы профессионалитета с одной стороны впечатляет, с другой вызывает вопросы о том, готовы ли все его участники к преобразованиям. Настораживает также общий подход как к рабочим профессиям, так и к специальностям средней профессиональной квалификации. Обратимся к мнению экспертов.

Экспертов, представителей Рособрназора, директоров образовательных учреждений и других специалистов волнуют сокращение сроков образования для социально-гуманитарных специальностей, а также готовность колледжей и техникумов к данному формату обучения. Так, Ольга Воронцова, кандидат экономических наук, учредитель и директор Санкт-Петербургского технологического колледжа, эксперт Рособрназора заявляет следующее: «Сегодня жизнь требует мультипрофессиональности. Думаю, ребятам адаптироваться к новым условиям будет несложно. Но у меня вызывает опасение готовность образовательных учреждений к новому формату. Ведь нужно будет не только налаживать связи с индустрией, но и адаптировать образовательные программы и технологии» [4].

Марчел Кырлан, эксперт-аналитик цифровой платформы по разработке и продвижению законодательных инициатив «Инициатив» также считает, что сокращение сроков обучения может в первую очередь привести к сокращению социальных и гуманитарных предме-

тов. А «хорошо подготовленные профессионалы, лишённые широты кругозора, – не самое удачное сочетание»[4].

Следует отметить, что система среднего профессионального образования, в отличие от высшего образования, мало исследована. В Иркутской области социологические исследования учащихся колледжей и их профессиональных ориентаций не проводились последние 10–15 лет. Не подвергался маркетинговому анализу и рынок образовательных услуг среднего профессионального образования, хотя он активно развивается, включает как государственные, так и частные колледжи и техникумы.

В рамках данной проблемной ситуации нас интересовало, как образовательный эксперимент воспринимают сами учащиеся колледжей. А также ситуация, которая сложилась на данном образовательном рынке в условиях эксперимента.

Как показал сравнительный анализ конкуренция на рынке средних профессиональных образовательных услуг города Иркутска обостряется. Государственные и частные колледжи и техникумы, попавшие в проект Федеральной программы «Профессионалитет» становятся более конкурентоспособными, получают государственные дотации и улучшают материально-техническую базу. И, соответственно, в них поступит основное количество абитуриентов, закончивших 9 и 11 классы. Так 7 тыс. школьников и их родителей пришли 13 апреля 2025 г. на единый день открытых дверей «Профессионалитета» и проявили к программе устойчивый интерес.

Колледжи, оставшиеся за бортом проекта, теряют своих потенциальных абитуриентов. Какую маркетинговую стратегию должен избрать каждый из них, чтобы не потерять свою нишу на рынке? Как сегодня выглядит рейтинг востребованных средних специальных образовательных учреждений и какие шаги необходимо предпринять, чтобы стать лидером рынка. Ответам на эти вопросы посвящено маркетинговое исследование, которое проводилось студентами факультета экономики и управления Русско-Азиатского колледжа экономики и права под руководством доцента М. В. Лисаускене.

Объектом исследования выступили колледжи и техникумы Иркутска по экономическим и юридическим специальностям. Для анализа из 34 колледжей Иркутска были выбраны 7 колледжей и техникумов по экономическим, управленческим и юридическим специальностям. Выборка систематическая, квотная репрезентативная.

Предметом исследования явились особенности деятельности колледжей на рынке образовательных услуг.

Цель исследования – разработка маркетинговой стратегии и ребрендинг РАЭПК.

Задачи исследования:

1. Разработать критерии экспертной оценки колледжей.
2. Выявить конкурентные преимущества и недостатки колледжей Иркутска.
3. Определить лидеров рынка.
4. Выявить основные мотивы поступления в средние профессиональные учебные заведения.
5. Определить отношение учащихся к эксперименту «Профессионалитет».

Гипотеза исследования – участие в программе «Профессионалитет» является конкурентным преимуществом колледжа на рынке образовательных услуг

Методы исследования:

1. Анализ литературных источников.
2. Анализ сайтов колледжей.
3. Экспертный анализ.
4. Ассоциативный анализ.

Следует отметить, что данное исследование носило экспертный характер. В качестве экспертов выступили 137 учащихся РАЭПК.

Результаты исследования

Требования современной экономики, востребованность на рынке труда высококвалифицированных специальностей среднего звена и их достойная оплата повысили престиж

обучения молодежи в колледжах и техникумах. Каждый четвертый школьник Иркутска планирует после 9 класса уйти учиться в среднее специальное учебное заведение и получить востребованную специальность.

Важными мотивами для поступления в колледж является страх перед сдачей ЕГЭ, а также невысокая по сравнению с вузом, плата за обучение.

Следует отметить, что каждый пятый студент заявил, что на поступление в колледж повлияли конфликты с учителями и одноклассниками. Каждый второй заявил, что хотел быстрее почувствовать себя взрослым, получить статус студента и востребованную на рынке труда специальность.

В ходе проведения исследования были выделены критерии для проведения экспертного анализа образовательных учреждений

Критерии анализа колледжей:

1. Стоимость обучения.
2. Наличие бюджетных мест.
3. Наличие общежития.
4. Материально-техническая база.
5. Уровень преподавания.
6. Государственный.
7. Частный.
8. Наличие стипендии.
9. Обеспечение практики.
10. Репутация.
11. Дополнительные программы обучения.
12. Участие в программе профессионалитета.
13. Наличие маркетинговых составляющих (миссия, слоган, логотип).

Каждый критерий оценивался по 3 балльной системе, от 0 до 3 баллов. В качестве экспертов выступили команды студентов РАЭПК и привлеченные их друзья и знакомые из соответствующих колледжей. Наряду с этим эксперты оценивали плюсы и минусы сайтов образовательных учреждений. Приведем результаты рейтинга колледжей экономики и права.

Рейтинг колледжей:

1. ИТЭП – Иркутский техникум экономики и права – 24,42 балла.
2. ИТК – Иркутский технологический колледж – 23,40 балла.
3. Иркутский колледж экономики, сервиса и туризма – 23 балла.
4. КБГУ – колледж Байкальского государственного университета – 22,57 балла.
5. Юридический колледж филиала Российской правовой академии – 22 балла.
6. РАЭПК – Русско-азиатский колледж экономики и права – 18,71 балл.
7. БКЭП – Байкальский колледж экономики, права и предпринимательства – 18,41 балл.

Результаты рейтинга свидетельствуют о том, что первые 4 места заняли колледжи и техникумы, участвующие в программе профессионалитета. На последнем месте частный колледж экономики, права и предпринимательства, в нем самая высокая плата за обучение 100 тыс. руб. в год.

Русско-азиатский колледж получил 18,71 балл и занял предпоследнее место в рейтинге. Его основными рыночными преимуществами, по мнению студентов, являются:

1. Невысокая плата за обучение.
2. Высокий уровень преподавания.
3. Сотрудничество с китайскими вузами и колледжами.

Исследование показало, что в изменившихся условиях жесткой конкуренции РАЭПК необходимо разработать новую маркетинговую стратегию удержания своей рыночной ниши, а также провести ребрендинг организации, сформулировать актуальную миссию, видение, слоган, изменить логотип. В ходе исследования студенты ознакомились с особенностями Федеральной государственной программы «Профессионалитет» и проводимым эксперимен-

том дали свою оценку. Абсолютное большинство учащихся 79,3 % оценили его положительно. По мнению студентов основными плюсами профессионалитета являются непосредственная связь с будущими работодателями, прохождение производственной практики по месту будущей работы и гарантированное трудоустройство. Мнение молодежи по поводу сокращения сроков обучения разделилось: каждого третьего это не пугает, наряду с этим 37,4 % студентов хотели бы наоборот добавить 2–3 дополнительных предмета обучения непосредственно связанных с их будущей специальностью.

Литература

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.03.2022 № 387. URL: <http://government.ru/docs/all/139812/>
2. Перечень кластеров федерального проекта «Профессионалитет» // Министерство образования Иркутской области. URL: <http://irkobl.ru>
3. Кобзев: в проекте «Профессионалитет» в Приангарье участвуют 40 организаций. 21.03.2025 // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250321/priangarja-200655353.html>
4. Профессионалитет в 2025 году. URL: <http://www.kp.ru/edu/spo/professionalitet>

УДК 37.048.4(37.091.3,378)

О. В. Решетняк, Д. В. Нерезко, Н. В. Круглик

Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ПРОФОРИЕНТАЦИИ: ИГР КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ НАВЫКОВ

Рассматриваются теоретико-методологические основы использования игровых методик в профориентационной работе. Анализируются исследования, посвященные их влиянию на процесс профессионального самоопределения молодежи и формирование ключевых компетенций. Предлагаются авторские решения по внедрению игровых методик в профориентационные мероприятия вузов, подчеркивая их значимость для развития экспертных навыков, критического мышления, коммуникации и командной работы.

Ключевые слова: профориентация, игровые методики, экспертная деятельность, профессиональное самоопределение.

O. V. Reshetnyak, D. V. Nerezko, N. V. Kruglik

Kuban State Technological University, Krasnodar

INTERACTIVE METHODS OF CAREER GUIDANCE: GAMES AS A WAY TO FORM EXPERT SKILLS

The article discusses the theoretical and methodological foundations of the use of game methods in career guidance. Studies devoted to their impact on the process of professional self-determination of young people and the formation of key competencies are analyzed. The authors of the article offer their own solutions for the implementation of game methods in career guidance activities of universities, emphasizing their importance for the development of expert skills, critical thinking, communication and teamwork.

Keywords: career guidance, game techniques, expert activities, professional self-determination.

Социально-гуманитарные науки играют ключевую роль в изучении сложных процессов, происходящих в социальной, политической, культурной и экономической сферах, что особенно актуально в современном мире. Только профессионалы в этой области способны находить оптимальные решения для новых вызовов, с которыми сталкивается общество. При этом подготовка специалистов требует постоянного обновления подходов, методов и содержания обучения. Говоря об экспертной деятельности, нельзя не упомянуть концепцию П. Бурдьё о поле и капитале. Согласно этой теории, экспертные знания не существуют в вакууме, а формируются и распространяются в определённом социальном поле, где конкурируют различные группы, обладающие разными видами капитала: экономическим, социальным, культурным и символическим. Следовательно, подготовка кадров должна учитывать не только развитие конкретных навыков, но и более широкие механизмы, влияющие на профес-

сиональную траекторию. Более того, в настоящее время особое внимание уделяется концепции непрерывного образования, которая подразумевает обучение не только в вузе, но и на протяжении всей жизни. В условиях постоянных изменений в экономике и на рынке труда это становится неизбежным, поскольку навыки имеют тенденцию устаревать, и то, что требовано сегодня, через пару лет может потерять свою актуальность.

Важнейшим аспектом профессионального самоопределения является профориентация, особенно в условиях нестабильности, усложняющихся карьерных траекторий и появления новых профессий. В этом контексте нельзя не упомянуть Н. С. Пряжников [3], который рассматривает профориентацию не просто как выбор профессии, а как сложный процесс формирования идентичности, саморазвития и адаптации к изменяющимся условиям.

Современные методы профориентационной работы и их эффективность приобретают всё большую значимость. При выборе профессии молодые люди сталкиваются с широким спектром возможностей и вызовов. Профориентация – это не просто информирование, но и вовлечение, развитие интересов и осознание собственных компетенций. Одним из самых эффективных инструментов в данной сфере являются игровые методики, которые позволяют абитуриентам в интерактивной форме «примерить» на себя ту или иную профессию, оценить свои навыки и смоделировать будущее.

Игровые методики профориентационной работы получили широкое признание в педагогической практике и активно используются для помощи молодежи в осознанном выборе профессии. Исследования показывают, что игры способствуют активизации профессионального самоопределения и помогают подросткам освоить социальные и профессиональные роли. Н. Г. Лукоянова [1] отмечает высокую эффективность профориентационных игр, утверждая, что они позволяют не только вовлечь школьников в процесс выбора профессии, но и развить навыки принятия решений и ролевого поведения. Она также подчеркивает значимость наглядности и эмоциональной насыщенности таких игр, что помогает учащимся лучше воспринять информацию.

Е. В. Никитина [2] акцентирует внимание на том, что игровые методы ориентированы на активизацию учащихся в профессиональном самоопределении, создавая атмосферу, которая способствует освоению социальной и профессиональной жизни. Она выделяет игру как метод, помогающий подросткам «прожить» профессиональные отношения взрослых, что позволяет им более осознанно подходить к выбору профессии.

Не мало важным является и замечание Н. С. Пряжников [3] о том, что игровые методы в профориентации не воспринимаются школьниками как развлечение, а становятся естественной формой работы. Он выделяет важность внедрения различных форм профориентационных игр, таких как деловые игры и игровые упражнения, которые оказываются весьма эффективными при ограниченном времени.

Исследования Д. А. Семилеткиной [4] подтверждают, что интерактивные методы в профориентации способствуют глубокому ознакомлению с профессиями и помогают молодым людям осознать особенности различных сфер деятельности. Эти методы, включая проектные методики и профориентационные тренинги, открывают новые горизонты для развития ключевых компетенций и навыков.

Что касается профориентационной работы в вузах, то тут следует упомянуть исследование Г. Ф. Шафранов-Куцев и С. Н. Толстогузов [5]. Они подчеркивают важность использования игрового подхода в процессе профориентации абитуриентов, учитывая их возрастные особенности и мировоззренческие установки. Также было отмечено, что игровые методики в вузах могут существенно повысить вовлеченность студентов в процесс профессионального самоопределения, помочь им осознать значимость выбранной профессии и сформировать внутреннюю мотивацию к обучению.

Игровые методики в профориентационной работе, основанные на моделировании профессиональных ситуаций и ролей, являются мощным инструментом для активного вовлечения учащихся в процесс выбора профессии, что помогает им не только понять, но и почувствовать себя в роли специалиста. Эти методы способствуют развитию критического

мышления, коммуникабельности и способности работать в команде – важных компетенций для успешной карьеры.

В рамках исследования профориентационных методик нами была разработана квест-игра, направленная на помощь абитуриентам в осознанном выборе будущей профессии. Этот материал предназначен для использования в ФГБОУ ВО «КубГТУ», а именно на кафедре социологии, правоведения и работы с персоналом.

С помощью данного квеста абитуриенты смогут понять, что такое социология, для чего она нужна, а также ощутить себя настоящими дипломированными специалистами. С точки зрения ценности для вуза, квест-игра может способствовать развитию экспертных компетенций студентов, позволяя им приобрести опыт аналитической деятельности, прогнозирования и выработки решений в условиях неопределенности. Игровые механики квеста могут усложняться, включать больше факторов реальной социологической аналитики или адаптироваться под другие специальности.

Данная методика может применяться в рамках хакатонов, дней открытых дверей или использоваться непосредственно на практических занятиях по определенным дисциплинам. Например, она может помочь объяснить и/или продемонстрировать применение различных социологических концепций и теорий: исследований Д. Истона, о политических системах, подчеркивающих важность вовлеченности граждан в процесс принятия решений, а также теории групповой динамики К. Левина, согласно которой группы проходят через стадии формирования, конфликта, нормализации и эффективного функционирования.

Квест представляет собой небольшой мир со своими правилами, ролями и механиками, в котором участникам предстоит действовать. В игре предусмотрено три ключевые развилки, выборы в которых определяют дальнейшее развитие событий, а также восемь концовок. Данный материал может быть представлен как в формате интерактивной презентации, с возможностью онлайн-голосования, так и в виде настольно-ролевой игры с различными дополнительными инструментами для полного погружения в атмосферу и упрощения отыгрыша ролей.

Сюжет игры выглядит следующим образом: школьникам предлагается спасти некоторый город, оказавшийся в кризисной ситуации – в нем исчез самый важный ресурс, печенье. Когда городские власти замечают проблему, они принимают решение созвать совет социологов-экспертов, чтобы предотвратить катастрофу или минимизировать её последствия. Роль этих экспертов выполняют абитуриенты.

После объяснения правил участникам предлагается первая ситуация с вариантами её решения. Первая развилка: «Печенья нет! Как будем решать проблему?». Возможные решения: 1. запускаем кампанию по развитию местного производства печенья (основываем государственную фабрику, поддерживаем малый бизнес); 2. импортируем печенье из других городов в огромных количествах.

Дальнейший ход игры зависит от сделанного выбора. Если участники решают развивать производство, они переходят ко второй развилке, где сталкиваются с реакцией властей: «Начальство в шоке: развитие производства, строительство государственной фабрики – это, конечно, хорошо, но как вы собираетесь это реализовать?». Так, шаг за шагом, игроки доходят до третьей развилки, где они принимают окончательное решение и сталкиваются с его последствиями.

Этот квест помогает абитуриентам лучше понять суть социологии, развивая способность анализировать социальные проблемы и предсказывать их последствия. Игроки осознают важность коллективных решений и учатся учитывать различные факторы в обществе, что является основой социологического подхода. Применяя социологическое мышление на практике, участники смогут осознать, как социальные процессы влияют на повседневную жизнь и на развитие общества. Таким образом, данный квест знакомит школьников с основными принципами социологии, благодаря чему они подготавливаются к будущей деятельности на профессиональной арене в области социологии.

Нельзя не упомянуть и возможность добавления элемента деления на социальные группы в рамках игры. Каждая из таких групп будет отражать различные интересы и ценности. Благодаря такой механике участники смогут на практике ощутить то, как определенные профессиональные и социальные позиции влияют на принятие решений. Например, социологи в области экологии выступают за защиту окружающей среды, голосуя за решения в пользу зелёных парков и борьбы с загрязнениями, считая, что благополучие природы стоит выше материальных благ. С другой стороны, социологи в области политики отдают предпочтение массам и работают на благо удовлетворения их потребностей. Они стремятся угодить населению города, особенно перед самими выборами. А ВЦИОМ, символизируя общественное мнение, будет заниматься мониторингом настроений горожан, влияя на общественные настроения и добавляя элемент неопределенности в голосование. Таким образом, абитуриенты смогут не только столкнуться с практическими аспектами социологии, но и ощутить на себе важность социальной роли каждого индивида в принятии коллективных решений, что наглядно демонстрирует, как общественные интересы могут конфликтовать и, одновременно, работать в направлении общего блага.

В ходе данного квеста игроки не только погружаются в социально-экономические процессы общества, но и развивают ключевые навыки, необходимые для профессионального роста. Они становятся «экспертами», принимающими решения в условиях неопределенности. Данная деятельность способствует формированию их экспертных компетенций, а именно: принятие решений в условиях ограниченной информации (времени), многозадачность, критическое и стратегическое мышление. Участники практикуют навыки прогнозирования последствий своих решений, что является необходимым в рамках экспертной деятельности в любой области.

Таким образом, профориентация испытывает потребность в новых подходах, отличных от традиционных методов, которые будут отвечать запросам современного времени. Игровые методики являются не просто альтернативой для разбавления профориентационных мероприятий, а необходимым инструментом, позволяющим усваивать и оттачивать практические навыки. Благодаря таким методикам школьники и абитуриенты смогут понять будущую профессию изнутри через критическое осмысление реальных ситуаций. Более того, через игру у участников смогут раскрыться не только их профессиональные, но и личные качества, такие как умение понимать и договариваться с людьми, способность принимать решения, в условиях неопределенности. Игровые методики увлекают участников, делая процесс профориентации более эффективным и значимым. Эти подходы позволяют абитуриентам не только теоретически осознать, что им интересно, но и «примерить» на себя реальные роли, ощутить ответственность за последствия своих решений. Игровой процесс становится важным инструментом в подготовке будущих экспертов, усиливая их мотивацию и способности адаптироваться в постоянно меняющемся профессиональном мире.

Литература

1. Лукоянова Н. Г. Игра как метод активизации профессионального самоопределения обучающихся. Мастер-класс // Педагогическая мастерская. Всё для учителя! 2015. № 2 (38). С. 15–19.
2. Никитина Е. В. Психологическое сопровождение профориентационной работы в школе // Электронный журнал «Экстернат.РФ». 2012. URL: <http://ext.spb.ru/site/1490-2012-08-23-11-15-48.pdf> (дата обращения: 30.03.2025).
3. Пряжников Н. С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. М.: Академия, 2007. 501 с.
4. Семилеткина Д. А. Интерактивные методы профориентационной работы с молодежью // Студенческий научный форум – 2014: VI Междунар. студ. электрон. науч. конф. 2014. URL: <http://www.scienceforum.ru/2014/525/509> (дата обращения: 30.03.2025).
5. Шафранов-Куцев Г. Ф., Толстогузов С. Н. Профориентационные практики вуза: монография. М.: Логос, 2014. 196 с.

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Рассматриваются основные проблемы реализации современной системы профессиональной ориентации в России, такие как низкий уровень осознанности выбора профессии среди выпускников, отсутствие специализированных кадров, формальный подход к профориентационным мероприятиям и слабая координация между школами, вузами и работодателями.

Ключевые слова: профориентационная работа, профминимум, выбор профессии, единая модель профориентации, профессиональная ориентация, профессиональное самоопределение, региональный рынок труда, кадровый потенциал, система образования.

А. V. Ryzenkova

Irkutsk State University, Irkutsk

PROBLEMS OF EFFICIENCY OF IMPLEMENTING THE MODEL OF PROFESSIONAL ORIENTATION OF YOUTH IN MODERN RUSSIA

This article deals with the main problems of implementation of a modern career guidance system in Russia, such as the low level of awareness in career choice among high school graduates, the lack of qualified personnel to conduct professional orientation activities, the formal approach to career guidance events and poor coordination between schools, universities and employees.

Keywords: guidance counseling, profession selection, a single model of career guidance, career guidance, professional identity, regional market of labour, human resources, educational system.

Стремительное развитие экономики нового типа формирует важные вызовы для существующей системы образования. Проблемы дефицита кадров, оттока молодежи из регионов создают новые задачи для государственных институтов в части ведения профориентационной работы в образовательных учреждениях.

Мир стал цифровым, профессии в нем меняются, устаревают, образуют новые формы занятости. Появление искусственного интеллекта и автоматизация рабочих процессов затронули все сферы деятельности, это требует постоянного обучения – современным подросткам придется учиться всю жизнь: модель «одна профессия на всю жизнь» перестала работать, профессии будущего будут находиться на стыке нескольких сфер, что покажет необходимость постоянного обучения новым навыкам и умениям.

В современном экономическом обществе десятки тысяч профессий и каждая предъявляет свои требования. Для того чтобы ориентироваться в огромном объеме информации молодежи необходима постоянная и разнообразная поддержка, которая позволит им опираться на достоверную информацию о перспективах трудоустройства и об изменениях на рынке труда.

Сложность выбора профессии заключается в несоответствии требований к осуществлению такого выбора: чтобы определиться с профессией желательно заранее иметь представление о том, что именно выбирается, но это осложняется тем, что реальная информация о сути работы (содержании труда) обычно скрыта и школьникам приходится полагаться лишь на личные истории и интернет-описания. При этом человеку не всегда понятно какие профессии будут востребованы в его регионе к моменту окончания обучения.

Проблема профессионального самоопределения изучалась в работах Е. А. Климова, который рассматривал профориентацию, как процесс самоопределения и формирования личности готовой самостоятельно оценивать перспективы своего профессионального развития. Согласно его концепции, формирование профессионального самоопределения человека начинается еще задолго до школы и продолжается на протяжении всей жизни, именно поэтому его важно рассматривать как целостную систему. Для преодоления трудностей при выборе профессии, по его мнению, нужно повышать осведомленность молодежи, создавая понятные и точные представления о профессиях, не только с точки зрения трудовых функ-

ций, но и личных качеств присущих конкретным профессиям. Недостаток таких сведений не способствует осознанному выбору профессии и образовательные траектории чаще всего строятся стихийно. А именно осознанный выбор профессии дает возможность получить ожидаемый социальный статус в обществе, построить успешный карьерный путь и реализовать свой потенциал [1].

В последние годы в России уделяется немало внимания к вопросу профессиональной ориентации молодежи. В послании Президента РФ В. Путина Федеральному собранию 21 февраля 2023 г. были сделаны предложения по модернизации текущей системы профориентационной работы [3].

На открытии Всероссийского фестиваля по профориентации «Билет в будущее» в Екатеринбурге в 2023 г. министр просвещения С. Кравцов, заявил о запуске новой модели профессиональной ориентации, созданной на основе «всего лучшего, что было в советском опыте, отечественном опыте, международном опыте». По словам министра, «система профориентационной работы будет прорабатываться, как одна из ключевых задач строящейся суверенной системы образования в РФ» [4].

Необходимость обратиться к опыту профориентационной работы в советский период обоснована тем, что в эти годы работа велась на уровне государства и была выстроена система, отвечающая задачам государства в отношении запросов и потребностей экономики. Были созданы комиссии с участием педагогов и представителей производств, открыты учебно-методические кабинеты по профессиональной ориентации учащихся, проблему профессиональной ориентации многосторонне освещали в периодической печати (журнал «Школа и производство» рубрика «Профессиональная ориентация в школе»): цели профориентации; диагностические аспекты профориентации; совместная работа школы, семьи и производства; укрепление связи школы с родителями; роль дополнительного образования в выборе профессии. Система управлялась на всех уровнях власти, в нее были вовлечены все участники процесса: обучающиеся, родители, представители производств и т. д. [5].

С 1 сентября 2023 г. во всех общеобразовательных организациях России была введена Единая модель профессиональной ориентации обучающихся федерального проекта «Успех каждого ребенка». Для реализации данной модели предусмотрены различные форматы профориентационной работы в образовательных учреждениях: урочная деятельность, внеурочная деятельность (информационный проект «Россия – мои горизонты»), «Билет в будущее», предпрофильные и профильные классы, экскурсии на предприятия, профессиональные пробы, взаимодействие с родителями, дополнительное образование с использованием различного вида материалов: видео-лекции, тематические уроки, психологические диагностики [6].

Быстро происходящие изменения в современном обществе требуют правильного подхода к реализации профориентационной работы с молодежью. Ситуация на рынке труда меняется быстрее, чем данные об этом появляются в атласах профессий и прогнозных исследованиях. Отсутствие достоверной информации о ситуации на региональных рынках труда, востребованности профессий сейчас и в ближайшей перспективе, создает противоречивую ситуацию – специалистов с профильным образованием выпускается в достаточном количестве, но на рынке труда ощущается существенный кадровый дефицит. Разрыв между образовательными учреждениями и региональным рынком труда приводит к миграции молодых специалистов в крупные города, последующей безработице или работе не по специальности.

Несмотря на внедрение единой модели профориентации, значительная часть учащихся к моменту окончания школы не имеет четкого представления о своём профессиональном будущем. Отсутствие образовательного плана к моменту подачи документов в вуз приводит к спонтанному выбору учебного заведения, высокому проценту отчислений на первых курсах и последующему трудоустройству не по полученной специальности.

По данным Росстата [2], общее количество выпускников вузов, не работающих по специальности около 30 %, в некоторых сферах эти цифры достигают более 45 % и более (табл. 1).

Таблица 1

Соответствие работы трудоустроенных выпускников 2021–2023 гг. выпуска специальности, полученной в образовательной организации высшего образования (по данным выборочного обследования рабочей силы в 2024 г.)

	<i>В процентах</i>	
	<i>связана</i>	<i>не связана</i>
Высшее	74	26
Философия, этика и религиоведение	35	65
Физико-технические науки и технологии	36	64
Технологии легкой промышленности	42	58
Политические науки и регионоведение	47	53
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	52	48
Искусствовзнание	55	45

Наибольшее количество выпускников, занятых по полученной специальности наблюдается в медицине, искусстве, ракетно-космической отрасли, информационных технологиях и образовании (табл. 2).

Таблица 2

Соответствие работы трудоустроенных выпускников 2021–2023 гг. выпуска специальности, полученной в образовательной организации высшего образования (по данным выборочного обследования рабочей силы в 2024 г.)

	<i>В процентах</i>	
	<i>связана</i>	<i>не связана</i>
Высшее	74	26
Клиническая медицина	97	3
Фармация	96	4
Оружие и системы вооружения	95	5
Науки о здоровье и профилактическая медицина	95	5
Сценические искусства и литературное творчество	93	7
Музыкальное искусство	92	8
Аэронавигация и эксплуатация авиационной и ракетно-космической техники	91	9
Ветеринария	89	11
Компьютерные и информационные науки	88	12
Образование и педагогические науки	85	15

Еще более неблагоприятно складывается ситуация с трудоустройством по специальности у выпускников средне-профессионального образования. Общее количество выпускников, не работающих по полученной специальности – около 40 %, выпускники направлений «Информационная безопасность» и «Архитектура» имеют самый высокий процент незанятости по полученной специальности – 74 и 60 % соответственно (табл. 3), а общий список направлений несоответствия работы и полученной специальности гораздо шире, чем у выпускников вузов.

Косвенно это может говорить о том, что к моменту окончания 9-го класса и выбору образовательной стратегии, большая часть выпускников выбирает профессию неосознанно. Основной стратегией выбора продолжения обучения в колледжах и техникумах был уход от обязательной сдачи ЕГЭ в 11 классе. В апреле 2025 г. был принят закон [7], касающийся изменений поступления в вузы абитуриентов со средним профессиональным образованием, с 01.09.2025 г. выпускники колледжей и техникумов смогут поступать по результатам внутренних вступительных испытаний только на схожие специальности, а вузы вправе сами решать насколько диплом СПО соответствует выбранной специальности в вузе. Если направления отличаются кардинально – придется поступать по результатам ЕГЭ. Выпускники 9-х классов планирующие поступление в колледжи должны учитывать эти изменения при построении образовательного маршрута. Стратегия «уйти в колледж, чтобы не сдавать ЕГЭ» стала неактуальной и в большинстве случаев будет нерабочей.

Таблица 3

Соответствие работы трудоустроенных выпускников 2021–2023 гг. выпуска специальности, полученной в образовательной организации среднего-профессионального образования (по данным выборочного обследования рабочей силы в 2024 г.)

	<i>В процентах</i>	
	<i>связана</i>	<i>не связана</i>
Среднее профессиональное по программе подготовки специалистов среднего звена	61	39
Информационная безопасность	26	74
Архитектура	40	60
Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело	41	59
Машиностроение	42	58
Технологии легкой промышленности	42	58
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	43	57
Электроника, радиотехника и системы связи	46	54
Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия	46	54
Социология и социальная работа	46	54
Юриспруденция	46	54
Электро- и теплоэнергетика	49	51
Техника и технологии строительства	52	48
Промышленная экология и биотехнологии	52	48
Среднее профессиональное по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих)¹⁾	56	44
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	37	63
Техника и технологии строительства	47	53
Электроника, радиотехника и системы связи	47	53
История и археология	47	53
Изобразительное и прикладные виды искусств	47	53
Информатика и вычислительная техника	48	52
Технологии легкой промышленности	49	51
Промышленная экология и биотехнологии	50	50
Машиностроение	55	45

Также, как и в сфере высшего образования, наибольший процент занятых по специальности выпускников СПО приходится на медицину и искусство – 86–88 % и 84 % соответственно (табл. 4).

Таблица 4

Соответствие работы трудоустроенных выпускников 2021–2023 гг. выпуска специальности, полученной в образовательной организации среднего-профессионального образования (по данным выборочного обследования рабочей силы в 2024 г.)

	<i>В процентах</i>	
	<i>связана</i>	<i>не связана</i>
Среднее профессиональное по программе подготовки специалистов среднего звена	61	39
Музыкальное искусство	84	16
Сестринское дело	86	14
Клиническая медицина	88	12
Аэронавигация и эксплуатация авиационной и ракетно-космической техники	90	10
Фармация	94	6
Среднее профессиональное по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих)	56	44
Сестринское дело	87	13

Реализация современной модели профориентации начинается в стенах школ и именно педагоги выступают в качестве советчиков и наставников, а это значит, что они должны иметь представление о реальном процессе вхождения в мир профессионалов. Это предполагает некое погружение в психологическую сторону дела, что соответственно требует необходимой дополнительной квалификации, часто отсутствующей у педагогов, отвечающих за профориентационные программы в образовательных учреждениях.

Одной из основных задач профориентационных мероприятий является формирование у молодежи способности самому определить свое профессиональное будущее, следовательно, это задает более высокие требования к педагогам, осуществляющим данный процесс в образовательных учреждениях.

Отсутствие у педагогов необходимых знаний о формировании профессионального самоопределения снижает их вовлеченность в этот процесс, что значительно ухудшает его эффективность и программы проводятся «для галочки». Профориентационная работа в школах возложена на учителей «предметников», которые не обладают необходимыми компетенциями в области карьерного консультирования. Отсутствие отдельной ставки для профориентологов, приводит к поверхностному выполнению задач. Часто профориентационные занятия заменяются на подготовку к ОГЭ и ЕГЭ, сводятся к просмотру обзорных видеолекций, простому тестированию без обратной связи по устаревшим методикам – это полностью сводит на нет их эффективность. Такие формы работы не учитывают индивидуальные особенности учащихся и не формируют осознанного подхода к выбору профессии.

Действующая система профориентации в России, несмотря на ее инновационный характер, требует более пристального внимания ко всем участникам этого процесса. Главной целью профориентационной работы должно стать не информирование о профессиях, организации профессиональных проб и встреч с работодателями, а оказание помощи в получении навыков принятия решений, в получении новых знаний о разных путях в профессии, разных способах их достижения, в получении новых представлений о разнообразных видах деятельности. Другими словами, важны не сами мероприятия по профессиональной ориентации, а те изменения в сознании и личности, которые приведут к осознанному выбору профессии [1].

Современная система профессиональной ориентации в России сталкивается с рядом проблем, которые приводят выпускников школ к неэффективному выбору профессии:

- не учитываются особенности проведения профориентации в школах различного типа (по уровню подготовки – лицей/гимназии и общеобразовательные школы; по территориальному разделению – город/село и т. д.);
- недостаток научного сопровождения текущей модели профориентации, а также взаимодействия между экспертами по профориентации и образовательными учреждениями;
- отсутствие работы с родителями;
- недостаточная просветительская деятельность о целях, задачах и содержании профориентационной работы;
- отсутствие отдельных специалистов, в штате образовательных учреждений, обладающих знаниями в области профессионального самоопределения и карьерного консультирования;
- недостаток программ подготовки квалифицированных кадров для работы специалистами по профориентации;
- слабая связь между школами, вузами, бизнесом и государством, приводящая к снижению эффективности реализуемой модели профориентации;
- программа не учитывает региональные особенности спроса на профессии, нет адаптации под локальные рынки труда.

Важным аспектом в выстраивании профориентационной работы является взаимодействие школ, колледжей, вузов и предприятий с реальными секторами экономики. Мастер-классы, экскурсии на предприятия, встречи со школьниками и студентами – форматы работы с будущими профессионалами необходимо выстраивать с учетом особенностей современной молодежи, выросшей в цифровом мире.

Содержание профориентационной работы должно быть выстроено с учетом новых технологий, но при этом иметь личностно-ориентированный и дифференцированный подход. Создание современной комплексной системы профессиональной ориентации, охватывающей все целевые аудитории, с учетом работы над текущими недостатками, окажет положительное влияние на результаты образования, показатели занятости выпускников профессиональных учебных заведений, сохранение кадрового потенциал в регионах, психологическое благополучие школьников и студентов.

Литература

1. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М. : Академия, 2004. 304 с.
2. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force.
3. Послание Президента Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565>.
4. Минпросвещения рекомендует запустить в школах новую модель профориентации с 1 сентября. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17336533>.
5. Муратова А. А. Инновации в системе профориентационной работы в общем образовании на современном этапе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2023. № 4 (240). С. 57–64.
6. Билет в будущее. URL: <https://bvbinfo.ru/profminimum>.
7. О внесении изменений в статью 70 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» : Закон № 805970–8 URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/805970–8>.

УДК 316

К. М. Павлова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПСИХОЛОГИ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматривается отношение к психологической помощи в современном российском обществе. Анализируются различные стереотипные представления, сложившиеся о психологах. Актуализируется вопрос о необходимости повышения качества подготовки психологических кадров как фактора, влияющего на сохранение и поддержание ментального здоровья населения.

Ключевые слова: психологи, психологическая помощь, профессиональная группа, социология профессий.

K. M. Pavlova

Irkutsk State University, Irkutsk

PSYCHOLOGISTS AS A SOCIO-PROFESSIONAL GROUP IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

The article examines the attitude towards psychological help in modern Russian society. Various stereotypical ideas that have developed about psychologists are given. The author of the article considers the issue of the need to improve the quality of training of psychological personnel as a factor influencing the preservation and maintenance of the mental health of the population.

Keywords: psychologists, psychological assistance, professional group, sociology of professions.

В настоящее время люди, испытывая жизненные трудности, всё чаще стали обращаться за помощью к психологам и немедицинским психотерапевтам. Реклама услуг психологов ежедневно транслируется в СМИ и интернете. Лидеры мнений, блогеры, известные люди делятся своим опытом прохождения психотерапии, рассказывают о том, как изменилась их жизнь после работы с психологом и призывают других освоить этот опыт. Наблюдается тенденция привлечения внимания к вопросам поддержки и сохранения ментального здоровья. Активно развиваются психологические агрегаторы – специализированные сайты, позволяющие подобрать по определенным критериям подходящего специалиста.

По данным исследования «Индекс потребности россиян в психологической поддержке», проведенного Всероссийским центром исследования общественного мнения в феврале 2025 г., наблюдается тенденция повышения спроса на услуги психолога. В 2024 г. этот показатель вырос в 1,3 раза по сравнению с ситуацией двумя годами ранее [3].

Одновременно с этим, отношение к психологам в России продолжает оставаться неоднозначным. Несмотря на популяризацию психотерапии многие люди склонны считать психологов обманщиками и манипуляторами. Книги, блоги, курсы, марафоны, создаваемые популярными психологами-блогерами зачастую, не имеют под собой научного основания и создаются с целью зарабатывания денег. Это приводит к заблуждениям и искаженным представлениям о психологической науке.

По мнению многих людей, обращение к психологу – признак слабости, «ненормальности». «Нормальный человек» будет самостоятельно решать свои трудности, без привлечения сторонних лиц. Рассказывать свои самые сокровенные тайны чужому человеку стыдно и неприято. К тому же, многие боятся, что личная информация может стать достоянием общест-венности, если психолог не будет соблюдать конфиденциальность.

Многие приравнивают работу психолога к труду психиатра. Обращение к психологу представляется небезопасным, обязательно влекущим за собой негативные последствия. Например, есть люди, которые считают, это может повлиять на трудоустройство или получение водительских прав.

Но несмотря на предрассудки и мифы о психологии и немедицинской психотерапии, люди всё чаще выбирают не самостоятельные попытки справиться с душевными проблемами, а обращаются за помощью к квалифицированному специалисту. Традиционно, в числе самых популярных запросов на психотерапию значатся вопросы, касающиеся эмоциональной сферы (тревога, апатия, раздражительность, агрессия, стрессовое состояние и т. д.), кризисов (личностных, возрастных, семейных), взаимоотношений с близкими людьми, самореализации.

Виктор Франкл, австрийский психиатр и психолог говорил, что «У каждого времени свои неврозы – и каждому времени требуется своя психотерапия» [1]. Это высказывание справедливо и на сегодняшний день. Современный мир выдвигает к человеку множество требований. Чтобы быть успешным, счастливым и эффективным нужно уметь работать в режиме многозадачности, быстро и качественно решать возникающие проблемы, удерживать внимание на выполняемой деятельности, уметь отделять главное от второстепенного.

Увеличивающийся темп жизни, цифровизация, различные обстоятельства на которые человек не в силах повлиять – всё это является факторами появления психологических проблем. Финансовые кризисы, инфляция, рост безработицы и потеря рабочих мест. Различные чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, которые нельзя предугадать. Террористические акты, вооруженные нападения, деятельность мошенников. Пандемия коронавируса, повлекшая за собой вынужденную изоляцию, и, как следствие, затруднения в коммуникации и повышение страха за жизнь и здоровье себя и близких. Дестабилизация политической ситуации и проведение специальной военной операции. Вот лишь часть тех событий, которые выпали на долю нашей страны за последние годы.

Благодаря развитию интернет-медиа и социальных сетей, люди оперативно узнают все подробности о происходящем в мире. Даже не находясь напрямую в обстоятельствах повышенного риска у каждого, есть возможность следить за развитием событий. Это повлекло за собой появление такого феномена как думскроллинг – повышенное внимание, регулярное ознакомление с плохими новостями [2].

Современная социальная реальность характеризуется потерей внутренних и внешних опор, повышенной неопределенностью. Нестабильность эмоционального баланса, посттравматические стрессовые расстройства, панические атаки, различные проявления зависимого поведения (в том числе зависимость от интернета и социальных сетей), проблемы в коммуникации, одиночество, страх. Вот далеко не полный список запросов, с которыми клиенты обращаются к психологам в наше время. Но готовы ли психологи работать с подобными темами? Готовы ли специалисты, в случае острой необходимости, оказывать кризисную и чрезвычайную помощь?

На психологов в современном обществе ложится ответственная и важная миссия – формирование, поддержка и сохранение у человека устойчивости к неопределенности, опоры на себя и ресурсы своей личности. Но для того, чтобы эффективно работать с клиентами важно, чтобы сам психолог обладал этой устойчивостью. Для этого специалисту необходимо своевременное и качественное повышение квалификации, получение современных актуальных знаний, методов и приемов работы. Важна пройденная личная терапия. Только когда психолог сам прошел путь терапии в роли клиента, он может понять того, кто придет к нему со своей душевной болью. Он будет устойчив к переживаниям клиента, не будет сливаться с ним в единое целое, оставаясь в терапевтической позиции. Он не будет проецировать на клиента свои проблемы и непроработанные части личной истории. Кроме этого, для психолога важно регулярное прохождение супервизии под руководством опытного супервизора. Формат супервизии позволяет взглянуть психологу на себя, клиента и их совместную работу со стороны, отследить свои чувства и реакции по отношению к клиенту, заметить «слепые пятна», осложняющие психотерапевтический процесс. Также важным критерием успешности психолога является его включенность в профессиональное сообщество, обмен опытом с коллегами.

Таким образом, для сохранения и поддержания психологического здоровья населения, одной из важнейших задач на настоящий момент является качественная подготовка психологических кадров.

Литература

1. Франкл В. Неврозы. Теория и терапия / пер. с нем. М. Матвеевой, О. Терентьевой (введение) ; науч. ред. С. Штукарева. М. : МИФ, 2024. 304 с.
2. Истомина О. Б. Вызовы новой социальной реальности и аддиктивные реакции: социально-философский анализ // Вестник Бурятского государственного университета. 2023. № 1. С. 3–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-novoy-sotsialnoy-realnosti-i-addiktivnye-reaktsii-sotsialno-filosofskiy-analiz> (дата обращения: 10.05.2025).
3. Индекс потребности россиян в психологической поддержке // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-potrebnosti-rossijan-v-psikhologicheskoi-podderzhke> (дата обращения: 28.04.2025).

УДК 316.346.32-053.6

Е. А. Бухарова, Е. В. Решетникова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассмотрены ключевые аспекты профессионального становления молодых специалистов. Представлен обзор современных трендов профессионализации и самоопределения молодежи, а также анализ приоритетных направлений актуального развития системы профессионального образования в Российской Федерации.

Ключевые слова: молодые специалисты, профессионализация, трудовой потенциал, молодежь, профессиональное становление.

E. A. Bukharova, E. V. Reshetnikova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF YOUNG SPECIALISTS IN THE FORMATION OF THE LABOR POTENTIAL OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the key aspects of the professional development of young professionals. The article provides an overview of current trends in professionalization and self-determination of youth, as well as an analysis of the priorities of the current development of the vocational education system in the Russian Federation.

Keywords: young professionals, professionalization, labor potential, youth, professional development.

Современные условия развития общества и государства диктуют новые условия для стабилизации экономического и социального пространства государства. Приоритетной задачей в данном случае становится формирование эффективных механизмов использования трудового потенциала молодых специалистов. Молодежь всегда была и является актуальным социально-трудовым ресурсом социума, так как именно она коренным образом влияет на образ желаемого будущего. Если в первые десять лет двадцать первого века уровень занятости населения поддерживался за счет трудовой активности старшего поколения, то на данный момент данная роль все более активно переходит в руки молодежи, которая сталкивается с целым рядом проблем, связанных с профессиональным становлением, карьерным моделированием, уровнем профессиональной квалификации и т. д. Представленные факторы, в свою очередь, влияют на возможности экономического и социального развития общества и государства, роста человеческого капитала.

Рассматривая вопрос трудового потенциала молодых специалистов в текущих условиях российской действительности, стоит отметить, что человеческий капитал, который представляет собой комплекс свойств и качеств индивида, которые пригодны для использования в процессе социального производства, является фактором, требующим к себе внимание на протяжении всего становления личности человека, начиная с детства и заканчивая достаточно зрелым возрастом. Следовательно, развитие человеческого капитала в своей сущности является довольно трудоемким процессом, нуждающимся в соблюдении сопутствующих условий, среди которых можно выделить успешность социализации индивида, уровень его образования и воспитания. В подобных реалиях качество профессионального развития молодых специалистов зависит от целого ряда взаимосвязанных элементов, что подразумевает особое внимание к качеству начальной и профессиональной подготовки молодежи к будущей трудовой деятельности.

Начальная подготовка молодежи к будущей трудовой деятельности, в данных обстоятельствах, включает в себя осознанность выбора собственной профессии и соответствие индивидуальных и личностных характеристик профессиональному портрету специалиста, которым после обучения станет молодой человек. Процесс выбора профессии для каждого индивида является основополагающим, так как влияет на его непосредственную жизнедеятельность. Небрежность в подобном вопросе губительна, как для конкретного человека, который столкнется с негативными последствиями своего необдуманного выбора, так и для общества и государства, которые не получают достаточно квалифицированного и мотивированного специалиста. Правильный выбор будущей профессии влияет на успешность индивида в трудовой деятельности, возможности его карьерного и профессионального роста. К основным факторам, влияющим на выбор профессии можно отнести:

1. Личностные особенности – интересы, склонности, способности, темперамент;
2. Социальные факторы – влияние семьи, ближайшего окружения, СМИ;
3. Экономические условия – состояние рынка труда, востребованность профессий;
4. Образовательные возможности – качество и доступность профессионального образования [2].

Потребность общества и государства в квалифицированных кадрах является приоритетным вопросом для Российской Федерации, в связи с этим на сегодняшний день для молодежи появилось множество возможностей для профессионального самоопределения, которые в первую очередь поддерживаются на законодательном уровне. К подобным возможностям можно отнести ежегодные Всероссийские ярмарки трудоустройства, которые проводятся при поддержке Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации и включают в себя обязательную профориентационную работу с детьми и молодежью, также одним из ведущих инструментов государственной поддержки самоопределения молодежи является федеральный профориентационный проект «Билет в будущее». Ключевая цель проекта – обеспечение успеха каждого ребенка в выборе наиболее интересной и подходящей для него профессии. Основными задачами данного проекта являются:

1. Содействие в профессиональном самоопределении детей и молодежи;

2. Расширение средств для осуществления профориентационной работы в регионах Российской Федерации;

3. Разработать подходящие варианты для обучения детей с ОВЗ;

4. Сформировать индивидуальные рекомендации для каждого ребенка в зависимости от его индивидуальных особенностей [7].

Федеральный проект «Билет в будущее» дает уникальную возможность для детей и молодежи с помощью профориентационных уроков, психологической диагностики, мастер-классов, профессиональных проб и иных инструментов больше узнать о самом себе, своих склонностях и интересах, а также осознанно выбрать будущую профессию. Цифровым ядром данного проекта является multifunctional информационно-сервисная онлайн-платформа, где размещены все необходимые ресурсы и информация для профессионального самоопределения молодежи.

Осознанность профессионального выбора является безусловным фактором, оказывающим ключевое влияние на профессиональное становление молодых специалистов, а на качество их подготовки влияют образовательные учреждения профессионального и высшего образования. Процесс профессионального становления молодых специалистов тесно взаимосвязан с их профессионализацией и вторичной социализацией. Под профессионализацией следует понимать процесс становления индивида компетентным и квалифицированным специалистом в какой-либо области. Ключевыми аспектами профессионализации являются следующие элементы:

1. Формирование профессиональных компетенций, соответствующих высокому уровню освоения базовых профессиональных навыков в какой-либо области трудовой деятельности;

2. Развитие специфических знаний и навыков;

3. Становление профессиональной идентичности и соотнесение себя с определенным профессиональным сообществом;

4. Приобретение профессионального статуса и его подтверждение в профессиональном сообществе [3].

В целом профессионализация представляет собой процесс тесно взаимосвязанный со становлением профессионально-личностной самоидентичности индивида, профессиональным образованием, повышением квалификации и профессиональным развитием молодых специалистов. Взаимосвязь профессионализации и трудового потенциала человека заключается в отражении обоих процессов в личных характеристиках, определяющих способность каждого человека к труду. Влияние профессионального становления индивида на его трудовой потенциал можно отследить по следующим компонентам:

1. Квалификационный уровень (профессиональные знания и умения);

2. Личностный потенциал (мотивация, ответственность);

3. Творческий потенциал (способность к инновациям);

4. Адаптационный потенциал (способность к быстрой адаптации к изменениям) [3].

Раскрытие каждого из этих компонентов предоставляет человеку возможность для выхода на новый уровень собственного самосовершенствования как в повседневной жизни, так и в профессиональном поле. В качестве основополагающих аспектов, регламентирующих эффективность профессионального становления молодых специалистов можно выделить: наставничество, ротацию кадров и горизонтальную мобильность, систему профессионального обучения и развития, непрерывное образование, формирование корпоративной культуры, направленной на постоянное профессиональное самосовершенствование. Данные аспекты обеспечивают действующие формы содействия и мотивации сотрудников к регулярному личностному и профессиональному росту, что является залогом для формирования базы высококвалифицированных и компетентных специалистов, способных стать реальным трудовым капиталом для общества и государства.

Современные тренды и тенденции в вопросе профессионализации молодых специалистов включают в себя цифровизацию образовательного процесса, повышение значимости

надпрофессиональных (мягких) навыков, совершенствование гибких форм профессионального становления, повышение значимости корпоративного обучения, а также формирование целой системы профессионального развития и самореализации. Данные тренды находят свое отражение в системе современного профессионального образования и одним из примеров в данном случае является реализация федерального проекта «Профессионалитет». Главной задачей данного проекта является создание образовательно-производственных центров (кластеров) и образовательных кластеров среднего профессионального образования, которые представляют собой действующую систему, интегрирующую ресурсы колледжей и техникумов с потенциалом региональных работодателей. Все профессиональные образовательные организации, входящие в кластер, получают возможность для модернизации своего учебного процесса, а базовая организация, представляющая собой ядро кластера, актуализирует и обновляет всю свою ресурсно-методическую базу, административный и педагогический состав. Обновление материально-технической базы, образовательных программ, обучение и повышение квалификации педагогических работников и управленческого состава дает уникальную возможность полной трансформации всего образовательного пространства профессионального учебного заведения. Кроме того, непосредственное участие в жизни колледжа профильных работодателей предоставляет шанс для актуализации собственных стандартов, образовательных процессов и программ под реальные запросы рынка труда, что повышает квалификацию и конкурентоспособность будущих выпускников. Отдельно стоит отметить, что федеральный проект «Профессионалитет» является флагманом модернизации среднего профессионального образования, который дает как материальные, так и социальные ресурсы для продвижения профессионального образования в стране, популяризацию рабочих специальностей и повышение качества профессионального обучения.

Развитие инициатив, подобных внедрению федерального проекта «Профессионалитет» является новым трендом для современной системы образования, который уже на этапе подготовки молодых специалистов задает новый уровень для их квалификации и компетентности, при этом гарантируя для каждого из них не только достаточную степень профессионального мастерства, но и конкретное рабочее место с достойными условиями работы. Взаимосвязь профессионализации молодых специалистов, образовательной и трудовой деятельности делают данный проект особенным и на реальном примере показывают, что грамотное использование имеющихся ресурсов общества и государства дают положительную динамику для изменения социальной и экономической ситуации в стране.

Таким образом, профессиональное становление молодых специалистов является приоритетной задачей для социума и государства, так как за счет молодежи формируется трудовой потенциал страны, образ желаемого будущего и траектории дальнейшего развития. Качественная подготовка и раннее самоопределение для молодого поколения представляют собой действующие инструменты для карьерного моделирования, успешного профессионального и личностного развития. Взаимосвязь общественных интересов и индивидуальных возможностей молодежи отражает ключевые аспекты, которые нуждаются во внимании и анализе для построения дальнейшего пути развития нашего общества.

Литература

1. Зеер Э. Ф. Психология профессий. М. : Акад. проект, 2018. 336 с.
2. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М. : Академия, 2019. 304 с.
3. Маслова В. М. Управление персоналом. М. : Юрайт, 2021. 506 с.
4. Дятлов В. А. Управление персоналом. М. : Академия, 2018. 190 с.
5. Шекшня С. В. Стратегическое управление персоналом в эпоху цифровой трансформации. М. : Бизнес-школа «Интел-Синтез», 2022. 296 с.
6. Федеральный проект «Профессионалитет» // Министерство просвещения Российской Федерации. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/additional_vocational_education/ (дата обращения: 15.05.2025).
7. Федеральный проект «Билет в будущее» // Министерство просвещения Российской Федерации. URL: <https://edu.gov.ru/press/5751/v-proforientacionnom-proekte-bilet-v-budushee-poyavilis-novye-programmy> (дата обращения: 15.05.2025).

ОБУЧЕНИЕ ГУМАНИТАРНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ВЫЗОВЫ И РИСКИ, ЭКСПЕРТНЫЙ ПОДХОД

Анализируются профессиональные эффекты, сопутствующие цифровой социализации личности в процессе получения высшего гуманитарного образования. Подчеркивается необходимость исследования не только положительных аспектов цифровых технологий, но и рисков замещения традиционных методов обучения, которые развивают критическое мышление, креативность и коммуникабельность – ключевые навыки для гуманитариев. Определено, что в рамках социологии важно исследовать возможность и оправданность интеграции цифровизации в обучение гуманитарным специальностям для оценки оптимального баланса между цифровыми инструментами и классическими методами обучения.

Ключевые слова: цифровизация образования, оптимизация, дегуманизация образования, социализация.

A. D. Kriutchenko

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

TEACHING HUMANITIES IN THE AGE OF DIGITALIZATION: CHALLENGES AND RISKS, EXPERT APPROACH

The article analyzes the professional effects accompanying the digital socialization of an individual in the process of obtaining higher education in the humanities. It is necessary to study not only the positive aspects of digital technologies, but also the risks of replacing traditional teaching methods that develop critical thinking, creativity and communication skills – key skills for humanists. In a sociological context, it is important to study the possibility and justification of integrating digitalization into teaching humanities to assess the optimal balance between digital tools and classical teaching methods.

Keywords: digitalization of education, optimization, dehumanization of education, socialization.

Проблема цифровизации образовательного процесса профессиональной подготовки специалистов образовательных организаций высшего образования с 2019 г. активно обсуждается учеными из различных областей. Авторы рассматривают проблему цифровой личности и процессов социализации с психологической точки зрения [10], а также исследуют становление личности и регулирование социального взаимодействия в условиях цифрового общества [8]. Социальные философы затрагивают проблему влияния философских и социальных процессов цифровизации и цифровой трансформации в обществе на профессиональное образование [7]. Педагогический анализ поднимает проблему достижения гармонизации соотношения «цифровизация – гуманизация» в инновационном образовании [3]. В культурологическом аспекте рассматривается проблема образовательной культуры России в условиях цифровизации современного общества [6].

Цифровизация, с учетом ее проникновения практически во все сферы общественного производства, оказания услуг, возможности к доступу и получению информации можно рассматривать как социально-культурный феномен, обусловленный потребностями человека и общества в повышении эффективности своей деятельности на основе научно-технических достижений. Она выступает и как фактором изменений ценностных приоритетов, сознания и образа жизни российского общества, и как процесс внедрения цифровых технологий в жизнь социума посредством переноса в цифровую среду видов деятельности, ранее выполнявшихся человеком [5]. Каждый исследователь подходит к изучению проблемы через призму своей области знаний, акцентируя внимание на тех элементах и методах, которые наиболее актуальны для его дисциплины. Это приводит к множеству различных толкований и интерпретаций влияния цифровизации на образовательный процесс.

В данной статье мы хотели бы сосредоточить внимание на социологическом анализе профессиональных эффектов, связанных с цифровой социализацией личности в процессе получения высшего гуманитарного образования. Это обусловлено изменением способов ком-

муникации и взаимодействия, влиянием цифровой среды на самоидентификацию и профессиональную ориентацию личности, возникновению социального неравенства и доступа к цифровым ресурсам, а также изменением в структуре и культуре образовательного процесса. Высшее гуманитарное образование, являясь основой подготовки квалифицированных специалистов для профессий в системе «человек-человек», сталкивается с новыми вызовами, обусловленными изменением форматов обучения и взаимодействия между преподавателями и студентами.

Актуальность исследования определяется растущей ролью цифровизации в образовательном процессе и её влиянием на социальные явления, такие как гуманизация, социализация и оптимизация образования. В условиях стремительных изменений в информационных технологиях важно оценить, как внедрение цифровых технологий сказывается на обучающихся и преподавателях, а также на эффективности образовательного процесса.

Процесс цифровизации университетов несет в себе как широкие возможности, так и серьезные риски. Среди наиболее значимых возможностей выделяются доступность образования, гибкость предлагаемых образовательных форматов, интеграция университетов как особого вида образовательных платформ в международное образовательное пространство. Безусловным плюсом «цифровизации» является тенденция «ускорения» темпа и ритма жизни как в науке, технике, в образовании, так и в быту и т. д. Характерным для современного этапа цифровизации является системный характер взаимодействия, когда при внедрении цифровых технологий в одну сферу, активизируются и актуализируются перемены в других [11]. К актуальным негативным рискам цифровизации образовании можно отнести рост социального неравенства, одиночество и снижение социальной коммуникации, деградацию традиционных социальных институтов в образовании, проблемы формирования социальной ответственности и гражданской позиции, а также снижение качества социальной поддержки и менторства в образовании.

Одним из ключевых негативных последствий цифровизации образования для студентов гуманитарных специальностей может стать снижение уровня межличностного общения и ослабление или потеря навыков социальных практик взаимодействия. При дистанционном обучении социальное взаимодействие студентов в основном происходит в онлайн-формате, что уменьшает возможность развивать навыки, такие как общение, активное слушание, эмпатия и невербальная коммуникация, что является неотъемлемой частью профессий, ориентированных на работу с людьми. Из-за избытка информации в сети студенты могут испытывать трудности в критическом осмыслении и фильтрации данных, что особенно важно для гуманитарных наук. Если рассмотреть формат взаимодействия главных субъектов онлайн-обучения, можно сделать вывод о недостаточной способности выстраивания доверительных отношений между студентами и преподавателями, что, в свою очередь, может негативно сказаться на эффективности образовательного процесса [1].

Кроме того, следует отметить, что упрощение образовательных программ, стандартизация оценивания, сокращение педагогического состава, коммерциализация образования и игнорирование междисциплинарности при цифровизации ограничивают формирование рационального мышления у слушателей, возможности студентов в углубленном изучении тем и развитии критически важных навыков на основе поисковой и аналитической работы. Оптимизация приводит к сокращению учебных курсов, что снижает глубину освоения материала и препятствует развитию креативного мышления – основного компонента гуманитарной сферы, способствует формированию потребительского отношения при поиске и получении информации [2].

Исследования показывают, что цифровизация приводит к дегуманизации высшего образования. Возникает социальная изоляция, виртуальная среда может снижать уровень вовлеченности студентов в учебный процесс по сравнению с традиционными учебными формами. Повышенное использование технологий в образовании может привести к механическому подходу, из-за чего личностные взаимодействия между учителями и учащимися могут оказаться на втором плане. Нехватка равного доступа к образовательным ресурсам может

привести к тому, что некоторые студенты из неблагоприятных условий окажутся не готовыми к выполнению профессиональных ролей, требующих высокой эмоциональной и социальной компетенции [4].

Гуманитарные профессии, такие как психология, социальная работа и педагогика, требуют эмоционального вовлечения. При цифровизации образования студенты могут испытывать стресс из-за формата обучения, что негативно сказывается на их способности строить профессиональные отношения и оказывать помощь другим. Это создает проблему для будущего рынка труда: при недостаточной подготовке гуманитарных специалистов может возникнуть дефицит квалифицированных работников в таких важных сферах, как здравоохранение, образование и социальные услуги. Это, в свою очередь, может усилить существующие социальные проблемы.

Следует также учесть, что цифровизация образования, с одной стороны позволяет минимизировать временные, интеллектуальные и эмоциональные затраты, с другой стороны, негативно сказывается на профессиональной подготовке студентов и их способности эффективно работать в гуманитарных областях, на готовность и способность как обучающихся, так и будущих специалистов самостоятельно анализировать различный информационный контент, требующий оценки на основе полученных гуманитарных знаний и заявленных компетенций, которыми должен обладать специалист по результатам профессионального обучения [9].

На основании тезисов можно сделать выводы:

1. Цифровизация образования создает риски для студентов гуманитарных специальностей, включая снижение межличностного общения и ухудшение социальных навыков. Дистанционное обучение ограничивает практику таких умений, как общение и эмпатия, а избыток информации в интернете затрудняет критическое восприятие данных. Также в онлайн-формате сложнее устанавливать доверительные отношения между студентами и преподавателями, что снижает общую эффективность учебного процесса.

2. Оптимизация образовательных программ и сокращение педагогического состава ограничивают развитие критически важных навыков, рационального мышления и глубины знаний, что приводит к формированию потребительского отношения к информации и угрожает креативности в гуманитарной сфере.

3. Цифровизация приводит к дегуманизации высшего образования.

4. Цифровизация образования снижает затраты, но негативно влияет на профессиональную подготовку студентов в гуманитарных областях, ухудшая их способности к самостоятельному анализу информации и применению гуманитарных знаний.

Исходя из вышесказанного, следует сделать вывод, что в исследованиях цифровизации высшего образования особое внимание следует уделить подготовке студентов гуманитарных специальностей. Цифровизация может как обогатить их образование новыми формами и инструментами обучения, так и вызвать опасения по поводу замещения традиционных методик, которые развивают критическое мышление, креативность и коммуникабельность – ключевые навыки для гуманитариев. В рамках социологии важно исследовать возможность и оправданность интеграции цифровизации в обучение гуманитарным специальностям, определить разумные пределы её применения и риски, связанные с вытеснением традиционных методов образования. Это включает в себя анализ влияния идеологии потребительского общества на цифровизацию в образовании.

Таким образом, исследование важно не только для оценки текущего состояния образовательной среды, но и для разработки рекомендаций по её оптимизации, с учетом потребностей современного общества и вызовов, связанных с цифровизацией, особенно в контексте подготовки студентов гуманитарных специальностей.

Литература

1. Антипов М. А. Социальность и социализация в условиях цифровизации общества // Философская мысль. 2022. № 11. С. 61–72.

2. Воробьева И. В. Особенности профессиональной социализации студентов, получающих специальность «социальная работа»: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04; Московский гуманитарный университет. М., 2007. 19 с.
3. Галушко Т. Г. Человеко-ориентированное фиджитал-и диджитал-образование: цифровизация и гуманизация // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2022. № 204. С. 25–34.
4. Головчин М. А. Институциональные ловушки цифровизации российского высшего образования // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 3. С. 59–75.
5. Дмитриева Т. В. Цифровизация как социокультурный феномен современного российского общества: дис...канд. филос. наук : 5.7.7. ; Государственный университет просвещения. М., 2023. 170 с.
6. Капитанова Н. В., Кислухин А. А. Образовательная культура России в условиях цифровизации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 3. С. 60–63.
7. Лях Ю. А. Социальные и философские основы цифровизации цифровой трансформации профессионального образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. № 3 (43). С. 86–90.
8. Микляева А. В. Цифровое общество и цифровая социализация: перспективы социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15, № 2. С. 5–11.
9. Пашков М. В., Пашкова В. М. Проблемы и риски цифровизации высшего образования // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 3. С. 40–57.
10. Солдатова Г. У., Войсунский А. Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Вестник НИУ ВШЭ. 2021. Т. 18, № 3. С. 431–450.
11. Шинкевич В. Е. Цифровизация образовательной среды: диалектическое переплетение практической пользы, значения и новых проблем // Личность и деятельность преподавателя в условиях цифровой трансформации : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Году педагога и наставника в Российской Федерации. Красноярск, 24 нояб. 2023 г. / сост.: М. А. Макарова, Т. Н. Пасечкина, Ю. Г. Хлоповских, Н. В. Шкроб. Красноярск : Сиб. Пожар.-спасат. акад. ГПС МЧС России, 2023. С. 12–17.

УДК 316.346.32–053.6:004

А. А. Аббакумова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СПЕЦИФИКА ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Работа посвящена анализу механизмов влияния социальных сетей на молодежь в современной России. Выявлены характер и способы влияния социальных сетей на молодежь в аспекте современного коммуникационно-информационного дискурса. Охарактеризованы отличительные особенности влияния социальных сетей на российскую молодежь в региональном аспекте (по результатам социологического исследования).

Ключевые слова: молодежь, социальные сети, коммуникации, информационное пространство, цифровая идентичность, интернет-зависимость, регион.

A. A. Abbakumova

Irkutsk State University, Irkutsk

SPECIFICITY OF THE INFLUENCE OF SOCIAL NETWORKS ON YOUTH IN MODERN RUSSIA: REGIONAL ASPECT

The work is devoted to the analysis of the mechanisms of influence of social networks on young people in modern Russia. The work reveals the nature and methods of influence of social networks on young people in the aspect of modern communication and information discourse. Distinctive features of the influence of social networks on Russian youth in the regional aspect are revealed (based on the results of a sociological study).

Keywords: youth, social networks, communications, information space, digital identity, Internet addiction, region.

Молодежные вызовы, отражающие весь спектр социально-экономических, социально-демографических, информационно-коммуникационных и др. проблем, в настоящее время имеют приоритетное значение для государства и общества. «Открытые» и «закрытые» проблемы в молодежной среде в случае их не регулирования несут угрозу и приобретают в большинстве случаев антиобщественный характер. Зависимость от социальных сетей напря-

мую влияет на формирование личностного и социального потенциала молодежи и утверждение ее позиций в информационном пространстве. Как справедливо отмечают отечественные социологи Т. И. Грабелных, Е. И. Багрий и др., «...идет активный процесс трансформации пространств самопрезентации молодежи в цифровом обществе» с разными силами внешнего и внутреннего влияния [1].

Как показал теоретический анализ, исследование молодежных проблем требует определения «цифровой идентичности», когда человек зарегистрирован и имеет личные страницы в социальных сетях, в которых он проживает часть своей жизни, черпает знания, общается, обменивается информацией, делает покупки, состоит в игровых чатах и т. д. [2–8].

Согласно данным Росстата, подавляющее большинство молодежи являются пользователями сети Интернет и зарегистрированы на различных социальных платформах, что позволяет сделать вывод о том, что социальные сети на сегодняшний день являются важным атрибутивным признаком жизнедеятельности подрастающего поколения. Тенденции усиления позиционирования молодежи в цифровом пространстве показывают, что со временем произойдет рост влияния социальных сетей на молодежь. При этом следует выделить 2 аспекта: 1) положительное влияние, связанное с освоением цифровых компетенций и саморазвитием подрастающего поколения; 2) отрицательное влияние, когда человек утрачивает способность к саморегулированию и самоконтролю, переставая думать и принимать решения сам. Ориентация на поведение других при отсутствии личной инициативы у молодежи приводит к потере ее субъектности. Как следствие, на социальном уровне проявляются пассивность, инертность, невидение перспектив в жизни молодежи.

При проверке авторской гипотезы относительно актуальности проблемы влияния социальных сетей на современную молодежь, подтвердилось (в пилотажном исследовании, проведенном 10–22 апреля 2025 г. на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИГУ, приняли участие мужчины и женщины от 25 до 50 лет среди населения Иркутской области), что такая проблема чрезвычайно актуальна. По данным проведенного опроса выявлено, что вследствие влияния социальных сетей у молодежи происходит обострение проблем, связанных с распространением социальной изоляции, снижением мотивации, ухудшением здоровья и ростом кибербуллинга. Среди других проблем видится психологическая адаптация и повышение инфантильности. По интенсивности и характеру влияния названы социальные сети, которыми чаще всего пользуется современная молодежь: «ВКонтакте», «Telegramm», «Инстаграмм», «Тик-Ток», в меньшей степени – «Одноклассники». Примечательно, что респонденты рассматривают вполне реальные и достаточные возможности для решения проблемы негативного влияния социальных сетей на молодежь. Результаты опроса показали, что лишь небольшая часть респондентов считает, что проблему не решить. Распределение ответов на вопрос: «Кто должен решать проблемы негативного влияния социальных сетей на молодежь?» показало, что на первом месте такую проблему должны решать родственники (родители), на второй позиции – государственные учреждения, и только на третьей – образовательные учреждения. Лишь малая часть опрошенных указала, что ее должна решать сама молодежь.

Исследование показало, что частота и статус нахождения молодежи в социальных сетях, как правило, приводит к социальной изоляции (выработке «цифровой модели социальной изоляции») и слабой реализуемости в не цифровом пространстве, т. е. неустойчивости социального статуса молодежи в реальной жизни. «Цифровая идентичность» и «интернет-зависимость» – как социологические категории взаимосвязаны, выражая разную степень влияния «социальных сетей» на молодежь и масштаб его последствий. Подтвердилось, что «цифровая идентичность» не всегда вызывает «интернет-зависимость».

В заключение отметим, что прослеживается прямая взаимосвязь между характером и масштабом включенности молодежи в социальные сети и стратегиями участия молодежи в не цифровом пространстве. В работе с молодежью в цифровой среде считаем важным акцентировать внимание на внедрении новых коммуникационно-информационных технологий, а также повысить статус и ответственность института родительства. Цифровые вызовы для молодежи – это новые сложные вызовы для региона, государства и общества, требующие принятия стратегических и оперативных решений на всех уровнях.

Литература

1. Грабельных Т. И., Багрий Е. И., Мохрякова Е. А. Трансформация пространств самопрезентации молодежи в цифровом обществе // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 1. С. 16–20. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50366091_43542306.pdf (дата обращения 10.04.2025).
2. Романова Т. Е. Влияние социальных сетей на молодежь // Культура. Духовность. Общество. 2014. № 11. С. 212–217. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialnyh-setey-na-molodezh> (дата обращения: 11.04.2025).
3. Якоба И. А. Особенности интернет-коммуникации (социологический, лингвистический, гендерный аспекты) // Вестник ИрГТУ. 2012. № 3. С. 28–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-internet-kommunikatsii-sotsiologicheskiiy-lingvisticheskiiy-gendernyy-aspekty> (дата обращения: 11.04.2025).
4. Асеева О. В. Влияние социальной сети интернет на развитие социальной активности молодежи // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 6. С. 15–17. URL: <http://sisp.nkras.ru/eru/issues/2012/6/aseeva.pdf> (дата обращения: 25.04.2025).
5. Ковров В. Ф. К вопросу о влиянии социальных сетей на поведение молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 1. С. 10–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kovrovu-o-vliyani-sotsialnyh-setey-na-povedenie-molodezhi> (дата обращения: 11.04.2025).
6. Нугаев П. И. Влияние интернета и социальных сетей на современную молодежь // Вестник науки и образования. 2020. № 12–1. С. 112–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-interneta-i-sotsialnyh-setey-na-sovremennuyu-molodezh> (дата обращения: 24.04.2025).
7. Хасуев А. Э. Влияние социальных сетей на уровень образования и досуга молодежи в современном обществе // МНКО. 2019. № 6. С. 25–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialnyh-setey-na-uroven-obrazovaniya-i-dosuga-molodezhi-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 24.04.2025).
8. Цуканова М. В. Роль социальных медиа в социализации молодежи // Социология. 2022. № 3. С. 18–23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-media-v-sotsializatsii-molodezhi> (дата обращения: 25.04.2025).

УДК 316.77

Е. А. Кузнецова

Байкальский техникум отраслевых технологий и сервиса, г. Байкальск

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Рассматриваются вопросы цифровизации современного общества и влияния этих процессов на социализацию современной молодежи. Проанализированы требования к человеку, взаимодействующему с другими в виртуальном пространстве по работе, обучению или досугу. Выявлены противоречия виртуальной социализации личности. Также раскрыт вопрос о виртуальной зависимости, который нивелирует положительные моменты виртуальной социализации.

Ключевые слова: виртуальная социализация, негативные последствия, молодежь, информационная среда, требования к человеку, противоречия, виртуальная зависимость.

E. A. Kuznetsova

Baikalsk college of sectorial technologies and service, Baikalsk

DIGITALIZATION OF SOCIETY AND SOCIALIZATION OF MODERN YOUTH

The article examines the issues of digitalization of modern society and the impact of these processes on the socialization of modern youth. The requirements for a person interacting with others in the virtual space for work, study or leisure are analyzed. The contradictions of the virtual socialization of the individual are considered. As well as the issue of virtual dependence, which neutralizes the positive aspects of virtual socialization.

Keywords: virtual socialization, negative consequences, youth, information environment, requirements for a person, contradictions, virtual dependence.

Современное общество все больше пронизано информацией. Информацией разного качества, формы, вида. Процессы цифровизации позволили осуществить очередной всплеск информационного потока. Эти условия влияют на процессы социализации молодежи. Ограниченный и понятный информационный поток задает четкие рамки нормы и табу, ставит приоритеты развития и способы и возможности его осуществления. Когда же, благодаря ин-

формационному безграничному пространству, мы пытаемся обозначить ориентиры и условия социализации, то терпим неудачу. Потому, что много вариантов, много векторов развития и выбрать наиболее «правильные» или «подходящий» невозможно, так как предсказать, как это скажется на человеке или сообществе – невозможно.

Виртуальность меняет жизнь. Создает возможности и ограничивает одновременно, но это происходит скорее спонтанно, на интуитивном уровне, а не через точный расчет и анализ. Виртуальное пространство, усиливает свое присутствие в жизни каждого человека через разные стороны и аспекты жизни. Исследуя вопросы безопасности личности и диванного поведения молодых людей в виртуальном пространстве, формируются условия развития кибербезопасности (Р. Г. Ардашев [1; 2]), меняются морально-ценностные стратегии и установки молодежи (П. А. Баев [3]) и вслед за этим меняется сама идентичность молодежи (О. А. Полошкевич [4–6]). Это все приводит к новым контекстам презентации себя в виртуальном мире, где виртуальная социализация становится опорой социального развития общества.

С усилением цифровизации, увеличилось в сотни раз количество возможных вариантов социализации. И в столько же раз увеличилось количество сомнений в том, правильно ли я поступаю, к чему это может привести и так далее. В процессе социализации, происходящей в условиях цифровизации, психологи, философы, священники сталкиваются у молодежи с «эффектом самозванца». Молодой человек еще не построил карьеру, даже не завершил обучение – но уже чувствует себя тем, кто не имеет право что-то делать. Это объясняется быстрой сменой информации, в которую погружен человек или социальная группа. Только успел адаптироваться, понять принципы и условия реализации в этом информационном потоке – начинают влиять новые тренды, новые вводные данные. И так до бесконечности. Нет точки опоры. Поэтому, социализация в условиях цифровизации максимально изменчива, подвижна и мобильна. Нет четких норм и правил, есть только возможность отслеживания различных вариантов развития и готовности встроиться в них на ходу.

Это оставляет свой след в виде постоянной тревожности, неуверенности в себе (А вдруг не успею?), перфекционизме и многих других непростых социально-психологических состояниях, способных привести к апатии или депрессии. Цифровизация создает много возможностей для социализации личности, но она же не позволяет определиться с четким планом и пониманием того, что делать и как жить. Нет понимания своего будущего и как следствие нет уверенности в будущем.

Очевидным для всех является факт, что цифровая культура входит в жизнь каждого человека – начиная от пользования гаджетами для коммуникации с другими людьми (родственники, друзья, коллеги), заканчивая виртуальными платформами, позволяющими работать, развлекаться, создавать семьи в виртуальном мире, благодаря развитию цифровых возможностей. Современная молодежь не представляет своей жизни без глобальной сети – это одновременно расширяет ее возможности и в тоже время ограничивает перспективы развития.

На сегодняшний день, большая часть коммуникаций (как личного, так и делового характера) осуществляется в интернете. В любой сфере жизни возникают потребности в опоре на большие данные, используют аспекты хранения данных и их передачи и многие другие вопросы, которые пришли в нашу жизнь с появлением информационной сети Интернет.

Реальность меняется быстрее, чем мы ее можем осмыслить, и поэтому, стоит более осознанно относиться к тому, что и как мы делаем в виртуальном пространстве, как это влияет на наше самочувствие, мышление, чувства. И что меняется в реальной жизни после этого. Так как оценить реальное воздействие цифровизации на жизнь людей можно будет спустя десятилетия, сегодня мы можем лишь собственным вниманием и осознанным подходом регулировать процессы социализации в виртуальной среде.

Цифровая эпоха предъявляет и новые требования к человеку, которые можно освоить лишь в процессе социализации:

- цифровая грамотность (уметь ориентироваться в больших потоках информации и их анализировать (критически мыслить);

- находить нестандартные решения (выходить за рамки), использовать технологии для творчества, экспериментировать с новыми идеями;
- проявлять гибкость и адаптивность (быть готовым постоянно учиться, соответствуя новым требованиям, осваивать новые технологии и менять привычные модели поведения, стратегии мышления и т. д.);
- легко выстраивать коммуникации для получения нужной информации;
- знать принципы и уметь их применить на практике в аспекте кибербезопасности;
- развивать цифровую этику и цифровую мораль (уважение к другим в онлайн пространстве (ответственно относиться к личным данным и данным других людей), недопустимость кибербуллинга).

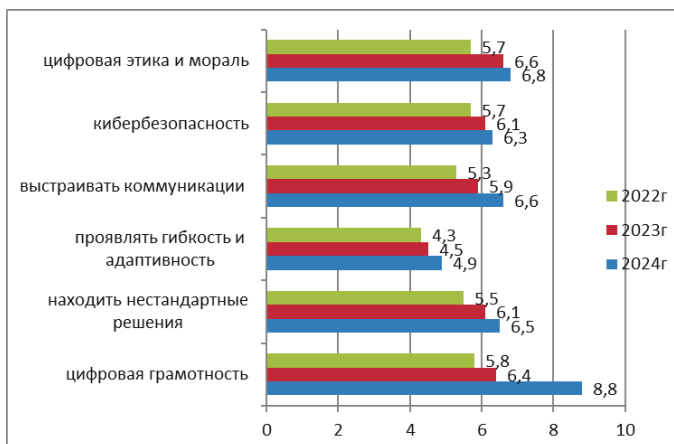

Рис. 1. Ранговая оценка требований к человеку в условиях цифровизации (оценка проводилась на основе экспертного опроса, проводимого в течение с 2022 по 2024 г.)

Эти требования являются достаточно мощным прессингом и постоянно регулируют и оценивают особенности развития человека в цифровом и виртуальном пространстве. Помимо этого, цифровая социализация формирует ряд противоречий, которые не позволяют однозначно определить контекст и условия развития социализации (визуально это представлено на рис. 2):

- гипериндивидуализм (проявление своего Я, через уникальность) сочетается с коллективизмом виртуальных сообществ;
- проявление себя (индивидуальности) и стремление войти в сообщество (быть как все);
- стремление к свободе (самореализации, общения, проявления) сочетается с контролем через различные средства слежения (геолокация);
- стирание рамок и границ между людьми (уравнивание всех) происходит параллельно с усилением неравенства и расслоения общества.

Эти примеры указывают на двойственность цифровой среды. Чтобы избежать перекосов и подмены ценностей цифрового сообщества и виртуального пространства необходимо усиливать общественный контроль и формализовать многие процессы внутри цифрового взаимодействия (начиная от введения цензуры, заканчивая запретом на сообщества, призывающие или показывающие яркие образы деструктивных явлений (аморального контента, жестокости и агрессии, радикализмами во всех смыслах любых убеждений).

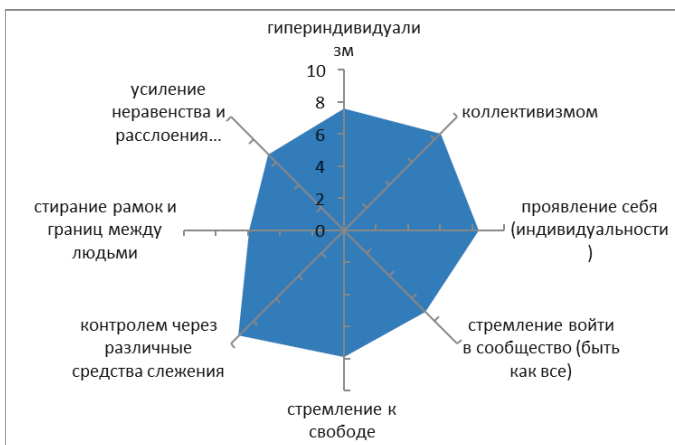

Рис. 2. Противоречия цифровой социализации

Быть вовлеченным в виртуальное взаимодействие становится повседневной нормой. Без возможности выйти во всемирную сеть, многие чувствуют себя некомфортно. В результате появился термин – виртуальная зависимость, когда у человека начинается паника, тревога, беспокойство, в конечном счете, депрессивные состояния от того, что нет постоянной возможности быть на связи, быть в виртуальном пространстве. Это обратная сторона цифрового прогресса.

Интернет-зависимость появляется тогда, когда в реальной жизни нет значимых событий, ситуаций способных вызывать определенные эмоции и мысли. Виртуальное пространство дает чувство значимости и востребованности (другой вопрос – насколько оно истинно и соответствует реальному отношению к человеку, и насколько сконструировано сиюминутными процессами).

Погружаясь в виртуальное пространство, молодые люди, отдаляются от реальности, меняются их мировоззрение, ценности, взгляды, меняются отношения с родственниками и друзьями, отдаляясь от них – они формируют новое пространство взаимодействия в виртуальном мире, где к ним относятся иначе и они чувствуют себя значительно более важным человеком.

Человечность прячется за технологиями. И, увы, – это цена за виртуальную социализацию современников. Перспективы изучения данной темы – самые широкие, так как это явление не исчезнет из нашего общества, а будет приобретать все новые и новые особенности. Чтобы иметь противостоять негативным последствиям виртуальной социализации, надо знать позитивные и уметь моделировать и тонко регулировать процессы виртуального социального становления все новых и новых поколений молодых людей.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Безопасность личности в условиях виртуальности: иррациональность общественного сознания // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 8–11.
2. Ардашев Р. Г. Девиантное поведение молодежи в условиях виртуального мира // Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / сост.: А. А. Жаворонкова, О. С. Кравченко. СПб., 2023. С. 100–103.
3. Баев П. А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грabelных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 512–515.

4. Полюшкевич О. А. Конструирование идентичности молодежи: визуальная презентация в социальных сетях // Социальная реальность виртуального пространства: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 139–143.
5. Полюшкевич О. А. Виртуальная самопрезентация в период пандемии COVID-19 и после ее // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала, 2020. С. 303–307.
6. Полюшкевич О. А. Коллективные эмоции просоциальных практик: виртуальные и реальные последствия // Человек в информационном обществе : с. материалов Второй междунар. науч.-практ. конф., посвящ. десятилетию науки и технологий в Российской Федерации. Самара, 2023. С. 161–164.

РАЗДЕЛ 4

**МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ**

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКСПЕРТИЗА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПРИНЦИПАЛА-АГЕНТА

Экспертная деятельность рассматривается в контексте теории принципала-агента. Аргументируется, что в случае, когда принципалом (заказчиком, обладающим ресурсами) выступают органы государственной власти (или местного самоуправления), профессиональный эксперт (агент) встраивается в работу общественных консультативных структур, формируемых принципалом. Показано, что когда в качестве принципала выступают субъекты гражданского общества, то влияние органов власти на экспертную деятельность снижается, а профессиональный эксперт становится менее ангажированным. Раскрыто, что вторая модель соответствует природе общественной экспертизы, при этом на практике сосуществуют обе модели, а их приоритетность в значительной степени зависит от условий внешней среды.

Ключевые слова: общественная экспертиза, экспертная деятельность, отношения принципала-агента.

M. A. Vakhtina

Samara University of Public Administration «International Market Institute», Samara

PUBLIC EXPERTISE IN THE CONTEXT OF THE PRINCIPAL-AGENT THEORY

The article considers expert activity in the context of the principal-agent theory. In the case when the principal (customer with resources) are public authorities (or local self-government), a professional expert (agent) is embedded in the work of public advisory structures formed by the principal. When civil society actors act as the principal, the influence of the authorities on expert activity is reduced, and the professional expert becomes less engaged. The second model corresponds to the nature of public expertise. At the same time, both models coexist in practice, and their prioritisation largely depends on the conditions of the external environment.

Keywords: public expertise, expert activity, principal-agent relations.

Теория принципала-агента – это теоретическая модель экономики, созданная с целью понимания ситуаций управления между неравными участниками (актерами), которые имеют разную степень информированности. Принципал (руководитель, заказчик), обладающий ресурсами, ставит задачи и ожидает их выполнения в своих интересах, а агент (исполнитель) выполняет поручения, данные принципалом. И хотя ожидается, что агент будет действовать в интересах принципала, эти отношения не лишены противоречий, потому что между сторонами изначально существует расхождение в интересах и информации (большей информацией обладает агент). При таких обстоятельствах принципал не может быть уверен, что агент действует в интересах принципала, особенно если действия, связанные с выполнением поручений принципала обходятся агенту дорого, а издержки на мониторинг поведения агента обходятся дорого принципалу. В институциональной экономической теории конфликт интересов между принципалом и агентом получил название «проблемы принципала-агента», а отклонение агента от интересов принципала институционалисты относят к «агентским издержкам». Для согласования интересов агента с интересами принципала учеными вырабатываются различные механизмы, выраженные в формальных (контракты) и неформальных договоренностях.

Первоначально теория принципала-агента зародилась в недрах экономической теории. Экономисты Майкл К. Дженсен и Уильям Меклинг в 1970-е гг. развивали эту теорию на примере управленческого поведения внутри крупных американских корпораций со сложной структурой собственности – между акционерами и наемными менеджерами [6]. В дальнейшем теория вышла далеко за рамки экономики и институциональных исследований и распространилась на иные контексты (информационная асимметрия, неопределенность, риск), а также на другие области знания (философию, политологию, международные отношения).

Представляется, что теория принципала-агента применительно к общественной экспертизе, и личности профессионального эксперта в частности, может внести весомый вклад в толкование теоретических положений, разъяснение мотивов поведения основных акторов и

выработку предложений по дальнейшему развитию экспертной деятельности в российских условиях.

Если оставаться в рамках общепринятых представлений о процессе общественной экспертизы, сложившихся в российской гуманитарной науке, то так или иначе, в нем представлено три участника: публичная власть в лице государственных органов (органов местного самоуправления), эксперты и представители гражданского общества в лице различных групп стейкхолдеров. Но если посмотреть на этот процесс в контексте теории принципала-агента, то таких участников только два: заказчик и исполнитель. Причем заказчик (принципал) может быть представлен в двух различных ипостасях: государство в лице своих представителей или общественность в лице заинтересованных групп граждан. В обоих случаях профессиональный эксперт выполняет функции агента, действуя по заданию принципала, однако его поведение может различаться весьма значительно.

Во второй половине XX в. во многих странах мира получили развитие процессы непосредственного участия граждан в управлении государством. Этим тенденциями отвечает процедуралистская концепция демократии Ю. Хабермаса, концепция делиберативной демократии (Дж. Бессет, Дж. Коэн, А. Гутман, Дж. Драйзек и др.), концепция мониторинговой демократии Дж. Кина. Вышеназванные явления озаменовали появление нового качества экспертизы – «общественной экспертизы», где профессиональный эксперт, оставаясь исполнителем (агентом), оказывается погружен в иную, чем прежде, институциональную среду, отвечающую запросам заказчика в лице субъектов гражданского общества (принципала). Именно с этих позиций А. Сунгуров подошел к исследованию практик общественной экспертизы в современной России в одноименной статье «Общественная экспертиза, гражданская экспертиза, гражданское общество, экспертное сообщество». Автор правильно отмечает, что «общественная экспертиза должна осуществляться профессионально, термин же «общественный» указывает лишь на ее инициированность не властью, а какой-то частью общества» [1, с. 88].

Означает ли это, что экспертиза, где заказчиком выступает государственно-властные органы, прекратит свое существование? Очевидно, нет, эта форма экспертизы будет существовать до тех пор, пока в ней сохраняется необходимость. При этом наряду с простыми моделями, где принципал, действующий от лица государства, непосредственно взаимодействует с профессиональными экспертами (агентами) по специальным вопросам, в общественной практике чаще встречаются институционализированные модели, где взаимодействие осуществляется опосредованно, через коллегиальные (совещательные) органы. Чаще всего это *консультативные общественные советы*, создаваемые государством или органами местного самоуправления для обсуждения наиболее значимых социальных проблем с представителями объединений граждан.

Консультативные (общественные) советы, создаваемые государством или органами местного самоуправления, появились в нашей стране с начала 2000-х гг. Отличительной особенностью этих органов (существует целый ряд разновидностей) является то, что они создаются на основании решений соответствующих ведомств или должностных лиц и действуют при управляющих субъектах (к их числу следует относить также общественные палаты всех уровней). Так как принципалом является государство, то именно оно формирует содержание заказа на осуществление экспертных услуг и обеспечивает финансирование расходов, связанных с их проведением. Круг вопросов, подлежащих рассмотрению в рамках консультативных (общественных) советов, довольно широк, поэтому они действуют на постоянной основе. Общественная палата РФ согласно федеральному закону «Об Общественной палате Российской Федерации» (от 04.04.2005 № 32-ФЗ, ст. 2) обеспечивает согласование интересов граждан, общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан и др. Можно согласиться с мнением Д. Руденко о том, что консультативные (общественные) советы выполняют не только рекомендательную, но и «мобилизационную» функцию, обеспечивая уча-

стие различных социальных групп в реализации официально проводимой государственной политики на всех уровнях [2, с. 118]. Формирование состава советов производится по принципу управляемого представительства», так как роль органов государственной власти при подборе членов остается высокой и со временем только усиливается. И хотя в последние годы были предприняты законодательные меры, направленные на ослабление влияния органов власти на формирование состава советов и повестку их работы, это не изменило ситуацию по существу. Ротация состава участников, даже если она предусмотрена, происходит редко и по усмотрению принципала. Организация работы консультативных советов в целом дублирует порядок работы государственных органов: пленарные заседания, комиссии, рабочие группы, действующие согласно регламенту и привлекающие к работе сторонних экспертов на безвозмездной основе. Для организации такой работы требуется аппарат, поэтому в случае с общественными советами, действующими при органах власти или местного самоуправления, эти функции выполняют работники ведомств, в случае с общественными палатами – аппарат встраивается в систему органов власти. В значительной степени поэтому, при определении правового статуса консультативных общественных советов (то же можно сказать и об общественных палатах) возникают неопределенные в формулировках: «особые организационные формы взаимодействия государственной власти и общественности», «особые общественно-государственные институты публичного права», «органы публичного управления, обладающие особым правовым статусом», который определяется специальными законами [2, с. 120].

В деятельности такого рода консультативных органов просматриваются как государственная, так и общественная составляющие, делающие их своеобразным инструментом проведения публичной политики, не лишенным значимых недостатков (нерепрезентативность состава, зависимость извне, соглашательская позиция участников). Эта двойственность отражается и в результатах работы профессиональных экспертов, которые могут либо входить в состав общественных консультативных органов, либо привлекаться извне. Общественная экспертиза, согласно федеральному закону является одной из функций общественного контроля, субъектами которого выступают общественные палаты и общественные советы.

Если посмотреть на взаимодействие органов власти и действующих при них консультативных советов, с одной стороны, и профессиональных экспертов – с другой, то противоречие интересов сторон, склонность экспертов действовать в угоду принципалу (в данном случае – госструктурам) является очевидной. Подтверждением могут служить данные эмпирического исследования, проведенного центром изучения гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ еще в 2008 г. На вопрос о том, какие качества в наибольшей степени способствуют авторитету экспертов и их сотрудничеству с ведущими политиками ответы распределились следующим образом. Ответ «знание фактов, информированность» выбрали 36 % опрошенных, «высокий интеллектуальный уровень» – 26 %, «широту интересов, кругозор» – 9 %, «хорошее знакомство с профессиональной литературой» – 7 % опрошенных. При этом на «склонность к компромиссам» при проведении экспертиз указали 32 %, на «стремление к поиску объективной истине» – 6 %, на «принципиальность» – только 5 % [3, с. 120–121].

Согласно нормам федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (ст. 22) деятельность общественного эксперта носит безвозмездный характер и осуществляется на общественных началах. При этом перечень работ по экспертизе проектов нормативных правовых актов, содержащийся в Положении о порядке проведения общественной экспертизы (утверждено решением совета Общественной палаты РФ от 15.05.2008 г.) очень внушительный. Предполагается, что итоговая справка должна содержать описание проблемы, эффективность ее решения в настоящий момент, перечень субъектов гражданского общества, чьи права будут затронуты в результате принятия нормативного правового акта, социальные последствия принятия решения, а также предложения по изменению сложившейся ситуации в рассматриваемой сфере.

В случае, когда заказчиком (принципалом) выступают *субъекты гражданского общества*, картина выглядит по-иному. В мировой практике известны различные формы обще-

ственных консультативных форумов, появившиеся в конце XX, начале XXI вв.: гражданские жюри / коллегии, собрания / ассамблеи граждан, конференции по достижению консенсуса, ячейки планирования. (Подробнее об этих органах непосредственного участия общественности в процессе принятия решений можно посмотреть в статье Ю. С. Печегинной [4, с. 27–36]). Эти экспертные органы формируются некоммерческими организациями (или другими субъектами гражданского общества) по инициативе самих граждан. В их компетенцию входит коллективная выработка оптимальных вариантов решения особо важных общественных проблем посредством их предварительного изучения, обсуждения с привлечением экспертов (обладающих специальными знаниями и опытом в данной области деятельности), а также подготовка рекомендаций для управленцев и политиков. Формирование состава общественных консультативных форумов происходит по иным принципам, чем описанные ранее, чтобы обеспечить собранию граждан должную репрезентативность (главным образом должны быть представлены разные точки зрения заинтересованных групп). Чаще всего используется случайный отбор участников с применением специальных научных методик. И хотя требования о наличии у участников экспертизы квалификации и практического опыта работы не выдвигаются, такой подход позволяет создать более равные права всем участникам, предотвращает манипуляцию составом, позволяет представить все точки зрения. Участники общественных форумов постоянно меняются, а длительность из работы составляет от нескольких дней до нескольких месяцев. Длительность временного интервала объясняется тем, что все участники должны разобраться в вопросе (и в случае необходимости пройти обучение), выслушать все точки зрения, представленные заинтересованными сторонами и группами, запросить и получить необходимую информацию, обсудить и оценить варианты и высказать свое мнение.

Привлечение к работе экспертов в этой модели имеет значимые отличия от рассматриваемой ранее. Лица, обладающие специальными знаниями по обсуждаемой проблеме (ученые, работники законодательных органов власти, представители групп интересов, лидеры бизнеса) лишь информируют участников, готовят доказательную базу, а не предлагают готовых решений от своего имени, их мнения уравниваются представителями разных позиций. За принятие тех или иных рекомендаций голосуют все участники, чтобы максимально отразить мнение большинства и принять во внимание мнение тех, кто оказался в меньшинстве. Инициатор общественных форумов в лице некоммерческих организаций, корпораций, специально созданных правительственных агентств, групп граждан или их комбинаций (принципал), берет на себя затраты на их проведение, включая оплату работы фасилитаторов или штатного персонала (в случае, если это необходимо), а также профессиональных экспертов, работа которых в данной модели не рассматривается как безвозмездная. При этом в качестве спонсора не может выступать лицо, принимающее решение или получатель рекомендаций. В силу того, что общественный диалог привлекает большое количество независимых участников, его ход активно обсуждается в средствах массовой информации, становится доступным для широкой аудитории.

Как видно, модель, в которой принципалом выступают субъекты гражданского общества, обладает рядом преимуществ, наиболее важным из которых является подготовка рекомендаций и их учет при принятии управленческих решений со стороны органов государственной власти и местного самоуправления. Механизм общественной экспертизы, утвержденный нормами федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» ограничивает возможность граждан общаться с представителями власти в режиме прямого диалога и отстаивать свою позицию. В этой связи отдельные авторы предлагают совершенствовать последнюю стадию общественной экспертизы, на которой происходит подготовка экспертного заключения и его направление в уполномоченные органы [5, с. 97–99]. В настоящее время существует порядок, согласно которому субъектам общественного контроля направляется мотивированный ответ, в частности, Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (от 21.07.2014 № 212-ФЗ, ст. 22) содержит положение, о том что уполномоченные органы обязаны рассматривать итоговые

документы по результатам общественного контроля и в установленные сроки направлять обоснованные ответы. Однако доводы, содержащиеся в ответе, могут не удовлетворить авторов рекомендаций. Только в федеральном законе «Об общественной палате Российской Федерации» (ФЗ № 32-ФЗ от 4 апреля 2005 г., ст. 19) подержится норма о том, члены Общественной палаты приглашаются на заседание соответствующих органов при рассмотрении соответствующих заключений общественной палаты по результатам проведенной экспертизы проектов нормативных правовых актов.

Таким образом, в описанных моделях принципал-агентских отношений положение профессионального эксперта (агента) и его поведение зависит от того, кто является принципалом – властные структуры или субъекты гражданского общества, и только во втором случае речь может вестись об общественном контроле. В настоящее время сосуществуют обе модели, и их приоритетность в значительной степени зависит от условий внешней среды.

Литература

1. Сунгуров А. Ю. Общественная экспертиза, гражданская экспертиза, гражданское общество, экспертное сообщество // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 87–98.
2. Руденко В. Консультативные общественные советы в системе делиберативной демократии // *Сравнительное конституционное обозрение*. № 4 (61). 2007. С. 116–124.
3. Якобсон Л. И. Диалог гражданского общества и власти: качество интерфейса // *Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством* / под ред. Л. И. Якобсона. М.: Вершина, 2008. С. 120–121.
4. Печегин Ю. С. Общественная экспертиза в зарубежных странах (опыт сравнительно-правового анализа) // *Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива*. 2023. № 4 (16). С. 27–36.
5. Гончарова А. А. Значение заключения по результатам общественной экспертизы // *Правовая парадигма*. Т. 18, № 3. С. 97–99.
5. Jensen M., Mecking W. Theory of the Firm. Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // *Journal of Financial Economics*, 1976.

УДК 316+355.01+37.012.2

В. Е. Шинкевич

Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск

ЭКСПЕРТНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ СОСТОЯНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВОМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ИСТОРИИ МАЛОЙ РОДИНЫ И СЕМЬИ

Предпринимается попытку экспертной оценки состояния исторической памяти россиян, касающейся их малой Родины, истории семей, значимости для сохранения российской идентичности. Обращается внимание на значимости исторической памяти для профилактики возрождения негативных социально-опасных практик: фашизма, национализма, шовинизма, меркантилизма.

Ключевые слова: историческая память, малая Родина, семья, Великая Отечественная война.

V. E. Shinkevich

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk

AN EXPERT APPROACH TO ASSESSING THE STATE OF FORMATION BY SOCIETY OF THE HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE HISTORY OF THE SMALL HOMELAND AND FAMILY

In this article, the author attempts an expert assessment of the state of historical memory of Russians concerning their Small Homeland, family history, and importance for the preservation of Russian identity. Attention is drawn to the importance of historical memory for the prevention of the revival of negative socially dangerous practices: fascism, nationalism, chauvinism, mercantilism.

Keywords: historical memory, Small Homeland, family, Great Patriotic War.

Сегодня многие социальные процессы в целях их дальнейшего стабильного развития, органичного включения в формирование современных институтов, нуждаются в своевременной экспертной оценке [1]. Это позволит избежать ошибок «роста», своевременно принимать меры по противодействию негативным социальным практикам, в том числе и с искажением, а зачастую и с потерей в общественном сознании исторической памяти, как основы российской государственности, сохранения ее уникальности, приверженности жизненно важным традиционным ценностям. Значимое место в этом отводится и сохранению исторической памяти малой Родины, семьи как важнейшего института общества, сохранения национальной идентичности, патриотизма.

И это при том, что вся история российского государства неразрывно связана с признанием патриотизма непреходящей ценностью, направленной на идентичность народа. Поскольку идентичность понимается как самоощущение человека или группы с определенным гражданским, политическим или социокультурным сообществом, представителем которого он себя ощущает, понятно, почему потребность в ней возрастает именно в сложных многонациональных и многоконфессиональных обществах, к которым относится Россия, а также в условиях жесткого противостояния с недружескими государствами и прежде всего в годы военного лихолетья в любых формах его проявления: военный конфликт, специальная военная операция, война и пр.

События, связанные с началом специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины, наглядно показали слабость отечественной, считай государственной, системы воспитания молодежи, ущербности принятого в начале 1990-х гг. западного контента формирования российского человека новой либеральной формации, воспитательного медиа-продукта, в общем-то чуждого, традиционным ценностям российскому многонациональному и многоконфессиональному народу.

Год восьмидесятилетия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, призывает нас пересмотреть некоторые воспитательные практики постсоветского периода существования нашего общества, вспомнить те страшные годы, те жертвы и лишения, которые вынесли народы Советского Союза за годы военного лихолетья на фронте и в тылу, героев и просто участников, далеких и близких родственников, земляков и всех, кто познал те суровые испытания. Нельзя забывать и многочисленных участников локальных войн, военных и межнациональных конфликтов, в которых участвовали наши военнослужащие и в годы советской власти и в постсоветский период. Достойное место в лабиринтах исторической памяти должно быть отведено и участникам чеченских событий и специальной военной операции. Сохранить историческую память – это важная задача каждого из нас, наших детей и внуков, это важнейший элемент национального самосознания россиян [5]; это и значимый фактор многочисленных попыток переписывания истории в угоду тех или иных политических акторов, недопущения возрождения в сознании новых поколений идеологии фашизма, и национализма.

Нас отделяет 80 лет, уходят навсегда от нас участники тех боев. 9 декабря 2024 г. в России отметили день Героев Отечества. Эта памятная дата была установлена в 2007 г. по решению Государственной Думы Российской Федерации. Еще в прошлом году в живых оставалось только 11 Героев Советского Союза времён Великой Отечественной войны! Вернее 10: один из них получил это высокое звание еще в советско-финскую войну, семеро живут в России, четверо в ближнем (Украина, Беларусь) и дальнем зарубежье (США). Всех их можно с уверенностью отнести к должителям. Самый молодой среди них 1925 г.р. Самый старший родился еще в Российской Империи в 1916 г. Возраст можете посчитать сами. И как сказал исследователь: «К сожалению, как вы прекрасно понимаете, все очень быстро меняется даже не по дням, а по часам, а потому информация этого поста может быстро потерять актуальность» [15]. Как следствие, обновленная информация, на февраль 2025 г., остался только один – Борис Васильевич Кравцов (родился 28 декабря 1922 г.), Почетный гражданин г. Москвы [14]. Еще в 2007 г. умер последний Герой Советского Союза, житель города Красноярска и края, Дмитрий Дмитриевич Мартынов (1915-2007 гг.). Его имя увековечено в назва-

нии одной из улиц в микрорайоне «Покровский», его имя носит и Средняя школа № 155 г. Красноярск.

К сожалению, в далеком 1945 г., противостояние на идеологическом фронте не закончилось, оно лишь приобрело иные формы («холодная война», прокси-война, гибридная война, цветная революция, политический терроризм и пр.). Как и прежде, как и всегда, так и сегодня война забирает из генофонда народов лучших, «...Война является отбором со знаком минус» [3, с. 30]. К сожалению, историческая память локализуется временным периодом не только относительно общества, но и в пределах локальных социумов: малой Родины, семьи. Зарастают могилы павших, теряют привлекательность обелиски, памятные и знаковые места, стирается память, в честь каких событий устанавливались сами памятные знаки.

На фоне новых проблем, новых веяний социальных процессов многие понятия, и прежде всего «патриотизм», «Отечество», «Родина», «подвиг», становятся просто словами, о чем очень хорошо было подмечено еще в 2010 г. в закадровом комментарии к телевизионному фильму по сценарию Л. Купридо «Туман»: «...нам твердили прописные истины о долге, чести, отваге, мужестве..., но нам было просто скучно... оставались пустыми словами». И эти оценочные слова отнесены создателями фильма и авторами не к гражданской части населения, а к тем, кто по определению должны стоять на страже Родины: «Мужественно, не щадя своей жизни, защищать народ и государственные интересы Российской Федерации».

Как следствие, утрачивается собственная нравственная оценка ратных подвигов своих предков, а нередко и современников. Примером может быть и родной город автора. Где, как впрочем и везде, названия улиц остаются просто словами, утрачивая содержательную сторону понятий, которые обозначают эти слова. Улицы и проспекты в сознании привязываются лишь адресно и территориально: Белинского, Жукова, Малиновского, Рокоссовского, Талалихина, Борисевича, Цукановой, Говорова, Ватутина, Чернышевского, Вильского, Тотмина, Забобанова, Матросова и т. д. Более 40 улиц города Красноярск носят имена Героев Советского Союза, удостоенных этим высоким званием за подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной войны. Эти улицы, зачастую к сожалению, воспринимаются также как слова или слова сочетания в названиях улиц: Лесопильщиков, Бобровая, Озерная, Алюминивная, Верхняя, Веселая, Извилистая, Круговая, Крутая, Овальная, Облачная, Снежная, Сенная и пр. А некоторые названия улиц, а зачастую это переулки, проулки, тупики и т. п., носящих имя героев, мы не сможем даже привязать территориально, ибо просто не знаем, где они находятся, они в поисковиках наших не востребованы, ввиду отсутствия на них более-менее значимых («нужных») объектов. Аналогичная ситуация и в сельских поселениях. Редко кто может не абстрактными «дежурными» суждениями конкретно ответить, за что 20 мая 2021 г. Красноярску указом Президента РФ № 304 присвоено почётное звание Российской Федерации «Город трудовой доблести», какую военную продукцию поставляли предприятия города и края фронту и т. д.

Формируется нравственное безразличие в сознании, особенно подростков и молодежи, к знаковым местам, которые нередко проявляются в актах вандализма, зачастую необдуманного, без преследования каких-либо протестных целей, а ради снятия эмоционального напряжения, шалости, вседозволенности и низкой общей культуры. Москва, подмосковный Клин, Норильск, Кинесепп, Красное Село Ленинградской области, Саратов, Калининград, Нижний Новгород столкнулись с фактами вандализма в мемориальных комплексах, где зажат был «Вечный огонь». Хулиганские, бытовые «нападения» на монументы, стелы и памятники Великой Отечественной войны, либо невнимание к их состоянию не стали в России нормой, но это отнюдь не редкое явление, а собственное варварство не делает чести наследникам Победы. Когда историю забывают – она имеет обыкновение напоминать о себе [8].

В сельской местности картина практически аналогичная. Люди забывают имена, забывают и чиновники, обязанные хотя бы поддерживать в достойном состоянии эти улицы, проулки и переулки, носящие имена ратников Отечества, использовать, в том числе потенциал общественников и жителей этих улиц по поддержанию их в достойном состоянии.

Реальное состояние исторической памяти проявляется и в поступках, и в отношении к своей памяти, и в знаниях, которые мы получаем, воспринимаем и передаем друг другу в процессе общения. В восприятии категорий: патриотизм, Родина, защита Отечество, гражданский дог, ветеран и т. п., не как абстрактных, ни к чему ни обязывающих понятий, а как категорий, наполненных нравственным смыслом и эмоциональным содержанием. Много сегодня претензии к системе воспитания в общеобразовательной школе [12], а образовательных организаций к семьям [4], но все же основу осознания ценности основных нравственных категорий человек получает в семье, от своих родителей, близких. Именно от них он может узнать об истории своей семьи, малой Родины, а актуализировать, развить и поддержать интерес к познанию историю своей семьи, Родины и Отечества во многом способны все образовательные организации.

Возрождению исторической памяти во многом стала триггером широкая поисковая работа, которая ведется в масштабах России, реализующая важнейшую нравственную задачу увековечивания памяти солдат, погибших во время Великой Отечественной войны. О работе поисковых отрядов регулярно дается информация в СМИ, печатаются научные работы [6]. Активную работу проводили и проводят красноярские поисковики: отряды «Красноярск» (первый поисковый отряд), «Аляска – Сибирь» (ВУЦ СФУ), «Эхо» и «Витязь» (школы № 92 и № 137), «Феникс» (пгт. Козулька) [7, с 69; 16] Они вместе с другими возвращают имена героев, передают их останки родственникам для захоронения на родной земле [9; 10; 13]. Большая работа проводится и в масштабах Общероссийского общественного гражданско-патриотического движения «Бессмертный полк России».

Но это фасадная сторона проблемы. Как показала практика первых лет преподавания учебной дисциплины «Основы российской государственности» в рамках соответствующих тем, прежде всего темы «Что такое Россия?», немало тех, кто затрудняется, что-то вспомнить конкретное о своих, как правило, уже прадедах, участниках Великой Отечественной войны, об их наградах, боевом пути. В семьях, да и то только в очень ограниченном объеме, сохраняется память о родственниках по прямой, вернувшихся с войны. И практически стерта память о тех, кто был мобилизован, не успев еще по своей молодости создать свои семьи, оставить потомство, а погибнув за Родину, остались на той войне. Этому есть и субъективные, временные факторы и объективные. Многие фронтовики, прошедшие огненные дороги, не хотели рассказывать своим близким о боли и ужасе войны, какой бы красиво-патриотичной ее не показывали. Очень смутные представления имеют и обучающиеся, поступившие на обучение с территорий Красноярского края, о вкладе малой Родины в Победу в Великой Отечественной войне.

Далеко не все имеют хоть какие-то знания о происхождении своей фамилии, не знают, как и какими путями их родственники попали на территорию Красноярского края, чем занимались, какие имели заслуги перед своими земляками, особенно если это касается столетнего прошлого. То же касается и происхождения названия больших и малых поселений малой Родины.

Подводя итоги, необходимо отметить, что российская государственность во многом обеспечивается уважительным отношением к своей истории, сохранением исторической памяти. Значимое место в перечне ратных, трудовых, научных побед и поражений, успехов и проблем, «генеральных линий» и «перегибов в целом и на местах», «подъема целены», «запуска космических кораблей» и «перестройки» имеет Победа советского народа в Великой Отечественной войне, которая во многом обеспечивалась тылом, направляющим на поля брани своих ратников, обеспечивая армию вооружением, продовольствием, принимая на излечение и реабилитацию раненных бойцов и командиров. Понимание истории собственных корней, способствует формированию уважения к традициям культуры Отечества, расширения кругозора, укреплению гражданской позиции каждого человека [2].

На заседании Государственного Совета в Кремле 20 декабря 2024 г. Президент Российской Федерации, говоря о том, что в 2025 г. мы будем отмечать 80-летие Великой Победы, предложил объявить 2025-й год Годом защитника Отечества в честь наших героев и участников специальной военной операции сегодня и в память о подвигах всех наших пред-

ков, сражавшихся в разные исторические периоды за Родину во славу наших отцов, дедов, прадедов, сокрушивших нацизм. Это должно мобилизовать нас на изучение как истории нашей большой Родины, так и к познанию, в том числе через поисковую работу, истории своих семей, что позволит не допустить в будущем возрождения негативных социальных практик, замешанных на идеологии фашизма, национализма, экстремизма. Человек знающий свою Родину, будет воспринимать себя как ее частицу, а в случае необходимости осознанно станет на ее защиту, будет неприемлемым для себя уклонение от воинской службы, не будет искать возможность покинуть свою Родину, свое Отечество в годы тяжелых испытаний военных, политических, экономических, социальных и т. д. А это в контексте современных событий, является очень актуальным.

Литература

1. Грабельных Т. И. Экспертное конструирование моделей развития и технологий принятия решений в условиях формирования многонационального мира: институциональное и типологическое измерение // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 26–29.
2. Ершов Н. Р. Развитие интереса к истории своей страны через изучение истории малой Родины // Психология образования. 2024. № 6 (120). С. 14–18.
3. Костенко О. В. «Социология войны» в работах Я. Н. Новикова // Социология и право. 2015. № 1 (27). С. 25–31.
4. Михайлова Е. А. Проблемы и противоречия воспитания в современной школе // Вестник московского университета. Серия: педагогическое образование. 2011. № 2. С. 121–125.
5. Папарин А. А. Геноцид советского народа в отражении исторической памяти о Велико Отечественной войне // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2020. № 4. С. 75–90.
6. Степанова О. С., Николаева А. А. Исследование характера конфликтов между родителями и педагогами в образовательной организации // Педагогика и просвещение. 2020. № 4. С. 1–17.
7. Смирнова Т. А. Последние свидетели войны // Военно-исторический журнал. 2023. № 7. С. 68–73.
8. Шматько О. Н. Сохранение и восстановление памятников старины в годы Великой Отечественной войны // Вестник Ставропольского государственного университета: Научный журнал. 2010. Вып. 67 (2). С. 28–31.
9. В Красноярске предали земле останки солдата, который погиб во время Великой Отечественной войны. URL: <https://www.vesti-krasnoyarsk.ru/news/obshestvo/post-39709/> (дата обращения: 16.03.2025).
10. В Красноярском крае еще две семьи узнали о судьбе предков благодаря медальонам. URL: <https://kras.mk.ru/social/2024/07/17/v-krasnoyarskom-krae-dve-semi-uznali-o-sudbe-predkov-blagodarya-medalonam.html> (дата обращения: 16.03.2025).
11. Красноярские поисковики подняли останки 75 красноармейцев Об этом сообщает «Рамблер». URL: https://news.rambler.ru/community/34914181/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 16.03.2025).
12. Муркин А. С., Бригида Т. А. Забыть прошлое – остаться без будущего // Юный ученый. 2023. № 3.1 (66.1). С. 28–30. URL: <https://moluch.ru/young/archive/66/3655/> (дата обращения: 14.03.2025).
13. Не вернулись из боя. Найдены останки солдат из Красноярского края. URL: https://krsk.aif.ru/society/ne_vernulis_iz_boya_naydeny_ostanki_soldat_iz_krasnoyarskogo_kraya (дата обращения: 12.03.2025).
14. Последнему Герою Советского Союза присвоили звание Почетного гражданина Москвы. URL: <https://www.5-tv.ru/news/5013694/poslednemu-gerou-sovetskogo-souza-prisvoili-zvanie-pocetnogo-grazhdanina-moskvu/> (дата обращения: 16.03.2025).
15. Сколько Героев Советского Союза времён ВОВ осталось в мире? URL: <https://dzen.ru/a/YbMC5N0Kc1EHZMdl> (дата обращения: 16.03.2025).
16. Яковлева Д. Бельский рубеж поискового отряда «Феникс». URL: <https://avangardkrai.ru/news/belskij-rubezh-poiskovogo-otryada-feniks/> (дата обращения: 14.03.2025).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПАТРИОТИЗМ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ БЕЛОРУСОВ

Представлены отдельные результаты исследования патриотического сознания населения. Раскрывается, что основу патриотизма составляют привязанность к Родине через повседневную жизнь и труд, уважение к государственной символике и историческому наследию. Акцентировано внимание, что семья и учреждения образования играют определяющую роль в формировании патриотических ценностей, среди национальных символов особое значение имеют государственная атрибутика и памятники войны, а наиболее почитаемыми праздниками выступают День Победы и День Независимости. Сделан вывод, что полученные данные важны для разработки государственных программ, направленных на укрепление гражданской идентичности и патриотического воспитания.

Ключевые слова: историческая память, патриотизм, источник информации, национальный символ, государственный праздник, патриотические чувства.

А. М. Belski

Institute of sociology of the National academy of sciences of Belarus, Minsk

HISTORICAL MEMORY AND PATRIOTISM IN BELARUSIAN PUBLIC OPINION

The article presents selected findings from the study of the patriotic consciousness of the Belarusian population. The foundation of patriotism lies in attachment to the homeland through daily life and labor, respect for state symbols, and historical heritage. Family and education play a defining role in shaping patriotic values. Among national symbols, state emblems and war memorials hold particular significance, while Victory Day and Independence Day emerge as the most revered holidays. These findings are crucial for developing state programs aimed at strengthening civic identity and patriotic education.

Keywords: historical memory, patriotism, information source, national symbol, state holiday, patriotic sentiments.

Патриотизм представляет собой одно из наиболее сложных и многогранных понятий, к которым обращаются люди в повседневной жизни. Существует множество определений того, что на самом деле означает патриотизм и что он включает в свою структуру. Наиболее широкое определение патриотизма основывается на чувстве любви и преданности к своей Родине, к своей нации и культуре. Однако понимание того, что означает «родина», «нация» и «культура» может отличаться. Патриотизм имеет множество проявлений. Он может выражаться через участие в политических акциях, военных действиях, заботе о будущем своей нации через сохранение наследия культуры и традиций. Он также может выражаться через простые повседневные поступки, такие как бережное отношение к окружающей среде и уважение к другим людям. В настоящее время понятие патриотизма становится все более и более важным не только на государственном уровне, но и на уровне личной ответственности каждого гражданина перед своей Родиной [3]. Понимание патриотизма может в достаточной мере различаться даже у граждан в пределах одной страны [4]. В связи с этим изучение мнения белорусов о патриотизме не теряет своей актуальности ввиду того, что помогает понять, как жители страны относятся к своей Родине, какие ценности и идеалы важны для общества [6]. Исследование может привести важную информацию для научного сообщества и общественности, которая позволит понять, какие меры нужно предпринимать для укрепления чувства патриотизма.

Принимая во внимание актуальность обозначенной проблематики, в 3 квартале 2024 г. Институтом социологии НАН Беларуси был проведен поквартирный анкетный опрос населения Республики Беларусь. Исследование проводилось во всех областных городах и городе Минске, отдельных районных городах и сельских населенных пунктах. В опросе участвовали 1850 респондентов. Ошибка выборки составила $\pm 2,3$ %.

Прежде всего, респондентам был задан вопрос о том, что в их понимании значит быть патриотом Беларуси. Чаще всего участники опроса выбирали ответ «Жить и работать в Беларуси» (53,1 %) (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Что для Вас значит быть патриотом Беларуси?», в % от опрошенных

Жизнь в своей стране – это не только комфорт и уют, это еще и ответственность за ее будущее. Это не только выражение любви к своей Родине, но и желание ей помочь и поддержать. Работа – это не только заработок, это еще и поддержка экономики, развитие технологий, прогресс науки через инновации. Это способ сохранения местного трудового рынка и поддержание занятости. Взгляд на патриотизм через призму жизни и работы в своей стране подразумевает под собой широкий дискурс и множество аспектов. В конечном итоге, это означает, что в патриотизме важно находить баланс между развитием страны и сохранением ее культурных и исторических ценностей.

Чуть более трети респондентов (34,3 %) в качестве значимой черты патриотизма указали уважение государственной символики Республики Беларусь. Государственные символы играют важную роль в жизни любой страны. Они представляют собой символические элементы, которые отражают идентичность и культурный код нации, служат связующим звеном между государством и его гражданами, обеспечивая преемственность и консолидацию.

Аналогичное число участников опроса (32,8 %) отметили готовность в трудные времена защищать свою страну одним из важных маркеров патриотизма. Защита Родины – это героизм и мужество, духовная сила и высокий уровень дисциплины. Это особенно важно в условиях военных конфликтов. В такие периоды есть необходимость в людях, которые могут постоять за Родину, несмотря на все трудности, опасности и потери. Для того чтобы защищать свою Родину, не обязательно быть профессиональным солдатом. Все разнообразие жизни, где пребывает каждый гражданин, может стать полезным вкладом в защиту Родины. Каждый может поддерживать порядок и общественное благополучие, соблюдая законы и правила поведения, содействовать формированию гражданского духа и ответственности по отношению к своей стране.

Актуальным ответом на вопрос о понимании патриотизма респондентами выступает тезис «Любить белорусскую культуру и язык» (31,2 %). Именно благодаря знанию своего языка и культуры мы можем понимать и уважать особый исторический путь своего народа, ощущать привязанность к Родине, ее истории, традициям и культуре. Знание истории и культуры абсолютно необходимо для настоящего патриота. Человек, который уважает и любит свою Родину, понимает, что без знания своей истории и культуры он не имеет основ для

настоящего патриотизма. Знание языка своей страны – это, прежде всего, возможность понимания основ своей культуры, ее идей, обычаев, традиций, принципов [5]. Кроме того, знание своей культуры и языка способствует сохранению и продвижению национальных традиций. Настоящие патриоты понимают, что сохранение традиций – это не только сохранение исторического наследия, но и ключ к сохранению самобытности и уникальности нашей страны.

В качестве значимых критериев патриотизма участниками опроса также указывались активная деятельность на благо страны (29,9 %), чувство тесной связи с белорусами (20,9 %) и сопоставление собственных интересов с интересами государства (15,6 %).

На вопрос «Кто или что в большей степени влияет на формирование патриотических чувств у населения?» респонденты в большинстве своём выбрали вариант ответа «семья» (66,4 %) – рис. 2. Влияние семьи на формирование патриотизма не ограничивается одним воспитанием любви к родной стране. Семья передает идеалы, ценности, традиции, которые определяют образ жизни, систему ценностей и в итоге формируют личность.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, кто/что в большей степени влияет на формирование патриотических чувств у населения?», в % от опрошенных

Семейные традиции, обычаи и ритуалы являются неотъемлемой частью формирования национального самосознания. Родители, сами являясь патриотами, прививают эту любовь к Родине своим детям. Семья должна учить уважению законов и нормам, своих соотечественников в целом.

На втором месте по значимости среди факторов влияния на формирование патриотизма находятся учреждения образования (51,7 %), которые выступают важным инструментом формирования личности и развития интеллектуальных способностей человека. В современной Беларуси, как и в любой другой стране, актуальным становится вопрос о том, каким образом образовательные учреждения могут повлиять на развитие патриотизма у своих будущих граждан. Для формирования патриотических чувств необходимо воспитание уважения к своей Родине и ее культурному, историческому и природному наследию, включая родной язык, литературу и культуру. В учебном процессе можно использовать различные методы,

среди которых экскурсии, круглые столы, литературные чтения, которые знакомят обучающихся со значимыми для страны людьми, их подвигами и достижениями.

Также респондентами отмечалось, что патриотические чувства формируются благодаря средствам массовой информации (37,6 %), друзьям и знакомым (15,9 %), идеологическим службам (13,0 %), известным, авторитетным людям (10,4 %).

Значительно реже, по мнению участников опроса, на формирование чувства патриотизма влияют общественные объединения и организации (9,0 %), учреждения культуры (8,5 %), религиозные (4,2 %) и профсоюзные организации (4,2 %).

Наиболее популярным ответом на вопрос о главном национальном символе Беларуси является «Государственная символика Республики Беларусь» (68,4 %) – рис. 3.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, является главным национальным символом Беларуси?», в % от опрошенных

Государственная символика Республики Беларусь является одним из самых значимых и узнаваемых символов нашей страны. Она выражает единство и независимость Беларуси, а также ее культуру и историю. В свою очередь, народные символы и объекты культурного наследия страны, белорусский язык и литература (49,7 %, 39,4 % и 30,7 % соответственно) выражают основные смыслы национальной идеи Беларуси, среди которых единство, свобода, независимость и гражданская ответственность, а также отражают богатое культурное и историческое наследие. Благодаря этим культурным артефактам гражданин может ощущать себя частью целого народа и сохранять свою национальную идентичность.

Распространенным ответом по данному вопросу выступает вариант «Памятники Великой Отечественной войны» (25,4 %). Памятники Великой Отечественной войны – это важные элементы исторического наследия страны. Они напоминают о ценности мира и являются нерушимым символом патриотического духа белорусского народа. Памятники Великой Отечественной войны позволяют поддерживать связь между прошлым и будущим. Эти памятники помогают сохранить память о тех мужественных людях, которые боролись за независимость страны [1]. Они напоминают всем гражданам Беларуси о том, что война оставила свой след в жизни многих семей и они должны ценить мир, который был завоеван долгими годами тяжелых испытаний.

Также в этой связи опрошенными упоминалась «Историческая символика» – геральдические символы, флаги (17,2 %). Меньше всего респонденты уделили внимание варианту

«Религиозные святыни» (6,4 %). В настоящее время во многих странах мира сохранение религиозных святынь является основным приоритетом для правительства и общества в целом. Религиозные святыни продолжают оставаться важными историческими объектами. Они являются значимой частью белорусского культурного наследия.

Респондентов также попросили выбрать наиболее значимые лично для них государственные праздники Беларуси. Самым знаковым праздником оказался «День Победы» (81,1 %) – рис. 4. В течение многих лет белорусы отмечают День Победы с глубоким уважением и благодарностью к ветеранам и тем, кто сражался на фронте и в тылу, защищая свою Родину. День Победы – ключевая дата, приуроченная памяти героического подвига воинов-освободителей. Ежегодно в стране проводятся события, отражающие осознание важности победы в истории нашей страны и сохранения мира как абсолютной ценности: военный парад, салют, марши памяти, посещение ветеранов и участников военных действий. Белорусы увековечивают в памяти подвиги героев, защищавших свою Родину в годы войны, вспоминают о тех, кто вынес тяжелые испытания в годы оккупации.

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Какие государственные праздники Беларуси являются для Вас наиболее значимыми?», в % от опрошенных

Две трети респондентов среди значимых государственных праздников обозначили «День Независимости Республики Беларусь» (66,1 %). Независимость как полный суверенитет во внутренних и внешних решениях является основой свободы в принятии политических решений, определяющих основные векторы развития страны. Путь обретения Беларусью независимости сопровождался крайне сложными драматичными событиями, что предопределило особое место этой символической даты в персональной иерархии государственных праздников граждан.

Среди наиболее важных государственных праздников также участниками исследования называются День Конституции Республики Беларусь (21,7 %), День единения народов Беларуси и России (16,4 %), День народного единства (13,0 %), День Государственного флага, Государственного герба и Государственного гимна Республики Беларусь (11,6 %).

В современном мире существует множество источников информации. Среди них телевизионные каналы, интернет-ресурсы, радио, газеты, журналы, а также социальные сети. Каждый из этих источников влияет на нашу жизнь и нашу восприимчивость к информации, в том числе имеет воздействие на формирование у населения чувства патриотизма.

Телевидение, по мнению участников опроса, играет ключевую роль в формировании представлений населения об истории Беларуси (рис. 5), т. е. для большинства опрошенных телевидение является основным источником информации об истории страны (64,8 %). Телевизионные каналы предоставляют зрителю информацию о событиях, происходящих в стране

и мире. Кроме того, они также выпускают различные патриотические программы, посвященные истории, культуре, традициям, демонстрирующие достижения страны. Такие программы образуют атмосферу для формирования патриотических установок.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Из каких источников Вы получаете информацию об истории Беларуси?», в % от опрошенных

Наряду с телевидением значительную роль в воспитании патриотизма у населения играют интернет-ресурсы. Этот источник информации расположился на втором месте по популярности среди участников опроса (43,1 %). Интернет дает возможность получать информацию по интересующим темам как внутри страны, так и за ее пределами. Интернет содержит много сайтов и блогов, посвященных истории, культуре, науке в преломлении конкретной страны [2]. Социальные сети пользуются популярностью у 18,1 % участников опроса.

Печатные издания теряют свою популярность из-за разнообразия цифровых источников информации. Книжные издания на данный момент были отмечены только в 30,0 % случаев. Ранее люди активнее читали газеты, журналы, чтобы оставаться в курсе политических, экономических и культурных новостей, а также расширять кругозор. Сегодня с развитием технологий, люди зачастую прибегают к поиску новостей и событий в интернете на специализированных новостных сайтах. Газеты и журналы были отмечены четвертью участников опроса (27,2 %). Менее востребованными оказались такие варианты как «Радио» (11,8 %), «Мессенджеры» (9,1 %), «Коллеги по работе, учебе» (7,8 %).

Проведенное исследование патриотического сознания белорусского общества позволило выявить комплекс взаимосвязанных характеристик, определяющих современное понимание патриотизма и его роли в формировании гражданской идентичности. Анализ полученных данных демонстрирует устойчивую систему ценностей, в которой переплетаются традиционные представления и новые формы гражданской активности.

Основу патриотических представлений составляет глубоко укорененное в массовом сознании понимание патриотизма как повседневной практики, проявляющейся в привязанности к родной земле через труд и созидательную деятельность. Это свидетельствует о преобладании деятельностного подхода в современном восприятии патриотизма, когда любовь к Родине выражается не только в символических действиях, но и в конкретном вкладе в развитие страны. Параллельно с этим сохраняется значимость традиционных компонентов патри-

отического сознания, включая уважение к государственной символике и готовность к защите Отечества, что отражает преемственность поколений в понимании гражданского долга.

Особого внимания заслуживает выявленная система институтов формирования патриотических ценностей. Семья продолжает играть ключевую роль в передаче базовых ценностей и установок, формируя эмоциональную основу патриотического сознания. Образовательные учреждения дополняют этот процесс, обеспечивая систематическое усвоение знаний об истории и культуре страны. При этом отмечается определенный дисбаланс в влиянии различных социальных институтов, требующий более активного вовлечения других общественных структур в процесс патриотического воспитания.

Символическая составляющая патриотического сознания представлена комплексом узнаваемых и значимых для большинства граждан образов и дат. Государственная атрибутика воспринимается как визуальное воплощение национальной идентичности, в то время как памятники военной истории выполняют функцию хранителей коллективной памяти. Календарь государственных праздников, особенно дни, связанные с ключевыми событиями национальной истории, служат важными точками консолидации общества и актуализации патриотических чувств.

Информационная среда оказывает существенное влияние на формирование исторического сознания и патриотических представлений. Традиционные СМИ, в первую очередь телевидение, сохраняют свою роль основного источника знаний об истории страны, однако возрастающее влияние цифровых технологий требует переосмысления подходов к патриотическому воспитанию в новых медийных условиях. Это ставит перед исследователями и практиками задачу разработки адаптивных стратегий работы с различными возрастными и социальными группами.

Полученные результаты имеют значительный практический потенциал для совершенствования государственной политики в сфере гражданско-патриотического воспитания. Они указывают на необходимость комплексного подхода, сочетающего поддержку традиционных институтов социализации с разработкой современных программ, учитывающих меняющиеся коммуникативные практики. Особое внимание следует уделить созданию условий для самореализации молодежи в рамках общественно-полезной деятельности, что позволит трансформировать патриотические чувства в конкретные формы гражданской активности.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется изучение региональных особенностей патриотического сознания, а также сравнительный анализ динамики патриотических представлений в различных социально-демографических группах. Особый научный интерес представляет исследование влияния цифровой среды на трансформацию механизмов формирования патриотических ценностей и поиск эффективных способов гармонизации онлайн- и офлайн-практик патриотического воспитания.

Проведенное исследование подтверждает, что современное белорусское общество сохраняет устойчивую систему патриотических ценностей, сочетающую преемственность исторических традиций с адаптацией к новым социальным реалиям. Выявленные закономерности свидетельствуют о наличии прочного фундамента для дальнейшего укрепления гражданского единства и развития конструктивных форм гражданской идентичности. Эти выводы имеют важное значение как для научного понимания природы современного патриотизма, так и для практической работы по укреплению социальной сплоченности и гражданской солидарности в белорусском обществе.

Литература

1. Бельский А. М., Мятникова И. В., Грак С. С. Великая Отечественная война в представлениях белорусов (по материалам социологического исследования // Патриотическое воспитание и сохранение исторической памяти в системе высшего образования: современное состояние и перспективы : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 11–12 мая 2023 года / [редкол.: С. И. Скриба и др.]. Минск : БГЭУ, 2023. С. 50–53.
2. Бельский А. М. Гражданская идентичность студенческой молодежи Беларуси в условиях воздействия Сети Интернет и новых медиа: социологический анализ трансформации // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе : материалы VI Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., 3–4 дек. 2019 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2019. С. 12–17.

3. Бельский А. М., Шавердо Т. М., Новицкая Т. В. Гражданско-патриотические ценности современных белорусов в социологическом измерении // Весті БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2025. № 1 (123). С. 35–43.

4. Бельский А. М. Условия формирования гражданской позиции молодежи в социологическом измерении: современный этап // Историческая память и преемственность, диалог поколений. Современная молодежь и общество : сб. науч. ст. Вып. 6 / под науч. ред. И. И. Калачёвой. Минск : РИВЦ, 2018. С. 53–58.

5. Бельский А. М. Особенности гражданского сознания белорусской молодежи на примере отношения к национальному языку и культуре: сравнительный социологический анализ // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности перспективы : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 3–4 нояб. 2022 г. / редкол. : Н. Л. Мысливец (гл. ред.) [и др.] ; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. Минск : Донарит, 2022. С. 243–246.

6. О патриотических ценностях в представлении современных белорусов : оценка эффективности реализации Программы патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы / Нац. акад. Наук Беларуси, Ин-т социологии ; сост.: А. М. Бельский [и др.] ; общ. ред. Н. Л. Мысливца. Минск : Белорусская наука, 2023. 27 с.

УДК 316.74:94

Е. А. Боева, Т. В. Андриянова

Курский государственный университет, г. Курск

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ МОЛОДЕЖИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: О ЧЕМ ПИШУТ ЭКСПЕРТЫ 80 ЛЕТ СПУСТЯ

Рассматривается феномен исторической памяти молодежи о Великой Отечественной войне в условиях современного общества в экспертных исследованиях, спустя 80 лет после Победы. Анализируется специфика восприятия прошлого у молодого поколения, освещаются результаты социологических опросов и подчеркивается роль семейной и институциональной трансляции исторических знаний. Особое внимание экспертами уделено влиянию цифровой среды на процессы формирования исторической памяти.

Ключевые слова: историческая память, молодежь, эксперты, патриотическое сознание молодежи, Великая Отечественная война, День Победы.

E. A. Boeva, T. V. Andrianova

Kursk State University, Kursk

THE HISTORICAL MEMORY OF YOUTH ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR: WHAT EXPERTS WRITE ABOUT 80 YEARS LATER

The article examines the phenomenon of historical memory of youth about the Great Patriotic War in modern society in expert research, 80 years after the Victory. The specifics of the perception of the past among the younger generation are analyzed, the results of sociological surveys are highlighted, and the role of family and institutional transmission of historical knowledge is emphasized. Experts pay special attention to the influence of the digital environment on the processes of historical memory formation.

Keywords: historical memory, youth, experts, patriotic consciousness of youth, Great Patriotic War, Victory Day.

История – это не только наука о прошлом, но и живой источник формирования общественного сознания, нравственных и культурных ориентиров. Прошлое, особенно то, что связано с ключевыми вехами существования государства и народа, играет важнейшую роль в формировании личной и коллективной идентичности. В этом контексте историческая память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. занимает особое место в общественном сознании, выступая как символ героизма, страдания, национального единства и победы над мировым злом.

При рассмотрении феномена исторической памяти необходимо учитывать различные экспертные подходы и трактовки, предложенные отечественными авторами. Один из наиболее авторитетных исследователей в данной области Ж. Т. Тощенко определяет историческую память как «выражение процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности лю-

дей» [7, с. 5]. Таким образом, он подчеркивает значимость исторической памяти как механизма, обеспечивающего преемственность поколений и позволяющего опираться на накопленный опыт в современной социальной практике.

Схожее, но в то же время несколько иное понимание феномена предлагает Л. П. Репина. В своем подходе она объединяет в понятии «историческая память» коллективные и общественные, массовые представления о прошлом. Исходя из этого, она интерпретирует историческую память как форму социальной памяти, коллективной памяти или же как совокупность «...массовых представлений социума об общем прошлом» [6, с. 42]. Такой подход акцентирует внимание на восприятии и интерпретации истории широкими слоями общества, подчеркивая, что историческая память формируется и функционирует в контексте коллективного сознания.

Не менее значимую точку зрения высказывают Н. Л. Мысливец и О. А. Романов. По их мнению, историческая память представляет собой неотъемлемое условие для сохранения и поступательного развития как культурного, так и государственного суверенитета. Более того, она служит базисом для формирования устойчивых патриотических установок и осознанной гражданской идентичности. Как они справедливо отмечают: «историческая память является обязательным условием сохранения и развития государственного и культурного суверенитета, а также представляет собой основу формирования устойчивых патриотических ценностей и гражданской идентичности» [5, с. 10].

Следует отметить, что, несмотря на широкое распространение термина «историческая память» в научных и публицистических дискуссиях, его содержание до сих пор не имеет строго фиксированного и однозначного определения. Это обусловлено тем, что сам феномен отличается сложной структурой, внутренней противоречивостью и множественностью проявлений. Как указывается в исследовательской литературе: «данное понятие не имеет четкого и однозначного определения, что обусловлено сложным и неоднородным характером рассматриваемого явления» [4, с. 55–56].

Русский ученый М. В. Ломоносов, размышляя о значении исторического знания, писал: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего». Эта мысль, высказанная в XVIII в., не теряет своей актуальности и сегодня, особенно в свете изменений, происходящих в восприятии истории у молодого поколения [2, с. 35]. Современная молодежь растет в условиях постиндустриального общества, цифровой реальности, плюрализации культурных кодов и информационной перегрузки. Это обстоятельство накладывает отпечаток на формирование исторической памяти, особенно в отношении таких масштабных и трагически героических событий, как Великая Отечественная война.

Обострение интереса к теме исторической памяти наблюдается не только в экспертной среде, где ведутся активные научные исследования, но и в общественно-политической сфере, где вопросы сохранения памяти о Великой Отечественной войне занимают все более значимое место в публичных дискуссиях. Однако проблема заключается не только в передаче фактов и дат о войне, в заучивании исторических событий. Гораздо сложнее и важнее – это способность общества вызывать у молодежи глубокий эмоциональный отклик, пробудить у них личностную сопричастность к подвигу предков, ощутить связь поколений и осознать свою ответственность за сохранение памяти о тех трагических и героических годах. Необходимо, чтобы история Великой Отечественной войны не оставалась просто набором дат и событий в учебнике, а воспринималась как живая, значимая часть национальной идентичности.

Проблема сохранения и трансляции исторической памяти о Великой Отечественной войне в современном обществе приобретает особую значимость на фоне стремительной трансформации медиапространства, где доминируют развлекательный контент и мгновенные информационные потоки, изменения характера семейных и образовательных связей, а также общемировых процессов культурной глобализации, которые могут приводить к размыванию национальных границ и ценностей. Несмотря на наличие институционализированных форм памяти – торжественные государственные праздники, тематические музеи и мемориалы, разработанные школьные программы и учебные пособия – на уровне повседневного восприятия

у молодежи наблюдается заметная неравномерность интереса к теме войны. Это подтверждается результатами многочисленных социологических опросов, которые указывают на существенное расслоение в отношении к историческому наследию: с одной стороны, значительная часть молодежи осознает важность сохранения памяти о Великой Отечественной войне, признает ее определяющее значение для формирования национальной идентичности и гордится подвигом своих предков, с другой – немалый процент респондентов проявляет равнодушие, а порой и поверхностное, формальное отношение к событиям 1941–1945 гг.

В ходе исследования 2020 г., проведенного в Омском государственном педагогическом университете, был проанализирован уровень интереса молодежи к темам, связанным с военным опытом и жизнью ветеранов Великой Отечественной войны [8, с. 123]. Результаты опроса выявили, что около 70,7 % опрошенных студентов выражают искренний интерес к историям о тех годах, о тяготах фронтовой жизни, о подвигах и потерях, которые пережили ветераны. Этот высокий процент, вероятно всего, обусловлен наличием у многих из них личной или семейной связи с событиями тех лет: дедушки, бабушки, прадедушки, отцы или матери, прошедшие через войну, оставили неизгладимый след в семейной истории и передали частичку своего опыта молодому поколению. Например, многие студенты рассказывали о семейных реликвиях – фронтовых письмах, орденах, медалях, фотографиях, которые служат наглядным напоминанием о жертвах и героизме предков.

В то же время, 29,3 % опрошенных признались, что данная тема не вызывает у них значительного интереса. Полученный результат может быть обусловлен различными причинами, например такими как недостаточная информированность о событиях Великой Отечественной войны, нечастое взаимодействие с ветеранами, а также изменение интересов молодежи в сторону других областей жизни.

Несмотря на то что некоторая часть студентов демонстрирует слабую вовлеченность в тему Великой Отечественной войны, важно подчеркнуть, что основная масса молодых людей (82 %) осведомлены о военном прошлом своих семей. Это ярко свидетельствует о том, что семейная историческая память является ключевым инструментом в передаче патриотических ценностей. Личные истории предков, которые передаются в семьях не только пробуждают в молодежи гордость за страну и благодарность к ветеранам войны, но и желание беречь историческую память о героических страницах истории родины. Именно в семейном кругу, слушая рассказы родных, дети и внуки получают наиболее яркое и эмоциональное представление о событиях тех лет.

Эксперты отмечают, что в современную эпоху на процессы формирования исторической памяти молодого поколения всё большее воздействие оказывает медиасфера. Цифровая среда, а в особенности интернет-пространство, становится основным каналом получения сведений о прошлом, постепенно вытесняя традиционные источники, к которым ранее относились печатные издания, документальные архивы и устные свидетельства непосредственных участников исторических событий. Сегодня молодежь всё реже обращается к классическим формам исторического познания – таким как книги, мемуары или беседы с представителями старших поколений, – предпочитая краткие видеоролики, публикации в социальных сетях, информационные сайты и блоги.

С одной стороны, распространение цифровой культуры открывает поистине неограниченные возможности для знакомства с историческими фактами, концепциями и визуальными материалами. Сеть предоставляет мгновенный доступ к разнообразным источникам – от оцифрованных документов до интерактивных карт и виртуальных музеев. Однако, с другой стороны, именно этот информационный избыток сопровождается рисками: учащается распространение искажённых трактовок событий, доминируют упрощенные, фрагментарные и часто эмоционально окрашенные интерпретации сложных исторических процессов. Недостоверные сведения могут формировать ложные представления, подменяя глубокое понимание поверхностными клише и мифологизированными образами.

В условиях такой ситуации возрастает значение системы образования, а также иных социальных механизмов, таких как культурные учреждения, просветительские инициативы и

патриотические медийные проекты, играющих ключевую роль в формировании целостного, сбалансированного и эмоционально значимого образа исторического прошлого. Образовательные учреждения, от школ до университетов, должны не просто транслировать информацию, но и формировать у молодёжи критическое мышление, способность к самостоятельному анализу и сравнению различных точек зрения. Например, в Курском Государственном Университете был реализован медиапроект «Наши семейные книги памяти-2025», студенты и сотрудники университета делились историями о своих предках, участниках Великой Отечественной войны [9].

На фоне общего усложнения информационного ландшафта особую важность приобретает семейная память как устойчивый и доверительный канал передачи исторического опыта. Близкие родственники: родители, бабушки и дедушки являются хранителями индивидуальных воспоминаний и жизненных историй, нередко более ярких и запоминающихся, чем обобщённые сведения из учебников. Эти личные нарративы создают эмоциональную вовлечённость, способствуют развитию чувства сопричастности к истории своей семьи и своей страны.

Через рассказы старших поколений молодёжь получает не только информацию, но и особую эмоционально-психологическую связь с прошлым, ощущение преемственности и принадлежности к исторической традиции. Такая форма передачи опыта способствует формированию внутренней мотивации к изучению истории, делает её не абстрактным набором дат и фактов, а частью личной и семейной идентичности. В условиях кризиса доверия к массовым источникам информации именно семейная память может служить точкой опоры в процессе осмысления исторического пути своей страны.

Памятные даты, такие как 9 Мая, остаются ключевым элементом сохранения исторической памяти. Но по данным того же опроса, почти половина студентов не собирается принимать участие в мероприятиях ко Дню Победы. Данный факт говорит не об отсутствии патриотизма у молодёжи, а о его переосмыслении. Чаще молодые люди предпочитают другие способы выражения, такие как публикации в социальных сетях, просмотр фильмов о Великой Отечественной войне, волонтерская помощь ветеранам, которые заменяют им массовые шествия и официальные мероприятия. Следовательно, форма исторической памяти изменяется, но её суть продолжает жить.

Несмотря на определённую раздробленность и внутреннюю неоднородность исторической памяти, обусловленную как индивидуальными различиями в восприятии прошлого, так и воздействием современных информационных потоков, всё же можно с уверенностью утверждать, что память о Великой Отечественной войне продолжает сохранять свою важность и значимость в сознании представителей молодого поколения. Этот пласт исторического сознания выступает не только как способ сохранения воспоминаний о событиях минувшего, но и как активный инструмент их осмысления, интерпретации и переоценки в свете современных общественно-культурных условий.

Историческая память выполняет функции формирования мировоззренческих ориентиров, укрепления нравственных основ и развития гражданской ответственности. Она становится фундаментом для выстраивания личной и общественной идентичности, связывая индивидуальный опыт с коллективной историей народа. Особая роль в этом процессе отводится образовательно-воспитательным стратегиям, направленным на целенаправленное внедрение в сознание молодёжи знаний о трагических, героических и судьбоносных этапах истории XX в., включая Великую Отечественную войну. Не менее значимой является и атмосфера семейного воспитания, в рамках которого передаётся уникальный личный опыт старших поколений, создающий прочную эмоциональную связь с историческим прошлым.

Кроме того, необходимо отметить важность продуманной государственной и культурной медийной политики, ориентированной на популяризацию объективных и глубоко осмысленных образов истории. Современные средства массовой информации, интернет-проекты, документальные фильмы, культурные инициативы и цифровые платформы могут выступать как в роли проводников исторической правды, так и источников искажений, упрощений и подмен. Поэтому именно через комплексное взаимодействие образовательной

системы, института семьи и информационного пространства возможно противодействие риску утраты связи с национальной исторической традицией, так называемым историческим кодом, лежащим в основе самоидентификации народа.

Следовательно, только при условии стабильного интереса молодёжи к прошлому своей страны можно ожидать становления зрелой, ответственной гражданской позиции и формирования искреннего, осознанного патриотизма. Такой патриотизм не основывается на формальных лозунгах, а питается глубоким знанием истории, пониманием её противоречий, уважением к подвигу предков и стремлением к сохранению исторической преемственности. Именно эти качества являются основой для сплочения нации, консолидации общества и укрепления его устойчивости в будущем.

Таким образом, по мнению экспертов, историческая память о Великой Отечественной войне в молодежной среде спустя восемь десятилетий после окончания войны предстает как сложное, многосоставное явление [1; 3]. Она объединяет в себе личностные и общественные уровни восприятия прошлого, включает элементы как рационального осмысления, так и чувственного, эмоционального переживания. Это память, в которой сочетаются элементы исторической преемственности с необходимостью переосмысления определённых образов и смыслов, возникающих в результате взаимодействия с новыми культурными, политическими и информационными реалиями.

Сохранение и развитие этой формы исторического сознания является не только задачей отдельных специалистов: историков, преподавателей, социологов, но и представляет собой общенациональную обязанность, общественно значимую миссию. От того, насколько успешно будет реализована эта миссия, во многом зависит не только сохранение культурной и исторической самобытности страны, но и траектория её дальнейшего исторического развития. Память о Великой Отечественной войне становится не только связующим звеном между поколениями, но и важным ресурсом для формирования устойчивого будущего нации.

Литература

1. Андриянова Т. В. О ценностном аспекте духовно-нравственного воспитания молодежи // Церковь и общество: история и современность : материалы IV науч.-образоват. Знаменских чтений : в 2 т. Курск, 25–28 марта 2008 г. Курск : Кур. гос. ун-т, 2009. Т. 2. С. 124–132.
2. Воробьева О. Б. О проблеме формирования исторической памяти молодого поколения // Культурологические чтения – 2024. Культурология как проектирование будущего: от фундаментального знания к культурным проектам : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Екатеринбург, 13–15 марта 2024 г. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2024. С. 34–40.
3. Быканова Я. П., Андриянова Т. В. Медиафера как пространство взаимодействия пользователей социальных сетей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 2. С. 219–231.
4. Касьянов В. В., Чупрынников С. А. Историческая память, социальная память: диалектика взаимодействия // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 4. С. 54–60.
5. Мысливец Н. Л., Романов О. А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. № 1. С. 9–18.
6. Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 39–52.
7. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.
8. Хилько Н. Ф., Озерова О. А. Образы исторической памяти в представлениях молодежи на примере празднования дня победы // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. № 4 (29). С. 123–126.
9. Акция «Наши семейные книги памяти-2025» в КГУ. URL: https://vk.com/@patriot_kursksu-akciya-nashi-seimeinye-knigi-pamyati-2025-v-kgu (дата обращения: 29.04.2025).

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОСНОВА ЭКСПЕРТИЗЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ¹⁶

Статья посвящена анализу цифровой активности населения как индикатора социальных трансформаций, основанного на сравнительных социологических исследованиях России и Казахстана. На основе данных анкетирования рассматриваются самооценка уровня цифровой вовлеченности, каналы получения информации и цели использования интернета, выявляются межстрановые различия в цифровом поведении. Результаты исследования демонстрируют значение цифровой активности для экспертной оценки изменений в информационной культуре и гражданском участии, актуальной в условиях построения безопасного и устойчивого общества.

Ключевые слова: цифровая активность, социальные трансформации, сравнительный анализ, информационное поведение, экспертная оценка.

I. S. Glebova, A. M. Zakirov

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

STUDY OF THE DIGITAL ACTIVITY OF THE POPULATION AS A BASIS FOR THE EXAMINATION OF SOCIAL TRANSFORMATIONS

The article is devoted to the analysis of the digital activity of the population as an indicator of social transformations, based on comparative sociological studies of Russia and Kazakhstan. Based on the survey data, self-assessment of the level of digital involvement, channels for obtaining information and the purposes of using the Internet are considered, and cross-country differences in digital behavior are identified. The results of the study demonstrate the importance of digital activity for expert assessment of changes in information culture and civic participation, which is relevant in the context of building a safe and sustainable society.

Keywords: digital activity, social transformations, comparative analysis, information behavior, expert assessment.

В условиях глубокой интеграции цифровых технологий в повседневную жизнь исследование цифровой активности населения становится ключевым инструментом для понимания современных социальных трансформаций [1]. Интернет, смартфоны, социальные сети и онлайн-сервисы перестали быть просто инструментами коммуникации – они трансформировали способы получения информации, принятия решений и взаимодействия между индивидами, группами и государством [2]. Актуальность анализа цифровой активности особенно возрастает в контексте глобальных вызовов XXI в., включая информационные войны, кризисы доверия к институтам и рост потребности в цифровой грамотности как основе гражданской устойчивости. Именно поэтому изучение цифрового поведения населения приобретает значение не только научное, но и экспертно-практическое, становясь опорой для разработки политики в сферах образования, безопасности и развития демократического диалога [3].

Теоретической основой исследования выступают концепции цифрового общества, подчеркивающие, что цифровая активность – это не только техническое явление, но и социальный процесс, отражающий ценности, коммуникативные стратегии и уровень адаптации индивида к изменяющейся среде [4]. Работы Мануэля Кастельса о сетевых обществах, исследования Юрия Харари о цифровом «самообмане» и труды отечественных социологов, включая Наталью Леоновну Смакотину, показывают, что цифровая активность является индикатором не только уровня технологизации, но и степени вовлеченности граждан в общественные процессы. В этом ключе особый интерес представляет сравнительный анализ цифровых практик в разных странах, учитывающий культурные, политические и инфраструктурные различия [5].

¹⁶ Материал подготовлен в рамках проекта № FZSM-2023–0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» по государственному заданию, выданному Казанскому федеральному университету.

В рамках настоящей статьи представлены данные социологических исследований, проведенных в России и Казахстане – странах, где цифровизация протекает в условиях уникального сочетания исторических, языковых и институциональных факторов. Анализ охватывает три ключевых аспекта цифровой активности – самооценку уровня активности («высокий», «средний», «низкий»), каналы получения информации (социальные сети, СМИ, телевидение и др.) и цели использования интернета (работа, образование, развлечения и т. д.). Эти параметры позволяют выявить различия в подходах к цифровому пространству, что, в свою очередь, открывает возможности для экспертных оценок трансформаций в информационной культуре, доверии к медиа и степени цифровой автономии населения.

Целью статьи стало сравнение позиций российских и казахстанских респондентов с акцентом на их информационное поведение и уровень цифровой вовлеченности. Полученные данные демонстрируют, как специфика национальных контекстов влияет на восприятие интернета как площадки для участия в общественной жизни, что особенно важно для экспертизы в условиях построения безопасного и справедливого мира. В дальнейшем изложении представлены методологические особенности исследования, сравнительный анализ и интерпретация результатов.

В рамках проведенных исследований молодежная аудитория (в возрасте 14–35 лет) была представлена в двух странах: в России было опрошено 802 респондента, а в Казахстане – 516 чел. Опросы проводились в разные периоды – в России данные собраны в марте – апреле 2023 г., в Казахстане – в апреле – мае 2025 г. Для обеспечения объективности результатов в обеих странах использовалась вероятностная (случайная) выборка, а вопросы анкеты, касающиеся цифровой активности, были сопоставимы по содержанию, что позволило провести корректный сравнительный анализ между молодежью двух стран.

В данной статье анализируются результаты ответов на 6 вопросов, касающихся различных аспектов цифровой активности.

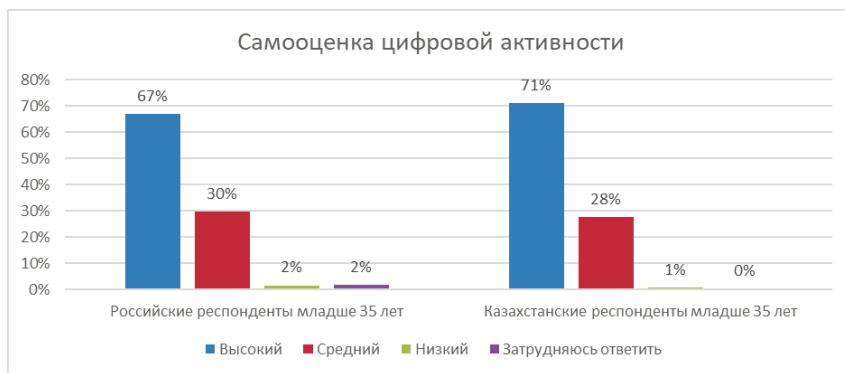

Рис. 1. Сравнительный анализ самооценки респондентами из России и Казахстана уровня цифровой активности

На диаграмме представлены данные, которые показывают, что респонденты младше 35 лет оценивают уровень своей цифровой активности преимущественно как высокий (67 %) и в существенно меньшей степени как средний (30 %), а как низкий – всего 2 % респондентов. Незначительно результаты отличаются у респондентов из Казахстана. Так, высокую оценку своей цифровой активности дали 71 % молодых людей. Так же, как и у российских респондентов, в существенно меньшей степени свою цифровую активность оценили на среднем уровне (28 %) казахстанские респонденты. Низкую самооценку дали ничтожно малое количество респондентов из Казахстана – 1 %.

Анализ самооценки цифровой активности среди молодежи (респондентов младше 35 лет) из России и Казахстана выявляет схожие, но неоднозначные тенденции. В обеих странах подавляющее большинство молодых людей оценивают свою цифровую активность как высокую (67 % в России и 71 % в Казахстане), что подтверждает общую гипотезу о «цифровом поколении» как группе, естественно включенной в онлайн-пространство. Однако казахстанские респонденты демонстрируют несколько более выраженное доверие к собственной цифровой компетентности. Доля тех, кто выбирает категорию «высокий уровень», здесь на 4 % выше, а «низкий уровень» почти отсутствует (1 % против 2 % в России).

Одновременно с этим наблюдается интересный нюанс в оценке «среднего уровня». Российская молодежь чаще (30 %) склонна занижать свою активность по сравнению с казахстанскими сверстниками (28 %). Это может указывать на различия в самоидентификации цифровой активности. Российские молодые пользователи, возможно, более критично оценивают свои навыки или сталкиваются с большими барьерами в использовании цифровых инструментов. При этом общая направленность данных – минимальная доля «низкой активности» (всего 1–2 %) – позволяет говорить о высоком базовом уровне цифровизации среди молодежи в обеих странах, что важно для экспертного прогнозирования социальных изменений в цифровую эпоху.

Эти различия, пусть и незначительные, открывают пространство для дальнейшего анализа факторов, влияющих на цифровое самовосприятие — от доступности технологий до культурных установок и качества цифрового образования.

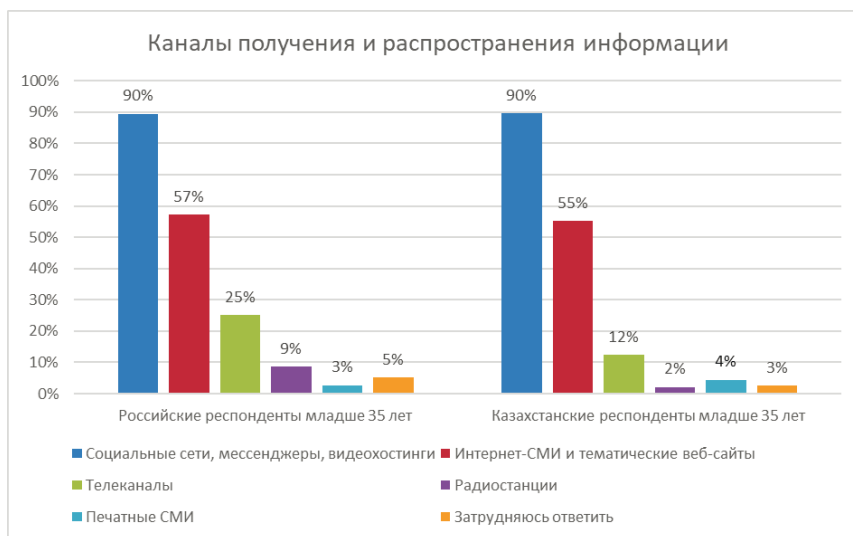

Рис. 2. Сравнительный анализ ответов респондентов из России и Казахстан
а на вопрос о каналах получения и распространения информации

На аналитической диаграмме мы видим, что респонденты младше 35 лет чаще используют в качестве каналов получения и распространения информации социальные сети и мессенджеры (90 %) и тематические веб-сайты с интернет-СМИ (57 %), а не телеканалы (25 %), радиостанции (9 %) и печатные СМИ (3 %). Если рассмотрим ответы казахстанских респондентов, то можем заметить, что существенные отличия российских респондентов по таким ответам, как социальные сети и мессенджеры (90 %) и тематические веб-сайты с интернет-СМИ (55 %), отсутствуют. При этом в Казахстане молодые люди значительно реже

используют телеканалы (12 %), радиостанции (2 %) и печатные СМИ (4 %) в качестве каналов получения и распространения информации.

Анализ каналов получения и распространения информации среди молодежи (респондентов младше 35 лет) в России и Казахстане демонстрирует как общие тенденции, так и значимые различия. В обеих странах подавляющее большинство молодых людей активно использует социальные сети и мессенджеры (90 % в обеих группах), что подтверждает их роль как основной платформы для цифровой коммуникации. Интернет-СМИ и тематические сайты также широко востребованы (57 % в России и 55 % в Казахстане), что указывает на стремление молодежи к оперативному и разнообразному доступу к информации.

Однако ключевое отличие проявляется в отношении к традиционным СМИ. Российская молодежь значительно чаще обращается к телеканалам (25 % против 12 % в Казахстане), радиостанциям (9 % против 2 %) и печатным изданиям (3 % против 4 %). Это может быть связано с разницей в медиарынке или культурных особенностях потребления информации. В России телевидение сохраняет статус ключевого источника государственной информации, тогда как в Казахстане молодое поколение демонстрирует более последовательный отказ от традиционных каналов, отдавая предпочтение цифровым платформам. Интересно, что использование печатных СМИ в Казахстане (4 %) даже незначительно превышает российский показатель (3 %), что может свидетельствовать о специфике локального медиарынка или культурных особенностях потребления информации.

Эти данные позволяют предположить, что молодежь Казахстана быстрее адаптируется к цифровой экосистеме, где роль традиционных медиа снижена, тогда как российские респонденты сохраняют элементы «гибридного» поведения, сочетая онлайн-ресурсы с телевизионным потреблением. Для экспертной оценки социальных трансформаций это важно, поскольку различия в медиaprактиках влияют на формирование общественного мнения, уровень доверия к институтам и эффективность информационного взаимодействия.

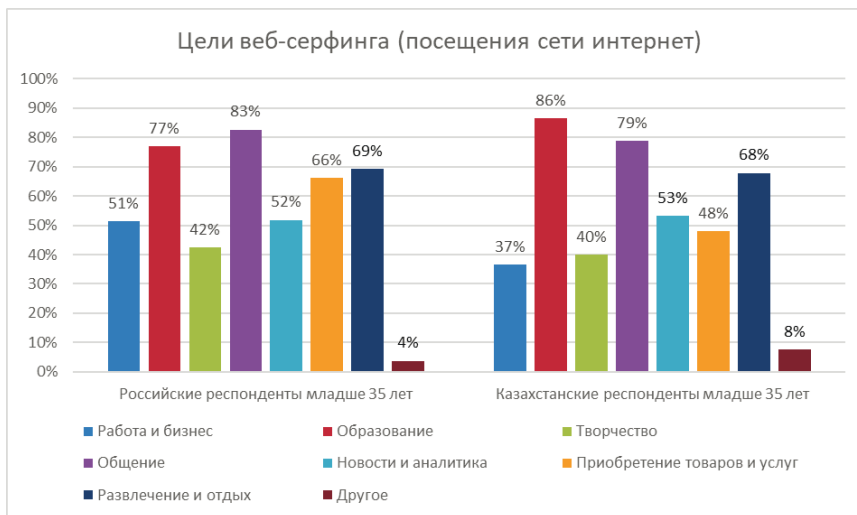

Рис. 3. Сравнительный анализ ответов респондентов из России и Казахстана на вопрос о целях веб-серфинга

На диаграмме мы видим, что российские респонденты младше 35 лет часто используют интернет с целью общения (83 %), образования (77 %), развлечения и отдыха (69 %), приобретения товаров и услуг (66 %). В меньшей степени для молодых людей интернет интересен по направлениям новостей и аналитики (52 %), работы и бизнеса (51 %), творчества

(42 %). В свою очередь казахстанские молодые респонденты чаще всего используют в таких целях, как образование (86 %), общение (79 %) и развлечение и отдых (68 %). В меньшей степени для казахстанской молодежи интересны такие цели использования интернета, как новости и аналитика (53 %), приобретение товаров и услуг (48 %). Наименее интересно для казахстанских респондентов не интересно творчество (40 %) и работа и бизнес (37 %).

Анализ целей использования интернета среди молодежи России и Казахстана выявляет как общие приоритеты, так и заметные различия в цифровом поведении. В обеих странах ведущими мотивами остаются общение (83 % в России и 79 % в Казахстане) и образование (77 % и 86 % соответственно), что подтверждает ключевую роль интернета как платформы для социального взаимодействия и самообразования. Однако казахстанские респонденты демонстрируют более высокую вовлеченность в образовательные цели, что может быть связано с активным развитием онлайн-курсов и дистанционного обучения в регионе, а также с культурным акцентом на получение знаний через цифровые каналы.

Значительное расхождение наблюдается в коммерческой активности. Российская молодежь чаще использует интернет для приобретения товаров и услуг (66 % против 48 % в Казахстане). Это может указывать на разный уровень развития электронной коммерции, доступности платежных систем или доверия к онлайн-покупкам. В Казахстане, несмотря на рост цифровых сервисов, сохраняется предпочтение к традиционным способам совершения покупок, что, вероятно, связано с инфраструктурными или экономическими барьерами.

Еще одной важной диспропорцией стало использование интернета в целях работы и бизнеса. Российские респонденты выбирают этот мотив в 51 % случаев, тогда как в Казахстане – лишь у 37 %. Это может отражать различия в рынке труда, где удаленная занятость и фриланс более развиты в России, или же разницу в предпринимательской активности молодежи. При этом интерес к новостям и аналитике почти одинаков (52 % и 53 %), что говорит о схожем уровне информированности, но смещении источников. В Казахстане вместо телеканалов (12 %) молодежь опирается на онлайн-медиа (55 %).

Эти различия подчеркивают, что цифровая активность молодежи в обеих странах формируется под влиянием сочетания технологической доступности, культурных установок и институциональной среды. Для экспертных институтов такие данные важны как индикаторы адаптации общества к цифровой трансформации, а также потенциальных зон риска, таких как недостаточная цифровизация экономики или неравномерное развитие образовательных платформ.

Проведенный сравнительный анализ цифровой активности молодежи России и Казахстана подтверждает общие тенденции цифровизации, такие как доминирование социальных сетей и онлайн-медиа, но выявляет и национальные различия в коммерческой, образовательной и информационной активности. Эти различия указывают на разный уровень адаптации к цифровой среде, обусловленный институциональными, культурными и технологическими факторами, что важно учитывать при формировании экспертных оценок социальных трансформаций. Полученные данные открывают возможности для дальнейших исследований цифрового поведения как индикатора устойчивости общества в условиях глобальных вызовов.

Литература

1. Ваганова М. Ю., Матвеева И. Ю. Информационно-психологическая безопасность молодежи в интернете: проблема установок // Педагогический журнал Башкортостана. 2020. № 1 (86). С. 73–80.
2. Абраменко Е. В. Кибермоббинг как глобальная интернет-проблема в молодежной среде // *Primo Aspectu*. 2024. № 2 (58). С. 31–39.
3. Землянская А. В., Курских Е. П., Землянская Н. Е. Отношение молодежи к конфликтам в интернет-пространстве // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: материалы XII Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. Липецк, 20–21 окт. 2023 г. Липецк : Липец. гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. С. 5–11.
4. Жуйков А. А., Каспаров А. Р., Нурахмедова А. А. Виртуальные конфликты в социальных сетях Интернета как угроза информационной безопасности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 2 (239). С. 89–94.
5. Киреева О. С. Проблемы информационной безопасности в восприятии студенческой молодежи // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. 2020. № 13. С. 49–52.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНОМУ СОПРОВОЖДЕНИЮ И ПАТРОНАТУ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ

Рассматривается проблема межведомственного взаимодействия при социальном сопровождении и патронате семей с детьми в современной России. Особое внимание уделяется междисциплинарному подходу как необходимому условию эффективной работы с семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации. Анализируются преимущества и сложности междисциплинарного сотрудничества, выявляются основные препятствия в процессе взаимодействия специалистов разных профилей. На основе исследования предложены принципы оптимизации межведомственного взаимодействия, включая внедрение цифровых технологий для повышения качества и доступности социальных услуг.

Ключевые слова: социальное сопровождение, социальный патронаж, межведомственное взаимодействие, междисциплинарный подход, цифровизация.

A. V. Kovaleva, E. A. Kuruma

Pacific State University, Khabarovsk

INTERDISCIPLINARY APPROACH TO SOCIAL SUPPORT AND GUARDIANSHIP OF FAMILIES WITH CHILDREN

The article examines the problem of interdepartmental interaction in the social support and guardianship of families with children in modern Russia. Special attention is paid to the interdisciplinary approach as a necessary condition for effective work with families in difficult life situations. The advantages and challenges of interdisciplinary cooperation are analyzed, and the main obstacles in the interaction of specialists of different profiles are identified. Based on the research, principles for optimizing interdepartmental interaction are proposed, including the introduction of digital technologies to improve the quality and accessibility of social services.

Keywords: social support, social guardianship, interdepartmental interaction, interdisciplinary approach, digitalization.

В современных условиях развития российского общества вопросы поддержки семей с детьми приобретают особую значимость. Рост числа семей, находящихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в различных видах помощи, делает крайне актуальной задачу совершенствования системы социального обслуживания и поиска эффективных механизмов поддержки. Особую роль в этом процессе играет развитие межведомственного взаимодействия, позволяющего оказывать комплексную и адресную помощь семьям с детьми.

Проблема исследования заключается в необходимости оптимизации межведомственного взаимодействия при социальном сопровождении и патронате семей с детьми. Существующая система поддержки сталкивается с рядом методологических и организационных трудностей, препятствующих эффективной работе специалистов разных профилей. Отсутствие четкой координации действий, различия в подходах и методах работы, сложности в коммуникации между специалистами существенно снижают качество и эффективность оказываемой помощи.

Одним из инструментов поддержки семей выступает социальное сопровождение, которое, согласно Федеральному закону № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», определяется как содействие в получении гражданами (включая законных представителей несовершеннолетних) необходимой помощи – медицинской, психологической, педагогической, юридической и социальной, не относящейся к социальным услугам [8]. Основная цель данного института заключается в повышении качества жизни семей, предотвращении семейного неблагополучия и обеспечении равных возможностей для развития детей.

Наряду с социальным сопровождением, в практике социальной работы используется понятие «социальный патронаж». Однако данное понятие не находит отражения в российском законодательстве, что порождает разночтения в его трактовке и применении, приобретая раз-

личные интерпретации в зависимости от контекста нормативного акта. Данное обстоятельство порождает семантическую неопределенность и разночтения в его трактовке. Научное сообщество предлагает более широкую трактовку «социального патроната», рассматривая его как динамичную межведомственную систему сопровождения, которая направлена на предотвращение социального сиротства, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Методологическая основа данной системы базируется на раннем выявлении семейных проблем, активной реабилитации биологической семьи и гарантировании права ребенка на воспитание в семейном окружении.

Эмпирические данные свидетельствуют о масштабности проблемы межведомственного взаимодействия в сфере поддержки семей с детьми. В Хабаровском крае более 70 тысяч семей получают различные виды государственной поддержки [4], что подтверждает актуальность исследуемой проблематики. Высокая потребность в комплексной помощи подтверждается также данными о социальных контрактах: в 2024 г. около 1400 жителей региона заключили социальные контракты для улучшения своего материального положения [7], а с начала 2025 г. уже зарегистрирован 91 контракт на открытие бизнеса или поиск работы [6]. Кроме того, в крае насчитывается 23 тыс. многодетных семей, а общее число детей в регионе составляет 275 тыс. из которых более 125 тыс. получают различные формы государственной помощи [5]. Представленные факты показывают, насколько важно эффективно организовать межведомственное взаимодействие для оказания своевременной и качественной помощи и поддержки семьям.

Представленные данные подтверждают необходимость исследования межведомственного взаимодействия, поскольку указывают на потребность в согласованной работе различных ведомств для повышения качества и доступности услуг. Однако на практике междисциплинарное сотрудничество сталкивается с рядом методологических и организационных проблем, требующих научного осмысления и разработки эффективных механизмов взаимодействия. Проблемный вопрос исследования заключается в определении основных препятствий в процессе междисциплинарного сотрудничества при оказании помощи семьям с детьми и выявлении ключевых принципов успешной совместной работы в рамках социального сопровождения и патроната.

Междисциплинарный подход является основополагающим принципом в работе с семьями, находящимися в сложных жизненных обстоятельствах. Узкая специализация отдельных специалистов недостаточна для решения многофакторных проблем, с которыми сталкиваются такие семьи, поскольку их жизненные ситуации часто характеризуются переплетением социальных, медицинских, психологических, педагогических и правовых трудностей.

Консолидация профессиональных ресурсов требует привлечения специалистов различных профилей: социальных работников, психологов, педагогов, юристов и медицинских работников. Только такой комплексный подход обеспечивает создание эффективных мер поддержки, направленных на достижение устойчивых положительных изменений. Междисциплинарная команда специалистов позволяет осуществлять профессиональную и личностную поддержку друг друга, применять единый методологический подход и профессиональный язык в работе с семьей.

Стратегическое планирование в рамках междисциплинарного взаимодействия позволяет разрабатывать и реализовывать комплексные программы помощи. Это способствует не только улучшению качества жизни отдельных семей, но и укреплению социальной структуры общества в целом. В современных условиях данная задача приобретает особую актуальность как ключевой фактор социальной стабильности, поскольку успешное решение проблем одной семьи создает позитивный прецедент и способствует укреплению общества в целом. Преимущества междисциплинарного сотрудничества включают:

- Многоаспектный анализ семейной ситуации с учетом всех релевантных факторов.
- Разработка индивидуализированных программ помощи, учитывающих специфические потребности каждой семьи.

- Реализация комплексной поддержки, включающей психологическую, педагогическую, социальную, юридическую и медицинскую помощь.
- Оптимизация использования ресурсов за счет исключения дублирования функций.
- Обеспечение преемственности и согласованности действий всех участников процесса.
- Создание благоприятных условий для гармоничного развития детей и укрепления семейных отношений.

Таким образом, междисциплинарное сотрудничество представляет собой не просто желательный, а объективно необходимый компонент успешной работы с семьями с детьми, находящимися в сложных жизненных обстоятельствах.

Однако, несмотря на представленные выше очевидные преимущества данного подхода, его практическая реализация в социальной сфере сопряжена с рядом трудностей, которые зачастую препятствуют эффективной и скоординированной работе специалистов разных профилей. Работа Е. В. Кривцовой и К. М. Грабчук [2], посвященная междисциплинарному ведению семьи, подчеркивает важность оптимального выстраивания межведомственных связей и позволяет выявить ряд проблем, которые могут возникнуть при недостаточном внимании к этому аспекту. На основе анализа представленных авторами особенностей, задач и структурных элементов междисциплинарного подхода, можно сформулировать следующие потенциальные сложности, требующие дальнейшего рассмотрения:

1. Недостаток взаимопонимания между специалистами из разных областей. Разные специалисты (психологи, социальные работники, педагоги, юристы и т. д.) оперируют разной терминологией, имеют разные теоретические подходы к пониманию семейных проблем и разные представления об эффективных методах вмешательства. Отсутствие единого понимания ситуации может привести к недопониманию и затруднить принятие согласованных решений.

2. Различия в подходах и методах работы. Специалисты разных ведомств используют методы диагностики, интервенции и оценки эффективности, которые могут отличаться между собой. Это может привести к ситуации, когда действия одного специалиста противоречат действиям другого, и в конечном итоге снизить эффективность всей работы с семьей.

3. Коммуникативные барьеры. Дефицит эффективных коммуникационных каналов между специалистами создает препятствия для информационного обмена относительно семейного статуса, потребностей домохозяйства и динамики решения существующих проблем. Подобная ситуация способствует возникновению ряда негативных последствий, включая повторение одних и тех же мероприятий различными специалистами, возникновение противоречивых рекомендаций и, как следствие, ухудшение качества оказываемой социальной поддержки.

4. Отсутствие структурированного механизма взаимодействия между специалистами различных профилей приводит к несистемным подходам в оказании поддержки, хаотичности решений и несогласованности мероприятий, что существенно снижает качество и эффективность предоставляемых услуг.

Проблемы межведомственного взаимодействия, возникающие при социальном сопровождении и патронате семей с детьми, требуют поиска путей оптимизации совместной работы специалистов. В связи с этим далее будут рассмотрены принципы, обеспечивающие эффективность данного сотрудничества.

Как было показано ранее, межведомственное взаимодействие в социальном сопровождении семей с детьми сталкивается с рядом трудностей. Для повышения эффективности сотрудничества специалистов необходимо рассмотреть принципы, лежащие в основе оптимизации этого процесса. Современные исследования, в частности, работа Е. А. Мурлыкиной «Межведомственное взаимодействие: основная проблематика и пути совершенствования системы» [3], подчеркивают прямую зависимость качества и скорости предоставления социальных услуг от успешности межведомственного взаимодействия. В статье выделяются такие важные принципы, как четкая постановка целей и задач, комплексный подход к решению проблем, эффективное распределение ресурсов и адаптивность системы к изменяющимся условиям. Данные принципы коррелируют с положениями методических рекомендаций «Мо-

дель межведомственного взаимодействия при оказании услуг ранней помощи» [1], акцентирующих внимание на целостном подходе к проблемам граждан, рациональном распределении ресурсов и гибкости системы.

Вместе с тем исследование Е. А. Мурлыкиной обращает внимание на важный современный аспект – необходимость внедрения цифровых технологий. Цифровизация рассматривается как ключевой фактор более быстрой и прозрачной коммуникации между ведомствами, минимизации бюрократических процедур и повышения доступности информации для граждан. Использование информационных систем и цифровых платформ становится актуальным принципом эффективного межведомственного сотрудничества, открывая перспективы для планирования, организации и контроля социальной работы, и повышения качества жизни населения, что требует соответствующей подготовки специалистов к работе с цифровыми инструментами.

Положительные эффекты цифровизации:

1. Цифровизация как инструмент улучшения коммуникации.
2. Минимизация бюрократических процедур.
3. Повышение доступности информации.
4. Перспективы межведомственного сотрудничества.

Цифровизация позволяет создать более быстрые и прозрачные каналы коммуникации между различными государственными структурами. Например, внедрение единой информационной системы для обмена данными между министерствами здравоохранения и социальной политики может значительно сократить время на обработку запросов и улучшить координацию действий. В случае, если гражданин обращается за социальной помощью, информация о его состоянии здоровья может быть мгновенно передана в соответствующее ведомство, что позволит оперативно принять необходимые меры.

Цифровые технологии также способствуют снижению бюрократической нагрузки. Например, использование электронных заявлений и автоматизированных систем обработки данных позволяет избежать множества бумажных процедур. В некоторых странах уже внедрены платформы, где граждане могут подавать заявки на пособия и услуги в режиме онлайн, что значительно упрощает процесс и сокращает время ожидания. Это, в свою очередь, повышает удовлетворенность граждан от взаимодействия с государственными органами.

Цифровизация существенно расширяет возможности информационного обеспечения граждан. Внедрение интерактивных информационных порталов обеспечивает пользователей доступом к актуальным данным о социальных услугах и процедурах их получения. Функционал обратной связи на подобных цифровых платформах позволяет осуществлять консультационную поддержку в режиме реального времени, что повышает прозрачность взаимодействия между гражданами и органами социальной защиты.

Межведомственное взаимодействие получает качественно новый уровень развития благодаря внедрению информационных систем и цифровых платформ. Интеграционные процессы, объединяющие базы данных получателей социальных услуг и статистические массивы демографической информации, способствуют более эффективному планированию ресурсов и разработке целевых социальных программ. Оперативность реагирования на изменение социально-экономической ситуации, обеспечиваемая цифровыми технологиями, приобретает особую значимость в кризисных условиях, позволяя своевременно корректировать социальную политику и адаптировать существующие программы поддержки населения.

Таким образом, внедрение цифровых технологий в социальную сферу представляет собой не только вызов, но и возможность для улучшения качества жизни граждан. Эффективное межведомственное взаимодействие, основанное на принципах целостности, адаптивности и результативности, в сочетании с активным внедрением цифровых технологий, обеспечивает повышение качества и доступности социальных услуг, в частности в сфере социального сопровождения и патронажа семей с детьми. Перспективное развитие цифровых технологий и их интеграция в систему межведомственного взаимодействия создает дополнительные возможности для совершенствования социальной поддержки семей с детьми и по-

вышения эффективности профессиональной деятельности специалистов, обеспечивая более гибкое и оперативное реагирование на потребности семей и предоставление качественной, своевременной помощи.

Литература

1. Иванова Н. А. Междисциплинарный подход в изучении и решении проблем совершенствования семейного законодательства // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 347–350.
2. Кривцова Е. В. Междисциплинарное ведение случая в организации социальной работы по профилактике семейного неблагополучия монородительских семей // Социальная работа и социальная политика в условиях меняющейся архитектуры социального государства : материалы Всерос. конф., 6–7 апреля 2021 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 121–134.
3. Мурлыкина Е. С. Межведомственное взаимодействие: основная проблематика и пути совершенствования системы // Форум молодых ученых. 2021. № 5 (57). С. 272–277.
4. В 2024 году около 25 млрд рублей будет направлено на социальную поддержку // Официальный сайт Хабаровского края, Губернатора и Правительства Хабаровского края. URL: <https://khabkrai.ru/events/news/199462> (дата обращения: 20.04.2025).
5. Губернатор Хабаровского края выделил важность поддержки семей в трудной ситуации // Комсомольская Правда. URL: <https://www.hab.kp.ru/online/news/5628059/> (дата обращения: 20.04.2025).
6. Жители Хабаровского края в 2025 году подписали 91 социальный контракт // Информгентство ХКК. URL: <https://todaykhv.ru/news/economics-and-business/81197/> (дата обращения: 20.04.2025).
7. Около 1400 жителей Хабаровского края заключили соцконтракты с начала года // Информгентство ХКК. URL: https://todaykhv.ru/news/economics-andbusiness/74448/?sphrase_id=4801279 (дата обращения: 20.04.2025).
8. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 20.04.2025).

УДК 314.68

А. И. Похилько

Управление Федеральной службы государственной статистики
по Северо-Кавказскому федеральному округу, г. Ставрополь

К ВОПРОСУ УСЛОВИЙ ПРОЖИВАНИЯ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

Рассматриваются ключевые показатели уровня жизни домохозяйств с детьми. Методология исследования основана на данных Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, которое проводится Росстатом ежеквартально. Проанализированы данные о домохозяйствах Ставропольского края за период с 2019 по 2023 г. Индикаторы уровня жизни домохозяйств и факторы риска дифференцированы по наличию в домохозяйствах детей. Определено, что располагаемые ресурсы и расходы на потребление снижались для всех типов домохозяйств с детьми.

Ключевые слова: домашние хозяйства, уровень рождаемости, располагаемые ресурсы, уровень жизни, расходы на потребление, калорийность питания.

A. I. Pokhilko

Department of the Federal state statistics service for the North Caucasus federal district
Stavropol

ON THE ISSUE OF LIVING CONDITIONS FOR FAMILIES WITH CHILDREN IN THE STAVROPOL TERRITORY

This article discusses key indicators of the standard of living of households with children. The methodology of the study is based on the data of the Sample Survey of Household Budgets, which is conducted by Rosstat on a quarterly basis. Data on households in the Stavropol Territory for the period from 2019 to 2023 were analyzed. It was determined that available resources and consumption expenditures decreased for all types of households with children.

Keywords: households, birth rate, available resources, standard of living, consumption expenditure, caloric intake.

Уровень жизни семей с детьми в Ставропольском крае – комплексный показатель, отражающий благополучие и возможности для развития подрастающего поколения. Он складывается из множества факторов, включающих доходы семьи, доступность образования и здравоохранения, жилищные условия, экологическую обстановку и возможности для культурного и спортивного развития.

Первоочередные задачи для улучшения положения детей, обозначенные в рамках Десятилетия детства, объявленного Указом Президента РФ от 29.05.2017 № 240 на период 2018–2027 гг., актуализированы национальными целями, установленными Указом Президента РФ от 21.07.2020 № 474 на период до 2030 г. [2]. В условиях вызовов глобального и национального масштаба трансформируются тенденции в обществе, возрастает актуальность научных исследований в области уровня жизни домохозяйств с детьми и социальная значимость факторов риска.

Росстат ежеквартально осуществляет проведение наблюдения Выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств (далее – ОБДХ), результаты которого содержат информацию о доходах и имущественном состоянии различных категорий населения. В Ставропольском крае в Выборочном обследовании бюджетов домашних хозяйств принимает участие 685 домохозяйств. Данные наблюдения дают возможность оценивать не только размер денежных доходов, получаемых каждым домохозяйством, но и общий объем располагаемых ресурсов.

Исследования показателей уровня жизни населения являются важным моментом экономического анализа, позволяющим судить, насколько полно удовлетворяются потребности населения, как изменяются уровень жизни, покупательная способность различных слоев населения.

Одним из важных условий выживания населения является воспроизводство его численности, которое лежит в материальной основе деятельности и существования любого общества. Уровень рождаемости в будущем может способствовать старению общества и нехватке трудовых ресурсов, а также оказывать воздействие на экономическое развитие и социальные услуги.

В 2023 г. коэффициент рождаемости в крае составил 8,5 %, что ниже показателя предыдущих лет. За изучаемый период динамика рождаемости идет на спад (рис. 1).

Одним из факторов, повлиявших на снижение, является демографический кризис, произошедший в России в 1990-е гг. и начала 2000-х гг., когда уровень рождаемости достиг исторического минимума. Этот фактор начнет терять свое негативное воздействие на рождаемость только к концу 2020-х гг.

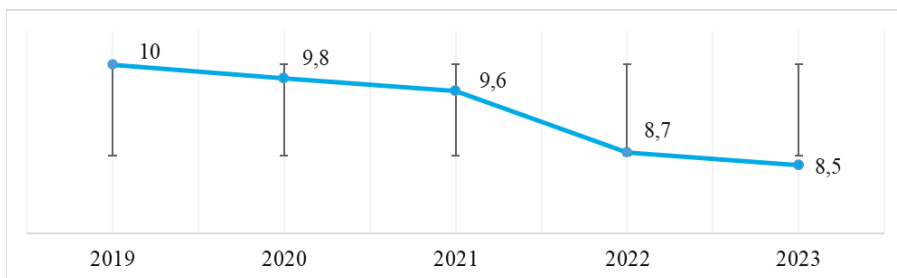

Рис. 1. Коэффициенты рождаемости (на 1000 чел. населения) в Ставропольском крае за 2019–2023 гг., промилле [4]

К факторам, способствующим спаду рождаемости, относятся нехватка жилья, низкие доходы и ограниченное время для ухода за детьми, что затрудняет совмещение родительских обязанностей и профессиональной деятельности. В настоящее время к этим проблемам доба-

вилась высокая тревожность, вызванная крайней неопределенностью будущего для молодых семей. Также наблюдается растущая недоступность жилья, поскольку темпы роста цен на жилье опережают средние темпы инфляции, а коммерческие ипотечные ставки продолжают расти.

Численный состав домохозяйств с детьми значительно влияет на источники их формирования ресурсов. Для домохозяйств трудоспособного возраста основными источниками являются заработная плата, доходы от предпринимательской деятельности и другие подобные поступления. А для семей с детьми дополнительным источником дохода являются социальные пособия. Уровень материального обеспечения, особенности потребления в зависимости возраста, а также ценностные ориентиры определяют поведение домохозяйств с детьми в сфере потребления и сбережений. Изменения в составе таких домохозяйств ведут к трансформациям угроз для уровня жизни. Например, рост числа разводов (+27,3 % в 2022 г. по сравнению с 2018 г.) способствует снижению доходов, поскольку доходы от занятости кормильца заменяются алиментами [4].

По методологии Росстата, располагаемые ресурсы домашних хозяйств – это совокупность денежных доходов домохозяйств, сумм израсходованных накоплений и привлеченных (заемных) средств и стоимости натуральных поступлений. В целом показатель «располагаемые ресурсы домашних» хозяйств трактуется как объем средств (денежных и натуральных), которым располагали домохозяйства для обеспечения всех своих расходов и создания сбережений в период обследования [4].

В домохозяйствах с детьми до 16 лет располагаемые ресурсы в расчете на одного члена домохозяйства в 2021–2022 гг. оставались устойчиво низкими по сравнению с домохозяйствами не имеющими детей в возрасте до 16 лет. В 2022 г. наблюдалось снижение данного показателя на 1,5 % по сравнению с предыдущим периодом. Однако в 2023 г. произошел рост располагаемых ресурсов на 21,6 % по сравнению с 2021 г. Расходы на конечное потребление непрерывно возрастали как в домохозяйствах с детьми (темп роста в 2023 г. по сравнению с 2021 г. – 23,2 %), так и в домохозяйствах без детей (темп роста в 2023 г. по сравнению с 2021 г. – 22,4 %) (рис. 2).

Показатель расходов на конечное потребление, характеризующий возможности домашних хозяйств, включает расходы домашних хозяйств на приобретение потребительских товаров и услуг, оплату услуг бытового и жилищно-коммунального обслуживания населения, пассажирского транспорта, связи, услуги общепита, учреждения культуры, здравоохранения, образования и др., а также стоимость товаров и услуг, потребленных в натуральной форме, произведенных для собственного конечного использования, полученных в качестве оплаты труда или подарка.

За период 2021–2023 гг. динамика показателя расходов на конечное потребление демонстрирует непрерывный рост. В домохозяйствах с детьми (темп роста в 2023 г. по сравнению с 2021 г. – 23,2 %), в домохозяйствах без детей (темп роста в 2023 г. по сравнению с 2021 г. – 22,4 %). Однако в домохозяйствах, не имеющих детей в возрасте до 16 лет, расходы на конечное потребление выше, чем в домохозяйствах с детьми (в 2023 г. на 36,8 %). В 2022 г. разрыв в потребительских расходах между данной группой домохозяйств составил 59,9 % (рис. 2). Такие показатели свидетельствуют о том, что при меньших доходах и ограниченных ресурсах семьи с детьми сталкиваются с более значительными обязательными расходами: они связаны как с необходимостью выполнять обязательные платежи, так и с более высокой долей расходов на питание по сравнению с семьями без детей, а также с затратами на образование и здравоохранение, от которых домохозяйства вынуждены отказываться лишь в крайних случаях. В результате у домашних хозяйств с детьми меньше возможностей для гибкого перераспределения расходов и резервов для экономии.

Располагаемые ресурсы обеспечиваются за счет денежных доходов на 90 %, доля натуральных поступлений составляет 6–8 % (условно исчисленная по средним ценам покупки стоимость потребленных домашними хозяйствами продуктов питания, поступивших в натуральном выражении как в виде сельскохозяйственной продукции собственного производства, так и из любых других источников (помощь родственников и др.), 2–4 % – привлеченные средства и сбережения (рис. 3).

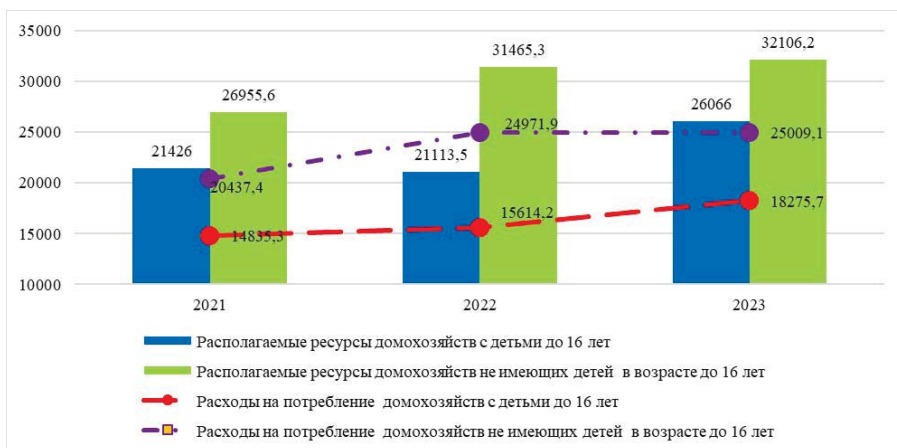

Рис. 2. Располагаемые ресурсы и расходы на потребление домашних хозяйств в среднем на одного человека в месяц, руб. [4]

Рис. 3. Объем и структура располагаемых ресурсов домашних хозяйств в месяц (в среднем на человека), 2023 г., руб. [4]

Если взглянуть на структуру располагаемых ресурсов домашних хозяйств, можно увидеть, что по состоянию на 2023 г. домохозяйства без детей привлекают больше заемных средств и/или чаще расходуют сбережения, сделанные в предыдущие периоды: если в бездетных домохозяйствах в среднем на одного человека приходилось 1260,1 руб. таких средств в месяц, то в домохозяйствах с детьми – 606,6 руб. в месяц, что на 48,1 % меньше (рис. 3). При этом натуральные поступления используют больше двух-и многодетные домохозяйства. Основные поступления средств в домохозяйства происходят в основном за счет денежных доходов. Как и в предыдущих периодах, в 2023 г. в домохозяйствах не имеющих детей в возрасте до 16 лет, денежный доход выше, чем в домохозяйствах имеющих детей до 16 лет на 22,1 %.

При детальном рассмотрении структуры потребительских расходов видно, что расходы на питание составляют значительную часть потребительских расходов домохозяйств как с детьми до 16 лет (41,7 %), так и без детей до 16 лет (41,4 %). Основная доля расходов из

категории непродовольственных товаров приходится на одежду и обувь – 7,5 % в домохозяйствах с детьми и 7,2 % в домохозяйствах, не имеющих детей до 16 лет. 5,3 % доли от затрат у домохозяйств с детьми до 16 лет уходит на товары личной гигиены и столько же на мебель, бытовую технику и содержание дома. У домохозяйств, не имеющих детей в возрасте до 16 лет, на данные категории непродовольственных товаров уходит по 6,8 % от части денежных расходов. Традиционно одной из основных долей затрат в структуре потребительских расходов являются расходы на жилищно-коммунальные услуги. В домохозяйствах, имеющих детей до 16 лет, доля расходов данной категории составила 5,3 %, а в домохозяйствах не имеющих детей до 16 лет – 6,8 %. На услуги транспорта домохозяйства с детьми тратят 9,8 %, а домохозяйства, не имеющие детей в возрасте до 16 лет, – 8,2 %. Доля расходов на услуги здравоохранения в домохозяйствах с детьми занимает 3,4 %, и 4,4 % в домохозяйствах, не имеющих детей в возрасте до 16 лет. С увеличением числа детей доля затрат на медицинские услуги снижается. Это может говорить о том, что домохозяйства с детьми имеют льготы на медицинское обслуживание и ввиду невысоких среднедушевых доходов чаще обращаются за бесплатной медицинской помощью. В целом потребительские расходы домохозяйств, не имеющих детей до 16 лет, превышают расходы домохозяйств с детьми. Однако на услуги образования и отдых, домохозяйства с детьми тратят в два раза больше домохозяйств, не имеющих детей в возрасте до 16 лет (рис. 4) [4].

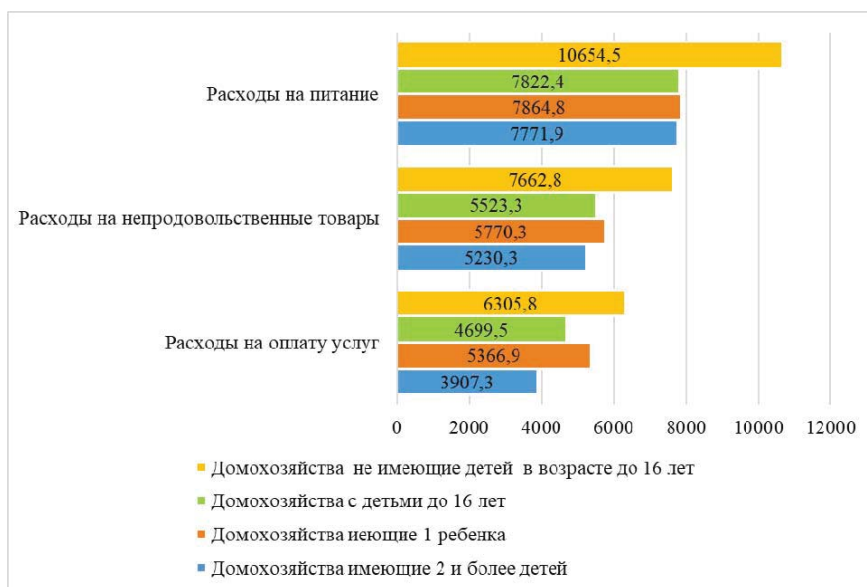

Рис. 4. Объем и структура расходов на потребление домашних хозяйств в месяц в среднем на человека, 2023 г. руб. [4]

Одной из ключевых характеристик уровня жизни населения является качество питания. Очевидно, что структура и состав питания зависят не только от уровня доходов, но и от предпочтений и привычек потребителей.

По сравнению с общими показателями по населению, в домохозяйствах с детьми уровень потребления всех продуктов питания ниже. Это связано прежде всего с меньшими объемами потребления у детей по сравнению со взрослыми, поэтому напрямую интерпретировать эти данные нельзя. Более информативным является анализ различий в питании в зависимости от количества детей в семье.

С увеличением числа детей в семье наблюдается снижение потребления таких продуктов, как овощи, мясо и мясопродукты, молочные продукты, яйца и рыба – т. е. тех компонентов, которые считаются важными для здорового питания. Потребление фруктов остается неизменным. А сахара, как и большинство других продуктов, потребляют меньше. Поскольку эти тенденции имеют разнонаправленный характер, их нельзя объяснить только возрастными особенностями членов семьи; можно сделать вывод о снижении качества питания по мере увеличения числа детей (табл. 1).

Обнаруженные закономерности отражаются и в данных о пищевой ценности потребляемых продуктов. В среднем в домохозяйствах с детьми углеводы обеспечивают около 64 % пищевой ценности рациона, жиры 20 % рациона, а белки 16 %. В семьях без детей распределение БЖУ практически такое же. Углеводов около 62 % пищевой ценности рациона, жиров 22 % рациона, а белков 16 %. Хотя различия по структуре питания незначительные, важно учитывать, что статистика показывает усреднённые показатели по всему домохозяйству – внутри семьи могут существовать дополнительные различия между членами (табл. 1).

Таблица 1

Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах Ставропольского края в 2023 г. (в среднем на потребителя в год), кг [4]

Продукты питания	Домохозяйства по наличию и числу детей:				Минимальные нормы потребления кг/год/чел. [1]
	имеющие детей в возрасте до 16 лет	из них имеющие:		не имеющие детей в возрасте до 16 лет	
		1 ребенка	2 и более детей		
Хлебные продукты	79	83	75	104	97
Мясо и мясопродукты	87	89	85	127	74
Рыба и рыбопродукты	18	19	16	26	28
Молоко и молочные продукты	199	202	195	296	322
Яйца, шт	206	218	192	307	260
Масла растительного и других жиров	8	9	7	13	12
Фрукты и ягоды	67	67	67	88	100
Овощи и бахчевые	104	109	97	163	140
Картофель	45	48	41	67	90
Сахар, включая кондитерские изделия	30	31	28	41	8
Пищевая ценность, граммов в сутки					
	имеющие детей в возрасте до 16 лет	из них имеющие:		не имеющие детей в возрасте до 16 лет	
		1 ребенка	2 и более детей		
Белки	71,4	73,5	68,8	101,0	
Жиры	91,5	96,4	85,6	138,1	
Углеводы	291,2	301,7	278,6	391,9	
К/калорий	2284,2	2379,5	2171,1	3229,4	

Данные ОБДХ также позволяют провести оценку обеспеченности населения предметами длительного пользования. Рассмотрим основные из них. Информация, представленная в табл. 2, показывает, что уровень оснащённости домохозяйств с детьми базовыми бытовыми предметами, входящими в стандартный набор жизни россиян, не отличается от аналогичных показателей у бездетных домохозяйств: холодильники, стиральные машины и пылесосы распространены одинаково. В то же время, современными бытовыми приборами и средствами личного пользования – такими как посудомоечные машины, плееры, устройства «Радионяня», смарт-часы, фитнес браслеты, ноутбуки, планшеты, персональные компьютеры – обеспечены лучше домохозяйства с детьми. Это связано как с большим присутствием в

группе бездетных пожилых людей, для которых использование некоторых устройств может быть затруднительно, так и с более высокой потребностью домохозяйств с детьми в такой технике, что зачастую приводит к ее приобретению за счет собственных или заемных средств. Кроме того, домохозяйства с детьми демонстрируют более высокий уровень обеспеченности автомобилями. Наблюдаются значительные изменения в уровне оснащенности домохозяйств телевизорами и персональными компьютерами по сравнению с предыдущим периодом. Вероятнее всего, это связано с изменениями в потребительских предпочтениях и в цифровизации: население постепенно отказывается от покупки телевизоров либо заменяет их цифровым телевидением через компьютеры, а часть персональных компьютеров заменяется планшетами и смартфонами (табл. 2).

Таблица 2

Наличие предметов длительного пользования в домашних хозяйствах Ставропольского края в 4 квартале 2023 г. (в среднем на потребителя в год), шт. [4]

Товары длительного пользования	Домохозяйства по наличию детей:	
	имеющие детей до 16 лет	не имеющие детей до 16 лет
Холодильники	104	105
Газовые, электрические плиты	79	88
Микроволновые печи	89	88
Посудомоечные машины	31	21
Стиральные машины	100	100
Сушильные машины, гладильные системы	4	2
Обогреватели, кондиционеры	94	71
Кофемашины	14	11
Пылесосы	106	102
Мультиварки	64	63
Телевизоры	162	155
Мобильные телефоны и смартфоны	360	207
Плееры, iPodы	10	2
Устройства «Радио-няня», смарт-часы, фитнес-браслеты, умные очки, электронные книги	33	17
Ноутбуки, планшеты	91	57
Персональные компьютеры	50	33
Автомобили	84	62

Жилищные условия семей также оказывают существенное влияние на их благополучие. В регионе реализуются программы, направленные на улучшение жилищных условий многодетных семей, молодых семей и других категорий граждан.

Для выявления дифференциации в жилищных условиях семей с детьми до 16 лет и семей без детей, обратимся к показателю как «норма предоставления площади жилого помещения по договору социального найма», которая определена в ст. 50 Жилищного кодекса РФ. Эта норма устанавливается органом местного самоуправления. В Ставропольском крае норма на одного проживающего от 10–18 кв.м, в зависимости от муниципального округа [3]. По данным ОБДХ за 2023 г., размер общей площади жилого помещения в среднем на проживающего в семьях с детьми до 16 лет 21 кв.м, а без детей – 32 кв.м., что выше учетной нормы [4]. Отметим, однако, что напрямую интерпретировать различия в жилищной обеспеченности домохозяйств с разным числом детей не вполне корректно. В больших домохозяйствах с близкими по возрасту малолетними детьми может происходить экономия.

Уровень жизни семей с детьми в Ставропольском крае – это комплексный показатель, зависящий от множества факторов. Необходимы дальнейшие усилия по повышению доходов населения, обеспечению доступности качественных социальных услуг и улучшению жилищных условий, чтобы обеспечить достойное будущее для подрастающего поколения.

Литература

1. Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания : приказ Минздрава России от 19 авг. 2016 г. № 614 (ред. от 30.12.2022) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

2. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства : указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240. URL: <https://demo.garant.ru/#/document/71684480> (дата обращения: 20.05.2025).
3. Справка об учетной норме и норме предоставления жилой площади в Ставропольском крае». URL: <https://demo.garant.ru/#/document/27134046/> (дата обращения: 20.05.2025).
4. Управление федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу : офиц. сайт. URL: <https://stavstat.gks.ru/> (дата обращения: 19.05.2025).

УДК 37.048.3

Т. Н. Кобизь

Смоленский государственный университет, г. Смоленск

РОЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ В ОБЛАСТИ ИНТЕГРАЦИИ И АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ

Рассматриваются проблемы реализации национальных стратегий в области интеграции и адаптации детей-мигрантов с позиции педагогического сообщества. Приводится анализ основных направлений решения проблемы адаптации детей-мигрантов и описывается практический опыт педагогов, столкнувшихся с данной проблемой в современной Москве. Предлагаются различные варианты решения проблемы, включая работу не только с детьми, но и с семьями мигрантов.

Ключевые слова: дети-мигранты. адаптация, интеграция, миграционная педагогика педагогическое сообщество.

T. N. Kobiz

Smolensk State University, Smolensk

THE ROLE OF THE PEDAGOGICAL EXPERT COMMUNITY IN THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL STRATEGIES FOR THE INTEGRATION AND ADAPTATION OF MIGRANT CHILDREN

The article examines the problems of implementing national strategies in the field of integration and adaptation of migrant children from the perspective of the pedagogical community. The analysis of the main directions of solving the problem of adaptation of migrant children is given and the practical experience of teachers is described. faced with this problem in modern Moscow. The author of the article considers and suggests various solutions to the problem, including working not only with children, but also with migrant families.

Keywords: migrant children. adaptation, integration, migration pedagogy and the pedagogical community.

Развитие процессов миграции как одной из национальных стратегий современной России обострили проблемы адаптации детей-мигрантов в инокультурной среде. В настоящее время достаточно большое количество детей-мигрантов получают образование в российских школах. Ребенок вынужденно принимает на себя основной удар новой культуры, социальной среды в которой он в силу различных причин оказался вынужденно.

С конца 1990-х гг. в отечественной педагогике происходит развитие новой области педагогической науки – миграционной педагогики. Впервые она была сформулирована в отечественной научной школе Е. В. Бондаревской [1]. Миграционная педагогика определяет задачи образовательной системы, направления работы учителя в работе с детьми из семей мигрантов. В целом внимание ученых сконцентрировано на исторических, демографических и структурных особенностях миграции, при этом работы, связанные с образовательной структурой миграции, поддержкой и защитой детей-мигрантов, представлены крайне мало.

Помощь ребенку в социальной адаптации оказывает педагогическое сообщество, включающее учителей, социальных педагогов, психологов. При этом, как показывает практика эффективность обучения и воспитания детей-мигрантов в большой степени зависит от педагогической поддержки, которая лежит в основе миграционной педагогики.

Экспериментальная работа по изучению процесса социальной адаптации детей-мигрантов проводилась в школе п. Синичино Можайского района Московской области. В

исследовании принимали участие дети из семей мигрантов и их родители. В настоящее время в Синичинской школе учатся дети пяти национальностей.

За последние годы в школах Московской области увеличилось число классов с полиэтническим составом учащихся, так как мигранты «оседают» в Москве – крупном промышленном и торговом центре России. Это явление стало не новым и руководству школы пришлось задуматься над тем, как организовать педагогическую поддержку этих детей и помочь им в решении возникающих проблем, а также сделать процесс адаптации детей менее болезненным.

В основу учебно-воспитательного процесса Синичинской средней школы была положена идея педагогической поддержки детей из семей мигрантов. В качестве основных задач педагогической поддержки были выделены следующие:

1. Поддержка индивидуальности учащихся-мигрантов.
 - а) изучение индивидуальных особенностей детей;
 - б) составление психолого-педагогической характеристики детей;
 - в) изучение уровня адаптации в новой социальной среде;
 - г) изучение трудностей овладения речевыми навыками.
2. Вовлечение семьи в учебно-воспитательный процесс.
 - а) изучение потребностей и интересов семьи;
 - б) консультирование семьи по вопросам адаптации и обучения ребенка.
3. Социально-эмоциональное развитие детей.
 - а) развитие позитивной самооценки;
 - б) формирование толерантных установок.
 - в) создание положительного отношения к сотрудничеству.
4. Работа над совершенствованием русского языка.
 - а) создание условий для развития речевых навыков;
 - б) организация занятий по развитию речи;

Рассмотрим подробнее каждое направление работы.

1. Поддержка индивидуальности учащихся беженцев.

а) составление психолого-педагогической характеристики

Психолого-педагогическая характеристика составляется на каждого ученика школьным психологом. Учитель начальных классов предоставляет данные психологу об индивидуальных особенностях ребенка, о его способностях и успехах в обучении. Используя различные методы исследования, психолог составляет характеристику, где отражает не только индивидуальные особенности, но и указывает рекомендации по работе с ребёнком. Исследования психолого-педагогической характеристики детей-мигрантов необходимо и потому что в силу индивидуальных особенностей не все дети, способны быстро адаптироваться в новой социальной среде и учителю это тоже надо учитывать, так как индивидуальные особенности каждого ученика отражают его адаптивные способности. Кроме того, доминирующие эмоциональные состояния детей, связанные с повышенной тревожностью, ранимостью, страхами, подавленностью, осложняют их социальную адаптацию в новых условиях и способствуют формированию комплекса неполноценности.

б) изучение уровня адаптации в новой социальной среде

Исследование уровня адаптации детей-мигрантов в начальной школе проводится учителем при непосредственном участии родителей. Известно, что ребенок, попадая в новую социальную среду, чувствует себя в безопасности только в семье, своими неудачами и проблемами делится только с родителями. Родителям и детям было предложено ответить на вопросы теста «Адаптация ребенка к школе» [5].

Результаты теста показали, что 40 % детей идут в школу в состоянии агрессии, раздражения и обиды; 45 % делают много грубых ошибок и не успевают по нескольким предметам; 45 % пассивны и рассеяны; 50 % часто отвлекаются, болтливы, не реагируют на замечания; 43 % агрессивны, вспыльчивы, часто ссорятся и ябедничают на одноклассников; 38 % часто нарушают дисциплину или, наоборот, предпочитает быть в одиночестве на переменах;

41 % игнорируют замечания учителя. Это говорит о трудностях адаптации ребенка-мигранта в школе и в коллективе. В одиночку ребенок не сможет справиться с этой проблемой. В результате беседы с родителями оказалось, что многие родители не подозревали о наличии у ребенка трудностей в адаптации. Действительно, иногда эта проблема может иметь скрытый характер. Поэтому важно своевременно ее выявить. По результатам предыдущего теста было подтверждено наличие трудностей в адаптации, но оказание педагогической поддержки на этом этапе невозможно, так как не изучены причины их возникновения. Дальнейшие исследования должны иметь индивидуальный характер. Проведенные наблюдения за поведением детей, индивидуальные беседы с ними, тестирование позволяют получить более точные данные о проблемах детей. Эффективной на наш взгляд, показалась методика выявления уровня тревожности в связи с их адаптацией Филлипса [5]. Были протестированы учащиеся-мигранты всех возрастов. В эксперименте принимали участие 7 чел. Первые два ребенка – это учащиеся начальных классов, следующие показатели относятся к детям, обучающимся в среднем звене школы.

Сравним полученные результаты с нормой по тому или иному показателю.

Таблица

Результаты тестирования учащихся-мигрантов

Показатели	Результаты						
1. Общая тревожность в школе. n = 22	5	20	20	22	21	19	22
2. Переживание социального стресса. n = 11	3	7	10	10	11	11	10
3. Страх самовыражения. n = 6	2	4	4	5	5	6	6
4. Страх ситуации проверки знаний. n = 6	2	3	6	4	5	5	4
5. Страх перед окружающими. n = 5	2	4	5	5	5	5	4
6. Низкая сопротивляемость стрессу. n = 5	1	3	5	5	5	4	4
7. Проблемы и страхи в отношении с учителями. n = 8	2	7	6	7	7	8	8

Результаты теста показывают, что школьная тревожность у детей-мигрантов присутствует и сохраняется длительное время. О наличии повышенной тревожности свидетельствуют показатели детей, обучающихся в начальном звене школы (результаты в таблице выделены красным цветом). Именно в этот период обучения дети не могут самостоятельно противостоять воздействию внешних неблагоприятных факторов нового окружения. Школьная тревожность у остальных испытуемых (это старшекласники) также имеет место, но она связана больше с самим процессом обучения, а не с адаптацией. Педагогическая поддержка на этом этапе заключается в своевременной помощи ребенку в решении возникающих у него проблем с учетом его индивидуальных особенностей. Нами было выявлено, что чаще трудности в адаптации испытывают дети со слабым типом нервной деятельности. Как правило, в классе они стараются не привлекать к себе внимания, очень осторожны, застенчивы и пугливы.

По результатам данного теста можно увидеть, что проблемы в отношениях с учителями также мешают ребенку-мигранту успешно адаптироваться в новой социальной среде.

Чрезмерная требовательность со стороны учителей, часто предвзятое отношение к школьникам-мигрантам не только не способствуют успешной адаптации детей, но и формируют негативное отношение к обучению в целом. Наоборот же доброжелательность со стороны учителя, его объективное оценивание на уроках, оказание поддержки, когда это необходимо, формируют у детей не только интерес к учебе, но и чувство защищенности, которое необходимо при адаптации.

в) изучение трудностей в овладении речевыми навыками;

Попадая в новую социальную среду, дети испытывают трудности адаптации, общения и обучения чаще из-за того, что недостаточно хорошо владеют русским языком. Изучение

трудностей в овладении русским языком осуществляется учителем. Анализируя результаты деятельности учащихся (письменные работы), проводя с ними занятия, учитель определяет речевой уровень каждого учащегося-беженца, подбирает методы и приемы обучения.

Изучая трудности в овладении речевыми навыками, мы пришли к выводу, что дети-беженцы знают много трудных русских слов, но затрудняются при назывании предметов, с которыми приходится сталкиваться ежедневно. Причина простая – это все слова, относящиеся к сфере быта, а в домашнем обиходе они пользовались их эквивалентами на родном языке. В речи этих детей смешиваются, похожие по звучанию, но разные по значению слова. С трудом они постигают глаголы движения (ходить вместо идти). Любопытно, что русские дети, даже самые маленькие, подобных ошибок, как правило, не совершают. Это заметил еще родоначальник нашей отечественной лингвистики детской речи А. Н. Гвоздев (2).

Не меньше сложностей и с русской грамматикой. Трудным является согласование по роду, определение рода существительного, замена существительных местоимениями (одна вопрос вместо один, его помогала вместо ему) и т. п.

Некоторые ошибки в устной и письменной речи детей – беженцев совпадают с ошибками русских детей, но большая часть ошибок должна быть все же отнесена к разряду специфических. Они практически не связаны с успешностью освоения ими школьной программы и объясняются исключительно тем, что русская языковая система является для них вторичной, а не первичной, основной. Очевидно, необходимо создать типологию ошибок детей-мигрантов, которые они вправе допускать и которые не должны влиять на оценку. Но для этого необходимо изучить проблему глубоко и всесторонне. К такому изучению приступил коллектив кафедры детской речи РГПУ имени А. И. Герцена в Санкт-Петербурге.

Несовершенство речевых навыков может вызывать насмешки одноклассников. Поэтому учитель должен с пониманием относиться к данной ситуации, не акцентировать внимание на ошибках детей-беженцев, отмечать их успехи и достижения в обучении.

2. Вовлечение семьи в учебно-воспитательный процесс.

а) изучение индивидуальных особенностей детей;

Для того чтобы изучить индивидуальные особенности ребенка, его интересы и потребности необходимо взаимодействие с семьей. Лишь в этом случае учитель сможет обеспечить необходимую помощь, оказать педагогическую поддержку. В ходе экспериментальной работы мы сотрудничали с семьями, относящимися к категории «мигранты».

б) изучение потребностей и интересов семьи;

Интеграция детей-мигрантов в новое окружение – одна из первоочередных задач, стоящих перед учителем начальной школы. Для решения этой задачи мы решили организовать педагогическую поддержку семьям беженцев. Учитель начальной школы может достаточно эффективно взаимодействовать с семьями мигрантов: доверительный контакт с родителями, тактичное высказывание своих тревог, корректный анализ проблем ребенка в связи с обстановкой в семье – все это может облегчить интеграцию детей-мигрантов в новую социальную среду. Для того чтобы выявить, какое значение имеет развитие речевых навыков в семье, мы опросили родителей учащихся.

На основе данных опросов было установлено, что родители знают о наличии языковых трудностей у детей, но не стремятся к их разрешению, более того некоторые родители считают совершенствование русского языка не основой обучения в школе. Учитель может оказать помощь родителям в подборе упражнений для развития речи учащихся: подбор синонимов (как сказать по-другому: *река бежит, течет, журчит, льется*); узнавание предметов по эпитетам; работа с антонимами; подбор к предмету слов, обозначающих действия; игра в увеличительные очки: *я надел увеличительные очки и теперь вижу не дом, а домище*; игра «Я – ласка» (все предметы называть только ласково: *кошка – кошечка*).

В ходе индивидуальных бесед с родителями учитель оказывает необходимую педагогическую поддержку, обсуждает пути работы с детьми по формированию правильной речи, проигрывает различные языковые ситуации, упражняет.

в) консультирование семьи по вопросам адаптации и обучения;

В рамках школы нами было предложено осуществлять консультирование семей беженцев по вопросам адаптации детей и вопросам обучения. Для осуществления консультирования семей учитель тесно взаимодействует с школьным психологом.

4. Социально-эмоциональное развитие детей.

а) развитие позитивной самооценки;

Развитие позитивной самооценки на наш взгляд – одна из главных задач педагогической поддержки. Для этой работы может быть привлечен школьный психолог и классный руководитель. Развитие позитивной самооценки осуществляется как в учебной, так и внеучебной деятельности. Для организации этой работы важен подбор заданий. Задания должны быть такими, чтобы успех напрямую зависел от дружной работы всех учащихся. При этом, сначала нужно создать в группе атмосферу доверия, снять возникшее напряжение. Для этого может быть использовано следующее упражнение, в ходе выполнения которого дети учатся понимать, что, несмотря на внешнее различие, все люди очень похожи. Собирается группа детей и каждому дается апельсин. Учитель просит участников «познакомиться» со своим апельсином. Пусть дети обследуют их: понюхают, ощупают, подкинут в воздух и прокатят по полу. Через несколько минут учитель собирает апельсины в корзину. Далее каждому ученику предлагается найти свой апельсин в общей куче. Затем учитель спрашивает, как же каждый из них опознал «свой» апельсин? Ответы детей будут самые разные и обстоятельные. Эти ответы могут побудить детей к суждению о том, что и люди все разные. После этого учитель снова собирает апельсины и просит детей почистить и положить апельсины обратно в корзину. На дальнейшую просьбу учителя поискать свои апельсины дети отвечают недоумением «Но ведь они абсолютно одинаковые!» В ходе обсуждения возникает вывод: люди как апельсины; такие разные снаружи, они оказываются очень похожими внутри. Таким образом, в классе, где есть дети из семей беженцев, формируется атмосфера доверия и сотрудничества.

Уровень сложности заданий должен меняться в зависимости от уровня имеющихся навыков взаимодействия участников. Например, можно предложить детям выполнить совместно тематическую аппликацию. На первом этапе каждый ребенок самостоятельно вырезает из стандартной заготовки вагончик, затем он может внести в работу творческий вклад: раскрасить вагончик так, как ему нравится, нарисовать в окнах пассажиров. На последнем этапе дети наклеивают свои вагончики на большой лист ватмана с нарисованными рельсами и паровозом, составляя из них поезд. Для этого дети выходят к доске. Взаимодействие ребят сводится к тому, что результат индивидуальной работы каждого (вагончик) включается в общую работу (поезд), и умению «разойтись» у доски. Личные интересы участников при этом могут не существенно пострадать.

Выполнение наиболее сложных заданий глубоко затрагивает самые разные личные интересы ребят. Беспокойство о защите своих личных интересов отвлекает их от достижения групповых целей, создает напряженную атмосферу. Им приходится учитывать совокупность действий и настроений всех участников коллективной работы, внимательно следить за сложной и постоянно меняющейся ситуацией в группе. Например, группе детей поручается выполнить коллективный рисунок на заданную тему, при этом дети работают одновременно. Единственное ограничение – никто не может исправлять и тем более уничтожить сделанное другим без его согласия. При выполнении подобного задания интересы ребят могут быть серьезно задеты другими членами группы. Скажем, кто-то из детей может «захватить» большее пространство листа и (или) количество рабочих материалов; кто-то может высмеять предложение партнера, качество его работы и т. п. Детям нужно самим договориться о том, что кто делает, кто на какой части листа работает, самим распределить рабочие материалы. Для достижения успеха им нужно следить за тем, что делают или собираются делать соседи, расспрашивать об их замыслах и заблаговременно сообщать о своих. При этой работе немало важна роль учителя, и то какие приемы он использует при решении конфликтных ситуаций, возникающих в классе: запрет, приказ, наказание, прямое вмешательство.

Многие дети чувствуют себя скованно, когда им предлагают выполнять коллективную творческую работу. Неуверенность проявляется в том, что дети не решаются приступить к выполнению задания, во время работы стараются свести взаимодействие с партнерами к минимуму. Присутствие учителя, его внимание к происходящему и адекватные действия помогают ребенку преодолеть страх и неуверенность, почувствовать себя защищенным. При необходимости учитель наводит порядок: фиксирует нарушение, определяет правых и виноватых, применяет соответствующие санкции. Впрочем, учителю не следует полностью брать на себя урегулирование всех конфликтов, возникающих во время работы. Иначе дети не научатся решать проблемы самостоятельно. Для полноценного обучения детей сотрудничеству необходимо предоставлять им пространство, где они действуют самостоятельно. Учитель также знакомит детей с принятыми в человеческом обществе правилами взаимодействия. Учитель должен научить детей до начала и по ходу работы обсуждать и согласовывать с партнерами их планы.

Таким образом, используя различные приемы организации учебной и внеучебной деятельности, учитель реализует основные направления педагогической поддержки, что способствует социально-эмоциональному развитию детей.

б) формирование толерантных установок;

Формирование толерантности младших школьников – это основная цель педагогической поддержки в классах с полиэтническим составом учащихся и особенно тогда, когда учитель видит, что такая проблема действительно существует. Мы предлагаем в качестве работы по формированию толерантных отношений в школьном коллективе использовать учителем систему воспитательных занятий. Главное отличие их от урока состоит в том, что они направлены на формирование толерантности. Подобные занятия проводятся либо вместо классных часов, либо как факультативные и показывают высокий потенциал подобной организации воспитания толерантности младших школьников. Кроме того, вся воспитательная работа направлена на формирование у учащихся знаний культуры и истории, традиций и норм поведения в быту, уважения к традициям страны проживания. Это помогает детям научиться понимать и принимать других ребят, уважать культурные различия. В данном случае воспитание младших школьников осуществляется не только через совместные общие мероприятия, общие дела, а через рефлексивную деятельность детей, через размышления, диалоги, дискуссии и т. д.

в) создание положительного отношения к сотрудничеству;

Остановимся на некоторых особенностях организации занятий, на которых дети учатся сотрудничеству.

Занятия проходят достаточно шумно. Это рабочий шум, так как необходимо дать возможность каждому высказаться, отстоять свою точку зрения. На занятиях большую часть времени занимает диалог (учитель-ученик, ученик-ученик, ребенок-родитель, учитель-родитель). Обязательный элемент каждого занятия – групповая дискуссия. Главные средства педагога при этом вопросы и интонация.

Для того чтобы цели занятий были достигнуты, важно работать не только с сознанием, но и эмоциями младших школьников. Существует целый ряд приемов сотрудничества с детьми на эмоциональном уровне. Известна сила воздействия на органы чувств музыки, динамических по сюжету рисунков, ярких цветовых пятен. В связи с этим большой интерес представляет технология использования цветописи. Известно, что настроение человека можно выразить с помощью цвета. Регулярная фиксация младшими школьниками своего настроения с помощью цвета наглядно показывает педагогу, какое настроение преобладает в классе, насколько одноклассники внимательны, дружелюбны, терпимы друг к другу.

Воспитательное значение цветописи в том, что, фиксируя ежедневно свое эмоциональное состояние, видя внимание учителя к этому процессу, каждый школьник убеждается в том, что он сам и его одноклассники значимы друг для друга. Кроме того, дети привыкают осознавать свои чувства, интересоваться настроением друг друга, соотносить свое поведение с настроением окружающих.

Воспитание толерантности завершается принятием правил общей жизни: «Мы договорились, что...»

В доступном месте класса помещается ящик, куда любой ребенок, учитель, родитель, другие учителя могут опустить листочки со своими предложениями. Они не должны быть анонимными, так как каждый имеет свою точку зрения, и она уважаема. Когда появляются 2–3 предложения учитель, может вынести их на обсуждение. В процессе обсуждения выясняются все достоинства и слабости предложения. Далее решается, принять это предложение или нет. Договорившись о процедуре, дети принимают новое предложение, и с этого момента это является обязательным для всех учащихся в классе. И так происходит с каждым следующим предложением. Создание такого договора повышает возможности воспитания у детей и умения жить вместе.

По ходу такой работы не только у младших школьников происходит развитие самосознания, самопознания, но и учителя отмечают у себя профессиональный или личностный рост. К процессу обучения и воспитания привлекаются родители и другие родственники. Эта работа направлена на воспитание толерантности, сотрудничества, а без этого процесс обучения не будет эффективным. Кроме того, эта работа отражает деятельность учителя в русле педагогической поддержки, цель которой сформировать у школьников уважение к чести и достоинству каждого народа и каждого человека, убедить их, что нет народа худшего или лучшего.

При организации занятий большую ценность имеют для учащихся этнографические знания о происхождении народов, с представителями которых они вместе учатся, о своеобразии национального этикета, обрядов, быта, одежды, искусства, художественных промыслов, праздников. Значительными возможностями в решении этой проблемы располагает учебный процесс. Многие изучаемые предметы содержат информацию об истории и культуре народов мира страны, регионов о межнациональных отношениях. В структуре деятельности младшего школьника важное место продолжает занимать игра, развивающее значение которой все еще велико. Игра – важнейшая сфера жизнедеятельности детей, которая вместе с трудом, учением искусством, спортом обеспечивает необходимые эмоциональные условия для формирования национального сознания, культуры межнациональных отношений учащихся. Дети могут совершать очное и заочное путешествие в историю родного края, знакомиться с интересными людьми, народными умельцами, творчеством национальных поэтов и писателей. Распространенное и эффективное средство воспитания – устное народное творчество и музыкальный фольклор. Межэтническое общение выступает как сложный и противоречивый процесс. В процессе межэтнического общения посредством воспитания и обучения создаются условия для всестороннего развития личности.

3. Работа над совершенствованием русского языка.

Овладение речевыми навыками представляется для детей-мигрантов достаточно сложным. Поэтому учитель должен использовать такие методы педагогической поддержки, которые облегчат и ускорят процесс обучения. В качестве методов и приемов обучения русскому языку в период устного вводного курса в классах, в которых есть дети-мигранты, нами были предложены методы, выделенные М. Б. Успенским:

1. Имитационный;
2. Операционный;
3. Продуктивный [3; 4].

Они являются тренировочными методами их можно сочетать с элементами познавательного метода (объяснение, беседа и т. д.).

Имитационный метод предполагает индивидуальную работу с детьми, например: «Изобразите, как вы держите ложку (вилку и нож)» и т. д.

Типичным проявлением операционного метода в период устного курса является обращение к артикуляции трудного звука: нужно объяснить детям, какие действия органов речи нужно совершить, чтобы произнести данный звук. Такие объяснения могут быть даны и в занимательной форме. Например, как «Похождение Язычка».

Что касается метода продуцирования, то он используется при построении грамматических форм по аналогии с известными, так и при составлении образов связной речи.

Таким образом, на современном этапе развития общества перед миграционной педагогикой появился ряд новых педагогических проблем, направленных на решение задач педагогической поддержки и адаптации детей из семей мигрантов.

Литература

1. Бондаревская Е. В. Ученик в структуре личностно-ориентированного образования. Ростов на Дону : Гефест, 2016. 226 с.
2. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи // Начальная школа. 2004. № 5. С. 15–17.
3. Дмитриев А. В., Пядухов Г. А. Этнические группы мигрантов и принимающее общество // Социальные исследования. 2005. № 12. С. 86–94.
4. Дмитриев А. В. Конфликтогенность миграции: глобальный аспект // Социальные исследования. 2004. № 10. С. 14–16.
5. Рогов Е. Н. Настольная книга практического психолога : в 2 ч. М. : Юрайт, 2015.

УДК 314(571.53)

Е. В. Гольцова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» НА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Анализируется динамика населения региона на примере отдельных районов и рассматриваются процессы изменения сельской поселенческой среды Иркутской области в течение последнего столетия. Выявляются масштабы трансформации, выразившейся в исчезновении ряда населенных пунктов с карты региона. Описывается демографическая картина, сложившаяся в первой четверти XXI в. на территории двух районов Иркутской области, её причины и факторы.

Ключевые слова: население, поселенческая среда, межселенная территория, миграционные процессы, демография.

E. V. Goltsova

Irkutsk State University, Irkutsk

"BLANK SPOTS" IN THE DEMOGRAPHIC PICTURE OF THE IRKUTSK REGION

The article analyzes the dynamics of the region's population using individual districts as an example and examines the processes of change in the rural settlement environment of the Irkutsk region over the past century. The scale of the transformation, expressed in the disappearance of a number of settlements from the map of the region, is revealed. The demographic picture that developed in the first quarter of the 21st century on the territory of two districts of the Irkutsk region, its causes and factors is revealed.

Keywords: population, settlement environment, inter-settlement territory, migration processes, demography.

В фокусе истории освоения восточных территорий страны традиционно находятся два разнонаправленных тренда: приток населения, начавшийся в XVIII в. и продолжавшийся вплоть до 1970-х гг. прошлого столетия, когда молодежь приезжала на строительство Байкало-Амурской магистрали и обратный процесс, начавшийся в 1990-е гг. и продолжающийся в настоящее время. Также интересна внутри региональная миграция, которая обычно ускользает от внимания исследователей. Но именно она, начиная с середины XX в. усиливает демографический дисбаланс территорий, опустошая деревни до состояния «белых пятен», когда все люди уехали, строения разобрали и уже почти никто не помнит историю поселения, в котором еще недавно кипела жизнь. В качестве такого примера можно привести деревню Дядина Жигаловского района, которая прекратила существование в 1990-х гг. после того, как из неё вывезли в этнографический музей здание старинной церкви и последние жители уехали. В настоящее время в ней нет ни одного сохранившегося дома.

Целью нашего исследования стало выявление пространственно-временной картины и основных причин формирования современной неблагоприятной демографической ситуации на примере Иркутской области. Известно, что еще столетие назад доля сельского населения Иркутской губернии составляла около 80 %. Трансформация поселенческой среды «перевернула» демографическую картину в обратную сторону, в результате чего, самый менее урбанизированный регион стал наиболее высоко урбанизированным. По данным статистики, в 2000 г. в регионе оставалось всего 20,4 % сельских жителей, в 2010 г. – 20,6 %, в 2020 г. – 22 % [5]. Диаметрально изменившаяся за сто лет картина говорит о наличии серьезных причин и факторов данного процесса. Основную роль в этом сыграли миграционные процессы, которые всегда имели высокую значимость для формирования демографической картины, что подтверждают имеющиеся данные о трансформации поселенческой среды региона.

Для сравнения выбраны демографические данные по двум территориям, расположенным в глубине региона, вдоль реки Лена – это Жигаловский и Усть-Кутский районы. Выбор связан с тем, что данные районы, заселенные на заре освоения края, включают достаточно большие территории, являются типичными сельскими районами Иркутской области. Они имеют относительно небольшую численность населения и являются проблемными не только с демографической, но и с экономической точки зрения. Различия этих районов заключаются в том, что население Усть-Кутского района с лучшей развитой инфраструктурой и железнодорожной магистралью в пять раз превышает население Жигаловского района, расположенного ближе к областному центру, но не имеющему железнодорожного и воздушного транспорта. На примере этих районов видно, что расселение пришлых людей традиционно велось вдоль рек и за два века в губернии были основаны сотни населенных пунктов с численностью от нескольких десятков до нескольких сотен человек. В 1911 г. Иркутская губерния имела в своем составе многочисленные села и деревни, расположенные, как правило, в удобных для строительства местах на излучинах рек. Выбор таких мест для строительства не случаен, поскольку для развития хозяйства были необходимы пригодные для земледелия пойменные земли. Двухвековое развитие данных районов привело к формированию в Жигаловском районе развитой поселенческой среды, включавшей в 1911 г. 52 населенных пункта с численностью более 100 чел. и 13 мелких поселений с населением до 100 чел. В Усть-Кутском районе в это же время было более 30 населенных пунктов с населением более 100 чел. и 17 поселений с населением менее 100 чел. [3].

В течение XX в. на демографической карте региона отразились все значимые трагические события, такие как Гражданская война, сталинская коллективизация, Великая отечественная война, что задавало тренд снижения численности населения: люди уезжали в город на работу, потом на фронт и мало кто возвращался назад. Снижение численности сельского населения началось с 1959 г., а урбанизация 1960-х гг. усилила отток населения в города [2]. Начавшееся в 1974 г. строительство БАМа вызвало временный приток населения молодых возрастов, которое, однако, не значительно компенсировало убыль населения села, так как большинство строителей приезжали на стройку и проживали до ее окончания в бамовских поселках, а после окончания строительства совершили обратную миграцию.

Анализ имеющихся данных показывает, что большинство населения из сел и деревень Усть-Кутского района во второй половине XX в. переехало в районный центр, являющийся важным транспортным и промышленным центром. В Жигаловском районе наблюдалась подобная, но менее выраженная тенденция, так как из сел этого района, расположенных на реке Лена, многие жители переезжали не в Жигалово, а в Усть-Кут, где была более развитая инфраструктура и было больше возможностей для трудоустройства. Также центром притяжения для обоих районов служили крупные города – Братск и Иркутск.

Исследователи данной территории К. В. Григоричев и Л. Е. Бляхер в своей статье «Власть на аутсорсинге или медиаторы «пустого пространства» (2023) обозначили такие территории точным термином «труднодоступность» [1]. Надо отметить, что труднодоступными они были всегда. Здесь никогда не было постоянных дорог с твердым покрытием, не было железнодорожных путей, а водные пути имели жесткое ограничение действия по вре-

мени ввиду природных условий. В летние месяцы они были доступны по воде, в зимние – по временной ледяной трассе – «зимнику». Такая же ситуация транспортной недоступности существовала и между районными центрами Усть-Кут и Жигалово, которые в позднесоветском периоде имели регулярное сообщение между собой по воздуху, до тех пор, пока работала малая авиация. Таким же образом общались с «большой землей» и некоторые наиболее крупные деревни и села. В настоящее время на территории большинства сельских поселений обоих районов практически отсутствует социальная инфраструктура: нет учреждений образования и медицины, отсутствуют магазины. В качестве градообразующей среды может выступать, например, метеостанция. Здесь сохраняется очаговое расселение и минимальное число постоянных жителей. В то же время, эта территория включена в земельные кадастры и систему территориального управления, как «межселенная территория», управляемая непосредственно из районного центра [1].

Для анализа данных о населении, проживавшем на территории упомянутых районов, на протяжении XX и XXI вв., мы выбрали 1911 г., как год максимального развития территории с имеющимися данными переписи населения, а также данные о численности населения по результатам переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг. (табл.). Анализ данных показывает устойчивое снижение численности населения в обоих районах в период 2002–2020 гг., причем, в основном за счет жителей села.

Таблица

Население Усть-Кутского и Жигаловского районов по результатам Всероссийских переписей населения [4]

Усть-Кутский район			
Год	Всего	Городское	Сельское
2002	53368	46277	7091
2010	53791	48124	5667
2020	47297	42500	4779
Жигаловский район			
2002	10408	5412	4996
2010	9340	5369	3971
2020	8193	4860	3333

Динамика численности населения по районам показанная на рис. 1 и 2, показывает постепенное снижение численности населения как в городских, так и в сельских поселениях, и в целом по районам. Только в 2023 г. в Жигаловском районе отмечен незначительный прирост сельского населения, после которого снова произошло снижение. Усть-Кутский район потерял за это время 11,4 % населения, при этом, городское население убыло на 8,1 %, а сельское на 32,6 %. Жигаловский район потерял 21,3 % населения, при этом городское население убыло на 10,2 %, а сельское – на 33,3 %.

Если сравнить суммарную численность сельского населения обоих районов 2015 и 1911 гг., то убыль составит 61 %. Но в настоящее время население Жигаловского района «убывает» в два раза быстрее, чем Усть-Кутского и ему грозит перспектива исчезновения до окончания XXI века. Негативная динамика населения Усть-Кутского района в последние пять лет сглаживается притоком работников нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, но этого недостаточно даже для стабилизации демографической ситуации. Графическое подтверждение негативных тенденций показано на рис. 1–2.

Более глубокий анализ статистики показывает неравномерность процесса демографического истощения территорий в последние десятилетия. В 2002 г. в Усть-Кутском районе было 22 сельских населенных пункта и 8 администраций, при этом 14 населенных пунктов относились к т.н. межселенной территории. В Жигаловском районе в этом же году было 38 населенных пунктов и 11 администраций, 8 относились к межселенной территории. Межселенная территория – это территория, включающая мелкие населенные пункты, не имеющие своих органов местного самоуправления, и управляемые непосредственно главой территориального органа самоуправления [2].

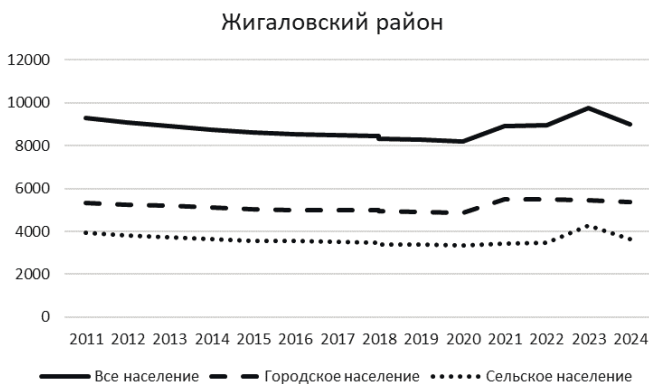

Рис. 1. Динамика численности населения Усть-Кутского района

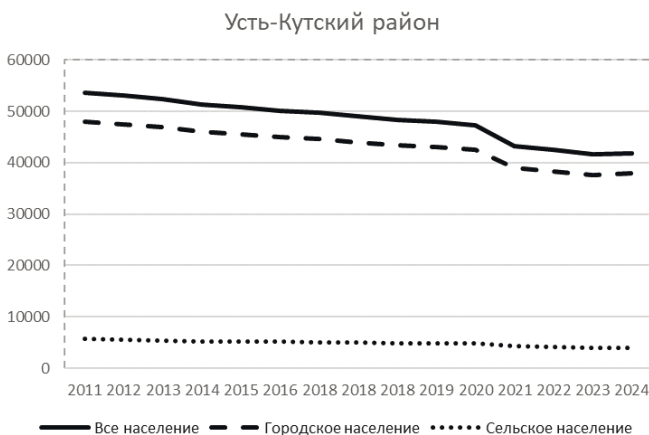

Рис. 2. Динамика численности населения Усть-Кутского района

В настоящее время в Усть-Кутском районе осталось 7 муниципальных образований, включающих 3 городских населенных пункта, 13 сельских населенных пункта и 5 мелких деревень, относящихся к межселенной территории. Практически во всех поселениях население продолжает убывать. Только в 6 из 13 населенных пунктах население превышает 100 чел. Верхнемарково, Заярново, Казарки, Каймоново, Ния, Ручей.

В Жигаловском районе в 2002 г. было 38 населенных пунктов и 11 администраций, несколько мелких сел относились к межселенной территории. В настоящее время осталось одно городское поселение (рабочий поселок и районный центр Жигалово), 10 сельских поселений и межселенная территория, включающая два населенных пункта без администраций. Также во всех населенных пунктах района сохраняется тенденция убыли населения. Наиболее сохранившимися остаются шесть населенных пунктов, которые имеют численность более 100 чел. Это села Дальняя Загора, Знаменка, Лукиново, Петрово, Рудовка, Тимошино, Тутура, Усть-Илга и Чикан. Это значит, что сохраняется перспектива увеличения межселенной территории и в конечном итоге, появление «белых пятен» на карте региона.

Литература

1. Бляхер Л. Е., Григоричев К. В., Ковалевский А. В. Власть на аутсорсинге или медиаторы «пустого пространства» // Мир России. Социология. Этнология. 2023. Т. 32, № 2. С. 97–119.
2. Гольцова Е. В. Поселенческая среда Иркутской области и её влияние на демографическое поведение населения // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2012. № 6. С. 108–112.
3. Гурулев С. А. Географические названия Иркутской области // Топонимический словарь. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2015.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. по Иркутской области, включая Усть-Ордынский Бурятский автономный округ: статистический бюллетень / Госкомстат РФ ; Иркут. обл. ком. гос. статистики. Иркутск, 2004. URL: [https://38.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1\(9\).pdf](https://38.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1(9).pdf) (дата обращения: 20.05.2025).
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: <https://38.rosstat.gov.ru/folder/179585> (дата обращения: 20.05.2025).

УДК 615.477.2

Н. Г. Смирнова

Клиническая больница ИНЦ СО РАН, Иркутская государственная медицинская академия последипломного образования – филиал федерального ГОУ ДПО «Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования», г. Иркутск

Н. А. Калмычкова, С. В. Пастухова

Клиническая больница ИНЦ СО РАН, г. Иркутск

ЭКСПЕРТИЗА СИСТЕМЫ МЕДИЦИНСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ПАЦИЕНТОВ СТАРШЕЙ ВОЗРАСТНОЙ ГРУППЫ, ПЕРЕНЕСШИХ ТРАВМУ БЕДРЕННОЙ КОСТИ

Изучены особенности эпидемиологии переломов проксимального отдела бедренной кости у пациентов старшей возрастной группы. Определена половозрастная характеристика, выявлена длительность периода от полученной травмы до проведенной операции эндопротезирования тазобедренного сустава, проанализировано наличие и значимость сопутствующей патологии. Приведена персонализированная система реабилитации, разработанная на основе индивидуальных параметров здоровья пациента, с учетом оценки реабилитационного прогноза, значения шкал психического, соматического здоровья и медицинской реабилитации. В процессе исследования также определена возможность восстановления двигательной функции организма, клинико-лабораторных показателей, изменение показателей шкалы физической активности и интегральной реабилитационной шкалы, разработан и применен функциональный реабилитационный комплекс, включающий клиническую, физиотерапевтическую, локомоторную, психологическую методики реабилитации пациентов.

Ключевые слова: медицинская реабилитация, эндопротезирование тазобедренного сустава, перелом проксимального отдела бедренной кости, остеопороз, пациенты пожилого возраста.

N. G. Smirnova

Clinical Hospital of the Research Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk State Medical Academy of Postgraduate Education – Branch of the Russian Medical Academy of Continuing Professional Education, Irkutsk

N. A. Kalmychkova, S. V. Pastukhova

Clinical Hospital of the Research Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk

EXAMINATION OF THE SYSTEM OF MEDICAL REHABILITATION OF ELDERLY PATIENTS WITH SKELETAL TRAUMA

The study investigated the peculiarities of epidemiology of proximal femur fractures in patients of the older age group. The sex and age characteristics were determined, the duration of the period from the injury to the hip joint endoprosthesis surgery was revealed, the presence and significance of concomitant pathology was analyzed. The personalized rehabilitation system developed on the basis of individual parameters of the patient's health, taking into account the evaluation of rehabilitation prognosis, the values of mental, somatic health and medical rehabilitation scales was presented. In the process of the study the possibility of restoration of the motor function of the organism, clinical and laboratory indicators, change of indicators of the physical activity scale and integral rehabilitation scale was also

determined, a functional rehabilitation complex including clinical, physiotherapeutic locomotor, psychological methods of rehabilitation of patients was developed and applied.

Keywords: medical rehabilitation, hip joint endoprosthesis, fracture of the proximal femur, osteoporosis, age patients.

В последние 30 лет выявлено увеличение количества людей старшего возраста, страдающих избыточным весом, диабетом, остеопорозом, причём эта тенденция характерна, в первую очередь, для высокоразвитых стран [2; 4; 12; 15]. Кроме того, около 1,5 млрд чел. в мире имеют избыточный вес, при этом существует чёткая взаимосвязь между весоростовыми нарушениями и патологией скелета [5; 13]. На основе статистических данных можно утверждать, что в структуре травм опорно-двигательного аппарата переломы шейки бедренной кости составляют от 4,9 до 21 % от всех переломов трубчатых костей [4; 12]. По данным ряда исследований, к концу XX в. в развитых странах ежегодно регистрировалось до 1,9 млн случаев переломов проксимального отдела бедренной кости [15]. Перелом шейки бедренной кости является наиболее частой травмой среди переломов бедренной кости у пациентов пожилого и старческого возраста и составляют до 7,5 % от числа переломов всех костей скелета [2; 7; 10], и в 90 % вышеуказанных переломов встречаются у лиц пожилого и старческого возраста. У женщин переломы этой локализации можно наблюдать вдвое чаще. По данным Росстата, переломы шейки бедренной кости у женщин регистрируется 279 случаев на 100 тыс. населения в год. У мужчин этот показатель вдвое меньше – 176 на 100 тыс. населения. У 18 %-20 % больных (в основном, это пациенты старше 70 лет) переломы приводят к летальному исходу [13, 15]. В Российской Федерации до 27,7 % коек в травматологических отделениях стационаров заняты пациентами старше 60 лет, и 70,3 % их них составляют пострадавшие с переломами шейки бедренной кости [7].

Основная цель лечения переломов костей у пожилых людей состоит в том, чтобы как можно быстрее и с минимальным риском для жизни вернуть такому пациенту былую подвижность, прежний образ жизни, независимость от постороннего ухода [6; 9]. Возвращение возможности передвижения и самообслуживания имеет огромное психологическое и социальное значение, так как для пожилого человека сознание собственной независимости имеет большее значение, чем полное физическое выздоровление [4; 3]. Эндопротезирование тазобедренного сустава при переломе шейки бедренной кости является в настоящее время «золотым стандартом» лечения данной патологии. Протезирование тазобедренного сустава позволяет активизировать больного в раннем периоде после травмы, значительно снижает угрозу тромбоэмболии легочной артерии, что принципиально уменьшает уровень смертности у данной категории больных [2; 5]. Следует отметить, что оперативное вмешательство в раннем периоде после травм, является первым этапом в реабилитации пострадавших. Необходим второй и третий этап медицинской реабилитации, в ходе которых пациент будет обучен ходьбе в новых условиях функционирования тазобедренного сустава с применением различных средств опоры, навыкам самообслуживания [11]. В г. Иркутске и Иркутской области в настоящее время нет отделений медицинской реабилитации 2 этапа в государственных учреждениях здравоохранения, которые могут осуществлять восстановление пациентов сразу после эндопротезирования суставов. Данная проблема очень актуальна для областного центра, так как по данным работы травмпунктов города, ежегодно в таких услугах нуждается до 3,5 тыс. возрастных пациентов. Развитие отделений ранней медицинской реабилитации пациентов, перенесших переломы бедренной кости, позволит увеличить продолжительность жизни пострадавших, оптимизировать результаты лечения, вернуть к активной самостоятельной жизни большинство травмированных больных старшей возрастной группы [1; 2; 7; 14].

Материалы и методы

В 2023–2025 гг. в отделении медицинской реабилитации Клинической Больницы ИНЦ СО РАН осуществлена медицинская реабилитация 98 пациентов, перенесших *эндопротезирование тазобедренного сустава* в ранние сроки после перелома шейки бедренной кости. Срок реабилитационных мероприятий составил 16–18 дней. Пациенты в раннем послеоперационном периоде (на 4–5 сутки после имплантации эндопротеза тазобедренного сустава) пе-

реводились из специализированного ортопедо-травматологического отделения Иркутского научного Центра хирургии и травматологии в отделение медицинской реабилитации ФГБУЗ Клиническая Больница ИНИЦ СО РАН в рамках меж-федерального сотрудничества клиник. Индивидуально разрабатывался и применялся Протокол обследования, лечения и медицинской физической реабилитации. Пациентам проводились клинические и антропометрические исследования в первый день поступления в реабилитационное отделение и накануне выписки: рост, вес, индекс массы тела, объем бедра и голени, длины нижних конечностей, гониометрия, стабилметрия, определение длительности и скорости ходьбы, проба Штанге, динамометрия, лабораторные гематологические, биохимические гемостатические исследования крови; общий анализ мочи; электрокардиографическое, рентгенологическое обследования с проведением денситометрии, в том числе МСКТ оперированного сустава, исследование сосудов нижних конечностей. Пациентам рассчитывали следующие шкалы: шкала реабилитационной маршрутизации, интегральная реабилитационная шкала, шкала когнитивных нарушений, шкалы Харриса, Руссека, Бартела и визуально-аналоговая шкала боли. Проведено тестирование когнитивных функций медицинским психологом на аппарате «Орторент Когнитив». Всем пациентам подробно исследовался и описывался травматологический анамнез: обстоятельства травмы, адекватность перелома, длительность предоперационного периода, первичное эндопротезирование или протезирование после неудачной попытки иного метода хирургического лечения, степень выраженности болевого синдрома в момент травмы, особенности эндопротезирования. Медицинская реабилитация осуществлялась мультидисциплинарной реабилитационной командой: врач физической реабилитационной медицины, травматолог-ортопед, невролог, физиотерапевт, врач лечебной физкультуры, рефлексотерапевт, диетолог, и медицинский психолог. На основании полученных результатов, больным персонально выработывалась индивидуальная программа медицинской и физической реабилитации. Пациенты получали: медикаментозную терапию по имеющейся значимой сопутствующей патологии, обезболивание с целью купирования болевого синдрома, профилактику тромбоза эмболического синдрома, профилактику остеопороза, массаж поясничного отдела позвоночника и контралатеральной конечности, индивидуальную и групповую лечебную физкультуру, аппаратную пассивную механотерапию оперированного сустава на аппарате Artromot, механотерапию, тренировку стереотипа ходьбы в устройстве разгрузки массы тела, иглорефлексотерапию биологически активных точек, коррекцию когнитивных нарушений, психологическую коррекцию. Пациентов обучали ходьбе по горизонтальной и лестничной поверхности на тренажере с изменяющейся высотой лестничной ступени. Восстанавливали навыки ходьбы на тренажере с биологической обратной связью. Физиопроцедуры назначались в объеме: электростимуляция мышц бедра, голени и мышц поясничного отдела позвоночника, токи высокой частоты и лазеротерапию на оперированную область. Фототерапия проводилась с целью снижения высокого уровня тревожности. Для статистической обработки данных исследования всем пациентам проведен математический анализ результатов реабилитации. Заполнены эпикризы медицинской реабилитации, выработаны рекомендации на амбулаторный этап. Статистическую обработку проводили с помощью пакета программ Statistica 10. Для определения статистической значимости сравниваемых средних результатов применяли *t*-критерий Стьюдента. Различия считали статистически значимыми при $p < 0,05$.

Результаты и обсуждение

Среди 98 пациентов, пролеченных в отделении медицинской реабилитации, после эндопротезирования тазобедренного сустава, женщины составили 79,25 %. Средний возраст определен 77,4 года. У 81,2 % пациентов эндопротезирование носило первичный характер, т. е. оперативное вмешательство выполнено в ранний посттравматический период от 3 до 15 суток. У 0,8 % пациентов первоначально лечение перелома было консервативным, установка эндопротеза тазобедренного сустава была выполнена значительно позже через 30 – 45 дней после травмы. У 9 % пациентов после перелома шейки бедра применялась хирургическая тактика лечения. Но в результате осложнений: некроз головки бедренной кости или отсутствие сращения перелома, через 3–4 мес. после травмы выполнялось удаление металлоконструкции и имплантация эндопротеза тазобедренного сустава. Анализируя травматиче-

ский анамнез, выявлено что 83,9 % переломов шейки бедренной кости носили низкоэнергетический (патологический) характер. Они возникали при незначительных травмах: падение со стула или с высоты своего роста, во время поворота в кровати, что совпадает с отечественными и зарубежными данными исследований [6; 7; 12; 14]. В момент травмы, болевые ощущения у 69,6 % были нерезко выражены, пациентов больше беспокоила невозможность опоры на травмированную конечность и ее отклонение кнаружи. Сразу после травмы 76,9 % обращались в травматологические пункты города Иркутска, но лишь в 57,4 % в день обращения устанавливался правильный клинический диагноз: перелом проксимального отдела бедренной кости, 42,6 % пострадавшим не выполняли рентгенологическое исследование и с диагнозом «ушиб бедра» пациенты направлялись на консервативное лечение в домашних условиях, что значительно удлиняло срок эндопротезирования. В 83,5 % эндопротезирование сустава осуществлялось с применением цементной технологии, в 2,8 % укреплялась дополнительными методами стабилизации. Перевод из хирургического стационара в реабилитационный осуществлялся на 4–5 сутки после операции в условиях специализированного автотранспорта. Пациенты имели выраженную сопутствующую патологию: анемия средней или легкой степени тяжести выявлена в 82,9 %; ожирение определено в 69,4 %; 27,2 % страдали ишемической болезнью сердца; у 94 % имелась артериальная гипертензия; у 69,8 % выявлен сахарный диабет второго типа; у 2,1 % – хроническая обструктивная болезнь легких; у 11,5 % имелось нарушение сердечного ритма. Ожирение выявлено у 74,3 % пациентов, индекс массы тела у них определялся в интервале 29,3–37,7 кг/м. У 4 пациентов выявлен дефицит массы тела, индекс массы тела был менее 20 кг/м. Соматическая патология носила сочетанный характер, пациенты страдали 4–5 значимыми сопутствующими заболеваниями. Кроме того, 7,6 % пациентов уже имели эндопротезы крупных суставов. У 89,5 % пациентов при выполнении денситометрии выявлен остеопороз, но только 19,8 % из них знали об этом диагнозе до травмы и получали необходимую терапию. Пациенты получали медикаментозную терапию, которая включала в себя анальгезирующую терапию, коррекцию послеоперационной железодефицитной анемии, сахароснижающие препараты, гипотензивную терапию, препараты, нормализующие ритм сердца. Всем пациентам осуществлялась профилактика тромбоэмболического синдрома медикаментозно и с помощью эластической компрессии нижних конечностей, проводилась обработка послеоперационных ран и снятие швов. Послеоперационная гематома рассасывалась к 12–13-му дню реабилитации. Послеоперационные раны зажили первично, швы были сняты на 13–14-е сутки после операции, сером или нагноений ран не выявлено. По данным денситометрии остеопороз был выявлен у 94 пациентов – 95,9 %. Такой высокий показатель остеопороза у возрастных пациентов коррелирует с результатами отечественных и зарубежных исследований Erhan B [6; 7; 11–13]. Всем пациентам проведено исследование уровня витамина D в сыворотке крови, так же выявлен его дефицит. Поэтому всем была назначена комбинированная остеопротективная терапия. Комбинированная контрактура оперированного сустава определялась на уровне 3-й степени при поступлении. Высокая градация контрактуры оперированного сустава объяснялась болевым синдромом, ранним послеоперационным периодом, отеком и объемом послеоперационной гематомы. Однако на фоне купирования послеоперационного отека и гематомы, применения рефлексотерапии и лечебной физкультуры – болевого синдрома и контрактура оперированного сустава значительно уменьшались, а в 9,7 % купировались. Асимметрия объема оперированной конечности уменьшалась в процессе реабилитации за счет купирования отека и гематомы на стороне операции, к 8–10-му дню реабилитации объемы конечностей сравнивались. Пациентам индивидуально рассчитывалась интегральная реабилитационная шкала при поступлении в отделение и накануне выписки. Шкала включала в себя следующие значения: возраст, длительность заболевания, наличие сопутствующей патологии, значение укорочения конечности, степень контрактуры оперированного сустава, наличие послеоперационных осложнений, социальный статус, семейный статус, наличие эндопротезов. Средний показатель интегральной реабилитационной шкалы при поступлении составил 15,5, при выписке – 18,5. Все пациенты поступали на реабилитацию с выраженным болевым синдромом, значение ВАШ определялось в 7–8 баллов. При проведении психологических тестов у пациентов выявлен высокий

уровень тревоги – 69,4 %, легкое снижение когнитивных функций в 42,6 %, снижение когнитивных функций средней степени в 1,98 %. Анализируя семейный статус больных определено, что 81,4 % пациентов жили в семьях, 11,3 % были одинокими людьми и проживали самостоятельно, а 7,3 % проживали в социальных учреждениях. На фоне применения комплекса медицинской реабилитации болевой синдром значительно уменьшался, показатель шкалы ВАШ снижался до 1,2, а у 9,7 % полностью купировался. При исследовании электрокардиограмм у пациентов выявлялись нарушения реполяризации миокарда, тахикардия, частая экстрасистолия, синдром ранней реполяризации желудочков. К 11–12-му дню пребывания в отделении реабилитации, у 79,3 % показатели электрокардиограммы возвращались к нормальным значениям. При поступлении у 92 пациентов отмечались повышенные цифры артериального давления, что связывали с выраженным болевым синдромом и операционным стресс-синдромом. В течение 5–7 дней купирования болевого синдрома на фоне стандартной гипотензивной и обезболивающей терапии происходила нормализация показателей артериального давления. Индекс физической активности при поступлении был низкий за счет выраженного болевого синдрома, ограничения в перемещении и самообслуживания. Регистрировали у 49,7 % пациентов снижение эмоционального фона и аппетита. В процессе медицинской реабилитации индекс физической активности увеличивался, так все пациенты при выписке преодолевали 250 и более метров одномоментно, они были обучены подниматься и спускаться по лестнице. Фон настроения увеличивался с 3 до 5 баллов, аппетит с 2 до 4 баллов. В течение реабилитационного периода в оперированном тазобедренном суставе ротационная контрактура сохранялась, а движения «сгибание-разгибание-отведение» увеличивались. Контрактура с 3-й степени выраженности уменьшилась до 1-й степени, а в 7,8 % купировалась полностью. Компенсирована в 86,2 % постгеморрагическая анемия. На фоне лечения анемии только у 18,8 % пациентов не достигнуты физиологические показатели гемоглобина крови. Нормализации показателей гемоглобина и эритроцитов придавали особое значение. Так как в ряде материалов исследователей [1; 4; 8] сообщается о неблагоприятном течении послеоперационного периода и возможностей развития перипротезной инфекции на фоне выраженной анемии. Наличие ожирения и сахарного диабета у пациентов с травмой проксимального отдела бедра и имплантацией эндопротеза сустава значительно удлиняет период восстановления после операции и также может приводить к ранним и поздним инфекционным послеоперационным осложнениям [2; 8; 9; 13; 15]. По нашим данным, у всех пациентов с сахарным диабетом при поступлении отмечались повышенный уровень сахара крови и гликированного гемоглобина. Проводилась коррекция этих показателей путем применения сахароснижающих препаратов и инсулина. В среднем при поступлении уровень глюкозы крови определен как повышенный, а при выписке уровень глюкозы в крови был стабилизирован. Раннее начало ходьбы и лечебная физкультура так же являлись надежным средством нормализации глюкозы в крови [9].

Таким образом, в результате применения персонализированной технологии комплексной реабилитации у пациентов после перелома проксимального отдела бедренной кости, отмечалось купирование болевого синдрома, восстановление возможности ходить по горизонтальной и лестничной поверхности, приобретение навыков самообслуживания, уменьшение контрактуры оперированного сустава, первичное заживление раны. Пациенты становились более активными физически и эмоционально, осваивали ходьбу на костылях или ходунках по горизонтальной поверхности и лестнице, адаптировались к самообслуживанию. По данным лабораторных анализов в динамике определялась нормализация показателей крови, нормализация показателей коагулограммы, а также улучшение мышечного тонуса оперированной конечности, улучшение и оптимизация психологического статуса, общего фона настроения и аппетита. В результате реализации данной технологии медицинской реабилитации пациентов старшей возрастной группы, перенесших имплантацию эндопротеза тазобедренного сустава после перелома проксимального отдела бедренной кости, получено раннее восстановление функций организма, возвращение пострадавшего к привычным условиям жизни, улучшение качества жизни, что продляет социальное и общечеловеческое долголетие.

Литература

1. Опыт оказания медицинской помощи пациентам старших возрастных групп с переломом проксимального отдела бедренной кости в Ярославской области / М. В. Белов, К. Ю. Белова, А. А. Дегтярев, О. Б. Ершова // Российский журнал гериатрической медицины. 2020. № 2. С. 154–158.
2. Богопольская А. С., Воронцова Т. Н. Анализ исходов лечения пациентов с переломами проксимального отдела бедренной кости // Актуальные вопросы травматологии и ортопедии : материалы конф. молодых ученых Сев.-Зап. федер. округа. СПб. : Рос. науч.-исслед. ин-т травматологии и ортопедии им. Р. Р. Вредена, 2017. С. 17–19.
3. Боринский С. Ю., Шавиева И. А. Комплексная реабилитация пациентов с остеопорозом после эндопротезирования тазобедренного сустава в старших возрастных группах // II Международный конгресс ассоциации ревмоортопедов : тез. докл. 2018. С. 22–24.
4. Буйлова Т. В. Современные подходы к реабилитации пациентов с остеопорозом. Международная классификация функционирования 238 и реабилитационный диагноз // Остеопороз и остеопатии. 2020. Т. 23, № 1. С. 58–59.
5. Дымнова С. Е., Сергеева В. В. Клинико-функциональные особенности и проблемы реабилитации больных остеопорозом пожилого возраста в сочетании с сопутствующей патологией // Consilium Medicum. 2020. Т. 22, № 12. С. 84–88.
6. Егудина Е. Д., Калашикова О. С. Физическая реабилитация пациентов с остеопорозом // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2020. Т. 97, № 2. С. 78–85.
7. Эпидемиология переломах проксимального отдела бедренной кости у городского населения Российской Федерации: результаты многоцентрового исследования / О. Б. Ершова, К. Ю. Белова, М. В. Белов, О. А. Ганерт // Остеопороз – важнейшая мультидисциплинарная проблема здравоохранения XXI века : материалы науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 2021. С. 23–27.
8. Оперативное лечение застарелых переломов проксимального отдела бедренной кости / А. Ф. Лазарев, Э. И. Солод, А. А. Антонов, Д. В. Вычужанин // Врач. 2020. Т. 31, № 12. С. 65–69.
9. Исследование дефицита витамина D среди пациентов разных возрастных групп / Т. Б. Минасов, Р. З. Нурлыгаянов, А. Ю. Вершинина [и др.] // Проблема остеопороза в травматологии и ортопедии. 2021. С. 52–54.
10. Миromanов А. М. Переломы проксимального отдела бедренной кости // Забайкальский медицинский вестник. 2019. № 2. С. 10–21.
11. Секирин А. Б., Майбродская А. Е., Санкарнараянан А. С. Оценка эффективности трехэтапного комплексного подхода в реабилитации пациентов после тотального эндопротезирования тазобедренного сустава // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 5. С. 96.
12. Серяпина Ю. В., Федяев Д. В., Мусина Н. З. Заболеваемость переломами проксимального отдела бедренной кости пациентов в возрасте 60 лет и старше в Российской Федерации // Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2020. № 2. С. 59–66.
13. Secondary fracture prevention: consensus clinical recommendations from a multistakeholder coalition / R. B. Conley, G. Adib, R. A. Adler [et al.] // J Bone Miner Res. 2020. Vol. 35, N 1. P. 36–52.
14. Erhan B., Ataker Y. Rehabilitation of patients with osteoporotic fractures // J Clin Densitom. 2020. Vol. 23, N 4. P. 534–538.
15. Scientific Advisory Board of the European Society for Clinical and Economic Aspects of Osteoporosis (ESCEO) and the Committees of Scientific Advisors and National Societies of the International Osteoporosis Foundation (IOF) / J. A. Kanis, C. Cooper, R. Rizzoli, J. Y. Reginster // European guidance for the P. diagnosis and management of osteoporosis in postmenopausal women. Osteoporos Int. 2019. Vol. 30, N 1. P. 3–44.

ЛЮДИ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ КАК НОСИТЕЛИ ЭКСПЕРТНОГО ЗНАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ИНКЛЮЗИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА

Рассматривается роль людей с инвалидностью как субъектов экспертного знания, способных влиять на формирование региональной социальной политики. Особое внимание уделяется пониманию жизненного опыта инвалидности как ценной формы знания, выходящей за рамки формального образования и обладающей потенциалом влияния на процессы принятия решений. На основе анализа международных и российских практик обсуждаются механизмы включения людей с инвалидностью в экспертные и консультативные структуры, а также барьеры, мешающие полноценному участию.

Ключевые слова: инвалидность, экспертное знание, инклюзия, социальная политика, регион.

A. V. Baranov

Irkutsk State University, Irkutsk

PEOPLE WITH DISABILITIES AS HOLDERS OF EXPERT KNOWLEDGE IN SHAPING INCLUSIVE REGIONAL SOCIAL POLICY

The article examines the role of people with disabilities as subjects of expert knowledge capable of influencing the development of regional social policy. Special attention is given to understanding the lived experience of disability as a valuable form of knowledge that goes beyond formal education and has the potential to impact decision-making processes. Based on an analysis of international and Russian practices, the article discusses mechanisms for including people with disabilities in expert and advisory structures, as well as the barriers that hinder their full participation.

Keywords: disability, expert knowledge, inclusion, social policy, region.

Современное понимание экспертности расширяется за рамки формального образования и профессионального статуса. В рамках концепции инклюзивного общества особое значение приобретает опытная экспертность – знание, основанное на личной практике. Люди с инвалидностью всё чаще рассматриваются не как объекты помощи, а как активные участники формирования социальной политики. Их вовлечение в экспертные структуры на региональном уровне может способствовать более точному учёту реальных потребностей, повышению эффективности решений и социальной справедливости. При этом важно различать уровни и формы участия: от консультативного (в формате экспертных опросов, круглых столов) до полномасштабного соуправления – например, когда представители инвалидного сообщества участвуют в распределении бюджетов или формировании критериев оценки социальных программ. Такой подход позволяет учитывать не только точечные предложения, но и интегрировать ценности инклюзии в управленческие процессы.

Помимо деления на консультативное и партисипативное участие, в исследованиях гражданской вовлеченности предлагается выделять уровни влияния: информирование, консультация, партнёрство и делегирование полномочий. На этапе информирования люди с инвалидностью получают сведения о принимаемых решениях, но не могут на них влиять. Консультация подразумевает сбор мнений без обязательства учитывать их. Партнёрство требует взаимодействия на равных с возможностью ко-решения. Делегирование полномочий – это максимальная форма участия, когда представители сообщества получают право на самостоятельное принятие решений в определённых сферах. Применение этой типологии позволяет более точно анализировать эффективность механизмов участия в разных регионах.

Инвалидность – это не только медицинское состояние, но и социально сконструированное явление, связанное с барьерами окружающей среды. Именно поэтому люди с инвалидностью обладают уникальным типом знания – знанием об ограничениях и возможностях среды, о неочевидных барьерах, с которыми они сталкиваются ежедневно. Это знание не заменимо формальными отчётами или статистикой. Оно имеет прикладное значение в проектировании городской среды, цифровой доступности, образовательных программ и услуг. Особенно значим этот тип знания в процессе цифровой трансформации: например, при раз-

работке интерфейсов городских порталов, онлайн-записи к врачам, образовательных платформ. Без учёта пользовательского опыта людей с инвалидностью возможно создание новых барьеров – менее очевидных, но не менее ограничивающих доступ. Современные исследования подчеркивают: даже инклюзивные инициативы могут проваливаться, если их не оценивают сами получатели услуг.

Важным условием экспертного участия становится уровень цифровой грамотности. Недостаток навыков пользования цифровыми сервисами ограничивает возможности людей с инвалидностью в дистанционном участии, особенно в условиях постпандемийной цифровизации госуслуг. Поэтому целесообразно развивать программы цифрового наставничества, в которых сами инвалиды обучают других пользоваться онлайн-инструментами – от Zoom и Telegram до электронных приёмных. Это не только расширяет доступ, но и формирует горизонтальные связи внутри сообщества.

Мировая и российская практика уже демонстрирует примеры привлечения людей с инвалидностью в качестве экспертов. Они входят в состав общественных советов при органах власти, участвуют в проектах НКО, консультируют архитекторов, преподавателей, разработчиков цифровых решений. Вовлечение людей с инвалидностью в принятие решений закреплено в международных и национальных документах. Статья 4 Конвенции ООН о правах инвалидов (КПИ, 2006) прямо указывает на необходимость активного участия инвалидов в разработке и реализации политики, затрагивающей их интересы. Россия ратифицировала КПИ в 2012 г., что налагает обязательства на все уровни власти.

На национальном уровне действуют Стратегия действий в интересах граждан с инвалидностью в Российской Федерации до 2030 года, а также законы о социальной защите инвалидов и доступной среде. В ряде субъектов федерации созданы советы по делам инвалидов, однако их роль пока часто формальна. В ряде случаев участие ограничивается формальными мероприятиями, где предложения представителей инвалидного сообщества не фиксируются в протоколах и не отражаются в итоговых документах. Это снижает доверие к механизмам диалога и формирует ощущение имитации участия. Важной задачей становится не только создание площадок, но и обеспечение их реального влияния на решения.

В Иркутской области, как и в ряде других регионов, действует совет по делам инвалидов при губернаторе, а также аналогичные структуры на муниципальном уровне [4]. Тем не менее степень реального участия людей с инвалидностью в принятии решений остаётся ограниченной. Основные препятствия:

- Формальный характер участия: люди с инвалидностью приглашаются на мероприятия, но их мнение редко становится основой решений;
- Недостаток доступной информации и каналов обратной связи;
- Ограниченные технические и организационные условия для полноценного участия (например, отсутствие сурдоперевода, онлайн-доступа и пр.).

Важной проблемой остаётся устойчивость участия. Часто вовлечение инвалидов в экспертные структуры носит проектный характер: оно заканчивается с завершением финансирования или сменой администрации. Для преодоления этой нестабильности необходимо нормативное закрепление роли экспертных советов с обязательствами по регулярности встреч, протоколированию и отчётности. Также важно включение положения о квотировании мест для людей с инвалидностью в общественных советах и комиссиях.

Позитивным примером может служить опыт НКО «Открытая среда», осуществляющей общественный мониторинг доступности городской инфраструктуры [5]. Участники проекта – сами люди с инвалидностью – проводят оценки объектов и предлагают рекомендации властям. В 2023 г. по их инициативе были внесены изменения в план реконструкции тротуаров в центре Иркутска. Такие практики нуждаются в институциональной поддержке и масштабировании. Важным ресурсом может стать развитие грантовых программ, направленных на обучение активистов с инвалидностью навыкам аналитики, правозащиты и публичного представления экспертных позиций. Подобные инициативы могли бы поддерживаться как на уровне региона, так и через федеральные программы в рамках нацпроекта «Демография».

В Канаде и Германии существуют практики участия людей с инвалидностью в консультативных и экспертных советах при городских и федеральных структурах [6]. Например, в Берлине Совет по делам инвалидов обладает правом консультативного заключения при принятии градостроительных решений. В Торонто (Канада) лица с инвалидностью участвуют в оценке государственных программ и бюджетообразовании через платформы «nothing about us without us» («ничего о нас – без нас»).

В 2021 г. Комитет ООН по правам инвалидов выпустил Общий комментарий № 7, в котором подчёркивается необходимость «полноценного, свободного и осмысленного участия инвалидов» в реализации Конвенции [3]. Документ указывает, что участие должно быть обеспечено на всех этапах – от разработки до оценки политики, с учётом межсекционных факторов, таких как пол, возраст, этничность. Это означает, что особенно уязвимые группы – например, женщины с инвалидностью или жители отдалённых территорий – требуют отдельного внимания в механизмах вовлечения.

Также примечателен опыт Финляндии, где каждый муниципалитет обязан иметь совет по делам инвалидов, в состав которого входят сами инвалиды и представители НКО [7]. Их мнение обязательно учитывается при разработке социальных программ.

Вовлечение людей с инвалидностью в процессы формирования и оценки социальной политики региона – это не только вопрос справедливости, но и эффективности [1]. Их опыт позволяет выявлять скрытые проблемы и находить практические решения. Более того, привлечение таких экспертов может снизить затраты на «исправление» неудачных решений. Например, заранее оценённые с точки зрения доступности проекты городской инфраструктуры экономят ресурсы, исключая необходимость дорогостоящей доработки или переделки. Это подчёркивает не только гуманитарную ценность, но и экономическую эффективность инклюзивного подхода. Для превращения этого опыта в действенное экспертное знание необходимо:

- институционализировать участие инвалидов в экспертных структурах;
- обеспечивать условия для полноценного участия (доступность, подготовка, оплата труда);

- признавать разнообразие опыта инвалидности как ценность.

Рекомендуется:

- расширить полномочия общественных советов при органах власти с участием инвалидов;
- поддерживать программы подготовки представителей инвалидного сообщества к участию в консультативных органах;
- создавать механизмы обратной связи, учитывающие доступные форматы коммуникации.

Таким образом, люди с инвалидностью могут и должны становиться полноправными экспертами в системе социального развития региона. Их знание – это ресурс, который необходимо включать в проектирование будущего.

Перспективным направлением становится создание школ гражданской активности для людей с инвалидностью, где они могут получать знания о политике, праве, медиа, публичных выступлениях [2]. Такие школы уже действуют в ряде регионов при поддержке НКО и фондов. Их развитие в Иркутской области могло бы стать шагом к формированию устойчивого экспертного сообщества, способного выступать не только консультантами, но и инициаторами позитивных социальных изменений. Это потребует комплексного подхода – от методической поддержки таких программ до создания партнёрств между органами власти, некоммерческими организациями и самими сообществами людей с инвалидностью. Важно, чтобы эти школы не были разовыми проектами, а стали устойчивыми институтами развития гражданского участия.

Не менее значимо обеспечить представителям таких сообществ возможность делиться своими знаниями и опытом – через участие в общественных советах, экспертных группах, в

качестве спикеров на региональных площадках. Таким образом, голос людей с инвалидностью будет не просто услышан, но принят как ценный вклад в выработку решений.

Включённость в процессы социального проектирования позволяет формировать новый тип отношений между обществом и человеком с инвалидностью – основанный на взаимном уважении, сотрудничестве и признании значимости каждого участника. Это важно не только для самих людей с инвалидностью, но и для всего региона: инклюзивная социальная политика делает общество сильнее, справедливее и перспективнее.

Таким образом, вовлечение людей с инвалидностью в процессы принятия решений в социальной сфере требует не только институциональных изменений, но и развития системного подхода к обучению и сопровождению таких участников. Андрагогика – как теория и практика обучения взрослых – играет ключевую роль в формировании компетентных, уверенных и активных представителей сообщества. Именно через освоение новых знаний, навыков гражданского участия, правозащитной деятельности, взаимодействия с властью и медиа, люди с инвалидностью получают возможность влиять на среду, в которой живут, а также инициировать изменения.

В перспективе важно создание целевых программ повышения квалификации в области инклюзивного проектирования, развития лидерства и участия в общественных процессах. Такие программы могут реализовываться в сотрудничестве между университетами, некоммерческими организациями и органами власти. Их задачей должно стать не только обучение, но и формирование устойчивых экспертных сообществ, включающих людей с инвалидностью как равноправных партнёров.

Развитие инклюзивной андрагогики в регионе позволит создать условия для того, чтобы каждый человек, независимо от физических или сенсорных особенностей, мог внести свой вклад в развитие общества. Это не только отвечает принципам социальной справедливости, но и открывает путь к более сбалансированной и эффективной социальной политике, основанной на реальных потребностях и опыте граждан.

Литература

1. Борисова Е. В. Инклюзия как социальная практика: опыт, проблемы, перспективы. М. : Соц. политика, 2020. 192 с.
2. Шередега Е. А. Люди с инвалидностью как субъекты гражданского участия // Социальная интеграция. 2021. № 2. С. 34–45.
3. Convention on the Rights of Persons with Disabilities (CRPD). UN. 2006.
4. Официальный сайт Правительства Иркутской области. URL: <https://irkobl.ru> (дата обращения: 05.05.2025).
5. Стратегия действий в интересах граждан с инвалидностью в Российской Федерации до 2030 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_395124 (дата обращения: 05.05.2025).
6. Вовлечение лиц с инвалидностью в процесс принятия решений: международные практики / под ред. К. Майерса. М. : ЮНИСЕФ, 2020. 144 с.
7. Официальный сайт города Торонто. URL: <https://www.toronto.ca> (дата обращения: 05.05.2025).
8. Disability Council Berlin. URL: <https://www.berlin.de/sen/soziales/behinderung/behindertenbeirat/> (дата обращения: 05.05.2025).

ЗДОРОВЬЕ СУПРУГОВ КАК ИНДИКАТОР УСТОЙЧИВОСТИ ИНСТИТУТА МОЛОДОЙ СЕМЬИ В РОССИИ

Статья посвящена изучению здоровья супругов как одного из индикаторов стабильности семейных отношений в России и тому, как различные аспекты устойчивости молодой семьи, здоровье супругов могут влиять на качество жизни граждан, улучшение поддержки семейных ценностей, создание более эффективных программ помощи молодым семьям.

Ключевые слова: брак, молодая семья, укрепление семьи, здоровье, государственная политика.

N. Yu. Belosheikina

Irkutsk State University
OGKU "Office of the Public Chamber of the Irkutsk region", Irkutsk

THE HEALTH OF SPOUSES AS AN INDICATOR OF THE SUSTAINABILITY OF THE YOUNG FAMILY IN RUSSIA

The article is devoted to the study of the health of spouses as one of the indicators of the stability of family relations in Russia and how various aspects of the stability of a young family and the health of spouses can affect the quality of life of citizens, improve support for family values, and create more effective programs to help young families.

Keywords: marriage, young family, strengthening of family, health, state policy.

Социальные преобразования в России с конца XX в. кардинально изменили многие аспекты жизни, в том числе и восприятие института семьи. Увеличение уровня образования, эмансипация женщин, изменение трудовой активности и перераспределение домашних обязанностей – все эти факторы воздействуют на динамику семейных отношений. С этими изменениями возникают новые проблемы для молодых семей, связанные с обеспечением стабильности и поддержанием здоровья.

Молодые пары сталкиваются с высоким уровнем стресса, обусловленного экономической нестабильностью, конкуренцией на рынке труда и социальной неопределенностью. Эти факторы негативно влияют на здоровье супругов, что может привести к ухудшению семейных отношений. Хронические заболевания, депрессия, тревожность становятся серьезными препятствиями на пути к стабильности в браке.

Эволюция института семьи в России за последние десятилетия привела к значительным изменениям, особенно в контексте молодых семей. Эти семьи представляют собой ключевую социальную группу, которая привлекает внимание различных специалистов: социологов, психологов, демографов и экспертов в области социальной политики. В условиях перемен, охватывающих экономическую, культурную и социальную сферы, роль стабильности молодой семьи становится важным индикатором общей социальной устойчивости, а также ключевым фактором поддержания демографического баланса в стране. Среди различных аспектов устойчивости молодой семьи, здоровье супругов занимает важное место, поскольку оно прямо влияет на качество жизни и, следовательно, на стабильность семейных отношений.

По результатам анализа социологического исследования ВЦИОМ «Дела семейные» выявлено, что наиболее важными условиями для устойчивости и стабильности семьи, по мнению большинства опрошенных респондентов, являются хорошие взаимоотношения в семье и здоровье членов семьи, а уже далее следуют финансовые и материальные составляющие.

Стоит заметить, что жители Сибирского федерального округа чаще чем другие регионы отмечали в качестве условий стабильности семьи хорошие взаимоотношения и совместный семейный досуг. Жители Уральского и Северо-Кавказского округов ставили на первое

место здоровье членов семьи. Для опрошенных Северо-Кавказского округа превыше оказались материальные составляющие стабильности семьи, чем для россиян в целом.

Наиболее приоритетными семейными целями опрошенные респонденты считают заботу о здоровье членов семьи и поддержание хороших взаимоотношений, что говорит о том, что цели соответствуют приоритетам, от которых, по мнению респондентов, зависит укрепление семьи.

По мнению большинства респондентов толерантность родителей по отношению к детям, внимание и доверие к ним, готовность понимать своих детей приведет к стабилизации института семьи и сделает ее более устойчивой [1].

Достижению улучшения положения молодых семей за последние 5 лет способствовали мероприятия, осуществляемые в рамках таких стратегических и концептуальных документов, национальных проектов и государственных программ, как Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351, Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р, а также национальные проекты «Здравоохранение» и «Демография».

Важно отметить, что 22 ноября 2023 г. Президент России Владимир Путин подписал указ об объявлении 2024 г. Годом семьи в целях продвижения государственной политики в области защиты семьи, создания комфортных условий для формирования здоровых и счастливых семей, сохранения традиционных семейных ценностей. Это уже второй Год семьи в России. Первый прошёл в 2008 г. [2].

Современная семейная политика государства не совсем благоприятно отразилась на статистике разводов и бракосочетаний, несмотря на эффективные меры поддержки семьи со стороны государства. Так, в 2020 г. в России распалось 73 % браков, когда в 2018 и 2019 гг. распалось 65 % браков. 30 лет назад данное соотношение было равным 42 %, а 70 лет назад распадалось всего лишь 4 % брачных союзов. Именно в 2020 г. было зафиксировано наибольшее количество разводов за последние 30 лет, что может свидетельствовать о том, что одним из факторов разводов является развитие семейной политики в Российской Федерации.

В трудные для страны времена семьям оказывалась недостаточная поддержка, что, в частности, негативно сказывалось на отношениях между супругами. Однако, в отличие от статистики распада браков, статистика брачных отношений также изменилась. В 2020 г. на 21 % больше людей вступили в брак, чем в предыдущем году [3].

В современном мире вопросы укрепления здоровья супругов, особенно молодых семей, являются актуальными не только в России, но и в других странах мира. Это приобретает особую важность в связи с такими значимыми проблемами, как ухудшение экологической обстановки и массовыми распространениями болезней (ВИЧ, коронавирусная инфекция и т. д.).

Государственная политика в сфере здоровьесбережения требует совершенствования и глубокого анализа отдельных аспектов, касающихся укрепления здоровья молодых семей, что в дальнейшем значительно повлияет на повышение рождаемости и в целом на улучшение демографической ситуации в стране, позволит повысить качество жизни граждан, улучшить поддержку семейных ценностей, создать более эффективные программы помощи молодым семьям.

Литература

1. Дела семейные // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dela-seimeinye> (дата обращения: 18.05.2025).
2. О проведении в Российской Федерации Года семьи : указ Президента РФ от 22.11.2023 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472530/ (дата обращения: 11.05.2025).
3. Развод в цифрах: статистика разводов в России. URL: <https://www.planeta-zakona.ru/blog/razvod-v-tsifrakh-statistika-razvodov-v-rossii.html/> (дата обращения: 12.05.2025).

Т. Б. Башкатова, Е. В. Решетникова, Б. Д. Башкатов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

**АНАЛИЗ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ ГРАНТОВЫХ ЗАЯВОК
ОТ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

Рассматривается положение «третьего сектора» в современной России, возможность получения грантовой и государственной поддержки. Проведен анализ экспертной оценки грантовых заявок от некоммерческих организации различного уровня от федеральных до региональных.

Ключевые слова: некоммерческая организация, социальное проектирование, грант, эксперт, оценка.

T. B. Bashkatova, E. V. Reshetnikova, B. D. Bashkatov

Irkutsk State University, Irkutsk

**ANALYSIS OF EXPERT EVALUATION OF GRANT APPLICATIONS
FROM NON-PROFIT ORGANIZATIONS**

The article examines the situation of the "third sector" in modern Russia. The ways of receiving grants and government support. It analysis expert grant community at different levels. From federal to regional.

Keywords: non-profit organization, social design, grant, expert, competition.

В настоящее время в России наблюдается бум деятельности НКО. В 2024 г. по данным Минюста количество некоммерческих организаций составляет более 220 тыс., 17 тыс. из них созданы за последние шесть лет. В конкурсах Фонда президентских грантов участвовало 62 тыс. организаций [2].

Ежегодное количество вновь зарегистрированных НКО совпадает с количеством, подающих заявки на ликвидацию. Из самых востребованных направлений деятельности организаций можно выделить: социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан, пропаганда здорового образа жизни, поддержка проектов в области науки, образования, просвещения, сохранение исторической памяти, поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, развитие институтов гражданского общества, поддержка проектов в области культуры и искусства, охрана окружающей среды и защита животных, укрепление межнационального и межрелигиозного согласия.

По структурно организационно-правовой форме преобладают АНО (автономные некоммерческие организации), общественные организации, ассоциации (союзы), фонды и благотворительные фонды, религиозные организации, профсоюзные организации, частные учреждения [1].

Основным органом государственной поддержки некоммерческих организаций является Фонд президентских грантов (ФПГ). За семь лет его работы из федерального бюджета была выделена сумма 70 млрд руб., сумма софинансирования проектов составила 65 млрд [3]. На реализацию социально значимых инициатив можно запросить любую сумму, даже свыше 15 млн руб. Анализируя Фонд президентских грантов за последние 5 лет в среднем поддержку получает каждая 7–9 организация, подающая заявку. Но ФПГ не единственный грантодатель, хотя безусловно самый значимый и масштабный. Многие большие предприятия, холдинги стараются поддерживать НКО. Отличие в том, что если ФПГ поддерживает организации по всей стране, то, как правило, градообразующие предприятия ведут поддержку инициатив в городах присутствия (ОМК, Русал, Росатом, Газпромнефть, Северсталь, Еп+, Иркутская нефтяная компания, Новатек, Лукойл и др). Многие известные банки тоже проводят грантовые конкурсы (Сбербанк, ВТБ, Т-банк, Газпромбанк, Райффайзен банк, Альфа банк, Совкомбанк). Нельзя не упомянуть о господдержке на местном уровне. Так, в Иркутской области существует конкурс «Губернское собрание общественности», где поддерживаются общественные инициативы различной тематики и конкурсы по межнациональному единству.

Многие олигархи имеют свои фонды. Самые известные Геннадия Тимченко и Владимира Потанина. Это те фонды, которые представляют возможность выиграть грант неком-

мерческим организациям, реализующим свою деятельность на территории России, но в определенной тематике. Такие фонды скорее исключение, чем правило. В основном частные фонды такого масштаба имеют собственное представление, что есть общественное благо и стараются реализовать собственные программы, тратя деньги по своему усмотрению. А грантовые, профессионально отстроенные программы очень важны для «третьего сектора», для запуска социальных преобразований. Может сложиться впечатление, что конкурсов для получения грантов предостаточно, но это далеко не так. Многие грантодатели проводят конкурсы раз в год, зачастую по определенной узкой тематике. Подав заявку и проиграв, ты останешься без средств к реализации своих идей, без возможности помочь людям на год-полтора.

Кто же те люди, решающие быть или не быть заявке в списке победителей? Кто составляет пул людей, признающих ее актуальность, значимость, соответствие бюджету.

Если будем говорить о главном грантовом конкурсе страны, то это Фонд Президентских грантов. Главный орган управления Координационный комитет под председательством С. В. Кириленко. Комитет определяет грантовую политику конкурсов, контролирует равные условия для участников, согласовывает список победителей, объем предоставленных грантов. В обычном режиме проводится 2 конкурса в год. Но 2 раза случались дополнительные спецконкурсы (пандемия, СВО). Связующим звеном между работой Комитета и экспертами является объединенный экспертный совет. Его главная задача проведение независимой экспертизы заявок на участие в конкурсе. Одной из основных задач Совета – это поиск и привлечение экспертов из разных областей к оценке заявок, их обучение, контроль за их работой, контроль за отсутствием заинтересованности в результатах оценки заявки. Совет вправе посчитать оценку эксперта необоснованной и аннулировать ее, вправе пересмотреть оценку заявки в баллах по одному или нескольким критериям.

Эксперты конкурса – люди, имеющие опыт работы в сфере рассматриваемых заявок, в сфере социального проектирования. Во время рассмотрения заявки они руководствуются принципом независимости и конфиденциальности. Обязаны хранить в тайне статус эксперта, хранить в тайне перечень заявок, попавших на оценку, не получать финансовую выгоду, не иметь прямой или косвенной заинтересованности, избегать контактов с заявителями, не запрашивать напрямую дополнительные документы, избегать любых действий, которые могут раскрыть личность эксперта, обратиться в ФПГ, если возникают вопросы по оценке заявки, оценивать заявки по 10 критериям и присваивать по каждому из них от 0 до 10 баллов, сопровождать каждую оценку комментарием. Заявки приходят эксперту автоматически, распределенные системой, что исключает человеческий фактор и некоторую заинтересованность. В среднем за конкурс эксперт рассматривает около 25 заявок.

Подразумевается, что эксперт должен быть беспристрастен и строго следовать методическим рекомендациям. Участвуя в конкурсе не только как эксперт, но и как заявитель, вводятся некоторые ограничения. Эксперт не вправе рассматривать заявку если есть прямая или косвенная заинтересованность в результатах оценки заявки.

Адекватность оценки заявок также играет важную роль. В случае, если эксперт необоснованно оценил три и более заявок, то он исключается из списка экспертов конкурса. Если же эксперт нарушил обязанности эксперта, то ему грозит исключение из состава экспертов конкурса.

По результатам экспертного интервью конкурса ФПГ (на условиях анонимности), нам сообщили, что общее количество экспертов конкурса составляет от 700 до 800 чел., несколько сотен из них (300–400) имеет степень кандидата или доктора наук. Периодически проходит ротация экспертов. Чтобы стать экспертом ФПГ нужно пройти тщательный отбор, интервью. На каждого эксперта ведется свое досье, где анализируется справедливость оценки проектов. У каждого эксперта есть свой рабочий кабинет на сайте, где он подробно описывает свою оценку по всем 10 пунктам заявки: актуальность и социальная значимость, логическая связность и реализуемость проекта, инновационность и уникальность, соотношение планируемых расходов на реализацию проекта и его ожидаемые результаты, реалистичность

бюджета, масштаб реализации, собственный вклад, опыт организации по успешной реализации проектов, соответствие опыта и компетенции команды, информационная открытость организации. В соответствии с положением баллы умножаются на коэффициент и суммируются по итогу. Максимальная сумма баллов 100. При подаче заявки повторно, эксперт видит предыдущую заявку, степень ее доработки отзывы предыдущих экспертов. В целом уровень экспертности конкурса очень высокий, мнения совпадают. Периодически проходит сбор экспертов, их обучение. После того как 2 эксперта проведут оценку, заявки рассматривает Координационный Совет, который вправе вынести свой вердикт, кардинально не совпадающий с предыдущими оценками. На анализ одного проекта может уходить от 1,5 часов до 4 дней. Эксперт вправе отказаться от проекта, если он не соответствует его тематике или кажется очень сложным, многокомпонентным. При сильной разнице в баллах двух экспертов, проект может быть передан третьему, для вынесения справедливой оценки. Окончательное решение о вхождении в состав победителей принимается на заседании Координационного комитета.

Активный рост деятельности НКО и расширение сферы их деятельности способствовали тому, что в 2021 г. при Фонде президентских грантов образовался Фонд культурных инициатив, а в 2025 г. – Фонд экологических и природоохранных проектов. Последний планирует разрабатывать и реализовывать собственные программы в коллаборации с бизнесом.

Вторым по частоте проведения и количеству распределяемых средств являются гранты Росмолодежи. Конкурс характеризуется широким спектром направлений – 18, но участвовать в нем могут не все, а лица от 14 до 35 лет. Сумма грантовой поддержки составляет от 5 тыс. руб. до 1 млн руб. Эксперты конкурса отбираются на основе присланной видеовизитки (в которой нужно рассказать о своем опыте и почему Вы решили стать экспертом), рекомендательного письма от действующего эксперта или представителя исполнительной власти, работающего в сфере молодежной политики или имеющегося на руках письма-приглашения. При наличии вышеизложенного заполняется заявка в системе «Молодежь России», затем нужно пройти тестирование по карте компетенций и собеседование в режиме видеоконференции. Общее количество экспертов. в 2024 г. составило 777 чел. со всей страны, большинство из них оценивают грантовые заявки не один год. Эксперты – это профессионалы из разных областей: сотрудники НКО, общественники, представители бизнеса, работники научной и образовательной сфер.

Во многих регионах проводятся местные конкурсы, часть средств из них выделяется из регионального бюджета, часть из Фонда президентских грантов. Но отличительной чертой по экспертному составу является то, что эксперты назначаются из органов исполнительной и муниципальной власти, зачастую не имеют опыта социального проектирования, что сильно осложняет объективность оценки. Оценка проектов проводится на безвозмездной основе. Проекты распределяются автоматически, состав экспертов 40–50 чел. Рейтинговую оценку заявки выставляют 2 эксперта. Финальный список победителей подтверждается Координационным советом, состоящим из состава работников Аппарата Губернатора. Каждая заявка должна набрать определенное количество баллов, в зависимости от суммы бюджета.

Если говорить о пуле экспертов разных частных и корпоративных грантов, то отбор ведется в основном по рекомендациям, участию в других конкурсах и справедливой оценке заявок.

В целом, подводя итог, можно сказать, что ключевым моментом при проведении экспертной оценки любого конкурса является соблюдение конфликта интересов. Репутационные риски всегда очень чувствительная и болезненная тема для любого грантодателя.

Литература

1. Обзорный дашборд отрасли НКО // Центр инноваций социальной сферы. URL: <https://atlas-nko.ru/analytics> (дата обращения: 03.05.2025).
2. Чукалин рассказал, сколько в России социально ориентированных НКО // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240626/nko-1955586270.html> (дата обращения: 03.05.2025).
3. Фонд президентских грантов выделили 70 миллиардов рублей // РИА Новости, 25.02.2024. URL: <https://ria.ru/20240224/fond-1929360050.html> (дата обращения: 03.05.2025).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ТЕХНОЛОГИИ ИХ КОНСТИТУИРОВАНИЯ

Рассматриваются возможности и технологии конституирования общественных инициатив в России. Внимание акцентируется на предпосылках и факторах выдвижения общественных инициатив, их внутренней взаимосвязи с государственными инициативами. Подчеркивается, что в современных условиях выдвижение общественных инициатив зависит от установленных форматов проявления общественной активности и информационно-технологического сопровождения принимаемых решений. Сделан вывод, что востребованные общественные инициативы во многом подвержены цифровизации и базируются на легитимной институциональной основе.

Ключевые слова: инициативы, общественные инициативы, государственные инициативы, общественная активность, социальные проекты, цифровизация, легитимность.

P. I. Grabelnykh

Irkutsk State University, Irkutsk

PUBLIC INITIATIVES IN RUSSIA: POSSIBILITIES AND TECHNOLOGIES OF THEIR CONSTITUTION

The article examines the possibilities and technologies of constituting public initiatives in Russia. Attention is focused on the prerequisites and factors for putting forward public initiatives, their internal relationship with state initiatives. It is emphasized that in modern conditions, the advancement of public initiatives depends on the established formats for the manifestation of public activity and information technology support for decisions taken. It is concluded that popular public initiatives are largely subject to digitalization and are based on a legitimate institutional basis.

Keywords: initiatives, public initiatives, state initiatives, public activity, social projects, digitalization, legitimacy.

Актуализация проблем проявления социальной активности в России, выдвижения и продвижения государственных и общественных инициатив исторически обусловлена. Переход с одного экономического (технологического) уклада на другой, трансформация социальной структуры общества, формирование новых потребительских запросов, не до конца решенная проблема социального неравенства с акцентом на имущественную дифференциацию – все это и многое другое на отдельных этапах истории вызывали «социальный взрыв» или регулировались механизмами совместной деятельности государства и общества. По сути, решение вопросов посредством совместной деятельности с учетом позиций заинтересованных сторон, имеющее непосредственное отражение в общественных проектах, проявлялось в концептах «кооперации», «интеграции», «социальной консолидации», а порою и «социального консенсуса». Любое проявление социального неравенства и социальной несправедливости требовало развития технологий политического участия, и как следствие, создания широкой институциональной основы для повышения эффективности принимаемых решений. Технологией и способом повышения эффективности социального управления во все времена выступали общественные инициативы.

Природа и порядок выдвижения общественных инициатив отвечает не только принципам развития гражданского общества, но прежде всего самому формату взаимодействия государства и общества. Этим объясняется необходимость и важность конституирования общественных инициатив в России. Это первое. Второе – их цели и смыслы, историческое предназначение и механизмы продвижения напрямую зависят от сложившейся институциональной основы и развитости механизмов легитимации. Общественное мнение и управление им по вопросам конституирования общественных инициатив также находятся в прямой зависимости от взаимодействия общества и власти. Это третий аспект. В целом направленность и характер коммуникаций общества с институтами власти и внешней средой открывают или закрывают возможности для проявления общественных инициатив. Под воздействием внешних или внутренних факторов формируются и реализуются технологии конституирования

общественных инициатив в России. Для поддержания порядка в обществе важно понимание внутренней взаимосвязи общественных инициатив с государственными инициативами.

Современное информационно-технологическое общество открыло новые возможности и границы для форматирования и переформатирования взаимодействий и взаимосвязей между социальными институтами и социальными системами. Выдвижение общественных инициатив теперь зависит от установленных форматов проявления общественной активности в обществе как цифровом обществе, для легитимации инициатив обязательно информационно-технологическое сопровождение общественных интересов. Отныне все общественные, как и государственные инициативы, подвергаются цифровизации. Мы, таким образом, констатируем изменение порядка форматирования и конституирования общественных инициатив. Именно этим обстоятельством мы объясняем определенное снижение социальной активности населения и общественных организаций, которым трудно перестроиться под новый формат. Переход к гибридным форматам взаимодействия (онлайн и офлайн) для кого-то выступил препятствием в реализации своих инициатив. Однако это следует рассматривать как временное явление. Результаты исследований отечественных авторов подтверждают данный факт. Уже сформировано понимание, что востребованные общественные инициативы во многом подвержены цифровизации и базируются на легитимной институциональной основе.

С целью проверки авторской гипотезы относительно актуальности проблемы конституирования общественных инициатив в современном обществе, подтвердилось (в пилотажном исследовании, проведенном 7–23 мая 2025 г. на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИГУ, приняли участие мужчины и женщины от 25 до 50 лет среди населения Иркутской области), что такая проблема очень актуальна. По результатам проведенного опроса выявлено, что на сегодняшний день главной проблемой видится отсутствие инициатив от людей, далее следует – недостаточная правовая грамотность населения, на третьей позиции – нежелание людей участвовать в решении общественных проблем. Примечательно, что на вопрос: «Насколько распространены общественные инициативы в современном российском обществе?» почти половина опрошенных считают, что общественные инициативы не распространены, а почти треть респондентов указали, что они очень распространены. Полученные данные свидетельствуют о сохраняющемся противоречии во взглядах людей в связи с переходом на новые форматы взаимодействий цифрового общества. В этом видится одна из причин невысокой социальной активности. Примечательно, что по вопросу эффективности решения социальных проблем посредством общественных инициатив выявлено, что более половины респондентов оценивают эффективность решения проблем через общественные инициативы всего на 3 балла (по 5-ти балльной шкале), 23,08 % оценивают на 4 балла, а 7,69 % оценивают на 1 балл. Никто не дал оценку – «очень эффективно».

Проведенный анализ предложений и рекомендаций респондентов по повышению эффективности решения социальных проблем посредством общественных инициатив также подтвердил, что общественные инициативы должны поддерживаться государством. И именно государство должно стимулировать выдвижение общественных инициатив населением.

Проявилось, что главная проблема выдвижения и продвижения общественных инициатив заключается в том, что люди не знают своих прав, в связи с этим не выдвигают общественные инициативы по повышению своего уровня и качества жизни. Кроме того указывается, что государство не всегда оперативно реагирует на возникающие вызовы и запросы в обществе, муниципальных образованиях. Мы полагаем, что ответственность по выдвижению и продвижению общественных инициатив должна быть разделена в социальной среде между представителями власти, которая управляет данными процессами, и самим населением. Представители власти должны работать на опережение и просчитывать все риски, отраженные в общественных инициативах. Общественные инициативы – это те социальные индикаторы, на которых отражается время и процессы, происходящие в обществе, и им нужно уделять самое пристальное внимание, так как любая общественная инициатива может выступить тяжелым последствием для общества. Таким видится значение общественных инициатив в новой социальной реальности.

В заключение отметим, что любое историческое событие в жизни человечества (освоение огня, работа с металлом, передача опыта последующим поколениям, развитие письменности или цифровизация общества), всегда в начале пути проявлялось как «общественная инициатива» (вызов, проблема, общественный запрос). Не всегда мы знаем, кто и что выдвигал и продвигал, решал задачи по улучшению жизни в интересах общества, но мы – человечество пользуемся трудом и плодами этих инициатив. Поэтому видится важным процесс рождения новых общественных инициатив, их поддержки и реализации. В период цифровых трансформаций и информационных войн следует формировать и проявлять высокую культуру в части конституирования общественных инициатив в России. Данная работа является продолжением предыдущих публикаций автора по общественным инициативам в современном обществе [1–6].

Литература

1. Грабельных П. И. Общественные инициативы как ценность и их значение в обществе // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. / [науч. ред.: Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 259–261.
2. Грабельных П. И. Направленность активизма в полях общественных воздействий в условиях пандемии // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 342–343.
3. Грабельных П. И. Роль деятелей культуры в создании новых культурных кодов и сохранении традиционных духовных ценностей // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 490–491. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Загл. с этикетки диска.
4. Грабельных П. И. Основные функции и ресурсы современного экспертного сообщества // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 241–242. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Загл. с этикетки диска.
5. Грабельных П. И. О значении «ребрендинга территорий» в развитии России (на примере Байкальского региона) // Методология предотвращения угроз в XXI веке : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 572–574. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Загл. с этикетки диска.
6. Грабельных П. И. Индикаторы качества жизни и успешности жизненных траекторий населения в России // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 484–485. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Загл. с этикетки диска.

УДК 316.334.56(571.1/5)

П. С. Изатулина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И НКО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Рассматривается внедрение цифровых технологий в бизнесе и государственных структурах, анализируются определенные трудности с внедрением у некоммерческих организаций. Раскрывается, что адаптация к цифровой среде становится важной составляющей для обеспечения устойчивости и сохранения конкурентных позиций НКО. Предлагается проанализировать и оценить особенности и механизмов взаимодействия между государственными органами и некоммерческими организациями в условиях цифровизации на региональном уровне.

Ключевые слова: государство, НКО, цифровизация, взаимодействие.

P. S. Izatulina

Irkutsk State University, Irkutsk

THE SPECIFICS OF INTERACTION BETWEEN THE STATE AND NGOS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: A REGIONAL ASPECT

The introduction of digital technologies in business and government structures creates certain difficulties for non-profit organizations. In the future, adaptation to the digital environment will become an important component for ensuring the sustainability and maintaining the competitive position of NGOs. The author suggests using the research to analyze and evaluate the features and mechanisms of interaction between government agencies and non-profit organizations in the context of digitalization at the regional level.

Keywords: government, NGOs, digitalization, interaction.

В современный век всеобщей цифровой трансформации государство и его структуры вынуждены активно интегрироваться в данный процесс, так как он затрагивает практически все сферы жизнедеятельности социума и оказывает непосредственное влияние на формирование нового вида общества – цифрового [3]. В противном случае государство рискует утратить конкурентоспособность.

Организации, функционирующие на некоммерческой основе (НКО) играют ключевую роль в социально-экономической структуре. Деятельность некоммерческих структур важна для поддержания стабильности и учета интересов всех сторон в контексте цифровой трансформации и эволюции рыночной системы. Влияние цифровизации на управленческие процессы приводит к необходимости адаптации и переосмыслению традиционных подходов. Молодые НКО, стремящиеся к успеху, активно используют цифровые инструменты для оптимизации своей деятельности и повышения эффективности. Прозрачность и оцифрованность делают некоммерческий сектор более понятным и надёжным для государства и общества.

В России процесс цифровой трансформации некоммерческих организаций находится на начальной стадии изучения и постепенно становится предметом научных исследований. Наблюдаемая цифровизация охватывающая коммерческий и государственный секторы, требует от НКО идти в ногу со временем. Это обусловлено тем, что заинтересованные стороны, такие как спонсоры, получатели помощи, предъявляют определенные требования к цифровой зрелости некоммерческих организаций. В долгосрочной перспективе цифровизация некоммерческих организаций является необходимым условием выживания и конкурентоспособности [4].

Использование цифровых технологий позволяет оптимизировать работу НКО в таких направлениях как: структурирование и укрепление внутреннего организационного порядка, и упрощение взаимодействия с внешними партнёрами, в том числе с органами государственной власти. Но на сегодняшний момент имеется ряд проблем, которые замедляют внедрение цифровых технологий в сферу некоммерческого сектора. К ним относятся недостаточный уровень цифровой грамотности и необходимых навыков, недостаточная гибкость и открытость НКО для перевода рабочих процессов в цифровой формат и нехватка финансовых ресурсов. Данная проблематика присутствует повсеместно, в том числе и на территории Иркутской области.

Вторичный анализ исследований и литературы по заявленной теме позволил сделать выводы о выстраивании взаимодействия между государством некоммерческим сектором в условиях внедрения цифровизации в сфере НКО. Исследователи, акцентируют внимание на сложностях, возникающих при адаптации некоммерческих организаций к современным цифровым реалиям.

В первую очередь, стоит отметить сложность, обусловленную недостаточной оптимизацией систем электронного управления документами в государственных структурах. Внедрение электронного документооборота имеет первостепенное значение, поскольку является одним из ключевых элементов цифровой модернизации общества и преобразования системы государственного управления. В дополнение к этому, необходимо учитывать, что координация между различными ведомствами не всегда осуществляется безупречно. В самих государственных структурах, тоже наблюдаются сложности: многие госслужащие не обладают должным уровнем подготовки и компетенциями. Недостаток квалифицированных кадров, замедляет цифровизацию и развитие ведомств. В связи с этим исследователи подчеркивают, что для модернизации системы публичного управления необходимы механизмы мотивации кадрового состава [3].

Трудности, которые испытывают НКО при внедрении цифровизации, прежде всего, следует искоренять внутри самой организации. Важно учитывать несколько ключевых аспектов: цифровое образование, постоянная необходимость в дополнительном обучении всех работников; поощрение применения цифровых навыков работником, наглядный пример пока-

зывающий улучшение процесса работы; регистрация цифровых навыков кандидатов; разработка инструкций для сотрудников по обеспечению безопасности данных; разработка стратегий для цифровой трансформации и интеграции цифровых технологий в работу НКО, принимая во внимание текущие тенденции и доступные ресурсы. Важным шагом к успешной цифровой трансформации является осознание ее необходимости самим руководителем, который должен донести перспективы цифровизации до сотрудников организации. Ключевым моментом является объяснение выгод и возможностей, открывающихся с внедрением цифровых технологий. Чтобы успешно реализовать цифровые технологии в некоммерческом секторе, следует обращаться за помощью к различным источникам: правительственным структурам, добровольцам, ведущим НКО и фирмам работающим в социальной сфере. Поддержка органов власти заключается в разработке государственных программ развития и поддержке некоммерческого сектора, а также необходимости цифровых коммуникаций между органами региональной и муниципальной власти [1].

С учетом указанных проблем возникает необходимость проанализировать и оценить особенности и механизмов взаимодействия между государственными органами и некоммерческими организациями в условиях цифровизации на региональном уровне. Для разработки новых моделей взаимодействия. На основе полученных данных будут предложены новые модели и механизмы взаимодействия, учитывающие специфику цифровизации и потребности в регионе, что внесет весомый вклад в теорию и практику управления общественными и социальными процессами.

Исследование будет включать в себя систематизацию и аналитический подход к изучению успешных практик и инициатив, что может стать основой для рекомендаций по повышению эффективности взаимодействия между НКО и государством, а также позволит выявить факторы для успешного сотрудничества между участниками взаимодействия.

Реализация этих задач будет способствовать осознанию и устойчивому воспроизводству организациями негосударственного некоммерческого сектора присущей им миссии – решать в сотрудничестве с государством политически важные задачи удовлетворения материальных потребностей общества. Это сотрудничество может осуществляться в режиме диалога, может носить характер оппонирования и даже «рабочего» конфликта, что вполне соответствует практике правового демократического государства. Главное – конструктивный целевой ориентир такого взаимодействия, его принципиальная направленность на созидание и укрепление национальной государственности [2].

Изучение особенностей взаимодействия между государством и некоммерческими организациями в эпоху цифровых технологий, ориентировано на анализ механизмов укрепляющих связи между субъектами общественных отношений и позволяющих НКО более продуктивно и оперативно распространять сведения о своей деятельности и проектах.

Для достижения поставленной цели, необходимо решить исследовательские задачи:

1. Изучить влияние цифровых технологий на формы и методы взаимодействия государства и НКО.
2. Определить особенности и барьеры взаимодействия в различных регионах.
3. Выявить лучшие практики, примеры успешного сотрудничества в условиях цифровизации.
4. Оценить эффективность существующих государственных инициатив по поддержке НКО в цифровую эпоху.
5. Рекомендовать меры по улучшению взаимодействия между государством и НКО с учетом учета региональных особенностей.

Для решения задач, поставленных в данном исследовании, будут использованы общенаучный метод исследования теоретического уровня и социологические методы исследования. В работе будет применен теоретико-познавательный метод, который включает анализ и синтез знаний по изучаемой проблеме.

Для достижения поставленных целей планируется использование комплекса социологических методов. В частности, будут задействованы онлайн-опросы населения посредством

анкетирования и экспертное интервьюирование. Кроме того, предполагается применение статистического анализа данных и анализа документальных источников. Особое внимание будет уделено вторичному анализу ранее проведенных социологических исследований. В дополнение к вышеперечисленному, будет проведен анализ экспертных заключений, сайтов профильных организаций, а также использован метод экспертных оценок. Такой комплексный подход позволит обеспечить всестороннее и объективное изучение поставленных задач.

Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы в учебном процессе и при подготовке методических пособий по дисциплинам: государственное и муниципальное управление, социология НКО, социология государства, социология социальной структуры, социальных институтов и процессов. Достижение обоснованности и надежности итогов исследования гарантируется применением скоординированного набора теоретических и практических методик, соответствующих объекту, теме, намерениям и задачам исследования; неоднократной перепроверкой теоретической и практической информации.

Научно-практическое значение результатов исследования: представленные в работе концептуальные положения дополняют и будут способствовать развитию теоретико-методологической базы изучения технологий взаимодействия государства и НКО на современном этапе. Основные результаты поспособствуют расширению границ научного знания в области социологии взаимодействия. Уточнение значений целого ряда понятий по вопросам исследования помогут развитию категориального аппарата данной отрасли науки. Данные комплексного социологического исследования автора позволят дополнить теоретическую и эмпирическую базу социологии взаимодействия государства и НКО.

Основные результаты и выводы планируемого исследования могут быть использованы при разработке государственных социальных программ разных уровней по вопросам взаимодействия государства и НКО в условиях цифровизации. Также они могут представлять интерес для некоммерческих общественных организаций и реализации их актуальных направлений деятельности в современных условиях. Разработанный социологический инструментарий может быть применен при проведении фундаментальных и прикладных социологических исследований в процессе дальнейшего изучения взаимодействия государства и некоммерческого сектора, а также взаимовлияния участников на друг друга.

Литература

1. Афанасьева Ю. С. Деятельность некоммерческих организаций в условиях цифровой трансформации: проблемы и перспективы // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2022. Т. 13, № 1 (34). С. 42–46.
2. Баталова Ю. В. Взаимодействие власти и НКО в России: ценностное измерение // Управленческое консультирование. 2025. № 1. С. 14–22.
3. Торотова А. М. Цифровизация общества: проблемы реализации и новые возможности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11, Социология. 2021. № 1. С. 118–132.
4. Цифровизация некоммерческого сектора: готовность, барьеры и эффекты / Исследование выполнено Центром оценки общественных инициатив ИППИ НИУ ВШЭ при поддержке программы «Центр развития филантропии» Благотворительного фонда Владимира Потанина и в партнерстве с Благотворительным фондом поддержки и развития социальных программ «Социальный навигатор». URL: <https://digitalnonprofit.ru/> (дата обращения: 20.05.2025).

ОБЩЕСТВЕННАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ГОРОДЕ ИРКУТСКЕ

Рассматривается идея создания общественной экспертизы театральной сферы. Обоснована актуальность её внедрения в театральную сферу Иркутска. Раскрываются конкретные аспекты, которые должна включать в себя общественная театральная экспертиза. Также выявляются основные проблемы, с которыми есть опасность столкнуться при создании в театрах системы обратной связи с экспертами среди жителей Иркутска. Предложены конкретные пути решения выделенных проблем.

Ключевые слова: общественная экспертиза, театральная критика, зрители, обратная связь, театральная сфера г. Иркутска.

K. M. Razumova

Irkutsk State University, Irkutsk

PUBLIC THEATER EXAMINATION IN IRKUTSK

The article discusses the idea of creating a public examination of the theatrical sphere. The relevance of its implementation in the theatrical sphere of Irkutsk is proved. The specific aspects that public theatrical expertise should include are considered. The article also identifies the main problems that there is a danger of encountering when creating a feedback system with experts among Irkutsk residents in theaters. Specific solutions to the identified problems are proposed.

Keywords: public expertise, theater criticism, target audience, feedback, theater industry of Irkutsk.

В последнее время общественная театральная экспертиза становится важным инструментом, способствующим развитию культуры и искусства в регионах России. В статье «Влияние общественной экспертизы на культурные учреждения» анализируется такой социальный аспект как общественная экспертиза культуры; раскрывается информация о том, что она хоть и медленно, но зарождается; а также доказывается, что Иркутск, обладая богатой театральной традицией, требует создания эффективного механизма, который позволяет установить более тесные контакты между культурными учреждениями и посетителями [3]. Актуальность введения общественной экспертизы в театральную сферу обусловлена несколькими факторами. Во-первых, это стремление театров понять потребности и интересы аудитории, что в свою очередь позволяет создавать более актуальные и востребованные постановки. Во-вторых, вовлечение зрителей в процесс обсуждения театральных работ способствует формированию активного культурного сообщества, которое в состоянии влиять на репертуар и практику театров.

Основной целью создания общественной экспертизы в театральной сфере г. Иркутска является повышение уровня зрительского вовлечения. Работа в этом направлении сможет повлиять и на улучшение качества театральных постановок. Для достижения цели необходимо взять во внимание некоторые важные аспекты. Во-первых, механизм обратной связи, позволяющий зрителям делиться мнениями о спектаклях. Во-вторых, уровень театральной грамотности зрителей, для аргументированного выражения своих мыслей о постановках. В-третьих, партнерские отношения между театрами и общественностью. В статье «Влияние общественной экспертизы на культурные учреждения» было доказано, что эти аспекты в современных условиях г. Иркутска недостаточно развиты [3]. Поэтому, в рамках данной научной работы предлагается ввести понятие общественной театральной критики в культурную сферу г. Иркутска. Благодаря её созданию и внедрению зрительские предпочтения станут учитываться при создании репертуаров театров, раскроется потенциал зрителей в области театральной критики и создастся эффективный механизм обратной связи. В процесс реализации важно интегрировать и новые технологии. В своей научной работе исследователь Д. А. Коваленко доказывает, что только объединение современных технологий и традиционного театрального языка способствует понижению барьеров между сценой и зрительным залом [1]. Создание специальных сайтов или мобильных приложений, где зрители могли бы оценивать представ-

ления и оставлять свои комментарии, могло бы послужить основой для качественного диалога между театрами и аудиторией. В современных условиях онлайн-платформы являются отличным инструментом для обсуждения спектаклей, формирования отзывов и предложений. А в качестве традиционных методов предлагается организовывать публичные обсуждения и встречи с театроведами и театральными критиками, которые могут научить зрителей структурировать своё мнение и раскрыть потенциал более глубокого понимания театрального искусства. Учёная Д. В. Литвина в своей научной работе акцентирует, что эффективным средством, воспитывающим профессионального зрителя, является театральная критика, благодаря которой зритель становится духовно восприимчив к себе и постановке, а также начинает обращать внимание на художественную составляющую спектакля [2].

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение понятия «общественная театральная экспертиза» может столкнуться с рядом проблем. В г. Иркутске довольно сложно найти квалифицированных театральных критиков среди основной целевой аудитории театров. Отсутствие соответствующих знаний у потенциальных экспертов театральной сферы может привести к достаточно субъективным отзывам. Но наибольшей же проблемой является незаинтересованность самих театральных учреждений в создании общественной театральной экспертизы. Достаточно часто эти учреждения избегают возможности публичных обсуждений постановок из-за страха получить негативную оценку или отзыв, несоответствующий действительности. Именно эта проблема в первую очередь и может затруднить процесс обратной связи с общественными экспертами. Для преодоления указанных проблем необходимо принять ряд мер. Во-первых, стоит организовать образовательные лекции, семинары и мастер-классы. Например, в рамках лекции зрители могут знакомиться с основами театральной критики, а на семинарах будут пробовать писать рецензии в соответствии с полученными знаниями. Образовательные мероприятия необходимо организовывать в наиболее приемлемом для целевой аудитории формате. Каждый учебный материал должен находиться в свободном доступе для каждого зрителя и потенциального критика. Реализация такого подхода не только повысит уровень обученности аудитории, но и поможет сформировать более обоснованные мнения о театре. Во-вторых, театрам следует быть открытыми к критике и активно привлекать зрителей к обсуждению. Обратная связь может осуществляться через системы анкетирования, интервьюирования, открытого голосования или путём живого обсуждения спектаклей.

Примеры успешного внедрения общественной театральной экспертизы можно наблюдать в крупных городах, где активно функционируют театральные клубы, в которых зрители участвуют в обсуждениях и формируют свои рекомендации для театров. Учёная А. В. Юрева в своей научной работе доказывает, что глубокие социокультурные перемены в сознании больших масс людей смогли оказать большое влияние на содержание театральных ориентаций [4]. Автор утверждает, что в изменившихся социальных условиях создаётся атмосфера взаимопонимания и налаживается эффективное взаимодействие театра и публики. Яркой попыткой создания общественной театральной экспертизы в г. Иркутске является направление «Послевкусие», которое появилось в феврале 2025 г. в рамках группы «Театральный Иркутск» социальной сети «ВКонтакте» [5]. Выявленные выше проблемы наиболее остро раскрываются в данной инициативе. Но благодаря ей, теперь каждый зритель может предоставить в общий доступ свой отзыв на просмотренный спектакль. Таким образом, общественная театральная экспертиза имеет большой потенциал для успешной реализации в г. Иркутске. Однако необходимо учитывать следующие важные аспекты:

- Образовательная подготовка общественных экспертов: проведение мастер-классов, лекций и семинаров для активных зрителей.
- Использование эффективного инструментария обратной связи: проведение анкетирования, интервьюирования, открытого голосования или живое обсуждение спектаклей.
- Открытое сотрудничество театров с общественными театральными экспертами, чьё мнение должно непосредственно учитываться при создании репертура.

Учитывая примеры успешных и неудачных опытов в других городах, Иркутск должен целенаправленно двигаться к созданию открытого и конструктивного диалога в сфере театрального искусства.

Литература

1. Коваленко Д. А. Театр как современный социокультурный феномен: творческое выражение и социальная критика // Культура и цивилизация. 2024. Т. 14, № 8А. С. 80–85.
2. Литвина Д. В. Проблемы коммуникации «театр – критика – зритель» // Омские социально-гуманитарные чтения – 2014 : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 25–27 марта 2014 г. Омск : Омский гос. техн. ун-т. 2014. С. 96–100.
3. Разумова К. М. Влияние общественной экспертизы на культурные учреждения г. Иркутска // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 479–483.
4. Юрєва А. В. Взаимодействие театра и публики в малом городе (социологический анализ) : дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2012. 167 с.
5. Статьи сообщества Театральный Иркутск // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: https://vk.com/@teatr_irkutsk (дата обращения: 15.05.2025).

УДК 061.4

Е. В. Чернышева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ВЫСТАВОЧНО-ЯРМАРОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ КАК ПРИМЕР ЭКСПЕРТНОЙ ПЛАТФОРМЫ

Рассматривается выставочно-ярмарочная деятельность, основные направления, возможности и проблемы ее деятельности. Делается акцент на том, что данный вид продвижения на сегодняшний день очень актуален и востребован.

Ключевые слова: выставочно-ярмарочная деятельность, выставка, ярмарка, продвижение, маркетинг, экспертная платформа.

E. V. Chernysheva

Irkutsk State University, Irkutsk

EXHIBITION AND FAIR ACTIVITIES IN MODERN CONDITIONS AS AN EXAMPLE OF AN EXPERT PLATFORM

The article examines exhibition and fair activities, their main directions, opportunities and problems. It is emphasized that this type of promotion is very relevant and in demand today.

Keywords: exhibition and fair activities, exhibition, fair, promotion, marketing, expert platform.

В условиях цифровой трансформации экономики, усилении конкуренции на рынке традиционные формы продвижения, а именно формы продвижения культурных услуг претерпевают существенные изменения. По нашему мнению, выставочно-ярмарочная деятельность в современных условиях может выступать мощным инструментом маркетинговой стратегии организаций различного профиля и форм собственности, быть примером экспертной платформы. Как выставки, так и ярмарки – это тот важный и эффективный инструмент маркетинга, который сохраняют свою значимость, как эффективный способ прямого взаимодействия с целевой аудиторией.

Под выставкой мы понимаем кратковременное мероприятие, периодически проводимое обычно в одном и том же месте. На нём предприятия с помощью образцов демонстрируют новые товары одной или нескольких отраслей, чтобы проинформировать потенциальных потребителей о своей фирме и её продукции. Ярмарка – это кратковременное мероприятие, периодически проводимое обычно в одном и том же месте [1]. Цель – привлечь значи-

тельное число предприятий одной или нескольких отраслей, которые представляют образцы своих товаров для их демонстрации, ознакомления и заключения торговых сделок.

Безусловно, современное понимание выставочно-ярмочной деятельности базируется на многолетнем опыте организации подобных мероприятий, немаловажным показателем является научно-методологическое осмысление, понимание и признание роли в развитии общества. Современные выставки и ярмарки создают уникальную платформу для демонстрации продукции, установления деловых контактов, изучения рыночной конъюнктуры и конкурентной среды. Данный формат позволяет различным учреждениям не только презентовать свои товары и услуги, но и получать обратную связь, вплоть до мгновенной от потенциальных клиентов, сообществу экспертов определять, как векторы развития, так и регресс в различных вопросах и направлениях.

Выставочно-ярмочная деятельность представляет собой комплексный инструмент маркетинговых коммуникаций, объединяющий различные формы презентации товаров, услуг и достижений в социально-культурной сфере. В теоретическом поле выставочно-ярмочная деятельность рассматривается как особый социально-экономический феномен, сочетающий элементы торговли, маркетинга, культурного обмена и профессиональной коммуникации. Данное направление можно определить как многофункциональный инструмент развития социально-культурной сферы.

Нормативно-правовая база выставочно-ярмочной деятельности охватывает широкий спектр документов, регламентирующих организацию и проведение мероприятий различного масштаба. Многоаспектность выставочно-ярмочной деятельности раскрывается через её основные функции: коммуникативную, информационную, презентационную и коммерческую. Данный вид деятельности создает уникальную платформу для взаимодействия производителей, потребителей и профессионалов отрасли.

Классификация выставочных мероприятий осуществляется по различным критериям, включая географический охват, тематическую направленность и целевую аудиторию. Особое внимание уделяется специализированным выставкам, ориентированным на конкретные сегменты рынка.

Методологический аппарат выставочно-ярмочной деятельности включает систему показателей эффективности, методы оценки результативности и инструменты планирования. Современные подходы к организации выставок предполагают использование цифровых технологий и инновационных форматов взаимодействия [2].

Специфика выставочно-ярмочных мероприятий определяется через призму их масштаба и территориального охвата. Социально-культурный аспект выставочно-ярмочной деятельности раскрывается через формирование особой коммуникативной среды, способствующей культурному обмену и профессиональному развитию участников. Данный формат взаимодействия создает условия для распространения инновационных практик и обмена опытом между специалистами различных сфер.

Современный этап развития выставочно-ярмочной деятельности характеризуется активным внедрением цифровых технологий и гибридных форматов проведения мероприятий. Интеграция онлайн-платформ расширяет возможности участия и увеличивает охват целевой аудитории. Организационно-технические аспекты выставочной деятельности предполагают комплексный подход к планированию, включающий логистическое обеспечение, техническое оснащение и информационную поддержку мероприятий.

Процесс развития выставочно-ярмочной деятельности сопровождается формированием специализированной инфраструктуры, включающей выставочные комплексы, конгресс-центры и сопутствующие сервисные организации. Данная инфраструктура обеспечивает необходимые условия для проведения мероприятий различного масштаба. Маркетинговый потенциал выставочно-ярмочной деятельности реализуется через создание эффективных каналов коммуникации между участниками рынка. Выставки и ярмарки выступают платформой для презентации новых продуктов, установления деловых контактов и изучения рыночных тенденций.

Динамика развития выставочно-ярмарочной деятельности демонстрирует трансформацию традиционных форматов под влиянием цифровизации и глобализации. Внедрение инновационных технологий презентации экспонатов и организации пространства расширяет возможности взаимодействия участников. Социокультурный эффект выставочных мероприятий проявляется через формирование профессиональных сообществ, обмен опытом и культурными ценностями. Выставки и ярмарки создают уникальную среду для межкультурной коммуникации и развития творческого потенциала участников.

Профессиональные стандарты организации выставочно-ярмарочной деятельности предусматривают комплексный подход к обеспечению безопасности, технической оснащенности и информационной поддержки мероприятий. Современные требования включают:

- систему управления рисками;
- экологические стандарты;
- доступность для маломобильных групп населения;
- цифровую инфраструктуру [3].

Ограниченный на сегодняшний день международный опыт организации выставочно-ярмарочной деятельности демонстрирует тенденцию к унификации стандартов проведения мероприятий при сохранении национальной специфики. Глобальные выставочные площадки могут стать центрами притяжения профессионалов и инноваций.

Экономический потенциал выставочно-ярмарочной деятельности реализуется через стимулирование деловой активности, развитие торговых связей и привлечение инвестиций. Мультипликативный эффект проявляется в развитии сопутствующих сервисов и инфраструктуры.

Динамичное развитие выставочно-ярмарочной деятельности требует постоянного совершенствования методов организации и оценки эффективности мероприятий. Комплексный подход к планированию и реализации различных проектов обеспечивает достижение поставленных целей и удовлетворение интересов всех участников процесса.

Подчеркнем системообразующий характер выставочно-ярмарочной деятельности в современной социально-экономической среде. Синтез коммерческих, культурных и коммуникативных функций формирует уникальную платформу для развития различных сфер общественной жизни. Профессионализация данного направления, совершенствование нормативной базы и внедрение инновационных технологий способствуют повышению эффективности выставочных мероприятий и расширению их влияния на социально-культурное развитие общества.

Литература

1. О Концепции развития выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности в Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 10.07.2014 № 1273-р // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165612/ (дата обращения: 30.04.2025).
2. Российский союз выставок и ярмарок. URL: <https://www.uefexpo.ru/> (дата обращения: 01.05.2025).
3. Единый федеральный реестр выставочно-ярмарочной деятельности. URL: <https://russianfairs.ru/> (дата обращения: 01.05.2025).

**РЕЛИГИОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА:
ОСКОРБЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ЧУВСТВ ВЕРУЮЩИХ**

Рассматривается российское законодательство, регулирующее свободу совести и вероисповедания, в частности статья об оскорблении религиозных чувств верующих. Выявлены сложности, с которыми сталкиваются эксперты в области проведения религиоведческих экспертиз.

Ключевые слова: религиоведческая экспертиза; религиозные чувства религия; верующих; оскорбление; свобода совести.

Z. E. Chernyshkova, O. V. Kuznetsova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg

RELIGIOUS EXPERTISE: INSULTING THE RELIGIOUS FEELINGS OF BELIEVERS

This article examines Russian legislation regulating freedom of conscience and religion, as well as the difficulties faced by religious experts when conducting religious studies examinations.

Keywords: religious studies examination; religious feelings of believers; religion; freedom of conscience.

Российское законодательство о свободе совести основано на Конституции РФ. Статья 28 Конституции РФ гарантирует каждому россиянину право на свободу совести и вероисповедания. Следующим после конституции документом в области религиозных прав, является Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. (с изменениями и дополнениями). Более десяти лет назад (2012) в законе появился термин «чувства верующих», так он впервые возник в ст. 148 УК РФ. Появление этого термина (и феномена) стало реакцией государства на панк-молебен, проведенный в 2012 г. в храме Христа Спасителя в Москве группой Pussy Riot. Принятие законопроекта вызвало не меньший общественный резонанс, чем сам процесс над Pussy Riot, и сопровождалось многочисленными дискуссиями как в СМИ, так и в академической среде.

Статья 148 УК РФ не является чем-то необычным. Так, в различных странах существуют законодательные нормы, защищающие религиозные чувства, однако модели их защиты варьируются. В отечественной науке о религии выделяют две основные модели: традиционную и современную [4]. Современная модель, сформировавшаяся в результате секуляризации модернизирующихся обществ. Традиционная модель (более архаическая) основывается на признании существования сакрального и требует его защиты от посягательств. Для этой модели характерен следующий дискурс: богохульство, кощунство, осквернение. Российская модель защиты религии соединяет в себе элементы современной и традиционной моделей.

Для работы со столь тонкой и неоднозначной категорией как «чувства верующих» необходима помощь специалистов, в частности, религиоведов, для проведения религиоведческой экспертизы [3]. Получение судом своевременного и квалифицированного экспертного заключения об оскорблении религиозных чувств верующих представляют собой сложную задачу. Во-первых, в нашей стране наблюдается нехватка квалифицированных экспертов вообще в области религиоведения и в частности в сфере религиоведческой экспертизы, требующей специальных знаний. Другая проблема – статус эксперта-религиоведа размыт. Так есть кейсы, когда для проведения религиоведческой экспертизы приглашаются непрофильные специалисты (например, теологи, историки, математики и т. п.) или представители конфессий. Конечно же, эксперт-религиовед должен иметь образование по направлению «Религиоведение», при проведении экспертизы он должен руководствоваться принципами научности, объективности, аксиологической нейтральности, верифицируемости [2]. Во-вторых, ещё одна значительная трудность связана с работой эксперта над экспертным заключением (вне зависимости от типа заключения и организации его заказывающего). В основном эта трудность

обусловлена отсутствием в текущем российском законодательстве содержательного определения явления «оскорбление религиозных чувств верующих». В-третьих, сами религиозные чувства верующих имеют диаметрально противоположные трактовки в религиоведении: от их признания до их отсутствия.

Если обратиться к философскому словарю за определением чувств, то мы обнаружим следующее: чувства – это «переживание человеком своего отношения к окружающей действительности (к людям, их поступкам, к к.-л. явлениям) и к самому себе. Кратковременные переживания (радость, печаль и т. п.) иногда называют эмоциями в узком смысле слова в отличие от чувств как устойчивых, длительных переживаний (любовь, ненависть и т. п.)» [8]. Именно эту дефиницию мы будем подразумевать под чувствами в данной работе, однако условимся, что чувства могут порождаться не только реальными, но и абстрактными объектами.

В российском религиоведении религиозные чувства рассматриваются в качестве компонента религиозного сознания, который в свою очередь входит в религиозный комплекс. Подобные чувства обычно выражаются в эмоциональном отношении верующих к сакральным объектам (материальным объектам, религиозным идеям). Исследования существования чувств верующих или, наоборот, их отсутствия, специфики данных чувств велись как в России, так и за рубежом. Философ Ф. Шлейермахер определял специфическое религиозное чувство как чувство зависимости, а феноменолог религии Р. Отто – как священный ужас и восхищение [5]. И. Ильин выделял «чувство веры» как особую способность восприятия человеком священного. Однако некоторые исследователи выражали сомнение по поводу «особой» природы религиозных чувств верующих. Так Джеймс, выражал скептицизм в отношении специфики религиозных чувств, рассматривая их как собирательное понятие для различных эмоций, возникающих в контексте религии. По логике Джеймса каждое душевное состояние состоит из особого объекта и ощущения им вызванного. Таким образом, религиозное чувство может быть обособлено из конгломерата других чувств. При этом нет иных оснований для утверждения, существования религиозного чувства как специфической эмоции [1]. Сходную точку зрения разделял советский психолог Д. Угринович, который считал, что специфику религиозных чувств следует искать не в них самих, а в их особом векторе – направленности на религиозные объекты [7].

Итак, если допустить тезис о существовании религиозных чувств, то они будут связаны в первую очередь с практикой религиозной жизни верующего человека. Религиозный опыт (в первую очередь внутренний) включает в себя субъективное ощущение «священного», переживания единения с богом(ми), а это является важнейшими ценностями верующих различных конфессий. Религиозный опыт имеет свое «чувственное» «измерение», при этом степень интенсивности этих чувств варьируется у разных категорий верующих: более глубокое эмоциональное вовлечение наблюдается у убежденных верующих, тогда как менее уверовавшие испытывают меньшую привязанность к сакральным объектам.

Рассмотрим конкретные проблемы, которые встают в практической деятельности религиоведа-эксперта, работающего с кейсами об оскорблении религиозных чувств верующих.

1. Проблема перечня элементов оскорбления религиозных чувств. Такой перечень разработал И. Понкин, приведем его: «1) оскорбление вероисповедания (предмета веры), религиозных убеждений верующих, которое может повлечь за собой обоснованное общественное возмущение; 2) публичное оскорбление, уничижительно издевательское отношение к религиозным обрядам, традициям и церемониям того или иного религиозного объединения; 3) осквернение, порча религиозно почитаемых предметов, а также выражение презрения, издевательского отношения к таким предметам; 4) выражение оскорбительного отношения к священнослужителю во время совершения богослужения, религиозного обряда или церемонии, а также к религиозно почитаемой личности; 5) воспрепятствование проведению или срыв проведения богослужения или религиозного обряда посредством хулиганских действий, насилия или угроз насилия и иных противоправных действий; 6) совершение оскорбительных, оскверняющих действий в культовом помещении или в отношении такого места» [6, с. 139–145].

Схема, предложенная И. Понкиным, с одной стороны, дает определенные ориентиры эксперту-религиоведу. С другой стороны, ее нельзя рассматривать как универсальный инструмент для создания экспертного заключения по делам, затрагивающим оскорбление религиозных чувств верующих. Во-первых, она продолжает оставаться во многом абстрактной, слишком «широкой» для применения (например, атеистическая критика религии вполне может быть воспринята определенными людьми как оскорбление религиозных чувств верующих и т. п.), не учитывает различие культурных норм регионов, светские традиции и другие права человека (например, свободу слова). Во-вторых, как уже отмечалось в данной работе, различные религиоведческие школы не просто не имеют единого или сходного понимания феномена «религиозные чувства верующих», но и дискутируют по поводу существования самого феномена. Ситуация осложняется характером религиоведения как синтетической научной дисциплины, состоящей из методологически самостоятельных разделов. Традиционно таких разделов называют шесть: антропология религии, история религии, социология религии, психология религии, феноменология религии, философия религии. В зависимости от того к какой школе принадлежит религиовед будет меняться и перечень элементов оскорбления религиозных чувств верующих / либо его (перечня) вообще не может быть в принципе. Всё это порождает методологическую и теоретическую мозаику, а подчас и хаос в проблеме существования / не существования религиозных чувств верующих, их характеристик, перечня элементов, а значит оказывает влияние на то, какое решение примет эксперт-религиовед.

2. Отсутствие четких дефиниций в законодательстве РФ. В российском законодательстве до сих пор не поясняется, что представляют собой религиозные чувства верующих (как правовая категория). Эксперты при подготовке судебной религиоведческой экспертизы вынуждены каждый раз конструировать наполнение данного феномена. Ситуация осложняется тем, что участники расследования и судебного процесса (прокуроры, следователи, адвокаты) выносящие «религиозные» вопросы на экспертизу, так и эксперты (время от времени) совершают подмену понятий, используя вместо юридической формулировки «религиозные чувства верующих» просто «чувства верующих». Такое специальное или осознанное упрощение приводит к тому, что на практике объектом уголовно-правовой охраны становятся все чувства верующих.

Ещё одна проблема состоит в том, что оскорбление религиозных чувств верующих фактически приравнивается к богохульству, святотатству, кощунству, осквернению, провокациям. Ввиду отсутствия в уголовной норме определения «оскорбления», данные термины, определенно обладающие существенными различиями в содержании, употреблялись экспертами в качестве синонимов преступного деяния. На основании чего в отрицании или осмеянии предметов религиозных чувств, противоречии религиозным догмам экспертами были выявлены признаки оскорбления религиозных чувств.

3. Использование религиозной литературы в качестве нормативно-правовой. Для квалификации деяния оскорбляющего религиозные чувства верующих эксперты, а следом за ними и суды, ссылались на религиозную литературу, религиозные догматы и постановления церкви как на правовые документы. Таким образом, возникает парадоксальная ситуация, когда светскому суду приходится оперировать нормами канонического права, положениями теологии, мировоззренческих высказываний религиозных деятелей, для того, чтобы установить наличие либо отсутствие состава преступления.

Итак, применение статьи 148 УК РФ сопровождается определенными трудностями для эксперта. В частности, это касается процедуры проведения судебных религиоведческих экспертиз, часто назначаемых при рассмотрении дел в суде. Отсутствие общепризнанной методики вкупе с полной правовой неопределенностью самой статьи приводит к ситуации, когда эксперт должен самостоятельно определять границы понятий, а также судить о наличии либо отсутствии признаков оскорбления религиозных чувств верующих.

Литература

1. Джеймс В. Многообразие религиозного опыта. М. : Наука, 1993. 432 с.

2. Религиоведческая экспертиза : учеб. пособие / Е. В. Иванова, Е. В. Лейканд, Д. В. Павин, О. В. Кузнецова, О. М. Фархитдинова, З. Е. Чернышкова. Екатеринбург : Изд-во Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2024. 168 с.

3. Иванова Е. В., Мельникова Е. В. Религиоведческая экспертиза как вид правовой защиты религиозных чувств верующих // Машины. Люди. Ценности: когнитивные и социокультурные системы в потоке времени : материалы II Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения д-ра филос. наук, проф. С. М. Шалютина. Курган : Курган. гос. ун-т, 2021. С. 132–134.

4. Матецкая А. В. Оскорбление религиозных чувств верующих: российский контекст // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 36–45.

5. Отто Р. Священное: об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 272 с.

6. Понкин И. В. Человеческое достоинство верующих // Журнал Московской патриархии. 2013. № 9. С. 139–145.

7. Угринович Д. М. Психология религии. М. : Политиздат, 1986. 352 с.

8. Чувства // Философский энциклопедический словарь. URL: <http://terme.ru/termin/chuvstva.html> (дата обращения: 12.12.2024).

УДК 297.21

П. А. Баев

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

ПРИТЯГАТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Рассматриваются особенности посещения религиозных учреждений. Выделяются три мотива: важность участия в обрядах в значимые моменты жизни, согласие с религиозными догмами, отвечающими за мировоззрение, социальная деятельность религиозных учреждений. Также выявляются шесть факторов, способствующих посещению религиозных учреждений: социальное служение, интеллектуально-мировоззренческий, эмоциональный, социальные связи, следование традиции, общая религиозность. На основе этого характеризуются современные потребности людей в посещении религиозных учреждений разных конфессий.

Ключевые слова: религиозные учреждения, мотивы посещения, притяжение, факторы посещения, религиозные конфессии.

Р. А. Baev

Baikal State University, Irkutsk

ATTRACTIVENESS OF RELIGIOUS INSTITUTIONS

The article examines the features of visiting religious institutions. Three motives are highlighted: the importance of participating in rituals at significant moments in life, agreement with religious dogmas responsible for the worldview, and the social activities of religious institutions. Six factors that contribute to visiting religious institutions are also identified: social service, intellectual and ideological, emotional, social connections, following tradition, and general religiosity. Based on this, modern people's needs for visiting religious institutions of different faiths are identified.

Keywords: religious institutions, motives for visiting, attraction, factors of visiting, religious confessions.

Проводя анализ связи ценностей и религиозности, в большинстве социологических исследований одним из ключевых показателей является частота посещения религиозных учреждений. Чем руководствуются прихожане – определяет то, что хотят получить в религиозном учреждении и то, что не могут получить, находясь в светском обществе.

Мотивация посещения религиозных учреждений не является новой темой для нашего общества. Да, прошли те времена, когда посещение церкви было обязательным, как впрочем и мечети и дацана в соответствующих пространствах. Сегодня – это выбор каждого, но этот выбор чем-то обусловлен. Выявлением этих мотивов и факторов, способствующих посещению религиозных учреждений, посвящена данная работа.

Если говорить о существующих стратегиях описания религиозного поведения и в частности мотивов посещения религиозных учреждений, то можно говорить о типах религиозной ориентации, предложенной Г. Олпортом и Дж. Россом. *Внутренне ориентированный* человек живет религией, поэтому посещение религиозного учреждения – акт повседневного

опыта, который соответствует его ценностям и ориентирам. *Внешне ориентированный* человек опирается на религию как на инструмент реализации собственных нерелигиозных целей. Получение более высокого статуса или престижа, получение поддержки или знакомства с «нужными» людьми. Посещение религиозного учреждения выступает инструментом установления нужных связей и подкрепления своего статуса. Также внешнеориентированная мотивация может, проявляется в потребности получения внимания со стороны – чтобы получить поддержку в скорби, страдании и беде. Присутствует и *неизбирательно про-религиозная* ориентация, как какие-то элементы первого и второго типа присутствуют избирательно и одновременно или быть слабо выраженными.

Сегодня новые смыслы религиозности формируются под влиянием виртуальности (Р. Г. Ардашев [1–3], О. А. Полюшкевич [5]), новых смыслов религиозной идентичности (Р. В. Иванов [4]), но в любом случае – это определяет контекст, мотивы и условия посещения религиозных учреждений прихожанами.

Религиозное учреждение становится местом, где устанавливаются социальные отношения. Религия становится инструментом утешения, когда вокруг происходят сложности, потому что помимо самого учения, формирующего отношение к жизни, испытаниям и жизненному пути, присутствуют и другие люди, которые своим личным жизненным примером и опытом могут помочь выстоять в трудные времена.

Иными словами, со временем, религиозные учреждения все меньше включены в пространства веры и все более в пространство социальных связей и отношений. Это отражается на позиционировании религиозного учреждения в социуме и виртуальном пространстве, восприятии верующими в целом института религии, оценке конкретного религиозного учреждения и возможности находиться в нем, решая свои личные задачи.

Для того чтобы понимать особенности посещения религиозных учреждений, мы провели опрос среди жителей Иркутска и Улан-Уде ($n = 700$), из которых 200 – прихожане христианских Храмов и Церквей, 200 – дацанов, 200 – мечетей, 100 – других религиозных учреждений. Из опрошенных: 55 % женщины и 45 % мужчины в возрасте от 18 до 75 лет, имеющие разный образовательный и социально-экономический статус. Выборка квотная: город проживания, пол, возраст, посещение религиозных учреждений (те, кто их не посещает не опрашивались). Анкетирование производилось через онлайн-опрос.ру. Погрешность выборки составила 2,3 %.

В результате анализа ответов о мотивах посещения религиозных учреждений, мы смогли выделить три ключевые мотива (табл. 1).

Таблица 1

Мотивы посещения религиозных учреждений

Мотивы	Примеры высказываний
Важность участия в обрядах в значимые моменты жизни	<i>Я хочу венчаться, потому что считаю, что это благословит наш брак высшими силами, поэтому, я хожу в церковь.</i> (Т.Т., 35 лет). <i>Я крестила всех троих своих детей и считаю это правильным, чтобы им помогали их ангелы хранители, а церковь посещаю, по великим праздникам, – Рождество, Пасха, чтобы молиться за всех.</i> (Г.Д., 53 года). <i>Участие в хуралах на здоровье, удачу, богатство, семейное счастье помогает по жизни – поэтому, всегда приезжаю.</i> (Т.О., 44 года)
Согласие с религиозными догмами, отвечающими за мировоззрение	<i>В религии я нахожу ответы на свои вопросы о смысле жизни.</i> (Л.Б., 59 лет). <i>Изучая философию буддизма – Я понимаю, как устроен мир.</i> (О.О., 67 лет). <i>Я верю в пророка Мухаммеда и исламское учение.</i> (И.М., 60 лет)
Социальная деятельность религиозных учреждений	<i>Служители церкви помогают не только в приобретении веры, но и в устройстве социальной жизни тем, кто нуждается в помощи и поддержке</i> (Р.Н., 37 лет). <i>При дацане принимают ламы, которые поддерживают тех, кто находится на перепутье, в трудной жизненной ситуации, помогая и словом и делом – перейти очередной рубеж.</i> (Н.Н., 36 лет). <i>Они помогают и бедным и богатым, и здоровым и больным – в этом удел реализации духовного потенциала в социальной жизни, это возможность служения не только Богу, но и людям.</i> (З.А., 40 лет)

Первый мотив – возможность участия в религиозных обрядах в два раза более важен для женщин (67 %), чем для мужчин (33 %). Так же как и мотив социальной деятельности организаций: для женщин 69 %, для мужчин – 31 %. Мотив согласия с религиозными догмами для мужчин более значим, чем для женщин, но не столь кардинально: для женщин – 46 %, для мужчин – 54 %.

Также мотив социальной деятельности религиозных организаций более актуален для людей старшего возраста (от 55 лет и старше) – 57 %, для молодежи (18–35 лет) – 13 %, для людей среднего возраста (36–55 лет) – 30 %. Важность участия в обрядах в значимые моменты жизни приоритетна для молодых людей, хотя и представители среднего возраста также составляют значимую группу: 18–35 лет – 44 %, 36–55 лет – 36 %, 56 лет и старше – 20 %. Социальная деятельность религиозных учреждений приоритетна для людей среднего и старшего возраста: 18–35 лет – 15 %, 36–55 лет – 45 %, 56 лет и старше – 40 %.

Используя факторный анализ (метод главных компонент), мы смогли выявить несколько типов посещения религиозных учреждений: социальное служение, интеллектуально-мировоззренческий, эмоциональный, социальные связи, следование традиции, общая религиозность. Общий процент объяснительной дисперсии составил 71 %. Исходные переменные входят в объяснительную модель факторного анализа (табл. 2).

Таблица 2

Факторы посещения религиозных учреждений

Факторы	Пример	Показатель
Социальное служение (благотворительная деятельность, социальная работа). Процент объяснительной дисперсии – 17 %	<i>Церковь делает много для стариков.</i> (Т.Ю., 35 лет). <i>Церковь делает добрые дела и этим славится.</i> (А.Е., 42 года). <i>В мечети много тех, кому помогают, потому что некому большие помочь.</i> (Г.Ю., 44 года)	0,87
Интеллектуально – мировоззренческий. Процент объяснительной дисперсии – 15 %	<i>В церкви дается понимание о том, что будет после смерти, кто и почему попадет в рай, а кто в ад.</i> (Т.Т., 50 лет). <i>Учение пророка в мечети рассматривают подробно, и это вселяет веру в то, что мы не зря живем.</i> (Г.Ш., 57 лет). <i>Сансара вечна. Понимая свой путь принимаешь испытания. Понять это наедине с собой труднее, нежели в кругу единомышленников, а под руководством Учителя – более эффективно.</i> (С.А., 59 лет)	0,76
Эмоциональный. Процент объяснительной дисперсии – 14 %	<i>В церкви я чувствую благодать.</i> (Л.О., 33 года). <i>В даные я чувствую силу и чистоту пространства, я заряжаюсь позитивом.</i> (Г.Р., 41 год). <i>В синагоге я получаю внутреннюю опору, веру в себя.</i> (Т.А., 46 лет).	0,73
Социальные связи. Процент объяснительной дисперсии – 12 %	<i>Моя мама все время ходила в церковь, и я хожу.</i> (Р.О., 40 лет). <i>Мои друзья посещают мечеть и я вместе с ними.</i> (П.П., 27 лет). <i>В нашем роду заведено – посещать даган по праздникам – я со своей семьей это также делаю.</i> (И.А., 54 года).	0,68
Следование традиционности. Процент объяснительной дисперсии – 10 %	<i>Так положено, поэтому, надо ходить в церковь.</i> (О.П. 40 лет). <i>Мы живем в России, поэтому надо ходить в церковь.</i> (Н.Г., 49 лет)	0,66
Общая религиозность. Процент объяснительной дисперсии – 8 %	<i>Я христианин.</i> (М.М., 50 лет) <i>Я буддист.</i> (Ш.Ш., 47 лет). <i>Я религиозна.</i> (О.В., 32 года)	0,62

Выделенные факторы являются достаточно широко распространёнными «объяснительными» моделями, которые раскрывают выделенные ранее мотивы посещения религиозных учреждений. Зачастую эта мотивация носит нерелигиозный характер. Но это не значит, что духовные ценности и мотивы не управляют прихожанами. Религиозные учреждения порой выступают опорами духовного единства и веры в свое будущее для многих верующих и тех, кто потерял ориентиры по жизни и пытается их найти через религиозные учреждения.

Таким образом, рассмотренные в данной работе мотивы и факторы посещения религиозных учреждений позволяют говорить о трансформации смыслов религиозности. Сегодня это социальный конструкт, который меняет повседневную реальность и заставляет людей находить внутренние опоры не всегда пересекающиеся с истинными религиозными догмами, но всегда имеющими ориентиры на религию (в данном аспекте как социальный институт). Необходимо и дальше проводить анализ мотивации посещения религиозных учреждений и, возможно, выделить различные мотивы у представителей разных конфессий. Но этот вопрос является темой будущих исследований.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Религиозность виртуального пространства в пандемическом обществе: особенности сознания // Социология. 2021. № 4. С. 20–26.
2. Ардашев Р. Г. Институционально-правовые формы религиозности: от объективных реалий к субъективным оценкам // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2021. С. 160–174.
3. Ардашев Р. Г. Иррациональность современных условий религиозной идентичности // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации : материалы Всерос. науч. семинара / под общ. ред. А. П. Романовой, Д. А. Чернилкина. Астрахань, 2020. С. 121–126.
4. Иванов Р. В. Новая религиозность и религиозная идентичность среди молодежи // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации : материалы Всерос. науч. семинара / под общ. ред. А. П. Романовой, Д. А. Чернилкина. Астрахань, 2020. С. 137–143.
5. Полюшкевич О. А. Идентичность и солидарность: религиозность виртуального пространства // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации : материалы Всерос. науч. семинара / под общ. ред. А. П. Романовой, Д. А. Чернилкина. Астрахань, 2020. С. 165–171.

РАЗДЕЛ 5

ГЛОБАЛЬНО ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЕСЯ СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: ФОРМИРОВАНИЕ ЭКСПЕРТНОГО ВИДЕНИЯ БЕЗОПАСНОГО МИРА СРЕДИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ЭМОЦИИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ МОЛОДЕЖИ: ВЗГЛЯД ЭКСПЕРТОВ¹⁷

Рассматривается роль эмоций в формировании потребительских предпочтений современной молодежи. В свете актуальных проблем проанализированы высказывания таких экспертов как В. В. Радаев, Дарья Мигель и Светлана Шульман, которые подчеркивают возрастающую актуальность эмоционального потребления, его последствия и специфику маркетинговых стратегий, направленных на молодежь. Сделан вывод о необходимости регулирования данного явления и разработки мер для минимизации его негативных последствий.

Ключевые слова: эмоции, потребительские предпочтения, молодежь, маркетинговые стратегии, импульсивные покупки.

К. А. Anosova

Irkutsk State University, Irkutsk

EMOTIONS AS A KEY FACTOR IN THE FORMATION OF CONSUMER PREFERENCES OF YOUNG PEOPLE: EXPERTS' PERSPECTIVE

The article considers the role of emotions in the formation of consumer preferences of modern youth. The author also analysed the statements of such experts as V. V. Radaev, Daria Miguel and Svetlana Shulman, who emphasise the increasing relevance of emotional consumption, its consequences and the specificity of marketing strategies aimed at young people. The article concludes that it is necessary to regulate this phenomenon and develop measures to minimise its negative consequences.

Keywords: emotions, consumer preferences, young people, marketing strategies, impulse purchases.

Современный рынок, несмотря на свою специфику, демонстрирует глобальную тенденцию: молодежь все чаще делает выбор в пользу брендов, которые вызывают сильные эмоциональные отклики. Однако в последние годы среди молодого поколения стала наблюдаться тенденция к совершению покупок с целью улучшения психо-эмоционального состояния и также возросло количество импульсивных покупок, спровоцированных эмоциональными стимулами. Одним из крупнейших частных исследовательских холдингов «Ромир» в 2022 г. было проведено исследование, посвященное анализу потребительского поведения россиян. Из данного исследования были сделаны следующие выводы: «...при этом есть большое количество антистрессовых практик, которые связаны с расходами. В основном это покупка товаров и услуг, которые направлены на отдых и заботу о себе: вкусная еда, витамины, спорт, шопинг, услуги психолога...» [3]. Можно сделать вывод, что данная тема в условиях развития тревожности в обществе приобретает особую актуальность и является темой для рассмотрения многих современных исследований. Социальный дискурс активно используется в маркетинге для манипуляций в рекламе для продвижения товаров и услуг. Важно отметить, что в данное время даже появилось такое направление как нейромаркетинг, понимаемый как дисциплина, объединившая в себе методы нейронаук и маркетинга с целью исследования реакции мозга на маркетинговые стимулы у потребителей. Данная наука помогает понять, что именно оказывает большее влияние на решение человека совершить покупку. Нейромаркетинг способствует более глубокому пониманию механизмов потребительского поведения, что позволяет определить наиболее эффективные стратегии продвижения продукции. В частности, такие исследования помогают выявить, какие рекламные видеоролики оказывают наибольшее воздействие на целевую аудиторию, а также оптимизировать размещение товаров на полках в торговых точках для повышения их видимости и привлекательности для покупателей.

¹⁷ Научный руководитель — кандидат социологических наук Е. И. Багрий.

В данной работе рассмотрены мнения экспертов относительно влияния эмоций на потребительские привычки молодого поколения. Вадим Валерьевич Радаев, руководитель Лаборатории экономико-социологических исследований, первый проректор НИУ ВШЭ о данной теме говорит, что это явление было во все времена и так или иначе каждый из нас мог с таким сталкиваться. В настоящее время актуальность возросла, так как в периоды внешних потрясений, когда накапливаются напряжение и разочарование, начинают проявляться многие скрытые механизмы. Потрясения со стороны усилили скрытые психические склонности, в том числе в области потребления. Можно предположить, что такое поведение в сфере потребления будет становиться всё более распространённым. Он также подчеркнул, что потребление, спровоцированное эмоциональными импульсами, нельзя считать безобидным, так как оно приносит не только временное моральное удовлетворение, но и приводит к финансовым трудностям и может вызвать депрессию. Также он отметил, что механизмы, лежащие в основе данного феномена, требуют дальнейшего изучения, что обуславливает необходимость разработки и внедрения комплексных мер по их регулированию на индивидуальном и коллективном уровнях [2]. Можно сделать вывод, что это существующее явление в виде эмоционального потребления набирает актуальность и, в связи с этим, необходима разработка мер регулирования.

Следующим мнением эксперта будет рассмотрена позиция Дарьи Мигель, креативно-го директора и сооснователя коммуникационного агентства MIGEL AGENCY. Охарактеризовавшая молодое поколение как группу, Д. Мигель отмечает, что они активно пользуются социальными сетями, проявляют интерес к инновационным технологиям и следят за актуальными тенденциями. Они ценят уникальность и разнообразие, поэтому предпочитают получать персональный контент. Необходимо отметить, что молодёжь быстро усваивает и распространяет информацию. Это особенно заметно в социальных сетях. При этом одной из специфик данной целевой аудитории является тот факт, что большое значение для них имеет репутация и имидж бренда. Также одной трендовой особенностью является внушаемость, в этом плане большое влияние оказывают инфлюенсеры [1]. Можно отметить, что именно эти отличительные особенности и используются при составлении маркетинговых стратегий, нацеленных на молодёжь, как целевую аудиторию.

Также из мнений ведущих экспертов по данной теме хотелось бы выделить позицию Светланы Шульман, маркетолога TechTerra. С. Шульман отмечает, что современные подростки живут в условиях избыточного потребления. Поколение Y ранее стремилось к приобретению престижных и дорогостоящих товаров, однако поколение Z ориентируется на актуальные тренды, формирующиеся стихийно. Популярность товара часто быть обусловлена с его ассоциацией с известными фильмами, сериалами или трендами. Взрослому поколению часто непонятно, почему эти вещи так востребованы, в то время как подростки стремятся их приобрести из-за моды и признания среди сверстников. Для популяризации продукта среди молодого поколения, стоит учитывать тренды, которые есть на данный момент и формировать эмоциональную связь с целевой аудиторией. Рекламные кампании должны быть яркими и воздействовать на сенсорные ощущения потребителей, а не просто информировать о функциональных характеристиках товара [4]. Данное мнение лишь подтверждает иррациональность потребления среди молодёжи и зависимость от эмоциональных ощущений.

В заключение стоит отметить, что эксперты выделяют, что современные молодые потребители ищут в товарах и услугах не только функциональность, но и эмоциональную ценность. Они стремятся к продуктам, которые вызывают положительные эмоции, соответствуют их ценностям и помогают выразить индивидуальность. Это в современном мире избыточного потребления лишь провоцирует импульсивные покупки, а как заявляет В. В. Радаев, вследствие приводит к финансовым трудностям. В настоящее время эмоции играют решающую роль в формировании потребительских предпочтений молодёжи. Стремление к положительным переживаниям, самовыражению и принадлежности к определенным социальным группам у молодых людей играет первостепенную роль при выборе товаров и услуг.

Литература

1. Мигель Д. Мнение рынка: в чем специфика молодежного маркетинга // Sostav. URL: <https://www.sostav.ru/publication/mnenie-rynka-molodezhnyj-marketing-61584.html> (дата обращения: 17.05.2025).
2. Панический шопинг: как часто россияне совершают покупки под влиянием эмоций // НИУ ВШЭ. URL: <https://daily.hse.ru/post/panicheskiy-shopping-kak-chasto-rossiyane-sovershayut-pokupki-pod-vliyaniem-emociy> (дата обращения: 17.05.2025).
3. Соломенкова А. А. Исследование потребительского поведения в 2022 // Бизнес-секреты. URL: <https://secrets.tbank.ru/razvitiye/potrebitelskoe-povedenie-2022/> (дата обращения: 17.05.2025).
4. Шульман С. Что любит молодежь и что она покупает // TexTerra. URL: <https://texterra.ru/blog/chto-lyubit-molodezh-i-chto-ona-pokupaet.html> (дата обращения: 17.05.2025).

УДК 316.334.2(60.561.2)

В. Б. Благодарова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РОЛЬ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК В АНАЛИЗЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НА ЦИФРОВЫХ МАРКЕТПЛЕЙСАХ: МЕТОДОЛОГИЯ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹⁸

С позиции маркетингового анализа и поведенческой экономики рассматривается роль экспертных оценок в исследовании потребительского поведения на цифровых маркетплейсах. Проводится комплексный анализ методологических подходов к экспертной оценке, ключевых вызовов, связанных с цифровизацией коммерции, и перспектив развития экспертных методик в условиях растущей автоматизации бизнес-процессов. Исследуется влияние клиентского опыта, когнитивных искажений и рыночной трансформации на потребительские решения, а также анализирует интеграцию экспертных оценок с технологиями обработки больших объемов данных и искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется дифференциации экспертных методик для универсальных и нишевых маркетплейсов, а также практическим аспектам применения экспертных данных в стратегическом управлении электронной коммерцией.

Ключевые слова: экспертные оценки, потребительское поведение, цифровые маркетплейсы, электронная коммерция, поведенческая экономика, клиентский опыт, когнитивные искажения.

V. B. Blagodarova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF EXPERT EVALUATIONS IN ANALYZING CONSUMER BEHAVIOR ON DIGITAL MARKETPLACES: METHODOLOGY, CHALLENGES AND PROSPECTS

The article examines the role of expert assessments in the study of consumer behavior on digital marketplaces from the perspective of marketing analysis and behavioral economics. A comprehensive analysis of methodological approaches to expert assessment, key challenges related to the digitalization of commerce, and prospects for the development of expert methods in the context of increasing automation of business processes is carried out. The author examines the impact of customer experience, cognitive distortions and market transformation on consumer decisions, and analyzes the integration of expert assessments with technologies for processing large amounts of data and artificial intelligence. Special attention is paid to the differentiation of expert techniques for universal and niche marketplaces, as well as practical aspects of the use of expert data in the strategic management of e-commerce.

Keywords: expert assessments, consumer behavior, digital marketplaces, e-commerce, behavioral economics, customer experience, cognitive biases.

Современные цифровые маркетплейсы стали ключевой площадкой взаимодействия между продавцами и потребителями, формируя новые модели поведения покупателей и трансформируя традиционные подходы к анализу спроса. В условиях высокой конкуренции и динамично меняющихся предпочтений аудитории особую значимость приобретают экспертные оценки, позволяющие не только интерпретировать большие массивы данных, но и выявлять скрытые закономерности потребительского выбора. Однако, несмотря на активное использование экспертных методов в маркетинговых исследованиях, их применение в контек-

¹⁸ Научный руководитель — кандидат социологических наук А. В. Лапина.

сте цифровых торговых площадок остается недостаточно систематизированным, что актуализирует необходимость изучения данной темы. Экспертные оценки представляют собой синтез количественных и качественных методик, основанных на мнениях специалистов, которые обладают глубокими знаниями в конкретной предметной области. В отличие от автоматизированных алгоритмов анализа данных, экспертиза позволяет учитывать нюансы, не поддающиеся формализации, такие как эмоциональная составляющая покупок, влияние социальных трендов или когнитивные искажения потребителей. В то же время, использование экспертных оценок в цифровой среде сопряжено с рядом методологических сложностей, включая проблему субъективности, необходимость постоянной актуализации знаний экспертов и интеграции их выводов с машинными моделями обучения.

Целью данной статьи является комплексное рассмотрение роли экспертных оценок в исследовании потребительского поведения на цифровых маркетплейсах, анализ существующих методик, ключевых вызовов и перспектива их применения. Особое внимание уделяется вопросам валидности экспертных данных, способам минимизации смещения и возможностям комбинирования экспертных заключений с технологиями анализа больших данных. Актуальность исследования обусловлена стремительным ростом объемов онлайн-торговли и усложнением поведения потребителей, которые все чаще совмещают рациональные и эмоциональные факторы при принятии решений. Традиционные методы анализа, основанные исключительно на статистике, зачастую оказываются недостаточными для прогнозирования спроса в условиях нестабильности рынка. В этой связи экспертные оценки становятся важным инструментом, дополняющим подходы, основанные на данных, и позволяющим компаниям адаптироваться к быстро меняющейся среде.

Далее мы детально рассмотрим методологические аспекты применения экспертных оценок, включая их классификацию, критерии отбора экспертов и алгоритмы обработки их мнений. Также проанализируем основные проблемы, возникающие на практике, и возможные пути их решения, что позволит сформировать целостное представление о месте экспертизы в современном цифровом маркетинге.

Одним из ключевых факторов, определяющих поведение покупателей на цифровых маркетплейсах, является клиентский опыт, формирующий долгосрочную лояльность. Как отмечает А. С. Буянов, «...имея положительный клиентский опыт покупки на одном из популярных маркетплейсов, покупатель остается там, чтобы в дальнейшем, не экспериментировать, совершать повторные покупки» [2]. Это утверждение подчеркивает важность первого впечатления от взаимодействия с платформой: удобство интерфейса, скорость доставки, качество обслуживания и достоверность описаний товаров создают основу для будущего доверия. При этом экспертные оценки играют решающую роль в выявлении тех аспектов пользовательского опыта, которые статистические данные не всегда могут точно отразить. Эксперты, анализируя отзывы, поведенческие паттерны и даже эмоциональные реакции потребителей, способны выделить критические точки, влияющие на удовлетворенность клиентов. Например, несмотря на высокие оценки товара, негативный опыт с доставкой может привести к оттоку покупателей, что не всегда очевидно при анализе только количественных метрик. В этом контексте экспертные методы позволяют интерпретировать качественные данные – комментарии, жалобы, запросы в поддержку – и выявлять скрытые проблемы, которые алгоритмы машинного обучения могут упустить из-за ограничений семантической гибкости.

Однако использование экспертных оценок для анализа клиентского опыта сопряжено с рядом сложностей. Во-первых, субъектность экспертов может исказить выводы: разные специалисты могут по-разному трактовать одни и те же данные, особенно если речь идет о культурных или социальных особенностях целевой аудитории. Во-вторых, динамичность цифровой среды требует постоянного обновления экспертных знаний – то, что было актуально полгода назад, сегодня может оказаться нерелевантным из-за изменений в интерфейсе платформы или новых потребительских трендов. Тем не менее, несмотря на эти вызовы, экспертные оценки остаются незаменимым инструментом для глубокого понимания причин лояльности или, напротив, ухода клиентов. Комбинируя их с данными веб-аналитики и А/Б-

тестирования, компании могут не только фиксировать текущее состояние пользовательского опыта, но и прогнозировать его развитие, адаптируя свои стратегии под ожидания аудитории.

Экспертные оценки как инструмент исследования потребительского поведения требуют строгого методологического обоснования, поскольку их ценность напрямую зависит от корректности выбранных подходов к сбору и интерпретации данных. В отличие от традиционных количественных методов, основанных на статистической обработке больших массивов информации, экспертные оценки позволяют проникать в суть явлений, выявляя причинно-следственные связи, которые остаются за пределами автоматизированного анализа. Однако именно эта глубина исследования создает и основные методологические сложности, связанные с обеспечением достоверности и объективности получаемых результатов. Одним из ключевых вопросов при использовании экспертных оценок является формирование репрезентативной группы специалистов. Эксперты должны не только обладать глубокими знаниями в области цифровых маркетинговых и потребительской психологии, но и иметь практический опыт работы с конкретными платформами. При этом важно учитывать, что узкопрофильные специалисты могут быть излишне сосредоточены на отдельных аспектах (например, технической оптимизации интерфейса), упуская из виду общую картину потребительского поведения. Поэтому оптимальным подходом становится формирование междисциплинарных экспертных групп, включающих маркетологов, аналитиков, исследователей, социологов и даже поведенческих психологов.

Еще одной важной методологической проблемой является разработка критериев оценки. В отличие от стандартизированных анкет или метрик цифровой аналитики, экспертные оценки часто опираются на качественные индикаторы, такие как «удобство навигации» или «эмоциональная привлекательность промо-материалов». Для минимизации субъективности необходимо создавать четкие шкалы оценок, позволяющие нивелировать индивидуальные предпочтения экспертов. Например, при анализе факторов лояльности можно использовать метод парных сравнений или многоступенчатую систему ранжирования, которая снижает влияние личных предубеждений. Особого внимания заслуживает вопрос интеграции экспертных оценок с цифровыми инструментами анализа. Современные маркетинговые генерируют огромные объемы данных о поведении пользователей – от времени пребывания на странице до динамики кликов. Экспертные оценки могут служить своеобразным «фильтром», помогающим выделить из этого массива действительно значимые закономерности. Например, выявив с помощью экспертов ключевые точки разочарования в пользовательском пути, можно затем провести целенаправленный анализ соответствующих количественных показателей, что значительно повысит эффективность исследования.

Таким образом, методология применения экспертных оценок в анализе потребительского поведения требует тщательного подхода как к отбору специалистов, так и к разработке инструментов оценки. Только комплексное решение этих задач позволяет превратить экспертные заключения из субъективных мнений в истинный источник маркетинговых инсайтов. Далее будут рассмотрены конкретные методы работы с экспертами, а также способы верификации получаемых результатов.

Цифровые торговые площадки демонстрируют значительные различия в подходах к формированию потребительского опыта, что обуславливает необходимость дифференцированного использования экспертных методик анализа. Как справедливо отмечает И. С. Балакшин, «...универсальные маркетинговые площадки, обладая широкой товарной матрицей, ориентированы на удовлетворение массового спроса, тогда как нишевые платформы за счет глубокой специализации привлекают аудиторию, обладающую повышенными требованиями к качеству продукции и экспертной поддержке» [1]. Это принципиальное различие определяет специфику работы экспертов при оценке потребительского поведения на различных типах платформ, требуя адаптации исследовательских инструментов в зависимости от характера торговой площадки. На универсальных маркетинговых платформах экспертный анализ сосредотачивается преимущественно на выявлении общих закономерностей массового поведения, где ключевыми параметрами оценки становятся факторы удобства, скорости обслуживания и ценовой

привлекательности. Эксперты в данном случае выполняют функцию интерпретаторов больших данных, выявляя среди множества количественных показателей те, которые действительно влияют на конверсию и удержание клиентов. Особое значение приобретает анализ паттернов кросс-категорийных покупок, позволяющий понять логику потребителей, совершающих одновременные приобретения в разных товарных группах. Однако именно в условиях универсальных платформ особенно остро стоит проблема «размытости» экспертных оценок, когда обобщенные выводы могут не учитывать специфику отдельных категорий товаров.

Совершенно иной подход требуется при работе с нишевыми маркетплейсами, где экспертиза должна учитывать глубокую специализацию как самой платформы, так и ее аудитории. В данном случае ценность экспертных оценок заключается в их способности анализировать не только поведенческие, но и содержательные аспекты взаимодействия покупателей с платформой. Эксперты должны обладать не просто знаниями в области маркетингового анализа, но и глубоким пониманием конкретной товарной категории, ее особенностей и требований целевой аудитории. Например, при оценке поведения покупателей на маркетплейсе премиальной косметики эксперты должны учитывать такие нюансы, как важность профессиональных консультаций, наличие подробной информации о составе продуктов или возможность получения пробников – факторы, которые практически не имеют значения на универсальных площадках. Методологическая сложность работы экспертов в условиях нишевых маркетплейсов заключается в необходимости постоянного обновления стандартизированных знаний. Если на универсальных платформах основные принципы пользовательского опыта остаются относительно стабильными, то в узкоспециализированных сегментах регулярно появляются новые тренды, технологии и потребительские ожидания, требующие оперативного отражения в экспертных методиках. Это создает дополнительные требования к подбору экспертов, которые должны сочетать аналитические навыки с глубоким погружением в конкретную товарную категорию.

Разработка гибридных подходов, позволяющих сочетать преимущества анализа массовых и нишевых платформ, играет важную роль в развитии экспертных методик. Такой синтез мог бы обеспечить более комплексное понимание современного потребительского поведения, учитывающее как общие закономерности цифровых покупок, так и специфику отдельных товарных категорий. Следом будет подробно рассмотрено, как современные технологии обработки данных позволяют преодолеть разрыв между этими двумя подходами, создавая новые возможности для экспертного анализа.

Текущий этап развития цифровых маркетплейсов характеризуется возрастающей сложностью аналитических задач, где традиционные экспертные методы все чаще требуют дополнения технологиями обработки больших данных. Эта интеграция создает новые возможности для понимания потребительского поведения, позволяя сочетать глубину экспертного анализа с масштабностью подходов, основанных на данных. Однако процесс такого совмещения методик сопровождается рядом методологических и практических вызовов, требующих тщательного рассмотрения. Основное преимущество интеграции заключается в возможности верификации экспертных гипотез на значительных массивах фактических данных. Если раньше экспертные оценки часто основывались на ограниченных выборках или субъективном опыте специалистов, то сегодня появилась возможность проверять эти предположения на миллионах реальных пользовательских взаимодействий. Например, выдвинутая экспертами гипотеза о важности видеообзоров для определенной товарной категории может быть подтверждена или опровергнута анализом поведения пользователей, сопоставляя время просмотра контента с последующей конверсией. Такой симбиоз качественного и количественного анализа существенно повышает достоверность выводов.

Однако процесс интеграции сталкивается с серьезными техническими сложностями. Главная из них – проблема интерпретации данных алгоритмами машинного обучения. Экспертные оценки часто оперируют сложными, многомерными понятиями (такими, как «удовлетворенность покупателя» или «качество сервиса»), которые не имеют четких цифровых эквивалентов в сырых данных. Для преодоления этого барьера требуется разработка специ-

альных метрик и промежуточных показателей, способных «перевести» экспертные категории на язык, понятный аналитическим системам. Например, уровень удовлетворенности можно измерить с помощью комплекса показателей, таких как частота возвратов, средний чек повторных покупок и эмоциональная окраска отзывов. Особую сложность представляет временной аспект интеграции. Экспертные оценки, особенно в быстро меняющихся цифровых средах, имеют ограниченный срок актуальности, тогда как сбор и обработка больших данных требуют значительного времени. Это создает риск того, что к моменту получения результатов анализа первоначальные экспертные предположения могут утратить свою актуальность. Решение этой проблемы видится в создании гибких, адаптивных систем анализа, способных оперативно корректировать параметры исследования по мере поступления новых данных и уточнения экспертных позиций.

Использование технологий искусственного интеллекта для частичной автоматизации экспертных функций приобретает все большее значение. Современные системы на основе машинного обучения способны выявлять сложные, неочевидные паттерны в поведении пользователей, которые затем могут быть интерпретированы и верифицированы экспертами-людьми. Такой подход позволяет существенно расширить масштабы экспертного анализа, охватывая значительно большие объемы данных без пропорционального увеличения затрат специалистов. Вместе с тем важно подчеркнуть, что даже самые совершенные технологии не способны полностью заменить экспертов-людей в анализе потребительского поведения. Искусственный интеллект может выявлять корреляции и паттерны, но интерпретация их причин, оценка значимости и прогнозирование последствий по-прежнему требуют человеческого участия. Поэтому наиболее эффективной представляется модель, в которой технологии обработки данных выступают как мощный инструмент, расширяющий возможности экспертов, а не заменяющий их.

В дальнейшем будет подробно рассмотрено, как конкретные технологии больших данных и искусственного интеллекта могут быть применены для усиления экспертного анализа, а также какие методологические принципы должны соблюдаться при такой интеграции. Особое внимание будет уделено вопросам обеспечения релевантности и достоверности получаемых результатов в условиях стремительного развития цифровых платформ.

Сегодня цифровая экономика переживает фундаментальные изменения, вызванные стремительным развитием маркетплейсов, которые радикально преобразовали традиционные модели потребления и сбыта. Как отмечает Е. М. Ярица, «...цифровизация в потреблении наблюдается давно, однако маркетплейсы объединили цифровые каналы сбыта в огромные рынки, где можно купить все от запчастей на машину до продуктов питания и скрепок для скетчбукинга» [5]. Это объединение ранее разрозненных товарных категорий в единых цифровых пространствах создало новые условия для анализа потребительского поведения, требуя от экспертов пересмотра традиционных подходов к оценке рыночных процессов. Экспертные оценки в новых условиях должны учитывать комплексный характер взаимодействия потребителей с маркетплейсами, где традиционные границы между товарными категориями становятся все более условными. Потребитель, изначально пришедший на платформу за электроникой, может неожиданно приобрести предметы домашнего обихода или продукты питания, демонстрируя новые паттерны кросс-категорийного поведения. Такая интеграция различных товарных групп создает уникальные вызовы для экспертов, которым необходимо разрабатывать новые методики анализа, учитывающие взаимовлияние ранее не связанных между собой товарных сегментов.

Особую значимость приобретает экспертный анализ последствий этой трансформации для традиционных каналов сбыта. Как свидетельствует Е. М. Ярица, «...из-за появления маркетплейсов у предпринимателей снизились продажи товаров – как на собственных сайтах, так и в оффлайн точках. Такие перемены не коснулись только высокодифференцированных товаров. Таким образом, чтобы оставаться актуальным, нужно выводить товары на маркетплейсы» [5]. Это утверждение подчеркивает необходимость экспертной оценки стратегий адаптации бизнеса к новым рыночным реалиям, где присутствие на маркетплейсах

становится не просто дополнительным каналом сбыта, а критически важным условием выживания для большинства товарных категорий. Экспертные оценки в данном контексте должны выполнять двоякую функцию: с одной стороны, анализировать текущие изменения в поведении потребителей, а с другой – прогнозировать дальнейшую эволюцию рынка. Особое внимание следует уделять анализу исключений из общей тенденции – тех самых высокодифференцированных товаров, которые сохраняют устойчивость вне маркетплейсов. Изучение их особенностей может дать ценные инсайты о границах влияния цифровых торговых площадок и потенциальных нишах для альтернативных стратегий сбыта.

Методологическая сложность экспертной работы в условиях трансформирующегося рынка заключается в необходимости постоянного пересмотра аналитических рамок. Традиционные модели потребительского поведения, разработанные для анализа отдельных товарных категорий или каналов сбыта, зачастую оказываются неадекватными новыми реалиями, требуя разработки принципиально новых подходов. Экспертам приходится балансировать между необходимостью учета специфики конкретных товарных групп и пониманием общих закономерностей поведения потребителей на интегрированных платформах. Потенциальным направлением развития экспертных методик в данном контексте представляется разработка гибридных моделей анализа, сочетающих традиционный категорийный подход с новыми, платформенно-ориентированными методами исследования. Такой синтез позволит более адекватно отражать сложную реальность современного цифрового рынка, где поведение потребителей определяется как спецификой отдельных товаров, так и особенностями работы маркетплейсов как универсальных торговых экосистем.

Далее мы рассмотрим, как современные экспертные методики адаптируются к этим вызовам и какие новые аналитические инструменты появляются в ответ на трансформацию рыночной среды.

Маркетплейсы создают уникальные условия для проявления когнитивных искажений в потребительском поведении, анализ которых требует особого экспертного подхода. В отличие от традиционных торговых площадок, цифровые платформы с их алгоритмами персонализации, системой рекомендаций и динамическим ценообразованием многократно усиливают действие психологических факторов, влияющих на принятие решений. Экспертные оценки в этой области приобретают особую ценность, поскольку позволяют выявить и интерпретировать те аспекты поведения покупателей, которые остаются «невидимыми» для стандартных аналитических инструментов.

Одним из наиболее значимых когнитивных эффектов в цифровой среде является так называемый «парадокс выбора», когда избыточное количество вариантов приводит не к увеличению, а к снижению конверсии. Экспертные наблюдения показывают, что на маркетплейсах этот эффект проявляется особенно ярко из-за практически безграничного ассортимента. Потребители, сталкиваясь с десятками или сотнями похожих товаров, часто испытывают трудности с принятием решения, что может приводить либо к отказу от покупки, либо к выбору не оптимального, а просто наиболее заметного варианта. Экспертный анализ позволяет не только зафиксировать наличие этого эффекта, но и определить конкретные «критические точки» в пользовательском интерфейсе, где он проявляется наиболее сильно. Анализ эмоциональных реакций потребителей вызывает значительные трудности для экспертной оценки, поскольку в цифровой среде они часто оказываются отсоединенными от реального продукта. Феномен «покупки ради покупки», стимулируемый грамотно выстроенными триггерами на маркетплейсах, требует от экспертов глубокого понимания психологических механизмов импульсивного поведения. При этом традиционные методы экспертной оценки, основанные на рациональных критериях, часто оказываются недостаточными для анализа подобных явлений, что стимулирует развитие новых, более тонких методик, учитывающих эмоциональную составляющую цифрового шоппинга.

Методологическая сложность экспертной работы в этой области усугубляется тем, что многие когнитивные искажения сами по себе искажают процесс их изучения. Например, эффект «стадного поведения», когда потребители ориентируются на количество отзывов или

рейтинги, может создавать ложное впечатление объективной оценки товара, тогда как на самом деле отражает лишь накопленную инерцию выбора. Экспертам приходится разрабатывать специальные приемы «очистки» данных от подобных искажений, чтобы добраться до истинных мотивов потребительского поведения. Интеграция психологических подходов с технологиями анализа больших данных представляет собой важное направление в развитии экспертных методик в этой области. Комбинируя глубину экспертной интерпретации с масштабностью цифровых наблюдений, можно достичь принципиально нового уровня понимания того, как когнитивные искажения формируют современные паттерны потребительского поведения на маркетплейсах.

Вследствие этого, важно знать, как современные экспертные практики адаптируются к этим вызовам и какие новые аналитические инструменты появляются для работы с «невидимой» стороной цифровых покупок.

Миграция бизнеса в цифровое пространство создает новые условия для экспертной оценки потребительского поведения. Как отмечает И. Ю. Стеблюк «Бизнес идет в интернет по многим причинам. Прежде всего, предприниматели понимают, что такое направление коммерции дает широкий охват аудитории и, следовательно, потенциальных покупателей. Домашним и мобильным интернетом пользуется значительное количество людей, а значит, становится проще донести до них свое предложение. Кроме того, это позволяет сделать охват различных сегментов аудитории. Также электронная коммерция требует меньше затрат на рекламу и продвижение. Наконец, возможность взаимодействовать посредством интернета или посредством электронного документооборота с банками упростила и функцию документооборота» [4]. Данное утверждение раскрывает комплекс факторов, которые необходимо учитывать при экспертной оценке современных бизнес-стратегий на маркетплейсах, где традиционные походы к анализу рыночного поведения требуют существенной корректировки. Экспертные оценки в условиях массового перехода бизнеса в онлайн должны учитывать принципиальное изменение структуры издержек и возможностей для компаний. Если ранее анализ потребительского поведения мог опираться на относительно стабильные параметры торговых точек и каналов сбыта, то в цифровой среде эти параметры становятся динамичными и многовариантными. Экспертам приходится разрабатывать новые критерии оценки эффективности бизнес-стратегий, учитывающие не только традиционные показатели вроде конверсии или среднего чека, но и такие параметры, как скорость адаптации к изменениям алгоритмов платформ, эффективность использования цифровых инструментов взаимодействия с клиентами или способность генерировать органический трафик в условиях высокой конкуренции.

Анализ новых моделей ценообразования, формирующихся на маркетплейсах, представляет значительные трудности для экспертной оценки. Традиционные методы ценообразования, основанные на анализе издержек и конкурентной среды, в цифровых условиях дополняются сложными динамическими алгоритмами, учитывающими в реальном времени множество факторов – от поведения конкретного пользователя до макроэкономических тенденций. Экспертные оценки должны не только фиксировать эти изменения, но и помогать бизнесу находить оптимальные ценовые стратегии в условиях, когда традиционные подходы теряют свою эффективность. Экспертная работа в этом направлении осложняется необходимостью учитывать региональные особенности цифровизации. Как отмечается в цитате, преимущества электронной коммерции реализуются по-разному в зависимости от уровня проникновения интернета, развития цифровой инфраструктуры и готовности населения к онлайн-покупкам. Экспертные оценки должны разрабатываться с учетом этих различий, предлагая бизнесу дифференцированные рекомендации для разных рынков и сегментов аудитории.

Создание комплексных моделей анализа, которые объединяют оценку потребительского поведения с анализом бизнес-стратегий, становится важным этапом развития экспертных методик в этой области. Такой подход позволит не только констатировать изменения в поведении покупателей, но и разрабатывать практические рекомендации по адаптации биз-

нес-моделей к новым цифровым реалиям. В следующих разделах будет рассмотрено, как современные экспертные практики решают эти задачи, и какие новые инструменты анализа появляются в ответ на вызовы цифровой трансформации коммерции.

Развитие цифровых маркетплейсов сегодня сопровождается ускорением технологических изменений, что создает для экспертов новые задачи по адаптации исследовательских методик. Традиционные подходы к анализу потребительского поведения, разработанные для относительно стабильных рыночных условий, все чаще демонстрируют свою ограниченность перед лицом стремительной эволюции цифровых торговых платформ. В этой связи особую актуальность приобретает прогностическая функция экспертных оценок, позволяющая не только анализировать текущее состояние рынка, но и предвосхищать направления его развития. Одним из ключевых векторов совершенствования экспертных методик становится их интеграция с технологиями предиктивной аналитики. Если ранее экспертные оценки преимущественно опирались на ретроспективный анализ и текущие наблюдения, то современные условия требуют разработки прогностических моделей, способных учитывать множественные сценарии развития цифровых платформ. Особое значение приобретает экспертный анализ таких перспективных направлений, как внедрение технологий дополненной реальности в процесс выбора товаров, развитие голосовых интерфейсов для совершения покупок или использование технологий для верификации подлинности продукции. Эти инновации не просто изменяют отдельные аспекты потребительского опыта, но трансформируют саму природу взаимодействия между покупателем и платформой.

Прогностическая экспертная работа осложняется необходимостью находить баланс между технологическим потенциалом и реальными поведенческими паттернами потребителей. Как показывает практика, далеко не все технологические новшества находят отклик у конечных пользователей, и задача экспертов заключается в выявлении тех инноваций, которые действительно способны изменить потребительские привычки, а не просто представляют собой временные тренды. Это требует от специалистов не только глубокого понимания технологий, но и тонкого чувствования психологии массового потребителя. Особую актуальность приобретает разработка экспертных методик, способных оперативно адаптироваться к изменениям нормативно-правовой базы цифровой коммерции. Ужесточение регулирования в области защиты персональных данных, новые требования к прозрачности алгоритмов рекомендательных систем, изменения в налогообложении электронной коммерции – все эти факторы оказывают непосредственное влияние на потребительское поведение. Экспертные оценки будущего должны учитывать не только текущие правовые реалии, но и вероятные изменения законодательства в перспективе 3–5 лет. Создание гибридных экспертных систем, объединяющих искусственный интеллект и человеческую экспертизу, рассматривается как важное направление развития. В таких системах алгоритмы машинного обучения берут на себя обработку больших массивов данных и выявление скрытых паттернов, тогда как эксперты-люди фокусируются на интерпретации результатов, выработке рекомендаций и стратегическом прогнозировании. Этот симбиоз позволяет преодолеть ограничения как чисто алгоритмических, так и исключительно экспертных подходов, создавая более надежную основу для анализа и прогнозирования потребительского поведения.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о принципиальной трансформации роли экспертных оценок в условиях развития цифровых маркетплейсов, которые, как отмечает О. Д. Васин, представляют собой не просто перенос традиционных торговых процессов в онлайн-среду, а качественно новое явление: «...фактически, электронная коммерция является отражением всех торговых процессов в сети Интернет, однако отличается более высокой степенью автоматизации бизнес-процессов и обязательным использованием веб-сервисов» [3]. Эта особенность современной цифровой коммерции требует от экспертов принципиально нового подхода, сочетающего традиционные методы анализа потребительского поведения с инновационными цифровыми инструментами. Экспертные оценки в современной цифровой среде приобретают особую ценность именно благодаря своей способности интерпретировать и систематизировать те аспекты потребительского поведения, кото-

рые остаются за пределами автоматизированного анализа. Как следует из исследования О. Д. Васина, «...основные возможности, которые получают компании, внедрившие в свою работу системы электронной коммерции, сосредоточены в области рекламы, информирования о товаре, выписке счетов, проведении электронных и банковских платежей, оформление доставки, проведение консультаций и т. д.» [3]. Однако именно экспертный анализ позволяет понять, как все эти технологические возможности трансформируются в конкретные потребительские практики и предпочтения.

Важнейшим выводом проведенного исследования является необходимость переосмысления традиционных экспертных методик в условиях цифровой среды. Если ранее экспертные оценки могли опираться на относительно стабильные модели потребительского поведения, то современные маркетплейсы с их динамично меняющимися алгоритмами, персонализированными предложениями и комплексными сервисными решениями требуют от экспертов постоянной адаптации аналитического инструментария. При этом ключевое значение приобретает не столько техническая оснащенность экспертов (хотя и она важна), сколько их способность сохранять целостное видение потребительского опыта в условиях его постоянной фрагментации и усложнения.

Перспективы развития экспертных оценок в анализе потребительского поведения видятся в создании гибридных моделей, органично сочетающих:

- глубину экспертной интерпретации с масштабностью аналитики больших объемов данных;
- традиционные методы исследования с инновационными цифровыми инструментами;
- ретроспективный анализ с предиктивным моделированием.

Особое значение приобретает разработка экспертных методик, способных учитывать стремительную эволюцию самих цифровых платформ, где технологические изменения все чаще становятся драйверами изменений в потребительском поведении, а не просто реагируют на них.

В заключение следует подчеркнуть, что несмотря на все технологические изменения, человеческий фактор в экспертных оценках сохраняет свою ключевую значимость. Именно эксперты-аналитики, обладающие не только профессиональными знаниями, но и развитой интуицией, способны выявлять те глубинные закономерности потребительского поведения, которые остаются недоступными даже для самых совершенных алгоритмов. В этом смысле, современные цифровые маркетплейсы не отменяют значение экспертных оценок, а лишь повышают требования к их качеству и методологической обоснованности, открывая новые перспективы для развития этого важного инструмента понимания потребителя.

Литература

1. Балакшин И. С. Анализ потребительского поведения на универсальных и нишевых маркетплейсах: особенности и ключевые факторы спроса на российском рынке // Вестник Евразийской науки. 2025. Т. 17, № 2. С. 12.
2. Буянов А. С. Роль маркетплейсов в развитии электронной торговли // Журнал «Human Progress». 2022. Т. 8, вып. 3. С. 5.
3. Васин О. Д. Электронная коммерция. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Электронная_коммерция (дата обращения: 29.05.2025).
4. Стеблюк И. Ю. Бизнес-модели электронной коммерции в России // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2019. № 1.
5. Ярица Е. М. Исследование факторов, влияющих на принятие решения о покупке товара на маркетплейсе OZON // Актуальные проблемы маркетинга в изменяющихся условиях российского бизнеса. 2023. С. 330–334.

ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА РАЗВИТИЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматриваются ключевые проблемы институциональной поддержки малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации в условиях перехода к инновационной и диверсифицированной экономике. На основе анализа текущего состояния выявлены структурные барьеры, затрудняющие эффективную реализацию государственной помощи, включая ограниченный доступ к финансированию, дефицит квалифицированных консультантов, слабую цифровизацию процессов, дублирование функций между уровнями власти и недостаточную прозрачность процедур. Подчеркивается, что существующие инструменты поддержки часто не соответствуют жизненному циклу и региональной специфике. Отмечена необходимость комплексной трансформации системы поддержки, включая создание единой цифровой платформы, развитие кадрового потенциала, унификацию методик оценки эффективности и активное вовлечение частного сектора. Предложенные меры направлены на повышение результативности программ и формирование устойчивой экосистемы для развития предпринимательства как одного из ключевых драйверов экономического роста.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, малый и средний бизнес, МСП, государственная поддержка, инновационная экономика, эффективность, экономика.

I. E. Vovikov

Irkutsk State University, Irkutsk

PROBLEMS OF ORGANIZATIONS AIMED AT THE DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the key problems of institutional support for small and medium-sized enterprises in the Russian Federation in the context of transition to an innovative and diversified economy. Based on the analysis of the current state, structural barriers have been identified that make it difficult to effectively implement government assistance, including limited access to financing, a shortage of qualified consultants, weak digitalization of processes, duplication of functions between levels of government, and insufficient transparency of procedures. It is emphasized that the existing support tools often do not correspond to the life cycle and regional specifics. The need for a comprehensive transformation of the support system was noted, including the creation of a single digital platform, the development of human resources, the unification of performance assessment methods and the active involvement of the private sector. The proposed measures are aimed at improving the effectiveness of programs and creating a sustainable ecosystem for the development of entrepreneurship as one of the key drivers of economic growth.

Keywords: small and medium-sized enterprises, small and medium-sized businesses, SMEs, government support, innovative economy, efficiency, economy.

В условиях становления инновационной и диверсифицированной экономики особую значимость приобретает сектор малого и среднего предпринимательства (далее – МСП). В Российской Федерации МСП играет не последнюю роль в создании рабочих мест, развитии конкурентоспособных производств и обеспечении социальной стабильности регионов. По данным Федеральной службы государственной статистики, на долю МСП приходится свыше 20 % валового внутреннего продукта страны и около 25 % занятых в экономике граждан.

В ответ на вызовы экономической нестабильности и необходимости технологического обновления власти Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях внедрили комплекс мер государственной поддержки, среди которых необходимо выделить льготные кредиты, гранты, субсидирование процентных ставок, создание специализированных инфраструктурных объектов (инновационных центров, технопарков и бизнес-инкубаторов). Для координации этих усилий действуют десятки профильных организаций различного уровня.

Однако практика показывает, что эффект от проводимых программ оказывается существенно ниже ожидаемого. Низкая информационная доступность мер поддержки, сложность бюрократических процедур, недостаточная адаптация финансовых инструментов к потребностям реальных бизнес-проектов, ограниченный доступ к заёмным средствам, значительное различие в уровне поддержки между регионами создают системные барьеры для предприни-

мателей, низкий профессиональный уровень кадров, отсутствие комплексной цифровизации услуг, дублирование функций, недостаточность механизмов оценки эффективности коррупционные риски и слабое вовлечение частного сектора. Дополнительную сложность вносит высокая степень правовой неопределённости и частая смена нормативных актов.

В ряде исследований подчёркивается, что организации, создаваемые на федеральном и региональном уровнях для содействия малому и среднему предпринимательству, выполняют три ключевые функции:

- 1) формирование и реализация программ финансовой поддержки;
- 2) создание инфраструктуры взаимодействия бизнеса и институтов развития (бизнес-инкубаторы, технопарки и акселераторы);
- 3) методическое сопровождение предпринимательских инициатив.

При этом институциональный инструментарий варьируется от льготного кредитования и субсидирования процентных ставок до организации обучающих семинаров и консультационной помощи, что позволяет рассматривать данные организации как связующее звено между бизнес-сообществом и государственными институтами.

Важнейшим препятствием эффективной работы организаций поддержки является ограниченность финансовых ресурсов и несоответствие предложенных программ реальным потребностям предпринимателей. Так, по оценкам исследователей, едва четверть субъектов МСП имеют реальный доступ к льготному финансированию из-за сложных требований к залоговому обеспечению и повышенных процентных ставок. Дополнительно отмечается низкая степень адаптации финансовых инструментов под различные этапы жизненного цикла МСП, что снижает результативность государственных программ и ведёт к неравномерности распределения льгот в разных регионах [2; 8].

Во многих региональных центрах поддержки МСП наблюдается дефицит специалистов, обладающих необходимыми компетенциями в области стратегического консультирования, финансового планирования и управления проектами. Дело не только в недостаточности профильного экономического или управленческого образования у сотрудников, но и в слабой практико-ориентированной подготовке. Консультанты зачастую не имеют опыта реальной работы в малом бизнесе, не владеют современными методами оценки инвестиционной привлекательности и рисков. Это приводит к типовым рекомендациям и неспособности предложить индивидуальные решения, адаптированные под ключевые потребности конкретного предприятия. Как следствие, предприниматели получают формальное сопровождение, не способное существенно повысить их финансовую или организационную устойчивость [1; 7].

Несмотря на наличие отдельных онлайн-платформ, большинство организаций поддержки не обеспечивают сквозной цифровой процесс от подачи заявки до окончательного отчёта. Зачастую предпринимателю нужно лично посещать несколько учреждений, распечатывать бумаги, несколько раз заполнять одни и те же формы. Нечёткая интеграция с федеральными реестрами и банковскими системами замедляет проверку достоверности данных, что увеличивает время рассмотрения заявок с недель до месяцев. При этом отсутствие прозрачного личного кабинета и автоматических уведомлений по каждому этапу приводит к тому, что предприниматель просто не знает, на какой стадии его проект [5].

Федеральные и региональные центры зачастую запускают аналогичные грантовые или кредитные программы, не согласовав объёмы финансирования, сроки приёма заявок или методики отбора. В результате предприниматель, желающий получить поддержку, сталкивается с несколькими параллельными «окнами» финансирования, разными требованиями к комплекту документов и разными условиями отчётности. Такая разрозненность создаёт путаницу и дополнительную нагрузку на бизнес и приводит к раздробленному использованию бюджетов. Так одни и те же ресурсы могут быть зарезервированы дважды, а в других направлениях полностью не использованы [5].

Отсутствие единых стандартов мониторинга и оценки результатов работы организаций поддержки препятствует объективному измерению их влияния на развитие МСП. Чаще всего в отчётности ограничиваются количественными показателями (например, число вы-

данных грантов или объём льготных кредитов), без анализа долговременных эффектов, таких как рост выручки компаний-реципиентов, уровень занятости или выход на новые рынки. Без регулярного сбора качественных данных невозможно корректировать программы и доказывать целесообразность дальнейшего финансирования перед федеральным центром и региональными бюджетами [5].

В некоторых субъектах Российской Федерации фиксируются факты непрозрачного распределения грантов и субсидий. Отсутствие публичного реестра заявок, закрытые заседания комиссий по отбору проектов и отсутствие обоснований отказов создают среду низкого доверия, из-за которой предприниматели опасаются, что решения принимаются не на основе конкурентных критериев, а исходя из личных или клановых связей. В результате часть целевых средств оседает у «своих» компаний, а реальным инноваторам и лидерам рынка помощь недоступна [5].

Отделы поддержки МСП редко выстраивают полноценные партнёрства с бизнес-ассоциациями, корпорациями-инноваторами и крупными заказчиками. В то время как прямое подключение к корпоративным цепочкам добавленной стоимости и наставничество опытных предпринимателей могли бы дать малому бизнесу доступ к технологиям, рынкам сбыта и практикам управления, институты развития ограничиваются стандартным тренинговым форматом. Отсутствие механизма подбора наставника по профилю проекта и корпоративных акселерационных программ препятствует формированию устойчивых экосистем поддержки, где МСП могут получать не только финансовую, но и стратегическую помощь в развитии [5].

Нестабильность нормативно-правовой базы и непрозрачность процедур получения поддержки создают серьёзные риски для предпринимателей и организаций-посредников. Частые изменения в законодательстве обязывают организации поддержки оперативно корректировать внутренние регламенты, что увеличивает административную нагрузку и снижает оперативность рассмотрения заявок. Кроме того, исследования указывают на недостаточный уровень информационной открытости мер поддержки. Отсутствие централизованных электронных порталов с актуальными данными о доступных грантах, кредитах и обучающих программах существенно затрудняет информирование потенциальных получателей помощи [4; 6].

Согласно анализу сценариев развития экономики, подготовленному ЦМАКП, одним из ключевых ограничений потенциала роста остаётся дефицит квалифицированных управленческих и проектных кадров, что напрямую коррелирует с низким профессиональным уровнем сотрудников региональных центров поддержки МСП. В «санкционном» сценарии отмечается, что замедление экономической активности и рост неопределённости усугубляют отток опытных специалистов из сектора консалтинга и управления, вновь обостряя проблему дефицита компетенций в сфере бизнес-консультирования и проектного менеджмента [3].

В своей регулярной аналитике по финансовым и макроэкономическим индикаторам ЦМАКП подчёркивает, что технологическое отставание и низкий уровень цифровизации секторов экономики создают широкие «узкие места» в доступе малых и средних предприятий к государственному и инфраструктурным ресурсам. Отсутствие единой цифровой платформы для взаимодействия предпринимателей с институтами развития усиливает информационную фрагментацию и тормозит процессы привлечения льготного финансирования и грантов, что подтверждается данными обзора динамики сегментов финансовой системы [3].

В результате проведённого анализа становится очевидным, что, несмотря на значимую роль малого и среднего предпринимательства в создании рабочих мест, поддержке конкурентоспособности и обеспечении социальной стабильности регионов, существующая система институциональной поддержки в России сталкивается с многочисленными препятствиями, существенно снижающими её эффективность. Для преодоления обнаруженных «узких мест» необходимы комплексные меры. Важно создать единую цифровую экосистему услуг поддержки, обеспечив прозрачный личный кабинет с автоматизированным обменом данными между органами власти, финансовыми учреждениями и предпринимателями. Одновременно следует усилить кадровый потенциал региональных центров путём целевых программ по практико-ориентированной подготовке консультантов по финансовому моделиро-

ванию и управлению проектами. Синхронизация федеральных и региональных инициатив через создание координационных советов и разработка единых стандартов мониторинга позволят оптимизировать использование бюджетов и повысить качество программ. Наконец, открытость критериев отбора, публикация реестров заявок и обоснований решений, а также активное вовлечение бизнес-ассоциаций и крупных корпораций в наставничество и акселерационные программы укрепят доверие предпринимателей и создадут условия для устойчивого развития сектора МСП как драйвера инновационной и диверсифицированной экономики.

Литература

1. Особенности и основные проблемы развития малого и среднего бизнеса в России / О. А. Алаторцева, Д. С. Никифорова, А. Д. Горбунова, В. Р. Гареева // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-osnovnyye-problemy-razvitiya-malogo-i-srednego-biznesa-v-rossii> (дата обращения: 22.04.2025).
2. Быковская Ю. В., Иванова Л. Н., Сафохина Е. А. Малое и среднее предпринимательство в современной России: состояние, проблемы и направления развития // Вестник евразийской науки. 2018. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/maloe-i-srednee-predprinimatelstvo-v-sovremennoy-rossii-sostoyanie-problemy-i-napravleniya-razvitiya> (дата обращения: 21.04.2025).
3. В ЦМАКП разработали два сценария развития экономики на 2025–2026 годы // Финансовая информация. URL: <https://www.finversia.ru/publication/v-tsmakp-razrabotali-dva-stsenariya-razvitiya-ekonomiki-na-2025-2026-gody-149816> (дата обращения: 16.05.2025).
4. Мамулян А. Р., Давыдович А. Р. Проблемы государственной поддержки малого бизнеса в сфере туризма // Экономика и социум. 2024. № 7 (122). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-gosudarstvennoy-podderzhki-malogo-biznesa-v-sfere-turizma> (дата обращения: 03.05.2025).
6. Маркова А. А., Мироненко О. В. Исследование проблем развития малого и среднего предпринимательства в России // Молодой учёный. 2022. № 23 (418). URL: <https://moluch.ru/archive/418/92805/> (дата обращения: 04.05.2025).
7. Петухова Ж. Г., Петухов М. В., Новаков А. А. Проблемы, возникающие в процессе осуществления государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в строительстве // Инновации и инвестиции. 2017. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-voznikayushchie-v-protsesse-osuschestvleniya-gosudarstvennoy-podderzhki-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-v-stroitelstve> (дата обращения: 03.05.2025).
8. Рыбина М. И. Проблемы поддержки малого и среднего предпринимательства РФ в современности // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 6 (70). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-podderzhki-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-rf-v-sovremennosti> (дата обращения: 22.04.2025).
9. Свистунов В. М., Алешина А. А. Актуальные проблемы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-gosudarstvennoy-podderzhki-malogo-i-srednego-predprinimatelstva> (дата обращения: 21.04.2025).

РАЗВИТИЕ ИНТЕРНЕТ-СОЦИОЛОГИИ В XXI ВЕКЕ: ВЫХОД НА НОВЫЙ УРОВЕНЬ КАЧЕСТВЕННЫХ И КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОЛОГИЙ¹⁹

Рассматриваются методологические аспекты интернет-социологии как динамично развивающейся области социологического знания. Особое внимание уделяется эволюции количественных и качественных методов исследования цифровых сообществ в условиях технологических изменений. Анализируются ключевые проблемы, связанные с применением big data и искусственного интеллекта в социологических исследованиях.

Ключевые слова: интернет-социология, цифровая трансформация, big data, социальные сети, количественные методы, качественные методы.

E. I. Volchek

Irkutsk State University, Irkutsk

THE DEVELOPMENT OF INTERNET SOCIOLOGY IN THE 21ST CENTURY: REACHING A NEW LEVEL OF QUALITATIVE AND QUANTITATIVE METHODOLOGIES

The article examines the methodological aspects of Internet sociology as a dynamically developing field of sociological knowledge. Special attention is paid to the evolution of quantitative and qualitative research methods for digital communities in the context of technological change. The key issues related to the use of big data and artificial intelligence in sociological research are analyzed.

Keywords: Internet sociology, digital transformation, big data, social networks, quantitative methods, qualitative methods.

В современном мире интернет перестал быть просто технологическим инструментом, превратившись в глобальное социальное пространство, где формируются новые формы коммуникации, идентичности и коллективного поведения. Социальные сети, форумы, мессенджеры и другие цифровые платформы стали неотъемлемой частью повседневной жизни миллиардов людей, что неизбежно повлияло на структуру общества и характер социальных взаимодействий. В этой связи перед социологией встала принципиально новая задача – изучение онлайн-среды как полноценного поля социальных исследований, требующего адаптации традиционных методов и разработки инновационных подходов.

Актуальность изучения интернет-социологии в XXI в. обусловлена несколькими ключевыми факторами. Во-первых, стремительная цифровизация общества привела к тому, что значительная часть социальных процессов – от политических протестов до потребительских практик – теперь разворачивается в интернете. Это означает, что классические методы опросов и наблюдения, рассчитанные на офлайн-среду, зачастую оказываются недостаточно эффективными для анализа динамичных и масштабных онлайн-взаимодействий. Во-вторых, появление новых технологий, таких как Big Data, искусственный интеллект и алгоритмы машинного обучения, открыло перед социологами ранее недоступные возможности для работы с огромными массивами данных, но одновременно поставило вопросы о методологической корректности и этике их использования.

Кроме того, интернет-социология сегодня сталкивается с вызовами, связанными с изменением природы социальных данных. Если раньше исследователи опирались преимущественно на структурированные опросы и интервью, то теперь они имеют дело с цифровыми следами пользователей – лайками, репостами, комментариями, геолокацией и другими формами пассивно генерируемой информации. Это требует переосмысления традиционных парадигм анализа и разработки комплексных подходов, сочетающих количественные и качественные методы.

¹⁹ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Габельных.

Интернет-социология как научное направление сформировалась на стыке традиционной социологии и digital studies, что отражает потребность в осмыслении новых форм социальности, возникающих в цифровой среде. Если классическая социология долгое время изучала общество через призму офлайн-взаимодействий, то с распространением интернета исследователям пришлось столкнуться с принципиально иным типом социальной реальности – виртуальной, но от этого не менее значимой. В самом общем виде интернет-социологию можно определить, как область знания, изучающую закономерности поведения индивидов и групп в онлайн-пространстве, а также влияние цифровых технологий на социальные структуры и процессы.

Методологически интернет-социология представляет собой крайне гибкую дисциплину, поскольку вынуждена постоянно адаптироваться к стремительно меняющемуся цифровому ландшафту. С одной стороны, она заимствует проверенные методы классической социологии – контент-анализ, включённое наблюдение, глубинные интервью, перенося их в онлайн-среду. С другой – разрабатывает собственные исследовательские инструменты, учитывающие специфику цифровых данных: анализ больших массивов пользовательского контента при помощи data mining, изучение цифровых следов через веб-аналитику, автоматизированные методы сбора информации через API социальных сетей.

Интернет-социология представляет собой динамично развивающуюся дисциплину, которая не просто переносит традиционные социологические подходы в онлайн, но и формирует новые теоретические и методологические рамки для изучения цифрового общества. Её ключевая задача – не только описывать виртуальные социальные практики, но и понимать, как они трансформируют привычные офлайн-структуры, создавая гибридные формы социальной реальности.

Становление интернет-социологии как самостоятельной дисциплинарной области происходило параллельно с развитием цифровых технологий, что обусловило ее специфический эпистемологический статус. Если первоначально (в 1990-е гг.) исследователи рассматривали виртуальное пространство преимущественно как новую среду для применения традиционных социологических методов, то к настоящему моменту сформировался автономный концептуальный аппарат, учитывающий имманентные характеристики онлайн-взаимодействий. Теоретическая база дисциплины интегрирует классические социологические концепции с оригинальными подходами, разработанными специально для анализа цифровых сообществ. Исторически можно выделить три ключевых этапа развития: период становления (1990–2000-е гг.), характеризующийся адаптацией качественных методов; фазу институционализации (2010-е гг.), связанную с внедрением big data-аналитики; и современный этап (2020-е гг.), отличающийся доминированием гибридных методологий и искусственным интеллекта. При этом сохраняется фундаментальная методологическая проблема – необходимость постоянного переосмысления исследовательских парадигм в условиях стремительной трансформации цифровой среды.

Количественная методология в интернет-социологии претерпела значительную трансформацию за последние два десятилетия, отражая как технологический прогресс, так и изменение характера социальных взаимодействий в цифровой среде. Если на заре интернет-социологии исследователи ограничивались простыми онлайн-анкетированиями и подсчетом базовых метрик, то сегодня количественный анализ в этой области представляет собой сложный комплекс методов, требующий междисциплинарных знаний и владения специализированным программным обеспечением.

Традиционные количественные методы, заимствованные из классической социологии, сохраняют свою актуальность, но приобретают новые формы реализации. Онлайн-опросы, являющиеся цифровым аналогом традиционных анкетных исследований, эволюционировали от простых HTML-форм до сложных платформ вроде SurveyMonkey или Google Forms, предлагающих широкий функционал для кросс-платформенных исследований. Однако современные исследователи сталкиваются с новыми вызовами: снижением уровня доверия к опросам, проблемой «усталости респондентов» и сложностями в обеспечении репрезентативности вы-

борки в условиях фрагментации интернет-аудитории. При этом цифровая среда открывает и новые возможности, например, использование адаптивных вопросников, изменяющихся в зависимости от предыдущих ответов респондента, или интеграцию мультимедийного контента в анкетные исследования.

Особый прорыв в количественных методах связан с появлением и развитием технологий работы с большими данными (Big Data). Социальные сети, форумы, платформы пользовательских отзывов генерируют колоссальные объемы неструктурированной информации, для анализа которой требуются принципиально новые подходы. Современные исследователи активно используют методы автоматизированного сбора данных через API (Application Programming Interface), позволяющие систематически получать и обрабатывать большие массивы пользовательского контента. Например, анализ твитов с определенными хэштегами дает возможность изучать динамику общественного мнения в реальном времени, а обработка данных из Facebook позволяет выявлять скрытые паттерны социальных связей.

Машинное обучение и искусственный интеллект открывают новые горизонты для количественного анализа в интернет-социологии. Методы классификации текстов, sentiment-анализ (определение эмоциональной окраски высказываний), выявление тематических кластеров – все эти технологии позволяют обрабатывать объемы данных, которые были недоступны для ручного анализа. Особенно перспективным направлением представляется применение нейросетевых алгоритмов для анализа визуального контента – от распознавания образов в мемах до изучения невербальных компонентов коммуникации в видеоформатах.

Отдельного внимания заслуживает анализ цифровых следов (digital traces) – данных, которые пользователи оставляют в сети непреднамеренно, в процессе своей повседневной онлайн-активности. Геолокационные метки, история просмотров, время активности, паттерны кликов – все это образует богатый эмпирический материал для изучения социального поведения. Методологически такая работа требует особой тщательности, так как связана с серьезными этическими дилеммами и необходимостью обеспечения анонимности участников исследования.

Несмотря на впечатляющие возможности современных количественных методов, исследователи сталкиваются с рядом существенных ограничений. Проблема «цифрового разрыва» (digital divide) ставит под вопрос репрезентативность данных, так как различные социальные группы представлены в интернете неравномерно. Алгоритмическая предвзятость (bias) платформ может искажать получаемые результаты. Кроме того, коммерциализация данных и ужесточение политики их защиты создают дополнительные барьеры для исследователей.

Качественная методология играет ключевую роль в интернет-социологии, поскольку позволяет глубже анализировать смыслы, мотивации и культурные паттерны, лежащие в основе цифровых практик. В отличие от количественных исследований, которые фокусируются на массовых тенденциях и статистических данных, качественные методы дают возможность раскрыть субъективные интерпретации пользователей, а также понять скрытые механизмы формирования онлайн-сообществ. В последние годы эти методы активно развиваются, адаптируясь к новым цифровым платформам и меняющимся формам коммуникации.

Традиционные качественные подходы, включая виртуальную этнографию (нетнографию), остаются востребованными, однако требуют существенной корректировки с учетом современных реалий интернет-среды. Их применение необходимо для сохранения релевантности исследований в условиях быстро меняющегося цифрового ландшафта. Если первые исследования онлайн-сообществ в 1990-х гг. могли ограничиваться наблюдением за текстовыми форумами, то сегодня исследователю приходится иметь дело с многомерной средой, где текстовые сообщения соседствуют с мемами, сторис, короткими видео и стримами. Современная цифровая этнография предполагает не просто пассивное наблюдение, а глубокое погружение в изучаемую среду, требующее от исследователя освоения специфического языка и поведенческих норм каждого конкретного сообщества. Особую сложность представляет изучение закрытых групп и анонимных платформ, где доступ к полемому материалу существенно ограничен.

Глубинные интервью в онлайн-формате также приобрели новые характеристики. Переход от личных встреч к видеоконференциям (Zoom, Skype) и мессенджерам изменил саму природу интервьюирования. С одной стороны, цифровая среда снижает психологические барьеры для некоторых респондентов, с другой – создает новые вызовы, связанные с установлением доверия и поддержанием контакта без физического присутствия. Особенно интересным феноменом стало появление асинхронных интервью через мессенджеры или email, когда респондент отвечает в удобное для себя время, что изменяет динамику интервью и требует новых навыков от исследователя.

Анализ контента социальных сетей как качественный метод вышел далеко за рамки простого чтения и интерпретации постов. Современные исследователи сталкиваются с необходимостью осмысления сложных семиотических систем, включающих не только текст, но и визуальные элементы, хэштеги, реакции, репосты и другие формы цифрового взаимодействия. Например, изучение политического активизма в Twitter требует анализа не только содержания твитов, но и сетевой динамики их распространения, особенностей визуального оформления профилей, стратегий самопрезентации участников. При этом каждый тип платформы формирует свою уникальную культуру коммуникации – то, что уместно в TikTok, может быть совершенно неприемлемо в LinkedIn, что требует от исследователя гибкости методологических подходов.

Визуальная социология в интернете приобрела особую значимость с распространением платформ, ориентированных на изображения и видео (Instagram, YouTube, TikTok). Анализ мемов, например, превратился в сложную исследовательскую практику, требующую понимания как интернет-фольклора, так и более широкого культурного контекста. Исследователи отмечают, что современные мемы часто представляют собой многослойные смысловые конструкции, требующие специальной «грамотности» для их адекватной интерпретации. Аналогичным образом, изучение видеоблогинга предполагает анализ не только вербального содержания, но и невербальных элементов, монтажных приемов, звукового оформления – всего того, что составляет специфику этого формата коммуникации.

Исследование временной динамики в онлайн-сообществах представляет собой одну из наиболее сложных методологических задач в современной социологии. В отличие от офлайн-сообществ, для которых характерны плавные и предсказуемые изменения, цифровые группы способны претерпевать стремительные трансформации в предельно сжатые сроки – например, под влиянием вирусных трендов или публичных скандалов.

Главным вкладом интернет-социологии можно считать разработку целостного методологического инструментария, интегрирующего классические социологические подходы с новейшими цифровыми методами анализа. Наиболее перспективными в этом контексте оказываются гибридные методики, которые позволяют компенсировать недостатки исключительно количественных или качественных исследовательских стратегий. Вместе с тем, как демонстрируют эмпирические данные, развитие этих методов сопровождается рядом этических и эпистемологических проблем, включая вопросы защиты приватности, верификации данных и влияния алгоритмических предубеждений. Эти вопросы требуют продолжения методологической рефлексии и выработки профессиональных стандартов работы с цифровыми данными.

Важнейшим результатом развития интернет-социологии стало формирование нового понимания социальной реальности как принципиально гибридного феномена, в котором онлайн и офлайн взаимодействия переплетаются, образуя сложные комплексные практики. Современные исследования убедительно демонстрируют, что цифровая среда не просто отражает «реальную» социальную жизнь, но активно участвует в ее конструировании, формируя новые идентичности, социальные структуры и механизмы взаимодействия. Это требует от социологов отказа от жесткого противопоставления виртуального и реального в пользу более сложных теоретических моделей.

Таким образом, практическая значимость интернет-социологии сегодня выходит далеко за рамки академического интереса. Ее методы и подходы востребованы в самых разных

сферах – от политического консалтинга до маркетинговых исследований, от образования до государственного управления. Однако именно социологический взгляд позволяет рассматривать цифровые практики не как технический феномен, а как сложный социальный процесс, требующий глубокого осмысления. В этом контексте дальнейшее развитие интернет-социологии представляется не просто желательным, а необходимым условием адекватного понимания современного общества и его трансформаций.

Литература

1. Иванов И. И., Смирнова А. А. Применение онлайн методов в социологических и маркетинговых исследованиях // Digital Research. 2022.
2. Кольцова О. К методологии сбора Интернет-данных для социологического анализа // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 92–101.
3. Крыштановская О. В. Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2018. Т. 1, № 1. С. 4–11.
4. Филиппова Т. В. Интернет-технологии в социологическом исследовании // Информационное общество. 1999. № 1. С. 45–53.

УДК 001.18

Ю. Ш. Габдулхакова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ В XXI ВЕКЕ²⁰

Рассматриваются перспективы развития фундаментальной науки путем обновления модели образования и ее фундаментализации с учетом отличительных характеристик информационного общества. Обосновывается тенденция познания с акцентом на индивидуальные и личностные особенности. Анализируется роль междисциплинарности в получении новых открытий и степени усваиваемости изучаемого материала.

Ключевые слова: фундаментальная наука, информационное общество, междисциплинарность, интеграция знаний, синергетика.

Yu. Sh. Gabdulkhakova

Irkutsk State University, Irkutsk

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF FUNDAMENTAL SCIENCE IN THE 21ST CENTURY

The article examines the prospects for the development of fundamental science by updating the educational model and its fundamentalization, taking into account the distinctive characteristics of the information society. The trend of cognition is substantiated with an emphasis on individual and personal characteristics. The role of interdisciplinarity in obtaining new discoveries and the degree of assimilation of the studied material is analyzed.

Keywords: fundamental science, information society, interdisciplinarity, knowledge integration, synergetics.

В XXI в., характеризующемся технологическим прогрессом и глобальными вызовами, роль фундаментальной науки приобретает особое значение. В эпоху стремительных изменений, когда открытия совершаются довольно чаще по сравнению с уровнем достижений прошлых столетий, фундаментальные исследования выступают в качестве опоры для прикладных разработок, обеспечивая основу для решения проблем общества. Потенциал фундаментальной науки реализуется путем трансформации системы образования. На смену традиционной модели приходит новая парадигма, акцентирующая внимание на развитие критического мышления, исследовательских навыков и способности к самообучению.

Современный период характеризуется резкой активацией скорости информационных процессов, затрагивающих различные сферы общественной жизни. Подобные изменения привели к потребности в адаптации, в которой нуждалась система образования. Повысилась

²⁰Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабелных.

актуализация формирования ее новой модели. Старая система отличалась принципом предметной фрагментации знания и специализацией в узких объектных областях. Данный подход мешает целостному видению картины знаний, ограничивая познавательную деятельность, заключая ее в конкретные рамки изучаемых областей. При этом просматривается направленность на поверхностное знания во всех сферах [3]. Так как фундаментальность образования характеризуется целостностью, то этот принцип целостности играет ключевую роль в образовании. Если преподнесенный материал не входит в систему знаний, то обучаемый не сможет справиться с потоком информации. Поэтому в процессе обучения должно формироваться целостное представление об изучаемом материале, прослеживая при этом в ходе усвоения знаний устойчивые связи, которые дают целостное представление об изучаемых дисциплинах как о единой науке [5].

В XXI в. распространяется тенденция к развитию способностей человека к самообразованию. Высшие учебные заведения являются не единственным итоговым источником получения знаний, которые полностью способны сформировать профессиональные компетенции специалиста. Теперь возрастает роль различных центров обучения, проявляющаяся в форме профессиональной переподготовки и курсов повышения квалификации, так как информационное развитие идет быстрыми темпами, где прошлый опыт может быть опровергнут за кратчайшие сроки, по сравнению с опытом прошлых столетий, последними исследованиями. Знания становятся главной ценностью информационного общества [3]. Отличительной чертой современной системы образования выступает концепция фундаментализации образования, способная обеспечить подходящие условия для развития научной мысли, системного восприятия и формирования потребности в самообразовании [1]. Фундаментальность формирует черты новой парадигмы образования, акцент которой идет на удовлетворение интересов личности. Это выражается в творческом подходе и индивидуализации процесса образования. Модернизация образования должна быть направлена на развитие способности к самостоятельному принятию решений в условиях неопределенности и стрессовой ситуации.

По мнению А. А. Вербицкого знания должны стать достоянием личности. При этом они должны обретать собственный смысл для обучаемого в выражении его позиции, отношений и обществу в целом. Так появляется мера включенности в познание. Иначе, если не будет личностного смысла, то знания будут усваиваться поверхностно и строго формально [5]. Также происходит формирование гуманистической парадигмы, которая обращается к личному опыту человека. Гуманизация выражается в учете индивидуальных, личностных особенностей, развитие способностей, которые важны для самой личности в первую очередь, а после и приносят бы пользу обществу [5].

Теоретическим положением фундаментализации образования становится идея всеобщей взаимосвязи, например, как культурной, так и научной сфер. Благодаря такому подходу возрастает вероятность получения новых открытий на стыке наук, используя присущие каждой свои методы [3]. Тенденция междисциплинарности отразилась в появлении новой научной дисциплины – синергетике. У В. С. Степина данный термин означает теорию саморазвивающихся систем, их общность закономерностей и принципов.

Ядром как таковым является фундаментальная схема научного знания В. С. Степина. Он создал фундаментальную теоретическую схему научной теории, к которой пришел через рассмотрение структурных отображений соответствующих связей и отношений абстрактных объектов. Данная схема показывает схему отражения структуры какого-либо процесса теории [4]. Процесс построения этой схемы исходит из взаимосвязи двух операций, где первая – это процесс переноса абстрактных объектов из других областей знания и их соединения в новой системе, а вторая – перестройка гипотетической модели и ее превращение в теоретическую схему за счет абстрактных объектов, опирающихся на новый эмпирический материал [4]. Все это отражает междисциплинарный синтез и интеграцию знаний.

Учитывая особенности информационного общества, не стоит забывать о вызовах, с которыми встречаются науки. Одними из них являются глобальная нестабильность, внедрение цифровых технологий и конкуренция с возможностями искусственного интеллекта. Но-

вая же модель образования представляет собой ответ на подобные вызовы современности [2]. Именно она является основой к формированию иной ценностной реальности. От него зависит образ процесса образования в будущем и формирование на его основе фундамента развития общества. Поэтому ответом на вызовы должно стать пересмотр модели системы образования [2].

В 2022 г. с учетом сложившейся политической установки, Россия приняла решение выйти из Болонского процесса. По словам министра науки и высшего образования Валерия Фалькова, новая система образования будет выглядеть иначе, в ее основе будут заложены интересы экономики страны и профессиональные возможности для студентов. Болонская система не смогла проявить свою эффективность по отношению к российскому высшему образованию. Внедрение системы «бакалавриат-магистратура» и введение ЕГЭ подвергались критике, проявляющейся в оттоке специалистов за рубеж и плохой результативностью проверки знаний выпускников среднего общего образования. Перспектива высшего образования пока имеет форму в виде введения специалитета и связки бакалавриата и магистратуры [1].

Таким образом, перспектива развития фундаментальной науки в XXI в. кроется в модернизации системы высшего образования, заключающийся в уходе от Болонской системы и создания такого уровня образования, который будет ориентирован на построение прочной базы знаний, акцента на самообразовании и фундаментальности наук, расширяющих теоретические и концептуальные представления, касающиеся всех сфер жизни.

Литература

1. Богданова И. И. Отмена болонской системы: проблемы и перспективы высшего образования в России // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2022. С. 11–16.
2. Бордовский Г. Л., Нестеров А. А., Трапизин С. Ю. Управление качеством образовательного процесса. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. 359 с.
3. Данилов А. Н. Образование как фундамент новой цивилизации // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 37–42.
4. Шангина Е. И. Научные основы фундаментализации современного высшего профессионального образования // Третьи Лойфмановские чтения. Образы науки в культуре на рубеже тысячелетий : материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 506–511.
5. Щетинин В. И. Фундаментальная схема научного знания В. С. Степина и философия синергетики // Белгородский государственный университет. 2006. № 4 (20). С. 297–300.
6. Гриншкун В. В., Левченко И. В. Особенности фундаментализации образования на современном этапе его развития // Вестник РУДН. 2011. № 1. С. 5–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-fundamentalizatsii-obrazovaniya-na-sovremennom-etape-ego-razvitiya> (дата обращения: 18.05.2025).

УДК 337.12

Д. А. Говорин²¹

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОВРЕМЕННЫЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ УСПЕШНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализируются особенности профессиональной деятельности в современных условиях. Проводится экспертный анализ социальных активов студенческой молодежи для формирования стратегии успешной карьеры. Выделены ключевые факторы, влияющие на профессиональную деятельность молодых специалистов в современных условиях.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, начало карьеры, стартовые возможности, факторы успеха.

²¹ Научный руководитель — кандидат философских наук, доцент О. А. Полошечкич.

MODERN CONDITIONS FOR THE IMPLEMENTATION OF SUCCESSFUL PROFESSIONAL ACTIVITY

The article analyzes the features of professional activity in modern conditions. An expert analysis of the social assets of student youth is carried out to form a strategy for a successful career. Key factors influencing the professional activity of young specialists in modern conditions are analyzed.

Keywords: professional activity, career start, starting opportunities, success factors.

Прежде чем говорить об условиях успешной реализации в профессиональной деятельности стоит определиться с критериями успешности, тем более для всех они могут быть разными. Основным маркером успеха в современном мире, с учётом психологии потребления в обществе, будет являться заработная плата. Но кроме денег существуют понятия престижа, уважения в обществе, известности, влияния и многих других критериев профессионального успеха. Возьмём за основу успеха положение человека в обществе, при котором он будет удовлетворять свои внутренние потребности, а люди вокруг будут в большинстве своём также считать его успешным, основываясь на своих индивидуальных убеждениях.

Успешная профессиональная деятельность начинается с обучения в высшем учебном заведении. Образование играет важную роль в формировании базы знаний и умений, необходимых для успешного выполнения профессиональных обязанностей. Но, по моим наблюдениям, 80 % студентов относятся к образованию формально «главное получить корочку». Однако сам диплом это всего лишь формальное подтверждение окончания вуза, которое не свидетельствует о потенциале и профессионализме выпускника. Любое учебное заведение – это условия для роста, как воспользуется студент данными условиями – зависит только от него. Престиж вуза не гарантирует того, что его выпускники будут более успешными. Чтобы после получения образования молодые специалисты не искали себе работу по вакансиям на каких-нибудь сайтах, необходимо за время обучения показать себя и получить соответствующую репутацию [2]. Это можно сделать с помощью прохождения практики, научной деятельности или другой внеучебной деятельности. Если студент будет только ходить на пары, выполнять задания и не делать ничего сверх этого, он обречён на отсутствие профессионального успеха, по крайней мере, в первые годы после выпуска.

Профессиональная деятельность, должна быть не деятельностью для обеспечения жизни, а *составной частью жизни*. Работа должна нравиться и приносить удовлетворение, в противном случае значительная часть жизни будет тратиться на то, что не приносит положительных эмоций [1]. Печально, когда человек встаёт рано утром, чтобы пойти на работу и при этом абсолютно не желает этого делать. Поэтому выбор направления для получения образования очень важен [3]. Если студент обучается тому, что ему не нравится, то и высокого результата не будет. Работать по специальности такой студент, скорее всего не будет, а если и будет, то, как уже сказано ранее, такая деятельность не будет приносить удовлетворения.

У каждой профессии есть свой *инструментарий*. Ремонтирует ли человек бытовую сантехнику, разрабатывает коллекционную одежду или преподаёт экономику в университете, он полагается на конкретные знания, навыки и оборудование, без которых желаемых результатов достичь нельзя. Чтобы овладеть такими навыками и довести их до совершенства, обычно требуются годы. Определённые профессии требуют от человека особых способностей, например, музыкального слуха или абстрактного мышления. Важно отметить, что каждая профессия формирует определённый образ мышления, картину мира и метод, который так же неотделим от профессии, как и ее рабочие инструменты.

Большинство студентов стремится получить быстрые деньги, не задумываясь о других аспектах. Готовы идти работать курьером за 100 тыс., ведь они будут много зарабатывать, при этом не получая ничего кроме денег. Ведь они не развиваются как личность, не получают полезного опыта, карьерного роста, полезных знакомств, репутации и других важных аспектов успешной профессиональной реализации. Соответственно, просто теряют время считая

деньги за самоцель, а не инструмент достижения целей. Сенатор Российской Федерации Брилка Сергей Фатеевич на открытом диалоге с молодежью сказал «не стремитесь к быстрым и легким деньгам, набирайтесь знания и опыта».

Рассмотрим другие факторы, которые влияют на профессиональный успех. Их довольно много. Важнейшее условие реализации в профессиональной деятельности – *социальный капитал*, под которым можно понимать устойчивые связи с людьми, благодаря которым можно получить что-то полезное. Это доброжелательность, признание и помощь, которые вы получаете от знакомых вам людей из окружающего вас сообщества. Именно результат накопленного позитивного взаимодействия с окружающими людьми дает нам право на привилегии включения в сообщество со всеми его возможными преимуществами – материальными и нематериальными [4]. В узком смысле, социальный капитал – это «кого вы знаете» из старой пословицы «Дело не в том, что вы знаете, а в том, кого вы знаете». Величина социального капитала, или репутации, является функцией нашей личной и профессиональной ценности. Занимаемое место в обществе – это, по сути, наш накопленный социальный капитал. Чем лучше персональная сеть контактов, тем лучше и крепче наше положение в соответствующих кругах.

Не менее важным условием, связанным с социальным капиталом, является наличие *патрона, сюзерена, наставника*. Называть человека, который будет продвигать своего подчиненного и обучать его можно по-разному. Смысл от этого не меняется, как говорил Михаил Хазин в своей книге «Лестница в небо» власть не берут, власть дают. Соответственно, особенно важен данный фактор в политической сфере деятельности. Для людей, не задумывающихся о таких вещах, патрон-клиентские отношения будут являться чем-то несправедливым, нечестным «блатом». На самом деле такие отношения – это норма абсолютно в любой сфере деятельности, просто кто-то осознает данный фактор, а кто-то нет. Если руководителю нужен эффективный сотрудник, то он в первую очередь будет искать его среди тех, кого знает. Поскольку есть понимание, что из себя представляет этот человек.

Ещё одним крайне важным и широким по своей сущности фактором является *«Ресурс»*. Это те составляющие, контроль над которыми делает нас незаменимыми для других людей. Это может быть право подписи, владение конфиденциальной информацией, знакомство с нужными людьми, банальные деньги и имущество, в общем составляющих здесь бесчисленное множество. Объединив их в одном слове «ресурс», мы получаем возможность обобщить многие проявления успешной профессиональной реализации в короткие формулировки. Вы контролируете какой-то, пусть даже незначительный, ресурс? Отлично! Все, что теперь нужно делать для успешной карьеры, – просто увеличивать контроль над этим ресурсом, тем самым повышая свой статус в глазах вышестоящих.

Коммуникационные навыки. Умение эффективно общаться с коллегами, руководством и клиентами является ключевым фактором успеха. Способность ясно выражать свои мысли, слушать собеседника и находить компромиссы помогает строить доверительные отношения и решать сложные задачи. Можно сказать, что навыки коммуникации – это главные навыки в жизни. От эффективности коммуникации зависит достижения целей в личной жизни, в общении с друзьями, на работе и в любых других условиях. От того, как мы общаемся зависит впечатление о нас, которое останется у собеседника. При этом, по личным наблюдениям многие люди не умеют коммуницировать. По сути, любая коммуникация – это процесс обмена, по крайней мере обмен вниманием друг к другу. Когда люди предлагают вам что-то, они ожидают чего-то взамен. Чтобы кому-то что-то предложить, неважно, что именно, вы должны это иметь, например, деньги, информацию или что-то еще. Где взять это «что-то» для обмена с другими? Чаще всего – от людей, входящих в социальный капитал, от тех, кто имеет доступ к необходимым вещам, будь то профессиональные знания фондовых рынков или билеты в Большой театр.

Эмоциональный интеллект – это наша способность понимать свои эмоции, понимать, откуда они взялись и что оказывает на них влияние. С одной стороны, осознание своего эмоционального состояния позволяет контролировать и управлять собственным поведением. С другой стороны, это дает возможность правильно читать эмоции других людей и вести себя

соответственно текущему моменту и социальной среде. Во время взаимодействия наша задача – синхронизировать свои ощущения с чувствами собеседника – увидеть себя таким, каким видит он вас. Это требует эмпатии. Примером такой эмоциональной синхронизации является ситуация, когда интервьюер, внимательно слушая, бессознательно имитирует позу и наклон головы собеседника. Чтобы прочитать эмоции человека, нужно мобилизовать свои способности эмоционального интеллекта. Таким образом данная способность позволяет повысить уровень эффективности коммуникации с другими людьми, заручиться поддержкой и оставить о себе приятное впечатление.

Мотивация и целеустремленность. Успех требует высокой степени мотивации и четкого понимания своих целей. Целеустремленные люди способны преодолевать трудности и не останавливаться перед неудачами. Они всегда стремятся к самосовершенствованию и достижению новых вершин. При этом кому-то нужна успешная карьера, а кто-то хочет свободы действий, большого количества свободного времени, или уютной семейной жизни. Многие люди боятся брать на себя ответственность, поэтому не достигают профессионального успеха, не занимают высоких должностей. Поэтому за редким исключением, не бывают успешных профессионалов, которые не хотели бы достигнуть этого успеха, всё начинается с внутренних установок человека.

Управление временем. Очень популярное в современном мире словосочетание, которое используют, когда надо и когда не надо. Но тем не менее, эффективное управление временем и правда очень важно. Оно позволяет оптимизировать рабочий процесс и повысить продуктивность. Планирование дня, расстановка приоритетов и умение делегировать задачи помогает эффективно решать, стоящие перед человеком задачи. Например, «студенческий синдром» из-за которого некоторые люди делают все в последний момент снижает качество выполняемой работы и не позволяет человеку рационально использовать ресурсы.

Лидерские качества. Лидерство подразумевает способность вдохновлять и вести за собой команду. Это качество особенно ценно в управленческих позициях, где требуется принимать решения и нести ответственность за результаты работы коллектива. Можно очень долго говорить о конкретных составляющих лидерства. Существуют самые разные подходы и теории. Самое главное понять, что лидер – это не должность или профессия, а скорее, статус. Можно руководить, но не быть лидером. А можно быть лидером, но подчиняться другому человеку в силу служебной иерархии. Опять же, далеко не все люди хотят быть лидерами, кому-то наоборот комфортнее находиться в подчинении и выполнять указания человека, которого они считают авторитетным.

Адаптивность и гибкость. Современный мир характеризуется быстрыми изменениями, поэтому успешные профессионалы должны быть готовы адаптироваться к новым условиям. Гибкость мышления и готовность к изменениям позволяют быстро реагировать на внешние вызовы и использовать их в свою пользу. Данный фактор хорошо описывает фраза «не меняет своего мнения либо дурак, либо мертвец». Ведь картина мира человека зависит от его положения в системе и призывы, через которую он смотрит на мир. Ригидность человека препятствует успешной профессиональной деятельности, не даёт человеку предпринимать действия, которые будут эффективны в той или иной ситуации. Особенно страдают таким фактором люди старшего поколения, с устоявшимися воззрениями.

Навыки саморегуляции – способность контролировать свое поведение и реакции в стрессовых ситуациях. Успешные профессионалы умеют сохранять спокойствие под давлением и принимать взвешенные решения. Можно часто наблюдать картину, когда люди, руководствуясь своими эмоциями совершают действия, которые влекут негативные последствия. Это может быть ссора между мужем и женой, а может быть конфликт между начальником и подчинённым. Умение адаптироваться под обстановку и подстроить свое поведение под конъюнктуру очень важно. «быть собой» неэффективно в современном обществе, нужно надевать на себя маску и говорить, действовать так, как того требует ситуация.

Успех в профессиональной деятельности зависит от множества факторов, включая образование, социальный капитал, ресурсы, мотивацию, коммуникационные навыки, управле-

ние временем, лидерские качества, адаптивность, эмоциональный интеллект и многое другое, что не было описано в данном тексте.

Подводя итог, можно сделать вывод, о том, что успешная профессиональная деятельность зависит от очень многих условий, которые переплетаются друг с другом. Нет какой-либо формулы данного успеха, каждый карьерный путь индивидуален. Но есть факторы, осознание которых позволяет человеку с большей вероятностью достигнуть успеха. Хотя, понимание успеха индивидуально, его не бывает много. Нужно не достигать большого успеха, а достигнуть достаточных результатов для удовлетворения потребностей, которые зависят от внутренних установок человека.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Социальная безопасность в сознании сибиряков // Социология. 2024. № 7. С. 59–64.
2. Баев П. А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27–31.
3. Баев П. А. Трудовые и профессиональные притязания студентов // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2025. № 4. С. 26–29.
4. Полошкоевич О. А. Социальная активность горожан (на примере Иркутска) // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 456–464.

УДК 35.07:0001.8

А. Н. Голобородько

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ МЕТОДОВ В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ БЕЗОПАСНОГО МИРА²²

Рассматривается комплекс современных вызовов национальной и международной безопасности, включая политические, экономические, социальные и экологические факторы. Анализируется роль экспертных методов в управлении рисками, обосновывается необходимость сочетания качественных и количественных подходов для прогнозирования и предотвращения угроз. Особое внимание уделяется международной экспертной кооперации и взаимодействию научного сообщества с государственными институтами для обеспечения устойчивого развития и стабильности.

Ключевые слова: экспертные методы, безопасность, глобальные вызовы, качественные и количественные исследования, управление рисками, международное сотрудничество, прогнозирование угроз.

A. N. Goloborodko

Irkutsk State University, Irkutsk

THE SPECIFICS OF USING EXPERT METHODS IN THE CONTEXT OF BUILDING A SECURE WORLD

The article examines the complex of modern challenges to national and international security, including political, economic, social and environmental factors. The role of expert methods in risk management is analyzed, and the need for a combination of qualitative and quantitative approaches to predict and prevent threats is substantiated. Special attention is paid to international expert cooperation and the interaction of the scientific community with government institutions to ensure sustainable development and stability.

Keywords: expert methods, security, global challenges, qualitative and quantitative research, risk management, international cooperation, threat forecasting.

Актуальной проблемой современности остаётся обеспечение национальной и глобальной безопасности, что обусловлено комплексом политических, экономических, социальных и экологических вызовов. Как отметил В. В. Путин в интервью для фильма «Россия. Кремль. Путин. 25 лет», ключевой задачей является не только преодоление текущих кризисных явлений, но и формирование условий для устойчивого мира и защита безопасности гос-

²² Научный руководитель — доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабелных.

ударства [5]. В основе данного исследования лежит классическое определение безопасности как состояния, тенденции развития и условия функционирования общества, при котором сохраняется его качественная определённая и баланс между необходимостью и свободой [7].

Современные конфликты и угрозы безопасности носят многогранный характер, а их причины зачастую кроются в глубинных структурных дисбалансах. Одним из ключевых факторов является асимметричное развитие Запада и Востока. Эта неравномерность порождает экономическое и политическое напряжение, которое перерастает в локальные и междунациональные конфликты. Кроме того, глобализация, изначально провозглашавшаяся как процесс, способствующий всеобщему развитию, на практике привела к усилению разрыва между развитыми и развивающимися странами. Если первые получают максимальные выгоды от интеграционных процессов, то вторые сталкиваются с ростом зависимости, экономической уязвимости и социальной дестабилизации.

Ещё одним фактором является кризис ценностных ориентиров, проявляющийся в деградации морально-нравственных основ общества и трансформации форм девиантного поведения. Стремительное развитие технологий и изменение образа жизни привели к появлению новых видов преступной деятельности. Например, в сентябре 2022 г. российский суд вынес приговор четырём гражданам, организовавшим заказные убийства через специализированный онлайн-форум [4]. Это свидетельствует о качественном изменении криминальных практик в цифровую эпоху. В культурной сфере доминируют постмодернистские тенденции, отрицающие традиционные формы. Не менее важным аспектом, негативно влияющим на стабильность безопасности, является экологический кризис, связанный с истощением природных ресурсов и разрушением экосистем. Техногенная модель развития, основанная на безграничном потреблении, достигла своих пределов, что требует перехода к новой парадигме, основанной на устойчивости и экологической ответственности.

Современные вызовы безопасности мира требуют принципиально новых подходов к управлению социальными процессами. Как отмечается в современных исследованиях, «...тема структурных изменений, поднимаемая сегодня на федеральном уровне, отражает системную потребность общества в создании новых социальных институтов и развитии их социально-экономического, производственного, научно-технического и культурного потенциала» [6]. Современное конструирование реальности всё чаще осуществляется через экспертные механизмы, когда в процессе участвуют: экспертные институты, профессиональные экспертные сообщества, специализированные экспертные центры, экспертные управления и советы. Сформировалась целая индустрия, занимающаяся воспроизводством экспертных оценок различного уровня сложности. Как показывает практика, большинство управленческих решений принимается при непосредственном участии экспертов, выполняющих три ключевые функции: аналитическую (исследование и интерпретация данных), регулятивную (разработка рекомендаций), контрольную (оценка эффективности решений).

Пандемия COVID-19 стала показательным примером – введение карантинных мер по всему миру основывалось прежде всего на рекомендациях эпидемиологов и вирусологов. В подобных ситуациях традиционные аналитические подходы, требующие длительного сбора и верификации данных, уступают место оперативным экспертным оценкам, основанным на глубоком понимании динамики развития кризиса. При этом ключевую роль играет не только профессиональная компетентность специалистов, но и их способность к междисциплинарному синтезу, позволяющему учитывать как медицинские, так и социально-экономические последствия принимаемых решений. Как показали исследования ВЦИОМ (март 2022 г.), после принятия карантинных мер, динамика общественного восприятия пандемии в России демонстрировала постепенную адаптацию населения [1]: снижение уровня тревожности (с 58 % в 2021 г. до 41 % в 2022 г.), формирование «посткризисного сознания» (23 % респондентов считали, что угроза их не коснётся), рост доверия к принимаемым мерам (60 % опрошенных оценивали их как достаточные).

Важно подчеркнуть, что экспертная деятельность осуществляется в строгом соответствии с установленными стандартами, нормами и методологиями, что обеспечивает системность и обоснованность принимаемых решений. Экспертные методы представляют собой научно обоснованные подходы к оценке рисков и прогнозированию угроз, базирующиеся на интеграции аналитических возможностей специалистов, профессиональных знаний и практического опыта [2]. Они полезны, когда информации мало или она противоречива. Это важно при анализе гипотетических угроз, например кибератак, терроризма или экологических катастроф. Обычные статистические методы здесь часто не работают. Эксперты помогают создавать план действий в чрезвычайных ситуациях, а их оценки используют в военном планировании и дипломатии. Это помогает снизить риск конфликтов.

На сегодняшний день вызовы безопасности требуют и качественных, и количественных методов. Качественные подходы изучают причины и скрытые факторы угроз. Количественные – считают риски и строят прогнозы. Вместе они дают более полную картину и помогают в принятии решений.

Качественные методы особенно эффективны при изучении новых угроз, например, гибридные конфликты, информационное противоборство или транснациональный терроризм. Среди наиболее распространённых подходов выделяют:

1. Экспертные интервью – позволяют выявить латентные тенденции, мотивацию субъектов угроз (например, анализ идеологических и экономических факторов, влияющих на активность террористических группировок) и неочевидные причинно-следственные связи в сложных системах безопасности;

2. Фокус-группы – дают возможность оценить восприятие угроз различными социальными группами, эффективность мер безопасности с точки зрения населения, а также выявить уязвимые места в системе противодействия рискам;

3. Кейс-стади – углублённое изучение конкретных инцидентов (кибератак, террористических актов, региональных конфликтов) для выработки необходимых стратегий.

Глубинное изучение реальности через призму качественных исследований позволяет понять скрытые механизмы функционирования общества, которые невозможно адекватно оценить с помощью исключительно количественных показателей [3]. Примером успешного применения качественных методов служит деятельность аналитических структур, занимающихся оценкой гибридных угроз, что позволяет разработать меры противодействия.

Количественные методы применяются для точной оценки вероятности и масштабов рисков. К ним относятся:

1. Статистическое моделирование (например, прогнозирование кибератак на основе исторических данных);

2. Математические методы риск-анализ (оценка экономических последствий санкций или природных катастроф);

3. Индексы безопасности, позволяющие сравнивать уровень стабильности разных стран.

Эти инструменты обеспечивают объективную основу для принятия решений в сфере национальной и международной безопасности. Применение комплексного подхода, сочетающего качественные и количественные методы, способствует разработке эффективных стратегий управления рисками в условиях динамично изменяющейся глобальной среды.

Современная концепция мировой безопасности предполагает необходимость международной экспертной кооперации. Эффективное противодействие транснациональному терроризму требует постоянного обмена оперативной информацией между профильными ведомствами различных государств. В сфере внутренней политики экспертные оценки стали неотъемлемой частью нормотворческого процесса, особенно в таких сложных областях, как цифровая экономика, которая представляет собой хозяйственную систему, основанную на создании, внедрении и коммерциализации цифровых технологий, а также регулирование искусственного интеллекта. На международной арене экспертные заключения помогают предотвращать конфликты и вырабатывать согласованные решения. В 2022 г. коллектив со-

циологической лаборатории региональных проблем и инноваций Института социальных наук и НИЧ ФГБОУ «ИГУ» под руководством заведующего лабораторией, доктора социологических наук, профессора Т. И. Грабельных инициировал создание дискуссионной площадки для обсуждения актуальных вопросов развития экспертных институтов [6]. В 2025 г. проводится уже четвертая международная научно-практическая конференция.

Экспертные методы играют ключевую роль в формировании превентивных стратегий безопасности, обеспечивая переход от реагирования к прогнозированию и предотвращению угроз. Однако их эффективность зависит от решения ряда актуальных проблем, включая усиление международного сотрудничества, противодействие дезинформации и своевременную адаптацию к развитию рисков. В этой связи критически важным представляется укрепление взаимодействия между научным сообществом и государственными институтами, что позволит трансформировать экспертные оценки в действенный инструмент устойчивого развития и поддержания глобальной стабильности.

Литература

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения. Прошай, COVID-19? Два года пандемии, адаптация и смена повестки // ВЦИОМ. 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proshchai-covid-19-dva-goda-pandemii-adaptacija-i-smena-povestki?ysclid=mb0q4fi2go291290767> (дата обращения: 22.05.2025).
2. Игнатьева А. В. Исследование систем управления. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2000. 156 с.
3. Ключкина О. Б. Построение теории на основе качественных данных // Социол. исслед. 2000. № 10. С. 92–101.
4. Наказание за получение заказов на убийство через онлайн-форум // Деловой портал Tadviser. 2022. URL: <https://www.tadviser.ru/a/691736> (дата обращения: 21.05.2025).
5. Путин В. В. [Интервью] // Россия. Кремль. Путин. 25 лет : док. фильм / реж. А. Кондрашов. URL: <https://smotrim.ru/video/2968027?ysclid=mb0p4ux6v9870967595> (дата обращения: 20.05.2005).
6. Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. 1 электронный оптический диск (CD-ROM). Заглавие с этикетки диска.
7. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Республика, 2001. 719 с.

УДК 004.891

Г. П. Горбунов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПРОБЛЕМЫ РАСШИРЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ СЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ БЕЗОПАСНОГО МИРА²³

Рассматриваются сложности и вызовы, связанные с расширением экспертных сетей в условиях построения безопасного мира. Обосновывается актуальность формирования междисциплинарных экспертных сообществ для анализа глобальных рисков и выработки рекомендаций по обеспечению безопасности. Анализируются влияющие факторы (технологическая среда, международное сотрудничество и политико-социальные условия) на эффективность экспертного взаимодействия. Выявляются основные проблемы: недостаток регулирования, низкая доверенность к оценкам экспертов, а также риски искажения выводов из-за личной заинтересованности. В качестве перспективных мер предлагается законодательное закрепление процедур экспертизы, повышение прозрачности отбора специалистов и развитие цифровых коммуникаций.

Ключевые слова: экспертные сообщества, глобальное управление, безопасность, экспертные оценки, цифровизация, доверие.

²³ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных.

THE PROBLEMS OF EXPANDING EXPERT NETWORKS IN THE CONTEXT OF BUILDING A SECURE WORLD

The article examines the complexities and challenges associated with the expansion of expert networks in the context of building a secure world. The relevance of the formation of interdisciplinary expert communities for the analysis of global risks and the development of recommendations on security is substantiated. The authors analyze the influencing factors – the technological environment, international cooperation, and political and social conditions – on the effectiveness of expert interaction. The main problems are identified: lack of regulation, low confidence in expert assessments, as well as the risks of distorting conclusions due to personal interest. Legislative consolidation of examination procedures, increased transparency in the selection of specialists and the development of digital communications are proposed as promising measures.

Keywords: expert communities, global governance, security, peer review, digitalization, trust.

Исследование посвящено анализу роли и проблем развития экспертных сетей как независимых групп влияния в области глобальной и национальной безопасности. Объектом исследования являются экспертные сети как социальный феномен, участвующий в процессе принятия решений по обеспечению безопасности. Предметом исследования выступают сложности и вызовы, возникающие при расширении таких сетей и их интеграции в механизмы глобального управления и национальной политики. Целью работы становится выявление и анализ основных трудностей, связанных с развитием и включением экспертных сообществ в процессы формирования безопасного мира. Для достижения этой цели необходимо систематизировать понятие экспертного сообщества и описать его роль в глобальном управлении, проанализировать влияние цифровизации и международного сотрудничества на расширение экспертных сетей, выявить политические и социокультурные факторы, препятствующие эффективному взаимодействию экспертов, предложить рекомендации по укреплению доверия к экспертам и повышению их вклада в обеспечение безопасности.

В условиях глобальных вызовов и растущей взаимозависимости государств экспертные сообщества начинают играть всё более значимую роль в процессе принятия управленческих решений. Как отмечают зарубежные исследователи, современное глобальное управление характеризуется появлением сетевых форм сотрудничества, где профессиональные группы различных специализаций взаимодействуют вне рамок своих традиционных институтов. В частности, эксперты из разных стран объединяются вокруг общих проблем – будь то предотвращение конфликтов, борьба с эпидемиями или изменение климата – и обмениваются знаниями независимо от государственных границ. Однако такая «рассинхронизация» классических иерархических структур управления требует новых механизмов согласования и контроля. Слабо формализованные сети экспертов затрудняют оценку их вклада и создают опасность конкурентного или параллельного выдвижения разных «экспертных» версий событий.

Наряду с международным сотрудничеством, существенное влияние на развитие экспертных сообществ оказывает цифровизация коммуникаций. С одной стороны, современные интернет-технологии позволяют экспертам быстро обмениваться информацией и организовывать консультации в масштабах всей планеты. Например, НАТО подчёркивает необходимость вовлечения профильных экспертов для анализа актуальных угроз – от кибербезопасности до терроризма и контроля вооружений. Такой подход даёт возможность альянсу привлекать глубокие знания и опыт извне при формулировании стратегии безопасности. С другой стороны, в цифровую эпоху возрастает риск распространения недостоверной информации и манипуляции общественным мнением. Новые формы киберугроз и информационных атак могут ослаблять доверие общества к выводам экспертов, особенно если их мнения воспринимаются как часть идеологической борьбы. Таким образом, без активной медиаграмотности и информационной безопасности широкое использование цифровых платформ может одновременно стимулировать сетевое экспертное сотрудничество и порождать новые вызовы.

Особую проблему представляет отсутствие формальных институтов, регулирующих привлечение экспертов к разработке политических решений. Анализ национального опыта показывает, что в России до сих пор не выстроена законодательная процедура институционализации экспертных оценок. Ведомства нередко вынуждены основываться на локальных актах или неофициальных рекомендациях, что снижает вес экспертных заключений. Важным элементом надежности экспертных сетей становится качественный отбор их участников: только высокая квалификация и объективность экспертов могут гарантировать достоверность оценок. В противном случае возрастают риски «заинтересованных суждений», когда личные или корпоративные интересы влияют на анализ проблемы. Низкая транспарентность формирования таких сообществ и их обратной связи с обществом также подрывает доверие к ним.

В целом политические и социокультурные факторы сильно влияют на расширение экспертных сетей. В условиях идеологической поляризации и санкционного давления сотрудничество с зарубежными экспертами может быть затруднено: некоторые страны ограничивают доступ к своим аналитическим данным и неохотно признают выводы иностранных специалистов. Тем не менее в условиях межгосударственных кризисов и транснациональных рисков возрастает востребованность независимой экспертизы, не связанной напрямую с интересами конкретного правительства. Как показал зарубежный опыт, гибкие межведомственные платформы, призванные «привнести новые идеи и точки зрения» в политику, позволяют лучше адаптироваться к быстро меняющейся обстановке. Например, Европейская сеть аналитиков по ОБСЕ собирает экспертов под эгидой Совета Европы для выработки рекомендаций по вопросам европейской безопасности. Однако без четкого финансирования и поддержки со стороны государств многие инициативы остаются полулегальными, а эксперты – малозначимыми «консультантами».

В заключение отметим, что расширение экспертных сетей требует комплексного подхода. Необходимо как укреплять институциональную поддержку экспертного сообщества, так и повышать прозрачность его работы. Результаты отечественных исследований свидетельствуют о необходимости законодательного закрепления экспертной оценки в качестве официального механизма принятия решений. При этом важно развивать системы независимой валидации экспертных выводов, например, через научные рецензируемые издания или двухсторонние проверки. Таким образом, несмотря на существующие риски – от ошибок из-за недостатка компетенции до манипуляций информацией – эксперты остаются ключевым ресурсом в обеспечении глобальной и национальной безопасности. Их интеграция в процессы управления безопасностью требует системной проработки, чтобы потенциал экспертных сетей использовался во благо устойчивого и безопасного развития.

Литература

1. Белов А. В. Современные экспертные сети в системе международной безопасности // Вестник МГИМО. 2021. № 3 (66). С. 45–62. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45678912> (дата обращения: 01.06.2025).
2. Кузнецов С. П. Цифровые технологии в расширении экспертных сообществ // Политические исследования. 2022. № 4. С. 78–94. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48765432> (дата обращения: 01.06.2025).
3. Морозова Е. А. Управление знаниями в глобальных экспертных сетях // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 112–125. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42987654> (дата обращения: 01.06.2025).
4. Петров И. С. Экспертные сообщества в условиях цифровой трансформации // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 34–48. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=51234567> (дата обращения: 01.06.2025).
5. Смирнова О. Н. Безопасность и развитие экспертных сетей в XXI веке // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 8. С. 89–104. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46789123> (дата обращения: 01.06.2025).

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ СРЕДИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ²⁴

Статья посвящена рассмотрению влияния цифровых технологий и медиасреды на формирование мировоззрения и социальных установок детей и подростков в условиях современного «гибридного общества». Особое внимание уделяется проблемам распространения экстремистского контента, представляющего серьезную угрозу для общества. Раскрывается растущее влияние социальных сетей и необходимость изучения механизмов, через которые они способствуют распространению радикальных настроений. Проведен анализ роли социальных сетей в жизни молодежи, выявлены угрозы и предложены комплексные стратегии профилактики экстремизма, включая развитие медиаграмотности, сотрудничество государственных структур и IT-компаний.

Ключевые слова: социальные сети, экстремистские идеологии, молодежь, информационное общество, цифровые технологии, образовательные программы, социально-демографические аспекты.

D. A. Davydova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE IMPACT OF SOCIAL MEDIA ON THE SPREAD OF EXTREMIST SENTIMENTS AMONG CHILDREN AND YOUTH IN THE IRKUTSK REGION: EXPERT ANALYSIS

The article is devoted to the influence of digital technologies and the media environment on the formation of the worldview and social attitudes of children and adolescents in a modern "hybrid society". Special attention is paid to the problems of spreading extremist content that poses a serious threat to society. It reveals the growing influence of social networks and the need to study the mechanisms through which they contribute to the spread of radical sentiments. The role of social networks in the lives of young people has been analyzed, threats have been identified and comprehensive strategies for preventing extremism have been proposed, including the development of media literacy, cooperation between government agencies and IT companies.

Keywords: social networks, extremist ideologies, youth, information society, digital technologies, educational programs, socio-demographic aspects.

Начало XXI в. характеризуется масштабными и многоаспектными трансформациями в социальной, институциональной и культурной сферах современного общества. В условиях стремительной цифровизации, усугубленной глобальными вызовами, такими как пандемия COVID-19 и геополитические кризисы, сформировалась новая социально-информационная реальность – «гибридное общество». В этой парадигме информация, знания и технологии выступают в качестве ключевых ресурсов, определяющих развитие экономики, политики, культуры и социальных институтов в целом. Современные цифровые технологии предоставляют человечеству уникальные возможности для повышения уровня образования, расширения коммуникационных каналов и оптимизации трудовой деятельности. Вместе с тем такие изменения сопровождаются значительными рисками: рост числа кибератак, популяризация дезинформации, развитие радикальных идеологий, мошенничество и онлайн-вербовка, активное распространение которых происходит через социальные сети. Эти факторы формируют опасность для общественной стабильности, особенно в отношении молодежи, являющейся целевой аудиторией цифровых платформ.

На фоне трансформационных процессов возникает необходимость всестороннего анализа роли медиасреды в формировании мировоззрения и социальных установок детей и подростков. Молодое поколение, оказываясь в центре этих изменений, вынуждено не только адаптироваться к новым информационным условиям, но и переосмысливать собственную идентичность в условиях цифровизации. Медиапространство становится ключевым фактором, влияющим на формирование ценностных ориентиров, социальную позицию и поведен-

²⁴ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Габельных.

ческие модели современного поколения. Актуальность данной работы обусловлена двумя взаимосвязанными аспектами: во-первых, высокая вовлеченность детей и подростков в цифровую среду, проводящих значительную часть времени в социальных сетях, мессенджерах и онлайн-платформах; во-вторых, обострение проблемы распространения деструктивного контента, включающего экстремистские идеи, пропаганду насилия и радикальные субкультуры. Следовательно, исследование роли медиа в формировании социальных настроений подрастающего поколения – это не только научно значимая задача, но и важный шаг к обеспечению психологической безопасности и устойчивого развития не только молодежи, но и общества в целом.

Исследование молодежи как социальной группы заложено в трудах классиков социологии и психологии. Немецкий социолог Эрнст Тельман в первой половине XX в. выделял молодежь как самостоятельную возрастную категорию, подчеркнув ее роль в динамике социальных изменений [10]. Особое значение имеют исследования, посвященные когнитивному и эмоциональному развитию детей и подростков, работы Л. С. Выготского о связи культуры и мышления [2], а также педагогические концепции В. А. Сухомлинского, подчеркивающие значение воспитания, социализации и формирования личности [9]. В России аналогичный прорыв совершил В. Т. Лисовский, предложивший в 1960-х гг. комплексный подход к изучению молодежи, рассматривая ее как активного участника общественных процессов, с акцентом на роль социализации и культурных факторов [6]. В середине XX в. развитие социологии молодежи получило дальнейшее развитие благодаря работам И. С. Кон [5] и В. И. Чупрова [11], которые анализировали влияние экономических кризисов, политических трансформаций и постиндустриальных изменений на жизненные стратегии и ценностные ориентиры молодежи. Также особое внимание следует уделить работам доктора социологических наук Н. Л. Смакотиной, которая рассматривала проблему молодежного экстремизма в условиях социальных трансформаций России. Автором выделялись факторы его возникновения – социально-экономические трудности, глобализация и социальное неравенство, а также особенности молодежной среды, такие как социальная неустойчивость, протестные настроения и низкая вовлеченность в легитимные формы участия [8]. Для глубокого понимания рассматриваемой проблемы важно изучить следующие аспекты: влияние цифровизации на повседневную жизнь населения Иркутской области, уровень распространения экстремистского контента в социальных сетях, практические рекомендации по решению данной проблемы.

В России вопросы защиты подрастающего поколения в цифровом пространстве приобрели особую актуальность. Так согласно данным на 1 января 2025 г., в Иркутской области проживает более 521 тыс. детей до 17 лет и около 285 тыс. молодых людей 18–29 лет, что составляет значительную часть населения региона [1]. По результатам социологического исследования по теме курсовой работы «Влияние социальных сетей на распространение экстремистских настроений среди детей и молодежи в России в условиях трансформационных изменений: инновационный проект по разработке цифровой платформы как инструмента борьбы с проявлениями экстремизма в молодежной среде», проведенного лично автором на базе Социологической лаборатории региональных проблем ИСН и НИЧ ИГУ в декабре 2024 г. (научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных), было выявлено, что большинство респондентов проводят в социальных сетях от 3 до 5 часов ежедневно. Среди наиболее популярных платформ являются: ВКонтакте (28,0 %), Telegram (25,3 %), YouTube* (14,5 %), TikTok* (11,3 %), Instagram* (8,6 %). Наименее распространенной среди опрошенных социальной сетью является Facebook* (1,6 % ответов опрошенных пришлось на данный вариант ответа). Эти показатели подчеркивают необходимость внедрения целенаправленных мер по воспитанию и защите молодого поколения в условиях развития цифрового пространства.

Что касается проблемы распространения экстремистских идеологий в цифровом пространстве, то следует отметить, что в результате мониторинга социальных сетей на территории Иркутской области была выявлена тревожная тенденция: в 2022 г. зафиксировано свыше 40 случаев размещения публикаций, разжигающих межнациональную и религиозную рознь,

а также отрицающих территориальную целостность России. Также по данным МВД РФ, в 2023 г. около 20 % экстремистских материалов в регионе распространяется через TikTok²⁵ и Telegram, имеющие наибольший спрос среди молодежи [3]. Это подчеркивает важность особого внимания процессов обеспечения информационной безопасности и повышения грамотности среди детей и молодежи региона.

В условиях интенсивного развития информационных технологий и расширения доступа к глобальной сети Интернет в современной России происходят значительные трансформационные изменения в социально-информационной сфере. Согласно теоретико-методологическим исследованиям, именно дети и молодежь выступают в роли целевой аудитории этих изменений, являясь ключевыми участниками цифровой среды. В ходе проведенного автором опроса населения Иркутской области было установлено, что 46,2 % респондентов в возрасте до 18 лет и 29,6 % молодых людей от 19 до 30 лет проводят в социальных сетях от 3 до 5 часов ежедневно. В то же время у старшей возрастной группы (от 31 до 45 лет и старше) этот показатель снижается до 1–3 часов (48 % и 50 % соответственно). Особенно примечательно, что 15,4 % подростков и 29,6 % представителей молодежи уделяют социальным медиа более 8 часов в день, что свидетельствует о высокой степени вовлеченности данной возрастной группы в цифровую среду и использование иных технологий. Представленные данные подтверждают гипотезу о том, что именно молодежь является основной аудиторией цифровых и информационных ресурсов, а их активное участие формирует новые социальные и коммуникационные модели (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Время, которое респондент в среднем тратит на социальные сети в течение дня?» в зависимости от возраста респондентов, в %

№ п/п	Варианты ответа	Возраст респондента											
		До 18 лет		От 19 до 30 лет		От 31 года до 45 лет		От 46 до 60 лет		От 61 года и старше		Всего	
		Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %	Кол-во чел.	Доля, в %
1.	Менее 1 часа	0	0,0	1	3,7	7	28,0	1	16,7	0	0,0	9	12,5
2.	1–3 часа	2	15,4	6	22,2	12	48,0	3	50,0	0	0,0	23	31,9
3.	3–5 часов	6	46,2	8	29,6	3	12,0	2	33,3	1	100,0	20	27,8
4.	6–8 часов	3	23,1	4	14,8	2	8,0	0	0,0	0	0,0	9	12,5
5.	Более 8 часов	2	15,4	8	29,6	1	4,0	0	0,0	0	0,0	11	15,3
	Всего	13	100,0	27	100,0	25	100,0	6	100,0	1	100,0	72	100,0

В настоящее время направление развития интернета в стране имеет двойственную структуру. С одной стороны, цифровизация и внедрение новых технологий способны стимулировать экономический рост, повысить качество жизни населения и уровень образования. С другой стороны, существует серьезный риск эскалации киберпреступности, в частности, активизации экстремистских группировок, использующих социальные сети для вербовки и пропаганды молодого населения. Для подтверждения гипотезы стоит обратиться к экспертному интервьюированию по теме инновационного проекта «По разработке цифровой платформы как инструмента борьбы с проявлениями экстремизма в молодежной среде», проведенного лично автором на базе Социологической лаборатории региональных проблем ИСН и НИЧ ИГУ в апреле 2025 г., в котором приняли участие 6 представителей из таких структур, как органы общественного контроля (Общественная палата Иркутской области), высшие учебные заведения, специализированные учреждения и органы государственной власти Иркутской области. Так согласно полученным результатам, абсолютное большинство опрошенных (83,3 %) считают, что посредством социальных сетей могут распространяться экстремистские настроения среди детей и молодежи. При этом (66,7 %) сталкивались лично или их

²⁵ Социальная сеть, запрещенная в РФ.

знакомые с проявлением экстремистского контента в социальных сетях. Это свидетельствует о системном характере проблемы, требующей вмешательства со стороны государства. Особую уязвимость демонстрирует молодежь – основная аудитория социальных платформ, которая может стать целью вербовки со стороны радикальных организаций (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Сталкивался ли лично или знакомые эксперта с проявлением экстремистского контента в социальных сетях?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да, сталкивался(ась)	3	50,0
2	Скорее да, чем нет	1	16,7
3	Скорее нет, чем да	2	33,3
4	Нет, не сталкивался(ась)	0	0,0
5	Затрудняюсь ответить	0	0,0
	Всего	6	100,0

В условиях цифровой трансформации современные экстремистские организации активно адаптируют свои вербовочные стратегии, используя уязвимость молодого поколения. Как свидетельствуют данные личного исследования, процессе радикализации молодежи обусловлен комплексом взаимосвязанных факторов. Социально-психологические предпосылки: так 13,3 % респондентов отмечают протестные настроения как основной мотивационный фактор, что отражает характерный для подросткового возраста поиск идентичности через отрицание социальных норм. При этом 12,8 % случаев радикализации связаны с эмоциональной уязвимостью – экстремистские организации эксплуатируют потребность в принадлежности, предлагая упрощенные решения экзистенциальных проблем. Особую тревогу вызывает активное использование радикальными группами механизмов виртуальной социализации, создающих иллюзию значимости (9,9 % соответственно). Экономический фактор: 12,8 % респондентов признают материальную выгоду весомым аргументом участия в запрещенных объединениях.

Анонимность, предоставляемая современными платформами социальных сетей, существенно влияет на поведение молодежи. Возможность оставаться неизвестным способствует свободному выражению мнений, в том числе и радикальных, что создает благоприятные условия для формирования экстремистских убеждений и распространения деструктивной информации. В условиях роста вовлеченности молодежи в экстремистские организации разработан ряд профилактических мероприятий. Одним из ярких примеров является федеральное мероприятие 2022 г. «С ненавистью и ксенофобией нам не по пути», в рамках которого сотрудники Центра по противодействию экстремизму МВД России по Иркутской области провели серию просветительских мероприятий: конференции, круглые столы и лекции как в офлайн-, так и в онлайн-форматах для школьников и студентов. Основная задача этих мероприятий – профилактика экстремизма, формирование отрицательного отношения к радикальным идеологиям, а также воспитание гражданской ответственности на основе патриотизма и толерантности. Особое внимание уделялось безопасному поведению в интернете, поскольку именно цифровая среда остается основным каналом вербовки молодежи в запрещенные организации [7].

Хотя подобные разовые акции оказывают важное информационное влияние, они не обеспечивают долгосрочного эффекта без системной работы. Эксперты подчеркивают необходимость внедрения регулярных образовательных программ, организующих дискуссии и тесное взаимодействие между школами, высшими учебными заведениями, правоохранительными органами и общественными организациями. Только систематический мониторинг и своевременное реагирование могут стать эффективными инструментами предотвращения распространения экстремистских идей. Согласно проведенному опросу, 66,7 % экспертов оценивают эффективность существующих мер по противодействию экстремизму как среднюю, а 33,3 % считают их недостаточными. Это свидетельствует о необходимости совер-

шенствования профилактических стратегий, в том числе активного использования цифровых платформ и вовлечения психологов и специалистов по информационной безопасности в работе с детьми и молодежью.

В современную эпоху активного развития цифровых технологий и широкого распространения интернета вопросы обеспечения информационной безопасности и противодействия деструктивному контенту приобретают особую актуальность. В условиях, когда молодежь и дети все больше вовлекаются в виртуальную среду, возрастает риск распространения экстремистских идей, манипуляций и вредоносных материалов, способных негативно повлиять на формирование их ценностных ориентиров и социального поведения. Для эффективного противодействия этим угрозам необходимо реализовать комплекс мер, охватывающих все сферы общества.

— Для государственных структур и правоохранительных органов необходимо усилить мониторинг социальных сетей с использованием современных технологий, в частности, алгоритмов искусственного интеллекта, для своевременного выявления опасного контента. Важным направлением является развитие партнерства с IT-компаниями, платформами социальных сетей и регуляторами для оперативного удаления противоправных материалов.

— В образовательной сфере следует внедрять программы по развитию медиаграмотности, формировать у школьников и студентов навыки критического восприятия информации, распознавания манипуляций и фейков. Регулярные тренинги и лекции по безопасному поведению в интернете должны стать частью образовательных программ.

— Важную роль играет поддержка гражданского общества, в том числе волонтерских инициатив, таких как «кибердружины», которые помогают выявлять и блокировать вредоносный контент. Также необходимо стимулировать создание позитивного, конструктивного контента, способного служить альтернативой экстремистским материалам.

— Для технологических компаний и соцсетей важно развивать инструменты автоматической модерации на базе искусственного интеллекта, а также обеспечить прозрачность алгоритмов рекомендаций, что поможет минимизировать распространение деструктивной информации и повысить уровень доверия пользователей.

В сборнике научных трудов Третьей международной научно-практической конференции «Развитие экспертных институтов в XXI в.: теория и практика», проводившейся в 2024 г., следует обратиться к работе Т. И. Грабельных «Экспертное конструирование моделей развития и технологий принятия решений в условиях формирования многополярного мира: институциональное и типологическое измерения», где отмечается, что в условиях формирования многополярного мира происходит качественное изменение концептуальных подходов к социальному конструированию, развитию общества и принятию решений. В центре внимания — роль экспертных институтов, технологий и платформ цифрового порядка в создании моделей развития и образов будущего России. По мнению д-ра социол. наук, профессора Т. И. Грабельных, «Экспертное конструирование моделей развития как научная технология и механизм общественно-государственно-частного партнерства в настоящее время является неотъемлемым атрибутом структурных изменений социальных пространств» [4, с. 28]. Это подтверждает гипотезу о том, что в условиях многополярного мира и цифровой трансформации именно экспертное конструирование моделей развития и технологий принятия решений становится ключевым механизмом формирования устойчивого, прогрессивного и безопасного будущего общества.

В заключение отметим, что в условиях растущего влияния цифровых технологий и расширения доступа к интернету перед обществом стоит задача формирования безопасной и ответственной информационной среды. Особую актуальность приобретает профилактика радикализации и создание условий для формирования позитивных ценностей у молодежи. Эффективное решение данных задач возможно лишь при комплексном подходе, включающем системные меры со стороны государства, образовательных учреждений, бизнеса и гражданского общества. Только совместными усилиями можно обеспечить безопасное, устойчивое развитие подрастающего поколения в эпоху цифровых перемен.

Литература

1. Аналитические данные о зарплатах, населении, ценах, рынке труда в России и мире (BDEX). URL: <https://bdex.ru/naselenie/irkutskaya-oblast/> (дата обращения: 15.05.2025).
2. Выготский Л. С. Педология подростка психологическое и социальное развитие ребенка. СПб.: Питер, 2021. 221 с.
3. Главное управление МВД по Иркутской области. URL: <https://38.mvd.pf/news/item/27221467/> (дата обращения: 15.05.2025).
4. Грабельных Т. И. Экспертное конструирование моделей развития и технологий принятия решений в условиях формирования многополярного мира: институциональное и типологическое измерения // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика: сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2024. С. 26–29.
5. Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1987. 366 с.
6. Лисовский В. Т. Советское студенчество // Социологические очерки. М.: Мысль, 1990. 216 с.
7. Областная общественно-политическая газета. URL: <https://www.ogirk.ru/2022/11/07/v-irkutskoj-oblasti-vyjavili-40-postov-v-socsetjah-na-temu-jekstremizma/> (дата обращения: 15.05.2025).
8. Смакотина Н. Л. Проблема экстремизма в молодежной среде в условиях социальных трансформаций // Вестник высшей школы. 2016. № 5. С. 65–68.
9. Сухомлинский В. А. О воспитании. М.: Полит. лит., 1982. 270 с.
10. Тельман Э. Борец за мир и свободу. М.: Партиздат, 1937. 58 с.
11. Чупров В. И., Зубок Ю. А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы / Рос. акад. наук, Ин-т социал.-полит. исслед. М.: ИСПИ, 2000. 114 с.

УДК 659.1.011.14

М. Г. Долголенко

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБЛАСТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ²⁶

Анализируется потенциал интерактивных технологий в рамках повышения эффективности социальной рекламы в городской среде, фокусируясь на экспертных методах и заключениях. На основе анализа современных форматов и социологических данных выявлены ключевые факторы вовлеченности аудитории. Отражены перспективы применения интерактивных решений в области создания новых каналов коммуникации между властью и горожанами в современных условиях.

Ключевые слова: социальная реклама, городское пространство, интерактивные технологии, экспертная оценка.

M. G. Dolgolenko

Irkutsk State University, Irkutsk

INTERACTIVE TECHNOLOGIES IN THE FIELD OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF SOCIAL ADVERTISING IN URBAN SPACE: EXPERT ASSESSMENTS

The paper describes the potential of interactive technologies in increasing the effectiveness of social advertising in an urban environment, focusing on expert methods and conclusions. Based on the analysis of modern formats and sociological data, the key factors of audience engagement have been identified. The article also reflects the prospects of using interactive solutions in the field of creating new channels of communication between government and citizens.

Keywords: social advertising, urban space, interactive technologies, expert assessment.

Современное городское пространство представляет собой динамичную среду, насыщенную коммуникациями, среди которых социальная реклама играет ключевую роль в формировании общественного сознания. Однако традиционные форматы, такие как баннеры и билборды, постепенно теряют эффективность из-за высокой конкуренции за внимание аудитории и снижения уровня вовлеченности. В этих условиях возрастает интерес к интерактив-

²⁶ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных.

ным технологиям, которые способны не только привлечь внимание, но и обеспечить более глубокое взаимодействие с целевой аудиторией [5].

Актуальность работы обусловлена необходимостью поиска новых способов повышения эффективности социальной рекламы в условиях цифровизации городской среды. Как отмечает специалист в области рекламы Ф. И. Шарков, «...интерактивные решения, включая дополненную реальность, сенсорные экраны и иммерсивные проекции, позволяют трансформировать пассивного зрителя в активного участника коммуникационного процесса» [10]. Это особенно важно в контексте социальных кампаний, направленных на изменение поведения или формирование новых установок. Помимо этого, следует отметить важность включения населения в процесс формирования тематик и обратной связи.

Целью данной работы является оценка потенциала интерактивных технологий в повышении эффективности социальной рекламы в городском пространстве. В рамках исследования рассматриваются как технологические аспекты, так и психологические механизмы воздействия интерактивных форматов на аудиторию.

Предыдущие исследования в области медиакоммуникаций подтверждают, что интерактивность усиливает эмоциональную вовлечённость и улучшает запоминаемость сообщения [3]. Однако вопрос о том, какие именно технологии демонстрируют наибольшую эффективность в условиях городской среды, остаётся недостаточно изученным. Данная статья призвана восполнить этот пробел, предлагая анализ современных тенденций и экспертные оценки специалистов в области рекламы и урбанистики.

Согласно данным исследования, проведённым AdIndex, интерактив способствует запоминаемости рекламы, а пользователи, взаимодействующие с интерактивными элементами ролика, запоминают его в 1,5 раза лучше [1]. Это говорит о высокой эффективности данного подхода в конструировании социальной рекламы в современном обществе.

Одним из ключевых факторов востребованности интерактивных коммуникаций является возможность получения обратной связи от целевой аудитории. Например, в рамках социальных кампаний, посвященных экологии или здоровому образу жизни, обратная связь помогла бы оценить эффективность сообщений и скорректировать их в реальном времени. Таким способом общая запоминаемость рекламных сообщений показала бы положительную динамику.

Особое место в интерактивных коммуникациях занимает геймификация – внедрение игровых элементов в неигровые контексты. Этот подход отлично подойдёт в социальной рекламе, поскольку игры естественным образом привлекают внимание и стимулируют активное участие. Как отмечают эксперты, геймифицированные проекты, такие как квесты по раздельному сбору мусора или мобильные приложения с системой поощрений за здоровые привычки, демонстрируют более высокую эффективность по сравнению с традиционными методами [4].

Городское пространство предоставляет широкие возможности для применения интерактивных технологий, так, например, в ряде европейских городов, таких как Брюссель, Вена, Неаполь успешно реализованы проекты, где социальная реклама интегрирована в интерактивные информационные стенды или AR-инсталляции, позволяющие прохожим не только ознакомиться с информацией, но и принять участие в мини-играх или голосованиях [6]. Подобные решения не только повышают вовлечённость, но и способствуют формированию устойчивых поведенческих изменений, которые являются главной целью социальной рекламы.

Современное состояние социальной рекламы в Иркутске отражает общероссийские тенденции. Для того чтобы определить ситуацию, связанную с этой темой, лично автором 18–21 апреля 2025 г. на базе социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» был проведён опрос, включающий 300 респондентов от 18 лет и старше, проживающих на территории Иркутской области. По данным опроса можно сделать вывод о наиболее известных и часто встречаемых объектах социальной рекламы в городском пространстве.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие объекты социальной рекламы Вы чаще всего встречаете на территории города?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Доля респ-ов, в %
1	Билборды и цифровые экраны	235	24,7	80,2
2	Плакаты в общественных местах, зданиях	199	20,9	67,9
3	Плакаты в общественном транспорте	198	20,8	67,6
4	Баннеры, растяжки	197	20,7	67,2
5	Плакаты на рабочих местах	65	6,8	22,2
6	Аудиореклама	52	5,5	17,7
7	Другое	5	0,5	1,5
8	Затрудняюсь ответить	4	0,4	1,4
	Всего	955	100,0	325,7

Проведённое исследование выявило существенные различия в распространённости различных объектов социальной рекламы. Наиболее востребованными оказались билборды и цифровые экраны – этот вариант отметили 24,7 % участников опроса. Чуть менее популярными стали плакаты в общественных местах (20,9 %) и аналогичные носители в транспорте (20,8 %). Баннеры заняли четвертую позицию с показателем 20,7 %. Наименьшую представленность имеет аудиореклама – о ней вспомнило лишь 5,5 % респондентов. Подобные цифры могут свидетельствовать либо о недостаточном использовании данного формата, либо о его низкой запоминаемости среди целевой аудитории. Акцентируя внимание на том, что цифровые экраны получили такое большое признание среди опрошенных, можно предположить, что целесообразным будет задействовать именно их в области повышения интерактивного и креативного аспекта.

Отдельного внимания заслуживает опыт взаимодействия городских властей с общественными организациями в сфере социальной рекламы. В 2022–2023 гг. был реализован ряд совместных проектов, включая фотовыставки под открытым небом и арт-инсталляции с социальным подтекстом [7]. Хотя эти форматы получили положительные отзывы, их охват остался ограниченным центральными районами города.

Проблемным аспектом остается оценка эффективности социальной рекламы в Иркутске. В отличие от коммерческой рекламы, где существуют четкие метрики результативности, для социальных кампаний часто отсутствует система мониторинга воздействия на целевую аудиторию. Это затрудняет процесс оптимизации контента и выбора наиболее действенных форматов. Поэтому важным моментом остаётся внедрение обратной связи в области социальной рекламы, которая будет включать в себя предложение тем общественностью для определения их наибольшей актуальности, возможность диалога в плане улучшения качества рекламных сообщений по содержанию и размещению, а также возможность населению выделить наиболее запомнившиеся и зацепившие объекты рекламы для дальнейшего анализа со стороны властей и специализированных органов.

Психологический аспект обратной связи в социальной рекламе заслуживает отдельного внимания. Доказано, что когда человек видит, что его мнение учитывается и влияет на развитие ситуации, уровень доверия к сообщению значительно возрастает [8]. Этот эффект особенно важен для социальной рекламы, так как повышает убедительность передаваемых установок.

Однако внедрение систем обратной связи может столкнуться и с определенными сложностями. Основными барьерами в Иркутске являются технические ограничения уличного оборудования, которые не дают возможности для широкого распространения интерактивных сообщений, а также недостаточная цифровая грамотность отдельных групп населения, которая затруднит процесс включения общественности в создание социальной рекламы. Перспективным направлением представляется включение систем обратной связи в цифровые платформы. Такой подход позволит не только собирать мнения горожан непосредственно на месте размещения рекламы, но и обеспечит удобство для населения. Это особенно актуально для долгосрочных социальных кампаний, требующих постоянного мониторинга эффективности.

Развитие технологий обратной связи открывает новые возможности для персонализации социальной рекламы. Уже сейчас появляются системы, способные адаптировать контент в зависимости от демографических характеристик и поведения пользователя. В перспективе это может привести к созданию принципиально новых форматов социальной коммуникации, максимально учитывающих особенности каждой целевой группы.

Также стоит упомянуть о включении не только механизма обратной связи, но и о геймификации. Исследования в области социальной психологии подтверждают, что игровые механики активируют глубинные мотивационные механизмы, связанные с потребностью в достижениях, признании и соревновательности [8]. В контексте социальной рекламы это проявляется в повышенной вовлеченности аудитории, более глубоком усвоении сообщений и формировании устойчивых поведенческих изменений. Особенно важно, что, как уже было сказано ранее, геймификация трансформирует пассивного получателя информации в активного участника коммуникационного процесса.

Особую ценность геймификация представляет для работы с молодежной аудиторией, наиболее восприимчивой к игровым форматам. Исследования показывают, что социальные сообщения, интегрированные в игровой контекст, воспринимаются этой группой как менее навязчивые и более релевантные [9]. «Цифровые коммуникации стали permanently интегрированы в повседневную реальность», – отмечают в своей работе Т. И. Грабельных и Е. И. Багрий, а так как молодёжь является одним из самых активных носителей такой тенденции, цифровая геймификация будет актуальна для них особенным образом [2].

Лично автором также было проведено экспертное исследование на заданную тему, включающее в себя 15 компетентных в данном вопросе представителей из различных областей, включая исполнительную власть, общественный контроль и специализированные учреждения. В рамках опроса тема внедрения в процесс конструирования социальной рекламы в городском обратная связи и геймификации была сформулирована в виде инновационного проекта. Ниже представлено мнение экспертов относительно заинтересованности государства в проекте (табл. 2). Экспертное интервьюирование проведено автором в мае 2025 г. на базе социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ».

Таблица 2

Распределение ответов экспертов на вопрос: «Будут ли государственные структуры заинтересованы в реализации предложенного проекта?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	В значительной степени	7	46,7
2	В определенной степени	4	27,7
3	В некоторой степени	4	27,7
4	Не заинтересованы	0	0,0
5	Затрудняюсь ответить	0	0,0
	Всего	300	100,0

Анализ показал, что большинство экспертов уверены, что проект будет востребован в значительной степени (46,7 %), указали, что будут заинтересованы в определённой и некоторой степенях по 27,7 % в обоих случаях. Это отражает высокую значимость использования интерактивных методов создания социальной рекламы на уровне государственных структур.

Таким образом, можно сделать ряд значимых выводов о перспективах развития социальной рекламы в условиях цифровой трансформации городской среды с использованием интерактивных подходов. Анализ современных тенденций демонстрирует, что традиционные форматы социальных коммуникаций постепенно утрачивают свою эффективность, уступая место интерактивным технологиям, способным обеспечить качественно новый уровень взаимодействия с аудиторией. Особую значимость приобретают механизмы обратной связи, позволяющие преодолеть односторонний характер традиционной социальной рекламы. Вовлечение граждан в процесс создания и оценки рекламных сообщений не только по-

вышает их эффективность, но и способствует формированию устойчивых поведенческих изменений. При этом ключевое значение имеет психологический аспект такого взаимодействия, когда человек осознает реальное влияние своего мнения на развитие социально значимых инициатив.

Важным направлением модернизации социальной рекламы выступает геймификация, которая благодаря использованию игровых механик позволяет существенно повысить вовлеченность различных групп населения, особенно молодежи. Интеграция игровых элементов в социальные кампании создает условия для более глубокого усвоения передаваемых ценностей и установок. Реализация рассмотренных подходов требует комплексного решения ряда организационных и технологических задач, включая развитие цифровой инфраструктуры городского пространства и повышение медиаграмотности населения. Особое значение приобретает разработка систем оценки эффективности интерактивных форматов социальной рекламы, что позволит оптимизировать использование коммуникационных ресурсов.

Перспективы дальнейших исследований в данной области связаны с разработкой методик персонализации социальной рекламы на основе анализа поведения пользователей, а также с поиском оптимальных способов интеграции интерактивных технологий в городскую среду. Особого внимания заслуживает изучение региональной специфики восприятия социальных сообщений, что позволит повысить эффективность коммуникационных кампаний с учетом местных особенностей. Внедрение интерактивных технологий открывает новые возможности для повышения эффективности социальной рекламы как инструмента формирования общественного сознания и стимулирования позитивных социальных изменений. Реализация этого потенциала требует скоординированных усилий органов власти, профессионального сообщества и гражданского общества.

Литература

1. AdIndex // Как интерактивная реклама влияет на запоминание роликов. URL: <https://adindex.ru/publication/opinion/internet/2017/10/17/166533.phtml> (дата обращения: 18.05.2025)
2. Грабельных Т. И., Багрий Е. И., Мохрякова Е. А. Трансформация пространств самопрезентации молодежи в цифровом обществе // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 1 (58). С. 16–20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatiya-prostranstv-samoprezentatsii-molodezhi-v-tsifrovom-obschestve> (дата обращения: 18.05.2025).
3. Дженкинс Х. Культура конвергенции: Где сталкиваются старые и новые медиа – English-language edition published by New York University Press, 2006. 357 с.
4. Зикерманн Г. Геймификация в бизнесе. М., 2014. 285 с.
5. Котлер Ф., Картаджайя Х., Сетиаван А. Маркетинг 4.0: переход от традиционного к цифровому. М., 2018. С. 439.
6. Манович Л. Язык новых медиа. MIT Press, 2001. 400 с.
7. Официальный сайт администрации г. Иркутска. URL: www.irk.ru (дата обращения: 18.05.2025).
8. Рекламные и PR-технологии / под ред. В. Л. Музыканта. М., 2020. 365 с.
10. Хабибуллин Р. Р. Игровые технологии в маркетинге. СПб., 2020. С. 89–94.
11. Шарков Ф. И. Коммуникация в современном мире. М., 2020. 233 с.

МЕСТО И РОЛЬ ЭКСПЕРТНЫХ ГРУПП В РОССИИ²⁷

Рассматриваются особенности формирования экспертных групп в современной России с акцентом на социально-профессиональные аспекты деятельности его участников. Анализируются принципы отбора экспертов, механизмы взаимодействия внутри групп, эффективность деятельности экспертов.

Ключевые слова: экспертные группы, управленческие решения, экспертное знание.

D. D. Zhargalova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE PLACE AND ROLE OF EXPERT GROUPS IN RUSSIA

The article examines the specifics aspects of forming expert groups in contemporary Russia with focus on the socio-professional aspects of their participants. It analyzes the principles of expert selection and the mechanisms of interaction within the groups.

Keywords: expert groups, managerial decisions, expert knowledge.

В условиях усложнения управленческих процессов и необходимости принятия ответственных решений возрастает значение экспертного знания как ресурса, способного повысить качество анализа и эффективность решений. Экспертные группы становятся инструментом, который позволяет учесть все мнения, оценить риски предполагаемых действий и сформировать взвешенные решения сложных задач. Существенное влияние на качество работы таких экспертных групп оказывают их состав, профессиональный опыт и статус.

Экспертные группы – это организованное сообщество специалистов, обладающих знаниями в определенной области, которые созываются для оценки и анализа решений или рекомендаций по конкретным вопросам. Возрастание роли экспертных групп в России прослеживается на протяжении последних двух десятилетий. Это связано с усложнением задач политической и социально-экономической сфер: государственные органы всё чаще сотрудничают с экспертными группами при принятии определенных решений. На законодательном уровне процесс институционализации экспертных групп в России начался в конце 1990-х гг. Первым официальным решением о формировании экспертной группы как органа стало создание Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве РФ. Орган был учрежден в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 3 июня 1998 г. № 565 «О порядке проведения государственной религиоведческой экспертизы» [5]. Это был первый шаг к закреплению роли экспертных институтов в механизме государственной экспертизы. Позднее, в 2008 г., при Совете при Президенте Российской Федерации по развитию информационного общества сформировалась экспертно-консультативная группа. Она создана в рамках реализации государственной политики по цифровизации и модернизации информационной среды. В России формирование экспертных групп часто происходит в рамках деятельности государственных структур или по их инициативе, например, Аналитический центр при Правительстве РФ, что значительно влияет на состав и принципы подбора экспертов.

Социально-профессиональные аспекты формирования экспертных групп в России имеют несколько особенностей, которые влияют на сам процесс принятия решений. Это связано с широким спектром социальных групп, участие которых в экспертной деятельности играет важную роль в обеспечении баланса при принятии решений. В России существуют разные формы профессиональной экспертизы, которые направлены на достижение согласования интересов сторон. С другой стороны, немало важно и наличие профессионалов из разных областей, они способствуют более объективному экспертному мнению [1].

²⁷ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Габельных.

Преимущества отдается представителям академического сообщества, а также экспертам, связанными с институтами власти. Группа с таким социальным видом может значительно влиять на качество и объективность экспертизы. Но состав экспертной группы в России сейчас все чаще включает в себя представителей не только из государственных учреждений, но и из частных сфер. Такое разнообразие влияет на восприятие экспертной работы и устанавливает определенный уровень доверия к принимаемым решениям. «Высокие уровни профессионализма в сочетании с широкой социальной мобильностью экспертов способствует формированию эффективных экспертных групп, способных учитывать множественные интересы и риски при разработке рекомендаций для различных секторов социальной сферы» [3]. Но несмотря на это, большинство членов экспертных групп участвуют в работе добровольно, следуя исключительно за счет интереса к поднимаемой теме и стремления выразить собственное мнение.

Также необходимо отметить рост общественной активности при обсуждении вопросов гражданского общества. Здесь появилась острая необходимость в независимой экспертизе, которая обеспечит легитимность принимаемых решений.

Помимо выше упомянутого, существует и другая особенность в формировании экспертных групп. В России группы часто формируются исключительно для решения текущих управленческих задач или по инициативе власти, в основном они не имеют независимой платформы и не проводят постоянные работы [2]. В последние годы можно наблюдать прогресс в систематизации формирования экспертных групп: проводятся открытые наборы, создаются междисциплинарные сообщества экспертов. Это можно расценивать как образование усовершенствованной формы экспертизы, которая ориентирована на прозрачность результатов и значимость мнений для общества.

Экспертная деятельность сегодня – это не просто процесс предоставления информации, но и взаимодействие, в котором главную роль играют коммуникации, доверие участников друг к другу и их репутация в профессиональном кругу. Экспертные группы стали частью оценки на разных платформах и сообществах, что позволяет расширить поле работы. Одним из ключевых пунктов в работе экспертной группы является ее влияние на принятие управленческих решений. Способность учитывать различные условия региона страны, особенности развития науки, а также многие социальные и культурные факторы в большой степени влияет на эффективность экспертной группы [4].

Таким образом, создание экспертных групп в России представляет собой сложный процесс, в котором необходимо учитывать определенные социально-профессиональные аспекты. Состав группы играет ключевую роль в качестве выработки экспертных заключений и в степени доверия со стороны общества к работе экспертной группы и прозрачности процесса оценки принятых решений.

Литература

1. Зотов В. В. Общественно-профессиональная экспертиза управленческих решений по социально значимым проблемам города как инструмент достижения консолидации. // *НОМОТЭТИКА: Философия. Социология. Право.* № 47(4). С. 682–690.
2. Сунгуров А. Ю., Карягин М. Е. Российское экспертное сообщество и власть: основные формы взаимодействия // *Полис. Политические исследования.* 2017. № 3. С. 144–159.
3. Тихонова Н. Е. Специалисты в современной России: социально-демографические особенности состава и ключевые проблемы // *Социологический журнал.* 2020. Т. 26, № 3. С. 64–89. URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/7396> (дата обращения: 20.05.2025).
4. Халикова Г. Р. Проблемы подготовки специалистов по социальной работе на современном этапе // *Молодой ученый.* 2014. № 9 (68). С. 416–417. URL: <https://moluch.ru/archive/68/11640/> (дата обращения: 20.05.2025).
5. Постановление Правительства РФ от 03.06.1998 № 565 (ред. от 08.12.2008) «О Порядке проведения государственной религиозной экспертизы». URL: <https://base.garant.ru/12111825/> (дата обращения: 20.05.2025).

**ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ:
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ КЯХТИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)²⁸**

Работа посвящена анализу мнений и оценок экспертов в вопросах социального и экономического развития приграничных районов Российской Федерации. Акцентируется внимание на актуальных вопросах развития приграничных территорий (на примере Кяхтинского района Республики Бурятия), вызовах и перспективах в условиях глобальной трансформации. Проведенный автором анализ основан на изучении геостратегических, социально-экономических и культурно-исторических аспектов развития региона.

Ключевые слова: приграничные территории, мнения и оценки экспертов, развитие, Кяхтинский район, Республика Бурятия.

O. A. Zakharenko

Irkutsk State University, Irkutsk

**EXPERT ASSESSMENT OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF BORDER REGIONS OF RUSSIA:
CHALLENGES AND PROSPECTS IN THE CONDITIONS
OF GLOBAL TRANSFORMATION (ON THE EXAMPLE OF KYAKHTA DISTRICT
OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)**

The work is devoted to the analysis of opinions and assessments of experts in matters of social and economic development of border regions of the Russian Federation. The focus is on current issues of border area development, challenges and prospects in the context of global transformation. The key role is played by the border Kyakhtinsky district of the Republic of Buryatia, the analysis is based on the study of geostrategic, socio-economic and cultural-historical aspects of the region's development.

Keywords: border territories, expert opinions and assessments, development, Kyakhta district, Republic of Buryatia.

Приграничные регионы России, обладая уникальным геополитическим положением, играют ключевую роль в обеспечении национальной безопасности и экономической интеграции. Развитие данных территорий часто сталкивается с комплексом проблем, начиная от большой удаленности от крупных городов, заканчивая недостаточным развитием инфраструктуры. Социально-экономические отличия между приграничными территориями и центральными регионами усугубляются под влиянием глобализации. В условиях санкционного давления и перестройки международных связей актуализируется вопрос о роли экспертных институтов в разработке новых и актуальных стратегий развития.

Экспертные сообщества, включая научные центры и аналитические агентства, становятся важным составляющим в формировании управленческих решений для приграничья. Их деятельность направлена на анализ факторов, влияющих на развитие приграничных территорий, а также на поиск механизмов устойчивого развития.

В статье доктора социологических наук, профессора Т. И. Грабельных «Место и роль экспертов в разработке стратегий инновационного развития региона» акцентируется внимание на том, что «...в современном обществе анализ экспертных практик в различных сферах требует глубокого осмысления, преимущественно, в части экспертного сопровождения разработки и реализации стратегий инновационного развития региона» [1]. Кандидат экономических наук, доцент С. П. Какаулин в статье «Экспертная оценка влияния санкций на формирование промышленной политики и импортозамещение в Иркутской области» рассматривает с позиции государственного управления меры, которые применяются в региональной промышленности в санкционных условиях, которые создают новые вызовы для промышленности и экономического развития регионов [4].

²⁸ Научный руководитель — кандидат экономических наук, доцент С. П. Какаулин.

Глобальные изменения, включая внедрение цифровых технологий, изменение отношений с другими странами и изменение климатических условий, требуют поиска новых подходов к развитию приграничных территорий. Современная экспертиза социально-экономического развития приграничных регионов опирается на комплекс методов, сочетающих количественный и качественный анализ. Среди ключевых инструментов выделяются статистическое моделирование и социологические опросы.

На Дальнем Востоке акцент смещается на интеграцию в азиатские экономические цепочки. Экспертные отчеты Восточного экономического форума подчеркивают роль Свободного порта Владивосток и территорий опережающего развития (ТОР) в привлечении иностранных инвестиций. Рассматривая отдельно ТОР «Бурятия», а в частности Кяхтинский район, входящий в состав данной территории стоит отметить важность создания ТОР И СЭЗ не только для экономического, промышленного и туристического взаимодействия, но и для развития приграничных территорий.

Кяхтинский район, выделяясь среди других приграничных муниципальных образований наименьшей территориальной площадью, демонстрирует выдающиеся показатели по численности и плотности населения. С точки зрения анализа отраслевой структуры предприятий и организаций региона, необходимо отметить, что Кяхтинский район, исторически игравший ключевую роль в торговых отношениях, характеризуется активной деятельностью субъектов экономической деятельности, специализирующихся на реализации, транспортировке и хранении товаров.

Приграничные регионы России активно вовлечены в трансграничное взаимодействие, которое становится драйвером экономического роста и стабильности. Например, сотрудничество с Китаем в рамках проекта «Евразийский экономический коридор» способствует развитию инфраструктуры Забайкалья и Хабаровского края. Эксперты подчеркивают, что такие проекты не только усиливают товарооборот, но и создают условия для технологического обмена. Однако, как отмечают аналитики Института Дальнего Востока РАН, сохраняются риски зависимости от внешних рынков, особенно в условиях геополитической нестабильности [4].

Исследования Сибирского отделения РАН показывают, что неконтролируемая добыча полезных ископаемых вблизи границ с Монголией и Казахстаном ведет к деградации экосистем. Эксперты предлагают внедрять «зеленые» стандарты в промышленность и развивать экотуризм как альтернативу сырьевой модели. Миграция остается ключевым фактором социально-экономической динамики приграничных регионов. Например, в республиках Северного Кавказа наблюдается отток молодежи в центральные регионы России, что снижает трудовой потенциал [4].

Государственная поддержка остается ключевым фактором социально-экономического развития приграничных регионов. Программы, такие как «Дальневосточный гектар» и налоговые льготы для резидентов ТОР, направлены на стимулирование инвестиционной активности. Однако, как отмечают эксперты Центра стратегических разработок, их эффективность ограничена бюрократическими барьерами и недостаточной координацией между федеральными и региональными органами власти [2].

Социальная инфраструктура приграничных регионов, включая здравоохранение и образование, требует модернизации. Например, приграничные территории часто сталкиваются с проблемой нехватки квалифицированных кадров в сфере образования, здравоохранения, кроме этого, не хватает современного оборудования, данные факторы снижают уровень развития приграничного района. Транспортная и энергетическая инфраструктура являются основой интеграции приграничных территорий в национальную и мировую экономику. Строительство мостов через Амур и модернизация Транссибирской магистрали усиливают логистические возможности Российской Федерации.

Приграничные регионы России сталкиваются с уникальным сочетанием вызовов и возможностей. С одной стороны, их геополитическое положение открывает перспективы для интеграции в международные экономические цепочки, как это происходит в рамках сотрудничества с Китаем и странами АТР. С другой стороны, сохраняются системные проблемы:

демографический дисбаланс, инфраструктурный износ и экологические риски. Экспертные оценки подчеркивают необходимость баланса между ускоренным экономическим ростом и устойчивым развитием, учитывающим интересы местных сообществ [2].

Экспертная оценка остается незаменимым инструментом для преодоления дисбалансов в развитии приграничных регионов. Ее роль усиливается в условиях глобальной нестабильности, требующей гибких и адаптивных решений. Успех стратегий развития зависит от синергии между государственной поддержкой, инновациями и активным участием местных сообществ. Как показывает опыт Дальнего Востока и Калининградской области, именно сочетание экспертного знания и практических инициатив формирует основу для долгосрочной устойчивости.

Литература

1. Грабельных Т. И. Место и роль экспертов в разработке стратегий инновационного развития региона // Модернизация и конструирование стратегий регионального и городского развития : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных, В. А. Решетников. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. С. 27–38.
2. Зиядулаев А. А. Трансграничное сотрудничество в условиях глобализации. СПб. : Питер, 2019. 256 с.
3. Какаулин С. П. Экспертная оценка влияния санкций на формирование промышленной политики и импортозамещение в Иркутской области // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 134–136. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Загл. с этикетки диска.
4. Ткаченко А. А. Международное сотрудничество приграничных территорий. Екатеринбург : УрФУ, 2023. 154 с.
5. Об основах приграничного сотрудничества : федер. закон от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ. URL: https://economy.gov.ru/material/dokumenty/federalnyy_zakon_ot_26_iyulya_2017_g_179_fz_ob_osnovah_prigranichnogo_sotrudnichestva.html (дата доступа: 12.05.2024).

УДК 316.334.3(571.53)

А. О. Злыгостев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА БЛАГОПОЛУЧНОЙ СЕМЬИ В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ²⁹

Рассматривается роль экспертных институтов в формировании и продвижении образа благополучной семьи как элемента социальной политики в рамках национальных проектов. На примере Иркутской области анализируются механизмы взаимодействия государственных структур, общественных организаций и медиаресурсов в создании устойчивых моделей семейных ценностей. Особое внимание уделяется региональным особенностям реализации федеральных программ, а также оценке их эффективности на основе доступных статистических данных.

Ключевые слова: благополучная семья, национальные проекты, социальная политика, Иркутская область, экспертные институты.

A. O. Zlygostev

Irkutsk State University, Irkutsk

POPULARIZATION OF A POSITIVE IMAGE OF A PROSPEROUS FAMILY IN THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS IN THE IRKUTSK REGION

The article examines the role of expert institutions in the formation and promotion of the image of a prosperous family as an element of social policy within the framework of national projects. Using the example of the Irkutsk region, the mechanisms of interaction between government agencies, public organizations and media resources in creating sustainable models of family values are analyzed. Particular attention is paid to the regional features of the implementation of federal programs, as well as an assessment of their effectiveness based on available statistical data.

Keywords: prosperous family, national projects, social policy, Irkutsk region, expert institutions.

²⁹ Научный руководитель — кандидат социологических наук Н. А. Саблина.

Семья на рубеже веков всегда считалась основой общества, а её укрепление является неотъемлемой частью развития и стабильности. Современное общество переживает заметные сдвиги в системе ценностей, которые напрямую связаны с постепенным исчезновением устоявшихся духовных ориентиров. Эти процессы напрямую отражаются на институте семьи: традиционные узы теряют былую прочность, снижаются значимость семейных отношений, а статистика разводов и конфликтов внутри домохозяйств, продолжает расти. Многие функции, которые исторически выполняла семья, либо перестают быть актуальными, либо реализуются лишь частично, что свидетельствует о глубоких изменениях в этой сфере. Статистические данные подтверждают эти тенденции. Если в 1970 г. 82,1 % семей воспитывали детей в полном составе, то к 2010 г. этот показатель снизился до 69,4 % [1]. Число неполных семей и одиноких матерей, воспитывающих детей без партнера, существенно увеличилось, что неизбежно повлияло на переосмысление привычных моделей семейной жизни. Кроме того, анализ данных микропереписи 2015 г. показывает, что среди мужчин и женщин в возрасте 40 лет 20 % и 13 % соответственно уже пережили развод и не вступили в повторный брак [1]. Стоит отметить, что продолжает расти доля малолетних семей, пар, живущих в незарегистрированных отношениях, а также других форм совместного проживания, отличных от традиционного брака. Эти изменения отражают общую трансформацию социальных норм и представлений о семье. На этих показателях стало фокусироваться внимание в процессе реализации национальных проектов в России, государственных и региональных программ.

Современная социальная политика Российской Федерации ориентирована на укрепление института семьи как основы устойчивого развития общества. В условиях демографических вызовов и трансформации семейных ценностей особую значимость приобретает популяризация позитивного образа благополучной семьи. Эта задача решается в рамках национальных проектов, таких как «Демография» и «Семья», предполагающих комплекс мер по поддержке семей с детьми, улучшению жилищных условий и повышению доступности образования.

Иркутская область, обладая специфическими социально-экономическими и культурными характеристиками, представляет собой релевантный пример для изучения механизмов реализации данных инициатив. В регионе сочетаются урбанизированные территории и сельские поселения с традиционным укладом жизни, что требует дифференцированного подхода к продвижению семейных ценностей.

Целью данной работы является анализ роли экспертных институтов в формировании образа благополучной семьи в контексте национальных проектов, реализуемых в Иркутской области.

1. Теоретические аспекты формирования образа благополучной семьи.

Понятие «благополучная семья» в научной литературе трактуется неоднозначно. В рамках социальной политики под этим термином чаще всего подразумевается семья, обеспечивающая физическое, психологическое и материальное благополучие детей, а также участвующая в социально-экономической жизни общества. Экспертные институты, включая научные центры, аналитические агентства и общественные организации, играют ключевую роль в разработке критериев благополучия и методов его популяризации. Их деятельность основывается на данных социологических исследований, статистике и лучших практиках регионов. В Иркутской области вопросами семейной политики занимаются такие структуры, как Министерство социального развития, опеки и попечительства региона, а также региональные отделения всероссийских организаций, например, «Союза женщин России». Их работа координируется с федеральными программами, что позволяет адаптировать общие принципы к местным условиям.

2. Национальные проекты как инструмент популяризации семейных ценностей.

С 1 января 2019 г. по 31 декабря 2024 г. в России реализован национальный проект «Демография», включающий федеральную программу «Финансовая поддержка семей при рождении детей». В Иркутской области в рамках этой инициативы выплачиваются региональные пособия, предоставляются сертификаты на материнский капитал и субсидии на

улучшение жилищных условий. Согласно отчетам Правительства Иркутской области, в 2024 г. более 12 тыс. семей воспользовались мерами поддержки, что на 8 % превышает показатели предыдущего года. Однако эффективность этих мер зависит не только от экономических факторов, но и от информационного сопровождения, формирующего положительный образ семьи.

Важную роль в этом процессе играют медиаресурсы. Так, региональные телеканалы («АИСТ», «Иркутск 24») и интернет-порталы («Байкал24», «ИрСити») регулярно публикуют материалы о многодетных семьях, успешных практиках воспитания и социальных инициативах. Подобный контент способствует формированию общественного запроса на устойчивые семейные модели.

3. Региональные особенности реализации семейной политики.

Иркутская область характеризуется значительным этнокультурным разнообразием, что влияет на восприятие семейных ценностей. В северных районах, где сохраняются традиционные уклады коренных народов, программы поддержки семей сочетаются с мероприятиями по сохранению культурной идентичности. Например, в Катангском районе реализуется проект «Семья – хранитель традиций», включающий мастер-классы по народным ремеслам и фольклорные фестивали. В то же время в крупных городах, таких как Иркутск и Братск, акцент делается на урбанистические модели семьи. Здесь работают центры психологической помощи, проводятся лекции по осознанному родительству и организуются общественные пространства для семейного отдыха.

Эффективность этих мер подтверждается данными исследования. Согласно социологическому опросу «Возрождение духовных ценностей как условие укрепления института семьи в России», проведенному лично автором в апреле 2025 г. (исследование проведено на базе социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ИГУ), распределение ответов на вопрос «Какие направления государственной политики в значительной степени влияют на укрепление института семьи и возрождение духовных ценностей?», 60 % опрошенных отмечают «семейная политика (материнский капитал, льготная ипотека, реализация прав на жилье молодых семей, поддержка многодетных семей и др.)», а 52 % опрошенных считают, что сохранение традиционных основ семейной жизни является наиболее точной характеристикой отражающей позитивный образ благополучной семьи.

Популяризация позитивного образа благополучной семьи в Иркутской области осуществляется через комплекс мер, сочетающих экономическую поддержку, информационное сопровождение и учет региональной специфики. Экспертные институты выступают связующим звеном между государственными программами и общественным запросом, обеспечивая адаптацию федеральных инициатив к местным условиям. Дальнейшее развитие этого направления требует углубленного изучения долгосрочных эффектов реализуемых проектов, а также расширения взаимодействия с гражданским обществом для формирования устойчивых моделей семейного благополучия.

Литература

1. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 18.05.2025).
2. Демографическая ситуация в Иркутской области в 2024 году: стат. бюл. / Иркутскстат. Иркутск, 2024. 56 с.
3. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федер. закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 18.05.2025) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 19.
4. Об утверждении плана мероприятий по реализации национального проекта «Демография»: постановление Правительства Иркут. обл. от 12.03.2021 № 145-пп // Областная. 2021. 15 марта.
5. Министерство финансов Иркутской области. Отчет об исполнении областного бюджета за 2023 год. Иркутск, 2024. 134 с.
6. О состоянии социальной сферы Иркутской области в 2024 году : доклад Минсоцразвития Иркут. обл. Иркутск, 2024. 89 с.
7. Реализация национальных проектов в Сибирском федеральном округе : мониторинговый отчет. Новосибирск : ИЗОПП СО РАН, 2024. 112 с.

8. Итоги конкурса «Семья года-2023» в Иркутской области : инф. справка. Иркутск : Минсоцразвития Иркут. обл., 2023. 15 с.

9. Муниципальная программа «Семейный наставник» г. Ангарска на 2021–2024 гг. : утв. постановлением администрации г. Ангарска № 234 от 05.08.2020 // Официальный сайт администрации г. Ангарска. URL: <http://www.angarsk-adm.ru> (дата обращения: 18.05.2025).

УДК 343.352

Н. А. Золотов

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ВИДЫ

Рассматривается правовая природа антикоррупционной экспертизы как одного из эффективных механизмов профилактики коррупционных правонарушений в системе государственной и муниципальной службы. Раскрываются понятие и основные цели проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Анализируются существующие подходы к классификации видов антикоррупционной экспертизы, выделяя внутреннюю (ведомственную) и независимую (в том числе экспертным сообществом). Также рассматриваются правовые основания проведения антикоррупционной экспертизы, ключевые критерии оценки, предусмотренные федеральным законодательством, и подчеркивается значение такой экспертизы в обеспечении законности и открытости государственной власти.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, коррупция, нормативный правовой акт, профилактика, правовая политика.

N. A. Zolotov

Baikal State University, Irkutsk

ANTI-CORRUPTION EXPERTISE: CONCEPT, ESSENCE, TYPES

The article considers the legal nature of anti-corruption expertise as one of the effective mechanisms for preventing corruption offenses in the system of state and municipal service. The concept and main goals of conducting anti-corruption expertise of normative legal acts and their drafts are revealed. The author analyzes the existing approaches to the classification of types of anti-corruption expertise, distinguishing between internal (departmental) and independent (including expert community). The article also examines the legal basis for conducting anti-corruption expertise, the key evaluation criteria provided by federal legislation, and emphasizes the importance of such expertise in ensuring the legality and transparency of public administration.

Keywords: anti-corruption expertise, corruption, legal act, prevention, legal policy.

Антикоррупционная экспертиза представляет собой системный анализ проектов и действующих нормативных правовых актов с целью выявления в них коррупциогенных факторов и выработки рекомендаций по их устранению. Законодательно закреплённый инструмент, регулируемый Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ, направлен на предупреждение коррупции ещё на стадии правотворчества и предусматривает как внутреннюю (ведомственную), так и независимую экспертизу. В её основе лежат чётко определённые критерии – выявление чрезмерных полномочий, непрозрачных процедур и необоснованных льгот – и методы анализа: контент-анализ, сравнительно-правовой анализ и опрос экспертов. Широкое привлечение гражданского общества и учёных обеспечивает дополнительную прозрачность и повышает качество законодательства.

Антикоррупционная экспертиза – это деятельность уполномоченных органов, организаций и их должностных лиц по проверке проектов и принятых нормативных правовых актов на наличие положений, создающих условия для коррупции.

Цель экспертизы заключается в выявлении и устранении коррупциогенных факторов – норм или сочетаний норм, предоставляющих необоснованно широкие полномочия, требующих исполнения сложно формулируемых или обременительных требований, а также допускающих непрозрачность процедур [6].

Правовой основой является Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», дополняющий общие положения Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[3]. Антикоррупционная экспертиза проводится при разработке, принятии и мониторинге применения нормативных правовых актов, включая акты реорганизованных и упразднённых органов, с учётом их специфики и последствий применения.

Сущность антикоррупционной экспертизы заключается в системном выявлении «*коррупциогенных факторов*» – тех элементов нормативных актов, которые создают «лазейки» для злоупотреблений и препятствуют обеспечению законности и справедливости [2]. Основные задачи экспертизы включают анализ проектируемых норм на предмет конфликтов интересов, оценки экономической обоснованности льгот и преференций, а также проверки на наличие неконкретных или несправедливых требований к субъектам правоотношений. Применение внутренней (ведомственной) экспертизы обеспечивает оперативную проверку на уровне разрабатывающих органов, тогда как независимая экспертиза, проводимая аккредитованными экспертами и общественными организациями, усиливает общественный контроль и повышает легитимность принимаемых актов.

Антикоррупционная экспертиза выступает не только как юридическая процедура, но и как механизм укрепления правовой культуры, повышающий доверие общества к органам власти и способствующий совершенствованию законодательства. В качестве ключевых элементов *нормативно-правовой базы* антикоррупционной экспертизы выступают федеральные законы, подзаконные акты, методические рекомендации и специализированные реестры экспертов. Федеральным «якорем» является Закон № 172-ФЗ, который впервые институционализировал процедуру проверки нормативных правовых актов на наличие коррупциогенных факторов. Он дополнил и конкретизировал общий антикоррупционный механизм, заложенный в Законе № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Далее процесс был формализован Правительственным постановлением № 96 от 26 февраля 2010 г., установившим правила проведения как экспертизы проектов, так и действующих актов. В 2024 г. Минюст России утвердил Приказ № 270, определивший новый порядок экспертизы нормативных правовых актов, разработанных самим министерством.

Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ закрепляет понятие антикоррупционной экспертизы, субъекты её проведения, этапы и требования к заключениям. Этот закон регламентирует проведение экспертизы при разработке, принятии и последующем мониторинге нормативных правовых актов, включая акты реорганизуемых органов. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» устанавливает общие принципы антикоррупционной политики и определяет экспертизу как одну из мер профилактики.

Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об утверждении Правил проведения антикоррупционной экспертизы» конкретизирует процедуру, сроки и формат заключений экспертов. Для отдельных отраслевых органов (например, ФСТЭК России) действует своё Положение, утверждённое Приказом ФСТЭК от 23 октября 2009 г. № 372, адаптирующее общие правила к специфике технического и экспортного контроля.

Минюст России разработал «Методические рекомендации по проведению правовой и антикоррупционной экспертиз нормативных правовых актов субъектов РФ и муниципальных образований», где изложены критерии оценки, контрольные списки и шаблоны заключений. Аналогичные рекомендации публикуют региональные управления Минюста, а также профильные ведомства, уточняя порядок выявления коррупциогенных факторов и оформление результатов экспертизы.

Государственный реестр независимых экспертов Минюста содержит список аккредитованных специалистов и организаций, имеющих право проводить вневедомственную экспертизу проектов и актов. Аккредитация в реестре требует прохождения процедуры отбора, подтверждения квалификации и соблюдения стандартов качества заключений.

Конституционные принципы прозрачности и верховенства закона закреплены в статьях 1 и 15 Конституции РФ; на их основе развивается антикоррупционная экспертиза. Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» подчёркивает значение экспертизы как одного из приоритетных направлений выполнения антикоррупционной стратегии. Указ Президента от 2 апреля 2013 г. № 309 устанавливает порядок взаимодействия органов власти при реализации антикоррупционных мер, включая направление запросов в финмониторинг по результатам экспертизы.

Нормативно-правовая база антикоррупционной экспертизы представляет собой многоуровневую систему, объединяющую федеральные законы, правительственные постановления, ведомственные положения, методические материалы и реестр аккредитованных экспертов. Все эти документы и механизмы создают единый правовой каркас для своевременного выявления и нейтрализации коррупционных факторов на стадии законотворчества и последующего применения нормативных правовых актов.

Антикоррупционная экспертиза нацелена на выявление и устранение положений, создающих коррупционные риски, и классифицируется по субъектам проведения, формам организации и используемым методам.

1. Ведомственная (внутренняя) экспертиза

Ведомственная экспертиза проводится уполномоченными подразделениями самих органов власти или организаций при разработке проектов нормативных правовых актов с целью оперативного обнаружения коррупционных норм ещё на стадии подготовки документов [4].

Она является обязательной частью правовой экспертизы и обеспечивает постоянную обратную связь между разработчиками и антикоррупционными специалистами, что позволяет устранять риски до внесения актов на рассмотрение коллегияльных органов.

2. Независимая (вневедомственная) экспертиза

Независимая экспертиза выполняется аккредитованными Минюстом РФ экспертами – юридическими и физическими лицами, включёнными в соответствующий реестр – а также некоммерческими организациями и учёными [8].

Её особенность в том, что она проводится вне рамок создающего органа и привлекает общественные институты, что существенно повышает прозрачность процесса и усиливает общественный контроль за качеством законодательства.

3. Судебно-прокурорская экспертиза

Прокуратура и Судебный департамент при Верховном Суде РФ осуществляют экспертизу действующих нормативных актов и их проектов в рамках надзорных функций, анализируя их на соответствие антикоррупционным требованиям [4].

Эта форма экспертизы применяется преимущественно при мониторинге исполнения законов и выявлении пробелов в действующих актах, а также при подготовке заключений по обращениям граждан и организаций.

4. Муниципальная экспертиза

Антикоррупционная экспертиза муниципальных нормативных правовых актов регулируется региональными положениями и методическими рекомендациями Минюста РФ, адаптируясь к местным особенностям управления.

Она часто проводится одновременно с правовой экспертизой проектов, что позволяет учитывать специфику муниципального правотворчества и предотвращать коррупцию на местном уровне [6].

5. Отраслевая (специальная) экспертиза

Некоторые профильные органы (ФСТЭК, ФСБ, отраслевые министерства) имеют собственные положения и методики, адаптирующие антикоррупционную экспертизу к техническим и специфическим требованиям конкретной сферы (например, экспортный контроль, медицинское регулирование) [4].

Такие экспертизы дополняют общие правила Федерального закона № 172-ФЗ, учитывая отраслевые риски и стандарты безопасности.

6. Криминологическая экспертиза (предложение)

В научных работах предлагается выделять криминологическую антикоррупционную экспертизу, фокусирующуюся на анализе скрытых коррупционных практик и типичных схем злоупотреблений, что позволяет выработать более глубокие превентивные меры [8]. Она дополняет традиционные правовые методы контент- и сравнительно-правового анализа экспертными исследованиями мотиваций и поведенческих моделей коррупционеров. Антикоррупционная экспертиза в России имеет многоуровневую структуру: от внутренней проверки проектов актов до вовлечения независимых экспертов и надзорных органов, с учётом как общегосударственных, так и отраслевых особенностей. Высокая эффективность достигается сочетанием разных видов экспертиз и регулярным обновлением методических рекомендаций.

Принципы проведения антикоррупционной экспертизы

Антикоррупционная экспертиза строится на следующих базовых принципах:

1. *Обязательность* проведения всех экспертиз проектов нормативных правовых актов без исключений, что закреплено Федеральным законом № 172-ФЗ.

2. *Взаимосвязь и комплексность оценки*, когда рассматриваемый акт анализируется во взаимодействии с другими нормативными документами и политиками, чтобы исключить противоречия и дублирование.

3. *Обоснованность и проверяемость результатов*: выводы экспертов должны опираться на чётко описанные методы и быть воспроизводимыми третьими лицами [1].

4. *Объективность*, выражающаяся в нейтральности экспертов и отсутствии конфликта интересов при анализе.

5. *Компетентность*, требующая от участников экспертизы профильного образования и опыта в правовой и антикоррупционной сфере.

6. *Сотрудничество* государственных органов, организаций и институтов гражданского общества, что усиливает прозрачность процесса и общественный контроль.

Критерии оценки

При экспертизе нормативных правовых актов применяются следующие ключевые критерии:

– *Наличие коррупциогенных факторов*: оценка, создаёт ли норма избыточные полномочия, непрозрачные процедуры или необоснованные льготы [1].

– *Соответствие принципам правового государства*: проверка на нарушение конституционных норм и международных стандартов.

– *Экономическая обоснованность*: анализ финансовых последствий и оценки риска появления коррупционных схем в связи с введением преференций [5].

– *Ясность и конкретность формулировок*: исключение расплывчатых или слишком широких формулировок, которые могут быть использованы в обход закона.

– *Прозрачность процедур*: оценка доступности информации о порядке реализации норм для всех заинтересованных лиц.

– *Сбалансированность интересов*: анализ возможных конфликтов интересов и мер по их предотвращению.

Методы проведения

Для выполнения экспертизы используют сочетание трёх основных групп методов:

1. *Контент-анализ*, позволяющий детально изучить текст акта, выявить лексические и семантические признаки коррупциогенности (сложность формулировок, наличие неограниченных полномочий).

2. *Сравнительно-правовой анализ*, сопоставляющий проектируемую норму с действующим федеральным и региональным законодательством, а также международными договорами, чтобы обнаружить противоречия и пробелы [1].

3. *Экспертные опросы и интервью*, в рамках которых привлекаются профильные специалисты из государственных органов, академического сообщества и НКО для оценки рисков и выработки рекомендаций.

Дополняют основные методы:

– Анализ практики применения сходных норм в других субъектах РФ или зарубежных юрисдикциях для выявления типовых коррупционных схем.

– Работа с контрольными списками и шаблонами заключений, разработанными Минюстом РФ и региональными управлениями, обеспечивающими единообразие оформления результатов экспертизы.

– Использование информационных систем мониторинга, которые автоматически отслеживают изменение статусов проектов законов и фиксируют исторические версии актов.

Сочетание жёстких принципов, чётких критериев и проверенных методов обеспечивает всесторонний и объективный характер антикоррупционной экспертизы, позволяя эффективно выявлять и устранять коррупциогенные нормы ещё на этапе подготовки нормативных правовых актов.

Роль антикоррупционной экспертизы в системе противодействия коррупции

Антикоррупционная экспертиза служит превентивным инструментом, позволяющим выявлять и устранять коррупциогенные нормы ещё на стадии правотворчества, что повышает качество законодательства и снижает риски реализации коррупционных схем. Она интегрируется как в внутриведомственные процессы нормотворчества, так и в независимые экспертные инициативы, усиливая прозрачность и общественный контроль. Благодаря чёткому правовому оформлению (Закон № 172-ФЗ и подзаконные акты), методическим рекомендациям Минюста и единому реестру экспертов, институт экспертизы выполняет стратегическую функцию в достижении целей Национальной стратегии противодействия коррупции.

Антикоррупционная экспертиза обеспечивает своевременное выявление «коррупциогенных» факторов – положений, создающих необоснованные полномочия или непрозрачные процедуры, – ещё на этапе разработки нормативных актов. В отличие от реагирующих мер, она ориентирована на профилактику, что позволяет экономить бюджетные ресурсы и укреплять доверие к власти [7].

Системный анализ проектов законов и подзаконных актов по критериям прозрачности, экономической обоснованности и соответствия конституционным нормам значительно снижает количество коллизий и корректировок уже после принятия. Внедрение единого реестра независимых экспертов под эгидой Минюста РФ гарантирует высокую компетентность и беспристрастность заключений.

Независимая экспертиза, проводимая НКО, экспертными советами и академическим сообществом, расширяет возможности гражданского общества участвовать в нормотворчестве и добиваться учёта своих интересов. Публичная дискуссия по результатам таких экспертиз повышает информированность граждан и формирует нетерпимость к коррупции на всех уровнях власти. Закон № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе...» прямо связывает экспериментальную процедуру с мерами, предусмотренными в Федеральном законе № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», и другими стратегическими документами Президента РФ и Правительства РФ. Приказ Минюста России № 270 (2024 г.) и Правительственное постановление № 96 (2010) конкретизируют порядок взаимодействия ведомств и сроки проведения экспертиз, что повышает оперативность рассмотрения актов.

По данным Минюста, ежегодно в ходе экспертиз выявляется свыше 30 % актов с коррупциогенными положениями, рекомендованные корректировки которых предотвращают возможные нарушения на сумму сотен миллионов рублей. Например, после независимой экспертизы проекта регионального закона о госзакупках были исключены риски непрозрачного распределения контрактов, что повысило конкуренцию среди поставщиков и сэкономило бюджету порядка 200 млн руб.

Таким образом, антикоррупционная экспертиза выступает локомотивом системы противодействия коррупции: она предупреждает коррупцию, повышает качество правовых актов, вовлекает общество и интегрируется в национальную стратегию, обеспечивая более прозрачное и эффективное государственное управление.

Литература

1. Агеев В. Н. Принципы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Russian Journal of Economics and Law. 2009. № 4 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-antikorrupsionnoy-ekspertizy-normativnyh-pravovyh-aktov-i-ih-proektov> (дата обращения: 17.05.2025).
2. Антикоррупционная экспертиза // Воронежский государственный технический университет. URL: <https://cchgeu.ru/university/protivodeystvie-korrupsii/antikorrupsionnaya-ekspertiza/> (дата обращения: 29.04.2025).
3. Антикоррупционная экспертиза // Министерство по управлению имуществом и градостроительной деятельности Пермского края. URL: <https://migd.permkrai.ru/deyatelnost/protivodeystvie-korrupsii/antikorrupsionnaya-ekspertiza/antikorrupsionnaya-ekspertiza> (дата обращения: 25.04.2025).
4. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов // Официальный сайт правительства Свердловской области. URL: https://midural.ru/normative_documents/100615/100630/page1/document88808/ (дата обращения: 25.04.2025).
5. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: памятка. М. : Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2019. 32 с.
6. Головин А. Ю. Понятие и классификации антикоррупционных экспертиз нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), проводимых субъектами правоохранительной и правозащитной деятельности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 4–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-klassifikatsii-antikorrupsionnyh-ekspertiz-normativnyh-pravovyh-aktov-proektov-normativnyh-pravovyh-aktov-provodimyh> (дата обращения: 29.04.2025).
7. Татишвили Т. М. Антикоррупционная экспертиза в системе мер противодействия и предотвращения коррупции // Право и современные государства. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupsionnaya-ekspertiza-v-sisteme-mer-protivodeystviya-i-predotvrascheniya-korrupsii> (дата обращения: 17.05.2025).
8. Шеслер А. В., Боровских Р. Н. Виды антикоррупционной экспертизы // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-antikorrupsionnoy-ekspertizy> (дата обращения: 10.05.2025).

УДК 1(470)(091)

Ю. И. Ивакина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ХАРАКТЕР ВЛИЯНИЯ ИНДИВИДУАЛИЗМА НА ПРОЯВЛЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА СРЕДИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ: МНЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ³⁰

Рассматривается динамика индивидуализма на проявление одиночества среди молодого поколения в фокусе экспертных мнений. Выделены значения концепций индивидуализма и капитализма, причины и последствия влияния индивидуализма на проявление одиночества, а также рассмотрены мнения экспертов.

Ключевые слова: одиночество, индивидуализм, коллективизм, цифровизация, экспертное мнение.

Yu. I. Ivakina

Irkutsk State University, Irkutsk

THE DYNAMICS OF INDIVIDUALISM AND COLLECTIVISM IN THE FOCUS OF RUSSIAN PUBLIC OPINION AND EXPERT ANALYSIS

The article examines the dynamics of individualism on the manifestation of loneliness among the younger generation in the focus of expert opinions. The meanings of the concepts of individualism and capitalism are highlighted, the causes and consequences of the influence of individualism on the manifestation of loneliness, and the opinions of experts are considered.

Keywords: loneliness, individualism, collectivism, digitalization, expert opinion.

На сегодняшний день в России прослеживается тенденция проявления одиночества среди молодого поколения, связанная с ростом индивидуализма. Молодое поколение, которое столкнулось с цифровизацией, приоритетом карьерных ценностей, трансформацией института семьи, социальными болезнями XXI в., с ориентацией на личные достижения, всё чаще

³⁰ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Габельных.

сталкивается с феноменом одиночества. Несмотря на то что есть возможность взаимодействия с людьми через различные мессенджеры и социальные сети, многие люди испытывают чувство изоляции. Эксперты в области социологии и психологии отмечают, что индивидуализация образа жизни меняет динамику межличностных отношений, делая их более поверхностными и фрагментированными.

Согласно данным ВЦИОМ, в 2025 г. ключевым критерием одиночества в общественном сознании всё ещё считается отсутствие близких людей, а именно: семьи, родственников, друзей, а также единомышленников [1]. Кроме того, наблюдается интенсивное снижение внимания к психологическим аспектам одиночества. За последние семь лет мнение, что одинокий человек – это замкнутый и нелюдимый человек, практически утратило свою актуальность. Это говорит о том, что присутствует частичное преодоление стигматизации одиночества и понимания того, что оно не всегда возникает из-за личностных особенностей личности.

Исторически в России преобладал коллективизм. На ранних этапах развития российского общества коллективизм характеризовался общинной структурой. Крестинские общины были основой социальной жизни, где различные проблемы и вопросы решались совместно. В Советском союзе коллективизм являлся официальным принципом, где личные интересы переходили на второй план. Коллективизация, создание кооперативов стали инструментами, которые направлены на укрепление общей идентичности и единство народа. С переходом к рыночной экономике и глобализацией, увеличивается процент индивидуалистических тенденций. Экономические реформы 1990-х гг. и влияние Запада поспособствовали трансформации взглядов на личные достижения и успех. Однако с 2000-х гг. общественное мнение начало меняться в сторону коллективизма, что связано с экономическим ростом, укреплением государства, трансформацией социальных норм и ценностей, а также национальной идентичности [2]. Проявление индивидуалистических или коллективистских тенденций зависит как от культуры, так и от социального контекста: человек может проявлять коллективистские тенденции в семье и среди близких друзей и индивидуалистическое поведение – на работе или с незнакомыми людьми.

Е. И. Багрий, Т. И. Грабельных и Е. А. Мохрякова в статье «Идентификация как основной способ развития блогосферы в пространствах самопрезентации молодёжи в России» отмечают, что в информационном обществе человеку нужно подстраиваться под вызовы постоянно меняющегося общества, а также адаптироваться и самостоятельно предпринимать меры к саморазвитию. Также важно отметить, что виртуальные технологии изменяют образ жизни людей и оказывают влияние на самопрезентацию, идентичность и социализацию личности [3]. В связи с цифровизацией появился тренд на блогинг. Блогеры начали массово транслировать свою жизнь и прививать новые ценности и идеалы, вследствие чего появился акцент на личные достижения, собственный комфорт, жизнь «соло», что приводит к чувству одиночества.

Доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных отмечает, что «...уникальность современного этапа цивилизационного развития состоит в том, что угрозы и вызовы стали более многочисленными, технологизированными, интеллектуализированными и сложно управляемыми. Большинство из них имеют системный характер и способны вызывать глубинные социальные трансформации» [4]. Можно сделать вывод, что угрозы и вызовы способствуют социальным трансформациям. На сегодняшний день, коллективизм сменяется индивидуализмом. Причинами могут выступать такие угрозы и вызовы, как глобализация, развитие технологий, экономические и политические изменения, а также изменения в сфере образования.

В докладе «Молодежь перед лицом угроз и вызовов» профессор Н. Л. Смакотина (МГУ, Москва) отметила, что «...сегодня в мире под воздействием социальной неопределённости складывается новая социальная реальность, порождающая вызовы и несущая обществу угрозы. Молодежь воспринимает их особенно остро и реагирует появлением новых культурных паттернов» [4]. Н. Л. Смакотина утверждала, что под влиянием социальной неопределённости, появляется новая реальность. Это может означать, что преобладание кон-

цепции индивидуализма определяется как вызов для традиционных норм коллектива, что требует внимание к вопросам солидарности и социальных связей.

Эксперты в области психологии обращают внимание на то, что одиночество, которое вызвано индивидуализмом, имеет долгосрочные негативные последствия, а именно: эмоциональная изоляция, снижение эмпатии, кризис идентичности и др. [5]. Эксперты отмечают, что баланс между личной свободой и социальной связанностью возможен, но необходимо внедрить системные изменения на уровне общественных институтов и индивидуальных практик.

В качестве вывода отметим, что индивидуализм, будучи важным элементом современного общества, несёт в себе противоречивые последствия. С одной стороны, он способствует личностной автономии, а с другой – увеличивает риски социальной изоляции. Молодёжь, находящаяся под влиянием цифровых технологий и экономической неопределённости, особенно уязвима к одиночеству. Однако, как показывают исследования, развитие новых форм социализации и поддержка ментального здоровья помогут смягчить данную проблему.

Литература

1. Предпочтения россиян в кино // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-v-stile-solo> (дата обращения: 25.05.2025).
2. Динамика ценностей индивидуализма/коллективизма среди российской и европейской молодёжи (на основе данных европейского социального исследования за 2006–2021 гг.) // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 22 / отв. ред. М. К. Горшков ; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. С. 146–178. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=13509 (дата обращения: 25.05.2025).
3. Багрий Е. И., Грабельных Т. И., Мохрякова Е. А. Идентификация как основной способ развития блогосферы в пространствах самопрезентации молодежи в России // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 1 (58). С. 16–20.
4. Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Зырянов В. В. Угрозы как социальный феномен в XXI веке // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 154–156.
5. Всемирная организация здравоохранения. Доклад о ментальном здоровье молодёжи. Женева, 2025. 89 с.

УДК 316.334.56(571.1/.5)

Д. К. Ильин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Исследуется влияние цифровизации на развитие социальных наук, включая социологию, политологию, экономику и психологию. Анализируется, как современные цифровые технологии, такие как искусственный интеллект, трансформируют методы исследования, расширяют возможности анализа социальных процессов и способствуют созданию новых теоретических моделей. Особое внимание уделяется проблемам цифрового неравенства, этическим аспектам использования данных и перспективам интеграции цифровых инструментов в социальные исследования.

Ключевые слова: цифровизация, социальные науки, искусственный интеллект, цифровое неравенство, этика данных.

D. K. Ilin

Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF DIGITALIZATION IN THE DEVELOPMENT OF THE SOCIAL SCIENCES

The article examines the impact of digitalization on the development of social sciences, including sociology, political science, economics and psychology. The author analyzes how modern digital technologies, such as artificial intelligence, transform research methods, expand the possibilities of analyzing social processes and contribute to the creation of new theoretical models. Particular attention is paid to the problems of digital inequality, the ethical aspects of data use and the prospects for integrating digital tools into social research.

Keywords: digitalization, social sciences, artificial intelligence, digital inequality, data ethics.

Цифровизация стала неотъемлемой частью современного общества, оказывая значительное влияние на все сферы человеческой деятельности, включая науку. Социальные науки, традиционно опирающиеся на качественные и количественные методы, сегодня сталкиваются с необходимостью адаптации к новым технологическим реалиям.

Цель данной статьи – рассмотреть, как цифровые технологии меняют социальные науки, какие возможности и вызовы они привносят, а также предложить пути решения возникающих проблем.

Современный этап развития социальных наук характеризуется стремительным проникновением цифровых технологий в исследовательские практики. Этот процесс носит неоднозначный характер, создавая как новые перспективы, так и серьезные методологические вызовы. В частности, искусственный интеллект и методы машинного обучения позволяют обрабатывать огромные массивы данных, которые ранее были недоступны для анализа.

Особое значение в контексте цифровизации приобретает проблема репрезентативности данных. Если в классических социологических исследованиях отбор респондентов тщательно контролировался, то при работе с big data исследователь сталкивается с проблемой «цифрового следа», который оставляют далеко не все социальные группы. Это создает систематические искажения в выборке, что особенно заметно при изучении старших возрастных групп или малообеспеченных слоев населения, менее активных в цифровом пространстве [3]. Этические аспекты цифровизации социальных наук также требуют особого внимания. Использование персональных данных, даже в обезличенной форме, ставит сложные вопросы о границах приватности и допустимых способах их обработки [4].

Особого внимания заслуживает трансформация профессиональных компетенций исследователей в социальных науках. Современный ученый должен не только владеть традиционными методами, но и разбираться в основах программирования, статистики и работы с базами данных. Это требует существенной перестройки системы подготовки кадров и создания новых образовательных программ.

Развитие цифровых технологий продолжает трансформировать методологию социальных исследований, создавая принципиально новые возможности для анализа общественных процессов. Одним из наиболее перспективных направлений становится применение технологий искусственного интеллекта для анализа качественных данных. Ученые различают сильный и слабый искусственный интеллект [1]. Слабый искусственный интеллект представляет собой «умную машину», которая решает узкий круг задач по заранее заданным алгоритмам, фокусируясь на достижении конкретного результата. В отличие от него, сильный искусственный интеллект способен справиться с широким спектром задач без предустановленных алгоритмов, имитируя человеческое мышление. Именно эта особенность отличает его от обычных компьютерных программ и технологий, что порождает в научном сообществе дискуссии о необходимости наделения его особым правовым статусом и даже признания в качестве субъекта права. Развитие сильного искусственного интеллекта основывается на ряде принципов, включая, согласно Национальной стратегии, защиту прав и свобод человека, безопасность, прозрачность, технологический суверенитет, поддержку конкуренции и другие. Современные алгоритмы NLP (Natural Language Processing) позволяют не только автоматизировать обработку текстовых массивов, но и выявлять скрытые смысловые структуры, что особенно ценно для исследований в области социолингвистики и дискурс-анализа [4].

Важным трендом последних лет стало развитие «цифровой этнографии» – методологического подхода, сочетающего традиционные этнографические методы с анализом цифровых следов человеческой деятельности. Этот подход позволяет изучать онлайн-сообщества и цифровые практики как самостоятельные социальные феномены, а не просто как отражение «реальной» социальной жизни. Однако здесь возникает сложный вопрос о границах между публичным и приватным в цифровом пространстве, требующий тщательной этической рефлексии. Особую актуальность приобретает проблема «алгоритмической предвзятости» в социальных исследованиях. Многочисленные исследования показывают, что алгоритмы машинного обучения могут воспроизводить и усиливать существующие социальные стереоти-

пы и неравенства. Например, системы распознавания лиц демонстрируют меньшую точность при работе с изображениями людей с темным цветом кожи, а алгоритмы кредитного скоринга могут дискриминировать определенные социальные группы. Эти примеры наглядно иллюстрируют, как технологические решения могут воплощать и закреплять существующие социальные предубеждения. В контексте цифровизации социальных наук особое значение приобретает развитие методологии «смешанных исследований», которая сочетает количественный анализ больших данных с традиционными качественными методами. Такой подход позволяет не только выявлять статистические закономерности, но и понимать их социальный смысл и значение для конкретных групп и индивидов. Например, сочетание анализа big data из социальных сетей с глубинными интервью дает более полное представление о природе социальных явлений [4].

Важным вызовом остается проблема цифрового неравенства в академической среде. Доступ к передовым цифровым инструментам и данным распределен крайне неравномерно как между странами, так и внутри научного сообщества. Это создает риск формирования «цифровой элиты» в социальных науках и маргинализации исследователей, не имеющих доступа к современным технологическим ресурсам. Преодоление этого разрыва требует как институциональных решений на уровне университетов и научных фондов, так и развития открытых образовательных ресурсов и инструментов.

Развитие цифровых методов в социальных науках ставит и новые теоретические вопросы. В частности, требует переосмысления само понятие «социального факта» в условиях, когда значительная часть социальных взаимодействий происходит в цифровой среде и фиксируется алгоритмами. Это приводит к необходимости разработки новых теоретических моделей, способных адекватно описывать гибридную (онлайн-офлайн) природу современного социального взаимодействия.

Экспериментальные цифровые методы (А/В тестирование, цифровые этнографии) Особую актуальность приобретает развитие «рефлексивной цифровой методологии», которая учитывает не только технические возможности, но и социальные последствия применения цифровых инструментов исследования.

Этика исследований в условиях цифровой слежки; расширение возможностей цифрового наблюдения создает серьезные этические дилеммы. Традиционные принципы информированного согласия и анонимности требуют переосмысления в условиях, когда: данные могут быть деанонимизированы задним числом исследователи не всегда могут предвидеть все возможные способы использования собранных данных, сами участники исследования часто не осознают степень своей цифровой экспозиции.

Современный этап цифровизации социальных наук демонстрирует, что технологические инновации приносят не только новые исследовательские возможности, но и фундаментальные изменения в саму природу социального познания. Происходит переход от изучения «готовой» социальной реальности к анализу процессов ее постоянного цифрового конструирования. В этом контексте особую значимость приобретают несколько ключевых аспектов. Во-первых, формируется новая экосистема социального знания, где традиционные теоретические конструкции требуют постоянной адаптации к динамично меняющейся цифровой среде. Классические социологические концепции, разработанные для анализа офлайн-взаимодействий, оказываются недостаточными для понимания гибридных (онлайн-офлайн) форм социальности. Это порождает необходимость разработки новых теоретических моделей, способных адекватно отражать сложность цифровой социальной реальности. Во-вторых, меняется сама роль исследователя в производстве знания. Из нейтрального наблюдателя ученый превращается в активного участника цифровых процессов, что требует развития новых форм методологической рефлексии. Особую важность приобретает осознание того, что цифровые инструменты не являются нейтральными посредниками, а несут в себе определенные ценностные и идеологические предпосылки, которые могут влиять на результаты исследования. В заключение, цифровизация приводит к перераспределению исследовательских ресурсов и возможностей [2]. Формируется новая география социального знания, где доступ

к цифровым инструментам и данным становится критически важным фактором научной конкурентоспособности. Это создает риски новой формы академического неравенства, когда исследователи и целые научные сообщества, не имеющие доступа к передовым технологиям, оказываются на периферии научного процесса.

Таким образом, цифровизация социальных наук представляет собой не просто технологическую модернизацию методов исследования, а качественную трансформацию всей системы социального познания, затрагивающую его эпистемологические, методологические и этические основания. Современный этап цифровой трансформации характеризуется переходом от простого использования цифровых инструментов к осознанию их активной роли в конструировании социальной реальности, что требует развития новых теоретических подходов и методологических стратегий.

Ключевыми вызовами цифровизации становятся: проблема алгоритмической предвзятости, кризис репрезентативности в условиях big data, этические дилеммы цифрового наблюдения и риски усиления академического неравенства.

Перспективы развития цифровых социальных наук связаны с формированием новой исследовательской парадигмы, которая:

- Сочетает технологические возможности с критической гуманитарной рефлексией;
- Развивает методологический плюрализм и междисциплинарность;
- Обеспечивает этическую прозрачность исследовательских практик;
- Способствует демократизации доступа к цифровым инструментам и данным.

Будущее социальных наук видится в развитии «цифрового гуманизма» – подхода, который позволит использовать технологические инновации, сохраняя при этом гуманистическую направленность и социальную ответственность научного познания. Таким образом, цифровая трансформация социальных наук открывает новые перспективы для понимания современного общества, но одновременно требует глубокой перестройки всей системы научного производства знания. Успешное преодоление возникающих вызовов возможно только через сбалансированное сочетание технологических возможностей, методологической изобретательности и этической ответственности научного сообщества.

Литература

1. Кравченко С. А. Социология цифровизации : учеб. для вузов. М. : Изд-во Юрайт, 2025. 236 с.
2. Лахани К., Янсити М. Оцифруйся или умри. Как трансформировать компанию с помощью искусственного интеллекта и обойти конкурентов. М. : Изд-во Бомбора, 2021. 320 с.
3. Майер-Шенбергер В., Кукьер К. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. М. : Изд-во МИФ, 2013. 240 с.
4. Худякова Е. А. К вопросу о правовом статусе искусственного интеллекта // Вопросы российской юстиции. 2020. С. 366–371. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovom-statuse-iskustvennogo-intellekta> (дата обращения: 10.04.2025).

ИНТЕРНЕТ-КОНТЕНТ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ ТРЕВОЖНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ РИСКОВ И Последствий³¹

Рассматриваются особенности влияния интернет-контента на уровень общественной тревожности в современной России. Проанализированы социологические теории и экспертные мнения о рисках потребления тревожной информации. Особое внимание уделено роли медиаграмотности в снижении негативных эффектов.

Ключевые слова: интернет-контент, общественная тревожность, экспертные оценки, экспертные мнения.

S. A. Kadnikova

Irkutsk State University, Irkutsk

INTERNET CONTENT AS A FACTOR OF PUBLIC ANXIETY IN MODERN RUSSIA: EXPERT ASSESSMENTS OF RISKS AND CONSEQUENCES

The article examines the peculiarities of the influence of Internet content on the level of public anxiety in modern Russia. Sociological theories and expert opinions on the risks of consuming disturbing information are analyzed. Special attention is paid to the role of media literacy in reducing negative effects.

Keywords: Internet content, public anxiety, expert assessments, expert opinions.

В XXI в. интернет и социальные сети стали главным источником новостей и информации для большинства россиян. При этом доверие к интернет-источникам остаётся невысоким. По данным опроса, проведенного ВЦИОМ, только 23 % россиян доверяют новостям из социальных сетей, тогда как 43 % им не доверяют. Для сравнения, телевидению доверяют около 50–53 %, а официальным сайтам – примерно 35–43 % граждан [2]. Недоверие и скепсис в отношении онлайн-информации сопровождаются растущей тревожностью населения. Согласно ФОМ, сентябре 2022 г. тревожное настроение в окружении ощущали 70 % россиян (рекордный показатель за последние годы), а к концу года эта доля снизилась до 52 % [6]. На фоне этих данных особую актуальность приобретает анализ роли интернет-контента как фактора общественной тревожности.

Воздействие медиа на общественное сознание описывают различные социологические и психологические теории. Так, теория культивирования Дж. Гербнера предполагает, что длительное и повторяющееся воздействие медиаконтента формирует у зрителей устойчивые представления о мире. Иными словами, потребители «аккумулируют» ключевые образы и сюжеты из СМИ, которые затем влияют на их восприятие реальности. Например, если информационная повестка насыщена негативными новостями (агрессия, преступность, катастрофы, конфликты), то у людей формируется «эффект среднего зла»: мир кажется более опасным, чем он есть на самом деле. Подобный механизм объясняет, почему усиленный показ тревожных событий по телевидению или в интернете может культивировать у аудитории страх и пессимизм. В 1970-е гг. Максвелл Маккомбс и Дональд Шоу сформулировали теорию повестки дня (agenda-setting theory), которая объясняет, как СМИ определяют, какие темы становятся важными для общества. Влияние медиа заключается не столько в изменении мнений, сколько в расстановке приоритетов – люди считают значимыми те вопросы, которые активно обсуждаются в СМИ. В эпоху цифровых технологий эта концепция претерпела модификации, поскольку теперь не только традиционные СМИ, но и алгоритмы социальных сетей определяют, какие темы становятся центральными. Позднее Стэнли Коэн в своем научном труде «Народные дьяволы и моральная паника» (1972) [1] ввел концепцию моральной паники, которая акцентирует роль СМИ в генерации массовой истерии. СМИ имеют тенденцию выделять и драматизировать угрозы (внешние враги, «псевдоопасные» субкультуры,

³¹ Научный руководитель – кандидат политических наук, доцент Р. Ю. Зуляр.

фейки и др.), представляя их как «народных дьяволов» и побуждая общество к противодействию. В совокупности эти подходы свидетельствуют: интернет-контент не просто информирует, но и смещает эмоциональный фон общества. Постоянное столкновение с негативом и дезинформацией, усиливающее ощущение опасностей, может приводить к росту социокультурного страха и неопределённости.

Российские специалисты в области психологии и коммуникаций отмечают прямую связь между контентом в сети и уровнем тревожности населения. Так, психотерапевт Александр Федорович прямо указывает: «...избыток негативной информации, часто фейковой, в социальных сетях вызывает повышенную тревожность» [3]. А. Федорович считает, что чрезмерный поток сенсаций в соцсетях требует регламентации и «фильтрации». Необходимо отметить, что именно по этой причине создаются списки запрещенных сайтов, доступ к которым ограничивается на территории России. Таким образом, часть экспертов рассматривает ограничение информационного потока как способ снижения тревожности населения.

Эксперты также обращают внимание на проблему фейков и недоверия в интернете. По словам Генерального директора Фонда ВЦИОМ Константина Абрамова, почти половина родителей (37 %) заметила, что их дети сталкивались с недостоверной информацией, чаще всего именно в интернете и соцсетях. Причём 52 % граждан доверяют официальным образовательным источникам (сайты и аккаунты Минпросвещения), в то время как часть фейкового контента распространяется через неофициальные каналы. Заместитель министра просвещения РФ Анастасия Зырянова подчеркивает, что «...в интернете распространяется недостоверная информация, которая преподносится как истина» и что защита от неё лежит в плоскости повышения доверия к официальным ресурсам [5]. Таким образом, ведущие эксперты согласны: тревожный интернет-контент (сочетание эмоциональных сенсаций, депрессивных нарративов и ложной информации) усугубляет психологическое напряжение общества. Это отражается не только на отдельных людях, но и на общем общественном самочувствии.

Риски распространения тревожного интернет-контента многогранны. Во-первых, это прямое воздействие на психику пользователей: частое столкновение с негативными сюжетами может вызывать стресс, беспокойство и депрессивные настроения. Однако важно понимать, что не весь контент одинаково вреден. Эксперты подчёркивают, что огромное значение имеет информационная грамотность. Люди, умеющие критически относиться к информации, проверять источники, отличать факты от интерпретаций, в меньшей степени подвержены влиянию тревожного контента. Например, по данным исследования, проведенного Rambler&Co, 49 % россиян доверяют новостям традиционных СМИ значительно больше, чем блогерам (доверие к блогерам составило лишь 8 %). Это говорит о том, что значительная часть аудитории осознаёт угрозу недостоверного интернет-контента и пробует сверять информацию: 31 % опрошенных регулярно перепроверяют сообщения из разных источников. Тем не менее 12 % вообще не занимаются верификацией, а 27 % проверяют только в одном источнике [4]. В условиях такой медиаграмотности риск восприятия фейков как правды остаётся высоким. Во-вторых, технологические риски: соцсети и интернет-платформы предлагают персонализированный поток информации, что ведёт к формированию «эхо-камер» и алгоритмических пузырей. Лента негативных постов может усиливать уязвимость отдельных групп – особенно у детей и подростков, людей с низким уровнем образования или отсутствием стабильного дохода. Эти и другие факторы создают риск хронической информационной тревожности у части населения. Эксперты указывают, что независимо от реальной ситуации людей беспокоит главный страх – «страх неизвестности» (неопределённости будущего и безопасности). И когда СМИ или интернет-контент ежедневно подчёркивают внешние угрозы (война, эпидемии, санкции), многие ощущают постоянное напряжение.

Резюмируя вышесказанное, интернет-контент оказывает заметное влияние на уровень общественной тревожности в России, формируя у пользователей ощущение нестабильности и постоянной угрозы. Современные медиа не только информируют, но и активно воздействуют на эмоции, особенно когда речь идёт о тревожных, дезинформирующих или сенсационных материалах. Наиболее уязвимыми к такому влиянию оказываются дети и подростки, а

также те, кто часто потребляет информацию из непроверенных источников. Для снижения негативного воздействия необходимы системные меры: развитие медиаграмотности, повышение доверия к официальным каналам и продвижение ответственного контента. Только комплексный подход позволит обществу лучше справляться с информационными вызовами и сохранить психологическое благополучие.

Литература

1. Коэн С. Народные дьяволы и моральная паника. Создание модов и рокегов / пер. с англ. А. Морозова, Д. Хамис ; под науч. ред. Е. Бондал. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 352 с.
2. Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/> (дата обращения: 19.05.2025).
3. Влияние соцсетей на тревожность оценили. URL: <https://lenta.ru/news/2022/03/12/socseti/> (дата обращения: 19.05.2025).
4. Исследование: 49 процентов россиян больше верят СМИ, чем блогерам // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/06/14/issledovanie-49-procentov-rossiian-bolshe-veriat-smi-chem-blogeram.html> (дата обращения: 19.05.2025).
5. Россияне стали больше доверять официальным источникам информации // Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/11/27/21799981.shtml> (дата обращения: 19.05.2025).
6. Фонд общественного мнения. URL: <https://fom.ru/> (дата обращения: 19.05.2025).

УДК 316.422.42

Д. С. Ковалюк

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Рассмотрена роль цифровизации в развитии социальных наук. Акцентируется внимание на использовании больших данных, алгоритмов машинного обучения и аналитических инструментов для более глубокого понимания социальных процессов. Обсуждаются примеры успешного применения цифровых технологий в развитии социальных наук, а также будут рассмотрены вызовы, связанные с этическими аспектами и качеством данных. Особое внимание уделяется вопросам доступности информации и необходимости цифровой грамотности среди исследователей и широкой аудитории. В заключение подчеркивается, что интеграция цифровых технологий в социальные науки не только способствует улучшению качества исследований, но и более эффективному решению социальных проблем, формируя новые подходы к изучению общества в условиях быстро меняющегося цифрового мира.

Ключевые слова: цифровизация, социальные науки, машинное обучение, качество данных, социальные проблемы.

D. S. Kovalyuk

Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF DIGITALIZATION IN THE DEVELOPMENT OF SOCIAL SCIENCES

The article examines the role of digitalization in the development of social sciences, emphasizing the transformation of research methods, data analysis, and interaction with society. Digitalization opens new horizons for social sciences, allowing the use of big data, machine learning algorithms, and analytical tools for a deeper understanding of social processes. The article discusses examples of successful applications of digital technologies in sociology, psychology, and political science, as well as the challenges related to ethical issues and data quality. Special attention is given to the accessibility of information and the necessity of digital literacy among researchers and the broader audience. In conclusion, it is highlighted that the integration of digital technologies into social sciences not only improves the quality of research but also facilitates more effective solutions to social problems, shaping new approaches to studying society in a rapidly changing digital world.

Keywords: digitalization, social sciences, machine learning, data quality, social problems.

Введение

На протяжении истории своего развития социальные науки постоянно адаптировались к изменениям в обществе, в том числе и в случае, когда дело касалось обширного развития технологий. В последние годы человечество наблюдает за переходом к цифровизации. Это процесс, который не только меняет способы сбора и анализа данных, но и трансформирует саму природу социальных исследований. С помощью цифровизации человек открывает новые горизонты для исследований, позволяя им использовать современные технологии для более глубокого понимания социальных явлений.

Данная статья предназначена для того, чтобы рассмотреть цифровизацию социальных наук с точки зрения ее основных аспектов. В эти аспекты включены новые методы исследований и большие данные, с которыми сталкиваются ученые-социологи. Также в статье будет поднят морально-нравственный вопрос этического использования цифровизации в области социальных наук.

1. Чем является цифровизация социальных наук

Цифровизация социальных наук – это внедрение цифровых технологий в исследования, связанные с социологической сферой. Это включает в себя не только использование программного обеспечения и компьютерных технологий, но и изменение подходов к формированию гипотез, сбору данных и их анализу. Современные социальные ученые могут использовать различные цифровые инструменты, такие как онлайн-опросы, платформы для сбора данных и аналитические программы, которые значительно упрощают и ускоряют процесс исследования. Исторически, социальные науки развивались в контексте доступных технологий. Начав с качественных методов, таких как интервью и наблюдение, исследователи постепенно начали использовать количественные подходы, включая статистический анализ. Появление компьютеров и интернета открыло новые возможности для сбора и обработки данных, что в свою очередь привело к возникновению новых дисциплин, таких как цифровая социология и сетевой анализ. Эти изменения не только расширили инструментарий исследователей, но и изменили саму природу социальных исследований, сделав их более динамичными и разносторонними.

2. Социальные сети как пример больших данных

В цифровизации наибольшей значимостью обладают большие данные. Большими данными называют объемы информации, являющиеся большими настолько, что их становится невозможно обработать традиционными методами. В социальных науках такими данными могут являться записи, сделанные в соцсетях, онлайн-опросы, транзакционные анализы и другие материалы. Современные социальные ученые имеют доступ к множеству источников данных. Например, социальные сети, такие как ВКонтакте, предоставляют огромные объемы информации о взаимодействиях между людьми, их предпочтениях и поведении. Анализ этих данных позволяет выявлять тренды, паттерны и взаимосвязи, которые ранее были недоступны для традиционных методов исследования. Кроме того, данные, полученные из мобильных приложений и онлайн-платформ, могут быть использованы для изучения поведения пользователей в реальном времени. Применение больших данных в социальных науках позволяет исследовать различные аспекты общества. Например, анализ данных о поведении пользователей в социальных сетях может помочь в понимании политических предпочтений, общественного мнения и социальных движений. Исследования, основанные на больших данных, могут выявлять скрытые зависимости и факторы, влияющие на поведение индивидов и групп. Это открывает новые возможности для предсказания социальных изменений и разработки эффективных стратегий внедрения в них.

3. Современные виды исследований

Цифровизация также помогает развивать новые виды исследований. Такими видами являются:

1. Сетевой анализ.
2. Текстовая аналитика.
3. Машинное обучение.

Сетевой анализ предназначен для того, чтобы социологи могли изучать взаимосвязи между различными элементами социальных сетей. Это может быть полезно для понимания структурных особенностей сообществ, влияния отдельных участников на группу и динамики взаимодействий. Например, исследование сетевых структур может помочь в выявлении ключевых фигур в социальных движениях и их влияния на общественное мнение. Сетевой анализ также может быть использован для изучения распространения информации и влияния в цифровых экосистемах. Текстовая аналитика позволяет исследовать текстовые данные, такие как посты в социальных сетях, статьи и блоги. Этот метод помогает выявлять основные темы, настроения и тенденции в общественном дискурсе. Текстовая аналитика может быть использована для анализа политических дебатов, общественных настроений и культурных изменений. С помощью методов обработки естественного языка (NLP) исследователи могут автоматизировать анализ больших объемов текстовой информации, что значительно ускоряет процесс исследования. Машинное обучение предоставляет мощные инструменты для анализа больших объемов данных. С его помощью исследователи могут создавать модели, которые предсказывают поведение индивидов и групп на основе исторических данных. Это позволяет не только более точно моделировать социальные процессы, но и выявлять скрытые зависимости и факторы, влияющие на поведение. Например, алгоритмы машинного обучения могут быть использованы для классификации пользователей по их интересам или предсказания вероятности участия в определенных событиях, так же основанных на интересах самих пользователей.

4. Этика

Этот момент приобретает все большую актуальность в условиях стремительного развития технологий, поскольку их необходимо изучать и анализировать. Эти аспекты требуют от исследователей не только глубокого понимания технологий, но и высокой степени ответственности в их применении. Использование больших данных часто связано с необходимостью обработки личной информации, что поднимает важные вопросы о конфиденциальности и защите данных. Социальные ученые должны быть особенно внимательны к правам участников исследований, чтобы избежать нарушения их личной жизни и прав. Нужно разработать этические стандарты, которые бы могли помочь ученым собирать и в дальнейшем хранить данные, предназначенные для анализа. Необходимо так же, чтобы ученые понимали, как они будут уведомлять участников сбора данных о том, что они требуют их согласия, ведь цифровизация открывает возможности для манипуляции информацией, что представляет собой серьезный этический вызов. Исследователи должны быть осведомлены о рисках, связанных с фальсификацией данных и распространением дезинформации. Это требует от ученых не только высокой степени ответственности, но и активного участия в формировании общественного мнения о важности достоверной информации. В условиях, когда информация может быть легко и быстро распространена через социальные сети и другие цифровые платформы, исследователи должны быть готовы к тому, чтобы противостоять дезинформации и фейковым новостям. Это может включать в себя разработку образовательных программ и инициатив, направленных на повышение уровня медиаграмотности среди населения, а также активное сотрудничество с журналистами и другими заинтересованными сторонами для обеспечения точности и достоверности информации. Алгоритмы, используемые для анализа данных, могут быть предвзятыми, что приводит к искажению результатов исследований. Это предвзятость может возникать из-за различных факторов, включая неравномерное представительство данных, используемых для обучения алгоритмов, а также из-за предвзятости самих исследователей. Исследователи должны учитывать возможность предвзятости в данных и алгоритмах, а также разрабатывать стратегии для минимизации этих рисков. Это может включать в себя использование разнообразных источников данных и методов анализа, чтобы обеспечить более полное и сбалансированное представление исследуемых явлений. Кроме того, важно проводить постоянный мониторинг и оценку результатов, чтобы выявлять и корректировать возможные искажения. Внедрение принципов открытой науки и прозрачности в исследовательской практике также может способствовать снижению предвзятости и повышению доверия.

Заключение

Важно отметить, что вместе с открывающимися возможностями которые людям дарит цифровизация появляются и серьезные проблемы этики, с которыми надо долго работать. Таким образом становится ясно, что исследователи-социологи должны участвовать в разработке и развитии этических норм и стандартов, направленных на защиту прав участников исследований и обеспечение достоверности получаемых данных. Только так можно создать устойчивую и этически обоснованную исследовательскую практику, способствующую развитию социальных наук при цифровизации.

Литература

1. Кравченко С. А. Социология в движении: востребованность гуманистического цифрового поворота // Научный журнал. 2019. Т. 19, № 3. С. 397–405.
2. Петров В. Н. Социология как образование и наука в современной России: некоторые констатации и размышления // Социология социальной реальности: методология, теория, методика исследований явлений и процессов. К 20-летию открытия социологического образования в КубГУ. Т. 2. Краснодар: Просвещение-Юг, 2014. С. 20–38.
3. NLP: что это такое и как она работает // Skillbox.ru. URL: <https://skillbox.ru/media/code/nlp-chto-eto-takoe-i-kak-ona-rabotaet/> (дата обращения: 10.05.2025).
4. Вычислительная социальная наука, что это и почему это важно // Habr.ru. URL: <https://habr.com/ru/articles/706160/> (дата обращения: 16.05.2025).

УДК 343.352

К. Е. Козырев

Военный учебный центр имени дважды Героя Советского Союза генерала армии
А. П. Белобородова при ИГУ, г. Иркутск

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ВИДЫ

Статья посвящена исследованию понятия антикоррупционной экспертизы, её сущности и видов. Рассматриваются основные подходы к определению антикоррупционной экспертизы. Также внимание уделяется классификации экспертиз. Высказываются проблемы и пути их решения для развития института антикоррупционной экспертизы в современной правовой практике.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, коррупция, экспертиза.

K. E. Kozyrev

Military training center named after Hero of the Soviet Union General of the Army A. P. Beloborodov
at Irkutsk State University, Irkutsk

ANTI-CORRUPTION EXPERTISE: CONCEPT, ESSENCE AND TYPES

This article is devoted to the study of the concept of anti-corruption expertise, its essence and types. The main approaches to the definition of anti-corruption expertise are considered. Attention is also paid to the classification of examinations. Problems and solutions for the development of the institute of anti-corruption expertise in modern legal practice are discussed.

Keywords: anti-corruption expertise, corruption, expertise.

Коррупция представляет собой одно из разрушительных явлений, которое наносит колоссальный ущерб всему миру [1]. Одним из эффективных инструментов борьбы с коррупционными проявлениями выступает институт антикоррупционной экспертизы. Целью написания научной статьи выступает раскрытие содержания и значения антикоррупционной экспертизы, определение её роль в профилактике коррупционных правонарушений, а также рассмотрение сущности и видов.

Антикоррупционная экспертиза представляет собой процедуру оценки нормативных правовых актов, проектов законов, иных документов и решений органов государственной власти на предмет наличия коррупциогенных факторов. Она направлена на выявление поло-

жений, способствующих возникновению условий для злоупотребления служебным положением, конфликта интересов, принятия незаконных решений и нарушения этических норм поведения должностных лиц.

Цель антикоррупционной экспертизы заключается в профилактике коррупционных проявлений, обеспечении прозрачности и подотчетности деятельности органов государственной власти и организаций, а также в усилении эффективности мер антикоррупционной политики.

Объектами антикоррупционной экспертизы могут быть разнообразные документы, в том числе проекты законодательных и подзаконных актов, нормативные документы, регулирующие работу государственных и муниципальных структур, а также программы и стратегии, направленные на противодействие коррупции.

Принципы проведения экспертизы в сфере противодействия коррупции подразумевают под собой требования, которые установлены для процедуры [4]. Для полноценного рассмотрения антикоррупционной экспертизы и формулировки ключевого понятия, стоит уделить некоторое внимание ряду признаков: оценка потенциальной опасности положения акта вызвать случаи неправомерного обогащения либо предоставления преимуществ отдельным лицам или организациям; определение соответствия рассматриваемого документа действующему законодательству, международным стандартам и принципам честности и прозрачности; выявление возможных противоречий между отдельными нормами законодательства, создающих условия для коррупции.

Также помимо признаков существуют точки зрения относительно понятия антикоррупционной экспертизы. Исходя из правовой принадлежности и аспектности, предлагается следующая формулировка: антикоррупционная экспертиза – специальная процедура изучения нормативных правовых актов и проектов с целью выявления коррупциогенных факторов, регламентированная деятельность уполномоченного органа по установлению обстоятельств, связанных с возможностью совершения коррупционных деяний. Исходя из социальной принадлежности, предполагается следующая формулировка: антикоррупционная экспертиза – исследование социальных, институциональных и поведенческих характеристик институтов власти и управления с целью выявления условий, способствующих формированию коррупционных практик.

По мнению М. Ю. Куликова под антикоррупционной экспертизой понимается деятельность специальных субъектов по выявлению в нормативных правовых актах и их проектах коррупциогенных факторов [3]. В самом общем виде антикоррупционная экспертиза есть комплекс мероприятий, объектом которых обнаруживается система правовых актов (а также их проектов), направленных на профилактику коррупционного «потенциала» [2].

Следовательно, антикоррупционная экспертиза – это процедура, направленная на анализ нормативных правовых актов, социальных и экономических ситуаций с целью выявления и устранения коррупциогенных факторов, создание условий для предотвращения коррупции и укрепления легитимности государственной власти.

Среди корреляции видовой принадлежности относительно антикоррупционной экспертизы выделяется внушаемый перечень проведения таких мероприятий. Выделю некоторые из них:

1) По объекту экспертизы:

- Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов;
- Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов.

2) По видам проектов нормативных правовых актов, в отношении которых проводится антикоррупционная экспертиза:

- Антикоррупционная экспертиза законопроектов;
- Антикоррупционная экспертиза проектов подзаконных актов.

3) По субъектному составу:

- Антикоррупционная экспертиза, проводимая государственными и муниципальными органами и организациями;

- Антикоррупционная экспертиза, проводимая независимыми экспертами;
- Корпоративная антикоррупционная экспертиза: проводится в рамках организаций и предприятий для оценки их внутренних процедур и политики по борьбе с коррупцией.

4) По объекту регулируемых актами отношений:

- Общая антикоррупционная экспертиза;
- Специальная антикоррупционная экспертиза.

5) По методологии:

- Правовая экспертиза: включает в себя анализ норм права на предмет их соответствия антикоррупционным стандартам и выявление пробелов или противоречий;

- Социологическая экспертиза: основана на проведении опросов, интервью и других исследований для понимания общественного мнения о коррупции и восприятии антикоррупционных мер;

- Экономическая экспертиза: анализирует экономические последствия коррупционных практик и эффективность антикоррупционных мер с точки зрения экономических показателей.

6) По объёму проводимого экспертного исследования:

- Полная антикоррупционная экспертиза правовых актов и проектов правовых актов (направлена на устранение коррупциогенных факторов, указанных в методике проведения антикоррупционной экспертизы, а также иных выявленных коррупциогенных факторов, не включенных в неё);

- Частичная антикоррупционная экспертиза (направлена на устранение всех коррупциогенных факторов, указанных в методике проведения антикоррупционной экспертизы);

- Неполная антикоррупционная экспертиза (направлена на устранение какого-то одного или нескольких коррупциогенных факторов, указанных в методике проведения антикоррупционной экспертизы).

На наш взгляд, необходимо выделение ряда проблем организации и практики проведения антикоррупционной экспертизы, которые являются основополагающими при выявлении коррупциогенных факторов. Среди проблем выделяются следующие: недостаточная методологическая база проведения проверок; ограниченные возможности привлечения независимых экспертов; несовершенство организационно-технических процедур взаимодействия органов власти и заинтересованных сторон. Эти обстоятельства снижают качество результатов проводимых исследований и препятствуют эффективному применению мер превентивного характера в противодействие коррупции.

Однако для разрешения существующих проблем проведения антикоррупционной экспертизы необходимо сформировать меры по возможному улучшению и развитию института антикоррупционной экспертизы. К мерам разрешения проблем антикоррупционной экспертизы, считаю необходимым выделить несколько позитивных мер: совершенствование нормативной базы путем установления чётких требований к проведению экспертиз и закрепления обязанностей органов государственной власти по устранению выявленных коррупционных рисков; создание единого центра мониторинга коррупционных проявлений, позволяющего своевременно фиксировать и анализировать изменения в законодательстве и практике его применения.

Исходя из всего вышесказанного, институт антикоррупционной экспертизы играет ключевую роль в обеспечении эффективного функционирования государства и снижении масштабов коррупции. Для достижения целей по минимизации коррупционных угроз важно обеспечить комплексное развитие методов и технологий проведения экспертиз, повысить ответственность всех субъектов процесса и создать действенный механизм оперативного реагирования на выявляемые коррупционные факторы. Только таким образом возможно достижение устойчивого снижения уровня коррупции и повышение доверия населения к государственным органам власти.

Литература

1. Газизова О. В. Антикоррупционная экспертиза // StudNet. 2020. № 12. С. 1402–1408.
2. Галыгин Д. В. Понятие, правовые основы проведения антикоррупционной экспертизы и ее соотношение с правовой экспертизой // Молодой ученый. 2020. № 24 (314). С. 256–258.
3. Куликов М. Ю. Правовые проблемы антикоррупционной экспертизы // Russian Journal of Economics and Law. 2010. № 4 (16). С. 96–98.
4. Овчинникова З. С., Лубенникова С. А. принципы антикоррупционной экспертизы нормативных актов // Символ науки. 2024. № 4–1-3. С. 111–113.

УДК 378

Н. В. Котоманов

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

РОЛЬ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ КАК ЭКСПЕРТНЫХ ИНСТИТУТОВ В ДОСТИЖЕНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Обосновывается ключевая роль высшего образования и науки в формировании интеллектуального потенциала общества, способствуя достижению социальной гармонии, экономического роста и политической устойчивости. Рассматривается роль российских университетов и научных учреждений в обеспечении внутренней и внешней безопасности страны, содействии межкультурному диалогу и предотвращении конфликтов. Анализируются механизмы взаимодействия академического сообщества с государственными структурами и международными организациями, направленные на укрепление глобальных и региональных инициатив в области устойчивого развития.

Ключевые слова: глобальное и локальное устойчивое развитие, высшее образование для устойчивого развития, образовательные экосистемы.

N. V. Kotomanov

Baikal State University, Irkutsk

THE ROLE OF HIGHER EDUCATION AND SCIENCE AS EXPERT INSTITUTIONS IN ACHIEVING GLOBAL AND REGIONAL STABILITY

Higher education and science play a key role in shaping the intellectual potential of society, contributing to the achievement of social harmony, economic growth and political stability. The article is devoted to the study of the role of Russian universities and scientific institutions in ensuring the internal and external security of the country, promoting intercultural dialogue and conflict prevention. The mechanisms of interaction of the academic community with government agencies and international organizations aimed at strengthening global and regional initiatives in the field of sustainable development are analyzed.

Keywords: global and local sustainable development, higher education for sustainable development, educational ecosystems.

Конкурентоспособность любой страны зависит от ее природного и человеческого потенциала. При этом многие государства убедительно показали, что даже при бедности первого можно быть в числе передовых. Следовательно, ключевое значение имеет именно человеческий потенциал, и прежде всего образованность, компетентность, творческие возможности людей в процессе его реализации. Очевидно, что именно интеллектуальный образовательный капитал будет определять вектор и динамику развития стран и их конкурентоспособность на мировой арене. Реальность такова, что глобальная конкуренция между государствами переходит в сферы образования и науки, которые приобретают для экономического роста и развития человеческого потенциала стратегическое значение.

Стратегическая доктрина цивилизации развитых стран заключается в концепции всемерного раскрытия человеческого потенциала через систему образования, за счет чего они получают до 40 % прироста валового национального дохода. Проблема образования становится еще более актуальной не только по причине неблагоприятной экологии и ограниченности природных ресурсов, но и в связи с низким уровнем ресурсосбережения, что усложняет условия жизни нынешнего, но еще более – будущих поколений. Проблема трудовых ресурсов – со-

ставная часть национальной безопасности России. Уменьшение трудовых ресурсов можно компенсировать только за счет улучшения их качества, повышая уровень образования.

Актуальность исследования

Актуальность темы обусловлена ростом значения экспертных сообществ вузов и научно-исследовательских организаций в принятии стратегических решений на национальном и международном уровнях. Высшие учебные заведения и исследовательские институты становятся центрами формирования компетентных кадров, разработки инновационных технологий и анализа перспективных направлений социально-экономического развития регионов и стран.

Цель и задачи исследования

Цель данной статьи заключается в выявлении механизмов влияния российского высшего образования и науки на процессы достижения международной и внутрироссийской стабильности. Для реализации поставленной цели решаются следующие задачи:

- определить роль образовательных учреждений и научных центров в подготовке специалистов, обладающих компетенциями для решения сложных социальных и экономических задач;
- проанализировать взаимодействие вузов и НИИ с правительственными органами власти и международным научным сообществом;
- выявить основные направления сотрудничества университетов и исследовательских структур в рамках национальных и международных проектов, ориентированных на повышение уровня жизни населения и устойчивость общественного устройства.

Сегодня в глобализованном мире значение знания, исследований, инноваций, экспертизы стремительно возрастает, в связи с этим меняется и роль университетов. Создание таких концептов, как «общество знания», «информационное общество», «обучающееся общество», «экономика знания», призвано отобразить и объяснить социальные перемены и возрастающую роль знания в обществе, а также расширение и ускорение связей в мире. По словам С. Маргинсона [1], «...дискурс общества знания происходит из того обстоятельства, что в мировых экономиках знания институты высшего образования приобретают все большее значение в качестве посредников. В век глобализации вузы являются составной частью непрерывных потоков людей, знания, информации, технологий, продуктов и финансового капитала» (цит. по: с. 266).

Немалое место в дискурсе общества знания занимает проблема изменения роли высшего образования в обществе. В отношениях между производством знания и университетом как институтом происходят большие трансформации. Многие ученые (М. Gibbons, Н. Nowotny, Н. Etzkowitz) считают, что университеты, разрабатывающие новые технологии, становятся центрами развития регионов, источниками их процветания. К примеру М. Гиббонс полагает, что традиционная модель (Mode 1) производства знания заменяется новой моделью (Mode 2). Первая модель характеризуется тем, что знание производится в рамках определенного дисциплинарного контекста в соответствии с академическими интересами отдельного сообщества. Согласно второй модели, знание производится в контексте его применения и связано с междисциплинарными, гетерогенными исследованиями [2].

Еще один вариант дискурса общества знания связан с понятием «тройная спираль», которое показывает возрастающую роль университетов в производстве инноваций. Такие элементы, как университет, государство и промышленность, прежде изолированные друг от друга, становятся все более тесно связанными между собой и образуют своего рода спираль. На сцену выступают новые сети различных участников – ученых, промышленников, экономистов и т. д.

Согласно этой модели, университет – это гибридная организация, объединяющая не только научные исследования и обучение, но и предпринимательскую деятельность. Университет XXI в. становится предпринимательским.

Российская экспертиза вклада вузов в достижение целей устойчивого развития представлена в «Добровольном национальном обзоре» [3], где отражены достижения Российской

Федерации по семнадцати целям устойчивого развития и стратегия развития до 2030 г. Приведена статистика и ряд кейсов, характеризующих результаты деятельности в сфере образования: обеспечения кадрами рынка труда и финансовой стабильности выпускников, инклюзии, молодёжной политики, деятельности центров науки и образования (Сколково), а также молодёжных форумов и конкурсов по молодёжному лидерству.

Согласно государственным программам развития университетов России, цели устойчивого развития должны быть достигнуты прежде всего в масштабе региона (программа финансовой поддержки и развития опорных университетов (2016–2021 гг.), а дальнейшее продвижение по этому пути предполагает реализацию экосистемного подхода и создание экосистем с участием университета, бизнеса, представителей государственного управления и гражданского общества (программа «Приоритет-2030», трек «Территориальное и отраслевое лидерство»).

Создание опорных университетов ориентировано на развитие регионов – обеспечение квалифицированными научными и профессиональными кадрами, инновационными технологиями, поддержкой экологических, социальных и культурных программ. Региональное развитие является одной из ключевых целей и в проекте «Приоритет-2030».

Согласно треку «Территориальное и отраслевое лидерство» приоритетным является вклад университета в комплексное развитие региона: университет, совместно с бизнесом, органами управления и структурами гражданского общества становится лидером развития региона, что придаёт развитию такие качества как системность и устойчивость.

1. Значение высшего образования и науки в развитии человеческого капитала

В условиях становления экономики знаний высшее образование и научная деятельность приобретают стратегическое значение как ключевые институты формирования человеческого капитала. Их роль выходит далеко за рамки простой передачи знаний, превращаясь в комплексный механизм социально-экономического развития.

Современные университеты выполняют три взаимосвязанные функции, каждая из которых вносит существенный вклад в развитие человеческого потенциала. Во-первых, они обеспечивают профессиональную подготовку специалистов, адаптированную к требованиям цифровой эпохи. Это проявляется в разработке новых образовательных стандартов, включающих изучение искусственного интеллекта, анализа больших данных, квантовых технологий и других перспективных направлений. При этом сохраняется баланс между узкоспециализированной подготовкой и формированием широкого профессионального кругозора.

Во-вторых, научно-исследовательская деятельность вузов превращает их в настоящие «фабрики знаний». Сегодня более 60 % фундаментальных и 40 % прикладных исследований в России проводятся на базе университетов. Студенты с первых курсов вовлекаются в реальные научные проекты, что развивает не только профессиональные, но и метапредметные навыки – критическое мышление, способность к анализу и синтезу информации, умение работать в команде.

В-третьих, высшая школа играет важнейшую роль в обеспечении социальной мобильности. По данным Росстата, выпускники вузов имеют в 2,5 раза больше шансов занять руководящие позиции и в среднем на 80 % более высокий доход по сравнению с людьми, имеющими только среднее образование. При этом важное значение имеет доступность высшего образования – в России действует система квот для социально незащищённых категорий граждан, позволяющая талантливой молодежи из всех регионов страны получить качественное образование.

Особого внимания заслуживает вклад университетов в развитие регионов. Создание научно-образовательных центров мирового уровня (НОЦ) способствует удержанию талантливой молодежи в регионах, стимулирует местную экономику и помогает решать специфические проблемы территорий. Например, НОЦ в Кузбассе сосредоточен на разработке экологических технологий добычи угля, а в Арктической зоне – на исследованиях в области устойчивого развития северных территорий.

Научная деятельность вузов непосредственно влияет на качество человеческого капитала через несколько механизмов. Во-первых, это создание инновационных образовательных технологий, включая цифровые платформы и симуляторы. Во-вторых, разработка новых методик обучения, учитывающих когнитивные особенности современных студентов. В-третьих, прямое внедрение результатов исследований в учебный процесс, что обеспечивает его постоянное обновление.

Важным аспектом является международное сотрудничество в научно-образовательной сфере. Участие в программах академического обмена, совместных исследовательских проектах и международных консорциумах позволяет не только перенимать лучшие практики, но и демонстрировать российские научные достижения. Это способствует формированию глобально конкурентоспособных специалистов, способных работать в международной среде.

Таким образом, высшее образование и наука образуют систему воспроизводства человеческого капитала, которая: обеспечивает профессиональную подготовку нового типа; развивает исследовательские компетенции; способствует социальному лифтингу; стимулирует региональное развитие; интегрирует национальную систему образования в глобальное научно-образовательное пространство.

II. Роль вузов и НИОКР-центров в укреплении экономической независимости государства

В условиях глобальных технологических вызовов и санкционного давления российские университеты и научно-исследовательские центры приобретают особое значение как ключевые элементы национальной системы технологического суверенитета. Их деятельность трансформировалась из преимущественно образовательной и академической в стратегически важную для обеспечения экономической безопасности страны.

Современные исследовательские университеты выполняют три взаимосвязанные функции, критически важные для экономической независимости:

Разработка критических технологий

Ведущие технические вузы страны совместно с отраслевыми НИИ активно работают над созданием отечественных аналогов импортных технологий. Яркими примерами являются:

- Разработка российской операционной системы «Аврора» (МГТУ имени Баумана совместно с Ростехом);
- Создание линейки процессоров «Эльбрус» (МФТИ и ЦНИИЭТ);
- Развитие отечественной платформы для САПР «Компас-3D» (СПбПУ).

Подготовка кадров для стратегических отраслей

Вузы адаптируют образовательные программы под потребности реального сектора экономики:

- Введены новые специальности в области микроэлектроники и фотоники;
- Увеличено количество бюджетных мест по IT-направлениям (на 30 % за 2022–2024 гг.);
- Созданы базовые кафедры на предприятиях оборонно-промышленного комплекса.

Коммерциализация научных разработок

Через систему малых инновационных предприятий при вузах ежегодно внедряется более 1,200 разработок. Особенно успешны:

- Биомедицинские технологии (НИУ МИЭТ, Сеченовский университет);
- Новые материалы (МГУ, НИТУ «МИСиС»);
- Агробιοтехнологии (РГАУ-МСХА имени Тимирязева).

Особое значение имеет программа «Приоритет 2030», в рамках которой 106 университетов получают целевое финансирование на развитие исследовательской инфраструктуры. Ключевые достижения программы: создано 58 инжиниринговых центров; запущено 214 новых высокотехнологичных производств; подготовлено более 5000 патентов за 2 года.

НИОКР-центры при вузах играют системообразующую роль в импортозамещении: в фармацевтике – полный цикл производства 52 жизненно важных препаратов; в станкострое-

нии – разработка ЧПУ нового поколения; в сельском хозяйстве – создание отечественных сортов семян.

При этом сохраняется баланс между прикладными исследованиями и фундаментальной наукой. Университеты продолжают работы в области: квантовых вычислений, термоядерного синтеза, исследований Арктики, космических технологий.

Важным аспектом является региональная составляющая. Научно-образовательные центры мирового уровня (НОЦ) в Татарстане, Кемеровской области, Пермском крае и других регионах обеспечивают развитие местных высокотехнологичных кластеров, готовят кадры для региональной промышленности, решают специфические территориальные проблемы.

III. Участие вузов и НИР-институтов в международных программах и институтах

Современные университеты и научно-исследовательские центры активно развивают сотрудничество по нескольким стратегическим направлениям, ориентированным на повышение качества жизни и устойчивое развитие общества. Эти партнерские инициативы реализуются как в рамках национальных программ, так и через участие в глобальных проектах.

1. Здравоохранение и биомедицина.

Наиболее значимым направлением стало сотрудничество в области медицинских исследований. Российские университеты (например, Сеченовский университет, НИУ ВШЭ) совместно с исследовательскими институтами РАН участвуют в международных консорциумах по разработке новых методов диагностики и лечения социально значимых заболеваний. Ярким примером служит участие российских ученых в проекте «Геном человека», а также совместные исследования по созданию вакцин против COVID-19 в рамках инициатив ВОЗ.

2. Экология и устойчивое развитие.

Ведущие технические университеты (МГУ, СПбГУ, ТГУ) в партнерстве с экологическими организациями реализуют проекты по мониторингу состояния окружающей среды, разработке «зеленых» технологий, адаптации к климатическим изменениям.

Особое значение имеют совместные программы с европейскими университетами в рамках инициатив ЕС «Horizon Europe» по устойчивому развитию городов.

3. Цифровизация и smart-технологии.

Создание цифровой инфраструктуры для «умных городов» стало важным направлением сотрудничества между ИТ-вузами (МФТИ, ИТМО), исследовательскими центрами (Сколтех), крупными технологическими компаниями. Эти проекты направлены на улучшение городской среды через внедрение интеллектуальных систем управления транспортом, ЖКХ и общественной безопасностью.

4. Социальные и гуманитарные исследования.

Университеты совместно с академическими институтами проводят масштабные исследования по:

- социкультурной адаптации мигрантов;
- сохранению культурного наследия;
- развитию инклюзивного образования.

Примером служит сотрудничество РГГУ и Института этнологии РАН в проектах ЮНЕСКО по сохранению нематериального культурного наследия.

5. Продовольственная безопасность.

Аграрные университеты (РГАУ-МСХА, КубГАУ) совместно с научными институтами РАН работают над созданием устойчивых агросистем, разработкой новых сортов растений и технологиями точного земледелия. Эти исследования поддерживаются международными организациями (ФАО ООН) и направлены на решение проблемы голода.

6. Энергетика будущего.

Сотрудничество в области возобновляемой энергетики объединяет технические университеты (МЭИ, НИЯУ МИФИ), исследовательские центры (Курчатовский институт), а также международные консорциумы (ITER).

Эти проекты способствуют переходу к низкоуглеродной экономике.

Механизмы сотрудничества:

1. Создание совместных исследовательских центров.
2. Реализация сетевых образовательных программ.
3. Проведение международных научных коллабораций.
4. Участие в межправительственных инициативах.
5. Развитие академической мобильности.

Эффекты такого сотрудничества:

- Ускорение внедрения научных разработок в практику.
- Повышение качества образования через обмен опытом.
- Формирование общего научно-технологического пространства.
- Решение глобальных проблем человечества.

Заключение

Главная роль в построении глобального информационного общества, без сомнения, принадлежит высшему образованию, которое имеет ряд обязанностей и должно обладать ответственностью перед обществом: политиками, культурными деятелями, работодателями, студентами, преподавателями и т. д. Этот перечень социальной ответственности говорит о том, что общество возлагает на высшее образование большие надежды и что его социальная роль является ключевым фактором в развитии. Более того, университеты являются посредниками в производстве и передаче знания и квалифицированными экспертами при решении сложнейших задач в обществе знания.

Университеты вносят свой вклад в достижение глобальной и региональной устойчивости через проводимые научные исследования. На сегодняшний день программы развития отечественных университетов касаются преимущественно развития в области естественных и технических наук, что даёт возможность создания новых технологий для устойчивого развития. Вместе с тем необходимо обратить внимание на повышение в университетской науке значимости междисциплинарных исследований с участием гуманитариев на основе экосистемного подхода. Поскольку экосистемный подход, развивая и конкретизируя пути достижения целей устойчивого развития, направлен на создание сетевых человекоцентрированных образовательных систем, сохраняющих равновесие с природной и социальной средой и благоприятных для общего и профессионального развития всех участников образовательного процесса.

Литература

1. Marginson S. Dynamics of National and Global Competition in Higher Education // Higher Education. 2006. № 52. P. 1–39.
2. The new production of knowledge / Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M. // The dynamics of science and research in contemporary societies. 1994.
3. Добровольный национальный обзор хода осуществления повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf (дата обращения: 20.04.2025).
4. Зиневич О. В., Мелёхина Е. А. Высшее образование для глобального и локального устойчивого развития // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 3. С. 84–102.
5. Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование. 2030: аналитический доклад / под ред. В. С. Ефимова. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2012.

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ВЫБОР ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ³²

Анализируются ключевые факторы формирования ценностей российской молодежи в условиях цифровизации. Рассмотрены социально-экономические и технологические детерминанты, влияющие на ценностные ориентиры. Особое внимание уделено современным методикам экспертной оценки динамичных молодежных ценностей. Также предложены рекомендации по совершенствованию экспертных практик в данной сфере.

Ключевые слова: российская молодежь, жизненные ценности, экспертная оценка.

Yu. D. Kriventsova

Irkutsk State University, Irkutsk

EXPERT ASSESSMENT OF FACTORS INFLUENCING THE CHOICE OF LIFE VALUES AMONG RUSSIAN YOUTH

The article analyzes key factors shaping the values of Russian youth in the context of digitalization. Socio-economic and technological determinants influencing value orientations are examined. Particular attention is paid to modern methods of expert assessment of dynamic youth values. Recommendations for improving expert practices in this field are also provided.

Keywords: youth, life values, expert assessment.

Жизненные ценности современной российской молодежи формируются под влиянием множества факторов, например, цифровизация, глобальные вызовы и угрозы, шаткие социально-экономические условия, а также традиционно культурные особенности. В научной литературе ценности обозначают определённые значимости и идеалы, которые вырабатываются у отдельного индивида под воздействием общественного сознания. Они выражаются в принципах и идеалах, в смысле жизни, в том, к чему человек стремится и чего хочет достичь. Кроме того, ценности выражают субъективную оценку действительности, выполняют одну из ключевых ролей в принятии решений индивида, являются неким ориентиром в жизни человека. Но также одно из важнейших аспектов ценностей, это влияние на формирование общества. Являясь элементом культуры, ценности способствуют объединению или разъединению людей, и особенно важны ценности молодых людей, ведь именно они определяют будущее развитие общества. Молодое поколение, формируя свои идеалы и приоритеты, закладывает основу для социальных, экономических и политических изменений. Если ценности молодежи ориентированы на сотрудничество, инновации, гуманизм, саморазвитие, то это ведёт к прогрессу и сплоченности. Однако если преобладают разобщённость, эгоизм, одиночество, то это может стать источником конфликтов и стагнации общества. Поэтому, в настоящее время особенно важно изучать ценности молодых людей, а также факторы, которые влияют на выбор тех или иных жизненных ценностей современной молодежи.

В российском контексте особый интерес представляет динамика ценностных ориентаций молодежи в условиях трансформации общества. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), за последние десятилетие у молодых людей усилилась ориентация на материальное благополучие, карьерный рост и самореализацию, тогда как значимость традиционных семейных ценностей остается высокой, но подвергается переосмыслению [6]. Важную роль при изучении проблематики выбора жизненных ценностей играют экспертные оценки, которые позволяют выявить скрытые тенденции и прогнозировать изменения. Так, в работе Т. И. Заславской и В. А. Ядова подчеркивается, что молодежь является наиболее чувствительной социальной группой к изменениям в обществе, а её ценности служат индикатором будущих социальных процессов [4], что также подчеркивается важности изучения ценностей молодежи. Кроме того, методологические исследования цен-

³² Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабелных.

ностей молодежи требуют комплексного подхода, которым должен сочетать как количественные методы, например, опросы, статистические данные, так и качественные методы, например, глубинные интервью с представителями молодежи, фокус-группы. Таким образом, получается собрать полноценный портрет нынешней молодежи, её жизненных ценностей, а также факторов, которые повлияли на выбор тех или иных ценностей. Например, в проектах Института социологии РАН применяется подобный многоуровневый анализ, позволяющий учитывать региональные различия и влияние цифровой среды [2].

Изучение факторов, влияющих на выбор жизненных ценностей у молодых людей, требует анализа как теоретических наработок, так и актуальных социологических данных, что помогает экспертам формулировать обоснованные выводы и рекомендации. Современные исследования демонстрируют значительное влияние социально-экономических факторов на формирование ценностных ориентиров российской молодежи. По данным, представленным в рамках научной статьи И. В. Волоскова и И. Валлиса «Молодежь 2024: система ценностей и жизненные ориентиры», в условиях альтернативных суждений, где на одной чаше весов стоят традиционные ценности, а на другой более прагматические, наблюдается разрыв между чашами. Так, при условии стабильности социально-экономического развития, жизненные ценности молодежи концентрируются в области семьи и детей, например, 70 % опрошенных респондентов убеждены, что им удастся создать крепкую семью в будущем, а 24 % опрошенных считают, что уже могут это сделать [1].

Важным аспектом является трансформация профессиональных ориентаций молодежи под влиянием новых экономических реалий. Современные молодые люди особенно сильно фокусируются на построении карьеры, рассматривая её как ключевой элемент личной самореализации и основы финансовой стабильности, которая, как мы уже отметили выше, является фундаментом для традиционных семейных ценностей. Также для сегодняшней молодежи важно не просто найти работу, но и также выстроить осознанный профессиональный путь, в котором ценятся гибкость, возможность развития и баланс между личной жизнью и трудовой деятельностью, именно это подтверждают данные исследования от Института общественного мнения «Анкетолог» [7]. По данным исследования «Зумеры, миллениалы и иксеры выбирают работодателей по разным критериям» для зумеров важно сохранение баланса между работой и личной жизнью (17 %). В отличие от предыдущих поколений, они чаще меняют сферу занятости, осваивают новые навыки и стремятся к удалённым или гибридным формам занятости, что также подтверждается данными исследования: для 63 % зумеров критически важно иметь возможность работать удаленно, еще 32 % предпочитают гибридный формат и только 2 % хотят ежедневно приходить в офис. Кроме того, молодые специалисты больше внимания уделяют корпоративной культуре и социальной ответственности работодателя. Для них значимо, чтобы компания разделяла их ценности, предлагала точки их профессионального роста и обеспечивала прозрачность карьерных перспектив. Таким образом, профессиональные ориентации современной молодежи отражают не только стремление к материальному благополучию, но и потребность в осмысленной, динамичной и социально значимой деятельности.

Современная цифровая реальность стала мощным катализатором изменений системы ценностей молодого поколения. В настоящее время мы наблюдаем парадоксальную ситуацию: с одной стороны, цифровизация предоставляет уникальные возможности для самореализации, с другой, – создает новые вызовы для формирования устойчивых жизненных ориентиров. Именно факт самореализации и самопрезентации в цифровой среде подчеркивается в статье Т. И. Грабельных, Е. И. Багрий и Е. А. Мохряковой «Трансформация пространств самопрезентации молодежи в цифровом обществе»: «...быстрые процессы цифровизации существенным образом влияют на качество жизни. Сегодня блог – это не только альтернативный источник информации, но и средство самопрезентации личности, возможность творческой самореализации» [3]. Также достаточно показательным является пилотажное исследование, которое проводилось В. Ю. Леденовой и описывалось в рамках статьи «Трансформация ценностных ориентаций студенческой молодежи в условиях цифровой реальности», где

отмечалось: «...молодые пользователи социальных сетей положительно воспринимают и, соответственно, усваивают значительную часть информации, представленную в виртуальных сообществах» [5]. Посредством «лайков», молодые люди условно одобряют (57 %) и поддерживают автора (15 %), идею ролика или поста.

Исходя из данной информации, можно сделать вывод о том, что виртуальные сообщества, социальные сети и в целом цифровое пространство может оказывать влияние на формирование жизненных ценностей молодых людей. Феномен, когда взгляды и мысли человека могут измениться после просмотра популярного видеоролика, требует глубокого осмысления, так как система ценностей современной молодежи становится всё более динамичной и ситуативной. Важно отметить, что цифровая среда не просто отражает существующие ценности, но и активно конструирует новые. Например, популярность блогерской культуры привела к переосмыслению традиционных представлений о профессиональном успехе. Если раньше профессионалом своего дела считался человек, который долго работал на одной месте, постепенно добился высоких должностей путем колоссальных усилий, то сейчас, для некоторой части молодежи, профессиональным успехом может считаться видеоролик, который просмотрели миллионы раз, при этом не важно несет ли он какой-либо смысловой нагрузки или нет. Но если говорить об общероссийской тенденции восприятия профессии блогера/инфлюенсера, то прослеживается положительная динамика, «большая часть населения считает блогосферу настоящей профессией» [8]. Однако здесь кроется серьезное противоречие между стремлением к быстрой популярности и необходимостью долгосрочного и стабильного, что не мало важно, профессионального роста.

Особую тревогу вызывает формирование «клипового мышления», когда глубина восприятия ценностей подменяется их поверхностных усвоением, без особого углубления в тему. В этом контексте особую значимость приобретает вопрос о роли образовательных институтов в развитии молодых людей, а также способность к критическому мышлению. Как показывает практика, традиционные методы ценностного воспитания требуют серьезной адаптации к новым цифровым реалиям. На основе этого, перспективным направлением могло бы стать развитие критического цифрового мышления, которое позволило бы молодым людям не просто потреблять контент, но и осмысленно формировать собственную систему ценностей. Это особенно актуально в условиях, когда цифровая среда становится основным пространством для социализации молодого поколения.

Современные вызовы, стоящие перед экспертами, которые работают с молодежными ценностями, требуют новых подходов. Мы наблюдаем уникальный феномен: при внешней изменчивости и ситуативности молодежных предпочтений, глубинные ценностные структуры демонстрируют удивительную устойчивость. Этот парадокс требует пересмотра традиционных экспертных подходов. Главная проблема заключается в методологическом разрыве между скоростью изменений в молодежной среде и инерционностью исследовательских инструментов. Стандартные анкеты и опросники, разработанные еще для поколения Y и даже X, часто оказываются бесполезными перед поколением Z и альфа, чье ценностное сознание формируется в принципиально иных условиях цифровой реальности.

Перспективным направлением видится развитие «шибкой экспертизы», т. е. определенной системы методов, которая способна улавливать мгновенные изменения в ценностных предпочтениях, отличать поверхностные тренды от глубинны трансформаций и работать с ценностными противоречиями как с нормой, а не как с проблемой. Важно сказать, что особого внимания заслуживает феномен «ценностного протезирования», т. е. ситуации, когда молодые люди заимствуют готовые ценностные конструкции из цифровой среды, не проходя через процесс их самостоятельного осмысления. Это создает иллюзию ценностной определенности, когда как на деле подобны ценностные установки очень хрупки. Главная задача современных экспертов – не просто фиксировать изменения, но и создавать пространства для ценностного экспериментирования, разрабатывать «переводчики» между языком традиционных ценностей и цифровым кодом молодежи, помогать молодым людям осознавать и формулировать собственные ценностные ориентиры. Конечно, особую сложность представляет

этический аспект такой работы. Ведь не ясно, где грань между экспертной поддержкой и ценностным программированием, как сохранить нейтральность и не скатываться в чтение моралей, эти вопросы и задачи пока остаются без однозначных ответов. В перспективе наиболее продуктивным может оказаться переход от модели «эксперт-наставник» к модели «эксперт-посредник», когда специалист не транслирует готовые решения, а создает условия для самостоятельного ценностного самоопределения молодежи. Такой подход требует разработки принципиально новых форматов взаимодействия и пересмотра традиционных экспертных компетенций.

Таким образом, главный вывод заключается в том, что современная экспертная работа с молодежными ценностями должна стать менее директивной и более процессуальной. Стоит сказать, что здесь речь идёт не о поиске «правильных» ценностных ориентиров, а о развитии способности молодых людей к самостоятельному и осознанному ценностному выбору в условиях высокой неопределённости.

Литература

1. Волосков И. В., Валлис И. Молодежь 2024: система ценностей и жизненные ориентиры // In Situ. 2024. № 8. С. 48–49.
2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований : монография. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.
3. Грабельных Т. И., Багрий Е. И., Мохрякова Е. А. Трансформация пространств самопрезентации молодежи в цифровом обществе // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 1 (58). С. 16–20.
4. Заславская Т. И., Ядов В. А. Социетальная трансформация российского общества. М. : Дело, 2003.
5. Леденева В. Ю. Трансформация ценностных ориентаций студенческой молодежи в условиях цифровой реальности // Вестник Удмуртского университета. 2022. Т. 6, вып. 3. С. 295–304.
6. ВЦИОМ Новости: Ценности молодежи // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 19.05.2025).
7. Зумеры, миллениалы и иксеры выбирают работодателей по разным критериям // Результаты опросов, социологических и маркетинговых исследований. Статистика и достоверные данные. Анкетолог. URL: <https://iom.anketolog.ru/2024/12/09/vybor-rabotodatelej> (дата обращения: 19.05.2025).
8. Россияне стали доверять блогерам: исследование Insight People охватило более 40 регионов // ИНК. Журнал для предпринимателей. URL: <https://incussia.ru/pnews/research-insight-people/> (дата обращения: 19.05.2025).

УДК 328.185

Е. С. Кузнецов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПРИНЦИПЫ И УСЛОВИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ ПРОЦЕДУР ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ В РАЗНЫХ СФЕРАХ

Рассматриваются принципы и условия повышения эффективности антикоррупционных процедур в различных сферах: науке, образовании, культуре, экономике, жилищно-коммунальном хозяйстве и демографии. Анализируется влияние коррупционных факторов на развитие этих сфер, а также предлагаются меры по улучшению существующих антикоррупционных механизмов. Обсуждаются примеры успешных практик из различных стран и приводятся конкретные рекомендации по совершенствованию антикоррупционной политики.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, эффективность, коррупция, процедуры, развитие.

E. S. Kuznetsov

Irkutsk State University, Irkutsk

PRINCIPLES AND CONDITIONS FOR IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF ANTI-CORRUPTION PROCEDURES IN THE IMPLEMENTATION OF POLICIES IN VARIOUS FIELDS

The article discusses the principles and conditions for improving the effectiveness of anti-corruption procedures in various fields: science, education, culture, economics, housing and communal services (housing and communal services) and demography. The impact of corruption factors on the development of these areas is analyzed, and measures are proposed to improve existing anti-corruption mechanisms. Examples of successful practices from various countries are discussed and specific recommendations for improving anti-corruption policy are provided.

Keywords: anti-corruption policy, efficiency, corruption, procedures, development.

Коррупция – это не просто строчка в сводках новостей или тема для теоретических споров в аудиториях. Это живое, постоянно мутирующее зло, которое, словно ядовитый плющ, оплетает и душит наше общество изнутри. Его корни уходят глубоко – от парадных дверей властных кабинетов до самых скромных бытовых взаимодействий, с которыми мы сталкиваемся каждый день. Влияние коррупции трудно переоценить, оно многогранно и разрушительно. Прежде всего, она подтачивает самое основание государства – доверие граждан. Когда люди видят, что не законы, а связи и деньги открывают двери, что справедливость продается, вера в институты и систему рушится. Экономика страдает не меньше: коррупция искажает здоровую конкуренцию, создавая тепличные условия для «своих» и отпугивая честных игроков, как внутренних, так и внешних. Это ведет к неэффективному использованию ресурсов, замедляет инновации и в конечном итоге снижает уровень жизни всех. Цифры, которые приводит, например, Всемирный банк, говорят сами за себя: потенциальное сокращение ежегодного экономического роста на 0,5–2 % и потери развивающихся стран, достигающие колоссального триллиона долларов в год (World Bank, 2021), – это не просто статистика. За этими цифрами стоят недостроенные больницы, не отремонтированные дороги, упущенные возможности для развития целых регионов. И, что, пожалуй, самое тревожное, коррупция является благодатной почвой для расцвета организованной преступности, контрабанды и даже может служить источником финансирования для экстремистских и террористических группировок, что делает ее прямой угрозой национальной и глобальной безопасности. Взять определение из Федерального закона Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»: по сути, речь идет о злоупотреблении властью или положением ради личной выгоды, будь то прямая взятка, коммерческий подкуп или иное незаконное использование возможностей. Это не просто отдельные проступки, это система, направленная против интересов общества и государства.

Поэтому, чтобы эффективно бороться с этим злом, недостаточно одних лишь запретительных мер или показательных арестов. Необходим гораздо более широкий, глубокий и многосторонний подход. Это задача, в решении которой должны участвовать все здоровые силы общества: государство, гражданские активисты, ответственный бизнес, независимые средства массовой информации. Важно раз и навсегда осознать: коррупция – это не техническая проблема, которую можно решить парой инструкций. Это глубоко укоренившееся социальное явление, своего рода болезнь менталитета, которая проявляется во всех сферах – от кумовства в научных кругах и взяток в вузах до поборов в жилищно-коммунальном хозяйстве и циничной торговли правом на социальную помощь.

Что может стать надежной основой для такой масштабной борьбы? Одним из краеугольных камней, безусловно, является прозрачность. Когда действия чиновников, бюджетные траты, процедуры принятия решений становятся максимально открытыми и доступными для контроля обществом, возможностей для теневых схем становится намного меньше. Этот принцип закреплен во многих странах мира через законодательство о доступе к информации о деятельности органов власти. Практическими инструментами становятся публикация деклараций о доходах и имуществе должностных лиц, создание открытых электронных площадок для государственных закупок (как, например, в России работают системы, регулируемые федеральными законами № 44-ФЗ и № 223-ФЗ). Неразрывно связана с прозрачностью подотчетность и неотвратимость ответственности. Должна быть выстроена такая система, где любое коррупционное действие влечет за собой реальное и неизбежное наказание, независимо от занимаемой должности или связей нарушителя. Это обеспечивается нормами уголовного законодательства (статьи о взятке, коммерческом подкупе, злоупотреблении полномочиями), а также административным и дисциплинарным правом. Важную роль играют независимые контрольно-надзорные органы, специализированные антикоррупционные ведомства (где они созданы), а также институты общественного контроля вроде Уполномоченного по правам чело-

века и надзорных органов за расходованием бюджета – счетных палат. Системы внешнего и внутреннего аудита также становятся важными механизмами выявления и сдерживания.

Однако одних законов и контроля со стороны государства недостаточно. Борьба с коррупцией – это прежде всего битва за умы и сердца людей. Просвещение, воспитание и активное вовлечение граждан – вот тот фундамент, без которого все усилия будут тщетны. Важно формировать культуру абсолютного неприятия коррупции с самых ранних лет, через систему образования, через яркие и понятные информационные кампании, которые не только информируют о наказаниях, но и объясняют, как коррупция вредит лично каждому – крадет их возможности, ухудшает качество жизни. Необходимо вооружать граждан знанием их прав и механизмов сообщения о коррупции – через горячие линии, электронные приемные, защиту информаторов. Неопценима роль активного гражданского общества: независимые журналистские расследования, общественный мониторинг государственных закупок (например, через анализ данных открытых реестров и деятельности НКО), создание антикоррупционных проектов и волонтерских движений – все это мощнейшие инструменты, способные вскрывать болевые точки и повышать эффективность официальных мер. При этом нужно осознавать, что коррупция – это не просто юридическое нарушение, а проявление глубоких морально-этических проблем в обществе. Она процветает там, где личная выгода ставится выше общего блага, где отсутствует чувство ответственности перед обществом. Поэтому антикоррупционная стратегия должна включать этический компонент: разработку и, главное, реальное внедрение кодексов этики и норм служебного поведения для государственных и муниципальных служащих, часто закрепленных в законодательстве о государственной службе, программы повышения их моральной устойчивости и воспитание этического лидерства.

Чтобы все эти принципы работали, необходимо создавать и поддерживать благоприятные условия для их реализации. Одним из самых мощных союзников в этой борьбе сегодня являются современные цифровые технологии. Перевод государственных услуг в электронный формат – от регистрации бизнеса и получения лицензий до взаимодействия с налоговой или участия в тендерах – не просто удобство, это серьезный барьер для бытовой коррупции, сокращающий прямое общение чиновника и гражданина. Электронные системы закупок делают процесс проведения тендеров прозрачным и конкурентным. Системы электронного документооборота и мониторинга бюджетных средств позволяют отслеживать финансовые потоки в реальном времени, затрудняя хищения. Поскольку коррупция давно стала транснациональным явлением, не знающим границ, крайне важно углубленное международное сотрудничество. Обмен оперативной информацией между правоохранительными и финансовыми службами разных стран, координация совместных исследований, гармонизация законодательства и создание общих стандартов борьбы – это необходимость. Ключевым документом здесь является Конвенция ООН против коррупции (UNCAC), ратифицированная большинством стран, которая закладывает основу для международного взаимодействия, включая выдачу (экстрадицию) коррупционеров и возврат похищенных активов. Другие важные организации и документы – OECD с ее Конвенцией по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц и Группа государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО) Совета Европы. Нельзя обойти вниманием и потенциал частного сектора. Крупные компании, особенно работающие на международном уровне, и прогрессивные бизнес-ассоциации могут оказать серьезное влияние, внедряя у себя строгие антикоррупционные программы (комплаенс). Это включает разработку внутренних политик, соответствующих международным стандартам вроде ISO 37001 «Системы менеджмента борьбы со взяточничеством», проведение внутренних расследований, обучение персонала. Законодательство ряда стран, например, Foreign Corrupt Practices Act (FCPA) в США или UK Bribery Act в Великобритании, устанавливает жесткую ответственность для компаний, что стимулирует развитие комплаенс-систем по всему миру.

Проявления коррупции, как хамелеон, адаптируются к конкретной сфере, что требует и специфических, адресных мер. В науке это может быть академическая нечестность: подтасовка данных, плагиат (контролируемый системами антиплагиата), некорректное рецензиро-

вание, кумовство при распределении грантов. Это подрывает доверие к науке и тормозит развитие. Решение: независимая экспертиза проектов, двойное слепое рецензирование статей, прозрачные конкурсные процедуры с четкими критериями, закрепленными в нормативных положениях, и жесткие требования к научной этике. В образовании – это взятки за поступление, покупка оценок и дипломов, подделка документов. Это обесценивает знания и создает несправедливое неравенство. Необходимы независимая государственная итоговая аттестация (модель ЕГЭ), аккредитация учебных заведений, публикация рейтингов вузов, а также нормативное закрепление процедур академической честности. В культурной сфере – непрозрачное распределение госсубсидий и грантов, фаворитизм при госзакупках на культурные проекты. Меры: нормативно закрепленные прозрачные конкурсные процедуры, независимые экспертные советы (жюри), открытая отчетность по расходованию средств. В экономике – взятки за госконтракты («откаты»), незаконное лоббирование, недобросовестная конкуренция, получение незаконных преференций. Меры: совершенствование законодательства о госзакупках, усиление антимонопольного регулирования, повышение стандартов корпоративного управления, внедрение комплаенс-программ (ISO 37001), упрощение административных процедур. В ЖКХ – завышение тарифов, нецелевое расходование средств собственников или субсидий, коррупция при тендерах на ремонт. Меры: госрегулирование тарифов, государственный жилищный надзор, обязательная публикация отчетности УК, прозрачные процедуры закупок, общественный контроль. В социальной политике (связанной с демографией и поддержкой) – взятки за инвалидность, нелегальные пособия, махинации с материнским капиталом. Это обкрадывание нуждающихся. Меры: единые электронные реестры получателей, цифровизация процессов, ужесточение контроля соцфондов, верификация получателей.

Ценным ориентиром служит опыт стран, добившихся заметных успехов. Скандинавские государства традиционно лидируют в мировых антикоррупционных рейтингах (как, например, в Индексе восприятия коррупции Transparency International). Их успех основан на высокой гражданской культуре, тотальной прозрачности государственных финансов (бюджеты всех уровней доступны публично), широком участии граждан в общественной жизни и строгом законодательстве, подкрепленном эффективной правоприменительной практикой. Опыт Сингапура демонстрирует иной, но тоже эффективный подход: сочетание неотвратимого и очень жесткого наказания за коррупцию, независимо от статуса (этим занимается Бюро по расследованию коррупционных действий, CPIB), с высокими зарплатами госслужащим для привлечения честных профессионалов и максимальной простоты, прозрачности и дебиюкратизации процедур, активно использующих современные технологии.

Подводя итог, борьба с коррупцией – это не узкоспециальная задача, а масштабный вызов, требующий мобилизации усилий всего общества. Фундаментом служат принципы прозрачности и подотчетности, подкрепленные сильными институтами контроля и правоприменения. Не менее важны активная позиция гражданского общества, этическое воспитание и широкое внедрение технологий. Только действуя сообща, как единый механизм, постоянно совершенствуя антикоррупционные механизмы, предусмотренные законодательством и лучшие международные практики, и формируя в обществе стойкое неприятие коррупции, можно добиться не просто сокращения ее проявлений, а построения общества, основанного на справедливости, доверии, равных возможностях и верховенстве закона. Это долгий и непростой путь, требующий активного участия каждого.

Литература

1. О противодействии коррупции : федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/bbbd4641125b222beaf7483e16c594116ed2d9a1/?ysclid=m9ttwaqdz75098248 (дата обращения: 10.05.2025).
2. Коррупция (понятие, ответственность, противодействие коррупции) // МВД России. URL: <https://28.mvd.rf/document/20620462> (дата обращения: 10.05.2025).
3. Коррупция // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Коррупция> (дата обращения: 10.05.2025).
4. Что такое противодействие коррупции // Контур.Фокус. URL: https://focus.kontur.ru/site/news/53787-protivodeystvie_korrupcii?ysclid=m9ttwembx705624967 (дата обращения: 10.05.2025).

РЕАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ БРАЧНОСТИ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ФЕМИНИЗМА: СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ И ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ³³

Рассматриваются старые и новые парадигмы и мнение экспертов по вопросам реализации традиционных моделей брачности в России в контексте идей феминизма. Подчеркивается, что брачные модели в России традиционно формировались под влиянием исторических и культурных норм. Выявлено, что в последние годы на фоне роста феминистских движений и переосмысления гендерных ролей традиционные представления о браке подвергаются пересмотру. Показано, что традиционные модели реализуются в современной России с учётом новых парадигм и критики феминизма. Акцентируется внимание на сравнении «старых» и «новых» подходов и экспертных мнениях, что позволяет глубже понять трансформации брачности в условиях социальных изменений.

Ключевые слова: феминизм, традиционные модели брачности, парадигма, экспертное мнение, социальные изменения.

A. A. Lazareva

Irkutsk State University, Irkutsk

IMPLEMENTATION OF TRADITIONAL MARRIAGE MODELS IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF FEMINIST IDEAS: OLD AND NEW PARADIGMS AND EXPERT OPINION

The article examines old and new paradigms and expert opinions on the implementation of traditional marriage models in Russia in the context of feminist ideas. It is emphasized that marriage models in Russia have traditionally been shaped by historical and cultural norms. It has been revealed that in recent years, amid the growth of feminist movements and the rethinking of gender roles, traditional ideas about marriage have been undergoing revision. It is shown that traditional models are being implemented in modern Russia, taking into account new paradigms and criticism of feminism. The author focuses on comparing "old" and "new" approaches and expert opinions, which allows for a deeper understanding of the transformation of marriage in the context of social change.

Keywords: feminism, traditional marriage models, paradigm, expert opinion, social changes.

Влияние феминизма на традиционные модели брачности в России является актуальной темой для исследования, особенно в свете происходящих в обществе изменений. В последние десятилетия феминистские идеи начали существенно влиять на восприятие роли женщин как в семье, так и в обществе, что затрагивает традиционные представления о браке. Эти модели, сформированные историческими и культурными контекстами, основывались на чётком разделении ролей между мужчинами и женщинами. Однако с ростом феминистского движения и его концепциями, такими как гендерное равенство, право на самовыражение и независимость, наблюдается постепенная трансформация этих моделей. Женщины начинают переосмысливать свои роли в семье, что приводит к изменениям в динамике отношений между супругами. Кроме того, в условиях глобализации и стремительных социально-экономических изменений феминизм способствует диалогу о гендерных стереотипах и предубеждениях, которые долгое время определяли брачные отношения.

Современный аспект влияния феминизма на традиционные модели брака в России остается недостаточно исследованным. Важность данной проблемы и отсутствие глубокой практической разработки темы определяют новизну этого исследования. Это связано с тем, что феминизм и его воздействие на семью и брак находятся на стадии активного развития. Следовательно, этот вопрос является крайне актуальным для изучения, хотя многие принятые меры еще не были воплощены в практику. Например, в опросе от ВЦИОМа «Семья как ценность» 82 % россиян выступают за сохранение традиционных семейных ценностей, культуру материнства и отцовства [8], а в опросе «Традиции в эпоху перемен» 77 %

³³ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Габельных.

россиян согласны с тем, что важно сохранять традиционные семейные ценности, культуру материнства и отцовства, поддерживать многодетность [9].

Тем не менее ключевой темой остаются факторы и тенденции, влияющие на развитие института семьи и брака. Этот процесс может привести как к положительным последствиям, таким как социальная стабильность и экономическая безопасность, так и к негативным, например, к дискриминации тех, кто не соответствует новым стандартам, или к укреплению стереотипов, что в дальнейшем может ограничивать личную свободу и развитие индивидуальности.

Среди «старых» парадигм стоит выделить историка и правоведа Иоганна Якоба Бахофена, который первым исследовал прошлое семьи и доказал, что до моногамии существовали различные формы брака, а матриархат предшествовал патриархату, а также он утверждал, что структура общества отражала религиозные верования, а ее развитие зависело от эволюции религиозных идей, связанных с женским божеством [1]. Американский ученый и социолог Льюис Генри Морган различал род и семью. Он считал род экзогамной группой с запрещенными брачными отношениями внутри, где первоначальной формой был материнский род, основанный на коллективном хозяйстве, однако с переходом к частной собственности материнский род распался, и сформировался отцовский [3].

Отечественные исследователи также внесли значительный вклад в понимание развития семьи. Советский социолог Анатолий Георгиевич Харчев утверждал, что будущее семьи будет отличаться от образа, представленного буржуазными социологами, где преобладают краткосрочные союзы. Он считал, что будущая семья станет результатом роста культурных ценностей, акцентируя внимание на романтической любви, верности и постоянстве, что приведет к триумфу подлинной моногамии в социалистическом обществе [5].

Питирим Александрович Сорокин отмечал, что семья, как и другие социальные структуры, претерпела множество изменений и продолжает развиваться. Он подчеркивал, что семья сейчас переживает кризис: старые и некоторые современные формы исчезают, уступая место новым. Время подрывает автократические основы семьи, ослабляя связи между мужем и женой, а также между родителями и детьми, которые являются ее основными опорами [4]. Сергей Густавович Громан в книге «Всебраще будущего» предлагает альтернативу традиционному браку в виде пантагамии, где сексуальные отношения и супружеская ответственность определяются внутренним нравственным императивом. Он акцентирует внимание на сексуальной любви, равенстве и взаимном уважении. Начало XX в. характеризуется отрицанием патриархальных традиций и стремлением освободить женщин от ограничений, чтобы они могли участвовать в общественной жизни [2].

Тем не менее эта тема не была исследована с учетом интересов новой эпохи, когда возникают новые социальные движения. В условиях быстрого развития института семьи и брака в России появились новые методы управления этим процессом для достижения стабильности в семьях. Поэтому государству необходимо поддерживать и развивать институт семьи и брака, что подразумевает разработку новых стратегий и концепций. Федеральным законом от 08.08.2024 № 260-ФЗ ч. 2 ст. 156 Семейного кодекса РФ была дополнена положением, запрещающим заключение брака между лицами, если хотя бы одно из них является иностранным гражданином или лицом без гражданства, сведения о которых внесены в реестр контролируемых лиц в соответствии с законодательством о правовом статусе иностранных граждан в Российской Федерации [7].

В Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» были внесены изменения, согласно которым, если одно из лиц, желающих вступить в брак, не может лично явиться в орган записи актов гражданского состояния или многофункциональный центр для подачи совместного заявления, то волеизъявление сторон может быть оформлено через отдельные заявления о заключении брака. Подпись на таком заявлении должна быть нотариально удостоверена, за исключением случаев, когда заявление подается через единый портал государственных и муниципальных услуг или региональные порталы.

Эти изменения, скорее всего, связаны как со снижением числа браков, так и с увеличением числа разводов [6].

В марте 2025 г. автором был проведен экспертный онлайн-опрос на тему «Современные концепции феминизма и их влияние на традиционные модели брачности в России» с целью выявления мнений экспертов Иркутской области по вопросам влияния идей феминизма на традиционные модели брачности в России. Опрос проводился на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций Института социальных наук и НИЧ ИГУ.

Большинство экспертов (66,7 %) ответили, что трансформация традиционных моделей брачности скорее происходит, в то время как 33,3 % экспертов ответили, что точно происходит (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «По мнению эксперта, происходит ли трансформация традиционных моделей брачности в России?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да, происходит	2	33,3
2	Скорее да	4	66,7
3	Скорее нет	0	0,0
4	Нет, не происходит	0	0,0
5	Затрудняюсь ответить	0	0,0
	Всего	6	100,0

Можно сделать вывод, что все эксперты согласны с тем, что в той или иной степени традиционные модели брачности подвержены трансформации из-за различных факторов, а если точнее, то этими факторами, в основном, являются распространение феминизма, трансформация функций семьи и государственная семейная политика (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие факторы в большей степени влияют на развитие семьи и брака в России в современную эпоху?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Распространение феминизма	4	20,0
2	Трансформация функций семьи	4	20,0
3	Государственная семейная политика	4	20,0
4	Рост новых социальных движений	3	15,0
5	Демографический кризис	3	15,0
6	Рост социального неравенства	1	5,0
7	Мировой экономический и финансовый кризис	1	5,0
8	Затрудняюсь ответить	0	0,0
	Всего	20	100,0

Анализ данных в табл. 3 показал, что половина экспертов (50,0 %) считают, что феминизм в дальнейшем частично будет способствовать изменению традиционных моделей брачности в России, в то время как лишь 16,7 % экспертов ответили, что не будет способствовать изменению вообще.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Как эксперт считает, будет ли феминизм в дальнейшем способствовать изменению традиционных моделей брачности в России?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да, будет способствовать в полной мере	1	16,7
2	Да, будет способствовать в частично	3	50,0
3	Нет, не будет способствовать	1	16,7
4	Затрудняюсь ответить	1	16,7
	Всего	6	100,0

Таким образом, нами сделан вывод, что модели брачности уже долгое время трансформируются, начиная с древности и заканчивая современной Россией. В будущем, скорее всего, брак также будет подвержен изменениям из-за различных факторов, одним из которых является распространение феминизма, однако нельзя не упомянуть, что трансформация традиционных моделей брачности в современной России уже происходит, потому что появляются всё новые и новые модели браков, а также меняются роли мужчин и женщин в самом браке.

Литература

1. Бахофен И. Я. Материнское право. Исследование гинекократии древнего мира в соответствии с ее религиозной и правовой природой. СПб. : Издат. проект «Quadrivium». 2018. 384 с.
2. Громан С. Г. Всебраще будущего (пантагамия). СПб. : Мечта и жизнь. 1908. 95 с.
3. Морган Л. Г. Древнее общество. Л. : Ин-т народов Севера ЦИК СССР, 1935. 385 с.
4. Сорокин П. А. Брак в старину: многомужество и многоженство. Рига : Наука и жизнь, 1913. 47 с.
5. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М. : Мысль, 1979. 368 с.
6. О внесении изменений в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» : федер. закон от 03.04.2023 № 106-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443688/?ysclid=m7cqtdia373893536 (дата обращения: 15.05.2025).
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482512/?ysclid=m7cqrp0nvh301365329 (дата обращения: 15.05.2025).
8. Семья как ценность // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (дата обращения: 15.05.2025).
9. Традиции в эпоху перемен // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen> (дата обращения: 15.05.2025).

УДК 323.21

Л. А. Ленивцева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СПЕЦИФИКА ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ³⁴

Рассматривается специфика электорального поведения жителей Иркутской области в условиях геополитической напряженности. Показано, что основным особенностям электорального поведения жителей Иркутской области является низкая электоральная активность, протестное электоральное поведение и широкое распространение голосования за оппозиционные партии. Установлено, что предпочтения избирателей зависят от экономико-географических и социально-географических характеристик. Сделан вывод, что Иркутская область представляет собой регион с особой электоральной культурой.

Ключевые слова: электоральное поведение, электоральная активность, региональная электоральная культура, Иркутская область.

L.A. Lenitseva

Irkutsk State University, Irkutsk

THE SPECIFICS OF THE ELECTORAL BEHAVIOR OF RESIDENTS OF THE IRKUTSK REGION

The purpose of the article is to identify the features of the electoral behavior of residents of the Irkutsk region in the context of geopolitical tensions. It is shown that the main features of the electoral behavior of residents of the Irkutsk region are low electoral activity, protest electoral behavior and widespread voting for opposition parties. It is established that the preferences of voters depend on economic, geographical and socio-geographical characteristics. It is concluded that the Irkutsk region is a region with a special electoral culture.

Keywords: electoral behavior, electoral activity, regional electoral culture, Irkutsk region.

³⁴ Научный руководитель — кандидат философских наук, доцент О. А. Полношкевич.

Начало 2022 г. стало временем серьезных потрясений как для России, так и всего мира, связанных с началом Специальной Военной Операции (СВО), затронувшей практически все сферы общественной жизни. Резкое ухудшение геополитической ситуации стало катализатором внутренних изменений и активизировало внешние угрозы, такие как информационные войны, направленные на дестабилизацию российского общества.

Актуальность поставленной цели обусловлена тем, что современное российское общество переживает один из самых сложных периодов в своей новейшей истории, характеризующихся множеством угроз, которые напрямую влияют на национальную безопасность, общественное единство и политическую стабильность. Исследование особенностей электорального поведения жителей Иркутской области в условиях геополитической напряженности необходимо для разработки эффективных стратегий воспитания электорального поведения, способного соответствовать вызовам сегодняшнего дня.

Целью статьи является идентификация особенностей электорального поведения жителей Иркутской области.

Понятие электоральное поведение исследуют различные исследователи, например, в статье В. Ю. Медведев и А. Р. Панкова показано, что электоральное поведение представляет собой сложное и многогранное понятие. С одной стороны, под электоральным поведением может подразумеваться модель проявления политического поведения людей по поводу делегирования своих возможностей. С другой стороны, это составляющая политического поведения, которая предполагает комплекс взаимодействий общественных субъектов в работе общественно-политической системы [4]. Согласно подходу А. В. Качанова и А. С. Ивлевой, электоральное поведение можно рассматривать как совокупность действий избирателей, направленных на реализацию их социально-политических интересов. Важно то, что авторы отмечают, что электоральное поведение имеет отношение не только к избирателям и их действиям, но и к субъектам непосредственного политического воздействия – политическим партиям [3]. Современные исследования электорального поведения также направлены на изучение факторов, определяющих выбор избирателей. С.К. Жиркова определяет электоральное поведение как совокупность действий, убеждений и установок граждан в рамках избирательных кампаний, оказывающих влияние на политическую систему. Автор подчеркивает зависимость электорального поведения от электоральных установок, общих (участие в выборах) и частных (выбор кандидата) [1].

Н. Ю. Жуковская и Е. И. Шурупова рассматривают электоральное поведение как деятельность избирателей по определению электорального выбора, обусловленную политической культурой общества. Авторы выделяют факторы, влияющие на электоральное поведение, такие как место жительства, возраст и экономическое положение [2]. Н. И. Сивкова анализирует электоральное поведение в контексте системы детерминации человеческой деятельности, выделяя две системы: выработку установки на участие в выборах и готовность голосовать за конкретного кандидата. Внешняя необходимость (политическое и экономическое устройство) и внутренняя необходимость (потребность выразить свою волю) формируют эти системы [5].

О. А. Полишкевич отмечает влияние краткосрочных и долгосрочных факторов и выделяет три академические модели: социологическую, социально-психологическую и модель рационального выбора при выборах [6]. Отметим, что в условиях информационной войны важно развивать у населения критическое мышление и медиаграмотность. Обучение базовым навыкам анализа информации может помочь населению формировать независимое мнение и противостоять дезинформации.

Обобщая подходы современных авторов к проблеме электорального поведения, можно определить следующие особенности электората Иркутской области: низкая электоральная активность, протестное электоральное поведение и широкое распространение голосования за оппозиционные партии.

Низкая электоральная активность является одной из наиболее актуальных проблем современного общества. К причинам относят политическую апатию, недоверие к институтам власти и отсутствие информации о процессе голосования. Анализируя электоральные процес-

сы, связанные с муниципальными выборами в Иркутской области, обратимся к выборам 2019 г. и 2024 г. общая явка по региону на 2024 г. составила 8,16 %. Лидерами по активности были Осинский и Баяндаевский районы, где на выборы пришли 35,93 и 33,03 % избирателей соответственно. Самую низкую явку демонстрировал Черемхово – 2,33 %. Для сравнения, в 2019 г. иркутяне были более активными: в это же время на участки пришло 9,76 % избирателей [7]. Некоторые эксперты высказывали разные мнения о причинах низкой активности избирателей.

По мнению Владислава Шиндяева, конфликтные ситуации в регионе быстро разрешаются, а соперничество между влиятельными группами не оказывает существенного воздействия на избирательный процесс и результаты голосования.

Доцент ИГУ Сергей Шмидт, с другой стороны, подчеркивал, что потенциал для протестного голосования существует постоянно, однако в период нестабильности многие граждане, склонные к критике, сдерживают свои настроения.

Юрий Пронин указывал на то, что даже КПРФ, представляющая собой реальную альтернативу, в настоящее время не воспринимается как таковая. По мнению эксперта, деятельность партии малозаметна, и она не предлагает убедительных альтернативных стратегий развития [10].

Протестное электоральное поведение. Оно наблюдается в муниципальных образованиях с административными конфликтами, на территориях со слаборазвитой социальной и производственной инфраструктурой. С начала 2025 г. российское правительство унифицировало для субъектов федерации лимиты потребления электроэнергии по дифференцированным тарифам. Установлены две границы: 3,9 тыс. кВт•ч и 6 тыс. кВт•ч. Потребление сверх этих значений относится к третьему диапазону.

Жители Иркутской области выражают недовольство, поскольку при определении тарифов не были учтены региональные особенности, такие как низкая газификация и длительный отопительный период, когда многие дома обогреваются электричеством. На митингах протеста присутствовали многолетние семьи и пенсионеры, опасющиеся роста не только счетов за электричество, но и цен на товары в магазинах из-за подорожания электроэнергии для предприятий.

По мнению доцента ИГУ Сергея Шмидта, высказанному в «Региональных комментариях», вопрос дифтарифов является потенциально взрывоопасным и может стать проблемой для губернатора Иркутской области в преддверии выборов. Сергей Шмидт полагает, что различные политические силы могут использовать тему дифтарифов для дестабилизации обстановки перед выборами, стремясь создать впечатление о массовом недовольстве губернатором и добиться его отстранения. Он также подчеркивает, что решение о введении дифтарифов принято на федеральном уровне и не должно существенно повлиять на решение о продлении полномочий губернатора [9].

Широкое распространение голосования за оппозиционные партии. В Иркутске электоральное поведение характеризуется низким и средним уровнем явки избирателей и высокой степенью голосования за оппозиционные партии. В Иркутской области наблюдается интересная картина электорального поведения: при относительно невысокой явке избиратели демонстрируют склонность к поддержке оппозиционных партий. Это подтверждается результатами муниципальных выборов 11 сентября 2022 г. Жители выбирали мэров шести районов и одного города, 216 глав муниципалитетов, в том числе глав девяти городов, и 2630 депутатов дум.

Несмотря на то что мэры ряда ключевых районов (Жигаловский, Бодайбинский, Усолье-Сибирское, Слюдянский) были избраны от «Единой России», в Усольском и Тулунском районах победу одержали представители КПРФ и «Новых людей» соответственно. По итогам выборов избиратели оказали поддержку 43 % кандидатам от КПРФ, участвовавшим в выборах мэров городов и районов, глав и депутатов дум муниципальных образований. В целом от компартии были зарегистрированы 519 чел., среди них на должность мэров три человека, глав муниципальных образований – 56 чел. и депутатов муниципальных образований – 460 чел. Из них победу одержали 223 кандидата от КПРФ: один мэр, восемь глав и 214 депутатов дум муниципальных образований [8].

Таким образом, современные условия геополитической напряженности требуют особого внимания к воспитанию электорального поведения. Комплексный подход к продвижению патриотизма, включающий использование современных медиа, активное вовлечение молодежи в культурные и образовательные инициативы, а также создание условий для повышения гражданской активности и самореализации, сможет усилить электоральное поведение у жителей Иркутской области и повысить их осознание своей роли в будущем страны.

Литература

1. Жиркова С. К. Теоретико-методологические основы электорального поведения // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2013. № 19. С. 63–66.
2. Жуковская Н. Ю., Шурупова Е. И. Динамика факторов электорального поведения россиян в 2018–2021 годы // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 3 (25). С. 186–202.
3. Качанов А. В., Ивлева А. С. Электоральное поведение как социально-политический феномен // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektoralnoe-povedenie-kak-sotsialno-politicheskiy-fenomen> (дата обращения: 10.05.2025).
4. Медведев В. Ю., Панкова А. Р. Электоральное поведение: проблемы определения понятия // Молодой ученый. 2019. № 9 (247). С. 63–64.
5. Сивкова Н. И. Система детерминации электорального поведения // Koionon. 2021. Т. 2, № 3. С. 169–181.
6. Полношкевич О. А. Экспертное сообщество в развитии межсекторного партнерства институтов гражданского общества // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 93–96.
7. Избирательная комиссия Иркутской области // Итоговая пресс-конференция. URL: <http://www.irkutsk избирком.ru/docs/10248/> (дата обращения: 10.05.2025).
8. РАБОР интернет-журнал // Муниципальные выборы в Иркутской области: борьба продолжается! URL: https://rabkor.ru/columns/events/2022/09/13/municipal_elections_in_the_irkutsk_region_the_fight_continues/ (дата обращения: 10.05.2025).
9. Региональные комментарии // Жители Иркутска вышли на митинг против дифтарифов: почему сейчас и есть ли риски для Кобзева? URL: <https://regcomment.ru/main/zhiteli-irkutskaya-vyshli-na-miting-protiv-diftarifov-pochemu-sejchas-i-est-li-riski-dlya-kobzeva/> (дата обращения: 12.05.2025).
10. PrimaMedia // Все одного ждут. Иркутская область на пороге губернаторской кампании. URL: <https://primamedia.ru/news/1969243/> (дата обращения: 10.05.2025).

УДК 314.172

Е. А. Лесникова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: РОЛЬ ЭКСПЕРТНЫХ ИНСТИТУТОВ В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

Рассматриваются особенности реализации демографической политики на региональном уровне. Проводится анализ причин проведения демографической политики, факторов, обусловивших важность внедрения федеральных программ в регионы, а также перспективы их развития. Определяется, какую роль играют экспертные институты в реализации государственных стратегий демографической политики.

Ключевые слова: демография, регион, экспертные институты, национальные проекты, численность населения.

E. A. Lesnikova

Irkutsk State University, Irkutsk

REGIONAL ASPECTS OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT: THE ROLE OF EXPERT INSTITUTES IN IMPLEMENTING NATIONAL STRATEGIES

This article examines the implementation of demographic policy at the regional level. The modern world dictates conditions in which measures to coordinate population size are prioritized within both state and regional governance. The author analyzes the reasons for implementing demographic policy, the factors that determine its importance for Russia, and the prospects for its development. Furthermore, we will consider the role of expert institutions in the implementation of state strategies for demographic policy.

Keywords: demography, region, expert institutions, national projects, population size.

О причинах демографических колебаний советской истории написано большое количество работ, например, книга С. А. Новосельского «Демография и статистика», книга Б. Смуглевич «Материнство при капитализме и социализме», изданные в 1978 и в 1936 гг., а также мн.др. Действительно, в Российской истории происходили процессы, которые подвергали институт семьи риску. В случае страха войны, экономического кризиса, неуверенности в «завтрашнем дне», люди были вынуждены прежде всего сберечь личное, уже имеющееся благополучие, не видя перспективы в увеличении потомства.

Семья как социальный институт – это система связей и взаимодействий индивидов, выполняющих функции воспроизводства человеческого рода и социализации личности, т. е. удовлетворение важнейших потребностей общества [8]. В условиях масштабных социальных преобразований вопросы демографии и укрепления института семьи остаются в центре внимания политиков. Это связано с кризисом, который претерпевает данная отрасль государственного контроля. Поэтому стоит приложить усилия для того, чтобы тенденция повышения уровня населённости нашей страны имела постоянную положительную динамику.

Для дальнейшего анализа необходимо включить в работу ключевое определение: «экспертные институты», включающие в себя сложные, хорошо организованные структуры – сообщества и группы, которые на законных основаниях, используя профессиональные и интеллектуальные ресурсы, обеспечивают общественный порядок и контроль. Они регулируют (в том числе и путем саморегулирования) ключевые сферы жизни человека и общества. Важной особенностью является их работа в сетевом формате, основанная на партнерских взаимодействиях, что позволяет им эффективно реагировать на современные вызовы и угрозы [5]. За все статистические данные в России отвечает Росстат (Федеральная служба государственной статистики), а также её территориальные подведомственные органы – это на сегодняшний момент главный экспертный институт, который подготавливает анализ для описания всех социально-экономических процессов в России, включая данные, связанные с демографической ситуацией.

В связи с тем, что сейчас Россия претерпевает демографический дисбаланс, важно делать всё возможное, чтобы исправить это, использовать разные механизмы. Одну из главных позиций здесь занимает теория, значимость которой значительно возрастает, учитывая необходимость объяснения снижения рождаемости, прогнозирования тенденций рождаемости. Исходя из этого, разработка экспертных оценок, выводов должны быть аргументированы, иметь социологическую обоснованность, что в дальнейшем может помочь с выявлением подлинных причин демографического кризиса.

Государство борется за исправление демографической проблемы, ведь она влияет на многие аспекты жизни, а факт, что численность населения с «пика» в 1994 г., составляющего 149 млн чел., сократилось до 146,880 млн к 2018 г. заставил государство рассмотреть политику в этом секторе незамедлительно. Так, было принято фундаментальное решение – создание национальных проектов в сфере демографии, в связи с чем экспертному сообществу было необходимо подготовить анализ социальной ситуации в России [9].

Одним из главных движков масштабного историко – политического открытия стал Указ Президента РФ от 19.07.2018 г. № 444, задачей которого было достичь отметки продолжительности жизни населения России в 2024 г. – 78 лет. В документе, планово до 2024 г., были выдвинуты такие цели, как: рост численности населения, увеличение продолжительности жизни, снижение уровня бедности. Далее, срок реализации был продлён до 2030 г., при этом государство стремится сделать так, чтобы средняя продолжительность жизни достигла отметки в 81 лет **[Ошибка! Источник ссылки не найден.]**.

Более масштабным и всеобъемлющим этапом стал национальный проект «Демография». Он появился в январе 2018 г. до 2024 г. включительно, основания его применения представлены на официальном сайте Министерства труда и социальной защиты населения. Он был реализован в непростой ситуации, это обусловлено тем, что почти за год, в 2018 г.,

смертность населения увеличилась настолько, что опередило естественный прирост на 193 тыс. чел. [1]. Коэффициент рождаемости был равен 11 на одну тысячу населения. Необходимо учесть, что ранее показатель был больше, в нынешнем году уменьшился по сравнению с прошлым на 5,2 %. При этом, по данным прогноза Росстат «Изменение численности населения» с учётом итогов Всероссийской переписи населения 2020 г. до 2046 г. естественный прирост населения с 2023 по 2025 г. сократился на -92,5 тыс. чел., а миграционный прирост в период с 2023 по 2025 г. изменился всего на -11,2 тыс. чел. Это говорит о значительных проблемах именно в секторе естественного прироста [7].

Стартовавший в 2023 г. проект включает несколько ключевых социальных программ: поддержку старшего поколения, популяризацию спортивного образа жизни, финансовую помощь семьям с детьми, мероприятия по укреплению здоровья населения и содействие в трудоустройстве граждан [1]. Сама идея создания данных проектов имеет как положительные, так и отрицательные стороны, так как, с одной стороны, они поддерживают довольно высокий уровень жизни граждан, давая возможность многодетным семьям жить обеспечено и комфортно, а с другой – не является сильно мотивирующей, что показывает анализ Росстата, который мы рассмотрим ниже. Довольно неоднозначно осуществление мер по его реализации, поскольку эффективность проекта имеет изменяющуюся динамику, что стоит учесть при оценке эффективности государственных мер.

Мы видим, что демографическая проблема действительно является насущной и на сегодняшний момент. Следовательно, как у любой другой задачи у этой есть свои условия, в данном контексте назовём их причинами. В своей статье, посвященной анализу демографической обстановки с 2024 по 2026 г. Д. А. Донской и М. В. Южакова привели причины негативной демографической динамики в России, которые оставляют свой след и в настоящее время, опишем их:

1. Пандемия COVID-19. Вместе с появлением данного вида заболевания, смертность населения, при уже имеющейся проблеме снижения численности, стала значительнее. Существующая ситуация, при которой среди граждан пожилого возраста наблюдается высокий уровень смертности, также стала гораздо заметнее отражаться на демографии России. Страх перед неопределённостью повлиял на желание семей пополнить состав семьи, что значительно сказалось на уровне естественного прироста населения.

2. Начало СВО в 2022 г. Многие граждане, особенно молодёжь, начали уезжать в другие страны в поисках безопасности и более спокойных условий жизни, с этой же целью некоторые граждане начали покидать субъекты, в которых проживали ранее, что в свою очередь повлияло на численность населения в отдельных регионах. Эмиграция и внутренняя миграция способствовали усугублению демографической ситуации. Также, как и в любой другой войне, среди военнослужащих прослеживается высокая смертность – это, в свою очередь, значительно увеличило процент смертности населения [4].

Несмотря на это, проект был создан с целью долгосрочной перспективы развития общества, увеличения численности населения, а также поддержания благосостояния семей. Для реализации этих целей был задействован комплексный подход – это значит, что используются все механизмы как со стороны института государства (например, национальные проекты, которые были упомянуты ранее), так и со стороны институтов регионов (например, региональные проекты) [4].

Однако данная модель реализации проекта «Демография» имеет идеализированную форму и настоящий подход к осуществлению плана другой. Это обусловлено неравномерностью регионального развития, что является одной из ключевых проблем. Так, в некоторых регионах страны, таких как Москва, Санкт-Петербург демографическая ситуация обстоит лучше, чем, например, на Дальнем Востоке и в Сибири.

По мнению экспертов, демографическая политика в России и других странах осуществляется в рамках многоуровневой системы, включающей межгосударственный (стратегический), государственный, региональный (оперативный) и семейный (тактический) уровни. Такая иерархическая структура позволяет обеспечить комплексный подход к решению

демографических задач, учитывая, как глобальные тенденции, так и локальные особенности развития населения [2]. Демографическая политика на уровне семьи реализуется как комплекс целенаправленных мер, ориентированных на поддержание, сохранение и укрепление семейных отношений. В основе этого подхода лежит фундаментальное признание семьи как главного социального института, обеспечивающего воспроизводство населения. Региональный уровень определяется территориальным аспектом, дополняет семейный уровень. На данном этапе проведение демографической политики государственными органами выполняется в соответствии с национальным стандартом, но возможны инициативы самих субъектов в зависимости от их национальной, климатической, экономической, территориальной и других специфик.

Осуществление и вступление региональных проектов в силу в субъектах Российской Федерации представляет собой главный элемент системы планирования и проектного управления, направленный на достижение национальных целей развития, определенных Указами Президента Российской Федерации и детализированных в содержании национальных проектов. Данный процесс осуществляется органами исполнительной власти субъектов РФ и основывается на принципах федеральных проектов и государственных инициатив в целом. В рамках этой системы национальные проекты, разрабатываемые и утверждаемые на федеральном уровне, задают стратегические векторы, целевые показатели и ключевые направления деятельности. На их основе региональные органы власти формируют региональные проекты, которые конкретизируют задачи национальных проектов применительно к социально-экономическим, географическим, демографическим и иным особенностям определённого субъекта.

Поэтому региональные проекты – это инструмент адаптации и реализации федеральных инициатив на местах, обеспечивающих ресурсное наполнение проектов на местах, а также определяющих ответственных исполнителей на региональном и муниципальном уровнях, осуществляющих мониторинг достижения запланированных результатов в контексте специфики и потенциала развития каждого региона.

С целью достижения государственных целей 7 мая 2024 г. Президент России подписал Указ № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», который задал вектор совместного развития [11]. Обратимся к демографической ситуации в отдельном регионе России. В Иркутской области по данным Росстата (Федеральной службы государственной статистики) численность населения на январь 2024 г. составила 2 331 463 млн, а в 2025 г. 2 316 571 млн чел. Разница равна -14 892 тыс. чел. [12]. Мы видим, что здесь также присутствует демографическая проблема и отрицательная динамика естественного прироста. В данном субъекте на 2025 г. реализуется 14 национальных и 43 региональных проекта, большинство из которых направлены на улучшение данной ситуации, в том числе:

- Национальный проект «Молодёжь и дети» и региональные проекты: «Россия – страна возможностей», «Мы вместе», «Всё лучшее детям», «Педагоги и наставники», «Профессионалитет»;
- Национальный проект «Семья» и региональные проекты: «Поддержка семьи», «Многодетная семья», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение», «Семейные ценности и инфраструктура культуры»;
- Национальный проект «Кадры» и региональные проекты: «Образование для рынка труда», «Активные меры содействия занятости»;
- Национальные проект «Продолжительная и активная жизнь» и региональные: «Модернизация первичного звена Иркутской области», «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями», «Борьба с онкологическими заболеваниями», «Борьба с сахарным диабетом», «Борьба с гепатитом С» и минимизация рисков распространения данного заболевания», «Совершенствование экстренной медицинской помощи», «Оптимальная для восстановления здоровья медицинская реабилитация», «Здоровье для каждого», «Медицинские кадры»;

- Национальный проект «Инфраструктура для жизни» и региональные проекты: «Развитие инфраструктуры в населенных пунктах», «Жилье», «Модернизация коммунальной инфраструктуры», «Формирование комфортной городской среды», «Безопасность дорожного движения», «Региональная и местная дорожная сеть», «Общесистемные меры развития дорожного хозяйства»;

- Национальный проект «Экологическое благополучие» и региональные проекты: «Экономика замкнутого цикла», «Чистый воздух», «Вода России», «Сохранение лесов» и другие [11].

Данные проекты сделали неоспоримый вклад в демографическое развитие, а региональные проекты косвенно и напрямую влияют на эффективность данной сферы. Министерства Иркутской области, реализующие каждый из этих проектов, выступают в роли механизма в контексте регионального развития и осуществления национальных стратегий, успешная реализация целей которых заключается в улучшении количественных и качественных показателей населения региона, а также страны в целом. Роль экспертных институтов в этом процессе заключается в анализе текущей демографической ситуации, прогнозировании, разработке научно обоснованных рекомендаций для адаптации национальных стратегий к региональным условиям, мониторинге и оценке эффективности реализуемых мер.

Далее мы рассмотрим ответственные за реализацию национальных проектов министерства с точки зрения экспертных институтов.

Разработанный федеральным центром национальный проект «Молодёжь и дети» в регионе осуществляется Министерством по молодёжной политике Иркутской области, а также Министерством образования Иркутской области. Их экспертная роль заключается в анализировании потребностей молодёжи и детей, в разработке программ, направленных на поддержку данной возрастной группы, создании возможностей для самореализации детей, подростков, молодёжи, улучшении условий жизни и повышении благополучия детей и их семей. Россомолодёжь – ТО ФОИВ (территориальные органы федеральных органов власти) также является экспертным институтом и играет курирующую роль в организации национального проекта «Молодёжь и дети» в регионе. Данная политика помогает формировать благоприятную среду для профессионального роста, определения трудовой сферы у молодёжи, а также повышает миграционный приток, что потенциально влияет на благосостояние семей Иркутской области, их финансовую независимость, а также репродуктивную мотивацию.

Национальный проект «Семья» непосредственно связан с демографическим аспектом, за его реализацию в Иркутской области отвечают Министерство социального развития, опеки и попечительства, которое администрирует разработку механизмов поддержки семей и безопасной среды развития детей, Министерство здравоохранения, обеспечивающее экспертный контроль над охраной здоровья матерей, детей, неизлечимо больных граждан, пожилых, помогая не только сохранить численность граждан в области, но и обезопасить здоровье граждан, Министерство труда России, в стратегические цели которого входят поддержка семей, улучшение их благополучия, развитие талантов и потенциала граждан, а также обеспечение комфортной среды для жизни.

Федеральный проект «Кадры», экспертными институтами которого являются: Министерство труда и занятости Иркутской области, Министерство образования Иркутской области, а также ТО ФОИВ, упомянутое ранее Министерство труда России. Эти министерства, как эксперты, анализируют рынок труда, прогнозируют кадровые потребности региона, разрабатывают программы для подготовки востребованных специалистов и содействия занятости. Их деятельность направлена на повышение уровня жизни через трудоустройство, что создает экономическую основу для демографического благополучия и может влиять на миграционные потоки.

Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь», ключевыми министерствами-экспертами которого являются Министерство здравоохранения России и Министерство здравоохранения Иркутской области. Минздрав выступает главным экспертным институтом в вопросах общественного здоровья и медицины. Оно анализирует структуру заболе-

ваемости и смертности, разрабатывает и реализует комплексные программы по модернизации, борьбе с социально значимыми заболеваниями, улучшению экстренной помощи, реабилитации и обеспечению системы кадрами. Все это напрямую нацелено на снижение смертности и увеличение продолжительности здоровой жизни – ключевых демографических показателей.

Национальный проект «Инфраструктура для жизни», реализацию которого обеспечивают Министерство строительства Иркутской области, Министерство жилищной политики и энергетики Иркутской области, Министерство транспорта и дорожного хозяйства Иркутской области, а также ответственные ТО ФОИВ: Минстрой России, Минтранс России, Минфин России и МВД России. Эти министерства, как экспертные институты, отвечают за создание комфортной и безопасной среды проживания. Они анализируют потребности общественности в жилье, отвечают за развитие коммунальной и транспортной инфраструктуры, благоустройство районов и жилых пространств, оценивают безопасность дорожного движения. Их деятельность формирует отношение граждан к своему региону, и влияет на принятия решения остаться в нём, что в свою очередь влияет на демографию.

Для эффективности данных проектов необходимо учитывать статистических анализ различных сфер жизни общества. Роль экспертного сообщества здесь важна, так как благодаря ему можно отследить динамику воздействия программ, их конечные и промежуточные результаты, прогнозы и так далее. Например, региональные проекты ««Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями», «Борьба с онкологическими заболеваниями», «Борьба с сахарным диабетом», «Борьба с гепатитом С» национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» разработаны для улучшения здоровья граждан в регионе. Как мы знаем все региональные проекты учитывают обстановку определенного субъекта и направлены на улучшение жизни граждан в нём. Так, в Иркутской области, благодаря экспертному сообществу, а именно, статистическому анализу Росстат, удалось выявить спектр тех проблем, на которые и на сегодняшний момент направлена деятельность этих программ [7].

К списку этих проблем с 2005 по 2023 г. относятся: высокая смертность по разному числу причин, включая заболевания системы кровообращения (15865 чел.), онкологические новообразования (4848 эпизодов), инфекционные болезни (1210), болезни органов дыхания (1635), несчастные случаи (3276 чел.), транспортные травмы (292 чел.), случайные отравления алкоголем (121), убийства (165) и самоубийства (243 эпизода). Помимо этого, значительным фактором для здоровья населения является увеличивающееся число жителей Иркутской области, живущих с ВИЧ. По данным на март 2024 г., таких людей выявлено 30 730 чел., причем только за первый период 2024 г. было диагностировано 352 новых случая. Важно отметить, что именно благодаря глубокому анализу, выполненному экспертным сообществом, удалось выявить весь спектр этих критических проблем – от структуры смертности до распространения ВИЧ – что позволило региональным властям разработать и внедрить соответствующие проекты, направленные на оздоровление ситуации и улучшение качества жизни населения [10].

Демографическая ситуация – важный индикатор состояния общества, требующий пристального внимания экспертов. Анализ численности населения играет ключевую роль в понимании текущих тенденций и разработке эффективных государственных программ, направленных на улучшение качества жизни граждан. В России эта информация необходима для формирования социальной политики, рационального распределения ресурсов и прогнозирования будущих потребностей. Сбором и анализом демографических данных на федеральном уровне занимается Росстат, а на региональном – его территориальные органы.

В Иркутской области эксперты отслеживают динамику населения, учитывая естественный прирост/убыль и миграционные потоки. Официальная статистика за 2022 г. зафиксировала миграционную убыль в 10 439 чел., из которых 7499 – внутренние мигранты, а 2940 – международные. В 2023 г. отток населения снизился до 6048 чел.: 6293 чел. уехали в другие регионы России, но при этом наблюдался небольшой приток из-за рубежа (245 чел.). Несмотря на прогноз Комитета статистики, предсказывающий дальнейшее снижение миграционной убыли до 2257 чел. к 2045 г., фактические данные за 2023 г. (-6048) значительно

расходятся с прогнозными (-4184), показывая разрыв почти в 6,3 тысячи человек. Это свидетельствует о сложности точного прогнозирования демографических процессов и необходимости постоянного мониторинга ситуации [12].

Роль экспертов в анализе демографических процессов, как мы выяснили, действительно важна. От их компетентности и точности зависит объективность оценки демографического состояния и выработки эффективной стратегии как в России, так в регионах нашей страны. Достоверная статистическая информация, прогнозы и аналитические материалы, подготовленные экспертами, служат фундаментом для принятия взвешенных решений. Благодаря их работе становится возможным адекватно оценить исходное положение дел. Такой подход позволяет чётко сформулировать задачи, выбрать наиболее подходящие инструменты и определить конкретные цели для достижения устойчивого положительного эффекта в демографической сфере и даже рассчитать прогноз для того, чтобы принимать меры незамедлительно.

Демографическая ситуация сейчас обстоит неясно, прогнозы Росстат показывают неудовлетворительную динамику снижения численности населения. Однако для того, чтобы влиять на демографическую обстановку, нужны точный анализ и грамотно поставленные задачи. В связи с этим возникает идея создания специального государственного органа, который занимался бы исключительно демографическими вопросами. Это могло бы быть Министерство демографического развития или, например, профильный экспертный институт. В их задачи входило бы комплексное изучение демографических процессов, налаживание взаимодействия между разными ведомствами и, разработка долгосрочных стратегий. Рассматривая тему: «Региональные аспекты демографического развития: роль экспертных институтов в реализации национальных стратегий», деятельность подобного института стало бы важным инструментом для реализации демографических проектов в субъектах. Опираясь на данные и аналитику, предоставленные существующим экспертным сообществом, данный орган поспособствует адаптации общегосударственных программ к специфике регионов, опираясь на данные и аналитические материалы, которые предоставляют эксперты. По нашему мнению, с созданием Министерства демографического развития, работа над общероссийской проблемой велась бы слаженно, а эксперты смогли бы узконаправленно влиять на ситуацию.

Литература

1. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 9 окт. 2007 г. № 1351 // Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 16.05.2025).
2. Бреева Е. Б. Демографическая политика: современное состояние, перспективы // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. 2009. № 1. С. 108–111.
3. Григорьев Л. М. Экспертное сообщество современной России // Российская цивилизация в пространстве, времени и мировом контексте. URL: <http://xn--ptblgjed.xn--plai/node/2363> (дата обращения: 16.05.2025).
4. Донской Д. А., Ужакова М. В. Анализ демографической ситуации в Российской Федерации. Прогноз на 2024–2026 гг. // ЭФО. 2024. № 4 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-demograficheskoy-situatsii-v-rossiyskoy-federatsii-prognoz-na-2024-2026-gg> (дата обращения: 14.05.2025).
5. Лещенко Я. А. Роль экспертного сообщества в решении проблем демографического развития // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 91–93.
6. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (в ред. Указа Президента РФ от 19.07.2018 № 444). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1> (дата обращения: 15.05.2025).
7. Расчёт предположительной численности населения. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2F38.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 16.05.2025).
8. Роль и значение экспертных сообществ в процессе принятия управленческих решений: сравнительный анализ национального и международного опыта / А. А. Волосатова, О. В. Гревцов, О. Ю. Жукова, Н. А. Дружинина, М. А. Волосатова // Вестник Евразийской науки. 2020. № 5. URL: <https://esj.today/PDF/19ECVN520.pdf> (дата обращения: 11.05.2025).
9. Росстат уточнил оценку численности населения России. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/03/2024/65fda5709a7947c581aca61?ysclid=lvhz342bkn242929023> (дата обращения: 27.04.2024).

10. Смертность населения Иркутской области по основным классам причин смерти. URL: https://38.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/death_rate2022.html (дата обращения: 16.05.2025).

11. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. // Сайт Президента РФ. URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202405070022> (дата обращения: 14.05.2025)

12. Численность населения Иркутской области. URL: <https://38.rosstat.gov.ru/folder/167937> (дата обращения: 12.05.2025).

УДК 323.14(47)

Н. В. Лошакова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПРЕДПОСЫЛКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕОЛОГИЙ НАЦИЗМА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ И ЭФФЕКТИВНЫЕ СПОСОБЫ БОРЬБЫ С НЕЙ В РОССИИ: РОЛЬ ЭКСПЕРТНЫХ ИНСТИТУТОВ³⁵

Рассматриваются предпосылки распространения идеологий нацизма в меняющемся мире и эффективные способы борьбы с ней в России. Отмечается, что неонацизм сохраняет устойчивость и адаптируется к современным условиям, используя возможности глобализации и цифровых технологий. Выявлены основные факторы, способствующие его распространению, включая социально-экономическую нестабильность, культурно-психологические особенности и влияние медийной среды. Статистические данные подтверждают рост экстремистских проявлений и преступлений на почве ненависти. Обоснована необходимость применения комплексного подхода к противодействию неонацизму, в том числе через реализацию государственной информационной политики, просветительские инициативы и сохранение исторической памяти как важнейшего инструмента профилактики радикальных идеологий.

Ключевые слова: неонацизм, радикализация, экстремизм, цифровая среда, символический капитал, историческая память, государственная безопасность, экспертные институты.

N. V. Loshakova

Irkutsk State University, Irkutsk

COUNTERING NEO-NAZISM IN THE DIGITAL AGE: INSTITUTIONAL STRATEGIES AND EXPERT ASSESSMENTS

The article examines the prerequisites for the spread of Nazi ideologies in a changing world and effective ways to combat it in Russia. It is noted that neo-Nazism remains stable and adapts to modern conditions, using the opportunities of globalization and digital technologies. The main factors contributing to its spread have been identified, including socio-economic instability, cultural and psychological characteristics, and the influence of the media environment. Statistical data confirm the growth of extremist manifestations and hate crimes. The paper substantiates the need to apply an integrated approach to countering neo-Nazism, including through the implementation of state information policy, educational initiatives and the preservation of historical memory as the most important tool for the prevention of radical ideologies.

Keywords: neo-Nazism, radicalization, extremism, digital environment, symbolic capital, historical memory, state security, expert institutes.

Несмотря на поражение нацистской идеологии и международное осуждение в результате Второй мировой войны, неонацизм продолжает существовать и распространяться. Его формы и методы проявления со временем становятся все более изощренными и адаптивными, что позволяет неонацистским движениям сохранять жизнеспособность в условиях современного общества. При этом структурные изменения в обществе, связанные с цифровизацией и технологическими прорывами, создают новую институциональную реальность, где традиционные механизмы противодействия экстремизму оказываются недостаточно устойчивыми. [4, с. 27]. В условиях глобализации, характеризующейся активным перемещением людей, увеличением миграционных потоков и межкультурным взаимодействием, а также на

³⁵ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Габельных.

фоне политической нестабильности и турбулентности во многих странах, наблюдается тенденция к возрождению ультраправых идей и настроений. Кроме того, цифровизация и развитие современных коммуникационных технологий дают неонацистам новые возможности для распространения через социальные сети и мессенджеры. Этот процесс напрямую коррелируется с концепцией «экспертного конструирования реальности», где цифровые платформы становятся инструментом не только коммуникации, но и формирования новых социальных смыслов, требующих системной «перезагрузки» подходов к анализу и противодействию радикальным идеологиям [4, с. 27].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью глубокого понимания комплексных факторов, способствующих сохранению и развитию неонацизма в современном мире. Это включает как социально-экономические и политические предпосылки, так и психологические мотивы его последователей, а также влияние глобальных процессов. Более того, важной задачей является оценка эффективности и адекватности принимаемых государственными и международными институтами мер по противодействию и содержанию этого опасного феномена. Такой анализ позволяет выявить слабые места в существующих подходах и разработать более эффективные стратегии борьбы с экстремизмом, направленные на сохранение общественной безопасности и укрепление принципов демократического общества.

Чтобы понять, почему и как радикальные группы получают поддержку и легитимность в современном обществе, мы обратились к социологическим концепциям Пьера Бурдьё, Зигмунта Баумана, Ульриха Бека и Мануэля Кастельса. Пьер Бурдьё вводит понятие символического капитала – формы власти, основанной на признании и легитимности, создаваемых через язык, культуру и идеологию [2, с. 65]. В цифровом пространстве символический капитал принимает вид метрик вовлеченности (лайки, репосты, подписки и проч.). Радикальные сообщества успешно используют эти механизмы, превращая свою активность в символическое признание. Алгоритмы платформ лишь усиливают этот эффект, продвигая наиболее вовлекающий контент. Таким образом, радикальные идеи получают внешнюю легитимность, формируя доминирующий дискурс, где экстремизм становится «видимым». Зигмунт Бауман, описывая состояние жидкой современности, указывает на размывание устойчивых форм идентичности и общности. Современный человек, по З. Бауману, испытывает неуверенность и ощущение потерянности, стремясь найти принадлежность к «сильной» группе [1, с. 112]. Радикальные организации предлагают простые решения и чувство коллективной идентичности – «мы против всех». Это притягивает индивида, потерянного в мире неопределенности. В цифровой среде такие идеи часто упакованы в эстетические образы, антиглобалистские лозунги и «мемы», что делает их привлекательными и доступными, особенно для молодежи.

Ульрих Бек анализирует общество риска и особый акцент делает на новой форме угроз – глобальных, неопределенных, символических. Постоянное ощущение тревоги и отсутствия контроля делает людей уязвимыми для идеологий, которые предлагают четкое объяснения и виновных. Неонацистские движения используют этот страх и предоставляют простую модель мира. Она выглядит следующим образом: есть мы – и есть угроза. Такая простая логика привлекает. Она снижает сложность восприятия и дает чувство защищенности посредством принадлежности к «сильной» группе. В сетевой теории Мануэля Кастельса описывается переход от иерархических структур к децентрализованным сетям. Современные платформы позволяют радикальным сообществам эффективно самоорганизовываться, обмениваться контентом, координировать действия и вербовать новых участников [6, с. 189]. Алгоритмы создают так называемые «информационные пузыри», внутри которых радикальные идеи получают подкрепление и не встречают критику.

Далее стоит перейти к анализу статистических данных и результатов социологических опросов. На сегодняшний день наблюдается нарастающая острота проблемы распространения экстремизма и проявлений ненависти в современном обществе. В условиях активного развития цифровых технологий интернет становится не только средой общения, но и каналом распространения радикальных идей. Так, по данным ВЦИОМ, в 2024 г. 27 % молодых

россиян в возрасте от 18 до 24 лет сталкивались с экстремистскими материалами с Сети, а 58 % затрудняются отличить радикальные взгляды от обычной политической риторики [3]. Кроме того, тревогу вызывает статистика преступлений, совершаемых на почве ненависти. Согласно данным Росстата, в 2023 г. их количество увеличилось на 12 % по сравнению с предыдущим годом [8]. Эти показатели подтверждают необходимость комплексных мер – как со стороны государства, так и со стороны образовательных и общественных институтов.

Анализ причин, способствующих распространению неонацистских идеологий, свидетельствует о многослойной, комплексной природе данного социального феномена. Он обусловлен сочетанием различных факторов – от социально-экономических до культурно-психологических и медийно-коммуникационных. Прежде всего, ведущую роль играют социально-экономические обстоятельства, создающие почву для радикализации. Нами было опрошено 76 респондентов посредством онлайн-опроса и 6 экспертов, в число которых входили представители: органов государственной власти, специализированных учреждений и высших учебных заведений. Опрос проводился лично автором в декабре 2024 г. на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ИГУ.

Согласно результатам опроса, 47,3 % респондентов считают, что основной причиной роста радикальных и нацистских настроений является безработица, нестабильность на рынке труда, снижение уровня жизни и неравномерное распределение ресурсов. Экономическая уязвимость, особенно среди молодежи и населения с низким уровнем образования, способствует формированию чувства фрустрации, социальной несправедливости и поиска «виноватых», роль которых зачастую приписывается мигрантам, этническим меньшинствам или представителям иных культур. Миграционные процессы, по мнению 51,4 % опрошенных, являются еще более значимым фактором, выступающим в качестве катализатора ксенофобии и идеологического радикализма. Рост этнокультурного разнообразия, приток трудовых мигрантов, а также политические беженцы воспринимаются частью населения как угроза национальной идентичности, экономическим интересам и общественной стабильности. На этом фоне формируются и укрепляются нарративы «защиты нации», в которых идеи неонацизма получают новую интерпретацию и оправдание.

Цифровая среда в контексте данного явления представляет собой амбивалентный фактор. С одной стороны, интернет и средства массовой информации играют позитивную роль, выступая как каналы для распространения научных знаний, критического анализа и демократических ценностей. С другой стороны, они становятся мощным инструментом идеологического воздействия и вербовки. Согласно данным проведенного исследования, 37,8 % респондентов считают, что СМИ в умеренной степени способствуют популяризации нацисткой и неонацистской символики и риторики, напрямую или косвенно легитимизируя радикальные идеи. Особенно велика роль социальных сетей и видеохостингов, где алгоритмы персонализированной выдачи контента способствуют формированию «информационных пузырей» и радикализации сознания. Не менее тревожным является мнение 66,7 % опрошенных экспертов, которые указывают на активное использование инструментов информационно-психологических и гибридных войн. Подобные воздействия направлены на расшатывание общественного консенсуса, подрыв доверия к государственным институтам и провоцирование внутринациональных конфликтов. В этом контексте неонацизм становится частью широкой стратегии идеологической дестабилизации.

Роль государства в противодействии неонацистской идеологии и соответствующим экстремистским проявлениям воспринимается респондентами как умеренно активная и в определенной степени недостаточная. Согласно результатам социологического опроса 47,3 % респондентов полагают, что участие государственных структур в борьбе с неонацизмом ограничено и носит в значительной мере формальный или реактивный характер. Это может быть связано с отсутствием в публичной повестке систематических заявлений и действий, а также с низким уровнем информированности граждан о предпринимаемых мерах. Складывается впечатление, что государственная политика в этой сфере не всегда прозрачна и понятна для широкой аудитории, что порождает сомнения в ее эффективности. Этот вывод

перекликается с тезисом о необходимости развития «социологии экспертизы», которая, Должна обеспечивать не только анализ, но и конструирование моделей развития, включая технологию принятия решений в условиях многополярного мира. Экспертные институты демонстрируют, что эффективное противодействие экстремизму требует синтеза государственных, общественных и экспертных ресурсов, ориентированных на создание устойчивых социальных институтов [4, с. 28].

В то же время 50 % экспертов оценивают действия государства как достаточно активные, что может свидетельствовать о наличии конкретных программ и законодательных инициатив, направленных на профилактику экстремизма и идеологического радикализма. Специалисты обращают внимание на наличие нормативно-правовой базы, уголовного и административного преследования за пропаганду нацистской символики, создание специализированных подразделений в органах безопасности и сотрудничество с образовательными и общественными структурами. Однако даже среди экспертов нет уверенности в комплексности и устойчивости реализуемых подходов.

Что касается стратегий противодействия неонацизму, то в общественном восприятии наибольшую поддержку получают меры, связанные с обеспечением национальной безопасности. Так, 44,6 % опрошенных респондентов считают, что реализация государственной концепции национальной безопасности является важнейшим инструментом противодействия идеологическим угрозам, включая неонацизм. Это предполагает использование правоохранительных и специальных служб, мониторинг деятельности радикальных группировок, профилактику молодежной радикализации и защиту информационного пространства. На втором месте среди предложенных мер респонденты выделяют государственное регулирование интернет-пространства (31,1 %). В условиях цифровизации именно виртуальная среда становится ключевым каналом распространения неонацистской риторики, вербовки новых участников и координации действий радикалов. В этом контексте общественность ожидает от государства более жесткого контроля за контентом, удаления экстремистских материалов и пресечения деятельности соответствующих сообществ. Третье по значимости мерой, по мнению 28,45 % респондентов, является проведение просветительских мероприятий. Граждане осознают, что наряду с силовыми и юридическими мерами необходима профилактика идеологического экстремизма через образование, культуру, диалог и повышение исторической грамотности, особенно среди молодежи.

Эксперты в своих оценках делают акцент на более долгосрочных и ценностно-ориентированных подходах. Наиболее важной стратегией 66,7 % экспертов считают сохранение исторической памяти, включая поддержку музейных и архивных проектов, преподавание истории Второй мировой войны, разоблачение мифов о нацизме и предотвращение рассматривается как ключевой элемент профилактики, формирующий иммунитет к идеологической манипуляции. На втором месте среди экспертных предложений находятся информационно-агитационные мероприятия (50 %). Речь идет о целенаправленной государственной политике в медиапространстве, направленной на укрепление толерантности, гражданской идентичности, а также осуждение любых форм нацизма и ксенофобии. Эксперты подчеркивают важность проведения социальных компаний и работы с молодежью.

В заключение важно отметить, что неонацизм сохраняет свою актуальность как сложное и адаптивное явление, находя новые формы проявления в условиях глобализации и цифровой среды. Эти процессы подтверждают тезис о том, что современные «технологические переходы» меняют цивилизационный ландшафт, требуя переосмысления не только социальных, но и экспертных практик [4, с. 28]. Для эффективного противодействия необходим всесторонний подход, включающий как государственные меры контроля и безопасности, так и развитие образовательных, культурных и просветительских инициатив, укрепляющих гражданскую идентичности и устойчивость к радикализации.

Литература

1. Бауман З. Жидкая современность. СПб. : Питер, 2020. 240 с.
2. Бурдые П. Политическая и символическая власть. М. : Ин-т эксперим. социологии, 2021. 320 с.

3. Образ российской молодежи: мониторинг // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring> (дата обращения: 17.05.2025).
4. Грабельных Т. И. Экспертное конкурентное моделирование развития и технологий принятия решений в условиях формирования многополярного мира: институциональное и типологическое измерения // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика: сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 26–29.
5. Иванов Д. С. Экспертиза цифрового контента: вызовы для социологии // Социология власти. 2023. № 2. С. 97–104.
6. Кастельс М. Сила идентичности. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2022. 496 с.
7. Кузнецова Л. В. Профилактика экстремизма в молодежной среде: проблемы и пути решения // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 52–57.
8. Преступность в Российской Федерации // Женщины и мужчины : стат. сб. России. М, 2024. С. 159–164.
9. Смирнова А. В. Информационная безопасность и идеологическое противодействие радикализму // Вопросы национальной и информационной безопасности. 2024. № 1. С. 83–90.
10. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информационных технологиях и защите информации» : федер.закон от 1 февр. 2021 г. № 19.
11. Участие молодежи в политической жизни страны // Фонд «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/Politika> (дата обращения: 17.05.2025).

УДК 323.2

В. Г. Малышев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ОТКРЫТОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ОСИНСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)³⁶

Рассматривается проблема открытости социального взаимодействия органов муниципальной власти в интернет пространстве. Анализируются теоретические основы и формы социального взаимодействия в онлайн-среде. Эмпирическая часть исследования охватывает анализ деятельности Администрации Осинского района в обеспечении открытости социального взаимодействия в интернет-пространстве. В заключении автор приводит выводы по уровню открытости социального взаимодействия и востребованности этого взаимодействия у граждан.

Ключевые слова: открытость власти, муниципальное управление, социальное взаимодействие, интернет-пространство, Иркутская область, Осинский район, социальные сети.

V. G. Malyshev

Irkutsk State University, Irkutsk

THE CURRENT STATE OF THE STATE PROGRAM FOR THE RESETTLEMENT OF COMPATRIOTS AND MECHANISMS FOR IMPROVING ITS EFFECTIVENESS

In this article, the author conducts a study of the openness of social interaction of municipal authorities in the Internet space. The paper analyzes the theoretical foundations and forms of social interaction in an online environment. The empirical part of the study covers the analysis of the activities of the Osinsky district Administration in ensuring the openness of social interaction in the Internet space. In conclusion, the author draws conclusions on the level of openness of social interaction and the relevance of this interaction among citizens.

Keywords: openness of government, municipal government, social interaction, Internet space, Irkutsk region, Osinsky district, social networks.

Актуальность данного исследования обусловлена масштабными изменениями в коммуникационных процессах, вызванными цифровой трансформацией общественных взаимодействий. Сегодня социальные сети и цифровые платформы играют ключевую роль в диалоге и в взаимодействии между государством и обществом, что делает обеспечение прозрачности,

³⁶ Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент О. А. Полошкевич.

доступности и качества такого взаимодействия важнейшим условием эффективного муниципального управления. Эту необходимость подчеркивают, как конституционные закреплённые права граждан на участие в управлении государством и получении информации, имеющей общественное значение (ст. 33, 130 Конституции РФ) [1], так и федеральные законы, такие как ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ [2].

Рост цифровой грамотности и смена поколений, где молодёжь (поколение Z) воспринимает онлайн-общение как естественную форму взаимодействия, ставят новые задачи перед органами муниципальной власти. Если раньше основными способами связи были личные приёмы или письменные заявления, то сейчас люди ожидают мгновенных ответов, публично обсуждения проблем и участия в решении вопросов через онлайн-платформы. Из этого следует необходимость детального рассмотрения природы социального взаимодействия граждан и органов власти на местном уровне в интернет-пространстве.

Для достижения целей данной работы следует дать определение для основных понятий, которые будут в дальнейшем использоваться. Понятие социального взаимодействия трактуется разными социологами и философами. К примеру, Ю. Г. Волков, В. И. Добренев, В. Н. Нечипуренко, А. В. Попов [4] придерживаются следующего определения термина «Социальное взаимодействие»: «процесс воздействия индивидов, социальных групп или общностей друг на друга в ходе реализации интересов. При этом социальные образования могут выступать объектами взаимных интересов как непосредственно, так и опосредованно. В первом случае выбор индивидами, социальными группами или общностями обусловлен непосредственно их качествами; во втором – содержание результатами их деятельности как средствами реализации своих потребностей».

Существует множество подходов к определению интернет пространства, считаем подход Д. С. Балаевой и О. Н. Яникцого [6] в рассмотрении интернет-пространства, как части социального пространства, характеризующуюся наличием электронной среды взаимодействия индивидов, осуществляющих целенаправленные действия и занимающих различные позиции по отношению друг к другу, изучаемый вид пространства обладает широким перечнем свойств, атрибутивно присущих ему и составляющих его содержание. К их числу относятся следующие: гипертекстуальность, интерактивность, мультимедийность и мобильность, децентрализация и нелинейность, конструируемость, наличие и сохранение дистанции, синтетичность и, наконец, гибкость. Данный подход является достаточно учитывающим как технологический, так и социальный аспект изучаемого понятия, что самое главное – такие определения акцентируют внимание на деятельности составляющей интернет-пространства, его связи с действиями индивидов и электронной средой взаимодействия. Также в рамках данной работы мы считаем верным признать синонимичность интернет-пространства, интернета, виртуального пространства, киберпространства и онлайн-среды.

Основываясь на данных определениях, можно сделать вывод, что взаимодействие между органами местной власти и жителями в онлайн-среде представляет собой структурированный процесс взаимодействия в электронном формате, в котором участвуют заинтересованные стороны, занимающие различные позиции и оказывающие влияние друг на друга [5]. Учитывая все приведённые понятия можем определить открытость социального взаимодействия органов муниципальной власти в интернет-пространстве как принципа организации коммуникации местных органов управления с населения в виртуальном пространстве, предполагающей прозрачность, доступность, двусторонний диалог.

Для понимания сущности взаимодействия органов местной исполнительной власти и населения в интернет-пространстве важно указать характеристики этого взаимодействия. Виртуальное взаимодействие принципиально отличается от классических форм коммуникации между властью и обществом, предлагая три ключевых преимущества: 1) простота и доступность, 2) отсутствие больших затрат, 3) возможность оперативного объединения с другими агентами. Важной особенностью взаимодействия в интернет-пространстве является многоуровневость [7]. Применительно к теме взаимодействия органов исполнительной вла-

сти и населения в виртуальном пространстве Е. Г. Смолина [6] выделяет четыре таких уровня: 1) уровень информирования; 2) уровень консультирования; 3) уровень партнерства и 4) уровень гражданского управления. Автор даёт более подробную характеристику описанным уровням в приведённой нами табл.

Таблица

Уровни взаимодействия органов местной исполнительной власти и населения
в интернет пространстве [6]

Наименование уровня	Цель взаимодействия
Уровень гражданского управления	Решить поставленную задачу на основании частичного делегирования полномочий, поддержки инициатив населения и обмена мнениями
Уровень партнерства	Решить конкретную задачу полностью на основании совместных действий
Уровень консультирования	Оказать консультативную помощь относительно решения конкретной задачи
Уровень информирования	Информирование о способах, условиях и иных параметрах решаемой задачи либо ознакомление с итогами деятельности, содержанием отчетов

На информационном этапе местные органы власти делятся с гражданами базовыми данными – например, правилами оказания услуг, графиком работы или контактами учреждений. Граждане также могут самостоятельно обращаться за этими сведениями. Взаимодействие здесь носит эпизодический характер: после обмена информацией стороны прекращают контакт, так как их цели достигнуты.

Продуктивной формой является партнёрский уровень, где диалог приобретает системный характер. Стороны совместно работают над решением общественно значимых вопросов. Граждане выступают не как пассивные получатели услуг, а как равноправные участники процесса, а прерывание коммуникации ставит под угрозу достижение общих целей.

Консультационный уровень предполагает более активную роль населения. Жители обращаются за помощью к представителям администрации, обладающим экспертными знаниями, чтобы решить конкретные вопросы – от оформления документов до разрешения спорных ситуаций. Здесь коммуникация становится адресной и детализированной, но всё ещё ограничивается разовым запросом и также как на информационном этапе прекращается при достижении сторонами своих целей.

Наиболее зрелой формой сотрудничества между местными органами власти и жителями является этап гражданского управления. Он предполагает постоянное и системное взаимодействие, где обе стороны активно участвуют в процессах, затрагивающих жизнь муниципального образования. Это сотрудничество реализуется через три ключевых механизма: совместного определение целей развития территории, вовлечения граждан в решение повседневных вопросов и общественного контроля.

В современной практике также распространены следующие конкретные виды и форматы взаимодействия органов местной власти и общества в интернет-пространстве [6]:

1. «Офлайн» мероприятия, перенесённые в «Онлайн» формат. В эту категорию причисляются различные онлайн-конференции, прямые линии в интернете с мэрами, главами муниципалитетов, интерактивные чаты. Однако подобный инструмент взаимодействия требует широкой технической подготовки.

2. Использование официального сайта муниципального образования как площадки для коммуникации. Данный формат является базовым и реализуемым повсеместно, что закреплено в упомянутом нами ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Следует выделить основные требования к сайту: доступность и полнота информации, интерактивность и интуитивность интерфейса.

3. Коммуникация с помощью электронной почты. Однако переписка граждан и представителей муниципальной власти носит не регламентированный характер и имеет ограниченную среду применения, вызванную не публичностью обсуждения. Наиболее подходящим этот инструмент является для реализации взаимодействия на описанных нами уровне информирования и консультирования.

4. Уникальным методом взаимодействия является приём обращений и петиций с помощью интернет-приёмной. Данный механизм отличается своей удобностью в отслеживании состояния обращения в реальном времени.

5. Метод проведения общественных опросов, электронных голосования за различные инициативы местного значения, как например выбор объекта под благоустройство или оценка гражданами деятельности органом местной власти. Довольно доступный для граждан инструмент, но в свою очередь требующий технической подготовки со стороны органов местного управления.

6. Использование официальных страниц государственных органов власти, а также личных блоги и аккаунты представителей органов местного самоуправления в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники». Если в случае с органами власти и органами местного самоуправления создание официальных страниц закреплено нормативно в Распоряжении Правительства РФ от 02.09.2022 № 2523-р [3], то создание блогов и микроблогов представителей государственных органов муниципалитета является личной инициативой самих представителей. Данный инструмент имеет преимущество в интерактивности позволяет повысить охват аудитории, который не возможен при использовании только классических методов, а также наладить оперативную обратную связь в свободной и доступной форме.

Переходя от теоретических аспектов к эмпирическому исследованию, важно учесть специфику выбранного муниципального образования. Осинский муниципальный район Иркутской области представляет собой типичный пример сельской территории в составе Усть-ордынского бурятского округа. Население района по данным всероссийской переписи 2021 г. составляет 20818 чел., всё население проживает в сельской местности. Административным центром является село Оса, в котором по состоянию на 2021 г. проживает 4939 чел. [13].

В рамках исследования были проанализированы официальная страница Администрации Осинского муниципального района в социальных сетях «ВКонтакте» [8], «Одноклассники» [9] и «Telegram» [12], также личный страница Мэра Осинского муниципального района – Бориса Хошхоева [11]. Количество подписчиков по состоянию на 20.04.2025 «Вк» – 2529, «Одноклассники» – 1308, «Telegram» – 2465, личный блог Мэра района – 4309 подписчиков.

Информация, представленная в публикациях во всех социальных сетях, совпадает и представляет из себя:

1. Поздравления с праздниками;
2. Анонсы культурных и религиозных мероприятий районного масштаба;
3. Информационные предупреждения о необходимости соблюдения пожарной безопасности, прочие информационные предупреждения от МВД, МЧС;
4. Новости об достижениях людей из района, прочие новости, связанные с деятельностью жителей района;
5. Новости областного характера, касающиеся региональных мероприятий и достижений;
6. Призыв пройти опрос по теме качества мобильной связи, однако без каких-либо подробностей по теме опроса в самой публикации. Следует отметить отсутствие активности в лайках и комментариях;
7. Реклама контракта в Вооруженных силах Российской Федерации;
8. Поздравления известных граждан района с знаменательными датами – день рождения, юбилей;
9. Информационные посты об возможности выбрать территории в области, подлежащие облагораживанию, однако нет никакой связи с районом, активность в лайках и комментариях также отсутствует;

10. Информационные посты об новых диапазонах энергоснабжения;

11. Информация о предоставлении бесплатной юридической помощи

На основании анализа данных официальных страниц можем сделать выводы о том, что наибольшую обратную связь от граждан получают публикации, тесно связанные с культурной и общественной жизнью района, данные публикации получают значительное количество положительных реакций и, иногда, позитивные комментарии. Шаблонные для большинства официальных страниц государственных органов публикации про региональные и всероссийские темы и достижения практически не получают отклика у жителей муниципалитета.

Также можно отметить следующие факты:

1. На официальной странице Администрации в социальной сети «ВКонтакте» расположены кнопки «Сообщить о проблеме» и «высказать мнение», в первом случае гражданин перенаправляется на форму обратной связи на портале «Госуслуги», в которой может сообщить о том, что его волнует и изложить суть проблемы. Во втором случае гражданина также перенаправляют на портал «Госуслуги» с возможностью пройти опросы по оценке качества жизни в Осинской района и по теме вакцинации от клещевого энцефалита. Однако первый опрос завершён 31.03.2025, а второй 25.03.2025 и статус опросов не позволяет принимать ответы. В опросе по качеству жизни приняло участие 2 респондента, а по теме вакцинации от клещевого энцефалита не высказалось ни одного респондента, что говорит о низкой востребованности данных опросов.

2. Также следует выделить наличие базовой контактной информации в вкладке «подробная информация» в виде электронной почты администрации, ссылки на сайт Администрации, адреса Администрации, ссылок на Администрацию в других соцсетях (Одноклассники, Телеграм), и наличие ссылок на приложение «Госуслуги. Решаем вместе»

3. Можем отметить возможность написать обращение Администрации района в социальных сетях. Указанной возможностью активно пользуются жители района, использующие чат с Администрацией как инструмент получения информации и консультирования. Данные обращения и сообщения обрабатываются Отделом по связям с общественностью Администрации Осинского муниципального района и по ним даётся соответствующий ответ.

4. Не смотря на идентичность контента и публикаций на официальных страницах администрации в «ВКонтакте» и личной страницей Мэра района, наблюдается значительное различие в количестве подписчиков – 2529 против 4309 соответственно. Что может быть объяснено близостью и понятностью для жителя конкретного живого лица, представляющего орган местного самоуправления, в сравнении с обезличенной Администрацией района и общими тенденциями «новой искренности».

5. Телеграм-канал Администрации района по сравнению с другими площадками является более недоступным для взаимодействия между гражданами и муниципальной властью: закрыта возможность для комментирования публикаций, отсутствует возможность оставлять резкие негативные реакции под публикациями, отсутствует возможность написать сообщение или обращение Администрации. Однако в целом, канал показывает сравнительно схожие с другими социальными сетями количественные показатели по подписчикам, охвату постов и количеству реакций. Следует отметить, что перечисленные изъяны, как например отсутствие возможности написать обращение Администрации в личных сообщениях, обусловлены техническими ограничениями самой площадки, а закрытые комментарии, вероятнее всего, связаны с ботами, распространяющих порнографические материалы и высказывания в комментариях к публикациям во многих телеграм-каналах.

6. Администрация делает первые шаги по проведению онлайн-трансляций. Первой и на сегодняшний день последней стала Онлайн-трансляция «Вакцинация от гриппа и ОРВИ», проведённая 30 сентября 2024 г. на официальной странице Администрации в «ВКонтакте» представителем Осинской районной больницы. Трансляция показала хорошие количественные показатели – 1,1 тыс. просмотров и 73 лайка.

7. Достоинством в реализации открытого виртуального взаимодействия в социальных сетях между органами муниципальной власти и жителями является интеграция системы «Инцидент Менеджмента», направленная на оперативное реагирование на обращения граждан.

Следующей площадкой виртуального социального взаимодействия органов местного самоуправления Осинского муниципального района и граждан выступает сайт Администрации района [10]. Данный сайт представляет собой типовой и похожий на другие сайты муниципальных образований ресурс, который позволяет в полной степени ознакомиться с базовой информацией по деятельности Администрации и соответствующей контактной информацией. По доступной статистике Яндекс.Метрики за период с 14.04.2025 по 20.04.2025 среднее количество посетителей сайта составляет 150–160 чел., пиковый показатель пришелся на 17.04 – 242 посетителя.

В рамках исследования, представляет интерес наличие на сайте возможности оставить обращение, в формате заполнения соответствующей формы, а также наличие на главной странице сайта баннеров, перенаправляющих на портал «Госуслуги» с возможностью принять участие в опросах регионального значения.

На основании приведённого анализа можно сделать следующие выводы:

1. Систему социального взаимодействия в интернет-пространстве между Администрацией Осинского муниципального района и жителями можно оценить как открытую и доступную.

2. Данная система не пользуется широким спросом со стороны населения района, что подрывает эффективное взаимодействие, как двунаправленного процесса.

3. Формат опросов не пользуется популярностью и не является востребованным как для администрации муниципалитета, так и для граждан.

4. Формат личных блогов и страниц лиц, представляющих органы местного самоуправления, более перспективен для налаживания общественного диалога.

5. Сайты муниципальных образований будут терять свою актуальность в сфере социального взаимодействия органов местной власти и жителей в связи с расширением функционала портала «Госуслуги» и использованием социальных сетей как основного способа коммуникации между властью и гражданами.

6. Формат прямых-трансляций является перспективным решением для повышения открытости социального взаимодействия местных органов власти.

Исследование подтверждает, что открытость взаимодействия муниципальных властей с населением в интернет-пространстве требует перехода от формальных инструментов к содержательному диалогу. Несмотря на доступность цифровых сервисов, низкая активность граждан в опросах и шаблонность коммуникации снижают эффективность взаимодействия. Ключевым решением станет развитие интерактивных форматов (прямые эфиры, персонализированные блоги) и адаптация онлайн-инструментов под локальные запросы. Реализация этих мер усилит вовлечённость граждан и повысит качество управления на местном уровне.

Литература

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. в ред. от 04.10.2022. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 20.04.2025).
2. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления : федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 14.07.2022). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102127629> (дата обращения: 20.04.2025).
3. Об определении Вконтакте и Одноклассники в качестве информационных систем... : распоряжение Правительства РФ от 02.09.2022 № 2523-Р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209050038> (дата обращения: 20.04.2025).
4. Врублевская О. А. О сущности понятия «Социальное взаимодействие» в научных исследованиях // Сибирский аэрокосмический журнал. 2006. № 5 (12). С. 60–65.
5. Зимова Н. С., Фомин Е. В., Смагина А. А. Социальные сети как новый канал взаимодействия общества и власти // Научный результат. Социология и управление. 2020. № 6 (2). С. 159–171.
6. Смолина Е. Г. Взаимодействие органов исполнительной власти и населения в интернет-пространстве: противоречия и перспективы (на материалах г. Волгограда) // Теория и практика общественного развития. 2019. № 12 (142). С. 27–33.

7. Чугаева Е. О. Интернет-коммуникации как современные методы диалога власти и общества // Коммунология : электрон. науч. журн. 2018. № 3. С. 85–92.
8. Администрация Осинского муниципального района // Вконтакте. URL: https://vk.com/osinskiy_adm (дата обращения: 20.04.2025).
9. Администрация Осинского муниципального района // Одноклассники. URL: <https://ok.ru/group/60856936956055> (дата обращения: 20.04.2025).
10. Администрация Осинского муниципального района : офиц. сайт. URL: <https://osaadm.ru/> (дата обращения: 20.04.2025).
11. Борис Хошхоев // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/id137482263> (дата обращения: 20.04.2025).
12. Новости района // Telegram. URL: <https://t.me/OMRnews> (дата обращения: 20.04.2025).
13. Осинский район (Иркутская область) // Рувики. URL: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Осинский_район_\(Иркутская_область\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Осинский_район_(Иркутская_область)) (дата обращения: 20.04.2025).

УДК 316.334.56(571.1/.5)

В. А. Маслова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

ГОРОДСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОСНОВА РАЗРАБОТКИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО Г. БОЛГАР)

Рассматривается городская идентичность как ключевой ресурс в разработке управленческих решений, направленных на развитие городского пространства. Исследование проведено на примере Болгара – города, включённого в список объектов всемирного культурного наследия ЮНЕСКО и активно вовлечённого в процессы туристической трансформации. Основываясь на данных анкетного опроса, проведённого весной 2025 г., анализируются локальные представления жителей о городе, их отношение к изменениям городской среды и степень вовлечённости в освоение пространства.

Ключевые слова: городская идентичность, культурное наследие, туризм, локальные репрезентации, символическое пространство.

V. A. Maslova

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan

URBAN IDENTITY AS A BASIS FOR DEVELOPING MANAGERIAL DECISIONS IN THE FIELD OF URBAN SPACE DEVELOPMENT (THE CASE OF THE UNESCO WORLD HERITAGE SITE BOLGAR)

The article considers urban identity as a key resource in the development of management decisions aimed at shaping urban space. The case of Bolgar – a UNESCO World Heritage site – is analyzed as an example of a city undergoing transformation due to tourism development. Based on a sociological survey conducted in spring 2025, the paper explores local residents' perception of their city, their attitudes toward symbolic and physical changes in the environment, and the tension between tourist representation and lived experience. The findings highlight the significance of urban identity for sustainable urban governance strategies.

Keywords: urban identity, cultural heritage, tourism, local representations, symbolic space.

Современные процессы глобализации и урбанизации стимулируют активное преобразование городского пространства – как в материальном, так и в символическом смысле. Особенно ярко эти процессы проявляются в малых исторических городах, таких как Болгар, где культурное наследие становится ключевым ресурсом формирования туристической дестинации. Подобные трансформации влияют не только на облик города, но и на его восприятие жителями. Они формируют новый визуальный и символический порядок, который может как усиливать чувство идентичности, так и вызывать отчуждение.

Городская идентичность в современной социологии трактуется как многосоставной конструкт, включающий когнитивный (знание о городе и его восприятие), эмоциональный (чувство привязанности), поведенческий (участие в жизни города), символический (значи-

мые места и образы) и мотивационный (желание ассоциировать себя с городом) компоненты [2, с. 137]. Исследования А. А. Скалкина [4, с. 58], А. А. Озеринной [2, с. 137] и С. В. Пирогова [3, с. 102] подчёркивают, что идентичность проявляется не только в личных оценках, но и в коллективных ритуалах, повседневных стратегиях, чувствах гордости или разочарования по отношению к городу.

Туризм, особенно в его институционализированной форме, становится мощным фактором трансформации городского имиджа и символического пространства. Влияние туризма заключается не только в материальных изменениях, но и в формировании визуальных и смысловых кодов, адресованных в первую очередь внешней аудитории. Это создаёт предпосылки для расхождения между тем, как город воспринимается извне, и тем, каким он остаётся в глазах местных жителей.

М. Кастельс выделяет три типа идентичности – легитимирующую, сопротивляющуюся и проективную [5, с. 114]. В условиях активной символической репрезентации города туристическая идентичность представляет собой форму легитимирующей идентичности, задаваемой извне и поддерживаемой государственными и культурными институтами. При этом на локальном уровне сохраняются элементы сопротивляющейся и проективной идентичности, через которые жители формируют собственные представления о городе.

В этом контексте полезно обратиться к концепции А. Лефевра, различающего «пространство проживания» и «пространство представления» [1, с. 142]. Первое связано с повседневными практиками, второе – с публичной репрезентацией. Болгар как город с выраженным историческим и сакральным ядром выступает полем для наложения этих двух типов пространств. Туристические объекты становятся знаковыми элементами «витрины», в то время как повседневная жизнь организуется вокруг иных символов и маршрутов.

Кроме того, Дж. Урри подчёркивает, что туристическое восприятие города формируется заранее заданными визуальными кодами и ожиданиями [6, с. 136]. Город оказывается встроен в логику «туристического взгляда», в которой определённые объекты усиливаются, акцентируются и становятся главными точками интереса. Это накладывает отпечаток на символический статус различных городских элементов и формирует иерархию пространств – от центральных и «показных» до периферийных и невидимых.

В условиях культурной репрезентации возрастает важность локальных нарративов и повседневного опыта. Города оказываются разделёнными на внешне ориентированную и внутренне проживаемую части, между которыми может возникать напряжение. В случае Болгара эта двойственность особенно ощутима: город выступает сакральной территорией национального значения, но для жителей остаётся пространством биографической и эмоциональной вовлечённости.

Таким образом, городская идентичность является не только отражением внешних изменений, но и внутренним механизмом включённости и соучастия в городской жизни. Она формируется в пространстве между официальной репрезентацией и личным восприятием, между символами и повседневными практиками. В контексте Болгара важно изучать эти различия, так как они позволяют понять, как локальное сообщество осмысляет трансформации городской среды и определяет своё место в ней. Именно на этом основании строится эмпирическая часть статьи, направленная на выявление локальных представлений, оценок городской среды и отношения к туристическим процессам.

Результаты исследования. Эмпирическая часть исследования была направлена на изучение локальных репрезентаций города Болгар и механизмов формирования городской идентичности в условиях его туристической трансформации. Особое внимание уделялось локальным репрезентациям города, оценке туристических объектов и соотношению официального образа Болгара с повседневным городским опытом. В опросе, проведённом весной 2025 г., приняли участие 215 респондентов, из которых 201 местные жители Болгара.

На вопрос о том, нравится ли жить в Болгаре, 52,2 % ответили утвердительно, 36,8 % отметили, что «привыкли» к городу за время проживания. Это демонстрирует преобладание общего позитивного эмоционального фона. Оценка условий жизни также оказалась в целом

положительной: 24,4 % полностью удовлетворены, 49,8 % – скорее удовлетворены. Это позволяет говорить о приемлемом уровне качества жизни, который, в сочетании с эмоциональной привязанностью, формирует устойчивую идентичность. Важнейшим индикатором городской идентичности стало чувство принадлежности: свыше 72 % опрошенных чувствуют себя «своими» в городском пространстве, что говорит о том, что для большинства респондентов Болгар – это не просто точка на карте, а пространство идентичности и символической принадлежности. Ценности, приписываемые городу, прежде всего связаны с личными отношениями и стабильностью. Близость к родным и друзьям (59,2 %), спокойный ритм жизни (54,7 %), живописная природа (50,2 %) и уют (49,8 %) – главные ценности, выделенные респондентами. Только треть (32,8 %) назвала уникальное культурное наследие, что позволяет говорить о вторичности туристических и исторических объектов в локальной системе смыслов.

Образ города в восприятии жителей характеризуется стабильностью, укоренённостью и историчностью. 71,6 % описали город как «тихий, спокойный», 55,2 % – как «исторический, культурный». Однако рядом с этим присутствуют критические характеристики: «провинциальный» (16,4 %), «отсталый» (10,4 %), «серый» (8 %). Это указывает на наличие двойственного восприятия города. Характеристика жителей Болгара, по мнению самих респондентов, включает: гостеприимство (44,8 %), уважение к традициям (43,8 %), доброжелательность (43,3 %). При этом такие качества, как «открытость к новому» (15,9 %) и «забота о городе» (13,4 %), встречаются реже. Отдельные респонденты указывали на такие черты, как закрытость, равнодушие и даже зависть. Таким образом, сообщество воспринимается как устойчивое, но внутренне неоднородное.

Оценки отдельных характеристик городской среды показали высокий уровень удовлетворённости сохранением исторического наследия, экологией и визуальным обликом города. В то же время низкие оценки получили возможности для трудоустройства и состояние дорог и транспортной доступности, что указывает на структурное неравновесие между «показной» и повседневной составляющими города.

Чаще всего свободное время жители проводят на центральной площади, в музее-заповеднике, парках и загородных пространствах. Это свидетельствует о том, что культурные и природные ресурсы включены в повседневную практику. Однако при этом достопримечательности посещаются не слишком регулярно: только 18,4 % делают это более пяти раз в год, а 34,3 % – всего 1–2 раза в год, что подтверждает разрыв между повседневной жизнью и туристическим ландшафтом. Самыми «рекомендуемыми» туристическими объектами оказались Белая мечеть (79,6 %), Музей Болгарской цивилизации (49,3 %) и Памятный знак в честь принятия ислама волжскими болгарями в 922 г. (41,3 %). Это подчёркивает наличие иерархии символических точек, формирующих официальный образ города. Однако в графе «другое» упоминались также неформальные пространства, значимые для жителей – улицы, набережная, дом культуры, что указывает на многослойность городской памяти. Туристические объекты, по мнению большинства опрошенных, успешно выполняют символические функции – повышают привлекательность города, вызывают интерес к истории и формируют чувство гордости. Однако интегративная функция (объединение жителей) оценивается заметно ниже, что свидетельствует о частичном отчуждении локального сообщества от официального имиджа.

Важно отметить, что несмотря на признание Болгара как объекта всемирного культурного наследия ЮНЕСКО и развитие туристической инфраструктуры, ощущаемый эффект для повседневной жизни значительной части горожан остаётся слабым или незаметным. Так, почти половина опрошенных (47,8 %) отметили, что жизнь никак не изменилась, несмотря на формальные и инфраструктурные преобразования города. Это подчёркивает, что туристические трансформации и институциональное признание не всегда сопровождаются улучшением условий жизни или ростом локального благополучия. На уровне повседневности формируется восприятие «двойного города» – одного для внешнего взгляда, другого – для обитания. Однако наиболее значимыми положительными эффектами туризма названы сохране-

ние культурного наследия, улучшение имиджа города, создание рабочих мест и развитие инфраструктуры. При этом негативными последствиями чаще всего считаются рост цен, изменение привычного уклада жизни, экологическое давление и конкуренция за ресурсы. Это указывает на амбивалентную оценку туристических процессов. Интересно, что 49,8 % считают туристический поток оптимальным, а 34,3 % – достаточным, но требующим регулирования. Это говорит о стремлении к балансу между внешним и внутренним комфортом. Наконец, на вопрос о соответствии туристического образа реальному облику города 44,3 % считают, что он скорее соответствует, 23,9 % – скорее не соответствует, 17,9 % – полностью соответствует. Это подтверждает наличие разрыва между официальной репрезентацией и локальным опытом, характерного для городов, активно развивающих символические и туристические стратегии.

В контексте будущего развития жители чаще всего выделяют необходимость развития инфраструктуры (63,7 %), создания комфортной среды для жителей (58,7 %) и привлечения инвестиций (49,8 %), тогда как дальнейшее развитие туризма оказалось приоритетом лишь для 16,7 % опрошенных.

Выводы. Проведённое исследование показало, что жители Болгара обладают выраженным чувством принадлежности к городу. Это проявляется в длительности проживания, положительном восприятии городской среды и сильной эмоциональной привязанности. Большинство респондентов ощущают себя «своими» в городе, что подтверждает наличие устойчивой локальной идентичности. Полученные данные подчеркивают важность локальной идентичности как инструмента оценки и прогнозирования эффективности изменений городской среды. Принимая во внимание ценности и восприятие местных жителей, можно разрабатывать более согласованные и устойчивые управленческие решения, направленные на развитие Болгара как культурного и социального пространства. Таким образом, город Болгар воспринимается жителями как пространство, обладающее значимой эмоциональной и биографической ценностью. Несмотря на развитие туристической инфраструктуры, именно личные воспоминания, стабильность и социальные связи остаются ключевыми элементами городской идентичности.

Литература

1. Лефевр А. Другие Парижи // Логос. 2008. № 3 (66). С. 141–147. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23000324> (дата обращения: 14.05.2025).
2. Озерина А. А. Городская идентичность как социально-психологический феномен // Logos et Praxis. 2016. № 4 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorodskaya-identichnost-kak-sotsialno-psihologicheskii-fenomen> (дата обращения: 16.05.2025).
3. Пирогов С. В. Феноменологическая социология и урбанистика // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskaya-sotsiologiya-i-urbanistika> (дата обращения: 14.05.2025).
4. Скалкин А. А. Понятие идентичности и факторы ее формирования // АМТ. 2017. № 4 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-identichnosti-i-factory-ee-formirovaniya> (дата обращения: 16.05.2025).
5. Мусиезов А. А. Мануэль Кастельс и проблематика городской идентичности // Социология. 2013. № 3. С. 109–116. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=123456789/101790> (дата обращения: 16.05.2025).
6. Урри Дж. Взгляд туриста и глобализация // Массовая культура: современные западные исследования. М. : Прагматика культуры, 2005. С. 136–150.

МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОГРАММ: ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ КООРДИНАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)³⁷

Статья посвящена анализу межведомственного взаимодействия в реализации государственных миграционных программ (на примере Иркутской области). Рассматриваются ключевые проблемы координации между органами власти, включая бюрократические барьеры, недостаток ресурсов и слабую синхронизацию данных. На основе экспертных оценок и региональной статистики выявлены основные факторы, снижающие эффективность программ переселения соотечественников: разрозненность ведомств, несовершенство цифровых платформ, низкая информированность мигрантов. Предложены рекомендации по усилению вертикали управления, внедрению технологических решений и вовлечению гражданского общества. Исследование демонстрирует, что успешная интеграция мигрантов требует системного подхода, сочетающего законодательные изменения, цифровизацию процессов и повышение прозрачности взаимодействия.

Ключевые слова: межведомственное взаимодействие, миграционные программы, Иркутская область, координация ведомств, цифровизация, социальная адаптация, государственное управление.

А. А. Naumova

Irkutsk State University, Irkutsk

INTERDEPARTMENTAL COOPERATION IN THE IMPLEMENTATION OF MIGRATION PROGRAMS: EXPERT ASSESSMENTS OF THE EFFECTIVENESS OF COORDINATION (ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION)

The article analyzes interagency interaction in the implementation of state migration programs, using the Irkutsk Region as a case study. It examines key challenges in coordination between government bodies, including bureaucratic barriers, resource shortages, and poor data synchronization. Based on expert assessments and regional statistics, the study identifies factors reducing the effectiveness of compatriot resettlement programs: fragmented departments, imperfect digital platforms, and low awareness among migrants. Recommendations are proposed to strengthen management verticals, implement technological solutions, and engage civil society. The research demonstrates that successful migrant integration requires a systemic approach combining legislative reforms, digitalization of processes, and enhanced transparency in collaboration.

Keywords: interagency interaction, migration programs, Irkutsk Region, coordination of authorities, digitalization, social adaptation, public administration.

Реализация миграционных программ требует слаженного взаимодействия множества государственных и муниципальных структур. В условиях России, где вопросы миграции тесно связаны с демографическими вызовами и социально-экономическим развитием регионов, эффективная координация ведомств становится ключевым фактором успеха. Как отмечают исследователи, «отсутствие единой системы управления миграционными процессами приводит к дублированию функций, бюрократическим задержкам и снижению результативности программ» [1, с. 30]. В Иркутской области, включенной в перечень территорий приоритетного заселения, эти проблемы приобретают особую актуальность.

Основными участниками процесса выступают территориальные подразделения МВД (управление по вопросам миграции), органы социальной защиты, региональные министерства труда и занятости, а также местные администрации. Их задачи варьируются от оформления правового статуса переселенцев до обеспечения жильем и трудоустройства. Однако, как показывает практика, «слабая синхронизация действий между ведомствами часто становится причиной невыполнения целевых показателей» [2, с. 5]. Например, в Иркутской области в 2007–2012 гг. лишь 11 % участников программы получили постоянное жилье, что частично объяснялось разрозненностью работы жилищных комиссий и миграционной службы [4].

³⁷ Научный руководитель — кандидат философских наук, доцент Е.В. Гольцова.

Эксперты подчеркивают, что региональная специфика Иркутской области – обширная территория, неравномерная заселенность, потребность в кадрах для промышленных предприятий – требует адаптации федеральных инициатив. По данным областного правительства, за последние пять лет в регион прибыло около 4,5 тыс. соотечественников, при этом 63 % из них столкнулись с трудностями при получении социальных услуг из-за «отсутствия четких алгоритмов взаимодействия между учреждениями» [3]. Это подтверждает необходимость разработки единой платформы для обмена информацией и мониторинга выполнения программ.

Таким образом, межведомственная координация в Иркутской области остается зоной роста, где сочетание бюрократических барьеров и региональных особенностей формирует комплекс вызовов. Устранение этих проблем требует не только законодательных изменений, но и внедрения практических инструментов взаимодействия на уровне «одного окна».

Координация между ведомствами в Иркутской области формально строится на основе региональных нормативных актов и межведомственных комиссий. Согласно Положению о миграционной политике региона (2021 г.), ключевая роль отводится Координационному совету при правительстве области, куда входят представители УМВД, Министерства социального развития, Центра занятости и муниципалитетов. Однако, как отмечают аналитики, «работа совета часто ограничивается согласованием отчетов, а не решением системных проблем» [4]. Например, в 2022 г. только 40 % заседаний совета завершились конкретными решениями по оптимизации взаимодействия [5].

Важным инструментом стала цифровая платформа «Миграционный мониторинг», запущенная в 2023 г. для автоматизации обмена данными между ведомствами. Система интегрирует информацию о статусе переселенцев, вакансиях и жилищных квотах, но её внедрение столкнулось с техническими сложностями. По словам сотрудника Министерства цифрового развития области, «муниципалитеты не всегда готовы к переходу на электронный документооборот, что создает пробелы в данных» [6]. Это подтверждается статистикой: в 2023 г. 23 % обращений переселенцев по вопросам трудоустройства требовали ручного уточнения из-за неполных сведений в системе [7].

Особого внимания заслуживает взаимодействие с бизнесом. В 2022 г. правительство области заключило соглашения с 15 промышленными предприятиями, включая «Иркутск-энерго» и «Усольехимпром», о создании целевых программ трудоустройства для соотечественников. В рамках инициативы работодатели предоставляют жилье и обучение, а государство компенсирует часть затрат. По данным регионального Центра занятости, за первый год проекта трудоустроено 320 чел., но «отсутствие гибких условий для семейных мигрантов снижает долю долгосрочных контрактов» [8].

Серьезной проблемой остается синхронизация социальной поддержки. Например, переселенцы, получившие временное жилье через МВД, сталкиваются с задержками в оформлении детских пособий из-за расхождений в базах данных соцзащиты. Как отмечает эксперт общественной организации «Право на дом», «ведомства требуют дублирующих справок, что увеличивает сроки адаптации на 2–3 месяца» [9].

Таким образом, институциональные механизмы в регионе требуют не только технической модернизации, но и изменения подходов к коммуникации между структурами. Внедрение единых стандартов отчетности и расширение полномочий Координационного совета могли бы стать шагами к преодолению бюрократической разобщенности.

Местные администрации Иркутской области играют критически важную роль в адаптации федеральных миграционных программ к региональным реалиям. Однако их возможности ограничены недостатком финансирования и противоречиями в законодательстве. Например, в 2023 г. 12 муниципалитетов из 42 не смогли выполнить планы по расселению переселенцев из-за «отсутствия четких механизмов распределения средств между федеральным и региональным бюджетами» [10]. Это подтверждает тезис исследователей о том, что «децентрализация управления без должного ресурсного обеспечения приводит к дисбалансу в реализации программ» [1, с. 32].

Одним из успешных кейсов стало сотрудничество администрации Иркутска с НКО «Миграция-Сибирь», которая с 2021 г. организует культурно-языковые курсы для соотечественников. Благодаря этой инициативе 78 % участников программ смогли улучшить навыки русского языка, что упростило их трудоустройство [5]. Тем не менее такие проекты носят точечный характер: только 30 % муниципалитетов привлекают НКО к работе с мигрантами, ссылаясь на «недостаток методических рекомендаций» [5].

Особую сложность представляет взаимодействие с сельскими территориями. В Усольском районе, где расположены агропромышленные предприятия, местные власти разработали программу «Село будущего», предлагая переселенцам льготные условия аренды земли. Однако, как отмечает глава района, «отсутствие синхронизации с областным Министерством сельского хозяйства привело к задержкам в выделении техники и семян» [7]. Это создало ситуацию, когда 40 % участников программы в 2022–2023 гг. отказались от участия из-за невозможности начать хозяйственную деятельность.

Ключевым барьером остается низкая информированность мигрантов о своих правах. По данным опроса, проведенного Иркутским государственным университетом в 2023 г., 65 % переселенцев не знают о существовании региональных социальных программ, а 52 % считают процедуры оформления документов «запутанными» [5]. Для решения этой проблемы администрация Ангарска запустила информационный портал «Миграция38», объединяющий данные о вакансиях, жилье и социальных услугах. За первый год портал зарегистрировал 2,8 тыс. пользователей, но «отсутствие обратной связи с ведомствами снижает оперативность обновления информации» [3].

Современные технологии рассматриваются как ключевой инструмент преодоления бюрократических барьеров в миграционной политике. В Иркутской области с 2022 г. действует пилотный проект «Цифровой миграционный контур», разработанный совместно с ИТ-компанией «Байкал Технологии». Система автоматизирует процессы подачи заявок, проверки документов и распределения ресурсов между ведомствами. По данным разработчиков, внедрение контура сократило сроки оформления гражданства на 30 %, однако отсутствие единых стандартов шифрования данных между федеральными и региональными сервисами ограничивает его функционал.

Оценка эффективности программ остается слабым звеном. В 2023 г. правительство области утвердило методику мониторинга, включающую 15 показателей – от трудоустройства до уровня удовлетворенности мигрантов. Но, как отмечает независимый эксперт А. Петров, «...большинство критериев носят количественный характер и не учитывают качественные аспекты интеграции, такие как социальная адаптация или доступ к образованию» [9]. Например, по официальной статистике, 89 % переселенцев в 2023 г. получили работу, однако 45 % из них указали на «несоответствие квалификации и условий труда ожиданиям» в анонимном опросе НКО «Миграция и права» [9].

Важным шагом стало создание Общественного совета по миграционной политике при Губернаторе области, куда вошли представители бизнеса, НКО и научного сообщества. Совет инициировал проведение ежегодного аудита программ, однако его рекомендации носят рекомендательный характер. Как подчеркивает председатель совета И. Семенов, «без законодательного закрепления механизмов реализации наши выводы остаются на бумаге».

Перспективным направлением является использование big data для прогнозирования миграционных потоков. В 2023 г. Иркутский технический университет разработал алгоритм, анализирующий запросы работодателей и демографические тренды. Модель позволила спрогнозировать потребность в 1,2 тыс. специалистов для лесопромышленного комплекса, но «ведомства не готовы оперативно корректировать квоты на основе таких данных» [9].

Таким образом, анализ реализации миграционных программ в Иркутской области выявил системные проблемы, связанные с разобщенностью ведомств, недостаточной технической оснащенностью и нехваткой гибких механизмов адаптации. Несмотря на позитивные инициативы, такие как цифровизация процессов и сотрудничество с НКО, ключевые барьеры остаются нерешенными. Эксперты сходятся во мнении, что «успех программ зависит от создания единой экосистемы, где ведомства, бизнес и гражданское общество действуют син-

хронно» [6]. Межведомственная координация в Иркутской области находится на этапе трансформации. Её успех зависит от сочетания технологических инноваций, законодательных изменений и вовлечения всех заинтересованных сторон. Только системный подход позволит превратить миграционные программы из инструмента «латания демографических дыр» в драйвер социально-экономического развития региона.

Литература

1. Иванов А. В. Государственная политика Российской Федерации по поддержке зарубежных соотечественников: содержание и механизмы реализации (на примере Сибирского федерального округа в 2000-е гг.) // Демография и миграция. 2020. № 4. С. 28–33.
2. Петрова С. П., Сидоров М. К. Государственная программа по переселению соотечественников: предметность и некоторые итоги // Вестник миграционных исследований. 2019. № 2. С. 5–16.
3. Козлова Е. А. Проблемы реализации программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников в Россию // Региональная экономика и управление. 2021. № 3. С. 45–52.
4. Отчет о реализации государственной программы Иркутской области «Содействие занятости населения» за 2023 год. URL: <https://mintrud.irkobl.ru/documents/reports/> (дата обращения: 19.05.2025).
5. Исследование Иркутского государственного университета «Социальная адаптация мигрантов в Сибири». URL: <https://isu.ru/ru/science/nauchnye-issledovaniya/migraciya.html> (дата обращения: 19.05.2025).
6. Материалы круглого стола «Миграция и общество: вызовы и решения» // Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/6345/> (дата обращения: 19.05.2025).
7. Отчет АНО «Центр миграционных исследований». URL: <https://migrocenter.ru/research/> (дата обращения: 19.05.2025).
8. Данные Министерства труда и занятости Иркутской области. URL: <https://mintrud.irkobl.ru/> (дата обращения: 19.05.2025).
9. Петров А. А. Оценка эффективности миграционных программ: количественные и качественные аспекты // Журнал региональных исследований. 2023. № 4. С. 18–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-migratsionnyh-programm> (дата обращения: 19.05.2025).
10. Интервью с главой Усольского района Иркутской области // Официальный сайт администрации Усольского района. URL: <https://usolie-r38.ru/novosti/glava-raiona-o-migracionnoj-politike> (дата обращения: 19.05.2025).

УДК 316:338.24

В. В. Неруш

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ³⁸

Рассматривается влияние корпоративной культуры на социальную политику организаций в качестве основного инструмента улучшения социальной сферы компании. Отмечается, что важным аспектом является демонстрация того, как важно иметь грамотную корпоративную культуру для всестороннего и гармоничного развития современных организаций.

Ключевые слова: корпоративная культура, социальная политика, устойчивое развитие, экспертные практики, социальная ответственность бизнеса.

V. V. Nerush

Irkutsk State University, Irkutsk

CORPORATE CULTURE AS A TOOL FOR IMPLEMENTING THE SOCIAL POLICY OF MODERN ORGANIZATIONS IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES

This article examines the influence of corporate culture on the social policy of organizations as the main tool for improving the social sphere of the company. An important aspect of the article is to demonstrate how important it is to have a competent corporate culture for the comprehensive and harmonious development of modern organizations.

Keywords: corporate culture, social policy, sustainable development, expert practices, social responsibility of business.

³⁸ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Грabelных.

Корпоративная культура играет ключевую роль в формировании и реализации социальной ответственности бизнеса, выступая основой для интеграции этических, экологических и социальных принципов в повседневную деятельность организации. Она определяет ценности, нормы и поведенческие модели, которые влияют на принятие решений, отношение к сотрудникам, партнёрам и обществу в целом. Как отмечают исследователи, социально ответственные компании демонстрируют более высокую устойчивость в условиях кризисов и пользуются доверием стейкхолдеров [1]. Одним из ключевых аспектов корпоративной культуры является её способность формировать у сотрудников осознание значимости социальных инициатив. Например, компании, внедряющие программы волонтерства или экологические проекты, не только укрепляют свой имидж, но и повышают вовлечённость персонала. Исследования показывают, что сотрудники, разделяющие ценности организации, демонстрируют более высокую лояльность и продуктивность [2]. Это подтверждает тезис о том, что корпоративная культура выступает связующим звеном между стратегическими целями бизнеса и их социальной реализацией.

Важным элементом является также прозрачность и открытость корпоративных практик. Организации, которые публично отчитываются о своих социальных и экологических инициативах, формируют доверие со стороны потребителей и инвесторов. Например, внедрение стандартов ESG (Экология, социум, управление) позволяет компаниям не только минимизировать риски, но и создавать долгосрочные конкурентные преимущества [3]. Кроме того, корпоративная культура влияет на взаимодействие бизнеса с местными сообществами. Компании, активно участвующие в решении региональных проблем (например, поддержка образования или здравоохранения), укрепляют свои позиции на рынке и способствуют устойчивому развитию территорий. Как подчёркивается в работах по экономической социологии, такая практика особенно важна в условиях глобализации, когда локальные инициативы становятся частью международных трендов [4]. Таким образом, корпоративная культура служит не только внутренним инструментом управления, но и механизмом реализации социальной политики бизнеса. Её развитие требует системного подхода, включающего формирование ценностей, обучение сотрудников и интеграцию социальных инициатив в бизнес-стратегию. В условиях современных вызовов это становится критически важным для достижения долгосрочного успеха.

Современные компании, как в России, так и за рубежом, активно используют корпоративную культуру как инструмент реализации социальной политики, адаптируя её к глобальным вызовам и локальным особенностям. Сравнительный анализ их практик позволяет выявить общие тенденции и уникальные подходы, которые могут быть полезны для дальнейшего развития социально ответственного бизнеса.

Ведущие зарубежные компании давно интегрировали принципы социальной ответственности в свою корпоративную культуру. Например, такие корпорации, как Unilever и Patagonia, сделали устойчивое развитие ключевым элементом своей стратегии. Unilever реализует программу «План устойчивого развития», направленную на снижение экологического следа и улучшение качества жизни потребителей [5]. Эта инициатива не только укрепляет имидж компании, но и способствует формированию лояльности среди сотрудников и клиентов, которые разделяют её ценности. Другой пример – компания Google, которая уделяет особое внимание созданию инклюзивной корпоративной культуры. Её программы поддержки «diversity and inclusion» (разнообразия и включения) включают обучение сотрудников, гибкие условия труда и социальные проекты для недостаточно представленных групп [6]. Такой подход не только соответствует глобальным трендам, но и повышает инновационный потенциал компании.

Российские компании также демонстрируют активное развитие социальных инициатив, хотя их подходы часто отличаются от западных моделей. Например, Сбербанк реализует масштабную программу «СберВместе», которая включает поддержку образования, здравоохранения и экологических проектов [7]. Корпоративная культура Сбербанка строится на принципах открытости и инновационности, что позволяет ему эффективно взаимодейство-

вать с обществом и государством. Ещё один яркий пример – компания Росатом, которая сочетает глобальные стандарты ESG с локальными инициативами. Росатом активно участвует в развитии территорий присутствия, поддерживая образовательные учреждения, инфраструктурные проекты и программы по охране окружающей среды [8]. Это не только укрепляет репутацию компании, но и способствует устойчивому развитию регионов.

Несмотря на различия в подходах, российские и международные компании сталкиваются с похожими вызовами: необходимость балансировать между коммерческими целями и социальной ответственностью, адаптироваться к изменениям в законодательстве и ожиданиям стейкхолдеров. Однако международные корпорации чаще делают акцент на глобальных инициативах, таких как борьба с изменением климата или поддержка прав человека, в то время как российские компании больше ориентированы на локальные проекты, особенно в рамках регионов своего присутствия [9]. Важным отличием является также степень вовлечённости сотрудников. Зарубежные компании чаще используют подход к управлению под названием «сверху вниз», при котором решения принимаются на самом высоком уровне, а затем доводятся до сведения остальных сотрудников. То есть это такой подход, когда инициативы могут исходить от самих работников, а руководство будет их поддерживать. В России же социальные программы обычно разрабатываются на корпоративном уровне, хотя в последние годы наметилась тенденция к увеличению роли сотрудников в участии при их реализации [3]. Анализ практик показывает, что корпоративная культура играет ключевую роль в успешной реализации социальной политики как российских, так и международных компаний. Несмотря на различия в подходах, общим для всех является стремление к устойчивому развитию, прозрачности и вовлечению стейкхолдеров. Для дальнейшего прогресса российским компаниям можно рекомендовать активнее перенимать международный опыт, особенно в области вовлечения сотрудников и интеграции глобальных ESG-стандартов.

Для эффективной интеграции социальной политики в корпоративную культуру организациям необходимо применять комплексный подход, учитывающий как глобальные тренды, так и специфику локальной среды. На основе анализа лучших практик российских и международных компаний можно сформулировать ряд ключевых рекомендаций. Анализ успешных кейсов показывает, что ключевым фактором становится формирование корпоративной культуры, где социальная ответственность воспринимается не как дополнительная нагрузка, а как естественная часть бизнес-процессов [9]. Первостепенное значение имеет создание механизмов вовлечения сотрудников в социальные инициативы. Практика ведущих компаний демонстрирует, что программы, разработанные с участием самих работников, получают значительно более высокий уровень поддержки и реализации [3]. Особенно эффективными оказываются системы, сочетающие образовательные компоненты с возможностью личного вклада в социальные проекты. Например, некоторые организации успешно применяют модель «социального отпуска», когда сотрудники могут посвящать часть рабочего времени волонёрской деятельности [5]. Важным аспектом является разработка прозрачных систем отчётности. Как отмечают специалисты, компании, регулярно публикующие данные о своих социальных инициативах в формате, соответствующем международным стандартам, добиваются большего доверия со стороны всех групп стейкхолдеров [6]. При этом особое внимание следует уделять не столько объёму вложенных средств, сколько измеряемым результатам и долгосрочному эффекту от реализованных программ.

Для российских условий особенно актуальна адаптация глобальных практик к местной специфике. Опыт показывает, что наибольшую отдачу приносят проекты, учитывающие реальные потребности конкретных регионов и муниципальных образований [8]. Это может быть поддержка местных образовательных учреждений, программы профессиональной адаптации для уязвимых групп населения или экологические инициативы, направленные на решение актуальных для территории проблем.

Технологический прогресс открывает новые возможности для реализации социальных стратегий. Цифровые платформы позволяют не только эффективно координировать волонёрскую активность сотрудников, но и точно оценивать воздействие социальных программ

[7]. Особенно перспективным направлением представляется использование технологий анализа больших данных для выявления наиболее острых социальных проблем и оптимальных путей их решения. Особого внимания заслуживает вопрос измерения эффективности социальных инициатив. Современные подходы предполагают комплексную оценку, учитывающую не только непосредственные результаты проектов, но и их влияние на деловую репутацию компании, лояльность сотрудников и потребителей [1]. Как показывает практика, наиболее успешными становятся те организации, которые рассматривают социальную ответственность как стратегический актив, а не как формальное выполнение обязательств.

В рамках выпускной квалификационной работы «Роль корпоративной культуры в реализации принципов социальной политики современных организаций», в мае 2025 г. на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ИГУ автором был проведён экспертный опрос среди руководителей и сотрудников российских компаний (табл.).

Таблица

Распределение ответов на вопрос, касательно поддержки инновационного проекта по разработке платформы по индивидуальной помощи сотрудникам в контексте их личной КРП, в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да, полностью разделяю	6	40
2	Скорее да, чем нет	7	46,6
3	Скорее нет, чем да	1	3,7
4	Нет, не разделяю	1	6,7
5	Затрудняюсь ответить	0	6,7
	Всего	15	100,0

На основании полученных данных (см. табл.) можно сделать вывод о том, что 86,6 % экспертов поддерживают реализацию инновационного проекта по разработке платформы по оказанию индивидуальной помощи сотрудникам в контексте их личной КРП. Данная статистика говорит об актуальности тематики персонализированной поддержки сотрудников в современных российских организациях, а также указывает на перспективность дальнейшего развития корпоративной культуры и социальной политики в современных российских организациях.

Делая вывод, можно сказать, что корпоративная культура выступает важнейшим механизмом реализации социальной политики современных организаций. В условиях глобальных вызовов она перестаёт быть просто внутренним атрибутом компании, превращаясь в стратегический инструмент, обеспечивающий устойчивость бизнеса и его гармоничное развитие в социуме.

Как показали исследования, наиболее успешные практики развития корпоративной культуры сочетают несколько ключевых элементов: глубокую интеграцию социальных ценностей в повседневную деятельность, прозрачность принимаемых решений, учёт региональной специфики и активное использование цифровых технологий. Особенно важно то, что эффективная корпоративная культура создаёт естественную мотивацию для участия сотрудников в социальных инициативах, превращая их из формальных исполнителей в заинтересованных участников. Перспективы дальнейшего видятся в более детальном изучении механизмов адаптации международного опыта к российским реалиям, а также в разработке методик количественной оценки влияния корпоративной культуры на эффективность социальных инвестиций.

В конечном итоге, формирование социально-ориентированной корпоративной культуры перестаёт быть вопросом имиджа или выполнения формальных требований, становясь важнейшим конкурентным преимуществом компаний в XXI веке. Организации, которые смогут органично интегрировать принципы устойчивого развития в свою систему ценностей, получат значительные преимущества в условиях растущих глобальных вызовов и трансформации экономических моделей.

Литература

1. Эспинг-Андерсен Г. Два общества, одна социология и никакой теории // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6, № 2. С. 241–266.
2. Жиленкова Е. П., Буданова М. В. Демографические аспекты формирования человеческого капитала в регионе // Сборник докладов I Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2019. С. 52–56.
3. Государственные и муниципальные учреждения культуры Иркутской области в цифрах за 2019 год // сост.: Н. В. Рудакова и др. Иркутск, 2020. 137 с.
4. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот: федер. закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/10135206> (дата обращения: 18.05.2025).
5. Unilever Sustainable Living Plan: стратегия устойчивого развития. URL: <https://www.unilever.ru> (дата обращения: 18.05.2025).
6. Google Diversity Annual Report 2022. URL: <https://diversity.google/annual-report> (дата обращения: 18.05.2025).
7. Социальная ответственность Сбербанка. URL: <https://www.sberbank.ru> (дата обращения: 18.05.2025).
8. Росатом: ESG и устойчивое развитие. URL: <https://www.rosatom.ru> (дата обращения: 18.05.2025).
9. Жиленкова Е. П. Корпоративная социальная ответственность в России и мире: сравнительный анализ // Экономика и управление. 2021. № 5. С. 34–42.

УДК 316.3

А. Д. Никоненко

Курский государственный университет, г. Курск

ЭКСПЕРТНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ОБРАЗ» В СОЦИОЛОГИИ: К ГОДУ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматривается социологическая концепция «образа» через призму анализа восприятия защитника Отечества в современном российском обществе. Поводом для исследования послужил Указ Президента РФ о проведении 2025 г. как Года защитника Отечества. Анализируется трансформация образа защитника на фоне исторических и современных реалий, опираясь на культурные традиции, массовые представления, медиапространство и результаты социологических опросов. Особое внимание уделяется влиянию текущих событий и патриотических инициатив на формирование национальной идентичности и ценностных ориентиров в обществе.

Ключевые слова: образ, защитник Отечества, социология, патриотизм, национальная идентичность.

A. D. Nikonenok

Kursk State University, Kursk

EXPERT METHODOLOGY FOR STUDYING THE CONCEPT OF “IMAGE” IN SOCIOLOGY: TOWARD THE YEAR OF THE DEFENDER OF THE FATHERLAND IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article explores the sociological concept of the “image” through the lens of how the defender of the Fatherland is perceived in contemporary Russian society. The impetus for the study was the Presidential Decree declaring 2025 as the Year of the Defender of the Fatherland. The author examines the transformation of this image against the backdrop of historical and current realities, drawing on cultural traditions, mass perceptions, the media space, and the results of sociological surveys. Special attention is given to the impact of current events and patriotic initiatives on the formation of national identity and societal value orientations.

Keywords: image, defender of the Fatherland, sociology, patriotism, national identity.

В январе 2025 г. Президент нашей страны В. В. Путин подписал Указ «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» [9] в целях сохранения исторической памяти, в ознаменование 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 г., в благодарность ветеранам и признавая подвиг участников специальной военной операции. Настоящий Указ нашел широкую поддержку среди населения России, особенно среди молодежи, путем обеспечения разработки и утверждения плана основных мероприятий по проведению Года защитника Отечества в каждом конкретном регионе. Моя родина – Курская об-

ласть, активно включилась в эту работу далеко не по формальному признаку, так как начиная с 6 августа 2024 г. и до весны 2025 г., мы постоянно с замиранием сердца следили за каждой новой освобожденной от нацистов точкой на карте родной земли. Бои на границе Курской и Сумской области идут до сих, вместе с ними продолжается и наша помощь защитникам Отечества; людям, оставшимся без жилья, потерявшим родных; детям, временно проживающим в других регионах [9].

В связи с этим данная статья направлена на социологический анализ образа защитника Отечества как важного социального конструкта, который формирует патриотические чувства и национальную идентичность. Результаты нашего исследования помогут лучше понять динамику современных социокультурных изменений и их влияние на восприятие воинского долга, а также откроют новые горизонты для дальнейших исследований в этой области.

С точки зрения экспертов в данной области, современное общество насыщено визуальной и символической информацией. Люди формируют свои представления о мире не только на основе личного опыта, но и через образы, которые транслируются средствами массовой информации, культурой, образовательной системой и повседневным взаимодействием.

В социологии образ рассматривается как один из ключевых инструментов восприятия и конструирования социальной реальности [5]. Он отражает не только то, как человек или группа выглядят в глазах других, но и то, как они позиционируют себя сами. Понимание природы и функций образа позволяет глубже анализировать социальные процессы, стереотипизацию и механизмы манипулирования общественным сознанием. Образ в социологическом контексте – это обобщённое, часто символическое представление о человеке, социальной группе, институте, явлении или событии. Он может быть как индивидуальным (внутренний образ человека о самом себе), так и коллективным (например, образ нации или профессии). Образ – это неотъемлемая часть социальной жизни, важный элемент общения, восприятия и самоидентификации.

Образ – это обобщённое и символическое представление о человеке, социальной группе, явлении, событии или институте, существующее в сознании индивидов или общества в целом [5]. Это представление формируется в результате социальной интерпретации, культурного влияния, медиапространства и межличностного общения [1].

Образ защитника Отечества в российской культуре олицетворяет не только мужество и отвагу, но и определенные духовные и моральные ценности, что имеет древние корни. Этот образ формировался на протяжении веков, начиная с древнерусских легенд и искусства. В раннесредневековые времена защитник Отечества ассоциировался с образами святых, таких как святой Георгий Победоносец. Его иконографическое представление в XII веке стало символом победы над злом и олицетворением доблести и смелости. С развитием общества и изменением исторических реалий восприятие образа защитника претерпело изменения. Важным этапом в его эволюции стали военные подвиги русских полководцев, таких как Александр Пересвет, который стал знаковым героем Куликовской битвы и символом самопожертвования ради Родины [6].

В социологическом контексте XXI в. образ защитника Отечества формируется, по мнению экспертов, под воздействием традиционных представлений и современных реалий. Этот образ включает как физические, так и моральные качества. Согласно данным исследований [2], высокие нравственные качества и патриотизм являются центральными характеристиками, ассоциируемыми с защитником Отечества. По мнению большинства россиян, выбор тематики 2025 г. обусловлен текущими событиями – проведением СВО, поддержкой участников спецоперации (73 %). В условиях внешней напряженности и военных действий роль защиты Родины выходит на первый план в сознании граждан. Каждый четвертый опрошенный связывает тему 2025 г. с 80-летним юбилеем Победы в Великой Отечественной войне [2]. В частности, мужество и сила воли выделяются 53 % респондентов. Патриотизм, гуманизм и сильный дух также составляют важные составляющие этого образа, на что указывают 20 % и 19 % опрошенных соответственно. Соответственно, самыми важными качествами героя для всех поколений являются: прежде всего, сила духа (77 % в 2020 г., 68 % – в

2022 г.); на условном втором месте – справедливость (62 % и 59 % соответственно), самоотверженность (61 % и 54 % соответственно), ответственность (56 % и 54 % соответственно) и честность (56 % и 55 % соответственно); на третьем – ум (40 % и 41 %) и надежность (49 % и 45 %); на четвертом – скромность (28 % и 25 %), физическая сила (19 % и 23 %) и умение вдохновлять (16 % и 18 %), а также в 2022 г. жизнерадостность (15 %), в 2020 г. вошедшая в пятую группу (11 %) вместе с харизмой (8 % в 2020 г., 10 % – в 2022 г.), чувством юмора (8 % и 11 %), хитростью (7 % и 9 %) и авантюризмом (5 %) [5].

Актуальность образа защитника Отечества особенно ярко проявлена в свете объявленного 2025 г. Годом Защитника Отечества. Это событие привлекает внимание 58 % россиян, что подчеркивает значимость патриотических инициатив в обществе [2]. Одним из аспектов современной интерпретации образа является ассоциация с профессией военнослужащего, которая упоминается в 70 % ответов, что отражает доминирующее представление о защитниках как о профессиональных военных [4].

Среди ключевых изменений в восприятии этого образа можно выделить акцент на умственных способностях и специфических навыках, таких как кибербезопасность. Современные реалии диктуют необходимость сочетания физической силы с интеллектуальным потенциалом [7]. Это подчеркивает переход от традиционного понимания защитника как физически сильного бойца к многогранной личности, готовой действовать в условиях новых вызовов.

Социологические исследования показывают, что защитники Отечества воспринимаются как люди с высокими нравственными качествами – 76 % респондентов подчеркивают именно эту характеристику [7]. Кроме моральных качеств, защитник ассоциируется с концепцией долга, верности и готовности к самопожертвованию, что составляет важную часть патриотической идентичности. Также отмечается, что большинство россиян (73 %) считает участником специальной военной операции героями, сопоставимыми с героями Великой Отечественной войны. Это показывает, что современное общество переосмысливает значение своих исторических страниц, связывая их с текущими событиями и рядом проблем, которые актуализируют исследования образа защитника [2].

Формирование образа защитника Отечества в современном обществе зависит не только от государственных инициатив, но и от общественных движений, культуры, а также от медийных представлений. В этом контексте важно отметить, что образ возникает и трансформируется в рамках социокультурного взаимодействия, где традиционные и новые ценности соединяются. Образ защитника уже не ограничивается стереотипами о мужественности и физической силе, но включает элементы гражданского долга, социальной ответственности и стремление к миру. Позиция защитника Родины – интегральное качество личности, выраженное представлением человека о себе как гражданине государства, основанное на знании истории, современной отечественной политики, позитивном отношении к родине, позиции защитника, инициативе и организаторских умениях в конкретной социальной практике [4].

Таким образом, образ защитника Отечества в социологическом понимании является динамичной конструкцией, соотносящей историческое наследие и современные вызовы. Этот образ продолжает развиваться, отражая изменения в общественном сознании и поддерживая патриотические настроения, которые играют важную роль в формировании национальной идентичности.

Литература

1. Быканова Я. П., Андриянова Т. В. Медиа-сфера как пространство взаимодействия пользователей социальных сетей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 2. С. 219–231.
2. Герои нашего времени // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroi-nashego-vremeni> (дата обращения: 13.05.2025).
3. Долинин Е. В. Формирование позиции защитника родины как социально-педагогическая проблема // Обучение и воспитание: методики и практика. 2016. № 27. С. 58.
4. Куks А. В., Прокудина И. С. Стереотипный образ военного в русском непрофессиональном языковом сознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 3. С. 789–792.

5. Тропук И. В., Субботина М. В. Представления россиян о героях и героизме: устойчивые и изменчивые компоненты (по материалам опросов общественного мнения) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 23, № 3. С. 539.

6. Тубылевич Р. Е., Образы воинов Пересвета и Осляби в памятниках куликовского цикла и русских исторических романах 2-й половины XX в. // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 1–2. С. 125–127.

7. Россияне считают защитников Отечества людьми с высокими нравственными качествами. Российская газета. 2025. URL: <https://rg.ru/2025/02/19/rossiiane-schitaiut-zashchitnikov-otechestva-liudmi-s-vysokimi-nravstvennymi-kachestvami.html> (дата обращения: 13.05.2025).

8. Указ Президента РФ № 28 от 16.01.2025 г. «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/76120> (дата обращения: 13.05.2025).

9. Курский государственный университет. Вузы для фронта-2025. Выпуск 18. 2025. URL: <https://kursku.ru/stories/view/20573> (дата обращения: 15.05.2025).

УДК 364.43

Д. А. Окшина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В КУЙТУНСКОМ РАЙОНЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ³⁹

Рассматриваются проблемы и особенности профессионального выгорания муниципальных служащих. На примере муниципальных служащих Куйтунского района проводится анализ профессионального выгорания и даются рекомендации по его коррекции.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, муниципальные служащие, эффективное управление, оценка развития.

D. A. Okshina

Irkutsk State University, Irkutsk

PROFESSIONAL BURNOUT OF MUNICIPAL EMPLOYEES IN THE KUYTUNSKY DISTRICT OF THE IRKUTSK REGION

The article examines the problems and features of professional burnout of municipal employees. Using the example of municipal employees of the Kuytunsky District, an analysis of professional burnout is carried out and recommendations for its correction are given.

Keywords: professional burnout, municipal employees, effective management, assessment of development.

Профессиональное выгорание муниципальных служащих значительно ухудшает уровень выполняемости поставленных задач, напрямую воздействует мотивацию муниципальных служащих, что оказывает непосредственное влияние на формирование кадровой политики муниципального образования в рамках муниципальной службы.

Высокий уровень стресса и, как следствие, профессиональное выгорание муниципальных служащих опосредуются формализованностью их правового статуса, наличием строгих требований к кандидатам, а также действующим муниципальным служащим. Постоянное обновление запретов и ограничений, связанных с муниципальной службой, риск совершения коррупционных правонарушений и суровые меры ответственности за них, огромный пласт работы, необходимость выполнения функций в режиме многозадачности и многие другие факторы оказывают непосредственное негативное воздействие на качество результатов их деятельности, а также эмоциональное и психическое состояние, что приводит в конечном счете к выгоранию и, как следствие, прекращению трудовой деятельности на ранних сроках несения муниципальной службы [3].

Для эффективного снижения уровня профессионального выгорания муниципальных служащих, а также профилактики его появления необходим комплексный подход, заключа-

³⁹ Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент О. А. Поллошкевич.

ющийся в анализе существующей действительной картины, имеющихся способов, методов и приемов предотвращения и профилактики профессионального выгорания муниципальных служащих [1; 2].

Для установления имеющихся фактических данных в целях настоящего исследования нами проведен пилотный опрос муниципальных служащих муниципального образования «Куйтунский район». Респондентам предложено пройти анонимный опрос посредством заполнения google-формы. В опросе поучаствовало 60 респондентов, которым было предложено посредством ответов на вопросы рассказать, насколько часто они испытывают предложенные эмоции, чувства. Среди 60 опрошенных муниципальных служащих муниципального образования «Куйтунский район» 18 мужчин и 42 женщины в возрасте от 25 до 54 лет.

В муниципальном образовании «Куйтунский район» на муниципальной службе занимают должности в два с небольшим раза превышающее количество женщин. Именно более подвержены нестабильному эмоциональному состоянию:

- они чаще, чем мужчины, испытывают чувства внутренней пустоты и апатии (63 % и 28 % соответственно), т. е. мужчины менее подвержены чувству эмоционального опустошения, они же чувствуют себя значительно лучше после рабочего дня, нежели женщины (20 % и 44 % соответственно);

- эмпатично подходят к выполнению своих задач и мужчины, и женщины, учитывая эмоциональное состояние своих коллег (30 % и 33 % соответственно);

- женщины больше нуждаются в эмоциональном отдыхе после рабочего дня по сравнению с мужчинами-коллегами (48 % и 16 % соответственно);

- муниципальные служащие женского пола гораздо чаще испытывают «очерствление» по сравнению с коллегами-мужчинами – более 60 % всех опрошенных, кроме того, более половины опрошенных чувствуют ожесточение, тогда как у мужчин это 17 % и 15 %;

- более 60 % женщин, разочаровавшиеся в выбранной профессии, против 17 % мужчин-муниципальных служащих;

- чувство безразличия к некоторым коллегам испытывают муниципальные служащие-женщины чаще, чем мужчины (49 % и 19 % соответственно);

- более 40 % из опрошенных муниципальные служащие-женщины, которые очень редко испытывают во время работы чувство приятного оживления (у мужчин редко это испытывают 20 %, часто – 44 %);

- ежедневно справляются с эмоциональными проблемами 12 % муниципальных служащих-мужчин, женщины гораздо реже – 2 %.

Муниципальные служащие-женщины подходят к выполнению должностных обязанностей с эмоциональной составляющей:

- женщины больше склонны разрешать конфликтные ситуации с коллегами, чем самостоятельно (60 %), мужчины наоборот – решают вопросы самостоятельно (69 %) и в три раза реже с коллегами (23 %);

- увереннее себя чувствуют в своем выборе деятельности и того, что приносят пользу окружающим (66 % женщин и 42 % мужчин);

- более половины опрошенных (54 %) – муниципальные служащие-женщины, что имеют планы на будущее и верят в их осуществление, несмотря на выгорание, среди мужчин таких 75 %.

Исследование показало прямую зависимость наличия и усиления признаков профессионального выгорания муниципального служащего от возраста и опыта работы муниципального служащего – чем старше такой субъект, тем выше уровень стресса и апатии он испытывает. Верно и обратное утверждение: более молодые сотрудники органов местного самоуправления МО «Куйтунский район» легче справляются со стрессом, а также видят свое будущее в более радужных красках.

Повышению стресса и уровня профессионального выгорания способствует и специфика занимаемой должности: женщины, занимающие ответственные, начальствующие должности, более подвержены эмоциональному стрессу, что проявляет себя и в профессио-

нальной сфере, в конечном итоге выражаясь в признаках профессионального выгорания. Мужчины же, занимающие руководящие должности, более устойчивы к проявлениям стресса и смотрят на увеличение числа задач, как на необходимость их решения, без эмоциональной составляющей.

Немаловажную роль играет внутренняя атмосфера в коллективе и распределение задач внутри него. Так, результаты исследования показывают, что женщины чаще, нежели мужчины приходят к мысли о том, что их коллеги перекладывают на них свою работу, а также имеющиеся проблемы. Мужчины же в этом плане более хладнокровны.

По-разному мужчины и женщины – муниципальные служащие МО «Куйтунский район» Иркутской области оценивают свои способности к восстановлению эмоционального состояния. Как показало исследование, треть из опрошенных женщин ответила, что удастся справиться с эмоциональным стрессом ежедневно, при этом столько же опрошенных женщин пришло обратному выводу. Мужчины же в этом плане более стабильны и только 6 % опрошенных.

Эмоциональный подход к оценке своего рабочего состояния используют женщины: приятные эмоции на ежедневной основе испытывает треть опрошенных женщин, однако чуть больше женщин (41 %), наоборот, с подобными ощущениями не сталкивается. Мужчины же либо не испытывают никаких эмоций вовсе, либо ежедневно таких насчитывает исследование лишь 6 % опрошенных.

Проведенный анализ полученных из опроса муниципальных служащих муниципального образования «Куйтунский район» сведений позволяет прийти к выводу о подходящих способах профилактики профессионального выгорания.

В целях снижения уровня эмоционального напряжения муниципальных служащих целесообразно применять психологические способы: повышение уровня самосознания и самопринятия; поэтапное прохождение периодов профессионального становления во избежание карьерных и личностных кризисов; применение приемов саморефлексии; повышение уровня духовности; установление в качестве приоритетных направлений развитие личностных ориентиров и ценностей; обучение приемов тайм-менеджмента; снижение значимости оценок со стороны других лиц.

Как показывают исследования, данные способы эффективны в снижении уровня профессионального выгорания государственных служащих, что может быть применено и к муниципальным служащим [6]. Среди способов снижения риска профессионального выгорания авторами выделяется осознанная саморегуляция, представляющая собой комплекс приемов, влияющих на сенсорные, перцептивные, интеллектуальные, эмоциональные стороны личности. Считаем целесообразным применять следующие способы и приемы: четкое ранжирование краткосрочных и долгосрочных задач; применение перерывов в работе (не только в связи с использованием компьютеров); профессиональное самосовершенствование (конференции, обмен опытом и т. п.); снижение уровня значимости необоснованной конкуренции внутри коллектива; двигательная активность (занятия спортом) [5].

Следует отметить, что проблема профессионального выгорания касается не только и не столько самих муниципальных служащих, сколько является насущным вопросом представителя нанимателя, поскольку в глобальном масштабе профессиональное выгорание является одной из причин кадрового голода, поэтому он как никто другой заинтересован в снижении стрессового состояния своих работников. В связи со сказанным предлагаем также и ряд мер, принимаемых со стороны работодателя:

- равномерное распределение рабочих задач внутри коллектива;
- оснащение не только рабочими местами, но и местами отдыха;
- организация и проведение коллективных мероприятий, направленных на установление доброжелательной обстановки в коллективе;
- совершенствование уровня мотивации сотрудников;
- проведение на регулярной основе оценки эмоционального и психологического состояния муниципальных служащих;

– учреждение системы обучения муниципальных служащих, чтоб они могли обмениваться опытом и повышать уровень своей компетенции [4].

В контексте настоящего исследования отдельный интерес представляет анализ способов снижения профессионального выгорания в зависимости от пола работника. Для женщин-муниципальных служащих, по нашему мнению, видится наиболее эффективным следующий механизм предотвращения и предупреждения профессионального выгорания.

Во-первых, занятия спортом, а именно карате. Для лиц, чья работа связана с сидячим образом, а также постоянным контактом с компьютерной техникой и посетителями, значение физической активности увеличивается кратно. Отсутствие физической активности напрямую воздействует на следующие показатели: ухудшение мыслительной деятельности и выполнения задач, требующих умственной активности; повышение перенапряжения, возникновение ощущения эмоционального опустошения; падение уровня эффективности выполняемых трудовых функций, а также возникновение эмоциональных срывов.

Отсутствие физической активности у женщин напрямую воздействует на повышение уровня кортизола, а также снижение выработки эндорфинов, а это напрямую оказывает влияние на общее состояние и работоспособность. Занятие спортом оказывает плодотворное воздействие на улучшение эмоционального фона, увеличение гормонов радости. Такие виды спорта, как карате, помогают «убить» сразу нескольких зайцев: во-первых, это физическая активность, так необходимая офисным работникам, во-вторых, это выработка новых навыков, в частности самообороны. Восточные практики боевых искусств играют не последнюю роль в гармонизации состояния ума и тела. Кроме того, плодотворно влияют и на улучшение фигуры, поскольку наблюдается снижение веса и жировой массы, а также улучшение опорно-двигательных функций организма. При правильном подходе к выполнению упражнений карате женщины получают удовлетворенность общим состоянием организма, сбрасывают стресс и напряжение, накопившиеся после трудного рабочего дня.

Эффективность карате для женщин-муниципальных служащих повышается при формировании занятий в группах, женских группах, поскольку сила удара и уровень в группах женщин примерно одинаковая, кроме того, на таких занятиях нет места стеснению перед мужчинами [7]. Женщина является более эмоциональной по сравнению с мужчиной, а занятия карате позволяют развить самодисциплину, возможность противодействовать слабостям, брать свои эмоции под контроль. Следовательно, занятия карате для женщин-муниципальных служащих выступают перспективным занятием в снижении уровня стресса и профессионального выгорания, профилактике заболеваемости, но при должном уровне подготовки, соблюдения правил безопасности. Во-вторых, среди навыков саморегуляции для женщин-муниципальных служащих в целях снижения профессионального выгорания видятся перспективными простейшие, казалось бы, житейские действия: здоровый, крепкий сон, не менее 8 часов в сутки; вкусная еда; прогулки на свежем воздухе; баня или массаж; дыхательные практики; рисование, шитье и тому подобное хобби. Если занятия спортом в условиях сельской жизни сложно реализуемы в силу необходимости применения различного инвентаря, то способы в рамках второго пункта вполне возможно осуществить. В-третьих, для женщин-работников особенно актуален поиск эффективных способов разрешения конфликтных ситуаций, что напрямую воздействует на уровень профессионального выгорания. Выбор способов в данном случае зависит от необходимости проведения групповых или индивидуальных методов разрешения конфликтных ситуаций.

Для мужчин также важны свои подходы в решении вопроса о снижении уровня стресса на рабочем месте. Поскольку мужчины, в отличие от женщин на первое место ставят информацию, а не коммуникацию, а в коллективе муниципальных служащих муниципального образования «Куйтунский район» количество женщин превалирует, а, следовательно, уровень необходимости коммуницировать повышен, что ставит мужчин-муниципальных служащих в рискованное положение. В связи с этим, во-первых, полагаем целесообразным применять способы формирования задач в коллективе с таким распределением, чтоб мужчинам-сотрудникам удавалось меньше коммуницировать или давать перерывы на отдых от общения

с другими людьми. Во-вторых, эффективным является создание мест отдыха для работников, где они могут спокойно принять пищу, отключиться от рабочих задач, побыть в тишине. В-третьих, в силу того, что мужчины гораздо собраннее и сдержаннее женщин, для снижения уровня эмоционального и профессионального выгорания для них эффективно установление четкого режима рабочего дня с конкретной постановкой задач. Мужчинам-муниципальным служащим гораздо проще справляться со стрессом, если они знают объем задач, как минимум, на рабочий день, для них важно планирование и четкое следование поставленному плану, а его выполнение дает чувство удовлетворенности собственной значимостью.

Как для мужчин, так и для женщин – муниципальных служащих, важно выполнение трудовой функции, а, следовательно, важную роль играет повышение профессиональных навыков. Вне зависимости от гендерной принадлежности в целях профилактики профессионального выгорания, а также снижения уровня уже имеющихся признаков важно придерживаться ряда правил:

1. Работа – не единственное занятие в жизни, это не центр Вселенной, важно расставление приоритетов и занятие различными видами деятельности.
2. Забота о физическом и ментальном здоровье.
3. Развитие коммуникативных навыков, а также методик разрешения конфликта с минимальными потерями.
4. Занятие делами, которые повышают самооценку.
5. Повышение уровня профессиональных компетенций.
6. Обладание навыками быстрого нивелирования стресса (дыхательные, медитативные практики).
7. Работа с эмоциями (умение проживать, а не подавлять их).
8. Развитие оптимистичного мышления.

Таким образом, при характеристике способов снижения уровня и профилактики профессионального выгорания наиболее эффективными в исследуемой ситуации являются приемы осознанной саморегуляции, заключающиеся в четком ранжировании краткосрочных и долгосрочных задач, применении перерывов в работе (не только в связи с использованием компьютеров), профессиональном самосовершенствовании (конференции, обмен опытом и т. п.), снижении уровня значимости необоснованной конкуренции внутри коллектива, применении двигательной активности (занятия спортом).

Литература

1. Ардашев Р. Г. Имидж муниципальных служащих в СМИ (на примере Ангарского городского округа) // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2021. С. 335–343.
2. Ардашев Р. Г. Особенности восприятия имиджа муниципальных служащих // Социология. 2021. № 1. С. 75–92.
3. Журавлева И. А. «Управление знаниями» как эффективная технология кадровой деятельности в государственном и муниципальном управлении // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 310–315.
4. Полюшкевич О. А. Клиентоцентричный подход в государственном и муниципальном управлении как креативная стратегия развития органов власти // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2024. С. 254–258.
5. Полюшкевич О. А. Место личной реализации в системе цифровой культуры государственного и муниципального служащего // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полюшкевич, В. Ю. Митусова. 2020. С. 169–172.
6. Полюшкевич О. А. Особенности корпоративной культуры государственных служащих // Социология. 2023. № 5. С. 134–140.
7. Полюшкевич О. А., Абдрашитова О. А. Особенности нематериальной мотивация государственных гражданских служащих в Иркутской области // Социология. 2022. № 3. С. 100–108.

РОЛЬ ПАРТИИ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ⁴⁰

Освещается проблема взаимодействия партий и местного самоуправления в России. Представлен анализ влияния партий на институт местного самоуправления в различные исторические промежутки. Рассматривается взаимодействие партии и муниципалитета на примере партии «Справедливая Россия».

Ключевые слова: политические партии, местное самоуправление, управленческая деятельность, политическая система, политический плюрализм, партийная борьба.

S. Yu. Orlova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF THE PARTY IN LOCAL GOVERNMENT

This scientific article covers the problem of interaction between parties and local government in Russia. It also presents an analysis of the influence of parties on the institution of local government in various historical periods. In addition, the interaction between the party and the municipality is considered using the example of the party "Fair Russia".

Keywords: political parties, local government, management activities, political system, political pluralism, party struggle.

На сегодняшний день уровень эффективности местного самоуправления является одним из критериев развития и демократичности государства. В современной России для обеспечения эффективности и стабильности в политической сфере необходимо высокоразвитое местное самоуправление. Проблемы формирования местного самоуправления опираются на незнание населения о возможностях и технологиях реализации своих прав в вопросах местного самоуправления и недоверии органам власти в целом. Поэтому, политические партии могут стать механизмом просвещения населения и помощи в организации процессов местного самоуправления и укрепления институтов гражданского общества в целом.

Из всех уровней власти, существующих в РФ, местный уровень является ближайшим к населению, что позволяет осуществлять один из главных принципов демократии – участие народа в принятии управленческих решений в вопросах местного самоуправления. Социальные угрозы могут стать основным ударом для развития гражданского общества и стабильного социального воспроизводства в целом [3]. К сожалению, в современной России местное самоуправление имеет недостаточный уровень развития легитимации, из за чего неспособно полноценно осуществлять управление в социальной, культурной и экономической сферах. Для улучшения ситуации в данной сфере, власть РФ создаёт и инициирует всевозможные преобразования, направленные на повышение эффективности организации местного самоуправления. Одним из таких преобразований является получение партиями возможности, принимать участие в формировании представительного органа местного самоуправления, являющегося наиважнейшим элементом местной власти. Вследствие чего одним из важнейших значений являются взаимоотношения между партиями и местным самоуправлением.

Институт муниципальной власти является для партий важной, но не простой ступенью осуществления заявлений их программы во время и после предвыборной кампании, из за чего формирование представительного органа нижнего звена управления, всегда обращало на себя внимание партий. Для понимания роли политической партии в местном самоуправлении сегодня, необходимо понять, как партии влияли на становление местного самоуправления. Анализируя исторический период с 1917 по 2009 г. политическая система России подвергалась многократным и фундаментальным изменениям: компетенции формы и права местного самоуправления корректировались преобразались и модифицировались, упразднялись и вновь возрождались исполнительные и представительные органы муниципальной власти и т. п. Стоит обратить внимание, что законодательно закреплённые полномочия мест-

⁴⁰ Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент О. А. Полошкевич.

ного самоуправления приходилось исполнять в условиях отсутствия: достаточного финансирования территории, должного контроля за подбором и обучением кадров муниципальной службы, высококвалифицированного влияния на принятие решений в области муниципальной политики.

Во время революции 1917 г. в СМИ публиковались заявления партий об участии их в земстве, что означала создание в нём партийных фракций тягивание местные органы власти в политическую борьбу. В мае этого же года во время обсуждения выборов в Учредительное собрание, вышестоящими органами была отмечена опасность в пропорциональной избирательной системе: «несколько сот тысяч граждан, сгруппировавшихся в партийные организации, подчинят своей воле многомиллионное население страны, страны, преимущественно беспартийной, и страна окажется во власти партийной бюрократии» [2]. Появление в земстве партийных фракций пагубно сказалось на политической ситуации в стране вместо того, чтобы улучшать эффективность организации управления территорией и заботиться о создании достойной жизни населения, депутаты муниципалитетов были заняты лишь политическими дебатами, тем самым оставив население в «политической яме». В организации местной власти России, из-за сложившейся ситуации наблюдалось противостояние Советов и земств в следствии чего у государства наблюдалась тенденция двойственности пути развития: С одной стороны, развитие основанное на традиционных ценностях, самодержавии и демократизме, с другой, централизация власти в руках партий над беспартийным населением, ущемление населения в представительских правах, что приводит к диктатуре и тоталитаризму правящей партии. Данная ситуация практически не изменялась до 1991 г., но после распада СССР и кардинальных изменений в стране Президентом РФ в октябре 1993 г. был издан Указ «О реформе местного самоуправления в РФ», согласно нему были упразднены Советы народных депутатов, а управление муниципалитетами теперь осуществляли администрации субъекта. Именно после издания данного указа муниципалитеты, подчиняясь Президенту РФ, стали интегрироваться в исполнительную вертикаль государства, что, по сути, противоречит Конституции РФ, ведь согласно ей муниципальная власть отделена от государственной. После издания данного Указа были изданы, и продолжают издаваться по сей день множество поправок к законам о партиях и о муниципалитетах, что свидетельствует о неудовлетворённости общественности взаимодействием института муниципального самоуправления и политических партий [4].

Одной из ключевых причин данного аспекта К. А. Антипьев выделяет изменение системы выбора представительного органа, а именно переход от мажоритарной избирательной системы к пропорциональной [1]. То есть граждане выбирают не конкретного кандидата – личность, а абстрактный партийный список, в следствии чего граждане не знают за кого они голосуют, а депутаты не знают тех, перед кем несут ответственность за представление их интересов.

Пропорциональная избирательная система отрицательно влияет институт муниципального управления в РФ. Во-первых, лидеры общественного мнения муниципалитета, зачастую считают членство в партии ненужным так как им хочется заручится поддержкой единомышленников за счёт профессиональных и личностных качество, а не за счёт членства партии. В данной ситуации они вынуждены вступать в партии, через местные отделения, в роли кандидатов по партийным спискам, при этом будучи плохо осведомлёнными или несведомлёнными вовсе об идеологии и программе партии т. к. их целью является место в партийном списке. Данное явление объясняется высоким недоверием населения к партийной системе. По данным опроса ВЦИОМ в 2024 г. индекс доверия к парламентским партиям снизился (табл.).

Индекс доверия к парламентским партиям в РФ

Название партии	Индекс доверия, в
Единая Россия	44
КПРФ	8,4
ЛДПР	8,3
Новые люди	7,3
Справедливая Россия	3,4

Во-вторых, население муниципалитетов больше волнуют вопросы хозяйственного, социально-культурного и финансового характера, нежели политического. Местное сообщество волнуют вопросы состояния инфраструктуры, нехватка мест в образовательных учреждениях, рост цен, обустройство общественного пространства прочие важные вопросы. Нет никакой разницы, от какой партии депутат, занимающийся данным вопросом. В одних и тех же финансовых и законодательных условиях, пути решения не будут кардинально отличаться.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что до тех пор, пока на муниципальном уровне выборы органа представительной власти будут осуществляется по пропорциональной, а не по мажоритарной избирательной системе, население муниципалитетов, по сути, не будет реализовывать свои права на участие в управление и решение вопросов местного значения в полной мере. Тенденция постоянного уменьшения явки населения муниципалитетов на выборы подтверждает отсутствие права людей представление их интересов. Однако стоит отметить, что есть партии выступающие за отмену пропорциональной системы и переход к мажоритарной. Например, партия Справедливая Россия является представителем консервативного идеологического направления, деятельность которой основанная на таких идеях как: помощь социально-незащищенным слоям населения, защита трудовых прав граждан, усиление социально-культурной поддержке населения и т. д. В разных регионах ее роль и место отличается в зависимости от политической ситуации.

Основными принципами партии «Справедливая Россия» выступают следующие положения:

- представительство интересов (социальная защита граждан и социальная справедливость на местном уровне);
- участие в выборах (на разных уровнях власти: от муниципальных советов до региональных законодательных собраний);
- работа с местными сообществами (непосредственное взаимодействие с местным обществом, чтобы быть в курсе местных проблем и оперативно формировать повестку дня);
- законодательная инициатива (инициируют законопроекты и поправки на уровне местного самоуправления с целью улучшения уровня и качества жизни населения);
- критика власти (в результате освещения инициативных расследований коррупции, неэффективности управления, расходования бюджетных средств, недостатка социальных программ и т. д.);
- социальные инициативы (реализует инициированные самой партией социальные инициативы на местах в виде поддержки многодетных семей, инвалидов, реабилитации лиц после специальной военной операции и проч.);
- межпартийное сотрудничество с представителями других партий для решения социальных проблем населения;
- образование и просвещение населения (информирование населения о своих правах и обязанностях, консультации населения при нарушении их прав, консультации при организации процессов местного самоуправления и самоорганизации граждан).

В своей программе по поддержке развития местного самоуправления внесла предложения про переход на мажоритарную систему выборов, а также развитие территориально общественного самоуправления, данный орган будет не совещательным при администрации муниципалитета, а самостоятельным выборным органом со своими правами обязанностями и ответственностью перед гражданами.

Таким образом, для решения всех вышеперечисленных проблем взаимодействия института муниципального самоуправления и партий, партиям необходима самостоятельность в работе с избирателями, в отборе активных лидеров общественного мнения способных работать в партии, иными словами партии должны самостоятельно занимать своё место в муниципалитете, лишь тогда это будут по-настоящему общероссийские партии, способные защищать и отстаивать права населения нашей страны, тем самым реализовывая в России представительную демократию. Местное самоуправление выступает одним из рычагов становления гражданского общества. Работа политических партий в формировании местного самоуправления может стать опорой для развития институтов гражданского общества, большей инициативе и ответственности граждан за свое будущее.

Литература

1. Антипов К. А. Роль политических партий в формировании представительных органов местного самоуправления // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2012. № 2. С. 30–36.
2. Подъячев К. В. К вопросу о роли политических партий в системе государственного и муниципального управления в регионах России // Власть. 2014. № 10. С. 129–134.
3. Полощкевич О. А. Социальные угрозы при реализации просоциальных практик // Методология предотвращения угроз в XXI веке: сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 84–87.
4. Шапошникова Е. А. Включение населения в решение проблем местного сообщества через политические партии // Постсоветский материк. 2024. № 1 (41). С. 16–24.

УДК 365

Т. А. Причислых

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ДОСТУПНОСТЬ ЖИЛИЩНЫХ ЛЬГОТНЫХ ПРОГРАММ МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МНЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ⁴¹

Рассматривается обеспечение молодежи жильем в историческом контексте, реализация государственных программ по поддержке молодежи, а также трудности, возникающие при покупке жилья, основываясь на мнениях экспертов.

Ключевые слова: эксперт, молодежь, государственная поддержка, социологические исследования.

T. A. Prichislykh

Irkutsk State University, Irkutsk

ACCESSIBILITY OF HOUSING BENEFIT PROGRAMS FOR YOUNG PEOPLE IN THE RUSSIAN FEDERATION: EXPERT OPINION

The article examines the provision of housing for young people in a historical context, the implementation of government programs to support youth, as well as the difficulties encountered in buying housing, based on the opinions of experts.

Keywords: expert, benefits, young families, large families.

Государственное регулирование играет важную роль в обеспечении молодежи жильем, особенно в условиях экономической нестабильности. Эффективные меры поддержки помогают смягчить негативные последствия, возникающие на рынке. Государство выступает

⁴¹ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных.

основным гарантом жилищных прав молодежи, регулируя рынок недвижимости, предоставляя субсидии и разрабатывая специальные ипотечные программы для молодых семей.

Одним из ключевых инструментов является строительство доступного жилья. Государственные программы в различных странах включали в себя возведение социального жилья, общежитий для молодых специалистов и квартир с субсидиями. В СССР, например, активно строились «хрущёвки», что позволило многим молодым семьям получить собственное жильё. В современных условиях развитие социального строительства продолжает оставаться важной составляющей жилищной политики многих стран, однако нехватка бюджетных средств и коммерциализация рынка недвижимости усложняют этот процесс.

Государство предоставляет помощь, субсидии и льготы, но в условиях трансформаций ипотечные ставки увеличиваются. Однако в периоды экономического кризиса банки усиливают требования к заемщикам, что делает ипотеку менее доступной, а государство не всегда в состоянии обеспечить необходимый уровень субсидирования таких программ [1]. Таким образом, доступность жилья для молодежи зависит от комплекса экономических, социальных и государственных факторов. В условиях кризиса данная проблема становится еще более актуальной, что требует активного участия государства и разработки действенных стратегий поддержки. Поэтому молодое поколение по-прежнему относится к той категории населения, которая наиболее остро нуждается в собственном жилье и без мер поддержки со стороны государства и других структур, разрешение этой ситуации затруднительно.

Далее рассмотрим роль социологических исследований в рамках данной темы в историческом аспекте. Исследования выступают главным аспектом в анализе проблем общественного мнения по проблеме жилья для молодежи. Особенно в периоды кризисов, когда жилищная политика является первоочередной проблемой в перечне общественных тем для обсуждений.

Социологические исследования XIX в., проводимые Ф. Энгельсом и К. Марксом сосредотачивали внимание на качестве жизни рабочих, в городских локациях, особенно выделяли тему трупоб. Исследования XIX в. указывали на связь между дефицитом достойного жилья и негативными социальными явлениями. Следствием наблюдений явилось создание первых государственных инициатив, направленных на улучшение условий жизни и социальной защиты граждан [3]. Мнения экспертов о доступности жилья часто меняются в зависимости от экономической ситуации, и в кризисные времена особенно важно анализировать существующие проблемы и искать пути их решения.

Далее рассмотрим взгляды экспертов. Эксперты фонда «Институт экономики города» отмечают снижение доступности жилья в России за последние четыре года, особенно в крупных городах, где рост цен на жилье опережал рост доходов населения [4]. Также эксперты выделяют следующие проблемы, связанные с доступностью социальных льгот для молодых семей:

1. Критерии отбора. Многие льготы доступны только семьям, отвечающим определенным требованиям (например, возраст, доход, состав семьи);
2. Бюрократические барьеры. Получение льгот требует сбора многочисленных документов и прохождения длительной процедуры;
3. Коррупция. В некоторых случаях семьи сталкиваются с коррупцией при получении льгот;
4. Ограниченные возможности. Льготы часто предоставляются в ограниченном объеме или на определенный период времени.

М. А. Гольдберг – руководитель аналитического центра «ДОМ.РФ», отмечает следующее: условия для получения ипотечного кредита остаются затруднены, что в значительной степени уменьшает спрос населения на жилье. В свою же очередь спрос на льготные программы является недостаточным для строительства новых жилых помещений [5].

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что доступность социальных льгот для молодых семей в Российской Федерации неоднозначна. Есть положительные сдвиги в предоставлении льгот, но существуют и ограничения, препятствующие их полному использованию. Эксперты призывают к упрощению процедур получения льгот, расширению их доступности и устранению коррупции.

Литература

1. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. М.: Политиздат, 1955.
2. Алексикова О. Е. Исторический опыт становления и развития права на жилище в Российском государстве // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-opyt-stanovleniya-i-razvitiya-prava-na-zhilishe-v-rossiyskom-gosudarstve> (дата обращения: 18.05.2025).
3. Березина Е. Л., Симонова Л. М. показатель доступности жилья как инструмент оценки степени удовлетворенности потребности населения в жилье: региональный аспект // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9450> (дата обращения: 18.05.2025).
4. Аналитики отметили снижение доступности жилья в России // URA.ru. URL: <https://ura.news/news/1052768889> (дата обращения: 18.05.2025).
5. Дефицит жилья возникнет в 2027–2028 годах // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/economics/2025-04-16/1_9236_deficit.html (дата обращения: 18.05.2025).

УДК 35:004

Е. А. Пушка

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И СМИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Рассматриваются ключевые тенденции и перспективы развития цифровой трансформации взаимодействия органов государственной власти и средств массовой информации (СМИ). Анализируются изменения, происходящие в структуре и формах взаимодействия в условиях активного внедрения цифровых технологий. Особое внимание уделяется влиянию цифровизации на повышение эффективности коммуникаций, обеспечение прозрачности и открытости деятельности органов власти, а также на формирование общественного мнения. Проводится сравнение опыта различных регионов России (на примере Иркутской области) и других стран в области цифрового взаимодействия власти и СМИ. Оценивается роль различных поколений в освоении новых технологий и формировании информационного пространства. Обозначены основные вызовы и перспективы дальнейшего развития.

Ключевые слова: цифровая трансформация, органы государственной власти, средства массовой информации (СМИ), взаимодействие, открытость, прозрачность, регионы России, поколение, перспективы развития.

E. A. Pushka

Irkutsk State University, Irkutsk

DIGITAL TRANSFORMATION OF INTERACTION BETWEEN PUBLIC AUTHORITIES AND THE MEDIA: TRENDS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

The article examines key trends and prospects for the development of digital transformation of interaction between government authorities and the mass media. The article analyzes the changes taking place in the structure and forms of interaction in the context of the active introduction of digital technologies. Special attention is paid to the impact of digitalization on improving the effectiveness of communications, ensuring transparency and openness of government activities, as well as shaping public opinion. The experience of different regions of Russia (using the example of the Irkutsk region) and other countries in the field of digital interaction between government and the media is compared. The role of different generations in the development of new technologies and the formation of the information space is assessed. The main challenges and prospects for further development are outlined.

Keywords: digital transformation, public authorities, mass media, interaction, openness, transparency, regions of Russia, generation, development prospects.

В современном мире, когда пиксели и алгоритмы пронизывают каждый аспект нашей реальности, взаимодействие между государством и обществом претерпевает кардинальные изменения. Всеобщая цифровизация подобна потоку, несущему на себе как новые возможности, так и неожиданные препятствия. Именно в этом потоке нас интересует, как органы власти выстраивают свои отношения с теми, кто формирует общественное мнение – средствами массовой коммуникации. Мы хотим понять, как меняется взаимодействие, когда вместо привычных каналов возникают новые, цифровые. Волнуют не только сами способы и инстру-

менты этого цифрового взаимодействия, но и то, каковы последствия этих изменений для общества, для доступа к информации и для самого механизма управления.

Традиционные формы взаимодействия органов власти и СМИ, такие как пресс-конференции, брифинги и официальные заявления, постепенно дополняются и трансформируются под влиянием цифровых технологий. Органы власти активно используют социальные сети, мессенджеры и онлайн-платформы для прямой коммуникации с гражданами, минуя традиционные каналы СМИ. Такое прямое взаимодействие позволяет оперативно реагировать на запросы населения, получать обратную связь и формировать общественное мнение [1]. В то же время, возрастает роль СМИ в проверке достоверности информации, распространяемой органами власти в цифровом пространстве, и в обеспечении сбалансированного освещения событий.

Важным аспектом цифровой трансформации является влияние различных поколений на формирование информационного пространства. Поколение «цифровых аборигенов» (родившиеся после 1990-х гг.) привыкло получать информацию из социальных сетей и онлайн-изданий, в то время как более старшее поколение предпочитает традиционные СМИ, такие как телевидение и печатные издания. Органами власти и СМИ необходимо учитывать эти различия при разработке коммуникационных стратегий, используя разные каналы и форматы для охвата широкой аудитории. В частности, необходимо учитывать различия в отношении к информации и доверии к различным источникам [2].

В России процессы цифровой трансформации взаимодействия власти и СМИ протекают неравномерно. В более развитых регионах, таких как Москва и Санкт-Петербург, органы власти активно используют современные цифровые платформы для коммуникации с гражданами с СМИ, а также внедряют систему электронного документооборота и управления данными. В менее развитых регионах, таких как Республика Тыва, внедрение цифровых технологий происходит медленнее из-за ограниченных ресурсов и недостаточной цифровой грамотности населения.

Рассмотрим для примера Иркутскую область. В регионе активно развивается сеть интернет-порталов, предоставляющих информацию о деятельности органов власти, а также используются социальные сети для коммуникации с гражданами. Однако в отдаленных районах области, где доступ к интернету ограничен, традиционные СМИ остаются важным каналом распространения информации. Сравнение с более технологически продвинутыми регионами показывает необходимость адресного подхода к цифровой трансформации, учитывающего специфику каждого региона и уровень цифровой грамотности населения.

Опыт других стран также представляет интерес для анализа тенденций и перспектив развития цифровой трансформации взаимодействия органов власти и СМИ. Цифровая трансформация взаимодействия власти и СМИ, как демонстрируют примеры стран Северной Европы (Финляндия и Дания) с их активным внедрением цифровых платформ, вовлекающих граждан в принятие решений, и США с Великобританией, развивающими системы онлайн-мониторинга, представляет собой сложный многогранный процесс, открывающий новые возможности, но одновременно ставящий и серьезные вызовы. При этом, важно помнить о необходимости адаптации зарубежного опыта к национальным особенностям.

Ключевые вызовы включают обеспечение информационной безопасности и защиту от киберугроз, что требует разработки надежных систем защиты информации; борьбу с распространением дезинформации, где на средства массовой информации возлагается роль верификаторов, использующих профессиональные инструменты журналистских расследований и фактчекинга, и разработку правовых механизмов, обеспечивающих баланс между свободой слова и защитой от злоупотреблений [3]; преодоление цифрового неравенства путем обеспечения равного доступа граждан к информации, повышения цифровой грамотности и обеспечения доступа к сети Интернет, включая отдельные регионы.

Перспективным направлением является применение технологий искусственного интеллекта и машинного обучения для автоматизации рутинных задач, анализа больших данных, выявления трендов и прогнозирования потенциальных кризисных ситуаций, однако

необходимо учитывать этические аспекты применения данных технологий и обеспечить контроль над алгоритмами, чтобы избежать дискриминации и предвзятости, а также соблюдать цифровые права и обеспечивать защиту персональных данных [4].

Успешная реализация цифровой трансформации позволит повысить эффективность коммуникации, обеспечить прозрачность деятельности органов власти и повысить доверие граждан, но только при условии решения перечисленных вызовов, обеспечении информационной безопасности, борьбе с распространением фейковых новостей и гарантии равного доступа граждан к информации.

Литература

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000.
2. Дзялошинский И. М. Медиапространство России: коммуникативные стратегии и социальные практики. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2013.
3. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р (ред. от 15.02.2024).
4. Адигезалова Г. Э., Черномирз Ю. Н. Цифровые права и цифровое право: от общего к частному // Форум молодых ученых. 2018. № 4 (20). С. 64–70.
5. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика-XXI, 2005.

УДК 338.482.2(571.53)

Е. А. Рахуба

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В АСПЕКТЕ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА: ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ⁴²

Рассматриваются ключевые проблемы сохранения культурного и исторического наследия в контексте актуальных тенденций внутреннего туризма в России. Исследование основано на экспертных мнениях и анализе государственных программ, направленных на популяризацию культурных объектов и улучшение доступности туристических направлений. Подчеркивается важность культурных и природных ресурсов как ключевых факторов, формирующих привлекательность туристических направлений. Раскрыта важность культурного наследия как основы устойчивого развития внутреннего туризма в России (на примере Иркутской области).

Ключевые слова: внутренний туризм, культура, культурно-историческое наследие, регион, популяризация объектов культурного наследия, экспертный анализ.

E. A. Rakhuba

Irkutsk State University, Irkutsk

PROBLEMS OF PRESERVING CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE IN THE CONTEXT OF PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC TOURISM: EXPERT ANALYSIS

The paper examines key issues of preserving cultural and historical heritage in the context of current trends in domestic tourism in Russia. The study is based on expert opinions and analysis of government programs aimed at popularizing cultural sites and improving the accessibility of tourist destinations. The importance of cultural and natural resources as key factors shaping the attractiveness of tourist destinations is emphasized. The importance of cultural heritage as a basis for sustainable development of domestic tourism in Russia is revealed (using the example of the Irkutsk Region).

Keywords: domestic tourism, culture, cultural and historical heritage, region, popularization of cultural heritage sites, expert analysis.

⁴² Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабелных.

В последние годы внутренний туризм становится все более значимым в контексте глобальных изменений, связанных с мировой повесткой. Вследствие возрастающего напряжения в сфере мировой политики, россияне столкнулись со сложностями выезда за и посещения других стран, поэтому уровень популярности внутреннего туризма в России заметно возрастает. Согласно данным исследования ВЦИОМ от 14 сентября 2024 г. «Как я провел лето-2024», 24 % россиян отдыхали в других регионах России, однако пронаблюдав этот показатель в динамике с 2018 г., можем сделать вывод, что это число только растет с каждым годом [4]. В этом свете внутренний туризм приобретает особую ценность, открывая новые горизонты для исследования и осознания культурного богатства своей страны и ее исторического наследия. Иркутская область с её уникальными природными и культурными ресурсами открывает широкие возможности для развития внутреннего туризма, что в свою очередь может способствовать сохранению и восстановлению исторических памятников, традиционных ремесел и культурных практик.

Чтобы полностью оценить проблематику, обратимся к работам, посвященным внутреннему туризму в Российской Федерации. Можем обратиться к работам И. Ф. Игнатьевой и Б. А. Исаева, которые рассматривают управление туристической сферой через призму социологии туризма [1]. Одной из недавних работ можем отметить работу А. А. Попковой и Третьяковой О. В. «Развитие внутреннего туризма в России: социальный аспект» [2]. Также в работах А. Н. Русина, О. В. Карпычева, Е. А. Якимова, Д. А. Лихман, которые писали о развитии внутреннего туризма в России в условиях современных реалиях [3].

В этой работе были применены как теоретические, так и социологические методы исследования. К теоретическим методам можно отнести анализ научной литературы, который позволил выявить ключевые теории и концепции по рассматриваемой теме. Это помогло оценить уровень научной разработанности проблемы и методологические аспекты исследования. Также использовались доступные автору знания по данной проблеме, что способствовало обобщению полученных результатов.

Практическая реализация поставленных задач выражена в применении таких методов социологического исследования, как статистический анализ данных, анализ документов, вторичный анализ материалов социологических исследований, анализ сайтов и проведение вторичного анализа баз данных, предоставленных ВЦИОМ, по темам «Как я провел лето-2024» [5] и «Отдых в России: вчера и сегодня» [7], проведенное ВЦИОМ. Было проведено исследование по теме «Исследование летних планов населения Российской Федерации» [6]. Также существует Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства», запущенный в 2019 г., который направлен на развитие туристической инфраструктуры, улучшение качества услуг и увеличение туристического потока внутри страны. В рамках проекта предусмотрены меры по субсидированию туристических маршрутов и поддержке региональных инициатив [4].

С 5 по 10 апреля 2025 г. на базе социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ИГУ нами был проведен экспертный опрос «Влияние внутреннего туризма на сохранение культурно-исторического наследия Иркутской области». Исследование проводилось с целью выявления мнения экспертов Иркутской области по вопросам основных факторов и степени влияния внутреннего туризма на сохранение культурно-исторического наследия Иркутской области.

Экспертам были заданы вопросы, связанные с развитием внутреннего туризма в Иркутской области, анализом тенденций сохранности и популяризации объектов культурного и исторического наследия Иркутской области. Согласно распределению ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, степень удовлетворительности мер по популяризации объектов культурного наследия, находящихся в собственности Иркутской области» (табл. 1), большинство экспертов (60,0 %) оценивают степень удовлетворительности мер по популяризации культурного наследия нашего региона на 3, 40,0 % экспертов оценили на 4. Таким образом, эксперты находят уровень популяризации объектов культурного наследия весьма средним, что свидетельствует о не интенсивной поддержке культурной сферы в Иркутской области.

Таблица 1

Оценка экспертами степени удовлетворительности мер по популяризации объектов культурного наследия, находящихся в собственности Иркутской области

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	5 – полностью удовлетворен	0	0,0
2	4	2	40,0
3	3	3	60,0
4	2	0	0,0
5	1 – совсем неудовлетворен	0	0,0
	Всего	5	100,0

Мы видим, что эксперты находят уровень популяризации объектов культурного наследия весьма средним, что свидетельствует о не интенсивной поддержки культурной сферы в Иркутской области.

Также эксперты поделились мнением о внутреннем туризме. Мнения разделились: 40,0 % дали скорее положительный ответ о доступности внутреннего туризма, 20,0 % полностью разделяют тезис, 20,0 % ответили «скорее нет, чем да», 20,0 % совсем не согласны с данным утверждением (табл. 2). Из этого следует, что мы не можем с уверенностью говорить об полной эффективности программ по повышению доступности путешествий внутри России. Недоступность внутреннего туризма в совокупности со сложностью путешествий за границу могут привести к полной не мобильности населения. Финансовый вопрос путешествий даже внутри страны стоит в обществе весьма остро.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Разделяете ли Вы тезис о том, что за последние пару лет внутренний туризм стал доступнее?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в
1	Да, разделяю	1	20,0
2	Скорее да, чем нет	2	40,0
3	Скорее нет, чем да	1	20,0
4	Нет, не разделяю	1	20,0
5	Затрудняюсь ответить	0	0,0
	Всего	5	100,0

Согласно мнению экспертов, отвечающих на вопрос «По Вашему мнению, что привлекает россиян в первую очередь, когда выбирают область/город для посещения?», в приоритете для россиян природные ресурсы и наличие культурно-исторических объектов – также считают 80,0 % экспертов. Также 60,0 % экспертов говорят о туристическом развитии региона и архитектуре. «Наличие санатория, либо других медицинских услуг» и «проживание родственников или друзей» отметили 20,0 % экспертов (рис.). Таким образом, эксперты подчеркивают важность культурной составляющей для населения России.

В заключение обратимся к анализу полученных данных и сделаем некоторые выводы. Популяризация культурного наследия в Иркутской области находится на среднем уровне. Это свидетельствует о том, что существующие меры и инициативы недостаточно эффективны для привлечения широкого внимания к культурным объектам региона. Следовательно, требуется усиление поддержки и развитие программ, направленных на сохранение и продвижение культурного наследия, чтобы повысить интерес как среди местного населения, так и среди туристов.

Рис. Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, что привлекает россиян в первую очередь, когда выбирают область/город для посещения?»

Согласно полученным результатам исследования, по мнению экспертов, факторами, влияющими на выбор туристических направлений, можно назвать природные ресурсы региона и наличие культурно-исторические объекты. Таким образом, мы можем подчеркнуть значимость культурного наследия для регионов нашей страны, особенно в контексте туристической отрасли. Приоритетом в стратегии развития внутреннего туризма должны стать сохранение и восстановление природных ресурсов и реставрации памятников культурного наследия. В связи с этим появляется необходимость усиления стратегий по популяризации культурного наследия регионов, это поспособствует привлекательности для туристов России. Необходим пересмотр государственных программ, направленных на сохранение культурного наследия.

Литература

1. Игнатьева И. Ф., Исаев Б. А., Воронцов А. В. Социология туризма: становление и роль в управлении туристской сферой // Вопросы управления. 2023. № 4 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologiya-turizma-stanovlenie-i-rol-v-upravlenii-turistskoj-sferoy> (дата обращения: 18.01.2025).
2. Попкова А. А., Третьякова О. В. Развитие внутреннего туризма в России: региональный аспект // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2025. № 1. С. 76–88.
3. Русина А. Н., Карпычева О. В., Якимова Е. А., Лихман Д. А. Перспективы развития внутреннего туризма в современных условиях // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11, № 10. С. 2343–2356.
4. Распоряжение Правительства РФ «Стратегия развития туризма в России до 2035 года» от 20 сентября 2019 г. № 2129-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/FjJ74rYOaVA4yzPAshEulYxmWSpB4lrM.pdf> (дата обращения: 17.01.2025).
5. Результаты исследования «Как я провел лето-2024» // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kak-ja-provel-leto-2024> (дата обращения: 18.01.2025).
6. Результаты исследования «Летние планы россиян – 2023: запросы, ожидания, направления» // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/letnie-plany-rossijan-2023-zaprosy-ozhidaniya-napravleniya> (дата обращения: 18.01.2025).
7. Результаты исследования «Отдых в России: вчера и сегодня» // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otdykh-v-rossii-vchera-i-ssegodnja> (дата обращения: 18.01.2025).

ЭТИКА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЭКСПЕРТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ⁴³

Рассматриваются актуальные вопросы профессиональной этики и ответственности экспертов в современных условиях. Акцентируется внимание на возрастание роли экспертных заключений в формировании общественного мнения и механизмов принятия управленческих решений. Особое внимание уделяется проблемам предвзятости, конфликта интересов, распространения дезинформации и манипуляции сознанием. Доказано, что даже сегодня этика сохраняет свое значение как доминанта разрешения любого конфликта.

Ключевые слова: этика, ответственность эксперта, цифровые технологии, искусственный интеллект, дезинформация.

Z. A. Sedykh

Irkutsk State University, Irkutsk

ETHICS AND RESPONSIBILITY OF AN EXPERT IN MODERN CONDITIONS

The article discusses current issues of professional ethics and responsibility of experts in modern conditions. Attention is focused on the increasing role of expert opinions in shaping public opinion and managerial decision-making mechanisms. Special attention is paid to the problems of bias, conflict of interest, dissemination of misinformation and manipulation of consciousness. It has been proven that even today ethics retains its importance as the dominant factor in resolving any conflict.

Keywords: ethics, expert responsibility, digital technologies, artificial intelligence, disinformation.

Вопрос профессиональной этики и ответственности экспертов представляет собой актуальную социологическую проблему, особенно обострившуюся в современном мире. Эпоха стремительных технологических изменений и глобализации многократно усилила роль экспертов, делая их заключения факторами формирования общественного мнения, принятия стратегических решений и определения траектории развития целых отраслей. Но вместе с возрастающим влиянием экспертов закономерно растет и их ответственность перед обществом [2, с. 26–29].

В эпоху цифровых технологий, когда информация распространяется мгновенно, даже незначительные ложные или предвзятые заявления экспертов могут иметь катастрофические последствия. Сообщение, опубликованное в одной точке мира, за секунду достигает пользователей на противоположной стороне планеты, формируя их представления о событиях, в которых они не участвовали и которые зачастую не могут даже проверить.

В такой ситуации интернет становится рассадником дезинформации, подрывают доверие к науке, порождают панику и подталкивают к необдуманным и опасным действиям. Примеры активационных движений и распространение теорий заговора наглядно демонстрируют масштаб угрозы. В этих условиях ответственность экспертов заключается не только в предоставлении информации, но и в обеспечении точности, достоверности и объективности данных, полностью исключая личные интересы и выгоду.

При этом, одним из самых острых вопросов в экспертной деятельности остается проблема предвзятости и конфликта интересов. Зачастую эксперты связаны с коммерческими структурами или получают финансирование от заинтересованных сторон, что создает потенциальную возможность влияния на результаты исследований и экспертных заключений. Подобная ситуация подрывает доверие общества к мнению экспертов в целом. Поэтому, крайне важно разработать и внедрить независимые механизмы, что позволят оценить объективность и достоверность заключений, исключая влияние каких-либо заинтересованных сторон.

Важность этических ориентиров в научной и технической деятельности подчеркивал известный российский философ и методолог В. С. Степин. Он отмечал, что научное позна-

⁴³ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Габельных.

ние и техническое развитие сталкиваются с необходимостью выбора из множества возможных сценариев. Ориентирами в этом выборе должны быть не только знания, но нравственные принципы, налагающие запреты на опасные для человека способы экспериментирования и преобразования действительности. Степин считал, что исследовательские программы и технические проекты должны проходить социальную экспертизу, основанную на этических аргументах. Из этого следует, что на лицах, принимающих решения о развитии тех или иных технологических направлений и проектов, лежит моральная и юридическая ответственность [3].

Цифровая эпоха привела к появлению новых и усовершенствованных методов анализа данных, таких как машинное обучение и искусственный интеллект. Однако бурное развитие искусственного интеллекта, вместо того чтобы упрощать этические проблемы, ставит перед обществом новые вызовы, связанные с цифровым неравенством, манипуляцией сознанием и угрозой человеческой автономии, что требует тщательного регулирования.

Остроту этических вопросов, связанных с применением искусственного интеллекта, подтверждают и результаты опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 12 сентября 2023 г. Согласно данным опроса, в представлениях россиян наиболее остро этические вопросы применения ИИ встают в здравоохранении и образовании – именно эти сферы чаще всего звучат в ответах на вопрос о том, где труднее всего сочетать технологии искусственного интеллекта и нормы морали (34 и 30 % соответственно) [5].

Анализируя в своей статье трансформацию экспертно-аналитической деятельности под влиянием искусственного интеллекта, В. В. Зотов акцентирует внимание на формировании принципиально нового формата взаимодействия человека и технологий [2, с. 37–42]. Работая в тандеме с ИИ, современные эксперты могут значительно ускорить процессы анализа больших массивов данных. Однако в данной ситуации видится крайне важным сохранить ключевую роль специалиста в интерпретации результатов. Это позволит минимизировать риски, связанные с принятием решений исключительно на основе автоматизированного анализа.

В современных условиях, когда экспертные оценки оказывают значительное влияние на общественное мнение, технологическое развитие, вопросы профессиональной этики и ответственности экспертов приобретают особую актуальность. Стремительное распространение информации в цифровую эпоху делает любые неточные или предвзятые заключения потенциально опасными, способными спровоцировать панику и необдуманные действия. В связи с этим экспертное сообщество должно руководствоваться строгими этическими принципами, включающими компетентность, объективность, независимость, честность и осознание последствий своих решений. Этика эксперта – это не просто свод формальных правил, а фундаментальная основа доверия между наукой, властью и обществом. Только при соблюдении основных принципов экспертная деятельность сможет оставаться достоверной, значимой и социально-ответственной в условиях глобальных вызовов XXI в.

Литература

1. Мелешко Е. Д., Назаров В. Н. Проект «Модель цифровой этики в интеграционной деятельности научно-образовательных и производственных организаций» // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2022. № 3 (43). С. 128–137.
2. Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабелных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Загл. с этикетки диска.
3. Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук : учеб. для системы послевуз. проф. образования / В. В. Миронов [и др.] ; под ред. В. В. Миронова. М. : Гардарики, 2006. 639 с.
4. Степин В. С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-nauchnoy-ratsionalnosti-i-sinergeticheskaya-paradigma> (дата обращения: 19.05.2025).
5. Сысоев П. В., Филатов Е. М. ChatGPT в исследовательской работе студентов: запрещать или обучать? // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28, № 2. С. 276–301.
6. Фролов А. А. Проблема конфиденциальности персональных данных в информационном обществе и их использование третьими лицами на примере контекстной рекламы // Наука и современность. 2016. № 49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-konfidentsialnosti-personalnyh-dannyh-v-informatsionnom-obschestve-i-ih-ispolzovanie-tretimi-litsami-na-primere-kontekstnoy> (дата обращения: 19.05.2025).

ТРАНСФОРМАЦИЯ БРАЧНЫХ МОДЕЛЕЙ В РОССИИ: ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ И ОЦЕНКИ⁴⁴

Рассматриваются современные тенденции в сфере брачно-семейных отношений в России. Обосновывается, что в условиях социально-экономических преобразований и глобализации традиционные представления о семье и браке претерпевают значительные изменения. На основе экспертных оценок выявлены ключевые тенденции, влияющие на трансформацию современных брачных моделей.

Ключевые слова: брачность, традиционная модель, информационное общество, гендерные роли, семья.

M. S. Semeikina

Irkutsk State University, Irkutsk

TRANSFORMATION OF MARRIAGE MODELS IN RUSSIA: EXPERT OPINION AND ASSESSMENTS

The article examines current trends in the field of marriage and family relations in Russia. In the context of socio-economic transformations and globalization, traditional ideas about family and marriage are undergoing significant changes. Based on expert assessments, key trends affecting the transformation of modern marriage models have been identified.

Keywords: marriage, traditional model, divorce, gender roles, family.

Современные реалии свидетельствуют о значительной трансформации института семьи в целом. Это подтверждается изменениями в семейно-брачных отношениях, утратой многих семейных традиций и ценностей, появлением новых моделей семейного поведения и установок. Такие процессы требуют глубокого анализа и исследовательского подхода для понимания их последствий и влияния на общество. Особенно заметна трансформация института семьи в молодёжной среде, что создаёт сложную ситуацию, которая требует научного изучения и поиска оптимальных решений. Основная цель исследования – выявить и проанализировать степень влияния информационного общества на трансформацию брачных моделей в современных условиях в России.

Основной аспект степени влияния информационного общества на трансформацию брачных моделей в современных условиях исследования на сегодняшний день недостаточно изучен. Это объясняется тем, что информационное общество находится на этапе стремительного развития, государством только сравнительно недавно начали вводиться социальные практики для регулирования данного процесса с целью достижения устойчивого формирования института семьи и брака в виде реализации социальных проектов и стратегий на уровне всей страны и ее регионов. Следовательно, данный вопрос является крайне острым и актуальным для изучения, однако все принятые меры еще не были реализованы на практике.

Для категориального и процессуального анализа понятия «брачные модели» были изучены работы А. И. Антонова и В. М. Медкова «Социология семьи» [8]. Труд предоставляет комплексный обзор теоретических концепций и методологических подходов к изучению семьи и брака, авторы анализируют, как изменения в обществе, такие как урбанизация, изменение ролей мужчин и женщин, а также экономические условия, влияют на структуру и динамику семейных отношений. В работе «Брачные модели в современном обществе: целевые установки и противоречия» Ю. Ю. Лебедевой [6] анализируются целевые ориентиры и противоречия стратегии государственной семейной политики РФ на период до 2030 г. и обосновывается необходимость формирования новых брачных моделей.

Автором был проведен экспертный опрос. Была подтверждена актуальность данной темы. Были сделаны следующие выводы.

⁴⁴ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Габельных.

Современная семья и семейные ценности подвергаются трансформации по причине изменения экономических, культурных и иных условий. Кроме того, семейные отношения трансформируются вместе с трансформацией внешней социальной среды. В настоящее время большое значение в изменении семейных правоотношений приобретает развитие так называемого информационного общества, которое влияет на различные аспекты человеческой жизни, включая институт семьи и брака.

К вопросу о тенденциях трансформаций брачных моделей, наиболее популярная тенденция, по мнению экспертов (25 %), – рост популярности совместного проживания без регистрации. Восприятие брака как социального института подвергается значительным изменениям в течение последних десятилетий, где молодое поколение всё чаще рассматривает брак не как обязательный этап отношений, а как выбор, который может быть отложен или вовсе проигнорирован. Для многих пар, брак ассоциируется с определенными обязательствами и ожиданиями, что может вызывать страх перед потерей свободы. Совместное проживание позволяет паре наслаждаться близостью и совместной жизнью, не накладывая на себя юридические и социальные обязательства, которые могут быть связаны с браком [4].

Следующими по популярности были ответы экспертов – «активная позиция равноправия между мужчинами и женщинами» и «европейский тип брачности (брак после 26 лет)» (по 17,9 %). Мужчины и женщины все чаще стремятся к равному распределению обязанностей как в семье, так и на работе. Это приводит к тому, что оба партнера начинают участвовать в воспитании детей, ведении домашнего хозяйства и принятии финансовых решений. Количество женщин, занимающихся карьерой и получающих высшее образование, увеличивается [2], что способствует их экономической независимости и позволяет выбирать партнеров на основе равенства и взаимного уважения. Активная позиция равноправия становится не только тенденцией, но и необходимостью в современном обществе и способствует созданию более справедливых и устойчивых брачных моделей.

Поздний брак у молодежи обоснован тем, что современные пары все чаще выбирают сожителство или длительные отношения без официальной регистрации. Это позволяет им лучше понять друг друга и подготовиться к совместной жизни, прежде чем принимать решение о браке.

По 14,3 % экспертов считают актуальными тенденции изменения гендерных ролей и отказ от традиционных ролей мужа и жены. Инновационные технологии и социальные сети способствуют более открытому обмену мнениями и идеями о гендерных ролях. Это создает пространство для обсуждения и переосмысления традиционных стереотипов, что, в свою очередь, влияет на восприятие брака и семейных отношений. Люди начинают искать более гибкие и равноправные модели отношений, где роли могут быть распределены в зависимости от предпочтений и обстоятельств, а не predetermined обществом [7].

Наименее популярными тенденциями эксперты отметили развитие направления чайлдфри и молодой тип брачности (7,1 и 3,6 % соответственно). Идеология чайлдфри часто связана с критикой патриархатных представлений о женской роли как прежде всего матери и хранительницы домашнего очага. Женщины, сознательно отказывающиеся от материнства, стремятся реализовать свой потенциал в других сферах жизни. Также решение о рождении ребенка становится все более осознанным и рациональным – пары оценивают свои финансовые возможности, жилищные условия, уровень стресса и готовность к родительским обязанностям [3] (табл. 1).

Большая часть экспертов (71,4 %) ответили, что условия развития института семьи и брака однозначно изменились по сравнению с предыдущими поколениями, 28,6 % экспертов ответили, что условия скорее изменились (табл. 2). Такие изменения в современной России является результатом сложного взаимодействия множества факторов, среди которых важную роль играют информационное общество, экономические изменения, изменения в ценностных ориентациях, демографические процессы и государственная политика. Для более глубокого понимания этих процессов необходимо проводить комплексные исследования, учитывающие взаимосвязь между различными факторами и региональные особенности.

Таблица 1

Какие тенденции трансформации брачных моделей в XXI в. Вы наблюдаете?

№ п /п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Доля респ-тов, в %
1	Рост популярности совместного проживания без регистрации (гражданский брак)	7	25,0	100,0
2	Активная позиция равноправия между мужчинами и женщинами	5	17,9	71,4
3	Европейский тип брачности (брак после 26 лет)	5	17,9	71,4
4	Смена гендерных ролей	4	14,3	57,1
5	Отказ от традиционных ролей мужа и жены	4	14,3	57,1
6	Развитие направления чайлдфри (отказ от детей)	2	7,1	28,6
7	Молодой тип брачности (брак в раннем возрасте)	1	3,6	14,3
8	Затрудняюсь ответить	0	0,0	0,0
	Всего	28	100,0	400,0

Таблица 2

Изменились ли условия развития института семьи и брака по сравнению с предыдущими поколениями?

№ п /п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да, изменились	5	71,4
2	Скорее да	2	28,6
3	Скорее нет	0	0,0
4	Нет, не изменились	0	0,0
5	Затрудняюсь ответить	0	0,0
	Всего	7	100,0

По мнению экспертов, финансовые проблемы являются наиболее часто упоминаемой проблемой в браке (30,0 %) (табл. 3). Экономическая нестабильность оказывает прямое влияние на семью, создавая стресс и конфликты, что затрагивает базовые потребности и планы, становясь причиной разногласий. Финансовые проблемы могут влиять на возможность реализации совместных планов, таких как покупка жилья, воспитание детей или планирование отпуска. Когда мечты и цели становятся недостижимыми из-за нехватки средств, это может провоцировать негативные взаимоотношения в семье [1].

Таблица 3

С какими проблемами в браке приходилось сталкиваться Вам или Вашему окружению?

№ п /п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Доля респ-тов, в %
1	Финансовые проблемы	6	30,0	85,7
2	Проблемы с балансом между карьерой и семейной жизнью	5	25,0	71,4
3	Различия во взглядах на будущее семейной жизни	3	15,0	42,9
4	Изменение представлений о семейных обязанностях и ролях супругов	2	10,0	28,6
5	Изменение ролей мужчины и женщины в браке	2	10,0	28,6
6	Рост числа разводов и нестабильность в браке	1	5,0	14,3
7	Идеализация отношений через социальные сети	1	5,0	14,3
8	Затрудняюсь ответить	0	0,0	0,0
	Всего	20	100,0	285,7

Вторым по популярности является ответ – «проблемы с балансом между карьерой и семейной жизнью» (25,0 %). Современные реалии требуют от супругов совмещения профессиональной реализации и семейных обязанностей, что ведет к перегрузке и выгоранию. Неравномерное распределение времени и ресурсов между работой и семьей создает напряжение. Так как успешная профессиональная реализация часто требует значительных временных и эмоциональных затрат, супруги, стремясь продвигаться по карьерной лестнице, могут сталкиваться с необходимостью работать сверхурочно, участвовать в дополнительных про-

ектах и постоянно повышать свою квалификацию, это приводит к тому, что время, которое они могли бы посвятить семье, сокращается [5].

«Различия во взглядах на будущее семейной жизни» (15,0 %) и «изменение представлений о семейных обязанностях и ролях супругов» (по 10,0 %) – менее распространены, но все же существенные проблемы. Когда партнеры вступают в брак или долгосрочные отношения, они часто имеют определенные ожидания относительно того, как будет выглядеть их совместная жизнь и происходит расхождение целей и представлений о будущем семьи (дети, карьера, место жительства) приводит к конфликтам. Исследования показывают, что отсутствие согласованности в стратегическом планировании семейной жизни подрывает стабильность союза.

Трансформация гендерных ролей и перераспределение обязанностей в семье вызывает конфликты и непонимание. Несоответствие ожиданий и реального поведения партнеров приводит к неудовлетворенности. Наименее популярными ответами являются «рост числа разводов и нестабильность в браке» и «идеализация отношений через социальные сети» (по 5 %). Рост числа разводов сигнализирует об общественной проблеме нестабильности брака, требующей исследования, а идеализация отношений в социальных сетях создает нереалистичные ожидания и усиливает разочарование в реальной жизни.

Экспертные мнения подчеркивают, что современные брачные модели становятся более разнообразными по сравнению с предыдущими поколениями, что связано с изменением общественных ценностей, ростом индивидуализма и изменением ролей мужчин и женщин в обществе. С одной стороны, наблюдается увеличение числа гражданских браков и разводов, что свидетельствует о переосмыслении традиционных подходов к институту семьи. С другой стороны, сохраняются и традиционные модели, которые продолжают иметь значительное влияние на общественное сознание. Эксперты отмечают, что в условиях глобализации и культурного обмена происходит интеграция различных брачных практик, что может привести к возникновению новых форм семейных отношений, что является отражением более широких изменений в обществе.

Литература

1. Артамонова Я. В., Барсуков С. С. Конструирование жизненного мира молодой семьи в условиях изменяющейся реальности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4. С. 233–237.
2. Ефимова А. И. Семейно-брачное поведение женщин в современных условиях трансформации общества // Гуманитарный трактат. 2020. № 75. С. 4–6.
3. Змеева С. А. Социально-демографическое поведение населения современной России : дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2010. 220 с.
4. Коблева З. Х. Незарегистрированное сожительство как модель брачной стратегии современной молодежи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2022. № 3(304). С. 67–74.
5. Коблева З. Х. Основные тенденции в системе брачного выбора молодежи // Актуальные вопросы науки и образования. 2024. № 2. С. 57–60.
6. Лебедева Ю. Ю. Брачные модели в современном обществе: целевые установки и противоречия // Сборник докладов XIV Межвузовской конференции молодых ученых по результатам исследований в области педагогики, психологии, социокультурной антропологии : материалы конф. Москва, 23 апр. 2019 г. / под общ. ред. Т. Н. Сахаровой. М. : Моск. пед. гос. университет, 2019. С. 9–13.
7. Романович Н. А. Проблемы института семьи в молодежной среде // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 90–102.
8. Социология семьи : учеб. для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по специальности (040200) 0203000 «Социология» / А. И. Антонов, О. В. Дорохина, В. М. Медков [и др.]. 2-е изд., испр. М. : ИНФРА-М, 2010. 636 с.

КОРПОРАТИВНЫЕ МЕССЕНДЖЕРЫ КАК ПЛОЩАДКА ЭКСПЕРТНОГО ДИАЛОГА: КАК ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ ФОРМИРУЮТ СОЦИАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ⁴⁵

Исследуется роль корпоративных мессенджеров как платформ для экспертного диалога, формирующего социальную политику компаний. Рассматривается взаимодействие внутренних и внешних экспертов в цифровой среде, анализируются возможности таких коммуникаций. Особое внимание уделяется трансформации корпоративной социальной ответственности под влиянием цифровых технологий, а также возникающим вызовам: управлению информацией и безопасности данных.

Ключевые слова: корпоративные мессенджеры, экспертный диалог, социальная политика, цифровая трансформация, информационные коммуникации.

S. E. Smirnova

Irkutsk State University, Irkutsk

CORPORATE MESSENGERS AS A PLATFORM FOR EXPERT DIALOGUE: HOW INTERNAL AND EXTERNAL EXPERTS SHAPE SOCIAL POLICY

The article explores the role of corporate messengers as platforms for expert dialogue, shaping the social policy of companies. The interaction of internal and external experts in the digital environment is considered, and the possibilities of such communications are analyzed. Special attention is paid to the transformation of corporate social responsibility (CSR) under the influence of digital technologies, as well as emerging challenges: information management and data security.

Keywords: corporate messengers, expert dialogue, social policy, digital transformation, information communications.

В условиях цифровой трансформации бизнес-процессов корпоративные мессенджеры перестали быть просто инструментом для оперативного обмена сообщениями, превратившись в полноценные площадки для экспертного диалога. Внутренние и внешние специалисты все чаще используют данные платформы, в том числе, для обсуждения, разработки и реализации социальной политики компаний, что делает их ключевым элементом корпоративной социальной ответственности. Актуальность использования корпоративных мессенджеров в данных целях обусловлена растущей ролью цифровых коммуникаций в управлении социальными инициативами: с одной стороны, мессенджеры обеспечивают быстрый обмен информацией между экспертами, с другой – создают новые вызовы, связанные с безопасностью данных, управлением дискуссиями и интеграцией мнений разнородных стейкхолдеров.

Современные корпоративные мессенджеры претерпели значительную трансформацию, эволюционировав от простых средств оперативной коммуникации до сложных многофункциональных платформ: от закрытых внутрикорпоративных решений к открытым экосистемам и от линейных чатовых интерфейсов к структурированным дискуссионным пространствам с разнообразием функций и возможностей для организации цифрового бизнес-пространства, став значимым для разработки и реализации социальной политики элементом коммуникационной инфраструктуры компаний, а в период пандемии и вовсе – неотъемлемой ее частью.

Тренд на цифровизацию социальной политики также растет в условиях дистанционного формата работы. Зарубежные компании активно интегрируют корпоративные мессенджеры в процессы разработки и реализации социальной политики, используя их как платформы для коммуникации, коллаборации и управления ESG-инициативами для удаленных сотрудников. Такие решения, как Microsoft Teams, Slack и Workplace от Meta, стали инструментами для вовлечения сотрудников и внешних партнеров в социальные программы компа-

⁴⁵ Научный руководитель – кандидат социологических наук, доцент А. А. Зайковская.

ний. Что касается отечественных решений, то февраль 2022 г. стал переломным моментом для российского ИТ-рынка, кардинально изменив его ландшафт. Ключевым событием этого периода стал массовый уход зарубежных вендоров, включая и лидеров рынка корпоративных мессенджеров, таких как Slack, Meta Workspace и другие. В связи с чем все иностранные технологии полностью заменяются отечественными аналогами, и на освободившуюся нишу активно выходят российские разработчики. «В реестре отечественного ПО сегодня представлен широкий выбор продуктов, которые обеспечивают информационное пространство для современных коммуникаций» [6]. К их особенностям относят не только обеспечение безопасной внутренней коммуникации, но и поддержку взаимодействия с внешними контрагентами – партнерами, клиентами, а также экспертами.

Так, многие корпоративные мессенджеры создают среду для экспертного взаимодействия, трансформируя традиционные подходы к формированию социальной политики компаний, обеспечивая мгновенный обмен информацией между руководителями (внутренними экспертами) и представителями НКО, бизнес-консультантами и другими внешними специалистами в относительно защищенном и конфиденциальном цифровом пространстве, стирая географические и временные барьеры. Особую ценность представляют специализированные каналы, где эксперты могут оперативно обсуждать инициативы в области устойчивого развития, кооперативного волонтерства и других аспектов кооперативной социальной ответственности (КСО). Внутренние эксперты, включая HR-специалистов и руководителей подразделений, используют их для организации обсуждений по развитию корпоративной культуры, интеграции ESG-принципов в бизнес-процессы и рассмотрения идей сотрудников, выявляя наиболее перспективные предложения и доводя их до стадии реализации, обеспечивая тем самым высокий уровень вовлеченности персонала в социальные проекты. Их ценность заключается в глубоком понимании корпоративной культуры и возможностей организации, что позволяет адаптировать глобальные тренды КСО к конкретным бизнес-реалиям. Внешние эксперты – консультанты, отраслевые специалисты, представители научного сообщества и НКО – привносят объективную экспертизу, лучшие международные практики и междисциплинарный подход. Их участие в чат-дискуссиях позволяет компаниям выходить за рамки внутренних стереотипов, критически оценивать эффективность социальных программ и находить инновационные решения сложных проблем. Особенно ценным становится их вклад в ситуациях, требующих специализированных знаний – например, при разработке инклюзивных программ для людей с инвалидностью. Взаимодействие внешних и внутренних экспертов в корпоративных мессенджерах создает уникальный синергетический эффект, когда академические теории проверяются на практическую применимость, а корпоративные инициативы получают серьезное концептуальное обоснование. Так, внутренние эксперты обеспечивают связь между цифровыми платформами и реальными бизнес-процессами, а внешние специалисты привносят критическое мышление и независимую оценку. Подобное взаимодействие не только обогащает содержание корпоративной социальной политики, но и повышает ее практическую значимость за счет учета мнений всех заинтересованных сторон.

Такое становится возможным благодаря функции гостевого доступа или возможности подключения сторонних участников посредством ссылки-приглашения, позволяющих привлекать внешних экспертов к обсуждениям без риска для внутренней информации компании. Привлечение внешних специалистов требует особого внимания к вопросам конфиденциальности – необходимо четко разграничивать, какая информация может стать предметом открытого обсуждения, а какие данные должны оставаться внутри компании. «Сегодня развитые корпоративные мессенджеры, как например, eXpress, хорошо приспособлены к этой ситуации: контакты делятся на внутренний и внешний контур, поэтому в целом их контролировать проще, чем публичные мессенджеры» – отмечает Руслан Добрынин, эксперт центра продуктов Dozog компании «Ростелеком-Солар». Именно повышенная защита такой коммуникации отличает корпоративные мессенджеры от публичных мессенджеров и других инструментов цифровых коммуникаций и привлекают внимание со стороны крупных компаний и организаций. Это открывает уникальные возможности: оперативное обсуждение социальных инициа-

тив, коллективную разработку бизнес-решений, повышение прозрачности процессов КСО и вовлечение более широкого круга стейкхолдеров.

Таким образом, корпоративные мессенджеры задействованы в процессе трансформации КСО в цифровую эпоху, ведь в них происходит постоянный диалог внутренних и внешних экспертов, где сочетание оперативности цифровых коммуникаций, глубины профессиональных знаний и технологических возможностей создает новую модель разработки социальной политики – более гибкую, инклюзивную и ориентированную на измеримые результаты. Этот подход позволяет компаниям не только эффективнее решать текущие социальные задачи, но и прогнозировать будущие вызовы, формируя стратегию устойчивого развития, которая отвечает как интересам бизнеса, так и запросам общества.

Литература

1. Роль и значение экспертных сообществ в процессе принятия управленческих решений: сравнительный анализ национального и международного опыта / А. А. Волосатова, О. В. Гревцов, О. Ю. Жукова, Н. А. Дружинина, М. А. Волосатова // Вестник Евразийской науки. 2020 № 5. URL: <https://esj.today/PDF/19ECVN520.pdf> (дата обращения: 21.05.2025).
2. Измайлова М. А. Цифровая трансформация и социальная ответственность: прагматизм или поиск баланса // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-i-sotsialnaya-otvetstvennost-pragmatizm-ili-poisk-balansa> (дата обращения: 21.05.2025).
3. Кулапов М. Н., Переверзева Е. И., Кириллова О. Ю. Бизнес-экосистемы: определения, типологии, практики развития // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 3. С. 1597–1612.
4. Мрочко Л. В., Волкова С. В. Цифровые коммуникации в информационном и культурном пространстве организации // ЭСГИ. 2020. № 2 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-kommunikatsii-v-informatsionnom-i-kulturnom-prostranstve-organizatsii> (дата обращения: 21.05.2025).
5. Тумаян Ю. Р. Цифровизация экономики как фактор стимулирования экономического роста и решения социальных проблем // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-ekonomiki-kak-faktor-stimulirovaniya-ekonomicheskogo-rosta-i-resheniya-sotsialnyh-problem> (дата обращения: 21.05.2025).
6. Эволюция корпоративных коммуникаций и мобильности // TAdviser. URL: <https://www.tadviser.ru/a/718480> (дата обращения: 21.05.25).

УДК 316:636(47)

А. В. Соколова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЙ К ДОМАШНИМ ЖИВОТНЫМ В РОССИИ: ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ И ОЦЕНКА⁴⁶

Рассматриваются характер и динамика изменения отношения современного российского общества к домашним животным. Акцентируется внимание на их роли как членов семьи, а не только как источников рабочего ресурса. Выявлено, что в условиях урбанизации и повышения уровня жизни люди всё больше воспринимают домашних животных как своих компаньонов. Доказано, что домашние животные играют значимую роль в жизни человека и общества, изменяя традиционные представления о своих функциях и статусе, стали восприниматься как полноправные участники семейной жизни.

Ключевые слова: домашние животные, ответственное обращение, роль животных в семье, защита животных, динамика отношений, экспертное мнение, экспертная оценка.

A. V. Sokolova

Irkutsk State University, Irkutsk

DYNAMICS OF ATTITUDES TOWARDS PETS IN RUSSIA: EXPERT OPINION AND ASSESSMENT

The article examines the nature and dynamics of changes in the attitude of modern Russian society towards pets. Attention is focused on their role as family members, not just as sources of a work resource. It has been revealed that in conditions of urbanization and an increase in living standards, people increasingly perceive pets as their compan-

⁴⁶ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Габельных.

ions. The author proves that pets play a significant role in human and social life, changing traditional ideas about their functions and status, and began to be perceived as full-fledged participants in family life.

Keywords: pets, responsible treatment, the role of animals in the family, animal protection, dynamics of relations, expert opinion, expert assessment.

В современном российском обществе наблюдается значительная динамика в отношении к домашним животным. Изменение образа жизни, урбанизация, рост уровня благосостояния части населения – всё это влияет на то, как люди воспринимают и взаимодействуют со своими питомцами. Появляются новые формы ответственности, меняется понимание роли животных в семье, возрастает потребность в качественных услугах для животных. Исследование этих сдвигов крайне важно для понимания социальных процессов и потребностей общества. По данным исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведенного в 2024 г., на сегодняшний день доля людей, имеющих домашних животных, составляет 76 %. Это обуславливает необходимость изучения и анализа отношения людей к домашним животным [3].

Домашние животные играют важную роль в жизни человека и общества. Их взаимодействие с людьми и природой формирует уникальные социальные, культурные и экономические отношения. В данном докладе рассматриваются понятие домашних животных, их динамика статусов и ролей в общественном развитии. Раньше домашние животные представляли собой источник рабочей силы, пищи и заработка. Сейчас же все больше людей отождествляют домашних животных с членами семьи и друзьями.

Большое количество людей имеют представления о животных как непрременных участниках полноценной и комфортной семейной жизни [2]. Если ссылаться на нормативно-правовую базу, то Согласно Федеральному закону от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», домашние животные – животные (за исключением животных, включенных в перечень животных, запрещенных к содержанию), которые находятся на содержании владельца – физического лица, под его временным или постоянным надзором и местом содержания которых не являются зоопарки, зоосады, цирки, зоотеатры, дельфинарии, океанариумы [7].

На протяжении веков домашние животные выполняли экономическую функцию. Они использовались как источники пищи, рабочей силы и средства передвижения. Например, лошади использовались для перевозок, а коровы – для получения молока и мяса. С развитием технологий и урбанизацией статус домашних животных изменился. В современных условиях они часто рассматриваются не только как экономические ресурсы, но и как члены семьи. Это явление стало особенно заметным в последние десятилетия. Конкретная культурно-историческая ситуация отражает различные формы и типы отношения к животному. В настоящее время современные горожане, ломая стереотипы, меняют привычный прагматичный подход к домашним животным на новый, идеалистический. Е. В. Выгрузова в своей статье «Животные, которые живут рядом с человеком: к проблеме обозначения», ссылаясь на сайт «ЗооСправка», отмечает, что 65,17 % респондентов из 178 чел., участвовавших в опросе 28 марта 2011 г. в социальной сети «ВКонтакте», из всех предложенных наименований предпочли «домашние любимцы» [1].

Домашние животные играют важную роль в социальной жизни человека. Они могут быть источником эмоциональной поддержки, помогать в борьбе с одиночеством и депрессией. Общение человека с животным может существенным образом способствовать гармонизации межличностных отношений людей между собой.

Многочисленные исследования, проводимые психологами разных стран мира, подтверждают данное утверждение. Эти исследования демонстрируют положительное влияние наличия домашних питомцев на эмоциональное состояние и общее самочувствие людей [4]. Культурные особенности и исторические традиции различных народов оказывают значительное влияние на восприятие домашних животных. У одних народов домашние любимцы обладают высоким статусом и даже считаются священными, как, например, кошки в Древнем

Египте. Другие же культуры могут относиться к ним менее положительно – скажем, в ряде восточных государств собак воспринимают негативно. Домашние животные играют важную роль во взаимодействии человека, социума и окружающей среды. Они формируют специфические отношения, зависящие от исторических условий, экономической ситуации и культурного контекста конкретного региона. Для всестороннего анализа значимости домашних животных важно учитывать эти факторы, поскольку именно они определяют уникальность социальных, культурных и экономических связей, возникающих вокруг наших четвероногих друзей.

В данной работе были использованы методы теоретического исследования и социологические методы исследования. К теоретико-познавательным методам исследования необходимо отнести анализ научной литературы и выявление наиболее важных теорий и концепций по заданной теме в целях определения степени научной разработанности проблемы и методологического аспекта данной темы, применение имеющихся доступных для автора знаний по заявленной проблеме и обобщение полученных результатов. Практическая реализация поставленных задач выражена в применении таких методов социологического исследования, как статистический анализ данных, анализ документов, вторичный анализ материалов социологических исследований, авторское пилотажное социологическое и экспертное исследование, проведенное методом онлайн-опроса.

Защита животных – это актуальная проблема, требующая всестороннего анализа и поиска эффективных решений. Законодательство в этой сфере постоянно развивается, но пробелы и несовершенства всё ещё остаются. Исследование способов защиты животных, эффективности действующих механизмов, а также выявление проблемных зон поможет разработать рекомендации по улучшению ситуации. Тема не ограничивается только юридическими аспектами. Она затрагивает социально-психологические факторы: формирование ответственного отношения к животным, пропаганду гуманного обращения, борьбу с жестокостью и безнадзорностью. Исследование этих аспектов позволит разработать эффективные программы просвещения и воспитания.

В апреле 2025 г. лично автором был проведен экспертный онлайн-опрос на тему «Динамика отношений к домашним животным в современном российском обществе» с целью выявления мнений экспертов Иркутской области по вопросам изменения отношений к домашним животным. Также в декабре 2024 г. был проведен опрос населения Иркутской области по той же теме. Опросы проводились на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций Института социальных наук и НИЧ ИГУ. По результатам исследований сделаны следующие выводы:

Происходит антропоморфизация животных. Все больше приписываются животным человеческие черты, эмоций и способности, это усиливается в связи с увеличением числа домашних животных и развитием эмпатии к ним. Так в исследовании, проведенном лично автором, видно, что все больше экспертов ассоциируют домашних животных с членами семьи. 50 % экспертов считают, что домашние животные обрели статус члена семьи, 38,9 % – друга. Это свидетельствует о более тесной связи между людьми и их питомцами (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, изменилась ли роль домашних животных, если да, то какую роль они играют в жизни человека в настоящее время?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Член семьи	9	50,0
2	Друг	7	38,9
3	Источник дохода	1	5,6
4	Демонстрация своего социального статуса	1	5,6
5	Рабочая сила	0	0,0
6	Источник пищи	0	0,0
7	Затрудняюсь ответить	0	0,0
	Всего	18	100,0

Также было выявлено, что население согласно с утверждением «В условиях демографического кризиса в России, домашние животные могут стать заменой детей в семье». 27,1 % респондентов считают, что домашние животные могут заменить детей, 25,7 % респондентов склоняются к тому, что домашние животные скорее могут заменить детей, 17,1 % – животные скорее не могут заменить детей, 25,7 % – животные не могут заменить детей (табл. 2). Результаты опроса показывают, что мнение о возможности замены детей домашними животными в условиях демографического кризиса разделилось. Около половины опрошенных (52,8 %) считают, что домашние животные могут или скорее могут заменить детей, а другая половина (42,8 %) уверена в обратном. Об этом также говорят в различных новостных каналах, и проводятся исследования на эту тему. Так в 2024 г., по данным Росстата, в России родилось 1 222 408 детей, что на 3,4 % меньше, чем в 2023 г. То есть, хоть люди и обзаводятся детьми, но эти показатели меньше, чем хотелось бы [5].

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, в условиях глубокого демографического кризиса, могут ли домашние животные заменить наличие детей?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да, могут	19	27,1
2	Скорее могут	18	25,7
3	Скорее не могут	12	17,1
4	Нет, не могут	18	25,7
5	Затрудняюсь ответить	3	4,3
	Всего	70	100,0

Между тем весной 2024 г. Центр питания и благополучия животных опубликовал результаты четвертой Всероссийской переписи домашних животных, проведённой в 2023 г. Исследование показало, что число домашних питомцев в России только растёт: популяция кошек увеличилась на 25 %, достигнув 49,2 млн, а количество собак выросло на 7 %, составив 25,5 млн особей [6].

Однако эксперты, опрошенные автором, не разделяют данную точку зрения. Исходя из данных табл. 3, мы видим, что 60 % экспертов с уверенностью отрицают данный тренд и лишь 40 % согласны с ним, в той или иной степени.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, в условиях глубокого демографического кризиса, могут ли домашние животные заменить наличие детей?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да, могут	2	20,0
2	Скорее могут	2	20,0
3	Скорее не могут	0	0,0
4	Нет, не могут	6	60,0
5	Затрудняюсь ответить	0	0,0
	Всего	10	100,0

Из этого следует, хотя многие и говорят о том, что идет тренд на замену детей домашними питомцами, об том свидетельствует и мнение респондентов, и данные статистики рождаемости и количество домашних животных, эксперты имеют другую точку зрения на данную ситуацию. Они уверены, что со временем данная тенденция уменьшится.

В заключение отметим, что отношения к домашним животным в России многогранны. Они определяются взаимодействием множества факторов – урбанизация, изменение образа жизни, роль медиа, из-за чего переживает заметную трансформацию. Из функциональной роли (охрана, помощь в хозяйстве) животные всё чаще переходят в категорию полноправных членов семьи. Эксперты в данной теме также замечают смену ролей, они отмечают, что животные становятся эмоционально ближе к людям, однако не могут заменить собой детей. Для более глубокого изучения изменений отношения к домашним животным требуется детальное рассмотрение различных аспектов данного взаимодействия.

Литература

1. Выгрузова Е. В. Животные, которые живут рядом с человеком: к проблеме обозначения // Человек в мире культуры: культура повседневности : материалы Всерос. науч. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 16 апр. 2011 г. / отв. ред. Н. П. Коновалова. Екатеринбург : УрФУ, 2011. С. 62–67.
2. Гагарин А. В. Социально-психологические эффекты межвидового взаимодействия в группе «Человек – домашнее животное» // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-effekty-mezhvidovogo-vzaimodeystviya-v-gruppe-chelovek-domashnee-zhivotnoe> (дата обращения: 18.05.2025).
3. Публичная жизнь домашних животных // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/publichnaja-zhizn-domashnikh-zhivotnykh> (дата обращения: 18.05.2025).
4. Самарина Д. В., Золотарев В. В. Взаимодействие людей и животных (на примере кошек) // Юный ученый. 2024. № 2 (76). С. 117–120. URL: <https://moluch.ru/young/archive/76/4054/> (дата обращения: 18.05.2025).
5. Предварительная оценка численности постоянного населения по федеральным округам Российской Федерации на 1 января 2024 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://38.rosstat.gov.ru/folder/167937> (дата обращения: 18.05.2025).
6. Численность домашних животных в РФ за 3 года выросла на 11 % // ТАСС: информ. агентство России. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20499377> (дата обращения: 18.05.2025).
7. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646/ (дата обращения: 18.05.2025).

УДК 316.4

К. Л. Тарасова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ: «СТАРЫЕ» И «НОВЫЕ» ТЕОРИИ⁴⁷

Рассматривается эволюция теоретических подходов в социологии безопасности в условиях глобальной трансформации общества. В процессе анализа автор опирается на переход от классических парадигм к современным комплексным моделям, учитывающим новые вызовы эпохи цифровизации. Особое внимание уделяется четырем основным измерениям безопасности: политико-правовому; социально-экономическому; культурно-информационному и экологическому. Проводится исследование по инновационным направлениям социологии безопасности, в которую входят нейросоциология, квантовая социология, цифровая этнография и транснациональная социология безопасности. Доказана необходимость разработки интегральной теории безопасности, способной объединить достижения различных научных направлений для понимания современных угроз и вызовов.

Ключевые слова: социология безопасности, глобальные угрозы, цифровая трансформация, квантовая социология, нейросоциология, цифровая этнография, транснациональная безопасность, современные вызовы безопасности.

K. L. Tarasova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE DEVELOPMENT OF SECURITY SOCIOLOGY IN RUSSIA: “OLD” AND “NEW” THEORIES

The article examines the evolution of theoretical approaches in the sociology of security in the context of the global transformation of society. In the process of analysis, the author relies on the transition from classical paradigms to modern integrated models that take into account the new challenges of the digitalization era. The article pays special attention to four main dimensions of security: political and legal; socio-economic; cultural-informational and environmental. The author conducts research on innovative areas of security sociology, which includes neurosociology, quantum sociology, digital ethnography, and transnational security sociology. The necessity of developing an integral theory of security capable of combining the achievements of various scientific fields to understand modern threats and challenges is proved.

Keywords: sociology of security, global threats, digital transformation, quantum sociology, neurosociology, digital ethnography, transnational security, modern security challenges.

⁴⁷ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Габельных.

Современное общество переживает период глубокой трансформации систем безопасности, что требует переосмысления как классических, так и современных теоретических подходов. Еще в 1990-х гг. в работе В. Н. Кузнецова «Социология безопасности» [3] осуществляется всесторонний анализ данной научной дисциплины, прослеживая ее развитие от классических концепций до новейших парадигм. Особую актуальность это исследование приобретает в условиях формирования новой архитектуры глобальных угроз, где традиционные военно – политические вызовы переплетаются с цифровыми рисками, экологическими катастрофами и экологическими вызовами.

В рамках классической парадигмы, сформировавшейся в эпоху становления национальных государств, безопасность понималась через призму государственного суверенитета и территориальной целостности. Однако современные процессы глобализации привели к кардинальной трансформации понятия безопасности, что потребовало пересмотра традиционных теоретических подходов. В. Кузнецов выделяет четыре основных измерения современной безопасности, каждое из которых характеризуется собственной системой угроз и специфическими механизмами противодействия.

Политико-правовое измерение безопасности претерпело радикальные изменения. Концепция национальной безопасности, сформировавшаяся в рамках Вестфальской системы международных отношений, сталкивается сегодня с новыми вызовами [5]. Глобализация и цифровая трансформация породили новых акторов мировой политики – от транснациональных корпораций до международных террористических сетей, которые ограничивают монополию национальных государств на обеспечение безопасности. Парадокс в том, что государства теряют значительную часть своего суверенитета, но именно к ним общество продолжает предъявлять основные требования по обеспечению безопасности. Эта парадоксальная ситуация ярко проявляется в условиях глобальных кризисов, когда население ожидает от национальных правительств эффективных решений проблем, имеющих транснациональный характер.

Социально-экономическое измерение безопасности в условиях постиндустриального общества приобретает особую значимость. Теории «общества риска» У. Бека [1] и концепция «прекариата» Г. Стэндинга [4] демонстрируют, как глобализационные процессы создают новые формы социальной уязвимости. Глубинная трансформация рынка труда, автоматизация производства и рост гиг-экономики приводят к формированию целых социальных групп, находящихся в состоянии экономической нестабильности. При этом традиционные системы социальной защиты оказываются неадекватными новым вызовам. Современные экономические угрозы приобретают новый характер – становятся глобальными по масштабу, но дифференцированными по своему воздействию.

Культурно-информационное измерение безопасности в цифровую эпоху выходит на первый план. Развитие технологий искусственного интеллекта и big data создает новые риски, которые связаны с манипуляцией общественного сознания [2]. Современные информационные войны используют сложные нейросетевые алгоритмы для целевого воздействия. Однако, чем больше усложняются защитные технологии, тем больше изощряются методы их преодоления. Особую опасность представляет феномен «эпистемологического кризиса», когда размываются критерии достоверности информации.

Экологическое измерение безопасности приобретает критическую важность в эпоху антропоцена. Климатические изменения и утрата биологического разнообразия создают беспрецедентные вызовы. Экологические угрозы не признают национальных границ и требуют новых механизмов международного сотрудничества. При этом экологическая безопасность связана с вопросами социальной справедливости, поскольку последствия кризисов распределяются неравномерно.

Вклад В. Н. Кузнецова заключается в адаптации этнометодологического подхода к изучению феномена безопасности. Этот методологический подход позволяет исследовать констатацию практики безопасности на микроуровне повседневных взаимодействий. Анализ ритуалов безопасности показывает, что ощущение защищенности через формальные институты, но и через повседневные общественные практики.

Современная социология безопасности стоит перед необходимостью разработки теоретико-методологических подходов, которые способны отразить сложность и многомерность вызовов XXI в. Данная потребность обусловлена качественным изменением природы угроз и их системным характером, когда традиционные линейные модели анализа оказываются неспособными охватить всю сложность небезопасных процессов.

Особое значение приобретает развитие квантовой социологии безопасности, предлагающая совершенно новый взгляд на изучение нелинейных эффектов в системах безопасности. Это направление рассматривает социальные процессы через призму суперпозиции и неопределенности. В отличие от классических детерминистских моделей, квантовый подход позволяет анализировать ситуации, когда субъект одновременно существует в состоянии «безопасность – угроза», а наблюдатель, в лице институтов безопасности, своим вмешательством изменяет наблюдаемую реальность. Методологический аппарат квантовой социологии продуктивен при изучении киберугроз, где традиционные бинарные модели «угроза – защита» оказываются недостаточными.

Нейросоциология безопасности представляет собой направление, исследующее когнитивные основы восприятия угроз на индивидуальных и коллективных уровнях. Данное направление изучает формирование паттернов восприятия опасности в человеческом сознании; какие нейрофизиологические механизмы лежат в основе принятия решений в условиях неопределенности; как социальные институты могут влиять на эти процессы. Особую ценность нейросоциологический подход представляет для анализа массового поведения в кризисных ситуациях, когда традиционные рациональные модели объяснения оказываются несостоятельными.

Цифровая этнография безопасности фокусируется на изучении практик киберзащиты в виртуальных сообществах и цифровых экосистемах. Используя методы наблюдения, глубинного интервью и анализа цифровых следов, исследователи изучают, как образуются неформальные нормы безопасности в онлайн-средах; как пользователи конструируют стратегии защиты в условиях цифровых угроз, и как происходит социализация в киберпространстве. Больше внимание уделяется анализу «темных» цифровых практик и неформальных способов противодействия угрозам, которые часто остаются за рамками официальных систем кибербезопасности.

Транснациональная социология безопасности представляет собой макро социологический подход, изучающий формы глобального управления рисками в условиях ослабления национально-государственных систем регуляции. Данное направление проводит анализ формирования новых институтов безопасности на наднациональном уровне; какие действующие лица включаются в процессы глобального управления рисками, и как происходит перераспределение ответственности за безопасность в эпоху глобализации. Проводится анализ асимметричных угроз, когда негосударственные акторы получают доступ к технологиям и ресурсам, ранее монополизированными национальными государствами.

Данные направления социологии безопасности дополняют традиционные подходы, создавая адекватную картину теории. Их объединяет отход от линейных детерминистских моделей в пользу сложных системных подходов, учитывающих взаимосвязь макро- и микроуровней безопасности, формальных и неформальных практик, технологических и социальных факторов. Развитие этих направлений требует междисциплинарной кооперации социологов, политологов и IT-специалистов, что откроет новые перспективы для комплексного изучения феномена безопасности в современном мире.

Современная социология безопасности переживает период глобальной трансформации, требующей переосмысления классических теоретических подходов в контексте новых вызовов эпохи цифровизации [7]. Проведенный анализ демонстрирует, что традиционные концепции национальной безопасности утрачивают свою силу перед лицом глобальных угроз, характеризующихся нелинейной динамикой и полицентричной структурой. Предложенный В. Н. Кузнецовым этнометодологический подход, который позволяет анализировать безопасность как социально контролируемый феномен, приобретает методологическую цен-

ность в этом контексте. Однако цифровая трансформация требует развития с учетом новых форм киберсоциализации и цифровой идентификации. Разработка интегративной парадигмы, синтезирующей достижения современных направлений социологии безопасности, представляется перспективным направлением [6]. Такой подход позволит преодолеть разрыв между макро- и микро-уровневым анализом, учитывая глобальную природу угроз и их локальные проявления. Практическая значимость подобной интегративной модели заключается в возможности создания адаптивных систем управления рисками, сочетающих технологичные решения с социальными механизмами обеспечения безопасности.

Ключевым вызовом для социологии безопасности становится необходимость разработки методологических инструментов, которые должны быть способными адекватно отразить сложность взаимодействия технологических, социальных и политических факторов в формировании новых угроз. Особое значение приобретают исследования цифровых практик безопасности, нейрокогнитивных механизмов восприятия рисков и транснациональных аспектов глобального управления безопасностью.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что современные вызовы безопасности требуют новых подходов в социологическом анализе, поскольку традиционные модели не отражают сложность транснациональных и нелинейных угроз XXI в. Исследование В. Н. Кузнецова показывает, что социальная безопасность представляет собой многомерный феномен, где каждый из которых требует специфических механизмов регулирования. Парадокс в том, что государства теряют монополию на обеспечение безопасности в условиях глобализации, но при этом остаются основным адресатом общественных ожиданий. Развитие инновационных направлений требует перехода от линейных моделей анализа к комплексным междисциплинарным подходам, которые будут способны учитывать влияние технологических, когнитивных и социальных факторов. Главная проблема современной социологии безопасности – преодоление разрыва между макро- и микроуровневым анализом повседневных практик безопасности, что требует разработки новой интегральной теории. Дальнейшее развитие теории социологии безопасности должно быть направлено на изучение междисциплинарного сотрудничества, разработку методологического инструментария для анализа цифровых практик и нейрокогнитивных механизмов восприятия угроз и на изучение транснациональных аспектов глобального управления безопасностью. Такой комплексный подход позволит сохранить социологии безопасности свою объяснительную и прогностическую ценность в условиях глобальных трансформаций.

Литература

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
3. Кузнецов В. Н. Социология безопасности: учеб. пособие. М. : Акад. проект, 2020. 480 с.
4. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усовой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
5. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford : Stanford University Press, 1990. 188 p.
6. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005. 301 p.
7. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. New York: PublicAffairs, 2019. 704 p.

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК В XXI ВЕКЕ⁴⁸

Рассматривается хронологическое развитие методологии социальных наук на рубеже XX–XXI вв., основное внимание уделено трансформациям, вызванным цифровыми, информационно-коммуникационными технологиями, а также широким распространением технологий нейронных сетей, а также развитию принципиально новых форм научной рациональности. В рамках анализа выделен ряд проблем, с которыми столкнулись социальные науки, каждая из групп проблем проанализирована в фокусе вызовов современности и предполагаемых возможностей.

Ключевые слова: социальные науки, методология, Big data, цифровизация, цифровая социология, искусственный интеллект (ИИ), эпистемология.

Y. M. Tatarinov

Irkutsk State University, Irkutsk

THE FORMATION OF A NEW METHODOLOGY IN THE DEVELOPMENT OF SOCIAL SCIENCES IN THE 21ST CENTURY

The presented text examines the chronological development of the methodology of social sciences at the turn of the 20–21 centuries, focusing on the transformations caused by digital, information and communication technologies, as well as the widespread use of neural network technologies, as well as the development of fundamentally new forms of scientific rationality. Within the framework of the article, a number of problems faced by social sciences are highlighted, each of the groups of problems is analyzed in the focus of modern challenges and perceived opportunities.

Keywords: social sciences, methodology, Big data, digitalization, digital sociology, artificial intelligence (AI), epistemology.

Во второй половине XX в. науки об обществе развивались в рамках исключительно устойчивых парадигм – от позитивизма Огюста Конта до критической теории Макса Хоркхаймера. Объектом исследования этих наук было предшествующее нашему – индустриальное, четко структурированное общество, где количественные методы в виде опросов объемных групп людей и анализ статистических данных можно было в полной мере соотнести и дополнить качественными методами, например, фокус-группами или интервьюированием. Но, абсолютно закономерно, с переходом к новому типу общества, картина общества современности изменилась до неузнаваемости, это связано и с нарастающими темпами глобализации, вызванной необходимостью решения глобальных проблем человечества и развитием международной экономики. А также нестабильность и выросшая сложность существующей социальной реальности затребовали от социальных наук совершенно новых, современных подходов. Наступил новый период, постоянной переоценки оснований для методологии, период для формирования новой научной рациональности, основанной на технологиях, программируемом знании и междисциплинарности как необходимости.

Но, как и всегда, любые изменения, зачастую влекут за собой и целый ряд потенциальных проблем и рисков. Во-первых – это вопрос о методологических изменениях, как, например, то что интерпретация данных, которые были получены не в полностью подконтрольных исследователю условиях, а в цифровой среде, ставит под вопрос надежность и достоверность этих данных. Как избежать стремления технологического редукционизма к упрощению и подмене сложной и многогранной социальной реальности при помощи математической модели? Также, нельзя не отметить и то, что цифровизация уже кардинально изменила облик профессии социолога. Современный исследователь должен помимо умения оперировать классическими методами анализа, также понимать и уметь работать с платформенными интерфейсами, уметь взаимодействовать с ИИ как с инструментом. В целом уже можно сказать, что социолог сегодня не просто ученый-гуманитарий, а ученый, который со-

⁴⁸ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных.

чета в себе опыт и рефлексию гуманитарных наук с компетентностью и владением цифровыми инструментами. Цель данной статьи – рассмотреть и проанализировать как технологии, внедряемые в общественные реалии, изменяют и трансформируют методологический аппарат социологии современности, но прежде всего, необходимо и знание всей хронологии развития, чтобы иметь полное представление обо всех изменениях.

Хронология эволюции социальных наук такова, что она отражает последовательную смену научных парадигм как основ для научного познания. Как известно, XX век отличается тем, что в основном в нем господствовали именно классические, проверенные временем и многолетней практикой классические, теоретико-методологические подходы к изучению явлений и процессов, будь то позитивизм, марксизм или интерпретативная социология (понижающая социология) Вильгельма Дильтея и Макса Вебера, которая уже тогда претендовала на место альтернативы позитивизму и разрабатывалась по образу естествознания. Направление социологической мысли того времени стремились к выстраиванию моделей, претендующих на универсальность, и опору на строгие, полностью подконтрольные методы сбора данных и устойчивые к изменениям категории. Социальная реальность же, представлялась как достаточно стабильная материя, которую можно точно, и последовательно изучить.

Совершенно иная ситуация обстоит теперь, в XXI в., во время глобального цифрового переворота, в связи с которыми постоянно открываются новые горизонты и пространства для исследований, которые связаны с колоссальным расширением инструментария, который выходит за рамки традиционного анкетирования или интервью. Цифровые технологии вводят в постоянную практику анализ больших данных, обработку цифровых следов пользователей глобальной сети интернет, построение алгоритмических моделей и многое другое. И это, конечно, требует переосмысления как методологии, так и всего научного мышления в целом, чтобы избежать отставания научной мысли от галопирующих темпов развития технологий современности. Необходимо отметить и формирование новой научной рациональности, которая представляет собой не только пополнение набора инструментов исследователей в области цифрового пространства, но и новый способ мышления, который открыт к гибридности и междисциплинарности, ведь синергия подходов в области цифрового общества и социологической мысли не простое допущение, а фактическая необходимость.

Итак, одним из ведущих направлений преобразования и технологического расширения социологической методологии можно считать цифровые технологии в области Big data, которые представляют собой огромные по своим объемам массивы данных, которые просто невозможно обработать с помощью прежних способов, ведь большие данные могут собираться из множества разных источников и объемы данных в них могут измеряться сотнями терабайтов, они могут содержать в себе фото, видео, текстовую информацию, такие объемы данных в ручную не обработать даже группе из нескольких ученых [1]. Тут на помощь исследователям приходит какое-либо специализированное программное обеспечение, например, специально натренированная на обработку и анализ данных, которые могут за секунду проанализировать терабайты данных и на выходе предоставить исчерпывающие ответы на интересующие вопросы. Их полезность трудно переоценить, эта технология применяется уже во множестве сфер жизни общества от маркетинга до государственного управления, где технология хранения больших данных способствует созданию подробной статистики, которая в свою очередь открывает возможности для прогнозирования предполагаемых проблем и превентивно решать назревающие проблемы и в отличие от прежних методов, работа с базами данных в цифровом пространстве позволяет отслеживать и фиксировать реальное поведение огромного количества пользователей за раз. Социолог современности получил уникальную возможность наблюдения за обществом в цифровом поле, без прямого вмешательства в него [3].

Нейронные сети или искусственный интеллект также стал полезным ресурсом в обновленной методологии современных социологов. Что подтверждается относительно недавними исследованиями Всероссийского центра изучения общественного мнения ВЦИОМ, а именно, по результатам «мониторингового исследования об общественном восприятии тех-

нологий искусственного интеллекта» на момент декабря 2024 г. выяснилось, что за прошедшие несколько лет, часть жителей России, утверждающих о своем знании о такого рода инновациях возросла с 36 % до 50 %, и 94 % россиян в общей совокупности что-либо слышали об этих технологиях, а также 76 % опрошенных россиян приветствуют использование искусственного интеллекта в научной деятельности [4]. И, как и упоминалось выше, нейросети позволяют буквально за секунды обработать огромные массивы данных и даже выстроить на основе проанализированных и обработанных данных качественные прогнозы, они могут заниматься проверкой полученной информации на достоверность и правильность, причем объемы этой информации могут быть просто колоссальными. Важно также отметить, что искусственный разум не заменяет и вряд ли когда-нибудь заменит социолога, так как искусственный интеллект лишь помогает специалисту в его профессиональной деятельности, будь то просто ускорить обработку и создание вывода по большому объему данных или выявить закономерность в представленной выборке [2].

И, таким образом, социальные науки современности, встретились с целым рядом проблем, связанным с методологическими принципами, которые возникли ввиду стремительного технологического прогресса и изменений условий производства научного знания. Среди этих проблем присутствуют эпистемологические проблемы, которые представляют собой вопросы, связанные с переосмыслением самой природы социального знания и роли наблюдателя и объекта исследования. Ставятся под сомнение сами границы знания, его легитимация и истины. Большие сомнения вызывает и идея того, что вообще возможно построить универсальную модель общества и единых оснований для анализа. Пожалуй, одной из самых острых проблем является методологическая проблема, которая связана с основной отличительной чертой XXI в. – цифровизацией, вследствие которой классические методы, которые, казалось бы, доказали свою эффективность теряют прежнюю результативность. Повсеместное внедрение технологий анализа и обработки больших данных и иных современных технологий требуют совершенно новой методологии сбора хранения и интерпретации данных. Цифровые данные сами собой подразумевают неизбежность расширения и переосмысления эмпирии, а также пополнение методологического арсенала. И, как не парадоксально, со внедрением автоматизации и машинной обработки данных, возникают и морально-этические проблемы, так как в следствии распространения систем предиктивной аналитики и расширения влияния систем алгоритмов на принятие решений во многих сферах жизни общества, возникает весьма закономерная дилемма: как обеспечить достаточное качество исследований при постоянной угрозе для справедливости и ответственности алгоритмов цифровых систем, использующихся в качестве инструментов для исследовательской деятельности? Все эти вопросы, уже не то, что будет стоять на повестке в обозримом будущем, а то, что нуждается в анализе на сегодняшний день.

Итак, обозначив круг актуальнейших проблем, необходимо подробно проанализировать сложившуюся ситуацию. Цифровизация, в условиях социальной реальности, зачастую изменяет само понимание объекта и субъекта социологического знания. Общество современности имеет фрагментированный, нелинейный характер, что также подтверждается достаточно высокой степенью медиатизированности социума современного человека, и сам по себе этот факт, уже требует глубокого переосмысления и отхождения исследователей настоящего от традиционных понятий и категорий. Исследователь в наши дни должен не только уметь собирать информацию об обществе и процессах, происходящих в нем, но и понимать сложные смысловые структуры, которые в свою очередь вызваны усилением применения цифровых практик и алгоритмических посредников в виде ИИ. Эпистемологическая ситуация на сегодняшний день такова, что необходимо основываться на признании огромного множества точек зрения, на том, что знание гораздо более ситуативно и требует анализа динамичных сетей взаимодействия. Перед исследователями стоит задача адаптировать и переосмыслить существующие научные модели к гибридной и изменчивой социальной реальности, не теряя при этом глубины анализа, присущего социологическому знанию и его критического измерения.

Начало крупных преобразований уже для методологии, было ознаменовано облегченным доступом к огромным по прежним меркам объемам данных, количество и сложность которых, несомненно требует новых, инновационных практик исследования вследствие того, что те же цифровые следы пользователей или огромное количество метаданных, уже не могут быть полностью освоены с помощью классических методов исследования, все это требует создания нового исследовательского стиля, который подразумевает собой междисциплинарность методов и усиление темпов развития вычислительной грамотности, все это – основа новой профессиональной компетентности.

Ничуть не проще обстоит ситуация и с этическими вызовами, которые преподнесла цифровая эпоха, ведь работа с данными, которые были получены из цифровых источников требует формирования новых, обновленных принципов научной этики ввиду рисков, которые не могут быть не учтены в исследованиях. Среди них и несанкционированное использование конфиденциальной информации, возможное вторжение в частную жизнь или даже несправедливость цифровых алгоритмов. Исследователь современного общества должен учитывать помимо легальности своих методов исследования еще и социальную справедливость, вопросы которой может поднять его деятельность. Это все требует разработки и формирования этических протоколов, которые будут ориентированы именно на цифровую среду жизни общества и следует не забывать также о необходимости создания образовательных материалов, которые будут формировать целую культуру ответственного обращения с данными.

Таким образом, методология социальных наук в XXI в. переживает крутой поворот. Ландшафт научного поля требует от исследователя гибкости, умения адаптации к междисциплинарности и подготовленности к работе в цифровой среде. И обстановка для этого одна из самых благоприятных, ведь по данным ВЦИОМ, около 50 % наших сограждан выступают за господдержку развития фундаментальных и прикладных научных исследований в сфере искусственного интеллекта [4]. Это не отказ от гуманитарной рефлексии, но ее обновление, которое исчерпывающе соответствует тенденциям развития современного общества. Широкое внедрение инновационных методов к изучению вопросов и явлений социальной реальности только расширяет инструментарий социолога, ведь современные реалии таковы, что без знания основ пользования цифровыми средствами для обмена информацией не обходится практически большая часть населения Земли. Социолог, как ученый, ныне ведущий свою деятельность в цифровом пространстве, обязан уметь взаимодействовать и с этой частью окружающей действительности. Но нельзя забывать и том, что важно критически оценивать границы и влияние различных дисциплин на результаты анализа, пусть благодаря этому и открываются новые горизонты для исследований и развития.

Литература

1. Крупеникова Л. Ш. BIG DATA и новые задачи социологии // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11 (54), № 2. С. 50–58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/big-data-i-novye-zadachi-sotsiologii> (дата обращения: 15.05.2025).
2. Салимшин И. Л., Шарипова Э. Р. Социологический анализ потенциала нейросетей в практике социальной работы // Скиф. 2023. № 8 (84). С. 208–219. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskii-analiz-potentsiala-neyrosetey-v-praktike-sotsialnoy-raboty> (дата обращения: 15.05.2025).
3. Симакина М. А. Особенности использования технологий Big Data в маркетинге // Бюллетень науки и практики. 2018. № 6. С. 255–260. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniya-tehnologii-big-data-v-marketinge> (дата обращения: 16.05.2025).
4. Волчанская Т. А. Доверие к ИИ // ВЦИОМ. Аналитические обзоры. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie-obzori-doverie-k-ii> (дата обращения: 20.05.2025).

В. Н. Тихонов, Е. Д. Бровилова, Д. С. Парина
Российский государственный аграрный университет – МСХА
имени К. А. Тимирязева, г. Москва

ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕТОДОВ КОНТРОЛЯ ПРИ ИЗМЕРЕНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБУЧЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Рассматривается, что собой представляет цифровизация образования, насколько она является значимой, на что оказывает влияние и каким именно образом описываются возможности применения цифровых технологий при измерении результатов обучения на примере педагогических дисциплин.

Ключевые слова: цифровизация, цифровизация образования, методы контроля, педагогика, тестирование.

V. N. Tikhonov, E. D. Brovilova, D. S. Parinova
Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy
Moscow

DIGITALIZATION OF CONTROL METHODS IN MEASURING LEARNING OUTCOMES USING PEDAGOGICAL DISCIPLINES AS AN EXAMPLE

This article examines what digitalization of education is, how significant it is, what it influences and how exactly, and describes the possibilities of using digital technologies in measuring learning outcomes using pedagogical disciplines as an example.

Keywords: digitalization, digitalization of education, control methods, pedagogy, testing.

Цифровизация образования подразумевает под собой активное и повсеместное применение различных цифровых технологий, что объясняется достижением определенных дидактических целей, например, использование информационных технологий в своей будущей профессиональной деятельности. Фундамент этого многостороннего понятия состоит в подробном пересмотре конкретных закономерностей, протекающих в процессе обучения, связанных со стремлением приобщить образование к динамично меняющимся условиям современной жизни.

Цифровизация задействует многие составляющие образовательного процесса, к которым можно отнести:

1. Цели, задачи и содержание образования.

Практически любая работа или специальность в нынешних реалиях не обходится без применения цифровых технологий, поэтому детей необходимо знакомить с подобными новшествами с самого детства. Соответственно стоит сказать, что рассматриваемый термин актуален также и на других ступенях образовательной системы, хоть и в меньшей степени, например, применение мультимедийной доски для объяснения звучания букв в алфавите в детском саду. В этой ситуации дети могут изучить, что из себя представляют информационные и коммуникативные технологии [4].

2. Формы, методы, средства и технологии обучения.

Посредством применения мультимедийных презентаций повышается значимость методов «иллюстрация» и «демонстрация», которые ранее могли зачастую встречаться при проведении практических и лабораторно-практических занятий, а теперь используется практически на каждом учебном занятии. На основе вышесказанного можно продолжить мысль, что в связи с большим функционалом различных новых программ преподавателю становится гораздо легче наглядно показывать и рассказывать какой-либо аспект из дисциплины, а обучающимся более понятно, что это из себя представляет, например, презентация демонстрирует схематическое объяснение того, как протекает технология «перевернутый класс».

3. Организация учебной работы.

С целью управления образовательным процессом необходимо использовать цифровые технологии, что обусловлено тем, насколько они ускоряют и улучшают деятельность, в частности, административных сотрудников образовательной организации [2].

Поэтому следует сказать, что для осуществления задачи по подготовке квалифицированных кадров требуется продолжать внедрение цифровых инструментов и приведение образовательных программ в соответствие с запросами современной жизни, в том числе, это относится к методам контроля, которые используются для того, чтобы проверить уровень знаний, умений и навыков обучающихся. Методы контроля выступают неотъемлемой составляющей в определении эффективности учебной деятельности обучающихся, а также педагогической работы, они могут содействовать пониманию как со стороны преподавателя, так и с точки зрения обучающегося, что необходимо повторить из учебного материала, где присутствует неосведомленность касательно чего-либо из изученного.

Главной функциональной единицей для проведения проверки и оценки знаний выступает тест, он позволяет сделать достаточно качественный и детальный анализ учебной деятельности, несомненным преимуществом которого является возможность контроля большого числа работ обучающихся за счет использования цифровых технологий. Тестирование служит эффективным и простым методом, который позволяет в кратчайшие сроки проанализировать результаты обучения. Кроме того, оно помогает в какой-то степени исключить элемент случайности, поскольку обучающиеся находятся в одинаковых временных условиях и получают одинаковые задания, если только педагог не решит сформулировать несколько вариантов для снижения вероятности списывания [3].

Примером может служить проведение теста в качестве зачета по дисциплине «Общая педагогика», обучающимся необходимо верно ответить на большую часть вопросов, чтобы успешно завершить обучение по предмету. При этом задания должны быть разнообразными, чтобы студент внимательно относился к каждому из вопросов, а также это способствует снижению усталости от постоянного чтения одного и того же типа тестового задания, разберем некоторые из них более конкретно:

1. Вопрос с выбором одного правильного ответа.

«Укажите какой теоретический метод характеризуется следующей формулировкой: метод длительного целенаправленного планомерного непосредственного восприятия и описания какого-либо педагогического явления» – «наблюдение».

2. Вопрос с выбором нескольких правильных ответов.

«Укажите какие из перечисленных методов относятся к словесным согласно классификации Ю. К. Бабанского» – «рассказ», «лекция», «семинар».

3. Вопрос на установление соответствия.

«Соотнесите представителей педагогической науки и принадлежащие им идеи, теории» – «Теория воспитания джентльмена – Дж. Локк», «Обоснование классно-урочной системы – А. В. Дистервег», «Теория естественного и свободного воспитания – Ж.-Ж. Руссо», «Обоснование принципов природосообразности и культуросообразности воспитания – Я. А. Коменский».

4. Вопрос на установление правильной последовательности.

«Поставьте представленные педагогические труды в хронологической последовательности их публикации» – «Великая дидактика – Руководство к образованию немецкий учителей – Педагогическая поэма».

5. Открытый вопрос.

«Какой принцип А. Я. Коменский называл «золотым правилом» дидактики? Запишите ответ в родительном падеже» – «наглядности».

Этот пример идеально иллюстрирует тот факт, что формулировка должна не только ясно и четко звучать, но и подмечать определенные особенности при вводе правильного ответа.

Другой возможностью использования цифровых технологий с целью обучения и последующей проверки знаний обучающихся является создание образовательных электронных курсов, например, при помощи LMS Moodle, что позволяет педагогу самостоятельно разработать план преподавания дисциплины в электронном формате на основе своего видения.

Подобная технология имеет множество возможностей, в частности, добавление в курс различных элементов: размещение текстовых файлов и гиперссылок, импорт и экспорт

аудио- и видеофайлов для изучения теоретического материала, публикация тестов и домашних заданий для проверки усвоения учебного информации [5].

Помимо этого, стоит подметить, что инструментарий создания тестов действительно велик, поскольку педагог может применить разные типы заданий, указать конкретные критерии оценивания под каждый из вопросов, установить и впоследствии отслеживать время прохождения каждого из обучающихся.

Можно добавить, что промежуточный и итоговый контроль знаний может формироваться случайным образом из вопросов, находящихся в банке тестовых заданий, составляемый предварительно преподавателем [1]. Благодаря такому способу создания тестов у каждого из обучающихся будет свой отличный от других вариант, который содержит изучаемый учебный материал. Кроме того, банк тестовых заданий может подразумевать наличие в нем вопросов, на ранее пройденные тесты, например, итоговый тест дисциплины «Педагогика профессионального образования» предусматривает присутствие вопросов по изученным темам: «Система профессионального образования в Российской Федерации», «Формы организации обучения», «Методы и методические приемы» и так далее.

Дополнением служит настраивание прохождения теста на основе трех имеющихся попыток, что обеспечивает метод оценивания по средней оценке либо по наивысшей из всех, значимую роль играет возможность установления функции просмотра ответов, при решении тестов после очередного учебного занятия это может помочь понять обучающемуся, на что стоит обратить свое внимание, где он ошибся, в случае с итоговым контролем, эту функцию необходимо выключать, чтобы кто-либо из студентов не прошел раньше всех тест и не решил бы поделиться вопросами.

Таким образом, необходимо сказать, что цифровизация образования должна охватывать все процессы, которые связаны с реализацией дидактических целей, поэтому крайне важно, чтобы в измерении результатов обучения также применялись цифровые инструменты, чтобы более качественно проверять и оценивать уровень знаний, умения и навыков обучающихся.

Литература

1. Белозерова С. И., Белозеров О. И. Организация контроля знаний студентов в LMS Moodle // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 6. С. 188.
2. Бушуева Е. В. Зачем нужна цифровизация образования: понятие и задачи цифровизации // Педагогика, психология, общество: от теории к практике : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Чебоксары, 20 сент. 2022 г. / гл. ред. Ж. В. Мурзина. Чебоксары : Среда, 2022. С. 81–82.
3. Корнилова Н. Ю., Пикулик О. В. Онлайн тестирование в Online Test Pad как способ проверки знаний учащегося // Физик: ученый, педагог, наставник : сб. науч. тр. / Саратов. нац. исслед. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов : Саратов. источник, 2023. С. 196–198.
4. Тихонов В. Н. Цифровизация образования как фактор развития технологического компонента интеллектуальной мобильности обучающихся // Профессиональная мобильность личности в условиях цифровой трансформации образования : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 20 дек. 2024 г. Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, 2024. С. 332–335.
5. Житяева О. И., Осипкина О. В., Павлова Е. А. Создание учебного курса в системе дистанционного обучения Moodle : учеб.-метод. пособие. Самара : Универс групп, 2009. 52 с.

ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ И ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ – СИНЕРГИЯ УСИЛИЙ СВЕТСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ⁴⁹

Рассматривается роль воспитательной работы в организациях высшего образования, в том числе во взаимодействии с Русской православной церковью (де-факто и де-юре является старейшей экспертной организацией по вопросам нравственных ценностей и морали), образовательными организациями стран СНГ для привития этико-правовых и нравственных универсалий, сохранения исторической памяти, формирования правосознания, необходимых для обеспечения безопасности государства.

Ключевые слова: высшее образование, историческая память, государственность, Конституция, Родина, религия, гибридная война.

A. S. Tuvaeva

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Nizhny Novgorod

THE RIGHT TO EDUCATION AS A SOCIO-CULTURAL TOOL FOR THE PRESERVATION OF HISTORICAL TRUTH AND THE FORMATION OF LEGAL AWARENESS – SYNERGY OF EFFORTS BETWEEN SECULAR AND RELIGIOUS ORGANIZATIONS

The paper examines the role of educational work in higher education organizations, including in cooperation with the Russian Orthodox Church (it is de facto and de jure the oldest expert organization on moral values and morality) and educational organizations of the CIS countries, in order to inculcate ethical, legal and moral universals, preserve historical memory, and form a sense of justice necessary to ensure state security.

Keywords: higher education, historical memory, statehood, Constitution, Homeland, religion, hybrid warfare.

В чем заключается роль образования в формировании и развитии политической культуры, сохранении исторической памяти для реализации конституционного права на образование влияет на развитие страны? Как воспитательная работа в ходе получения высшего образования влияет на правосознание, на формирование этико-правовых универсалий, необходимых для устойчивого развития материальной и духовной сфер жизнедеятельности; как светская власть может достичь синергетических эффектов при совместной работе с Русской Православной Церковью в вопросах традиционных ценностей, сохранения исторической памяти? Целью данной работы является поиск ответов на эти вопросы.

Из обращения к населению Садыра Жапарова, Президента Киргизии, государства, предавшего в 2024 г. председательство в СНГ России, можно однозначно и точно понять, что в молодом поколении необходимо воспитывать любовь к Родине и приверженность идее развития государственности. Эти же мысли мы видим и в выступлении Президента России Владимира Путина: «Именно в школе закладываются все наши победы. Это абсолютно очевидная вещь, это фундамент, на котором строится всё наше общество, вся страна, всё государство». Президент Таджикистана, страны, которая председательствует в СНГ в 2025 г., Эмомали Рахмон сказал: «Формирование нации начинается с образования и заботы к этой сфере – это есть инвестирование для развития человеческого потенциала и создания благоустроенного будущего государства и Родины». Это значит, что евразийские лидеры ясно понимают, что именно система образования во многом формирует политическую культуру, правосознание, влияющие на развитие государства. Политическая культура – это одновременно и компонент политической системы, влияющий на поведение граждан благодаря формированию в их сознании политических убеждений, взглядов и установок, и часть общей культуры, включающей в себя опыт предыдущих поколений, способствующий сохранению и

⁴⁹ Научный руководитель: Русаков Михаил Иванович, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук.

передаче традиций и ценностей, в том числе с учетом их исторической сформированности. При интеграции человека в политическую культуру у него могут присутствовать различные ориентиры – на себя, на других людей и на политические институты. Независимо от ориентированности субъекта (личности), на его политическое сознание будет влиять образование, так как оно является важнейшим инструментом формирования политической культуры и воспитания правосознания.

С древнейших времен политические деятели осознали необходимость формирования политической культуры и правосознания, ведь их отсутствие может привести не только к дезорганизации общества, кризису легитимности, но и к другим негативным явлениям, которые будут мешать дальнейшему росту государства и общества и их развитию, в том числе политическому [10]. Мало того, речь может идти и о насильственной смене государственно-го устройства. Иногда это происходит из-за того, что в формирование политической культуры нового поколения активно вмешиваются совершенно другие субъекты, а не государство, гражданами которого являются эти люди, в результате такого воздействия сознание молодежи с трудом выстраивает целостное, объективное восприятие Родины, а порой, вращивается целое поколение «Иванов, родства непомнящих». У таких людей в детстве и юношестве, по мере взросления под воздействием чуждой идеологии проявляется аномальная самоидентификация [3, с. 14], происходит формирование таких мыслей, чувств, эмоций, причинно-следственных связей в мышлении, которые не дают человеку ощутить себя частью своей Родины, своего этноса, ощутить ответственность за свой народ и свою землю. И вряд ли такие люди сопоставленно и конгруэнтно с усилиями государства будут прилагать свои усилия для его стратегического развития.

Так, например, немало современных политиков из разных стран, обучавшихся по программе США «Открытый мир» [9], были замечены в числе участников смены государственного строя в Грузии, на Украине и в других странах во всех частях света. Образование имеет настолько сильное влияние на политику, что при должном усилии оно может менять ситуацию коренным образом в целом государстве. Можно вспомнить и финансирование странами Запада издания учебников для стран СНГ, в которых значительно искажены исторические факты, гуманитарные ценности народов этих государств [12]. Необходимо не допускать фальсификации истории, чтобы такие перевороты не случались в дальнейшем в других странах [5, с. 234]. Ведь именно это искажение, эти попытки оказания недружественного влияния, можно даже сказать – «гибридной войны», и приводят к появлению людей, которые, как в сказке «О Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твёрдом слове», написанной А. Гайдаром, готовы продать, а некоторые и уже продали, как Мальчиш-Плохиш, свои страны и народы «за бочку варенья да целую корзину печенья». Не зря же «печеньки Нуланд» [8] стали нарицательными словами при воспоминаниях о Майдане на Украине и о сожжённых заживо людях в Одесском доме профсоюзов. Повторение подобных варварских расправ, подобного зверства террористов над мирными людьми в современном мире не допустимо. Многим казалось, что в мире, победившем фашизм и нацизм, не могут повториться события, напоминающие Хатынь, великую трагедию братских народов СССР. Как целое поколение одной из бывших стран смогло забыть историю народа и страны, пренебрегло исторической памятью об этих страшных событиях и совершило этот невообразимый акт человеконенавистничества и сожжения живых людей?

Нам представляется, что в последние десятилетия образование, особенно в части воспитательной функции, стало оружием в руках нечистоплотных стран и их политиков, а должно, как и полагается, сеять разумное, доброе, вечное. Поэтому мы считаем, что государственная политика в сфере образования во взаимодействии с институтами гражданского общества, особенно с наиболее многочисленным и представительным – Русской православной Церковью, не исключая, конечно же и работу с другими конфессиями, к которым принадлежит многонациональный народ государства Российского, является, неоспоримо, наиважнейшим инструментом формирования и укрепления российской государственности, опирающейся на исторические смыслы и традиции. Приложение усилий государства по обеспече-

нию конституционного права на образование есть и будет являться одним из ключевых факторов тактического, среднесрочного и стратегического развития страны, обеспечения ее целостности с учетом сохранения исторически сложившегося государственного единства, «исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чья память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость» – как это и написано в преамбуле Конституции России.

Святейший Патриарх Кирилл в одном из своих выступлений отметил, что: «Задача Церкви и, я думаю, не только Церкви – власти, всех нас заключается в том, чтобы мы умели, обращаясь к нашему молодому поколению, воспитывать у молодежи чувства патриотизма, любви к Отечеству, к вере православной, которая является стержнем нашего патриотизма, для того чтобы это новое поколение способно было идти вперед тогда, когда наше поколение уже сойдет с исторической арены» [15].

Наверное, именно поэтому тесную взаимосвязь образования с политикой можно найти и в главных политических документах многих стран – право на образование закрепляется в их Конституциях. Право на образование – одно из главнейших среди социокультурных прав человека, без которого фактически невозможно, не только в полном объеме реализовать другие социальные, культурные, политические, экономические права, но и усвоить их содержание. Право на целенаправленный процесс воспитания и обучения не только в интересах человека и семьи, но и общества и государства, находится в зоне внимания основных законов государств, подчеркивая роль образования в становлении личности, в развитии общественно-политических и социокультурных процессов [4, с. 43].

Образование и его различные социально-демографические институты могут и должны влиять на формирование политической культуры, правосознания, патриотизма и других традиционных духовно-нравственных ценностей? Дело в том, что образование – основной и ключевой агент вторичной социализации личности, которое сопутствует человеку фактически на протяжении всей его жизни – это дошкольное, начальное, основное общее, среднее общее и/или среднее профессиональное, высшее образование (включая адъюнктуру и аспирантуру), корпоративное образование на предприятиях и в организациях. Процесс образования – это не только обучение, но и воспитание, что однозначно становится очевидным из смысла федерального законодательства.

В стенах образовательных учреждений молодой человек проводит большую часть своего времени, постигая азы социализации, межличностных коммуникаций, получая первичные знания, в том числе по вопросам политической системы своей страны и других государств, их исторического развития, постигая причинно-следственные связи между мировоззрением, духовностью, и достижениями государства в экономической, социальной сфере, сфере международных отношений. Поэтому именно здесь, в стенах «альма-матер», и нужно воспитывать чувство гражданственности, любви к своей Родине, уважения к другим народам и культурам. И это не только светские образовательные учреждения, но и религиозные – от воскресных школ до духовных семинарий. И слава Богу, что они движутся в одном синхронном направлении.

Благодаря продолжающимся десекуляризационным процессам в современной России после советского безбожия, благодаря процессу сакрализации, светская власть и церковноначалие сонаправленно движутся на пути построения России как уникального государства-цивилизации, способной развиваться вопреки чуждым и навязываемым российскому народу ценностям западных «демократий» и «толерантности», их избирательному правовому механизму, правосознанию, позволяющему вторгаться на территории других государств или дистанционно убивать их жителей ракетами средней и большой дальности.

На внешних территориальных границах нашей страны наши ценности и права защищают бывшие, нынешние и будущие воспитанники образовательных организаций ФСБ, в охране общественного порядка и противодействии военной угрозе со стороны недружественных стран – образовательных организаций высшего образования МВД России, Министерства обороны России, Прокуратуры России и других силовых и надзорных министерств

и ведомств. Воспитанники-курсанты, которые априори, отличаются от своих сверстников в гражданских колледжах, институтах, университетах и академиях тем, что выбрали служение государству, служение народу, служение, направленное на обеспечение национальной безопасности, не щадя своих сил. Эти молодые люди, выбравшие службу Родине, готовы и к самопожертвованию во имя простых граждан, они являются элитой страны, элитой, которой свойственны и историческая память, и традиционные духовно-нравственные ценности, в том числе ценности православия, без которых служение государству, народу и закону невозможно. На этом пути им помогают духовные пастыри возрожденного института военных священников. В образовательных организациях ФСБ, МВД России, Минобороны, Росгвардии торжественные церемонии принесения Присяги проводятся в местах, связанных с историей страны, с ее героическим прошлым, в местах увековечивания памяти о предках, отстоявших государственность и территориальную целостность своей страны, и ни одна из них не обходится без мудрого пастырского наставления от духовенства будущим солдатам Отечества. Все это также позитивно влияет на мировосприятие и правосознание курсанта.

В аналогичном стремлении к традиционным ценностям воспитаны и контрактники, добровольно вставшие на защиту новых регионов России, и волонтеры, которые помогают населению этих регионов в восстановлении жилья и социальных объектов. Мы можем с уверенностью сказать, что они воспитаны не на ценностях квадроберства, кейпоперства или поругания святынь. Заложенные в них в рамках воспитательного процесса традиционные нравственные ценности побудили их вступить на стезю помощи нашему народу. Активное взаимодействие Церкви и активистов молодежных движений «Юнармия», «Движение первых», «Школьный парламент», «Хранители истории» и прочих также будет способствовать в будущем появлению еще большего числа людей, которые будут знать и помнить историю своей страны и двигаться с этими знаниями по пути достижения государственных стратегических целей.

Активно участвует в воспитании молодежи Русская Православная Церковь и в светском высшем образовании, как и в дореволюционное время. Строятся новые храмы и церкви на территории образовательных организаций, организуются встречи и лекции духовенства с обучающимися по вопросам духовных ценностей, развивается сеть православных кружков. Всем известные модульные курсы школьной программы по основам религиозной культуры в целом или православной культуры в частности получили свое продолжение и в высшей школе. По поручению Президента России закончилась апробация и началось широкое внедрение в учебную программу образовательных организаций высшего образования модуля «История религий России». Образовательные организации совместно с митрополиями и епархиями, религиозными образовательными организациями организуют и проводят круглые столы, конкурсы научных работ, научно-практические конференции и другие мероприятия, направленные на выявление проблематики в воспитательной работе с обучающимися, на поиск решений по актуальным вопросам развития России, материальной и духовной сфер жизни общества.

Русская Православная Церковь, как уже было отмечено выше – это самый многочисленный институт современного российского гражданского общества. Это де-юре и де-факто старейшая экспертная организация нашей страны по вопросу традиционных духовно-нравственных ценностей. Православие исторически является доминирующей религией в истории страны. Основная религиозная книга – Библия, вкупе со староотеческими трудами святых отцов, содержит проверенные веками и тысячелетиями этические-правовые универсалии, нормы-универсалии не только для верующих, но и для всего российского социума. Нормы поведения и морали Библии, ее поучений и предостережений один в один перекликаются с традиционными духовно-нравственными ценностями, поименованными в Указе Президента России от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», такими как: взаимопомощь и взаимоуважение, высокие нравственные идеалы, гражданственность, гуманизм, единство, историческая память и преемственность, коллективизм, крепкая семья, милосердие, патриотизм. приоритет духовного над материальным, служение Отечеству и от-

ветственность за его судьбу, созидательный труд, справедливость и многими другими. Уже в самом тексте этого правового документа подчеркивается, что именно православию принадлежит особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей [14].

В качестве примера можно привести тот факт, что в христианстве всем членам религиозной общины фактически напрямую предписывается заниматься профилактикой поступков, противоречащих нормам и ценностям религиозных воззрений, Бог через пророка Иезекииля доносит до нас мысль, что если кто не направил праведника или грешника на путь праведный, остался в стороне, то и он виновен в грехопадении [2, с. 879]. Мы видим, как Русская Православная Церковь использует этот инструмент в пастырской работе, в проповедях, в СМИ, в киберпространстве, стремясь через донесение этико-правовых универсалий и норм до пастыи наставить верующих, настоящих и будущих, на путь истинный, на путь продолжения нашего народа. Родины. Кроме предписаний – как надо себя вести, Библия содержит в себе и предписания – как не надо себя вести, какие наказания предусмотрены. Сопоставлению стихов и притч Библии со статьями Уголовного кодекса РФ посвящена уже не одна научная работа, статья, монография, диссертация [1, с. 229], что еще раз подтверждает, что Русская Православная Церковь, ретранслируя неустаревающие и остающиеся актуальными по сию пору нормы и ценности православия Библии среди верующих и остального социума может и должна участвовать в воспитании молодежи.

Еще одним подтверждением, что именно Русская Православная Церковь является «бельмом на глазу», заградительным барьером для тех, кто пытается насадить чуждые ценности, затормозить развитие государства, задвинуть свою страну на задворки истории, являются действия политиков-западных «ставленников» в отношении самоуправляемых частей Русской Православной Церкви. Эти примеры мы видим в Молдове, Украине, Эстонии и других постсоветских странах [11]. Власти пытаются расколоть церковь, чиня препятствия, запрещая служения, конфисковывая храмы. Храмы, в которых верующие получали духовное воспитание, новые знания, впитывали в себя исторические духовные ценности. Храмы, в которых от членов религиозной общины и священников, прихожане получали достоверную информацию о богослужебных настроениях властей, «зеленом свете» с их стороны для появления и одобрения в обществе лиц нетрадиционной ориентации, лиц, популяризирующих отказ от деторождения (а это не только богопротивные явления, но и прямая угроза сохранению нации и государственности). Власти этих стран, попирая свои же Конституции и законы, запускают на историческую территорию православия псевдоправославные раскольниковские церкви и секты.

Всё чаще и чаще встречаются в самых важных документах осознание политиками важности и роли образования для формирования личности. Так, например, согласно Указу Президента России от 07.05.2024 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», одной из поставленных целей стала реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности [13]. И раз политика призвана обеспечивать целостность и социальную сбалансированность общества, это значит только одно – то, что умные, патриотичные и ответственные личности, воспитанные на ориентирах традиционных духовно-нравственных ценностей, и должны стать локомотивами развития общественной, в том числе и политической, жизни в стране и мире в целом, гарантами сохранения государственности нашей страны, гарантами достижения всех тактических и стратегических целей.

В современном обществе активно внедряется тенденция непрерывного образования, при котором человек будет находиться под влиянием института образования практически всю жизнь. Очень важно использовать это образовательное пространство, созданное для сотрудников предприятий и организаций, для духовного развития личности. Модули по патриотизму, духовным, культурным, историческим ценностям необходимо внедрять в корпоративных университетах, создаваемых, в том числе органами власти для муниципальных и государственных служащих. В качестве примера приведем опыт правительства Вологодской области

по организации встреч с духовенством сотрудников министерств и департаментов по вопросам духовно-нравственного развития, которые будут теперь проходить регулярно [7].

По вопросам образования власть сотрудничает и с бизнесом, и с другими институтами гражданского общества. Так, в качестве примера можно привести программу «Лидеры России» – программу, готовящую кадровый резерв, в том числе и для политической работы в представительных и исполнительных органах власти, построенную на тесном взаимодействии теоретической части образовательных программ и практической части от политиков, управленцев, бизнесменов, клириков Церкви, ставших наставниками для участников. Образовательными организациями высшего образования и некоммерческими организациями проводятся такие конкурсы, как Большая перемена», «Учимся выбирать», олимпиаду школьников по вопросам избирательного права и избирательного процесса, всероссийский молодежный конкурс законотворческих инициатив «Парламент-2030», конкурс молодых журналистов – международных СМГ имени А. А. Громыко, «Наследие выдающихся предпринимателей России», «Расскажи миру о своей Родине» и многие другие. В этих межгосударственных мероприятиях принимают участие не только российские подростки, но и их сверстники из евразийского пространства и других континентов. Эти форматы образования способствуют получению новых знаний в области права, истории, межличностных и групповых коммуникаций, межгосударственному общению. Велика их роль в формировании культуры открытости и политического диалога, религиозного диалога, воспитании патриотизма и любви к Родине и дружественным странам у молодежи. Работу в этом направлении необходимо укреплять и усиливать, чтобы достичь еще более весомых и значимых результатов.

Стоит отметить, что системы образования дружественных стран тесно переплетены. В качестве примера можно привести Сетевой университет СНГ, одной из целей создания которого является: «содействие ... развитию и взаимообогащению ... исторических и национальных традиций народов государств – участников Содружества Независимых Государств...» [6], действующие межгосударственные программы обучения, обмена для школьников, студентов, включая обучение, воспитание сотрудников правоохранительных органов зарубежных государств в образовательных организациях МВД России. При этом мы говорим и о том, что православие также является одной из самых распространенных религий на пространстве бывшего СССР и в процессе воспитания и обучения иностранных обучающихся также задействованы воспитательные моменты и нравственные ценности православия.

Все вместе, в совокупности с развитием системы образования, дает новый толчок к формированию политической культуры молодежи, ее правосознания. Молодежи, которая впоследствии станет одной из политических сил страны, сохраняющей то лучшее, что было в истории нашей страны и добавляя к этому полезные нововведения. Молодежи, из числа которой на политическую арену взойдут новые политики, новые государственные управленцы. Политики и служащие, которые изменят к лучшему жизнь не только своих стран, но и всего мира.

В завершении стоит сказать, что граждане, реализовавшие свое конституционное право на образование, пройдя процесс обучения и воспитания в образовательных организациях высшего образования, основанный на исторических корнях, религиозных ценностях, смогут сохранить и укрепить Россию как сильное, суверенное, демократическое правовое социальное государство, сохранить исторически сложившееся государственное единство, как и это и написано в преамбуле Конституции России. Всё это позволит выстроить безопасный мир, обеспечить глобальную и региональную стабильность.

Литература

1. Беспалько В. Г. Религиозные преступления в Моисеевом уголовном праве и их проекции в российском законодательстве X–XXI вв.: монография / Рос. тамож. акад. М.: ИНФРА-М, 2020. 231 с.
2. Библия. Книги Ветхого и Нового Заветов: свыше 250 рисунков и гравюр Гюстава Доре. СПб.: СЗКЭО, 2021. 1408 с.
3. Малер М., Пайн Ф. Психологическое рождение человеческого младенца: научная литература / пер.: Е. А. Перова, Е. А. Шадрова. М.: Когито-Центр, 2011. 416 с.
4. Ожиганова М. В. Образовательное право: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во РГПСУ, 2021. 144 с.

5. Филимонов Г. Ю., Карпович О. Г., Манойло А. В. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России. М. : Юнити-Дана, 2015. 583 с.
6. Архив. Сетевой университет Содружества Независимых государств // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3063/78389/> (дата обращения: 10.05.2025).
7. В областном Правительстве прошла лекция об устройстве Русской Православной Церкви // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://volgda-oblast.ru/novosti/v_oblastnom_pravitelstve_proshla_lectsiya_ob_ustroystve_russkoy_pravoslavnoy_tserkvi/ (дата обращения: 09.05.2025).
8. За прошедшие пять лет фраза «печеньки Нуланд» стала не менее устойчивой, чем «30 сребренников» // Первый канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2019-04-21/363944-za_proshedshie_pyat_let_fraza_rechenki_nuland_stala_ne_menee_ustoychivoi_chem_30_srebrennikov?ysclid=m3ieu7lwux416879409 (дата обращения: 17.04.2025).
9. Как готовят цветные революции // Независимое военное обозрение. URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2016-05-27/1_revolution.html (дата обращения: 17.04.2025).
10. Кризис легитимности государственной власти в эпоху глобализации // Публикации ВШЭ. URL: <https://publications.hse.ru/articles/403064645> (дата обращения: 14.03.2025).
11. Молдавский вариант раскола в православии: зачем это Санду // TACC. URL: <https://news.rambler.ru/world/54556044-moldavskiy-variant-raskola-v-pravoslavii-zachem-eto-sandu/> (дата обращения: 08.05.2025).
12. Патрушев: США финансируют учебники для СНГ, где дается искаженное понимание истории СССР // TACC. URL: <https://tass.ru/politika/16235453> (дата обращения: 17.04.2025).
13. Президент подписал Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный сайт Президента. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 08.05.2025).
14. Путин утвердил основы госполитики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей // RG.RU. URL: <https://rg.ru/2022/11/09/putin-utverdil-osnovy-gospolitiki-po-sohraneniui-i-ukrepleniiu-tradicionnyh-duhovno-nravstvennyh-cennostej.html> (дата обращения: 27.04.2025).
15. Святитель Патриарх Кирилл: патриотическое воспитание молодежи – залог успешного будущего России // Православие.ru. URL: <https://pravoslavie.ru/126243.html> (дата обращения: 25.04.2025).

УДК 316.35.023.4

Т. А. Фаина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

МАЛЫЕ ЭКСПЕРТНЫЕ ГРУППЫ И СПЕЦИФИКА ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ НА ПРИМЕРЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК⁵⁰

Статья посвящена исследованию роли малых социальных групп и их деятельности в современных условиях. В связи с быстрым изменением мира вокруг, появляются новые проблемы, которые требуют незамедлительного решения, этим и занимаются малые экспертные группы: они анализируют и решают появившиеся проблемы. Обосновывается, какие методы они для этого используют, включая качественные и количественные подходы; как они объединяют знания их разных областей для всестороннего анализа проблемы. Акцентируется внимание на том, как важны малые социальные группы в контексте гуманитарной научной сферы и сильно их влияние на формирование общественного мнения.

Ключевые слова: Малые социальные группы, социальные проблемы, анализ проблем, гуманитарные проблемы, качественные методы, количественные методы, социальное воздействие,

T. A. Fadina

Irkutsk State University, Irkutsk

SMALL EXPERT GROUPS AND THE SPECIFICS OF THEIR ACTIVITIES IN MODERN CONDITIONS USING THE EXAMPLE OF THE HUMANITIES

This article is devoted to the study of the role of small social groups and their activities in modern conditions. Due to the rapid change in the world around us, new problems appear that require immediate solutions, and this is what small expert groups do: they analyze and solve the problems that have arisen. The article discusses the methods they use for this, including qualitative and quantitative approaches; how they combine knowledge from different fields for a comprehensive analysis of the problem. The article talks about the importance of small social groups in the context of the humanitarian scientific sphere and their influence on the formation of public opinion.

⁵⁰ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Габельных.

Keywords: small social groups, social problems, problem analysis, humanitarian problems, qualitative methods, quantitative methods, social impact.

Во время быстрой трансформации общества и мира вокруг, образования новых сложных общественных проблем роль малых экспертных становится критически важной в процессе анализа и решения тех самых проблем. Чаще всего в малые экспертные группы входят разноплановые специалисты из всевозможных гуманитарных наук, которые обладают умением оперативно реагировать на случившиеся ситуации, с которыми общество вынуждено сталкиваться. Чаще всего состав малых групп ограничивается 5–15 участниками, своим малым количеством они могут быть более сплоченными, чем большие группы, и это дает им преимущество проводить углубленные обсуждения появившихся проблем и вырабатывать максимально эффективные рекомендации и пути решения [1]. Он используют как качественные, так и количественные методы исследования, например: опросные методы, экспериментальные исследования, моделирование данных, квазиэкспериментальные исследования, статистические наблюдения, фокус-группы, глубинные интервью, что помогает им выводить решение.

Благодаря качественным методам (к ним относятся интервью, фокус-группы, наблюдение) можно глубже проникнуть в контекст проблемы, но также есть риск потери большого количества времени и субъективности выводов; количественные методы (массовые опросы, статистический анализ) в свою очередь дает возможность измерять тренды и проводить проверку гипотез на больших выборках. Влияние таких групп на политическую сферу жизни и общественное мнение крайне важно, так как они могут изменить отношение к социально значимым вопросам [3; 4]. Также малые экспертные группы занимаются информационно-просветительской деятельностью чтобы распространить результаты своих исследований на широкий круг людей, к такой деятельности можно отнести публичные семинары, мастер-классы, сотрудничества с некоммерческими организациями. Во время их работы есть некоторые риски, например такие как ограниченные ресурсы и групповое мышление, поэтому им важно выделять и поощрять критическое мышление, а также устанавливать партнерства с другими организациями. Поддержка малых социальных групп важна по причине необходимости быстрого и эффективного реагирования на современные проблемы общества с их стороны [2; 4].

Типология малых экспертных групп охватывает как формальные, так и неформальные сообщества. Так, например, к формальным можно отнести экспертные команды, рабочие проектные группы, а к неформальным относят дружеские круги или локальные инициативы. Фокус-группы в социологии демонстрируют, как грамотно можно использовать преимущество малых групп для достижения наибольшей эффективности.

Особенность малых групп состоит в том, что в них собраны эксперты с различных областей, что позволяет им решать междисциплинарные проблемы, с которыми сталкивается современный мир. Технологические инновации и их внедрение, анализ эффективности новых методов лечения, экономическое развитие, работа в сфере образования и кадровой политики, национальная безопасность: нет возможности решить эти неприятности в рамках одной дисциплины или силами одной лишь бюрократии. Малые группы обладают преимуществом: в зоне их ответственности находится возможность быстро адаптироваться к изменениям и объединять людей разных слоев общества и профессий, учитывая локальные особенности.

Одним из главных преимуществ малых экспертных групп перед большими – их гибкость. Они обладают навыком оперативности, что хорошо, например для тестирования инноваций или проведения быстрых мозговых штурмов. В настоящее время функционирование малых групп трансформируется под влиянием технологий и глобализации. Появление цифровых платформ, по типу zoom, teams, Яндекс Телемост расширяют возможности и позволяют объединить экспертов из разных городов и стран, это одновременно и преимущество и недостаток. Недостаток с той стороны, что это новшество понижает эмоциональную вовлеченность и потерю концентрации из-за информационного шума. Также под воздействием

глобализации появляется потребность постоянно обучаться, например IT-специалисты вынуждены ежегодно осваивать новые технологии чтобы оставаться востребованным в конкурентной среде. Стоит помнить о том, что технологии должны дополнять живое человеческое взаимодействие, а не заменять его.

Малые социальные группы – это ответ на современные социальные вопросы. Они решают проблемы, сохраняя человеческий объем и обеспечивая устойчивость общества. Междисциплинарность малых групп, т. е. соединение знаний из разных областей, становится важной составляющей в быстроразвивающемся мире, где проблемы не укладываются в рамки одной лишь сферы науки. Всех достоинств междисциплинарности не перечислить, на к самым значимым относятся: комплексность решений, которые стимулируют креативность в пересечении дисциплин. Но, как и в любой ситуации, у каждого явления есть как положительная, так и отрицательная сторона, в данном случае вызовом, с которым сталкиваются ученые – это разный язык терминов. Один и тот же термин в разных сферах науки могут трактовать по-разному и, каждый отдельный ученый будет прав в своей трактовке в своей сфере деятельности. Также неизбежны и методологические конфликты, которые возникают в связи с несогласованностью наблюдений одной группы ученых и количественными моделями другой группы.

Успешность малых экспертных групп зависит исключительно от их способности сочетать в своей работе методологическую пластику с междисциплинарной открытостью. Например: при разработке климатических стратегий экологи, экономисты и социологи будут заняты каждый своей частью работы: экологи разработкой климатических стратегий и предоставлением данных о выбросах, социологи изучением готовности населения к изменениям, а экономисты потратят время на количество затрачиваемых средств. Благодаря качественным методом можно с большей лёгкостью выявить и понять локальные проблемы, в то время как при количественных можно оценить глобальные последствия. Джон Кресвелл подчеркивал важность принципа, который гласил о необходимости дополнения дисциплин по отношению друг к другу, а не о соперничестве между ними. При соблюдении этого принципа, и только при этом условии, у малых экспертных групп есть шанс предлагать решения, которые одновременно будут и инновационными, и реалистичными, и социально приемлемыми [3].

В эпоху, когда проблемы все сильнее и больше переплетаются и совмещают в себе несколько сфер жизни и науки, малые экспертные группы показывают свою способность к адаптации. Преимущество их заключается в грамотном переплетении, соединении технологий и человеческого опыта, глубины и масштаба, специализации и междисциплинарности.

Несмотря на довольно малые объемы этих экспертно-социальных групп, они имеют большое влияние и способны оказать воздействие на общественное мнение и политические решения. Они особенно важны в те моменты, когда есть необходимость в информировании большой массы людей, но передающиеся ими знания крайне узкоспециализированные и нуждаются в конкретных действиях. Например, группа экспертов, объединяющая ученых и практиков, часто выступает связующим звеном между наукой, научным знанием и обществом. Когда возникает такая необходимость они формируют общественное обсуждение через публикации в авторитетных изданиях, выступлениях в СМИ и открытых дискуссиях.

В политических процессах малые экспертные группы могут играть роль советников. Во время распространения коронавируса эксперты разных областей науки объединили усилия для разработки и распределения вакцин, которые впоследствии будут масштабироваться на национальный уровень. Благодаря их активной работе, оперативному анализу данных, появилась перспектива сократить сроки вакцинации и спасти жизни тысячи людей.

Несмотря на множество успехов, наблюдаемых у различных малых экспертных групп, их влияние все же сталкивается с критикой. Первое, что вызывает негативные эмоции это их состав, который часто отражает интересы узкого круга элит. Например, игнорирование одной сферой аспекты другой сферы, заикливание и фокус в одном месте. Второе замечание касается недостатка представительности, что может вызывать искажение выводов. Например выступление, в котором не были учтены культурные барьеры [5].

В качестве вывода отметим, что малые экспертные группы – это не просто инструмент для анализа, но и инициатор изменений, происходящих в обществе. Их преимущество заключается в том, что они способны получать знания, а потом эти самые знания превращать в действия.

Литература

1. Бритге Дж. Междисциплинарность: история, теория, практика. М. : Альпина Паблишер, 2020. 412 с.
2. Готлиб А. С. Введение в социологическое исследование: Качественный и количественный подходы. Методология. Самара : Самар. ун-т, 2002. 424 с.
3. Кресвелл Дж. У. Дизайн исследования: качественные, количественные и смешанные методы. 5-е изд. Лондон : SAGE Publications, 2018. 304 с.
4. Крюгер Р. А., Кейси М. Э. Фокус-группы: практическое руководство для прикладных исследований. 5-е изд. Лондон : SAGE Publications, 2014. 280 с.
5. Майерс Д. Социальная психология. СПб. : Питер, 2002. 512 с.

УДК 311.2

А. Н. Хмыль

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ⁵¹

Изучается влияние цифровых технологий на методы и теории социальных наук. Выявлены ключевые возможности и вызовы цифровизации, включая расширение доступа к данным и проблему цифрового неравенства. Уникальность анализа заключается в комплексном рассмотрении цифровой трансформации с опорой на актуальные российские данные и современные социологические теории.

Ключевые слова: цифровизация, социальные науки, социальное действие, сетевое общество, цифровое неравенство, цифровая социология.

A. N. Khmyl

Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF DIGITALIZATION IN THE DEVELOPMENT OF SOCIAL SCIENCES IN THE MODERN ERA

The study analyzes the impact of digital technologies on the methods and theories of social sciences. The work identified key opportunities and challenges of digitalization, including increasing access to data and the problem of digital inequality. The uniqueness of this analysis is due to the in-depth study of digital transformation based on current Russian data and modern sociological frameworks.

Keywords: social sciences, social action, network society, digitalization, digital inequality, digital sociology.

В XX веке социальные науки подвергаются большим изменениям из-за цифровизации. Она становится один из главных факторов трансформации методов изучения общества. Именно распространение цифровых технологий во всех сферах жизни открывает новые возможности для сбора и анализа больших данных. Это позволяет детальнее исследовать социальные процессы и поведение людей. Так, по данным ВЦИОМ, более 70 % россиян регулярно пользуются интернетом и социальными сетями. Это создает комфортные условия для проведения цифровых исследований и разработки новых социологических теорий. Так, во время пандемии COVID-19 мониторинг социальных сетей помог вовремя выявить распространение дезинформации.

Большие данные стали ключевым ресурсом для социальных сетей. Они содержат информацию мобильных приложений и интернет-поисков. Например, ВЦИОМ использует эти данные для мониторинга общественного мнения в реальном времени. Это позволяет значительно расширять возможности традиционных исследований. Благодаря анализу публика-

⁵¹ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Габельных.

ций, комментариям и лайкам в соцсетях выявляются общественные настроения и актуальные проблемы. А онлайн-платформы, такие как SurveyMonkey и Google Forms, обеспечивают быстрый сбор информации.

Современные цифровые технологии, например, платформа iFORA созданная в НИУ ВШЭ применяет искусственный интеллект для обработки миллионов документов. Это помогает определять тенденции и принимать обоснованные решения. Именно технологии обработки естественного языка (NLP) позволяют анализировать тексты в соцсетях и СМИ, выявляя эмоциональную окраску и темы обсуждений.

Однако цифровизация порождает и серьезные вызовы. Одной из главных проблем является цифровое неравенство – разрыв в доступе и новых использования технологий между разными социальными группами. Согласно ВЦИОМ, 44 % россиян считают высокой стоимостью устройств главным препятствием, 33 % испытывают нехватку навыков, а 32 % опасаются конфиденциальность данных. Особенно остро эти проблемы стоят для пожилых людей, жителей сельских районов и социально уязвимых групп [3]. Исследования цифрового разрыва помогают выявить эти проблемы и разрабатывать программы цифрового приобщения, направленные на повышение доступности технологий и обучение цифровой грамотности.

В марте 2025 г. ВЦИОМ провел всероссийский интернет-опрос, показавший, что 87 % россиян интересуются развитием цифровых технологий, но 62 % начинают их использовать только при необходимости, что ограничивает их участие в цифровой экономике и социальной жизни. Цифровизация также меняет теоретические и методологические основы социальных наук, формируя новое направление – цифровую социологию. Это междисциплинарная область, изучающая влияние цифровых технологий, социальных медиа, больших данных и алгоритмов на социальные процессы и поведение. В России цифровая социология развивается благодаря сотрудничеству научных центров, таких как ВШЭ и компания «Крибрум», которые анализируют динамику общественных процессов и цифровые профили пользователей с помощью методов машинного обучения, сетевого анализа и обработки естественного языка.

Важным теоретическим фундаментом для понимания этих процессов служит концепция «социального действия» Макса Вебера, который подчеркивал, что социальное поведение людей обусловлено смыслом, который они придают своим действиям. В цифровую эпоху этот смысл формируется не только в традиционных социальных взаимодействиях, но и в онлайн-пространстве. Где цифровые технологии становятся посредниками и трансформаторами социальных отношений [5]. Кроме того, теория «сетевого общества» Мануэля Кастельса помогает осмыслить, как информационные технологии создают новые формы социальной организации и коммуникации. Где власть и влияние распределяются через цифровые сети. Это особенно актуально для анализа социальных медиа и цифровых платформ, которые становятся ареной формирования общественного мнения и коллективных действий [6].

Цифровизация открывает широкие перспективы для социальных наук и общества в целом. По данным НИУ ВШЭ, доля сектора информационно-коммуникационных технологий в ВВП России в 2023 г. достигла 3,5 %, что свидетельствует о значительном влиянии цифровых технологий на экономико-социальную сферу. Цифровые инструменты позволяют автоматизировать и оптимизировать процессы в государственном управлении, образовании, здравоохранении и других отраслях. Например, внедрение систем искусственного интеллекта в платформы обратной связи способствует быстрому анализу обращений граждан и улучшению качества услуг.

Таким образом, вывод состоит в том, что цифровизация требует решения важных задач, а именно, преодоления цифрового неравенства, повышения цифровой грамотности и обеспечения защиты персональных данных. Только комплексный подход к этим вопросам позволит максимально эффективно использовать потенциал цифровых технологий для развития социальных наук.

Литература

1. Россия – страна возможностей // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-strana-vozmozhnostei> (дата обращения: 22.05.2025).
2. Digital 2025 Global Overview Report // DataReportal. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report> (дата обращения: 22.05.2025).
3. Исследование цифрового неравенства в России, март 2025 // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://deloros.ru/press-centr/novosti/novosti-o-nas/delovaya-rossiya-i-vtsiom-obsudili-razvitiye-kadrovogo-potentsiala-strany/> (дата обращения: 22.05.2025).
4. Платформа iFORA // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://ifora.hse.ru> (дата обращения: 22.05.2025).
5. Вебер М. Сетевая цивилизация. М. : Юрист, 1998. 720 с. .
6. Кастельс М. Сетевая цивилизация. М. : Изд-во ВШЭ, 2010. 432 с.

УДК 316.356.2

Д. В. Хоменко

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ, КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ И ОЦЕНКИ⁵²

Рассматриваются образовательные, профессиональные, карьерные стратегии молодых семей в современной России. На основе анализа экспертных оценок и мнений исследуются факторы, влияющие на формирование и реализацию данных стратегий, а также выявляются основные проблемы, с которыми сталкиваются молодые семьи в процессе достижения целей в сфере образования, профессионального развития и карьерного роста.

Ключевые слова: семья, проблемы молодой семьи, социальный институт, карьерные возможности.

D. V. Khomenko

Irkutsk State University, Irkutsk

EDUCATIONAL, PROFESSIONAL, AND CAREER STRATEGIES OF YOUNG FAMILIES IN MODERN RUSSIA: EXPERT OPINION AND ASSESSMENTS

This article examines the educational, professional, and career strategies of young families in modern Russia. Based on the analysis of expert assessments and opinions, the factors influencing the formation and implementation of these strategies are investigated, as well as the main problems faced by young families in the process of achieving goals in the field of education, professional development and career growth.

Keywords: family, problems of a young family, social institution, career opportunities.

Современное общество сталкивается с множеством вызовов, которые оказывают значительное влияние на жизнь молодых семей в России. В условиях быстро меняющегося мира, экономических и социальных изменений, молодые семьи часто испытывают стресс и кризисы, что может негативно сказаться на их образовательных, профессиональных и карьерных стратегиях. Важность поддержки и развития этих стратегий становится особенно актуальной, поскольку они формируют не только индивидуальное благополучие, но и стабильность семейных отношений.

Основная цель – выявить основные проблемы и барьеры, с которыми сталкиваются молодые семьи в России при реализации своих образовательных, профессиональных и карьерных стратегий. Опираясь на определение, данное Т. Е. Резник, «...стратегия жизни – это динамическая система перспективных ориентаций личности и возможности их реализации в данном социокультурном контексте ее жизни» [7]. Таким образом под жизненной стратегией молодой семьи мы понимаем систему перспективных ориентаций молодых супругов, реализация которых в данном социокультурном контексте их жизни позволит молодой семье достичь поставленных целей в профессиональной деятельности, образовании супругов и детей,

⁵² Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Габельных.

осуществлении репродуктивной функции, достижении планируемого благосостояния и качества жизни.

По мнению Ю. А. Акуниной и О. В. Ваниной [2] понятие «карьерные стратегии» отражает активную роль со стороны человека в собственной судьбе. Социологи под понятием «карьерные стратегии» понимают сознательное конструирование образа трудовой деятельности, выделяя главные цели, этапы карьерных достижений, а также выбор способов достижения профессиональных целей через интеграцию индивидуальных способностей и возрастных возможностей.

Автором был проведен экспертный опрос. Была подтверждена актуальность данной темы. В настоящее время наблюдается период кардинальной социокультурной трансформации российского общества, который оказывает влияние на все, без исключения сферы жизнедеятельности общества, в том числе и на семейные отношения. Особую важность на современном этапе приобретает проведение оценки этого влияния на молодые семьи, так как именно они служат фундаментом для формирования устойчивого общества.

Эксперты единогласно признают, что финансовая нестабильность (46,1 %) и недостаток материальных ресурсов оказывают самое сильное негативное влияние на молодые семьи. Это может быть связано с низкими заработными платами, проблемами с трудоустройством, высокими ценами на жилье, а также с недостаточной государственной поддержкой.

Ограниченные перспективы карьерного развития и профессиональной самореализации (23,1 %) также являются серьезной проблемой для молодых семей. Это связано с нехваткой рабочих мест. Отсутствие карьерного роста может привести к разочарованию, снижению мотивации и ухудшению финансового положения семьи.

Несоответствие заработной платы и цен (7,7 %) подчеркивает разрыв между доходами и расходами, вынуждая молодых людей работать на нескольких работах и лишая их времени на семью. Конфликты в семье из-за работы (7,7 %) показывает негативное влияние рабочей нагрузки и финансовой нестабильности на внутрисемейные отношения. Переработки, стресс на работе и финансовые трудности могут приводить к конфликтам и напряженности между супругами. Нехватка времени из-за семейных обязанностей (7,7 %) отражает сложность совмещения работы и воспитания детей.

Таким образом, экспертные оценки указывают на то, что финансовая нестабильность и ограниченные возможности для профессионального роста представляют собой основные внутренних вызовы, стоящие перед молодыми семьями (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «С какими внутренними вызовами сталкивается молодая семья в настоящее время?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Доля респ-тов, в %
1	Недостаток финансовой поддержки	6	46,1	100,0
2	Отсутствие возможности профессионального роста	3	23,1	50,0
3	Несоответствие заработной платы и цен, вынуждены работать много, часто на двух работах, времени на семейные отношения не хватает	1	7,7	16,7
	Свобода выбора	1	7,7	16,7
4	Конфликты в семье из-за работы	1	7,7	16,7
5	Нехватка времени из-за семейных обязанностей	1	7,7	16,7
6	Затрудняюсь ответить	0	0,0	0,0
	Всего	13	100,0	216,8

По мнению экспертов, экономическая среда (46,1 %), включающая доступность жилья и наличие стабильной работы, оказывает наиболее существенное влияние на молодые семьи. Проблемы с приобретением жилья (высокие цены, ипотека), а также нестабильность на рынке труда, низкие заработные платы и ограниченные возможности трудоустройства являются ключевыми вызовами, с которыми сталкиваются молодые семьи.

Значимость государства в поддержке молодых семей через программы и выплаты является важным фактором (23,1 %), влияющим на их благополучие. Эффективность и доступность программ, а также размер предоставляемой финансовой помощи, оказывают большое влияние на экономическое положение молодых семей.

Социальные (поддержка родственников, развод, конфликты) (15,4 %) поддержка со стороны родственников, особенно старшего поколения, может быть важным ресурсом для молодых семей, оказывая помощь в уходе за детьми, финансовую поддержку и моральную поддержку. С другой стороны, разводы и конфликты, как внутри семьи, так и с родственниками, оказывают негативное влияние на стабильность и благополучие молодой семьи. Социальная среда, включая ценности, нормы и традиции, также оказывает влияние на формирование и развитие молодых семей.

Демографические (вступление в брак, низкая рождаемость) (15,4 %) возраст вступления в брак, уровень рождаемости и общее демографическое положение в стране оказывают влияние на перспективы развития молодых семей. Позднее вступление в брак и низкая рождаемость связаны с экономическими трудностями, отсутствием уверенности в будущем, а также с изменением ценностных ориентаций молодежи.

Экспертный опрос позволил выявить, что наиболее значимыми внешними факторами, определяющими положение молодых семей, являются экономические условия (46,1 %) и политическая составляющая (23,1 %), определяющая уровень государственной поддержки (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Назовите внешние факторы, которые оказывают значительное влияние на молодую семью?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Доля респ-тов, в %
1	Экономические (жильё, работа)	6	46,1	100,0
2	Политические (выплаты молодым семьям, программы государства)	3	23,1	50,0
3	Социальные (поддержка родственников, развод, конфликты)	2	15,4	33,3
4	Демографические (вступление в брак, низкая рождаемость)	2	15,4	33,3
5	Затрудняюсь ответить	0	0,0	0,0
	Всего	13	100,0	216,6

Половина экспертов (50,0 %) считают, что молодая семья приоритет для государства и общества. Это означает, что часть экспертов уверены в наличии государственной политики и общественной поддержки, направленных на улучшение положения молодых семей. Треть экспертов (33,3 %) считают, что семья скорее является приоритетом, но, возможно, не в полной мере. Это связано с тем, что они видят определенные усилия, но считают их недостаточными или не всегда эффективными. Молодая семья скорее не является приоритетом для государства и общества (16,7 %). Этот ответ указывает на недостаток внимания и ресурсов, направленных на решение их проблем.

В заключение, экспертные оценки по вопросу приоритетности молодой семьи для государства и общества демонстрируют неоднозначность восприятия. Половина экспертов уверены в безусловном приоритете, видя подтверждение этому в реализуемой государственной политике. Однако значительная часть (33,3 %) придерживается более сдержанной позиции, указывая на то, что, несмотря на декларации, реальные меры поддержки часто оказываются недостаточными и неэффективными. И, наконец, небольшая часть экспертов (16,7 %) выражают скептицизм, считая, что молодая семья скорее не является реальным приоритетом для государства и общества, что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования политики и программ, направленных на поддержку молодых семей (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Является ли в настоящее время молодая семья приоритетом для государства и общества?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да безусловно;	3	50,0
2	Скорее да;	2	33,3
3	Скорее нет;	1	16,7
4	Нет, не является приоритетом.	0	0,0
5	Затрудняюсь ответить.	0	0,0
	Всего	6	100,0

Анализ экспертных оценок свидетельствует о том, что образовательные, профессиональные и карьерные стратегии молодых семей в России формируются под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. К основным внутренним вызовам эксперты относят недостаток финансовой поддержки и ограниченные возможности для профессионального роста. Формированию стратегий препятствуют также экономические условия, в частности, доступность жилья и стабильность занятости, а также эффективность государственной политики поддержки.

Для успешной реализации образовательных, профессиональных и карьерных стратегий молодых семей необходимо создать комплексную систему поддержки, направленную на повышение финансовой стабильности, расширение возможностей для профессионального роста, улучшение жилищных условий и совершенствование государственной политики с учетом экспертного мнения. Важно обеспечить адресность и эффективность мер поддержки, чтобы молодые семьи могли в полной мере реализовать свой потенциал и внести вклад в социально-экономическое развитие страны. Без целенаправленной и эффективной поддержки молодых семей невозможно обеспечить устойчивое развитие и процветание России в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Азизова Н. Н. Социальный статус молодой семьи в условиях современной России. Саранск, 2022. 20 с.
2. Акунина Ю. А., Ванина О. В. Технология личного брендинга в процессе подготовки современных специалистов социально-культурной сферы // Приоритеты социально-культурного образования в условиях модернизации российского общества : сб. науч. ст. по материалам науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию факультета соц.-культур. Деятельности, 28 окт. 2009 г., Москва / науч. ред. Н. Н. Ярошенко, Г. Н. Новикова, Е. В. Чижикова. М. : МГУКИ, 2009. С. 129–136.
3. Андреева Т. В. Семейная психология: Учебник для высших учебных заведений. М. : Аспект Пресс, 2022. 363 с.
4. Антонюк Е. В. Становление ролевой структуры молодой семьи и ее восприятие супругами // Вестник МГУ. 1993. № 4.
5. Дементьева И. Ф. Первые годы брака: проблемы становления молодой семьи. М., 1991.
6. Райгородский Д. Я. Психология семьи: учеб. пособие для факультетов психологии, социологии, экономики и журналистики. Самара : БАХРАХ-М, 2020. 752 с.
7. Резник Т. Е. Методология комплексного изучения жизненных стратегий личности // Личность. Культура. Общество. 2000. № 2. С. 40–59.
8. Харчев А. Г., Мацковский М. Г. Современная семья и её проблемы. М. : Статистика, 2023. 217 с.

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ⁵³

Анализируются ключевые факторы, определяющие характер и эффективность экспертной деятельности в условиях социально-политической нестабильности. Основное внимание уделяется исследованию институциональных ограничений, когнитивных стратегий и коммуникативных практик экспертов, действующих в условиях высокой неопределённости и динамичных социальных изменений. На основе анализа современных исследований рассматриваются проблемы адаптации экспертного знания к быстро меняющейся социально-политической реальности, а также особенности функционирования экспертных сообществ в кризисных условиях. Особое значение придаётся анализу взаимодействия различных детерминант экспертной деятельности и их влияния на процесс принятия управленческих решений в сфере социальной политики.

Ключевые слова: экспертная деятельность, социальная политика, институциональные ограничения, когнитивные стратегии, коммуникативные практики, социальные нестабильность.

P. S. Khoroshih

Irkutsk State University, Irkutsk

THE MAIN DETERMINANTS OF EXPERT ACTIVITY IN CONDITIONS OF SOCIO-POLITICAL INSTABILITY

The article analyzes the key factors determining the nature and effectiveness of expert activity in conditions of socio-political instability. The main focus is on the study of institutional constraints, cognitive strategies, and communication practices of experts operating under conditions of high uncertainty and dynamic social change. Based on the analysis of modern research, the problems of adapting expert knowledge to the rapidly changing socio-political reality, as well as the specifics of the functioning of expert communities in crisis conditions, are considered. Particular importance is attached to the analysis of the interaction of various determinants of expert activity and their impact on the process of making managerial decisions in the field of social policy.

Keywords: expert activity, social policy, institutional constraints, cognitive strategies, communication practices, social instability.

В современном мире, характеризующимся нарастающей сложностью социальных процессов и ускорением политических изменений, экспертное сообщество сталкивается с принципиально новыми вызовами, требующими глубокого переосмысления самой природы экспертной деятельности. Глобализация, цифровая революция и серия масштабных социально-политических кризисов последнего десятилетия создали качественно новую среду функционирования экспертного знания. Этот новый контекст порождает фундаментальную проблему – растущий разрыв между усложняющейся социальной реальностью и возможностями её адекватного осмысления существующими экспертными методами.

Фундаментальная проблема современной экспертной деятельности заключается в традиционных аналитических подходах, которые неспособны охватить всю сложность современных трансформаций. Ускорение социальных изменений приводит к парадоксальной ситуации, когда экспертное знание устаревает ещё до его практического применения, на стадии разработки или теории. Особенно остро эта проблема проявляется в условиях политической нестабильности, когда традиционные экспертные институты, обладая методологическим аппаратом, разработанным для относительно стабильных условий, оказываются не готовы к оперативному реагированию на стремительно меняющуюся реальность.

Этот концептуальный разрыв усугубляется цифровой трансформацией общественных коммуникаций, которая радикально меняет саму природу экспертного авторитета. В условиях, когда социальные медиа позволяют любому пользователю интернета позиционировать себя как эксперта, традиционные механизмы верификации знания подвергаются эрозии. Одновременно медиатизация экспертной деятельности создаёт ситуацию, когда форма презен-

⁵³ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Габельных.

тации знания зачастую становится важнее его содержания. В результате экспертное сообщество оказывается перед необходимостью одновременного решения двух противоречащих друг другу задач: сохранение научной строгости и методологической обоснованности своих выводов, с одной стороны, и адаптации к новым условиям производства и распространения знания – с другой.

Нарастающая фрагментация социального пространства, отмечавшаяся в связи с цифровой трансформацией, создаёт дополнительные сложности для экспертного осмысления реальности. Социальные процессы сегодня развиваются нелинейно, в разных темпах и направлениях в различных сегментах общества. Это делает проблематичной саму возможность выработки единых экспертных оценок, поскольку один и тот же феномен может принципиально по-разному проявляться в разных социальных группах и территориальных контекстах. В результате эксперты вынуждены либо ограничиваться узкоспециализированными анализами, либо идти на значительные упрощения, что в любом случае снижает практическую ценность их работы.

Цифровые трансформации общественных коммуникаций радикально меняет саму природу экспертного авторитета. Этот процесс имеет обратную сторону – легитимацию экспертного знания в новых медийных условиях. Алгоритмы социальных сетей фокусируются на вовлечении, а не достоверности контента. Это создаёт среду, где подлинная экспертиза конкурирует с дилетантскими мнениями и манипуляциями. В результате традиционные механизмы верификации знания теряют ценность. Возникает «рынок экспертиз», где вес мнений определяется медийной активностью, а не профессиональной компетентностью. Эти три фактора не просто сосуществуют, они взаимно усиливают друг друга. Ускорение социальных изменений приводит к фрагментации. Это, в свою очередь, усиливает хаотизацию цифровых коммуникаций. Получается замкнутый круг, который усугубляет эпистемологический кризис экспертизы. Разрыв между сложностью реальности и возможностями её осмысления таким образом становится не явлением, а устойчивой характеристикой современного этапа социального развития, требующей принципиально новых подходов к организации экспертной деятельности.

Особую сложность представляет вопрос о роли экспертов в условиях политической нестабильности, где возникает фундаментальное противоречие между общественным запросом и возможностями экспертного сообщества. В кризисные периоды действительно наблюдается резкий всплеск спроса на экспертное знание, количество обращений в первые месяцы политических кризисов возрастает в 3–5 раз. Однако этот повышенный спрос сталкивается с системными ограничениями традиционных экспертных институтов, создавая ситуацию, которую можно охарактеризовать как «парадокс экспертизы в условиях нестабильности». Глубинные причины этой ситуации кроются в нескольких взаимосвязанных факторах. Академические структуры, являющиеся основными производителями экспертного знания, в силу своей природы ориентированы на методологически выверенные, но относительно медленные исследовательские процессы. В условиях политической турбулентности, когда решения необходимо принимать в режиме реального времени, эта фундаментальная инерционность превращается в критический недостаток. Более того, традиционные экспертные институты часто оказываются не готовы к работе с принципиально новой информационной средой, формирующейся в кризисных условиях, когда скорость распространения информации многократно превышает возможности её верификации. При этом в ситуации неопределённости происходит важная трансформация самого характера экспертного знания. Если в стабильных условиях ценность экспертизы определялась прежде всего точность и глубиной анализа, то в кризисных ситуациях на первый план выходят критерии оперативности предоставления оценок, чёткость и доступность формулировок, способность снижать когнитивную неопределённость, а также убедительность презентации. Важно отметить, что эта трансформация создаёт серьёзные риски для качества экспертной деятельности. Упрощение сложных аналитических конструкций до медийных форматов ведёт к потере нюансов и упрощению реальных проблем. Кроме того, давление необходимости быстрых ответов часто вынуждает экспертов

делать выводы на основе недостаточных данных, что повышает вероятность ошибок. В результате возникает противоречие между ожидаемой и реальной ролью экспертов в кризисных ситуациях, требующее переосмысления как принципов организации экспертного сообщества, так и критериев оценки его работы.

Современные условия социально-политической нестабильности требуют от экспертного сообщества принципиально новых подходов к производству и распространению знания. Преодоление растущего разрыва между сложностью социальных процессов и возможностями их осмысления возможно лишь через глубокую трансформацию экспертных практик. Будущее экспертной деятельности видится в создании адаптивных структур, способных оперативно реагировать на вызовы турбулентной реальности, не теряя при этом системности и обоснованности своих аналогических конструкций.

Литература

1. Минтусов И. Политически консультанты: из Шервудского леса в покои замков // Советник. 2004. № 2 (98). С. 17.
2. Нейлор К. Как построить свою экспертную систему. М. : Энергоатомиздат, 1991. 279 с.
3. Поляков Л. В. Основы политического консультирования. М. : Книжный дом, 2004. 238 с.
4. Риггер В. Политическое консультирование и развитие демократии в России // Советник. 2004. № 2(98). С. 1–6.
5. Савенкова Т. И. Развитие консультационной деятельности. М. : МНИИПУ, 1990. 185 с.
6. Теория и организация экспертного прогнозирования. М. : ИМЭМО, 1990. 211 с.
7. Уотермен Д. Руководство по экспертным системам. М. : Мир, 1980. 201 с.
8. Штомпка П. Социология социальных изменений. М. : Аспект Пресс, 1996. 345 с.

УДК 316.4

А. В. Шатохина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ФЕНОМЕН «СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ» И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В РОССИИ И МИРЕ⁵⁴

Рассматривается сущность и основные проявления феномена «социальной напряженности», анализируются факторы его возникновения. Особое внимание уделяется причинам и формам его проявления в России. Также идёт сопоставление его проявлений в России и мире. Выделяются общие и уникальные черты протестных движений, роль государства, а также влияние цифрового пространства на динамику социальных настроений.

Ключевые слова: общество, социальная напряженность, мировые тенденции, нестабильность, стресс.

A. V. Shatokhina

Irkutsk State University, Irkutsk

THE PHENOMENON OF SOCIAL TENSION AND THE PECULIARITIES OF ITS MANIFESTATION IN RUSSIA AND THE WORLD

The article considers the essence and main manifestations of the phenomenon of 'social tension', and analyses the factors of its emergence. Special attention is paid to the causes and forms of its manifestation in Russia. It also compares its manifestations in Russia and the world. Common and unique features of protest movements, the role of the state, as well as the influence of digital space on the dynamics of social sentiment are highlighted.

Keywords: society, social tension, global trends, instability, stress.

Сам феномен социальной напряженности начинают изучать ещё в XIX в., но самый пик изучения приходится на 50-е гг. XX в. В России же, как считают исследователи, у истоков исследования социальной напряженности до 90-х гг. XX в. стоит психология. Именно психология была первой наукой (не считая естественные науки) в отечественной истории,

⁵⁴ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Габельных.

которая сформировала понятие «напряженность». В психологии напряженность рассматривали как состояние, когда человек ожидает неблагоприятных событий или осуществляет деятельность в сложных условиях. Термин «социальная напряжённость» появляется только на рубеже 1980–1990-х гг. Есть мнение, что до распада СССР социологи просто не могли открыто, без страха преследований, изучать и говорить о данном феномене. После этого термин начинает активно использоваться в научном сообществе, публицистике и повседневной речи, точно показывая проблемы в обществе и общественном мнении того времени. В первой половине 1990-х гг. выходит множество работ, изучающих данный феномен, авторами которых выступали П. И. Куконков, В. Н. Иванов, П. Д. Чернобай, С. В. Янин и др. В то же время начинают разрабатываться способы для измерения социальной напряженности, основанные на опросах населения и статистических данных [2].

В современном мире, где ежедневно происходят кардинальные изменения, связанные с политической, социальной или экономической обстановкой, такой феномен, как «социальная напряженность», приобрел особую актуальность. Социальная напряженность является одним из важнейших показателей состояния общества, отражающим уровень конфликтности, неудовлетворенности и стресса в отдельных социальных группах. Последние десятилетия можно наблюдать, как экономические кризисы, политические нестабильности, создают плодотворную почву для роста общественного недовольства как в России, так и во всем мире. В докладе ВЭФ The Global Risks Report 2025, отмечается, что при проведенном опросе 52 % ответили, что глобальное развитие будет нестабильным. В другом опросе, связанным с геополитической и геоэкономической ситуаций, 23 % отметили, что опасаются вооруженных конфликтов, что безусловно связано тем, что происходит в мире с приходом нового десятилетия. Также респонденты отмечают рост экономического неравенства [4]. При этом, что вполне естественно, население каждой страны переживает это по-разному. Связано это с различиями в историческом опыте, культурных традициях, менталитете, экономическом развитии. Важную роль также играет уровень доверия граждан к органам государственной власти. Высокий уровень способствует сплочению общества, снижению конфликтов и недовольства, низкий же уровень, вызывает подъем протестных настроений, рост социального недовольства и усиливает конфликты, поскольку люди сомневаются в добросовестности и эффективности властных структур. Российский опыт представляет особый интерес, так как страна проходит через кардинальные социальные, экономические и политические изменения.

На данном этапе следует ввести дефиницию данного феномена. Социальная напряженность – это особое состояние общественного сознания, когда у населения накапливается недовольство, внутренние противоречия, тревога, происходит подъем протестных настроений и общее ощущение социального дискомфорта. Нарастающее недовольство зачастую связано с падением уровня жизни (рост цен, падение реальных доходов), безработицей, экономическими кризисами, которые имеют связь и с политическими событиями, также играющие роль в повышении социального напряжения в обществе. К политическим факторам относятся недоверие к властным структурам, ограничение гражданских свобод (цензура, давление или полное устранение оппозиции, ограничение протестов), реформы, не удовлетворяющие потребности народа, принятые без их участия. Помимо этого, есть и социальные, информационные, культурно-ценностные и психологические факторы. Обобщая, можно сделать вывод, что социальная напряженность возникает в результате несоответствия между ожиданиями населения и возможностями удовлетворения этих самых потребностей через существующие общественные структуры и принятые в обществе нормы поведения.

Как характерную черту можно выделить ощущение у населения, что система работает не в интересах большинства, а решения, которые принимаются «сверху», никак не учитывают реальные потребности населения, оставляя его с чувством нарастающей тревоги, страха и недовольства. Так у людей начинает формироваться чувство отчужденности от власти и недоверия к тому, как она принимает решения. И сами эти решения, реформы, законы и т. п. кажутся населению абсурдными, неэффективными и попросту формальными. Это усиливает у людей ощущение несправедливости и приводит к тому, что какая-то часть социума теряет

веру в то, что изменения могут произойти законные и институциональные пути. Всё это приводит к снижению активности среди населения в политической и с ней же общественной жизни, любые реформы и изменения вызывают недоверие и отторжение.

Такое ощущение игнорирования со стороны власти, путем принятия решений, которые не соответствуют реальным потребностям населения, представляет собой основополагающий фактор социальной напряженности. Рассматривать его можно в нескольких аспектах. Например, это разрыв между официальными заявлениями и реальностью. Когда сначала представители власти делают какие-то заявления и дают обещания об улучшении социально-экономического положения населения, а в итоге реальность оказывается иной. Зачастую государство может провозглашать высокие цели социальной справедливости, равенства, поддержки уязвимых и малообеспеченных групп населения, но потом реальные меры оказываются вовсе не эффективны или же не предпринимаются вообще. Такое отношение порождает положение и доверие к власти в глазах народа, что и приводит к социальной напряженности. Люди видят, как обещанное повышение уровня жизни, улучшение трудовых условий, зарплата, не происходит, что создает почву для протестных настроений и конфликтов.

Помимо этого, социальное напряжение может быть спровоцировано недостаточной эффективностью и неадекватностью действий в условиях кризисных ситуаций. Так происходит, когда действия государства и их решения не соответствуют масштабу и сути проблемы или же являются недостаточными, что приводит к формированию недоверия со стороны населения, так как принимаемые решения выглядят некомпетентно. В условиях кризисной ситуации, когда общественное сознание находится в состоянии страха и тревоги, неадекватные меры воспринимаются как безразличие или элементарная неспособность власти решать проблемы.

Последние годы в России характеризуются повышением социальной напряженности. Внешнеполитическая ситуация серьезно сказывается на настроениях внутри страны. За последние несколько лет произошли определенные потрясения, которые вынудили россиян адаптироваться к новым условиям жизни [1]. Ряд событий, такие как например ввод санкций, уход большого количества компаний, давление со стороны всего мира, повлекли за собой как экономические последствия, так и социальные, и сказались на состоянии общества, например изменилась обстановка на рынке труда, произошло (и происходит по сей день) сильное повышение цен, что тоже вызывает недовольство в обществе [3]. Некоторые группы населения отмечают влияние внешнеэкономических факторов на свою повседневную жизнь, особенно в сфере цен, трудовой сфере и доступе к новым технологиям. Усиление заинтересованности к внутреннему рынку и переход на отечественное производство, поддержка отдельных отраслей внутри страны, всё это можно рассматривать как ответ на стоящие на повестке дня вызовы.

За последние несколько лет можно заметить тенденцию на повышение уровня социальной напряженности по всему миру. Несмотря на то что везде она происходит по-разному и справляются, и реагируют на неё так же по-разному – корни везде схожи. Вооруженные конфликты, которые вспыхивают всё чаще и чаще, экономический кризис и общее повышение цен по всему миру, экологические проблемы, политическая нестабильность – всё это вызывает у людей чувство неуверенности в завтрашнем дне, чувство страха, тревожность, недоверие к правящим элитам, так как те не справляются с ситуацией и никак её не решают, а если и пытаются, то терпят неудачи. Если в развивающихся странах напряжение растёт из-за бедности, коррупции и нестабильности, то в развитых странах это рост социального расслоения, изменения климата, конфликты между представителями разных политических течений. Так же свою роль сыграла цифровизация. Новости распространяются очень быстро, так же быстро порождая реакцию, делая конфликты более резкими и масштабными.

Но как отличается или какие есть сходства у социальной напряженности в России и мире. Сложно сравнивать Россию и остальной мир, так как «мир» всё же не является чем-то одним отдельным от России, а разными странами, с разным историческим и социокультурным контекстом, разными взаимоотношениями с другими государствами и разными внутренними проблемами. Но все же можно выделить, что социальное напряжение в России связано не только с внутренними проблемами, по типу демографической ямы и экономического кризиса

са, но и из-за давления со стороны мира, выраженном в санкциях и недружественных отношениях. Всё же в большинстве стран социальное напряжение вызвано более глобальными процессами. Можно сказать точно, что везде социальная напряженность вызвана экономическими проблемами, политической нестабильностью, недоверием власти и стремительно меняющимися условиями жизни.

Заключение

Социальная напряженность – многогранное и сложное явление, которое в XXI в., затронуло весь мир. Корни этого явления уходят в экономическое неравенство, политические противостояния, культурные разломы и технологические изменения. Сегодня мы наблюдаем, как локальные конфликты перерастают в проблемы мирового масштаба и затрагивают все страны. Для её снижения нужны современные адекватные и прозрачные меры, направленные на устранение конфликтов и их первоисточников, укрепление доверительных отношений между населением и властью. Только комплексный и совместный подход может стабилизировать ситуацию и снизить уровень общего напряжения в мире.

Литература

1. Бараночкиков В. А. Изучение особенностей социальной напряженности в условиях трансформации социальной структуры общества // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2012. № 4. С. 199–203.
2. Михеев И. В. Понятие социальной напряженности в отечественной и зарубежной социально-гуманитарной науке // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 5. С. 206–212.
3. Саблуков А. В. Социальная напряженность в российском социуме в условиях санкционного давления // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 4 (849). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-napryazhennost-v-rossiyskom-sotsiуме-v-usloviyah-sanktsionnogo-davleniya> (дата обращения: 19.05.2025).
4. Global risks report 2025 // World Economic Forum. 19th ed. Geneva: WEF, 2025. URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2025.pdf (дата обращения: 19.05.2025).

УДК 316.1

Е. В. Шевцова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ⁵⁵

Рассматривается значение цифровой социологии, а также ее появлений, особенности, возможность применения в российских регионах и перспективы развития в современном обществе.

Ключевые слова: цифровая социология, цифровизация, цифровые технологии, российские регионы.

E. V. Shevtsova

Irkutsk State University, Irkutsk

DIGITAL SOCIOLOGY AND ITS DEVELOPMENT PROSPECTS IN RUSSIAN REGIONS

In paper, we will consider the importance of digital sociology, as well as its appearance, features, the possibility of application in Russian regions and development prospects in modern society.

Keywords: digital sociology, digitalization, digital technologies, Russian regions.

Одним из ключевых трендов современности считается цифровизация общества, оказывающая влияние на все сферы жизни, включая социальную. В следствие чего возникает необходимость в введении новых подходов и методов для изучения социальных процессов. Цифровая социология использует цифровые данные и инструменты для анализа социальных явлений и процессов, что позволяет понять динамику и изменение современного общества,

⁵⁵ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Габельных.

вызванных цифровыми трансформациями. Российские регионы характеризуются разнообразием социально-экономических условий и уровнем владения цифровыми технологиями, поэтому цифровая социология может стать инструментом для решения актуальных социальных проблем, таких как изучение общественного мнения, мониторинг социальных настроений, анализ миграционных процессов и оценка эффективности социальных проблем, а также предсказания социальных процессов.

Становление цифровой социологии связывают с американским социологом Дж. Винном, который в 2009 г. выпустил статью, где впервые в научный оборот был введен термин «Цифровая социология». В своей работе Дж. Винн писал о применении цифровых технологий в социологических исследованиях. В дальнейшем британский социолог Н. Маррес расширила представление о цифровой социологии, начав изучать публичную цифровую социологию, цифровые возможности вмешательства в общественную жизнь, а также новые формы социального наблюдения и контроля [3].

Итак, цифровая социология – это направление в современной социологии, целью которого является изучение цифрового общества, технологическая инфраструктура которого представлена новейшими цифровыми технологиями (сети, большие данные, алгоритмы, платформы и др.) [5].

Ее главной особенностью является то, что цифровая социология работает с большим объемом данных и информации, что требует применения специальных методов анализа. Но несмотря на большой объем информации, цифровые данные позволяют получать сведения о социальных процессах в режиме реального времени, что важно для оперативного решения какой-либо проблемы. А также еще одной особенностью является то, что цифровые данные позволяют выявлять социальные явления и связи, которые сложно обнаружить традиционными методами исследования.

Благодаря развитию цифровой социологии, появилась возможность решения актуальных проблем в регионах. А именно: анализ социальных сетей позволяет выявлять проблемы, волнующие население, например, потребности граждан в инфраструктуре, транспорте и других сферах городской жизни, кроме того оценивать эффективность работы органов власти. Цифровые данные дают возможность отслеживать перемещения населения и выявлять факторы, которые влияют на миграцию населения [4].

В то же время использование новых технологий приводит к беспокойству о конфиденциальности, именно поэтому необходимо тесное сотрудничество социологов и аналитиков данных [2].

Цифровая социология имеет возможность развития в российских регионах. Например, развитие и поддержка региональных платформ для обработки больших данных, это позволит обеспечить доступ к необходимым данным для аналитиков и исследователей. Ведение курсов по цифровой социологии, анализу больших данных и машинного обучения в учебные программы. Создание и адаптация методик для цифровой социологии требует учета уникальных характеристик российских регионов, их социокультурных нюансов и уровня цифровой подготовки населения, что позволит делать исследования более точными и конкретными [2].

Литература

1. Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Издательство ИГУ, 2022. 414 с. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Загл. с этикетки диска.
2. Орлова И. Б., Фомин Е. В. Цифровая социология: возможности, риски, перспективы // Национальная безопасность. 2020. № 3. С. 1–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-sotsiologiya-vozmozhnosti-riski-perspektivy> (дата обращения: 19.05.2025).
3. Цифровая социология // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». URL: <https://bigenc.ru/c/tsifrovaia-sotsiologiya-bf9350> (дата обращения: 19.05.2025).
4. Торотова А. М. Цифровизация общества: проблемы реализации и новые возможности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 2021. № 1. С. 118–132. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obshchestva-problemy-realizatsii-i-novye-vozmozhnosti> (дата обращения: 19.05.2025).
5. Найденова Л. И. Цифровая социология: тенденции развития и возможности современных исследований // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 252–256. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Загл. с этикетки диска.

ЭФФЕКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ДОКУМЕНТОМ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНАХ⁵⁶

Обосновывается, что в государственных органах принятие управленческих решений, информационный контакт между отделами, а также ясность действий обеспечивается путем управления документами. Подчеркивается, что для слаженной и результативной работы организации необходимо использовать такой подход как эффективное управление документами. Сделан вывод, что применяя такую технику, работа государственных органов становится более модернизированной и рациональной, что позволяет обеспечить высокий уровень государственных услуг.

Ключевые слова: документация, управление документами, цифровизация, автоматизация, эффективное управление документами.

V. A. Shpakova

Irkutsk State University, Irkutsk

EFFECTIVE DOCUMENT MANAGEMENT IN GOVERNMENT AGENCIES

In government agencies, managerial decision-making, information contact between departments, and clarity of action are ensured through document management. For a well-coordinated and effective work of the organization, it is necessary to use such an approach as effective document management. Using this technique, the work of government agencies becomes more modernized and rational, which makes it possible to provide a high level of public services.

Keywords: documentation, document management, digitalization, automation, efficient document management.

Документация в Российской Федерации является основой управления и непосредственно связана с производственными процессами организации. Управление документооборотом является важнейшим фактором стабильного и скоординированного взаимодействия между всеми структурами государственных органов, что делает возможным доступ к важной для настоящего момента информации значительно проще и обеспечивает исполнение управленческих решений [5]. Социальное моделирование начинается с процесса организации данными и их эффективным анализом [8].

Следует отметить, что управление документооборотом помогает оптимизировать время на поиск нужной информации, позволяет государственным служащим свободно обращаться к необходимой документации в любой момент, что в свою очередь повышает общую производительность труда. Несмотря на все вышеперечисленные положительные качества, классическое управление документами имеет несколько недостатков. Во-первых, невозможность для сотрудников точно определить, где находятся документы, является существенным препятствием для эффективной работы. Во-вторых, ведение документации – картотек, журналов, личных дел в классическом понимании – потеря временного ресурса, следовательно, управление документооборотом не является эффективным. Немаловажным минусом также является недостаток площади (физического пространства) для хранения документации. Рост объема документооборота приводит к нарушенности порядка структурирования документов в архивах и картотечных шкафах.

Для решения проблем классического документооборота, а также в связи со стремительным развитием электронных технологий, у государственных органов появляется необходимость цифровизации документации. Она способствует многозадачности в работе с документами, ускоряет доступ к документации и модифицирует рабочую активность коллектива. Кроме того, цифровизация упрощает мобильность трудового процесса. В XXI в. в момент стремительного развития технологий, это является неотъемлемым инструментом эффектив-

⁵⁶ Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент О. А. Полношкевич.

ного управления документами. Государственные работники имеют прямой электронный доступ к необходимой документации в любой момент времени для получения и обработки информации, а также дает возможность для быстрой обратной связи и своевременному принятию управленческих решений.

Существует также такой способ эффективного управления документами как автоматизация. Она представляет собой систему, которая предназначена для упрощения всех процессов, связанных с ведением документации, начиная от создания, заканчивая хранением.

Автоматизация выполняет ряд функций, которые значительно оптимизируют работу организации. Она позволяет государственным учреждениям заметно снизить процент рутинной работы, делает процесс подписания документации гораздо проще и быстрее. Также шаблоны документа в системе оптимизируют трудовой процесс, уменьшают шанс ошибки в несколько раз, что, в свою очередь, повышает качество работы сотрудников. Кроме того, автоматизация снижает риск нарушения нормативно-правовых обязательств, помогает соответствовать необходимым требованиям. Также автоматизация включает в себя внутрисистемное подписание и отправку документов; делает потерю и повреждение документации практически невозможной; помогает осуществлять поиск документов в самые незначительные сроки, убирая необходимость обращения в архив.

В дополнение к этому, следует отметить, что немаловажным фактором является сохранение конфиденциальности данных за счет внедрения и совершенствования систем безопасности. Отсутствие такового может привести к серьезным проблемам. Чтобы этого избежать, необходимо на регулярной основе проверять текущее состояние информационной безопасности систем, т. е. проводить аудит.

В настоящее время современные технологии дают возможность получать и вносить электронную документацию в единую систему в государственных организациях. Осуществление системного проекта Российской Федерации «Электронное правительство 2020» позволило органам власти использовать информационные системы, которые обеспечивают своевременное оказание государственных услуг гражданам [3].

Одной из таких систем является СМЭВ – система межведомственного электронного взаимодействия. Она представляет собой «федеральную государственную информационную систему, которая способствует коммуникации данных среди всех органов различных уровней власти (федеральный, региональный, местный), а также в кредитных организациях, внебюджетных фондах в целях оказания электронных государственных услуг» [2].

Другой системой является МЭДО – система межведомственного электронного документооборота. Она характеризуется как «федеральная информационная система, задачей которой является координация связи между СЭД – системами электронного документооборота» [4].

Можно отметить, что СЭД региональных органов власти имеет возможность не подключаться к МЭДО, в то время как для федеральных СЭД данная процедура является обязательной.

В государственных органах система электронного документооборота работает во взаимосвязи с системой межведомственного электронного взаимодействия и системой межведомственного электронного документооборота. Отличием в работе является то, что для СМЭВ необходимо создать уникальную структуру, которая зависит непосредственно от сферы трудовой деятельности организации. В то время как для системы МЭДО таких условий не требуется и подойдет базовый блок. По Приказу Федерального Архивного агентства № 71 от 22.05.2019 «Об утверждении Правил делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления» все процессы, связанные с электронной документацией (создание, редактирование, хранение) в органах власти выполняются в системе СЭД [1].

Таким образом, цифровизация и автоматизация документооборота позволяет более эффективно управлять документами в государственных органах. Они делают возможным оптимизировать трудовой процесс; работать с документами удаленно без вреда для работы, без дополнительных временных и физических затрат; помогает поддерживать документацию в рамках

соответствия нормативно-правовым требованиям; хранить данные конфиденциально, что позволяет сконцентрировать внимание непосредственно на профессиональной деятельности.

Тем не менее при всей ее необходимости, цифровизация документооборота имеет ряд несовершенств. Во-первых, проблема возрастных сотрудников, которые не понимают и не принимают новые возможности ведения документооборота в электронном виде, что приводит к дополнительным затратам на обучение и мотивационные тренинги [7]. Во-вторых, некомпетентность в работе с системами автоматизации и отсутствие адаптации делает трудовой процесс менее эффективным, несмотря на доступные возможности. В-третьих, недостаток технического оборудования, сложности с электроэнергией в некоторых государственных органах, дефицит бюджета делают внедрение цифровизации проблематичнее. В-четвертых, новые технологии настолько стремительно развиваются каждый день, что законодательство государства не имеет возможности преуспеть за ними, замедляя внедрение более новых систем для эффективного управления документами.

В настоящее время действует Приказ Федерального Архивного агентства № 71 от 22.05.2019 «Об утверждении Правил делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления» [1]. В данном приказе рассматриваются такие положения как документирование управленческой деятельности; организация документооборота; управление документами в системе электронного документооборота; контроль исполнения документов (поручений); документальный фонд государственного органа, органа местного самоуправления; подготовка документов к передаче на хранение в архив государственного органа, выделение к уничтожению документов с истекшими сроками хранения.

Несмотря на все недостатки, цифровизация делает процесс управления документами в государственных органах более эффективным. Решив все эти проблемы, документооборот государства станет более продвинутым и модернизированным.

В настоящее время в государственных органах обычно используется сочетание традиционного (бумажного) управления документами и электронного. При работе с документом, в первую очередь, в электронном виде создается его шаблон, далее его распечатывают и выполняют всю необходимую работу, затем документ сканируют и снова вносят в систему электронного документооборота для дальнейшей передачи другим лицам. При таком методе управления документами, хоть их создание и передвижение и осуществляется через СЭД, подлинным он считается только в бумажном варианте. Альтернативой является наличие цифровой подписи на документе. Только в таком случае электронный документ будет иметь юридическую значимость. На данный момент, в государственных органах используются все вышеперечисленные методы управления документами. Со стремительным развитием технологических инноваций все больше учреждений испытывают необходимость в цифровизации и автоматизации при управлении документами.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в государственных структурах хоть и идет упор на управление документами в смешанном виде, предпочтение остается за бумажным носителем информации. Причиной этого является то, что электронный документооборот: добавили к имеющемуся бумажному без должной интеграции, тем самым и создавая метод управления документами, использующийся сегодня – смешанный. Это не только увеличивает прилагаемые усилия и временные затраты для работы даже с одним документом, но и также наблюдается значительный рост макулатуры. Эта сложность делает управление документами в государственных органах менее эффективным.

В заключение можно сказать, что управление документами является незаменимой частью в отделах, государственных органах и в сфере управления в целом. Для эффективного документооборота необходимо использовать комплексный подход, представляющий собой симбиоз классического (бумажного) управления документами и цифровизации. Оставив только положительно влияющие на рабочий процесс составляющие, ход работы с документами будет становится проще и совершенствоваться [7]. Кроме того, не стоит закрывать глаза на имеющиеся недостатки, которые вытекают из каждого способа при управлении доку-

ментами в государственных органах. Это поможет не только в оптимизации процесса трудовой деятельности, но и повысит эффективность работы в целом.

Своевременное выявление проблем компетенции сотрудников и устранение такового в виде проведения обучающих мероприятий, прохождения курсов повышения квалификации, предоставление технического оборудования в государственных организациях, четкое следование нормам и требованиям, прописанных в нормативно-правовых актах позволит осуществлять эффективный документооборот. Эффективный документооборот в государственных организациях дает возможность совершенствования всех процессов, связанных с ведением документации, сократить время на поиск нужной информации и повышать мобильность трудовой активности среди сотрудников [6].

Уровень доверия граждан и высокий уровень государственных услуг напрямую зависит от эффективного управления документами в государственных органах. Поэтому, организация эффективной системы документооборота может стать основой продуктивного управления и повышения доверия населения к органам власти.

Литература

1. Об утверждении Правил делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления : приказ Федер. архив. агентства № 71 от 22.05.2019 // Федеральное архивное агентство : офиц. сайт. URL: https://archives.gov.ru/documents/prik71_2019.shtml (дата обращения: 19.05.2025).
2. Государственная информационная система о государственных и муниципальных платежах (ГИС ГМП) // Федеральное казначейство Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://roskazna.gov.ru/gis/gosudarstvennaya-informacionnaya-sistema-o-gosudarstvennykh-i-municipalnykh-platezhakh-gis-gmp/obuchayushchie-materialy/poryadok-ispolzovaniya-gosudarstvennoy-informatsionnoy-sistemy-o-gosudarstvennykh-i-munitsipalnykh-p-obmen-informatsiey/> (дата обращения: 19.05.2025).
3. Системный проект Российской Федерации «Электронное правительство 2020» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/sistemnyii-proekt-elektronnogo-pravitelstva-rf.pdf> (дата обращения: 19.05.2025).
4. Система межведомственного электронного документооборота органов власти (МЭДО). URL: https://eos.ru/eos_products/sistema-medo/ (дата обращения: 19.05.2025).
5. Управление документооборотом в государственном секторе. URL: <https://v8soft.ru/blog/dokumentoorot/upravlenie-dokumentoorotom-v-gosudarstvennom-sektore/> (дата обращения: 19.05.2025).
6. Электронный документооборот в органах государственной власти. URL: <https://astral.ru/info/elektronnyy-dokumentoorot/elektronnyy-dokumentoorot-v-organakh-gosudarstvennoy-vlasti/> (дата обращения: 19.05.2025).
7. Ермолаева А. В. Совершенствование управления документами в органах государственной власти // Делопроизводство. 2020. № 4 (112). С. 16–22.
8. Полюшкевич О. А. Социальное моделирование информационно-аналитическими данными: истина в потоке или результате? // В поисках социальной истины : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 343–345.

**СПЕЦИФИКА ВЛИЯНИЯ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ
НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ НАРКОМАНИИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ:
РАЗВИТИЕ ЭКСПЕРТНОГО ЗНАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)⁵⁷**

Статья посвящена исследованию специфики влияния интернет-ресурсов на распространение наркомании среди молодежи в России, основанному на анализе экспертного знания и данных эмпирических исследований. Рассматриваются ключевые факторы, способствующие наркотизации молодежи. Проведено сравнение мнений экспертов и населения Иркутской области, выявившее значительные расхождения в оценке угроз, которые предоставляет контент в сети Интернет.

Ключевые слова: наркомания, молодежь, интернет-ресурсы, цифровая среда, экспертное знание.

E. V. Shuvaeva

Irkutsk State University, Irkutsk

**THE SPECIFICS OF THE INFLUENCE OF INTERNET RESOURCES ON THE SPREAD OF DRUG
ADDICTION AMONG YOUNG PEOPLE IN RUSSIA: THE DEVELOPMENT OF EXPERT KNOWLEDGE
(USING THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION)**

The article is devoted to the study of the specifics of the influence of Internet resources on the spread of drug addiction among young people in Russia, based on the analysis of expert knowledge and empirical research data. The key factors contributing to the drug addiction of young people are considered. A comparison of the opinions of experts and the population of the Irkutsk region was carried out, which revealed significant discrepancies in the assessment of threats posed by content on the Internet.

Keywords: drug addiction, youth, Internet resources, digital environment, expert knowledge.

На современном этапе развития проблема наркозависимости занимает значимое место в социальных и психологических исследованиях, требуя всестороннего изучения. Сегодня это явление уже не рассматриваются как частная трагедия, затрагивающая лишь отдельных людей или их близких. Акцент сместился на системный характер наркомании, которая отражает целый комплекс негативных тенденций, укоренившихся в обществе. Особую тревогу вызывает распространение этой проблемы среди молодежи, что делает анализ социальных условий ее формирования особенно важным. Молодые люди, оказавшиеся в неблагоприятных условиях, особенно подвержены риску. На них влияют различные внешние факторы: давление окружения, сложные социально-экономические обстоятельства, а также активное воздействие цифровых технологий. Современные онлайн-платформы, включая соцсети, мессенджеры и даркнет, не только предоставляют информацию о наркотиках, но и способствуют их популяризации, преподнося употребление как часть «модного» образа жизни. Криминальные структуры активно используют интернет для сбыта наркотиков, что усугубляет ситуацию. Виртуальное пространство стало не только средством пропаганды психоактивных веществ, но и ключевым каналом их распространения. В связи с этим необходимо изучить, как цифровые технологии влияют на рост наркомании среди молодежи. По данным на 2023 г., в России зафиксирован рост наркопреступлений, совершаемых через интернет, на 25,7 % (103,9 тыс. случаев против 82,7 тыс. в 2022 г.) [5]. В Иркутской области ситуация также остается напряженной: число зарегистрированных потребителей наркотиков увеличилось на 3,9 % по сравнению с предыдущим годом. Всего в регионе зафиксировано 5751 чел. с диагнозом наркозависимости, причем 76,9 % из них – молодые люди в возрасте 15–39 лет, впервые попробовавшие запрещенные вещества. Кроме того, растет смертность от передозировок: в 2023 г. зарегистрировано 112 летальных случаев, тогда как в 2022 г. их было 103 [3]. Эти цифры подтверждают, что проблема требует немедленного внимания и развития не только со

⁵⁷ Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Габельных.

стороны научного профильного знания, но и экспертного, имеющая статистика нуждается в более глубоком социологическом анализе для того, чтобы меры были более эффективны.

На этих вопросах фокусировалось внимание с начала возникновения социологии, представителями всех социологических школ. Впервые, наркоманию как предмет социологического анализа стал изучать Эмиль Дюркгейм. В своей теории аномии Дюркгейм рассматривает наркопотребление, как следствие кризиса социальных норм, разрушение солидарности и дезорганизации общества. Дюркгейм называл наркоманию «социальной патологией» – она, как и самоубийства, сигнализирует о дисфункции всей системы. Идеи Эмиля Дюркгейма легли в основу многих теорий девиантного поведения [6].

Роберт Мертон – еще один представитель классической социологии, которые занимался изучением девиантного поведения. В своем труде «Социальная структура и аномия» он рассматривал наркоманию, как форму девиантного поведения, вызванную разрывом между ожиданиями общества и реальными возможностями их достижения и объяснял, почему молодежь из бедных районов чаще вовлекается в наркопотребление [7].

Одним из фундаментальных трудов отечественной социологии девиантного поведения, в частности о наркомании среди молодежи можно выделить «Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других "отклонений"». В этой работе социолог Яков Ильич Гилинский системно исследует природу девиантного поведения, включая наркоманию среди молодежи, через призму социальных, экономических и культурных факторов [2].

Если говорить о специфике влияния интернет-ресурсов на распространение наркомании среди молодежи, то можно выделить Р. В. Голубина. В своем научном труде «Интернет-среда как коммуникативный фактор социальной наркотизации» анализирует механизмы, через которые интернет влияет на социальную наркотизацию, включая анонимность, доступность информации и возможность общения в замкнутых сообществах. В статье также рассматриваются различные формы интернет-контента, способствующие наркотизации общества, такие как форумы. Социальные сети и мессенджеры, где происходит активное обсуждение наркотиков и их потребления [4].

О. Ю. Введенская рассматривает современные методы, используемые для реализации наркотиков через интернет и другие телекоммуникационные каналы. Автор анализирует правовые аспекты данной проблемы, а также выявляет способы, которыми преступники используют новые технологии для скрытного осуществления своих противоправных действий [1].

Автором было проведено пилотажное исследование среди жителей Иркутской области в рамках исследовательского проекта на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций Иркутского государственного университета в декабре 2024 г. Также было проведено пилотажное исследование среди экспертов Иркутской области, из них были представители от органов общественного контроля, общественной экспертизы (Общественная палата Иркутской области), от высших учебных заведений и научных учреждений, от специализированных учреждений Иркутской области, от органов государственной власти Иркутской области, от органов местного самоуправления г. Иркутска.

В ходе исследования были выявлены факторы распространения наркомании среди молодежи. Так, экспертам был задан вопрос: «Какие факторы, по мнению эксперта, больше всего влияют на увеличение уровня наркомании в молодежной среде?». С результатами можно ознакомиться в табл. 1.

Анализ данных табл. 1, отображающей мнения экспертов о факторах, способствующих увеличению уровня наркомании в молодежной среде, позволяет выделить несколько значимых аспектов. В первую очередь отметим, что наибольшее количество ответов (27,8 %) сконцентрировано на трансформации функций семьи, что указывает на важность семейного воспитания и роли родителей в формировании установки молодежи по отношению к наркотикам. Это свидетельствует о том, что проблемы в семейной структуре и недостаточное внимание со стороны родителей могут быть основными провокаторами для молодежи, ищущей пути к выходу из проблем.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Какие факторы, по мнению эксперта, больше всего влияют на увеличение уровня наркомании в молодежной среде?»

№ п/п	Вариант ответа	Кол-во ответов	Доля ответов в %
1	Трансформация функций семьи (родители не справляются с воспитанием детей)	5	27,8
2	Доступность наркотиков в интернет-пространстве	4	22,2
34	Легкий доступ к наркотикам в обществе	3	16,7
5	Рост социальных болезней	2	11,1
6	Социально-экономическая ситуация в стране	2	11,1
7	Отсутствие должного информирования о наркотиках	1	5,6
8	Уровень безработицы	1	5,6
9	Другое (а именно: «не отсутствие, а недостаточное информирование о психологических проблемах и способах работы с ними»)	1	5,6
10	Высокий уровень преступности	0	0,0
11	Отсутствие возможностей для самореализации и карьерного роста	0	0,0
12	Отсутствие информирования о том, как можно справиться с психологическими проблемами	0	0,0
13	Появление новых молодежных культур и субкультур	0	0,0
14	Затрудняюсь ответить	0	0,0
	Всего	18	100,0

Следующим по значимости фактором, согласно мнению экспертов, является доступность наркотиков в интернет-пространстве (22,2 %). Это подчеркивает актуальность цифровой среды, как источника распространения наркотиков. Современные технологии предоставляют легкий доступ к опасной информации и товарам.

Третий фактор, легкий доступ к наркотикам в обществе, составил 16,7 % ответов. Он свидетельствует о том, что не только интернет, но и общественные условия способствуют легкости доступа к наркотическим веществам.

Как показали результаты предыдущего вопроса, интернет-ресурсы действительно играют большую роль в распространении наркомании среди молодежи. Как раз таки здесь встает вопрос, а какой именно контент в интернет-ресурсах представляет наибольшую опасность для общества. С результатами можно ознакомиться в табл. 2.

Таблица 2

Какие, по мнению эксперта, публикации о наркотиках в интернет пространстве представляют наибольшую опасность для общества?

№ п/п	Вариант ответа	Кол-во ответов	Доля ответов в %
1	Видеоролики и публикации об опыте потребления наркотиков	5	20,8
2	Форумы и группы, где обсуждаются способы употребления наркотиков	5	20,8
3	Контент «наркоблогеров»	4	16,7
4	Материалы, рекламирующие наркотики как способ расслабления	4	16,7
5	Публикации, легализующие наркотики и принижающие их опасность	3	12,5
6	Обсуждения о «безопасном» употреблении наркотиков	3	12,5
7	Затрудняюсь ответить	0	0,0
	Всего	24	100

Из того, как ответили эксперты на этот вопрос, можно сделать вывод, что наибольшую опасность они видят в: видеороликах и публикациях об опыте употребления (20,8 %); форумах и группах с обсуждением способов употребления (20,8 %). Следующими по уровню угрозы стали ответы: «Контент наркоблогеров» (16,7 %); «Реклама наркотиков как способа расслабления» (16,7 %). Менее опасными эксперты считают легализующий контент (12,5 %) и обсуждения «безопасного» употребления (12,5 %).

Этот же вопрос был задан жителям Иркутской области. Результаты можно посмотреть в табл. 3.

Таблица 3

Какие, по мнению респондента, публикации о наркотиках в интернет пространстве представляют наибольшую опасность для общества?

№ п/п	Вариант ответа	Кол-во ответов	Доля ответов в %
1	Материалы, рекламирующие наркотики как способ расслабления	54	29,5
2	Форумы и группы, где обсуждаются способы употребления наркотиков	32	17,4
3	Обсуждения о «безопасном» употреблении наркотиков	29	15,8
4	Публикации, легализующие наркотики и принижающие их опасность	26	14,2
5	Контент «наркоблогеров»	24	13,1
6	Видеоролики и публикации об опыте потребления наркотиков	14	7,6
7	Затрудняюсь ответить	3	1,6
8	Другое (а именно: «все варианты и неправильная пропаганда ЗОЖ»)	1	0,5
	Всего	183	100,0

Анализ данных табл. 3 показал, что наибольшую опасность, по мнению участников, представляют: материалы, рекламирующие наркотики как способ расслабления (29,5 %) – они формируют ложное впечатление о безопасности веществ; форумы и группы с обсуждением способов употребления (17,4 %) – такие платформы могут служить инструкцией для новичков. Значительно меньшую угрозу респонденты видят в видеороликах и публикациях об опыте потребления (7,6 %). Другие категории, например, контент наркоблогеров (13,1 %) и легализующие наркотики публикации (14,2 %), также набрали высокие проценты, что указывает на многоаспектность проблемы.

Сравнение ответов экспертов и представителей широкой общественности на вопрос о том, какие публикации о наркотиках в интернет-пространстве могут представлять наибольшую опасность для общества, приводит к интересным и значимым выводам. Прежде всего, важно отметить, что эксперты, имеющие более глубокие знания и понимание статистики и психологических аспектов воздействия информации, высказывают иные взгляды на опасность контента, чем обычные пользователи.

Наиболее заметной разницей является уровень обеспокоенности по поводу видеороликов и публикации об опыте потребления наркотиков. Эксперты считают их наиболее опасными, обозначая этот вид контента как наивысшую угрозу (20,8 %). Среди населения всего 7,6 % обеспокоены таким видом контента.

Следующее, о чем стоит сказать – это форумы и группы, где обсуждаются способы употребления. Здесь мнения экспертов и населения демонстрируют более близкие цифры. Эксперты оценивают опасность такой информации на 20,8 %, что близко к 17,4 % – оценки населения.

Также стоит отметить различие мнений экспертов и населения в вопросах, касающихся распространения материалов, рекламирующих наркотики как способ расслабления. Здесь эксперты проявляют меньшую степень обеспокоенности данным контентом (16,7 %), в то время как население высказывает гораздо более высокий уровень тревоги – 29,5 %.

Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что эксперты сосредоточены на контенте, который может формировать практические навыки, и создавать иллюзию нормальности по отношению к наркотикам. Они подчеркивают опасность видеороликов и обсуждений, которые могут создать относительную приемлемость зависимости в глазах молодежи. В то же время, простые жители воспринимают угрозу в более традиционных формах контента в интернете, таких как реклама.

В заключение отметим, что все вышесказанное убедительно демонстрирует, что интернет-ресурсы стали мощным катализатором распространения наркомании среди российской молодежи, формируя новую систему угроз и вызовов для общества. Анализ экспертных оценок и данных социологических исследований выявил три ключевых аспекта этой проблемы: во-первых, цифровая среда создаёт беспрецедентные возможности для пропаганды и реализации наркотических веществ через специализированные площадки, форумы и социальные сети; во-вторых, специфический интернет-контент (особенно видеоролики и блоги) ак-

тивно формирует у молодёжи искажённое восприятие наркотиков как элемента современной культуры; в-третьих, наблюдается тревожный разрыв между экспертной и обывательской оценкой степени опасности различных видов наркотического контента. Полученные результаты имеют важное практическое значение для совершенствования государственной политики в сфере профилактики наркомании. Они указывают на необходимость пересмотра существующих подходов с учётом цифровой трансформации наркорынка и особенностей восприятия информации нынешней молодёжью. Дальнейшие исследования в этом направлении должны быть сосредоточены на разработке эффективных методик оценки интернет-рисков, анализе региональных особенностей наркотизации и поиске оптимальных форматов профилактической работы в цифровой среде. Только комплексный междисциплинарный подход, объединяющий усилия социологов, психологов, правохранителей и IT-специалистов, может стать хорошим ответом на этот вызов современности.

Литература

1. Введенская О. Ю. Способ незаконного сбыта наркотических средств с использованием сети Интернет и телекоммуникационных технологий // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 2 (48). С. 19–23.
2. Гишинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»: монография. 2-е изд., испр и доп. СПб. : Изд-во Р. Асланова: Юрид. центр Пресс, 2007. 525 с.
3. Доклад о наркоситуации в Иркутской области в 2023 году (выдержка) // Иркутская область : офиц. портал. URL: <https://irkobl.ru/sites/ank/law/reg/Выдержка.pdf> (дата обращения: 19.05.2025).
4. Голубин Р. В., Коротышев А. П., Рыхт П. П. Интернет-среда как коммуникативный фактор социальной наркотизации // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 4 (72). С. 134–141.
5. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2023 году (выдержка) / Государственный антинаркотический комитет. М., 2024. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/6440403> (дата обращения: 19.05.2025).
6. Дюркгейм Э. Суицид / пер. А. Н. Ильинский. СПб. : Изд-во АСТ, 2019. 523 с.
7. Мертон Р. Социальная структура и аномия / пер. Е. А. Самарская. М. : Прогресс, 1966. С. 299–313.

УДК 316.62:616–083.98

Н. В. Юлдашева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТИГМЫ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ВИЧ-ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Обосновывается, что социальная стигма остаётся одной из ключевых преград на пути к улучшению жизни людей, живущих с ВИЧ, которая формирует барьеры в сфере медицины, образования, труда и межличностных отношений, усугубляя состояние здоровья и снижая качество жизни. Рассматриваются формы стигматизации, последствия внешнего и внутреннего отвержения, а также современные подходы к снижению стигмы в социальной и профессиональной среде. Особое внимание уделяется психологическим аспектам и роли поддержки в преодолении дискриминации и восстановлении личных ресурсов ВИЧ-положительных людей.

Ключевые слова: ВИЧ, стигматизация, дискриминация, качество жизни, внутренняя стигма, психосоциальная поддержка, социальная работа.

N. V. Yuldasheva

Irkutsk State University, Irkutsk

THE IMPACT OF SOCIAL STIGMA ON THE QUALITY OF LIFE OF HIV-POSITIVE PEOPLE

Social stigma remains one of the key barriers to improving the lives of people living with HIV. It forms barriers in the fields of medicine, education, work and interpersonal relationships, worsening health and reducing quality of life. The article examines forms of stigmatization, consequences of external and internal rejection, as well as modern approaches to reducing stigma in the social and professional environment. Particular attention is paid to psychological aspects and the role of support in overcoming discrimination and restoring personal resources of HIV-positive people.

Keywords: HIV, stigmatization, discrimination, quality of life, internal stigma, psychosocial support, social work.

ВИЧ-инфекция остаётся одной из острых проблем современного общества, и с течением времени всё более очевидным становится тот факт, что борьба с вирусом выходит далеко за рамки медицинской сферы. Жизнь с ВИЧ сопровождается не только необходимостью постоянного приёма антиретровирусной терапии и контроля над состоянием здоровья, но и тяжёлыми социальными последствиями, связанными с восприятием этого диагноза в обществе. Одним из наиболее разрушительных факторов становится стигматизация – навешивание негативных ярлыков, исключающее ВИЧ-положительного человека из привычного социального пространства. Эта стигма охватывает все сферы жизни – от медицинского обслуживания до трудоустройства и межличностных отношений – и напрямую влияет на качество жизни людей, живущих с ВИЧ [2].

В социологическом и психологическом понимании стигматизация представляет собой устойчивое отрицательное восприятие человека на основе одного из его признаков – в данном случае, серологического статуса [4]. При этом ВИЧ-инфекция часто воспринимается через призму моральных оценок: диагноз связывается с «аморальным образом жизни», сексуальной безответственностью, употреблением наркотиков. Подобные представления укоренены глубоко и формируют атмосферу страха, отчуждения и осуждения. Даже несмотря на то, что информация о путях передачи ВИЧ сегодня более доступна, страх заразиться при бытовом контакте остаётся сильным и приводит к реальным случаям дискриминации. Многие ВИЧ-положительные люди сталкиваются с отказом в медицинской помощи, нарушением врачебной тайны, предвзятым отношением со стороны работодателей и учителей, а иногда – с прямыми формами социальной изоляции и агрессии.

Особую форму принимает внутренняя стигма, когда человек, усвоив отношение общества, начинает воспринимать себя как опасного, недостойного, «испорченного» [2]. Это приводит к депрессии, замкнутости, отказу от близких отношений, самоограничению в профессиональной и личной жизни. Постепенно человек теряет ощущение собственной значимости, перестаёт верить в возможность достойного будущего, избегает ситуаций, где возможна огласка диагноза. В таких условиях человек может отказываться от медицинского наблюдения, бояться посещать поликлинику, не начинать терапию или самовольно прерывать её, опасаясь, что о его диагнозе узнают родственники, коллеги или соседи. Таким образом, стигматизация оказывает не только психологическое, но и медицинское воздействие: она косвенно ведёт к ухудшению состояния здоровья.

На уровне социальной жизни ВИЧ-положительные люди часто оказываются в положении, близком к социальной изоляции. Страх перед разоблачением мешает им строить карьеру, обращаться за юридической или социальной помощью, создавать семью, заводить детей. В образовательной среде дети и подростки с ВИЧ сталкиваются с травлей и отстранением. Женщины с этим диагнозом нередко подвергаются двойной стигматизации – как носительницы вируса и как матери, которые якобы «подвергают ребёнка риску», даже если он родился здоровым благодаря терапии. В таких условиях говорить о полноценной реализации прав, социальной активности и сохранении психоэмоционального равновесия становится сложно.

Тем не менее за последние десятилетия появилось множество инициатив, направленных на снижение уровня стигматизации. ВИЧ-диссидентство и молчание постепенно вытесняются общественными дискуссиями, где диагноз перестаёт быть табу. Важную роль играют неправительственные организации, поддерживающие ВИЧ-положительных людей, просветительские проекты и индивидуальные истории, распространяемые в медиа. Особенно важным становится присутствие консультантов «равный-равному» – людей, живущих с ВИЧ, которые помогают другим принять диагноз, не замыкаться, не стыдиться и продолжать жить активно [3]. Всё большую значимость приобретают усилия, направленные на просвещение специалистов в системе здравоохранения, образования, социальных службах, где по-

прежнему сохраняются предрассудки. Обучение врачей, педагогов, сотрудников работе с ВИЧ-положительными без страха и морального осуждения способно изменить не только поведение отдельных специалистов, но и атмосферу в учреждениях в целом [3].

Также возрастает роль психосоциальной поддержки. Индивидуальное и групповое консультирование помогает человеку разобраться с тревогами, принять диагноз, выстроить новый способ жить с ним – не как с приговором, а как с особенностью. Укрепление ресурсности, восстановление самооценки и формирование доверительных связей позволяют существенно улучшить эмоциональное состояние и в целом повысить субъективное ощущение качества жизни. Люди перестают бояться будущего, возвращаются к привычным делам, находят новые точки роста и поддержки.

Таким образом, стигматизация продолжает оставаться значимым препятствием на пути к благополучной жизни с ВИЧ. Она разрушает не только общественные связи, но и внутренние ориентиры человека, ограничивая его возможности быть активным, здоровым, включённым в жизнь. Уменьшение стигмы возможно при условии отказа от осуждающей риторики, распространения адекватной информации о ВИЧ, развития человеческого отношения и создания условий, в которых человек с диагнозом не боится быть собой. Качество жизни при ВИЧ зависит не только от уровня CD4 и приверженности лечению, но и от того, как общество учится видеть в человеке прежде всего человека, а не его диагноз.

Литература

1. Kolarova-Dimitrova M. Sailors' fear of the stigma of HIV/AIDS // *HIV Infection and Immunosuppressive Disorders*. 2022. Vol. 14, No. 4. P. 36–40.
2. Андреева И. С., Щукина А. А. ВИЧ стигмы в обществе // *Научные высказывания*. 2023. № 9 (33). С. 44–48.
3. Беляева В. В., Соколова Е. В., Коннонов Д. С. Актуальные вопросы ВИЧ-инфекции: стигма и дискриминация, феномен иррационального отрицания ВИЧ // *Лекции по ВИЧ-инфекции* / под ред. В. В. Покровского. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2018. С. 652–679.
4. Гофман И. С. Стигма: заметки о способах управления испорченной идентичностью. М. : Канон+, 2010. 208 с.

ПАМЯТИ НАТАЛЬИ ЛЕОНОВНЫ СМАКОТИНОЙ

(23.08.1952–11.08.2024)

Профессиональное социологическое сообщество понесло огромную утрату: ушла из жизни известный ученый – социолог, доктор социологических наук, профессор, специалист-эксперт высочайшей квалификации по молодежным проблемам современности и глобальным процессам Наталья Леоновна Смакотина.

Научная и профессиональная жизнь Натальи Леоновны была связана с осмыслением и исследованием проблем конструирования будущего молодежи и страны в условиях глобальных и региональных воздействий.

Еще недавно в рамках Всероссийского фестиваля «НАУКА 0+» проф. Смакотина проводила круглый стол «Значимость искусственного интеллекта в жизни молодежи» (2023), оставив глубокий след среди молодых участников форума своим острым восприятием переживаемой действительности и социологической корректностью ведения диалога.

На научном конгрессе «Глобалистика-2023: проблемы искусственного интеллекта и смены научно-технологических укладов» она инициировала проведение секции «Современный мир: развитие или трансформация?», акцентируя внимание на сущностной составляющей глобальных процессов и необходимости проведения новых фундаментальных и прикладных исследований. Обсуждение проходило в формате диалога о социальных изменениях и трансформациях в глобальном процессе, с одной стороны, цивилизационного типа, а с другой – вызванного нарастанием глобальных угроз турбулентного типа.

На III Международной научно-практической конференции «Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура в условиях формирования многополярного мира» (2024) она выступала с докладом, где обосновала, как под влиянием нестабильности в мире и хаотизации международных процессов выстраиваются новые экспертные сферы; в аспекте повышения качества высшего образования проводилась мысль, что «через аккредитацию аккредитаторов обеспечивается доверие к национальной системе образования».

Человечество столкнулось с глобальными вызовами социального, природного, технологического, цивилизационного и гуманитарного характера. Каждое принимаемое решение в этой связи уникально по своей природе. Исследование этих процессов возможно при соответствующей социальной и духовной наполненности Ученого. Наталья Леоновна соответствовала этим критериям и смыслам.

Идеи о происхождении трендов и глобальных турбулентных процессов были одними из последних значимых научных идей, с которыми выступала проф. Смакотина и в обсуждение которых активно вовлекала научную общественность. Стиль ее научных выступлений – диалоги, среди них – о смысле жизни, социуме и о том глобальном кризисе, которого ему не избежать. Традиционно большое место в ее научном пространстве занимали диалоги о молодежи, ее духовной культуре, развитии высшей школы, которые сопровождали большинство ее выступлений. Последние почти 30 лет она работала в своей альма-матер – МГУ имени М.В. Ломоносова, где в 1989 г. закончила исторический факультет. В этот период Наталья Леоновна была одной из ключевых фигур начала подготовки специалистов по направлению «Организация работы с молодежью», проводя огромную работу на основанной ею кафедре социологии молодежи социологического факультета МГУ, а затем на кафедре глобальных социальных процессов и работы с молодежью факультета глобальных процессов МГУ, которой она руководила. Обладая высоким личностным, интеллектуальным и духовным потенциалом, она всегда оставалась преданной своей профессии, открытой к новым методологическим подходам и методам социологических исследований. Активно поддерживала коллег, в том числе и иркутских социологов, выступая соорганизатором целого ряда международных научно-практических конференций, посвященных актуальным проблемам развития современного российского общества.

Она оставалась «настоящей» на своем жизненном и профессиональном пути и через исследование «настоящего» участвовала в конструировании будущего российской молодежи.

Т. И. ГРАБЕЛЬНЫХ, В. В. ЗЫРЯНОВ

(Опубл.: Социологические исследования. 2024. № 12. С. 154)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ON THE AUTHORS

Аббакумова Алёна Александровна – свободный исследователь, магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

Андриянова Татьяна Владимировна – доцент кафедры социологии и политологии факультета философии и социологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: andriyanova.tv@gmail.com

Антонова Наталья Леонидовна – профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина», доктор социологических наук, профессор.
E-mail: n.l.antonova@urfu.ru

Ардашев Роман Георгиевич – начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, доктор философских наук, кандидат юридических наук.
E-mail: ardashev.rg@bk.ru

Асатов Бабек Рашид оглы – доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева», кандидат политических наук.
E-mail: asadovspb@mail.ru

Багрий Екатерина Ивановна – старший преподаватель кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук.
E-mail: ekaterina.bagriy@yandex.ru

Баев Павел Анатольевич – доцент кафедры социологии и психологии ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: bayev.pa@mail.ru

Баранов Александр Вадимович – магистрант 1-го курса направления подготовки «Социальная работа» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: aleksandr.baranov.02@mail.ru

Башкатова Татьяна Борисовна – доцент кафедры социальной работы Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук.
E-mail: tabadi@mail.ru

Белошейкина Надежда Юрьевна – главный специалист ОГКУ «Аппарат Общественной палаты Иркутской области», магистрант 2-го курса направления подготовки 39.04.01 Социология кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: sladenkaya.nadya@mail.ru

Бельский Александр Михайлович – руководитель Центра оперативных исследований Института социологии Национальной академии наук Беларуси, кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: ksander_mogilev@mail.ru

Бухарова Екатерина Анатольевна – преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: k.buharowa@yandex.ru

Валеева Марина Владимировна – старший научный сотрудник научной лаборатории «Лаборатория наукометрии», доцент кафедры прикладной социологии Департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», кандидат социологических наук.
E-mail: m.v.shcherbakova@urfu.ru

Ватолина Екатерина Викторовна – доцент кафедры регионоведения Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук.

E-mail: elesnikovskaya@gmail.com

Вахтина Маргарита Анатольевна – профессор кафедры менеджмента и цифрового маркетинга АНО ВО Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка», доктор экономических наук, доцент.

E-mail: mavahtina@yandex.ru

Вишневский Юрий Рудольфович – почётный профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», доктор философских наук, профессор.

E-mail: soc_stu@el.ru

Ворожцов Александр Михайлович – доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: kis1976@inbox.ru

Воронешкая Людмила Григорьевна – заведующий сектором социально-демографической политики центра человеческого развития и демографии ГНУ «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси», магистр управления и экономики.

E-mail: Lu7y@mail.ru

Вырупаева Татьяна Владимировна – доцент кафедры профессионального образования ГАУ ДПО Иркутской области «Институт развития образования Иркутской области», кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: vyurupaeva@bk.ru

Галушко Ирина Геннадьевна – старший преподаватель кафедры технологии и предпринимательства, помощник декана по работе с абитуриентами факультета педагогики, психологии и коммуникативистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

E-mail: iren58@mail.ru

Гамерник Екатерина Вячеславовна – главный специалист ОГКУ «Аппарат Общественной палаты Иркутской области», магистрант 2-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: katty.gam@mail.ru

Ганченко Диана Николаевна – доцент кафедры экономики и управления факультета информатики, математики и экономики Кузбасского гуманитарно-педагогического института ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: diana.ganchenko@mail.ru

Гладких Сергей Сергеевич – аспирант 3-го курса направления подготовки 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии» кафедры философии и общественных наук ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

E-mail: serg.gladkix@mail.ru

Глебова Ирина Станиславовна – заместитель директора по научной деятельности Института социально-философских наук и массовых коммуникаций ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: gle-irina@yandex.ru

Гольцова Евгения Викторовна – декан социального факультета Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», доцент кафедры социальной философии и социологии, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: jeny1963@bk.ru

Грабельных Татьяна Ивановна – заведующая кафедрой социальной философии и социологии, заведующая социологической лабораторией региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, зам. председателя Комиссии по науке и образованию Общественной палаты Иркутской области.

E-mail: tagr@bk.ru

Грабельных Павел Иванович – свободный исследователь, магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

Грицких Надежда Викторовна – заведующая кафедрой культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических, доцент.
E-mail: anris@list.ru

Давыденко Юлия Анатольевна – аспирант 3-го курса направления подготовки 5.4.4. «Социальная структура, социальные институты и процессы» кафедры социальной философии и социологии ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: rabota8831@yandex.ru

Данилов Александр Николаевич – заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, доктор социологических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, профессор.
E-mail: a.danilov@tut.by

Деренко Николай Васильевич – доцент кафедры стратегического и финансового менеджмента Байкальской международной бизнес-школы (института) ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат физико-математических наук, доцент.
E-mail: nv@derenko.ru

Дунаев Владимир Юрьевич – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки МНВО РК, доктор философских наук, профессор.
E-mail: vlad.dunaev2011@yandex.kz

Ефлова Мария Юрьевна – и.о. директора Института социально-философских наук и массовых коммуникаций ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доктор социологических наук, профессор.
E-mail: mmmmm16@yandex.ru

Журавлева Ирина Александровна – директор Института социальных наук, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.
E-mail: irlend@mail.ru

Зайковская Анастасия Александровна – доцент кафедры «Финансовый и стратегический менеджмент» ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения», доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: dmitrieva_aa@mail.ru

Закиров Аяз Маратович – лаборант-исследователь кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».
E-mail: amzakirov@inbox.ru

Затонацкий Алексей Юрьевич – старший преподаватель кафедры общевоенной подготовки Военного учебного центра ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
E-mail: a.iu.zatonatsky@urfu.ru

Зацепин Алексей Леонидович – действительный член Международной общественной организации «Императорское Православное Палестинское Общество», магистр государственного и муниципального управления.
E-mail: zatsepin.al@mail.ru

Зотов Виталий Владимирович – профессор Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)», доктор социологических наук, профессор.
E-mail: om_zotova@mail.ru

Зуляр Раксана Юрьевна – доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат политических наук, доцент.
E-mail: Raksana-m@yandex.ru

Изатулина Полина Сергеевна – заместитель директора МКУ Ангарского городского округа «Центр поддержки общественных инициатив», магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: polina-zinina@mail.ru

Иванов Роман Викторович – доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат исторических наук, доцент.
E-mail: history2002@bk.ru

Каблукова Валерия Евгеньевна – магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: lordbest13@gmail.com

Какаулин Сергей Петрович – начальник управления промышленности Министерства экономического развития и промышленности Иркутской области, доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат экономических наук, доцент.
E-mail: kspmail@mail.ru

Калмычкова Наталья Алексеевна – врач физической медицинской реабилитации ФГБУЗ «Клиническая больница ИИЦ СО РАН».

Киселев Игорь Васильевич – преподаватель-исследователь ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени И. Канта».
E-mail: ya.i-007@yandex.ru

Киселёв Юрий Анатольевич – доцент кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.
E-mail: yurii54irk@gmail.com

Кобизь Татьяна Николаевна – доцент кафедры социальной работы социологического факультета ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», кандидат педагогических наук, доцент.
E-mail: tatlukina@list.ru

Ковалева Анна Владимировна – доцент Высшей школы социальных и политических наук ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: 001250@togudv.ru

Кравцов Роман Владимирович – директор колледжа ИГУ, заведующий кафедрой уголовного права Юридического института ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: college-isu@yandex.ru

Кривошеев Владимир Вениаминович – профессор Высшей школы философии, истории и социальных наук ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени И. Канта», доктор социологических наук, доцент.
E-mail: VKrivosheev@kantiana.ru

Круглик Наталья Владимировна – доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом Института экономики, управления и бизнеса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», кандидат культурологии, доцент.
E-mail: kaf.spirp@mail.ru

Крюченко Алина Дмитриевна – аспирант 1-го курса направления подготовки 5.4.4. «Социальная структура, социальные институты и процессы» кафедры социологии и демографии Института педагогики, психологии и социологии ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет».
E-mail: akd0226@mail.ru

Кузнецова Екатерина Александровна – преподаватель ГАПОУ «Байкальский техникум отраслевых технологий и сервиса».
E-mail: kuznecova.ea2023@bk.ru

Кузнецова Олеся Васильевна – доцент кафедры онтологии и теории познания Департамента философии Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», кандидат философских наук.
E-mail: olesyakzn@yandex.ru

Кузьмина Елена Сергеевна – доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук.
E-mail: kuzelenas@mail.ru

Кульченкова Анастасия Викторовна – старший методист ГАУ ИО «Центр оценки профессионального мастерства, квалификации педагогов и мониторинга качества образования», магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: 26081981@list.ru

Курганская Валентина Дмитриевна – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки МНВО РК, доктор философских наук, профессор.
E-mail: vkurganskaya@mail.ru

Куриленкова Ольга Александровна – начальник управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям, член государственной аттестационной комиссии по направлениям подготовки 39.03.01 и 39.04.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: o.kurilenkova@yandex.ru

Лапина Анна Викторовна – доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук.

E-mail: tolstikova_av@list.ru

Левченко Илья Евгеньевич – профессор кафедры прикладной социологии ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», доктор социологических наук, доцент.

E-mail: i.e.levchenko@urfu.ru

Легостаева Ирина Владимировна – старший преподаватель кафедры маркетинга и муниципального управления Института сервиса и отраслевого управления ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет».

E-mail: legostaevaiv@tyuiu.ru

Леминев Михаил Валерьевич – преподаватель кафедры профессиональной подготовки ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», майор полиции.

E-mail: leminov.mv@mail.ru

Лешенко Ярослав Александрович – ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Восточно-Сибирский институт медико-экологических исследований», доктор медицинских наук, профессор.

E-mail: yaleshenko@gmail.com

Либенсон Игорь Рувимович – доцент кафедры «Финансовый и стратегический менеджмент» ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения», кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: liben59@inbox.ru

Лисаускене Мария Вадимовна – доцент кафедры экономики экономического факультета ЧОУ ВО «Восточно-Сибирский институт экономики и права», кандидат философских наук, доцент.

E-mail: lisaus@mail.ru

Литау Екатерина Владиславовна – аспирант 2-го курса направления подготовки 1.5.6. «Молекулярная биотехнология» кафедры молекулярной биотехнологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)».

E-mail: kkaterina.abc@gmail.com

Лобовикова Елена Александровна – заведующая кафедрой гуманитарных, социально-экономических дисциплин, русского и иностранных языков ФГКОУ ВО «Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: lobovikova@yandex.ru

Лысенко Николай Николаевич – младший научный сотрудник Центра оперативных исследований Института социологии Национальной академии наук Беларуси.

E-mail: gormosk@gmail.com

Любовцева Елена Геннадьевна – доцент кафедры финансов, кредита и экономической безопасности экономического факультета ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: lyubovceva_elena@mail.ru

Максимова Ольга Александровна – доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: olga_max@list.ru

Малых Марина Михайловна – генеральный директор ООО «Региональный дом рекламы», преподаватель кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: Marcher09@mail.ru

Мананникова Юлия Владимировна – директор Центра научно-аналитического сопровождения региональной системы оценки качества образования ГАОУ ДПО «Институт регионального развития Пензенской области», кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: konsalt-m@list.ru

Манвелян Дана Михайловна – младший научный сотрудник Центра оперативных исследований Института социологии Национальной академии наук Беларуси.

E-mail: postpunksociologist@gmail.com

Манзанова Надежда Юрьевна – начальник отдела организации и проведения переписей и обследований Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат).
E-mail: manzanas@yandex.ru

Мартьянов Максим Александрович – аспирант 2-го курса направления подготовки 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии» кафедры философии и общественных наук ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
E-mail: martkem9@mail.ru

Маслова Елена Владимировна – свободный исследователь, магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: m.elena.vl@mail.ru

Маслодудова Наталья Владимировна – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГКОУ ВО «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат философских наук, доцент.
E-mail: nata.maslodudova@yandex.ru

Матвеева Елена Викторовна – профессор кафедры культурологии, философии и искусствоведения ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры», научный сотрудник ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Пелецкого», доктор политических наук, доцент.
E-mail: mev.matveeva2020@yandex.ru

Меньшикова Анна Андреевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Института интегративного здравоохранения ФГБОУ ВО «Сибирский государственный медицинский университет», кандидат философских наук.
E-mail: wqpwqpwqpwqpwqp@mail.ru

Мурашова Ксения Юрьевна – аспирант 4-го курса направления подготовки 5.8.7 «Теория и методология профессионального образования» кафедры педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева».
E-mail: HR-MurashovaKU@yandex.ru

Мухамбеткалиева Гульайм Махамбетовна – старший преподаватель кафедры философии Казахского агротехнического университета имени С. Сейфуллина, кандидат политических наук.
E-mail: gulaim.makhambet@gmail.com

Мухамедова Людмила Леонидовна – главный специалист по кадрам ГАУ «Иркутский областной многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг», магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: mlulada@rambler.ru

Найденев Михаил Сергеевич – соискатель кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет».
E-mail: naydenov-1990@bk.ru

Найденова Людмила Ивановна – профессор кафедры «Менеджмент и государственное управление» Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», доктор социологических наук, профессор.
E-mail: linajdenova@yandex.ru

Павлова Ксения Михайловна – педагог-психолог МАУ ДПО «Центр развития образования» МО г. Братска, магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: scro-pavlova@mail.ru

Палащенко Егор Викторович – аспирант 3-го курса направления подготовки 5.4.4 «Социальная структура, социальные институты и процессы» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: ypalashchenko@mail.ru

Панфилова Анна Олеговна – доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: panfilova.ao@dvvfu.ru

Пастухова Светлана Васильевна – заведующая отделением физиотерапии ФГБУЗ «Клиническая больница ИИЦ СО РАН».

Овчинникова Валерия Леонидовна – аспирант 2-го курса направления подготовки 1.4.7 «Высокомолекулярные соединения» кафедры химии и технологии высокомолекулярных соединений ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)».
E-mail: ovchinnikova.lera2015@yandex.ru

Парфенова Ирина Анатольевна – преподаватель кафедры технологии и предпринимательства факультета педагогики, психологии и коммуникативистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», кандидат технических наук, доцент.
E-mail: parfenova9119@rambler.ru

Паршина Виктория Эльфатовна – врио заместителя начальника отдела сводных статистических работ и общественных связей Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат).
E-mail: 38.parshinave@rosstat.gov.ru

Певная Мария Владимировна – заведующая кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б. Н. Ельцина», доктор социологических наук, доцент.
E-mail: usovet_info@mail.ru

Петровская Оксана Андреевна – старший преподаватель кафедры социологии, правоведения и управления персоналом Института управления, экономики и бизнеса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет».
E-mail: Aksiniya-33@mail.ru

Полюшкевич Оксана Александровна – доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.
E-mail: okwook@mail.ru

Попов Максим Юрьевич – старший преподаватель кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», магистр социологии.
E-mail: PopovMU-13.02@yandex.ru

Порошенко Ольга Юрьевна – заведующая кафедрой социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доктор философских наук, доцент.
E-mail: olgarogo@mail.ru

Похилько Анна Игоревна – ведущий специалист-эксперт отдела статистики уровня жизни и обследований домашних хозяйств Управления Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу.
E-mail: annahill111@yandex.ru

Пятков Матвей Олегович – аспирант 2-го курса направления подготовки 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии» кафедры философии и общественных наук ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
E-mail: m-tv@mail.ru

Разумова Кристина Михайловна – старший преподаватель кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: kitn2010@mail.ru

Рахманова Юлия Викторовна – доцент кафедры социологии Института истории и социальных наук ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена», кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: rakhmanova_julia@mail.ru

Решетникова Екатерина Владимировна – заведующая кафедрой социальной работы Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.
E-mail: eresh80@mail.ru

Рыженкова Анна Владимировна – профконсультант Центра профориентации и карьеры «Твой профориентолог», магистрант 2-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: b_an.2010@mail.ru

Рудакова Наталья Владимировна – заместитель директора ГБУ ДПО Иркутский областной учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», кандидат социологических наук.
E-mail: rudakova_nvl@mail.ru

Румянцев Игорь Викторович – старший преподаватель Военного учебного центра имени дважды Героя Советского Союза генерала армии А. П. Бедобородова при ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», майор.
E-mail: voecentre@isu.ru

Рустамзода Алишер Косим (Мирзорустамов Мирзоалишер Мирзососимович) – начальник кафедры теории управления правоохранительной деятельности факультета № 1 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук.
E-mail: mirzorustamov@mail.ru

Саблина Наталья Александровна – доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук.
E-mail: nsablina@bk.ru

Сакович Анжела Юрьевна – доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: sakovich05@mail.ru

Салтыкова Юлия Анатольевна – доцент кафедры стратегического и финансового менеджмента Байкальской международной бизнес-школы, доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат экономических наук.
E-mail: sokolk@mail.ru

Самойлова Марина Александровна – руководитель Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области (Ростовстат), кандидат экономических наук.
E-mail: 61.SamoilovaMA@rosstat.gov.ru

Сарапулова Лариса Николаевна – доцент кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат экономических наук, доцент.
E-mail: larsara91@mail.ru

Сенюта Вячеслав Олегович – магистрант 2-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: vyacheslavsenyuta@yandex.ru

Сигачева Елена Геннадьевна – руководитель Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутстат).
E-mail: 38.00.sigachevaeg@rosstat.gov.ru

Смирнова Наталья Генриховна – заместитель главного врача по медицинской части, врач травматолог ФГБУЗ «Клиническая больница ИНИЦ СО РАН», доцент Иркутской государственной медицинской академии последипломного образования – филиала ФГБОУ ДПО «Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования», кандидат медицинских наук, доцент.
E-mail: ngsmir14@mail.ru

Тарасова Анна Николаевна – доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: a.n.tarasova@mail.ru

Хомченко Ольга Александровна – ассистент кафедры социологии, правоведения и управления персоналом Института управления, экономики и бизнеса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет».
E-mail: olya101210@rambler.ru

Цветкова Ирина Викторовна – профессор кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», доктор философских наук, доцент.
E-mail: aleksandr.kozlov@mail.ru

Цыплакова Ольга Геннадьевна – доцент кафедры социологии Института истории и социальных наук ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена», кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: tsyp.og@gmail.com

Чернышева Елизавета Вячеславовна – старший преподаватель кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», магистр социологии.
E-mail: el111090@yandex.ru

Чернышкова Зоя Елиферьевна – независимый исследователь, кандидат философских наук, доцент.
E-mail: chernyshkova.zoia@yandex.ru

Чирун Сергей Николаевич – профессор кафедры философии и общественных наук ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», доктор политических наук, доцент.
E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru

Чуркина Екатерина Сергеевна – старший преподаватель кафедры менеджмента и агробизнеса факультета технологического предпринимательства ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого».
E-mail: Ekaterina-bobren@mail.ru

Шафоростов Александр Иванович – профессор кафедры социальной философии и социологии ФГБОУ ВО «Иркутского государственного университета», профессор кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет», доктор философских наук, доцент.
E-mail: ashafor@yandex.ru

Шилова Анна Эдуардовна – доцент кафедры менеджмента и агробизнеса факультета технологического предпринимательства ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого», кандидат экономических наук.
E-mail: shilova.anna2014@yandex.ru

Шинкевич Владимир Ефимович – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГБОУ ВО «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», доктор социологических наук, доцент.
E-mail: vlashink@yandex.ru

Ярцева Юлия Романовна – старший специалист 1-го разряда отдела по обеспечению работы постоянных комитетов и комиссий Управления документационного обеспечения аппарата Законодательного Собрания Иркутской области, магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: yarceva.02@bk.ru

Янков Юрий Петрович – начальник экспертного управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области, член государственной аттестационной комиссии по направлениям подготовки 39.03.01 и 39.04.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат экономических наук.
E-mail: up.yankov@gmail.com

Ятманова Ульяна Сергеевна – магистрант 1-го курса направления подготовки 38.04.08 «Финансы и кредит» кафедры финансов, кредита и экономической безопасности экономического факультета ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова».
E-mail: missis.sedlova@mail.ru

СВЕДЕНИЯ О МОЛОДЫХ АВТОРАХ

Аносова Ксения Александровна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: anosova.ksusha03@mail.ru

Башкатов Богдан Дмитриевич – студент 3-го курса направления подготовки «Геология. Разработка месторождений нефти и газа» геологического факультета ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: bogdan74054@gmail.com

Благодарова Вероника Борисовна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: veronikablagodiarova38@gmail.com

Боева Елизавета Алексеевна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» факультета философии и социологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».
E-mail: boewa.elizaveta2014@yandex.ru

Бровилова Екатерина Дмитриевна – студентка 3-го курса направления подготовки 44.03.04 «Профессиональное обучение (по отраслям)» Института экономики и управления АПК ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева».
E-mail: kbrobilova@mail.ru

Вовиков Иван Евгеньевич – студент 3-го курса направления подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: vanja.vovikov@gmail.com

Вольфсон Елизавета Александровна – курсант 5 курса направления подготовки «Правовое обеспечение национальной безопасности» факультета экономики и права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева».
E-mail: volfliza1@gmail.com

Волчек Екатерина Ивановна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: Happy.katya19@yandex.ru

Габдулхакова Юлия Шамильевна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: julia8zu@gmail.com

Говорин Даниил Андреевич – студент 4-го курса направления подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: govorin.danil@yandex.ru

Голобородько Анастасия Никитична – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: goloborodkonastia.2005@gmail.com

Горбунов Георгий Павлович – графический дизайнер QWER.agency, студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: asapferb141@gmail.com

Давыдова Дарья Андреевна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: davidovvaa12@gmail.com

Долголенко Мария Геннадьевна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: mg_dolgolenko@mail.ru

Жаргалова Дари Дугаровна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: dari.zhargalova@mail.ru

Захаренко Олеся Анатольевна – специалист по связям с общественностью МКУ «ГОРОД» г. Иркутск, студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: zakharenko004@mail.ru

Злыгостев Андрей Олегович – студент 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: zlygostev007@mail.ru

Золотов Николай Алексеевич – студент 2-го курса направления подготовки «Бизнес-Информатика» Института культуры, социальных коммуникаций и информационных технологий, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет».
E-mail: nigaisbro@gmail.com

Зотов Михаил Витальевич – студент Института информационных и вычислительных технологий Национального исследовательского университета «МЭИ».
E-mail: om_zotova@mail.ru

Ивакина Юлия Ивановна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: juliacoopkropmrrr@gmail.com

Исупов Владислав Алексеевич – студент 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института управления, экономики и бизнеса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет».
E-mail: vladisupov2004@gmail.com

Ильин Дмитрий Константинович – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.02 «Социальная работа» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: yuopolo47@gmail.com

Кадникова Софья Алексеевна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: kadnikovasofi@yandex.ru

Керселян Алиса Ашотовна – студентка направления подготовки «Педагогика и методика начального образования» факультета педагогики, психологии и коммуникативистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
E-mail: alya.kerselyan.05@bk.ru

Ковалюк Данила Сергеевич – студент 3-го курса направления подготовки «Высшая школа журналистики и медиапроизводства» Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: danilakovaluk4@gmail.com

Козырев Кирилл Евгеньевич – студент 2-го курса направления подготовки «Юриспруденция» Юридического института ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: kkozyrev144@gmail.com

Котоманов Никита Владимирович – студент направления подготовки «Судебная и прокурорская деятельность» Института юстиций ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет».
E-mail: mr.kotomanov@yandex.ru

Кривенцова Юлия Денисовна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: julia_kriventsova@mail.ru

Кузнецов Егор Сергеевич – студент 2-го курса направления подготовки «Прикладная информатика (разработка программного обеспечения)» факультета бизнес-коммуникаций и информатики ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: EgorKouznetsov06@yandex.ru

Курума Элизабетта Анатольевна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.02 «Социальная работа» Высшей школы социальных и политических наук ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет».
E-mail: 2022101376@togudv.ru

Лазарева Анастасия Андреевна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: lazarevanastya03@mail.ru

Ларченко Елизавета Федоровна – студентка 4-го курса направления подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: l_larchenko@bk.ru

Ленивцева Лилия Алексеевна – студентка 3-го курса направления подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: lenivceva@mail.ru

Лесникова Екатерина Андреевна – студентка 3-го курса направления подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: clesnickowa@yandex.ru

Лошакова Наталья Витальевна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: loshakova04@list.ru

Литвинова Дарья Олеговна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» факультета философии и социологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».
E-mail: darkussha@gmail.com

Малышев Вячеслав Геннадьевич – студент 3-го курса направления подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: avalasus@yandex.ru

Маслова Вероника Александровна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социально-философских наук и массовых коммуникаций ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».
E-mail: ma_onik@mail.ru

Медведева Маргарита Игоревна – менеджер по сопровождению продаж ООО «Региональный Дом Рекламы», студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: m5729256@gmail.com

Наумова Анастасия Александровна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: nastya_deluca@mail.ru

Нерезько Диана Вадимовна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института экономики, управления и бизнеса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет».
E-mail: dianakkkkkkk@mail.ru

Неруш Владимир Витальевич – студент 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: vladimir.nerush@mail.ru

Никоненко Арина Дмитриевна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» факультета философии и социологии, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».
E-mail: arinastasevskaa471@gmail.com

Овечкин Роман Алексеевич – студент 1-го курса направления подготовки «Менеджмент» Байкальской международной бизнес-школы (института) ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: romanovechkin@list.ru

Окшина Даниэлла Алексеевна – студентка 4-го курса направления подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: okshina@mail.ru

Орлова София Юрьевна – студентка 3-го курса направления подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: orlpvaSU@mail.ru

Паринова Дарья Сергеевна – студентка 3-го курса направления подготовки 44.03.04 «Профессиональное обучение (по отраслям)» Института экономики и управления АПК ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева».
E-mail: paridasha01032004@mail.ru

Прицслых Татьяна Александровна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: Karpa4evat@yandex.ru

Пушка Екатерина Анатольевна – студентка 2-го курса направления подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: k.pushka2005@mail.ru

Рахуба Екатерина Александровна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: ekaterinarahuba68@gmail.com

Решетняк Ольга Владимировна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института экономики, управления и бизнеса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет».
E-mail: o.rshtnk@gmail.com

Семейкина Мария Сергеевна – менеджер по сопровождению продаж ООО «Региональный дом Рекламы», студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: mariiasemeikina89@gmail.ru

Скорова Елизавета Сергеевна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» факультета философии и социологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».
E-mail: elisabetaskorova@yandex.ru

Смирнова София Евгеньевна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: sof.malin0228@mail.ru

Седых Зоя Александровна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: z.o.n.i.c.h@yandex.ru

Соколова Анастасия Владимировна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: sav.2302.s@gmail.com

Тарасова Катарина Леонидовна – проводник пассажирских вагонов ОАО «РЖД», студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: katarinat2415@gmail.com

Татаринов Яков Михайлович – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: striymudrec@gmail.com

Тихонов Владимир Николаевич – студент 3-го курса направления подготовки 44.03.04 «Профессиональное обучение (по отраслям)» Института экономики и управления АПК ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева».
E-mail: vlanikti@gmail.com

Трифонов Роман Игоревич – студент 3-го курса направления подготовки «Фундаментальная информатика и информационные технологии» Института математики и информационных технологий, курсант 2 года обучения Военного учебного центра имени дважды Героя Советского Союза генерала армии А. П. Бедоборова при ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: tr1fonov.roman@yandex.ru

Туваева Анна Сергеевна – курсант 1-го курса направления подготовки 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности», факультет подготовки специалистов по расследованию экономических преступлений ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации».
E-mail: atuvaeva@internet.ru

Фадина Татьяна Андреевна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: fla2005irk@gmail.com

Хмыль Алина Николаевна – лаборант кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: alinahmyl@yandex.ru

Хоменко Дарья Владимировна – медицинский регистратор ООО «ДЦЗ», студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: homenkodv26@mail.ru

Хороших Полина Сергеевна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: paulinahoroshih@yandex.ru

Шатохина Алёна Витальевна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: ashatokhina11@gmail.com

Шевцова Елизавета Владимировна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: shevtsova-liza05@mail.ru

Шпакова Виктория Александровна – студентка 3-го курса направления подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: shpakova@mail.ru

Шуваева Елена Валерьевна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: lenashuvaeva21@gmail.com

Юлдашева Нара Викторовна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.02 «Социальная работа» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: nargiza.yuldasheva.05@mail.ru

ЭКСПЕРТНЫЕ ИНСТИТУТЫ В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ БЕЗОПАСНОГО МИРА

ISBN 978-5-9624-2382-1

Переводчик-корректор **Е. В. Ватолина**
Translator-proofreader E. V. Vatolina

*Тексты публикуются в авторской редакции.
Мнение редакционной коллегии может
не совпадать с позицией авторов*

Дизайн обложки: *П. О. Ершов*
Иллюстрация детей выполнена с помощью *ИИ*

Темплан 2025. Поз. 44
Уч.-изд. л. 65,0

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Иркутский государственный университет»
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. +7 (3952) 51-19-00
Издательство ИГУ, 664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
тел. +7 (3952) 52-18-53; e-mail: izdat@lawinstitut.ru

Подписано к использованию 05.06.2025. Тираж 13 экз. Объем 9,74 Мб.

Тип компьютера, процессор, частота:

Оперативная память (RAM):

Необходимо на винчестере:

Операционные системы:

Видеосистема:

Акустическая система:

Дополнительное оборудование:

Дополнительные программные средства:

32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше

256 МБ

320 МБ

ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или ОС Mac OS X

Разрешение экрана 1024×768

Не требуется

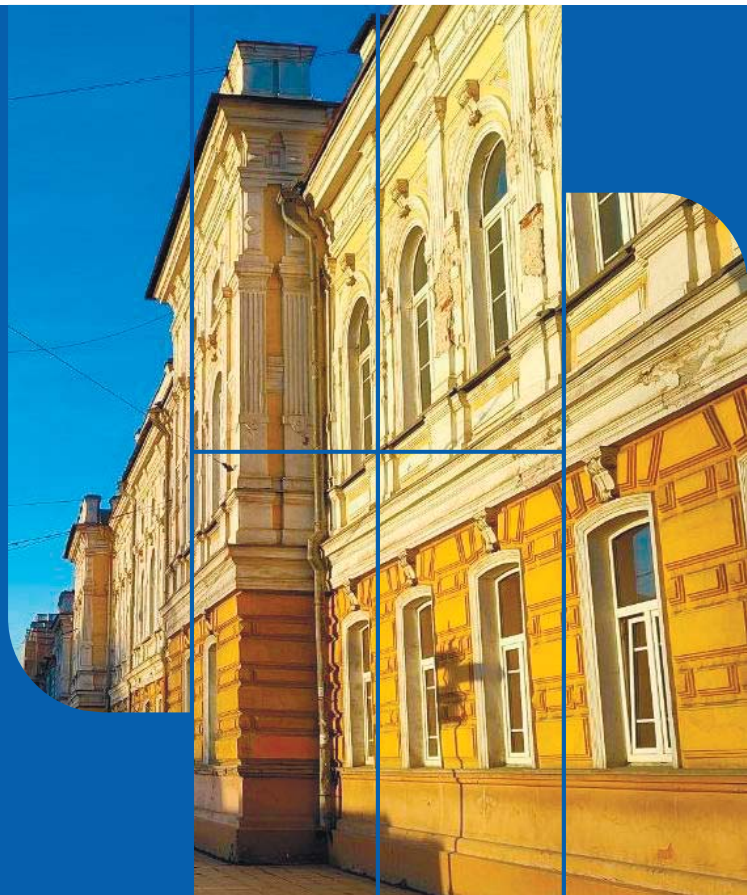
Не требуется

Adobe Reader 6 или выше

Институт социальных наук ИГУ

Кафедра социальной философии
и социологии

Кто такой социолог?

Это специалист по исследованию, анализу и оценке взаимоотношений различных социальных групп, доминирующих общественных настроений и ожиданий.

Говоря простым языком, социолог изучает общество и процессы, которые в нем происходят.

Ты хочешь влиять на будущее страны?

- Ты всегда в курсе последних событий?
- Любишь анализировать информацию и обращать внимание на детали?
- Тебе нравится выявлять взаимосвязи, сопоставлять причины и следствия?
- Ты интересуешься общественным мнением и хотел бы узнать как устроено общество?

Тогда твой выбор – социология!

Где работают социологи?

Аналитические центры и агентства

Социолог
Бизнес-аналитик
Специалист-эксперт
Консультант
Специалист по связям с общественностью

Государственная и муниципальная служба

Различные должности, в том числе управленческие в Администрации города, Администрации Губернатора и Правительства региона

Сфера рекламы и маркетинговых исследований

Бренд-менеджер
PR-менеджер
Маркетолог
Руководитель маркетинговых кампаний

Образование и наука

Преподаватель
Научный сотрудник
Специалист по исследованиям
Управленец в сфере образования

Что делают социологи?

01

Проводят анкетирования, интервью, наблюдения

Очно или онлайн

02

Анализируют информацию и различные данные

От результатов исследований до блогов и фотографий

03

Обработывают и приводят информацию в систему

Используют для этого специализированные компьютерные программы

04

Оценивают процессы, происходящие в обществе

Например, исследуют, что влияет на выбор профессии современными подростками

Что делают социологи?

05

Анализируют эффективность рекламных, политических или социальных кампаний

Например, выявляют, какой товар чаще пользуется спросом у покупателей

06

Консультируют различные организации

На основе проведенных исследований

07

Разрабатывают меры для преодоления кризисных ситуаций или проблем

Например, помогают предпринимателям обнаружить и решить проблемы в бизнес-процессах

08

Делают вклад в науку

Пишут аналитические статьи, научные труды

Какими качествами должен обладать социолог?

Развитая логика,
сильные
аналитические
способности и
критическое
мышление

Способность
замечать
несоответствия и
видеть причинно-
следственные
связи

Внимательность к
деталям,
усидчивость,
способность
концентрироваться

Любознательность,
интерес к
различного рода
исследованиям,
открытость новому
опыту

Также будут полезны: общительность, ответственность, умение четко излагать свои мысли и эрудированность.

Преимущества работы социологом

Возможность самореализации в разных сферах

Социология, политология, маркетинг, менеджмент, СМИ и другие сферы

Востребованность на рынке труда

В навыках и умениях социологов сегодня заинтересованы практически все организации: от коммерческих фирм до органов власти

Постоянное развитие

В своей работе социолог регулярно осваивает новые технологии и методы исследования, углубленно изучает экономику, психологию, статистику и прочие смежные сферы

Влияние на общественные процессы

Через исследования и аналитику социолог помогает решать важные социальные вопросы

Как стать социологом?

Поступай в Институт
социальных наук ИГУ!

Официальный
сайт ИСН

Студенты ИСН

- Занимают активную жизненную позицию, реализуя себя в науке, творчестве, социальных проектах.
- Реализуют минимум 5 исследовательских и инновационных проектов за период обучения.
- Выигрывают гранты, конкурсы и олимпиады.
- Проходят практику в крупнейших компаниях и организациях г. Иркутска и области.
- Получают уникальный опыт взаимодействия с работодателями, гарантирующий последующее трудоустройство.

Успешные выпускники

АННА ЭНДРЮШКО

РАБОТАЕТ В ЦЕНТРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ ФНИСЦ РАН.
ИССЛЕДУЕТ АСПЕКТЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ И АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ.

РБ ПЕРВЫЙ
БАЙКАЛЬСКИЙ

ДАРЬЯ ПИЛИЗИНА

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ СОЦИОЛОГ, РАБОТАЕТ
НАЧАЛЬНИКОМ ОТДЕЛА ПРЕСС-СЛУЖБЫ
И ПРОТОКОЛА АППАРАТА ДУМЫ ГОРОДА
ИРКУТСКА

РБ ПЕРВЫЙ
БАЙКАЛЬСКИЙ

Успешные выпускники

ДИНА МАРКОВА

ОСНОВАТЕЛЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «SMP RESEARCH», КОТОРЫЙ СПЕЦИАЛИЗИРУЕТСЯ НА ОПРОСАХ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ, ИЗУЧАЕТ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ТОЛЕРАНТНОСТЬ И КОРРУПЦИОННУЮ СОСТАВЛЯЮЩУЮ

 ПЕРВЫЙ
БАЙКАЛЬСКИЙ

ЕКАТЕРИНА БАГРИЙ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА СЛУЖБЫ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ И СМИ В «ГАЗПРОМ ДОБЫЧА ИРКУТСК», ПРЕПОДАЕТ В ИГУ, ГОТОВИТ БУДУЩИХ СОЦИОЛОГОВ

 ПЕРВЫЙ
БАЙКАЛЬСКИЙ

Успешные выпускники

Это место для тебя! 😊

Студенческая жизнь в ИСН

Научная деятельность

Участие в конференциях, круглых столах, инновационных сессиях, конкурсах.

Спортивный клуб

Спортивные соревнования, дни здоровья и другие мероприятия.

Творчество

Команда КВН Института, капустники, управленческие поединки, школа актива и другие мероприятия.

Благоустроенное общежитие

Для иногородних студентов. Комфортные условия, удобная транспортная развязка.

Студенческая жизнь в ИСН

Следи за жизнью
профсоюзной
организации
студентов ИСН
ВКонтакте

Бакалавриат по направлению «Социология»

ЕГЭ

1. Русский язык
2. Обществознание
3. На выбор: математика (профиль)/ иностранный язык/ история.

Очная форма обучения - 4 года.

Платная основа (15 мест).

Заочная форма обучения - 4 года, 6 месяцев.

Бюджетная основа (20 мест) и платная основа (5 мест).

Магистратура по направлению «Социология»

Вступительное испытание в формате
тестирования.

Заочная форма обучения –

2 года, 6 месяцев.

Бюджетная основа (20 мест) и
платная основа (5 мест).

Где узнать подробности?

Консультации по поступлению

В течение учебного года:

г. Иркутск, ул. Ленина, д.3, каб. 108.

С 20 июня по 30 августа:

г. Иркутск, ул. Ленина, д.3, ауд. 119.

Телефон: 8(3952)202-382

ИСН – залог
успешного
будущего!

Календарь абитуриента